

НИВА

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ,

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1875

ГОДЪ ШЕСТОЙ

П.МАРКОВ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПЕТЕРБУРГЪ

А.Ф.МАРКСОМЪ

К.ВЕЙЕРМАНЪ.

На большой Морской
углу Невскаго просп.
А. Росмана № 9.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 27

1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются въ конторѣ редакціи ежедневно отъ 10 утра до 8 часовъ вечера (кромя Воскресенья). Плата за строку пятнадцать и. с.

ПРИЛОЖЕНІЯ къ номерамъ „Нивы“ отъ торговыхъ домовъ принимаются въ количествѣ:
для Иногородныхъ 12.000
и для Городскихъ 4.000
Плата за каждую тысячу 5 руб.

ЗА ПЕРЕМѢНУ АДРЕСА редакція проситъ гг. подписчиковъ высылать:
1) за перемѣну С.-Петербур. на Иногородн. — 60 к.
2) „ „ Иногор. на С.-Петербург. — 50 „
3) „ „ Иногородн. на Иногородн. — 30 „

Отдѣльные номера высылаются не иначе какъ по полученіи 20 к. за каждый.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА“ на 1875 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.		На 6 мѣ.		На 4 мѣс.		На 3 мѣс.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Безъ доставки въ Петерб.	4	—	2	—	1	50	1	—
Съ доставкою въ Петерб.	5	—	3	—	2	—	1	50
Безъ доставки въ Москвѣ, черезъ И. Г. Соловьева, А. Ланга, А. Ф. Живарова и Васильева	4	50	—	—	—	—	—	—
Съ пересылкою во всѣ города и мѣст. Русской Имперіи	5	50	3	—	2	—	1	50

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „Нивы“ въ С.-Петербурѣ, Большая Морская, домъ № 9-й.

Новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1875 г. номера.

СТАТЬИ, замѣтки, рисунки и стихи для „Нивы“ должны быть доставляемы съ подписью и адресомъ автора, а также и съ обозначеніемъ условія гонорара. Бесплатными считаются тѣ статьи, на которыхъ условія не обозначены.

Статьи по почтѣ не возвращаются. Большія статьи сохраняются три мѣсяца до востребованія; мелкія же, признанныя неудобными къ печати, уничтожаются.

КОРЕСПОНДЕНЦІЮ, требованія, жалобы, перемѣны адресовъ и проч. и проч. просимъ адресовать прямо въ контору редакціи „Нивы“ (А. Ф. Марксу), Большая Морская, домъ № 9, въ С.-Петербурѣ.

КЛИШЕ и гравюры ищутся въ редакціи въ большомъ выборѣ. Желающіе приобрести таковыя могутъ за условіями обращаться въ контору редакціи.

АМУ-ДАРЬИНСКАЯ УЧЕНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

По своему географическому положенію—Аму-Дарьинская дельта занимала чрезвычайно важную роль въ исторіи Средней Азіи.

Овруженная со всѣхъ сторонъ громадными пустынями, мертвыми песчаными степями, лишенными вовсе воды, эта зеленая, цвѣтущая дельта, богатая растительностью, обильно орошенная водою, составляла единственную, естественную станцію, — мѣсто отдыха и остановки, для многочисленныхъ народныхъ массъ, проходящихъ пустынями...

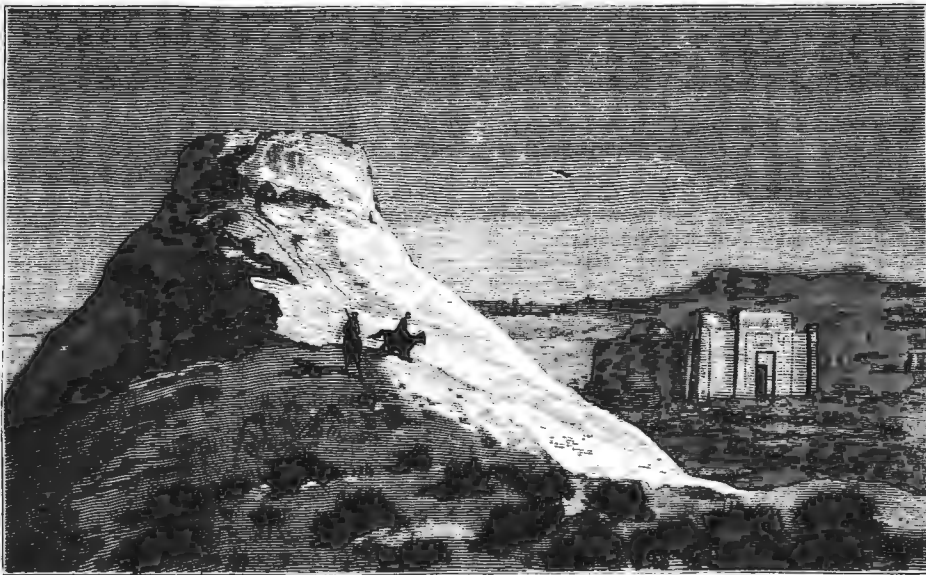
Въ своемъ историческомъ стремленіи на западъ, а потомъ обратно на востокъ, эти массы — не зная (правильнѣе, не сознавая) своихъ конечныхъ цѣлей, приходя на Аму-Дарью, останавливались. Ихъ соблазнила эта свѣжесть и видимаго богатства страны, — они рассчитывали здѣсь именно покончить свое странствованіе, утвердиться прочно, осѣдою ногою.. Они и останавливались, строились, воздвигали города, крѣпости... но приходили новыя массы, болѣе сильныя, вытѣсняли осѣвшихъ, занимали ихъ мѣста—сно-

ва строились уже по своему—и снова бросали все это, когда съ востока надвигались на нихъ опять новыя, еще болѣе сильныя массы.

Эти массы не были однородны, они говорили разными языками, имѣли разные обычаи, разное исповѣданіе, разное строились, разное хоронили своихъ умершихъ... и оставляя насиченное мѣсто, оставляли и разнообразныя слѣды своего пребыванія, — такіе слѣды, которые долго не могли изгладиться и сохранились даже до сихъ поръ, и ждутъ только историка этнографа для ихъ разработкы.

Въ пѣсняхъ, въ легендахъ, въ самомъ языкѣ обитателей дельты, въ разнообразныхъ типахъ ихъ лицъ—замѣтна эта пестрота, эта смѣсь разныхъ народностей, проходившихъ здѣсь и временно занимавшихъ дельту...

Разбойничій характеръ жизни оазиса послѣднихъ временъ—еще болѣе усилилъ эту пестроту. Тысячи плѣнныхъ рабовъ, привезенныхъ сюда изъ Персіи, изъ Россіи, — съ сѣвера и юга, тоже не могли не повліять на смѣшеніе расъ,—и на какомъ

Аму-Дарьинская ученая экспедиція В. Гора Чадымъ и медресе.
Рис. членъ экспедиціи Н. Каразинъ, грав. Серимовскій.

нибудь базаръ туземнаго городка васъ удивляетъ встрѣча съ суб-ектомъ—каракалпакомъ по костюму, языку и мѣсту рожденія, но такимъ, что если бы вы одѣли его въ русскую рубаху, то не отличили бы его отъ любого нашего туляка или калужанина.

Современный каракалпакъ живетъ полукочевую, полусѣдлою жизнью... У него легкая кибитка лѣтомъ и маленькая сакля зимою... Но въ ихъ селеніяхъ и близости вы часто встрѣчаете полуразрушенныя постройки и сооруженія, кажущіяся слонкомъ между баранами—относительно современныхъ построекъ. То вы встрѣчаете развалины громаднѣйшихъ стѣнъ, оглабающихъ значительное пространство, давно уже засыпанное пескомъ, одичалое, заросшее... То высоко въ небо поднимаются конические башни, полуразрушенныя временемъ и непогодами—подрутыя снизу такъ, что удивляться надо, какъ онѣ еще не рухнули...

Это все слѣды прежнихъ народностей—давно забытыхъ, неизвѣстныхъ, несохранившихся даже въ народныхъ сказаніяхъ и легендахъ.

Подобныя памятники сѣдой древности изображены на нашихъ рисункахъ: одинъ—развалины сторожеваго укрѣпленія на вершинѣ горы Чалныкъ, близъ берега Аму, между Назаръ-ханомъ и Ходжейли, а другой—минаретъ Шабасъ-Вали, на развалинахъ близъ города того же имени.

Постройка эта возведена изъ плитнаго степнаго кирпича, искусно и прочно сложена и свидѣтельствуетъ о хорошемъ состояніи зодчества и культуры древнихъ народовъ, оставившихъ намъ такіе долговѣчные памятники.

Н. Карзинъ.

СОБОРЪ Св. ПЕТРА ВЪ РИМѢ.

Кто не знаетъ собора Св. Петра въ Римѣ, этого величайшаго изъ всехъ христіанскихъ храмовъ? Кто не видѣлъ площади Св. Петра на картинахъ, если только не видѣлъ ее въ дѣйствительности? Извѣстно что церковь Св. Петра возвышается возлѣ самаго Ватикана, громадной «тюрьмы» пылнѣшаго папы, дѣлѣ этотъ высокій «плѣнникъ» имѣетъ въ своемъ распоряженіи не менѣе какъ 11,000 залъ, комнатъ и прочихъ помѣщеній, не считая большихъ и маленькихъ дворовъ и садовъ, которыя находятся внутри и внѣ ватиканскихъ владѣній и принадлежатъ ему. Какъ дворецъ, такъ и церковь во имя Св. Петра Ватиканскаго—получили это названіе отъ горы—mons Vaticanus древнихъ римлянъ, поднимающейся позади собора и папскихъ садовъ и носящей теперь названіе Монте Ватикано. Древняя церковь Св. Петра была построена первоначально въ перновомъ цркѣ на мѣстѣ мученичества святаго апостола Петра. Въ этой древней церкви императоръ Карлъ Великій короновался на императорскій престолъ. Пала Николай V первый возимѣлъ мысль: на мѣстѣ почтеннаго древняго зданія, воздвигнуть новый, великолѣпный храмъ; но осуществилъ эту мысль только папа Юлій II. Первый камень пылнѣшаго колоссальнаго собора былъ положенъ 18-го апрѣля 1506 года, а 18-го ноября 1626 послѣдовало торжественное освященіе новой церкви, сооруженіе которой обошлось въ 47 миліоновъ скуди. Храмъ этотъ образуетъ греческій крестъ, раздѣленъ на три отдѣла съ боковыми капеллами, поперечный отдѣлъ и хоры, и увѣнчанъ колоссальнымъ куполомъ. Средній отдѣлъ храма имѣетъ 622 фута, поперечный отдѣлъ 461 футъ длины. Куполъ имѣетъ 413 футовъ вышины, между тѣмъ какъ высота средняго отдѣла равняется 150 футамъ. Но, какъ говорить, все зданіе съ намѣреніемъ построено такимъ удивительнымъ образомъ, что размеры его вовсе не кажутся такими колоссальными, каковы они въ дѣйствительности. Чтобы получить сколько нибудь правильное впечатлѣніе поражающей величины зданія, нужно смотрѣть на него изъ-подъ купола, отъ такъ-называемой Исовѣдальни, гдѣ находится гробница Св. Петра и вокругъ перилъ постоянно горитъ 89 лампадъ.

Въ этой исовѣдальнѣ, въ Страстную пятницу, по окончаніи знаменитой Тенебрае въ Сикстинской Капеллѣ, папа, въ сопровожденіи своей свиты, преклоняетъ колѣна и молится, въ то время когда показываются народу четыре драгоцѣннѣйшія святины храма: копье Св. Лонгина, часть святаго Креста, саванъ Св. Вероники и голова Св. Андрея, которыя никто не можетъ выдать вблизи кромѣ канониковъ Св. Петра. Святины эти хранятся обыкновенно въ четырехъ громадныхъ пиластрахъ, поддерживающихъ куполъ; стоящая въ нишахъ огромная статуя Св. Лонгина, Св. Елены, Св. Вероники и Св. Андрея указываютъ мѣста гдѣ хранятся святины. Скажемъ кстати, что все вообще скульптурныя и живописныя произведенія отличаются больше колоссальнымъ масштабомъ соответствующимъ размерамъ церкви, но не многія изъ нихъ имѣютъ дѣйствительный художественный интересъ. Въ церкви и въ капеллахъ разсѣяно двадцать семь алтарей и сорокъ пять монументовъ. На главномъ престолѣ, передъ которымъ совершается торжественная служба однимъ только папою, лежитъ мраморная доска около 15 футовъ длины, и на ней стоитъ дарохранительница изъ позолоченной бронзы, имѣющая не менѣе 186,000 фунтовъ вѣсу. Монументы большою частью состоятъ изъ надгробныхъ памятниковъ разныхъ папъ и коронованныхъ особъ, какъ напримѣръ послѣднихъ Стюартовъ, шведской королевы Христинны и другихъ; исполнены они преимущественно изъ мрамора или бронзы.

Какъ между многочисленными архитекторами церкви, начиная съ Браманте, перваго, и кончая Веринни, послѣднимъ ея архитекторомъ, было много знаменитыхъ именъ,—такъ и многіе памятники принадлежатъ превосходнѣйшимъ мастерамъ; среди послѣднихъ довольно назвать Микель-Анджело, Канову, Торвальдсена. Въ такъ-называемыхъ ватиканскихъ катакомбахъ, прорытыхъ подъ церковью, и отворяемыхъ въ день Св. Петра для мужчинъ и въ день Св. Духа для женщинъ, есть также много интересныхъ статуй, саркофаговъ и надписей изъ старой церкви Св. Петра.

Фасадъ церкви построенъ Мадерно. Восемь колоннъ, четыре пиластра и шесть полу-пиластровъ заключаютъ обширный притворъ, 68-ми футовъ вышины; надъ нимъ находится галлерея съ лоджіей, откуда въ Великій четвергъ и въ Пасху папа благословляетъ народъ. Отсюда-же провозглашается имя новозбраннаго папы, и здѣсь же происходитъ его коронованіе. Балюстрада надъ аттикой украшена огромными статуями Спасителя, Божіей Матери и апостоловъ кромѣ Петра. Статуя Петра и Павла стоятъ у подножія широкой лѣстницы, ведущей въ притворъ. Изъ пяти входныхъ дверей самая меньшая вправо—всегда запечатана и заложена кирпичами и отворяется разъ въ сто лѣтъ. Она называется Юбилейной. При совершеніи этого торжества, какъ это было до сихъ поръ, утромъ 24-го декабря, папа идетъ, въ сопровожденіи пышной свиты, въ церковь, и подойдя къ двери стучитъ въ нее серебрянымъ молоткомъ; она тотчасъ распадается, такъ какъ уже все заранѣе устроено для этого и папа, черезъ обломки, входитъ въ церковь. Въ теченіи этого юбилейнаго года дается отпущеніе всехъ грѣховъ.

Среднія двери бронзовыя, работы Антоніо Филарете, которыми они были заказаны въ 1440 году папою Евгеніемъ IV-мъ. Вълво отъ входа находится крестильная капелла; вмѣсто купели употребляется порфиновый саркофагъ, служившій нѣкогда гробницей Императору Оттону II-му, а вправо, возлѣ первой капеллы съ «Pietà» Микель Анджело, маленькая капелла della Colonna Santa съ колонной изъ Иерусалимскаго Храма; по преданію, Исусъ Христосъ стоялъ передъ этой колонной когда спорилъ съ книжниками о свитченномъ писаніи.

Лежащая передъ церковью, площадь Петра имѣетъ форму эллипса соединеннаго съ квадратомъ; она ограничивается съ обѣихъ сторонъ крытыми тройными колоннадами, оставляющими выходъ только на Piazza Rusticucci. Посреди площади возвышается, окруженный четырьмя огромными канделабрами обелискъ, стоявшій нѣкогда въ храмѣ солнца въ Гелиополсѣ и имѣющій 135 футовъ вышины. Въ 39 г. по Р. X. Каллигуда велѣлъ перевезти его въ Римъ и поставить въ Ватиканскомъ цркѣ, гдѣ онъ и оставался, пока папа Сикстъ V не назначилъ ему теперешняго его мѣста. Работы по перенесенію обелиска производились подъ руководствомъ архитектора Фонтана. Послѣ предварительныхъ церемоній посвященія обелиска святому кресту, который и былъ утвержденъ на его вершинѣ, 27-го сентября 1586 г., онъ былъ поставленъ на площади Св. Петра.

Во время поднятія обелиска, для чего было употреблено 40 воротовъ, 800 рабочихъ и 150 лошадей,—народу, подѣ страхомъ смертной казни, запрещено было произносить какое либо восклицаніе чтобы не мѣшать передачѣ необходимыхъ распоряженій. Началъ поднимать обелискъ, но слышны сухія веревки скоро вытянулись—и вдругъ, среди тишины изъ толпы раздается крикъ: «Воды на канаты!» Это предостереженіе простаго матроса спасло все дѣло, такъ какъ вода, усиливъ упругость канопли, дѣйствительно дозволила системѣ веревекъ выдержать тяжесть до конца. Папа пожелалъ узнать, кто закричалъ: это былъ нѣкто Бреска изъ Санъ-Ремо, въ генуэзскомъ округѣ. Сикстъ не только на наказалъ его, но предложилъ еще награду. Бреска получилъ для себя и для своихъ потомковъ привилегію ежегодно снабжать въ Вербное воскресенье пальмами все церкви въ Римѣ.

Церемонія освященія и раздачи пальмъ совершается самимъ папою въ церкви Св. Петра. Тотъ кому предназначается пальма—подходить къ папскому трону, преклоняетъ дважды колѣна, цѣлуетъ перстень папы, получаетъ изъ его рукъ пальму, цѣлуетъ ее и отходитъ. Пальму получаютъ кардиналы, епископы, высшіе духовные и свѣтскіе сановники, члены дипломатическаго корпуса, и нѣкоторые избранные, которымъ почастуливается достать отъ папскаго мажордано билетъ на эту церемонію.

Фонтаны по обѣимъ сторонамъ обелиска происходятъ со времени папы Павла V-го и Иннокентія XI-го; они получаютъ воду изъ Траянова аквадука.

Площадь Св. Петра, въ Великій четвергъ и Пасху, представляла единственное зрѣлище въ мірѣ. Вся площадь бывала залита сплошной массой народа, ожидающаго благословенія свя-

того отца. На нижних окраинах ее стояло от 1500 до 2000 роскошнейших экипажей, принадлежавших кардиналам, посланникам знатым иностранцам и римским аристократам. По средине площади были расположены в каре папския войска, а кругом масса зрителей образовывала плотную, непроходимую, живую стѣну. Вдругъ звонъ всѣхъ колоколовъ, съ крѣпости Святаго Ангела, смѣшанный съ боемъ барабановъ и звуками трубъ, возвѣщалъ приближеніе паны. Съ тиарой на головѣ, несомый на седѣи, окруженный блестящей папской свитой, показывался онъ въ лоджѣ, и послѣ обычныхъ молитвъ, вставалъ—и простирая надъ толпой руки произносилъ свое благословеніе. Всѣ съ обнаженными головами преклоняли колѣна; въ громадной массѣ народа, буквально покрывавшей площадь, царил мертвая тишина.

Не меньшее стеченіе народа, бываетъ на площади въ вечеръ Пасхи, во время большой иллюминаціи церкви Св. Петра. Величественный куполь, возведенный при Сикстѣ V по плану Микель-Анджело, оканчивается фонаремъ, на которомъ покоится громадный шаръ съ возвышающимся на 14 фуговъ золотымъ крестомъ; весь куполь ярко освѣщается, также какъ и фасадъ собора. Больше 4400 плошекъ и отъ 683 до 791 факела заливаетъ все зданіе моремъ огня. Число зажигаемыхъ свѣчей слишкомъ до 250 человѣкъ; иллюминація зажигается мгновенно послѣ удара въ колоколъ, возвѣщающаго второй часъ послѣ солнечнаго заката.

Такое же несравнимое ни съ чѣмъ впечатлѣніе производитъ

освѣщеніе плащаницы въ страстную пятницу, тогда какъ вся остальная церковь остается во мракѣ. Вообще церемоніи Страстной недѣли, своей необыкновенной торжественностью и пышностью, привлекали на эти дни въ Римъ отъ 60 до 70,000 иностранцевъ. Особенно много наѣзжаетъ англичанъ и американцевъ, чтобы присутствовать при богослуженіи въ среду, четвергъ и пятницу Страстной недѣли и слышать въ Сикстинской капеллѣ знаменитое Аллегриэво «Miserere», исполняемое во время Теневгае папскими пѣвчими, видѣть великолѣпную процессію, когда въ Великій четвергъ, папа переноситъ Святые Дары съ алтара Сикстинской Капеллы въ Капеллу Св. Павла, или церемонію умовенія ногъ, при чемъ двѣнадцать священниковъ изображаютъ апостоловъ, и наконецъ присутствовать въ Великую субботу въ Сикстинской Капеллѣ при исполненіи безсмертнаго творенія Палестрины «Мессы паны Марцелла.»

Въ ту минуту какъ раздаются звуки «Gloria in excelsis,» начинается звонъ во всѣ колокола, пальба изъ пушекъ крѣпости Св. Ангела, и весь городъ принимаетъ праздничный видъ. Улицы наполняются народомъ всѣ привѣтствуютъ другъ друга восклицаніемъ: «Buona Pasqua!», всѣмъ раздаются крики и ружейная стрѣльба въ честь праздника.

Въ Свѣтлое Христово воскресенье папа обыкновенно самъ совершалъ торжественную службу въ храмѣ Св. Петра. По окончаніи службы, народу показывались реликви и папа благословлялъ народъ и давалъ полное отпущеніе грѣховъ.

ОРЕЛЬ - ДѢВКА.

(Изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ).

повѣсть Вильгельмина фонъ-Гиллернъ-Бирхъ.

(Продолженіе).

Старикъ, выдавшій виды на своемъ вѣку, осторожно раздѣлъ Валли и принялся оттирать ее снѣгомъ. Когда кожа стала оживать и кровь задвигалась въ тѣлѣ, онъ тщательно вытеръ оживающую дѣвушку, хорошенько укуталъ ее и влилъ ей въ ротъ немного крѣпкой настойки изъ травъ.

Но вотъ она наконецъ очнулась, потянулась и, открывъ глаза, оглянула комнату. Взглядъ ея былъ мутенъ, ничего не выражалъ; пробормотавъ какія-то слова, Валли снова впала въ забытѣе.

— Больна она, сказалъ Никодимъ брату, когда тотъ вернулся съ здоровенной крестьянкой, уже успѣвшей въ снѣгахъ стряхнуть съ себя снѣгъ.

— Ну, Марианна, обратился онъ къ женщинѣ (Марианна была его замужней сестрой),—ты должна ужъ подсобить тутъ. Намъ неловко возиться съ дѣвкой. Вонъ—Леандръ только и глазѣть на нее, словно она его приорожила!

И Никодимъ хмуро взглянулъ на брата, который успѣлъ уже пробраться къ изголовью постели и плотно глядѣлъ на Валли.

Услышавъ слова эти, Леандръ смутился слегка и сталъ смотрѣть въ сторону.

Марианна приблизилась къ постели и сейчасъ-же, разумѣется, полюбопытствовала узнать: откуда и кто эта дѣвушка?

— А Богъ ее вѣдаетъ, кто она! Видно изъ бродягъ, сказалъ Никодимъ.

— Какъ-бы не такъ! сердито отозвался Леандръ:—напротивъ, сейчасъ видно что не изъ такихъ!...

— Вотъ, вотъ—н-дѣ! Красива она, по вкусу тебѣ прилась—ну, значить, и „не изъ такихъ!“ Эхъ, братецъ, да развѣ мало смазливыхъ-то съ черной душонкой? Чтѣ лицо?.. Суть-то не въ красотѣ. Станетъ-ли хорошая дѣвушка зимою одна шляться до тѣхъ поръ, пока не кувырнется гдѣнибудь?... Нѣтъ, тутъ что-то неладно... Богъ вѣсть, кого мы это еще въ домъ-то пустили!.. А прочемъ, дѣло сдѣлано—и шабашъ, прибавилъ добродушный Никодимъ:—и то сказать: этакая стужа—не бросать же человѣка, пусть-де лежитъ въ снѣгу! Она вотъ больна теперь—ну и конечно намъ все равно, кто она такая.

— Ваша воля, сказала Марианна,—что-жь, ходить,

смотрѣть за ней стану, а ужъ въ свой домъ—заранѣе говорю—не пущу ее.

— И не нужно! Она и у насъ можетъ остаться, не безъ раздраженія отвѣтилъ Леандръ.

Тутъ Валли начала что-то говорить несвязно. Онъ заботливо нагнулся къ ней и спросилъ самымъ нѣжнымъ голосомъ:

— А? Чтѣ? Чего тебѣ хочется?

Никодимъ и Марианна взглянули другъ на друга.

— Знаешь чтѣ я тебѣ скажу, заговорилъ старшій братъ, обращаясь къ Леандру:—ужъ будь такъ добръ теперь—отдерни-ка лапу свою отъ этой залетной дичи, оставь ее, пока мы не узнаемъ, кто она такая. Ну, вотъ тебѣ Богъ, а вотъ—порогъ: уходи и не являйся сюда, если не хочешь, чтобы я выбросилъ вонъ дѣвчонку—даже больную. Раскусилъ—а?

— Развѣ ужъ и посмотрѣть-то нельзя? огрызнулся Леандръ.—Ну, не совсѣмъ и раскусилъ...

— Ладно, уходи, уходи лучше... Я хозяинъ тутъ, я и опекунъ твой!

Никодимъ взялъ брата за руку, вывелъ его за дверь въ другую комнату и вернулся.

Валли не приходила въ себя. Она вся была въ жару; шея ея опухла, все тѣло болѣло, не позволяло шевельнуться—ясно, что она крѣпко простудилась и кромѣ того дошла до изнеможенія. Никодимъ и Марианна заботливо ухаживали за больною.

Леандръ былъ въ тревогѣ; ему какъ-то ничего не хотѣлось дѣлать, и онъ бродилъ въ сосѣдней комнатѣ изъ угла въ уголъ, подскакивая къ двери каждый разъ, какъ только братъ или сестра выходили оттуда на минутку, и спрашивая: „ну, чтѣ? какъ она?“...

Молодой человѣкъ былъ рѣшительно не въ своей тарелкѣ: очень ужъ ему желательно было самому быть сидѣлкой у такой хорошенькой больной!... Когда уже по-вечерѣло и снѣгъ пересталъ падать, Леандръ взялъ ружье и вышелъ изъ дома, однако почти сейчасъ возвратился и кликнулъ брата.

— Слушай-ка, произнесъ онъ взволнованнымъ голосомъ:—у насъ на крышкѣ орель сидитъ!.. и важный, я тебѣ скажу, орель, да какъ глядитъ преспокойно, не боязливо, словно тамъ его настоящее мѣсто!

— Вотъ такъ штука! замѣтилъ Никодимъ.

— Пойдемъ-ка, самъ увидишь! (Леандръ вытащилъ брата на дворъ). Вонъ—смотри-ка: усѣлся и не двигается. И что за орлина—прелесть! Жаль, чортъ возьми, пальнуть-то нельзя!...

— А почему-жь это нельзя?

— Ну, вотъ, развѣ можно стрѣлять!... шумъ этакой дѣлать, когда больная тутъ-же въ домѣ?

И онъ даже ногой топнулъ.

— Ну, протури его, да слѣдомъ за нимъ и ступай, а потомъ пристрѣли гдѣ нибудь подалеже.

— Жшт-жшт—ты-ы! сталъ Леандръ пугать птицу и швырнулъ въ нее комъ снѣга.

Орелъ встрепенулся, приподнялъ сердито перья, крикнулъ и взмахнулъ крыльями. Покружившись надъ до-

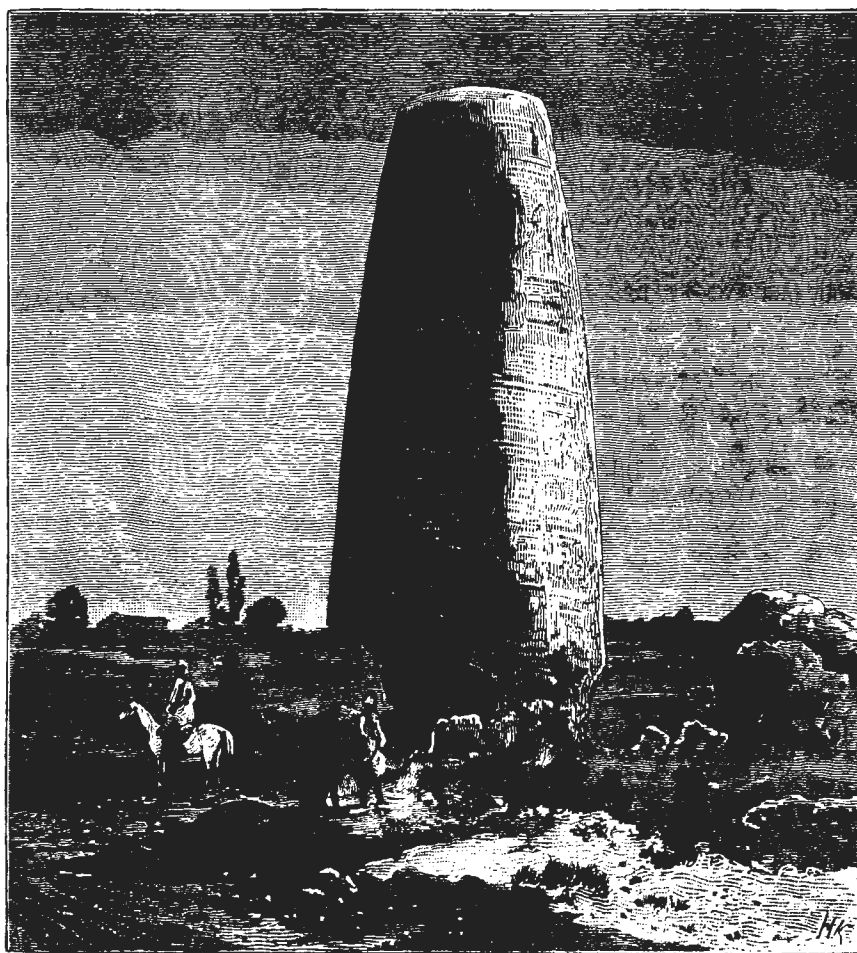
— Пстой-ка, я его теперь просто руками поймаю!...

Леандръ приставилъ лѣстницу къ крышѣ и осторожно взлѣзъ на нее. Птица сидѣла смиренно и подпустила охотника близко къ себѣ. Вытащивъ изъ кармана платокъ, онъ хотѣлъ было набросить его на голову орла, но орелъ не позволилъ этого: тыкая клювомъ и ударяя крыльями, онъ принудилъ Леандра живо отретироваться.

Никодимъ фыркнулъ, глядя на эту сцену.

— Хе-хе, съ носомъ, братъ, остался! Вотъ онъ и доказалъ тебѣ, что такую птицу руками изловить нельзя!.. Я нарочно промолчалъ... Ну, думаю, полѣзай, попробуй!

— Въ толкъ не возьму, что это за звѣрь такой! бормоталъ Леандръ, сердито потряхивая головой.—Ну-да

Аму-Дарьинская ученая экспедиція В. Шахъ-абаръ-Вали. Древнія развалины крѣпости. Рис. членъ экспедиціи Н. Карзинъ, грав. Вольскій.

микомъ минуты двѣ-три, онъ плавно спустился на крышу и снова спокойно усѣлся на ней.

— Штука на удивленье! Не хочетъ улетать—и шабашъ! Да никакъ онъ ручной?

Еще разъ пугнулъ—та-же исторія.

— Да это—оборотень! мелькнуло въ головѣ Леандра, и онъ перекрестился, однако тутъ и крестъ не помогъ: значить, не бѣсовская сила пошаливаетъ.

— Мнѣ кажется—орелъ-то раненъ и летѣть не можетъ, сказалъ Никодимъ:—бѣды отъ него никакой не будетъ, нечего и возиться съ нимъ; оставь его, онъ и самъ съ крыши свалится... Ужь подожди, коли не хочешь стрѣлять, чтобы не испугать больной.

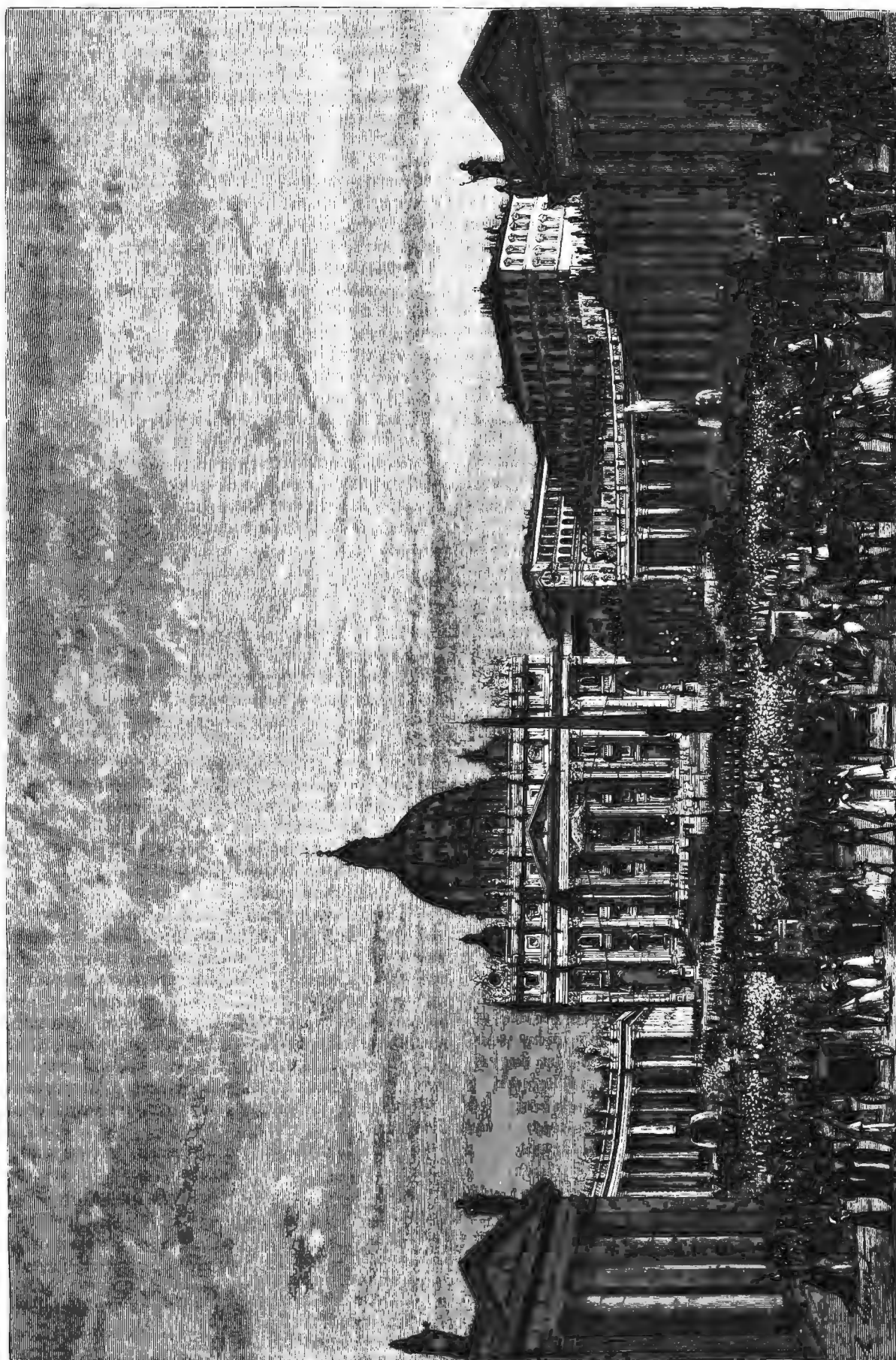
ладно, погрозилъ онъ орлу,—погоди ужю, не уйдешь ты отъ меня!..

— Вотъ и погоняйся за нимъ завтра, коли онъ сегодня ночью не околѣетъ. Если силы у него хватить, онъ непременно улетитъ, только не далеко—гдѣ нибудь тутъ по близости и сядетъ.

Почти совсѣмъ уже стало темно. Вышла Маріанна и объявила, что ей надо теперь домой отправиться, чтобы приготовить ужинъ мужу.

Братья вошли въ домъ. Старшій сходилъ въ кладовую за хлѣбомъ и сыромъ. Время было и имъ поужинать.

Леандръ, воспользовавшись отсутствіемъ брата, под-

Соборъ Св. Петра въ Римѣ въ день Пасхи.

крался къ дверямъ спальни его, осторожно отворилъ ихъ настолько, чтобы можно было заглянуть туда, и сталъ глядѣть на Валли.

Дѣвушка спокойно теперь спала въ теплой постели Никодима; а давненько ей не приходилось лежать такъ удобно и мягко!... Замѣтно было, какъ такой отдыхъ благотѣльно вліялъ на нее, какъ онъ былъ ей нуженъ: она увязла въ подушкахъ въ какой-то блаженной истомѣ...

— Храни тебя Боже, бѣдняжка! О, Господи помилуй! зашепталъ Леандръ и вдругъ живо притворилъ дверь, слышавъ шаги Никодима. Когда старшій братъ вошелъ, неся ужинъ, Леандръ сидѣлъ уже у стола въ самой непринужденной, невинной позѣ.

— На сегодняшнюю-то ночь мы удобно устроимся, благо Бенедикта нѣтъ, заговорилъ Никодимъ:—я здѣсь лягу, на его кровати; ну, а завтра, ежели онъ вернется, какъ все-то мы разбѣстимся?—двѣ постели—только...

— Очень мнѣ нужна постель! Ну, ее! отрѣзаль Леандръ.—Ради больной, я готовъ гдѣ угодно спать: хоть тутъ на скамейкѣ, хоть на снѣгѣ гдѣ нибудь... Все едино! Ужъ коли придется потѣсниться, такъ зачѣмъ тебѣ и Бенедикту терпѣть неудобство? Пусть ужъ это на меня падеть!

— Ну, будь по твоему, потерпи неудобство, ежели это тебѣ даже приятно; только, знаешь, потерпи тамъ... на снѣгѣ, а не тутъ, на скамейкѣ: скамейка-ка стоитъ ужъ больно близко къ нашей гостѣ... Раскусилъ?

— Ничего... Раскусить можно! отвѣтилъ Леандръ и сильно поморщился, какъ будто вмѣсто куска сыра въ ротъ ему попало кислое яблоко.

Комната, гдѣ стояли кровати Бенедикта и Леандра, была рядомъ съ спальней Никодима, а потому послѣдній и рѣшилъ провести эту ночь на постели отсутствующаго брата. Онъ раза два ночью вставалъ, подходилъ къ дверямъ спальни своей и прислушивался—спитъ-ли Валли... Она спала, но сонъ ея былъ тревоженъ, она бредила. Никодимъ ясно слышалъ, какъ больная пробормотала что-то про орла.

— Эге, знать, птицу-то эту и она видѣла, подумалъ старикъ,—а вотъ теперь, съ испуга, во снѣ и бормочетъ о ней.

Рано утромъ, на другой день, Леандръ вышелъ изъ дома, не дождавшись даже завтрака. Онъ вообще не любилъ сидѣть долго на одномъ мѣстѣ, и на этотъ разъ только къ обѣду вернулся.

— Ну, какъ она—а? спросилъ онъ, переступивъ порогъ.

— Да также все—въ безпамятствѣ. Бредить; какіе-то люди все пугаютъ ее, изловить ее хотятъ...

Леандръ поскребъ у себя за ухомъ и произнесъ:

— Ну, стрѣлять значить и нельзя... Вообрази, орель-то опять на крышѣ—а?!

— Н-ну? На крышѣ?

— Сидить—дѣ! Выхожу это я утромъ—смотрю: нѣтъ его. Улетѣлъ, думаю; поискать надо, и отправился на поиски, да битыхъ три часа понапрасну прорыскалъ. Подошелъ къ дому-то, гляжу—а онъ сидитъ себѣ спокойно на томъ-же мѣстѣ!..

— Хе! Человѣкъ суевѣрный, пожалуй, струсилъ-бы тутъ, замѣтилъ Никодимъ.

— Какъ не струсить! Можно подумать, что ужъ не „блаженныя-ли дѣвы“ это пошаливаютъ...

— Здорово, братцы! раздался зычный, густой басъ—и въ комнату вошелъ Бенедиктъ, средній изъ братьевъ, находившійся до сихъ поръ въ отлучкѣ.

— А, вотъ и ты! Здравствуй! привѣтствовали его братья.—Ну, какія новинки? Дѣло порѣшилъ?

— Много порѣшишь—какже! Въ земскомъ-то судѣ меня опять „препровождали“ отъ Понтія къ Пилату и обратно, да все журавлей въ небѣ сулили. Нѣтъ, преж-

де чѣмъ добьемся мы сооруженія порядочной дороги—пройдетъ три поколѣнія, и многимъ эцталпамъ, однимъ словомъ—и людямъ, и скоту, придется еще порядкомъ поломать шею и ноги!

Бенедиктъ сердито сбросилъ котомку съ плечъ и усѣлся на скамью около печки.

— Обѣдать-то скоро будемъ?

— А вотъ сейчасъ, отозвался Никодимъ, который самъ занимался стряпней.

Притащивъ миску съ супомъ, онъ взялъ кружку, наполнилъ ее молокомъ и понесъ къ больной; Леандръ завистливо поглядѣлъ ему вслѣдъ.

Проголодавшійся Бенедиктъ исключительно занялся супомъ, а потому и не видѣлъ, что около него дѣлалось. Никодимъ не замѣшквался. Все трое начали хлебать супъ, мѣрно, въ тактъ одинъ за другимъ опуская и поднимая ложки, что-бы каждому по-ровну досталось. Крестьянинъ за общимъ столомъ всегда ѣсть такъ, молча. Ъда для него—дѣло важное, онъ какъ-бы совершаетъ тутъ торжественный актъ. Такъ какъ ложку приходится опускать по очереди, то ужъ лучше помалчивать,—а то, разговорившись, какъ разъ дашь зѣвка въ пользу сосѣдней ложки.

Насытившись и чувствуя усталость, Бенедиктъ закурилъ трубку и растянулся на скамьѣ.

— Ну, не слышалъ-ли чего новаго? Поразкажи намъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ, обратился Леандръ къ брату, зная что иначе и слова отъ него не дождешься.

Бенедиктъ, держа трубку въ зубахъ, зѣвнулъ и процѣдилъ:

— Ничего не слыхалъ.

Однако, помолчавъ съ минуту, проговорилъ:

— Да вотъ, болтали, что у Штротмингера, богача-то съ Солнечной площадки, дочь, по прозванью *Орель-дѣвка*—чай, знаете?—ну, подошла, говорятъ, сѣноваль отцовской, дала тягу, а теперь слоняется по всему околотку, кормится Христа-ради.

— О-хо! Да какъ же случилось-то? удивились Никодимъ и Леандръ.

— Дѣвка эта, говорятъ, самая что ни на есть отчаянная, продолжалъ Бенедиктъ:—отецъ-то принужденъ былъ отослать ее на Гохъ-Юхъ, потому ничего не могъ съ ней подѣлать. Ну, побывала она тамъ, домой вернулась—и въ тотъ же день чуть было Гелльнера не убила, а потомъ дворъ подожгла.

— Ахъ, Боже мой!

— Ну, послѣ такого дѣла, конечно, тягу дала и стала скитаться по окрестностямъ. Въ Вентѣ, говорятъ, вчера была, совалась то къ одной, то къ другой двери, все работы искала... Да кто такую согласится въ домъ къ себѣ впустить? Мало этого: носится она повсюду съ большущимъ орломъ—сама, видите-ли, изловила его и воспитала! Мѣста ищетъ и желаетъ, чтобы и орла вмѣстѣ съ нею приняли... Нечего и говорить, что всякій тутъ дверь захлопнетъ передъ такой наймишкой.

Никодимъ посмотрѣлъ на Леандра—тотъ совсѣмъ покраснѣлъ.

— Ну, благодарю за рассказъ, заговорилъ старшій братъ,—теперь мнѣ извѣстно, кто лежитъ-то у насъ! На крышкѣ—орель... Она цѣлую ночь пробредила про орла... Такъ! Чудесно!... Въ домѣ нашемъ—Орель-дѣвка.

Бенедиктъ быстро поднялся и воскликнулъ:

— Что-что? Какъ?...

— Не шуми-же такъ, остановилъ Леандръ брата:—долго-ли встревожить бѣдняжку... больную!

Никодимъ рассказалъ какъ было дѣло, какъ Леандръ нашелъ дѣвушку подъ снѣгомъ, еле-живую, и прибавилъ, что куда она не поправится, не окрѣпнетъ—отказаться ей въ пріютѣ нельзя. Сердце у Бенедикта было таки довольно жестокое, и онъ сейчасъ-же подумалъ: дѣвка здоровѣ, она просто притворяется больной; а братья,

по слабости, разчувствовались и дались въ обманъ... Я-то поверну дѣло по своему...

— Здѣсь нѣтъ пріюта поджигателямъ! крикнулъ онъ, гнѣвно сверкая орлиными глазами изъ-подъ нахмуренныхъ густыхъ бровей.

— Постою! Если-бы ты самъ увидѣлъ эту бѣдную дѣвушку—самъ-же-бы навѣрно впустилъ ее въ домъ! не вытерпѣлъ Леандръ:—звѣремъ надо быть, чтобы рѣшиться прогнать бѣдняжку въ такое время, когда вьюга на дворѣ...

— Вотъ какъ! Ужъ не открыть-ли намъ послѣ этого пріютъ для всѣхъ убійцъ, разбойниковъ, чтобы все стало говорить, что Рофенскій выселокъ даетъ убѣжище всякимъ шатунамъ?... Вотъ это было-бы какъ разъ на зубокъ земскому суду! Нѣтъ, ужъ если вы позволяете завѣдомой пакостницѣ умастить себя, такъ хоть мнѣ-то, по крайности, слѣдуетъ позаботиться о сохраненіи старыхъ порядковъ-обычаевъ въ Рофенѣ!

И Бенедиктъ шагнулъ къ дверямъ комнаты Никодима, но Никодимъ преградилъ ему дорогу туда и произнесъ спокойнымъ, твердымъ голосомъ:

— Я—старшій, я хозяинъ Рофена, такъ же какъ и ты, Бенедиктъ. Если ты знаешь, что пристойно намъ, рофенцамъ, и что непристойно,—то знаю это и я. Вотъ тебѣ мое слово, что я исполню только человѣческой долгъ, какъ христіанинъ, и сколько нужно продержу эту дѣвушку здѣсь. Она больна теперь; тронуть ее я никому не позволю!.. Покудова я тутъ, въ Рофенѣ, и живъ—неправеднаго дѣла не свершится подъ этой крышей!.. не будетъ...

Леандръ перебилъ его:

— Погоди! вотъ что, заговорилъ онъ самоувѣреннымъ тономъ, причемъ глаза его заблестѣли:—пропусти ты его туда, пусть онъ поглядитъ на больную—ну, тогда онъ и самъ не захочетъ выгнать ее...

— Вѣдь вѣрно сказала, молококость! хихикнулъ Никодимъ и осторожно отворилъ дверь.

Бенедиктъ, стуча ногами, стремительно вошелъ въ спальню, куда удалось прошмыгнуть и Леандру. Старшій братъ не помѣшалъ ему воспользоваться открытою дверью, потому-что Леандръ могъ, въ случаѣ чего, помочь ему обуздать грубоватаго Бенедикта, удержать его отъ какой либо неумѣстной выходки.

Маріанна, помѣстившись у постели, шила новую юбку для Валли, костюмъ которой вообще порядкомъ истрепался, такъ что ей, послѣ выздоровленія, и выйти было-бы не въ чемъ. Увидѣвъ Бенедикта, вваливагося такъ нецеремонно, Маріана замахала ему рукой, чтобы онъ не шумѣлъ; но онъ и самъ вдругъ присмирѣлъ, когда увидѣлъ больную, и на цыпочкахъ приблизился къ постели.

Валли крѣпко спала, лежа на спинѣ и забросивъ за голову красиво-округленную руку. Густыя темныя пряди волосъ упали на бѣлоснѣжную грудь, которая не могла загорѣть отъ солнца, такъ какъ ее защищала толстая крестьянская кофта, а теперь она до половины только была прикрыта широкой холщевой рубашкой. Дѣвушка какъ будто улыбалась: полныя губы ея были слегка раскрыты и обнаруживали два ряда зубовъ съ перламутровымъ блескомъ. Трудно вполнѣ передать словомъ то, что выражало это сонное чело: въ его чертахъ было что-то величавое, дѣвственно-чистое, свѣтлое.

Бенедиктъ окончательно присмирѣлъ, притихъ. Долго, какъ бы въ изумленіи, глядѣлъ онъ на этотъ чарующій и въ то-же время строго-цѣломудренный образъ. Смуглое лицо Бенедикта мало по малу стало принимать какой-то пунцовый оттѣнокъ, за то на лицѣ Леандра пожаръ былъ въ полномъ разгарѣ.

Стиснувъ зубы, суровый рофенецъ наконецъ отвернулся.

— Н-дѣ, ну, разумѣется, она больна! проговорилъ онъ такимъ тономъ, въ которомъ звучала фраза: „нечего

и разговаривать тутъ попустому!“... и, осторожно ступая на носки, выбрался изъ спальни.

IX.

Среди пустыни.

Весенній вѣтерокъ снова повѣялъ надъ землей, снѣга стали осѣдать, опять зашумѣли хлынувшіе съ горъ потоки,—и какъ-то робко, почти боязливо, выглянули первыя почки альпійскихъ растений на встрѣчу вѣшнему солнцу... Можетъ быть, оно такъ, въ шутку, обдало ихъ тепломъ? Можно-ли имъ рѣшиться зацвѣсть, совсѣмъ распуститься?... Тамъ и сямъ лежалъ еще снѣгъ въ видѣ обрывковъ бѣлаго ковра или забытыхъ кусковъ холста, разложенныхъ для бѣльня. Въ чащѣ вѣчно-зеленыхъ хвойныхъ деревьевъ птицы уже помахивали крыльями, затѣвали крикливыя собранья и пробовали настраивать свои инструменты, чтобы потомъ, ликуя, грянуть всѣмъ хоромъ.

Съ вершинъ глетчеровъ срывались страшныя глыбы льда и снѣга, и съ грохотомъ летѣли въ равнины, потрясая стѣны и балки построекъ, уничтожая деревья и кустарникъ. Все задвигалось, зашумѣло, завязалась повсюду борьба: тамъ гремитъ, тутъ свиститъ; и страхъ, и надежда—на высотѣ и въ безднѣ. Вѣчно-безпокойный смѣльчакъ—человѣкъ тоже встрепенулся: дѣлогъ былъ зимній отдыхъ—пора за работу; и вотъ онъ пошелъ по горамъ, тыкая своей альпійской палкой въ рыхлый, подтаявшій снѣгъ, чтобы проложить себѣ дорогу среди пропастей.

Одинъ только Рофенскій выселокъ пребывалъ еще въ сумракѣ, окруженный горными громадами, уходящими за облака, и окутанный какъ-бы бѣлоснѣжнымъ одѣяломъ—словно человѣкъ, которому и послѣ долгаго сна все еще не хочется вставать.

Передъ дверью рофенскихъ Клѣцовъ стоялъ Леандръ и потчивалъ Ганзля большою мышью. Эту дичь онъ нарочно ловилъ для него, потому-что орелъ крѣпко полюбился ему съ той самой минуты, когда обнаружилось, что птица эта—собственность Валли. Ганзлю вообще хорошо жилось въ Рофенѣ.

Вотъ и Бенедиктъ, съ горнымъ пѣсокомъ своимъ, возвратился домой. Онъ ходилъ искать дороги на Мурцолль и нѣсколько разъ на пути туда былъ на волосокъ отъ смерти. Глаза его какъ-то странно блуждали, вообще что-то тревожное, мрачное было во всей его фигурѣ.

Встревожился и Леандръ, и боязливо-робко спросилъ:

— Ну что, какъ тамъ?

— Да, пожалуй, *можно* пройти, ежели ужъ *надо* пройти... Рѣшиться она можетъ на это, коли я самъ ее поведу.

— Нѣтъ, знаешь что?—откажись отъ этого, не пускай ты ее туда... Бенедиктъ, прошу тебя!..

— На то ея воля, а чего она хочетъ—тому значить и быть, пробурчалъ Бенедиктъ.

— Ну, объясни ей, что, молъ, нельзя пройти, дороги нѣтъ! Вотъ, и придется ей остаться.

— К чему обманывать-то? Ужъ если ей запало это въ голову—она намѣренія своего не измѣнитъ, сколько-бы ей не пришлось тутъ сидѣть... Ну, а ты-то оставилъ-бы ужъ „всякую надежду!“ Сколько разъ она говорила тебѣ насчетъ этого—а? Для такой дѣвушки, какъ Валли, парнишка этакой вовсе не годится... Образумься-ка, пора!

Бенедиктъ скрылся за калиткой, а Леандра все это такъ раздражило и разогорчило, что онъ даже проследился.

Когда Бенедиктъ вошелъ во дворъ—Валли встрѣтилась ему; она шла изъ хлѣва, неся вилы.

— Валли, заговорилъ онъ,—ужъ если ты *такъ* желаешь—я проведу тебя. Дорогу я нашель, да дорога-то довольно еще опасна...

— Спасибо тебѣ, Бенедиктъ! отвѣтила дѣвушка,— значить, завтра можно будетъ отправиться?...

Поставивъ вилы куда слѣдуетъ, она ушла въ кухню, не дождавшись отвѣта.

Бенедиктъ топнулъ ногой, бросилъ въ уголь свой посохъ, постоялъ на одномъ мѣстѣ, соображая что-то; потомъ, не зная куда дѣваться, отправился тоже въ кухню. Увидѣвъ, что Валли подвязываетъ юбку, собиравая мыть полъ,—онъ подошелъ къ ней и сказалъ:

— Оставь, нѣ нужно... Мнѣ надо съ тобой переговорить.

— Нѣтъ, нужно, Бенедиктъ. Гляди-ка, все это слѣдуетъ вымыть. Ежели я уйду завтра—мнѣ хочется, чтобы тутъ все было чисто, въ порядкѣ.

— Ну, если считать всю работу твою, да сосчитать сколько ты наѣла и напила у насъ—такъ работы-то твоей куда будетъ больше! Ладно, оставь ужъ, все хорошо, все чисто... Вотъ ты уйдешь—ну, не все-ли равно тогда?...

Валли видѣла, какъ Бенедиктъ отламывалъ зубами кусочки отъ деревяшки, очутившейся въ его рукѣ, выплевывалъ отломленные, опять кусалъ, однимъ словомъ—замѣтивъ, что онъ сильно взволнованъ, пріумолкла, чтобы дать ему высказаться.

— Слушай, продолжалъ Бенедиктъ,—ну, хоть же разъ пораздумай: не выберетъ-ли сердце твое одного изъ насъ, Валли?... Скажу я тебѣ: эхъ, понапрасну ты такъ горда! Вѣдь слава-то о тебѣ такая пошла, что крѣпко много... надо любить тебя, что-бы за себя-то взять!...

Валли только кивнула—въ знакъ согласія.

— Постой... Вотъ мы, рофенцы, люди такіе, которымъ нигдѣ пути не заказаны: любая дѣвица радѣшенька была-бы сдѣлаться женою одного изъ Клѣповъ. Ну, на-же, выбирай между двумя братьями! Не отвертывайся отъ своего счастья... Валли слушай: расскажешь, да ужъ поздно будетъ!...

— Вижу я, Бенедиктъ, что намѣреніе у тебя хорошее. Тебя и Леандра я очень полюбила, какъ могу только полюбить хорошихъ людей; но все-таки это любовь не такая, чтобы я пошла за-мужъ за тебя или за него... Ужъ лучше я въ дѣвкахъ останусь, если мнѣ не судьба выйти за того, кого бы я могла полюбить какъ мужа. Знай-же: есть такой человекъ, я видѣла его толь-

ко разъ—и забыть не могу его! Какъ же стану я съ другимъ вѣнчаться, когда онъ не выходитъ у меня изъ головы?...

Лицо Бенедикта поблѣднѣло.

— Слушай, вѣдь это я для того тебѣ говорю, продолжала Валли,—чтобы ты совсѣмъ успокоился, пересталь-бы понапрасну... Ахъ, Бенедиктъ, неужели же я не понимаю, не чувствую, что ты—да и всѣ вы—сдѣлали для меня? И отъ смерти спасли, и отцу не выдали, когда онъ задумалъ было силой взять меня отсюда... Помню вѣдь я, какъ ты славно отстоялъ меня и свои рофенскія права. Вотъ, если-бъ я могла полюбить тебя какъ мужа, да позабыть мою—ну, тогда другого счастья мнѣ и не надо было-бы! Превеликое, большое спасибо тебѣ за все—и если-бы ты нуждался въ моей помощи—я-бы жизни для тебя не пожала. Теперь самъ подумай: ну, что толку въ такой женѣ, которая о *другомъ* помышляетъ?... Это значило-бы ужъ очень плохо отблагодарить такого человекъ, какъ ты!

— Да, произнесъ Бенедиктъ хриплымъ голосомъ и провелъ рукой по лбу.

— Ну, вотъ и самъ ты видишь теперь, что лучше мнѣ удалиться, что лучше такъ и порѣшить все.

— Да... да, повторилъ онъ тѣмъ-же тономъ и вышелъ изъ кухни.

Валли поглядѣла ему вслѣдъ... Бенедиктъ, этотъ смѣлый, горделивый человекъ, уходилъ совсѣмъ растроенымъ! Вѣдь онъ все, все предлагалъ ей, что могло, по его мнѣнію, высказанному въ простотѣ души, составить счастье любой дѣвушки... Но она не въ состояніи была объяснить себѣ, почему-же это въ ея сердцѣ нѣтъ ни чуточки любви къ человекъ, который столько добра для нея сдѣлалъ? А *тотъ-то* что? *Тотъ*, пожалуй, вовсе даже не думалъ и не думаетъ о ней... Да, но ужъ такъ это все случилось!... И гдѣ-же найдется равный Иосифу по силѣ и красотѣ? Его образъ постоянно мелькалъ, носился передъ ней; она такъ ясно, отчетливо, даже теперь, видѣла, какъ онъ сбросилъ съ плеча окровавленную медвѣжью шкуру, какъ толпа обступила его, стала удивляться ему—такому красавцу, силачу, какому и не сыскать!...

(Продолженіе будетъ).

Тропическая купальня.

Въ тропическихъ странахъ Африки, а также и въ Индіи, самое удобное мѣсто для охоты представляютъ рѣки, озера—вообще *водопы*, куда приходятъ по вечерамъ и ночью масса различныхъ животныхъ, которыя и сами не прочь поохотиться, чтобы поужинать какъ слѣдуетъ. Когда спадетъ дневной жаръ и смѣнится прохладой ночи, тогда хорошенькая антилопа, крококая жирафа, полосатая зебра, косматый сплачъ-буйволъ, слѣзая къ водѣ, чтобы освѣжиться—но увя, слѣзая приходятся медленно! Всѣ они знаютъ, что мѣсто, которое ихъ такъ манитъ—самое коварное, опасное мѣсто... Тутъ осторожность прежде всего, а не то какъ разъ угодишь понасть въ когти льва или тигра! Слоны, бегемоты и носороги особенно любятъ въ ночное время такія мѣста; эти неуклюжіе великаны—больше охотники до купанья. Слоны, какъ и всѣ толстокожія, болѣе ночное чѣмъ дневное животное; тихою лунною ночью онъ полнѣе наслаждается жизнью, бодрствуетъ и веселится. Если охотникъ, подкарауливающей добычу, наткнется днемъ на стадо слоновъ—онъ найдетъ ихъ спящими другъ подлѣ друга въ величайшемъ покоѣ и мирѣ. Стадо располагается обыкновенно въ тѣни лѣса, лежа или стоя въ самыхъ разнообразныхъ позахъ. Нѣкоторые отламываютъ хоботомъ вѣтки и листья деревьевъ, рассказываетъ А. Брэмъ, другіе важно обмахиваются вѣромъ—собственного издѣлія—лѣзъ отломанныхъ вѣтвей, многіе спятъ или такъ-себѣ лежатъ, а молодежь преміло рѣзвится, играетъ среди стада.

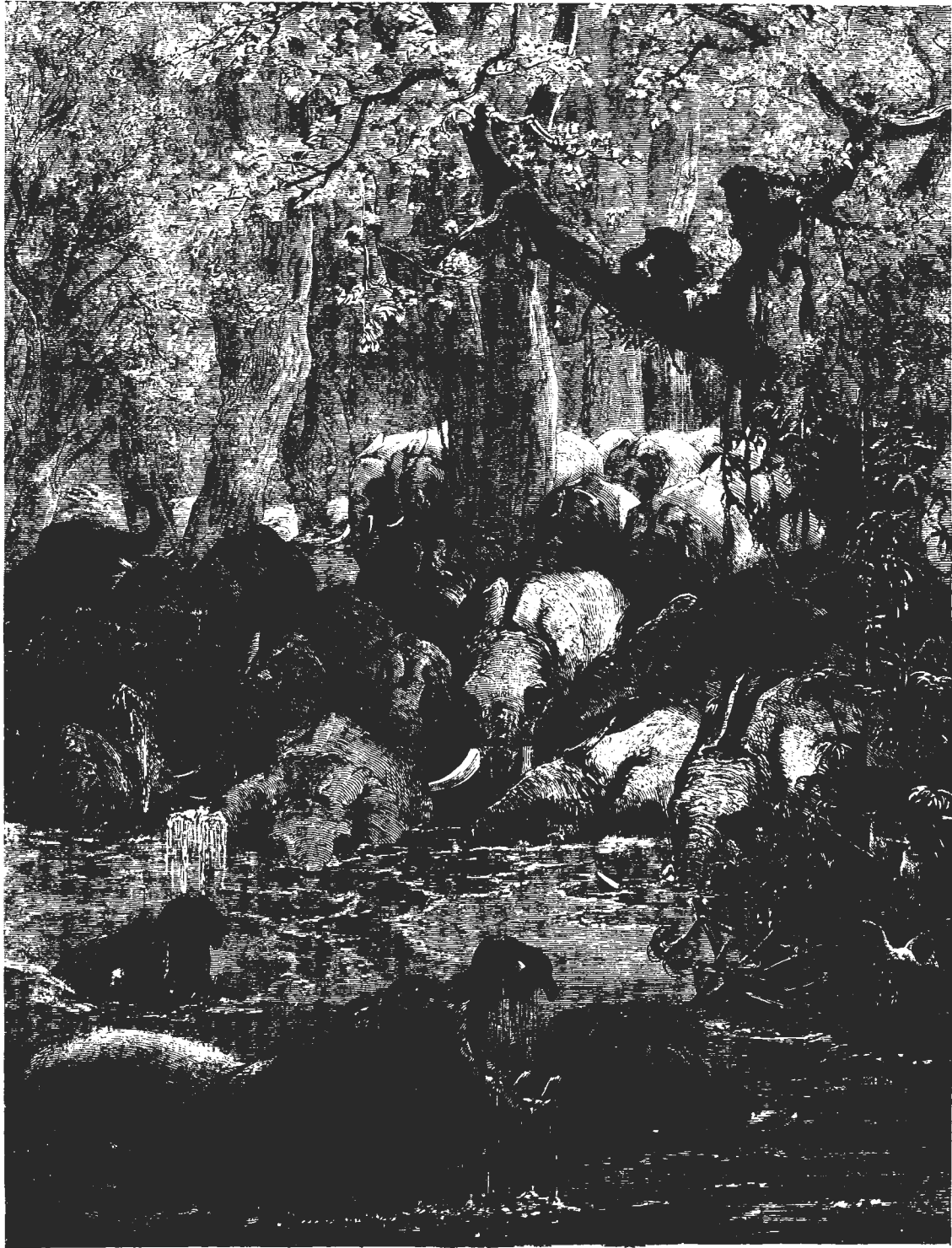
Обратимся теперь къ картинкѣ I. Вольфа «Тропическая купальня», помѣщенной въ настоящемъ № нашего журнала.

Солнце уже давно закатилось—и что за ясная, великолѣпная, лунная ночь! А растительность—роскошная, богатая, словно великолѣпная декорация изъ какого-нибудь балета! Стволы де-

ревьевъ, сочная, густая листва, легкія волны озера—все это залито мягкимъ палевымъ свѣтомъ. Кругомъ тишина... Вдругъ гдѣ-то хрустнула вѣтка, затѣмъ искнула обезьяна, зашелестѣла въ древесной листвѣ—и опять все смолкло... Шагахъ въ 300 отъ берега озера показались слоны и будто окаменѣли или разомъ провалились: тишина не нарушалась. Да, неуклюжесть ихъ только кажущаяся; словъ довокъ, изумительно остороженъ, онъ умѣетъ такъ тихо красться по дорогѣ, разъ проложенной имъ самимъ въ лѣсу, что его почти не слышно. Сначала дикое стадо съ шумомъ бросается въ подлѣсокъ, но вскорѣ шумъ смолкаетъ; не слышно ни малѣйшаго шороха, такъ что новичекъ охотникъ можетъ подумать, будто слоны, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановились... Самый умный слонъ идетъ всегда впереди стада. Предводителями бываютъ самцы и самки—безразлично. На ихъ обязанности лежитъ вести стадо, избѣгать и предусматривать опасности, изслѣдовать мѣстность, словомъ—вся забота объ общественной безопасности. Всѣ дикіе слоны пугливы, осторожны до крайности; у вожака же эти свойства такъ сказаны въ превосходной степени. Его должность очень трудна: онъ находится въ безпрерывной дѣятельности, но за то наградою служитъ ему безслонное довѣріе подчиненныхъ. Противорѣчій его распоряженіямъ не бываетъ никогда—онъ идетъ впередъ и все общество слѣдуетъ за нимъ безпрекословно. Дисциплина примѣрная.

Прошло около часу какъ слоны показались въ лѣсу, но на берегу ни одного еще не было видно... Позволяемъ себѣ привести здѣсь слѣдующій рассказъ маіора Скиннера, переданный А. Брэмомъ:

«Я отправился смотрѣть на слоновъ въ одну изъ тѣхъ великолѣпныхъ, ясныхъ лунныхъ ночей, которыя почти также свѣт-

Тропическая саванна. Слоны и бегемоты. Рис. Джозе Вольф.

ды, какъ нашъ сѣверный день Мѣстность вполнѣ соответствовала моей цѣли. Громадное дерево, съ нависшими вѣтвями, нависшее надъ прудомъ, пріютило меня въ своей зелени. Я заблаговременно занялъ свое мѣсто и смотрѣлъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Слоны стояли не болѣе 500 шаговъ отъ меня—и однако же мнѣ пришлось ждать цѣлыхъ два часа, пока я увидалъ перваго изъ нихъ. Наконецъ, приблизительно на расстоянии 300 шаговъ отъ пруда, изъ темной чащи выступилъ громадный слонъ, прошелъ съ волнчайшею осторожностью шаговъ 200 и остановился слушать. Онъ шелъ такъ тихо, что не было слышно ни малѣйшаго шороха, и стоялъ теперь неподвижно, какъ нѣкій утесъ. Затѣмъ онъ двинулся впередъ, останавливаясь въ три приема на нѣсколько минутъ и вытягивая свои раскритыя, чуть не аршинныя уши, чтобы уловить даже легкой трескъ, лѣсной шелестъ. Онъ шелъ такимъ образомъ до самаго берега; но и тутъ, не смотря на близость воды, не сбавлялся, не подумалъ объ утомленіи жажды, а стоялъ смирно, продолжая слушать. Потомъ повернулъ осторожно и тихо назадъ къ тому мѣсту лѣса, гдѣ стоялъ прежде. Послѣ небольшого промежутка времени слонъ снова показался съ пятью товарищами, съ которыми пошелъ къ водѣ также осторожно, но не нѣе тихо. Этихъ пятерыхъ онъ размѣстилъ у берега какъ стражей и снова ушелъ въ лѣсъ. Вскорѣ я его увидѣлъ въ сопровожденіи цѣлаго стада въ 80—100 штукъ. Они шли по продолженной одной дорогѣ, но такъ тихо, что я, несмотря на близкое разстояніе, видѣлъ только двигающихся животныхъ, а слышать ихъ шаговъ не могъ. По срединѣ дороги стадо остановилось. Предводитель еще разъ пошелъ къ берегу, переговорилъ со сторожами, изслѣдовалъ все, убѣдился въ полной безопасности мѣста, вернулся къ стаду и отдалъ приказаніе двигаться. Въ то же мгновеніе стадо бросилось къ водѣ и безъ всякаго страха и опасенія погрузилось въ волны. Нельзя было видѣть теперь и слѣда прежней робости и осторожности. Всѣ до такой степени вѣрили своему предводителю, что наслаждались вполнѣ, не заботясь ни о чемъ на свѣтѣ. Животныя, измученныя жаждой, заняли прудъ, и когда послѣднее изъ нихъ—вожакъ—вошелъ въ воду—всѣ съ видимымъ восторгомъ стали пить и купаться. Ни-

огда не случилось мнѣ видѣть такого множества живыхъ существъ въ такомъ тѣсномъ пространствѣ. Я думалъ, что слоны выпьютъ весь прудъ до-суха. Я смотрѣлъ на нихъ съ большимъ участіемъ, пока они не натѣшились купаньемъ и не наполнили властью. Потомъ мнѣ захотѣлось увидать, какое дѣйствіе произведетъ на нихъ легкой шорохъ. Я отломилъ тоненькую вѣтку—и вся масса мгновенно пришла въ волненіе—убѣжала, какъ стадо испуганной дичи, съ стремительною скоростью».

Случается, что купальня бываетъ уже занята—напр. бегемотами, но на этихъ звѣрей слоны не обращаютъ вниманія (съ родни, молъ, намъ!) и идутъ въ воду. Бегемотамъ это не нравится, они негровожены и протестуютъ, высовывая изъ воды морду, сопятъ и разбѣгаютъ свои безобразныя ности—но протестъ этимъ и ограничивается. Новые купальщики, погружившись въ любимую влагу, начинаютъ забавляться, вбираютъ въ хоботъ воду, выбрасываютъ ее въ видѣ фонтана и такимъ образомъ любовно потчуютъ другъ друга душами.—Слонъ умѣетъ мастерски плавать. Онъ бросается въ воду съ истиннымъ наслажденіемъ и можетъ по произволу опускаться въ глубину. Если ему нужно, онъ въ прямомъ направленіи переплываетъ самыя широкія, быстрыя рѣчки, а иногда просто ложится *подъ водой*, высовывая на поверхность одинъ только кончикъ хобота.

А. Брэмъ говорить, что совершенно несправедливо считаютъ слона «страшнымъ» звѣремъ. Напротивъ, онъ кротокъ, тихъ и со всѣми на свѣтѣ живетъ въ дружбѣ и мирѣ. Пока его не приведутъ въ ярость, онъ не только никогда не нападаетъ, но даже какъ-то робко, деликатно уступаетъ дорогу всѣмъ животнымъ, не исключая и мелюзги какойнибудь. Самый злой врагъ слона—муха. Мышь, говоритъ Кювье, приводитъ ручнаго слона въ такой ужасъ, что онъ дрожитъ. Каждый хищный звѣрь боится нападать на слона, а слонъ не даетъ никому повода къ злобѣ и мести. Нѣкоторыя птицы (маленькія цапли въ сѣверной Африкѣ) живутъ съ нимъ въ тѣсной дружбѣ; онъ постоянно очищаетъ великана отъ насѣкомыхъ—конечно изъ эгоизма, потому что другъ служить имъ большимъ обѣденнымъ столомъ, щедрымъ кормильцемъ.

РѢЗЮМЕ НЕБЕСНАГО СВОДА.

I.

Когда, въ звѣздную ночь, мы смотримъ на темный небесный сводъ, устанный повидимому безчисленнымъ множествомъ яркорецающихъ звѣздъ,—то, кромѣ восторга передъ красотой и величіемъ этой картины, въ умѣ нашемъ рождаются сотни мыслей и вопросовъ: что такое эти звѣзды? дѣйствительно ли онѣ неисчислимы? какъ далеки онѣ отъ насъ? какова ихъ величина? отчего одни горятъ ярче, другія блѣднѣе, и притомъ различными цвѣтами? въ самомъ ли дѣлѣ онѣ такъ неподвижно стоятъ на небѣ, какъ это кажется и простому глазу? и такъ далѣе, и такъ далѣе. Мы пытаемся въ настоящемъ очеркѣ отвѣтить на нѣкоторыя, но крайней мѣрѣ важнѣйшія изъ этихъ вопросовъ. Путешественникъ, пріѣзжая въ первый разъ въ какойнибудь большой незнакомый городъ, прежде всего знакомится съ главнѣйшими улицами, площадями, зданиями, чтобы не потеряться среди лабиринта домовъ и улицъ; тогда ему уже легко будетъ основательно узнать городъ, число, образъ жизни и занятія жителей и проч. Такъ и мы сначала отыщемъ на небѣ извѣстныя точки, и посредствомъ ихъ постараемся ориентироваться въ небесномъ пространствѣ, прежде чѣмъ останавливаться на частностихъ и отвѣчать на поставленные выше вопросы. Это ориентированье на небѣ очень облегчается тѣмъ, что многія изъ болѣе яркихъ звѣздъ соединяются въ болѣе или менѣе замѣтныя группы или фигуры, которыя астрономы называютъ *созвѣздіями*. Исходя отъ этихъ послѣднихъ, намъ будетъ уже гораздо легче отыскать слабѣйшія или менѣе-правильно-расположенныя звѣзды. Созвѣздія были найдены и названы извѣстными именами еще въ глубокой древности; оставшіяся между ними пробѣлы пополнялись въ теченіе столѣтій; въ настоящее время насчитывается до 85 созвѣздій (изъ которыхъ 57 видны на нашемъ сѣверномъ небѣ). Большинству нашихъ читателей конечно извѣстно древнѣйшее и самое замѣтное изъ созвѣздій *Большая медвѣдица*, поднимающееся на сѣверо-восточной сторонѣ неба. Если провести отъ его верхнихъ звѣздъ прямую линію и отсчитать на ней разстояніе въ 5 разъ большее разстоянія обихъ этихъ звѣздъ, то мы наткнемся на одиноко стоящую *полярную звезду*, которая почти круглый годъ не перемѣняетъ своего положенія на сѣверѣ. По другую сторону полярной звѣзды, почти на такомъ же разстояніи какъ Медвѣдица, находится созвѣздіе Кассіопеи, 5 звѣздъ котораго образуютъ нѣсколько растянутое французское W; оно стоитъ въ зимніе мѣсяцы на сѣверо-востокѣ. Если Большую Медвѣдицу и Кассіопею, соединить линіей и пересѣчь эту линію другою, перпендикулярно къ ней проходящею черезъ полярную звезду, то на концахъ этой послѣдней линіи и опять почти въ такомъ же разстояніи отъ полярной звѣзды, находятся двѣ очень яркія звѣзды, самыя яркія изъ

всѣхъ звѣздъ сѣвернаго неба: одна изъ нихъ, Капелла, стоитъ теперь высоко на небѣ, близко къ зениту; другая, Вега, совсѣмъ внизу у сѣвернаго горизонта. Эти четыре созвѣздія, симметрически расположенныя относительно стоящей въ срединѣ полярной звѣзды, и будутъ служить намъ исходными точками для наблюденія другихъ созвѣздій, изъ которыхъ мы назовемъ пока большое, блестящее созвѣздіе Оріона, находящееся къ югу отъ Капеллы,—а къ юго-востоку отъ него, самую свѣтлую изъ неподвижныхъ звѣздъ, горящаго бѣлымъ свѣтомъ Сиріуса.

Названія данныя *созвѣздіямъ* были болѣею частью взяты изъ греческой мифологии или изъ царства животныхъ. Отсюда же произошли и названія самыхъ свѣтлыхъ *звѣздъ*; кромѣ того, такъ какъ свѣтлыхъ звѣздъ слишкомъ много,—для обозначенія ихъ приняты буквы. Именно, нѣмецкій астрономъ Байеръ въ XVII столѣтіи ввелъ для этой цѣли греческую азбуку; самыя яркія звѣзды každого созвѣздія было принято обозначать первыми слабѣйшія послѣдними буквами; такъ Сиріусъ, самая яркая первая звѣзда, или α въ Псѣ, Капелла— α въ Возничемъ, Вега— α въ Лирѣ.

Но для обозначенія буквами всѣхъ звѣздъ, даже только тѣхъ что видны простымъ глазомъ,—буквъ недостаточно; чтобы звать ихъ и всегда умѣть отличить ихъ одну отъ другой, астрономы занесли ихъ на карты и звѣздные атласы, съ возможно болѣею точностью изучая (при помощи астрономическихъ инструментовъ) ихъ положенія относительно друга и большихъ главныхъ звѣздъ. Уже греки сознавали необходимость приведенія звѣзднаго міра въ извѣстную систему; въ древнѣйшемъ птоломеевскомъ исчисленіи названо болѣе 1.000 звѣздъ, частью довольно слабыхъ. Съ изобрѣтеніемъ телескопа (въ началѣ XVII столѣтія) число звѣздъ возросло до безконечности; кромѣ звѣздъ видимыхъ простому глазу, надо было ограничиться измѣреніемъ и внесеніемъ въ астрономическіе атласы только самыхъ яркихъ свѣтилъ. Такимъ образомъ, въ новѣйшее время существуетъ уже цѣлый рядъ такихъ атласовъ и каталоговъ; одно изъ первыхъ мѣстъ между ними занимаетъ новѣйшій, превосходная работа, исполненная въ Боннѣ и изображающая сѣверное небо, на которомъ въ теченіе 8-ми лѣтъ было опредѣлено положеніе болѣе 300,000 звѣздъ.

Сколько же звѣздъ видимъ мы простымъ глазомъ, и сколько видно ихъ въ телескопъ? Что человекъ съ сильнымъ зрѣніемъ видитъ болѣе звѣздъ чѣмъ тотъ у кого зрѣніе слабо—это естественно и должно быть хорошо извѣстно каждому; но и самый зоркій глазъ не увидитъ на нашемъ сѣверномъ небѣ болѣе 4,500—5,000 звѣздъ, а глазъ средней зоркости увидитъ ихъ не болѣе 3,500. Число это, безъ сомнѣнія, кажется очень малымъ въ сравненіи съ непосредственнымъ впечатлѣніемъ производимымъ на насъ звѣзднымъ небомъ, но тѣмъ не менѣе оно

совершенно верно и вполне точно определено. Если смотреть в телескоп, то, само собою, число звёзд возрастает,—пчём сильнее телескоп, тём больше разумеется больше видно в него звёзд. Даже обыкновенный бинокль показывает до 20,000 звёзд; в большой телескоп видно их до 10 миллионов, а в самый большой из существующих телескопов (в Англии) можно отличить до 150 миллионов звёзд.

По относительному положению небесных светил друг к другу, место каждого из них на небесной сфере точно определено астрономам; по различной же степени яркости, звёзды разделяются на различные классы, так-называемыя *величины*, и степень яркости каждого класса измерена точными цифрами. Самые яркие звёзды называются звёздами первой величины (Сиріусъ, Капелла, Вега, всего 20), менее яркие (Полярная звёзда, 6 больших звёзд Большой Медведицы) принадлежат к второй величинѣ, и т. д. до самых слабых, впрочемъ еще видимыхъ очень хорошему глазу, и причисляемыхъ к шестой величинѣ. Далѣе, бинокль показываетъ еще звёзды седьмой и даже восьмой величины; обыкновенная зрительная труба, съ объективомъ въ 50 миллиметровъ въ поперечникѣ, показываетъ звёзды десятой величины; большой же рефракторъ съ отверстиемъ въ 220 миллиметровъ беретъ до звёздъ тринадцатой величины. Въ каждой слѣдующей величинѣ, число звёздъ въ три раза превышаетъ число предыдущей величины, такъ что до девятой величины число звёздъ доходитъ слѣшкомъ до 200,000. Нѣсколько десятилетій тому назадъ, удалось также выразить въ цифрахъ яркость этихъ различныхъ величинъ, то есть определить во сколько разъ больше посылаетъ намъ свѣта звёзда одной величины, сравнительно съ звёздой другой величины. Этими *фотометрическими*, то есть свѣтовыми измерениями, определены также всѣхъ свѣтлыхъ планетъ, какъ Венеры, Марса, Юпитера, Сатурна, равно какъ и свѣтъ мѣсяца и солнца. Такимъ образомъ извѣстно, что солнце въ 60,000 миллионовъ разъ свѣтлѣе Капеллы, и въ 41хъ 600,000 разъ свѣтлѣе полнаго мѣсяца; Юпитеръ, свѣтлая планета, стоящая теперь на востокѣ, посылаетъ намъ въ 10 разъ больше свѣта, чѣмъ Капелла; свѣтъ же самой яркой изъ неподвижныхъ звёздъ, Сиріуса, всего въ 4 раза сильнѣе противъ Капеллы. Между величинами неподвижныхъ звёздъ есть извѣстное отношеніе: именно, каждая звёзда определенной величины посылаетъ среднимъ числомъ въ $2\frac{1}{2}$ раза больше свѣта, слѣдовательно въ $2\frac{1}{2}$ раза ярче, звёзды послѣдующей величины; такъ, звёзда первой величины, какъ Капелла или Вега, будетъ въ 100 разъ свѣтлѣе самыхъ слабыхъ видимыхъ простымъ глазомъ звёздъ, и въ 1,000 разъ свѣтлѣе тѣхъ слабыхъ звёздъ, которыя показываетъ большой рефракторъ съ отверстиемъ въ 220 миллиметровъ.

Но между неподвижными звёздами не всё постоянно свѣтитъ съ одинаковой яркостью: въ одно время онѣ блещутъ больше, въ другое—меньше; такія, измѣняющія свой свѣтъ звёзды, называются *непостоянными*. Съ началъ XVII столѣтія до настоящаго времени, открыто больше 130 такихъ звёздъ, и съ каждымъ годомъ число ихъ увеличивается. Изъ этихъ звёздъ раньше всѣхъ была открыта въ многихъ отношеніяхъ замѣчательная звёзда въ созвѣздіи Кита, названная за ея рѣзкія и неправильныя измѣненія *чужестой* (Mira). Во время maximum'a ея свѣта, она равняется звёздѣ третьей величины; во время же minimum'a, нисходитъ на степень десятой величины: слѣдовательно свѣтъ ея колеблется между семью величинами. Периодъ отъ одного maximum'a до другаго занимаетъ среднимъ числомъ 330 дней; при этомъ прибавленіе свѣта идетъ гораздо быстрѣе, нежели упадокъ его, что замѣчается въ большинствѣ непостоянныхъ звёздъ. Простому глазу эта удивительная звёзда бываетъ видна около 4 мѣсяцевъ; но въ теченіе всего этого времени, всё происходящія съ нею явленія, наибольшая и наименьшая яркость, продолжительность того или другаго періода видоизмѣненія свѣта, чрезвычайно измѣнчивы и неправильны. Этимъ и отличается эта непостоянная звёзда, какъ многія другія изъ звёздъ этого класса, отъ прочихъ, подлежащихъ преимущественно весьма правильнымъ законамъ. Замѣчательна еще изъ непостоянныхъ звёздъ Альголъ или β въ Персеѣ; обыкновенно звёзда эта считается во второй-третьей величинѣ; на этой степени она остается $2\frac{1}{2}$ дня, потомъ въ теченіе 4—5 часовъ спускается до четвертой величины, и снова такъ же быстро подымается до второй-третьей, такъ что въ теченіе 2 дней и 21 часа она продѣлываетъ всё свои въ высшей степени правильныя свѣтовыя измѣненія. Кромѣ Альгола, насчитывается еще около 30 непостоянныхъ звёздъ, которыя отличаются болѣе или менѣе правильнымъ теченіемъ въ измѣненіяхъ свѣта, и вмѣстѣ съ тѣмъ короткой продолжительностью этого періода,—между тѣмъ какъ въ большей части непостоянныхъ встрѣчается неправильное теченіе этого явленія, и притомъ въ гораздо болѣе продолжительномъ времени; есть нѣсколько непостоянныхъ звёздъ, у которыхъ періодъ свѣтовыхъ измѣненій продолжается до двухъ лѣтъ.

Въ тѣсной связи съ этими непостоянными звёздами—стоятъ такъ-называемыя *новые звѣзды*. Весьма вѣроятно, что эти послѣднія суть тѣ же непостоянныя, съ очень продолжительными и неправильными періодами. Отъ времени до времени появляются между неподвижными звёздами новыя звёзды необыкновеннаго блеска; онѣ остаются короткое время въ такомъ со-

стояніи, потомъ слабѣютъ и наконецъ совершенно исчезаютъ изъ глазъ; при этомъ онѣ неизмѣнно сохраняютъ свое место между другими звёздами, слѣдовательно должны быть разсматриваемы собственно какъ неподвижныя звёзды. Такія явленія впрочемъ весьма рѣдки; извѣстно всего 22 такихъ случая. Замѣчательнѣйшее явленіе въ этомъ родѣ представляетъ такъ-называемая звёзда астронома Тихо, внезапно появившаяся въ ноябрѣ 1572 года въ созвѣздіи Кассіопеи; она сіяла какъ Венера и, постепенно слабѣя, черезъ $\frac{5}{4}$ года безслѣдно пропала съ неба. Новѣйшее явленіе этого рода въ 1866 г. показало, что эти звёзды дѣйствительно слѣдуетъ причислять къ непостояннымъ. Въ названный годъ, 12-го мая, въ созвѣздіи Сѣверной Короны, вдругъ показалась яркая звёзда второй величины, и именно по определеніи ея положенія, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде находилась маленькая звёздочка девятой-десятой величины; слѣдовательно звёздочка эта вслѣдствіе какой либо причины вдругъ очень быстро (можетъ быть въ нѣсколько часовъ) измѣнилась до яркости звёзды второй величины; но она не долго оставалась такой яркой; въ теченіе 8 дней она уже опустилась до шестой величины, и въ началѣ іюля вернулась къ своей обыкновенной девятой-десятой величинѣ,—которую съ большимъ или меньшимъ колебаніемъ сохраняетъ и по сіе время. Безъ телескопа и точного определенія звёздъ, эту звёзду съ такимъ же правомъ какъ и звёзду Тихо сочили бы дѣйствительно за новую, между тѣмъ какъ теперь на нее смотрятъ просто какъ на весьма неправильную непостоянную звёзду. Стало бытъ и всё другія такъ-называемыя *новыя звёзды* слѣдуетъ отнести къ категоріи непостоянныхъ; вѣдь не могли же онѣ произойти изъ *ничего*; онѣ могли слѣжаться видимыми только вслѣдствіе своего видоизмѣненія, именно увеличенія свѣта. Но, спрашивается, кака я причина этихъ измѣненій свѣта, отчего зависитъ правильность и еще болѣе неправильность въ продолжительности періодовъ, въ силѣ колебаній свѣта, внезапное появленіе такъ-называемыхъ *новыхъ звёздъ*? До сихъ поръ наука можетъ отвѣчать одними догадками на всё вопросы о причинахъ этихъ явленій. Впрочемъ это и не удивительно, такъ какъ самые факты стали ей болѣе знакомы и начали изслѣдоваться ею всего нѣсколько десятилетій тому назадъ,—не говоря о томъ, что непостоянныя звёзды, какъ и другія неподвижныя звёзды, находятся на такихъ разстояніяхъ отъ насъ, что даже сильнѣйшая зрительная труба не въ состояніи показать ихъ (какъ сравнительно ближайшія планеты) въ видѣ шара, то есть дать возможность прямо наблюдать ихъ поверхности. Самое вѣроятное предположеніе о причинахъ измѣненія свѣта нѣкоторыхъ звёздъ (которыя надо считать, равно какъ и другія неподвижныя звёзды, а также и наше солнце—за ярко свѣтящіяся, вращающіяся вокругъ оси, тѣла)—это, то, что на поверхности ихъ есть пятна, которыя отъ времени до времени, именно когда занятая сторона обращается къ нашей землѣ, производятъ затемненія; такія пятна есть какъ извѣстно и на солнцѣ, хотя на послѣднемъ они не такъ велики и темны, чтобы значительно ослабить его свѣтъ. Причину внезапнаго появленія звёздъ—всего правдоподобнѣе приписываютъ сильнымъ изверженіямъ арко-горящихъ массъ изъ сравнительнаго темнаго тѣла. Рядомъ съ измѣненіями свѣта (что, какъ мы видѣли, наблюдается лишь въ относительно-немногихъ звёздахъ) укажемъ еще на *перемѣну мѣста*, явленіе, замѣчаемое въ гораздо болѣе числѣ звёздъ. Тысячи неподвижныхъ звёздъ правильно движутся въ огромной толпѣ повидимому неподвижныхъ звёздъ, слѣдовательно въ сущности они не суть совсѣмъ неподвижныя звёзды. Правда, эти *собственныя движенія*, какъ ихъ называютъ, такъ слабы, что для простаго глаза они не были бы замѣтны въ теченіи многихъ десятилетій, даже столѣтій; замѣтны ихъ и определить ихъ величину и направленіе—можно только при помощи соединенныхъ съ телескопомъ астрономическихъ инструментовъ,—поэтому вышеупомянутыя измѣненія и стали точнѣе извѣстны въ наукѣ, сравнительно говоря, въ позднѣйшее время, около столѣтія тому назадъ.

Познанія наши въ этой области ограничиваются, какъ и естественно заключить по сущности предмета, болѣе свѣтлыми звёздами, которыя были наблюдаемы еще въ прошломъ столѣтіи; въ звёздахъ меньше девятой величины—до сихъ поръ не могли замѣтить собственного движенія, потому что всего нѣсколько десятилетій тому назадъ были сдѣланы болѣе точныя наблюденія такихъ слабыхъ звёздъ, то есть определеніе ихъ положенія относительно другихъ звёздъ, что необходимо для определенія такихъ маленькихъ величинъ какъ собственныя движенія. Чтобы составить себѣ приблизительное понятіе объ этихъ величинахъ, представимъ себѣ видимый поперечникъ диска луны или солнца раздѣленнымъ на 30 частей; въ астрономіи такая часть называется минутой ($'$), 60-я часть ея называется секундой ($''$), 60 минутъ составляютъ градусъ ($^{\circ}$); такимъ образомъ, въ круглыхъ числахъ поперечникъ луны и солнца равняется $\frac{1}{2}^{\circ} = 30' = 1800''$. Сильнѣйшее собственное движеніе, какое только извѣстно въ звёздѣ шестой величины на на южномъ небѣ, не доходитъ даже до $8''$ въ годъ, значить звёздѣ этой понадобится бы цѣлыхъ 230 лѣтъ, чтобы перемѣнить свое мѣсто между другими звёздами на одну ширину луны.

На сѣверномъ небѣ звёзда съ наибольшимъ извѣстнымъ намъ собственнымъ движеніемъ—находится въ Большой Мед-

вѣдичѣ на границѣ съ «Охотничьей собакой», и принадлежит къ шестой-седьмой величинѣ; она проходитъ путь одной ширины луны въ 260 лѣтъ. Свѣтлая звѣзда первой величины, Арктуръ— α Ботеса, употребила бы для этого 800 лѣтъ,—и это еще наибольшее движеніе, видимое между всѣми свѣтлыми звѣздами сѣвернаго неба до четвертой величины. По этимъ числамъ станетъ понятнымъ, почему о движеніи неподвижныхъ звѣздъ узнали только въ повѣйшее время, а въ древности и въ средніе вѣка ничего не подозревали объ немъ. Если мы сравнимъ звѣзды, движеніе которыхъ изслѣдовано и число которыхъ уже превышаетъ 3.000, относительно величины ихъ собственнаго движенія, то окажется, что чѣмъ слабѣе звѣзды, тѣмъ среднимъ числомъ уменьшается величина движеній—между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ слабыхъ звѣздъ встрѣчаются весьма сильныя, даже наиболѣе сильнѣйшія движенія, какъ мы уже видѣли это.

Фактъ этотъ приводитъ къ мысли, что такія имѣющія сильное движеніе звѣзды должны быть менѣе отдалены отъ насъ, чѣмъ тѣ которыя медленнѣе перемѣняютъ свое мѣсто на небѣ,—потому что если дѣйствительныя движенія звѣздъ въ пространствѣ не очень различны, то наибольшая видимая перемѣна мѣста будетъ для насъ всего замѣтнѣе въ ближайшихъ къ намъ звѣздахъ. Если съ другой стороны принять, что настоящая величина и свѣтъ звѣздъ приблизительно одинаковы, то это приведетъ насъ къ заключенію, что чѣмъ звѣзда кажется свѣтлѣе, тѣмъ ближе она къ землѣ,—потому что чѣмъ болѣе отдаленя мы отъ блестящей точки, тѣмъ она кажется намъ слабѣе. И такъ, рассматривая различныя собственныя движенія и яркость звѣздъ, мы непосредственно приходимъ къ вопросу объ отдаленіи ихъ отъ насъ.

(Окончаніе будетъ).

ПРЕРВАННЫЙ СЕАНСЪ.

(Разсказъ художника).

...Стаканы снова были наполнены — и онъ началъ:

— Ну, господа, коли хотите—извольте, разскажу. Слушайте. Въ одно прекрасное утро является ко мнѣ нѣкій весьма солидный мужъ и говоритъ: «Желаю заказать вамъ картину... то есть собственно-о не картину, а-а-а портретъ»... Онъ крикнулъ, я поклонился.—«Нарисуйте вы мнѣ совершенно обнаженную нимфу... не стѣнясь... понимаете? Поза—по вашему вкусу»...

— Вид, кажется, сказали прежде—портретъ?

— Ну—да, да! Позвольте-съ...

Онъ слегка нахмурилъ брови, неторопливо вытащилъ изъ бокового кармана сюртука великолѣпный бумажникъ, изъ котораго и вынулъ фотографическую карточку.

— Вотъ-съ, для нимфы вы возьмете это лицо. Конечно, вамъ придется значительно увеличить его. Надѣюсь, что относительно сходства постараетесь... Ну-съ, что касается тѣла... то-о... полагаю, вы имѣете натурщицу...

Баринъ былъ важный, говорилъ басисто, причѣмъ частенько тинуть гласную на концѣ слова. Одѣтъ былъ по послѣдней модѣ. Я взглянулъ на карточку... Это былъ портретикъ одной довольно-извѣстной «каскадиной» пѣвицы. Мы условились относительно размѣра картины и гонорара. Я не поцеремонился съ нимъ—заломилъ порядочную цѣну. Баринъ приподнял брови, потомъ опустилъ углы губъ и произнесъ: «Я думалъ будетъ-э-э дороже»... затѣмъ любезно улыбнулся, раскланялся и торжественно вышелъ. Я посмотрѣлъ на его важный затылокъ и невольно воскликнулъ: вотъ бы Самойлову взглянуть на этотъ затылокъ!..

Ну-съ, занялся я нимфой. Для природы пригласилъ Варю — постоянную мою сотрудницу въ такихъ случаяхъ. Работа быстро подвигалась. Баринъ довольно часто навѣщалъ меня... Онъ, видите-ли, непремѣнно хотѣлъ бывать на сеансахъ. Я, разумѣется, безъ согласія Вари не могъ исполнить такой просьбы, но Варя (славная она дѣвушка!) махнула рукой... «Пусть, говоритъ, сидитъ! Если онъ настолько неадекватенъ, что хочетъ отягчить ремесло натурщицы—Богъ съ нимъ! Мое лицо, говорить, не нужно—ну, такъ онъ его и не увидитъ: я полумаску надѣну (отъ маскарада осталась) и все время буду въ полумаскѣ... Только предупреди его, что статуя-то эта живая, а потому правая рука у нея можетъ ударить кого угодно и куда угодно... Пусть такъ и знаетъ»...

Баринъ, впрочемъ, велъ себя прилично, да и я бы не потерялъ никакой невѣжливости съ его стороны относительно Вари. Ну-съ, вотъ, однажды, сижу это я, рисую нимфу (почти кончаю); Варя стоитъ, болтаемъ мы съ ней о разныхъ разностяхъ—вдругъ динь-динь-динь!

— Если онъ—такъ что-то раненько, замѣтила Варя:—гдѣ моя полумаска-то?.. А можетъ быть заказчикъ какой-нибудь. Я ужъ лучше пойду за ширмы, а ты спровадь его поскорѣй!..

Не успѣла она скрыться, какъ за портберой прозвучалъ довольно пріятный женскій голосъ: «Можно?» и, не ожидая отвѣта, въ комнату вошла дама, нарядно одѣтая, повидимому аристократка. За нею появилась другая — съ виду компаньонка. Выглянулъ и ливрейный лакей...

— Вы художникъ-портретистъ? спросила дама, медленно подходя ко мнѣ.

На видъ ей было лѣтъ подъ сорокъ. Лицо ея было желтовато-блѣдное, глаза какъ будто безпокойныя.

— Да-съ. Прошу присѣсть. Вамъ угодно заказать свой портретъ?

— Н-да, портретъ. Надѣюсь, въ цѣнѣ сойдемся.

Она оглянула комнату и слегка сдвинула брови.

— Вы, кажется, занимались сейчасъ... Вы одни?

— Да, и я дѣйствительно теперь очень занятъ...

— Чѣмъ больше работы, тѣмъ лучше... Гдѣ же мнѣ сѣсть?

Ахъ—да! обратилась она вдругъ по-французски къ спутницѣ своей:—вы можете ѣхать... Черезъ часъ заѣзжайте за мной. Скажите Кузьмѣ, что онъ прямо можетъ подѣхать сюда, не останавливаясь на углу.

Компаньонка и лакей исчезли. Развязность барыни такъ меня удивила, что я растерялся и меня обдало холодомъ...

— Но, позвольте, милостивая государыня...

— Гдѣ же я сяду? повторила она.

— Но извините... Я вѣдь вамъ говорилъ, что занятъ... Рѣшительно не имѣю теперь времени!

— Ахъ, Боже мой! Вы говорите? Но... я вѣдь отослала ужъ экипажъ... Я думала, что... Развѣ вы не можете отложить вашу работу и заняться мной? Вѣдь только часъ—не больше...

Блѣдная Варя! мелькнуло у меня въ головѣ.

— Пожалуй, я-бы могъ отложить... Но вѣдь надо же кое-что приготовить. Напримѣръ, у меня и холста нѣтъ свободнаго...

— А это что?

Она быстро подошла къ нимфѣ; заглянула, вспыхнула и отвернулась отъ картины.

— Ну, не надо па холстѣ. Вы вѣдь можете сдѣлать акварельный портретъ? Это для меня все равно, но мнѣ непремѣнно нужно, чтобы портретъ мой былъ сегодня непремѣнно начатъ... Не-пре-мѣнно! Рисуйте-же! Бумага найдется... Я сажусь (она сѣла). Такъ хорошо будетъ?..

Ахъ, какъ скверно! О, Варя! чуть не воскликнулъ я, не зная что дѣлать...

— Что-жъ вы стоите? Однако, какъ вы съ дамами нелюбезны, молодой человекъ! Сами же вы виноваты, что я отослала карету... Ну, вотъ, я и должна остаться! прибавила она вконецъ.

Я боялся, чтобы Варя не разсердилась и не выкинула бы со злости какой-нибудь штуки... Наконецъ, она могла чихнуть, кашлянуть... Каково простоять цѣлый часъ не шевелясь! Я ухватился за соломенку:

— Я рисую преимущественно масляными красками, а потому, къ сожалѣнію... Да и акварельныхъ красокъ у меня нѣтъ!

— Ахъ, какъ это скучно! Ну, рисуйте просто карандашомъ, лишь бы похоже было!

Вотъ присничаю! Снимаю портретъ—и баста! Что за причина?.. Но барыня не давала мнѣ времени размышлять и смѣлся проговорила:

— Не сердитесь! Все равно, вѣдь это не поможетъ...

— Хорошо-съ, на полчаса я согласенъ, но больше, клянусь, не могу, не имѣю времени... Меня ждутъ! Если вы боитесь...

— Но вѣдь экипажу я велѣла черезъ часъ...

— Развѣ вы совсѣмъ не ходите пѣшкомъ? Днемъ вѣчего бо-яться, да и погода хорошая...

— Я ни-когда не хо-жу по улицамъ, отчеканила она и весело усмѣхнулась:—извольте же рисовать! Я никакъ не думала, что господа художники такіе упрямые...

Я схватилъ бумагу, карандашъ, и только хотѣлъ сѣсть, какъ къ подъѣзду подкатили дрожки и, секунды двѣ спустя, звякнувъ колокольчикъ. Должно быть—мой баринъ явился; ну, на этотъ разъ неудачно!.. Смотрю: барыня насторожила уши и даже слегка приподнялась... Любитель нимфы, снимая пальто въ прихожей (это дѣйствительно былъ онъ), основательно крикнулъ. Дама покраснѣла, вскопчила лш, стремглавъ бросилась-за ширмы! Варя слабо вскрикнула отъ такой неожиданности, вскрикнула и барыня... Потомъ все стихло...

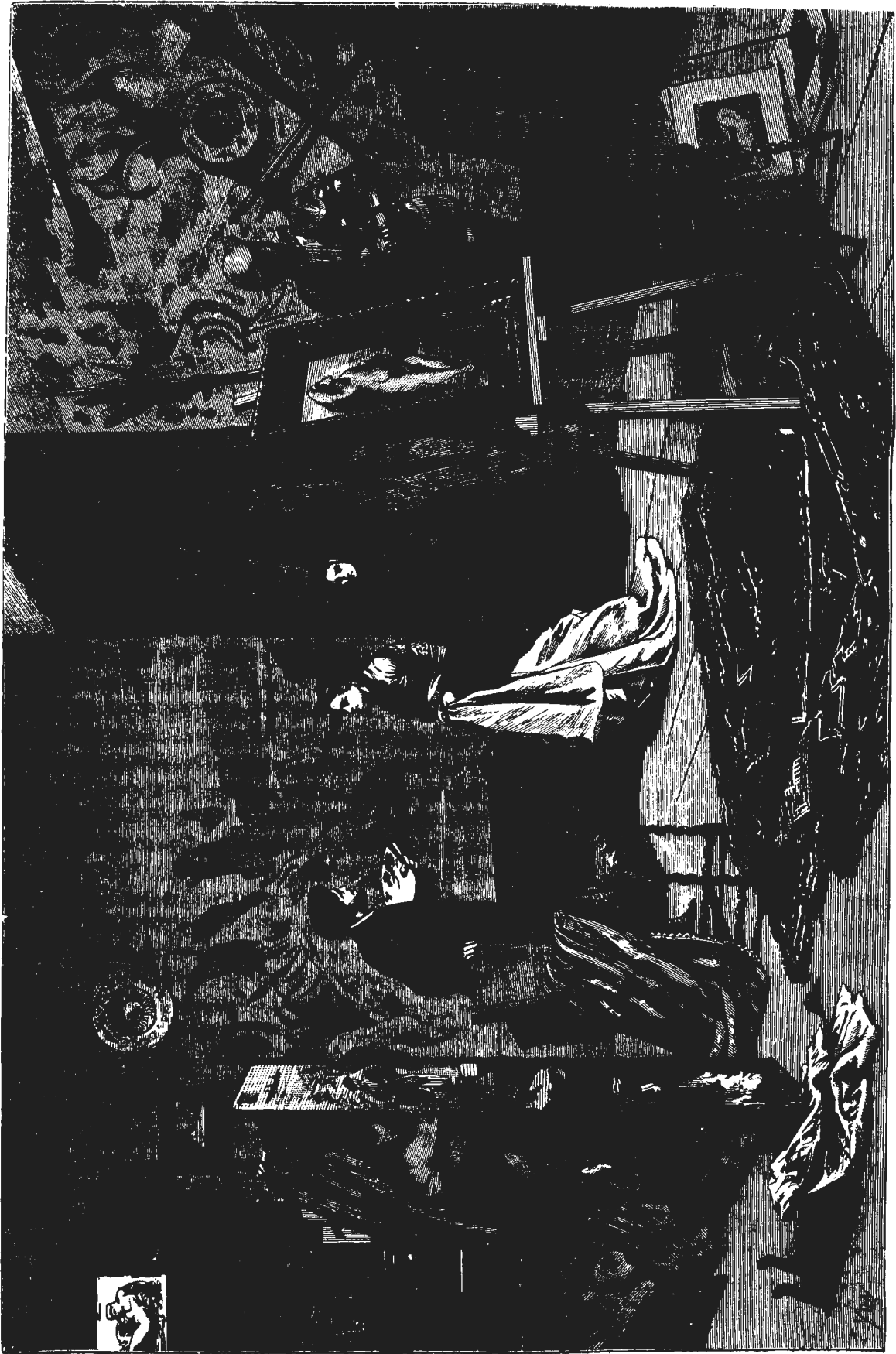
— Здравствуйте, звучнымъ баритономъ поздоровался со мною гость и, весь сияющій, самодовольный, протянулъ мнѣ руку.—Заѣхалъ, знаете-э, на минутку... Такъ и тянетъ сюда!.. А гдѣ же прелестная Діана? Или ужъ кончево? Вы одни? А я такъ жаждалъ ее увидѣть... Право-о жаждалъ!..

Варя не выдержала—она громко фыркнула.

— Э! да она, шалунья, спряталась?..

Но тутъ премиленькая вышла сцена! Не сдумью, господа, передать ее, а потому просто скажу: не успѣлъ онъ проговорить этой фразы, какъ изъ-за ширмы вышла барыня—блѣдная, но спокойная, даже величавая... Любитель нимфы такъ и застылъ на мѣстѣ...

— Петръ Ивановичъ, заговорила она твердымъ голосомъ:—ва-

Прерванный сеанс. Картина Корраццо, грав. Юнг.

ша Диана здѣсь, впрочемъ это вы и сами знаете, но костюмъ не позволяетъ ей выйти оттуда. Такъ какъ г. художникъ рѣшительно не имѣетъ времени рисовать съ меня, а я поторопилась отослать карету—то не угодно ли вамъ сопроводить меня домой на дрожжахъ? Слѣдуйте за мною.

Она чуть кивнула мнѣ и направилась къ дверямъ. Баринъ, красный какъ ракъ, смиренно пошелъ за нею...

«Диана» выскочила пзъ-за ширмъ и разразилась неудержимымъ, звонкимъ хохотомъ.

— О, ревность! Нѣтъ, вѣдь какъ ловко поймала она муженька-то! вскрикивала Варя.—Выслѣдила—ха, ха, ха! У ревнивыхъ чутье первый сортъ!.. Ну, допнулъ, значитъ, этотъ заказ!..

УТРО ВЪ ДЕРЕВНѢ

(Посвящается М. Д. Р—ской).

Зажглася искорка разсвѣта
Въ туманѣ сѣвера почномъ,
Зари алмазный отблескъ свѣта,
Песя съ востока лучъ привѣта,
Встаютъ на небѣ голубомъ.
И что за утро!.. крохотко, нѣжно
Лучъ солнца просится въ окно,
И въ ризѣ листьевъ бѣлоснѣжной
Зоветь подъ снѣгъ свою мятежно
Аллея тополей давно.

Тамъ, подъ недвижными тѣнями
Маститыхъ, вѣковыхъ деревъ,
Укрылась робко за кустами,
Зари испугана лучами,
Царица нѣги, грѣзы и сновъ.

Скорѣй туда!.. какъ будто слышу
И шелестъ платья и шаговъ,
И страстный чудится мнѣ зовъ,
И силуэтъ я стройный вижу
За клумбой дальнею цвѣтовъ.

Скорѣй туда!.. Востокъ горитъ
Огней жемчужными кругами,
Миръ потонулъ подъ ихъ волнами,
И сердце нѣга вновь томитъ
Блаженства мукой и слезами.

Скорѣй! скорѣй!.. тамъ счастье мнѣ,
Какъ прежде, снова удивится,
Вновь страсть забытая проснется,
И утра въ томной тишинѣ
На зовъ мой муза отзовется...

«Муза, о муза моя вдохновенная,
Въ пламени мысли и свѣта рожденная,
Чудная, стройная, дивно прекрасная,
Муза, царица моя полновластная,
Вновь ты къ пѣвцу низлети!

«Снова чело его мыслью высокою,
Чистой, какъ небо, какъ море глубокою,
Мыслью живой освѣти.

«Сколько разъ—помню я—грѣзой плѣнительной,
Легкимъ видѣньемъ, мечтой обольстительной,
Поздней вечерней порой,

И, дѣйствительно, баринъ больше уже не являлся ко мнѣ, даже не освѣдомлялся о картинѣ. Надо думать, что крѣпкую вынесъ онъ головомоюку и — раскаялся... Вотъ, господа, и все!

— Твой трудъ такъ и пропалъ? спросилъ одинъ изъ слушателей.—Вѣдь нимфа была почти окончена?

— Ну, нѣтъ!.. нимфы, братъ, не пропадаютъ. Товаръ ходкій. Картину эту (лпцо-то нимфы, конечно, я передѣлалъ) продалъ я довольно выгодно одному адвокату... «Мнѣ, говоритъ, для кабинета моего, такого рода «смягчающія обстоятельства» потребны»... Купилъ, можно сказать, съ удовольствіемъ! А что, господа, не послать ли еще за дюжиной?..

«Вся совершенство, восторгъ, обаяніе,
Полнаи жизни, любви и желанія,
Ты появлялась предъ мной!

«Сколько разъ звуками пѣсенъ могучими,
Сильными, чудными, нѣжно пѣвучими,
Ты вдохновляла пѣвца!

«Съ нимъ коротала ты ночи, счастливая,
И убѣгала въ слезахъ, прихотливая,
Пѣсни не спѣвъ до конца.

«Муза, я снова къ тебѣ обращаюсь,
Съ жаркой мольбою предъ тобой склоняюся,
Жажду я пѣсень твоихъ,

«Жажду глаголовъ я, муза, божественныхъ,
Гимновъ властительныхъ, гимновъ торжественныхъ,
Звуковъ восторга святыхъ»...

— «Нѣтъ!» отвѣчаетъ мнѣ муза смущенная,
Страстнымъ воззваніемъ моимъ пробужденная,—
«Ты уже мнѣ измѣнилъ:

Мысли и думы, мечты сокровенныя,
Все ты къ столамъ чаровницы надменныхъ

Нѣги и сновъ положишь...
Съ ней будь и счастливъ!..—«Аминь!»
Спянь же, проклятая, сгни!»...

И вотъ въ тотъ мигъ, когда жизнь радостно вокругъ
Ручьями черезъ край изъ чаши полной плещетъ,
Столѣтнихъ тополей серебристый листъ трепещетъ,—
Волнуясь и холмясь, дымится синій дугъ,
И въ капелькѣ росы алмазомъ солнце блещетъ,—
Когда въ лазури дня встаетъ святая цѣль
И счастье мнѣ сулитъ въ грядущемъ безконечно,
И вѣетъ и ползетъ вокругъ тычинки хмѣль,
Рокочетъ и звучитъ въ рыданіяхъ свирѣль
И льется трель ея вдали волной безпечной,—
Когда мечты и мысль и самая любовь,
Любовь желанная, манятъ въ свон объятія,
И нѣги новыи миръ сулятъ безумцу вновь,—
Я мрачно злобствую, бушуетъ жолчь и кровь
Въ моей большой груди, и льются съ устъ проклятія...

П. Мартыяновъ.

С М Ъ С Ъ.

Папирусъ Эберса. Объ этомъ свертокѣ папируса, названномъ по имени открывшаго его лейпцигскаго профессора египтологин, др. Георга Эберса, въ одномъ изъ засѣданій лейпцигскаго «общества любителей землѣвѣднія», былъ прочитанъ самимъ профессоромъ отчетъ, содержаніе котораго мы передаемъ здѣсь со словъ «Лейпцигской газеты». Кустарникъ папируса росъ прежде въ большомъ количествѣ въ Египтѣ, преимущественно на Нильской дельтѣ; теперь, съ болѣею частью флоры и фауны, онъ отодвинулся на югъ, къ блѣлому Нилу. Также и въ Сициліи и въ окрестностяхъ Сиракузъ существуютъ еще цѣлыя лѣса папируса. Вещество добытое изъ внутренности растенія — разрѣзывалось на тонкія пластинки, которыя наклеивались одна на другую, выглаживались слоновыми зубами, и въ такомъ видѣ, смотря по ихъ добротѣ, поступали въ разныхъ сортахъ въ торговлю; лучшіе сорта приготавливались кажется изъ папируса, росшаго около Саиса. Изъ огромнаго количества папирусовъ, сохранявшихся въ древне-египетскихъ библиотекахъ, уцѣлѣла относительно только небольшая часть. Ихъ находятъ въ землѣ, въ герметически-закупоренныхъ горшкахъ, всего чаще вмѣстѣ съ муміями. Величайшій папирусный свертокъ находится въ Британскомъ музеѣ и называется папирусомъ Гарриса; второй по величинѣ—это папирусъ открытый и пріобрѣтенный др. Эберсомъ въ Фивахъ. Первый изъ нихъ имѣетъ 144

футовъ, второй 23 метра длины. Если бы не невѣжество арабовъ, которые часто разрѣзываютъ такіе свертки на нѣсколько кусковъ, и такъ по частямъ пускаютъ ихъ въ продажу, то мы имѣли бы гораздо больше папирусовъ. Написанный на нихъ текстъ охватываетъ почти все области знанія, кромѣ драматическаго искусства; самый лучшій и богатый отдѣлъ принадлежитъ поэзи. «Папирусъ Эберса»—медицинскаго содержанія; онъ найденъ былъ въ Фивахъ при одной муміи еще тридцать лѣтъ тому назадъ, но его долго скрывали, потому что египетское правительство само старается, за недорогою цѣну, покупать такія вещи. Переговоры съ арабомъ, въ рукахъ котораго г. Эберсъ нашелъ названный папирусъ, плохо подвигались впередъ—и уже грозили кончиться ничѣмъ, такъ какъ въ то же время директоръ Британскаго музея торговалъ этотъ самый папирусъ; но лейпцигскому ученому помогъ случай въ лицѣ одного его соотечественника Макса Гюнтера, черезъ посредство котораго онъ могъ тотчасъ же вручить купцу чистымъ золотомъ половину условленной цѣны. Король Іоаннъ пріобрѣлъ папирусъ и подарилъ его лейпцигскому университету. Папирусъ этотъ раздѣленъ на 110 страницъ, которыя перенумерованы; недостаетъ только двухъ цѣфр—28 и 29, потому что «это дурныя числа для большихъ»; текстъ между тѣмъ продолжается непрерывно. Последній чрезвычайно правдивъ, написанъ довольно грам-

матично. Какъ и въ другихъ сверткахъ, начальныя буквы въ немъ выведены красными чернилами, остальное черными. Судя по содержанию, это руководство къ составленію и употребленію лекарствъ. Въ числѣ послѣднихъ помѣщены формулы различныхъ заклятія (не надо смѣшивать этого съ строго-запрещенными колдовскими средствами), такъ какъ для исцѣленія больныхъ допускалось призывать боговъ. Даваемые здѣсь рецепты касаются всѣхъ частей тѣла; тутъ же описываются и косметическія средства, различные рецепты для рошенія волосъ, даже разныя средства выводить крысы и насѣкомыхъ, и проч. Ораторъ сообщилъ буквально начало введенія папируса, и заключилъ свое чтеніе сообщеніемъ, что подъ его руководствомъ готовится къ выходу въ свѣтъ книга, поразительно схожая съ оригиналомъ разбираемаго папируса. При этомъ онъ предложилъ на разсмотрѣніе собранія уже отпечатанные пробныя листы этого интереснаго изданія.

Рихардъ Вагнеръ. Отъ 28-го января 1875 года, Рихардъ Вагнеръ разослалъ изъ Бейрута циркуляръ всѣмъ артистамъ и артистамъ, которые должны или желали бы принять участіе въ бейрутскихъ театральныхъ празднествахъ. Мы заимствуемъ изъ этого посланія самыя важныя мѣста: На первой недѣлѣ іюля 1875 г. назначается «ортепанная репетиція «Рейнгольда», на второй недѣлѣ пойдетъ репетиція «Валькеры», на третьей «Зигфрида», на четвертой — «Сумерокъ боговъ». Отъ 1-го до 15-го

августа репетиція повторится съ участіемъ полного оркестра, а конецъ мѣсяца будетъ употребленъ для репетицій трудныхъ сценическихъ эволюцій. Мѣсяцы іюнь и іюль 1876 года назначаются для полныхъ генеральныхъ репетицій всего творенія. На первой недѣлѣ августа 1876 г. дано будетъ первое представленіе всего творенія въ слѣдующемъ порядкѣ: въ воскресенье, 4-го августа, въ 7 часовъ вечера: начало представленія «Рейнгольда»; въ понедѣльникъ, въ 4 часа пополудни: «Валькура», первый актъ, въ 6 часовъ второй актъ, въ 8 часовъ третій актъ. Въ эти продолжительные антракты публика можетъ пріятно прогуливаться на открытомъ воздухѣ, или проводить время въ крытыхъ садовыхъ галлереяхъ, устроенныхъ для отдыха артистовъ и примыкающихъ непосредственно къ ихъ уборнымъ. Во вторникъ также въ 4 часа по полудни начало «Зигфрида». Въ среду въ тѣ же часы «Сумерки боговъ». Въ такомъ же точно порядкѣ, на второй недѣлѣ августа пойдетъ первое, а на третьей недѣлѣ второе повтореніе полнаго представленія. Дальше Вагнеръ говоритъ въ своемъ циркулярѣ о трудностяхъ предпріятія и о томъ, что успѣхъ вполне зависитъ единственно отъ безусловной готовности артистовъ содѣйствовать ему. Затѣмъ Вагнеръ требуетъ, чтобы съ пѣвцами и пѣвицами былъ заключенъ обязательный контрактъ, и проситъ ихъ немедленно объявить ихъ условія. При этомъ онъ упоминаетъ, что матеріальныя его средства такъ велики, что онъ не будетъ лишенъ содѣйствія нѣ одного избраннаго имъ артиста изъ-за непреодолимыхъ денежныхъ затрудненій.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Придворныя извѣстія.

— Его Величество Государь Императоръ изволилъ прибыть, 25-го сего іюня, въ 10^{1/2} часовъ утра, изъ-за границы въ С.-Петербургъ.

— Въ „Варш. Дневн.“ напечатано: Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать пятнадцать тысячъ рублей для оказанія денежнаго пособія бѣднѣйшимъ жителямъ Царства Польскаго.

— 23-го іюня, съ разсвѣтомъ, отправился изъ Кронштадта колесный пароходъ „Дитиръ“, посланный въ Ригу для встрѣчи его величества Короля Шведскаго и Норвежскаго.

— 26-го сего іюня, въ 3 часа пополудни, изволила прибыть въ Петергофъ ея королевское высочество вдовствующая Великая Герцогиня Мекленбургъ-Шверинская.

— По случаю кончины его величества Императора Австрійскаго Фердинанда I, Высочайше повелѣно наложить трауръ при Высочайшемъ Дворѣ на двадцать восемь дней, съ обыкновенными раздѣленіями, начавъ съ 18-го сего іюня.

Дѣйствія правительства.

— 13-го мая Высочайше повелѣно: Въ измѣненіе § 2 Высочайше утвержденнаго 30-го іюня 1871 г. устава гимназій и прогимназій постановить: „Въ гимназіи полагается восемь классовъ, съ годичнымъ въ каждомъ изъ нихъ курсомъ“.

— 1-го іюня Высочайше повелѣно: для пополненія армии и флота призвать въ 1875 г., въ предписанномъ уставомъ о воинской повинности порядкѣ, сто восемьдесятъ тысячъ человекъ, полагая въ этомъ числѣ и тѣхъ, которыми представлены будутъ въ предстоящій призывъ освобождающія отъ службы зачетныя рекрутскія квитанціи прежняго времени. Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать къ исполненію сего надежащее распоряженіе“.

— Въ разъясненіе возбужденнаго въ одной изъ газетъ вопроса, будетъ ли допущенъ обмѣнъ 10 коп. почтовыхъ марокъ прежняго образца на выпущенныя, съ 18-го сего іюня, новыя марки, почтовый департаментъ объявляетъ къ свѣдѣнію публики, что такъ какъ марки и штемпельные конверты прежняго образца не изымются изъ обращенія и оплаченныя ими письма будутъ пересылаться по почтѣ безпріятственно, то посему въ обмѣнѣ прежняго образца марокъ на новыя не представляется надобности“.

Народное просвѣщеніе.

— Въ послѣднее время открыты слѣдующія учебныя заведенія: 20-го февраля 2-хъ-

классное училище въ г. Вязьмѣ, въ мартѣ одноклассное начальное народное училище *М. И. П.* въ селѣ Лишовой долины Гадячскаго уѣзда Полтавск. губ.; 22-го апрѣля такое же училище въ с. Поповой гребѣ, Ольгопольскаго уѣзда. Подольск. губ.; 12-го апрѣля 2-хъ-классное начальное народное училище *М. И. П.* въ с. Петрушинѣ Черниговск. губ. и уѣзда, и одноклассное такое же училище въ м. Купелѣ, Староконстантиновскаго уѣзда. Волынской губ.; 1-го мая двухклассное такое же училище въ с. Путятинѣ, Саношковскаго уѣзда, Рязанск. губ.

— Смѣлянское одноклассное начальное народное училище, Роменскаго уѣзда, преобразовано въ двухклассное Министерства Народнаго Просвѣщенія; утѣихся въ этомъ училищѣ 103 мальчика и 11 дѣвочекъ.

— Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ пишутъ, что 15-го іюня, въ крѣпости Динабургѣ открытъ фребелевскій дѣтскій садъ, куда и поступило 11 дѣтей. Устройство сада вызвано необходимостью посотить семейнымъ офицерамъ и чиновникамъ, при первоначальномъ воспитаніи и обученіи ихъ дѣтей. Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Екатерина Михайловна изволила принять садъ подъ свое высокое покровительство.

— Въ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ пишутъ, что десять лѣтъ назадъ въ Харьковѣ существовали только два, дурно снабженные книжныя магазина; въ настоящее время число магазиновъ, торгующихъ книгами, возрасло до восьми, и ихъ операція расширяются съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе.

Морское дѣло.

— Изъ Балаклавы пишутъ въ „Одесскій Вѣстникъ“, что туда въ непродолжительномъ времени доставлены будутъ изъ Марселя машины, которыми предполагается достать со дна моря потонувшія суда англійскаго флота, въ томъ числѣ и транспортъ съ золотомъ. Къ работамъ дѣлаются уже предварительныя приготовленія.

— Въ Одессу прибыли надіяхъ изъ Англии — пишутъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ — яхты „Мечта“ и „Радость“. Этими приобрѣтеніями положено основаніе учреждающемуся въ Одессѣ отдѣленію яхт-клуба, уставъ котораго будетъ утвержденъ въ непродолжительномъ времени.

— 20-го іюня, въ 9 часовъ вечера, пришла въ Кронштадтъ американская яхта-шхуна „Энчантрессъ“, принадлежащая П. Ф. Люба. Г. Люба сопровождалъ въ 1866 году въ Россію г. Фокса, въ качествѣ секретаря по дипломатической части, и дѣлалъ вмѣстѣ съ

г-мъ Фоксомъ и офицерами «Міантономо» и „Августа“ поѣздку въ Москву, Нижній и Кострому. Въ настоящее время г-нъ Люба снова посѣтилъ Россію, въ качествѣ туриста, на своей собственной роскошной яхтѣ „Энчантрессъ“, принадлежащей Нью-Йоркскому яхт-клубу. Яхта „Энчантрессъ“ имѣетъ до 198 тоннъ водоизмѣненія и сидитъ въ водѣ до 14^{1/2} футовъ. На яхтѣ находится 21 человекъ команды. Въ Кронштадтѣ яхта прибыла изъ Копенгагена, сдѣлавъ переходъ подъ парусами въ 7 дней.

Городская хроника.

— Въ «Пермскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» пишутъ, что купецъ Е. И. Зыряновъ пожертвовалъ 100.000 р. на устройство въ гор. Кунгурѣ, Пермской губерніи, богадѣльни. Кроме того, въ настоящее время одинъ изъ мѣстныхъ купцовъ, почетный гражданинъ А. С. Губкинъ, строитъ въ городѣ на свой счетъ великолѣпный каменный домъ подъ ремесленную школу, стоящій около пятисотъ тысячъ руб. сер.; вмѣстѣ съ тѣмъ пожертвовано имъ же шестьсотъ тысячъ руб. на содержаніе этой школы.

— Почетные граждане братья Бахрушины, семь лѣтъ тому назадъ, уредили въ гор. Зарайскѣ богадѣльню и школу, внеся въ городскую думу на ихъ содержаніе капиталъ въ 32.000 р.; для помѣщенія же этихъ заведеній прибрѣтены ими домъ съ церковью за 9.500 руб. Съ того времени Бахрушины не переставали заботиться объ улучшеніи и расширеніи устроенныхъ ими заведеній, изъ коихъ въ богадѣльнѣ содержится нынѣ 39 чел., а въ школѣ обучается 55 дѣвочекъ; деревянныя же строенія для помѣщенія сихъ заведеній замѣнены каменными. Затѣмъ въ настоящее время предложено устроить каменную церковь, съ замѣною каменными же и остальныхъ строеній. Независимо отъ того, въ прошломъ году Бахрушины выразили готовность пожертвовать городу 2.000 р. на улучшеніе средствъ богадѣльни и 7.000 р. на улучшеніе средствъ школы.

— Московскій купецъ И. Д. Бабаевъ въ 1873 г. пожертвовалъ въ пользу гор. Коломны 2.000 р. на учрежденіе пріюта для бѣдныхъ дѣтей. Въ текущемъ же году Бабаевъ вмѣстѣ съ женою, пожертвовалъ на пріютъ еще 8.000 рублей.

— Душеприказчикъ покойной графини Е. А. Ланжеронъ, генералъ-майоръ Орлай, во исполненіе духовнаго завѣщанія покойной, представилъ въ одесскую городскую управу 6.600 руб. на предметъ призрѣнія лишен-

ныхъ зрѣнія и искалѣченныхъ инвалидовъ, проживающихъ въ гор. Одессѣ.

— Нижнеомовскій городской голова, коллежскій совѣтникъ Н. Ф. Орловъ, при посредствѣ привлеченныхъ имъ частныхъ пожертвованій и съ затратою собственныхъ своихъ средствъ, устроилъ домъ для помѣщенія ремесленной школы въ Нижнемъ-Ломовѣ, стоимостью (опредѣленною для застрахованія сего имущества) до 1.000 рублей.

— С.-Петербургская городская дума утвердила представленіе городской управы о томъ, чтобы расходъ, назначаемый по ново-

му окладу на пенсіи семействамъ убитыхъ и увѣчныхъ на пожарахъ нижнихъ чиновъ (унтеръ-офицерамъ 63 р. 57 коп. и рядовымъ 57 р. въ годъ), производился изъ городскихъ доходовъ, какъ расходъ не обременительный для города, по своей незначительности.

Ученныя и другія общества.

— Состоящее при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ общество естествоиспытателей командировало въ нынѣшнемъ году въ южную часть Олонецкой губерніи, для изслѣдованія ея въ геологическомъ отношеніи, кандидата С.-Петербургскаго уни-

верситета Слуцкаго, сопутствовавшего въ 1873 году профессору Иностранцеву въ геологической экскурсіи по Повѣнецкому уѣзду.

СОДЕРЖАНІЕ: Аму-Дарьинская ученая экспедиція (съ 2 рисунками). — Соборъ Св. Петра въ Римѣ (съ рисункомъ). — Орель-дѣвка (изъ жизни въ Тиролевскихъ альпахъ) по вѣсть Вильгельмина фонъ - Гиллертъ - Бирхъ (продолженіе). — Троническая вушальня (съ рисункомъ). — Обзоръ небеснаго свода. — Прерванный сеансъ (съ рисункомъ). Утро въ деревнѣ (стихотвореніе) П. Мартянова. — Сибирь. — Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Клошниковъ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я

Сего 1-го ЮЛЯ вышла и разслана подписчикамъ V-я, ЮЛЬСКАЯ, книга ежемѣсячнаго историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе книги: I. Архимандритъ Фотій, настоятель Новгородскаго Юрьева монастыря: биографическій очеркъ 1798—1838 гг. Распоряженія его по монастырю;—переписка съ графиней Анной Орловой и проч.—II. Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ: очеркъ его жизни и литературной дѣятельности;—писма къ нему друзей 1817—1825 гг.—III. Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго о министрѣ народн. просвѣщ. Александрѣ Семеновичѣ Шишковѣ.—IV. Французская армія предъ войной съ Россіей, 1792—1809 гг. (окончаніе).—V. Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій: его писма и замѣтки идеалъ художника; характеристика М. И. Главки и проч.—VI. Листы изъ записной книжки „Русской Старинѣ“ 1) Афиша времени Петра Великаго.—2) Отправка сѣмной русскихъ купцовъ въ Англію, 1766 г.—3) Пугачевскіе листы 1774 г.—4) Проектъ удаленія Турокъ съ Чернаго моря, 1780 г. (съ рисункомъ проекта медали на предполагавшееся взятіе Константинополя русскими въ 1780-хъ гг.).—5) Два приказа Павла I-го 1799 г.—6) Замыселъ Фигнера въ 1812 г.—7) Гидрографическая карта Россіи въ 1842 г.—8) Разсказъ о кончинѣ А. П. Ермолова.—9) Стихотвореніе Печорина.—10) Разсказы и анекдоты.—VII. Петербургская Старина: новости, объявленія и распоряженія правительства въ 1796 г.—VIII. Замѣтка о портретѣ Фотія.—IX. Библиографическій листокъ русскихъ книгъ.

Приложенія. I. Записки генерала Манштейна о Россіи, 1728—1744 г. переводъ съ французскаго подлинной рукописи автора. Гл. VIII—IX: событія 1733—1738 гг.—II. Снимки автографовъ русскихъ 1817—1825 гг.—III. Портретъ Архимандрита Фотія. Рисованъ К. О. Брожъ, гравированъ Академикомъ Л. А. Сѣряковъ.

ПОДПИСКА на „Русскую Старину“ изд. 1875 г. продолжается. Цѣна за 12-ть книгъ, со всѣми приложеніями: портретами, рисунками и снимками—ВОСЕМЬ рублей съ пересылкой.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“—въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова (Певскій. 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ив. Григорьевича Соловьева—на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. Иногородныхъ подписчиковъ просятъ исключительно обращаться въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.

Подписчики получаютъ всѣ вышедшія съ января книги „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1875 г. (Осталось 132 экз.).

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1870 г. (два изданія), 1871 г., 1873 г. и 1874 г. стоима разошлись по подпискѣ. „Русскую Старину“ 1872 г. (второе изд.) можно получить всѣ 12 книгъ: (Осталось 35 экз.).

Оканчивается печатаніемъ въ двухъ типографіяхъ и къ 1-му августа 1875 г. выйдетъ новое, третье, изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 г., годъ первый, въ трехъ томахъ всего до 2600 страницъ съ приложеніемъ портретовъ и до пятидесяти рисунковъ (виньетокъ), гравированныхъ акад. Сѣряковъ.

Цѣна за новое изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 г. съ приложеніями—8 руб. съ пересылкой.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТОРГОВЛѢ

П. ЮРГЕНСОНА,

Москва, Петровка, № 6.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ГАРМОНИУМЫ:

Александра отца и сына въ Парижѣ:

13 различныхъ величинъ, цѣною отъ 60 до 550 р.

Гармониумы изъ Штутгарта

цѣною отъ 140 до 500 руб.

Гармониумы Эстей въ Америкѣ,

цѣною отъ 140 до 850 руб.

Гармонифлюты и гармониумы,

цѣною отъ 45 до 125 руб.

Ручныя гармоники,

цѣною отъ 4 до 30 р.

Шарманки, гармонифлюты и гармониумы,

съ валами, играющія русскія пѣсы,

цѣною отъ 200 до 650 р.

Фабрики Бюссона въ Парижѣ.

Настоящія почтовые марки всѣхъ государствъ дешево продаются:

Большой Каталогъ (5000 №) съ 72 раскрашенными начертаніями, цѣна 1 марки (30 коп.) (прежде 2 марки).

Иллюстрированный журналъ для почтовыхъ марокъ на 2 года (каждый номеръ съ многими иллюстраціями) цѣна за годъ 3 марки (30 коп.).

Пробный листъ и прейсъ-куррантъ бесплатно.

Покупка и продажа почтовыхъ марокъ

ЛУИ ЗЕМФЪ въ Лейпцигѣ, Германія.

6—2

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО ДѢЛПАРТАМЕНТА.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

ГЕНРИХА

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ

ВЕНЦЕЛЬ.
МОЛОЧНАЯ МУКА
ГЕНРИХА НЕСТЛЕ

НЕСТЛЕ,

ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Лучшее изъ всѣхъ донныѣмъ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко.

Это средство, вошедшее уже во всеобщее употребленіе, весьма легко переваримо, не подвержено порчѣ; способъ приготовленія его весьма простъ и оно охотно берется ребенкомъ.

Рекомендуется поэтому въ особенности:

- 1) въ помощь кормленія слабой матери или кормилицѣ,
- 2) при отниманіи ребенка отъ груди и
- 3) въ путешествіяхъ съ дѣтьми.

Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. муки.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:

у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, единственнаго агента для всей Россіи, у Вознесенскаго моста, д. № 25, у Штоля и Шмидта, въ Спб. — химической лабораторіи, русскаго общества торговли аптекарскими товарами, у Рудковича и Гольма, Шредера и Шульце, — у Я. А. Фохта, — у Каушмана, Вас. остр., — у В. Валандина, Литейная, д. № 57-й, у Ушакова — Гост. Дворъ, д. № 33, и во всѣхъ аптекахъ и москательныхъ торговыхъ Россійской имперіи.

26—22

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
 Выданъ 13 Июля 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.

Л С О В А Я О Х О Т А .

Во времена дны не мало было на Руси людей бездомныхъ, которые снискивали себѣ пропитаніе подневнымъ трудомъ. Въ нижней Руси, говоритъ Н. Костомаровъ, такіе бездомные люди ударились на рыбный промыселъ и стали ходить на дѣпровскіе пороги, гдѣ было большое обиліе рыбы. Но ходить туда было не безопасно; вокругъ по степи бродили Татары, и рыболовы должны были ходить на свой промыселъ не иначе, какъ ватагами или дружинами и притомъ вооруженными. Для такихъ шатавшихся бездомныхъ людей усвоилось тогда названіе *козакъ*, перешедшее къ Русскимъ отъ Татаръ. Слово *козакъ* значило вольнаго челоука... Скоро потомъ изъ бродячихъ промышленныхъ людей образовалось сословіе осѣдлое, пользовавшееся льготами. Польскіе короли, владѣвшіе южно-русскимъ краемъ, давали въ южной Руси, по данному принятому въ Польшѣ обычаю, въ управление и пользо-

Лсовая охота на Дону. Ждутъ звѣря. Картина проф. Зурландта, грав. Гриневальдъ.

ваніе знатнымъ лицамъ города съ уѣздами, которые въ такомъ случаѣ назывались «старостами», а господа получившіе староство — «старостами». Видя необходимость защититься отъ татарскихъ набѣговъ, старосты раздавали казакамъ земли съ обязанностью воевать, въ случаѣ надобности, противъ Татаръ. И какія это были роскошныя земли! Гоголь оставилъ намъ, въ повѣсти своей «Тарасъ Бульба», великолѣпную картину южно-русской степи XVII столѣтія, этой зеленой, дѣвственной пустыни, раскинувшейся до самаго Чернаго моря. Само собою разумѣется, что теперь, по прошествіи почти трехсотъ лѣтъ, эта благоухоющая, дѣвственная пустыня превратилась въ страну, хотя и не густонаселенную, но всетаки достаточно оживленную. Пренная степь раздробилась на тысячи участковъ, съ богатыми полями, лугами, на которыхъ жители Дона, казаки, любятъ и теперь порой порысать съ борзыми собаками, поохо-

тятся власть. Тутъ всякой дичи довольно; травни кого хочешь: и зайца, и лисицу, и сѣраго волка. Травля—это одно изъ любимыхъ удовольствій донцовъ. Рано на зарѣ охотникъ покидаетъ свой домъ, чтобы насладиться травлей. Рѣдко выѣзжаетъ онъ въ одиночку, да и не трудно найдти ему товарищей, готовыхъ позабавиться вмѣстѣ съ нимъ въ чистомъ полѣ. Вотъ уже маленькія, крѣпкія лошади ослѣданы и выведены; борзныя, въ восторгѣ отъ предстоящей травли, лаютъ, визжать и прыгаютъ на сворѣ. Свистъ нагайки заставляетъ ихъ умолкнуть на короткое время; онъ тихонько взвизгиваютъ и малу по малу опять начинаютъ безчинствовать до тѣхъ поръ, пока наконецъ не очутятся въ полѣ. Вотъ—выѣхали. Не прошло и получаса, какъ уже двухъ зайцевъ загавили; третьяго, увлекшись, собаки разорвали въ куски и позавтракали этими кусками, за что и были тутъ же, на мѣстѣ преступления, крѣпко наказаны нагайками. Затѣмъ посчастливилось открытъ лисью нору... Ну, за этимъ звѣремъ придется погоняться! Лисица мастерица кружить. На пространствѣ какойнибудь версты она ухитряется сдѣлать столько поворотовъ, что собакамъ никакъ не удается настигнуть ее. Неутомимые псы легать за нею, чуть за хвостъ не хватаютъ—но нѣтъ: она вдругъ перелетаетъ черезъ канаву и—пропадаетъ безслѣдно. Свирѣбые преслѣдователи останавливаются въ недоумѣніи... А усталый звѣрь отдыхаетъ тѣмъ временемъ въ случайно-попавшейся ему на пути норѣ, покинутой лисой или барсукомъ. Но недолго лисѣ приходится отдыхать: собаки нашли уже и указываютъ охотникамъ мѣсто, гдѣ она притаилась. Охотники соскакиваютъ съ лошадей и рукоятками нагаекъ (другаго оружія на такой охотѣ у нихъ не имѣется) начинаютъ разрывать нору. Собаки, настороживъ уши и помахивая хвостами, прилежно слѣдятъ за работой своихъ хозяевъ. Нагайки дѣлаютъ свое дѣло, работа быстро двигается впередъ и—вдругъ лисица стрѣлою вылетаетъ изъ норы... Вотъ мелькнулъ ея пушистый хвостъ. Охотники и собаки не успѣютъ опомниться, какъ ловкаго звѣрька уже слѣдъ и простылъ! Но горе ему, если псы его настигнутъ! Правда, какъ волку, такъ и лисицѣ нечего бояться ихъ зубовъ: собаки не разорвутъ ихъ, потому что запахъ мяса волчьего и лисьяго имъ противенъ; но, поймавъ звѣря, онъ уже не выпуститъ его до тѣхъ поръ, пока не подоспѣютъ охотники, которые, обыкновенно, одними нагайками и поканчиваютъ съ нимъ. Лисица не защищается, не борется съ собаками; но волкъ достается иногда не дешево: видя что спасенія нѣтъ, онъ яростно запускаетъ зу-

бы въ смѣлаго врага, и одна или двѣ собаки падаютъ жертвой своего увлеченія. Но вотъ уже вечерѣетъ...

«Много травили, много скакали!
Песъ измѣняется и конь устаетъ!
Падаетъ сизый туманъ на долину,
Красное солнце зашло вполночь
И показался съ другой стороны
Очеркъ безжизненно-бѣлой луны.

Всѣ устали—и люди, и лошади, и собаки, а главное—проголодались. Охотники, конечно, не разъ во время травли прикладывались къ флажкѣ и закусывали балыкомъ, таранью или просто хлѣбомъ; но желудокъ требуетъ теперь чего нибудь посущественнѣе, да и вообще хорошенько поужинать не мѣшаетъ послѣ столькихъ трудовъ. Собакъ снова привязываютъ, лошадамъ спутываютъ переднія ноги и пускаютъ ихъ пощипать траву, а сами охотники, выбравъ хорошее мѣстечко, разводять огонь и затѣмъ готовятъ себѣ кушанье. Насытившись и наглотившись изъ флажки, они отдыхаютъ около потухающаго костра. Вѣрные псы, конечно, тоже не остаются безъ надлежащаго ужина. Уже поздно вечеромъ, отдохнувъ какъ слѣдуетъ, возвращаются охотники домой, обремененные добычей. Нечего и говорить, какъ хорошо они себя чувствуютъ! Травля доставляетъ имъ удовольствіе, наслажденіе.—и эти люди, какъ бы то ни было, порой бываютъ счастливы вполнѣ... Дѣйствительно, псовая охота для нихъ представляетъ неизъяснимую прелесть. Некрасовъ даже воспѣлъ ее. Вотъ какъ онъ оканчиваетъ поэмю свою «Псовая охота».

Чуть не полмира въ себѣ совмѣщая,
Русь широко протянулась, родная!
Много у насъ и лѣсовъ, и полей,
Много въ отечествѣ нашемъ звѣрей!
Нѣтъ намъ запрета по чистому полю
Тѣшить стенную и буйную волю.
Благо тому, кто предается во власть
Ратной забавѣ: онъ вѣдаетъ страсть,
И до сдѣлать молодые порывы
Въ немъ сохраняются прекрасны и жлвы,
Черная дума къ нему не зайдетъ,
Въ праздномъ покоѣ душа не заснетъ.
Кто же охоты собачьей не любитъ,
Тотъ въ себѣ душу заснитъ и погубитъ».

ОРЕЛЬ-ДѢВКА.

(Изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ).

повѣсть Вильгельмины фонъ-Гиллернъ-Бирхъ.

(Продолженіе).

Въ ухахъ ея звучалъ разсказъ его о борьбѣ съ медвѣдемъ; потомъ представлялась ей другая картина—картина борьбы Іосифа съ отцомъ; первый вышелъ побѣдителемъ... Она думала прежде, что отца, этого страшнаго человѣка, первѣйшаго силача, никто и побѣдить не можетъ. Поборовши его, Іосифъ такъ дружелюбно, ласково заговорилъ съ нимъ, хотя и видѣлъ, что въ немъ злость кипитъ.

— Нѣтъ, ни кому не сравнятся съ Іосифомъ! повторила Валли и принялась мыть полъ.—Ну, вотъ, если бы зналъ онъ, какую жертву для него приношу! мелькнуло въ ея головѣ и, нечаянно взглянувъ въ окно, она увидѣла тамъ Бенедикта и Леандра. Бенедиктъ, весь красный, толковалъ что-то брату, а тотъ плакалъ...

Старикъ Штроммингеръ сначала бѣсился, гремѣлъ угрозами противъ взбунтовавшейся своей дочери и такъ расходился, что даже добрякъ, гейлихрейцскій патеръ, не могъ усмирить его. Когда Штроммингеръ узналъ, что дочь егошла убѣжище въ Рофенъ—онъ отправилъ туда людей, приказавъ имъ взять ее; но рофенскіе Клѣцы у себя дома были какъ-бы въ неприступной крѣпости—и храбро, по-рыцарски, защищали право своего выселка, право освященное вѣками.

Валли скоро подмѣтила, что Бенедиктъ и Леандръ сильно влюбились въ нее, и сочла нужнымъ переговорить объ этомъ съ Никодимомъ, какъ человѣкомъ хладнокровнымъ, разсудительнымъ. Никодимъ сообразилъ, что надо было сдѣлать въ такомъ случаѣ,—и отправился къ Штроммингеру. Ловко наводя бесѣду и разумно настаивая на своемъ, онъ добился того, что старикъ со-

гласился наконецъ отказаться отъ мечты своей запретить дочь въ подвалъ и порѣшилъ на томъ, что считаетъ ее навсегда изгнанною изъ своего дома.—„Лѣтомъ она можетъ пасти стадо на Мурцолль—больше ни на что она негодна, а зимой пусть идетъ въ люди, пусть гдѣ хочетъ тамъ и нанимается, чтобы сюда—ни ногой.“

Когда Никодимъ передалъ Валли эти слова Штроммингера, она не захотѣла ни минуты медлить, рѣшила какъ можно скорѣе идти на Мурцолль и дожидаться тамъ стада. Однако, старому рофенцу удалось уговорить ее все-таки пообождать (Валли уважала Никодима)—ну, хоть до тѣхъ поръ, пока Бенедиктъ самъ не узнаетъ, можно-ли пробраться на гору. И вотъ, опять пришло время Валли покинуть все то, что ожило, встrepенулось подъ теплымъ дыханьемъ весны, и удалиться въ мертвенную пустыню, горную глушь. Тяжело было ей разставаться со всѣми братьями и добродушной Марианной... Вѣдь они все таки были добры къ ней, столько хорошаго сдѣлали для нея, что она не могла не дожить ими!...

Бенедиктъ пошелъ впередъ. Онъ рѣшилъ быть проводникомъ Валли и поставилъ на своемъ.

— Вѣдь ты, слава Богу, не мало прожила у насъ, такъ вотъ намъ и желательно, по крайности, невредимо довести тебя до самаго мѣста; ну, а тамъ ужъ мы не можемъ, къ сожалѣнію, ни охранить, ни предостеречь тебя!...

Страшна, ужасна была дорога среди весенней сумятицы природы, такъ что даже Бенедиктъ, этотъ прославленный, самый отважный, надежный проводникъ, го-

ворилъ, что ему еще въ первый разъ въ жизни пришлось предпринять такой опасный переходъ. Разговаривать во время пути было почти невозможно, такъ какъ тутъ шла борьба за жизнь, приходилось постоянно думать о самосохраненіи, не оборачиваться безъ нужды—и только смотреть въ оба туда, куда слѣдуетъ. Тяжолъ былъ этотъ трудъ. Полдня прошло въ борьбѣ съ снѣжными глыбами, льдинами, зіяющими пропастями—и вотъ, наконецъ, путники достигли желанной вершины.

Знакомая Валли хижинка стояла на томъ-же мѣстѣ, она еще больше постарѣла, и на ея крышѣ лежала цѣлая гряда снѣга, котораго и кругомъ было еще довольно много,

— Вотъ гдѣ ты хочешь поселиться, заговорилъ Бенедиктъ,—бросашь теплый, спокойный уголь, вмѣсто того, чтобы стать рофенской крестьянкой, женщиной весьма уважаемой!...

— Что-жъ дѣлать—иначе не могу, Бенедиктъ! отвѣтила Валли, какъ-то грустно глядя на неприглядную хижинку, покрытую снѣгомъ:—это, вѣрно, горные духи такъ меня околдовали, что должна я постоянно къ нимъ возвращаться, вотъ и нѣтъ мнѣ настоящаго мѣста гдѣhibудь въ долинѣ...

— Пожалуй что и такъ... Есть въ тебѣ что-то такое особенное, чудная ты, не похожа на другихъ дѣвушекъ! Да... Ну, вотъ, по этой причинѣ, и любишь-то тебя тоже по особенному—гораздо больше, гораздо крѣпче, нежели другихъ... А все сдается, что ты не наша, словно тебя гонитъ отъ насъ какой-то злой духъ!

Бенедиктъ снялъ котомку съ плечъ, въ которой заключалась всякая снѣдь, нарочно принесенная имъ сюда для Валли, и началъ отгребать снѣгъ отъ дверей избушки, иначе въ избушку и попасть было-бы нельзя.

— Послушай, Бенедиктъ, вѣришь ты въ *блаженныхъ дѣвъ*? почти шопотомъ спросила Валли, какъ будто она боялась, что онъ могутъ услышать ее.

Бенедиктъ призадумался, опустил голову и потомъ пожалъ плечами.

— Гм! какъ сказать... то есть, я, вотъ, никогда еще ихъ не видѣлъ; а точно, есть люди, которые готовы жизнью поклясться, что это вѣрно.

— Прежде-то я также не вѣрила; а когда, въ прошломъ году, пришла въ первый разъ—сонъ мнѣ тутъ привидѣлся, да такъ это все явственно, живо было—ну, совсѣмъ какъ на яву, ровно-бы и не сонъ, право! Вотъ, съ той самой поры, какъ только случается что нибудь сомной—сейчасъ вспоминаются мнѣ эти блаженныя дѣвы.

— Что-жъ тебѣ привидѣлось-то?

— Тебѣ извѣстно, кого я такъ люблю; онъ—охотникъ, и вотъ изъ за него-то, въ прошломъ году, я была спроважена отцомъ сюда. Добравшись до этой избушки, я вошла въ нее и отъ усталости сейчасъ-же легла, уснула—чуть-то и приснились мнѣ блаженныя дѣвы, дочери Мурцолля, и стали онъ угрожать мнѣ, что спихнуть меня въ пропасть, если я не перестану думать о немъ...

Валли подробно рассказала Бенедикту видѣнный сонъ. Бенедиктъ, покачавъ головой, проговорилъ печальнымъ голосомъ:

— Будь я на твоёмъ мѣстѣ—я-бы, знаешь, Валли, побоялся оставаться тутъ...

Дѣвушка тряхнула головой.

— Да-ну, эка важность! Вотъ, ты-же охотишься за сернами, бьешь ихъ и ничего не боишься? Главное—робѣть не надо. Послѣ того я много разъ перескакивала черезъ всякія трещины,—и при каждомъ прыжкѣ, право, такъ вотъ и чувствовала, что будто меня тащить что-то туда... внизъ; да я не поддавалась, ну, никакой бѣды и не стряслось со мной.

Тутъ Валли выпрямилась и, съ вызывающимъ видомъ поднявъ свои крѣпкія загорѣлыя руки, воскликнула:

— Покуда я владѣю ими—ничего мнѣ бояться!

Это было не совсѣмъ по вкусу Бенедикту, который, странствуя въ одиночку по страшному Зимплаунскому глетчеру и по ледянымъ глыбамъ Дивой верхушки, получилъ наклонность къ мечтательности и вообще смотрѣлъ на многое не такъ просто, какъ смотрѣли другіе.

— Ладно, будь-ка поосторожнѣе, замѣтилъ онъ:—знаешь, Валли, забравшись-то больно высоко, какъ разъ головой стукнешься; ну, а *тѣ-то*, что наверху, не любить этого—живо внизъ спроваждать.

Дѣвушка промолчала.

— Да и раненко, очень даже раненко закочевать тебѣ тутъ... Не знаю, какой-бы человекъ вынесъ все это!..

— Ну, это что! Вотъ прошлою осенью натерѣлась и здѣсь: куда было хуже! сказала Валли.

Они вошли въ хижинку.

— Ежели человекъ не желаетъ слушать совѣтовъ, такъ и пособить ему, значить, нельзя. Ну, а что, если *тѣ-то* и не подумаетъ вознаграждать тебя за всѣ твои мученья—а? Тогда вѣдь не мѣшаетъ и голову ему расшибить?..

— О, если-бы онъ все это зналъ—навѣрно-бы вознаграждалъ меня!..

И Валли вспыхнула и опустила глаза.

— Неужели же ему ничего не извѣстно? удивился Бенедиктъ.

— Ничего... Что-жъ, вѣдь онъ меня почти даже и не знаетъ.

— Ну, такъ Богъ тебѣ судья! Да простить Онъ тебѣ, что ты полюбила, выбрала себѣ человека совсѣмъ посторонняго, чужаго,—а вотъ, которые тебя любятъ... берегли, ласкали... отталкиваешь прочь!.. Нѣтъ, ужъ это, скажу я тебѣ, не любовь, а просто—упрямство!..

Валли опять промолчала, да и Бенедиктъ умолкъ. Онъ, какъ и Клеттенмайеръ въ прошломъ году, принялся на прощаньи приводить въ порядокъ хижинку, устроить жилище для Валли, и что можно было—все сдѣлалъ: почистилъ, кое-что поправилъ, дровецъ притащилъ и—протянулъ ей руку.

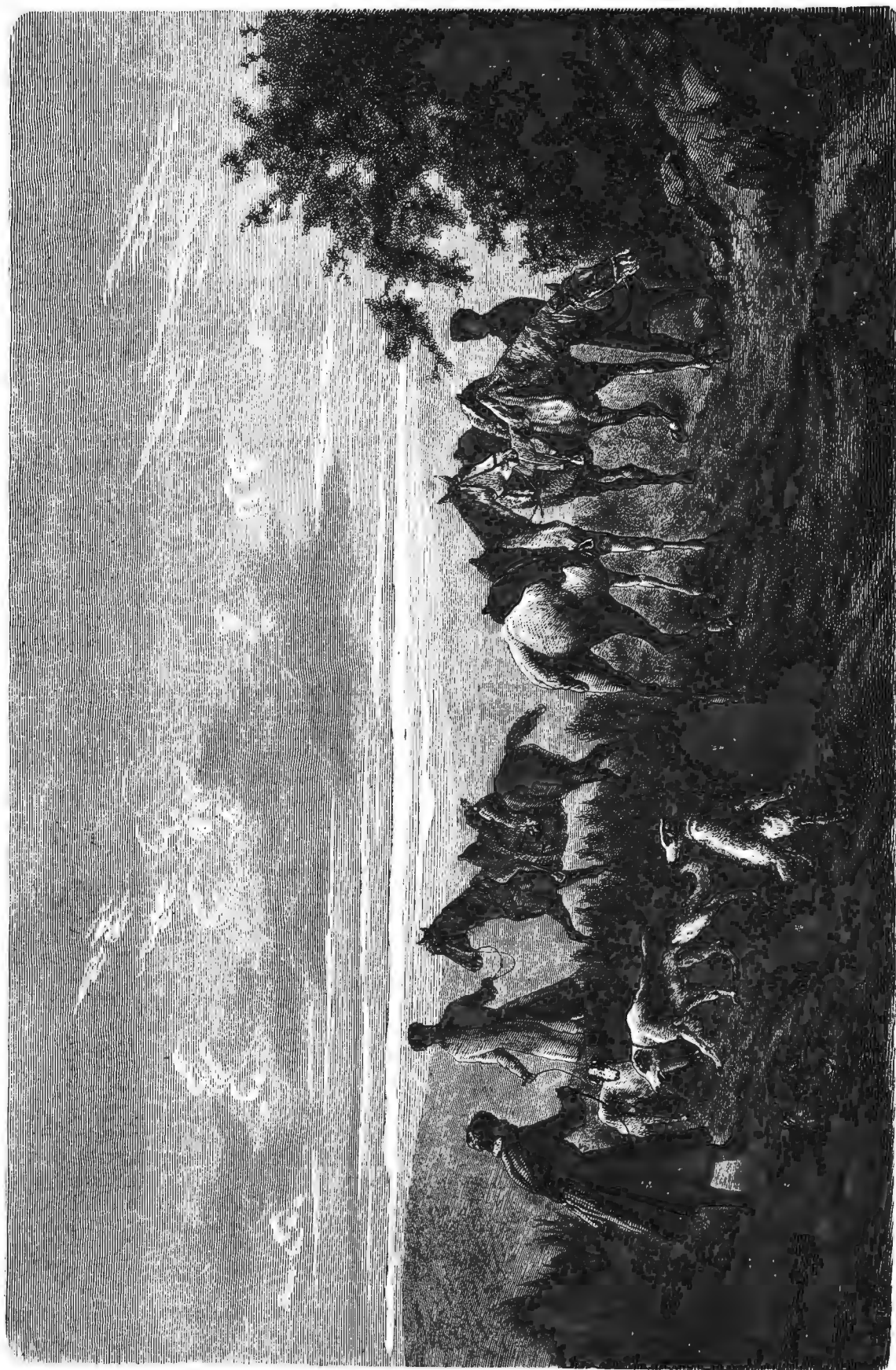
— Ну, благослови тебя Богъ!.. Если-бы смѣлъ я посоветовать тебѣ что нибудь—сказалъ-бы вотъ что: берегись, да молиться не забывай, чтобы злые духи совсѣмъ не завладѣли тобой!..

Онъ глядѣлъ на Валли, и она видѣла, сколько глубокой грусти было въ его глазахъ... Сердце сжалось у нея и ей дѣйствительно стало жутко, какъ будто злые духи были уже за плечами... Она, противъ воли, схватила руку Бенедикта—защитника своего, до сихъ поръ такъ хорошо оберегавшаго ее, и пошла рядомъ съ нимъ, словно боялась одна остаться.

— Ну, иди теперь въ свою избушку; тутъ ужъ пойдетъ дрянная дорога. Благодарю, что проводила, прибавилъ Бенедиктъ и разстался съ нею.

— Прощай-же! Помоги тебѣ Богъ счастливо домой вернуться! крикнула Валли ему вслѣдъ.

Онъ шелъ и ни разу не оглянулся. Войдя въ хижинку, Валли опять осталась одна одинешенька. Только Гавзль, да горные духи и были съ ней; но духи какъ будто стали милостивѣе, и самъ Мурцолль, озаренный яркими лучами весенняго солнца, даже ласково улыбнулся дѣвушкѣ, точно возрадовался старшій, что къ нему возвратилась его дочка... А въ прошломъ году она была тутъ такой чужой, заброшенной! Каждая морщинка на челѣ Мурцолля была ей теперь знакома; Валли знала ужъ, когда онъ улыбался, когда гнѣвался,—и совсѣмъ не стала бояться его, если даже и видѣла чело его окруженнымъ темными тучами, или слышала, какъ онъ, разсвирѣпѣвъ, принимался швырять внизъ лавинами... Словомъ—она почувствовала, что великанъ этотъ пріютилъ ее, далъ ей мѣстечко на своей суровой груди. Бурные вздохи Мурцолля скоро сдунули съ ея серд-

Псовая охота на Дону. Возвращение съ поля. Картина профес. Зурманда, гравир. Гилмеръ.

Очерки Сибири V. Окрестности Кяхты.

ца все то, что тяжелым бременем снова легло на него, когда она побывала внизу, и вот теперь она свободно вздохнула. В бурю есть что-то освещающее, животворное; она остужает слишком кипучую кровь и, шумя своими широкими крыльями, подхватывает душу человека, возносит ее высоко над землей, где камни и всякие тернии задерживают, мшшают пугливо-робкой душой в ее странствии. Ушибется ребенок, заплачет — ему дунуть раза два на ушибленное место и скажут: „Ничего, до свадьбы заживет!“ и он опять весел, смеется... Так и отец Мурцолль дунул на грудь возвратившейся к нему дочке, и глухую, тяготившую ее сердце боль вдруг как рукой сняло. Валли стала спокойнее, светлее смотрела на далекие долины; у нея на душе было так легко, и она опять начала надеяться и ждать терпеливо своего счастья.

Время шло, пролетали дни, недели, месяцы, вот и июль настал. Солнце так стало жарить, что весь снег уже совершенно исчез на пространствах до линии вечных снегов, где обитала Валли. Она жила там в полном уединении, которое изредка лишь нарушалось — и то на несколько часов, когда ее навещал кто либо из рофенских Клецов. Гость непременно задавал ей тогда вопрос: „Ну, что, надумалась, наконец, или — нет?“...

Выдался как-то раз особенно-жаркий денек. Солнце так ужасно жгло, что Валли казалось, будто она ходит по какой-то раскаленной поверхности, утыканной гвоздями. Когда солнце начинает палить, оно собирает в одну кучу облака; так и теперь вышло: к полудню над ним образовался огромный шатер из туч, который опускался все ниже и ниже; солнце скрылось за тяжелыми складками этого шатра — и все померкло, как будто густые сумерки окутали всю окрестность. Небольшое стадо, вверенное попечению Валли, стало обнаруживать какое-то особенное беспокойство... По временам трепетала молния в сьром, мгlistом воздухе, лиловой огонек ее моргал так быстро, как иногда спящий подергивает веками. Мурцолль прикрывшись огромными черными вуалями, которые местами прорывались, и тогда видны были еще чистый клочек неба, но на эти прорывы живо падали новые темные покровы... Казалось, что между небом и землей совсем уже не было места чистому воздуху.

Валли хорошо знала, что все это означает: не мало страшных бурь и гроз пришлось уже ей пережить здесь, наверху. Она собрала всю свою скотинку на площадку под выдавшейся скалой, где собственноручно, на всякий случай, устроила загон. Не досчитавшись одной козочки, забывавшей куда-то, Валли принуждена была отправиться на поиски, а тут вдруг гроза и разразилась... Никогда еще, сколько помнила Валли, так неожиданно-скоро не наступала буря: глухо зарокотало в горах, первый порыв ветра пролетел ухорски-шумно, швырнув несколько увесистых градин. Теперь каждая минута была дорога, а козочки и след простыл. Валли забжала в хижинку, потушила огонь на очаге и отправилась сражаться со стихиями. Она вышла на эту борьбу, как выходит героиня — королева усмирять толпу взбунтовавшихся подданных — и действительно, помимо желаний и воли, Валли приняла санку героини — королевы. На головъ ее был шлем — небольшой медный котел, который она нарочно и надевала, чтобы защититься от града; толстая рогожа служила ей мантией, а в правой руке, вместо меча, она держала пастуший посох с железным крюком.

Смело бросившись в бой с бурей, дѣвушка пробилась к тому месту, с которого можно было бы увидеть, где именно притаилась заблудшая козочка; но мгла и туман мшали что либо разглядеть даже на

близком расстоянии. Она устремилась вперед, все дальше по дороге в Шнальзерталь, и вдруг увидела на порядочной глубине, почти над пропастью, несчастную скотинку, которая трепетала от страха и ежилась под ударами крупных градин. Жаль стало ей безпомощной козочки, а тут еще град сильнее забарабанил, бурный ветер с дождем хлестал Валли по лицу, гроза приближалась и уже слышен был ее рев, как рев волн разом прорвавшегося и хлынувшего потока, который грозит все затопить; — но она не упала духом, она явственно слышала, как стонало испуганное животное, гром приближающейся бури не мшал ей слышать эти слабые стоны и, чертя голову, Валли стала спускаться по скользкой тропинке в непроглядную, затуманенную глуть. С чрезвычайными усилиями удалось ей приблизиться к козочке настолько, чтобы зацепить ее крючковатым концом посоха и притянуть к себе. Овладев таким образом бглянкой, она вскинула ее на левое плечо и, цѣпляясь одной рукой и ногами, начала подниматься по той же тропинке. Вдруг цѣлый огненный сноп, как-бы сорвавшись с неба, мелькнул, пролетел в ущелье, и Валли увидела, как под ее ногами, на самом дне пропасти, огонь этот разценил сосну... И небо, и земля, казалось, разом тут застонали. Наверху грохотало, гремело, трещало, а там, внизу, шумели падающие волны, стремглав летели цѣлыя массы льда и снега; словом — кругом хаос был такой, что Валли, совсем одинокая, лишенная всякой помощи, карабкавшаяся надъ страшной бездной, подумала, что уж не началось ли свѣтопреставление... Наконец, сама не зная, какими судьбами, она добралась таки до настоящей дорожки и приостановилась, чтобы дух перевести, протереть замоченные глаза (Валли почти ничего не видела) и связать козочку, которая билась у нея на плечѣ и была поэтому неудобной ношей. Громовые удары ежеминутно раздавались надъ нею и подъ нею, небо пылало как-бы охваченное пожаром, а молнии цѣлыми огненными каскадами, сверкая, обрушивались вниз. Вдруг... чу! что это?.. Человѣческий голос!.. Среди шума и грома Валли отчетливо услышала чей-то крик о помощи. Она не дрожала под яростными ударами грозы, ее не пугал бѣшенный порыв бури, но тут она вся дрогнула... Как! Здесь чья-то живая душа... здесь, наверху, среди такой катавасии в природѣ!.. Это напугало ее гораздо сильнее чѣм необузданный разгул стихийных сил; сдерживая дыхание, она прислушивалась, искала привычным ухомъ места, где именно кричали о помощи... Да не почудилось ли ей?.. Но из туманной сѣтки дождя вынырнула высокая фигура, тащившая что-то тяжелое... Валли не двинулась, она стояла как вкопанная, она увидела лицо... Кто же это?.. Пламенные очи, черные усы, орлиный нос у него... Прищурилась, стала всматриваться и — оцѣпенѣла от страха и несказанной радости: вѣдь это — она, ее витязь Георгій — Иосифъ-Медвѣжатникъ!

Однако и витязь Георгій был поражен, когда Валли повернулась к нему, услышав тот крик, но причина его испуга была другая:

— Боже ты мой! Да вѣдь это — женщина! произнес он каким-то смущенно-робким тоном и, широко открыв глаза, стал глядеть на Валли.

Так как она сначала стояла к нему задом, то, судя по ее рослой фигурѣ, Иосифъ подумал, что перед ним шнальзерскій пастух и — вдруг увидѣл женщину... пожалуй даже — дѣвушку! Он смотрѣл на стройную ее мантию с угловатыми складками, на воинственный шлем от градобитія, на распущенныя темныя пряди волосъ, которыя налѣзли на лицо; он видѣл палку в руке, связанную козочку на широком плечѣ, видѣл устремленные на него большіе, огненные глаза и — ему на минуту стало как-то жутко, как будто пе-

редь нимъ явилось привидѣніе, что-то *не отъ міра сего*. Онъ никогда еще въ жизни не видѣлъ такой мощной женской фигуры, однако скоро оправился и проговорилъ, догадавшись, кто стоитъ передъ нимъ:

— Э, да ты вѣрно Штроммингерова Валли—Орель-дѣвка—а?...

— Она самая, отвѣтила Валли, задыхаясь.

— Ну, вотъ... Такъ! Значить, по настоящему-то, съ тобой и связываться не слѣдовало-бы?..

— Почему-же не слѣдовало-бы?..

Она поблѣднѣла. Блеснувшая молнія освѣтила въ это мгновеніе краснымъ огнемъ ея мѣдную каску.

Иосифъ приумолкъ, потому что послѣдовавшій ударъ грома почти оглушилъ его, а крупный градъ сталъ хлестать неистовѣе. Онъ какъ-то смущенно посмотрѣлъ на Валли, которая стояла не шевелясь, не смотря на то, что градины били такъ сильно, что оставляли ямки на тонкихъ стѣнкахъ ея шлема, — и наклонился къ какой-то молодой дѣвушкѣ, лежавшей безъ чувствъ у его ногъ. Онъ кое-какъ донесъ ее на рукахъ до этого мѣста.

— Тебѣ извѣстно, что послѣ исторіи въ Зельденѣ я съ отцомъ твоимъ во враждѣ, а молва идетъ, что и отъ тебя сторониться не мѣшаетъ: подальше, молъ, лучше... Ну, да что ужъ тутъ! Вотъ бѣдняжка-то эта совсѣмъ изъ силъ выбилась: молнія больно близко ударила, она

и упала, да и опомниться все не можетъ. Проведи-ка насъ въ твою хижинку... Гроза пройдетъ, а тѣмъ временемъ дѣвочка отдохнетъ тамъ, ну, мы и уйдемъ тогда, и ужъ, конечно, больше никогда сюда не придемъ.

Валли слушала Иосифа, какъ-то странно поглядывая на него: въ ея глазахъ свѣтилась не то досада, не то грусть... Но вотъ губы ея дрогнули, точно она собиралась дать запальчивый отвѣтъ; однако, послѣ небольшого колебанія, Валли просто проговорила: „Пойдемъ“ и пошла впередъ. Отойдя немного, она обернулась и спросила:

— Это кто-же такая?

— А это одна изъ бѣдныхъ Винчгауэрскихъ наймичекъ. Идетъ она теперь въ Цвизельштейнъ къ хозяйкамъ „Ягненка“. Я похоронилъ мою мать, и вотъ мнѣ нужно было побывать въ Винчгау (мать-то моя оттуда) насчетъ наслѣдства... Ну, дорога-то намъ вышла одна—я и пригласилъ дѣвушку идти вмѣстѣ.

Иосифъ замолчалъ, полагая, что и такого отвѣта достаточно для нея.

— Мать умерла?.. Ахъ, бѣдный ты, бѣдный! воскликнула Валли жалостливо.

— Да, тяжель былъ этотъ ударъ для меня! произнесъ Иосифъ, какъ видно глубоко опечаленный, и вздохнулъ:—бѣдная, добрая моя матушка!...

(Продолженіе будетъ).

РЧЕРКИ СИБИРИ.

У. Въ окрестностяхъ Кяхты.

На границѣ Иркутской губерніи, въ 513 верстахъ отъ Иркутска, на рѣкѣ Кяхтѣ, лежитъ того же имени городъ, имѣющій значеніе въ торговомъ отношеніи какъ для Россіи такъ и для Китая. Основанная въ 1728 году вслѣдствіе договора Русскихъ съ Китайцами, по которому было положено только въ Кяхтѣ и еще въ Цурухайтуевскѣ сѣзжаться купцамъ обоихъ государствъ для торговли. На другой сторонѣ рѣки, противъ Кяхты, расположена китайская торговая слобода Маймачень. Къ востоку отъ Кяхты, на рѣкѣ того же имени, верстахъ въ 4 лежитъ заштатный городъ Троицкосавскъ, называвшійся прежде Кяхтинскою крѣпостью. До 1762 года каждые три года въ Китай ходилъ черезъ Кяхту казенный караванъ, но съ того времени вся торговля предоставлена одному купечеству. Хотя мѣновой торгъ производится въ Кяхтѣ во всякое время года, но въ значительномъ количествѣ товары привозятся только къ тамошнимъ ярмаркамъ, которыя бывають въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ. Мѣновая торговля въ Кяхтѣ находится исключительно въ рукахъ русскаго купечества, куда законъ не допускаетъ иностранцевъ. Кяхтинскій мѣновой торгъ составляетъ главнѣйшую отрасль нашей азіатской торговли особенно для русскаго купечества, потому что на другихъ пунктахъ азіатской границы торговля находится въ рукахъ Армянъ и Татаръ, равно какъ у Бухарцевъ, Персіянъ и другихъ инородцевъ, пользующихся у насъ правомъ свободной торговли на главнѣйшихъ ярмаркахъ.

Мягкая рухлядь была первымъ предметомъ торговыхъ оборотовъ для русскихъ, посѣщавшихъ Сибирь. Въ началѣ XVII столѣтія появились смѣтливые русскіе купцы въ Селенгинскѣ, Иркутскѣ и Верхнеудинскѣ и въ половинѣ того же вѣка мало по малу начали производить торговлю съ сосѣдними китайцами. Для большаго ея развитія русское правительство учредило

особые казенные караваны, которые разъ въ годъ отправлялись, сперва черезъ Нерчинскъ въ манджурскій городъ Неунъ, а потомъ по неудобству этого мѣста для торговли черезъ Угру въ Пекинъ. Многіе изъ русскихъ торговцевъ присоединялись къ этому каравану; но другіе, тайными дорогами, ходили за границу нѣсколько разъ въ годъ не платя установленной правительствомъ пошлины, почему, будучи въ состояніи свои товары продавать гораздо дешевле, привлекали къ себѣ множество покушниковъ и тѣмъ дѣлали большой подрывъ русской торговлѣ, а между тѣмъ и сами часто страдали отъ монголовъ. Петръ Великій, неуспѣшно стараясь дать прочное основаніе этой торговлѣ, отправилъ въ 1719 году въ Пекинъ посольство, которое однакоже не имѣло ожидаемыхъ послѣдствій, а дурное поведеніе русскихъ, подавшихъ поводъ къ жалобамъ, вынудило даже китайскаго императора выслать нашихъ купцовъ, бывшихъ на Ургинской ярмаркѣ въ 1722 году и запретить имъ въѣздъ въ Пекинъ. Въ 1726 году посольство для переговоровъ съ китайцами, относительно окончательнаго утвержденія южныхъ границъ Сибири и возстановленія торговли, увѣнчалось успѣхомъ; но съ заключеніемъ трактата между обѣими державами въ 1727 году оживилась прежняя торговля и русскіе казенные караваны начали отправляться въ Кяхту, какъ въ мѣсто назначенное для складки товаровъ. Въ 1744 году установленъ порядокъ для этой торговли не находившейся болѣе въ рукахъ нѣсколькихъ купцовъ, а сдѣланной уже государственною. Нынѣ она производится черезъ Тобольскъ, Томскъ, Красноярскъ, Иркутскъ, черезъ озеро Байкалъ, потомъ черезъ Селенгинскъ въ Кяхту. Привозъ товаровъ въ Кяхту продолжается съ декабря, а въ февралѣ и мартѣ бываетъ размѣнъ ихъ.

ЭТО ТАКЪ КАЖЕТСЯ.

(Голоса изъ толпы).

„Знаю я женщинъ! И, право, всегда Ихъ я легко побѣждалъ, господа....“

Дайте любую красавицу, гордую,

Въ правилахъ нравственныхъ стойкую, твердую

И—я ее покорю....

Истинно вамъ говорю!

Живо знакомство межъ нами завяжется....“

Это такъ кажется.

* * *

„Если ты бѣденъ—твоя въ томъ вина.

Бѣгай, ищи золотого ты дна!

Съ неба работа сама вѣдь не свалится!

Ну, и проси.... Чай, языкъ не отвалится?..“

Гордость мѣшаетъ вамъ.... Эхъ, господа,

Въ гордости вся и бѣда!

Дѣло, понятно, совсѣмъ и не вяжется....“

Это такъ кажется....

* * *

„Ты — холостякъ. Твоя жизнь не полна;
Даже, сознайся, порою мрачна...
Все ты одинъ!... Ну, а въ дни испытаній
Кто уменьшить боль душевныхъ страданій?
Нѣтъ, намъ подруга нужна:
Даръ драгоценный — жена!
Кто-же отъ рая земнаго откажется?...“
Это такъ кажется....

* * *

„Другъ, не женись! Я и самъ холостякъ,
Большая птица, свободный казакъ!
Жить одному легче на свѣтѣ...
Что и случится — одинъ ты въ отвѣтъ.
Жизнь холостая — куда
Лучше, свѣтлѣй, господа!
Надъ холостымъ сила меньше куражится...“
Это такъ кажется....

* * *

„Если талантами ты одаренъ,
Если, примѣрно, къ тебѣ на поклонъ
Муза сама съ чудной лирой является —
Брось ты всѣ книги! Поэтъ не нуждается
Вовсе въ указкѣ... Ему
Нужно творить одному:
Только тогда правда свѣтлая скажется...“
Это такъ кажется....

* * *

„Какъ у людей воля страшно слаба!
Ну, и понятно, что многихъ судьба
Очень печальна, а жизнь — безобразна...
Даже борьбы-то нѣтъ противъ соблазна!
Можно-же сердце сдержать?
Можно ему приказать:
„Брось, не волнуйся!“ и сердце откажется...“
Это такъ кажется....

B.

РБИТЕЛЬ ДУХА.

(Окончаніе).

Обратимся теперь къ другому важному факту физиологіи мозга, которымъ мы обязаны экспериментальному методу. Это, какъ уже сказано, существованіе извѣстныхъ центровъ. Такъ, напр., въ большомъ мозгу найдены мѣста, разрушеніе коихъ обуславливаетъ невозможность производить нѣкоторыя движенія, а другія движенія дѣлаютъ наоборотъ постоянными (непроизвольными движеніями). Оперированное животное (смотря по мѣсту операціи) можетъ двигаться или только впередъ, *въ прямомъ направленіи* (пока не наткнется на стѣну), или лишь *отступая назадъ*, или *вертнись по кругу*, или *забирая вкось*, такъ что только помощью обхода можетъ добраться до цѣли. Если, напр., собаку оперировать въ смыслѣ «круговаго движенія», то она будетъ ходить по кругу и никакъ не сможетъ прямо схватить кусокъ мяса, положенный въ центрѣ окружности, а старается давать круги все уже и уже, пока наконецъ рядомъ такихъ обходовъ, приблизится къ цѣли. Тоже бываетъ съ овцами въ давно извѣстной «вертячкѣ» и причина этой болѣзни — та же: животныя вмѣстѣ съ кормомъ проглатываютъ зародыши глисты, которая странствуя изъ кишечнаго канала попадаетъ въ большой мозгъ и здѣсь разрушаетъ особенно-излюбленные ею части.

Въ мозжечкѣ также найденъ одинъ движущій центръ, такъ какъ его разрушеніе влечетъ за собою неравновѣсность и несообразность нѣкоторыхъ движеній, являющихся при этомъ невѣрными и нецѣлесообразными.

Самыми же интересными являются такъ-называемые *задерживающіе центры*, открытые профессоромъ Съченовымъ. Непроизвольныя движенія, вызываемыя раздраженіемъ какого-нибудь органа, называются *рефлективными*. Такъ, напр., совершенно неизвольно сжимается зрачокъ нашего глаза при сильномъ свѣтѣ, неизвольно закрываются вѣки, когда глазу нашему грозятъ чѣмъ-нибудь острымъ, — неизвольно чихаемъ, когда въ носовую полость попадаютъ чуждыя тѣла и т. д.

Рефлективные движенія происходятъ также во время сна: ребенокъ отдергиваетъ руку, если ее щекочутъ, и продолжаетъ спать; мы спонемъ надоедливую муху, не просыпаясь. Не смотря на то, рефлективная дѣятельность не совсѣмъ независима отъ воли; по крайней мѣрѣ ее можно сдерживать и обуздывать. Это давно уже извѣстно въ медицинской практикѣ изъ примѣровъ болѣзненно-возвышенной рефлективной раздражительности, при которой болящій органъ причиняетъ судорожныя движенія другаго, отдаленнаго органа, въ чемъ и надо искать основъ стариннаго ученія о «симпатіяхъ». Такъ напр. Бюргавъ, одинъ изъ гениальнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ врачей XVIII-го столѣтія весьма успѣшно дѣйствовалъ на эпилептиковъ помощью угрозы: онъ собиралъ нѣсколькихъ впадептиковъ въ одну палату, ставилъ тутъ же нѣсколько жаровенъ и грозилъ сжечь перваго, съ кѣмъ случится припадокъ падучей болѣзни; припадки стали замѣтно рѣже. Точно также удается и съ другими припадками, а именно истерическими, которые могутъ быть задержаны и устранены сильными возбужденіемъ воли въ больномъ, напр. путемъ пристыженія или настойчивыхъ убѣжденій и т. д. Съченовъ неоспоримо доказалъ, что въ большомъ мозгу лягушки есть мѣстечко, управляющее рефлективною дѣятельностью такимъ образомъ, что когда этотъ центръ парализованъ — рефлексы становятся чаще, быстрѣе и возбужденнѣе, и что напротивъ, они являются рѣже и спокойнѣе, когда задерживающій центръ остается въ нормальномъ возбужденіи. Это возбужденіе можетъ быть еще искусственно усилено — и тогда рефлексы совершаются съ поразительной медленностью. Обыкновенно же о возбужденіи этого центра заботится *воля*, т. е. она

слѣдитъ за тѣмъ, чтобы рефлективная дѣятельность не слишкомъ охотно и неограниченно отвѣчала на раздраженіе извѣстныхъ ощущеній. И такъ, если рефлективная раздражительность болѣзненно возвышена — что именно и бываетъ у нервныхъ субъектовъ, то надлежитъ считать это слѣдствіемъ малой дѣятельности задерживающаго центра и недостаточно энергической воли, а поэтому наицѣлительнѣйшее средство противъ такого состоянія есть энергическое противудѣйствіе всею силою воли.

Теперь мы подошли къ третьему методу, посредствомъ котораго изслѣдовали вопросъ о вмѣстѣлищѣ душевныхъ отправленій. Мы уже говорили, что умственные способности какаго-либо животнаго стоятъ тѣмъ на нисшей степени, чѣмъ болѣе развитіе лицевыхъ костей превосходитъ развитіе черепа. Въ виду такихъ возраженій нашли значительныя легко-измѣримыя разности относительно вмѣстимости череповъ и соответственныхъ тому разности умственнаго развитія — не только у различныхъ расъ, но и въ различныхъ возрастахъ, а также между особами разнаго пола.

Такъ, Камперъ, одинъ изъ остроумнѣйшихъ анатомовъ прошлаго столѣтія, установилъ ученіе о *лицевомъ углу*, который тѣмъ острѣе, чѣмъ ниже умственные способности. Стороны этого угла составляютъ изъ двухъ линий — изъ которыхъ одна параллельна боковому ряду зубовъ, а другая образуется перпендикуляромъ, соединяющимъ средину носа и рта. Дѣти и женщины имѣютъ лицевой уголъ меньше чѣмъ у взрослыхъ мужчинъ. Найденный въ Неандерталѣ, близъ Дюссельдорфа, черепъ «допотопнаго» человѣка имѣлъ лицевой уголъ около 60 градусовъ; у австралийскаго негра онъ простирается до 64 град., у кавказской расы отъ 80—85, у античныхъ статуй 90 и болѣе — идеальное отношеніе лицеваго угла, ни разу еще не достигавшееся человѣкомъ. Между тѣмъ лицевой уголъ Кампера не много принесъ пользы въ данномъ вопросѣ, ибо онъ вполнѣ зависитъ отъ внѣшняго очертанія черепа, а это послѣднее можетъ представлять безконечное множество видоизмѣненій, не имѣя ни малѣйшаго вліянія на мозгъ. Такъ, напр., плоскоголовые (Flat-heads), племя краснокожихъ индійцевъ въ Никарагуа, на западномъ берегу Центральной Америки, обезображивали себѣ черепъ, стягивая съ дѣтства повязками, въ покатую взади, вытянутую, шиньон-видную форму, — отчего измѣреніе личнаго угла показывало всего лишь 40—48 градусовъ, — и не смотря на то, племя это было наидаровитѣйшимъ изъ всѣхъ туземныхъ: оно первое прислало въ «Бѣлый домъ» въ Вашингтонѣ депутацию для заключенія торговаго договора.

И такъ, черепъ есть важнѣйшая и наиболѣе характеристичная часть для опредѣленія умственныхъ способностей и ступеней развитія у животныхъ — но только въ общихъ чертахъ, судя по его вмѣстимости, положенію и выпуклости. Но чѣмъ несомнѣннѣе вмѣстимости духовной жизни, тѣмъ менѣе знаемъ мы о мѣстопребываніи отдѣльныхъ душевныхъ способностей — и только одной изъ нихъ — способности рѣчи — отведено точно указанное мѣсто, другими словами, она безошибочно *локализована*. Вслѣдствіе всего вышесказаннаго, вѣра въ френологію (черепословіе), введенная въ концѣ пошлаго столѣтія вѣнскимъ врачомъ Галлеемъ, нынѣ выброшена за бортъ какъ вздоръ и бессмыслица. Тогда говорилось, что различныя свойства и способности души должны быть локализованы и при этомъ часто теоретически и фантастично утверждалось, что локалізація ихъ выражается въ выпуклостяхъ на поверхности мозга. Но будь оно и такъ — а за это не ручается ни одинъ изъ извѣстныхъ фактовъ — все же осталась бы полная невозможность распозна-

Слѣпая хранительница свѣтильниковъ въ Катакомбахъ. Картина Габріеля Макса.

вать образовавшиеся на мозгу выпуклости — посредством наружного ощупывания черепа. Отнюдь не научно и чистая выдумка — приводит доступное осязанию внешнее очертание черепа в какуюнибудь связь с локальным развитием мозга, так как толщина черепа зависит от целого ряда факторов, условия которых весьма разнообразны. Толщина черепа обуславливается толщиной черепных покровов, толщиной трех костяных слоев, составляющих стѣнки черепа, и толщиной перепонки, лежащей между внутренней стѣнкой черепа и мозгомъ, — все это можетъ быть весьма разнообразно. Кто хоть разъ держалъ въ рукахъ черепъ и мозгъ — тому известно, что между ними существуетъ лишь самое поверхностное отношеніе. Будущее время, весьма вѣроятно, подвинетъ ученіе о локализациі душевныхъ способностей и можетъ быть научить насъ разбирать ихъ на живыхъ экземплярахъ, — но все что теперь выдается за черепословіе — не болѣе какъ пустая выдумка. Въ ней столько внутреннихъ, очевидныхъ противорѣчій, что ихъ не стоитъ даже опровергать. Душевные свойства весьма рѣдко встрѣчаются простыми (въ смыслѣ несложныхъ) и болѣе часто представляютъ сложные комплексы. Сознанію же нашему они представляются весьма различными, смотря по обстоятельству. Напр. то, что у богатаго подъ именемъ *скуности* составляетъ порокъ — является у бѣднаго достоинствомъ подъ названіемъ *бережливости*. Черепословіе смѣшиваетъ также свойства исключительно созданныя обществомъ или временнымъ стеченіемъ обстоятельствъ съ природными и свойственными всему человѣчеству. Оно часто ставитъ свойства, приобрятаемыя частымъ обращеніемъ въ свѣтъ, какъ напр. способность распознавать характеръ людей, — на ряду съ чисто-

влеченными свойствами — какъ напр. способность къ счисленію или къ музыкѣ. Такимъ образомъ, френологія часто скопляетъ на одномъ и томъ же черепѣ самое странное сочетаніе несоединимыхъ и взаимно противорѣчащихъ способностей. Напр. подъ «чувство возвышеннаго» подводитъ она какъ стремленіе Наполеона I къ царствованію, такъ и страсть члена Альпійскаго клуба къ восхожденіямъ на горы. Если всего этого недостаточно для убѣжденія читателей въ пустотѣ такъ-называемаго черепословія, — пусть обратится онъ къ плодамъ этого ученія. Френологи объявили знаменитаго математика Дазе въ Гамбургѣ — незначительнымъ счетчикомъ, поэта Уланда — часовщикомъ, Гельмгольца, знаменитаго физика и математика — лишеннымъ всякой способности къ счисленію, а Гёте, по тщательному освидѣтельствованію его черепа самимъ Галлемъ, былъ объявленъ народнымъ ораторомъ.

Къ этому присоединяется еще тотъ фактъ, что безчисленные поврежденія мозга, при значительной потерѣ вещества его, не влекутъ за собой утраты ни одной изъ душевныхъ способностей. Это — неоспоримое доказательство, что весь методъ черепословія не имѣетъ смысла и долженъ быть сложенъ въ одну кучу съ хиромантійей, астрологіей, животнымъ магнетизмомъ и рейхенбаховскимъ ученіемъ объ одѣ.

Постепенно свѣтъ науки проникнетъ конечно и въ тайники мѣстопребыванія отдѣльныхъ душевныхъ способностей — и локализациія ихъ утвердится на прочномъ основаніи; но до сихъ поръ здѣсь царствуетъ еще безнадежный мракъ — и никто не въ состояніи объяснить себѣ значенія столь странныхъ и своеобразныхъ формаций и составныхъ частей головного мозга.

КАТАКОМБЫ ВЪ ДРЕВНЕМЪ РИМѢ.

Большинству нашихъ читателей конечно памятно высокохудожественныя строфы, въ которыхъ язычникъ Луцій выражаетъ свое изумленіе при видѣ толпы христіанъ, выходящей со свѣчами въ рукахъ и торжественнымъ гнѣвомъ изъ подземелій собственнаго его дома Римѣ, пзъ-подъ той самой залы, гдѣ онъ, будучи осужденъ императоромъ Нерономъ на смерть, хотѣлъ какъ истый сибаритъ мирно дожить послѣдніе часы среди всѣхъ обаяній утонченнѣйшей чувственности («Два міра» А. Н. Майкова)...

Марцеллъ.

...Люцій, вотъ —

Смотри — вотъ здѣсь же, въ этомъ залѣ,
Въ подземный городъ нашъ есть ходъ...

(Отворяетъ потайную дверь въ нишу).

Люцій.

Какъ? тайный ходъ? И это зналъ
Одинъ рабъ?

Лида.

Изъ всѣхъ домовъ,
Изъ тюремъ, изъ цирковъ, изъ садовъ
У насъ такіе-жъ ходы!

Люцій (смотря въ катакомбы).

Боги!

Тамъ свѣчи... Цѣлыя чертоги...
Толпы людей...

Марцеллъ (торжественно Люцію, который неподвижно смотритъ въ катакомбы).

Весь Римъ подрытъ!

Подъ старымъ Римомъ Римъ ужъ новый,
Преобразить его готовый,
Во всеоружіи стоитъ!..
Тамъ нѣтъ рабовъ! Тамъ нѣтъ богатыхъ!
Тамъ другъ предъ другомъ все равны!
Тамъ нѣтъ презрѣнныхъ и проклятыхъ!
Тамъ надшіе обновлены!
Тамъ чудеса любви увидишь —
И самъ повѣришь ты!

Лида.

И выйдешь

Потомъ на смерть у насъ въ рядахъ,
Съ улыбкой свѣтлой на устахъ,
На небо очи устремляя!..
Ты слышишь гимны?.. Они поютъ —
Подъ цѣлымъ Римомъ ждутъ лишь знака.
И отовсюду, вдругъ, изъ мрака
На смерть съ веселіемъ пойдуть!..

Люцій (самъ съ собою).

Весь Римъ подрытъ!.. Глазѣмъ не вѣрю...

То, что въ этихъ стихахъ человѣку мало знакомому съ Археологіей можетъ показаться не болѣе какъ счастливымъ вымысломъ изящнѣйшаго изъ современныхъ русскихъ поэтовъ, или если не вымысломъ, то хотя поэтической вольностью, преувеличеніемъ — ради вышшаго противопоставленія *двухъ міровъ*, языческаго и христіанскаго, — тѣмъ не менѣе существовало и донынѣ существуетъ въ дѣйствительности. Подъ Римомъ, подъ этимъ вѣчнымъ городомъ, владыкою міра, и подъ всею окрестностью его вьются, ширятся и развѣтвляются по всѣмъ направленіямъ громадныя подземелья, издревле славныя подъ именемъ катакомбы. О первоначальномъ происхожденіи ихъ ничего неизвѣстно положительнаго, хотя и можно предположить съ нѣкоторою достовѣрностью, что онѣ были выкапываемы постепенно для добыванія такъ-называемаго *puzzolane* — родъ туфа, ископа употреблявшагося на постройку величайшихъ зданій Рима. По мѣрѣ того какъ всесвѣтная столица росла, раскопки становились глубже и значительнѣй. Стараясь предотвращать обвалы, рабочие придавали этимъ подземнымъ ходамъ форму свода, поддерживаемаго разставленными въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга столбами, а во избѣжаніе возможности заблудиться сознали необходимость располагать галлерей какъ можно правильнѣй, время отъ времени заставляя ихъ сливаться нѣсколькими выходами въ одну общую, громадную подземную залу. Такимъ образомъ, эти гигантскіе погреба, сгуртае, распространялись подъ цѣлой столицей, по обонимъ берегамъ Тибра, образуя подъ вѣчно-шумнымъ Римомъ другой Римъ, тихій и безмолвный какъ могила, а подъ окружающей его пустыней — другое подземное безлюдье.

Въ эпоху распространенія христіанства въ римскомъ обществѣ, когда новая религія, помрачая блескъ цесаризма, навлекла на себя гоненіе императоровъ, — эти подземелья, настоящие лабиринты, естественно представляли убѣжище гонимымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служили мѣстомъ тайнаго собранія вѣрующихъ. Убѣжище надежное, тамъ какъ трудно было преслѣдовать скрывшихся въ немъ, особенно если рѣдкіе выходы изъ него на свѣтъ Божій случайно находились или нарочно устраивались въ саду одного изъ римскихъ гражданъ, обратившагося въ христіанство; мѣсто собранія вѣрующихъ — если и не вполнѣ удобное для богослуженія, то весьма немногихъ усилій стоило приспособить его для этой цѣли. Мало по малу, по мѣрѣ расширенія подземныхъ чертоговъ, они стали служить и усыпальницею, мѣстомъ погребенія вѣрующихъ. Понятно, что церковные обряды, благочестіе и память объ умершихъ подали укрывшимся въ катакомбахъ мысль объ украшеніи своего пристанища. Бѣдные художники, самоучки-мозаисты, живописцы кистью которыхъ водила единственно глубина религиознаго чувства, положили первые начатки великаго искусства — христіанскаго, ставшаго впоследствии нашимъ, новѣйшимъ, въ противоположность древнему, классическому.

Обычай хоронить вѣрующихъ въ катакомбахъ и чествовать память мучениковъ христіанства восходитъ ко II вѣку нашей эры; по большинство памятниковъ и надписей относятся къ IV и V столѣтіямъ, а нѣкоторыя гробницы и болѣе поздней эпохи. Въ средніе вѣка, когда христіанство окончательно востор-

жестовало въ большей части Европы, Церковь мало по малу утратила воспоминаніе о своей колыбели; катакомбы пришли въ упадокъ и разрушеніе, стали непроходимы—такъ что знакомствомъ съ памятниками ихъ мы обязаны лишь новѣйшимъ ученымъ XVI и XVII столѣтій, которые какъ бы вновь открыли ихъ существованіе.

Катакомбы сооружены по плану, большею частью весьма неправильному. Онѣ состоятъ изъ множества корридоровъ, то широкихъ, то узкихъ, то низкихъ, то высокихъ, которые идутъ во всѣхъ направленіяхъ, встрѣчались и перекрещивались. Вдоль корридора, съ обѣихъ сторонъ, въ стѣнахъ ихъ расположены продолговатые лари, выдолбленные въ туфѣ и предназначавшіеся для помѣщенія усопшихъ, тѣла которыхъ полагались безъ гроба и закладывались плитами, черепицей или мраморными досками, скрѣпленными известью. Эти гробницы расположены большею частью одна надъ другою, но встрѣчаются и одинокія, болѣе роскошныя и обширнѣйшія; мѣстами встрѣчаются просторныя залы, почти всегда со сводами, точно также наполненныя гробницами. Саркофаги мучениковъ обыкновенно помѣщались въ срединѣ покоя или прислонялись къ стѣнѣ и въ такомъ случаѣ надъ ними устраивалась ниша, украшенная живописью; самый саркофагъ покрывался мраморной доской. На ней совершалась литургія. Вокругъ устраивались ступеньки для вѣрующихъ, а у главной стѣны сидѣнья для священниковъ и епископовъ. Таковъ общій видъ римскихъ катакомбъ.

Въ ряду драгоцѣннѣйшихъ древностей и святынь, находимыхъ въ катакомбахъ, первое мѣсто занимаютъ амулы (amulla), глиняные сосуды, наполненные кровью мучениковъ, на что между прочимъ намекаетъ и св. Гауденцій, говоря: quoniam sanguinem tenemus gurso collectum (т. е. кровь которыхъ мы хра-

нимъ въ алебастрѣ). И дѣйствительно, сосуды эти сохранились почти въ совершенной цѣлости—единственно благодаря слою алебастра, которымъ они были залиты. Необходимѣйшей утварью катакомбъ, само собою разумѣется, были свѣтильники и лампады. Большею частью тѣ и другія изготовлялись изъ обожженной глины, иногда изъ бронзы, и въ видѣ рѣдкаго исключенія изъ серебра или янтаря. Христиане употребляли свѣтильники и лампады не только для освѣщенія подземныхъ сводовъ и при богослуженіи, на праздникахъ и агаліяхъ (общихъ трапезахъ), но и при погребеніи. Оба рода древностей указываютъ и на завѣдовавшихъ ими должностныхъ лицъ, занимавшихъ не послѣднее мѣсто въ древне-христианской общинѣ. Первымъ изъ нихъ являлся могильщикъ, гробоконатель (fossor), личность котораго была окружена общимъ почетомъ, такъ какъ въ глазахъ христианъ погребеніе мучениковъ было священною обязанностью. Могильщикъ носилъ тунику съ нашитыми на плечахъ и колѣнахъ крестами. Необходимый спутникъ его—остроконечная кирка. Не меньшимъ уваженіемъ пользовались и хранители свѣтильниковъ, помѣщавшіеся обыкновенно у входа въ катакомбы и вручавшія каждому вѣрующему путеводительный свѣточъ, чтобы онъ не заблудился въ лабиринтѣ темныхъ переходовъ. На нашемъ рисункѣ изображена слѣпая, исправляющая эту должность,—трогательный символъ духовнаго убожества, одного изъ словей вѣчнаго блаженства въ противоположность учености книжниковъ и софистовъ. Сколько святой любви къ великому дѣлу будущаго и какую слѣпую вѣру въ проводнѣе надо было имѣть въ душѣ, чтобы посвятить свою жизнь подобному подвигу въ тѣ времена, когда чуть не у каждаго входа въ катакомбы, благодаря предательству слабыхъ и отступниковъ, подстерегали христианъ засады римскихъ солдатъ, а за ними крестная смерть, травля звѣрьми въ циркѣ и прочія ужасныя мученія!

ЛЮБИМЧИКЪ.

Пронзительный дѣтскій крикъ раздавался на балконѣ дачи. Молодая женщина вскочила съ кресла и бросилась изъ гостиной на балконъ—взволнованная, встревоженная.

— Боже мой! Что такое? Она упала... ушиблась... Соничка!..

На колѣняхъ бонны-нѣмки барахталась хорошенькая смуглая Соничка дѣтъ пяти. Все личико ея было пунцоваго цвѣта. Увидя, что мамаша прибѣжала на ея крикъ, дѣвочка перестала визжать и отбивалась только отъ нянки, желая во что бы то ни стало выскользнуть ея изъ рукъ.

— Пустите-же ее! крикнула вспыхнувъ мамаша.— Вы ее мучите! Зачѣмъ вы ее не пускаете?!.. Ахъ, Каролина!..

Каролина выпустила Соничку, встала со стула и, покраснѣвъ, отвѣтила по-нѣмецки:

— Она непремѣнно хотѣла столкнуть съ балкона вотъ этотъ горшокъ съ гортензійей!..

— Вы должны были ловко отвлечь ребенка отъ этого, заговорила дама также по-нѣмецки:—а если не сумѣли, то вамъ слѣдовало исполнить его желаніе, а не раздражать такъ!.. Неужели вамъ этотъ горшокъ дороже дѣвочки?... Вѣдь она можетъ заболѣть!.. Ну, поди ко мнѣ, цыпнышка!..

Мамаша присѣла на корточки и раскрыла объятія, но «цыпнышка» стояла молча, не двигаясь: ей, повидимому, очень было приятно слышать, какъ понало Каролинѣ отъ мамашы. Соничка прекрасно знала, что она любимчикъ своей мамы и что ей довольно взвизгнуть, чтобы поставить на своемъ и всегда оставить съ носомъ Каролину.

— Ну, ангелочекъ, поди-же ко мнѣ! повторила мать еще нѣжливѣе.

— Не хочу, отвѣтила ангелочекъ.

— Почему-же не хочешь? Развѣ ты не любишь меня?

— Люблю А я хочу этотъ горшокъ туда!..

Зачѣмъ-же? Развѣ онъ тебѣ мѣшаетъ? Горшокъ упадетъ, разобьется, цвѣтокъ испортится!.. А погляди, какой онъ красивый! И тебѣ не жаль его?..

— Не заль. Я хочу его туда!..

— Ахъ, глупенькая!—Мамаша подвинулась къ ней.—Пойдемъ-ка лучше, что я тебѣ дамъ—хорошенькую штучку!

Соничка отступила и завизжала:

— Не хочу! Не хочу!..

— И зачѣмъ вы сразу не отвлекли ее отъ горшка! сердито шепнула барыня Каролинѣ.

— Она ничего не хотѣла слушать, пожалала плечами няня,—она только кричала!..

Дѣвочка улучила минутку, подбѣжала къ ящику съ цвѣтами и шихнула ножкой горшокъ съ великолѣпной гортензійей, который и кувырнулся съ балкона. Сокрушивъ гортензійю, она повернулась и пытливо взглянула на мать.

— Какъ эти няньки портятъ дѣтей! подумала барыня и, подойдя къ ребенку, взяла его на руки. Соничка не сопротивлялась, она даже улыбнулась и потянулась къ лицу матери, чтобы поцаловать ее въ губы. Мамаша съ жаромъ отвѣтила поцалуемъ и мелькомъ взглянула на Каролину.

— Такой милый ребенокъ и... и такое неумѣнье обращаться съ нимъ! Это ужасно! мелькнуло въ ея головѣ, и она унесла Соничку къ себѣ.

Пожалѣйте, читатель, и Соничку, и Каролину!..

Машины, дѣйствующія солнечной силой.

Картина будущаго.

Великое открытіе единства всѣхъ силъ природы и того закона, что никакая сила въ природѣ никогда не пропадаетъ, а при кажущемся своемъ исчезновеніи только переходитъ въ другую форму,—все это восстанавливаетъ въ глазахъ физика древнихъ поклонниковъ солнца; вѣдь извѣстно, что не только всякая органическая жизнь на землѣ, но даже всякое механическое движеніе неодушевленной матеріи—возбуждается солнечными лучами. Когда огненный шаръ подымается на востокъ, вся природа оживаетъ и радостно привѣтствуетъ его, между тѣмъ какъ безъ его лучей немислима никакая жизнь на землѣ. Вездѣ, куда проникнетъ его свѣтъ, подымается въ атмосферу струя нагрѣтаго воздуха, превращаясь въ менѣе нагрѣтыхъ слоевъ или въ свѣжій вѣтеръ, который погоняетъ папи корабли и мельницы, или въ бѣшеный ураганъ, опустошающій все на своемъ пути.

На поверхности морей ежедневно испаряются подъ лучами солнца громаднѣйшія массы воды; онѣ подымаются съ нагрѣ-

тымъ воздухомъ вверхъ, для того чтобы снѣнова начать вѣчный, нескончаемый круговоротъ. Опять всѣ эти массы падаютъ на землю въ видѣ тумана, дождя, снѣга или града,—и только разрушительное дѣйствіе ихъ въ этомъ послѣднемъ состояніи обнаруживаетъ громадную механическую силу испарившейся воды. Кромѣ этого, мы можемъ еще болѣе или менѣе непосредственно наблюдать могучую работу поднятой солнцемъ воды въ той влагѣ, которая осѣдаетъ на горахъ (этнхъ, такъ сказать, конденсаторахъ большаго паровика земли), частью въ формѣ оттаивающихъ долинъ ледниковъ, стремленію которыхъ не могутъ противустоять никакія преграды,—частью въ формѣ стремительныхъ горныхъ потоковъ, которые катятся въ долину, какъ и тѣ тяжеловѣсныя глыбы, и изъ году въ годъ сглаживаютъ огромныя массы горныхъ пространствъ.

Не менѣе могучимъ образомъ выступаетъ механическая работа солнца въ органахъ одаренныхъ жизнью созданий, которыя всегда страстно смотрятъ на него—и до того привязаны къ его

свѣту, что неотступно слѣдят за его видимымъ путемъ на небесномъ своѣдѣ, и постоянно поворачиваются къ нему, чтобы не потерять ни одного его взгляда.

Количество солнечной силы, которое тратится ежедневно на процессъ распускания и свертыванія цвѣточныхъ вѣнчиковъ и листьевъ на всемъ земномъ шарѣ, безъ сомнѣнія, весьма почтенно; но оно исчезаетъ передъ той массой силы, которая требуется для того, чтобы поднять воду отъ корней до вершины деревьевъ, откуда на теплыхъ солнечныхъ лучахъ она испаряется въ огромныхъ количествахъ. По сдѣланному исчисленію, семь лошадей должны бы были работать цѣлый день, чтобы провести въ вершину средней руки дуба—необходимую для него влагу. Сосчитайте же теперь, какую работу исполняетъ солнце въ большомъ лѣсу! Но подъемъ миллионныхъ пудовъ воды составляетъ лишь часть его работы; произрастаніе листьевъ и ствола поглощаетъ безъ сомнѣнія еще гораздо больше солнечной силы. Оставивъ въ сторонѣ листья и плоды, истребляемые каждой осенью,—мы могли бы получить назадъ, разумѣется не безъ значительныхъ потерь, ту механическую силу, которая пошла на образованіе дерева, если употребить стволъ на топливо для паровой машинки. Въ громадныхъ угольныхъ пространствахъ, внутри земли, скрыта маленькая частица солнечной работы прошедшихъ вѣковъ. Замѣной нашихъ рукъ паромъ, быстротой сообщения на сушѣ и на водѣ, мы обязаны углероду, выдѣляемому солнцемъ въ необъятныхъ пространствахъ изъ углекислоты атмосферы. Всегда и вездѣ работаетъ за насъ солнце.

Мало этого: въ насъ самихъ, въ лошадахъ, которые везутъ нашъ экипажъ, въ волахъ, запряженныхъ въ наши плуги, горитъ и работаетъ этотъ самый солнечный огонь. Всю нашу силу получаемъ мы изъ пищи, которую произрастало солнце, непосредственно, если это растительные продукты, косвенно—если мы ѣдимъ мясо, молоко или яйца. Правда, люди и животные въ полярныхъ странахъ повидимому могутъ быть по полугоду лишены солнца и не погибаютъ отъ этого, но они въ состояніи переносить это лишеніе только потому, что въ другіе полгода солнце даетъ имъ запасъ пищи на всю длинную ночь, или производитъ ее въ болѣе счастливыхъ странахъ, пригоняетъ ее туда морскими течениями. Право, нѣтъ ничего удивительнаго въ поклоненіи первобытныхъ народовъ солнцу, какъ символу божества; особенно это понятно въ жителяхъ жаркихъ странъ, которые, какъ настоящіе сыны солнца, предоставляютъ всю работу и все попеченіе о своемъ пропитаніи этому свѣтлу; сами же они нарабатывались на всю жизнь, посадивъ нару другую плодовитыхъ деревьевъ для своихъ внуковъ.

А между тѣмъ мы не умѣемъ пользоваться безконечной силой, исходящей изъ солнечныхъ лучей! Крохотная частица вселенной, которую мы называемъ землей, ловитъ въ своемъ обращеніи можетъ быть частичку одной биллионной части этой силы. Все остальное уходитъ въ пространство. Даже изъ того немногаго, что достается на долю земли, можетъ быть большая часть, ночью, когда солнце исчезаетъ, снова возвращается въ пространство,—по крайней мѣрѣ въ ясные ночи, а среднимъ числомъ послѣднее преобладаетъ. Но и остальнаго мы не умѣемъ употреблять въ свою пользу. Если бы мы умѣли какъ слѣдуетъ воспользоваться солнечной силой, то мы преспокойно бы могли лежать на диванахъ и не шевелить пальцемъ о палецъ. Мы отнюдь не хотимъ сказать этимъ, чтобы полное бездѣйствіе было идеаломъ жизни; мы говоримъ только о нашемъ неумѣнии эксплуатировать солнечную силу. Высчитано, что одна сила Ниагарскаго водопада изображаетъ собой въ годъ большее количество работы, чѣмъ всѣ машины въ свѣтѣ взятыя вмѣстѣ. Даже въ низменностяхъ, гдѣ рѣка течетъ уже сравнительно лѣнливо, человекъ всегда заставлялъ ее работать за себя. Одно время были помѣшаны на изобрѣтеніи вѣчнаго движенія, машины, которая бы двигалась безостановочно, производя силу сама изъ себя.

Теперь, когда мы достовѣрно знаемъ, что всякая механическая сила на земномъ шарѣ приходитъ извнѣ, что даже въ чиликаньихъ нашихъ часовъ и въ биеніи нашего сердца дѣйствуетъ солнце, мы уже не будемъ останавливаться на такихъ фантазіяхъ.

Число машинъ, болѣе или менѣе непосредственно примѣняющихся къ нашимъ потребностямъ солнечную силу, постепенно увеличивается. За водяными мельницами слѣдовали вѣтряныя мельницы; послѣднія были изобрѣтены въ бѣдной водой Малой Азіи и стали извѣстны въ Европѣ только со времени крестовыхъ походовъ: ихъ начали строить въ Европѣ только въ началѣ двѣнадцатаго столѣтія. Это было большимъ благодѣніемъ для низменностей, которыя сдѣлались обитаемы благодаря этому изобрѣтенію. Сначала его примѣняли только для размалыванья хлѣбныхъ зеренъ, для чего первобытные народы употребляли камни и жернова, которыми воспользовались потомъ машины. Но мало по малу его стали примѣнять для обработки другихъ веществъ, для распиливанія дерева, прокатыванья сукна, ковки металловъ, выкачиванья воды. За рѣчными и вѣтряными мельницами мало по малу послѣдовали морскія мельницы, приводимыя въ движеніе морскими приливами.

Изобрѣтеніе паровыхъ машинъ умилило высокое значеніе этихъ первоначальныхъ машинъ, косвенно пользовавшихся солнечной силой, даже совсѣмъ почти изгнало ихъ. Современную

нашу промышленность двигаютъ горючіе матерьялы, въ которыхъ въ теченіе вѣковъ солнце скопило свою силу. Съ каждымъ днемъ совершенствуясь, машины эти понемногу избавляютъ насъ отъ всякой работы и въ концѣ концовъ ручныхъ работниковъ совсѣмъ не будетъ нужно; будетъ надобность въ однихъ только надсмотрщикахъ надъ машинами. Мы знаемъ, что требованіе на уголь, даже и при возрастающемъ развитіи нашей промышленности (а она конечно все будетъ идти впередъ) обезпечено намъ на цѣлыя тысячелѣтія. Когда извѣстныя теперь залежи истощатся, то остаются еще впереди неисчерпаемые запасы Азіи, именно въ Китаѣ. Баронъ Рихтгафенъ, въ своемъ путешествіи по Китаю, открылъ такія пространства угольныхъ залежей, которыя одни въ состояніи удовлетворить спросъ на этотъ матерьялъ всего земнаго шара на многія тысячелѣтія. Но нѣтъ такого сокровища, которое бы наконецъ не истощилось,—и должно наступить время, когда человѣческой родъ переживетъ свои угольные богатства. Начать теперь же раздумывать объ томъ, что же будетъ тогда,—было бы, конечно, впросомъ весьма празднымъ; но фантазія на эту тему не лишена интереса. Какимъ образомъ будемъ мы приводить въ дѣйствіе наши машины, когда намъ придется быть очень экономными съ топливомъ, и беречь его для отопленія нашихъ домовъ зимой? Намъ укажутъ можетъ быть на электро-магнитныхъ двигателяхъ и т. п., но такое указаніе будетъ неудачно. Въ этихъ машинахъ дѣйствуетъ, только въ другомъ видѣ, та же скопившаяся солнечная сила (она спитъ въ металлѣ, который, возобновленный углемъ, разлагается въ батареяхъ). А когда въ нашемъ распоряженіи не будетъ больше видоизмѣненной солнечной силы, то намъ не останется ничего другаго, какъ употребить эту силу непосредственно.

До сихъ поръ солнечными лучами пользовались только для высушванія крашенныхъ, мокрыхъ матерій, для выпариванія соли, и т. п. при чемъ, разумѣется, сберегалось топливо; въ новѣйшее время ихъ сумѣли заставить рисовать. Теперь, какъ извѣстно, дѣлаютъ фотографіи и при свѣтѣ магнія, но для этого предварительно должно быть истрачено значительное количество угля (т. е. перешедшаго въ другую форму солнечнаго свѣта), чтобы получить магній. Точно также электрическое или магніевое солнце есть ничто иное какъ отблескъ настоящаго солнца и зажигается его лучами. Еще въ древности заставляли солнечные лучи прямо исполнять механическія дѣйствія. У древнихъ народовъ, да и у теперешнихъ дикарей, добываніе огня требовало большой траты механической силы. Только продолжительнымъ треніемъ другъ о друга кусковъ сухаго дерева *), или упорнымъ колоченьемъ металла о камень, удавалось имъ возбудить необходимое тепло, чтобы зажечь труть. Изобрѣтатель зажигательнаго стекла, служившаго римлянамъ для зажиганія огня весталокъ, первый заставилъ солнце исполнить за человекъ механическій трудъ. Въ шестнадцатомъ столѣтіи сдѣланъ былъ еще шагъ впередъ: были устроены маленькіе фонтанчики, приводимые въ дѣйствіе солнечной теплотой; послѣднія или расширяла воздухъ въ выкрашенной темнымъ цвѣтомъ металлическомъ резервуарѣ,—или солнечные лучи, черезъ стеклянный чечевицы, концентрировались прямо на водяномъ резервуарѣ. Патеръ Кирхеръ думалъ изобрѣсти такую машинку, которая бы, подобно солнечнымъ лучамъ, каждый часъ выпускала солнечный лучъ. Это въ самомъ дѣлѣ была бы первая машинка, дѣйствующая непосредственно солнцемъ.

Въ наше время занимаются разрѣшеніемъ этой задачи не для такихъ игрушекъ, а для болѣе серьезныхъ цѣлей. Многіе физики стали подумывать о тѣхъ необъятныхъ массахъ солнечнаго тепла, какія бесплодно пропадаютъ въ странахъ съ вѣчно яснымъ небомъ,—потому что земля, которая тамъ днемъ до того горяча, что по ней едва можно ступать голыми ногами, ночью испускаетъ изъ себя все это тепло назадъ въ пространство и дѣлается холодна какъ ледъ. Мы едва можемъ составить себѣ понятіе о всемъ количествѣ силы, которая такимъ образомъ совершенно пропадаетъ для насъ. А можетъ быть вовсе не было бы такъ трудно удержать эти солнечные лучи для работы.

Французскій физикъ Мушэ еще въ 1869 году изобрѣлъ маленькую паровую машинку, единственной печью которой было солнце. Существенная часть ея состояла изъ наполненнаго водой мѣднаго котла, который нагревался большимъ зажигательнымъ стекломъ особеннаго устройства. Она была снаружи вычернена, и окружена нѣсколькими отступа стеклянными стѣнками. Въ этой-то стеклянной стѣнкѣ и заключается гениальная мысль конструкции. Такъ какъ зачерненный котелъ нагревается на солнечныхъ лучахъ гораздо сильнѣе, чѣмъ свѣтлый блестящій металлъ, то онъ очень легко и не пускаетъ изъ себя это тепло въ окружающее пространство. Стекло же имѣетъ свойство пропускать только свѣтлые, а не темные свѣтовые лучи; слѣдовательно эта стѣнка удерживаетъ удачно пойманное тепло. Въ старинныхъ физическихъ кабинетахъ можно еще видѣть аппаратъ, состоящій изъ маленькаго тигеля, накрытаго нѣсколькими свѣтлыми стеклянными колоколами, каждый на разстояніи нѣсколькихъ линій отъ другаго. Это устройство, не препятствуя

*) По новѣйшей, весьма остроумной гипотезѣ одного нѣмецкаго ученаго, этотъ способъ добыванія огня открытъ первобытными народами во время бури въ лѣсу, когда вѣтеръ наклоня деревья подвергалъ ихъ сильному тренію другъ о друга.

Любимчикъ. Картина Андриоли.

Библиотека "Руниверс"

принятию тепла изъ солнечныхъ лучей (потому именно, что внутренняя стеклянныя стѣнки пропускаютъ все, что пропустила первая), совершенно недопускаетъ отдачи его, такъ что аппаратъ этотъ просто поставленный на солнце, безъ помощи чечевицы или зажигательнаго стекла, собиралъ въ своемъ маленькомъ очагѣ столько солнечнаго жара, что въ немъ плавилась самые тугоплавкіе металлы. Умноженіе такихъ стекляннхъ оболочекъ, по принципу этого такъ-называемаго огнесобирателя, или теллособирателя, могло бы можетъ быть сдѣлать ненужнымъ зажигательное стекло и въ котлѣ большого объема. Муща вычислялъ въ свое время, что посредствомъ такого аппарата легко было бы производить работы въ нѣсколько лошадиныхъ силъ; съ тѣхъ поръ однако мы ничего не слышали объ этомъ.

Но въ 1873 году другой физикъ, Густавъ Адольфъ Бергъ въ Дронтегеймѣ, предложилъ планъ такой солнечной машины, существенно разнящейся отъ перваго. Онъ отрицаетъ примѣненіе воды для образованія пара въ подобнаго рода машинахъ, потому что высокая точка ея кипѣнія имѣетъ неминуемымъ послѣдствиемъ значительную потерю тепла. Въмѣсто воды въ котлѣ солнечной машины должна быть употребляема другая жидкость, кипящая при незначительномъ повышеніи температуры, какъ на примѣръ нѣкоторые эфиры, сѣрнистая кислота и т. п. Сѣрнистая кислота, если бы въ ней явилась потребность, могла бы за ничтожную цѣну добываться въ огромныхъ количествахъ въ мѣстахъ богатыхъ сѣрнымъ колчеданомъ, и доставляться на мѣсто въ наглухо-закупоренныхъ металлическихъ котлахъ. Для того, чтобы въ ясную солнечную погоду произвести посредствомъ этой жидкости, кипящей при десяти градусахъ ниже нуля, въ нѣлесообразно-устроенномъ котлѣ напряжение пара въ три атмосферы и выше,—вовсе не нужно зажигательнаго стекла и тому подобнаго приспособленія, которыя еще сами требуютъ особаго механизма, чтобы слѣдовать за ходомъ солнца. Разумѣется истраченная сѣрнистая кислота опять бы собиралась, сгущалась, и снова бы отправлялась въ солнечный котелъ. Г. Бергъ думаетъ, что такая машина, позволяющая пользоваться малѣйшими колебаніями температуры для механическихъ дѣйствій, могла бы съ успѣхомъ дѣйствовать и въ нашихъ широтахъ, если сдѣлать къ ней такое приспособленіе, чтобы въ туманную погоду къ ней можно было приспособить топку. Она и зимой работала бы съ такимъ же успѣхомъ, такъ какъ сгущеніе газа было бы облегчено холодильникомъ со льдомъ, что бы

щедро вознаградило за меньшую силу солнечныхъ людей, падающихъ болѣе косвенно.

Многіе изъ моихъ читателей сочтутъ можетъ быть эти разсужденія о солнечныхъ машинахъ самыми бесполезными фантазіями. До нынѣшняго тысячелѣтія никто въ Европѣ не думалъ о вѣтренихъ мельницахъ, потомъ онѣ нѣсколько столѣтій оказывали громаднѣйшую пользу, а теперь уже вымираютъ въ большей части странъ. Нашъ вѣкъ,—вѣкъ паровыхъ машинъ, но пройдетъ и ихъ время. Во всякомъ случаѣ мысль непосредственнаго пользованія солнечными лучами, какъ двигающей силой, покажется вполне рациональной, какъ скоро мы вспомнимъ, что всѣ наши машины мы питаемъ нѣчѣмъ инымъ, какъ солнечной силой. Остается только примѣнить эту силу непосредственно—и можетъ быть получатся результаты, какіе были и не мыслимы до сихъ поръ.

Но пока наши инженеры находятся еще въ нерѣшительности насчетъ нѣлесообразнаго устройства солнечной машины, одно французское общество въ Сень-Мало, какъ передаютъ газеты, недавно пустило въ ходъ лунную машину. Слѣдовательно я былъ не совсѣмъ правъ, говоря выше, что всякое движеніе на землѣ возбуждается солнцемъ, такъ какъ въ этомъ принимаетъ участіе и луна, отъ которой зависитъ морской приливъ и отливъ. Впрочемъ и эта сила первоначально происходитъ отъ солнца, равно какъ и движеніе самой земли со всѣмъ что на ней есть. Инженеры давно уже досадовали на то, что громадная сила прилива и отлива только и служитъ что на вѣздѣ и вѣздѣ судовъ въ гавани и изъ гаваней; наконецъ были изобрѣтены морскія мельницы, въ которыхъ при помощи системы шлюзовъ, колесо приводится въ движеніе морскими приливомъ, а потомъ продолжаетъ работать запруженной водой. Но такая система нераціональна, какъ это доказалъ инженеръ Ф. Томази въ Парижѣ... Въ одной изъ боковыхъ залъ Вѣнской всемирной выставки, г. Томази выставилъ большую модель своей приливотливной машины. Эта послѣдняя основана на системѣ большихъ вѣтранныхъ резервуаровъ, въ которыхъ приливомъ воздухъ сгущается, отливомъ разрѣжается; при этомъ получается сила, которую посредствомъ трубъ, можно провести на какое угодно пространство. Это также машины будущаго, возможность которыхъ нельзя отрицать. Всѣ великія открытія встрѣчаются недовѣрчивымъ покачиваньемъ головой—такова ужъ общая судьба ихъ.

С М Ъ С Ъ.

Объ отравленіи сибирской язвой. Почти каждый годъ, особенно въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы, читаемъ мы въ разныхъ газетахъ случаи, что вслѣдствіе укушенія мухи послѣдовала внезапная смерть людей или домашняго скота. Объ одномъ такомъ случаѣ въ Коломагахъ еще прошлымъ лѣтомъ было разсказано въ «Голосѣ».

Кто живетъ въ деревнѣ, кто имѣетъ постоянно дѣло съ животными зараженными сибирской язвой, кто, какъ пастухи, мясники, скорняки, кожевники, мыловары и т. п., постоянно обращается со шкурами, кровью, жиромъ; шерстью больныхъ или павшихъ животныхъ,—тотъ конечно знаетъ какой страхъ возбуждаютъ слова: *отравленіе сибирской язвой*. Если послѣдуетъ зараженіе—руки, голова, лицо, вообще всѣ открытыя части тѣла начинаютъ чесаться, показывается маленькое красное пятнышко, а подъ нимъ, подъ кожей, твердая, подвижная горошинка, которая быстро увеличивается, и скоро надъ ней вскакиваетъ пузырекъ, наполненный зеленовато-желтоватой жидкостью. Затвердѣніе увеличивается при сильной боли, пузырекъ лопається, и отъ вышедшей изъ него матери на тѣлѣ образуются новые пузыри, какъ отъ ожога. Затѣмъ слѣдуетъ сильная тифозная лихорадка, кровь отравлена—и черезъ нѣсколько часовъ наступаютъ вѣрная, мучительная смерть.

При такомъ быстромъ и опасномъ теченіи болѣзни было бы необходимо, такъ какъ отравленіе крови у людей и у животныхъ наступаетъ такъ скоро, чтобы для ограниченія заразы законъ повелѣвалъ немедленно снѣгать павшихъ животныхъ.

Не всѣ мухи разносятъ ядовитую заразу. Обыкновенная комнатная муха и сѣрвато-золотистая муха—безвредныя созданія, живущія съ людьми въ мирѣ. Даже красновато-зеленая стервоидная муха, не смотря на ихъ названіе, не возбуждающее особеннаго довѣрія, не кусаютъ и не ранятъ. Слѣдовательно нечего бояться, чтобы мухи этихъ породъ могли своими укушеніемъ заразить опаснымъ ядомъ сибирской язвы.

Но глянцовитая синяя мясная муха (*musca vomitoria*) переноситъ заразу. Насѣкомое это не кусаетъ, но оно извергаетъ изъ себя съѣденное имъ, по большей части гнилое, отравленное сибирской язвой мясо, посредствомъ рвоты; отсюда и названіе ея *vomitoria*. Точно также опасна для людей и животныхъ *громовая муха (musca meteorica)*, черное насѣкомое, съ густо покрытой волосами задней частью тѣла, съ красно-бурыми глазами. Въ сильный жаръ, когда люди, животные и растенія бесильно поникаютъ головами, въ воздухъ вѣрять и гроза виситъ надъ землей, мухи эти торопливо и тревожно кружатся

въ воздухѣ, словно не зная гдѣ найти себѣ покой. Но онѣ находятъ его. Онѣ кладутъ свои яйца въ уши и въ вѣвки бѣднаго скота, гдѣ тѣ остаются, причиняя жесточайшую боль животному, пока изъ нихъ не выползутъ маленькія личинки. Наконецъ еще очень больно кусаютъ людей и животныхъ *большая муха-жигалка (Stomoxys)*, сѣрая *жигалка пугырчатая (muops)*, у этой послѣдней настоящее жало. Отъ укушенія этихъ мухъ на тонкой, чувствительной верхней кожицѣ (эпидермѣ) легко дѣлается опухоль, а нерѣдко, если передъ этимъ муха укусила животное зараженное сибирской язвой, зараза переносится на человека.

Если укуситъ муха или какое другое насѣкомое, никакъ не слѣдуетъ оставлять этого безъ вниманія, такъ какъ неизвѣстно какія могутъ быть отъ этого послѣдствія. Прежде всего надо охладить укушенное мѣсто, нейтрализовать ядъ. Для этого слѣдуетъ сейчасъ же сдѣлать холодную примочку и мѣнять ее какъ можно чаще. Если не случится подъ рукой воды для компрессовъ, то можно обложить больное мѣсто сырой землей, подорожникомъ, или потереть сѣрой изъ ушей. Можно также употребить для этой цѣли свѣжее сырое мясо, алов, свинцовую воду, молоко, хорошенько натирать укушенное мѣсто медомъ, мочей или тертой петрушкой.

Противъ обыкновеннаго укушенія этихъ средствъ совершенно достаточно, но при ядовитомъ онѣ уже не дѣйствительны.

Въ этихъ случаяхъ надо прибѣгать къ *щелочнымъ средствамъ*, и прежде всего позаботиться объ *нейтрализации яда*. Тутъ можетъ оказать помощь нашатырный спиртъ; надо постоянно смачивать имъ больное мѣсто, и кругомъ его дѣлать частыя обмыванья растворомъ поташа или сѣрымъ мыломъ. Хорошо также натирать это мѣсто табачнымъ сокомъ, даже просто положить на него обкуренную сигару. Отлично дѣйствуетъ еще въ такихъ случаяхъ *Eau de Luce*, которую можно достать во всякой аптекѣ. Если жаръ и опухоль очень увеличиваются, то можно даже принять ее внутрь по 15 капель на столовую ложку и черезъ часъ повторять этотъ пріемъ нѣсколько разъ.

Отличное, испробованное средство противъ ядовитыхъ укушеній—это растворенное въ водѣ индиго. Этими растворомъ надо не переставая мочить больное мѣсто. Уже черезъ нѣсколько минутъ почувствуется облегченіе.

Если жаръ очень великъ, то надо держать какъ можно ближе надъ раной зажженную сигару. Если явятся основательныя опасенія настоящаго отравленія, то всѣ эти средства пригодны только какъ первое пособіе, затѣмъ докторъ долженъ приесть

рану каленымъ желѣзомъ, сдѣлать компрессы изъ раствора хлористаго калия, прибѣгнуть къ ѣдкому кали и т. д.

Кому приходится обращаться съ зараженнымъ сибирской язвой скотомъ, тотъ долженъ всегда имѣть предосторожность натирать себѣ руки жиромъ или масломъ, и по окончаніи своего дѣла хорошенько вымыть ихъ мыльной или хлорной водой.

Нигдѣ такъ не нужна опрятность и осторожность, какъ именно въ этой опасной болѣзни.

Особенно подвержены этой заразѣ свиньи и рогатый скотъ. Всего чаще она убиваетъ ихъ въ нѣсколько часовъ, рѣдко болѣзнь продолжается нѣсколько дней. Въ самомъ началѣ болѣзни животное совершенно теряетъ аппетитъ, стонетъ, кричитъ, беспокойно мотаетъ головой, неподвижно и дико выкатываетъ глаза, которые какъ будто плаваютъ въ водѣ, при чемъ бѣлки наливаются кровью; дыханіе дѣлается тяжелымъ и прерывистымъ, изо рта течетъ слюна, испражненія тверды или совсемъ прекращаются. Велѣдъ затѣмъ появляются большія опухоли на шеѣ, въ пахахъ, на плечахъ и на бедрахъ, но оныя повидимому

не причиняютъ животному особенной боли. Тѣмъ быстрѣе за то идетъ процессъ внутренняго разложенія.

При вскрытіи околѣвшихъ животныхъ находятъ селезенку снаружи темно-коричневаго цвѣта, увеличенной, дряблой, внутри наполненной пѣнящейся кровью. Болѣе или менѣе ясно выраженные признаки указываютъ на наступившее истребленіе органа антоновымъ огнемъ. Легкія также воспалены, и, равно какъ и кишки, показываютъ слѣды антонова огня. Микроскопическое изслѣдованіе впрочемъ показало, что ядъ сибирской язвы состоитъ изъ *маленькихъ грибовъ*, которыхъ находятъ отъ 8 до 10 милліоновъ въ одной каплѣ крови.

Само собою разумѣется, что мясо скота зараженнаго сибирской язвой—не пригодно для пищи, даже молоко больныхъ коровъ вредно дѣйствуетъ на здоровье человека и нерѣдко причиняетъ тифозную лихорадку.

Хорошо провѣтриваемые хлѣва, чистая, сухая подстилка, здоровая пища, тѣнистыя пастбища, чистая вода, самыя лучшія предохранительныя мѣры противъ этой опасной болѣзни, приносящей такой серьезный ущербъ сельскому хозяйству.

Разныя Извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Александровна, съ Супругомъ Ею Королевскимъ Высочествомъ Принцемъ Альфредомъ Великобританскимъ, Герцогомъ Эдинбургскимъ, и съ Августѣйшимъ Сыномъ изволила прибыть 28-го сего іюня, въ 10½ часовъ утра, въ Петергофъ.

— Его величество Король Шведскій и Норвежскій благополучно прибылъ въ Ригу 26-го іюня, въ 10½ часовъ утра, и былъ встрѣченъ на пристани начальствующими лицами. Осмотрѣвъ достопримѣчательности города, его величество изволилъ завтракать въ замкѣ, и въ 12½ часовъ пополудни выѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Москву, а 2 сего іюля, въ полдень, изволилъ прибыть изъ Москвы въ Петербургъ и на станціи Николаевской желѣзной дороги былъ встрѣченъ Государемъ Императоромъ.

Дѣла церкви.

— Въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ сообщаютъ слѣдующія подробности о вновь проектированной къ постройкѣ церкви около мытнаго переезда, на Петербургской сторонѣ, сооружаемой домовладѣльцами этой окраины, въ ознаменованіе бракосочетанія Ея Высочества Великой Княгини Маріи Александровны съ Герцогомъ Эдинбургскимъ. Церковь проектирована въ готическомъ стилѣ, съ четырьмя небольшими по угламъ башнями. Фронтонъ ея будетъ украшенъ изваяніями святыхъ, иконостасъ предполагается сдѣлать безъ всякой позолоты, изъ пальмоваго и орховаго дерева, съ украшеніями изъ раковинъ и перламутра. Кругомъ церкви будетъ раскинутъ обширный скверъ. Строители церкви имѣютъ въ виду учредить при ней: а) воспитательное братство, задачей котораго будетъ доставленіе недостаточнымъ жителямъ Петербургской стороны средствъ къ воспитанію дѣтей, выдачею денежныхъ и учебныхъ пособій или содѣйствіемъ къ помѣще-

нію дѣтей въ казенныя учебныя заведенія, въ число бесплатныхъ воспитанниковъ; б) учебно-ремесленный пріютъ для дѣвчатъ и, наконецъ, с) рабочую мастерскую, снабженную всѣми необходимыми принадлежностями для швейнаго, цвѣточнаго и другихъ женскихъ ремеселъ. Въ эту мастерскую будутъ допускаться всѣ женщины, неимѣющія возможности работать на дому по неудобству своихъ квартиръ или по недостатку необходимыхъ для работы принадлежностей.

Сельское хозяйство.

— Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» сообщаютъ, что тираспольскую уѣздную земскую управу получены изъ Тираспольскаго уѣзда, два года уже страдающаго отъ неурожаа, свѣдѣнія о появленіи въ двухъ волостяхъ уѣзда гусеницы. Въ одной изъ этихъ волостей гусеница чернаго цвѣта, питается корнями, иди подъ землею, въ другой она идетъ по поверхности земли. Насѣкомыя эти появились въ значительномъ количествѣ, но до сихъ поръ нельзя еще съ достовѣрностью сказать, чтобы это были гусеницы прошлогодняго жучка, истреблявшаго хлѣба, хотя несомнѣнно, что этотъ жучокъ положилъ свои яички въ землю. Подозрѣваютъ, что оныя имѣютъ дѣло съ *Anisoplia austriaca*.

— Въ Пензенскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“ пишутъ, что въ началѣ мая въ садахъ города Пензы и окрестныхъ лѣсахъ явилось громадное количество червей. Черви эти съ невѣроятною прожорливостью истребляли листья—въ садахъ преимущественно на яблоняхъ, а въ лѣсахъ—на дубахъ; теперь же, когда листья на фруктовыхъ деревьяхъ и дубахъ совершенно истреблены, червь началъ на березу, начиная ѣсть траву, и двигается все впередъ, преимущественно на западъ. Чтобы дать понятіе о количествѣ этого насѣкомаго, достаточно сказать, что дворы, сараи, погреба наполнены были ползущими червями; пройти по тротурамъ, проѣхать по улицамъ можно не иначе, какъ по червямъ; рѣки, омы-

вающія дубовыя городскія рощи, на полярщина отъ береговъ покрыты силошною массой плавающихъ червей; стѣны домовъ, лѣсныя ограды покрыты ими, какъ сукномъ. Двигающіяся массы червя остановили даже на 1½ часа поѣздъ желѣзной дороги; колеса локомотива, обмазавшія сокомъ раздавленныхъ червей, не могли двигать поѣздъ впередъ, и потому необходимо было остановиться и очистить рельсы.

— Въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ пишутъ, что прошлая зима замѣчательно несчастлива была для пчеловодовъ Херсонской губ. и частію Подольской по сѣю сторону Буга. Пасѣки почти уничтожились, такъ какъ послѣ прошлогодней засухи пчелы ставились въ зимнее помѣщеніе крайне слабыми, безъ запасовъ меда. У одного, напримѣръ, пчеловода изъ 150 ульевъ уцѣлѣло только 11, а у другаго—изъ 40 ульевъ осталось всего 7, да и тѣ нуждаются въ поддержкѣ за неимѣніемъ пока корма.

— Въ «Терскія Вѣдомости» пишутъ, что весна въ Кизлярѣ не совсемъ благоприятна для садоводовъ. Недавно бывшая бура уничтожила персики, абрикосы, яблчу и другія ѣжные растенія. Виноградъ туго развивается, даже клубника только-что начала цвѣсти, тогда какъ она, въ прошлые годы, къ десятому мая послѣвала. Черешни и вишни также запоздали цвѣтомъ. Цѣны на виноградныя вина, продававшіяся осенью за безцѣнокъ, поправились, и спросъ на нихъ большой.

— Въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ сообщаютъ, что работы по орошенію Голодной степи, лежащей между городами Чиназомъ и Джизакомъ, начнутся въ нынѣшнемъ году раннею весною. Необходимая для производства работъ сумма уже ассигнована, и въ концѣ марта должны были отправиться въ степь къ мѣсту работъ 6 тысячъ землекоповъ. Осенью выдутъ на работу по проведенію арка—20 тысячъ землекоповъ, такъ что въ нынѣшнемъ году оросительный каналъ значительно подвинется впередъ, въ глубь степи.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ нѣкоторыхъ Петербургскихъ газетахъ появилось извѣстіе о предполагаемой передачѣ „Иивы“ въ другія руки. Слухъ этотъ не имѣетъ ни малѣйшаго основанія и уже опровергнутъ из-

дателемъ въ тѣхъ газетахъ, которыя его сообщили. Единственная цѣль поѣздки издателя „Иивы“ за границу состояла въ наказѣ премій и улучшеніи художественной стороны нашего журнала.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ,

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 29

1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
Выданъ 20 Июля 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.

Оскаръ II. Король Швеции и Норвегии.

Оскаръ II, король Швеции и Норвегии. Рис. и грав. К. Вейерманъ.

Оскаръ II, Король Швеции и Норвегии.

Король Оскаръ II Фредерикъ родился 9-го (21-го) Января 1829 года отъ брака Оскара I съ Жозефиною, дочерью герцога Евгения Лейхтенбергскаго. Будучи третьимъ сыномъ короля, молодой принцъ получилъ титулъ герцога Остроготскаго и образование въ Упсальскомъ университетѣ, гдѣ оказывалъ блестящія успѣхи, преимущественно по языкамъ, классическимъ и современнымъ, не считая скандинавскихъ нарѣчій. Такъ напр. рѣчь, произнесенная имъ на английскомъ языкѣ въ 1871 году на банкетѣ въ Лондонѣ, вызвала общія рукоплесканія, а переводы Гердера «Слуда» и Гётева «Тассо» наглядно доказываютъ, до какой степени усвоенъ имъ духъ германской поэзии и красоты ея корифеевъ. Въ молодости онъ много путешествовалъ по родинѣ, гдѣ поэтической талантъ его пропитался народными мотивами, явившимися впоследствии въ печати въ видѣ сборника думъ, пѣсенъ и балладъ подъ общимъ заглавіемъ *Nytt och gammalt* (Новое и старое), который выдержалъ десятки изданій и прославилъ автора какъ поэта и даровитаго писателя. Страсть къ путешествіямъ и къ морю въ особенности увлекала его въ дальнія плаванія, въ которыхъ царственный морякъ и приобрѣлъ отличающую его нынѣ энергію, осмотрительность и самообладаніе,—а поэтическимъ плодомъ этихъ путешествій явилась одна изъ лучшихъ поэмъ его «Воспоминанія шведскаго флота». Еще будучи принцемъ онъ оспаривалъ премию Стокгольмской Академіи Наукъ на конкурсѣ, въ которомъ принимали участіе лучшіе поэты Швеции, и получилъ ее.

Въ качествѣ ученаго, патріота и военнаго писателя, Оскаръ II издалъ сочиненіе о Карлѣ XII, которое въ ученomъ мѣрѣ считается классическимъ. Супруга вѣнценоснаго писателя, принцесса Софія Нассауская, съ которою онъ вступилъ въ бракъ 6-го іюня 1857 года, также извѣстна своимъ поэтическимъ дарованіемъ, а еще болѣе благотворительностью, простотою и доступностью которыхъ снискали ей общую любовь. Отъ этого брака Оскаръ II имѣетъ четверыхъ сыновей: Оскара-Густава-Адольфа (наслѣдный принцъ, род. 1858 г.) герцога Вермландскаго, Оскара, Карла и Евгения.

Во времени вступленія на престолъ, Оскаръ II былъ адмираломъ и генералъ-инспекторомъ военныхъ учреждений Швеции. Карлъ XV, предшественникъ нынѣшняго короля, скончался въ Мальме 18-го сентября 1872 года, не оставивъ наслѣдниковъ мужскаго пола—и потому герцогъ Остроготскій, какъ ближайшій наслѣдникъ вступилъ на престолъ подъ именемъ Оскара II.

Первымъ дѣломъ короля было улучшеніе экономическаго быта Швеции и введеніе всеобщей воинской повинности. Въ этихъ видахъ, 17-го декабря 1872 года была подписана конвенція съ Даніей о введеніи общей монетной системы въ трехъ скандинавскихъ государствахъ, а на слѣдующую сессію внесены проекты преобразования арміи и флота, объ устройствѣ народныхъ училищъ, о постройкѣ желѣзной дороги на сѣверъ, о распредѣленіи доходовъ съ винокурения и питейныхъ заведеній и проч.

Оставаясь вѣрнымъ своимъ первоначальнымъ симпатіямъ, король покровительствуетъ наукамъ и искусствамъ въ своей странѣ, состоитъ президентомъ военно-литературнаго общества въ Стокгольмѣ (имѣ же основаннаго), музыкальной академіи (тамъ же) и общества наукъ въ Упсалѣ.

Что касается дѣлъ внѣшней политики, то важнѣйшими шагами новаго правителя было сближеніе съ Германіей по клерикальному вопросу, разсѣянное бывшія недоразумѣнія между обѣими государствами, и соглашеніе съ Даніей относительно найма лодмановъ для проведенія судовъ по Зунду. Наслѣдныя принцы Германскій и Датскій посѣтили короля Оскара II, а восторженный приемъ, оказанный шведскому монарху при посѣщеніи имъ въ маѣ нынѣшняго года Даніи и Германской имперіи служилъ какъ бы отвѣтомъ на его миролюбивыя стремленія.

Въ послѣднее время вѣнценосный путешественникъ посѣтилъ Москву и Петербургъ какъ бы въ знакъ примиренія прошедшаго, въ залогъ надеждъ для будущаго, и въ доказательство того, что возгласы нѣкоторыхъ иностранныхъ газетъ, приписывавшихъ Россіи честолюбивые замыслы, не оказали никакого вліянія на свѣтлый и пронизательный умъ шведскаго короля. Со временъ Абооскаго мира, съ 1809 года, Швеція жила съ нами въ невозмутимой дружбѣ; въ 1813 и 1814 годахъ шведскія войска сражались вмѣстѣ съ нашими, и нѣкоторые изъ нашихъ полковъ состояли подъ доблестною командою шведскаго наслѣднаго принца, впоследствии короля Карла XIV-го. Въ эпоху крымской войны союзники употребляли всевозможныя усилія, чтобъ вооружить противъ насъ шведовъ; но внушенія оказались неэффективными, и въ Швецію мы имѣли добраго и надежнаго сосѣда. Нынѣ же радушный и почетный приемъ, оказанный высокому гостю въ предѣлахъ Россіи, долженъ былъ окончательно убѣдить его въ сочувствіи и уваженіи къ его миролюбивымъ намѣреніямъ какъ правительства такъ и народа русскаго.

ОРЕЛЬ-ДѢВКА.

(Изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ).

повѣсть Вильгельмина фонъ-Гиллертъ-Бирхъ.

(Продолженіе).

Валли увидѣла, что ему тяжело говорить объ этомъ, и умоляла, не проронивъ ни одного слова, пока они не вошли въ хижинку.

— Ну, экое жалкое гнѣздо! воскликнула Іосифъ, переступивъ порогъ и стукнувшись головой, хотя онъ порядкомъ таки и нагнулся.—Чтобы втолкнуть родное свое дѣтище въ этакую собачью будку—много, видно, нужно было протерпѣть... Ужъ навѣрно не даромъ—а?...

— Почему ты такъ думаешь? не безъ горечи отвѣтила Валли и, развязавъ козочку, пустила ее въ уголъ. Приведя въ порядокъ свою соломенную постель, она, съ помощью Іосифа, уложила на нее незнакомую ей дѣвуху... При этомъ руки ея задрожали.

— Почему? Да потому, заговорилъ какъ-то безпечно Іосифъ,—что вѣдь кому-же неизвѣстно, что ты вся въ отца уродилась, такая-же необузданная, какъ и онъ?.. Вонъ ты Викентія Гелльнера чуть не увокошила, потомъ, разозлясь, подпала на сѣноваль отцовскій... Н-дѣ, ежели ты начала такъ—ну, значитъ, пойдешь далеко!...

— Ну, а тебѣ извѣстно, за что-же это я Викентія ударила и зачѣмъ сѣноваль подпала? спросила Валли дрожащимъ голосомъ.—Знаешь, почему я тутъ—въ этой собачьей будкѣ, какъ ты сказалъ—знаешь?...

И она руками переломила подъ колѣномъ толстый, крѣпкій сукъ, который съ трескомъ разщепился. Такой силѣ дѣвушки Іосифъ не могъ не надивиться.

— Не знаю, отвѣтилъ онъ и прибавилъ:—гдѣ-жъ все знать?..

— А коли не знаешь, такъ молчи лучше! проворчала Валли и стала раздувать огонь на очагѣ, чтобы согрѣть молоко для гостыи-незнакомки.

— Ну, такъ расскажи мнѣ, ежели ты полагаешь, что я несправедливо говорю.

Громкимъ и горькимъ смѣхомъ разсмѣялась тутъ она, что всегда случалось съ нею, если ей не хотѣлось обнаруживать, что сердце ея обливается кровью.

— Рассказать тебѣ—тебѣ?! воскликнула Валли.—Дѣ, ты именно тотъ, кому можно это рассказать!...

Она какъ-то нервически-быстро вымыла котелокъ, налила въ него молока и повѣсила эту посудину надъ очагомъ.

Іосифъ не подмѣтилъ въ этихъ рѣзкихъ словахъ накипѣвшаго горя и, подумавъ, что она насмѣхается надъ нимъ, сердито отъ нея отвернулся.

— Съ тобой и слова нельзя сказать... Люди-то правду говорили!..

Оставивъ Валли въ покоѣ, онъ обратилъ теперь все свое вниманіе на свою спутницу.

Валли тоже умоляла, но, хлопоча по хозяйству, двигаясь туда и сюда, исподтишка посматривала на Іосифа, фигура котораго вся была освѣщена красноватымъ пламенемъ горѣвшаго на очагѣ валежника. Онъ сидѣлъ на скамейкѣ неподалеку отъ соломенной постели. Валли видѣла его глаза, въ которыхъ отражался мерцающій огонь очага, и ей казалось, что это два уголька: они то ярко вспыхивали, то темнѣли, причѣмъ прекрасное,

строго-спокойное лицо охотника также свѣтлѣло, точно улыбалось, или—вдругъ становилось темнымъ, мрачнымъ.

И ей внезапно вспомнился сонъ первой ночи, проведенной ею тутъ, на вершинѣ.

— О, еслибъ „блаженныя дѣвы“ увидѣли его вотъ *такимъ*—да онѣ живо-бы сейчасъ разстали, какъ снѣгъ отъ огня!...

Навѣрно Валли подумала такъ, потому что въ головѣ ея мелькнуло, что она сама могла-бы оторвать глаза отъ него только тогда, когда ни одной капельки крови въ тѣлѣ не останется, какъ это говорится о сердцѣ. И дѣйствительно, когда она отвела отъ него глаза—изъ нихъ упали двѣ горячія капли—не крови, конечно, но тѣмъ не менѣе ей было очень больно.

Тутъ незнакомая дѣвушка очнулась и, удивившись, спросила:

— Что это? Гдѣ-жь это мы?

— Ничего, Афра, будь спокойна, проговорилъ Иосифъ,—вѣдь тебя, слушай-ка, молнія чуть не пришибла, а вотъ теперь мы съ тобой въ хижинкѣ Штроммингеровой Валли.

— Боже мой! Мы у Валли... Орель-дѣвки!? произнесла дѣвушка въ испугѣ.

— Ничего... Ну, не тревожься, уговаривалъ онъ ее,—вотъ, какъ ты поотдохнешь—мы и тронемся въ путь, уйдемъ.

— Значить, ужъ и въ Винчгау идетъ молва обо мнѣ?... Ну-ко, нѣ, глотни, авось успокоишься! сказала Валли добродушно-иронически и подала ей деревянную чашку, въ которой молоко было смѣшано съ водкой.

Афра попыталась было встать, но силъ у нея на это не хватило; тогда Валли, живо подойдя къ ней, присѣла на постель, приподняла ее одной рукой, обхватила и стала пить изъ чашки, какъ ребенка. Афра съ жадностью отпила немного молока, но такъ еще была слаба, что невольно склонилась головой на плечо Валли, которая сдѣлала знакъ Иосифу, чтобы онъ принялъ отъ нея чашку. Валли не хотѣлось тревожить Афры, и она терпѣливо сидѣла, стараясь не измѣнить положенія.

Иосифъ устремилъ на нее задумчивый взглядъ; онъ видѣлъ, какъ она смиренно сидѣла на постели, обхвативъ большую дѣвушку, и вдругъ простоудушно проговорилъ:

— А вѣдь ты красива... жаль вотъ только, что зла-то очень!...

Валли зарумянилась, слегка вспыхнула.

— Какъ сердце бьется у тебя! сказала Афра:—я даже черезъ плечо твое слышу, какъ оно стучитъ!..

Тутъ она приподняла голову, почувствовавъ, что силы прибавляются, и взглянула на красивое, загорѣлое лицо Валли и ея большіе глаза. Валли тоже зорко оглянула Афру и нашла, что черты лица ея прелестны: она увидѣла такіе задушевные голубые глаза, бѣлокурые, шелковистые волосы—и что-то враждебное шевельнулось въ ея сердцѣ. Валли бросила взглядъ на Иосифа и снова принялась копошиться, прибирать свое жилище.

— Будто это и въ самомъ дѣлѣ Валли—*Орель-дѣвка*? обратилась Афра къ своему спутнику, желая убѣдиться въ этомъ; потому что ей какъ-то не вѣрилось, чтобы эта „ужасная“ Орель-дѣвка оказалась такою добродушною.

— Повѣрить трудновато, да вотъ она сама себя называетъ такъ, отвѣтилъ Иосифъ вполголоса.

— Дѣ, и ты сейчасъ увидишь, что это вѣрно! воскликнула Валли въ порывѣ чувства собственного достоинства, шагнула къ двери, открыла ее и крикнула:

— Ганзль! а Ганзль! Гдѣ ты?

Ганзль рѣзко-крикливо отозвался и, живо спархнувъ съ крыши, влетѣлъ въ избушку.

— Ай, Боже мой, это что такое?! взвизгнула Афра, творя крестное знаменіе.

Иосифъ вскочилъ и заслонилъ собою дѣвушку.

— А это—орель. Я его еще птенцомъ достала изъ

гнѣзда на утесѣ; вотъ меня и прозвали за это Орель-дѣвкой.

И Валли съ такою гордостью посмотрѣла на своего воспитанника, какъ смотритъ солдатъ на отбитое имъ знамя.

— Поглядите-ка, какъ я его приручила: на волѣ онъ у меня гуляетъ, гдѣ хочетъ, и никогда меня не броситъ.

Посадивъ Ганзля на плечо, она расправила ему крылья, чтобы Иосифъ видѣлъ, что крылья не обрѣзаны.

— Великолѣпный орель! проговорилъ онъ, и его охотничій глазъ какъ-то враждебно-завистливо оглядывалъ эту роскошную, царскую добычу. Такую дичь ни одинъ охотникъ другому не уступитъ, а ужъ тѣмъ болѣе—дѣвушкѣ. Вѣроятно, во взглядѣ его было что-то такое, что разсердило Ганзля, потому что онъ, свиснувъ по орлиному, пригнувъ шею, взбѣрошилъ перья и устоялся на Иосифа.

Валли почувствовала, что птица завозилась на плечѣ особенно тревожно, и старалась успокоить ее, ласково глядя, приговаривая: — Ну, что ты, что ты, Ганзль! Вѣдь ты всегда такой смиренный!...

— Ага, почувялъ охотника! усмѣхнулся злорадно Иосифъ и дерзко протянулъ руку къ орлу, какъ-бы съ цѣлью стащить его съ плеча Валли, но тутъ Ганзль разсвирѣпѣлъ и внезапно обнаружилъ всю свою мощь: онъ развернулъ крылья, взлетѣлъ до потолка и оттуда ударилъ на врага. Ужасъ охватилъ Валли—и она вскрикнула, а Афра забилась въ уголъ. Разсвирѣпѣвшій хищникъ, ударяя широкими крыльями, почти занялъ собою тѣсную хижинку и, уже не слушая своей хозяйки, такъ и насакаивалъ на Иосифа, наводя стукнуть его своимъ страшнымъ клювомъ и вцѣпиться когтями въ его бока. Вскорѣ уже ничего нельзя было разобрать: то кулаки мелькали, то крылья, перья летѣли во всѣ стороны, и если Иосифъ задѣвалъ рукой стѣну, то на томъ мѣстѣ ея появлялось темно-красное пятно...

— Ножь! Эхъ, если-бъ ножъ мнѣ! вскрикивалъ онъ. Валли распахнула дверь.

— Уходи, бѣги, Иосифъ! Въ такой тѣсной конурѣ тебѣ не справиться съ нимъ!

Но *Иосифъ-медвѣжатникъ* и не подумалъ бѣжать отъ орла.

— Нѣтъ! Чортъ меня побери, если я хоть на шагъ отступлю! воскликнулъ онъ.

Вой еще длился съ минуту, наконецъ Иосифу удалось таки прижаться лицомъ къ стѣнѣ и желѣзными своими руками схватить крылья Ганзля. Схвативъ ихъ, онъ сжалъ животное съ такою исполинскою силою, что орель очутился какъ-бы въ тискахъ; однако все еще бился и рвалъ клювомъ его руки.

— Ножъ теперь! Ножъ вытаски мнѣ!.. Руки заняты—не могу! крикнулъ онъ Валли.

Валли, уловивъ минуту, сдѣлала по своему: она накинута на голову Ганзля толстое одѣяло и ей уже легко было потомъ связать ему ноги веревкой. Орель былъ совершенно обезоруженъ, Иосифъ швырнулъ его на землю, отошелъ и сталъ заряжать ружье.

Упрямый, горделивый звѣрь бился подъ одѣяломъ, ёрзая по-полу.

— Это ты... что-же дѣлаешь? спросила Валли, удивленно взглянувъ на Иосифа.

— А вотъ ружье заряжаю, отвѣтилъ онъ сквозь зубы отъ боли, такъ какъ обѣ руки его были порядкомъ поранены.

Покончивъ съ ружьемъ, Иосифъ поднялъ связаннаго Ганзля и, выбросивъ его вонъ изъ избушки, выпшелъ самъ, остановился вблизи, приложилъ прикладъ къ плечу и, обратившись къ Валли, которая послѣдовала за нимъ, произнесъ тихимъ, но повелительнымъ тономъ:

— Развяжи его теперь!

Въ акваріумѣ. Морскіе угри нападають на осьминога. Рисов. Ріу.

Въ амбаріумѣ. Морскія иглы и морскіе коньки. Рис. Ріу.

— Чтѡ?... чтѡ ты говоришь? спросила Валли, какъ будто не хорошо разслышавъ его слова.

— Развяжи, пускай онъ полетитъ.

— Для чего это?

— Для того, чтобы мнѣ можно было застрѣлить его. Неужели тебѣ неизвѣстно, что истый охотникъ стрѣляетъ только по свободному звѣрю?

— Пстой! Ради Бога... пстой! заговорила Валли:— развѣ ты хочешь убить моего Ганзля? Неужели?..

Иосифъ посмотрѣлъ на нее тоже не безъ удивленія и отвѣтилъ:

— А неужели ты думаешь, что я такъ и оставлю этого злющаго дьявола?..

— Нѣтъ! воскликнула дѣвушка и, подойдя къ Иосифу, рѣшительно загородила ему дорогу.—Нѣтъ, Иосифъ, не трогай моего орла! Не легко онъ мнѣ достался, я сама вынула его изъ гнѣзда, я боролась на смерть съ матерью-орлицей, я вырастила его... Только онъ одинъ на цѣломъ свѣтѣ и любитъ меня, у меня нѣтъ другаго друга! Не позволю тронуть Ганзля—и конецъ!

— Вотъ какъ! проговорилъ Иосифъ рѣзко и съ горечью:—этотъ дьяволъ чуть глаза мнѣ не выбилъ, а я его такъ и оставляю, не трону?..

— Да вѣдь ты для него совсѣмъ чужой! Ну, развѣ можно его винить въ томъ, что разума у него мало?.. Неужели ты станешь мстить такому глупому звѣрю?..

Иосифъ топнулъ ногой.

— Говорю тебѣ—развяжи его, пусть летитъ, а не то я и такъ его убью!..

И онъ взвель курокъ.

Горячая кровь хлынула въ голову Валли... Питомецъ ея въ опасности—и она уже ни о чемъ больше не думала.

— Ну, это мы еще посмотримъ! крикнула дѣвушка въ порывѣ негодованія, вся вспыхнувъ:—Погляжу я еще, какъ-то ты прикоснешься къ моей собственности!.. Долой ружье! Орелъ мнѣ принадлежитъ—понимаешь—*мнѣ!*.. И ужъ обидѣть его—не позволю, на томъ пстою!.. Прочь ружье, или... не узнаешь ты меня!..

Валли размахнулась и такъ ударила по ружью, что оно выскочило изъ рукъ Иосифа и съ трескомъ разрядилось въ стѣну хижинки.

Во всей фигурѣ дѣвушки было что-то такое, чтѡ покорило наконецъ молодца-парня, самого Иосифа-медвѣжатника: онъ, повидимому, хладнокровно поднялъ ружье и проговорилъ съ ѣдкой усмѣшкой:

— Изволь, оставляю тебѣ твоего драгоценнаго крючконоса!.. Чтѡ-жъ, быть можетъ, другаго-то друга у тебя и не будетъ въ жизни... А ужъ точно, что ты—*Орелъ двѣка!*..

Тутъ Иосифъ презрительно отвернулся отъ нея, вынулъ носовой платокъ и, разорвавъ его на нѣсколько полосокъ, принялся старательно обвязывать этими лоскутками окровавленные руки. Валли не вытерпѣла и кинулась, чтобы помочь ему: только теперь она увидѣла, какія страшныя раны были на его рукахъ,—увидѣла и ей показалось, что ея сердце глубоко ранено и кровь неудержимо льется изъ него.

— Боже ты мой! Ахъ, какія руки у тебя!.. Дай я обмою, обвяжу...

Иосифъ отстранилъ ее.

— Не нужно! Афра перевяжетъ.

И вошелъ въ хижинку.

Валли вдругъ схватила смертельный страхъ: вѣдь она тѡ сдѣлала, что Иосифъ теперь, пожалуй, на всю жизнь останется ея недругомъ... Да отъ одной этой мысли можно умереть!.. Подъ гнѣтомъ такихъ думъ она совсѣмъ изнемогла и побрела въ избушку вслѣдъ за нимъ, а тамъ незнакома дѣвушка обвязывала руки *ему*... Валли видѣла это, она слѣдила за всѣми движеніями Афры, и въ глазахъ ея вспыхивала ревнивая ненависть.

— Послушай, Иосифъ, начала она какимъ-то глухимъ

голосомъ:—если я не допустила тебя убить Ганзля, т не подумай, пожалуста, что я безчувственная.. чтѡ мнѣ раны твои—все равно... Нѣтъ, если-бъ раны, послѣ выстрѣла въ Ганзля, сейчасъ зажили... О, тогда-бы я сказала: стрѣлай и въ Ганзля, и въ меня! Но вѣдь отъ этого не было-бы тебѣ легче?..

— Ладно, ладно, не извиняйся, отрывисто отвѣтилъ онъ и обратился къ Афрѣ:

— Ну, чтѡ, можешь ты теперь идти?

— Могу.

— И прекрасно! Собирайся, идемъ.

Щеки Валли поблѣднѣли.

— Неужели-же ты, Иосифъ, не хочешь хоть немножко отдохнуть здѣсь? Надо-бы тебѣ на дорогу перекусить чего нибудь, а я ничего не предложила... хочешь, сейчасъ состряпаю, или не подать-ли молока?

— За все спасибо! Мнѣ домой нужно поспѣть къ ночи: дождь прошелъ, да и Афра поправились, идти можетъ.

Онъ помогъ своей спутницѣ собраться, закинулъ за спину ружье и взялъ альпійскую палку.

Валли, поднявъ одно изъ орлиныхъ перьевъ (Ганзль оставилъ ихъ довольно на мѣстѣ свалки), засунула его за ленту шляпы Иосифа.

— Носи это перо! Имѣешь полное право на такое украшеніе: ты орла побѣдилъ! Онъ былъ-бы твоей добычей, если-бъ ты не подарилъ мнѣ его.

Но Иосифъ снялъ это украшеніе и бросилъ.

— За намѣренье—спасибо, но пера этого носить не стану: не привыкъ я дѣлиться добычей съ дѣвушками!

— Ну, орла возьми: онъ—твой, дарю его, только... объ одномъ прошу... не убивай ты его!

Валли почти задышалась...

Иосифъ удивленно посмотрѣлъ на нее.

— Чтѡ это ты? И зачѣмъ мнѣ брать у тебя то, чтѡ такъ дорого тебѣ?.. погоди, я вотъ, можетъ быть, изловлю *когда нибудь* медвѣдя, ну и притащу его къ тебѣ живаго. То-то въ пріятной компаніи ты заживешь тогда! Раньше, значитъ, мы и не увидимся... А вѣдь можетъ-же случиться, что гдѣ нибудь тутъ налкнусь я на твоего орла и подстрѣлю его,—такъ вотъ, чтобы оставить его въ цѣлости—мнѣ ужъ лучше въ этихъ мѣстахъ и не бывать совсѣмъ!.. Ну, храни тебя Богъ и спасибо за пріютъ!

Проговоривъ эти слова, онъ гордо выпрямился и спокойнымъ шагомъ вышелъ, изъ хижинки. Афра подняла перо, которое Иосифъ бросилъ.

— Подари мнѣ его, обратилась она къ Валли:—я перо это положу въ молитвенникъ, а какъ взгляну на него—Отче нашъ за тебя проговорю.

— Возьми, отвѣтила Валли глухимъ голосомъ, почти даже и не разслышавъ, чтѡ такое сказала ей Афра, потому что сердце ея готово было выпрыгнуть изъ груди, въ запахъ раздавался шумъ, словно въ воздухѣ еще гудѣла буря... Она тоже вышла, чтобы проводить Иосифа и его спутницу.

Гроза совсѣмъ прошла. Черныя разорванныя тучи уплывали вдаль; въ прѣсвѣтахъ, между ключьями ихъ, были видны отуманенныя горы. Удалявшійся громовержецъ гдѣ-то глухо рокоталъ еще, а съ вершинъ съ шумомъ назвергались цѣлые водопады. Все кругомъ стало утихать, и горы, казалось, задремали подъ бѣлымъ покровомъ изъ снѣга и града.

Валли какъ будто застыла, прижавъ руки къ груди.

— Да, *онъ* никакъ не можетъ понять, что надо очень быть несчастной, бѣдной, чтобы такъ дорожить птицей, такъ привязаться къ Ганзлю!..

Проговоривъ беззвучно эти слова, она нагнулась къ полуокоченѣвшему орлу и развязала ему ноги.

Ганзль, прихрамывая, кое-какъ взобрался къ ней на руки и такъ краснорѣчиво посмотрѣлъ ей въ глаза, какъ будто просилъ у нея прощенья.

Валли зарыдала...

— Ну, гляди, гляди теперь на меня! говорила она ему.— О, Ганзль, Ганзль! Что ты надѣлалъ?...

Подойдя къ хижинкѣ, она сѣла на порогъ ея и крѣпко всплакнула, до тѣхъ поръ рыдала, пока всласть не наслушалась своихъ рыданій. Потомъ Валли глянула наверхъ: за нею вздымалась, почти отвѣсно, высокая стѣна, покрытая снѣгомъ; посмотрѣвъ внизъ, она уви-

дѣла тамъ глубокия котловины и въ нихъ доверху лежалъ снѣгъ... Все это были холодныя могилы, въ которыхъ, казалось, притаилась сама смерть. Впереди, въ туманной дали, стояли наклонно къ землѣ темныя холмы дождя...

И Валли вдругъ ощутила опять, какъ и въ первый день, что она—въ пустынь, одна единѣшенька,—и не двинулась съ мѣста!

(Продолженіе будетъ).

Морской акварій.

Мы стоимъ передъ стекломъ акваріума; странная жизнь за этимъ стекломъ раскрываетъ нашимъ взорамъ подводныя тайны—и мы съ любопытствомъ слѣдимъ за происходящими тамъ явленіями. Вотъ тамъ движется какое-то существо. Поджавъ двѣ оконечности, оно приводитъ въ движеніе остальные шесть и такимъ способомъ подвигается въ одну сторону. Это такъ-называемый *Осьминогъ* (*Octopus*), одно изъ тѣхъ удивительныхъ созданій, которыя водятся въ неизвѣстныхъ глубинахъ морей. Это жестокой разбойникъ, который причется въ расщелинахъ скалъ или въ пескѣ, чтобы ловчѣе высмотрѣть отсюда добычу. Внезапно набрасывается онъ изъ своей засады на подывшихъ слишкомъ близко рыбъ или морскихъ крабовъ, охватываетъ ихъ своими длинными ногами; послѣднія покрыты веѣсками, которые высасываютъ кровь лучше всякихъ пиявокъ.

Но вотъ пробилъ ему послѣдній часъ. Съ быстротою стрѣлы приближаются мстители его злодѣяній. Стадо молодыхъ, но уже достаточно взрослыхъ, чтобы быть опасными для осьминога, морскихъ угрей—набрасывается на него. Они принадлежатъ къ числу самыхъ прожорливыхъ водныхъ хищниковъ. Осьминогъ—хорошо знающій своихъ противниковъ—слѣшнѣ пробраться въ какую нибудь расщелину; чтобы сдѣлать успѣшнѣе свое бѣгство, онъ выпускаетъ изъ себя темноватую жидкость и мутитъ ею воду. Но не успѣлъ осьминогъ въ своемъ предпріятіи; уже гeredній изъ угрей схватилъ его за одну изъ оконечностей, откусываетъ ее и быстро отплываетъ, чтобы на свободѣ проглотить всю добычу. Вода уже успѣла очиститься—на мѣсто битвы юростили и остальные угри. Гибель осьминога быстро приближается, дальнѣйшія его усилія спасти себя совершенно безуспѣшны. Прожорливые хищники откусываютъ ему одну оконечность за другою; нѣтъ пощады и его туловищу—и оно разрывается на мелкія части. Если бы угри откусили ему оконечности, не было бы въ томъ особенной бѣды, такъ какъ черезъ нѣсколько времени онъ выросли бы у него снова. Художникъ представилъ намъ здѣсь картину борьбы за существованіе въ томъ же родѣ, какъ намъ приходится видѣть вокругъ насъ. Картина рисуетъ намъ подводный пейзажъ, видимый черезъ стекло ипантсаго акваріума. Но мы отдалились отъ нашей задачи передать всѣ наблюденія, сдѣланныя надъ жизнью этихъ любопытныхъ созданій.

Осьминогъ принадлежитъ къ 7-му отдѣлу животнаго царства: къ головоногимъ (*Cephalopodes*), которые въ свою очередь относятся къ отряду мягкотѣлыхъ. Осьминоги прозываются также чернильными рыбами, такъ какъ имѣютъ обыкновеніе при преслѣдованіи выбрасывать темную жидкость, чрезвычайно похожую на чернила, они затѣмъ стараются въ происшедшей мутной водѣ ускользнуть отъ врага.

Самое извѣстное изъ животныхъ этого вида—*Cenia*, раковина которой или скорлупа считалась въ древности лекарствомъ; теперь же эта раковина употребляется лишь какъ порошокъ для полировки, какъ извѣстъ для комнатныхъ птицъ. Въ послѣднемъ отношеніи она чрезвычайно хороша, ибо извѣстъ необходима для птицъ—съ одной стороны для возобновленія ихъ суставовъ, съ другой стороны для возобновленія яичной скорлупы.

Особенно любопытнымъ между головоногими является семейство *аргонавтовъ* (*Nautilus*), столь извѣстныхъ уже въ глубокой древности. При хорошей и тихой погодѣ аргонавтъ плаваетъ по спокойнымъ или слегка колеблющимся волнамъ, привлекая своею разноцвѣтною окраскою и своимъ оригинальнымъ видомъ взоры мореплавателей.

Къ головоногимъ же принадлежитъ и другое удивительное животное, называемое *Кракеномъ*. Уже въ древности оно считалось чрезвычайно опаснымъ, но лишь въ послѣднее время сдѣланы изслѣдованія и наблюденія надъ его жизнью и привычками. Вполнѣ достоверно, что нѣкоторыя виды достигаютъ громадныхъ размѣровъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ морѣ встрѣчались подобныхъ мягкотѣлыхъ длину отъ 20 до 25 футовъ; кромѣ того, различные мореплаватели, истина словъ которыхъ не можетъ быть заподозрѣна, упоминаютъ о такихъ кракенахъ, въѣсъ которыхъ они полагаютъ отъ 1000 до 5,000 фунтовъ. Какъ мы видимъ, всѣ басни и рассказы о кракенахъ, сложившіяся въ различныхъ странахъ и народахъ, имѣютъ нѣкоторую долю истины.

Мы переименовали нѣсколько видовъ этого рода безпозвоночныхъ, всѣхъ же ихъ встрѣчается по словамъ Коферштейна до 118.

Морской угорь (*conger vulgaris*) принадлежитъ къ рыбамъ, и его жизнь и привычки еще далеко не изслѣдованы. Многіе натуралисты считаютъ его за простаго угря, взрослого только въ морѣ; другіе напротивъ утверждаютъ, что морской угорь не имѣетъ ничего общаго съ рѣчными. Морскіе угри достигаютъ болѣе 10 футовъ длины и въѣсомъ бываютъ больше 100 фунтовъ. Они принадлежатъ къ чрезвычайно прожорливымъ хищникамъ; они не шадятъ даже маленькихъ себѣ подобныхъ; вообще морскіе угри поѣдаютъ всѣхъ животныхъ, которыхъ они въ состояніи осилить. Хотя его мясо не особенно цѣнится, но его однако много ловятъ, такъ какъ, составляя дешевую пищу, онъ съ удовольствіемъ потребляется бѣднымъ людомъ.

Въ семействѣ угрей встрѣчается нѣсколько видовъ представляющихъ значительный интересъ. Съ самыхъ древнихъ временъ славится *мурена* (*conger tugaena*), еще до сихъ поръ высокоцѣнимая рыба, которую римскіе гастрономы разводили и откармливали въ специально для нихъ устроенныхъ прудахъ. Одинъ изъ римскихъ аристократовъ, имя котораго внушаетъ намъ омерзевіе, Ведій Потіонъ, кормилъ муренъ своихъ прудовъ рабами, которые брошенные живьемъ бывали растерзываемы рыбами къ удовольствію зрителей.

Мурена Красса приобрѣла большую знаменитость, она носила серги, драгоцѣнное ожерелье. Она приходила на зовъ своего господина и ѣла изъ его рукъ. По смерти она была оплакиваема и погребена.

Какъ въ древности такъ и до новѣйшаго времени не былъ извѣстенъ образъ размноженія угрей. Аристотель полагалъ, что они не мечутъ икры, но что происходятъ отъ дождевыхъ червей. Позднѣе думали, что они рождаютъ живыхъ дѣтей. Научныя изысканія доказали, что черви, которыхъ находили въ желудкахъ угрей, были лишь разновидностью глистовъ. Только въ новѣйшее время, благодаря хорошимъ микроскопамъ, былъ найденъ образъ размноженія угрей. Именно: взрослые сами имѣютъ по обѣимъ сторонамъ спиннаго хребта сѣроватый слой шириною въ полъ дюйма, который кажется на первый взглядъ просто жиромъ, не обнаруживая никакихъ янчекъ. Но подъ увеличительнымъ стекломъ можно тамъ увидѣть безчисленное количество икры. Рукавъ, черезъ который выходятъ яйца, и его отверстіе настолько малы, что щетина едва входитъ въ него. Взрослые угри осенью и зимою уходятъ въ море, чтобы метать икру; весной же возвращаются въ болѣе спокойныя воды. Молодые вырастаютъ въ морѣ и съ возрастомъ также уходятъ въ тихія воды. Мечутъ ли икру старыя угри, которые остаются долѣе другихъ и которыхъ застаётъ холодное время года, этотъ вопросъ далеко еще не разрѣшенъ, такъ какъ до сихъ поръ нигдѣ еще въ тихихъ водахъ не попадалось молодыхъ угрей. (Ленцъ).

Таковы наблюденія, которыя происходятъ предъ стекломъ громаднаго акваріума и которыя, надѣмся, будутъ интересны для читателей «Нивы», тѣмъ болѣе, что онѣ могутъ пригодиться при изученіи животнаго міра или же при устройствѣ своего собственнаго акваріума.

Другой бассейнъ акваріума кажется совершенно пустымъ, крайнейнѣ мѣрѣ на первый взглядъ. Если всмотрѣться со вниманіемъ въ раскрывающійся предъ глазами подводный ландшафтъ, тогда къ нашему удивленію мы замѣтимъ въ немъ много движенія; какія-то странныя созданія быстро двигаются въ водѣ, перескакивая отъ одного куста травы къ другому. Въ умѣ является вопросъ, что это: черви или рыбы, птицы или млекопитающія.

Какъ будто играя, *вертикально* плыветъ подобное животное; его голова чрезвычайно похожа на голову лошади, но вмѣсто оконечностей оно имѣетъ лишь длинное чешуйчатое, болѣею частью суживающееся къ концу тѣло. Это рыба, носящая названіе *морскаго конька* (*hippocampus*), которая живетъ въ Средиземномъ морѣ, но водится также и въ Атлантическомъ океанѣ. Она держится около морскаго дна, такъ какъ въ густыхъ водоросляхъ она находитъ себѣ убѣжище и пищу. Послѣдняя состоитъ изъ маленькихъ червей и моллюсковъ. Длинною она достигаетъ восьми дюймовъ.

Надъ размноженіемъ морскихъ коньковъ сдѣланы чрезвычай-но странныя наблюденія. У самца въ нижнихъ частяхъ тѣла находится складка кожи, въ которую и кладетъ самка яйца, но какимъ образомъ происходитъ этотъ процессъ—это до сихъ поръ еще не выяснено. Въ этой складкѣ изъ яицъ развиваются молодые коньки. Къ тому же, какъ и у большихъ четвероногихъ сумчатыхъ, эта складка служитъ молодымъ конькамъ убѣжищемъ при всякой угрожающей опасности.

Животныя этого рода чрезвычайно часто въ настоящее время разводятся въ комнатныхъ акваріяхъ. Ихъ очень любятъ за ихъ странное сложеніе съ лошадиноподобной головой, за ихъ странныя движенія, ихъ цвѣтъ (свѣтло-коричневый, съ голубымъ или зеленоватымъ оттѣнкомъ). Къ сожалѣнію, ихъ чрезвычайно трудно держать въ заключеніи, такъ какъ ихъ трудно снабжать необходимой для нихъ пищей. Несмотря на всю трудность ихъ содержанія, ихъ жизнь въ акваріумѣ нашла себѣ внимательнаго наблюдателя. Благодаря наблюденіямъ г. Лукиса, жителя острова Джерисея, мы можемъ привести нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о жизни этихъ созданій.

«Животныя первое время казались искали въ своемъ помѣщеніи убѣжища и мѣста отдыха. Это подало поводъ наблюдателю положить въ сосудъ немного соломы и морской водоросли. Только съ этого момента (такъ какъ я случайно попалъ на вѣрную дорогу) могъ я вполне наблюдать настоящаго ихъ привычки. Ни одинъ изъ обитателей глубины, помѣщенные въ заключеніи, еще не выказали столько ума и находчивости какъ морскіе коньки. Концомъ своего хвоста держатся они за водоросли и внимательно высматриваютъ добычу. Едва замѣтивъ ее, съ поспѣшностью бросаются они на нее. Когда два морскіе конька близко подплываютъ другъ къ другу, случается, что они сѣпляются хвостами: долго стараются они раздѣлаться, зацѣпляются иногда за водоросли, чтобы найдти твердую точку опоры. Ихъ глаза, какъ и у хамелеона, двигаются независимо другъ

отъ друга. Подобныя свойства составляютъ для наблюдателя не малую приманку, не говоря уже о привлекательности игры ихъ цвѣта.

Мертвые, заботливо высушенные морскіе коньки нередко попадаютъ среди собраній раковинъ и переходятъ иногда въ этомъ видѣ въ число дѣтскихъ игрушекъ.

Въ томъ же самомъ бассейнѣ мы видимъ еще другой видъ рыбе, не менѣе интересный какъ и предыдущій—*Морская игла* (syngnathus) съ длиннымъ, тонкимъ, служящимъ посылкамъ плавникомъ, и съ рыльцемъ напоминающемъ собою дудку. Морская игла достигаетъ иногда 2 фут. длины. Въ акваріумѣ же встрѣчаются иглы лишь въ нѣсколько дюймовъ длиною. Цвѣтъ кожи темнокоричневый съ еще болѣе темными окраинами.

Морскіе коньки и морскія иглы водятся, какъ мы видимъ, въ одномъ и томъ же бассейнѣ и прітомъ живутъ совершенно дружелюбно. Надо замѣтить, что они имѣютъ очень много общаго. Пищу морскихъ иглъ составляютъ такіе же маленькія животныя, и къ тому же размноженіе ихъ происходитъ тѣмъ же способомъ какъ у морскихъ коньковъ.

Обозрѣніе этого бассейна производитъ оригинальное впечатлѣніе; наблюдая за растительностью, замѣчаешь проявленіе животной жизни сперва въ плавныхъ легкихъ движеніяхъ морскихъ коньковъ, переходя затѣмъ къ граціозному колыханію морскихъ иглъ. Эти движенія невольно приковываютъ къ себѣ вниманіе зрителя—и долго съ любопытствомъ слѣдить онъ за беззаботнымъ движеніемъ курioзныхъ рыбокъ, хотя надо сознаться, что однообразныя движенія наконецъ утомляютъ наблюдателя и нагоняютъ дремоту. И наше вниманіе также утомилось, и мы должны были оторвать свой взглядъ отъ оригинальнаго воднаго ландшафта. Мы поспѣшили выйдти изъ тяжелой атмосферы акваріума на свѣжій воздухъ, чтобы вдоволь имъ надышаться и насладиться золотыми лучами свѣта.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

* * *

Почему иногда безотвѣтно
Сердце просится вонъ изъ груди?
Все минувшее вяло, безцвѣтно,
И отраднago нѣтъ впереди.
Отчего, какъ бы сталію сжата,
Иль придавлена тяжелой плитой,
Вся душа почему-то обята
Непонятной и горькой тоской,
И прокравшись, печаль, незамѣтно,
Какъ змѣя шевелится въ груди?
Все минувшее вяло, безцвѣтно
И отраднago нѣтъ впереди.

* * *

Когда, тревожимый мучительной тоскою,
Я какъ въ чаду какомъ-то нахожусь,

И не мирюсь тогда я самъ съ собою,
Съ другими же подавно не мирюсь.
Крещенскимъ холодомъ тогда мнѣ въ душу вѣетъ,
Съ крещенскимъ холодомъ я къ людямъ отношусь,
И чувствую тогда, что сердце каменѣетъ,
Что нигуда я ровно не гошусь.
Что мѣста нѣтъ ни свѣту ни надеждѣ,
И чувство ужъ тогда въ ней не кипитъ, какъ прежде
И мысли не идутъ обычной чередой.
Тогда-то я сажусь, перо мое кушая,
Сажусь тогда писать, чтобъ душу облегчить,
Чтобъ ледяную грудь, стихами согрѣвая,
Всѣ чувства прежнія опять разшевелить.
И мой топорный стихъ, безъ правилъ и безъ мѣры,
Не обработанный, стихъ грубый и простой,
Опять роняетъ въ грудь лучъ прежней, теплой вѣры,
И прежній лучъ надежды забытой.

Кл. Ц.—въ.

МИХАЙЛОВСКІЙ ДВОРЕЦЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

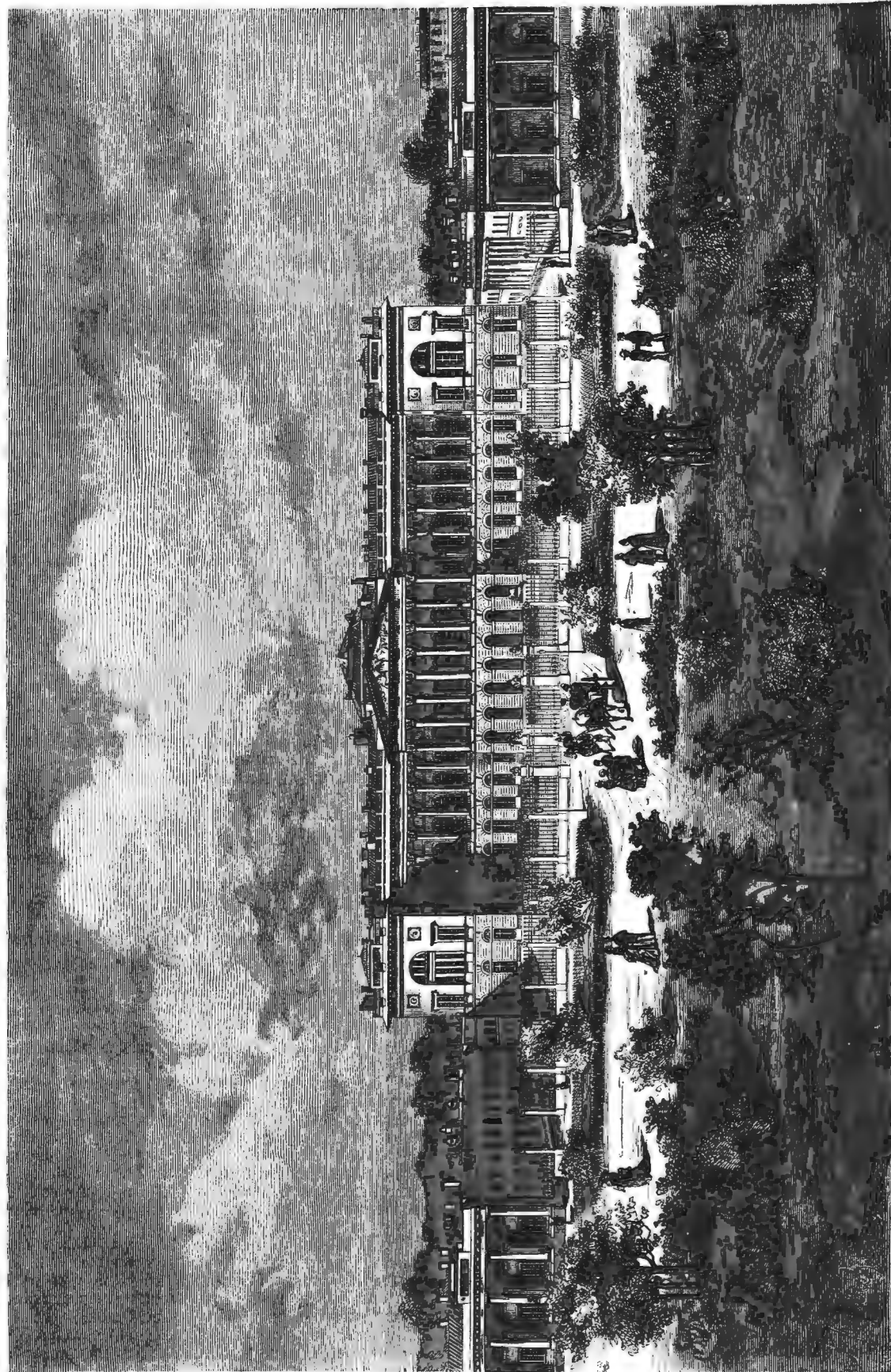
Мѣсто, на которомъ нынѣ стоитъ Михайловскій дворецъ, нѣкогда занято было прекраснымъ садомъ, принадлежавшимъ къ дворцу Императора Павла I, такъ-называемому Михайловскому замку, гдѣ нынѣ Инженерная Академія; Павелъ I желалъ устроить здѣсь и театръ, но предположеніе это не осуществилось.

Императоръ Александръ I, въ 1819 году, приказалъ выстроитъ на этомъ мѣстѣ дворецъ для Великаго Князя Михаила Павловича по плану архитектора Росси, съ огромнымъ роскошнымъ садомъ, обнесеннымъ чугунною рѣшеткою; но этому послѣднему ведомо пришлось существовать, потому что вскорѣ стали проводить черезъ него Большую Садовую улицу, которая и раздѣлила его на двѣ части. Постройка дворца длилась 5 лѣтъ и по окончаніи ея онъ былъ подаренъ императоромъ великому князю. Это зданіе двумя главными фасадами выходитъ, однимъ—на Инженерную улицу, а другимъ на Михайловскую площадь. Архитектура его Тосканскаго стиля, колоннада Коринтскаго ордена. По внѣшней красотѣ и богатству внутренняго убранства дворецъ этотъ составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній сѣверной столицы. У главнаго подъѣзда съ площади, по обѣимъ сторонамъ его, поставлены львиныя фигуры. Верхній этажъ украшенъ колоннами, увѣнчанными великолѣпнымъ куполомъ. Лѣстница производитъ величественное впечатлѣніе. Расположеніе и убранство покоевъ отличаются изысканнымъ вкусомъ. Многія стѣны облицованы мраморомъ съ громадными зеркалами; потолокъ украшенъ живописью, карнизы тѣсною работою различныхъ рисунковъ. Особенно замѣчательна Бѣлая зала съ своими колоннами и превосходно-выполненными историческими картинами. Прочіе покои обиты матеріями и обоями Императорской фабрики въ Царскомъ селѣ. Двери—рѣзнаго

дерева съ позолотою; паркетъ розоваго и краснаго дерева.

Необыкновенно изящна столовая. Стѣны покрыты коврами, въ бѣлыхъ рамкахъ съ бронзовыми украшениями; также роскошны портьеры и мебель, люстра и канделябры. Въ небольшой концертной залѣ замѣчательнъ мраморный бюстъ Бетховена, поддерживаемый тремя граціями. Маленькая бѣлая гостиная украшена портретомъ Великой Княгини Екатерины Михайловны и двумя громадными вазами, образующими канделябры. Большой красный кабинетъ, убранный съ необычайной роскошью, заключаетъ въ себѣ бюсты императора Николая Павловича и императрицы Александры Феодоровны, портреты герцогини Елисаветы Нассауской и старшаго брата Великой Княгини Елены Павловны, нѣсколько картинъ итальянскихъ школъ и множество фарфоровыхъ вазъ и статуетокъ. Большая обѣденная зала поражаетъ превосходною живописью на плафонѣ. Изъ библиотеки, украшенной портретомъ Великаго Князя Михаила Павловича, выходятъ въ кабинетъ для чтенія, завѣшанный фотографіями крестьянъ Великой Княгини. Столъ его заваленъ русскими и иностранными періодическими изданіями. Чрезвычайно хороша также бальная зала подъ бѣлымъ мраморомъ, на стѣнахъ ея историческія картины, столы изъ лаписъ-лазури. При дворцѣ есть небольшая часовня, а въ верхнемъ этажѣ великолѣпная церковь.

Дворъ главнаго фасада отдѣляется отъ Михайловской площади изысканною чугунною рѣшеткой, а за дворцомъ раскидывается тѣнистый садъ, такъ-называемый Михайловскій скверъ съ нѣсколькими прудами, мостиками и различными павильонами, выходящими на Марсово поле, отъ котораго садъ отдѣленъ узенькимъ каналомъ Мойки.

Михайловский дворецъ въ С.-Петербурѣ. Оригинальный рисунокъ Тейермауфа, грав. Гальбергеръ.

БРАКЪ ПО ПРИКАЗУ.

Нѣкогда близъ крѣпости Маріенбурга, въ Пруссіи, жилъ фермеръ, по фамилиі Рейвель. Онъ имѣлъ двухъ дочерей красавицъ, которыя собирались выйти замужъ за двухъ солдатъ, конечно каждая за своего. Женихи были родные братья, молодые, бравые ребята, какихъ любилъ Фридрихъ Великій. Ожидали только, когда полкъ, въ которомъ служили они, расположится въ окрестностяхъ крѣпости,—тогда и должна была состояться свадьба. Шарлотта, младшая сестра, однажды сидѣла прилежно занимаясь вязаньемъ и пасла стадо своего отца, какъ вдругъ какой-то пожилой господинъ, съ благородною, царственною осанкою, остановился возлѣ нея. У него была въ рукѣ трость, онъ былъ въ военной шляпѣ и ботфортахъ и въ длинномъ плащѣ, съ большимъ капюшономъ.

Молодая пастушка до того никогда не видывала этого господина, и появленіе его почему-то испугало ее. Взглянувъ на нее съ выразительною улыбкою, онъ обратился къ ней со словами:

«Какъ зовутъ тебя, моя красавица?»

«Шарлотта Рейвель, къ вашимъ услугамъ,» отвѣчала она.

«А! къ моимъ услугамъ! Ну хорошо, можетъ быть, ты мнѣ и пригодилась. Сколько тебѣ лѣтъ?»

«Объ Сртѣнии будетъ 18.»

«Чѣмъ ты занимаешься?»

«Я пасу стада моихъ родителей, фермеровъ въ этой долині.»

«Ты не замужемъ?»

«Нѣтъ еще, ваша милость.»

«А есть у тебя приданое?»

«Не знаю.»

«Ну хорошо, вотъ тебѣ на это кое-что, если ты готова къ моимъ услугамъ, какъ сейчасъ говорю, сказалъ онъ, отдавая ей кошелекъ съ 200-ми золотыхъ флоринновъ.»

Простой, скромной пастушкѣ показалось это до того страннымъ, что она пришла въ совершенное замѣлательство и припала славнаго барина за кодуна; ей казалось, что золото его жгло ей руки. Тѣмъ временемъ, незнакомецъ, вынувъ изъ кармана записную книжку, написалъ на доскутѣ бумаги нѣсколько строчекъ и тщательно записку эту запечаталъ. Потомъ продолжалъ:

«Чтобъ получить эти 200 флоринновъ, ты должна снести это въ фортъ Маріенбургъ. Когда покажешь только эту печать, то на всѣхъ постахъ тебя пропустятъ. Ты спросишь Маіора Келлера, коменданта и отдашь это письмо ему въ руки. Поняла ты, и обещаешь ли исполнить то, чѣдъ я тебѣ сказалъ?»

Шарлоттѣ хотѣлось бы отвѣтить отрицательно, но ей трудно было отказать чѣмъ согласиться, и потому не зная что отвѣтить, она молчала; а незнакомецъ, думая, что это молчаніе выражало согласие, оставилъ у нее записку и кошелекъ.

Когда онъ скрылся изъ виду, испуганная дѣвушка побѣжала къ сестрѣ своей и разсказала ей объ случившемся.

Катерина была совершеннымъ контрастомъ своей скромной, робкой сестры. Она была бравая, самостоятельная и предприимчивая дѣвушка, которая не остановилась-бы ни на чемъ, достигая своей цѣли. Къ тому же ничто ей такъ не нравилось какъ загадочность, и сама опасность имѣла въ глазахъ ея свою прелесть.

«Порученіе въ Маріенбургъ!» воскликнула она; «это Божье посланіе. Назови лучше добрымъ ангеломъ, а не демономъ того, кто принесъ его. Наши женихи, сержанты Альбертъ и Людвигъ Гостены послѣдніе три дня были на походѣ въ Маріенбургъ. Этимъ путемъ, мы можемъ получить вѣсти объ нихъ и даже, можетъ быть, сегодня-же увидать ихъ. Какой сюрпризъ это имъ будетъ, какая радость для насъ, ужъ ничего не говоря о двухъ стахъ золотыхъ флоринновъ, которые не вездѣ валяются!»

Говоря это, она взяла кошелекъ—и оборачивая во всѣ стороны дорогое письмо, упрасивала Шарлотту, ради жениховъ ихъ, сейчасъ-же отправиться въ фортъ, а она покуда будетъ пасти стадо.

«Ни за что на свѣтѣ! отвѣчала Шарлотта.—«У меня не хватитъ на это духа. Если хочешь идти за меня,» добавила она, «то я уступлю тебѣ эти 200 флоринновъ.»

«Я согласна и на половину,» нисколько не призадумавшись, сказала Катерина, «такимъ образомъ, у насъ обѣихъ будетъ приданое, а кто знаетъ?—можетъ быть, завтра же, мы и обвѣнчаемся.»

Съ письмомъ въ рукѣ, Катерина достигла крѣпости, ворота которой были для нея открыты, благодаря загадочной печати. Ей очень льстило уваженіе, которое ей оказывалось и она стала думать, что вѣрно незнакомецъ былъ какою нибудь важною особою, и письмо заключало въ себѣ что нибудь важное. Нѣсколько разъ принималась она его разсматривать, томясь любопытствомъ узнать, чѣдъ въ немъ было. Она пыталась разглядѣть что нибудь сквозь конвертъ, но это было тщетно. «Что если я неумышленно буду причиною какого нибудь государственнаго переворота, или революціи!» воскликнула она. «Да что мнѣ за дѣло до всѣхъ возможныхъ войнъ, или мира? Главная вещь, узнать: здѣсь-ли Людвигъ и Альбертъ!»

Комендантъ, суровый, старый воинъ, дожившій на службѣ ко-

ролю и отечеству до сѣдыхъ волосъ, выпшелъ чтобъ вывести ее изъ недоумѣнія. Окинувъ ее своимъ взглядомъ съ головы до ногъ, онъ сказалъ.

«Кажется кто-то изъ прекраснаго пола спрашиваетъ меня? Это ты, моя милая? Вотъ я; чего тебѣ отъ меня нужно?»

«Имѣю-ли я честь говорить съ Маіоромъ Келлеромъ, комендантомъ Маріенбурга?»

«Онъ самый.»

«Мнѣ нужно вручить вамъ это письмо, Маіоръ,» сказала Катерина.

«Кто тебѣ далъ его?» продолжалъ онъ.

«Какой-то незнакомый, проходившій съ часъ тому назадъ, у насъ по дорогѣ.»

«Дай-ка я посмотрю,» сказалъ онъ, востепенувшись, когда узналъ печать, и предъ тѣмъ чтобъ снять шляпу, взявъ подъ козырекъ.

Катерина изумилась виду, что письмо, которое принесла она, равно какъ и сама она, доставившая его, были встрѣчены съ такимъ почетомъ.

Прочитавши письмо, Келлеръ вдругъ расхохотался, потомъ также внезапно опять принявъ важную мину и нѣсколько минутъ смотрѣлъ на нее въ лорнетъ.

«Хочешь ты быть маркитанткой?» рѣзко спросилъ Маіоръ.

«Маркитанткой? Это зависитъ отъ того, въ какомъ полку. Если бы это было, напримѣръ, въ третьемъ...»

«Какое у тебя приданое? перервалъ онъ.

Катеринѣ показался страннымъ этотъ вопросъ—и въ недоумѣніи, что онъ будетъ говорить дальше, она отвѣчала: «Невелика сумма 100 флоринновъ ...а письмо, которое я вамъ отдала.»

«Ну, это приданое, какъ разъ по солдату.»

«Конечно, въ особенности по сержанту. Но вы не сказали мнѣ—5-тая рота третьяго полка...»

«Да, да,—ужъ это мы посмотримъ. Въ этой ротѣ отборные люди, ростомъ въ 5 футовъ и въ 6 дюймовъ; но мнѣ сомнительно, чтобъ твоя фигура... Позволь мнѣ, мадемоазель, сказалъ онъ, обнаживъ шпагу и мѣрня ее клинкомъ.

«Пять футовъ, по крайней мѣрѣ. Не дурно, не дурно!»

«Не хотите-ли вы завербовать меня въ королевскую армію, Маіоръ?» воскликнула она.

«Это уже сдѣлано. моя милая. Остается только мнѣ рѣшить, въ какую команду, и кажется, что ты попадешь въ гренадеры.»

«Въ гренадеры! Вотъ хорошо! Что же это такое? Вы шутите, г. комендантъ?»

«Шутить,—съ этимъ письмомъ? Погоди, секрета въ этомъ больше нѣту; прочти его сама.»

Катерина взяла письмо изъ рукъ Маіора Келлера и прочла слѣдующее:

«Приказъ Маіору Келлеру выбрать одного изъ молодыхъ полка, и женить его на дѣвушкѣ, которая доставитъ эту записку.»

«Король Фридрихъ II.»

«Король! Это былъ король! Благое небо!»

«Самъ король. Развѣ ты не въ восторгѣ, что познакомилась съ нимъ?»

Катерина остолбенѣла, и вскричала: «Жениться на мнѣ! Нѣтъ, я никогда не согласусь!»

«Твое согласие!» отвѣчалъ Келлеръ, указывая ей на письмо; «объ этомъ ничего не упоминается въ этомъ приказѣ.»

Сказавъ это, онъ позвонилъ въ колокольчикъ и сказалъ солдату, который явился по его требованію:

«Приказъ короля капеллану. Черезъ полчаса исполнить обрядъ бракосочетанія.»

«Черезъ полчаса!» вскрикнула Катерина. «Это невозможно! Это возмутительное насиліе!»

«Если я сказалъ черезъ полчаса, такъ можетъ быть довольно и четверти. Довольно времени для того, чтобъ переодѣнуть 8 или 10 гренадеровъ и выбрать изъ нихъ подходящаго,» сказалъ онъ, опять переодѣвая Катерину глазами. «Около пяти футовъ и 4 или 5 дюймовъ. Славная фигура для контраста. Мадемоазель», продолжалъ онъ салютуя по военному, «черезъ нѣсколько минутъ я буду къ вашимъ услугамъ.»

Спустя немного времени, Келлеръ возвратился, держа въ рукахъ бумагу.

«Я прискалъ тебѣ мужа,» сказалъ онъ: «и ты должна подписать брачный контрактъ съ нимъ, для капеллана, такъ какъ законъ требуетъ обоюднаго согласія жениха и невѣсты.»

Катерина, оправившись послѣ перваго удара, воскликнула:

«Согласія! А! теперь понимаю васъ наконецъ. Эту бумагу надо подписать, не такъ-ли? Вамъ нужно мое имя? Ну, такъ хорошо же, Маіоръ, я скорѣе позволю изрѣзать себя на кусочки, чѣмъ подпишу эту бумагу! прибавила она, обличая позою своею рѣшимостью.

«Въ самомъ дѣлѣ, ты будешь славнымъ гренадеромъ,» сказалъ онъ, потомъ онъ прочелъ слѣдующее брачное обязательство: — «Я нижеподписавшаяся (ты означишь свое имя) и сержантъ Гостень 3-го гренадернаго полка...

Услышавши фамилию Гостень, Катерина изменилась в лицѣ. «Неужели это Людвиг! подумала она: въ такомъ случаѣ, fortuna дѣйствительно мнѣ благоприятствуетъ.»

Маюръ продолжалъ читать:—«общаемъ другъ другу быть однимъ мужемъ, а другая женою. Маріенбургъ 15-го Марта, 1780-го года. Вотъ, мадемоазель, ты видишь, дѣло не долгое. Подпишешь ты бумагу? Да, или нѣтъ? Нѣтъ, ты сказала? Ну, такъ мы должны принять строгія мѣры,» сказалъ онъ, готовясь взяться за колокольчикъ.

Катерина остановила его словами: «прошу прощенія, Маюръ, я не совсѣмъ поняла васъ. Скажите, пожалуйста, какъ зовутъ моего жениха?»

«Сержантъ Гостень,» отвѣтилъ Маюръ Келлеръ.

«Возможно-ли?»

«Почему-же нѣтъ? Успокойся. Онъ бравый и хорошъ собою, пяти футовъ и пяти дюймовъ съ половиною, по крайней мѣрѣ, ростомъ.»

Катерина едва вѣрила своимъ ушамъ, относя случайность эту къ промыслу Божьему; печаль, которая за нѣсколько минутъ до того овладѣла ею, внезапно перешла въ порывъ восторга.

«Ну, ты все еще не соглашаешься?» сказалъ Маюръ.

«Соглашаюсь, Маюръ, и готова подписаться. Да здравствуетъ король Фридрихъ!»

«Всему свое время. Я былъ въ этомъ увѣренъ; вѣдь я знаю женщинъ.»

Вышедши изъ комнаты, Келлеръ позвалъ сержанта Гостена. Альбертъ (это было его имя) вошелъ, салютуя. Увидѣвъ дѣвушку, онъ вскрикнулъ:—«Катерина! сестра моей невѣсты! Вотъ неожиданная радость!»

«Альбертъ женихъ моей сестры! Ахъ! какая жестокая ошибка!» вырвалось изъ устъ Катерины, и счастливыя мечты ея еще разъ рушились.

«Г. комендантъ, что прикажете?»

«Вотъ что, сержантъ Гостень. Во имя короля, приказывается тебѣ жениться на этой дѣвушкѣ. При словахъ: «во имя короля», Альбертъ взялъ ружье на плечо; но выслушавъ послѣднія слова, выронилъ его и стоялъ какъ окаменѣлый.»

«Понялъ ты?»

«Понялъ, г. комендантъ,» сказалъ Альбертъ машинально.

«Четверть часа дается вамъ познакомиться другъ съ другомъ и подписать брачное обязательство.»

«Извините, простите, Маюръ,» вскричалъ Альбертъ. «Конечно приказаніе Его Величества должно быть мною... но вы понимаете, что въ четверть часа...»

«Что за чушь ты городишь?» спросилъ Маюръ, прервавъ его.

«Нѣтъ, Маюръ, нѣтъ! Но внезапность... надо приготовиться. Не успѣвъ прибыть въ гарнизонъ, какъ сейчасъ и жениться! Это все равно, какъ еслибъ пушка выстрѣлила прежде, чѣмъ коснулся-бы заправки фитиля. Да кромѣ того, какое право имѣю я на руку мадемоазели?»

«Пять футовъ и почти шесть дюймовъ. Она этимъ довольна. Посмотри на нее, и бери примѣръ.»

«Какъ! развѣ мадемоазель согласна за меня выйти?»

«Она ничего лучшаго не проситъ.»

«Это значитъ, Маюръ,» встала Катерина: «позвольте мнѣ»...

«Ты произнесла: «да здравствуетъ король!» и сейчасъ же согласилась подписать», прервалъ Маюръ.

«Я ошиблась, г. комендантъ,» отвѣчала она. «Я думала, что это Людвигъ Гостень, мой женихъ, а это Альбертъ Гостень, братъ его, который помолвленъ съ моей сестрой. Вы ввели меня въ заблужденіе, сказавъ, что Альбертъ въ 5-й ротѣ.»

«Мѣсяцъ тому назадъ я и былъ въ ней», отвѣчалъ Альбертъ. «Но я помѣнялся съ моимъ братомъ. Видите, г. Маюръ, отъ этого и произошла ошибка.»

«Э, хе, хе! Кончайте всѣ эти сказки. Королевское письмо,—вотъ все, что я знаю», воскликнулъ онъ, снова перечитывая письмо. «Приказъ Маюру Келлеру выбрать изъ гарнизона солдата и тотчасъ-же женить его на дѣвушкѣ, которая доставитъ ему эту записку.» Ничего тутъ не говорится ни объ сестрѣ, ни объ братѣ, ни о любовникахъ. Ты, моя любезная, принесла эту записку, а тебя, сержантъ, я выбралъ. Вы будете обвиняемы. Вотъ мое приказаніе. Пять минутъ уже прошло», сказалъ онъ вынимая часы: «теперь вамъ остаются только 10. Кончайте дѣло; оставлю васъ однихъ, до моего возвращенія.»

«Одна минута, г. Маюръ, и вы все узнаете», сказала Катерина, удерживая его. «Король далъ эту записку не мнѣ, Катеринѣ Рейвель, а сестрѣ моей Шарлоттѣ, которую онъ встрѣтилъ по дорогѣ. Шарлотта робѣла идти въ Маріенбургъ, такъ вмѣсто нея, пришла я. По этому, сестрѣ моей приходится выходить за Альберта, и если вы жените его на мнѣ, то ослушаетесь короля.»

«Такъ,—еслибъ это была правда», сказалъ Келлеръ, въ раздумьѣ.

«По приказу Его Величества, я долженъ жениться на Шарлоттѣ», сказалъ Альбертъ.

«Если вы мнѣ не вѣрите», продолжала Катерина, «такъ приведите сюда Шарлотту; она подтвердитъ все то, что я сказала.»

«Пойдите за Шарлоттою», умолялъ Альбертъ.

«Тяше! и подписывайтесь. Я скоро возвращусь», сказалъ Маюръ Келлеръ, выходя изъ комнаты.

Нѣсколько времени, Катерина и Альбертъ молчали.

«Какъ вырваться намъ изъ этой напасти? спросила, наконецъ, Катерина.»

«Я скорѣе взорвалъ-бы Маріенбургъ, чѣмъ женился-бы на тебѣ», неистово вскричалъ Альбертъ.

«А я скорѣе позволила-бы зарыть себя въ землю, чѣмъ вышла-бы за тебя!» въ слезахъ воскликнула Катерина.

«Вѣдная Шарлотта!» сказалъ Альбертъ. «Когда родители наши обручали насъ, кто подумалъ-бы, что такое несчастіе насъ разлучитъ?»

«И разлучитъ въ эту минуту, когда мы были такъ близки къ союзу!»

«Но этого еще не случилось! Это невозможно, если мы оба не поднимемъ.»

«Знаешь, чего боюсь я, Альбертъ? Что они обойдутся безъ нашихъ подписей и обвиняютъ насъ противъ нашей воли!»

«Противъ воли!» вскричалъ Альбертъ, въ порывѣ гнѣва.

«Я скорѣе вырвалъ-бы всѣ волосы изъ головы твоей, добрая моя Катерина. Это самое малое, чтобы я могъ принести въ домъ моей Шарлоттѣ.»

«А я скорѣе выпарапала-бы тебѣ глаза, дорогой мой Альбертъ», въ экстазѣ и съ отчаянія вскрикнула Катерина. «Людвигъ можетъ ожидать отъ меня этого.»

Въ эту минуту вошелъ Маюръ Келлеръ, въ сопровожденіи двухъ солдатъ. Альбертъ и Катерина, въ ту же минуту отойдя другъ отъ друга, въ недоумѣніи смотрѣли на него.

«Всему свое время», воскликнулъ Маюръ. «Наконецъ-то вы сошлись. Того я и ожидалъ. О! я знаю прекрасный полъ.»

Потомъ, обращаясь къ Альберту, онъ потихоньку сказалъ: «На случай какойнибудь нерѣшимости съ твоей стороны, мой красавецъ, и привелъ сюда изъ резерва двухъ твоихъ товарищей, которымъ велѣно отвести тебя въ военный судъ, если ты не поднишься при четвертомъ барабанномъ боѣ. Вотъ это первый», добавилъ онъ, когда послышался барабанъ. Альбертъ вздрогнулъ при этихъ звукахъ. «Вѣдь ты знаешь, дисциплину», продолжалъ Маюръ: «ослушаніе короля,—смертная казнь,—немедленное разстрѣляніе! Пойдемъ, сержантъ», сказалъ онъ, указывая на столъ, «бери перо. Теперь, да здравствуютъ женихъ и невѣста!»

Катерина, внезапно ободрившись, воскликнула: «Онъ не подпишетъ, г. Маюръ; онъ не хочетъ подписать, и я также! Онъ ненавидитъ меня, и я его терять не могу! Спросите его, если это не такъ.»

Келлеръ былъ совершенно озадаченъ, какъ поступить ему при такой внезапной переизмѣнѣ, и сказалъ обращаясь къ Альберту: «Что же это, невѣста твоя шутитъ что-ли?»

Альбертъ робко отвѣчалъ «Но она не невѣста моя, г. комендантъ; Шарлотта, сестра ея, моя невѣста.»

«Все та же исторія! Больше я ждать не буду, сказалъ Келлеръ, и обращаясь къ солдатамъ «Впередъ,—на плечо, на караулъ. Вы знаете приказъ, и этого довольно». Оба по командѣ встали по обѣимъ сторонамъ Альберта. Тогда Маюръ вполголоса сказалъ послѣднее: «Ну, теперь любезный, я, сколько съумѣю, помогу своимъ знаіемъ прелестнаго пола; а барабаны будутъ вмѣсто серенады. Если при второмъ боѣ, ты не будешь у ногъ своей суженой, при третьемъ она не протянетъ тебѣ руки, а при четвертомъ вы оба не поднищесь, то это будетъ доказательствомъ, что ты скорѣе согласенъ сочетаться съ двумя десятками нуль, и они залпомъ въ тебя влѣтятся.»

При этихъ словахъ, Альбертъ невольно задрожалъ. «20 пуль», думалъ онъ, «и онъ слержитъ свое обѣщаніе. О Небо!»

«Ни слова дѣвушкѣ», продолжалъ все вполголоса Келлеръ. «Уваженіе къ вѣжнымъ чувствамъ прелестнаго пола! Я хочу ея добровольнаго согласія». Сказавши это, Келлеръ закурилъ усы и всталъ предъ молодыми людьми, взявъ газету и началъ читать.

Послѣ короткаго промежутка опять ударили въ барабаны и Маюръ сказалъ: «Сержантъ Альбертъ Гостень, что ты чувствуешь къ Катеринѣ Рейвель, которую Его Величество назначилъ тебѣ въ жены?»

«Теперь пора», сказала потихоньку Катерина: «онъ смягчился, скажи, что я навожу на тебя ужасъ.»

«Ну хорошо», насилу выговорилъ онъ; «Катерина наводитъ на меня... Когда онъ произнесъ это, въ барабаны ударили въ второй разъ. Онъ вдругъ остановился и, когда бой дѣлался все громче и громче, онъ палъ передъ нею на колѣни, восклицая: «Я люблю тебя, Катерина; люблю всѣмъ сердцемъ! Я обожаю ее, обожаю, г. комендантъ!» Обращаясь къ Катеринѣ, которая была въ недоразумѣніи, онъ сказалъ вполголоса. «Не ненавижу тебя, но не бойся; только не противорѣчь мнѣ, а не то—я пропаду.»

«Очень хорошо!» воскликнулъ Келлеръ при 3-мъ барабанномъ боѣ, слѣдя за Альбертомъ, когда ему приходилось дѣловато руку Катерины. «Сержантъ Альбертъ Гостень, отвѣчаетъ-ли тебѣ Катерина своими чувствами?»

Тутъ опять загремѣли барабаны. «Не такъ-ли, добрая моя Катерина?» Потомъ потихоньку сказалъ ей: «Это для Людвиг! Онъ пропалъ, если ты не дашь мнѣ руки.»

Катерина совершенно растерялась отъ этихъ словъ; только одно это, могло поколебать ея рѣшеніе. Еслибъ Людвигу угрожала опасность, она рѣшилась-бы на все, для спасенія его. Она молчала. Барабанный бой замолкъ.

«Для Людвиг!» повторил Альберт съ выразительностію, и бедная Катерина не могла долѣе противиться и дала руку Альберту.

Барабаны смолкли.

«Видите, Маіоръ», торжественно вскричал Альбертъ, «она даетъ мнѣ руку!»

«Тѣмъ лучше! Теперь сержантъ Гостенъ и ты, молодая Катерина Рейвель, вамъ остается только подписать договоръ, который лежитъ тутъ на столѣ».

При этихъ словахъ, они со смущеніемъ оглянулись другъ на друга, такъ какъ знали, что если подпишутся, то отступить будетъ уже невозможно.

«Ты первый, сержантъ».

«Да, Маіоръ, конечно; я начинаю»... Потомъ услыхавъ барабаны, онъ задрожалъ и подошелъ къ столу. Онъ былъ въ раздумьѣ, но въ барабаны били; онъ схватилъ перо, потомъ бросилъ его и въ болѣе замѣшательствѣ, потиралъ себѣ лобъ. Барабанный бой продолжался. «Разстрѣлянь! разстрѣлянь!» подумалъ онъ, торопливо поднимая перо и готовясь подписать.

Катерина, которая внимательно слѣдила за всѣми его движеніями, схватила его за руку: «О! этого ты не сдѣлаешь, Альбертъ!»

«Нѣтъ, никогда!» вскричалъ Альбертъ, ободрившись: «скорѣе умру!»

За тѣмъ послѣдовала пауза, въ которую послѣдній бой барабановъ становился все слабѣе и слабѣе, и наконецъ замолкъ. Келлеръ, который внимательно слѣдилъ за этою сценою, медленно поднимаясь, сказалъ:

«Ты не подписываешь?»

«Нѣтъ, сударь», отвѣчала Катерина рѣшительно. «Я не выйду ни за кого на свѣтѣ, если не за Людвиг!»

«Нѣтъ, г. Маіоръ», протрезвонилъ Альбертъ, на тотъ-же ладъ. «Я буду дожидать Шарлотту на томъ свѣтѣ!»

«Ну такъ исполняйте приказаніе», закричалъ Келлеръ двумъ солдатамъ. «Арестуйте сержанта. Маршъ впередъ! Въ военный судъ, для немедленной конфирмаціи и разстрѣлянія, какъ ослушника королевскому повелѣнію!»

«Альбертъ!» вскричала Катерина.

«Прощай, Катерина!» отвѣчалъ Альбертъ, сдавая солдатамъ свое оружіе и готовясь слѣдовать за ними. «Будь счастлива съ Людвигомъ и скажи Шарлоттѣ, что я умираю за нее». При этихъ словахъ, Катерина въ глубокомъ горѣ опустила на стулъ. Но въ эту самую минуту, когда солдаты готовились выйти съ Альбертомъ, барабанный бой опять раздался и послышались крики «Бъ ружью! къ ружью!»

«Это что? вскричалъ Келлеръ съ удивленіемъ».

Нѣсколько солдатъ изъ королевскаго конвоя вошли тутъ въ комнату и между ними Людвигъ. За ними шелъ офицеръ, который возвратился: «Его Величество, король!»

Глаза Катерины внезапно остановились на Людвигѣ.

«Людвигъ здѣсь!» закричала она. «Какой благой Ангелъ прислалъ тебя сюда?»

«Рота моя вступила въ фортъ въ одно время съ ротой Его Величества; а Шарлотта...»

«Шарлотта съ королемъ!» воскликнулъ Альбертъ, едва вѣря своимъ глазамъ».

«Да, Шарлотта» сказалъ король, приближаясь и держа третнюю руку дѣвочки».

Келлеръ преклонилъ было колѣно, но сейчасъ-же былъ остановленъ королемъ, который сказалъ: «Никакой церемоніи, Маіоръ, я здѣсь *никогда*. Я привелъ Шарлотту Рейвель, чтобъ обличить ее въ маленькомъ ослушаніи повелѣнію Его Величества».

«Какимъ это образомъ, сирь?»

«Около часа тому назадъ, я прохаживался по полю, какъ простой смертный, какъ вдругъ встрѣчаю эту богиню граціи, которая вполне соответствуетъ своему имени Шарлотты. Я вздумалъ, что если она выйдетъ за мужъ за красавца солдата, то будетъ чудная пара. Вѣдь вы знаете, это мой конекъ. По этому я вручилъ ей письмо къ вамъ, Маіоръ, въ которомъ безъ вѣдома ея поручилъ вамъ выбрать для нея подходящаго жениха».

«Сирь, я получилъ письмо, но мнѣ принесла его вотъ эта молодая дѣвочка», сказалъ онъ указывая на Катерину».

«А! а! Катерина, сестра моей посланной, та, которая рѣшилась заступить ея мѣсто. Другая ослушница».

«Я не знала, сирь, что имѣла честь нести повелѣніе отъ Вашего Величества», сказала Катерина».

«А еслибъ знала, тогда что сдѣлала-бы?»

«Ну, чтобъ сказать правду, я бы не понесла его».

«Я нашла бы когонибудь другого, брата моего, наприимѣръ, или вичуатную тетку, которой 66 лѣтъ. Вотъ тогда посмотрѣли-бы, какъ-бы намелъ Маіоръ красиваго солдата, чтобъ женить его на ней!»

«Молодецъ и умница, какъ я слышалъ, и такая-же хорошенькая, какъ и сестра!» воскликнулъ Фридрихъ, цѣлуя ея въ лобъ. «Короли имѣютъ одинаковую привилегію со старыми людьми», продолжалъ онъ. «Представьте мое удивленіе, Маіоръ, когда съ полчаса тому назадъ, проходя по тому мѣсту, гдѣ я встрѣтилъ Шарлотту, я засталъ эту дѣвочку преспокойно пасущую свое стадо, тогда какъ я считалъ ее уже обвѣнчанною съ гренадеромъ въ Маріенбургѣ. Она мнѣ все рассказала, просила моего прошенія», сказалъ онъ улыбаясь. «Но я сердитъ, остался неумолимъ и привелъ преступницу въ фортъ, гдѣ хочу, чтобъ приказаніе мое исполнилось законнымъ порядкомъ».

«Сжалось, сирь», умоляла Шарлотта, глядя на Людвигъ; «рука моя не свободна, потому что я уже обручена. Заклинаю васъ отдать сестру мою вмѣсто меня».

«Все съ сестрой! Да вѣрно уже слишкомъ поздно. Я думаю, вы уже обвѣнчали Катерину, Маіоръ, такъ какъ я приказалъ».

«Почти такъ, сирь. Я смѣрилъ мадемоазель; свыше 5 футовъ. Я перемѣрилъ и моихъ солдатъ и выбралъ одного въ 5 футовъ и 6 дюймовъ, сержанта Гостена. Вотъ онъ» сказалъ онъ указывая на Альберта. «Но мнѣ пришлось имѣть дѣло съ двумя упрямыми. Дѣвушка не соглашалась, а сержантъ заминался; коротче, я только что угрожалъ ему военнымъ судомъ и разстрѣляніемъ, когда Ваше Величество...»

«Разстрѣляніемъ!» воскликнулъ Король. «О, Маіоръ! это ужъ черезъ чуръ по военному».

«Ружья еще не заряжены, сирь», отвѣчалъ Маіоръ улыбаясь, «это была только шутка съ моей стороны. Я знаю прекрасный полъ!»

«А почему, мадемоазель Катерина Рейвель», продолжалъ король, «ты не хочешь выйти за сержанта Альберта Гостена?»

«Потому что я обручена съ сержантомъ Людвигомъ Гостеномъ», отвѣчала она смѣло».

«Эту пѣсню она поетъ цѣлый часъ, и я не вѣрилъ ей», сказалъ Маіоръ. «Письмо В. Величества принесено мнѣ было съ повелѣніемъ обвѣнчать ту, которая припесетъ. Его принесла Катерина. Я отъ этого не отступалъ и буквально хотѣлъ исполнить повелѣніе. Катерина и будетъ обвѣнчана съ Альбертомъ, если только Ваше Величество не отмѣните приказанія».

«О, сирь! отмѣните приказаніе!» на колѣняхъ умоляла Шарлотта».

«Сирь, ради самаго Неба, отмѣните приказаніе!» умоляли Людвигъ и Альбертъ, стоя передъ королемъ на колѣняхъ».

«Какъ же это ты не участвуешь въ просьбахъ, Катерина?» спросилъ король».

«Потому что будетъ-ли отмѣна приказанія, или нѣтъ, я не выйду ни за кого болѣе, какъ за моего жениха, Людвигъ».

«Прелестно, прелестно!» вскричалъ король со смѣхомъ. «Потомъ обращаюсь ко всѣмъ троицѣ, стоявшимъ передъ нимъ на колѣняхъ: «Встаньте, дѣти мои. Альбертъ и Шарлотта, станьте здѣсь», сказалъ онъ, указывая на правую сторону. Когда они исполнили это приказаніе, онъ прибавилъ: «Людвигъ и Катерина, вы становитесь здѣсь», указывая на лѣво. Они повиновались. «Оба брата—славные гренадеры», сказалъ онъ улыбаясь; «обѣ сестры—прелестныя дѣвочки. Теперь, Маіоръ Келлеръ, перемѣряйте эти обѣ пары».

Келлеръ съ важностію обнажилъ шпагу и приступилъ къ перемѣру молодыхъ людей. 5 футовъ 6 дюймовъ противу 5 футовъ и 1½ дюйма, и 5 футовъ 5 дюймовъ съ половиною противу 5 футовъ и двухъ дюймовъ».

«Что вы думаете объ этой мѣрѣ?» спросилъ король».

«Обѣ пары не дурны; но Альбертъ болѣе подходилъ-бы къ Катеринѣ», отвѣчалъ Маіоръ».

«Ва! Изъ за полдюйма-то!» воскликнулъ король». Да кромѣ того, Катерина и Людвигъ могутъ еще подрости. Рѣшено, я отмѣняю приказаніе и вмѣсто одной, устрою двѣ свадьбы: конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ, прибавляю 200 золотыхъ флориновъ въ тѣмъ, которые уже далъ».

«О, сирь, какъ благодарить намъ васъ? разомъ вскричали всѣ четверо».

Обѣ пары были обвѣнчаны—и такимъ образомъ туча, на нѣсколько минутъ неожиданно омрачавшая ихъ свѣтлыя надежды, разошлась также скоро, чтобы тѣмъ ярче освѣтить зарю ихъ счастья».

СВАЙНЫЯ ПОСТРОЙКИ.

Въ «Нивѣ» 1871 года мы представили читателямъ цѣльную картину жизни въ ту отдаленную, доисторическую эпоху, которая известна подъ названіемъ *періода свайныхъ построекъ*; въ этомъ популярномъ разсказѣ мы избѣгали собственно научныхъ подробностей, которыя тѣмъ не менѣе далеко не лишены интереса. Попытаемся теперь восполнить этотъ пробѣлъ, ознако-

мивъ читателей съ исторіей открытія свайныхъ селеній и развитіемъ ученія объ этихъ первозданныхъ памятникахъ чело-вѣческой архитектуры».

Швейцарскимъ рыбакамъ издавна уже извѣстно было, что на днѣ большей части тамошнихъ озеръ попадаются многочисленныя свай, о которыя нерѣдко рвутся невода и сѣти. Объяснить

происхождение этих свай—из местных жителей не мог и одна старожилка, а в более интеллигентный слой общества едва доходили смутные слухи о таких находках. Время от времени, при понижениях уровня воды, в прибрежном или озере выкапывались громадные оленьи рога и странной формы сосуды; чуть 30 тому назад некоторые из них были даже отосланы в Бернский музей—но там дѣло и кончилось.

Зимой 1853—54 года уровень воды Цюрихского озера понизился до небывалой степени; близ Стефы из воды выступил камень, на котором начертана была дата 1674 года. Вода отступила от берегов на далекое расстояние, так что илстое дно, усеянное голышами, обнажилось широкой полосой. Местные жители воспользовались этим благоприятным случаем и оттащали у озера клочок плодородной почвы. На чертѣ воды возводили стѣны, а для уравнения ихъ съ берегомъ употребляли тотъ же илъ, который такъ легко добывался по ту сторону стѣны.

При возведеніи подобной набережной, въ небольшомъ заливѣ между Обермейленомъ и Долликономъ, рабочіе снова наткнулись на знакомыя свай, которые однако были такъ ветхи и гнилы, что мягкостью превосходили самый илъ. Тутъ же оказалось множество оленьихъ роговъ и различной утвари, повидимому способныхъ повести къ интереснымъ заключениямъ относительно быта древнѣйшихъ обитателей этого уголка земли. Обермейленскій учитель, Эппли, собралъ найденные предметы и отослалъ ихъ въ Цюрихское общество любителей отечественной исторіи и древностей. Д-ръ Фердинандъ Келлеръ, солидный ученый, съ большимъ рвениемъ предаваясь изслѣдованіямъ находокъ—и ему-то обязаны мы открытіемъ совершенно новаго, до того невѣдомаго міра—міра свайныхъ построекъ. Возбужденный имъ интересъ породилъ охоту къ дальнѣйшимъ изысканіямъ на швейцарскихъ озерахъ; благодаря трудамъ археологовъ, на свѣтъ Божій выступила цѣлая масса драгоценнѣйшихъ для науки сокровищъ древности—и такимъ образомъ освѣтила жизнь и бытъ обитателей Швейцаріи въ такіа отдаленныя времена, о которыхъ исторія совершенно умалчиваетъ.

Обермейленскіе рабочіе, приподнявъ верхній слой ила до 50 сантиметровъ толщины, встрѣтили другой слой въ 75 сантиметровъ изъ песчанистой глины, которая, вслѣдствіе массы гниющихъ органическихъ веществъ, окрасилась въ черный цвѣтъ. Въ этомъ слою обнаружили вершины свай, а также и различная утварь, ознакомившая насъ съ культурою давно-прошедшихъ временъ, почему и слой этотъ получилъ названіе *культурнаго*. Только въ немъ и попадаются остатки первобытной жизни обитателей этой страны, почему и заключаютъ, что этотъ слой осаждался во все время періода свайныхъ построекъ, погребая въ себѣ отброски всякаго рода. Лежащій же надъ нимъ слой принадлежитъ эпохѣ, послѣдовавшей за разрушеніемъ этихъ поселеній. Подъ культурнымъ слоемъ залегаетъ древнѣйшее дно озера. Эти отношенія слоевъ прямо указываютъ на то, что постройки возникали на самомъ озерѣ, а не затоплены были впоследствии внезапною поднятіемъ уровня воды.

Свай (12 сантиметровъ въ поперечникѣ) рѣдко дѣлались изъ цѣльныхъ древесныхъ стволовъ (дуба, бука, березы и сосны), большею частью изъ расколотыхъ на трое и на четверо; длиною, смотря по свойствамъ озернаго дна, были онѣ отъ 2—4 метровъ и болѣе. Нижніе концы ихъ или обжигались на огнѣ, или заострялись топоромъ—и не металлическимъ, а непременно каменнымъ, на что указываетъ вогнутость стесанныхъ поверхностей. Тогда какъ металлическій топоръ стесываетъ по прямой линіи. Эти каменные топоры, такъ-называемые *цальты*, попадаются сотнями на пространствахъ нѣсколькихъ квадратныхъ метровъ—и притомъ нѣрѣдко оказываются изъ такихъ горныхъ породъ, которые не встрѣчаются въ Швейцаріи, а только въ южной Франціи, что какъ бы указываетъ на торговыя сношенія съ иностранцами. Большая же часть топоровъ приготавлилась на мѣстѣ, чему служатъ доказательствомъ находка нѣсколькихъ недоконченныхъ экземпляровъ многочисленные осколки и наконецъ каменные плиты служившія для полировки этихъ издѣлій. Каменный топоръ служилъ главнымъ и необходимѣйшимъ орудіемъ въ тѣ отдаленныя времена. Имъ поражали враговъ, убивали звѣрей, снимали шкуры, разсѣкали мясо, рубили лѣсъ, выдѣлывали утварь изъ оленьяго рога и дерева.

Кромѣ того встрѣчаются въ свайныхъ постройкахъ орудія изъ кремня: наконечники копій и стрѣлы, пилы, ножи. Материалъ этотъ опять таки привозился изъ Франціи, но изготовлялись орудія уже на мѣстѣ, на что указываютъ находимые осколки.

На ряду съ каменными орудіями встрѣчаются костяныя и изъ оленьяго рога, рукоятки для топоровъ, молотки, инструменты для выдѣлки гончарныхъ издѣлій, швейныя иглы, шпильки, булавы. Кабанья клыки оттачивались и также шли въ дѣло—при разрываніи шкуръ. Медвѣжьи зубы, заостренные укорня и просверленные съ противоположной стороны, употреблялись на плетеніе неводоу и прочіихъ рыболовныхъ сѣтей.

Изъ предметовъ домашняго обихода обращаютъ на себя вниманіе: очажныя плиты изъ песчаника, явственно обожжены огнемъ, мѣстами покрытыя сажей; круглыя голыши для размалыванія хлѣбныхъ зеренъ на песчанниковой плитѣ съ круглой выемкой (оба камня такимъ образомъ составляли ручную мельни-

цу). Глиняная посуда попадаетъ во множествѣ; правда—это не цѣлые сосуды, но черепки настояльио велики, что можно безошибочно судить о формѣ цѣлага, которая поразительно разнообразна. Горшки испещрены оттисками пальцевъ, что явно указываетъ на производство отъ руки, а слѣдовательно и на то, что горшечный кругъ не былъ еще изобрѣтенъ. Оттиски эти расположены правильными рядами въ видѣ украшеній. Маленькіе размѣры оттисковъ свидѣтельствуютъ о томъ, что эти работы исполнялись женщинами.

Различныя ткацкія и коженныя издѣлія, а также продукты земледѣлія и скотоводства указываютъ уже на значительную степень культуры. Изъ лыка плелись цыновки и корзины. Канаты, бичева и веревки приготавливались изъ лыка, пенки и льна. Изъ послѣдняго же плели сѣти для ловли рыбъ и звѣрей, а также грубыя полотна для одежды, которыя ткались на станкѣ чрезвычайно простаго устройства. Что касается хлѣбныхъ растений той эпохи, то главнѣйшими изъ нихъ были: мелкозернистая свайная пшеница (*Triticum vulgare antiquorum*), крупный шестистолбный ячмень (*Hordeum hexastichum densum*), мелкозернистый ячмень (*Hordeum sanctum*), египетская пшеница (*Triticum turgidum*), просо (*Panicum miliaceum*) и проч.

Земледѣльческія орудія были чрезвычайно просты: кривой древесный сукъ, плоская кость (лопатка или таза) или оленьи рога—вотъ и все. Поле обрабатывалось только весною, озимыхъ посѣвовъ не дѣлали, быть можетъ по трудности предохранить всходы отъ суровой зимы. Хлѣбъ пекли только изъ пшеницы и проса, причѣмъ тѣсто приготавливалось не изъ муки, а прямо изъ зеренъ, размятыхъ на вышеупомянутой ручной мельницѣ. Хлѣбъ получался плотный, малооздреватый. Питьемъ служилъ сидръ яблочный (изъ кислоты) и грушевый. Употребительнѣйшія овощи: пастернакъ, морковь, горохъ и чечевица. Найденные въ культурномъ слое свайныхъ построекъ остатки позвоночныхъ животныхъ ограничиваются 66 родами, изъ которыхъ 3 гада, 10 рыбъ, 17 птицъ и остальные—звѣри. Въ числѣ послѣднихъ 8 родовъ домашнихъ животныхъ: собака, свинья, лошадь, осель, коза, овца и двѣ породы коровъ.

Такое бытъ несложный обиходъ жителей свайныхъ построекъ. Что касается самыхъ селеній, то они занимали пространство отъ 3,000 до 60,000 квадр. метр. (Моргесъ на Женевскомъ озерѣ). Многія селенія покоятся на десяткахъ тысячъ свай; для исполненія такой гигантской работы требовалось нѣсколько поколѣній, такъ какъ сваи попадаютъ 5—6 метровъ длиною, а вбивались онѣ простою деревянною колотушкою. Поневолѣ изумляешься необычайной энергіи и настойчивости этихъ достоятельныхъ работниковъ! Если почва дна была камениста и сваи входили не глубоко, ихъ старались укрѣпить, засыпая промежутки камнями, которые собирались на берегу и на лодкахъ доставлялись къ мѣсту построекъ. Близъ острова Петерса на Билерскомъ озерѣ найдена такая лодка въ 17 метровъ длины и 1 метръ ширины, наполненная голышами; она выдолблена изъ колоссальнаго древеснаго ствола.

Фундаментомъ для хижинъ и такъ сказать площадью всего селенія служилъ помостъ на тѣхъ же сваяхъ, который возвышался на 1—2 метра надъ поверхностью воды—въ обезпеченіе хижинъ отъ волнъ и бурь. На этой высотѣ къ сваямъ прикрѣплялись ряды продольно и поперечно-лежащихъ древесныхъ стволовъ, въ видѣ рѣшетки, а на этомъ основаніи настилался уже второй рядъ собственно пола. Затѣмъ приступали къ сооруженію отдѣльныхъ хижинъ, которыя обыкновенно представляли продолговатый четвероугольникъ въ 8 метровъ длины при 5 метрахъ ширины; стѣны состояли изъ тѣхъ же свай и вертикальныхъ слегъ, забранныхъ хворостомъ и обмазанныхъ снаружи и внутри глиною, въ защиту отъ вѣтра и дождя. Крыша угверждалась на самыхъ вершинахъ свай и устраивалась изъ соломы, тростника, древесной коры и т. п.

Безъ всякаго сомнѣнія, первоначальную причину этихъ поселеній на сваяхъ надъ водой слѣдуетъ искать въ необходимости обезпечить себя отъ нападѣній врага. Та же нужда, которая въ другихъ мѣстностяхъ заставляла людей строиться на трудно-доступныхъ горныхъ вершинахъ, побудила древнихъ обитателей Швейцаріи окружить себя водою родныхъ озеръ. Каменные постройки на сѣверѣ Альповъ введены были только въ эпоху римлянъ; до нихъ здѣсь умѣли строить только землянки и деревянные хижины. Но послѣднія, въ время безпощадныхъ битвъ этой эпохи, легко становились жертвой пожара. Поэтому и стали селиться на озерѣ, во нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, превращая такимъ образомъ свое жилище въ крѣпость. Сваи затрудняли приближеніе вражескихъ лодокъ, а зимою легко было подерживать широкія проруби вокругъ селенія. Въ то же время свайныя постройки содѣйствовали рыболовству и сношеніямъ съ иностранцами. Сухопутныя же сношенія были чрезвычайно затруднены дѣвственными лѣсами по горнымъ склонамъ. А что сношенія съ иностранцами дѣйствительно существовали, на это между прочимъ указываютъ Геродотъ, оставившій намъ описание свайныхъ построекъ въ Македоніи, и современникъ его Гиппократъ, описавшій ихъ у туземцевъ рѣки Фазиса въ восточномъ углу Чернаго моря. На Черномомъ же морѣ свайныя постройки существовали въ XVII столѣтіи до Р. X. Такимъ образомъ мы видимъ, что этотъ родъ жилищъ, возникнувъ до начала исторіи, тянется въ теченіе каменнаго, бронзоваго и же-

лѣзнаго періода до нашихъ временъ, когда свайныя постройки встрѣчаются уже только у дикарей Азіи, Африки, Америки и острововъ Тихаго океана.

Отъ самихъ же обитателей свайныхъ построекъ въ Швейцаріи уцѣлѣли лишь весьма незначительныя остатки; большею частью это кости дѣтей, погибшихъ вѣроятно по неосторожности. Близъ Робенгаузена найдены длинныя кости оконечностой, принадлежащія одной и той же особѣ женскаго пола. Они указываютъ на средній ростъ и крѣпкое, статное сложеніе тѣла, ода-

реннаго энергіей и подвижною. Черепъ каменнаго человѣка уцѣлѣлъ только одинъ, и то въ видѣ обломка безъ лицевыхъ костей. Очертаніе его чрезвычайно близко подходитъ къ типу нынѣшнихъ жителей нѣмецкой части Швейцаріи.

Вотъ данныя, на которыхъ талантливый художникъ построилъ свою картину, предлагаемую въ вѣрномъ снимкѣ читателямъ въ настоящемъ № «Нивы». Это молодая женщина съ ребенкомъ на рукахъ, сидящая у порога своей хижины, въ ожиданіи мужа, занятаго рыбною ловлей.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Придворныя извѣстія.

— 7-го сего іюля, въ 8 часовъ вечера, его величество Король Шведскій и Норвежскій Оскаръ II изволилъ выѣхать изъ Петербурга въ Стокгольмъ.

Дѣйствія правительства.

— Высочайше повелѣно: Въ дополнение статьи 25 Высочайше утвержденнаго, 1-го января 1873 года, устава о воинской повинности постановить:

«Лица, состоящія на дѣйствительной военной службѣ, въ продолженіе обязательнаго срока оной пользуются личными и имущественными правами своего состоянія, подчиняясь всѣмъ требованіямъ и правиламъ службы и подлежа слѣдующимъ ограниченіямъ:

1. Состоящимъ на дѣйствительной обязательной службѣ нижнимъ чинамъ запрещается вступать въ бракъ; исключенія изъ сего для нѣкоторыхъ мѣстностей допускаются по Высочайше утвержденнымъ положеніямъ военнаго и адмиралтействъ совѣтовъ.

2. Офицерамъ не дозволяется вступать въ бракъ ранѣ двадцати-трехлѣтняго возраста; недостижимъ же въ военно-сухопутномъ вѣдомствѣ двадцати восьми лѣтъ, а въ военно-морскомъ двадцати пяти лѣтъ отъ роду вступленіе въ бракъ можетъ быть разрѣшаемо начальствомъ не иначе, какъ по представленію имущественнаго обезпеченія въ размѣрѣ и на основаніяхъ, опредѣляемыхъ военными и морскими постановленіями, по принадлежности; сими же постановленіями опредѣляются и необходимыя, по мѣстнымъ условіямъ, изъятія изъ общаго правила о предоставленіи обезпеченія.

3. Офицерамъ и нижнимъ чинамъ не воспрещается брать торговля (купеческія и промысловыя) свидѣтельства; но производить торговлю дѣла и управлять промышленными заведеніями, находясь на дѣйствительной службѣ, они могутъ не иначе, какъ чрезъ повѣреннаго, управляющаго или приказчика.

4. Офицерамъ и нижнимъ чинамъ не воспрещается выдавать векселя и всякія другія обязательства, но взысканіе по онымъ можетъ быть обращено только на принадлежащее должникамъ имущество; лично же задержанію (аресту или заключенію), до отбѣга обязательнаго срока службы, офицеры и нижніе чины не подвергаются.

— 23-го мая сего года, Высочайше повелено: принимать въ с.-петербургскій и московскій Николаевскіе сиротскіе институты и Александринскій сиротскій домъ, на правѣ круглыхъ сиротъ, такихъ дѣтей, у коихъ оставшіся въ живыхъ родители находятся не менѣе пяти лѣтъ въ безвѣстной отлучкѣ, удостовѣряемой свидѣтельствомъ губернскаго правленія, а въ исключительныхъ случаяхъ, по усмотрѣнію начальства заведеній, копіями съ явочныхъ прошеній, съ тѣмъ однако, чтобы въ обоихъ документахъ былъ указанъ срокъ, съ котораго началась безвѣстная отлучка.

— Государь Императоръ, согласно положенію комитета по дѣламъ Царства Польскаго, 13-го мая 1875 г., Высочайше соизволилъ разрѣшить учрежденіе въ Варшавѣ Швейцарскаго благотворительнаго общества.

— Высочайше повелѣно: Взаимнѣ командироваемаго на Нижегородскую ярмарку, для

исполненія полицейской службы, отряда казачковъ Войска Донскаго, учредить, для охраненія порядка и безопасности въ Нижнемъ-Новгородѣ и прилегающихъ къ нему уѣздахъ, конно-полицейскую стражу изъ вольнонаемныхъ лицъ.

— 1-го (13-го) іюня введены въ Области Войска Донскаго Земскія учрежденія.

— Велѣдствіе внесеннаго Министромъ Филансовъ въ Комитетъ Министровъ представленія о допущеніи продажи съ солеваренныхъ заводовъ соляныхъ отбросовъ, Высочайше утвержденнымъ, 23-го мая сего года, положеніемъ того Комитета постановлено: разрѣшить, въ видѣ опыта, на три года, продажу на солеваренныхъ заводахъ соляныхъ отбросовъ, получаемыхъ при варкѣ соли, съ оплатою оныхъ акцизомъ по десяти копѣекъ съ пуда и съ тѣмъ, чтобы таковая продажа производилась съ вѣдома и подъ наблюденіемъ мѣстнаго акцизнаго надзора.

Дѣла церкви.

— Въ минувшемъ іюнѣ вышелъ изъ печати, какъ сообщается въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, послѣдній листъ перевода библіи на русскій языкъ. Дѣло это, испытанное столько превратностей, окончено вполне, и такимъ образомъ въ настоящее время имѣется вся библія на русскомъ языкѣ, и при томъ въ переводѣ, авторизованномъ напеку церковною властію. Этотъ четвертый и послѣдній выпускъ библіи заключаетъ въ себѣ книги большихъ и малыхъ пророковъ, три книги Макавейскія и третью книгу Ездры. Цѣна 60 к. Всѣ книги ветхаго завіта въ русскомъ переводѣ стоятъ слѣдовательно 2 рубля.

Морское дѣло.

— 5-го сего іюля состоялся на Кронштадтскомъ рейдѣ Высочайшій смотръ флоту, который, благодаря прекрасной погодѣ и множеству собравшихся судовъ, былъ очень удаченъ и представлялъ одно изъ самыхъ блестящихъ зрѣлищъ.

Ученыя и другія общества.

— Нѣсколько недѣль тому назадъ, по повину николаевскаго окружнаго правленія общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ, кавказскимъ окружнымъ правленіемъ присланы были въ Николаевъ два человѣка отъ лабораторіи кавказскаго военнаго округа, для обученія дѣйствію спасательными ракетами и орудіемъ Кордесса, передачѣ посредствомъ ихъ концовъ на судно, терпящее бѣдствіе, и спасенію погибающихъ съ него помощью спасительнаго стула. Съ этой цѣлю 16, 17 и 18-го іюня на берегу Ингула былъ произведенъ рядъ ученій, состоявшихъ въ томъ, что на противоположный, низменный берегъ рѣки, на которомъ была поставлена мачта, посредствомъ ракетъ былъ переданъ линь, и затѣмъ воспроизводился весь процессъ переправы человѣка, съ помощью спасительнаго стула, отъ пункта, представлявшаго гибнущее судно, до мѣста производства опытовъ, на разстояніи до 85 сажень. Опыты происходили вполне успѣшно, такъ какъ отъ пуска ракеты и до окончательной переправы человѣка на берегъ, въ послѣдній день ученій, требовалось всего 28 минутъ времени. При этихъ опытахъ были употреблены 2½ дюйм. ракетъ, изготовленныхъ на

николаевскомъ ракетномъ заводѣ. Орудіе Кордесса испытывалось за ракетнымъ заводомъ въ первый разъ, такъ какъ оно недавно только получено въ Николаевѣ. По устраненіи начальникомъ николаевскаго ракетнаго завода, генералъ-майоромъ Нецаевымъ, нѣкоторыхъ недостатковъ, замѣченныхъ при этомъ первомъ испытаніи орудія, оно будетъ испытываться вторично. Всѣ эти ученія производились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ инспектора южныхъ округовъ, К. В. Небольсина, которымъ и были объяснены обучающимся людямъ подробно всѣ практическія правила и приемы, необходимыя при употребленіи этихъ спасательныхъ средствъ.

Торговля.

Со времени объявленія Севастополя коммерческимъ портомъ, въ городѣ стали появляться—пишутъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“— агенты различныхъ торговыхъ фирмъ для осмотра мѣстности и ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ въ Севастополѣ. Открытіе конторъ останавливается за неимѣніемъ помѣщеній для склада грузовъ и сыпч. пшеницы, а также за отсутствіемъ банковъ.

О складахъ и помѣщеніяхъ городской голова сильно хлопочетъ и старается, чтобы въ ноябрю мѣсяцѣ, была построена хотя половина изъ предположенныхъ десяти городскихъ магазиновъ; нѣкоторыя фирмы приступаютъ къ постройкѣ собственныхъ магазиновъ около станціи желѣзной дороги на городской землѣ, отводимой на условіяхъ трехлѣтняго бесплатнаго пользованія ею и съ уплатою въ будущемъ не свыше цѣны, которая будетъ назначена въ городскихъ магазинахъ. Но, несмотря на эти неудобства, хлѣбъ въ зернѣ всетаки идетъ изъ Севастополя и теперь грузятъ два парохода ячменемъ и пшеницею; пароходы эти пришли въ Севастополь 10-го іюня, съ грузомъ англійскаго угля для желѣзной дороги.

Новыя открытія и изобретенія.

— „Оренбургскія Губернскія Вѣдомости“ сообщаютъ объ открытіи и заявкѣ семи золотыхъ приисковъ на земляхъ Оренбургскаго казачьяго войска.

— Горный инженеръ г. Кондаки, во время своихъ геологическихъ развѣдокъ, нашелъ близъ гор. Кълецъ, какъ сообщается въ „Варшавскомъ Дневникѣ“, крупную жилу тяжеловѣснаго шпата (сѣрниокислаго барита), который въ злѣншемъ краѣ встрѣчается въ нѣбольшихъ количествахъ близъ Хенцинь въ Мѣдной Горѣ, Яворжнѣ и Куновѣ. Этотъ красновато-блѣдный, лоснящійся и весьма тяжелой минералъ можетъ служить вѣдомо мрамора и для выдѣлки сѣрной кислоты.

— Въ газетѣ „Кавказъ“ пишутъ, что горный инженеръ кн. Пулукидзе донесъ управленію горноу частію на Кавказѣ и за-Кавказомъ, что осмотровѣ 20-го числа минувшаго апрѣля, проѣздомъ, Дамблудскій заводъ г. Генриха и Коми. и большую часть мѣстности, принадлежащей заводу, онъ обратилъ особенное вниманіе на частыя выходы кварцевыхъ оруденѣлыхъ жилъ, пересѣкающихъ породы юрскаго возраста, образующія основную почву не только Дамблуда, но и далѣкихъ его окрестностей. Зналъ кварцъ какъ породу, сопровождающую золото, въ особенности когда онъ обнаруживаетъ признаки

оруденности, князь Пулукидзе пришел къ предположенію о вѣроятномъ нахожденіи розсыпнаго золота по крайней мѣрѣ въ границахъ Дамблудскаго завода, и для предварительнаго изслѣдованія избралъ долину р. Дамблудъ, которая, въ районѣ Дамблудскаго завода, пересѣкаетъ въ своемъ направленіи большую часть кварцевыхъ жилъ. За недостаткомъ времени онъ могъ задать только одинъ шурфъ, который успѣлъ углубить до 6-ти четвертей. Пески по промывкѣ оказались золотосодержащими. Золото въ видѣ зеренъ и пластинокъ довольно крупно, несмотря на то, что шурфъ былъ заданъ почти на 4 версты ниже верховья долины. Принявъ во вниманіе, что изъ всего количества добытыхъ изъ шурфа песковъ была промыта только часть, а именно отъ 7—10 пуд., и опредѣливъ вѣсъ полученнаго изъ нихъ золота, содержаніе золота во ста пудахъ песку оказалось отъ $\frac{3}{4}$ до $1\frac{1}{4}$ золотника. Пески кромѣ золота содержатъ мелкія зерна цвѣтнаго камня, похожія на цирконъ, но зерна эти ближайшему изслѣдованію еще не под-

вергнуты. Донося о вышеизложенномъ управленію горною частью, князь Пулукидзе имѣлъ въ виду, кромѣ заявленія объ открытіи, лично ему принадлежащемъ, указать и на то, что и другія мѣстности, пограничныя Дамблудскому заводу, находятся въ одинаковыхъ геологическихъ условіяхъ, а потому могутъ оказаться золотосодержащими. Управленіе горною частью, во избѣжаніе преувеличеннаго значенія, которое могло бы быть придано настоящему заявленію, присовокупляетъ съ своей стороны, что фактъ нахожденія золота въ розсыпяхъ въ рудахъ мѣдныхъ и серебряноцинковыхъ, не представляетъ новости для Кавказа, а извѣстенъ съ древнихъ временъ, но случая нахожденія золота въ такомъ количествѣ, которое давало бы возможность выгодно его разрабатывать, въ позднѣйшее время не встрѣчалось. По взятой кн. Пулукидзе пробѣ—заключенія въ этомъ отношеніи еще сдѣлать нельзя, и заявленіе его требуетъ производства тщательныхъ развѣдокъ на указываемыхъ мѣстностяхъ.

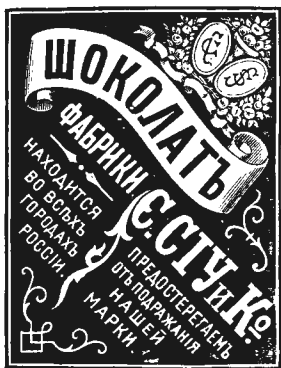
Отъ редакціи.

Печатаніе премій подписчикамъ „Нивы“ на 1875 годъ, при громадномъ количествѣ экземпляровъ, заказанныхъ нами заграницею, замедлилось сверхъ нашихъ ожиданій. А потому первая изъ обѣщанныхъ премій можетъ быть выдана не ранѣе какъ черезъ четыре или пять номеровъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Оскаръ II, Король Швеціи и Норвегій (съ портретомъ). — Орель-дѣвка (изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ) повѣсть Вильгельмина фонъ - Галлернъ - Бархъ (продолженіе). — Морской акварій (съ двумя рисунками). — Стихотворенія Им. Ц-ва. — Михайловскій дворецъ въ Петербургѣ (съ рисункомъ). — Бракъ по приказу. — Свайныя постройки (съ рисункомъ). — Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

45 7

РЕДАКЦІЯ спеціального иллюстрированнаго журнала (заимствующаго дамскіе и дѣтскіе костюмы, женскія рукодѣлія, бѣлье и вуафюры исключительно изъ лучшихъ французскихъ журналовъ),

„МОДЫ И РУКОДѢЛІЯ“

въ С.-Петербургѣ, по Невскому просп. на углу Большой Морской № 18—14. **Объявляеть** полугод. подписку (съ 13 № по 15 Июля) 2 р. 50 к., съ доставкою 3 р. и перес. 3 р. 50 к. (на годъ 4 р., 5 р. и 6 р.) съ полными вырѣзными выкройками и раскрашенными картинками.

2—1

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголь Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—15

ФАБРИКА Г. ВЕРНЕРА ВЪ КАМЕНЦѢ ВЪ СИЛЕЗИИ.

Рекомендуетъ свои, получившіе преміи на всѣхъ выставкахъ: въ Вѣнѣ, Познани, Бременѣ, Прагѣ, Краковѣ и т. д., чрезвычайно легкоходные ПЛУГИ и другія сельскохозяйственные орудія.

Каталоги по требованію высылаются бесплатно.
Письма прошу адресовать: D-r Werder, Leipzig.

5.. 2

ГРАЙСКОЕ АМЕРИКАНСКОЕ БѢЛЫЕ ИЗЪ БУМАГИ

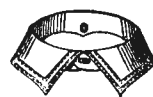
Мужское, дамское
и дѣтское
ФАБРИКИ

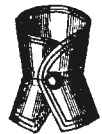
МЕЯ И ЭДЛИХА, ВЪ ЛЕЙПЦИГѢ

чрезвычайно быстро обратившее на себя вниманіе лучшихъ слоевъ общества, какъ по изящности фасонъ и прочности, такъ и по удобствамъ, доставляемымъ имъ каждому потребителю (при употребленіи его нѣтъ надобности въ стиркѣ и глаженіи), а равно и по дешевизнѣ, во всей Европѣ предпочитается обыкновенному бѣлью.

Особенно рекомендуемъ бѣлье изъ бумаги, обложенное полотномъ (Linen-cloth). Воротнички, шемизетки, маншеты бѣлые и цвѣтные различныхъ колеровъ, мужскіе, дамскіе и дѣтскіе.

Иллюстрированный каталогъ розничной продажи высылается по требованію бесплатно и франко.

Пересылка во все государство. Торговцамъ уступка. Письма просить адресовать:

Мею и Эдлиху, въ Лейпцигѣ, 9 Неймарктъ.
Mey und Edlich, 9 Neumarkt, Leipzig.

Заказы и корреспонденцію просить писать и адресовать на французскомъ или на нѣмецкомъ языкѣ:

M-rs. Mey & Edlich à Leipzig, Neumarkt 9. 13—13

Настоящія почтовые марки всѣхъ государствъ дешево продаются:

Большой Каталогъ (5000 №) съ 72 раскрашенными начертаніями, цѣна 1 марка (30 коп.) (прежде 2 м. рки).
Иллюстрированный журналъ для почтовыхъ марокъ на 2 года (каждый номеръ съ многими иллюстраціями) цѣна за годъ 3 марки (90 коп.).

Пробный листъ и прейсъ-курантъ бесплатно.

Покупна и продажа почтовыхъ марокъ

ЛУИ ЗЕМФЪ въ Лейпцигѣ, Германия.

6—3

съ дозволенія медицинскаго департамента. ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

ГЕНРИХА

НЕСТЛЕ,

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ

ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Лучшее изъ всѣхъ донныхъ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко.

Это средство, вошедшее уже во всеобщее употребленіе, весьма легко переваримо, не подвержено порчѣ; способъ приготовленія его весьма простъ и оно охотно берется ребенкомъ.

Рекомендуется поэтому въ особенности:

- 1) въ помощь кормленія слабой матери или кормилицѣ,
- 2) при отниманіи ребенка отъ груди и
- 3) въ путешествіяхъ съ дѣтьми.

Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. муки.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:

у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, единственнаго агента для всей Россіи, у Вознесенскаго моста, д. № 25, у Штоля и Шмидта, въ Спб. — химической лабораторіи, русскаго общества торговли аптекарскими товарами, у Рулковиуса и Гольма, Шредера и Шульце, — у Я. А. Фохтса, — у Каушмана, Вас. остр., — у В. Валадина, Литейная, д. № 57-й, у Ушакова — Гост. Дворъ, д. № 33, и во всѣхъ аптекахъ и москательныхъ торговляхъ Россійской имперіи.

26—22

№ 30

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

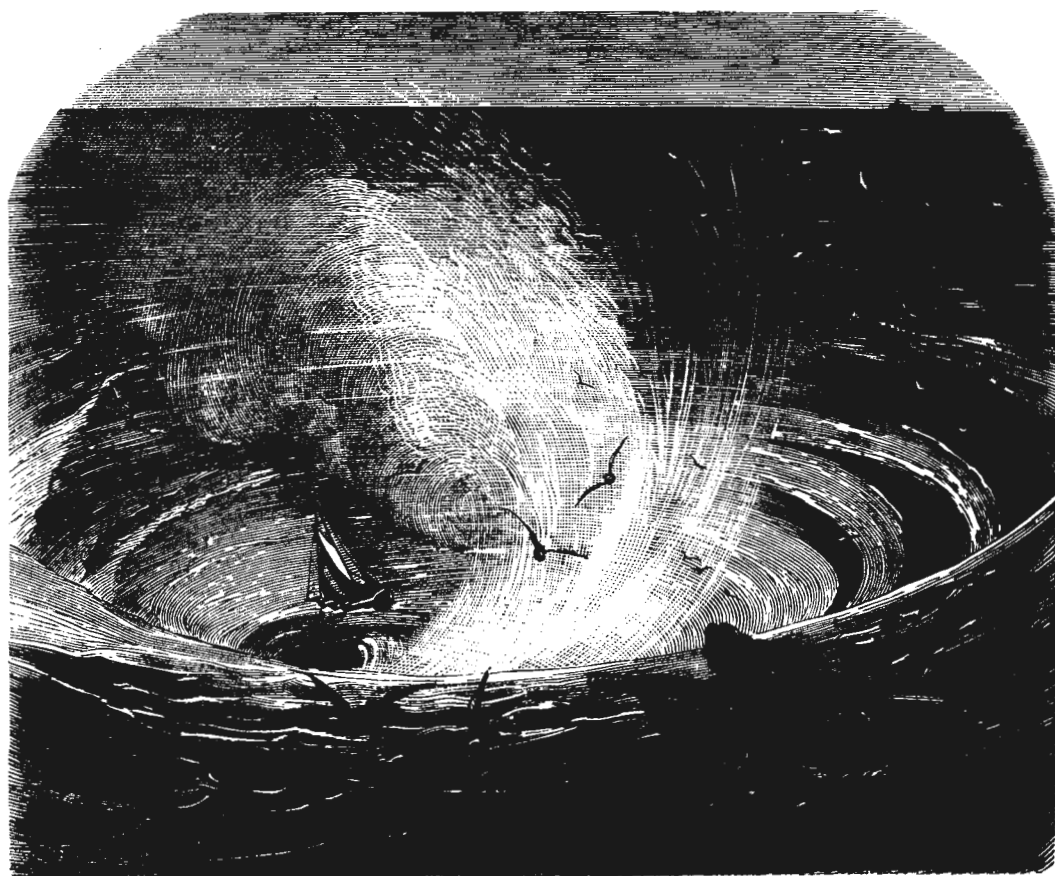
1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
 Выданъ 27 Юля 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫЕРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.
 ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.

Мальштромъ.

Мальштромъ. Грав. К. Вейрманъ.

МАЛЬШТРОМЪ.

Подъ названіемъ Мальштрома, Мальстрёма, Москэштрома извѣстенъ свирѣпый морской водоворотъ между норвежскими островами Москэ и Москэвэсъ, величайшими изъ южныхъ острововъ въ группѣ Лофоденскаго архипелага. Состоя въ связи съ приливомъ и отливомъ, при первомъ изъ нихъ потокъ Мальштрома въ теченіе шести часовъ направляется съ сѣвера на югъ, при второмъ же, въ теченіи такого же времени—съ юга на сѣверъ. Когда приливъ въ открытомъ морѣ достигаетъ половины своей полной высоты, мальштромъ направляется къ юго-востоку и по мѣрѣ возрастанія прилива все болѣе и болѣе переходитъ въ южное направленіе. Затѣмъ постепенно принимаетъ западное направленіе, и наконецъ къ новому приливу совершаетъ полный круговоротъ чрезъ сѣверо-западъ на сѣверъ. При этомъ наступаетъ затишье на $\frac{3}{4}$ часа, повторяющееся 2 раза въ теченіе дня. Во время такихъ паузъ Мальштромъ безопасно можно переплывать; во время же водоворота бушующій по-

токъ ломаетъ въ щепки и тонитъ въ своей бездонной воронкѣ самыя крупныя суда. Сильнѣе всего неистовствуетъ Мальштромъ во время полнодунія и новолунія, а также въ періодъ равноденствія и въ бурю, — такъ что корабли должны его обходить, держась отъ него на разстояніи двухъ или трехъ миль. Уже въ десяти миляхъ отъ него чувствуется сила потока, влекущая къ своему центру все плавающее на поверхности моря.

Поэтому всѣ свѣдѣнія о Мальштромѣ до послѣдняго времени ограничивались вышеизложеннымъ. Ни о формѣ, ни о вѣшнемъ видѣ разъяренныхъ волнъ его не имѣли никакого понятія. Но недавно заграницею появился рисунокъ, сдѣланный на память однимъ матросомъ, которому какимъ-то чудомъ удалось спастись съ корабля, погибшаго со всѣмъ экипажемъ въ ненасытной воронкѣ Мальштрома. Прилагаемъ этотъ рисунокъ, какъ онъ воспроизведенъ въ заграничныхъ иллюстраціяхъ.

РРЕЛЬ-ДЪВКА.

(Изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ).

повѣсть Вильгельмины фонъ-Гиллернъ-Бирхъ.

(Продолженіе).

X.

Первая на деревнѣ.

Прошелъ еще годъ, годъ тяжелый для Валли, такъ какъ послѣ лѣта, проведеннаго въ полнѣйшемъ уединеніи, среди горной глуши, она разсталась со стадомъ: Штроммингеръ прислалъ за нимъ батрака, — и Валли ничего болѣе не оставалось, какъ спуститься, по другой сторонѣ ледника, въ Шнальзерталь, гдѣ ее совсѣмъ не знали, и искать себѣ тамъ какой нибудь работы. Идти опять въ Рофенъ ей не хотѣлось, потому что въ Рофенѣ снова зашла-бы рѣчь о сватовствѣ и снова ей пришлось-бы отказать тому или другому Клѣцу. Но и въ Шнальзерталь трудно было найти Валли пристанище, такъ какъ на рукахъ у нея былъ Ганзль, и вотъ она порѣшила наконецъ наняться гдѣ нибудь безъ всякой платы за трудъ свой—только приняли-бы ее *вмѣстѣ съ орломъ*. Нечего и говорить, что не сладко ей жилось, благодаря „этакой дури“ (такъ говорили всѣ): всякій ее отталкивалъ, а женщины обращались съ нею свысока, съ презрѣніемъ глядѣли на нее, и Валли частенько таки приходилось отбиваться отъ мужчинъ, проявлявшихъ относительно ея гнусное поповзновеніе. Шнальзертальскимъ кавалерамъ, какъ и Эцталскимъ, да и прочимъ, очень ужъ нравилась такая красивая дѣвушка. Валли, однако, все это терпѣла, вела себя мужественно, потому что настолько была горда, что не могла позволить себѣ заохать, жалобно вздыхать подъ бременемъ, которое сама-же наложила себѣ на плечи... А между тѣмъ она дѣлалась все угрюмѣе и суровѣе—шла именно по тому пути, относительно котораго добрякъ - патеръ предостерегалъ ее. Въ сердцѣ ея кипѣла кровь: ее разжигалъ мятежный духъ безвозвратно-поблѣвшихъ, убитыхъ радостей молодости, и взывалъ къ отмщенію. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ майскій день жизни ужъ такъ длиненъ? Потерять три года—это очень много!.. Другія-то дѣвушки готовы расплакаться даже о томъ, что одинъ танецъ ими пропущенъ, но Валли грустила не о пропущенныхъ танцахъ и прочихъ удовольствіяхъ молодой жизни: она горевала объ улетѣвшей любви—и душа ея, не согрѣтая солнцемъ счастья, черствѣла... Такъ черствѣть и становиться горькимъ плодъ, созрѣвшій гдѣ нибудь въ тѣни.

Прошла и зима—и вотъ Валли снова отправилась на знакомый глетчеръ. Въ этомъ году весна не удалась, да и лѣто было не красное: то дождь хлесталъ, то снѣгъ валилъ, а зачастую и градъ сыпался. Валли мокла, одежда ея почти что не просыхала, притомъ ей приходи-

лось недѣлями дышать въ тяжелой массѣ непроницаемо-густыхъ и влажныхъ облаковъ, жить среди какихъ-то сумерекъ, какъ-бы наканунѣ перваго дня сотворенія міра.

Въ груди Валли было не лучше: тамъ царили такіе-же сумерки, та-же была сумятица, что и въ природѣ, только въ миниатюрѣ. Міръ Божій являлся ей такимъ мрачнымъ, безотраднымъ, какъ туманъ окружавшій ее, и Всевышній не изрекалъ среди этого хаоса: „Да будетъ свѣтъ!“

Но вотъ, послѣ длинной вереницы недѣль, Онъ наконецъ произнесъ свое могучее, творческое слово, — и первый лучъ свѣта, разорвавъ тучи, разогналъ ихъ направо и налево. Прекрасный, созданный Имъ міръ сталъ какъ-бы медленно, постепенно выступать изъ мрака хаоса: синія горы, долины, поля, лѣса, голубыя озера—все это явилось передъ Валли такимъ свѣжимъ, новымъ, какъ будто оно разомъ, внезапно вышло изъ рукъ Творца, — и ей казалось, что и она вотъ только теперь пробудилась къ настоящей жизни, какъ было когда-то съ праmaterью рода человѣческаго, и что ей надо радоваться міру, такъ чудно-сотворенному Богомъ, который сотворилъ его не только для Себя, но и для прочихъ существъ, чтобы и они дѣлились съ Нимъ наслажденіемъ, радовались всему созданному.

Развѣ можно, чтобы въ такомъ прекрасномъ мірѣ не было счастья? И неужели же Творецъ для того ввелъ въ него бѣдную Еву, оставилъ ее посреди пустыни, чтобы тотъ, для кого она была назначена, не могъ встрѣтиться съ ней, отыскать ее?... „О, туда, внизъ, въ долины! Довольно быть здѣсь, наверху!“ прозвучалъ въ ней рѣшительный голосъ, и вдругъ неударимо, буйно обнаружилась страстная жажда жить, любить, испытать наслажденія... Валли, въ страстномъ порывѣ, простерла руки надъ далекимъ міромъ, который, казалось, улыбался, залитый теплымъ солнечнымъ свѣтомъ...

— Валли, идемъ сейчасъ-же! Иди со мной—отецъ твой померъ!

Передъ нею стоялъ батракъ... Она такъ странно посмотрѣла на этого вѣстника, какъ будто только-что проснулась и ничего не понимала...

Да не почудилось-ли ей это? Можетъ быть и батракъ этотъ и слова его—только игра воображенія, а не воплощеніе порыва ея души, которая за секунду предъ этимъ такъ пламенно, дико жаждала счастья?

Валли схватила батрака за плечи, какъ-бы желая осязать, убѣдиться, что передъ нею: живой человѣкъ или призракъ?

Живой человекъ повторилъ сказанное имъ и прибавилъ:

— Съ ногой-то его все хуже да хуже дѣлалось, приключился огневикъ,—ну, утромъ сегодня онъ и померъ. Хозяйкой теперь ты стала; Клеттенмайеръ кланяться велѣлъ тебѣ и, значитъ, поздравить.

И такъ, все это была правда! Освободитель, провозвѣстникъ мира и свободы, стоялъ передъ нею живой, она видѣла его на яву!... Видно Господь нарочно показалъ ей такую свѣтлую, прекрасную картину мира, какъ будто желалъ сказать ей: „Вотъ, смотри: это все твое! Спустишься съ горы и бери, что Я сотворилъ для тебя“.

Валли молча пошла въ свою хижинку, заперла дверь и, опустившись на колѣни, начала молиться. Такъ тепло, отъ всего сердца, она давно-давно не молилась. Вспомнила она отца, котораго уже нѣтъ... Онъ самъ лишилъ ее возможности полюбить его, какъ слѣдуетъ родной дочери, и заплакала она о немъ: горячія слезы такъ и полились изъ облегченнаго, примиреннаго сердца.

Дѣвушка живо собралась и отправилась въ родимую сторонку, которая наконецъ снова стала для нея, по прежнему, роднымъ уголкомъ. И вотъ, вступила Валли на свою землю, вошла въ свой домъ. Старикъ Клеттенмайеръ встрѣгилъ ее у воротъ, но завидѣвъ еще издали, такъ возрадовался, что закричалъ что есть мочи и швырнулъ вверхъ шляпу. Кухарка, та самая, что года два тому назадъ нагрубила Валли—всхлипывая, смиренно подала ей теперь ключи. Викентій ожидалъ Валли на порогѣ.

— Валли, заговорилъ онъ,—ты жестоко со мной поступила, но я...

Она не дала ему договорить и сказала спокойнымъ, но строгимъ тономъ:

— Слушай, Викентій, если я дурно съ тобой поступила, то пусть Господь и накажетъ меня за это, какъ будетъ Ему угодно, но я не могу раскаяться, не могу воротить того, что было, и не стану требовать, чтобы ты простилъ меня... А теперь... вѣдь тебѣ мои мысли извѣстны?—ну, и оставь меня одну, прошу тебя.

И не взглянувъ больше на Викентія, она вошла въ комнату, гдѣ лежалъ трупъ отца, и замкнула за собою дверь.—Валли стояла передъ отцомъ, смотря на него совершенно сухими глазами: плакать она могла объ умершемъ отцѣ, оставившемъ уже брэнную оболочку; но при видѣ холоднаго праха его, она не могла забыть, что эта неподвижная масса била, топтала ее и однимъ ударомъ грубо разбила и ее, и всю ея жизнь... Ни одной слезинки Валли не выронила, словно надъ трупомъ Штротмингера стояла каменная фигура.

Она прошептала „Отче нашъ“, не опустившись однако на колѣни. Какою Валли была предъ живымъ отцомъ—неподвижною, сосредоточенною—такою явилась она и къ мертвому, только теперь въ сердцѣ ея не было злости: смерть примирила ее съ отцомъ.

Прочитавъ молитву, она отправилась въ кухню, такъ какъ надо было приготовить и то и сѣ для поминокъ: сосѣди придутъ молиться о покойникѣ. Дѣла было по горло. Къ полночи въ домъ набралось столько охотниковъ помолиться и поминать, что изготовленной снѣди и напитоковъ едва-едва хватило. Чѣмъ богаче покойный поселанинъ, тѣмъ гуще толпа сосѣдей, являющихся молиться и сидѣть надъ покойникомъ.

Валли глядѣла съ тайнымъ отвращеніемъ на это сборище. Вотъ умеръ человекъ, лежитъ его трупъ, а они какъ мухи налетѣли сюда, усѣлись, ѣдятъ и пьютъ... Весь этотъ говоръ, шумъ, суета—какъ-то непривычны были для слуха Валли, привыкшей къ величавому безмолвію горъ; все это показалось ей такимъ ничтожнымъ, жалкимъ, что она невольно вспомнила о своихъ вершинахъ—и вздохъ вырвался изъ ея груди.

Валли, молчаливая и холодная, ходила по комнатѣ, равнодушно поглядывая на слезливукушающихъ и груст-

но-напивающихся гостей, а гости говорили между прочимъ, что она очень похожа на покойнаго отца.—На третій день хоронили Штротмингера. Много народу привалило на похороны, явились даже изъ дальнихъ деревень—одни, чтобы отдать послѣдній долгъ такому богачу, другіе—чтобы тоже уважить покойника и ужъ встать какъ нибудь подѣхать къ бѣдовой Орель-Дѣвкѣ, которая теперь стала собственницей обширныхъ владѣній Штротмингера. Прежде она была и „поджигательницей“, и „негодной дѣвкой“, ну, а теперь она—первая на деревнѣ, самая богатая въ горахъ поселанка: вотъ въ головахъ все и перевернулось!

Перемѣну эту Валли скоро почувствовала и причину ея хорошо поняла: тѣ самые люди, которые годъ тому назадъ, когда она, гонимая голодомъ и холодомъ, искала работы и пристанища, такъ обидно-грубо отталкивали ее отъ дверей, позорили ее,—теперь, послѣ похоронъ отца, стояли предъ нею на заднихъ лапкахъ, улыбаясь, и низко гнули спину. Ей стало такъ гадко, что она отвернулась отъ нихъ, и съ этихъ поръ почувствовала презрѣніе къ людямъ.

Патеръ изъ Гейлихгрейца и рофенскіе Клѣцы также посѣтили ее. И вотъ, Валли дождалась той минуты, когда ей наконецъ можно было, хоть внѣшнимъ образомъ, отплатить имъ за все добро, которое они сдѣлали ей—нищей, всѣми брошенной... Она обращалась съ ними совсѣмъ не такъ, какъ съ другими, и охотно разговаривала только съ этими гостями, обходя остальныхъ.

Когда все поѣли и выпили—поминки кончились и толпа разошлась наконецъ. Не ушелъ только гейлихкрейцскій патеръ, но за то много хорошаго наговорилъ онъ Валли:

— Вотъ, ты теперь большимъ богатствомъ владѣешь, но помни: человекъ, неумѣющій владѣть собою, никогда не будетъ въ силахъ управлять другими. Есть, знаешь, такая поговорка: „Кто не умѣетъ повиноваться, не можетъ повелѣвать“. Учись слушаться, чадо мое, чтобы умѣть повелѣвать!..

— Но, отецъ мой, кого-же я буду слушаться? Вѣдь теперь около меня никого, чтобы смѣлъ мнѣ слово сказать...

— Такъ Богу повинуйся.

Валли замолчала.

— Постой-ка, я тебѣ кое-что принесъ, заговорилъ патеръ и досталъ изъ кармана своей сутаны коробочку:—вотъ, погляди: давно я назначилъ это для тебя, съ того самаго дня, какъ ты зашла ко мнѣ; но тогда я потому не отдалъ тебѣ этой вещички, что ты вѣдь пошла странствовать, такъ ужъ гдѣ-жъ тебѣ было носить съ этимъ?...

И онъ вынулъ изъ коробочки изящную, вырѣзанную изъ дерева, фигурку святой, стоящую на деревянномъ пьедестальчикѣ.

— Гляди—это покровительница твоя—святая Вальбурга. Не забыла, что я говорилъ тебѣ тогда о деревяшкахъ и о Господѣ нашемъ, который можетъ изъ деревяшки, съ наростами и буграми, сдѣлать святую?

— Нѣтъ, нѣтъ, не забыла, отвѣтила Валли.

— Хорошо. Такъ вотъ, чтобы ты и впередъ всегда помнила это—я нарочно для тебя выписалъ эту фигурку изъ Зельдена: и ты поставь ее надъ постелью и коротенько молись—и благо тебѣ будетъ.

— Большое вамъ спасибо, отецъ мой!

Валли, какъ видно, весьма обрадованная подаркомъ, рѣшилась взять такую нѣжную вещичку только концами своихъ грубыхъ пальцевъ.

— О, конечно, сейчасъ все вспомню, какъ только взгляну на нее, все, что вы мнѣ объяснили! Такъ вотъ она—святая-то Вальбурга какая! Славная, чудесная! Эхъ, ежели-бы самой-то сдѣлаться такой доброй, крѣпкой!...

Увидя Клеттенмайера (онъ только что со двора пришель), Валли показала ему фигурку и воскликнула:

— Смотри-ка, что мнѣ подарили! Это — святая Вальбурга, мой Ангель-Хранитель! Ну, мы пошлемъ за это батюшкѣ въ подарокъ первѣйшую нашу овечку!

Добрый-патеръ сталъ было отнѣкиваться отъ овечки, но Валли и слышать не хотѣла объ отказѣ—такъ ужъ ей и радостно, и весело было.

Проводивъ священника, она отправилась въ свою комнату и тамъ, надъ постелью, гдѣ висѣли другіе образа, прикрѣпила фигурку св. Вальбурги, а вокругъ нея приколотила вѣрообразно карты старенькой Люккардъ. Устроивъ это, Валли пошла посмотрѣть, что дѣлается въ домѣ и на дворѣ.

— Ганзль! крикнула она, проходя мимо орла, который помѣстился на дровахъ:—вѣдь теперь хозяева-то мы—а?...

Послѣ долгаго пребыванія въ полурабской подчиненности, Валли ощущала теперь прелесть власти—и это ее пьянило, какъ горячить кровь и туманить голову вино, жадно выпитое человѣкомъ, уставшимъ до изнеможения.

Очувтившись на дворѣ, она увидѣла работницъ и батраковъ, нанятыхъ Викентіемъ, и среди ихъ самого Викентія. Викентій сталъ худощавѣе и какъ-то пожелтѣлъ; на затылкѣ его бѣлѣлъ шрамъ, потому что на этомъ мѣстѣ зажившую рану не прикрывали густые черные волосы; пятно это похоже было на тонзуру, а глубоко впавшіе глаза горѣли какъ у волка, выслѣживающаго добычу и притаившагося за камнемъ.

Валли остановилась и спросила:

— Съ чѣмъ вы?

Старшая изъ работницъ, которая прежде особенно была груба съ нею, теперь приблизилась къ ней какъ-то робко, почти раболѣпно, и сказала:

— Пришли мы узнать, не выгонись-ли ты насъ за то, что мы такъ злы къ тебѣ были, когда Штроммингеръ былъ живъ? Конечно, ты и сама знаешь, что ослушаться его мы не могли, а потому и поступали такъ...

— Что-жь, свое дѣло вы исполняли, заговорила Валли спокойно,—дѣлали, что вамъ приказано было. Я никому не откажу, если только не увижу въ комъ нибудь безсовѣстности или нерадѣнія, и попрошу васъ не дѣлать мнѣ такихъ низкихъ поклоновъ... Не люблю я этого! А теперь идите каждый по своему дѣлу: я посмотрю на васъ, каковы вы на работѣ. Та-къ-то лучше будетъ, чѣмъ по пустякамъ кривляться.

Рабочій людъ разошелся. Викентій не уходилъ; онъ стоялъ, устремивъ глаза на дѣвушку. Теперь Валли обратилась къ нему и, поднявъ руку по направленію къ его лицу, сказала:

— Одного только выгоняю я изъ дома своего и съ земли своей—это тебя, Викентій!

— Валли! какъ? И это мнѣ награда за все, все, что сдѣлалъ я для отца твоего?! воскликнулъ Викентій.

— Когда отецъ заболѣлъ, ты помогала ему—и за это ты будешь вознагражденъ: я дарю тебѣ поляны, которыя примыкаютъ къ твоей землѣ; это округлить твои владѣнія. Полагаю, что достаточно-хорошо расплатилась съ тобою за отца, а если тебѣ этого мало—ну, скажи, что не доволенъ! Я не желаю быть должной тебѣ: требуй того или другаго, только уходи прочь... прочь, не показывайся мнѣ!...

— Нечего мнѣ требовать, мнѣ тебя только надо, Валли! Безъ тебя для меня все тринъ-трава, все!... Ты вотъ чуть не уходила меня, да и всегда относилась ты ко мнѣ дурно, а я, чертъ побери, не могу бросить тебя! Понимаешь—ну, не могу! Ради тебя я на все готовъ рѣшиться, не задумаю надъ преступленьемъ, душу продамъ, а ты... ты желаешь отдѣлаться, отплатить мнѣ за все это какими-то полями!... Ужъ не думаешь-ли на этомъ и покончить со мной?... Да отдай ты мнѣ все,

что есть у тебя изъ недвижимаго, все богатство предложи, дай въ придачу Эцталь—и я на все это плюну, если ты сама ты не отдашь мнѣ!... Погляди-ка на меня—вѣдь меня тоска изгрызла... Слушай, Валли, за одинъ поцалуй твой я-бы отдалъ все, что имѣю, и согласился-бы на всю жизнь нищимъ остаться! Ну, вотъ теперь и присылай ко мнѣ хорошаго сѣтчика, чтобы онъ еще разъ сосчиталъ да высчиталъ, сколько гильденами и полянками хочешь ты расплатиться со мной!...

И бросивъ на Валли взглядъ, преисполненный какой-то дикой, горькой насмѣшки, онъ повернулся и ушелъ.— Валли была изумлена и даже испугана: такимъ она никогда еще и не видала его! Викентій открылъ передъ ней все безуміе любви, показалъ ей эту бездну, и два чувства—отвращеніе и состраданіе—взволновали ея сердце.

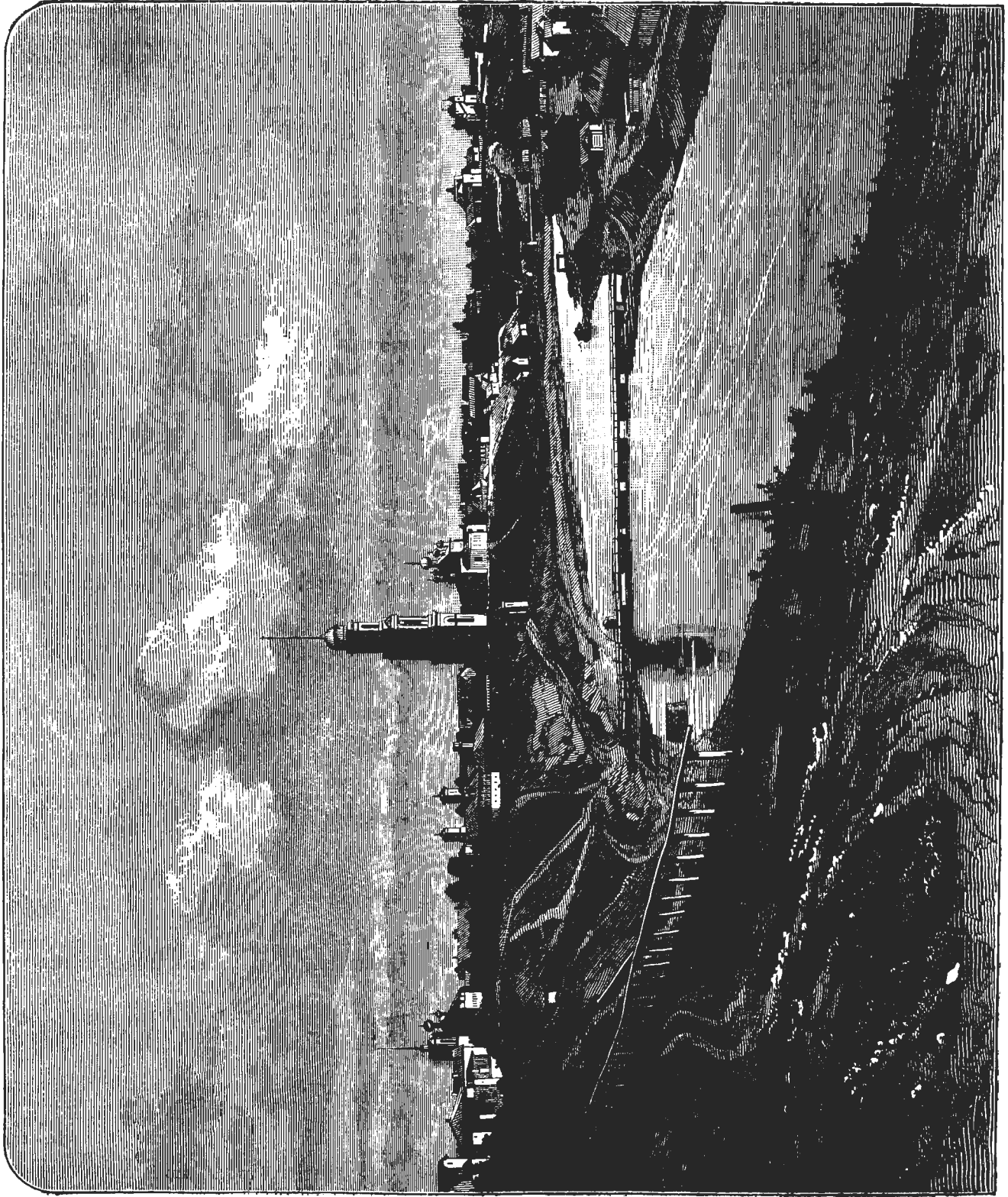
— Что такое во мнѣ особенное? рассуждала Валли:—почему это все они гоняются за мной?... Да, но *одинъ* только сторонится... Ахъ, а *онъ* единственный, котораго хотѣлось-бы видѣть около себя!.. И *этотъ* человѣкъ презираетъ меня... А если *онъ* уже женился?..

Когда эта мысль мелькнула въ ея головѣ—дыханіе сперлось въ груди: Валли вспомнила о незнакомой дѣвушкѣ, съ которою Иосифъ проходилъ чрезъ Гох-юхъ.

— Нѣтъ, на ней-бы онъ не женился: вѣдь то была простая батрачка.

Ну, какъ-бы то ни было, а должно-же это чѣмъ нибудь кончиться: Валли теперь дѣвушка богатая, живетъ она въ почетѣ и можетъ сама ближе познакомиться съ *нимъ*, сдѣлать первый шагъ... Но отъ одной этой мысли самолюбіе ея, какъ женщины, возмущалось; и такъ, дѣлать было нечего: приходилось ждать, ждать и ждать!

Не находя нигдѣ и ни въ чемъ успокоенія, она бродила по всему дому, шагала по полямъ; такъ летѣли дни, недѣли, а Валли никакъ не могла свыкнуться съ новой для нея обстановкой, и скоро оказалось, что деревенское житье-бытье совсѣмъ ей не по плечу. Какъ была она дочкой Мурцолля—такъ и осталась *дикаркой* Валли. Она смѣялась надъ всѣмъ, что ей представлялось мелочнымъ, пошлымъ,—смѣялась беспощадно, безъ малѣйшаго снисхожденія, не хотѣла подчиняться правиламъ общежитія, обычаи и порядки въ грошъ не ставила, словомъ—никого слушать не желала... Поживши наверху, среди ледянаго царства, она совсѣмъ забыла о „земныхъ страхахъ“. Обладая желѣзною волей, приобрѣтенною въ борьбѣ съ буйными стихійными силами, Валли спустилась въ омутъ мелочной жизни и явилась въ немъ хорошо-вооруженной. Эта крѣпкая дѣвушка, мощная и тѣломъ и духомъ, казалась среди толпы, окружающей ее, существомъ *не отъ міра сего*, и дѣйствительно, она была чужою въ деревенской средѣ. Поэтому-то на нее и смотрѣли недружелюбно, недовѣрчиво, однако не дерзали слишкомъ близко подходить къ такой заносчивой, гордой богачихѣ. Валли чувствовала, что кругомъ нея кипитъ тайная вражда; она видѣла, какъ трусливы ея недоброжелатели, которые за глаза чернили ее всячески, а въ лицо ласково ей улыбались.—„Ладно! я ни въ комъ не нуждаюсь, я сама себѣ госпожа!“, такъ стала поговаривать она и дѣлать все по своему, слушаясь только голоса своего буйнаго сердца. Вотъ, вздумается ей—и работаетъ она цѣлые дни на пролетъ, не хуже батрака, чтобы расшевелить, подстрекнуть лѣнливыхъ; а если, бывало, у кого дѣло не спорилось—Валли быстро отталкивала неумѣлаго работника и сама принималась за его работу, которую и оканчивала. А случалось и другое: меланхолия внезапно овладевала ею, она предавалась мечтаніямъ или удалялась въ горы, такъ что люди наконецъ заговорили, что ужъ не *повредилась*-ли она?... Во время такихъ скитаній Валли по горамъ, батраки и батрачки бездѣльничали, а сосѣди, злорадствуя, толковали о томъ, что такимъ манеромъ богатство-то ее живо улетитъ.

Городъ Рязань-Владиміровъ. Тверской губерні. Рис. Подольскій, грав. Дѣдицкій.

Не уважая и не исполняя мѣстныхъ обычаевъ и порядковъ, Валли однако обнаруживала чрезмѣрную строгость—являлась даже жестокой—относительно расправы за такіа дѣла, на которые другіе обыкновенно глядятъ сквозь пальцы. Такъ, если она ловила работника на какойнибудь содѣянной имъ подлости, то, не долго думая, тянула его въ судъ; если ей случалось видѣть, что батракъ жестоко обращается съ животнымъ—она налетала на мучителя, схватывала его за воротъ и расправлялась съ нимъ; если ктонибудь изъ рабочихъ ея, крѣпко выпивши, возвращался вечеромъ домой—Валли не впускала его, не смотря на самую дурную погоду, и такимъ образомъ выставляла его на позоръ среди улицы; если батрачка ея уличалась въ развратномъ поведеніи, то была немедленно изгоняема изъ дома. Душою Валли была чиста и цѣломудренна, какъ тотъ глетчеръ, на которомъ довелось ей такъ долго прожить въ уединеніи. Всѣ деревенскія любовныя шашни, шуры-муры, прыжки изъ окна, тайныя свиданья—возбуждали въ ней чувство глубокаго омерзенія.

Вотъ по этимъ-то причинамъ вся деревня считала Валли безпощадной, жестокой,—и ее побаивались такъ же, какъ когда-то боялись самаго Штротмингера. И не смотря на все это, не было парня, который не сходилъ бы съ ума по ней. Конечно, не богатство тянуло ихъ къ Валли: молодежь была увлечена только ею, потому что каждый поклонникъ дивился своеобразности этой дѣвушки: такая она рослая, стройная, да притомъ—силачка! Высокой груди тѣсно было въ узкомъ корсажѣ, и казалось, вотъ-вотъ корсажъ треснетъ; а когда Валли, угрожая комунибудь, взмахивала крѣпкой рукой, мускулистой какъ у мужчины, прекрасные черные глаза ея метали молніи и въ нихъ искрылась презлая насмѣшка... Въ парняхъ такъ и вспыхивалъ огонь любви и имъ страстно хотѣлось побороть Валли, они рады были бороться до послѣдняго издыханія, чтобы сорвать съ ея губъ хоть одинъ поцѣлуй,—но, увы, ни у кого силенки на это не хватило, приходилось отправляться на попятный дворъ, позорно отступать и стараться со стыда... А гдѣ-же тотъ, кто въ состоянн былъ-бы совладать съ нею?... Явится-ли онъ?... Валли все ожидала его!...

— Кто сумѣетъ поцѣловать меня — ну, за того я и выйду; а у кого силы не хватитъ на это, кому не удастся взять такой поцѣлуй—значитъ, ему еще далеко до меня—не выросъ еще парень!

Такую кичливую фразу она дѣйствительно какъ-то

разъ проговорила, и пошла эта фраза гулять по всей окрестности. Много парней, даже издалика, приходили на Солнечную площадку, желая счастья попытать, изловить Валли на словѣ. И вотъ, поборошь эту дѣвушку, сорвать поцѣлуй съ ея губъ—стало дѣломъ чести, какъ любой подвигъ становится вопросомъ чести для чело-вѣка сильнаго, самолюбиваго.

Въ короткое время всѣ парни, сколько ихъ было во всемъ Эцт-Гуглер-Шнальзеръ-талѣ, перепробовали одолѣть Валли, чтобы чмокнуть ее,—и никому изъ нихъ не удалось выйдти побѣдителемъ изъ такой борьбы; а Валли смотрѣла на это какъ на дикую забаву, которая была ей по сердцу, потому что тутъ она могла проявить свою тѣлесную силу. Валли извѣстно было, что молва о ней широко разнеслась,—и она была увѣрена, что дойдетъ это и до ушей Іосифа, который пожалуй и самъ захочетъ явиться сюда (слухи раззадорятъ его), чтобы сорвать поцѣлуй съ ея губъ—ну, хоть ради того, чтобы доказать еще разъ, какой онъ силачъ, какъ это онъ ужъ показалъ, одолѣвъ медвѣдя. „Только-бы онъ пришелъ“ думала Валли: „а тамъ... да почему-жъ-бы ему и не влюбиться въ нее, вотъ какъ другіе влюбились? Она будетъ къ нему внимательна, привѣтлива съ нимъ, а это еще болѣе разшевелитъ его сердце!“.. Однако, Іосифъ не являлся. Но вотъ, какъ-то, въ гостиницу „Олень“, смежную съ Штротмингеровымъ огородомъ, пришелъ одинъ изъ обывателей Вента и, еще на дворѣ, сталъ что-то рассказывать. Валли въ это время полдела грядки. Слово „Іосифъ“ долетѣло до ея ушей—она бросила работу и стала прислушиваться.

Вентскій обыватель рассказывалъ, что Іосифъ Гагенгахеръ, съ тѣхъ поръ какъ похоронилъ мать, зачастилъ похаживать на постоялый дворъ въ Цвизельштейнѣ подъ вывѣской „Ягненокъ“, и что люди болтаютъ ужъ насчетъ любви его къ смазливенькой работницѣ—Афрѣ. Вотъ вчера онъ опять былъ въ „Ягненкѣ“ и сидѣлъ у стола рядышкомъ съ ней, такъ какъ сама-то хозяйка возилась на кухню... Вдругъ откуда-то выбѣжалъ быкъ и понесся по деревнѣ, какъ бѣшеный вихрь, потому что въ ухѣ его засѣла какая-то колючка. Всѣ въ дома попрятались, двери позапирали; хозяинъ „Ягненка“ сталъ тоже запираетъ ворота—и нечаянно увидѣлъ посреди улицы свою меньшую дочку—пятилѣтнюю Лизу, которая лежала тамъ ничкомъ и не вставала. Дѣти занимались игрой „въ почту“, а Лиза должна была представлять лошадку, потому ей и пришлось быть въпряженной въ довольно тяжелую тачку.

(Продолженіе будетъ).

Р Ж Е В Ъ - В Л А Д И М І Р О В Ъ .

Въ любой географіи вы встрѣтите о Ржевѣ свѣдѣнія исключительно такого рода: лучший городъ Тверской губерніи, около двадцати тысячъ жителей, важная пристань на Волгѣ, канатныя и прядильныя фабрики, большой отпускъ сырыхъ произведеній и т. п. Отъ этихъ свѣдѣній вы никуда не уйдете, только рѣчь зайдетъ о мало-мальски выдающемся величинной уѣздномъ городѣ; вы услышите о нихъ тѣ же подробности, почти въ тѣхъ же стереотипныхъ выраженіяхъ. Въ вашей памяти, читатель, носится навѣрное цѣлый рядъ такихъ городовъ: Сызрань, лучший городъ Симбирской губерніи, пристань, Саранскъ, лучший городъ Пензенской губерніи, торговый городъ, Чистополь и т. д. и т. д. Все это лучшее уѣздные города разныхъ губерній: въ одномъ—торговля, въ другомъ—пристань, въ третьемъ—промышленный духъ и пр., а благодаря всему вмѣстѣ взятому—богатство.

Въ каждой русской губерніи несомнѣнно есть одинъ такой городокъ: поневолѣ отъ массы именъ и одного общаго эпитета, примѣнимаго чуть не ко всѣмъ, у чело-вѣка не ѣздившаго по Россіи—сложится очень смутное понятіе объ нашихъ уѣздныхъ городахъ. По губернски еще кое-гдѣ разставлены памятники, а по уѣзднымъ и того нѣтъ. Всѣ эти Сызрани, Сарански, Чистопольи представляютъ какъ двѣ капли воды похожими другъ на друга; думается: вмѣстѣ росли они, вмѣстѣ развивались на счетъ окрестныхъ селъ и теперь, какъ видно, одинаково благоденствуютъ.

Если вы, столичный житель, захотите съѣздить посмотрѣть хоть на одинъ изъ этихъ деревянскихъ великорусскихъ городковъ, то вынесете послѣ краткаго обзора одно общее и невыгодное впечатлѣніе сѣренькой обстановки и парящей надъ всѣмъ скуки. У рѣдкаго уѣзднаго города красивая наружность, споспѣныя улицы; развѣ случится мѣсто особенно живописное: какаянибудь гора, оврагъ, сады... За то *типъ* рѣзко бьетъ въ глаза въ каждомъ изъ этихъ лучшихъ, по географіи, городовъ,—характерный типъ нажившагося и соннаго купца, которому удалось выйтти изъ мѣщанъ, выстроить каменный двухэтажный домъ, завести лошадей, жену въ шелковомъ платьѣ и зажечь въ свое удовольствие, зная ничего не желая. Если провинція, какъ у насъ привыкли выражаться, спитъ, то уѣздные города храпятъ и даже спать не видятъ. Можетъ быть Ржевъ, о которомъ я поведу рѣчь, и представляетъ на взглядъ посторонняго наблюдателя пріятное исключеніе, благодаря оживленной... пристани, суетнѣ у желѣзнодорожнаго вокзала... Но мирный ходъ наживы и приобрѣтенія благъ цивилизаціи однообразенъ какъ уѣздная скука, а потому мало интересенъ: онъ съ удобствомъ можетъ стать въ концѣ предлагаемаго очерка. Обратимся къ исторіи Ржева. Краткое указаніе въ лѣтописи и рассказы старожиловъ—вотъ источники для историческаго описанія судьбы любого уѣзднаго городка. За то при такомъ описаніи вы хоть на время отрѣшитесь отъ обыденнаго хода *мищанскаго счастья*, если можно такъ выразиться; на васъ пахнетъ чѣмъ-то забы-

тымъ уже для иныхъ интересовъ, пахнетъ поэзіей старины, которая была хоть и еще непримечательна, за то успѣла сложиться въ известную картину, выставитъ своихъ любимыхъ героевъ. И такъ, посмотримъ на городъ Ржевъ сначала съ этой стороны, возьмемтеся за лѣтопись.

Яркимъ доказательствомъ, того насколько современная жизнь Ржева богата содержаниемъ и поэзіей, служатъ не такъ давно напечатанное стихотвореніе какого-то ржевскаго гражданина, который взялъ да и переложилъ лѣтопись разбѣренными строчками. Лучшей темы не нашлось, а насколько она благодарна для пишущаго и насколько хороши сами стихи, можете судить по такому отрывку.

«Когда Мстиславъ, удалый князь
Съ Новгорода чрезъ Селгерь,
По озеру, съ дружинами
Пришелъ подъ Ржевъ и велъ войну
Жестокую, кровавую,
То былъ отбитъ гражданами
И сотнею лишь воиновъ,
Которыми командовалъ
Ерунъ лихой, мужъ доблестный.
И выдержанъ Ржевичами
Былъ славный бой за родину,
И слава та безсмертна
Изъ вѣка въ вѣкъ про подвигъ тотъ
Гласить о нихъ въ исторіи.
А послѣ Ржевъ удѣломъ былъ и т. д.

Не правда ли, довольно приятная лѣтопись? Отрывочныя сказанія лѣтописцевъ много бы выиграли отъ такого изложенія. Въ добавокъ размѣръ приведеннаго стихотворенія не нарушилъ вѣрности передаваемыхъ фактовъ. Дѣйствительно въ 1216 году «*Ржевъ городецъ—Мстиславъ на верзѣхъ*», бывший во владѣннн Торопецкаго князя Мстислава Удалаго, выдержалъ продолжительную осаду отъ десяти тысячнаго войска зятя Мстислава, Ярослава Всеволодовича, князя Переяславскаго. Въ городѣ сидѣлъ полководецъ Мстислава Ерунъ или Ерунъ, а съ нимъ всею горстью вооруженныхъ людей. Жители Ржева успѣли, благодаря личному мужеству, продержаться до прихода Мстислава, который набралъ пятьсотъ человекъ новгородской конницы и по льду озера Селгера, 1-го марта 1216 г., перешелъ въ свою волость. «Идите въ зажитія моя, только головъ не емлите» приводятся въ лѣтописи слова Удалаго; «Исполнилася корма и сами и кони» говорится дальше про всадниковъ новгородскихъ. Осада со Ржева была скоро снята, осаждавшіе удалились.

Затѣмъ Ржевъ перешелъ въ Новгородское владѣніе, а отъ него—въ Московское.

Въ началѣ второй половины XIV вѣка (1356) Ржевъ былъ взятъ сыномъ литовскаго князя Ольгерда Андреемъ, который назначилъ во Ржевъ особаго намѣстника.—Отецъ Андрея призжалъ осматривать новопріобрѣтенный городъ Ржевъ, будучи самымъ дальнимъ угломъ литовскаго княжества, долго былъ спорнымъ пунктомъ между нимъ и Москвою. До конца XIV столѣтія городъ все переходилъ изъ рукъ въ руки; наконецъ причисленъ къ Московскому княжеству и достался Дмитрію Донскому.

Названіе «*Ржевъ-Володиміровъ*» городъ получилъ вѣроятно отъ двоюроднаго брата Донскаго, Владиміра Андреевича Храбраго, принимавшаго участіе въ счастливомъ оборотѣ куликовской битвы.

Около этого времени въ городѣ выстроена была крѣпость, слѣды которой открыты въ 1832 году при стройкѣ соборной колокольни. Народное преданіе говоритъ, что и теперешній соборъ построенъ на высокому насыпному валу стараго «*Мстислава*».

Владѣль Ржевомъ и Шемяка; но когда Василій Темный одержалъ надъ нимъ верхъ и Шемяка бѣжалъ въ Новгородъ, Ржевъ перешелъ къ сыну Темнаго Борису, а затѣмъ во владѣніе двухъ внуковъ: Федора и Ивана; городъ подѣлили: лѣвый берегъ Волги до сихъ поръ въ память перваго изъ нихъ зовется *князь-Федоровской* стороной, правый берегъ рѣки выпалъ на долю Ивана, послѣ смерти котораго часть Ржева досталась вскорѣ по завѣщанію сыну Ивана III Дмитрію и стала съ той поры называться «*князь-Дмитровской* стороной». Про Ивана Грознаго преданіе говоритъ, что будто онъ заѣзжалъ въ Ржевъ во время своихъ богомолій и гдѣ-то неподалеку отъ него охотился.

Въ 1581 году подъ городъ подходили польскія войска, но были отражены.

Въ смутное время Ржевъ терпѣлъ отъ Литвы, съ представленіемъ о которой тѣсно связано одно любопытное народное преданіе. Въ немъ героемъ-защитникомъ города отъ вражескихъ нападений является какой-то князь Владиміръ (можетъ быть братъ Донскаго) съ женой Агрипиной. Каждый разъ какъ Ржеву грозила опасность отъ Литвы, онъ являлся на князь-Федоровской сторонѣ, страшнымъ для враговъ провидѣніемъ, верхомъ на бѣломъ конѣ, съ однимъ бѣлымъ платкомъ въ рукахъ, безъ всякаго оружія. Завидя маханье платкомъ, слышавъ громкое конское ржанье, Литовцы, столько разъ подступавшіе къ Ржеву-Владимірову, ослѣпленные и перепуганные, выскочили съ крутаго берега въ Волгу и тонули при переправѣ.

До 1746 года въ палатку поставленную надъ мѣстомъ погребенія князя-защитника благодарные жители ставили, говорятъ, каждый день новые сафьянные сапоги, потому что, по преданію, князь Владиміръ охранялъ городъ и въ мирное время, обходя его каждую ночь пѣшкомъ. Яснымъ доказательствомъ послѣдняго служило то, что поставленные вечеромъ сапоги наутро оказывались изношенными. Ихъ замѣняли новыми.

Какъ-то разъ Ржевцы не захотѣли поставить князю новыхъ сапогъ, а взяли да подкинули къ старымъ подметки. Вѣроятно въ характерѣ жителей около этого времени стали проявляться инстинкты жадности: расчетъ, корысть и скупость. На другое утро обувъ нашли неизношенной. Жители Ржева перепугались, взяли за умъ, выбросили старые сапоги и поставили новые. Ихъ испугала мысль, что они пожалѣли сафьяну для князя, имѣли совѣсть его надуть. Но и новые сапоги остались нетронутыми; другіе, смѣнившіе ихъ—тоже; третьи—тоже.

Ржевцы въ великой скорби рѣшили, что благодѣтель князь разсердился и ушелъ отъ скупыхъ и неблагодарныхъ горожанъ въ Новгородъ. Подъ соборомъ, говоритъ преданіе, на князь-Федоровской сторонѣ схоронены полумонашескіе князь съ княгиней.

Съ начала прошлаго столѣтія Ржевъ причислялся нѣсколько разъ то къ одной, то къ другой провинціи: въ 1708—къ Ингерманландской, въ 1719—къ Тверской провинціи Петербургской губерніи; въ 1727—отомелъ къ губерніи Новгородской, а ровно сто лѣтъ назадъ былъ причисленъ къ Тверскому намѣстничеству. Въ настоящее время, какъ известно, онъ лучший городъ Тверской губерніи.

Слѣды прежней жизни видны около города и до сей поры: въ верстѣ, внизъ по Волгѣ, лежитъ село Опоки, выстроенное на мѣстѣ стараго города Опокъ; нѣсколько древнихъ кладбищъ разбросано по окрестностямъ, нѣны успѣли уже порости лѣсомъ, а другія попасть подъ соху; ряды кургановъ въ уѣздѣ... все это напоминаетъ о далекомъ прошедшемъ. Мѣстные историки говорятъ, что Ржевъ существовалъ еще до изданія Русской Правды княземъ Ярославомъ.

На мѣстѣ старой жизни возникла новая жизнь... Наружность города перемѣнилась къ лучшему. Перейдемъ къ ней.

«Обѣ части Ржева, говоритъ г. Красницкій въ своихъ «*Очеркахъ Тверской губерніи*»—почти одинаково обстроены и соединяются между собой плашкоутнымъ мостомъ, по которому мы и отправимся на князь-Федоровскую сторону. На этой сторонѣ на первомъ планѣ помѣщается ржевскій соборный храмъ съ его высокою колокольнею, отъ которой перекинутъ довольно красивую мостъ, ведущій на обширную торговую площадь, окруженную съ четырехъ сторонъ зданіями красивой архитектуры, въ числѣ которыхъ есть и такія, которыя сдѣлали бы честь не только иному губернскому городу, но были бы недурны и въ столицахъ. По срединѣ этой площади помѣщается красивый каменный гостинный дворъ, еще не совсѣмъ достроенный послѣ пожара, бывшаго въ 1871 году, истребившаго какъ гостинный дворъ такъ и множество домовъ. Кругомъ гостиннаго двора находится обширное мѣсто для базара, бывающаго въ городѣ по три раза въ недѣлю, и на этой же площади бывають двѣ большія ярмарки въ году: одна—въ первое воскресенье велкаго поста а вторая—29-го юня, въ Петровъ день; обѣ ярмарки продолжаются по цѣлой недѣлѣ. Здѣсь же на площади находится красивое зданіе Ржевской Думы и первая часть пожарной команды, выходящая своимъ фасадомъ на Волгу...

Въ числѣ зданій, окружающихъ эту площадь, находятся Земская Управа, Мировой Съѣздъ, Городской банкъ, основанный П. М. Мясниковымъ, казначейство, уѣздное училище, аптека и множество магазиновъ и лавокъ; затѣмъ, въ мѣстностяхъ прилегающихъ къ этой площади, помѣщаются духовное и губернское техническія училища, отдѣленіе Волжско-Камскаго Банка, ржевскій общественный клубъ, телеграфная станція, вокзалъ строящейся Новоторжско-Ростовской желѣзной дороги и восемь православныхъ церквей. Замѣчательна болѣе другихъ первая—соборная, построенная на валу старинной крѣпости, на мѣстѣ бывшей деревянной церкви, существовавшей еще при жизни князя Дмитрія Ивановича, скончавшагося въ Москвѣ въ 1621 году, отъ имени котораго и получила названіе князь-Дмитровская сторона, принадлежавшая къ владѣніямъ этого князя. На этой же сторонѣ находится множество фабрикъ на самыхъ улицахъ, которыя обстроены каменными и деревянными домами... «Нельзя не упомянуть, что кромѣ вышеозначенныхъ различныхъ заведеній и учреждений находятся двѣ фотографіи, три нотаріальныя конторы и порядочное количество страховыхъ агентствъ. Приводимыя свѣдѣнія относятся къ прошлому году.

«На противоположной князь-Дмитровской сторонѣ, продолжаетъ «*Описаніе*»—помѣщаются зданія: Ржевскаго Окружнаго Суда, Полицейскаго управленія, отдѣленія государственнаго банка, земской больницы и разныхъ богоугодныхъ и благотворительныхъ заведеній. На этой сторонѣ также находится торговая площадь съ каменными рядами, торговыми и промышленными заведеніями, аптека, гостинница для пріѣзжающихъ и множество прядильныхъ фабрикъ, расположенныхъ почти по всемъ улицамъ и переулкамъ этой стороны, гдѣ находятся также дома красивой архитектуры, въ которыхъ помѣщается огромное число магазиновъ и лавокъ и т. д.»

Однимъ словомъ, городъ хорошо обстроенъ, шуменъ и богатъ,

последнее доказывает, по мнению автора, красивыми каменными домами, роскошной мебелью этих домов, дорогими лошадьми, на которых ъздят ржевские купчихи и жемчужными *расками* на их головах. Видь на городъ съ Волги тоже не дурень. Туристу, подѣзжающему снизу, представляется довольно красивая панорама: сначала, на лѣвомъ берегу, старинное село Опoki со слѣдами бывшаго когда-то вала; затѣмъ впереди, послѣ непрерывно тянущихся пристаней и фабрикъ правого берега—городской соборъ и стоящее высоко надъ городомъ зданіе Думы, а за ней хорошенькая вся въ зелени церковь Владимірской Богоматери и князь-Дмитровская сторона,—мѣсто, гдѣ высказываютъ съ парохода прѣзжаго человѣка.

Одинъ изъ современныхъ французскихъ писателей выразилъ такую мысль, что стоитъ людямъ разъ хорошенько подраться около какого-нибудь поселенья, оросить его окрестности кровью—и поселенье, бывшее дотогдѣ неизвѣстнымъ, появится въ исто-

ріи, займетъ одну изъ ея страницъ. Все высказанное французскимъ авторомъ вполне, какъ мы видѣли, приложимо къ исторіи большинства русскихъ городовъ и къ исторіи Ржева, въ частности. Не будь осады 1216 года, онъ бы можетъ долго не вышелъ изъ мрака временъ; затѣмъ, затѣмъ устали, не будь онъ въ настоящую минуту лучшимъ городомъ послѣ Твери, можетъ статься никто бы и не вспомнилъ о помянутой осадѣ, впрочемъ потому что картины прошлой жизни обыкновенно изображаются больше для того, чтобы выказать въ лучшемъ свѣтѣ мирное настоящее.

Ржевляне, по свойственному людямъ самолюбию, гордятся однимъ человѣкомъ, жизнь котораго не прошла безслѣдно въ русской исторіи XVII-го столѣтія. Этотъ человѣкъ—Діонисій Ржевскій, бывший впоследствии архимандритомъ Троицко-Сергіевской лавры, зывавшій къ русскому народу объ изгнаніи поляковъ въ смутное время самозванщины.

ТРИ АККОРДА.

Разсказъ.

— Да оставайтесь, господа, у меня ночевать?... Домъ мой старый, помѣщичій... Слава Богу, мѣсто найдется! Для гостей даже особенный флигель есть: остатокъ блаженной старини! Тамъ все въ порядкѣ... Юлія Ивановна, какъ вы на этотъ счетъ?...

Хозяинъ усадьбы, Сергій Петровичъ N, мужчина лѣтъ сорока, холостякъ, обратился съ этимъ вопросомъ къ полнеющей молоденькой дамочкѣ, которая сидѣла рядомъ съ нимъ и держала въ рукѣ рюмочку съ домашней вишневкой. По другую сторону Сергія Петровича помѣщался мужъ Юліи Ивановны, худощавый господинъ, съ небольшою лысиной и рѣденькой съ просѣдью бородкой. Опрокинувъ голову на спинку кресла, онъ пускалъ въ потолокъ тоненькой струйкой сигарный дымъ. Противъ этой группы полулежалъ въ креслѣ толстенькій старичокъ-помѣщикъ, сосѣдъ Сергія Петровича, съ длинными сѣдыми усами, какъ видно отставной воинъ. Передъ нимъ стоялъ подопитый стаканъ съ виномъ. Небольшое общество только-что отужинало. Часы пробили одиннадцать.

— Да я-бы осталась, отвѣтила Юлія Ивановна,—право, какъ-то лѣнь ѣхать... Такъ бы вотъ, кажется, все и сидѣла!

Она лѣниво поднесла рюмочку къ алмымъ губкамъ, сдѣлала маленькій глотокъ и, хихикнувъ, прибавила:

— Но вѣдь я не единца, я только—половинка!..

— А выпиваешь цѣлую рюмку такой крѣпкой наливки, замѣтилъ супругъ.

— Ну, такъ что-жь? Это ты ради каламбура...

— Ничего. Купай себѣ на здоровье! А замѣтилъ я это потому, что тебѣ оттого и трудно подняться, что наливка...

— Да зачѣмъ-же непременно ѣхать, Левъ Михайлычъ? спросилъ хозяинъ.—Почему не остаться?..

— Нужно мнѣ сегодня быть дома. Видите-ли, завтра мнѣ необходимо сѣздить въ городъ. Поездъ останавливается на станціи «Удалая» всего на пять минутъ. «Удалая» отъ вашей усадьбы въ пятнадцать верстахъ, а отъ моей—только въ трехъ... Въ половинѣ десятаго утра я уже долженъ быть на стинціи, а между тѣмъ, если я...

Сергій Петровичъ и Юлія Ивановна вздрогнули: яркая молнія сверкнула, освѣтивъ бѣло-лиловымъ свѣтомъ всю столовую и бѣлая колонны балкона, которыя были видны изъ окна.

— Первая гроза, замѣтилъ старикъ съ сѣдыми усами. Онъ одинъ только перекрестился. Воцарилось молчаніе.

— Передъ ужиномъ я еще смотрѣла: такое чистое было небо, а теперь вдругъ... Но отчего-же не гремать? заговорила Юлія Ивановна.

— Гроза не здѣсь—далеко, отвѣтилъ Сергій Петровичъ,—но вотъ сейчасъ и громъ услышите... И какъ темно стало!..

Дѣйствительно, спустя немного времени гдѣ-то далеко зашумѣло, какъ будто по деревянному мосту проскакало галопомъ нѣсколько всадниковъ—и опять все стихло.

Хозяинъ подошелъ къ балконной двери, открытой настежь и поглядѣлъ на небо.

— Ого, какая туча идетъ сюда! воскликнулъ онъ.

— Идите сюда, Сергій Петровичъ, и закройте непременно окна и балконную дверь! скомандовала Юлія Ивановна.

Сергій Петровичъ повиновался, заперъ дверь, окна, и вернулся на свое мѣсто.

— А вы боитесь грозы? спросилъ онъ.

— Не то что боюсь, а слишкомъ близко... неприятно...

— Да ужъ сказала-бы прямо, что боюсь, подхватилъ мужъ и прибавилъ:—о, она у меня прехрабрая!

— Да ужъ теперь не поѣду—останусь! засмѣялась Юлія Ивановна.—Въ грозу ни за что не поѣду!.. Во-первыхъ, мы въ коляскѣ, а не въ каретѣ, а во-вторыхъ—лошади могутъ испугаться молніи, грома... Я остаюсь, Сергій Петровичъ! То есть—мы остаемся, да, да!..

— На время грозы... разумѣется, спокойно проговорилъ Левъ Михайлычъ,—но вѣдь, когда она пройдетъ, то почему же —

— Ахъ, какой ты упрямый! перебила его жена.—Ну, я очень

устала... Я не могу!.. Ну, отчего же не сдѣлать такъ, какъ жена хочетъ?.. Завтра пораньше выѣдемъ отсюда...

— Будьте-же любезны, Левъ Михайлычъ! воскликнулъ хозяинъ.—Ну, да, да—я вижу, вы остаетесь! Завтра пораньше отправитесь—и дѣло въ шляпѣ.

Левъ Михайлычъ провелъ рукою по лбу, прищурилъ глаза и еще глубже утѣлся въ кресло.

— О, я створчивъ! произнесъ онъ весело.—Но мнѣ нужно было сдѣлать дома кое-какія распоряженія, написать кое-что... Ну, что дѣлать! Само небо стало на сторону моей жены... Надо покориться...

И опять столовая и бѣлыя колонны балкона освѣтились чуднымъ ярко-бѣло-лиловымъ огнемъ. Не прошло и двухъ секундъ, какъ гдѣ-то, но уже гораздо ближе, захлопотало, словно по деревянному гужковому мосту пролетѣла теперь артиллерія... Стекланная дверь балкона слабо звякнула и, вслѣдъ затѣмъ, въ стекла ударило какъ бы мелкой дробью—проливной дождь зашумѣлъ.

— А вы, полковникъ, конечно ночуете у меня? спросилъ Сергій Петровичъ у сѣдаго воина.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣтилъ полковникъ, прихлебывая изъ стакана.—Да я даже, знаете, люблю ночевать гдѣ-нибудь! У себя, дома, какъ-то надоѣло.. Все знакомо и какъ-то спится-то сучно... Право! Въ чужомъ мѣстѣ слаще спать—спить и наслаждаешься! Хе, хе, хе!

— Ну, вотъ и прекрасно! Ахъ-да! Вѣдь надобно распорядиться, чтобы вашъ Илья отпрегъ лошадей, такъ какъ вы завтра ѣдете...

Хозяинъ уже приподнялся съ кресла, но Левъ Михайлычъ остановилъ его и самъ всталъ.

— Сидите. Я самъ распоряжусь... Илья у меня парень безтолковый. Онъ только меня и понимаетъ!.. Съ нимъ слѣдуетъ особенно говорить.

Левъ Михайлычъ вышелъ.

— Да, Илья нашъ престранный, замѣтила Юлія Ивановна:—молодой онъ еще, но какой-то постоянно сонный... Впрочемъ, безтолковымъ его нельзя назвать...

— Ну-да, Левъ Михайлычъ боится, чтобы какъ бы не опоздать ему завтра по милости Ильи, ну вотъ и пошелъ самъ, сказалъ полковникъ.

— Я, кажется, въ первый разъ буду ночевать въ чужомъ мѣстѣ, заговорила Юлія Ивановна,—и вотъ, не знаю: засну-ли?

— Великолѣпно заснете! воскликнулъ Сергій Петровичъ.

— Дома я, какъ лягу—сейчасъ засыпаю.

— Что касается меня, вмѣшался полковникъ,—то я только въ чужомъ мѣстѣ и могу скоро заснуть!.. Передъ глазами, знаете, все незнакомое... ну, и того... А вотъ у себя, повѣрите-ли, часа два проворочаешься и тогда только заснешь! Прежде, бывало, еще стихи помогали, а теперь и они не дѣйствуютъ...

— Стихи? засмѣялась Юлія Ивановна.—Это какъ же?.. То есть, вы читаете, чтобы заснуть?

— Нѣтъ-съ, не читаю, а такъ... на память...

— И сначала это усыпляло? спросилъ Сергій Петровичъ.

— Оказывало дѣйствіе. Бывало, какъ начнешь: «Гирей сидѣлъ, потупя взоръ»... ну, понимаете, стихъ чудесный... музыка! Раза три начнешь начало-то и глядишь—вадешь въ забвеніе на «рукѣ нетерпѣливой» или на «война отъ мыслей далека»... Нѣтъ, нынче такъ не пишуть!..

Въ столовую вошелъ Левъ Михайлычъ.

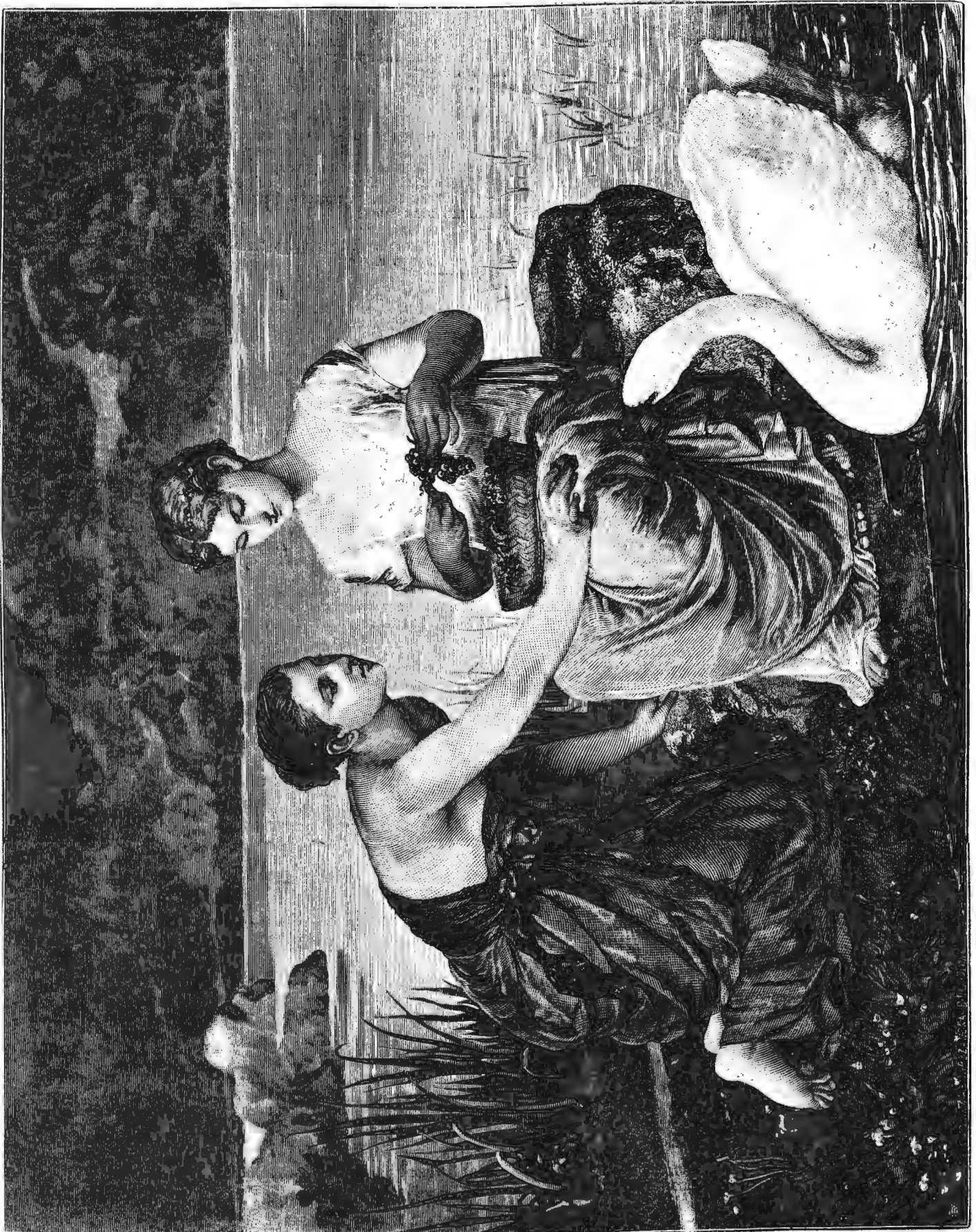
— Чудеснѣйшій дождь! сказалъ онъ, усаживаясь въ кресло.—На дорогахъ, пожалуй, дня два пыли не будетъ... А для полей-то какъ это хорошо!..

— Благодать, замѣтилъ полковникъ.

Раздался страшный громовый ударъ... Посуда на столѣ дрогнула... Юлія Ивановна слегка поблѣднѣла. Всѣ замолчали.

— Ты распорядился? спросила она мужа.

Тотъ кивнулъ головой.

На берегу озера. Гис. Оберъ, грав въ Варшавскомъ Икниграфическомъ обществѣ.

Молнія поминутно сверкала; дождь шумѣлъ, шумѣли деревья въ саду, какъ будто тамъ разбушевалось море.

— Такъ какъ вамъ завтра рано вставать, то пожалуйста не стѣсняйтесь, началъ Сергій Петровичъ,—я сейчасъ...

— Не знаю, какъ жена, но мнѣ не хочется спать, перебилъ Левъ Михайлычъ.

— Да и я, все равно, не засну теперь, отозвалась Юлія Ивановна:—такіе удары всякій сонъ разгоняетъ!

— Да, но вѣдь можетъ выйти воробьиная почка, замѣтилъ полковникъ.

— Воробьиная?

— Народное выраженіе, пояснилъ Левъ Михайлычъ:— когда гроза длится всю ночь и молнія почти непрерывно блещетъ, то такую ночь называютъ «воробьиной»... Но сегодня этого не случится. Я глядѣлъ на небо... Черезъ часъ, а можетъ быть и меньше, все пройдетъ...

— Ну, вотъ тогда мы и отправимся спать, сказала Юлія Ивановна, слегка потягиваясь,—но можетъ быть вы, Сергій Петровичъ, и вы, полковникъ,—хотите на боковую?

— О, нѣтъ! Я вообще поздно ложусь, отвѣтилъ хозяинъ,—да теперь еще и двѣнадцать часовъ пѣтъ...

— А мнѣ и тутъ хорошо, сказалъ полковникъ,—всегда уснѣю въ чужомъ мѣстѣ выпастись... Хе, хе, хе!..

— Ну, вотъ и прекрасно! воскликнулъ Сергій Петровичъ.— Спать никому не хочется, а потому подольемъ себѣ еще вина и будемъ болтать подъ-шумъ бури подъ сей уютной кровлей!.. Юлія Ивановна выпьетъ еще наливочки...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я и такъ двѣ рюмки уже выпила! подхватила Юлія Ивановна, отмахиваясь.—А вотъ, расскажите-ка, вѣдь я ни разу еще не была въ вашемъ флигелѣ «для гостей»: онъ у васъ всегда запертъ? Никто тамъ, конечно, не живетъ? И что-жъ, хорошенькое помѣщеніе?..

— Буду отвѣчать по порядку. Да, флигель этотъ обыкновенно стоять запертымъ; иногда, впрочемъ, у меня кто нибудь ночуетъ тамъ; полковникъ, однако, предпочитаетъ спать здѣсь. Постояннаго жильца тамъ нѣтъ... Виновать! есть: жилецъ этотъ—духъ старинъ, давно минувшихъ дней...

— Ну, и что-же, прилично онъ себя держитъ? Не безпокойный духъ? спросилъ Левъ Михайлычъ.

— Худаго ничего за нимъ не замѣчалъ, улыбнулся Сергій Петровичъ.—Однако, продолжаю: такой постоянный жилецъ, разумѣется, стѣснить не можетъ и ничѣмъ не обезпокоитъ гостей. Флигель состоитъ собственно изъ двухъ отдѣленій. Одно, по старой памяти, называется «холостымъ», другое—«женатымъ». Первое предназначалось холостякамъ (оно и меньше и проще убрано), второе—мужьямъ и женамъ. Тутъ гораздо больше комфорта, хотя и не повѣшаго, но все-таки весьма солиднаго свойства... Впрочемъ, это вы сами увидите и, полагаю, останетесь довольны.

— Это который же флигель—вотъ что сейчасъ тутъ, направо? спросила Юлія Ивановна.

— О, нѣтъ! Это—старья службы; а флигель, о которомъ я говорю, находится слѣва. Онъ въ самомъ саду, а отсюда за деревьями его не видно.

— Ахъ, какъ тамъ должно быть тихо... покойно!

Полковникъ крикнулъ и прихлебнулъ изъ стакана.

— А вотъ, Левъ Михайлычъ спросилъ насчетъ духа, заговорилъ онъ,—то есть, конечно, въ шутку, но... старые дома, обыкновенно, имѣютъ свои легенды... Вамъ, любезнѣйшій Сергій Петровичъ, ничего не извѣстно насчетъ здѣшнихъ легендъ? Не слышали-ли вы чего-нибудь?

— А что?

— Нѣтъ, я такъ... Я, знаете, любитель вообще подобныхъ исторій, особенно—страшныхъ... Приятно, чортъ возьми!..

— Увы, полковникъ, никакихъ легендъ не имѣется тутъ! сказалъ Сергій Петровичъ, пожавъ плечами.—Рассказывалъ мнѣ отецъ о какой-то неудавшейся дуэли между двумя помѣщиками, прѣхавшими къ нему въ гости,—вотъ и все, что я слышалъ...

— А вы охотникъ до страшнаго? обратился Левъ Михайлычъ къ полковнику.—Вѣроятно, знаете много страшныхъ исторій... Вотъ бы рассказали—а?

— Да все старье! Со мной, какъ на зло, ничего страшнаго не случилось... А очень бы хотѣлось! Должно быть, пресильное, чортъ возьми, ощущеніе!.. Да, наконецъ, рассказывать я не мастеръ и не люблю; слушать—другое дѣло! Особенно этакъ на ночь... Фу, неприятно щекочетъ!..

— Да, пресильная, я вамъ скажу, бываютъ ощущенія, медленно произнесъ Левъ Михайлычъ и всталъ, чтобы раскурить сигару.

— Ловлю васъ на словѣ! воскликнулъ полковникъ.—Ужъ вѣрно вамъ пришлось что нибудь хоть разъ испытать это такое страшное?.. Счастливецъ вы!.. Угадалъ?..

Левъ Михайлычъ снова усѣлся въ кресло.

— Да, разъ было нѣчто такое, хлѣвно проговорилъ онъ,—и оставилъ, конечно, нѣкоторое впечатлѣніе...

— Ради Аллаха, повѣдайте! Теперь двѣнадцатый часъ.. буря... молнія... громъ.. Вотъ, чудесно-то! А главное—услышать отъ лица потерпѣвшаго, такъ сказать...

— Я ничего не потерпѣлъ, замѣтилъ Левъ Михайлычъ.

Юлія Ивановна принужденно засмѣялась.

— Ахъ, полковникъ! Вы, какъ будто дитя, любите страшное!.. Да, и я когда-то любила слушать разныя бредни, но... вѣдь это все ужасно скучно... старо и... смѣшно! Неужели мы не можемъ найти поговорить о чемъ-нибудь такомъ... Ну, да мало ли нынче вопросовъ, которые...

— Хе, хе... Это она ужъ струсила! ввернулъ мужъ.

— Развѣ я ребенокъ?.. Вотъ мило!..

— Нѣтъ, что-же.. если Юлія Ивановнѣ это неприятно, замѣтилъ полковникъ, приподнявъ брови,—то конечно, зачѣмъ же въ такомъ случаѣ...

— Сдѣлайте одолженіе, нѣсколько рѣзко-любезно перебила она его,—мнѣ рѣшительно все равно! Пусть что хочетъ рассказывается... Но я думала, что какой нибудь изъ современныхъ вопросовъ будетъ интереснѣе...

— Такъ ты позволяешь? спросилъ Левъ Михайлычъ.

Юлія Ивановна пожала плечами.

— Я вѣдь сказала, что мнѣ все равно!

— Позвольте-съ, да можетъ быть вы сами заинтересуетесь, замѣтилъ полковникъ.

— О, конечно! Что-жъ вы, Левъ Михайлычъ, начинаете? Ничего, иногда и дѣтскій рассказъ бываетъ занимателенъ!..

— Въ такомъ случаѣ, и я попрошу Льва Михайлыча повѣдать намъ о томъ, что такое случилось съ нимъ, проговорилъ Сергій Петровичъ.

— Извольте, съ большимъ удовольствіемъ.

Юлія Ивановна прищурила глаза и откинула голову на спинку кресла. Полковникъ почему-то нашелъ нужнымъ опорожнить свой стаканъ и снова его наполнить.

— Ну-съ, господа, исторія эта случилась со мной лѣтъ десять тому назадъ, началъ Левъ Михайлычъ:—въ то время я еще имѣлъ несчастье быть единичей, а не яловинкой (онъ слегка поклонился женѣ одной головой).. Въ качествѣ чиновника по особымъ порученіямъ мнѣ нужно было по одному дѣлу съѣздить въ уѣздный городъ Вавиловъ. Въ послѣднихъ числахъ августа я отправился въ путь и дня черезъ два добрался до Вавилова. Этотъ уѣздный городокъ въ прежнее время процвѣталъ. Онъ стоялъ на большомъ трактѣ; но съ проведеніемъ желѣзной дороги помимо его—сталъ бѣднѣть и какъ-то запустѣлъ. Изъ двухъ гостиницъ не осталось ни одной: ихъ замѣнилъ одинъ трактиръ, смахивающій на постоялый дворъ. Надо было гдѣ нибудь остановиться, при томъ же мнѣ приходилось по меньшей мѣрѣ прожить въ семь городѣ около недѣли.. У властей вавиловскихъ я не хотѣлъ останавливаться. Такъ какъ я прѣхалъ въ городокъ часу въ шестомъ вечера и погода была прекрасная, то я отправился самъ на поиски. Представьте себѣ..

— Боже, какъ ты тянешь! замѣтила Юлія Ивановна.—Ну, что тутъ представлять? Кому же неизвѣстны условія жизни въ подобныхъ городкахъ?..

— Не буду-съ, отвѣтилъ Левъ Михайлычъ.—И такъ, въ концѣ концовъ, мнѣ указали на одну изъ упраздненныхъ гостиницъ, хозяйнѣ которой, старикъ-купецъ, оставилъ одинъ номеръ про всякій случай. Отправился я туда. Хозяинъ былъ человѣкъ одинокій. Единственный сынъ его проживалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, торгуя тамъ чѣмъ-то. Старикъ помѣщался, со странной своей, пожелой женщиной, въ мезонинѣ. Весь нижній этажъ, гдѣ прежде была гостиница, былъ совершенно пустъ и окна были закрыты ставнями. Я скоро условился съ старикомъ.

«Пойдемте, батюшка, номерокъ-то я вамъ покажу», пригласилъ хозяинъ, снимая съ гвоздя связку ключей. Мы пошли. «Номера-то у меня, собственно, были вотъ тутъ», сказалъ онъ, указывая на корридоръ,—«но я ихъ позапиралъ, а новѣйшій номеръ устроилъ рядомъ съ залой... Пожалуйте сюда-съ.»

Вошли мы въ залу (ставни уже были открыты), довольно просторную комнату, но совершенно пустую. Шесть желтыхъ квадратиковъ на грязномъ полу, на самой серединѣ, показывали, что тутъ стоялъ биллиардъ.

«Небелъ всю я сбѣлъ на станцію-съ», продолжалъ старикъ,—«оставилъ только самую малость. Вотъ, пожалуйста-съ... Это вотъ и будетъ-съ ваша комната. Ничего, веселенькая-съ! Насчетъ бѣлья постельнаго не сумѣвайте: Агафья моя все это устроитъ. Подушки и одѣяло будутъ-съ.»

Я оглянулся. Комната была довольно грязная, мебель ея состояла изъ дивана, круглаго стола, двухъ креселъ и нѣсколькихъ стульевъ. Надъ диваномъ висѣло зеркало совершенно заплеванное. Въ углу помѣщалась желѣзная кровать съ тюфякомъ. У противоположной стѣны стоялъ какой-то длинный ящикъ на четырехъ ножкахъ, точно фортепиано.

«А это что такое?» спросилъ я, указывая на него.

«Гусли-съ старинныя», отвѣчалъ хозяинъ. — «Во время оно игрывалъ и я на нихъ... Такъ они тутъ и остались. Мѣста занимаютъ немного... Пущай, думаю, стоятъ. Покупцовъ нонѣ на такой инструментъ нѣтъ. Старые священники еще игрывали на гусяхъ, ну а новѣйшіе—нѣтъ...»

Я подошелъ къ ящику. Старикъ открылъ крышку... Отъ сотрясенія струны дрогнули и слабо зазвучали...

— «Инструментъ чувствительный!» произнесъ онъ и прибавилъ: «Игра на немъ-съ, можно сказать, душу восторгаетъ»...

Старикъ вздохнулъ, закрылъ крышку и сказалъ:

— «Вы теперь, коли вамъ комнатка по вкусу, пожалуйста-съ

ко мнѣ. Выпьемъ чайку. Агафя тутъ приведетъ все въ порядокъ... Окна надо открыть, провѣтрить, пыль поприсыпать, да пыль смахнуть, ну и касательно постели... Пожалуйте-съ въ мои апартаменты-съ.»

Я отправился за старикомъ. Самоваръ уже былъ на столѣ.

— Ну, вотъ, теперь онъ будетъ опсывать, какъ пить чай со старикомъ, замѣтила Юлія Ивановна.—Я и не знала, что онъ такой сочинитель!..

— Еще разъ извиняюсь, проговорилъ любезно Левъ Михайлычъ,—постараюсь быть краткимъ. И такъ, оставивъ въ сторонѣ чаепитіе, продолжаю...

Полковникъ крикнулъ и замѣтилъ съ любезной улыбкой:

— Стрѣги вы, Юлія Ивановна, съ супругомъ!.. Я такъ вотъ, напротивъ, люблю, когда рассказчикъ, рассказываетъ о чемънибудь страшномъ, тянетъ... тянетъ... Вѣдь тутъ весь въ слухъ обратилъсь, ждешь: вотъ-вотъ...

Всѣ разомъ вздрогнули: балконная дверь, вѣроятно, только притворенная, съ шумомъ распахнулась отъ напора вѣтра и въ это-же мгновение, какъ нарочно, ослѣпительная молнія сверкнула надъ темнымъ садомъ... Въ столовую ворвалась струя свѣжаго воздуха; запахъ черемухи, сирени—такъ и обдалъ всѣхъ...

Юлія Ивановна поблѣднѣла. Сергѣй Петровичъ вскочилъ и заперъ дверь.

— Вы, кажется, испугались? спросилъ онъ.

— Да вѣдь и вы всѣ вздрогнули, а еще мужчины!

— Отъ неожиданности можетъ вздрогнуть завзятый храбрецъ, замѣтилъ Левъ Михайлычъ.—А вѣдь гроза-то проходитъ... Молнія была, но удара еще не слышно, и промежутокъ времени между свѣтомъ и звукомъ довольно большой...

— Левъ Михайлычъ, вы изволили остановиться на томъ, что о чаепитіи не будете рассказывать, пронзесъ полковникъ, прихлебнувъ изъ стакана,—а потому-съ потрудитесь дальше.

— Съ хозяиномъ я проболталъ часа два, покаместъ Агафя съ какой-то другою бабой приводила «номерокъ» въ порядокъ, заговорилъ снова Левъ Михайлычъ.—Былъ уже десятый часъ, когда Агафя доложила, что все готово.

«Пожалуйте-съ, я вамъ посвѣчу», сказала она.

Пожелавъ покойной ночи старику, я пошелъ за Агафьей. Дѣйствительно, комнатка приняла какъ будто другой видъ. Въ ней пахло свѣжимъ воздухомъ; пыли не было даже на зеркалѣ; на постелѣ лежало чистое бѣлье; для покрывши мнѣ дали розовое пикейное одѣяло. Даже чемоданчикъ мой — и тотъ былъ обмытъ.

«Чай успокоиться съ дороги-то желаете?» заговорила Агафя, поправляя подушки на постелѣ, — «ну, и ложитесь съ Богомъ!.. А я—нѣтъ—не легла-бы тутъ ни въ жисть...»

«Почему-жъ такъ?..»

«Въ пустыхъ-то хорамахъ—одна?... Оборони Боже!..»

«Разбойниковъ боитесь?»

«Нѣтъ, у насъ въ городѣ на этотъ счетъ тихо... Известно, вы, мужской полъ — безстрашный! А ужъ только — сто рублей мнѣ давай — одна тутъ спать не лягу!..»

«Нѣтъ, вы мнѣ вотъ что скажите: много крысъ и мышей здѣсь?»

«Прежде бывали, а новѣ — нѣтъ, не слышно... Ну, батюшка, спокойной вамъ ночи и пріятнаго сна! Завтра будить, али сами встанете?»

— Самъ встаю. Часамъ къ восьми самоваръ будетъ?

«Подамъ, батюшка, подамъ, и умыться принесу».

Агафя удалилась. Я сталъ разбирать чемоданъ; черезъ часъ лежалъ я уже въ постелѣ... Такъ пріятно было протянуть ноги! У изголовья поставилъ я стулъ, а на него — свѣчку; не забылъ положить тутъ и коробочку спичекъ. Прочитавъ нѣсколько страничекъ какого-то французскаго романа, я задулъ свѣчу и скоро заснулъ... На другой день, утромъ, сидя за чаемъ, я вспомнилъ, что видѣлъ какой-то сонъ... Сталъ припоминать, и дѣйствительно — вспомнилъ. Вотъ что мнѣ снилось: вижу — выходитъ изъ залы мальчикъ лѣтъ четырнадцати-пятнадцати въ костюмѣ половаго; на немъ розовая ситцевая рубашка, черезъ плечо — полотенце; голова кудрявая, съ проборомъ посрединѣ... Лицо миловидное... Но какіе были у него глаза — я никакъ не могъ потомъ представить ихъ себѣ. Мальчикъ остановился въ шагахъ двухъ отъ меня. — Что тебѣ? — «Да, вотъ-съ сдѣлайте милость — ослобоните-съ» заговорилъ онъ: — «тутъ, за залой, сейчасъ будетъ комната... Пожалуйте туда-съ, да третью половицу отъ печки подымите-съ... Кладъ большой подучите...» Онъ поклонился, тряхнулъ кудряшками и вышелъ...

«Ночевалъ въ гостинницѣ, хотя и упрядненной но все-же въ гостинницѣ, вотъ и увидѣлъ во снѣ половаго», подумалъ я, и черезъ полчаса, занявшись дѣломъ, совершенно забылъ объ этомъ обстоятельстве. Вечеръ этого дня я провелъ въ домѣ главной вавилонской власти и около часу ночи вернулся въ свой номерокъ. Заснулъ почти сейчасъ-же и — что-жъ бы вы думали? — опять этотъ мальчикъ приснился мнѣ... — «Что-жъ вы, баринъ, насчетъ половицы-то той?» сказалъ онъ: — «не Богъ знаетъ, какое трудное дѣло... Сдѣлайте милость! Съ награжденіемъ будете...» И опять поклонился, тряхнулъ волосами и пошелъ въ залу...

Юлія Ивановна смотрѣла въ оба на своего мужа, но Левъ Михайлычъ старался не глядѣть на нее: онъ больше обращался

къ полковнику, который такъ-таки и смотрѣлъ прямо въ ротъ рассказчика, повѣсивъ свои уши, по восточному выраженію, «на воздѣ вниманія».

— Второй сонъ я объяснялъ себѣ тѣмъ, что, вѣроятно, находился еще подъ впечатліемъ перваго; кому-же обстановка оставалась та-же, спалъ я на томъ-же тюфякѣ, подъ тѣмъ-же одѣяломъ, словомъ — я объяснялъ это рефлексомъ, продолжалъ Левъ Михайлычъ, — и если мальчикъ упрекнулъ меня, то это произошло оттого, что вторую ночь я спалъ съ сытымъ желудкомъ, ибо довольно плотно поужиналъ у вавилонскаго администратора...

На третью ночь — та-же исторія! Опять является ко мнѣ розовая рубашка, и опять — упрекъ, но на этотъ разъ сильнѣе... «Коли вы теперича не исполните», сказалъ мальчикъ, — «такъ больше я и не приду... Богъ съ вами! Авось другой найдется...» Онъ ушелъ, не поклонившись.

Тутъ меня разбудила Агафя. Она принесла самоваръ, а изъ-за пазухи вытащила два письма. Одно изъ нихъ было такого содержания, что мнѣ необходимо было въ тотъ-же день отправиться верстъ за десять къ одному помѣщику.

Левъ Михайлычъ всталъ, раскурилъ сигару, глотнулъ вина и мѣлкомъ взглянулъ на небо черезъ стеклянную дверь. Молнія изрѣдка еще вспыхивала, но грома не было... Въ саду стало какъ-то свѣглѣе. Дождь слабо шумѣлъ. Онъ снова сѣлъ.

— Вернулся я въ городокъ часамъ къ девяти вечера. Велѣлъ принести самоваръ, облачился въ халатъ и сѣлъ писать.

Къ завтрашнему утру мнѣ нужно было приготовить три большіе письма или — вѣрнѣе — три дѣловыя бумаги. Безъ четверти двѣнадцать я кончилъ работу и, отъ усталости, какъ убитый, повалился на постель...

Сколько проспалъ я времени — не помню, но только меня что-то разбудило... Въ комнатѣ было совершенно темно. Я сталъ прислушиваться... Гдѣ-то далеко лаяла собака... Около меня, на стулѣ чикали мои карманные часы... И вдругъ — чья-то рука коснулась струнъ гуслей... Раздался аккордъ... Я протянулъ руку за спичками и только что хотѣлъ чиркнуть, какъ почувствовалъ, что кто-то стягиваетъ съ меня одѣяло...

— Фу — ты, чортъ возьми! не вытерѣлъ полковникъ.

Юлія Ивановна достала платокъ и громко высморкалась.

— Тутъ я вскочилъ, зажегъ свѣчку, продолжалъ Левъ Михайлычъ, слегка жестикулируя, — и осмотрѣлъ... Въ комнатѣ никого не было, но по залѣ кто-то прошелъ... Заглянувъ почему-то подъ кровать, я нощпшилъ въ залу... Никого! Смотрю: выходная дверь изъ залы заперта на задвижку, но, помнится, я не запираю ее... Прошелъ я въ слѣдующую комнату — и тамъ ни души. За этой комнатой была еще одна, угловая, и послѣдняя... Разумѣется, и тутъ все было пусто, даже стула не стояло. Однако, вниманіе мое было привлечено маленькою дверью, окрашеною подъ цвѣтъ обоей. Она находилась въ глубинѣ комнаты и была полуотворена... Я подошелъ къ ней и замѣтилъ три ступеньки... Струя воздуха чуть не задула свѣчку, когда я открылъ дверцу и очутился, посреди всякаго хлама, на небольшомъ чердакѣ... Какіе-то разломанные ящики, бутылки, палки... Взрослому человѣку тутъ негдѣ было спрятаться... Нечего дѣлать — пошелъ въ свою комнату. Скажу откровенно, что хотя я вообще не изъ трусливыхъ, но сердце у меня постукивало какъ-то особенно... Поглядѣлъ и на «чувствительный инструментъ» — на гусли: крышка была открыта, но я совершенно не помню — была-ли она закрыта прежде?... «Должно быть, это крысы или мыши меня посѣтили» рѣшилъ я, снова легъ, задулъ свѣчку и проспалъ спокойно до утра. На другой день нарочно отправился осмотрѣть чердакъ... Но ничего новаго не нашелъ тамъ.

Проходя утромъ черезъ залу, я взглянулъ на выходную дверь: она оказалась незапертою на задвижку... Да не во снѣ-ли все это я было?... Но почему-же, въ такомъ случаѣ, приснился мнѣ чердакъ, котораго я прежде и не видѣлъ?..

— Нѣтъ ужъ тутъ, видно, не рефлексъ, замѣтилъ полковникъ, — чортъ знаетъ что такое!..

— Именно — чортъ знаетъ что такое! подтвердилъ Левъ Михайлычъ.—Ну-съ, проведя опять вечеръ у вавилонскаго администратора, я вернулся домой въ половинѣ двѣнадцатаго, сейчасъ-же раздѣлся и легъ. Да, забылъ сказать: дверцу на чердакѣ и заперъ на задвижку, дверь въ залѣ — тоже. Наверху, въ мезонинѣ, часы пробилъ полночь... Я погасилъ свѣчку и старался не сейчасъ заснуть... Ложась спать, я взглянулъ на гусли: они были закрыты... Все было тихо; только чиканье часовъ моихъ нарушало тишину... Такъ прошло, кажется, минутъ десять... Слышу — идетъ кто-то по залѣ, шаги все ближе и ближе... Вдругъ стихли... Я уже приготовилъ спичку... Зазвучали опять гусли: аккордъ... другой... погасла первая спичка!.. Когда я доставалъ другую — кто-то положительно сдернулъ съ меня одѣяло!.. Но вотъ и свѣчка зажжена и — опять шаги въ залѣ... Я туда — никого! Въ слѣдующій комнаты — тамъ ни души... Чердачная дверь заперта... Это, наконецъ, меня взбѣсило! Вернувшись въ свою комнату, я посмотрѣлъ на часы: было семь минутъ втораго... «Второй часъ. Не сплю» — написалъ я карандашомъ на первомъ попавшемся доскуткѣ бумаги, поднялъ одѣяло съ полу и легъ въ постель. Задулъ свѣчку, я скоро заснулъ... На другой день, проснувшись довольно поздно, я живо вспомнилъ ночную исторію, а на бумажкѣ, лежавшей на столѣ, прочелъ: «Второй

Бурляндскія лагавыя собаки Рис. и грав. Шпехт.

часъ. Не сплю...» Вотъ, и до сихъ поръ, я не могу объяснить себѣ, что это такое было?... Неужели я вставалъ во снѣ, зажигалъ свѣчку и писалъ, что я не сплю?...

— Чѣмъ-же, однако, это кончилось? спросилъ полковникъ.

— То есть, что было въ слѣдующую ночь? Да ничего не было, потому что я получилъ дѣшеу и долженъ былъ въ тотъ-же день выѣхать изъ Вавилова...

— Эхъ, жаль!... Нѣтъ, я-бы не поѣхалъ!.. Сказался-бы больнымъ... Престанственная, чортъ поберн, штука!... Упустили!...

— Я не вѣрю... Все это глупости! отозвалась Юлія Ивановна и быстро встала.

Она подошла къ балконной двери и отворила ее.

— Ахъ, какой чудный запахъ!.. Господа, идите сюда, на балконъ!.. Это лучше всякой сказки!..

Всѣ встали. Приглашеніе было принято.

— Чудесная погода! какъ воздухъ свѣжъ послѣ грозы! замѣтилъ Сергій Петровичъ.

— Вотъ, тебя сейчасъ передернуло, обратился Левъ Михайлычъ къ женѣ:—не прохладно-ли тебѣ здѣсь?

— Да тутъ свѣжо... послѣ дождя...

— Я васъ самъ провожу туда, но не по саду, такъ какъ теперь въ саду сыро... Пожалуйте-ст!

Хозяинъ предложилъ руку Юліи Ивановнѣ.

— А вотъ не дамъ вамъ руки! весело проговорила она.

— Это почему-же?

— Почему?... А потому... что я хочу исполнить желаніе своей половинки и — ѣду домой!... Вѣдь грозы нѣтъ?...

— Опять лошадей запрягать! воскликнулъ смѣясь Сергій Петровичъ.

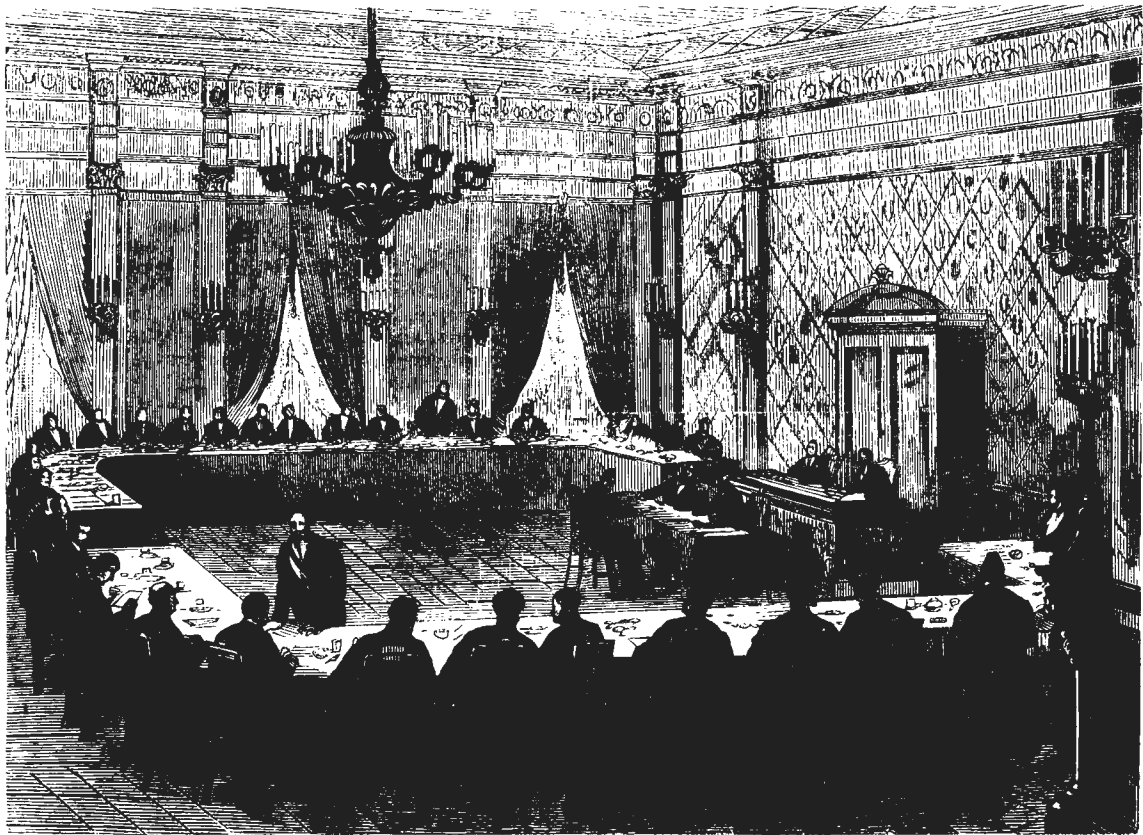
— Нѣтъ, замѣтилъ Левъ Михайлычъ,—онѣ и не отпрягались: я на всякій случай не велѣлъ распрягать...

Юлія Ивановна весело порхнула за шляпкой и мантильей въ гостиную. Мужчины остались на балконѣ.

— Однако, престранная, въ самомъ дѣлѣ, исторія, которая случилась съ вами въ Вавилонѣ, заговорилъ хозяинъ.—Неужели такъ и было, Левъ Михайлычъ?...

Левъ Михайлычъ улыбнулся.

— Не знаю... Это я по наслышкѣ передалъ вамъ, отвѣтилъ онъ въ полголоса:—вмѣсто мѣстоименія «онъ» я нарочно поставилъ «я...», а въ результатѣ—поѣзда домой!...

Международная телеграфная конференція въ Петербургѣ.

— Правда, свѣжо... Да ужъ и поздно теперь. Завтра надо рано встать... Сергій Петровичъ! Намъ пора и въ вашъ «жонатый» флангелекъ!

— Вонъ оно что!...

— А я-то развѣсилъ уши! воскликнулъ полковникъ и прибавилъ:—эхъ, вы!...

Вѣ—ерь.

ЖУРЛЯНДСКІЕ ЛЯГАШИ.

Такъ-называемыя у насъ въ Россіи на охотничьемъ жаргонѣ *курляндскія* собаки собственно принадлежатъ къ нѣмецкой породѣ лягавыхъ. Отдавая всю справедливость англійскимъ пойнтерамъ и сеттерамъ, каждый охотникъ согласится съ тѣмъ, что эти породы больше горячатся на поискъ, труднѣе отвываютъ гнать по зайцу, скорѣе устаютъ и не во всякое время охотно идутъ въ воду за убитою птицей. Совершенно противоположность имъ въ этихъ отношеніяхъ представляетъ нѣмецкая порода—и въ мѣстахъ необильныхъ дичью неопѣннена по причинѣ своего спокойствія, неторопливости, осмотрительности и крайней выносливости какъ въ жары, такъ и въ осеннюю стужу. Къ сожалѣнію, въ настоящее время порода эта, подъ

давленіемъ моды, почти совершенно вытѣснена—и кровный нѣмецкій лягашъ составляетъ большую рѣдкость.

Настоящая курляндка нѣсколько рослѣе и крѣпче всѣхъ остальныхъ лягавыхъ породъ; грудь у нея выпукла, широка и сложена изъ крѣпкихъ костей. Крутой, широкій, закругленный назадъ лобъ, обличающій замѣтную впадину межъ бровей, образуетъ къ затылку значительное возвышеніе. Особенно выдаются выступы глазныхъ костей, сообщая собакѣ серьезный и нѣсколько важный взглядъ. Большіе круглые глаза, большою частію прекраснаго орѣховаго цвѣта, рѣже сѣровато-зеленаго,—не смотря на искрища въ нихъ огонь, отличаются спокойнымъ, умирнымъ, нѣсколько задумчивымъ выраженіемъ. Толстое

черное чутье (нось) посрединѣ немного выпукло, съ широкими ноздрями, чрезвычайно подвижно и влажно; кожа его имѣетъ мелкозернистый видъ. Толстыя, въ углахъ зубчато-разсѣченные верхнія губы свѣшиваются надъ нижнею челюстью и придаютъ безъ того короткой мордѣ какъ бы еще болѣе расширенную спереди форму. Нижняя челюсть, розоваго или мяснаго цвѣта, усажена небольшими бородавками. Необыкновенно мягкія и нѣжныя, болѣе или менѣе скругленныя уши очень длинны и широки. У здоровой собаки кровеносныя сосуды ихъ такъ тонки, что просвѣчиваютъ на солнцѣ. У старыхъ особей—отъ ушей къ срединѣ лба тянутся тонкія складки, придающія важность и благородство всей физиогноміи. На красиво-изогнутой, стройной но мускулистой шеѣ особенно выдается первый позвонокъ. Мускулистая передняя лапа не должна быть слишкомъ мясиста—иначе онѣ будутъ казаться кривыми. Тонкая, прямая лапа, съ крѣпкими мозолистыми пальцами и сильными когтями, поджимающимися на бѣгу, считается особымъ преимуществомъ, сообщающимъ всей фигурѣ собаки изящество и красоту. Заднія лапы, напротивъ того, при сильно развитой мускулатурѣ, должны быть жилисты въ бабахъ и образовать красивый уголъ въ сгибѣ колѣна, чтобы собака не казалась припадливою. Часто встрѣчающіяся на нихъ шпоры, рудименты пальцевъ и такъ-называемые волчья когти отнюдь не составляютъ признакъ породистости, представляя чрезвычайное разнообразіе даже у особей одного и того же помета. Многіе охот-

ники обрѣзаютъ ихъ у щенковъ, такъ какъ эти отростки мѣшаютъ на бѣгу, если не твердо сидятъ на лапѣ, а болтаются свѣшиваясь внизъ.

Слишкомъ обильно питаемая особи получаютъ неуклюжую, колеблющуюся походку и теряютъ легкость, присущую этой породѣ при разумномъ уходѣ. Варварское и чрезвычайно глупое обыкновение обрубать нѣсколько позвонковъ хвоста не только отнимаетъ красоту, но даже мѣшаетъ собакамъ управлять своимъ бѣгомъ; поэтому ни одинъ охотникъ не долженъ допускать этого остатка вкусовъ эпохи рококо.

Цвѣтъ шерсти чрезвычайно разнообразенъ—отъ совершенно бѣлаго съ коричневыми пятнами, до гороховаго и темношаптановаго, или отъ серебристо-сѣраго съ крапинами до бархатисто-чернаго. Выборъ цвѣта шерсти зависитъ исключительно отъ личныхъ вкусовъ охотника. Нѣкоторые предпочитаютъ свѣтлую окраску на томъ основаніи, что собака виднѣе охотнику издали; другіе—темную, потому именно, что она не такъ замѣтна и меньше пугаетъ дичь. Главное дѣло—дрессировка, на что требуются спеціальныя педагогическія свѣдѣнія, хотя впоследствии умное животное болѣею частью одной своей изумительной понятливостью и послушаніемъ возмѣщаетъ недостатки первоначальнаго воспитанія. Правда, что бываетъ и обратное: въ рукахъ неопытнаго, неумѣлаго, нетерпѣливаго любителя диллетанта—самая лучшая собака можетъ испортиться вконецъ, но не для этихъ господъ и писано вышеизложенное.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТЕЛЕГРАФНАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

20-го мая состоялось открытіе международной телеграфной конференціи. Начало международныхъ соглашеній по телеграфному дѣлу положено было десять лѣтъ назадъ, когда въ Парижѣ состоялась первая телеграфная конференція. Дальнѣйшія конференціи по этому предмету происходили, чрезъ каждые три года: въ Вѣнѣ, въ 1868 году и въ Римѣ въ 1871 году. Въ Римѣ же было принято рѣшеніе, на основаніи котораго нынѣшняя четвертая конференція открыта теперь въ Петербургѣ.

Международная телеграфная конференція, по открытіи ея, имѣла два засѣданія, 21-го и 23-го мая. Программа телеграфной конференціи въ Петербургѣ состоитъ въ рассмотрѣніи статьи за статью постановленій для международной корреспонденціи, заключающихся въ проектѣ *новой, въ отнѣну существующей, конвенціи* и въ приложенномъ къ ней, *въ новой же редакціи, служебномъ регламентѣ*, а также въ обсужденіи заявленій объ измѣненіи ихъ, полученныхъ предъ конференціей отъ телеграфныхъ управленій договорившихся государствъ. Вопросы сложные, которые нельзя подвергать преніямъ въ засѣданіяхъ конференціи безъ предварительной разработки, и тарифъ подготавлиются въ комісіяхъ, составленныхъ изъ тѣхъ же членовъ конференціи. Каждая комісія избираетъ изъ своей среды председателя и докладчика. Составъ этихъ комісій назначенъ председателемъ конференціи въ первое засѣданіе, 21-го мая. Въ два первыхъ засѣданія конференціи слѣдующіе вопросы возбудили особенно оживленныя пренія. Вопросъ о неизмѣнимости правилъ международной службы отъ одной конференціи до другой; конференція нашла невозможнымъ ограничивать измѣненіе этихъ правилъ одними періодическими съѣздами, въ томъ вниманіи, что телеграфная служба, по ея сущности и по значенію ея для публики, можетъ требовать немедленнаго измѣненія нѣкоторыхъ изъ принятыхъ правилъ. Вопросъ о введеніи передачи частныхъ телеграммъ не въ очередь за возвышенную плату (*télégrammes urgents*); предложеніе этой мѣры встрѣтило много доводовъ въ пользу ея и противъ нея. Съ одной стороны, введеніе срочныхъ телеграммъ казалось необходимымъ для сношеній въ случаяхъ особой экстренности, съ другой—мѣра эта представлялась привилегіею, неблагоприятною для правильной въ строгой очереди движенія частной корреспонденціи. Для окончательнаго рѣшенія этого вопроса нѣкоторыми делегатами ожидаются спеціальныя указанія отъ ихъ правительствъ. Всѣ вопросы послѣ преній рѣшались подачею голосовъ. Всѣхъ голосовъ 19.

27 мая члены международной телеграфной конференціи посетили главную телеграфную станцію и музей горнаго института.

Въ Михайловскомъ дворцѣ, для членовъ международной телеграфной конференціи назначены, на время пребыванія ихъ въ Петербургѣ, вечернія собранія по понедѣльникамъ и четвергамъ.

31 мая делегаты прибыли въ Кронштадтъ и осматривали тамъ пароходный заводъ, новый докъ, доковое адмиралтейство, бібліотеку, морское собраніе, лѣтній садъ, корабль «Петръ Великій», фрегаты «Петропавловскъ» и «Севастополь» и батарею «Константинъ».

Въ одиннадцатомъ засѣданіи (13-го іюня) международной телеграфной конференціи слушанъ докладъ первой комісіи (по подготовленію тарифныхъ правилъ). Въ этомъ докладѣ комісія представила на рассмотрѣніе конференціи весьма важный, по своимъ послѣдствіямъ, вопросъ о новыхъ основаніяхъ исчисленія таксы за депеши внѣ европейской корреспонденціи. До сихъ поръ, въ сношеніяхъ внѣевропейскихъ единичную телеграмму составляли 20 словъ, за исключеніемъ корреспонденціи между Лондономъ и Индіей, для которой единичная депеша допущена въ 10 словъ.

Санктпетербургской конференціи, въ виду заявленія управленія индійскихъ телеграфовъ и ходатайства телеграфныхъ компаній, предстояло обсудить вопросъ *объ исчисленіи таксы по числу дѣйствительно заключающихся въ депеши словъ* (однословный тарифъ). Вопросъ этотъ, при разностороннихъ интересахъ, крайне сложный и трудный, разрабатывался первою комісіею въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, при участіи въ ней представителей индійскаго управленія, отъ которыхъ, какъ равно и отъ телеграфныхъ компаній, комісія воспользовалась обширными данными, составленными на основаніи многолѣтнихъ наблюденій и опытовъ. Другое рѣшеніе конференціи состояло въ одобреніи выработанныхъ тарифною комісіею правилъ о передачѣ въ ночное время газетныхъ извѣстій по линіямъ тѣхъ государствъ, которые условятся между собой относительно этой мѣры, подобно условію, существующему между Англіей и Франціей. При этомъ, конференція нашла полезнымъ оговорить, чтобы передача частныхъ депешъ, поступающихъ въ ночное время, не вступала препятствій со стороны непрерывной передачи газетныхъ извѣстій. Послѣ того, конференція выслушала докладъ второй комісіи (по подготовленію регламента) и рассмотрѣла заключеніе ея относительно правилъ о повѣркѣ депешъ, по требованію отправителей; объ извѣщеніяхъ о доставленіи телеграммъ; о телеграммахъ, назначенныхъ для передачи въ слѣдъ адресату; о депешахъ, имѣющихъ нѣсколько адресовъ или адресованныхъ въ разныя мѣста; объ отправленіи депешъ, назначенныхъ въ мѣстности, непользующихся телеграфными сообщеніемъ, и о телеграммахъ, передаваемыхъ семафорами. Въ то же засѣданіе конференція передала на рассмотрѣніе второй комісіи предложеніе о новомъ, употребляемомъ въ Англіи способѣ передачи указаний времени приема телеграммъ, имѣющемъ цѣлью сокращеніе знаковъ, служащихъ для этихъ указаній.

15-го іюня, делегаты международной телеграфной конференціи предприняли небольшую экскурсію на Имагру. Делегатовъ, въ числѣ девяти лицъ, сопровождалъ одинъ изъ чиновниковъ телеграфнаго департамента, хорошо знакомый съ Финляндіей. Для проѣзда по финляндской желѣзной дорогѣ, управленіе этой дороги предоставило членамъ конференціи салонный вагонъ; въ Выборгѣ же ихъ встрѣтилъ полиціеимейстеръ города и начальникъ мѣстной телеграфной станціи. Дорогой изъ Выборга, по Саймскому каналу, делегаты встрѣтились съ выборгскимъ губернаторомъ, который объяснилъ имъ исторію и постройку канала и ознакомилъ ихъ какъ съ самою мѣстностью, такъ и съ ея особенностями. Далѣе до Имагры члены конференціи отправились сухопутно въ удобныхъ шестимѣстныхъ линейкахъ и, оставшись тамъ до слѣдующаго утра, прежнимъ путемъ возвратились въ Петербургъ. Къ сказанному остается прибавить, что проѣзда по Саймскому каналу и на Имагру произвела на иностранцевъ впечатлѣніе неожиданной и своеобразной картины. Они долго за полночь любовались водопадомъ и не разъ возвращались къ нему отъ гостиницы.

Во вторникъ, 17-го іюня, члены международной телеграфной конференціи, съ разрѣшенія министра финансовъ, посетили монетный дворъ, всѣ отдѣленія котораго осмотрѣли въ возможной подробности, подъ руководствомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Рожкова. Массы драгоцѣнныхъ металловъ въ подготовительныхъ формахъ, груды отчеканенной монеты и обиліе остроумныхъ механическихъ приспособленій привлекли вниманіе иностранцевъ. При выходѣ съ монетнаго двора, делегатамъ были предложены медали, отчеканенныя въ память 19-го февраля 1861 года. Съ монетнаго двора делегаты отправились въ петропавловскій соборъ и въ домикъ Петра Великаго. Въ обоихъ этихъ

мѣстахъ они выражали удивленіе той простотѣ, которая была въ обычаяхъ перваго русскаго императора и которая окружаетъ останки его потомства, покоющіеся въ соборѣ.

20-го іюня, въ четырнадцатомъ засѣданіи международной телеграфной конференціи слушался докладъ второй комисіи по постановленіямъ о возвратѣ платы подавателямъ въ случаѣ значительнаго замедленія и потери телеграммъ, а также въ случаяхъ искаженія телеграммъ съ уплаченной провѣркой; о расчетахъ между телеграфными управленіями по взаимной передачѣ международной корреспонденціи; о правахъ и обязанностяхъ учрежденнаго въ Бернѣ международного секретариата телеграфныхъ управленій; объ отношеніяхъ къ телеграфнымъ управленіямъ и къ частнымъ компаніямъ, не приступившимъ еще къ телеграфному договору, и о порядкѣ присоединенія ихъ къ этому договору.

Въ то же засѣданіе, закрытою подачею голосовъ, назначена пятая (въ 1878 году) конференція въ Лондонѣ.

Сверхъ сказанныхъ занятій, на конференціи происходилъ обмѣнъ мыслей объ учрежденіи въ Швейцаріи центрального института для образованія телеграфныхъ инженеровъ. Конференція отнеслась сочувственно къ этому предположенію, важному для усовершенствованія телеграфной части.

Въ пятнадцатое засѣданіе (21-го іюня) международная телеграфная конференція окончила разсмотрѣніе служебнаго регламента.

Въ шестнадцатое засѣданіе (21-го іюня) международная телеграфная конференція приступила ко второму чтенію конвенціи и служебнаго регламента. Прочитаны всѣ статьи конвенціи и 25 статей служебнаго регламента.

Затѣмъ, въ Петербургъ пріѣхалъ помощникъ директора физической обсерваторіи въ Копенгагенѣ, Лакуръ (La Cour) и предложилъ на обсужденіе членамъ международной телеграфной конференціи свое новое изобрѣтеніе, которое должно произвести переворотъ въ телеграфіи.

Изобрѣтеніе это состоитъ въ томъ, что между двумя телеграфными станціями можно передавать депеши по одной проводкѣ на нѣсколькихъ аппаратахъ одновременно, причѣмъ передача на одномъ аппаратѣ нисколько не мѣшаетъ дѣйствію на другихъ аппаратахъ. Занимался изслѣдованіями надъ прохожденіемъ гальваническаго тока по проводникамъ, г. Лакуръ нашелъ, что электричество движется волнообразно, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ звукъ. Вслѣдствіе этого, у него явилась мысль примѣнить къ телеграфнымъ аппаратамъ камертоны, соединенные съ электромагнитомъ. При такомъ соединеніи, токъ, проходя черезъ камертонъ, получаетъ известное волнообразное движеніе, которое отнюдь не смѣшивается при прохожденіи по проводкѣ съ другимъ токомъ, получившимъ иное движеніе, вслѣдствіе соединенія съ другимъ камертономъ, имѣющимъ различное отъ перваго число колебаній въ единицу времени.

Отсюда происходитъ возможность передавать по одной проводкѣ нѣсколько депешъ разомъ между двумя или нѣсколькими станціями. По увѣренію г. Лакура, его система можетъ быть примѣнена безразлично и къ аппаратамъ Морзе, и къ аппаратамъ Юза, а особенно къ аппаратамъ дѣйствующимъ на подводныхъ кабеляхъ.

Изобрѣтеніе это уже привилегировано во многихъ государствахъ, но для окончательнаго его введенія въ телеграфію нужны еще опыты. Члены международной конференціи весьма сочувственно отнеслись къ изобрѣтенію г. Лакура.

По предложенію предсѣдателя международной телеграфной конференціи, делегаты отправились съ курьерскимъ поѣздомъ въ Москву, во вторникъ, 24-го іюня. Главнѣе общество русскійскихъ желѣзныхъ дорогъ предоставило для этой поѣздки нѣсколько отдѣльныхъ вагоновъ 1-го класса и три купе для семействъ делегатовъ.

Знакомые съ Москвою лишь по фотографическимъ изображеніямъ нѣкоторыхъ изъ особенно выдающихся ея достопримѣчательностей и по отрывочнымъ о ней разсказамъ, иностранцы нетерпѣливо ждали увидѣть древнюю столицу, и раннимъ утромъ, когда Москва была еще далеко, настойчиво поглядывали въ открытыя окна, чтобъ уловить ея признаки. Въ Химкахъ поѣздъ встрѣтили члены городской управы и, пригласивъ ожидаемыхъ гостей остановиться въ гостиницахъ «Славянскій Базаръ» и «Дюссо», роздали имъ билеты двухъ цвѣтовъ: бѣлаго и синяго—обстоятельство, которое подало потомъ поводъ раздѣлить делегатовъ, на шутку, на «бѣлыхъ» и «синихъ». Прибывъ въ Москву, гости замѣтили ожидавшія ихъ у вокзала щегольскія коляски съ запряженными въ нихъ четверками въ красивой русской сбруѣ. Слово «четверка» немедленно поступило въ короткій лексиконъ знакомыхъ делегатамъ русскихъ названій.

Первымъ визитъ делегатовъ былъ, конечно, въ домъ московскаго генерал-губернатора, гдѣ предсѣдатель конференціи представилъ ихъ князю В. А. Долгорукову и городскому головѣ Д. Д. Шумахеру. Послѣ представленія, иностранцы осматривали громадные залы большаго кремлевскаго дворца, сокровища русской старины въ оружейной палатѣ и въ ризницахъ, соборы и терема.

Послѣ обѣда, гостей ожидало новое зрѣлище—видъ заходящаго солнца надъ Москвою съ Воробьевыхъ горъ. Тѣ же отборныя четверки быстро доставили делегатовъ на тѣсную терасу деревяннаго домика. Вечеръ, послѣ лившаго наканунѣ дождя, былъ прекрасный, солнце начинало садиться. Все столпилось на терасѣ. То слышались любопытные разспросы о выдававшихся изъ общей картины церквахъ и зданіяхъ, то все общество внезапно смеялось, любясь на раскинувшуюся предъ ихъ глазами Москву.

Въ тотъ же день предстоялъ вечеръ у генерал-губернатора, на который делегаты получили любезное приглашеніе лично отъ князя Владиміра Андреевича. Вечера у генерал-губернатора славятся не даромъ пышностью, оживленіемъ и радушіемъ гостеприимнаго хозяина. Около 10 часовъ домъ генерал-губернатора горѣлъ безчисленными огнями; густая толпа тѣснилась на площадіи. Въ одной изъ залъ сервированъ былъ роскошный буфетъ; въ другой пѣлъ хоръ московскихъ цыганъ. Собравшееся общество состояло изъ членовъ телеграфной конференціи, лишь приглашенныхъ изъ избраннаго московскаго общества, иностранныхъ консуловъ и нѣсколькихъ прусскихъ офицеровъ, недавно прибывшихъ въ столицу. Въ третьемъ часу, гости простились съ радушіемъ хозяиномъ, наперерывъ благодаря его за пріемъ и доставленное имъ удовольствіе.

На второй день, члены конференціи осматривали храмъ Спасителя, пользуясь личными объясненіями вице-президента строительной комисіи, барона Боде. Делегаты обратили особенное вниманіе на матеріалы, употребляемые для украшенія внутреннихъ стѣнъ храма: кіевскій лабрадоръ, олонекій порфиръ и сибирскую яшму. Затѣмъ, осмотрѣвъ былъ этнографическій музей съ художественно-составленною коллекціею маннеkenовъ, выразительно представляющею различныя народности Россіи, ихъ типы, одежды и обычаи. Не забыть былъ и бельведеръ, съ котораго открывается видъ на всѣ четыре стороны Москвы, и воспитательный домъ. Въ этотъ день обѣдъ давался делегатамъ отъ города, въ трактирѣ Тѣстова. Испытывая въ Москвѣ одно впечатлѣніе новизны за другимъ, иностранцы, тѣмъ не менѣе, съ любопытствомъ ходили по одной изъ залъ трактира, утрамбованной пескомъ и обставленной растеніями и цвѣтами, смотрѣли на нашихъ половыхъ и слушали громадный органъ. Обѣдъ былъ роскошный съ знаменитою ботвиніей и огромною стерлядью. Послѣ обѣда, члены конференціи катались по Петровскому Парку.

«Голосъ» сообщаетъ, что члены международной телеграфной конференціи, посѣтивъ, во время поѣздки своей въ Москву, воспитательный домъ, собрали по подпискѣ между собою 675 руб. и деньги эти назначили въ пользу того ребенка, который былъ принятъ въ воспитательномъ домѣ первымъ послѣ посѣщенія его делегатами, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ смерти этого ребенка, собранная сумма перешла въ принадлежность ссылающему, по очереди поступленія въ воспитательный домъ питомцу.

Утромъ послѣдняго дня, до 2-хъ часовъ, делегаты осматривали нѣкоторые изъ замѣчательныхъ московскихъ магазиновъ, закупаая въ нихъ вещи на память по Москвѣ. Въ 2 часа, члены конференціи осматривали городскіе ряды, церковь Василия-Блаженнаго, центральную телеграфную станцію и проѣхались по Сокольничему парку.

Послѣ общаго обѣда въ «Славянскомъ Базарѣ», иностранцы, задумавъ простившись съ постоянно сопутствовавшими имъ любезными членами городского управленія, отправились съ курьерскимъ поѣздомъ въ Петербургъ.

Засѣданія международной телеграфной конференціи, прерванныя вслѣдствіе поѣздки делегатовъ въ Москву, возобновились въ понедѣльникъ, 30-го іюня. Въ это засѣданіе (семнадцатое) конференціи, продолживъ вторичное чтеніе выработанныхъ ею постановленій, прослушала весь служебный регламентъ, отложивъ окончательное рѣшеніе по нѣкоторымъ статьямъ, относительно которыхъ еще не получены ожидаемыя делегатами инструкціи. Прилагаемый рисунокъ изображаетъ одно изъ засѣданій делегатовъ.

С М Ъ С Ъ .

На берегу озера.

Нимфы и лебеди—давно извѣстный, излюбленный живописцами сюжетъ, начиная со временъ древнихъ, охотно изображавшихъ исторію Леды на стѣнахъ своихъ жилищъ. Нѣтъ лучшаго текста къ прилагаемому рисунку, какъ стихи Пушкина—одно изъ юношескихъ его стихотвореній.

Но что-то межъ кустовъ прибрежныхъ вспумѣло,

И чувство робости прекрасной овладѣло,
Невольно вздрогнула, не въ силахъ воздохнуть...
И вотъ пернатыхъ царь изъ-подъ склоненной ивы,
Расправивъ крылья горделивы,
Къ красавицѣ плыветъ: веселья полна грудь,
Съ шумящею пѣною отважно волны гонитъ,
Крылами воздухъ бьетъ,
То въ кольца шею вьетъ,
То гордую главу, смирясь, предъ нею клонитъ...

Разныя Извѣстія.

Дѣйствія Правительства.

— Министерство Иностраннхъ Дѣлъ сообщило, что конгрессомъ Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ недавнее время принятъ законъ, которымъ воспрещено переселять или привозить въ Штаты: 1) подданныхъ всѣхъ вообще восточныхъ государствъ Азии, для поступленія въ услуженіе, безъ ихъ свободнаго и непринужденнаго на то согласія; 2) подлежащихъ наказанію на родинѣ за уголовныя преступленія, за исключеніемъ политическихъ преступниковъ; 3) лицъ, коимъ прощено наказаніе подъ условіемъ высылки изъ страны, и 4) женщинъ-проститутокъ.

— Высочайше повелѣно: Въ городѣ Павловскѣ (С.-Петербургской губерніи) учредить магнитную и метеорологическую обсерваторію, съ подчиненіемъ ея главной физической обсерваторіи.

Народное прѣзвеніе.

— Высочайшій рескриптъ, данный на имя вдовы статскаго совѣтника А. М. Быховской. Анна Максимовна! Управляющей Министерствомъ Народнаго Прѣзвенія, Товарищи Министра, доведъ до Моего свѣдѣнія, что вы передали въ распоряженіе попечителя харьковскаго учебнаго округа капиталъ въ двѣсти тысячъ рублей, для учрежденія изъ процентовъ онаго при харьковскомъ университетѣ и тамошней 8-й гимназіи стипендій имени покойнаго супруга вашего.

Съ особымъ удовольствіемъ извѣщая Мое согласіе на принятіе этого значительнаго и столь полезнаго пожертвованія и на присвоеніе учреждаемымъ стипендіямъ имени супруга вашего, Я нахожу справедливымъ выразить вамъ Монаршую Мою благодарность за

это пожертвованіе, которое, увѣковѣчивая память вашего супруга, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ содѣйствовать распространенію высшаго образованія въ нашемъ отечествѣ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

— Администраціей Новороссійскаго университета составляются въ настоящее время, какъ пишутъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», сообщенія о суммѣ, которая потребуется на содержаніе медицинскаго факультета въ Новороссійскомъ университетѣ. Предположеніе объ открытіи этого факультета существуетъ въ виду того, что множество студентовъ поступаетъ нынѣ въ Новороссійскій университетъ лишь на одинъ годъ, въ физико-математическій факультетъ, и затѣмъ переходить на медицинскіе факультеты въ Кіевъ или Харьковъ, и что Одесса съ ея 200-тысячнымъ населеніемъ представляетъ вполнѣ достаточный клинической и анатомической матеріалъ для медицинскаго факультета.

— Профессоръ Новороссійскаго университета Богиничъ занимается въ настоящее время, по словамъ «Одесскаго Вѣстника», въ Черноморіи составленіемъ свода тамошнихъ законовъ.

Морское дѣло.

— Въ Петербургѣ, въ послѣднее время, обращаетъ на себя общее вниманіе—пишутъ въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ» — круглая шляпка, стоящая на якорѣ въ здѣшней военной гавани. Шляпка эта, выстроена для с.-петербургскаго рѣчнаго яхтъ-клуба, по чертежамъ адмирала Попова, въ настоящее время плаваешь подъ флагомъ яхтъ-клуба и названа членами его «Поповочкою».

— Въ «Кронштадтскій Вѣстникъ» телеграфируютъ, что винтовой корветъ „Баянъ“, 26-го іюня (8-го іюля), прибылъ въ Сингапуръ, а 29-го іюня (11-го іюля) выбылъ изъ Сингапура. На корветѣ все благополучно.

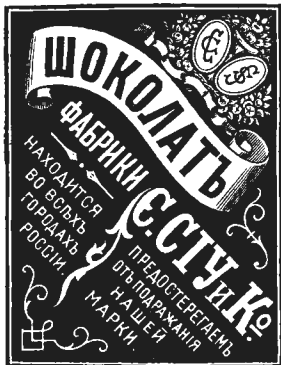
Новыя открытія и изобретенія.

— Въ 1870 году кандидатомъ физико-математическаго факультета Харьковского университета М. И. Алисовымъ изобрѣтенъ особый аппаратъ скоропечатникъ, вполнѣ замѣняющій работу переписчика. Въ теченіе трехлѣтня, съ 1870 по 1873 годъ, г. Алисовъ занимался въ Парижѣ усовершенствованіемъ этого аппарата, который въ концѣ августа 1873 года былъ выставленъ въ русскомъ отдѣлѣ вѣнской всемірной выставки, но не могъ подвергнуться экспертизѣ, такъ какъ доставленъ былъ уже послѣ ея окончанія. Въ Россіи впервые скоропечатникъ г. Алисова явился на выставкѣ вновь вошедшихъ въ употребленіе или усовершенствованныхъ механизмовъ и орудій, устроенной въ С.-Петербургѣ Императорскимъ русскимъ техническимъ обществомъ, и удостоился медали. Въ настоящее время г. Алисовымъ устраивается въ С.-Петербургѣ типографія, въ которой и будетъ примѣняться этотъ аппаратъ на практикѣ. Г-мъ же Алисовымъ изобрѣтенъ недавно особый фотолитографическій способъ печатанія нотъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Мазытромъ (съ рисункомъ). — Орель-дѣвка (изъ жизни въ Тироляхъ альпахъ) повѣсть Вильгельмина фонъ-Гиллертъ-Бирхъ (продолженіе). — Ржевъ-Владиміровъ (съ рисункомъ). — Три аккорда (разсказъ). — Курляндскія лаганы (съ рисункомъ). — Международная телеграфная конференція въ Петербургѣ (съ рисункомъ). — Сѣвъ (съ рисункомъ). — Разныя Извѣстія.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

45—8

Изъ бумаги.

- Воронки отъ 15 к дожина.
- Маншеты » 20 » »
- Манишки » 25 » »
- Бѣлыхъ и цвѣтныхъ дамскихъ и мужскихъ въ огромномъ выборѣ всѣхъ размѣровъ и фасоновъ можно постоянно получать въ магазинѣ, Городъ Нюрнбергъ въ старомъ Газетномъ пер., домъ Марецкой въ Москвѣ.
- Высылаютъ по данной мѣрѣ по почтѣ, Гг. торговцамъ скидка.
- Не смѣшивать фирмы.

ФАБРИКА Г. ВЕРНЕРА

ВЪ КАМЕНЦѢ ВЪ СИЛЕЗИИ.

Рекомендуемъ свои, получившіе преміи на всѣхъ выставкахъ: въ Вѣнѣ, Познані, Бременѣ, Прагѣ, Брауновѣ и т. д., чрезвычайно легкоходные ПЛУГИ и другія сельскохозяйственные орудія.

Каталоги по требованію высылаются бесплатно.

Письма прошу адресовать: D-r Werder, Leipzig.

5 3

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

ГЕНРИХА

НЕСТЛЕ,

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ

ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Лучшее изъ всѣхъ донныхъ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко.

Это средство, вошедшее уже во всеобщее употребленіе, весьма легко переваримо, не подвержено порчѣ; способъ приготовленія его весьма простъ и оно охотно берется ребенкомъ.

Рекомендуется поэтому въ особенности:

- 1) въ помощь кормленія слабой матери или кормилицъ,
- 2) при отниманіи ребенка отъ груди и
- 3) въ путешествіяхъ съ дѣтьми.

Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. муки.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:

у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, единственнаго агента для всей Россіи, — Вознесенскаго моста, д. № 25, у Штоля и Шмидта, въ Спб. — химической лабораторіи, русскаго общества торговли аптекарскими товарами, у Рулзюуса и Гольма, Шредера и Шульце, — у Я. А. Фохтса, — у Каушмана, Вас. остр., — у В. Валандина, Литейная, д. № 57-й, у Ушаева — Гост. Дворъ, д. № 33, и во всѣхъ аптекахъ и москательныхъ торговыхъ Россійской имперіи.

26—24

Учебное заведеніе 1-го разряда

съ полнымъ курсомъ Классической гимназіи

содержимое Э. РЕЙМАНОМЪ въ Москвѣ.

Помѣщается, на Гончарной ул., близъ Лужскаго моста въ д. Степановой.

Пріемъ воспитанниковъ будетъ происходить отъ 15-го Іюля по 15-е Сентября. Классныя занятія начнутся 7 Августа.

10—1

НОВЫЙ СПОСОБЪ РИСОВАНІЯ

Посредствомъ котораго каждый можетъ копировать съ чрезвычайной точностью всевозможные рисунки, фотографическія карточки и т. п. безъ всякой подготовки, съ приложеніемъ **Новый способъ умноженія** который изучается въ 5 мин.

Цѣна съ пересылкою и объясненіями 2 рубля.

Адр. въ С.-Петербургѣ въ контору объявленій. Невскій пр. д. № 4.

При этомъ № для гг. городск. и иногор. подписчик. прилагается объявленія, прейсъ-курантъ Американскихъ швейныхъ машинъ Г. М. Хуттонъ и №.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ. 14 Іюля 1875 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб. Больш. Морская, д. № 6, Блицъ-Вестникъ "Русскій вѣстникъ" пр. № 10.

НИВА

Иллюстрированный
Журналъ

Литературы,

политики и современной жизни.

№ 31

1875

Выходитъ еженедѣльными № № въ два листа съ 3—4 рисунками и еженѣсичн. даровымъ приложеніемъ

Выдавъ 3 Августа 1875 г.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕБЪ.

Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.

Александра Павловна Крутикова.

Въ концѣ 1871 года, когда въ Петербургѣ все болѣе и болѣе подтверждались слухи объ оставленіи Г-жою Лавровскою сцены Маринскаго театра, — голоса прессы и публики указывали уже на единственную преемницу, способную въ извѣстной степени замѣнить прискорбную утрату, прозвигшую русской оперѣ. Александра Павловна Крутикова кончила курсъ въ Петербургской консерваторіи, класса Г-жи Ниссенъ - Саломанъ, преподавательницы которая подарила уже нашей оперѣ трехъ пѣвицъ: Г-жъ Лавровскую, Левицкую и Раабъ. Какъ въ печати, такъ и въ публикѣ заявлялись въ то время сомнѣнія относительно достаточной подготовки молодой артистки, но недовѣріе разсѣялось съ перваго же ея дебюта въ январѣ 1872 года. Г-жа Крути-

Александра Павловна Крутикова.

кова дебютировала «Жизнью за Царя» въ роли «Вани» и была вызвана около 12 разъ, причемъ удостоилась вызова и почтенная преподавательница дебютантки, Г-жа Ниссенъ - Саломанъ. Съ тѣхъ поръ спеническое поприще Г-жи Крутиковой было однимъ непрерывнымъ рядомъ успѣховъ, и Александра Павловна въ непродолжительномъ времени стала общей любимицей публики. Г-жа Крутикова, уступая своей знаменитой предѣстнице въ силѣ голоса, тѣмъ не менѣе владѣетъ прекраснымъ, звучнымъ и гибкимъ контральто. Особенно хороши и полны у нея нижнія ноты *do, si, la* и *la-bemol*. Присущая ей натуральная страстность, не говоря уже о вліяніи на акцентуацію и оттѣнки самаго пѣнія, дѣлаетъ исполнительницу и пре-

красной актрисой. Лучшія роли г-жи Крутиковой, кромѣ «Жизни за Царя», Груни («Вражья сила» Сѣрова), Зибеля («Фаустъ» Гуно), княгини («Русалка» Дорогомыжскаго), «Лауры» («Каменный гость» его же); затѣмъ Ратміра («Русланъ и Людмила» Глин-

ки), генія добра («Демонъ» Рубинштейна), Феодора («Борисъ Годуновъ» Мусоргскаго), Фатимы («Ермакъ» Сантиса) и проч. Голосъ молодой артистки развивается съ каждымъ годомъ и общаесть блестящую будущность ея таланту.

ОРЕЛЬ-ДѢВКА.

(Изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ).

повѣсть Вильгельмины фонъ-Гиллернъ-Бирхъ.

(Продолженіе).

Услышавъ крики ужаса, всѣ дѣти разбѣжались, но Лиза, съ тяжелой „почтой“ своей, застряла на улицѣ: она упала, запутавшись въ веревочной сбруѣ. Разсвирѣпѣвшій быкъ, наклонивъ рогатую башку свою, летѣлъ какъ разъ по направленію къ ней... Спассти дѣвочку, утащить ее вмѣстѣ съ тачкой—было уже поздно: страшное животное было слишкомъ близко.. Хозяинъ „Ягненка“ и Афра такъ завопили, что крики ихъ разнеслись по всей деревнѣ... Глядь—а Иосифъ тутъ какъ тутъ: онъ бросился къ быку и хватилъ его въ бокъ вилами. Быкъ заревѣлъ—и на него... Всѣ смотрѣвшіе изъ оконъ закричали о помощи, но никто не шевельнулся. Бросивъ вилы, Иосифъ ухватился за рога животного, которое почувствовало исполнскую силу человѣка и попыталось шага на два. Завязался бой между ними, а тѣмъ временемъ дѣвочку успѣли спасти. Теперь слѣдовало идти на помощь Иосифу: онъ былъ оставленъ всѣми на произволь судьбы! Афра руки ломаетъ, взываетъ о помощи; она видитъ, что быкъ рогами пригнулъ уже Иосифа къ землѣ и вотъ-вотъ сейчасъ раздавить его... Но Иосифъ изловчился и пырнулъ быка ножомъ въ горло... Брызнула кровь, животное встало на дыбы, подняло Иосифа, такъ какъ онъ обѣими руками крѣпко держался за рога, и помчалось съ нимъ, то неся его почти по воздуху, то волоча по землѣ. Но силачъ-охтникъ не выпускалъ быка, ему хотѣлось во чтобы то ни стало остановить его. Животное, получивъ пять ранъ и истекая кровью, стало наконецъ слабѣть, такъ что Иосифу удалось раза два встать на ноги, но безуспѣшно: быкъ каждый разъ одолевалъ его и неся съ нимъ дальше, дѣлая отчаянные прыжки. Тутъ цвизельштейнцы дерзнули наконецъ помочь Иосифу и, во главѣ хозяина „Ягненка“, двинулись впередъ, вооружившись ножами и вилами. Животное, заслышавъ шумъ, опять наклонило голову и устремилось вмѣстѣ съ Иосифомъ прямо въ сарай; но такъ какъ ворота сарая были заперты, то Иосифа ожидала вѣрная смерть: онъ будетъ раздавленъ... Эта мысль мелькнула у всѣхъ. Однако, ворота не выдержали удара, распахнулись, и быкъ, влетѣвъ въ сарай, принялся, въ смертельномъ испугѣ, бѣсноваться среди лѣстницъ, телѣтъ и плуговъ... Загрохотало, затрепало въ сараѣ. Иосифу удалось ухватиться одною рукою за балку, затѣмъ онъ приподнялся, другою быстро захлопнулъ ворота, соскочилъ, задвинулъ засовъ изнутри—и такимъ образомъ остался одинъ на одинъ съ разсвирѣпѣвшимъ животнымъ и притомъ въ загроможденномъ сараѣ. А люди стоятъ на дворѣ и ничего не могутъ подѣлать; они слышатъ только, какъ тамъ грохочетъ что-то, валится, трещитъ, и среди этого шума раздаются стоны и ревъ... Даже волосы у всѣхъ дыбомъ встали. И вдругъ все утихло. Прошло три - четыре минуты томительнаго ожиданія—ворота отворились, вышелъ Иосифъ: онъ шатался, покрытый потомъ и кровью. Быкъ убитъ—такъ рѣшили всѣ; но Иосифъ иначе распорядился—жалъ было ему погубить такого славнаго быка, потому что раны, полученныя животнымъ, не были опасны и могли скоро зажить.

Въ сараѣ все было разбито, исковеркано, вверхъ дномъ стояло, а быкъ лежитъ смиренхонько на боку, только пофыркиваетъ, какъ теленокъ на телѣтѣ мясника: Иосифъ одинъ скрутилъ ему веревкой всѣ четыре ноги... Едва-ли кто другой могъ-бы сдѣлать это!—Когда онъ,

вмѣстѣ съ другими, вернулся на постоянный дворъ—Афра на глазахъ у всѣхъ, съ крикомъ и слезами, кинулась ему на шею. Хозяйка, поднявъ Лизу, поднесла ее къ Иосифу; его желали попотчивать самымъ лучшимъ, что было въ „Ягненкѣ“;—но Иосифу было не до угощенья: опорожнивъ кружку и утоливъ этимъ жажду, томившую его, онъ отправился домой. Ну, вотъ теперь въ Цвизельштейнѣ только и разговору что объ немъ, тамъ до глубокой ночи шелъ ширъ горой въ честь Иосифа...

Такъ рассказывалъ Вентскій обыватель—и вотъ снова загремѣла слава объ Иосифѣ Гагенбахерѣ. Дивились только всѣ тому: отчего это онъ сюда носа не кажетъ?... Вѣдь у богачки Валли женихами хоть прудъ пруди, а Иосифа—нѣтъ, словно онъ и знать объ ней не желаетъ!...

При этихъ словахъ Валли стало такъ стыдно, что она вся вспыхнула, покраснѣла и отошла отъ заборчика.

Вонъ ужъ и люди стали говорить, что онъ презираетъ ее, а за Афрой волочится!.. Ну - да, это та дѣвушка и есть, которая въ прошломъ году была съ *нимъ* на глетчерѣ; за ней-то тогда Иосифъ такъ нѣжно и ухаживалъ.

Валли сѣла на камень и закрыла руками лицо. Въ ней бушевала страсть; она была удивлена, поражена, ревность закипала такъ, что сердце, казалось, вотъ-вотъ разорвется... Да, она любила его, любила еще пламеннѣе, сильнѣе чѣмъ прежде; прерывистое, скорое дыханіе, съ которымъ она слушала рассказъ о новомъ подвигѣ его, какъ будто раздуло слабій огонекъ въ ея сердцѣ—и тамъ вспыхнуло яркое пламя. Какое славное дѣло опять совершенно имъ!—но... она была тутъ ни при чемъ: вѣдь онъ все сдѣлалъ это ради хозяина Афры, а пожалуй—и изъ любви къ этой Афрѣ!... Да можетъ-ли это быть? Неужто уступить дорогу какой-то батрачкѣ? Неужто она, Валли, допустить до этого?.. Да развѣ она не первѣйшая здѣшняя богачка, развѣ всѣ парни не прославили ее, какъ самую что ни на есть красивую дѣвушку во всемъ околоткѣ? Она вѣдь одна только и достойна его: развѣ могъ кто нибудь сравниться съ ней по силѣ и мужеству?.. И что-жъ, неужто никогда имъ не сойдтисъ?.. На свѣтѣ нѣтъ другаго Иосифа! Можетъ-ли быть, чтобы онъ не ей принадлежалъ, а отдался-бы Афрѣ—какой-то тамъ жалкой служанкѣ?... Нѣтъ, быть этого не можетъ, это просто—невозможно!.. Да и почему-жъ-бы не бывать ему въ „Ягненкѣ“—даже совсѣмъ и не для Афры?.. Вѣдь онъ все почти охотится, а Цвизельштейнъ стоитъ на бойкомъ мѣстѣ—такъ какъ же мимоходомъ не зайти на постоянный дворъ?

— О, приди-же, приди, Иосифъ! застонала Валли громко, упала на землю и прижалась лицомъ къ росистой травѣ, точно она хотѣла остудить пылавшее лицо. И вдругъ вспомнилось ей и живо представилась сцена изъ рассказа Вентскаго поселянина, какъ Афра кинулась на шею Иосифу... Валли всю передернуло, въ головѣ ея молніей мелькнула мысль: что-жъ-бы она чувствовала, будучи его женой, когда онъ, утомленный, покрытый потомъ и кровью, вернулся-бы домой, чтобы отдохнуть въ ея объятіяхъ послѣ такого славнаго дѣла?.. Она представляла себѣ, какъ-бы она ухаживала за нимъ, обмывала-бы ему раны, положила-бы его голову себѣ на грудь—и онъ тихо заснулъ-бы, убаюканный ея ласка-

ми!... Такія мысли прежде и въ голову ей не приходили; но теперь, когда воображеніе разгулялось, Валли вся трепетала отъ невѣдомаго, совсѣмъ новаго ощущенія, какъ трепещеть цвѣтокъ, разрывающій стѣнки почки.

Въ эти мгновенія совершилось превращеніе Валли: она стала *вполнѣ женщиной*; но и этотъ переломъ, какъ и всѣ движенія ея души, сопровождался такими неукротимо-дикими порывами, что вызвалъ въ ней на борьбу всѣ враждебныя, на время задремавшія силы. Въ груди Валли забушевала гроза...

Довольно рѣзкій вечерній вѣтеръ обдавалъ ее холодомъ, но она даже и не дрогнула. Вотъ и стемнѣло совсѣмъ, ночь спустилась на землю,—и вѣчно холодныя, безстрастныя звѣзды, казалось, удивленно поглядывали на трепетавшую дѣвушку, которая лежала на землѣ, смоченной ночной росой, и рвала себѣ волосы...

— Нынче хозяйка-то наша опять дома не ночевала, замѣтила на другой день утромъ старшая работница:—и что это она творить по ночамъ?...

Челядь собралась въ кружокъ и пошла шепотня.

И вдругъ всѣ они разлетѣлись, какъ разлетается подъ ударомъ вѣтра куча завядшихъ листьевъ: Валли оказалась на дворѣ—она только что вернулась съ огорода. Лицо ея было блѣдно, но никогда еще она не имѣла такой гордой, величественной осанки—такую она и осталась съ этого дня, да при томъ рѣзкая перемѣна совершилась съ ней: Валли сдѣлалась несправедливой, стала обнаруживать капризы, была раздражительна, такъ что никто не рѣшался и заговорить съ ней, исключая Клеттенмайера, котораго она ставила выше всѣхъ. Чрезмѣрная гордость обуяла ее. Валли кстати и некстати восклицала: „Я первая на деревнѣ! А для первой все нипочемъ, и трудно мнѣ угодить! Такой богачкѣ совсѣмъ нечего церемониться... Первая на деревнѣ что захочетъ, то и сдѣлаетъ, о чемъ другой и помыслить-то побойтись!...“ И все въ такомъ родѣ. Она стала ежедневно одѣваться по-праздничному, обзавелась новыми платьями и даже нарочно заказала привезти изъ Имста серебряную снуровку, изукрашенную разными финтифлюшками филигранной работы. И получила-же она знатные шнурки—такіе тяжелые, такіе драгоценные, какихъ и не видывали еще въ Эцтской долинѣ!—Въ день праздника Тѣла Господня (въ этотъ день обыкновенно устраивается церковная процессія) Валли сбросила трауръ и такъ разрядилась, что молящимся было не до молитвы: они оборачивались — и то и дѣло осматривали ея костюмъ, состоящій изъ серебра, бархата и шелка. Она въ первый разъ тутъ участвовала въ процессіи, а такъ какъ никто не зналъ, въ какой мѣрѣ Валли была набожной христіанкой, то всѣ порѣшили на томъ, что Валли показала лишь затѣмъ, чтобы щегольнуть своимъ новымъ нарядомъ, новой снуровкой... Вѣдь народу-то изъ деревень довольно привалило, пришли даже изъ Вента и Цвизельштейна.

Когда она становилась на колѣни—раздавался какой-то странный шумъ и слышалось звяканье, дребезжанье—это шелестила богатая ея юбка, позвякивали серебряныя финтифлюшки снуровки—и Валли точно объявляла всѣмъ: „Глядите, глядите! Все это возможно только мнѣ, первой на деревнѣ!“...

Когда послѣднее евангеліе было прочтено, толпа около Валли зашевелилась, обнаружился нѣкоторый беспорядокъ,—и тѣ, которые стояли назади ея, очутились впереди: мимо Валли прошла хозяйка цвизельштейнскаго постоялаго двора; за нею слѣдовала хорошенькая, стройная Афра. Дѣвушка эта оглянулась и кивнула Валли, потомъ бросила взглядъ на Юсифа, стоявшаго подальше, въ толпѣ мужчинъ... Такъ покрайней мѣрѣ показала Валли.

Афра такъ была мила, казалось такой интересной, что Валли, въ порывѣ ревности позабыла отвѣтить ей по-

клономъ и — вдругъ услышала она, какъ эта дѣвушка проговорила идущей съ ней рядомъ женщиной:

— Посмотрите-ка, хозяйка, вонъ тамъ сзади Орель-Дѣвка идетъ! Орель-то ея чуть было Юсифа не убилъ... И вѣдь не поклонилась даже, а я-то какъ молилась за нее!...

— Понапрасну трудилась, замѣтила Валли:—я никого не прошу, чтобы за меня молились. Сама умѣю!

— Однако, какъ я вижу, ты не молишься, возразила Афра.

— Мнѣ нечего молиться, какъ *другія* молятся. Чего я стану просить у Бога? Пускай вонъ тѣ—нищія, служанки—вымаливаютъ се бѣ каждую ленточку на башмакъ.

При этихъ словахъ лицо Афры вспыхнуло.

— Что-жъ, ленточка, которую Богъ дастъ, ежели какъ слѣдуетъ попросить Его,—можетъ больше осчастливить, чѣмъ серебряная снуровка на корсажѣ безбожницъ какихънибудь...

— Воль это такъ, Афра, такъ! Справедливо! проговорила хозяйка „Ягненка“.

— Если вамъ моя серебряная снуровка глаза колетъ, такъ идите вонъ тамъ, позади—ну, тогда и не увидите ее. Не мнѣ-же, первой на деревнѣ, идти за батрачками, служанками!

— Ну, а не мѣшало-бы тебѣ идти по дорожкѣ Афры, слѣдомъ за ней... Вотъ ты это и знай!

— И какъ это вамъ, хозяйка, не стыдно держать сторуку своей-же служанки! замѣтила Валли, причемъ глаза ея засверкали.—Кто не уважаетъ себя, тому и ждать нечего уваженія отъ другихъ!

— Хо-хо! Да служанка не человѣкъ, что-ли? воскликнула Афра, вся задрожавъ.—Развѣ шелковая юбка чтонибудь значитъ?.. Какъ ты ни разрядись, а Господь-то видитъ, какое сердце у человѣка—доброе или злое.

— Что и говорить! гнѣвно отвѣтила Валли:—ужъ такого добраго сердечка, какъ у тебя, поискать только!.. Добраго—особливо къ молодчикамъ! Чортъ побери!...

И она плюнула.

— Валли! крикнула Афра... Слезы брызнули изъ ея глазъ, но она вынуждена была умолкнуть, такъ какъ въ это время процессія приблизилась къ церкви.

Толпа, послѣ благословенія, разбрелась; а Валли такъ быстро и величественно прошла мимо Афры, словно королева какалъ нибудь, что чуть съ ногъ ее не сбила,—дѣвушка удержалась за свою хозяйку. Всѣ поглядѣли ей вслѣдъ. Мужчины такъ и порѣшили, что красивѣе Валли не найдешь ни одной дѣвушки во всемъ Тироля, а женскій полъ страдалъ, мучимый завистью.

— Н-да, нынче она не та, что была на Гох-юхѣ, въ собачей-то будкѣ, такую косматою, грязной, совсѣмъ дикой! замѣтилъ Юсифъ, слѣдя глазами за Валли.

Онъ стоялъ тутъ-же, по близости, и не безъ удивленія посматривалъ на нее. Попрошавшись потомъ съ Афрой однимъ кивкомъ, Юсифъ вышелъ изъ толпы, такъ какъ ему нужно было поспѣть домой до обѣда.

Афра пустилась догонять Валли. Хорошенькіе голубенькіе глазки дѣвушки такъ и искрились, не смотря на слезы; очень ужъ она была раздражена, взволнована. Хозяйка „Ягненка“ послѣдовала за ней. Обѣ онѣ настигли Валли какъ-разъ у трактира. Да и Валли, какъ видно, испытывала теперь сильное волненіе: Юсифъ такъ привѣтливо кивнулъ Афрѣ (кивокъ этотъ она видѣла), ну, а ее-то какъ будто и не замѣтилъ и даже не хотѣлъ ни разу взглянуть на нее... „Не удостоилъ!“ подумала Валли—и вотъ теперь ушелъ, разрушилъ всѣ ея планы... А она такъ надѣялась на этотъ день!.. „Охъ, ужъ мнѣ эта Афра!“...

Весь гнѣвъ ея обрушился теперь на нее, она готова была раздавить ее ногами, уничтожить въ конецъ—и вдругъ—Афра передъ ней, да еще хватаетъ ее за руку, удерживаетъ, говоритъ въ глаза гнѣвныя, дерзкія рѣчи!... Эта-то жалкая... дѣвчонка!?

— Послушай, Валли, говорила Афра, съ трудомъ переводя дыханіе:—ты сказала то, чего я стерпѣть не могу и никому не позволю говорить такъ: такія слова честь мою задѣваютъ! Объясни, что это такое: „Доброе сердечко—особливо къ молодчикамъ?“ ... Хочу знать, что ты желала этимъ выразить?...

— Хе! не хочешь-ли ты затѣять ссору со мной, съ первою на деревнѣ? гаркнула Валли и гордымъ взглядомъ вымѣрила Афру съ ногъ до головы.—Да ты не полагаешь-ли, что я позволю себѣ вступить въ споръ съ тобою и вообще съ подобными тебѣ?...

— Какъ—съ по-до-бными мнѣ!? воскликнула Афра.— Кто-же я по твоему мнѣнію?.. Ну, конечно, дѣвушка а бѣдная, сирота, некому было позаботиться обо мнѣ, а все-же зла отъ меня никто не видѣлъ, домовъ я не поджигала... Ужь отъ тебя-то я не потерплю такихъ рѣчей! Такъ ты это и знай!..

Валли дрогнула, точно ее змѣя ужалила.

— Ты-то кто? Дѣвка, безстыжая дѣвка, вотъ что при всѣхъ бросается на шею мужчинамъ! прокричала она, забывъ все и не замѣчая образовавшейся около нихъ толпы.

— Что-о?.. Кому я бросилась на шею—кому? насилу выговорила дѣвушка, причемъ лицо ея побѣлѣло.

— Напомнить тебѣ—сказать?

— Скажи, да, скажи! Совѣсть моя чиста... Вотъ и хозяйка скажетъ, что я правду говорю!

— Изволь. Года два тому назадъ ты навязалась на шею Иосифу, даже почти и не зная его, упросила, чтобы онъ тебя черезъ Гох-юхъ перетащилъ, и онъ чуть не подороги несъ тебя, потому что ты притворялась, что идти сама не можешь,—это неправда?.. Съ тѣхъ поръ ты гоняешься за нимъ такъ, что даже люди говорили объ этомъ,—это неправда? Ты отбиваешь Иосифа у другихъ дѣвушекъ, которыя имѣютъ куда больше правъ на него, и каждая изъ нихъ была-бы ему лучшей женой, чѣмъ какая нибудь служанка... Неправда?.. Вотъ ты еще недавно, когда онъ быка одолѣлъ, на глазахъ у всѣхъ на шею ему кинулась, какъ будто невѣста его обрученная! Что? И это, скажешь, неправда?..

Афра закрыла лицо руками и навзрыдъ заплакала.

— Иосифъ... О, Иосифъ! И я должна все это терпѣть... Но за что-же?!...

— Ну, Афра, ну, перестань, стала уговаривать ее добрая хозяйка:—вѣдь она сама проговорила: все это со злости только, потому что Иосифъ-то вотъ негоняется за ней, не хочетъ, видно, обжечься, какъ другіе парни обожглись!.. Ну, ежели-бы теперь былъ онъ тутъ—не такую-бы она рѣчь повела!..

— Вотъ-вотъ, какъ разъ попала! Сейчас-бы онъ заступился за свое сокровище... Ха-ха-ха!

И Валли захохотала такъ рѣзко и звонко, что смѣхъ ея въ горахъ отозвался; но тамъ звуки эти, казалось, вылетали изъ чѣй-то настрадавшейся груди и раздавались какъ вопли...

Она смѣялась и выкрикивала:

— Ха-ха!.. Ужь конечно такая драгоценность что сама на шею вѣшается—поудобиѣ другой, которую попробуй прежде завоевать, да пожалуй и не завоеешь—уйдешь съ носомъ, опозорившись!.. Такъ-то! Ну, а это сокровище даже на руку гордецу—Иосифу: вѣдь Афра не то что неприступная Орель-Дѣвка!

Хозяинъ „Ягненка“ вдругъ выдвинулся изъ толпы и сказалъ:

— Ну, слушай-ка, будетъ съ тебя! Дѣвушка эта честная, скромная... Я и жена моя не позволимъ ее обижать, мы защитимъ ее. Откажись сейчасъ отъ своихъ словъ! Слышишь? Приказываю тебѣ!

И опять раздался звонкій, раскатистый смѣхъ Валли.

— А-ха-ха! Господинъ хозяинъ „Ягненка!“ Неужели ты когда нибудь слышалъ, чтобы ягненокъ орлу приказывалъ?..

Острота эта всѣхъ размѣшила. Дѣйствительно, на

Хозяина „Ягненка“ всѣ смотрѣли какъ на обыкновеннаго ягненка, потому что обладатель постоялаго двора принадлежалъ къ числу людей слабыхъ, добродушныхъ, готовыхъ все проглотить.

— Н-да, по шерсти тебѣ и клчка! Ты—Орель-Дѣвка!

— Прочь! Разступись! крикнула она.—Надоѣло мнѣ переливать съ вами изъ пустаго въ порожнее. Да-ну—пропускайте, чѣ-ли!

Валли хотѣла отпихнуть Афру, но хозяйка нарочно удержала за руку дѣвушку.

— Нѣтъ, погоди! Зачѣмъ ей тебѣ уступать дорогу? Афра, иди впередъ! Развѣ ты хуже ея?..

Хозяйка двинулась впередъ, держа Афру за руку, но тутъ Валли, схвативъ дѣвушку за бока, подняла ее и отбросила отъ дверей трактира на руки столпившихся зрителей.

— Хозяйки всегда впереди идутъ, а за ними—служанки! воскликнула она—и первою вошла въ горницу, гдѣ и усѣлась за столъ на первомъ мѣстѣ.

Толпа загоготала и стала бить въ ладоши, довольная такимъ потѣшнымъ представленіемъ. Афра ударилась въ слезы и вообще такъ растерялась, что никакъ не хотѣла войти въ трактиръ. Хозяинъ „Ягненка“ съ женою и Афрою отправился домой.

— Успокойся, Афра, погоди: я вотъ ужю Иосифа пошлю сюда, онъ съ ней рассчитается!.. такъ говорила дорогою хозяйка, желая утѣшить дѣвушку; но Афра, покачивая головой, отвѣчала, что теперь все кончено: она—опозорена и останется опозоренной!..

— И охота тебѣ была связываться съ этой злющей дочерью Штротмингера! началъ выговаривать Афрѣ добродушный обладатель „Ягненка.“—Вѣдь ее всякій избѣгаетъ, любой отъ нея сторонится... Экая ты какая!.. Ну, зачѣмъ?..

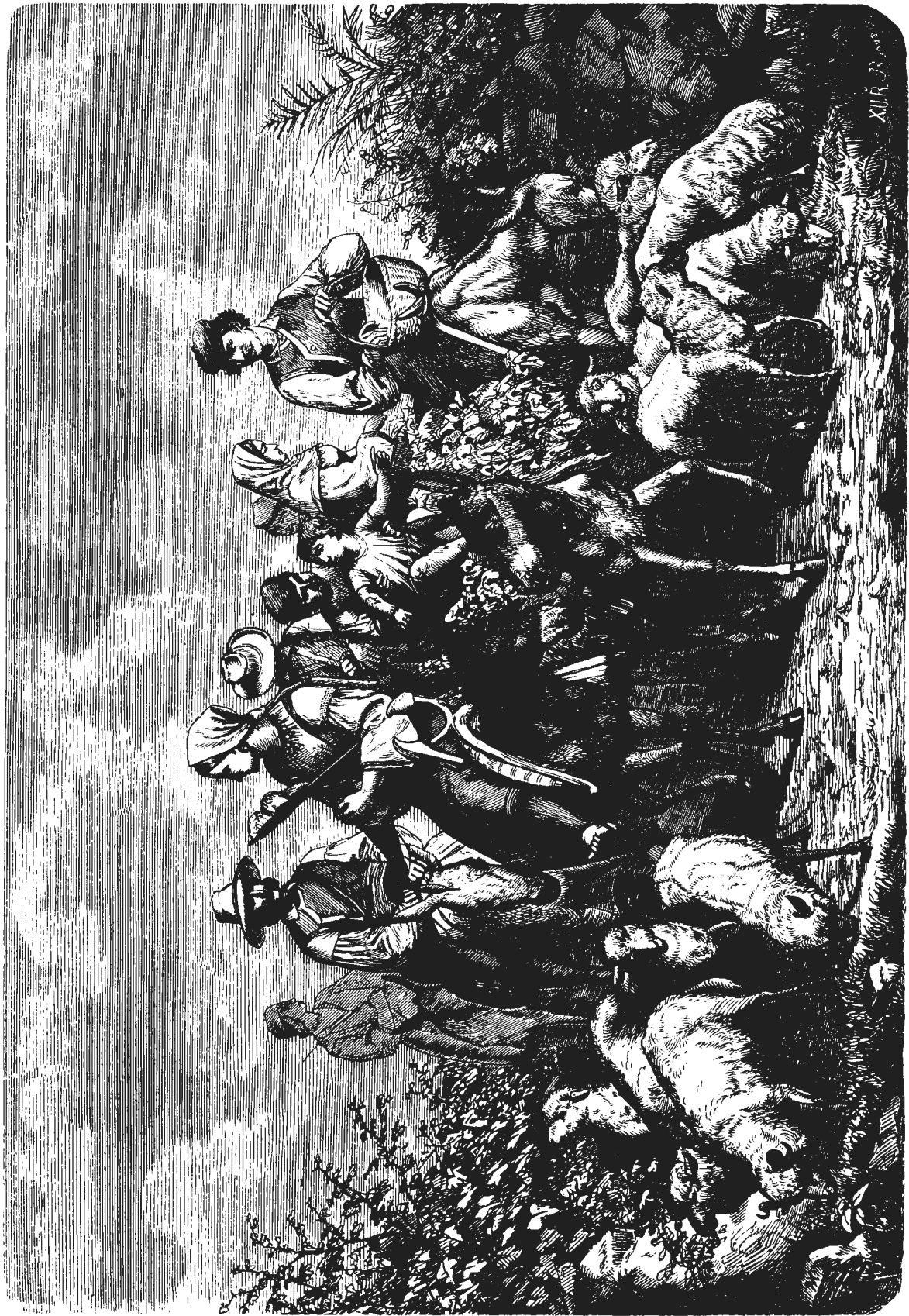
А Валли сидѣла въ трактирной горницѣ и глядѣла въ окно, слѣдя за уходившими Афрой и ея хозяевами. Сердце побѣдительницы такъ постукивало, что серебряныя финтифлюшки ея снуровки слегка позванивали. Валли приглашали кушать, говоря, что супъ съ лапшей, пожалуй, простынетъ, но она обозвала супъ этотъ мерзкимъ, баранину—просто кожей, встала, швырнула на столъ гульденъ и, не нуждаясь въ сдачѣ, съ нѣкоторымъ грохотомъ прошла мимо посѣтителей трактира, смотрѣвшихъ на нее съ удивленіемъ.

Какъ и пять лѣтъ тому назадъ (послѣ конфирмовки въ Зельденѣ), возвратившись домой, Валли сорвала съ себя праздничный костюмъ, кинула его въ сундукъ, а серебряную снуровку съ филиграннымъ финтифлюшками, ударивъ объ полъ, стала топтать и превратила ее въ безобразный блестящій комокъ. Да и что толку было въ этихъ уборахъ?.. Принесли-ли они ей пользу? Разрядилась она, изукрасилась, а кому хотѣла понравиться—все таки не понравилась!..

И вотъ, Валли, по прежнему, растянулась на кровати и стала вслухъ негодовать на весь міръ. Она ощущала въ сердцѣ такую острую боль, какъ будто чья-то рука пырнула его ножомъ. Нечаянно попало ей на глаза рѣзная фигурка, изображающая Святую Валльбургу (она была какъ разъ надъ ея кроватью), и въ головѣ Валли мелькнула мысль: ужъ не потому-ли такъ нестерпимо больно сердцу, что его *обръязываетъ* тотъ ножъ, о которомъ говорилъ ей гейлихрейцкскій патеръ,—обръязываетъ для того, чтобы уподобить ее Святой Вальбургѣ?.. Только... зачѣмъ-же ей быть святой?.. Нѣтъ, она желала-бы стать просто счастливою женщиной, и, право, никакихъ трудностей не встрѣтила-бы она на пути къ достиженію этой цѣли: чтобы сдѣлаться счастливою—ей совсѣмъ не нужно улучшать себя, потому что для этого она и такъ хороша...

Дѣ, негодовала и возмущалась Валли, чувствуя, какъ по сердцу ходить невидимый ножъ.

(Продолженіе будетъ).

Сборъ винограда въ Далмаціи. Рис. Русты, грав. въ Ксилографическомъ Варшавскомъ обществѣ.

ДАЛМАЦІЯ.

Мы видимъ передъ собой картину, изображающую группу далматинцевъ, возвращающихся изъ виноградника. Производство винограда очень распространено въ Далмаціи. Виноградъ тамъ отличный и потому вино очень вкусное, но только къ сожалѣнію оно мало извѣстно. Виноградники въ этой приморской, гористой странѣ не требуютъ большаго ухода, а между тѣмъ растутъ прекрасно. Вообще въ Далмаціи во многихъ мѣстахъ растительность отличается удивительнымъ богатствомъ и роскошью; только берега ея покрыты сѣрыми, совершенно голыми скалами, но за то дальше въ глубь страны есть прелестныя, живописныя мѣста, такъ напр. Кастель-Нуово, который считается садомъ Далмаціи. Это дѣйствительно прелестный уголокъ. Климатъ мягкій, теплый, зимы нѣтъ и потому растительность совершенно южная: тутъ и мирты и кактусы, лимонныя, померанцовыя и миנדальныя деревья, кипарисы и смоквы—однимъ словомъ: всевозможныя сорта южныхъ породъ.

Тутовыя деревья въ изобиліи, такъ что шелководство могло бы процвѣтать; но имъ почти никто и не занимается, а если и разводять шелковичныхъ червей, то самымъ примитивнымъ способомъ—и шолка не выдѣлываютъ, а прямо продаютъ коконы. Почему это именно такъ—объяснить немного трудно; иные объясняютъ тѣмъ, что жители слишкомъ лѣнны. Собственно говоря, это не объясненіе. Почему же они занимаются другими производствами, такъ напр., хотъ разводять оливковыя деревья и ведутъ большую торговлю маслинами, которая для нихъ очень выгодна? Кромѣ того они занимаются скотоводствомъ. Дѣйствительно, жизнь ихъ не отличается особенной энергіей. Да и понятно, иначе и быть не могло, при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ складывался характеръ этого несчастнаго, загнаннаго, забитаго народа. Сколько разъ переходилъ онъ изъ рукъ въ руки! То Далмація была римскою областью, то подпала подъ владычество готовъ, свевовъ, гуновъ и др. варваровъ, немилосердно разорявшихъ ее. Въ VII вѣкѣ завоевываютъ ее Славяне, въ XI угры, потомъ въ XIV вѣкѣ венеціанцы, наконецъ въ XVIII вѣкѣ она достается Австріи, но и въ ея рукахъ она остается не долго. По Пресбургскому миру 1806 г. переходитъ къ Франціи, потомъ снова по Вѣнскому конгрессу къ Австріи, къ которой принадлежитъ и до сихъ поръ. О французскомъ владычествѣ Далмаціи вспоминаетъ съ признательностью. Французы ее не притѣсняли, какъ все остальные ея завоеватели; они не старались убить въ ней народную самостоятельность, а напротивъ старались ввести въ Далмацію различныя улучшения. Не такъ дѣйствовали венеціанцы и австрійцы. Эти два народа держались относительно Далмаціи совершенно противоположной политики. Венеціанцы всѣми силами старались итальянизировать далматинцевъ. Ввели всюду свои законы, свой языкъ, угнетали народъ до послѣдней степени и само собою разумѣется старались втоптать въ грязь народную гордость, уничтожить ее по мѣрѣ возможности. И конечно, во многихъ мѣстахъ это имъ удалось. Народъ не устоялъ—и до сихъ поръ слѣды итальянщины видны повсюду. Архитектура городовъ носитъ итальянскій характеръ, образованный классъ жителей точно также. Только Дубровники (Рагуза) устояли какимъ-то образомъ. Кромѣ Рагузы конечно есть части Далмаціи, которыхъ не коснулся итальянизмъ, но это туда, дальше въ глубь, въ самую глушь страны. Тамъ сохранился совершенно чистый славянскій типъ и чистый славянскій языкъ. Объ уничтоженіи послѣднихъ остатковъ народности старается теперь Австрія, отъ которой такъ жутко приходится далматамъ. Она все время такъ вела дѣло, что глушила всякое проявленіе жизни, которая оставалась послѣ венеціанскаго владычества. Подати и налоги все увеличивались, мореходство все больше и больше падало, народъ со всякимъ днемъ все бѣднѣлъ, и допелъ чуть не до нищеты. Такъ шли дѣла до 1848 г. Въ этотъ годъ и Далмація поднялась, но не могла совладать съ противниками; ее быстро усмирили и ей пришлось жестоко заплатить за минутную вспышку. Прошли цѣлые года терпѣливаго ожиданія, и наконецъ когда Австрія получила конституцію—Далмація возвысила свой голосъ и добилась таки нѣкоторыхъ правъ, но еще многого самаго существеннаго не достаетъ несчастнымъ далматамъ. Далмація составляетъ часть западной Европы, самой цивилизованной части свѣта; но эта гористая, узкая приморская страна по своей отсталости скорѣе подходит къ востоку. Есть въ ней и слѣды цивилизаціи какъ было сказано выше, но это только въ главныхъ пунктахъ Далмаціи, а остальныхъ частей этой стороны цивилизація, и не коснулась. Виногато конечно въ этомъ государство, которому принадлежитъ эта не-

счастливая страна. Народъ, который такъ странно бѣдствуетъ, конечно не можетъ развиваться. Посмотримъ теперь на его домашній бытъ. Подробно объ немъ распространяться нѣтъ особенной надобности. Обычай далматинцевъ въ главныхъ чертахъ такіе же какъ и у всѣхъ славянскихъ народовъ. Въ деревняхъ у нихъ семейный бытъ патриархальный. Женщина въ семьѣ играетъ самую несчастную роль, она работница, на ней лежатъ все самыя тяжелыя обязанности. Женщина нянчить дѣтей какъ и вездѣ, она должна кромѣ того одѣть всѣхъ домашнихъ,—не только шить платья, нѣтъ, нисколько: все производство этого платья, съ начала до конца, лежитъ на ней; кромѣ того еще домашнее хозяйство, полевая работа, все все лежитъ главнымъ образомъ на ней. Женщина въ Далмаціи развивается рано и потому замужъ выходитъ тоже рано. Свадебные обычаи у нихъ оригинальны. У нихъ, какъ и у многихъ другихъ народовъ, не принимаютъ въ расчетъ желанія невѣсты и жениха. Обручаютъ ихъ часто совсѣмъ дѣтьми, лѣтъ десяти, даже и моложе. Едва еще сынъ начинаетъ переступать—ему уже ищутъ невѣсту, и это не рѣдкость. Относительно выбора руководствуются конечно отзывами о семьѣ невѣсты, ея богатствомъ и родовитостью, а никакъ не достоинствами самой невѣсты. Когда выборъ сдѣланъ, отецъ жениха идетъ къ родителямъ невѣсты и говоритъ имъ, что у него есть сынъ и что онъ хотѣлъ бы породниться съ ихъ семействомъ. Отецъ невѣсты говоритъ ему на это, что онъ подумаетъ и посоветуется. Отказы у далматинцевъ очень вѣжливы, иначе отказъ считается за такое оскорбленіе, которое смывается не иначе какъ мезькою. Когда отецъ невѣсты отказывается, то всегда говоритъ, что помолвлена за другаго. А когда дѣло идетъ на ладъ, то сватъ, придя черезъ недѣлю къ невѣстному отцу, поднимаетъ надъ своей головой кольцо и говоритъ: «Братья мои, въ имя Бога я прошу дочь нашего брата (тутъ слѣдуетъ имя невѣстнаго отца) за моего сына; скажите намъ, любить ли она его и готовы ли вы отдать ее въ нашу семью. Вотъ залогъ обрученія». Невѣстинъ отецъ отвѣчаетъ: «Я спрашивалъ у своихъ братьевъ, они согласны, и я отдаю ее моему сыну и въ твою семью. Да благословитъ Богъ это дѣло!». Беретъ кольцо и передаетъ его матери невѣсты, своей женьѣ, которая хранитъ его до самой свадьбы. По окончаніи обряда пьютъ вино. Отецъ жениха даритъ невѣстѣ платье, а роднымъ ея какія нибудь мелочи, такъ напр., женщинамъ дарятъ мыло. Отецъ невѣсты отдариваетъ жениху рубашку, дружку (братъ жениха или другой близкій родственникъ) полотенецъ и пару чулокъ. Послѣ этого женихъ носитъ невѣстѣ подарки самъ. Если онъ молодой, то видится съ ней рѣдко, раза три въ годъ. Обыкновенно женихъ даритъ невѣстѣ вышитыя туфли, а невѣста жениху искусственные цвѣты. За недѣлю до свадьбы продаютъ невѣсту. Отецъ жениха даетъ отцу невѣсты, на площади передъ церковью, яблоко со вложеннымъ въ него золотымъ. Послѣ этого начинается пиръ. Изъ церкви, за дружкой несущимъ хоругвь, идетъ къ жениховому дому толпа парней и дѣвушекъ. Передъ домомъ пьютъ, поютъ, палатъ изъ ружей. Женихъ посылаетъ невѣстѣ въ подарокъ плоды, между которыми непременно должны быть гранаты. Наканунѣ свадьбы родственники посылаютъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ въ домъ гдѣ свадьба. Невѣстѣ всегда дарятъ домашнюю посуду. А въ самый день свадьбы происходятъ слѣдующія церемоніи. Отъ жениха все гости ѣдутъ въ домъ невѣсты и оттуда въ церковь. Сначала посылаютъ къ невѣстѣ вѣстника, что шествіе тронулось. Вѣстовой по дорогѣ безостановочно стрѣляетъ; мужчины, участвующіе въ шествіи, тоже стрѣляютъ. Толпа останавливается передъ домомъ невѣсты. Тутъ должны вывести невѣсту, но часто вмѣсто нее выводятъ жениху старуху, такъ что приходится самому ему найти ее и выкупить. Послѣ вѣнца молодые палуются на площади передъ церковью. Пиръ продолжается нѣсколько дней. За порядкомъ наблюдаетъ кумъ или старшина. На свадьбѣ еще играетъ большую роль шутъ. Его обязанность веселить всѣхъ гостей, не давать никому задумываться. Когда молодая жена входитъ въ домъ своего мужа, то переступая черезъ порогъ она растилаетъ коверъ и кладетъ на него подарки мужу, между которыми непременно ножъ. Тутъ же ей выносятъ ребенка, котораго она палууетъ; теща подноситъ ей чарку вина, пряслицу и кухонную посуду. Съ этого дня она вступаетъ въ свои права въ новой семьѣ и дѣлается ея работницей. Есть еще интересная черта въ ихъ семейномъ быту—это побратимство. Братъ въ далматской семьѣ—это святыня, сестра клянется его именемъ и любить брата нерѣдко больше мужа.

РѢЗОРЪ НЕБЕСНАГО СВОДА.

(Окончаніе).

II.

Опредѣленіе разстояній есть одна изъ интереснѣйшихъ, но вѣстѣ съ тѣмъ и труднѣйшихъ задачъ астрономіи. Со времени

Коперника, усилія астрономовъ направлены на этотъ предметъ, но опредѣлить разстояніе нѣкоторыхъ неподвижныхъ звѣздъ удалось всего нѣсколько десятилѣтій тому назадъ—и то при помощи удивительно усовершенствованныхъ астрономическихъ ин-

струментовъ. Попробуемъ, въ нѣсколькихъ словахъ, объяснить читателямъ принципъ такихъ опредѣлений разстоянн небесныхъ свѣтилъ. Какъ извѣстно, земля въ годъ обращается вокругъ солнца—и именно путемъ, который весьма близокъ къ кругу и поперечникъ котораго равняется приблизительно 40 миллионамъ миль; замѣтимъ въ извѣстное время, по возможности точно, положеніе какой либо звѣзды на небѣ, и твердо опредѣлимъ ея направленіе; если черезъ полгода мы опять повторимъ это опредѣленіе, то, при этомъ второмъ опредѣленн, земля будетъ находиться на другой точкѣ своего пути, которая отстоитъ отъ первоначальной на 40 миллионовъ миль; слѣдовательно направленіе звѣзды будетъ теперь другое, нежели было полгода раньше, если только звѣзда отдалена не безконечно далеко. Линн обоихъ этихъ направленн мысленно протянутыя отъ обѣихъ точекъ земли къ звѣздѣ, сходятся подъ извѣстнымъ угломъ, — и величина этого угла, по которому можно судить, какъ великъ кажется съ звѣзды поперечникъ земнаго пути, при помощи простаго вычисленн, сейчасъ же покажетъ отдаленіе звѣзды. Если этотъ уголъ, называемый двойнымъ параллаксомъ звѣзды, равняется напримѣръ 1", слѣдовательно, приблизительно, 30 части поперечника луны,—то изъ этого вычисляется, что звѣзда отдалена отъ насъ на 3330 разъ больше чѣмъ поперечникъ земнаго пути, или на 6660 разъ больше чѣмъ отдалено отъ насъ солнце; если же уголъ этотъ равняется только 1", слѣдовательно, приблизительно 1800 части видимаго поперечника луны, то изъ этого точно такъ же слѣдуетъ, что звѣзда стоитъ отъ насъ столько въ 400.000 разъ дальше солнца. Изъ числа же многихъ сотенъ звѣздъ, положеніе или направленіе которыхъ были не разъ опредѣляемы съ величайшей точностью, едва наберется дюжина, у которыхъ бы этотъ уголъ (или двойной параллаксъ звѣзды) доходилъ до достижимой нашимъ инструментамъ и могущей быть измѣренной величины, и ни у одной изъ этихъ звѣздъ параллаксъ не превышалъ 1". Мы должны слѣдовательно принять, что почти всѣ такъ-называемыя неподвижныя звѣзды стоятъ отъ насъ въ такихъ разстояннхъ, прямое опредѣленіе которыхъ, въ настоящее время, а по всей вѣроятности и навсегда, невозможно. Свѣдѣнія наши объ отдаленн звѣздъ сводятся до минимума, но и то немногое чтъ мы знаемъ—довольно поучительно. Во первыхъ извѣстно, что между самыми свѣтлыми звѣздами—ни одна не отдалена отъ насъ меньше чѣмъ на 200,000 солнечныхъ разстоянн, или на 4 биллона миль. Чтобы сколько нибудь наглядно выразить это непомѣрное отдаленіе, представимъ себѣ землю съ большою булавочную головку, посреди большой залы; на разстоянн 20 метровъ, помѣстимъ солнце—тогда большая неподвижная звѣзда будетъ стоять въ 4000 километрахъ (600 миляхъ), слѣдовательно въ стени Сахарѣ; Нептунъ же, самая крайняя планета въ солнечной системѣ, будетъ двигаться всего въ 600 метрахъ отъ залы. Свѣтъ, пробѣгающій въ секунду больше 40,000 миль, долженъ бы былъ употребить больше трехъ лѣтъ чтобы пройти 4 биллона миль. Человѣческой умъ не можетъ постигнуть этихъ разстоянн, и всѣ земные масштабы исчезаютъ передъ ними. Между тѣмъ разстоянн въ 4 биллона миль—одно изъ ближайшихъ: намъ извѣстна только одна звѣзда, которая стоитъ такъ близко; всѣ остальные дальше, а большая часть вѣроятно еще и несравненно дальше. Упомянутая ближайшая звѣзда—въ Центаврѣ (α); она отличается какъ блескомъ такъ и сильнымъ собственнымъ движениемъ, а какъ мы видѣли, то и другое служитъ признакомъ небольшого разстоянн. Параллаксъ этой звѣзды равняется (0,9"); другими словами, это уголъ, подъ которымъ, смотря оттуда, поперечникъ земнаго пути кажется въ 20 миллионовъ миль; отсюда слѣдуетъ отдаленіе въ 225,000 радиусовъ земнаго пути, или солнечныхъ разстоянн. Двѣ слѣдующія затѣмъ извѣстныя намъ звѣзды стоятъ на сѣверномъ небѣ; онѣ гораздо слабѣе чѣмъ α Центавра. Одна изъ нихъ, 61-я въ Лебедѣ, считается въ пятой или шестой величины; другая, на границѣ Маленькаго Льва и Большой Медвѣдицы, всего седьмой величины;—за то та и другая, въ особенности первая, обладаютъ сильнымъ собственнымъ движениемъ. Параллаксы ихъ равняются 0, 5", то есть они въ 400,000 разъ дальше солнца. Параллаксы 10 другихъ звѣздъ равняются отъ 0, 3 до 0, 1 секунды, слѣдовательно разстоянн ихъ доходятъ отъ 650,000 до 2 миллионовъ солнечныхъ разстоянн; меньшіе параллаксы или большія разстоянн недоступны для нашихъ нынѣшнихъ инструментовъ; 0, 1 секунды такая величина, которую едва можно замѣтить въ лучшіе телескопы и при самыхъ сильныхъ увеличеннхъ. Если мы сравнимъ параллаксы или разстоянн измѣренныхъ до сихъ поръ звѣздъ съ собственными движениями и яркостью ихъ, то увидимъ, что разстоянн стоятъ въ болѣе тѣсной связи съ собственными движениями, нежели съ яркостью. Самые яркія звѣзды (какъ Сиріусъ, Вега, Канелла) отдалены отъ насъ болѣе чѣмъ на 1 миллонъ солнечныхъ разстоянн—между тѣмъ какъ другія, слабѣйшія, но съ сильнымъ собственнымъ движениемъ звѣзды, стоятъ гораздо ближе. Рѣзкое исключеніе составляетъ только Арктуръ, который, несмотря на сильное собственное движеніе и большую яркость, отстоитъ тѣмъ не менѣе очень далеко. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что свѣтовая сила звѣздъ весьма различна. Если извѣстно разстоянн звѣзды и ея собственное движеніе, то черезъ посредство простаго вычисленн легко опредѣлить настоящее движеніе въ линейныхъ мѣрахъ, какъ напр. въ ми-

ляхъ; такимъ образомъ вычислено, что вышеупомянутая слабая звѣзда въ Большой Медвѣдицѣ, собственное движеніе которой равняется 7", разстоянн же почти 2 миллионамъ солнечныхъ разстоянн, въ теченн года проходитъ въ мировомъ пространствѣ цѣлыхъ 500 миллионовъ миль; въ слабой звѣздѣ Малаго Льва, отстоящей недалеко отсюда (параллаксъ 0", 5 собственное движеніе 4", 7), движеніе это простирается все-таки на 180 миллионовъ миль; Вега-же проходитъ всего 40 миллионовъ миль; слѣдовательно настоящія движенія свѣтилъ въ мировомъ пространствѣ—такъ же различны какъ и свѣтовые ихъ силы.

Теперь, когда мы познакомились съ разстоянми небесныхъ тѣлъ и движениями ихъ въ ихъ собственной сферѣ и пространствѣ, обратимся къ вопросу о величинѣ этихъ свѣтилъ сравнительно съ солнцемъ. Уже одно громадное разстоянн ихъ говорить о ихъ громадной величинѣ, когда сравнительно ближайшія планеты кажутся намъ кружочками. Еслибы мы передвинули солнце на 200,000 разъ большее разстоянн, то есть приблизительно на мѣсто ближайшей неподвижной звѣзды, то поперечникъ его очевидно долженъ будетъ казаться въ 200,000 разъ меньше; но это была-бы только одна сотая секунды (0", 01), величина, по крайней мѣрѣ въ 10 разъ меньшая малѣйшей величины, какую можно разглядѣть въ лучшіе инструменты. Изъ этого станетъ понятнымъ, почему ближайшія неподвижныя звѣзды кажутся намъ точками. Поперечникъ ближайшей звѣзды α въ Центаврѣ долженъ бы быть по крайней мѣрѣ въ 50 разъ больше поперечника солнца, чтобы ясно казаться намъ въ видѣ кружочка. Значитъ, болѣе отдаленныя звѣзды должны бы быть еще гораздо больше. Между ними разумѣется могутъ встрѣчаться тѣла, величиной значительно превосходящія солнце; но чтобы онѣ были въ сотни и даже въ тысячи разъ больше его—въ высшей степени невѣроятно и не находить подтвержденн въ звѣздахъ, отдаленіе которыхъ намъ извѣстно. Этими отрицательными знаннми, мы и должны ограничиться пока.

Если зоркій глазъ станетъ внимательно разсматривать предпоследнюю звѣзду ξ въ хвостѣ Большой Медвѣдицы, то непосредственно подлѣ нея замѣтитъ, точно прилѣпленную къ ней, маленькую звѣздочку; эту звѣздочку знали еще арабы и называли ее *el-suhab*, забытой; позднѣе она стала называться Алькоръ. Она образуетъ съ главной звѣздой (ξ *Ursae* или Мизаръ) двойную звѣзду. Зоркій глазъ разглядитъ еще много такихъ двойныхъ звѣздъ; такъ напр., въ Козерогѣ, въ Лирѣ близки отъ Веги, и проч. При помощи телескопа число такихъ близко стоящихъ звѣздъ возрастаетъ въ огромномъ количествѣ; теперь извѣстно уже нѣсколько тысячъ подобныхъ звѣздъ, отстоящихъ одна отъ другой меньше чѣмъ на минуту, между тѣмъ какъ разстоянн Алькора отъ Мизара простирается на цѣлыхъ 11 минутъ. Многія сотни ихъ стоятъ другъ отъ друга такъ близко, что нужна отличная зрительная труба, чтобы увидѣть ихъ отдѣльно каждую. Другія видимы уже въ умѣренныхъ зрительныхъ трубахъ; такъ напримѣръ, при увеличеннн въ тридцать разъ вышеупомянутая звѣзда Мизаръ, въ свою очередь, оказывается также двойной. Большое количество телескопическихъ двойныхъ звѣздъ породило вопросъ: дѣйствительно ли звѣзды эти такъ близко стоятъ другъ отъ друга, или это только кажущаяся и случайная близость,—то есть, существуетъ ли между ними какая либо болѣе тѣсная физическая связь. Въдъ можно бы было предположить, что двѣ такія звѣзды стоятъ въ пространствѣ далеко одна позади другой—и только линн ихъ направленнй случайно сходятся близко; но онѣ могли также находиться въ относительно небольшомъ разстоянн другъ отъ друга, и дѣйствительно принадлежать къ одной физической системѣ. Наблюденн, производимыя по теорн вѣроятностей, показали скоро, что число двойныхъ звѣздъ слишкомъ велико, чтобы допускать случайную ихъ близость другъ къ другу; следовательно большая ихъ часть не оптическия, а дѣйствительно физическія двойныя звѣзды. Тщательныя измѣренн, производимыя еще въ концѣ прошлаго столѣтн Гершелемъ, а въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтн нѣсколькими астрономами, особенно Струве,—доказали въ большинствѣ случаевъ существованіе физической связи между этими звѣздами; онѣ показали именно, что одна звѣзда вертится вокругъ другой въ замкнутомъ пути. Болѣе точное изслѣдованіе этихъ путей привело къ заключенн, что это тѣ же самые пути, которые, вслѣдствіе притягательной силы солнца, описываютъ вокругъ него планеты,—такъ называемые эллипсы, въ одномъ фокусѣ которыхъ стоитъ въ планетной системѣ солнце, въ системѣ двойныхъ звѣздъ—одна изъ двухъ звѣздъ. Мы знаемъ теперь приблизительно до 2000 двойныхъ звѣздъ, которыя со времени Гершеля и Струве были неоднократно и тщательно измѣренны,—и уже болѣе 20, пути которыхъ мы въ состоянн опредѣлить съ относительной большою вѣрностью; почти у 500 доказаны точныя измѣненн въ взаимномъ положенн; въ большемъ числѣ, до сихъ поръ еще не открыто такихъ измѣненн или движенн одной вокругъ другой—и это происходитъ потому, что онѣ еще недавно только были открыты и точно измѣренны. Между всѣми извѣстными двойными звѣздами, въ самый короткій періодъ времени обращается звѣзда четвертой величины въ маленькомъ Конѣ,—именно, маленькая звѣзда обѣгаетъ вокругъ большой въ 13 приблизительно лѣтъ; но различить, что эта звѣзда двойная—можно только въ самую большую зрительную трубу. Затѣмъ идетъ также

очень трудно-отличаемая двойная звезда в Вереникѣ, дѣлающая свой оборотъ въ 25 лѣтъ. Вообще, между извѣстными до сихъ поръ и точно измѣренными двойными звездами, въ 12-ти парахъ время оборота меньше 100 лѣтъ; у 20—30 другихъ оно меньше 500 лѣтъ; но большинство требуетъ для своего оборота гораздо большаго периода времени. Такъ, свѣтлая звезда Касторъ въ Близнецахъ, при увеличеніи въ семьдесятъ разъ представляющаяся двойной, обращается въ 1000 лѣтъ; вышеупомянутый Мизаръ (*ε Ursae*), по меньшей мѣрѣ въ 7000 лѣтъ. Въ другихъ очень яркихъ двойныхъ звездахъ до сихъ поръ еще не открыто никакого движенія одной вокругъ другой, но во всякомъ случаѣ періодъ времени потребный для ихъ оборота равняется 10,000 и болѣе годамъ. Намъ извѣстны параллаксъ, т. е. отдаленіе отъ нашей земли, нѣкоторыхъ двойныхъ звездъ съ короткимъ срокомъ оборота; такъ какъ видимое ихъ отдаленіе, мы непосредственно измѣряемъ секундами, то изъ двухъ этихъ цифръ мы получаемъ ихъ дѣйствительное разстояніе другъ отъ друга въ линейной мѣрѣ. Такимъ образомъ, настоящее разстояніе часто упоминаемой здѣсь звезды первой величины, α въ Центаврѣ, которая вмѣстѣ съ тѣмъ есть прекрасная двойная звезда 20 секунднаго разстоянія, равняется 400 миліонамъ милля, или 20 солнечныхъ разстояніямъ. Во второй звездѣ, 61-ой Лебеда, также двойной, это настоящее разстояніе доходитъ до 31 солнечнаго разстоянія, то есть превышаетъ 600 миліоновъ миль.

Зная періодъ оборотнаго времени и обоюдное разстояніе обѣихъ звездъ системы двойныхъ звездъ, равно какъ отдаленіе ихъ отъ солнечной системы, можно вычислить массу двойной звезды относительно солнечной массы. Изъ такихъ вычисленій мы узнаемъ, что масса двойной звезды α въ Центаврѣ (въ обѣихъ звездахъ взятыхъ вмѣстѣ) составляетъ 0,7, масса звезды 61-ой Лебеда только 0,3 солнечной массы; другая двойная звезда (ρ въ Змѣеносцѣ), напротивъ въ $2\frac{1}{2}$ раза превосходитъ массу солнца. Слѣдовательно наше солнце должно быть причислено къ звездамъ средней величины. Какъ мало величина или масса звезды вліяетъ на ея свѣтовую силу, всего лучше видно на Сириусѣ. Эта свѣтлѣйшая изъ неподвижныхъ звездъ также двойная, но спутникъ главной звезды похожъ на слабую звезду восьмой или девятой величины, и можетъ быть видѣнъ только въ лучшія зрительныя трубы. По сдѣланнымъ вычисленіямъ, спутникъ обращается вокругъ главной звезды въ 50 лѣтъ, и имѣетъ только около половины ея массы; между тѣмъ по разницѣ свѣта выходитъ, что свѣтовая ея сила равняется приблизительно $\frac{1}{800}$ свѣтовой силы Сириуса; слѣдовательно онъ свѣтитъ несравненно слабѣе, тогда какъ по своей величинѣ можетъ быть всего только вдвое меньше упомянутой яркой звезды. Такія же отношенія мы находимъ и въ другихъ двойныхъ звездахъ, изъ чего слѣдуетъ, что по яркости звезды еще нельзя дѣлать заключенія объ ея величинѣ.

Кромѣ двойныхъ звездъ, на небѣ есть еще цѣлый рядъ тройныхъ и болѣе звездъ, хотя и въ болѣе ограниченномъ количествѣ. Струве наблюдалъ болѣе 120 тройныхъ, 9 четверныхъ и 2 пятерныхъ звездъ, изъ которыхъ всѣ навѣрное имѣютъ между собою тѣсную физическую связь. Есть даже такія сложныя звезды, гдѣ 2, 3 и даже болѣе двойныхъ звездъ стоятъ такъ близко другъ къ другу, что существованіе физической связи между отдѣльными парами—въ высшей степени вѣроятно. Подобныя явленія составляютъ переходъ къ такъ-называемымъ *звѣзднымъ ролямъ*, въ которыхъ множество звездъ соединяются на относительно маломъ пространствѣ. Уже простому глазу замѣтны на небѣ нѣкоторыя мѣста, гдѣ множество свѣтлыхъ звездъ тѣснятъ ся въ кучу, образуя нѣчто въ родѣ мерцающаго тумана; извѣстнѣйшія изъ нихъ: Плеяды и Гиады въ Волѣ, Ясли въ Ракѣ, и др. Телескопъ сильно умножаетъ число и этихъ свѣтилъ, позволяя прослѣдить всѣ ихъ промежуточные ступени: отъ яственно-видимыхъ простому глазу кучекъ, до громаднаго множества тѣсно-сгущенныхъ звездъ, которыя можно разглядѣть только въ самые сильные инструменты. Также и *млечный путь*, кажущійся простому глазу болѣе или менѣе равномерно мерцающей туманной полосой, является въ зрительной трубѣ безчисленнымъ множествомъ очень тѣсно-сгущенныхъ звездъ, число которыхъ все болѣе и болѣе растетъ, по мѣрѣ того какъ мы употребляемъ для наблюденія ихъ болѣе сильныя зрительныя трубы. При этомъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа звездъ по мѣрѣ нашего приближенія къ млечному пути, растутъ также и количество звѣздныхъ роевъ; особенно часты они на самыхъ свѣтлыхъ мѣстахъ млечнаго пути: въ Стрѣльцѣ, хвостѣ Скорпиона и нѣкоторыхъ другихъ южныхъ, невидимыхъ у насъ звѣздахъ.

Въ тѣсной связи съ телескопическими звѣздными роями стоятъ такъ-называемыя *туманныя пятна*, и мелькія, по большей части круглыя матоваго свѣта тѣла, большинство которыхъ видно только въ совершеннѣйшія зрительныя трубы. Въ сущности, разница между тѣмисгущенными и при томъ слабыми звѣздными роями и большинствомъ туманныхъ пятенъ—такъ ничтожна, что, даже въ самыя лучшія зрительныя трубы, тѣ и другіе кажутся одинаковыми, между тѣмъ какъ по натурѣ своей они могутъ быть весьма различны. Оба Гершели открыли уже около 5000 такихъ тѣлъ, отъ крупныхъ звѣздныхъ роевъ до самаго слабого крошечнаго туманнаго пятнышка. Каждый годъ ги-

гантскія зрительныя трубы открываютъ новыя слабыя туманныя пятна, изъ которыхъ $\frac{1}{4}$ вѣроятно принадлежатъ къ туманнымъ пятнамъ и $\frac{1}{2}$ къ звѣзднымъ ролямъ. *Распределеніе* собственно туманныхъ пятенъ—другое тѣмъ въ явныхъ звѣздныхъ рояхъ; именно: первыя всего чаще бывають въ тѣхъ странахъ неба, гдѣ послѣднихъ меньше, или даже и совсѣмъ нѣтъ, какъ въ созвѣздіяхъ Льва, Дѣвы и Волосахъ Вереники, и опять собственно туманныя пятна весьма рѣдки вблизи млечнаго пути.

Эти туманныя пятна—одинъ изъ удивительнѣйшихъ предметовъ на небѣ; между ними встрѣчаются самыя странныя неправильныя формы рядомъ съ самыми правильными: тѣла, почти имѣющія видъ звездъ, такъ они малы и равномерно свѣтлы,—и потомъ опять гигантскія, растянутыя на нѣсколько градусовъ полосы, самаго неравномернаго свѣта. Какъ въ звездахъ есть двойныя, тройныя и т. д. такъ и въ этихъ туманныхъ пятнахъ встрѣчаются двойныя, тройныя, даже семерныя и девятиричныя комбинаціи; думаютъ даже, что въ одномъ изъ такихъ двойныхъ пятенъ (въ большомъ Гершелевомъ Каталогѣ ихъ насчитывается 230) какъ будто замѣтно движеніе одного вокругъ другаго. У нѣкоторыхъ изъ нихъ измѣнчивость свѣта, уже констатирована, у другихъ предполагають измѣненія въ формѣ. Самыя поразительныя между видимыми у насъ туманными пятнами—это два пятна въ Орионѣ и въ Андромедѣ; оба они были открыты вскорѣ послѣ изобрѣтенія телескопа, впрочемъ ихъ видно даже простымъ глазомъ. Орионово туманное пятно, стоящее подъ тремя свѣтлыми, близкими другъ къ другу звездами, такъ называемымъ Посохомъ Іакова, отличается сильнымъ свѣтомъ, величиной и неправильностью. Близъ его самой свѣтлой части, стоитъ удивительная сложная звезда, такъ называемая Трапеція въ Орионовомъ туманѣ, которая простому глазу кажется звездой четвертой величины. Находится ли эта звѣздная система, какъ многія другія отдѣльныя звезды, видимыя еще въ Орионовомъ туманѣ, въ физической связи съ послѣднимъ или она стоитъ далеко позади или впереди его—вопросъ еще не рѣшенный. Почти такое же поразительное, свѣтлое, большое, но при этомъ чрезвычайно правильное пятно—это большое Андромедино пятно. Оно имѣетъ форму вытянутого эллипса или чечевицы, видимой съ ребра; къ серединѣ онъ постепенно свѣтлѣетъ и наконецъ становится почти звѣздообразнымъ. Въ очень сильныя зрительныя трубы въ немъ оказывается множество мелкихъ звездъ, вслѣдствіе чего предполагають, что это есть расходящееся туманное пятно, или собственно говоря, въ высшей степени сгущенный звѣздный рой. Оба эти туманныя пятна, такъ сказать, замыкають собой цѣпь различныхъ формъ туманныхъ пятенъ. Особенно интересныя классы ихъ, изъ котораго впрочемъ до сихъ поръ извѣстно не болѣе 40 тѣлъ, образуютъ такъ-называемыя *планетарныя туманы*, равномерно свѣтящіяся, очень маленькія круглыя пятнышки, почти похожія на планетные круги, и свѣтящіяся при этомъ преимущественно матовымъ и безпокойнымъ свѣтомъ. Другія еще называются по ихъ виду *туманными зонтами*; эти послѣднія по виду совершенно походятъ на неподвижныя звезды, только окруженныя болѣе или менѣе свѣтлой и преимущественно совершенно круглой туманной оболочкой. Еще другія похожи на кольцо, внутренняя сторона котораго испускаетъ слабый свѣтъ; замѣчательнѣйшее тѣло въ этомъ родѣ, стоитъ въ Лирѣ между звездами β и γ . Однимъ словомъ, здѣсь встрѣчаются всевозможныя формы, величины, степени свѣта.

Что же суть такое эти удивительныя тѣла, какъ относятся они къ сгущеннымъ массамъ звездъ и къ отдѣльнымъ звездамъ? Только въ новѣйшее время явилась возможность, положить по крайней мѣрѣ начало отвѣтовъ на вопросы о *физическомъ состояніи* этихъ тѣлъ. При громадныхъ разстояніяхъ съ какими, какъ видно изъ вышесказаннаго, мы имѣемъ дѣло, изучая міръ неподвижныхъ звездъ,—телескопъ оказывается безсильнымъ, когда заходить вопросъ о физико-химическихъ свойствахъ небесныхъ тѣлъ; съ помощію телескопа, мы можемъ измѣрять и вычислять, въ нѣкоторыхъ случаяхъ (въ туманныхъ пятнахъ напримеръ) узнавать нѣкоторыя частности формъ,—но собственно о сущности этихъ тѣлъ, о ихъ физическомъ составѣ, онъ не даетъ намъ никакого понятія. Для этого мы имѣемъ другой инструментъ, изобрѣтенный лѣтъ десять тому назадъ, и другой методъ изслѣдованія—это *спектральный анализъ*, то есть изслѣдованіе состава свѣта, исходящаго изъ какого нибудь тѣла, посредствомъ разложенія его на его элементарныя составныя части; а инструментомъ, производящимъ такое разложеніе, есть спектроскопъ. Если сквозь узкую щель въ ставнѣ впустить въ темную комнату солнечный свѣтъ, такъ чтобы онъ упалъ на стеклянную призму, и схватить солнечное изображеніе, послѣ преломленія его въ призмѣ, на бѣлый листъ,—то на послѣднемъ покажется цвѣтное, вытянутое въ длину изображеніе солнца, такъ называемый спектръ. Первоначально бѣлый, солнечный свѣтъ разлагается черезъ призму въ рядъ постепенно переходящихъ другъ въ друга цвѣтовъ; который суть: красный, желтый, зеленый и голубой. Если разсматривать это изображеніе ихъ—спектръ—внимательнѣе, то окажется что отдѣльная тѣнь каждаго цвѣта отдѣлена тонкой темной линіей, такъ называемой *фраунгоферовой линіей*. Если навести на призму зрительную трубу и черезъ нея прямо наблюдать спектръ солнца, то свѣтъ его значительно усиливается, и вмѣстѣ тѣмъ на немъ умно-

Аничковскій дворець въ Петербургѣ. Фотографія на деревѣ, грав. Кюльгингъ.

жается число темных линий, так что теперь их ужъ извѣстно почти сколько тысячъ. Такія же линии замѣчаются въ яркихъ неподвижныхъ звѣздахъ, хотя въ послѣднихъ онѣ не такъ многочисленны и отчетливы, влѣдствіе несравненно меньшей свѣтовой ихъ силы сравнительно съ солнцемъ. Кирхгофъ и Бунзенъ, основатели *спектральнаго анализа*, показали, что эти темныя солнечныя линии происходятъ отъ веществъ, находящихся въ ярко-раскаленной атмосферѣ солнца, въ формѣ паровъ. Ученые эти, путемъ сравненія съ линиями получаемыми отъ земныхъ свѣтовыхъ источниковъ, нашли, что солнце содержитъ въ себѣ химическіе элементы, находящіеся на нашей землѣ; главныя изъ нихъ: желѣзо, натрій, калий, мѣдь, цинкъ и проч.; нѣкоторыхъ же изъ нашихъ металловъ тамъ совсѣмъ нѣтъ (напр. золота, серебра, ртути и др.).

Такимъ же способомъ, какъ солнце, были изслѣдованы и неподвижныя звѣзды и туманныя пятна. Влѣдствіе незначительности свѣта, особенно у послѣднихъ, изслѣдованія эти были сопряжены съ большими затрудненіями; поэтому спектроскопически извѣстны до сихъ поръ только наиболѣе яркія изъ этихъ тѣлъ. Что же касается неподвижныхъ звѣздъ, то въ цѣломъ—спектры ихъ имѣютъ тотъ же самый характеръ что и солнечный спектръ: это цвѣтныя полосы, прорѣзанныя темными линиями. Расположеніе же, число и рѣзкость этихъ линий, такъ же какъ и тѣни цвѣтовъ, различны въ различныхъ звѣздахъ; поэтому ихъ и раздѣляютъ на различныя классы или типы. Къ первому, самому многочисленному типу относятся видныя простому глазу, бѣлыя или голубоватыя звѣзды; спектръ ихъ показываетъ множество очень тонкихъ и только четыре рѣзкихъ линий и всѣ тѣни спектральныхъ цвѣтовъ. Изъ свѣтлыхъ неподвижныхъ звѣздъ сюда принадлежатъ, напр., Сириусъ, и Вега. Ко второму типу относятся желтыя звѣзды со множествомъ тонкихъ, а также достаточнымъ числомъ болѣе рѣзкихъ линий въ спектрѣ. Затѣмъ слѣдуетъ солнце, которое на разстояніи въ 200,000 болшемъ чѣмъ теперь, казалось бы желтовато-бѣлой звѣздой первой величины; сюда принадлежатъ и собственно неподвижныхъ звѣздъ, напр., Капелла, Арктуръ. Третій типъ обнимаетъ оранжевыя или красноватыя звѣзды. Характеристическая черта ихъ спектра заключается въ многочисленныхъ темныхъ обручахъ, особенно на желтомъ и зеленомъ цвѣтахъ, что, если смотрѣть въ обыкновенную зрительную трубу или простымъ глазомъ, вызываетъ впечатлѣніе краснаго цвѣта. Сюда принадлежатъ болшинство непостоянныхъ звѣздъ, которыя преимущественно бываютъ краснаго цвѣта, напр. Мира въ Кнѣзъ α въ Геркулесѣ, α въ Орионѣ; упомянутый же выше Алголь (β въ Персеѣ), изливающей бѣлый свѣтъ, по спектральному анализу принадлежитъ къ первому типу. Наконецъ найдено еще небольшое число слабѣйшихъ звѣздъ, причисленныхъ къ четвертому типу, спектры которыхъ показываютъ свѣтлыя цвѣтныя обручи, раздѣленные широкими темными промежутками; кромѣ того, на нихъ видны еще простыя темныя линии, соответствующія такимъ же линиямъ въ первомъ типѣ.

Относительно вѣщественнаго состава этихъ группъ неподвижныхъ звѣздъ, спектральныхъ линий первого и второго типовъ показываютъ рядъ элементовъ, находящихся какъ на солнцѣ,

такъ и на землѣ, хотя на послѣдней они встрѣчаются въ другой формѣ. Преобладающей элементъ въ раскаленной атмосферѣ этихъ тѣлъ—это водородъ; далѣе, въ первомъ типѣ еще желѣзо и магній, во второмъ типѣ мѣсто желѣза занимаетъ преимущественно натрій. На нѣкоторыхъ звѣздахъ, особенно въ свѣтлой звѣздѣ Антаресъ (α въ Скорпионѣ), принадлежащей ко второму типу, можно предполагать также воду, разумеется въ видѣ паровъ. Наконецъ, немногія звѣзды четвертаго типа показываютъ присутствіе особенныхъ газовъ въ раскаленномъ состояніи, такъ-называемыхъ углеводородныхъ веществъ, куда принадлежитъ на примѣръ петролеумъ.

Совершенно различными отъ спектровъ звѣздныхъ типовъ, особенно перваго класса, представляются спектры *туманныхъ пятенъ*; эти послѣдніе показываютъ очень немного (большинство всего три) *свѣтлыхъ* линий обыкновенно на совѣтмъ темномъ фонѣ, въ противоположность большинству неподвижныхъ звѣздъ, у которыхъ мы видимъ, наоборотъ, темныя линии на свѣтломъ фонѣ. Причина этой существенной разницы лежитъ въ различныхъ физическихъ свойствахъ этихъ тѣлъ. Неподвижныя звѣзды состоятъ изъ ярко-раскаленныхъ жидкихъ или твердыхъ массъ, въ атмосферахъ которыхъ содержитсяъ вышеупомянутыя вещества или элементы въ видѣ паровъ; выходящій изъ ядра планеты свѣтъ проходитъ черезъ нихъ и потому на спектрѣ получаются темныя линии. Еслибы вещества эти были свѣтящимися сами по себѣ, безъ испускающаго свѣтъ тѣла неподвижной звѣзды позади ихъ, то они, наоборотъ, дали бы свѣтлыя линии, что именно мы и находимъ въ туманныхъ пятнахъ: Немногія даваемые ими свѣтлыя линии заставляютъ заключать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ раскаленными газовыми массами простѣйшей химической конституціи. Съ особенной достовѣрностью доказываютъ это выше упомянутые планетарные туманы, такъ какъ по своей яркости они болѣе всего удобны для спектроскопическихъ изслѣдованій; газы, производящіе ихъ свѣтъ, суть водородъ и азотъ, и можетъ быть еще третій неизвѣстный элементъ.

И такъ, спектроскопическое изслѣдованіе даетъ вѣрнѣйшее средство для отличія собственно туманныхъ пятенъ отъ звѣздныхъ роевъ, такъ какъ характеристическимъ признакомъ звѣздныхъ спектровъ служатъ темныя линии на свѣтломъ фонѣ. Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда простое наблюденіе въ телескопѣ оказывается недостаточнымъ, вопросъ разрѣшается спектроскопомъ. Для примѣра укажемъ на большой Андромединый туманъ, который по изслѣдованіи путемъ спектральнаго анализа, въ дѣйствительности оказался просто звѣзднымъ роемъ. Въ какихъ отдаленіяхъ находятся отъ насъ эти образованія и сотни другихъ туманообразныхъ звѣздныхъ роевъ, какъ относятся собственно туманныя пятна къ неподвижнымъ звѣздамъ, не суть ли онѣ первоначальныя ступени въ развитіи солнцеподобныхъ тѣлъ, сколько потребно имъ для этого времени—на всѣ эти и подобныя тому вопросы, мы по сіе время не въ состояніи еще дать какіе либо отвѣты. Здѣсь мы касаемся области, гдѣ знаніе наше кончается, оставляя мѣсто однимъ гипотезамъ и догадкамъ. Передавъ главнѣйшіе *факты*, основанные на точныхъ наблюденіяхъ и вычисленіяхъ, и мы, съ своей стороны, считаемъ умѣстнымъ закончить этимъ нашу статью.

Аничковскій Дворецъ

(Историческій очеркъ).

Въ царствованіе Анны, по Невскому проспекту—тогда Большой перспективной дорогѣ—между Николаевскою и Литейной, въ Московской части, протягивалась въ двѣ параллельныя линии слобода морскихъ служителей, потомъ переданная ротѣ батальона строеній С.Петербурга. По имени начальника этой роты, майора Аничкова, слобода прозвалась Аничковою, и отъ имени ея—получили и навсегда удержали за собою это прозваніе: триумфальныя ворота, въ 1731 году сооруженныя на Невской перспективной противъ теперешняго Троицкаго переулка, да и мостъ за этими воротами, черезъ Фонтанку.

Непосредственно за этимъ мостомъ, по той же сторонѣ Невскаго, гдѣ была и Аничкова слобода, только уже за Фонтанкою,—великая княжна Елизавета Петровна, въ правленіе принцессы Анны, купила береговое мѣсто у купца Дмитрія Лукьянова и думала было построить себѣ здѣсь дачу для лѣтняго пребыванія, между вилами столичныхъ аристократовъ, покрывавшимъ оба берега излучиной Фонтанки, бывшей тогда вдвое шире. Въ то время Фонтанка, съ большими заводами, глубоко уходившими въ низменные берега, бухтами и обширными островами между ними, весною покрывавшимися водою, а лѣтомъ составлявшими поемныя дуга, была уже грабью Петровскаго Петрабурга, и мѣста для дачъ здѣсь началъ раздавать самъ Петръ I съ 1715 года.

Какъ извѣстно, зданіе теперешняго Екатерининскаго Института было вначалѣ Итальянскимъ домомъ Екатерины I, къ которому прилегалъ за Литейнымъ проспектомъ обширный садъ, доходившій сперва до Литовскаго канала, а при Аннѣ до поперечной просѣки отъ Перспективной—теперешней Знаменской

улицы; тогда какъ боковая грань сада опредѣлялась рядомъ домовъ на улицѣ, отъ имени сада получившую имя Итальянской. Дома эти заняты были садовою прислугою и улица служила вмѣстѣ съ тѣмъ предѣломъ мѣста (въ эту сторону) отведеннаго лейбъ-гвардіи Преображенскому полку вдоль по Литейной, до нынѣшней Кирочной улицы—тогда тоже просѣки называвшейся Лабораторною; отъ артиллерійскаго парка и лабораторіи, расположенныхъ на мѣстности занимаемой теперь питомникомъ Таврическаго сада. Итальянскій домъ, съ его тремя навильонами, соединенными посредствомъ галлерей, послужилъ моделью для дома у Аничкова моста, который на мѣстѣ Лукьянова пожелала соорудить себѣ Елизавета Петровна, со вступленіемъ на престолъ измѣнившая первую идею: имѣть здѣсь небольшую дачу, въ средѣ лѣтняго пребыванія столичной аристократіи. Проектъ для дома у Аничкова моста, въ годъ воцаренія Елизаветы, составилъ архитекторъ М. Гр. Земцовъ (строитель церкви Симеонова на углу Моховой). Строитель этотъ, имѣя въ виду характеръ сооруженія тоже дачный, фасадомъ обратилъ свое зданіе Аничковскаго дома на Фонтанную рѣчку. Одна только правая сторона къ Перспективной дорогѣ, нынѣшнему Невскому проспекту, выходила къ бульвару, отъ котораго отдѣляла Аничковскій домъ каменная стѣна, совершенно скрывая нижній этажъ его. При домѣ, на мѣстѣ еуществующихъ, были также ворота на Перспективу, хотя глухія и никогда не открывавшіяся безъ надобности. Отъ нихъ проложена дорога къ лѣтнему дому Екатерины I (на мѣстѣ Инженернаго замка) мимо Караванной прислѣпки и впоследствии опредѣлила направленіе «Караванной» (теперь Караванной) улицы. Передъ глав-

нимъ корпусомъ Анничковскаго дома, по плану утвержденному Императрицею, назначенъ лужокъ изъ дерна съ цвѣтниками, а за нимъ бассейнъ, соединившійся каналами съ Фонтанкою, надъ которою на сваяхъ должна была возводиться каменная стѣнка съ балюстрадами для прогулки и съ бесѣдками по угламъ. Къ этимъ работамъ и къ разведенію сада, продолженнаго до теперешней Б. Садовой улицы, приступлено было тотчасъ по отъѣздѣ Государыни въ Москву на коронацію; а по возвращеніи оттуда, осенью 1743 г. Земцовъ умеръ, успѣвъ только зданіе возвести вчернѣ, изъ кирпича, подъ крышу. Садъ началъ разводиться садовникъ Фохтъ. По смерти строителя, помощникъ его, гезель Дмитріевъ въ Москвѣ представлялъ на Высочайшее утвержденіе (28-го апрѣля 1742 г.) детальныя чертежи постройки, причемъ послѣдовало заявленіе воли Монархини о большемъ возвышеніи зданія; съ тѣмъ чтобы употребить здѣсь на постройку великолѣпныя дубовыя двери и оконныя перелеты, привезенныя изъ италіи герцога Бирона — Альт-Руэндалъ, гдѣ строилъ дворецъ его свѣтлости графъ Растрелли, регентомъ возведенный въ оберъ-архитекторы. Одновременно съ приказомъ поднять верхній этажъ новаго дома, утверждены планы наружныхъ стѣнъ съ воротами, галлерей на нихъ, оранжерей, службъ и круглаго корнуса конюшенъ на соединеніи мѣстъ графа Головина, тоже пріобретенномъ къ площади Анничковскаго дома съ его садами и постройками. Работы вошли съ усердною дѣятельностью—и 26-го іюля 1745 г. послѣнивъ постройку, Елизавета рѣшила сооруженіе итальянскаго дома для оперы, балетовъ и концертовъ, въ саду (близъ италійскаго манежа дворцоваго, на томъ же дворикѣ;—какъ можно судить по плану перестройки для Екатерины Павловны). Сооруженіе этого опернаго дома должно было быть особенно роскошнымъ; самые мастера для него привезены изъ Италіи. Выпискою ихъ и привозомъ распорядился архитекторъ Трезини, которому поручены работы и доставка матеріаловъ.

По Трезини удержаться на своемъ посту строителя Анничковскаго дома удалось не на долго. Онъ велъ дѣло сооруженія опернаго дома такъ вяло, что въ два года, ставя самъ матеріалъ къ тому же, выполнилъ только изъ кирпича стѣны подъ крышу. Медленность эта была поводомъ передачи всѣхъ анничковскихъ построекъ знаменитому графу Растрелли, подъ наблюдениемъ котораго уже началась отдѣлка зданій, представившихся въ окончательномъ видѣ такъ: главный фасадъ, обращенный на Фонтанку, состоялъ изъ трехъ павильоновъ (выступовъ), изъ которыхъ боковые заходили далѣе середины, гдѣ былъ главный входъ въ зданіе. Надъ выступающими крыльями по главному фасаду возвышались куполы въ формѣ полушарій, надъ острыми верхами которыхъ возвышались въ сторону Певскаго — крестъ церковный, къ саду — восьмиугольная звѣзда изъ извитыхъ лучей; надъ среднимъ же павильономъ фронтисписъ съ фигурами. Садъ отъ главнаго зданія до теперешней Большой Садовой улицы состоялъ изъ террасъ, изъ которыхъ на верхней, ближайшей ко дворцу, приходился бассейнъ, обставленный крытыми аллеями со сносками въ средину сада, гдѣ клумбы цвѣтовъ вели къ воротамъ съ двухъ сторонъ противъ вѣчнозапертыхъ воротъ на Перспективную; во внутренность сада опять же ворота вели къ питомнику и оранжереямъ, тогда какъ на мѣстѣ нынѣшней Публичной Библиотеки была устроена обширная бесѣдка съ эстрадою для музыкантовъ, въ роцѣ молодыхъ деревьевъ (питомникѣ). Всѣ затѣи роскоши XVIII вѣка нашли примѣненіе въ Анничковскомъ саду, отдѣланномъ раньше дворца, гдѣ строителя затруднило пышное украшеніе церкви съ рѣзнымъ иконостасомъ самаго сложнаго и изящнаго рисунка. Иконы писаны мастерами Канцелярш Строений, взятыми отовсюду, даже изъ Москвы. Техники Канцелярш употреблены и на отдѣлку вообще пышнаго дворца, гдѣ обширная столовая въ крылѣ противоположномъ церкви — украшена была единственными въ своемъ родѣ панелями изъ дуба, рѣзца Вестерни. Роскошное убранство продолжило отдѣлку до 1750 года, и зданіе освящено 17-го марта. Въ бытность подъ вѣдѣніемъ Кабинета Его Величества, на мѣстѣ стѣны съ павильономъ и балюстрадою, за проведеніемъ набережной по отдѣлкѣ Фонтанки гранитомъ, сооружена открытая галлерей изъ аркадъ, надъ которыми возведенъ второй этажъ. Бывшія гавани съ проѣздами въ Фонтанку засыпаны и на мѣстѣ бассейна застроены корпуса, отнявши часть главнаго двора передъ зданіемъ, съ этого времени видимымъ съ берега только черезъ проѣзды между колоннами перистилъ съ широкими проемами, замѣнившіаго ворота на дворъ Кабинета. Обветшавшіе грушевидные куполы изъ бѣлой жести съ позолотою, напоминавшіе блистательную эпоху Растрелли, замѣнились плоскими

окружностями сверхъ крыши, надъ крыльями зданія. Большая часть сада, уже запущеннаго, вмѣстѣ съ оранжереями, упряднена. Дома же садовыхъ служителей и управляющаго отойшли подъ городскія жилыя участки на Садовую улицу, на уголъ которой на Невскій, въ послѣдній годъ царствованія Екатерины, утверждено къ возведенію (по проекту Соколова) зданіе Императорской библиотеки, Александромъ I обращенной въ публичную. При Павлѣ I, одновременно съ застройкою зданія библиотеки, на Невскій проспектъ предположено было во всю линію Анничковскаго сада вытянуть перистилъ съ двумя рядами колоннъ, изъ-за которыхъ въ интервалахъ должны были выступать кущи растительности. Потемкинскій воксалъ переданъ частному антрепренеру подъ малый театръ—и въ арендѣ у Казасси, перестроившаго заново сцену и подъѣзды, при Александрѣ I сгорѣлъ.

Въ этомъ видѣ полуразрушенія и окончательнаго измѣненія первоначальнаго плана, переданъ Анничковскій дворецъ изъ Кабинета въ Департаментъ Удѣловъ, при его учрежденіи Павломъ I. Изъ Департамента же Удѣловъ,—при образованіи особаго дворца для Великой Княгини Екатерины Павловны, помолвленной за герцога Георгія Ольденбургскаго—перестроенный заново Анничковскій дворецъ переданъ въ собственность Ея Высочества. Великая Княгиня жила тамъ со своимъ супругомъ только до переселенія въ Тверь, гдѣ герцогу Георгію назначено пребываніе въ качествѣ генералъ-губернатора тверскаго. Смерть Его Высочества въ декабрѣ 1812 года еще разъ повлекла въ близкомъ будущемъ перемѣну владѣнія Анничковскимъ дворцомъ. В. К. Екатерина Павловна вскорѣ послѣ овдовѣнія, по разстроенному здоровью, весной 1813 г. уѣхала въ Германию, а оттуда воротиться изволила въ концѣ 1815 года, уже невѣстою Наслѣднаго Принца Виртембергскаго Вильгельма (потомъ Короля). Бракъ Ихъ Высочества и отъѣздъ навсегда будущей Королевы изъ Россіи—вызвали пріобрѣтеніе казною отъ Екатерины Павловны Анничковскаго дворца за 2.000.000 руб., составившихъ наслѣдство сыновей герцога Ольденбургскаго Георгія. Купленный въ четвертый разъ казною, дворецъ Анничковскій подаренъ Великому Князю Николаю Павловичу, въ 1816 году воротившемуся въ Петербургъ, уже сдѣлавъ выборъ подруги. Въ іюнѣ 1817 года года избранная въ подруги Его Высочеству, дочь Прусскаго Короля Фридриха-Вильгельма II, Принцесса Шарлотта прибыла въ сѣверную столицу Россіи; 25-го іюня приняла православіе съ именемъ Великой Княгини Александры Федоровны, а 1-го іюля 1817 г. сочеталась бракомъ съ будущимъ Самодержцемъ Россіи, когда этого рѣшенія судьбы никто еще не предчувствовалъ.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ давно уже находился въ разлукѣ съ добродѣтельною супругою, В. К. Анной Федоровной, урожденной Принцессой Кобургъ-Готской, по отъѣздѣ изъ Петербурга жившей единенно въ Швейцаріи. Въ 1819 году Цесаревичъ заявилъ желаніе вступить въ новый бракъ—и тогда-то послѣдовала непремѣнная воля Его Высочества отречься отъ наслѣдія престола. Императоръ Александръ I частью открылъ въ одномъ изъ своихъ посѣщеній Анничковскаго дворца о блистательной участи, ожидавшей благодушнаго младшаго брата его; но В. К. Николай Павловичъ оставался едва-ли не въ полной неизвѣстности о томъ, не придавъ подлиннаго значенія намекамъ въ сообщеніи Августѣйшаго брата, назначившаго Его Высочество своимъ преемникомъ. Такъ мирно протекли еще шесть лѣтъ для четы Августѣйшихъ владѣтелей Анничковскаго дворца, осчастливленныхъ рожденіемъ Сына и трехъ дочерей. Кончина Императора Александра I въ Таганрогѣ раскрыла наконецъ благотворное для Россіи назначеніе Николая I, во все свое царствованіе сохранявшаго привязанность къ своему Анничковскому дворцу, переименованному въ Собственный Дворецъ Е. И. В. Пріѣзжал сюда говѣть въ Великомъ посту, Императоръ Николай I надолго поселился въ мирныхъ стѣнахъ дома Елизаветы, послѣ пожара зданія Зимняго дворца (17-го дек. 1837 г.). Для возсозданія сторѣваго, при всей горячности исполнителей, ускорившихъ веденіе работъ, потребовалось больше года времени и зиму 1837—1838 года, Государь и Августѣйшее семейство провели въ Анничковскомъ дворцѣ, сдѣлавшимся затѣмъ мѣстомъ пребыванія Наслѣдника престола—нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Въ благополучное царствованіе Его Величества, съ 1866 года, Анничковскій дворецъ вмѣщаетъ опять обитаемаго Россіею Наслѣдника.

Такова въ главныхъ чертахъ судьба Анничковскаго дома и дворца, въ продолженіи ста двадцати пяти лѣтъ отъ его сооруженія.

П. Петровъ.

ДОНСКІЯ КАЗАЧКИ.

Степь, покрытая сочною травой, тянется по обѣ стороны отъ широкой дороги, бѣгущей въ безконечную даль... Направо и налѣво мелькають бѣлые, сложенные изъ камней вѣхи; кое-гдѣ, забывая на равныя линіи горизонта, голубѣють невысокіе холмы; ни одного деревца на цѣлыя сотни верстѣ.

Вотъ какъ на блюдечкѣ раскинулась казачья станица по пло-

скимъ берегамъ неширокой степной рѣчки; высокая церковь ея далеко свѣтитъ въ хорошій солнечный день своей золоченой верхушкой; кругомъ, во все стороны разбѣжались уютныя, теплыя хаты, крытыя соломою и тесомъ. Лѣтнее солнце немилосердно палитъ съ голубаго, чистаго неба... Вы переѣхали на паромѣ черезъ степную рѣчку, выѣхали на станичную площадь

и остановились у одной хаты спросить воды. Молодая казачка вынесла вамъ напитокъ. Вглядитесь въ нее: на этомъ лицѣ стоить остановить вниманіе. Черные бойкіе глаза съ длинными, загнутыми вверхъ рѣсницами, смуглый цвѣтъ лица и природная грація движеній—типичныя особенности молодыхъ станичныхъ обитательницъ.

Первыми казачками были женщины или захваченныя въ плѣнъ (полонянки), или переселившіяся на Донъ по своей охотѣ, сманенныя казаками.

Въ донскихъ пѣсняхъ нерѣдко упоминается объ этихъ сравнительно-давнихъ временахъ казацкаго сожительства безъ церковнаго брака: въ одной, напр., говорится, какъ молодой казакъ,

ласъ тяжелая, мужняя рука, вѣдавшаяся съ саблей да копьемъ гдѣ нибудь на чужой сторонѣ.

Благопріятныя условія личной свободы отразились на женскомъ характерѣ; явились проворство, хитрость и смѣлка, находчивость въ минуты опасности, однимъ словомъ: черты сильныя. Все это, повторяемъ, прямой результатъ того, что казачья жена не была и не могла быть такимъ забытымъ существомъ, какъ русская коренная крестьянка, жена пахаря.

Изъ тѣхъ же пѣсень, которыя, замѣтимъ, составляютъ одинъ изъ богатѣйшихъ матеріаловъ при изученіи жизни нашей простолудинки, видно, какимъ уваженіемъ пользовалась казачка въ семьѣ. Много горя однако выпало и на ея долю.

Донская казачка. Рис. Фуке, грав. Жонпарь.

охоты за старой ланью, добылъ себѣ въ жены красавицу-турчанку; въ другой—какъ одному молодцу досталась при дѣлѣ красная дѣвица; въ третьей—казакъ манитъ съ Польши на тихій Донъ пригожую шинкару...

Не надо забывать, что казака «воспитала, возлелѣла не семья, не мать, а кормилецъ Донъ Ивановичъ, да чужа дальня сторона». Казачка пользовалась, понятно, большей свободой, чѣмъ великорусская крестьянка, поставленная въ иные условія. Мужъ бытъ далеко отъ родной хаты, воевалъ съ невѣрными, семья оставалась на рукахъ жены... Надо было самой вывертываться изъ бѣды, бороться съ нуждой, кормить, обшивать и защищать казацкихъ дѣтей. Надъ головой казачки рѣже заноси-

лось старая мать казака, выросившая сына на военное дѣло, выбѣгаетъ встрѣчать взмыленного коня, который прискакалъ на знакомый дворъ послѣ смерти хозяина... Она, старая, выплакала глаза, у ней переболѣло сердце въ ожиданіи любимого сына,—а онъ лежитъ неизвестно гдѣ, прострѣленный вражеской пулей... Ждала мужа, долго рыдала покорливая жена, много было у нея дѣла въ его отсутствіе: надо и свекру постелишку послать, свекрухѣ всемъ угодить, деверю коня сѣдлатъ, надо и золовкѣ русу косу заплести... Обѣ не дождались казака—и омывается горькими слезами опасная казачья служба.

Исключительно для семьи и мужа живетъ, по пѣснямъ, одна покорливая жена; другая, смѣлая, ширелюбая натура донской ка-

Ювль и друзья его. Картина Гейльбута, рис. Филиппо, грав. Морань.

зачки ищетъ для себя другихъ, болѣе тревожныхъ радостей—хочетъ пожить въ свое удовольствіе... Мирная жизнь въ семьѣ, безъ казака, ей не такъ по сердцу: и свекоръ, и деверья съ золовками часто слышатъ отъ нея непріятное слово. У игреливой жены есть милый, но и милаго она умѣетъ держать въ рукахъ, не дастъ надъ собой воли; за то у нея есть человекъ, съ которымъ можно отвести душу. *Прелевая* всѣхъ проведетъ, за словомъ въ карманъ не ползаетъ и когда надо—найдется.

«Я подруженькамъ скажу:
— Мнѣ домой пора идтить;
Ужъ я маленькѣ скажу,
Государьнѣ скажу:
— Животомъ-то я больна».

Много на Дону поется про чужеземныхъ женъ, про то какъ онѣ любились съ молодыми станичными казаками. Не дешево послѣднимъ обходилась эта любовь: казачка не сразу позволяла посягать на свою свободу. Въ пѣсняхъ часто слышатся жалобы на то, что *сударушка чужеземная* жени вышнула казака, всѣ чоботы истоптала онъ, ходя мимо ея оконъ, изорвала весь чекмень, лаза по заборахъ, исцарапала фуражечку, подъ качелями стоячи и пр.

И хозяйство у игреливой казачки не такъ идетъ какъ у покорловой, а когда казакъ вернется съ войны—нѣтъ согласія въ семьѣ. Начинаются ссоры, недалеко и до трагической развязки. Часто мужъ ищетъ жену въ кабацкѣ, да и такъ казачки, при всякомъ удобномъ случаѣ, не прочь выпить.

Во пирь-то идетъ
Что павушка плыветъ;
Съ пиру-то идетъ
Что маковъ цвѣтъ.

Поется про подгулявшую казачку жену.

Страсти находятъ себѣ исходъ и въ развратѣ. Яркимъ примеромъ, занесеннымъ въ народные сказанія, можетъ служить былина о Добрынь и женѣ его Амель Тимофеевнѣ, про которую мать жалуется русскому богатырю:

«А жена твоя во распуть пошла,
Во распуть пошла, горька пьяница,
И зеленый садъ—засушенный весь,
А широкий дворъ—засоренный весь,
Всѣ конюшенки порасторены
И всѣ коники позаѣзжены».

Амелфа была изъ *иреливазъ*, смѣлыхъ женъ.

Про одну изъ такихъ страстныхъ и энергичныхъ натуръ, не могшихъ совладать съ собой, рассказываютъ на Дону интересные подробности. Это—преданіе про казачку Аграфену Вершилову, или короче Груню-разбойницу. Оно относится, какъ надо думать, къ началу нынѣшняго столѣтія.

Груня родилась въ Заполянской станицѣ, на р. Медвѣдицѣ, отецъ умеръ на Кубани, дѣвочка росла у матери. На семнадцатомъ году молодой казачкѣ приглянулся красивый сосѣдскій сынъ, но онъ долженъ былъ угодить въ очередь и бросить о Грунь всякія думы. Сколько ни просилъ казакъ станичныхъ стариковъ освободить его отъ очереди, тѣ не согласились. Больше всѣхъ почему-то уперся атаманъ—и Груня возненавидѣла его за это. Ушелъ любимый человекъ, а она осталась попрежнему одна со старой матерью. Мысль идти къ нему, на Кубань, неотвязно преслѣдовала Груню и день и ночь. Дорога на невѣдомый край не испугала ее. Вдругъ пропала Груня изъ Заполянской станицы... Прошелъ годъ—она опять появилась въ родныхъ мѣстахъ, въ партиі пригнанныхъ арестантовъ. Грубо обошлась съ ней атаманъ, грубо отвѣтила ему смѣлая казачка. «Твоя смерть за тобой пришла!» пригрозила она ему.

Далеко не прежней выглядѣла Груня Вершилова: она была озлоблена; скитанія по острогамъ, неоднократныя бѣгства не смягчили ея сердца—она хотѣла отомстить атаману во что бы то ни стало. Ей ясно вспомнилось, какъ онъ объяснялъ неръшность и просьбы ея милаго трусостью, какъ смѣялся надъ казачкомъ... Сидя въ заполянской тюрьмѣ, Груня подговорила товарищей добывать свободу во что бы то ни стало и прежде всего идти въ гости къ станичному атаману. Задуманный планъ былъ скоро приведенъ въ исполненіе. Груня-разбойница вошла въ незапертой атаманскій курень... Она преобразилась въ дикаго звѣря. Атаманъ былъ задуренъ на кушакъ, продвѣтомъ сквозь колыбельное кольцо; курень ограбленъ. «Пусть другого атамана выбираютъ, посмѣялась Груня,—этотъ въ люлькѣ качается!» Разбойники забрали всѣхъ бывшихъ на дворѣ лошадей, не забыли и оружіе, послѣ чего скрылись въ лѣсу. Груня ѣхала впереди, одѣтая въ казачій чекмень, шаровары съ красными лампасами, съ пистолетами и шашкой. Какъ всѣ казачки, она отлично вѣдила верхомъ, хорошо плавала, ловко лазала по деревьямъ. Выѣхали въ степь, по которой мѣстами были

разбросаны одинокіе хутора. Въ одномъ изъ нихъ жила атаманова семья. Страшно передавать словами тѣ звѣрства, которые были пущены въ ходъ при истребленіи ненавистной для Груни семьи. Поцѣды не оказали никому.

Месть была удовлетворена; что оставалось дѣлать? Затосковала Груня, закурилась, но товарищи позвали ее съ собой на Волгу, на мѣста подвиговъ всякой гольницы, и она согласилась.

Товарищей съ ней, по преданію, было семь человекъ. На зиму двое остались въ степи, вырыли землянку, а остальные одни разошлись по хуторамъ, на работы, другіе попались начальству.

Не смотря ни на что, мысль о Кубани не выходила изъ Груниной головы. Смѣлая казачка подговорила товарищей искать это давножеланное мѣсто, цѣль всѣхъ ея скитальчества. Долго ѣхали. Передъ путниками разстилалась безконечная, бесплодная степь, жаръ былъ нестерпимъ; провізія вышла вся.. Начали ѣсть лошадей...

На Кубань все таки не попали, но блуждали гдѣ-то очень далеко отъ Заполянской станицы, доходили до Каспійскаго моря. Настала вторая зима. Дѣло не обошлось безъ стычки съ кочевниками въ тѣхъ мѣстахъ калмыками.

Не выдержала Груня, спозналась съ однимъ изъ товарищей... Стали подсмѣиваться надъ Груней... Скоро ребенокъ родился, да недолго прожилъ, не успѣли съ нимъ понятишься степные разбойники. Послѣ этого, передаетъ преданіе, высланы были на казачковъ русскіе солдаты, и въ жаркой стычкѣ одинъ изъ нихъ наскочилъ было на Груню и располосывалъ на ней чекмень, но не успѣлъ, подумавъ что она оборотенъ и побѣжалъ прочь, а за нимъ и остальные. Не дождался Грунь молодой казакъ—женится, а Вершилова, говорятъ, подъ конецъ въ монастырь пошла: тамъ ее видѣли. Недобромъ кончила Груня-разбойница: какъ-то дошли до нея слухи, что ея милый другую любитъ и она, съ отчаянія, кинулась въ Донъ.

Типичнѣе описанной казачки трудно найти. Груня—одна изъ сильныхъ казачскихъ натуръ, выработанныхъ указанными условіями жизни. Послѣднія въ семейной обстановкѣ имѣетъ однако много общаго съ великорусской. Вся обрядовая сторона взята цѣликомъ, съ небольшими измѣненіями. Въ заключеніе сообщимъ для примѣра нѣкоторыя подробности о старинной казачьей свадьбѣ.

«Ходятъ ли грѣшныя въ рай?» спрашиваетъ сваха, полурастворивъ дверь къ родителямъ невесты. Съ ней женихъ и его родственники.—«Ходятъ и носятъ, моя родная!» отвѣчаютъ свахъ. «Несетъ, несетъ! Ужъ нечего дѣлать!» говоритъ она, заноситъ ногу черезъ порогъ. Слѣдомъ идутъ родственники жениховы, а самъ женихъ остается на крыльцѣ. Войдя, всѣ садятся. «Мы видѣли, начинаютъ невестины родители,—что вы не съ добромъ къ намъ пришли; у насъ теперь войско не въ сборѣ: милости просимъ обождать, войны не начинать». Заходитъ разговоръ о разныхъ военныхъ приступахъ, резервахъ и артиллеріи; вообще эта часть обряда носитъ военный характеръ. Разговоръ прекращается съ приходомъ ожидаемыхъ членовъ семьи.

Женихова сторона отходитъ къ двери, а сваха начинаетъ говорить о томъ, что пришла съ хорошимъ купцомъ за хорошимъ товаромъ. «Пошли только Богъ такого купца, отвѣчаютъ ей,—а мы продадимъ». Изъ толпы стоящей у порога выдѣляется женихъ и выходитъ на середину—невестина родня начинаетъ его разглядывать. «Не слѣвой ли онъ? Не хромой ли онъ у васъ?» слѣдуютъ вопросы. Жениха заставляютъ въ доказательство пройти по комнатамъ. «Хорошъ, хорошъ!» говорятъ женихова родня, «позвольте теперь свой товаръ посмотреть!» Выходитъ невеста и скромно потупляетъ глаза; голова убрана въ одну косу, на груди бисерные застежки, серебряный поясъ стягиваетъ плотно охватывающій тѣло *кубилекъ*.

Послѣ того какъ обѣ стороны согласны, жениха съ невестой ставятъ рядомъ и благословляютъ. «Дай-то Богъ, говоритъ невестина родня,—намъ слышанное видѣть, желанное получить!» Затѣмъ обносятся круговая чара. Родственники жениха зовутъ всѣхъ хлѣба-соли откушать, чарку вина выпить. Дѣло слажено совсѣмъ. Настаетъ день вѣнчанья, пора ѣхать въ церковь. Цѣлая толпа *позжанъ* гарцуетъ съ нагайками на лучшихъ коняхъ, въ богатой збруѣ, въ цвѣтныхъ лентахъ. Посланный жениховымъ отцомъ *передовой* объявляетъ свадьмъ, что молодой князь уже ѣдетъ. Женихъ тихо подвигается къ невестининому дому, верхомъ, съ перевязью черезъ плечо, подаркомъ невесты. Дружка и позжане слѣдуютъ за нимъ.

Невеста одѣвается и плачетъ, по старорусскому обыкновению. Вотъ женихъ въѣхалъ на дворъ; совершается обрядъ невестинной *продажи*. Дружка проситъ отпустить невесту въ *далній путь*. Послѣ вѣнца у женихова дома поются пѣсни; на крыльцѣ родители жениха поднимаютъ надъ головами молодыхъ хлѣбный каравай.

Послѣ этого пирь идетъ горой, три, четыре дня. Вся станица празднуетъ богатую свадьбу. Долго говорятъ про невѣроятное число ведеръ водки и винограднаго вина, выпитое за здоровье молодыхъ.

С М Ъ С Ъ.

Ювѣ и друзья его.

Одинъ изъ поэтичѣйшихъ эпизодовъ Вѣтхо-завѣтной исторіи представляетъ книга Юва, оспаривающая въ разговорной формѣ древне-еврейское учение о возмездіи, по которому каждое бѣдствіе, постигающее человѣка, посылается въ наказаніе за содѣянное имъ прегрѣшеніе. Въ этой книгѣ наглядно доказываются мысль, что Всемогущій можетъ ниспослать бѣдствіе самому благочестивому, причѣмъ тотъ отнюдь не долженъ сомнѣваться въ мудрости и справедливости Творца. Діаволь одинъжды явился къ престолу Божию и утверждалъ, что между людьми нѣтъ ни одного праведника. Вседержитель указалъ ему на раба своего Юва, который за свое благочестіе награжденъ былъ многочисленнымъ потомствомъ и несметнымъ числомъ рабовъ, стадъ и всевозможныхъ богатствъ. Діаволь возразилъ, что Ювъ служитъ Богу именно лишь въ силу дарованныхъ ему благъ; «но позволъ мнѣ отнять ихъ у него, прибавилъ искуситель, — и увидишь истинное его благочестіе».

— Да будетъ по твоему, сказалъ Господь, — только его самого не касайся. И вотъ, по мановенію діавола, пожаръ поглотилъ домъ и все имущество Юва, падежъ истребилъ его стада, лютое повѣтріе изводитъ все его потомство. Жена Юва ропщетъ, онъ удерживаетъ ее знаменитыми сло-

вами: «нагимъ пришелъ я въ этотъ міръ изъ чрева матери, нагъ и отгиду отсюда». Діаволь снова предстаетъ предъ лицо Бога и проситъ, чтобы ему дозволено было поразить самого Юва болѣзнями. Богъ предаетъ во власть Сатаны тѣло Юва, но запрещаетъ касаться души раба своего. Снова неистовствуетъ духъ злобы — и вотъ, Ювъ поверженъ на соломенное ложе, гнойныя раны покрываютъ его тѣло, псы лижутъ его зараженную кровь... Друзья приходятъ посѣтить убогаго и недужнаго, упрекаютъ его прошлыми ошибками, жена возбуждаетъ его къ ропоту, но Ювъ непоколебимъ... Правда, у него вырывается что-то похожее на упрекъ небу, но онъ тотчасъ же горько раскаивается въ своемъ нетерпѣніи...

Искусъ выдержанъ побѣдоносно. Посрамленный духъ тьмы удаляется въ преисподнюю, а Юву возвращаются прежнія его богатства и вѣрный рабъ награждается еще болѣе многочисленнымъ потомствомъ.

Гѣте взялъ основную ткань этого сказанія канвою для своего «Фауста». Многіе живописцы вдохновлялись тѣмъ же сюжетомъ; между прочимъ, тѣма, заданная въ 1869 г. на золотую медаль Императорской Академіею Художествъ, дала возможность выказать свои силы нѣмъ извѣстнымъ молодымъ художникамъ: Рѣйну, Макарову и Полюнову. Прилагаемый рисунокъ есть точный снимокъ съ картины нѣмецкаго художника Гейльбута.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Дѣйствія правительства.

— Государь Императоръ, 14-го іюля, Высочайше повелѣтъ созвонилъ:

Увольненіе нижнихъ чиновъ въ кратковременный отпускъ изъ всѣхъ военныхъ управленій, заведеній и войскъ, расположенныхъ въ военныхъ округахъ — Европейской Россіи и Кавказскомъ, начать въ семь году съ окончаніемъ войсками лѣтнихъ занятій и производить по 1-е апрѣля будущаго 1876 года.

— 5-го іюня Высочайше разрѣшено учрежденіе въ Варшавѣ музея промышленности и сельскаго хозяйства съ предоставленіемъ Министру Финансовъ утвердить составленный для сего музея уставъ.

— 21-го іюля, Правительствующій Сенатъ, заслушавъ дѣло о распространеніи сочиненій преступнаго содержанія въ средѣ фабричныхъ рабочихъ и нижнихъ чиновъ Московскаго полка, и признавъ подсудимыхъ: 1) Вячеслава Дьякова 21 года, Алексѣя Сирякова 20 лѣтъ, Василя Герасимова 22 лѣтъ и Діомида Александрова 25 лѣтъ виновными въ преступленіи, предусмотрѣнномъ во 2 ч. 251 ст. ул. о нак.; 2) рядовыхъ Трофима Зайцева 29 лѣтъ и Юрія Янсона 24 лѣтъ — виновными въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ 126 ст. улож. о наказ., и 3) подсудимыхъ Владиміра Ельцова 22 лѣтъ и Всеволода Вечеслава 20 лѣтъ, виновными въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ 4 ч. 251 ст. улож. о наказ., и обративъ вниманіе на особенно важное значеніе настоящаго дѣла въ томъ отношеніи, что преступныя дѣйствія первыхъ четырехъ подсудимыхъ направлены были не только къ возбужденію бунта между фабричными рабочими, но и къ поколебанію въ нижнихъ воинскихъ чинахъ одного изъ гвардейскихъ полковъ преданности ихъ престолу и отечеству и долга повиновенія установленному законами началству, на основаніи улож. о наказ. ст. 251, 118, 119, 139, 140, 126, 19 (степ. 5), 39 (степ. 2 и 3), 34 (степ. 2) и воинск. уст. о наказ. (изд. 1869 года) ст. 49 (степ. 5) и II пригвѣтъ къ прилож. къ ст. 6, опредѣлилъ: 1) Вячеслава Дьякова, Алексѣя Сирякова, Василя Герасимова и Діомида Александрова лишитъ всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ: Дьякова на десять лѣтъ, Герасимова и Александрова на девять лѣтъ и Сирякова на шесть лѣтъ; 2) Трофима Зайцева и Юрія Янсона лишитъ всѣхъ особен-

ныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію имъ присвоенныхъ, или службою приобрѣтенныхъ, и отдать въ военно-исправительныя роты на одинъ годъ и девять мѣсяцевъ; 3) Владиміра Ельцова и Всеволода Вячеслава подвергнуть аресту: перваго изъ нихъ — на десять дней, а втораго — на шесть дней, и 4) судебныя издержки, если таковыя были употреблены по настоящему дѣлу, взыскать съ упомянутыхъ виновныхъ, а въ случаѣ несостоятельности ихъ принять на счетъ казенныя.

Дѣла церкв.

— Потомственный почетный гражданинъ Осипъ Павловичъ Пестриковъ представилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ сто тысячъ рублей съ просьбою употребитъ эту сумму на церкви возсоединившейся съ православіемъ холмской греко-уніатской епархіи.

Государю Императору, по всеподданнѣйшему о семъ докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, благоугодно было Высочайше соизволить на принятіе означеннаго пожертвованія и Всемилостивѣйше пожаловать жертвователю орденъ св. Анны 2 ст.; причѣмъ Его Величеству, во вниманіе къ столь значительному пожертвованію, благоугодно было также выразить желаніе видѣть лично Пестрикова.

Во исполненіе таковой Высочайшей воли, потомственный почетный гражданинъ Пестриковъ былъ вызванъ изъ мѣста своего жительства, гор. Калуги, въ С.-Петербургъ, и 20-го сего іюля, въ Петергофѣ, имѣлъ счастье представиться Государю Императору и удостоиться личной Его Величества благодарности.

Независимо отъ настоящаго пожертвованія, потомственный почетный гражданинъ Пестриковъ постоянно отличался общественною благотворительностью. Такъ, въ память избавленія Его Величества отъ угрожавшей опасности въ Парижѣ, 25-го мая 1866 г., Пестриковъ воздвигъ въ Калугѣ церковь во имя третьяго обрѣтенія главы Іоанна Предтечи, устроилъ при ней богадѣльню и обезпечилъ содержаніе оной капиталомъ въ 41.000 руб.; на учрежденіе въ городѣ Смоленскъ общественаго банка употребилъ 35.000 руб., съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ содержалась богадѣльня въ Смоленскѣ съ отдѣленіемъ для неизлѣчимо больныхъ; по устройству ремесленнаго училища въ Смоленскѣ пожертвовалъ 20.000 р., на реальное училище въ

Калугѣ 10.000 р. и на безплатный отпускъ къ карьерѣ бѣднымъ жителямъ: города Калуги, по случаю бракосочетанія Великой Княгини Маріи Александровны — 5.000 руб. и города Смоленска 3.000 руб.

Военное и морское дѣло.

— Въ «Кронштадскомъ Вѣстникѣ» сообщаютъ: что 1-го сего іюля возвратился изъ дальняго плаванія винтовой 8-ми пушечный корветъ «Богатырь». Плаваніе корвета продолжалось почти четыре года. Выйдя изъ Кронштадта 21-го августа 1871 г., въ отрядѣ генералъ-адъютанта вице-адмирала К. Н. Посьета, плававшего съ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ, корветъ «Богатырь» вмѣстѣ съ флагманскимъ фрегатомъ «Свѣтлана» и паровымъ клиперомъ «Абрекъ», поспѣлъ въ началѣ порты Англіи и затѣмъ направился въ Сѣверную Америку, заходилъ по пути на островъ Мадеру. Простоявъ нѣкоторое время въ Нью-Йоркѣ и поспѣвъ Пенсаколу, корветъ направился на Антильскіе острова, поспѣлъ Гаванну и перешелъ отсюда въ Рио-Жанейро. Изъ Бразиліи корветъ направился въ Японію, поспѣвъ на пути Капштадтъ, Саймонсъ-Таунъ, Батавію, Гонъ-Конгъ и Нагасаки. Принявъ участіе во всѣхъ торжествахъ и церемоніахъ, по случаю пріема японскимъ Микадо Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича, корветъ поспѣлъ Іокогаму, сдѣлавъ плаваніе внутреннимъ японскимъ моремъ, поспѣвъ: Мивара (Mivaga), Кобе и Хіого, заходилъ въ Симоу и Хакодате, и, оставшись затѣмъ, по отплытіи фрегата «Свѣтлана», въ составѣ отряда Тихаго океана, снова поспѣлъ нѣкоторые изъ портовъ Китая и Японіи и участвовалъ затѣмъ въ гидрографическихъ работахъ по изслѣдованію нашихъ береговъ Восточнаго океана и въ хронометрической связи портовъ Японіи съ Владивостокомъ. Во время этихъ работъ, крейсирова у береговъ Восточной Сибири, корветъ поспѣлъ и осмотрѣлъ съ производствомъ описи бухту Врангеля, заливъ Посьета, Владивостокъ, заливъ Св. Ольги, бухты: Владиміръ, Плястунъ, Императорскую гавань, Де-Кастри и Дуэ. По окончаніи гидрографическихъ работъ у восточныхъ береговъ Сибири, корветъ снова присоединился къ отряду, и въ началѣ нынѣшняго года отправился въ Европу изъ Шанга. Обратный путь былъ совершенъ кругомъ мыса Доброй Надежды. На обратномъ пути, въ Европѣ, корветъ поспѣлъ: Фальмутъ, Шербургъ, Флиссингенъ и Копенгагенъ.

Во все продолжение почти четырехлѣтнаго плаванія, корветомъ сдѣлано 46,557 миль подъ парусами и 20,318 миль подъ парами, всего 66.875.

— Въ крѣпостяхъ: Новогорьевскѣ, Брестъ-Литовскѣ и Ивангородѣ, основаны мѣстные комитеты общества попеченія о раненыхъ и больныхъ войнахъ.

— Первый подвижной лазаретъ вятскаго мѣстнаго управления открываетъ 1-го августа свой дѣйствіе и объѣзды.

— Въ «Кронштадтскій Вѣстникъ» телеграфируютъ, что винтовой 8-ми пушечный корветъ „Баявъ“ прибылъ въ Гонъ-Конгъ 8-го (20-го) іюля. На корветѣ все благополучно.

Железные дороги и телеграфы.

— О положеніи начатыхъ въ предѣлахъ Самарской губерніи работъ по сооруженію оренбургской желѣзной дороги, сообщаютъ отъ 11-го іюля слѣдующія свѣдѣнія: на участкѣ между Самарою и Сызранью отъ станціи Бастроковъ, точки соединенія съ Моршанско-Сызранскою желѣзною дорогою до гор. Самары, на протяженіи 115-ти верстъ, произведены по сіе время слѣдующія работы: окончено земляное полотно на протяженіи 86 верстъ, 29 сторожевыхъ домовъ и три казармы окончены вчерашъ, и заготовленъ матеріалъ для остальныхъ 32 сторожевыхъ домовъ и 7 казармъ: изъ числа 8 значительныхъ искусственныхъ сооружений, приступлено къ постройкѣ четырехъ, которые будутъ окончены постройкою въ теченіе мѣсяца, на остальные четыре заготавливается матеріалъ; на станціонныхъ постройкахъ выводятся фундаменты и заготавливается прочій матеріалъ.

— По линіи дозово-севастопольской желѣзной дороги стали довольно часто повторяться—лишуть въ „Таврическихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ — пожары хлѣбовъ на

поляхъ. Причинами этихъ печальныхъ явленій служатъ искры, извергаемыя изъ трубъ локомотивовъ.

Промышленность.

— Въ Симферополѣ открыта недавно механическая фабрика для постройки и исправленія земледѣльческихъ орудій. Пополняя весьма важный пробѣлъ въ числѣ промышленныхъ заведеній края, фабрика эта какъ нельзя кстати является на помощь сельскимъ хозяйствамъ, среди которыхъ употребленіе земледѣльческихъ машинъ въ послѣднее время стало сильно распространяться.

Сельское хозяйство.

— Появившаяся въ днѣпровскихъ плавняхъ саранча болѣею частью народилась на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ прошломъ году положены были ею сѣмена. Съ первымъ появленіемъ ея приняты были мѣры къ ея истребленію, которыя и дали весьма удовлетворительные результаты: за исключеніемъ самой незначительной части, вся саранча была уничтожена. Осталось ея немного въ густыхъ камышахъ, растущихъ на непроходимой, покрытой водою тишѣ, откуда она періодически выходила, сначала значительными массами, на травяныя поляныя, гдѣ каждый разъ ее отрѣзывать отъ камышей и истребляла. Хотя въ первыхъ числахъ іюля она не показывалась уже нѣсколько дней, но наблюденіе за ея выходомъ впрочемъ продолжается.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Мы получили отъ одного изъ подписчиковъ «Нивы» слѣдующее письмо:

Милостивый государь!

Покорнѣйше прошу васъ не отказать мнѣ въ напечатаніи въ вашемъ многоуважаемомъ журналѣ этого письма. Когда я получалъ на

ст. Кандоль, Сарат. губ., вашъ журналъ, то мнѣ всегда приходилось первое срывать бандероль и читать; въ настоящее же время съ переводомъ адреса на ст. Ади́каевку, Моршанско-Сызранской желѣзной дороги, мнѣ приходится читать уже десятому, не смотря на то, что я одинъ плачу за это удовольствие деньги.

Журналъ «Нива» со станціи Ади́каевки получается мною безъ бандероли, перепачканный, засаленный. а иногда и порванный. По справкамъ оказалось, что начальникъ станціи Ади́каевки, г. Андрияновъ, изволить такъ нелицеприятно поступать съ чужою собственностию: — онъ даетъ даже маленькимъ дѣтямъ своимъ «Ниву» въ видѣ игрушки, не понимая, что иллюстрированный журналъ, да еще чужой—вовсе не игрушка.

Напечатаніемъ этого письма вы меня, милостивый государь, премного обяжете.

Примите и проч.

М. Полетъминскій.

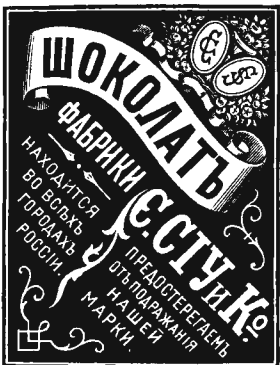
С. Ади́каевка, М. С. ж. д.
Іюля 13-го дня.

Помѣщая это письмо (не первое изъ полученныхъ нами по такому же поводу), мы не можемъ не выразить при этомъ крайняго сожалѣнія о томъ, что нѣкоторые начальники станцій совершенно игнорируютъ законъ, равно запрещающій распечатывать пакеты или срывать бандероли, или вообще какъ бы то ни было покушаться на чужую собственность.

СОДЕРЖАНІЕ Александра Павловна Крутикова (съ портретомъ).—Орель-дѣвка (изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ) повѣсть Вильгельмина фонъ-Гиллертъ-Биртъ (продолженіе).—Далмація (съ рисункомъ).—Обзоръ небеснаго свода (окончаніе).—Аничковъ дворецъ (съ рисункомъ).—Донскія казаки (съ рисункомъ).—Сибирь (съ рисункомъ).—Разныя извѣстія. — Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСкія МОДЫ за Августъ съ 14 рисунками, и листь выкроекъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Изъ бумаги.

- Воротники отъ 15 к дюжина.
- Маншеты > 20 > >
- Манишки > 25 > >
- Бѣлыхъ и цвѣтныхъ дамскихъ и мужскихъ въ огромномъ выборѣ всѣхъ размѣровъ и фасоновъ можно постоянно получать въ магазинѣ, Городъ Нюрнбергъ въ старомъ Газетномъ пер., домъ Марецкой въ Москвѣ.
- Высылаютъ по данной мѣрѣ по почтѣ, Гр. торговцамъ съсидка.
- Не смѣшивать фирмы.

ФАБРИКА Г. ВЕРНЕРА

ВЪ КАМЕНЦѢ ВЪ СИЛЕЗИИ.

Рекомендуетъ свои, получившіе преміи на всѣхъ выставкахъ: въ Вѣнѣ, Познані, Бременѣ, Прагѣ, Краковѣ и т. д., чрезвычайно легководные ПЛУГИ и другія сельскохозяйственныя орудія.

Каталоги по требованію высылаются бесплатно. Письма прошу адресовать: D-r Werder, Leipzig.

5 4

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

ГЕНРИХА

НЕСТЛЕ,

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ

ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Лучшее изъ всѣхъ донныхъ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко.

Это средство, вошедшее уже во всеобщее употребленіе, весьма легко переваримо, не подвержено порчѣ; способъ приготовленія его весьма простъ и оно охотно берется ребенкомъ.

Рекомендуется поэтому въ особенності:

- 1) въ помощь кормленія слабой матери или кормилицы,
 - 2) при отжиманіи ребенка отъ груди и
 - 3) въ путешествіяхъ съ дѣтми.
- Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. муки.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:

у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, единственнаго агента для всей Россіи, у Вознесенскаго моста, д. № 25, у Штоля и Шмида, въ Спб. — химической лабораторіи, русскаго общества торговли аптекарскими товарами, у Рудзювуса и Гольма, Шредера и Шульце, — у Я. А. Фоктса, — у Ваушмана, Вас. остр.—у В. Валадина, Литейная, д. № 57-й, у Ушакова — Гост. Дворъ, д. № 33, и во всѣхъ аптекахъ и москательныхъ торговыхъ Россійской имперіи.

26—25

Учебное заведеніе 1-го разряда

съ полнымъ курсомъ Классической гимназіи

содержимое Э. РЕПМАНОМЪ въ Москвѣ.

Помѣщается, на Гончарной ул., близъ Нюзскаго моста въ д. Степановой.

Пріемъ воспитанниковъ будетъ происходить отъ 15-го Іюля по 15-е Сентября. Классныя занятія начнутся 7 Августа.

10 - 2

Настоящія почтовые марки всѣхъ государствъ дешево продаются.

Большой Каталогъ (5000 №) съ 72 раскрашенными начертаніями, цѣна 1 марка (30 коп.) (прежде 2 марки).

Иллюстрированный журналъ для почтовыхъ марокъ на 2 года (каждый номеръ съ многими иллюстраціями) цѣна за годъ 3 марки (90 коп.).

Пробный листъ и прейсъ-курнтъ безплатно.

Полупна и продажа почтовыхъ марокъ

ЛУИ ЗЕМФЪ въ Лейпцигѣ, Германія.

6 - 4

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—16

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 32

1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
Парижскія моды и листъ чертежей выкроекъ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

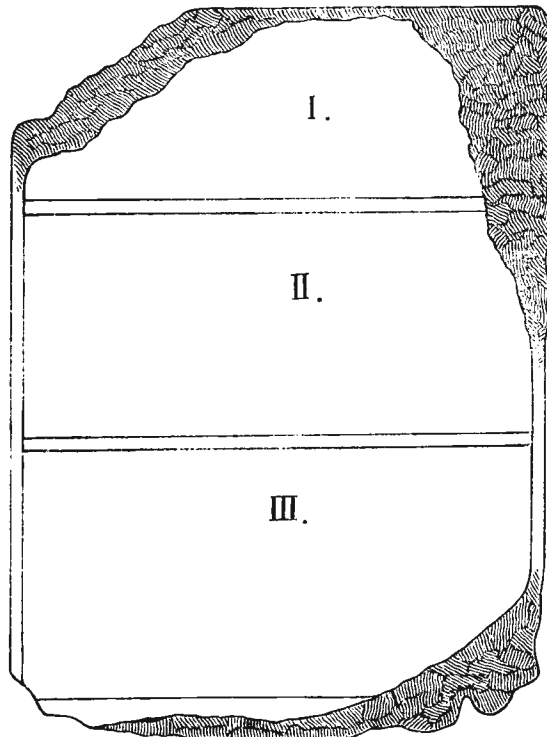
I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.

ИЕРОГЛИФЫ И РАЗБОРЪ ИХЪ.

Иероглифы—это изображеніе въ фигурахъ совокупности предметовъ, которые употреблялись для выраженія мыслей и передачи ихъ другимъ. Занятное слово это состоитъ изъ hieros—священный и glyphein—начертывать, вырѣзывать рѣзомъ; оно означаетъ «священный письменна» и употреблялось всегда преимущественно для означенія фигурнаго письма древнихъ египтянъ, хотя схожій съ этимъ способъ письма былъ и у другихъ народовъ, напр., у мексиканцевъ. Иероглифы, о которыхъ заводитъ мы рѣчь, находятся почти на всѣхъ предметахъ, дошедшихъ до насъ изъ древняго Египта. Важнѣйшими фоліантами, исписанными иероглифами, признаемъ мы египетскія стѣны и колонны храмовъ временъ Фараоновъ, которыя и теперь высятся подъ открытымъ небомъ на равнинахъ Нила, также какъ и тысячелѣтніе склепы, катакомбы, открытыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ и имѣющія видъ, какъ будто они вчера только сооружены. Далѣе, въ безчисленномъ множествѣ видимъ мы надписи на обломкахъ, колоннахъ, саркофагахъ, надгробныхъ камняхъ, алтаряхъ, вазахъ, амулетахъ, статуэткахъ и на посудѣ для общественнаго употребленія. Больше же всего, однако, угѣшаетъ насъ то, что мы обладаемъ большими свертками египетскихъ папирусовъ, дѣланныхъ изъ растущаго по Нилу папируснаго тростника,—свертками, которые хотя и очень похожи на матерію, но отличаются почти не поддающеюся порчѣ прочностію. Самые большіе изъ такихъ свертковъ папируса—длиною около 150 футовъ, самые маленькіе въ нѣсколько дюймовъ, а чаще встрѣчающіеся длиною въ 10 локтей и рѣдко шире одного фута. Во первыхъ, они заключаютъ большія надписи религіознаго содержанія, потомъ историческія изложенія, письма, контракты и всякаго рода документы, даже

беллетристическія работы, какуюнибудь сказку или романъ и т. п. Если бы вздумали переложить всю эту массу древне-египетскихъ письменныхъ памятниковъ, которыми мы обладаемъ, на карты или въ книги, то для помѣщенія ихъ (никогда такъ много не писалось какъ во времена Фараоновъ) нужно бы было больше вмѣстимости чѣмъ въ Парижской и Берлинской бібліотекахъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Такъ какъ употребленіе древне-египетскаго письма было весьма различно, то и способы этого письма были различны. Какъ у насъ есть особенныя письмена—большія римскія буквы, для общественныхъ памятниковъ, печатныя для книгъ и рукописныя для частнаго употребленія, такъ и у древнихъ египтянъ были тройкаго рода письмена. Первыя и древнѣйшія—это собственно иероглифы, которые въ большинствѣ случаевъ употреблялись для надписей на камнѣ и деревѣ или въ высоко-священныхъ религіозныхъ изложеніяхъ—и тщательно исполнялись не только писцами, но часто и ваятелями и живописцами. Собственно иероглифы занимаютъ не мало важную роль въ орнаментикѣ египетской архитектуры. Въ различномъ видѣ (basrelief или relief creux), изящно разрисованные, находятся они на стѣнахъ и колоннахъ, или четко вырѣзанные на самыхъ твердыхъ камняхъ, на обелискахъ, статуяхъ и саркофагахъ, которые, въ сухомъ воздухѣ равнинъ Нила и будучи сдѣланы изъ превосходнаго египетскаго матеріала, сохранились до нашего времени. На известкѣ и штукатурѣ склеповъ и храмовъ, на деревянныхъ ящикахъ и издѣльяхъ изъ кожи, они либо разрисованы такъ, что предметы ими изображаемыя растушеваны пестро, или представляются только въ черныхъ или красныхъ абрисахъ. Эти послѣдніе иероглифы больше писались, чѣмъ ри-

Розетская надпись.

I. Надпись иероглифами. II. Демотическая надпись. III. Греческая надпись.

на деревянныхъ ящикахъ и издѣльяхъ изъ кожи, они либо разрисованы такъ, что предметы ими изображаемыя растушеваны пестро, или представляются только въ черныхъ или красныхъ абрисахъ. Эти послѣдніе иероглифы больше писались, чѣмъ ри-

совались, тростниковую палочкою, въ значительномъ сокращеніи, если они наводимы были на папирусовые свертки, на которыхъ никогда не встрѣчаются разноцвѣтные іероглифы. Только начала фразъ, въ черномъ текстѣ, означались нѣсколькими красными буквами.

Сова, знакъ соответствующей буквѣ М, въ разноцвѣтныхъ, такъ сказать орнаментальныхъ, іероглифахъ рисовалась въ красивыхъ коричневыхъ перьяхъ, съ ушами, желтыми глазами и ногами и чернымъ клювомъ, тогда какъ въ извѣстной Туринской Метрической книгѣ и въ другихъ метрическихъ книгкахъ она пишется простымъ іероглифомъ такъ:

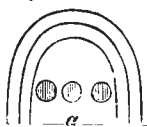
Но для болѣе скорого изображенія и этихъ сокращеній оказалось недостаточнымъ—образовался іератическій способъ письма, въ которомъ не употребляется уже фигура совы, изобража-

емая въ немъ знакомъ: *Іератическій* способъ письма былъ

введенъ въ употребленіе за 3000 лѣтъ до Р. Х. духовенствомъ, проявившимъ тогда большую силу и смѣлость, даже и въ различныхъ литературныхъ произведеніяхъ,—тогда какъ *Демотическій*, еще болѣе сокращенный чѣмъ іератическій и излагаемый буквами, языкъ простаго народа появляется лишь въ 8-мъ десятилѣтіи до Р. Х. Онъ употреблялся только частными лицами—и тамъ гдѣ должно было быть передаваемо что либо очень скоро. Сова писалась знакомъ или .

Коптское письмо передается на языкѣ древнихъ египтянъ греческими и нѣкоторыми демотическими добавочными буквами. Оно появилось послѣ Р. Х., по оказало намъ существенныя услуги тѣмъ, что на коптскомъ языкѣ и письмѣ мы обладаемъ не только медицинскими, литургическими и магическими манускриптами, но и переводомъ Библии, хотя и не полнымъ.

Такъ какъ коптскій языкъ схожъ съ древне-египетскимъ, какъ говорили на немъ въ III столѣтіи по Р. Х. и какъ онъ давно извѣстенъ былъ по сказанному переводу на него Библии, то разборъ іероглифовъ былъ бы возможенъ уже и прежде, еслибъ они основаны были на системѣ голосоваго произношенія. Но этого не было—и до открытія знаменитой Розетской надписи изслѣдователь поставленъ былъ въ тупикъ, такъ какъ вообще принято было, что способъ письма іероглифами свойственъ чисто идеографическаго и дѣло состояло тутъ не въ выговорѣ. Основываясь на сочиненіи грека Филиппа, который перевелъ трудъ одного египтянина Хоруса (Апполонъ), предположено было, что каждая фигура служила для выраженія идеи, но не звука или слога. По этому разборщикъ ставился въ необходимость просто разгадывать загадку—и такъ же мало могъ рассчитывать на успѣшный результатъ, какъ и мы, еслибъ намъ предлагали задачу разобрать смыслъ той надписи, которую напарная, на скалѣ озера Верхняго, Мингунъ (вольт), знаменитый вождь краснокожихъ. Тамъ нарисованы четыре челнока, изъ которыхъ на одномъ съживившесъ сидитъ зиморддокъ (птица), затѣмъ слѣдуетъ всадникъ, черепаха и буква *a*. Все это, какъ мы узнаемъ отъ самихъ индійцевъ, означаетъ, что союзникъ Волка Зиморддокъ (Кипкемунази) прибылъ на 4-хъ челнахъ (Капоехъ), изъ которыхъ одинъ онъ взялъ въ свое личное управленіе. Всадникъ означаетъ, что эта экспедиція предпринята была въ то время, когда въ Канадѣ введены были въ употребленіе лошади. Черепаха указываетъ на мѣсто высадки на берегъ зиморддка Три солнца подъ тремъ же радугами—означаютъ, что путешествіе продолжалось три дня. Не угодно ли разгадать, кто можетъ!

Первоначальные разборщики дѣйствительно дали подобное толкованіе іероглифамъ—и между ними первое мѣсто занимаетъ ученый іезуитъ патеръ Аванасій Кирхеръ, умершій въ 1680 г. и оставившій по себѣ много фолиантовъ, наполненныхъ переводами іероглифическихъ текстовъ, изъ которыхъ напр. одна группа, которая должна быть читаема по выговору и значить ни болѣе ни менѣ какъ *Autokrator* (самодержецъ), передается слѣдующимъ образомъ, легко объяснимымъ потому, что въ каждомъ знакѣ вмѣсто буквы разборщикъ видѣлъ идею: Виноволикъ всего плодородія и растительности, Острисъ, котораго воспроизводящая сила нисходитъ съ неба, его царства, чрезъ священную Мофту.

Подобныхъ несостоятельныхъ и болѣе или менѣ смѣшныхъ, основанныхъ на коренныхъ, извѣстныхъ заблужденіяхъ, попытокъ было много. Онѣ приносили пользу по крайней мѣрѣ тѣмъ, что привлекали вниманіе къ древне-египетскимъ надписямъ. Наконецъ, во время похода Наполеона I въ Египетъ, судьба благоприятствовала открытію документа, который по справедливости считается ключомъ, открывающимъ врата къ разбору іероглифовъ.

Французскій инженеръ-лейтенантъ Буссаръ нашелъ въ 1799 году, во время своихъ шанцевыхъ работъ въ С.-Жюльенѣ при Розеттѣ (Решидѣ), въ устьѣ Нила того же наименованія, большую таблицу изъ чернаго базальта, вышиною въ 10' и шириною въ 3 1/2', къ сожалѣнію по крайнѣ значительно обитую. На

ней три отдѣльныхъ надписи. Первая состоитъ изъ чисто іероглифнаго письма, вторая представляетъ демотическія буквы, третья на греческомъ языкѣ, писанная унциальными (начальными) буквами. 54 строки, составляющія послѣднюю, менѣ повреждены чѣмъ іероглифы, и буквы въ ней хорошо сохранены и удобочитаемы.

Все вмѣстѣ взятое заключаетъ въ себѣ декретъ жрецовъ, въ честь Птолемея Эпифана. Начинается онъ чрезвычайно странно титулатурою Фараоновъ и возвѣщаетъ молодому царю, что жрецы всѣхъ степеней, послѣ собранія въ храмѣ въ Мемфисѣ, опредѣлили благодарить его за многочисленныя, оказанныя странѣмъ благодѣянія и облегченія, также какъ и за оказанныя клиру милости и т. д., воздавать ему самыя большія почести и воздвигнуть на болѣе видныхъ мѣстахъ, при каждомъ храмѣ, статуи, при которыхъ стояло бы главное божество, вручающее ему знамя побѣды. Потомъ, ему и изображенію его, именно въ день его рожденія, должны быть приносимы всякаго рода божескія почести,—и все это, изложенное изысканнымъ слономъ, должно было быть начертано на памятникѣ изъ твердаго камня, священными, демотическими и греческими письменами, и чтобы наконецъ монументы воздвигнуты были въ каждомъ болшемъ храмѣ страны. Знаменитая каменная таблица, вслѣдствіе перемѣнаго военнаго счастья, находится теперь не въ Луврѣ, а въ Британскомъ музеѣ (British Museum). Мы прилагаемъ здѣсь рисунокъ ея (См. стр. 497).

Въ іероглифномъ текстѣ фигуры стоятъ одна возлѣ другой, и только нѣкоторыя группы заключены въ продолговатые круги.

Греческій отдѣлъ надписи заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя имена, въ особенности Птолемеевъ. Еслибъ можно было доискаться этихъ именъ въ отдѣлѣ іероглифовъ, то это было бы важнымъ приобритеніемъ,—и это оказалось возможнымъ, потому что съ находки таблицы Розетты, де-Гинь, Бартеlemi и Цѣга высказали предположеніе, что помнутыя, въ знакъ отличія окаймленные, группы должны заключать въ себѣ имена царей. За тѣмъ, изслѣдователи перешли къ демотическому тексту, который по ихъ мнѣнію долженъ былъ быть написанъ для чтенія по словамъ и дѣйствительно удалось доискаться, въ которой изъ группъ находилось имя Птолемея. Нельзя ли бы было отыскать того же имени и въ чаще-встрѣчающихся окаймленныхъ группахъ чисто іероглифическихъ надписей? Можно было; но навѣрное не могли высказаться объ этомъ до тѣхъ поръ, покуда не открыли втораго памятника,—obeliska на островѣ Филѣ въ верхнемъ Египтѣ, котораго надписъ въ іероглифахъ и на греческомъ языкѣ заключала въ себѣ имя Клеопатры.

Это послѣднее имя (Клеопатра) слитчили съ признаваемымъ за имя Птолемея (Ptolomaeus) и этимъ экспериментомъ удалось достигнуть успѣха, такъ какъ по благоприятной случайности, въ обоихъ именахъ одинаково находится по 5 согласныхъ.

Юма Юнгъ, англичанинъ, отличившійся по многимъ отраслямъ наукъ неимоверною энергіею, сумѣлъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и прочелъ, хотя и не совсемъ отчетливо эти имена въ надписяхъ на двухъ языкахъ,—тогда какъ въ то же время Жанъ Франсуа Шампольонъ (родившійся въ 1790 году по близости Гренобля), съ рѣзкою и не смотря на молодость свою зрѣлою проницательностью, какъ бы предопределенный для работы, которой посвятивъ жизнь свою,—не только совершенно прочелъ первыя имена, но уже 28-го сентября 1822 года, въ письмѣ къ г. Дасе, сообщилъ изумленному ученому миру часть іероглифной азбуки.

Какъ удалось ему это?—Съ достаточною достовѣрностью могъ онъ предполагать, что очерченная 1-я группа на таблицѣ Розетты означала Птолемея (Ptolomaeus), а 2-я изъ Филѣ—Клеопатру Тенерь онъ слитчилъ каждый знакъ по одиночкѣ.

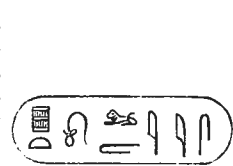
Первый іероглифъ въ словѣ «Клеопатра» , треугольничекъ, долженъ была означать К и не могъ быть въ словѣ «Птолемея», такъ какъ К тамъ и не было.

Второй знакъ левъ долженъ означать Л и Шампольонъ въ точности нашелъ его на четвертомъ мѣстѣ въ словѣ «Птолемея».

Третій знакъ—тростниковый листъ—стоитъ на мѣстѣ *шестой* и *седьмой* буквѣ въ «Птолемея» и какъ справедливо предполагали, долженъ былъ означать греческое въ словѣ «Птолемея» (Πτολεμαῖος).

Четвертый знакъ—веревка съ петлею на концѣ—долженъ означать О, и въ словѣ Птолемея стоять на третьемъ мѣстѣ. Такъ оно и есть; причѣмъ подразумевается и на пятомъ мѣстѣ. Также вѣрнымъ оказалось и то предположеніе, что почти квадратный прямоугольничекъ на пятомъ мѣстѣ въ словѣ К-л-е-о-п-атра долженъ означать лит. П, такъ какъ онъ стоитъ на первомъ мѣстѣ и въ словѣ Птолемея.

Шестая буква въ словѣ Клеопатра—орель—есть А, и по этому она не можетъ быть въ словѣ Птолемея, а для боль-

Птоломея.

Клеопатра.

шаго подтверждения она же оказалась и на последнем мѣстѣ въ словѣ Клеопатра-а.

Седьмой знакъ—рука долженъ быть Т; однакожъ въ Птоломейѣ нашлось другое Т, полукругъ и это могло приводить послѣдователя въ заблужденіе, еслибы не пришлось ему на мысль о возможности выраженія слова различными знаками и еслибы онъ не сдѣлалъ вѣрнаго заключенія, что полукругъ въ концѣ имени знаменитой парицы, который видѣлъ онъ и въ концѣ другихъ именъ женскихъ, означалъ коптскую женскую частицу *Т* и что онъ также выговаривается какъ рука на седьмомъ мѣстѣ слова К-л-е-о-п-а-тра.

Восьмой знакъ ротъ долженъ означать Р, и не находится въ словѣ Птоломей.

На девятомъ мѣстѣ въ концѣ слова, какъ было уже сказано, древній писатель во второй разъ поставилъ орда и слѣдовательно въ срединѣ и концѣ слова изобразилъ А однимъ и тѣмъ же знакомъ.

Такимъ образомъ, въ словѣ «Клеопатра» не осталось недознаною ни одной буквы, тогда какъ въ словѣ «Птоломей» (Ptolomaeus) пятая и осьмая буквы требовали дознанія, хотя и было ясно, что пятое (послѣ подразумеваемаго О) не могло быть ничѣмъ инымъ какъ лит. М, а девятое S. Такимъ способомъ достоверно опредѣлены были 11, а съ частицею 12 буквъ; съ помощью ихъ стали пытаться читать и другія извѣстныя собственные имена. Послѣ этого Шампольонъ обратилъ вниманіе на имя Александръ (Alexandros), которое онъ нашелъ въ большомъ сочиненіи, изданномъ ученымъ Наполеоновою экспедиціею (Description de l'Egypte) и увидѣлъ, что іероглифы А—орелъ, Л—левъ, Т—рука, Р—ротъ, стояли въ немъ на соответственныхъ мѣстахъ и имѣли право заключить, что третій знакъ чашка съ рукою есть видоизмѣненіе изображенія треугольникомъ буквы К; встрѣчающейся въ словѣ Клеопатра (лат. *κ* состоитъ изъ *к* и *с*) четвертый знакъ задвинутъ онъ принялъ за видоизмѣненіе спинки стула , изображающей въ словѣ Птоломей (Ptolomaeus) букву *π*; шестой іероглифъ — линію въ зигзагахъ призналъ онъ за лит. Н. Черезъ такое сличеніе получилось вмѣсто 11—14 дознанныхъ знаковь. Съ такимъ количествомъ извѣстныхъ уже величинъ можно было рѣшать задачи. Такимъ путемъ Шампольонъ шелъ далѣе, разобралъ затѣмъ лишь только заключенныя въ картуши (рамки) группы, въ которыхъ онъ съ достоверностію предполагалъ найти имена собственные, потомъ прочелъ множество именъ римскихъ царей и Птолемеевъ, персидскихъ царей и Фараоновъ, боговъ и государственныхъ людей, доискивался и находилъ варианты, сравнилъ и вездѣ дѣйствовала способъ индуктивнаго (наведенія). Переходя отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, онъ всегда дѣйствовалъ нѣкоторымъ образомъ «алгебраическимъ», вставляя новоопредѣленную величину какъ бы въ уравненіе со многими неизвѣстными.

Въ 1824 году онъ уже былъ такъ далеко, что въ своемъ «Précis du système hiéroglyphique» могъ представить не только множество переведенныхъ именъ и группъ, но и многиа правила по разбору іероглифовъ, которыми руководствуются и въ настоящее время.

Все это было бы невозможно безъ таблицы Розетты. Ей-то обязаны мы устраненіемъ кореннаго заблужденія, заключавшагося въ предположеніи, что письмо іероглифами будто бы характера чисто-идеографическаго. Отдѣльныя фигуры въ именахъ, служившія для выраженія какого-нибудь звука, также точно могли служить для этой же цѣли и въ другихъ случаяхъ. Такъ это было и на самомъ дѣлѣ, не смотря почти на 1000 различныхъ знаковь, которые намъ извѣстны.

Коптскій языкъ древнихъ египтянъ чрезвычайно богатъ омонимами (одно и то же слово, выражающее нѣсколько понятій) и потому такъ бѣденъ въ общемъ смыслѣ, что нерѣдко для 5 понятій имѣетъ одно только или почти одно слово—п кромѣ того допускаетъ большой произволъ въ вокализации частей рѣчп. Поэтому приходится обходиться не однимъ только слоговымъ или звуковымъ письмомъ, которое такъ древне, какъ самое древнѣйшее, дошедшее до насъ отъ египтянъ, письменное слово. Нужно было дѣлать объясненія—прописывать слова слогами и звуками и за этимъ ставилъ такъ-называемый опредѣляющій знакъ (Determinativ Zeichen), т. е. фигуру, означющую родовое понятіе, къ которому относилось слово, или же фигуру самаго выраженнаго слова. Такимъ образомъ, за названіемъ каждаго четвероногого животнаго, рисовалась трема штрихами задняя часть его; но нерѣдко за словомъ, напр. *axe*—корова, или *may*—кошка, стоитъ фигура коровы или кошки. И глаголы также бывали опредѣляемы такъ, что если писалось звуковымъ способомъ напр. *chetbu*—убивать, то оно дополнялось еще опредѣляющимъ: *вооруженною рукою*, представляющею action forte (какъ выразился Шампольонъ) и *ножомъ*, и съ этимъ опредѣляющимъ способомъ дѣйствія, и такимъ образомъ вмѣсто одного только *chetbu*—убивать, изображалась рука и ножъ. За прописаннымъ *chus*—строить—изображался строящій человекъ, за *nehet*—ликовать—ударяющій въ ладони фигура. Въ очень употребительныхъ именахъ существительныхъ и въ глаголахъ съ проставленными опредѣля-

щими знаками, способъ письма для выговора могъ и не употребляться и вмѣсто *axe* порока или *nehet* ликовать, ставилась только фигура коровы или въ ладони ударяющаго человека.

Одна и та же фигура всегда должна была опредѣлять (въ одно и то же время) и дѣйствіе и предметъ, когда они вели свое начало отъ одного корня и имѣли одинаковый смыслъ; такъ, за каждыя словомъ, стоящимъ въ связи съ дѣйствіемъ живописца, писанія, мысленія, рѣчи и даже съ письменнымъ матеріаломъ папрусомъ, рисовался свертокъ или письменный матеріалъ; но такъ, что за словомъ напр. *an*—рисовать, ставился только письменный матеріалъ, за *an*—писецъ, то же опредѣляющее, но вмѣстѣ съ тѣмъ и мужская фигура, означавшая, что рѣчь идетъ объ личности.

Символческіе знаки, о которыхъ упоминаютъ древніе, тоже встрѣчаются, но такъ, что мы вырвавъ принимаемъ ихъ за опредѣляющіе. Такъ для изображенія неба служилъ сокращенный знакъ женщины , распростиertoй надъ землею; для ночи—та же фигура, со звѣздою подъ нею ; но всѣ эти

понятія передаются не по произношенію и опредѣляются лишь сказанными соотвѣтственно подобранными словами. Рѣдко можно ошибиться, если разобрать значеніе слова по его опредѣляющему; но само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ прежде всего надо руководствоваться его выговоромъ и соотвѣствующимъ ему коптскимъ словомъ. Конечно, это не всегда ведетъ къ желаемому результату, такъ какъ коптскій языкъ стоитъ къ древне-египетскому не много ближе, чѣмъ итальянскій къ латинскому, а нашъ новѣйшій русскій къ славянскому языку.

Къ помянутымъ опредѣляющимъ смыслъ—присоединяются и опредѣляющіе выговоръ (Klangdeterminativa): писали, напр.

слово *anch*—жизнь и при этомъ ставили знакъ шпескаго ключа креста съ рукою , выговариваемый *anch*. Такъ

какъ это случилось очень часто, то звуковымъ способомъ письма совѣсьмъ не употребляли—и тамъ, гдѣ хотѣли передать слово *жизнь* въ формѣ имени существительнаго, прилагательнаго или глагола, довольствовались знакомъ креста съ рукою. Эти отдѣльно взятая опредѣляющія представляли бы большія затрудненія, еслибы у насъ не было множества вариантовъ, т. е. различныхъ способовъ чтенія одного и того же текста. Къ счастью, существуетъ много формулъ и писемъ сходнаго содержанія, въ которыхъ писателю, при чтеніи ихъ въ форму, всегда представлялся въ извѣстной степени произволъ. Такимъ образомъ, если на томъ мѣстѣ, гдѣ въ первомъ текстѣ стоитъ только крестъ съ рукою, а во второмъ прописано «*anch*» , то мы уже знаемъ, что должно читаться *anch* и .

такъ какъ *anch* по коптскіи (*anch, anch*) значитъ «жить», то такъ и переводится.

Мы надѣемся, что этия познакомили мы читателя съ разборомъ іероглифовъ и объяснили свойство письма іероглифами. Это послѣднее далеко чаще становится темнымъ отъ излнпества свѣта, чѣмъ отъ другой какой-либо причины. Не будетъ въ томъ выдумки, если мы отнесемъ недостатокъ простоты во многихъ текстахъ къ желанію писателя блеснуть и выставить себя даровитымъ. Искусство, съ которымъ составляются фигуры въ симметрическомъ порядкѣ такъ же велико, какъ и умѣнье подбирать знаки, которые, гдѣ это только возможно, стоятъ въ связи съ изображаемымъ словомъ. Великій ученый выхваляется въ началѣ надгробной надписи (находящейся теперь въ Парижѣ), въ которой сказано, «что онъ постигалъ всѣ таинства священнаго письма». Разнородность письменныхъ знаковь очень затрудняла работу разбора, а соответственный смыслу подборъ буквъ часто подоспѣвалъ на помощь филологамъ.

Шампольонъ, черезъ чуръ рано умершій для науки, въ 1832 году, на 43 году отъ роду, оставилъ по себѣ законченную рукопись самой обширной изъ всѣхъ написанныхъ до сего времени грамматикъ іероглифовъ и въ отрывкахъ матеріалъ для изданнаго впоследствии братомъ его лексикона. Заслуги Шампольона такъ велики, что они непостижимы, если взять во вниманіе краткороченную жизнь его. Бронзовый монументъ ему появился на Марсовомъ полѣ въ Парижѣ въ 1867 году, а Шатобрианъ еще прежде воздвигъ ему прекрасный памятникъ въ словахъ: «*Ses admirables travaux auront la durée des monuments, qu' il nous a faits connaître*». Со времени смерти его цѣлука наша сдѣлала огромные успѣхи и уже въ нѣсколько лѣтъ зашла такъ далеко, что всякая фраза переводится не иначе, какъ съ строгимъ анализомъ,—такъ что египтологъ въ Петербургѣ переводилъ съ незначительными отступленіями одинъ и тотъ же папрусъ точно такъ, какъ и собрать его въ Каирѣ. Найденная въ развалинахъ древняго Таниса въ 1866 году Лесіусомъ большая надпись на двухъ языкахъ, которая гораздо больше и далеко полнѣе таблицы Розетты, и содержитъ въ себѣ тоже декретъ жрецовъ въ іероглифахъ, демократическихъ и греческихъ письменахъ, представила неоспоримое доказательство вѣрности разрѣшенія задачъ египтологами нашего времени.

Дорогобузь. Рис. Бверъ, грав. Этлингъ.

ДОРОГОВУЖЪ.

Въ лѣтописяхъ нѣтъ указаній на время основанія этого города. Первые извѣстія о немъ относятся къ 1300 году, подъ которымъ упоминается о Дорогобужѣ, какъ о городѣ Смоленской области, вотьчнѣ первого вяземскаго князя, Андрея Владиміровича, по прозванью Долгая Рука. Съ этого времени Дорогобужъ не разъ дѣлается жертвою удѣльныхъ неурядицъ, а въ 1404 году, по взятіи Смоленска Витовтомъ, переходитъ во власть князей Литовскихъ, принимая участіе во всѣхъ ихъ междоусобныхъ расприхъ, войнахъ съ Крымскими татарами и Московскимъ государствомъ, и по 1499 годъ остается подъ властію Польскихъ королей. Въ 1499 году, въ правленіе Іоанна III, бояринъ Юрій Захарьевичъ Кошкинъ, предводительствовавшій московскимъ войскомъ, взялъ Дорогобужъ и нанесъ полякамъ рѣшительное пораженіе при рѣкѣ Ведрони, среди Митькова поля. Съ обѣихъ сторонъ дрались тысячь до восьмидесяти съ одинаковымъ мужествомъ; русскіе внезапно ударили запаснымъ отрядомъ изъ засады и обратили въ бѣгство литовцевъ, оставившихъ до 8000 тѣлъ на мѣстѣ боя; сверхъ того, множество ихъ утонуло въ рѣкѣ, такъ какъ мостъ черезъ нее былъ уничтоженъ нашей пѣхотой, зашедшей въ тылъ неприятелю. Самъ военачальникъ литовскій, князь Константинъ Острожскій, намѣстникъ смоленскій Станиславъ, нѣсколько маршалковъ, князей, пановъ и чиновниковъ взяты были въ плѣнъ; весь обозъ и огнестрѣльный снарядъ достались русскимъ. Витва эта рѣшила четырехлѣтнюю войну, кончившуюся 25 марта 1503 года перемиремъ на 6 лѣтъ, по которому Дорогобужъ отошелъ къ Россіи.

Перемиріе это было нарушено по смерти Іоанна III,—и во время осады Смоленска, въ 1508 году, великій князь Василій Іоанновичъ изъ Дорогобуза отряжалъ на Литву своихъ воеводъ. Сигизмундъ III, принудивъ русскія войска снять осаду Смоленска, взялъ и Дорогобужъ. Но вскорѣ затѣмъ, воевода королевскій Станиславъ Кшика былъ вытѣсненъ оттуда русскими, обошедшими городъ съ двухъ сторонъ. По заключенному вслѣдъ затѣмъ миру, Дорогобужъ остался за Россіей.

Въ смутное время Дорогобужъ принималъ сторону то самозванцевъ, то Шуйскаго; но въ 1611 г., на патристическій призывъ изъ Нижняго Новгорода отозвались и дорогобужане, вмѣстѣ съ смолянами и вяземичами. Во время войны царя Михаила Ѳеодоровича съ Польшею, въ 1616 г., русскія войска, подъ начальствомъ князя Барятинскаго шедшія изъ Ржева въ помощь осаждавшимъ Смоленскъ, были отрѣзаны въ Дорогобужѣ литовскимъ воеводою Гонсѣвскимъ, который сталъ между Смоленскомъ и Дорогобужемъ. Тогда приказано было боярину Сулешову и смоленскому князю Прозоровскому, вмѣстѣ съ Барятинскимъ, очистить дорогу въ Смоленскъ; но не смотря на первоначальный успѣхъ, русскіе должны были отступить въ городъ Бѣлой; а Сулешовъ, разбившій подъ Дорогобужемъ полковника Чаплинскаго, получилъ повелѣніе двинуться къ Москвѣ. Въ 1617 году королевичъ Владиславъ, въ качествѣ нарѣченнаго царя Московскаго, овладѣлъ Дорого-

бужемъ, но по Деулинскому перемирію на четырнадцать съ половиною лѣтъ городъ остался за Польшею.

По окончаніи этого перемирія въ 1632 году, не смотря на приказъ послать легкіе отряды *рѣзвѣхъ* людей и захватить Дорогобужъ врасплохъ, а въ случаѣ неудачи этого дѣла, *идти къ нему всеми полками, промыслятъ всеми тѣрами: послать тайно грамоты къ русскому населенію этого города, съ увѣщаніемъ вспомнить православную вѣру и присягу, послужить Государю, подѣ литовскими людьми промыслити и городъ сдать*,—Дорогобужъ, переходя изъ рукъ въ руки, все таки оставался подъ властію поляковъ, пока наконецъ 4-го іюня царь Алексѣй Михайловичъ отнялъ его—и по Андрусовскому договору, вмѣстѣ съ Смоленскомъ и всею Сѣверскою областю, а равно и землями отъ Днѣпра и Кіева до Путивля, навсегда присоединилъ къ Россіи.

При обоехъ раздѣленіяхъ Россіи на губерніи въ царствованіе Петра Великаго и при такомъ въ царствованіе Екатерины II, Дорогобужъ съ уѣздомъ входилъ въ составъ Смоленской губерніи.

Въ 1812 году, Дорогобужъ, бывшій сборнымъ пунктомъ Смоленскаго ополченія, при отступленіи французовъ, заняли войска Нея. Авангардъ Милорадовича, подъ начальствомъ Юрковскаго, очистивъ половину города, былъ остановленъ выстрѣлами съ укрѣпленія на Соборной Горѣ. Часть авангарда атаковала укрѣпленіе съ фронта, другая пошла въ обходъ, и при содѣйствіи 2-хъ орудій и егерей, вытѣснили французовъ, которые успѣли отступить и зажгли городъ. Сожжены 3 церкви, 3 каменныхъ зданія и 616 деревянныхъ домовъ.

Дорогобужъ, расположенный на обоехъ берегахъ Днѣпра, орошають еще двѣ рѣчки: Ордышка и Дебрь. Изъ нихъ Днѣпръ судоходенъ только въ весеннее время. Раскинутый частью на лѣвомъ берегу Днѣпра, изрѣзанномъ лощинами, частью ютящійся въ долину на правомъ берегу, Дорогобужъ принадлежитъ къ числу красивѣйшихъ уѣздныхъ городовъ Смоленской губерніи, а множество церквей древней архитектуры придаютъ ему характеръ стариннаго русскаго города. На лѣвомъ нагорномъ берегу Днѣпра, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ, находится земляное укрѣпленіе, имѣющее въ окружности 180 сажень. Въ центрѣ укрѣпленія устроена соборная церковь, а параллельно крѣпостнымъ валамъ расположены присутственные мѣста и провіантскіе магазины. На скатѣ этой возвышенности сохранились слѣды батарей. Въ этой же части города, внѣ крѣпости, находится 8 церквей, соляные магазины, лавки и постоялые дворы.

Во времена Грознаго, Дорогобужъ славился торговлей медомъ, саломъ, льномъ и пенькою. Въ настоящее время о торговлѣ медомъ остались только преданія; за то торговля пенькою до сихъ поръ производится въ значительныхъ размѣрахъ: до 200 пудовъ ея ежегодно доставляется въ Ржевъ на тамошнія канатныя фабрики.

Въ Дорогобужѣ считается 1025 жителей.

РЕЛЪ-ДѢВКА.

(Изъ жизни въ Гирольскихъ альпахъ).

повѣсть Вильгельмны фонъ-Геллернъ-Бирхъ.

(Продолженіе).

XI.

Наконецъ-то!

Съ этого самаго дня Валли стала еще необузданнѣе, съ ней просто не было ни сладу, ни ладу. Уходить на ночь домой она не думала, и до утра оставалась подъ открытымъ небомъ, а потомъ вплоть до сумерекъ работала какъ лошадь, безъ передышки, причѣмъ запальчивость ея доходила до безобразія: такъ, напримѣръ, она требовала, чтобы рабочій людъ ея совершенно такъ же трудился, какъ и она,—но вѣдь не всѣ же были такъ крѣпки, выносливы. Викентій Геллернъ началъ чаще появляться въ домѣ наслѣдницы Штротмингера. Дѣло въ томъ, что Викентію были извѣстны всѣ сплетни и новинки, а Валли внезапно стала ужасно любопытной. Подмѣтивъ это, Геллернъ поставилъ себѣ непремѣннымъ долгомъ собирать животрепещущія новости, узнавать, что тамъ-то и тамъ творится—и обо всемъ сообщать Валли. Такимъ образомъ, онъ могъ постоянно бесѣдовать съ нею, да и она мало по малу привыкла видѣть его около себя. Викентій скоро увидѣлъ, что лю-

бопытство Валли устремлено было преимущественно въ два мѣста: Зельденъ и Цвизельштейнъ. Человѣкъ онъ былъ не глупый, а потому безъ особеннаго труда разгадалъ причину этого. И вотъ, Валли стала получать отъ него различныя вѣсточки относительно знакомства, завязавшагося между Іосифомъ и Афрою. Новости эти, какъ видно, сильно тревожили ее и заставляли крѣпко волноваться. Викентій и виду не показывалъ, что все это видитъ и, равнодушно болтая, пересталъ даже намекать ей о своей любви. Валли поэтому поустовоилась и стала какъ-то доврчивѣе къ нему, но чувство ревности къ Іосифу грызло сердце Викентія... „Проклятіе всей жизни моей этотъ Гагенбахеръ! думаль онъ: „Гагенбахеръ всегда всѣхъ опередитъ, первый прославится; какой-бы подвигъ ни предстояло совершить—глядишь: ужъ онъ отличился! А на состязаніяхъ игроковъ въ кегли или стрѣлковъ? Сколько ни было состязаній—онъ каждый разъ хваталъ призъ, всегда выходилъ побѣдителемъ... И что-же—мало этого: онъ отбиваетъ теперь у меня сердце дѣвушки! А вѣдь Валли, пожалуй, наконецъ, улыбнулась-бы мнѣ, видя такое упорное ухаживание—не будь только этого Гагенбахера!.. О, зачѣмъ-

же это Богъ одаряетъ такъ щедро одного, оставляя другихъ въ убожествѣ, безталанности?..."

Такъ ропталъ Викентій и находился въ такомъ-же возбужденномъ тревожномъ состояніи духа, какъ и Валли. Если-бы все горе и вся злость ихъ могли слиться въ одинъ потокъ, то, право, волны его залили-бы всю Эцтскую долину.

Пришло время траву косить. Какъ-то разъ, вечеромъ, находясь на сѣнокосѣ, Валли помогала грузить тѣлегу копнами скошенной травы. Кончилась нагрузка, оставалось только обвязать возъ; но сѣна такъ много навалили на телѣгу, что рабочимъ все какъ-то не удавалось перекинуть веревку съ палкой черезъ возъ. Веревка взлетала, скатывалась на землю, опять взлетала, но безуспѣшно. Это забавляло рабочихъ—и они стали просто шалить. Валли вышла наконецъ изъ терпѣнія.

— Прочь вы, остолопы эти! крикнула она на рабочихъ, разтолкала ихъ и, захвативъ веревку, взобралась на самый верхъ воза, потомъ взялась обѣими своими круглыми руками за конецъ длинной палки, почти дубины, взмахнула ею—и дѣло было въ шляпѣ. Всѣ даже вскрикнули отъ удивленія. Работницы начали подтрунивать надъ работниками, дразня ихъ тѣмъ, что силенки не хватило у нихъ, а вонъ хозяйка-то одна справилась! Батраки почесывали только затылокъ и полагали, что она выкинула такую штуку не сама по себѣ: ужъ навѣрно тутъ ей дьяволъ помогъ!...

Валли, стоя на возу, глядѣла на ярво-красный дискъ заходящаго солнца. Лицо ея выражало и гордость, и самодовольство. Въ эти минуты она особенно ясно сознавала, что подобной ей—нѣтъ и, попрежнему, ощущая въ себѣ богатырскую мощь и энергію, готова была вызвать на борьбу хоть цѣлый міръ.

Подвернулся тутъ Викентій и, закинувъ голову, крикнулъ:

— Ты смахиваешь теперь на царицу Потифарь на словѣ! Вотъ если-бы Иосифъ увидѣлъ такую Потифарь—навѣрно пересталъ-бы дурить!

При этомъ намекавъ щеки Валли зарумянились. Она соскочила съ воза, подошла къ Викентію и сказала:

— Запрещаю тебѣ подобныя шутки!

— Ну-ну, не буду, извинился Викентій,—вѣдь это я такъ бухнулъ—спроста, потому что утерпѣть не могъ: ужъ очень ты красива была, когда стояла тамъ! Больше этого не случится—будь увѣрена.

И онъ пошелъ съ ней рядомъ.

— Ну, не слыхалъ-ли чего новенькаго? спросила Валли по обыкновенію.

— Новенькаго-то маловато, отвѣтилъ Викентій:—вотъ болтаютъ, что въ день Петра и Павла Гагенбахеръ будетъ танцевать въ Зельденѣ съ служанкой-то той—Афрой. А слышалъ я это отъ одного посыльнаго, которому поручено принести изъ Имста новые башмаки и шелковый платочекъ—для Афры. Иосифъ и денегъ далъ на эти покупки...

Валли промолчала, захвативъ зубами нижнюю губу, но Гельнеръ отлично видѣлъ, что творится въ ней въ эти минуты.

— Послушай-ка, заговорилъ онъ снова,—вѣдь въ день Петра и Павла у насъ тоже праздникъ, ну, и почему-бы тебѣ не придти? Тѣ-то-бы удался праздничекъ: молва о немъ пошла-бы далеко! Что-жь, не желаешь-ли со мной протанцевать?.. а?...

Валли мотнула назадъ головой и съ горечью произнесла:

— Не мнѣ танцевать!...

— Нѣтъ, Валли, пойдѣмъ, право, пойдѣмъ! настаивалъ Викентій.—Ну, согласишься, хоть разожъ, чтобы люди хоть видѣли!

— Много я на нихъ вниманія обращаю... Какже! И она презрительно фыркнула.

— Дѣ, но вѣдь рты-то не зажмешь! Вонъ говорятъ...

Викентій спохватился, прикусилъ языкъ, а Валли приостановилась и бросила пристальный взглядъ на него.

— Что такое говорятъ?

Выраженіе лица дѣвушки испугало Гельнера.

— Да это я такъ... то есть, видишь-ли, болтаютъ, что у тебя будто какое-то горе тайное есть. Ну, а старшая работница начала рассказывать, что ты по ночамъ дома не бываешь и, словно какъ поврежденная, по полямъ разгуливаешь... Толкуютъ тоже вотъ, что катаешься ты какъ сыръ въ маслѣ, что жениховъ у тебя какъ нерѣзанныхъ собакъ, а если не смотря на все это ты не довольна, печальна—значитъ, въ любви какой-то несчастлива; а послѣ того скандала—когда процессія-то была...

— Что-же? продолжай! проговорила Валли какимъ-то тихимъ, страннымъ голосомъ.

— Ну, послѣ того скандала и стали поговаривать, что во всемъ Эцталѣ только *одинъ* ей и приглянулся—Иосифъ, да вотъ бѣда: не хочетъ онъ даже и взглянуть на нее...

Глаза Валли заискрились, засверкали, точно молнія блеснула въ нихъ. Слова эти поразили ее до глубины души; она даже съ мѣста не могла двинуться и, какъ стояла у дерева, такъ и прислонилась головой къ стволу... Кровь хлынула въ голову, въ вискахъ страшно стучало.

— Если это правда... Если ужъ въ самомъ дѣлѣ про меня такъ... простонала она и не договорила, потому что мысли ея спутались, въ головѣ потемнѣло, какъ будто мозгъ отуманился.

Викентій далъ ей время очнуться, придти въ себя: онъ вѣдь зналъ, какъ она горда, и зналъ, какъ ударъ этотъ былъ тяжолъ для нея.

— Ну, вотъ, поэтому-то хочется мнѣ, чтобы ты со мной протанцевала, проговорилъ онъ потомъ:—это наилучшимъ манеромъ можетъ зажать людскіе рты.

Валли выпрямилась и воскликнула:

— Съ тѣмъ только человѣкомъ пойду я танцевать, которой можетъ быть моимъ мужемъ! И это тебѣ извѣстно!

— А я такъ полагаю: будь я на твоемъ мѣстѣ—сейчасъ-бы отдалъ руку Викентію Гельнеру, не унимался Викентій, желая колоть ее:—право, пошелъ-бы за него! А то что: ради любви къ Гагенбахеру остаться въ дѣвкахъ?...

Валли проглядѣла на Гельнера, и чувство отвращенія къ нему снова шевельнулось въ ея груди.

— И какъ это тебѣ не надоѣстъ повторять одно и то же?... Самъ знаешь, что ничего изъ этого не выйдетъ!...

— Ну, слушай, Валли, въ послѣдній разъ спрашиваю тебя: примиришься-ли ты съ мыслью назвать меня своимъ мужемъ?

— О, никогда, никогда! Ужъ лучше умереть! отвѣтила Валли.

Желтоватое лицо Викентія покрылось бѣлыми пятнами, которыя были замѣтны на выдающихся его скулахъ. Поглядывая искоса на дѣвушку, онъ смахивалъ на коршуна, устремившаго свой желтый глазъ на беззащитную жертву.

— Прискорбно мнѣ, Валли, но я обязанъ теперь сказать тебѣ нѣчто такое, о чемъ, право, охотнѣе умолчалъ-бы, но... ты сама принуждаешь меня къ этому. Годъ я выждалъ, давалъ тебѣ время одуматься, нынче ужъ—шабашъ: объявить надо!.. И онъ вытащилъ изъ кармана исписанный листъ бумаги.

— Вотъ, осталось всего нѣсколько дней до годовщины смерти отца твоего. Ежели ты не пойдешь за меня, то со дня годовщины теряешь право владѣть наслѣдствомъ Штроммингера.

Валли удивленно поглядѣла на Викентія, который успѣлъ уже развернуть листъ.

— Это—духовная твоего отца, въ которой объявляется его воля: ежели ты, по прошествіи года со дня смерти отца, не сдѣлаешься моею женой, то весь домъ, со всѣмъ добромъ, всѣ пристройки и другіе предметы—будутъ принадлежать мнѣ!... Тогда полно тебѣ гордиться: по завѣщанію ты получишь только законную часть. Объ этомъ никто еще не знаетъ... Пораздумай-ка хорошенько, право; еще разъ сообрази все это. Лучше идти тебѣ на уступку, такъ я думаю, чѣмъ принудить меня затѣвать дѣло въ судѣ и просить, чтобы духовная была въ точности исполнена.

Валли вдругъ остановилась и, окинувъ его съ головы до ногъ ледянымъ взглядомъ, взглядомъ полнымъ презрѣнія, проговорила наконецъ совершенно спокойнымъ тономъ:

— Жалкій ты человекъ! неужто ты думаешь изловить Орель-Дѣвку такимъ манеромъ, поймать ее въ *этакую* ловушку?.. Дѣ, въ вашемъ это духѣ... Похожъ ты на моего отца! Только онъ не зналъ меня, да и ты меня не знаешь! Ну, на что мнѣ деньги и имущество все? Вѣдь ни за какія деньги не купишь мнѣ того, чего я хочу,—такъ зачѣмъ стану я дорожить ими?.. Ну-да что объ этомъ говорить!.. Въ понедѣльникъ я соберусь въ дорогу, возьму кой-какія вещи—и уйду, такъ какъ *въ юстяхъ* у тебя быть не намѣрена—ни на одинъ часъ. Правда, тяжело мнѣ покидать домъ, въ которомъ я родилась; но, поживъ хозяйкой, развѣ испытала я больше счастья, чѣмъ тогда, когда исполняла обязанности пастуха?.. Тутъ, какъ и тамъ, я была всѣмъ чужой... Ну, значить, и теперь самое лучшее уходить отсюда какъ можно подальше!..

Спокойно повернувшись, она пошла къ дому. Викентій, въ порывѣ дикаго отчаянія, внезапно охватившаго его, бросился за ней, упалъ къ ея ногамъ и уцѣпился за нихъ.

— Ахъ! да развѣ я имѣлъ это въ мысляхъ? Не надо, не надо тебѣ уходить! Ради Бога, оставь ты это! восклицалъ онъ прерывающимся голосомъ.—Мнѣ-то твой домъ на что?... Вѣдь я хотѣлъ только... О, Господи! Человекъ въ отчаяніи не разбираетъ средствъ... радъ за все ухватиться!..

Обхвативъ крѣпко одной рукой колѣни Валли, Викентій держалъ въ другой духовную, и вдругъ бумага эта очутилась около его рта—и онъ разорвалъ ее зубами.

— Вотъ, лоскутки... остались! гляди-же! Не хочу я твоего дома, если въ немъ тебя не будетъ!.. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не уходи—только не уходи!

Лоскутки духовнаго завѣщанія унеслись куда-то, подхваченные вѣтромъ.

Валли удивленными глазами смотрѣла на Викентія.

— Право, мнѣ жалко тебя, Викентій, заговорила она,—но я не въ силахъ тутъ ни тебѣ, ни себѣ помочь... Владѣй домомъ, владѣй всѣмъ, что слѣдуетъ тебѣ по завѣщанію. Дѣло это рѣшенное, пусть такъ все и будетъ; хотя ты и уничтожилъ бумагу—ничего: я отъ своего слова не отступлюсь, потому что подарковъ отъ тебя не хочу... Мнѣ и такъ тутъ больно ужъ тяжело, все равно—уйти надо. И зачѣмъ останусь я здѣсь? Чего ждать? Люди здѣшніе не по мнѣ, да и я не по нимъ... Возьму я Ганзля—и опять туда, въ горы—тамъ мое гнѣздо. Если мнѣ можно попросить тебя сдѣлать какое нибудь

одолженіе мнѣ, то вотъ моя просьба: пока я буду еще здѣсь—не говори ты никому, что домъ уже не принадлежитъ Вальбургѣ Штроммингеръ... Вѣдь ты знаешь—ну, не могу я вынести, когда вижу, что надо мною смѣются! Это бѣситъ меня—бѣситъ!... Въ самомъ дѣлѣ, подумай, какъ-бы стали злорадствовать, насмѣхаться, если-бы сейчасъ узнали, что гордая Валли принуждена оставить свой домъ, уйдти, какъ выгнанная батрачка!.. О, да я не пережила-бы этого! Вотъ, я и прошу тебя: не помѣшай мнѣ удалиться по моей доброй волѣ, какъ настоящей хозяйкѣ!

— Валли... Валли! завопилъ Викентій:—ежели ты непремѣнно уйдешь, такъ я—за тобой! Это ужъ не въ твоей власти—не запретишь мнѣ! Куда ты, туда и я... Пути никому не заказаны и нигдѣ—хоть на всѣ четыре стороны!

Валли съ ужасомъ глядѣла на него, ей стало страшно: онъ видѣла передъ собой человекъ, который весь трясся, дрожалъ, былъ на себя не похожъ... Ей казалось, что это злой духъ присталъ къ ней—и ужъ не оставитъ ее.

— Да что-жь, толку-то въ этомъ? проговорила она тихо, чувствуя, что уже тутъ ничего не можетъ сдѣлать...

Викентій прищурилъ глаза.

Отъ дома Валли шель по лужайкѣ какой-то человекъ съ большимъ букетомъ на шляпѣ, въ праздничномъ нарядѣ, какъ будто свать. Завидѣвъ Валли, онъ направился прямо къ ней. Это былъ нарочный изъ Зельдена.

— Гляди-ка, вонъ идутъ звать тебя на свадьбу Иосифа и Афры, произнесъ Викентій съ какимъ-то дикимъ хохотомъ:—ха-ха-ха! На свадьбу!..

Валли запнулась за что-то и схватила Гелльнера за руку, а онъ живо обнялъ ее, обнявъ крѣпко.

Нарочный подошелъ и, снявъ шляпу, сказалъ:

— Здравствуй, хозяйка молодая! Прислалъ меня Иосифъ Гагенбахъ: просить онъ тебя на танецъ—въ день Петра и Павла. Коли ты дашь согласіе, онъ явится сюда около полудня, чтобы проводить тебя въ гостиницу „Олень“. Что ему прикажешь отвѣтить?

Если-бы небеса разверзлись для Валли въ это мгновеніе, а Викентій очутился-бы вдругъ у вратъ ада крошечнаго, то такого рода неожиданность точно такъ же поразила-бы ихъ, какъ и слова зельденскаго нарочнаго.

Что-же, значить, всѣ сплетни насчетъ Афры—одна ложь? Вѣдь онъ самъ прислалъ къ Валли этого человекъ, самъ обратился къ ней послѣ пятилѣтнихъ страданій, мученій, перенесенныхъ ею!.. Наконецъ-то... Наконецъ! Слово вылетѣло—вѣтеръ подхватить это слово, оно прозвучитъ повсюду, а эхо тысячу разъ повторитъ его! Подъ лучами вечерняго солнца тамъ, далеко, на бѣлоснѣжныхъ вершинахъ заиграетъ улыбка... Все—люди и природа—возликовало; Валли даже казалось, что колмики изъ сѣна начали подпрыгивать, и самъ Ганзль, возсѣдавшій на крышѣ, замахалъ крыльями отъ восторга... Словомъ—радость всеобщая! Еще-бы! Вѣдь Иосифъ-Медвѣжатникъ пригласилъ Валли на танецъ! Наконецъ случилось то, что должно-же было случиться... Дѣ, и вотъ одна новая пара продолжить потомство могучихъ великановъ—такихъ, какъ Иосифъ и Валли!..

(Продолженіе будетъ).

КРАСНАЯ БОЛОТНАЯ ДИЧЬ.

Каждому охотнику, послѣ этого заглавія, ясно, что мы собираемся побесѣдовать о такъ-называемыхъ *домоносцахъ*, которые группируются въ слѣдующіе три вида одного и того же рода: 1) дупель (*scolopax maior*), въ простонародьи—*лежанка*, 22—24 сантиметра въ длину безъ носа, 48 сантиметровъ въ распущенныхъ крыльяхъ, т. е. приблизительно съ горлицу величиной; онъ изображенъ на переднемъ планѣ картины; 2) Бекасъ (*sco-*

lorax gallinago), *барашекъ*, величиною съ дрозда, изображенъ въ верхней части рисунка—летящимъ; и 3) гаршнепъ (*scolopax gallinula*), *стучикъ*, съ жаворонка величиной, виднѣн на заднемъ планѣ.

Изъ этихъ трехъ видовъ обыкновеннѣйшимъ и наиболѣе распространеннымъ является бекасъ, барашекъ. Онъ живетъ въ обоихъ полушаріяхъ, отъ Ирландіи до Японіи, отъ Нордкапа и

Красная Болотная дичь. Рис. и грав. Шпехтъ.
Бегасы.
Дупеля.

Гаршнепъ.

Камчатки до Остинди и Мыса Доброй Надежды, а в Америкѣ отъ Канады до Фалклендскихъ острововъ, такъ что лишь пятая часть свѣта, Австралія, избавлена отъ присутствія. Чѣмъ объяснить такую невѣроятную повсемѣстность распространения этой птицы?

Главная причина, конечно, заключается въ томъ, что бекасъ въ высшей степени защищенъ отъ враговъ. Когда держишь его въ рукахъ, онъ представляется чрезвычайно пестрымъ; но попробуйте положить застрѣленного бекаса въ такое мѣсто, гдѣ они держатся, и попросите когонибудь отыскать птицу, — самый опытный охотникъ не осмѣлится побиться объ закладъ, что найдетъ ее. Весьма немногіе могутъ похвастаться тѣмъ, что видели бекаса сидящимъ, на землѣ. Къ этой охранѣ цвѣтмовъ перьевъ присоединяется еще то обстоятельство, что бекасъ днемъ лежитъ неподвижно; никому еще не удавалось видѣть его бѣгающимъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ бѣжитъ нѣсколько шаговъ изъ-подъ собаки, передъ тѣмъ какъ вскопчить. Понятно, что съ такими привычками онъ недоступенъ ни для одного изъ чернатыхъ хищниковъ. Остаются слѣдовательно лишь четвероногіе враги, отыскивающіе добычу чутьемъ; но и отъ нихъ бекасъ въ высшей степени обезпеченъ. Кто внимательно изучалъ вязкія трясиныя болота, въ которыхъ держатся бекасы, — тому известно, какъ заблещетъ, качается и проваливается подъ ногами подобная почва; длинный же носъ бекаса одаренъ необыкновенной чувствительностью; — теперь представьте себѣ, что птица сидитъ себѣ въ укромномъ угодкѣ, глубоко запусшивъ носъ въ болотистую почву и отыскивая тамъ корешки: ясно, что она еще издалека не только слышитъ, но прямо ощущаетъ приближеніе хотя бы самаго маленькаго звѣря. Даже хитрая лиса — и той рѣдко удается пожить старымъ бекасомъ, а ужъ про хорька или ласку и говорить нечего.

Вторымъ спасительнымъ средствомъ бекасу служить несравненная быстрота полета. Она позволяетъ ему преодолевать всякія препятствія и оставлять за собой моря и океаны. Неслышанное дѣло, чтобы лигавая собака хоть разъ схватила бекаса на взлетѣ, какъ это часто случается съ коростелями, перепелками и куропатками. Бекасъ всакиваетъ съ быстротой молніи — а затѣмъ слѣдуетъ изумительный полетъ его... Конечно, у нѣкоторыхъ запоздалыхъ и разжирѣвшихъ осенью особей — онъ не такъ уже быстръ, — но во всѣхъ другихъ случаяхъ бекасъ летитъ проворнѣе сокола, сбивая при этомъ стрѣлку съ толку зигзаговидными поворотами, которые въ нѣкоторомъ разстояніи переходятъ наконецъ въ прямой и быстрый какъ стрѣла полетъ, болшею частью кверху. Удалясь на безопасное разстояніе, бекасъ обыкновенно складываетъ крылья — и свиста какъ камень, падаетъ на земь. Такимъ образомъ, лишь изрѣдка и только при особенно-благопріятныхъ условіяхъ удается соколу или ястребу настичь выпугнутого днемъ бекаса, напр. когда послѣдній принужденъ летѣть широкой полосой ровнаго пространства — и тутъ еще онъ можетъ спастись, забравъ выше хищника или кинувшись въ кустарникъ.

Третьимъ важнымъ условіемъ самосохраненія является то, что мѣстности, выбираемыя бекасомъ для вывода птенцовъ, никогда не тревожатся земледѣльческими орудіями или рукою человека. Онъ устраиваетъ гнѣздо въ самыхъ мокрыхъ углокахъ болотистыхъ луговъ, гдѣ пасется лишь скотъ и сѣнокосъ происходитъ гораздо позже вывода птенцовъ, которые къ концу мая хоти и не летаютъ еще, но уже такъ проворно бѣгаютъ, что человекъ имъ не опасенъ. Скотъ также не можетъ растоптать яицъ, такъ какъ бекасъ кладетъ ихъ на кочкахъ, которыхъ скотина всегда обходитъ, старательно ступая между ними. Сверхъ того, болотистая почва не допускаетъ сюда двухъ злѣйшихъ враговъ дичи — домашнихъ кошекъ и собакъ.

Въ четвертыхъ, бекасъ живетъ подъ охраною своихъ сосѣдей; на мѣстѣ его жительства водятся чибесы, береговики, кулики, дикія утки, трясогузки и проч. птицы, которые ведутъ себя такъ неосторожно и притомъ такъ многочисленны, что вниманіе хищника въ тысячу разъ скорѣе обратится на нихъ чѣмъ на бекаса.

И такъ, единственнымъ серьезнымъ врагомъ его является охотникъ съ своей двустволкой и лигавой собакой. Но и тутъ онъ совершенно застрахованъ отъ болшей части стрѣлковъ изъ крестьянъ-промыслениковъ и такъ-называемыхъ праздничныхъ егерей (Sonntags-jäger). Въ особенности лосѣднымъ, горе-охотникамъ, никогда почти не удается убить бекаса, которого можно стрѣлять только въ два момента: или тотчасъ на взлетѣ, пока онъ шаговъ пять разстоянія пролетаетъ по прямой линіи, а затѣмъ снова въ короткій промежутокъ послѣ перваго зигзага, когда бекасъ уже въ разстояніи 40—50 шаговъ; на *крячикъ* же (т. е. во время зигзага) почти невозможно попасть въ него, развѣ только глубокой осенью, когда птица очень жирна. Всякда ружья къ плечу, прицѣль и спускъ курка — дѣло одного мига, и крошкѣ того мигъ этотъ долженъ быть выбранъ не произвольно, а весьма обдуманно. Къ этимъ трудностямъ присоединяется колебаніе почвы подъ ногами, усталость отъ ходьбы по болоту и проч. и проч. Тутъ уже некогда отыскивать мушку на стволѣ, наводить и выдерживать. Требуется такъ-называемая *стрѣльба съ наикидку*, т. е. необыкновенная увѣ-

ренность прицѣла, вѣрность глаза, который долженъ безошибочно угадать мѣсто, гдѣ будетъ бекасъ къ выстрѣлу, и намецанность рукъ, управляющихъ ружьемъ — охотникъ такъ-сказать чувствуетъ бекаса на концѣ стволовъ. Поэтому такъ и славятся хорошіе стрѣлки, которые могутъ напр. бить пару взлетѣвшихъ бекасовъ изъ того и другаго ствола, или положить въ ятась штукъ пять-шесть безъ промаха — одного за другимъ.

Бекасы выводятъ птенцовъ только въ умеренныхъ и холодныхъ поясахъ земли, между тѣмъ какъ въ жаркихъ странахъ они появляются исключительно пролетомъ. Въ Россіи они въ безчисленномъ множествѣ населяютъ безлюдныя тундры и болота сѣверныхъ губерній откуда и распространяются къ осени до крайняго юга. Множество изъ нихъ зимуетъ въ Италіи, Греціи и Испаніи. Перелетъ, совершаемый ночью, сопровождается рвзкимъ, хриплымъ крикомъ — и свистомъ крыльевъ когда птицы опускаются на земь. Летятъ они въ одиночку, рѣдко по два или по три, и только особенное обиліе пищи сводитъ ихъ по нѣскольку штукъ въ одно мѣсто. Цѣлый день сидятъ они себѣ неподвижно и даже спятъ. Только въ сумерки начинаютъ оживляться, летать на кормежку, бѣгаютъ по болоту и длинными тонкими носами ловятъ въ тинѣ корешки и мелкіхъ насекомыхъ. Такъ проводятъ они всю ночь до утренней зари, безпрестанно оглашая воздухъ рвзкими звуками: *кеч-ч-и-и-и!*.. но только на лету, чѣ выкрикиваютъ они каждый разъ и днемъ, какъ только ихъ поднимешь. Въ удобныхъ болотахъ отдѣльныя пары бекасовъ появляются рядомъ, одна возлѣ другой, и еще задолго предъ кладкою яицъ начинаютъ изъ забавныхъ любовныхъ игръ. «Самецъ — говоритъ Науманнъ — съ быстротою молніи слетаетъ съ своего укромнаго мѣстечка въ зелени болота, сначала въ косомъ направленіи кверху, потомъ по спиральной линіи забирается въ хорошую погоду такъ высоко, что только опытный глазъ признаетъ эту точку за птицу. На этой-то высотѣ бекасъ вертится, порхая кругами, расширивъ и держа неподвижно крылья опускается дугою внизъ съ такимъ напряженіемъ, что кончики большихъ маховыхъ перьевъ припадаютъ въ дрожательное движеніе и производятъ жуужащій звукъ, чрезвычайно похотий на бляеніе, отчего и происходитъ русское названіе его: *барашекъ*. Круженіе это по широкой площади воздушнаго пространства, сопровождаемое то поднятіемъ на высоту, то снова спускомъ книзу, продолжается иногда по получасу. Когда самецъ достаточно намучился этою игрою, изъ густой, мокрой, травяной чащи раздается нѣжный призывъ самки; два слышитъ самецъ этотъ давно жданный звукъ — тотчасъ же кончаетъ свои фокусы, прижимаетъ крылья къ тѣлу и точно падающій камень, со свистомъ, почти отвѣсно, бросается къ подругѣ. На томъ мѣстѣ, съ котораго бекасъ начинаетъ свои игры, расположено на кочкѣ, между высокой травой, довольно скрытое гнѣздо, состоящее изъ простаго углубленія въ травѣ, въ рѣдкихъ случаяхъ выложеннаго сухими листочками и стебельками. Отъ средины апрѣля и до конца мая, въ немъ находятъ постоянно четыре (какъ у всѣхъ куликовъ) гладкихъ, неблестящихъ яицъ, покрытыхъ по сѣро-зеленоватому фону сѣрыми пятнами и множествомъ большихъ верхнихъ пятенъ красно-бурого цвѣта. Яйца высиживаются одною самокою въ 2—2½ недѣли, но въ воспитаніи птенцовъ участвуютъ оба родителя. Въ юліи птенцы, вполне выросши, отдѣляются отъ семьи.

Дупель попадаетъ гораздо рѣже бекаса, исключая время пролета или такъ-называемыхъ выспокъ, и менѣе его любятъ сырость, такъ что въ трясинѣ или кочкарникѣ никогда его не найдешь. Пересохшія болота, потные луговины и даже совсѣмъ сухіе луга, выгоны, гречища, кустарникъ — вотъ любимое мѣсто-пробываніе дупеля. Стрѣлять его несравненно легче бекаса. Онъ лежитъ крѣпче (почему безъ собаки его трудно даже найти), взлетаетъ ближе, летитъ прямо и въ случаѣ промаха перемѣщается не такъ далеко, какъ бекасъ, снова также близко подпускаетъ. Нравы и образъ жизни такіе же какъ и у бекаса, за исключеніемъ весеннихъ игръ. Дупеля собираются на токъ во множествѣ, какъ тетерева. Полетъ дупеля быстрый но тяжелый, особенно на подъемѣ, какъ у голубя съ легкимъ трескомъ крыльевъ, отчего вскочившаго дупеля можно узнать даже въ потемкахъ. Весенній пролетъ ихъ дѣлится съ конца марта до мая, осенній въ августѣ и сентябрѣ. Осенью они до того запиваются жиромъ, что у застрѣннаго дупеля, при ударѣ о земь, лопается кожа и заливаютъ птицу саломъ.

Гаршнепъ, стучикъ, по своимъ привычкамъ и времени полета — сущій дупель въ миниатюрѣ. Впрочемъ, держась болше по окраинамъ болотъ, онъ не брезгаетъ и трясиной и даже чистой водой, густо-заросшей такъ-называемой тrefолью; лежитъ онъ еще крѣпче дупеля, такъ что его чуть не приходится выбрасывать ногой изъ-подъ собаки. Полетъ его, въ тихую погоду прямой и стелящійся надъ землею, въ вѣтеръ становится въ высшей степени неправильнымъ: гаршнепъ кидаетъ изъ стороны въ сторону — и онъ порхаетъ буквально какъ бабочка, такъ что опытнымъ стрѣлкомъ нѣрѣдко случалось платиться цѣлою пороховницею зарядовъ прежде чѣмъ уложить въ ятась хоть одного гаршнепа. Послѣ промаха онъ рѣдко отлетаетъ дальше ста шаговъ и лежитъ ег...

Извѣстно, что и три породы составляютъ самый лакомый кусочекъ, и всѣхъ вкусятъ дупель, затѣмъ гар-

— Чтожь, это не особенно трудно. О, я скоро выучусь!
 — Теперь можете тише грести: лодка идетъ по теченію, а я ужъ буду править. Неправда-ли, какое это удовольствіе?..
 — О, да! Особенно, когда я вижу..
 — Давайте болтать! воскликнула Лукія Николаевна.
 — Съ большимъ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе... что.. я..
 — Что? Говорите-же!
 — Я жду отъ васъ отвѣта.. слова..
 — Ахъ, да! отвѣта... Приударьте-ка посильнѣе правымъ весломъ! Какого же слова?
 — Позвольте повторить?.. Я, Лукія Николаевна, люблю васъ!

тѣлось увѣрить... убѣдить ее, что я буду счастлива! Пусть она не тревожится за меня... Понимаете?.. А что я скажу ей про васъ, когда ничего не знаю? Лгать я не умѣю, а на одну наружность мама не обращаетъ вниманія.

— Лукія Николаевна! воскликнулъ восторженно Леонидъ Аптоничъ.— Лукія Николаевна, вы—ангелъ! Можете ли вы сомнѣваться въ томъ, что...

— Ай, весло потеряете! Выронили!

— Поймалъ опять!.. Да-съ, Лукія Николаевна, клянусь: вы будете со мною счастливы! Я окружу васъ всѣмъ, что...

— Не сломайте правое весло о ванну!

Ловкій рулевой.

Я полюбилъ васъ, какъ еще никогда никого! Съ первой встрѣчи я ощутилъ небывалое...

— Лѣвымъ приударьте!

— Рѣшите мою участь...

Лукія Николаевна опустила глаза...

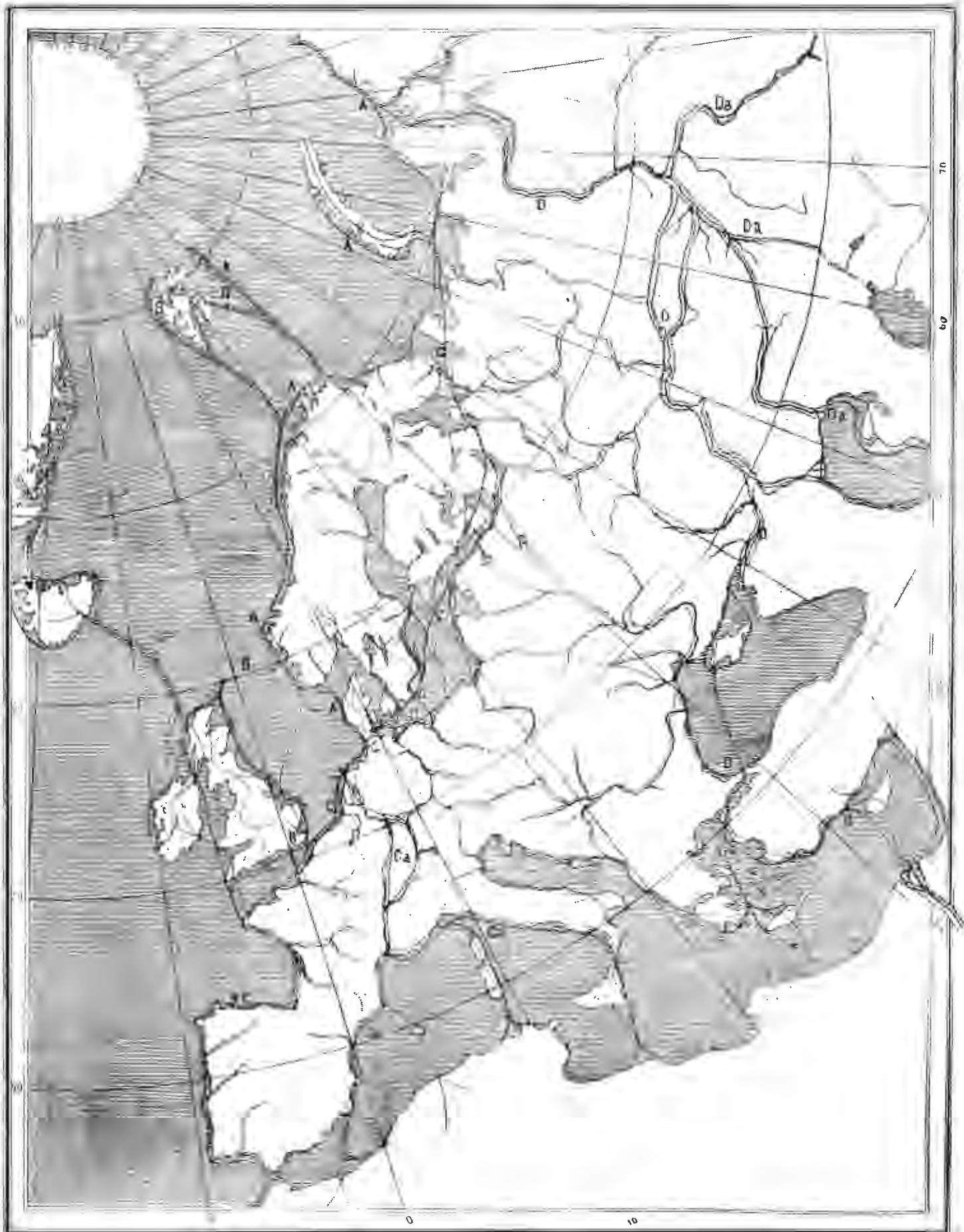
— Что-жь, вы мнѣ... нравитесь. Полюбить васъ я могу.. Можеть быть, ужъ и... люблю... Но, послушайте, мы еще такъ мало знаемъ другъ друга... Простите за откровенность! Я всегда прямо говорю... Мамап меня и называетъ за это глупой дѣвочкой!.. (Тутъ она подняла глаза). Если я выберу мужа сама, то мамап, конечно, не будетъ препятствовать, но... мнѣ бы хо-

— Цѣло будетъ. Послушайте, я вѣдь не юноша, любовь моя къ вамъ—не вспышка. Я люблю васъ, какъ человѣкъ, который, можно сказать...

— О, я вѣрю! перебила Лукія Николаевна.—Но знаете-ли, чего я требую отъ жизни и въ чемъ мое счастье?

— Говорите прямо, откровенно!

— Ну, слушайте. Вы должны любить меня больше всего на свѣтѣ. Я подчасъ бываю капризна, требовательна.. Видите-ли, какъ я откровенна?.. Малѣйшая прихоть моя должна быть исполнена. Я люблю свѣтъ, общество, развлеченія.. Но я не хочу, чтобъ мужъ мой былъ рабочимъ! Нѣтъ! Мы должны оба

Карта путей перелета птиц. Составил Пальмер, грав. Вейерманн.

наслаждаться жизнью... Но на это пужны средства... Мама говорить, что если ничего не дѣлать, то придется потом плохо... Деньги, говорит, твои не велики: 30,000 рублей не на долго хватить!.. Неужели?

— Гм! Тридцать тысяч.. Не велики! заговорил про себя Леонидъ Антоныч и даже почувствовал въ некоторый жаръ въ тѣлѣ.— Эхъ, еслибы зацѣпить только!..

— Да, продолжала Лукія Николаевна, — неужели эта сумма ничтожна? Вотъ, мама и указываетъ на Единорогова: онъ, говорит, богатъ! У него не меньше 300,000...

— Товкая старушенція! подумать Леонидъ Антонычъ.

— Да вѣдь онъ — старикъ! Развѣ я могу его полюбить?.. Говорятъ, я слышала, что трудъ — наслаждение, что трудъ — необходимо, что въ наше время безчестно — слышите! — жить на чужой счетъ?!.. ха-ха-ха!.. Говорятъ еще, что если человекъ молодъ и способенъ трудиться, а между тѣмъ живетъ праздно, не ищетъ полезной... общественной — такъ кажется? — дѣятельности, то — достоинъ презрѣнія! Ну, скажите: неужели всю жизнь трудиться? И была въ институтѣ, тамъ трудилась — и довольно! Теперь хочу — жить. А то когда же и жить? И что-жъ, я буду наслаждаться, а мужъ, котораго я люблю, обожаю — долженъ будетъ работать, мучиться?! О, никогда! Я не понимаю, неужели-же 30,000 рублей мало? Вѣдь если считать на франки, то это будетъ... будетъ...

— Если по четвертаку — 120,000 франковъ, сказалъ Леонидъ Антонычъ, весело улыбаясь.

— Вотъ видите! И почему-же не уѣхать въ Парижъ, если здѣсь такая сумма ничтожна?!

— Дитя! подумать онъ.

— Тамъ навѣрно хватитъ этихъ денегъ! Да?..

— Позвольте, Лукія Николаевна, но вѣдь и я-же не могу жить на вашъ счетъ, а потому...

— Если мы обвѣнчаемся, то деньги ужъ больше не мои, а ваши! Значитъ, ужъ я буду тогда жить на вашъ счетъ.

— Ребенокъ! сказалъ про себя Леонидъ Антонычъ, а вслухъ произнесъ: — Лукія Николаевна! Вы не хотите, чтобы я велъ жизнь труженника; но кто-же вамъ сказалъ, что я уважаю трудъ, радъ трудиться?.. Ничуть не бывало. Это вовсе не мой идеалъ. Я стремлюсь къ иной жизни... И знаете, я могу не работать и имѣть не меньше 30 тысячъ рублей въ годъ!..

— Да?.. Но какъ же это?... Поймите: значить, вы согласны со мной, что трудъ вовсе не для насъ?

— О, конечно, то есть — черныи трудъ. Для такого труда есть особенные люди, «черныи непросвѣщенна». Вотъ я теперь служу въ департаментъ одномъ и — положительно страдаю! Я — мученикъ!

— А вѣдь вы сейчасъ сказали, что можете, не работая, имѣть тридцать тысячъ?... Зачѣмъ-же вы служите и — страдаете?..

— Зачѣмъ?.. О, Лукія Николаевна, вы совсѣмъ не знаете жизни! Вы — извините — дитя! Да, я могу имѣть миллионы, но... надо же начать съ чего нибудь... Знаете: легче нажить второй миллионъ, чѣмъ первую тысячу! Тутъ все дѣло въ умѣнѣ, въ извѣстной ловкости эксплуатировать тѣхъ, которые, по природѣ своей, составляютъ муравейникъ. Знакомо вамъ это слово — эксплуатировать?

— Это французское exploiter? Такъ какъ же это эксплуатирую? Это меня интересуетъ.

— Да-съ, въ наше время тотъ и панъ, кто умѣетъ пользоваться и умственнымъ, и физическимъ трудомъ ближняго. Я могу лежать на диванѣ — и золотой дождь будетъ сыпаться на меня. Знаете стихъ:

«Къ Данатъ, въ башнѣ заключенной,
Спустился золотымъ дождемъ»...

— Кто спустился? спросила Лукія Николаевна.

— Юпитеръ, древній капиталистъ.

— Онъ и теперь спускается?

— О, да! Есть и теперь Дананъ прекраснаго и не-прекраснаго пола. Впрочемъ Юпитеръ измѣнился: онъ въ видѣ счастливой мысли, блестящей идеи, попадаетъ въ голову современной Данан. Идея, мысль — онѣ-то и могутъ озолотить человекъ; конечно, при этомъ онъ долженъ обладать въ некоторымъ реальнымъ фондомъ...

— Что-жъ, у васъ были... есть такіа идеи?

— Какъ не быть!.. Живой-же вѣдь я человекъ. Вы, Лукія Николаевна, какъ видно, совершенно незнакома съ духомъ времени, да и вообще — не знаете современной жизни. Позвольте (простите за дерзость!) просвѣтить васъ?..

— Ахъ, пожалуйста! Прежде я совсѣмъ не интересовалась этимъ, а теперь...

Она сжала губки и опустила глаза.

— О, мама навѣрно полюбитъ васъ! Да, я чувствую, что буду съ вами счастлива!.. Поймите... Значитъ, все дѣло въ томъ, чтобы имѣть... только... деньги... для начала? Неужели-же тридцати тысячъ мало для этого?..

— Нѣтъ, довольно... Да другой и съ меньшаго отлично начинаютъ. Умъ, ловкость — вотъ рычаги! Ужъ если пошло на откровенность, то... знаете, вѣдь я имѣю въ виду наследство тысячъ въ двадцать!..

— Да?... такъ и говорить нечего! Ну, просвѣщайте-же, просвѣщайте меня!

— Какъ глаза у нея разгорѣлись! Гм! однако, я удачно попалъ въ этотъ разъ на дачу... О, старые знакомые лучше новыхъ двухъ!.. Извольте, заговорилъ онъ громко: — но мнѣ придется много кое-чего поразсказать вамъ изъ современной жизни; или, можетъ быть, не вдаваться въ подробности?..

— О, нѣтъ, поподробнѣе! воскликнула Лукія Николаевна. — Знаете что?.. Вы свободны по вечерамъ?

— Свободенъ.

— Ну-съ, такъ будемъ каждый вечеръ отъ семи до восьми часовъ кататься въ лодкѣ. Вы будете разсказывать, я — слушать; Хотите?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ. Начать прикажете?

— Начинайте, Леонидъ Антонычъ!

Онъ началъ, но скоро долженъ былъ остановиться на интересномъ мѣстѣ, потому что пора уже было домой къ чаю.

* * *

На другой день, ровно въ семь часовъ вечера, Леонидъ Антонычъ явился на назначенное мѣсто. Лукія Николаевна уже была на плоту. Отцѣпивъ лодку, они вошли въ нее и поплыли. Онъ сѣлъ за весла, она — за руль.

— Ну-съ, продолжайте о... желѣзно-дорожныхъ дѣятеляхъ, такъ кажется? спросила Лукія Николаевна.

— Такъ, такъ. Слушайте.

Возвращаясь домой, Леонидъ Антонычъ бормоталъ:

— Она съ каждымъ днемъ все больше и больше заинтересовывается, но... она стала серьезнѣе, будто выросла!.. Лицо поумнѣло — именно поумнѣло!.. Удивительно, какъ это женщины способны быстро усвоивать все!.. Какъ она быстро развилась за это время!..

И онъ поглаживалъ свою бородку.

* * *

— Я кончилъ, Лукія Николаевна! Вѣдь сегодня седьмой вечеръ... Пѣлая недѣля прошла!.. Но вы что-то блѣдны? замѣтилъ Леонидъ Антонычъ, — здоровы-ли вы?

— Здорова. Я устала...

— Но рулемъ такъ легко управлять...

— Да, но если ихъ два...

— Два? Гдѣ-же другой?..

— Вы кончили?.. Благодарю васъ. Последняя ваша фраза: «argés nous le déluge!» совершенно просвѣтила меня. Картина, нарисованная вами, благодаря этой французской фразѣ, получила настоящий свой колоритъ: свѣтъ и тѣни рѣзче обозначились...

— О, ужъ вы меня въ художники пожаловали! воскликнулъ Леонидъ Антонычъ и, торжествуя успѣхъ свой, протянулъ руку и проговорилъ:

— Позвольте-же вашу, Лукія Николаевна!

И вдругъ рука его дрогнула: онъ былъ пораженъ выраженіемъ лица дѣвушки, онъ не узнавалъ ее! Передъ нимъ сидѣла совсѣмъ другая Лукія Николаевна — глаза ея блестяи не дѣтски-довѣрчиво, между бровями легла складка, губы не улыбались пріятно...

— Нѣтъ, руки — я — вамъ — не дамъ, отвѣтила она, отчеканивая каждое слово.

Леонидъ Антоныча всего передернуло. Онъ заморгалъ, покраснѣлъ, потомъ пожелтѣлъ и тихо спросилъ:

— Но... почему-же?..

— Гребите-же, я правлю къ берегу.

Оба замолчали. Минутъ черезъ пять лодка причалила къ плоту. Лукія Николаевна первая вышла, вытянула цѣпь, притянула ее къ кольцу, ввинченному въ бревно, и замкнула на ключъ.

— Вы спрашиваете: почему? (Она выпрямилась). А вотъ почему: я не подаю руки не-зна-ко-мымъ. Я уже не считаю васъ своимъ знакомымъ и, надѣюсь, что вы больше не посѣтите насъ.

— Но... ради Бога, Лукія Николаевна! Чтѣ-же такое я...

— Сдѣлалъ? подхватила она. — Ничего вы не сдѣлали. Я только узнала васъ... Понимаете? При первой встрѣчѣ съ вами, во мнѣ шевельнулось что-то похожее на любовь къ вамъ... Да, снаружи вы мнѣ понравились! Но этого было мало. Я хотѣла непременно узнать, чтѣ собственно вы такое — и узнала. То, чтѣ вы мнѣ такъ прекрасно разсказывали — я давно и безъ васъ знала. Мнѣ нужно было видѣть вашу душу, узнать ваши симпатіи. Я сумѣла заставить васъ высказаться откровенно, и вы — высказались. Вы думали, чтѣ передъ вами — дѣвочка, существо ничего несмыслящее, пустое, — и жестоко ошибались. Я гляла на себя, глала на маму, я — правила лодкой и въ то-же время — разговоромъ. Какъ видите, благополучно добралась до берега... Прощайте!

Лукія Николаевна повернула на лѣво и быстро пошла къ дачѣ. Леонидъ Антонычъ стоялъ нѣсколько секундъ неподвижно, потомъ поправилъ галстухъ, издалъ какой-то неопредѣленный звукъ, дрыгнувъ одной ногой и, не торопясь, отправился направо.

* * *

Въ тотъ-же вечеръ, въ Излеровскомъ саду, за однимъ изъ столиковъ, сидѣло двое мужчинъ. На столикѣ стояла опорожненная бутылка Шабли. Разговоръ возобновился.

— Ты, Леонидъ, чтѣ-то сегодня не въ духѣ?

— Да, не в духъ. Я, братъ, сегодня потерялъ 30,000 рублей.
— Ну-ну?! Быть не можетъ!
— Честное слово. Потерялъ! Тридцать тысячъ, не считая процентовъ по день моей смерти... Да!...

— Шутить! Да какъ же такъ?..
— Длинная, братъ, исторія... А, впрочемъ, чортъ се дери— раскажу!...

—Ъ

ПУТИ ПЕРЕЛЕТНЫХЪ ПТИЦЪ.

(По Пальмеру).

Снова уже все наши лѣтніе гости здѣсь. Въ мартѣ мѣсяцѣ появился яворонокъ съ извѣстіемъ, что остается лишь «мѣсяцъ до лѣта», однакожь говоря правду, довольно длинный мѣсяцъ, въ 8—9 недѣль. Потомъ прилетѣлъ зябликъ, сообщая, что остается лишь «полъ-мѣсяца». Наконецъ появилась ласточка въ началѣ мая—и вотъ ужъ полное лѣто. Все роци полны крылатыхъ пѣсенниковъ, все воды переполнены этими веселыми крикунами. А надъ собою мы день и ночь только и слышимъ свистъ и громъ въ воздухъ, будто поѣздъ за поѣздомъ пролетаетъ мимо насъ, чтобы поселиться на лѣто въ еще болѣе сѣверныхъ странахъ.

Во всехъ хорошо-организованныхъ странахъ первый вопросъ, который предлагаютъ путешественнику, это — откуда прибылъ и по какимъ дорогамъ путешествовалъ,—однимъ словомъ: съ него требуется паспортъ. По тому слѣдовало бы требовать паспорта и отъ этихъ пернатыхъ пролѣтниковъ при первомъ съ ними свиданіи. Однакожь какъ это устроить? Въдѣ въ обширномъ воздушномъ пространствѣ до сего времени не учреждено ни одной полицейской управы, ни одной таможни; тамъ нѣтъ ни консульствъ, ни министровъ, которые бы визировали паспорта этихъ пернатыхъ путешественниковъ—въ томъ, что они дѣйствительно держатъ вѣрный и законный путь.

Въ догадкахъ и различныхъ мнѣніяхъ о путяхъ перелетныхъ птицъ недостатка никогда не было. По мнѣнію пращуровъ нашихъ, млечный путь составлялъ то направленіе, по которому отправлялись перелетныя птицы; это—блестящій, по небу проходящій звѣздный поясъ, который и называется на финскомъ народномъ нарѣчьи *птичьимъ путемъ*. Наши ученые также какъ и иностранцы долго держались того мнѣнія, что перелетъ птицъ совершается въ прямомъ направленіи, весною съ юга на сѣверъ, а осенью съ сѣвера на югъ. Причину же того, что птицы опять находятъ свои старыя гнѣзды, въ чемъ убѣждали тысячи примѣровъ, — объясняли различными доводами, изъ которыхъ одинъ другаго мудренѣе. Стихотворцы пѣли о любви птицъ къ родиновѣ, которая руководила ими на неизвѣстныхъ путяхъ; ученые же не обращали никакого вниманія на эту любовь, а говорили, будто у птицъ были тайные проводники. Другіе увѣрили, что магнетическая сила сѣверной оси держала птицъ за клювъ какъ бы за острие желѣза, почему онѣ и не могли отвлекаться отъ настоящаго пути. Многіе наконецъ предполагали, что въ птицахъ есть природное къ тому побужденіе—какой-то инстинктъ, руководящій ими.

Относительно этого полета птицъ наука только въ послѣднія десятилѣтія пошла на вѣрный путь. Стали замѣчать, что не во все мѣста отправляется одинаковое количество птицъ и что птицы эти не одинаковой породы. Также было замѣчено, что онѣ не могутъ перелетать черезъ высокіе горные хребты, а тянутся безчисленными стаями сквозъ узкіе промѣжутки высокихъ горъ. Наблюденіемъ же убѣдились, что гораздо болѣе пролетаетъ вдоль береговъ рѣкъ, нежели по странамъ безводнымъ. Наконецъ замѣчали, что путь перелетныхъ птицъ не идетъ прямо на сѣверъ или на югъ, а дѣлаетъ различныя изгибы. Слѣдовательно, избраніе того или другаго пути должно было имѣть иную причину, нежели одно таинственное, неизслѣдованное, природное побужденіе. Надѣюсь, что читатели мои не утомятся въ благосклонномъ своемъ вниманіи, если руководствуясь вышеизшраннымъ въ Гельсингфорскомъ университетѣ сочиненіемъ, объясняющимъ многое по сему предмету, мы постараемся изложить то, что наука въ настоящее время извѣстна о путяхъ перелетныхъ птицъ.

Мы сказали, что ни полиціямъ ни таможнямъ эти птицы не извѣстны. Однакожь у весьма многихъ породъ птицъ есть своеобразный видъ и своеобразный путевой порядокъ, которые видны на далекомъ разстояніи, или же наконецъ далеко слышимый своеобразный голосъ. Эти-то признаки служатъ вмѣсто *паспорта*, по которому естественный испытатель узнаетъ ихъ при полетѣ. Весьма часто опускаясь на землю для отдыха и снабженія себя пищею, нѣкоторые изъ нихъ дѣлаются добычею человека. Вотъ ихъ и *таможенная пошлина*, черезъ которую провѣзше также становятся знакомыми.

При разборѣ полученныхъ такимъ образомъ свѣдѣній, не разъ было замѣчено, что во внутреннихъ частяхъ *Норвегии* никогда не находили никакихъ породъ птицъ, прилетающихъ съ самаго сѣвера—какъ-то: *саутки*, разныхъ породъ дикихъ *гусей*, *чаек* и многихъ *береговыхъ птицъ*, хотя огромная стая ихъ находилась на *сѣверномъ и западномъ морскихъ берегахъ* до самаго Ландесенскаго мыса. На южномъ берегу этихъ же перелетныхъ птицъ или совсѣмъ не встрѣчаютъ или въ весьма незначительныхъ стаяхъ. Въ *Анліи* также весьма рѣдко замѣчали эти по-

роды во внутренности страны, за то кишитъ ими *восточный морской берегъ*— и такое же множество различныхъ породъ ихъ какъ и въ *Норвегіи*. Очевидно, путь перелетныхъ птицъ изъ *Норвегіи* идетъ по берегу ея, потомъ обращается *на западъ* черезъ балтійское море въ *Анлію* и потомъ по этой странѣ идетъ въ юго-восточномъ направленіи. На юго-восточномъ мысѣ *Анліи* путь этотъ очевидно склоняется къ западу, слѣдуя по южному берегу, потому тамъ и встрѣчаются тѣ же породы птицъ. Однакожь одно обстоятельство насъ все таки удивляетъ: число птицъ въ этихъ странахъ еще огромнѣе и тутъ даже встрѣчаемъ нѣкоторыя породы до сего времени еще незамѣченныя нами, напр. небольшую породу лебедей (*cygnus bevickii*) и гуся красношеюку, которыхъ мы не видали ни въ *Норвегіи* ни на восточномъ берегу *Анліи*. Какимъ же путемъ они туда попали?

Если потомъ будемъ изслѣдовать свѣденія, полученныя изъ *Финляндіи*, то здѣсь находимъ многія породы, видѣныя нами въ *Норвегіи* и кромѣ того тѣ, которыя были видимы на южныхъ берегахъ *Анліи*. Здѣсь, въ *Финляндіи*, эти породы крайняго сѣвера также весьма рѣдко попадались во внутренности страны какъ и въ *Ботническомъ заливѣ*; путь ихъ здѣсь идетъ единственно *по южному берегу*. Въ *Швеціи* ихъ также вовсе не встрѣчаютъ ни въ *Ботническомъ заливѣ* ни во внутренности государства, но за то попадаютъ тѣ же породы въ таковомъ же количествѣ на *восточномъ и южномъ берегахъ*, какъ и въ *Финляндіи*. Попадаютъ они также и на западномъ берегу, однакожь только весьма незначительными стаями, подобно какъ и на южномъ берегу *Норвегіи*. Другая вѣтвь этого пути идетъ черезъ *Финскій заливъ* и крайнюю полоску *Балтійскаго моря* по берегамъ *Эстляндіи, Лифляндіи, Курляндіи и Германіи*. Но и здѣсь путь этихъ птицъ весьма рѣдко заворачиваетъ во внутреннія части материка. Черезъ болѣе южные острова, *Данію, Шлезвигъ и Голстинію* путь перелетныхъ птицъ идетъ подобно разливающейся рѣкѣ. Не возможно ни словомъ объяснить, ни живописью изобразить эту кипучую жизнь во всякую тамъ весну и осень. Здѣсь именно соединяются оба пути къ *Балтійскому морю*, а вмѣстѣ съ тѣмъ число птицъ увеличивается еще тѣми прилетающими птицами, которыя путешествовали по южному берегу *Норвегіи* и западному берегу *Швеціи*.

Съ берега *Балтійскаго моря* въ *Германіи*, а также съ песчаныхъ мелей *Голандіи* и *Бельгіи* дошли до насъ свѣдѣнія объ огромныхъ стаяхъ птицъ. Здѣсь мы въ первый разъ слышимъ, что и внутри страны находится ихъ довольно значительное количество. Небольшое число гусей, чаекъ и береговыхъ птицъ ежено, но направляется вверхъ по рѣкѣ *Рейну*, потомъ въ *Швейцарію* онѣ перелетаютъ на берега верхней *Роны*, по которой слѣдуя доходятъ до западной половины *Средиземнаго моря*. Большая же часть путешественниковъ изъ *Бельгіи* продолжаетъ свой путь по обоимъ берегамъ *Ламанискаго канала*, а потомъ по *западному* берегу *Франціи*, взявъ съ собою и товарищевъ, прибывшихъ изъ *Норвегіи*.

Большія стаяи однакожь уже раньше выбрали себѣ зимнія квартиры. Гага гребенчатая (*Somatoria spectabilis*) и двѣ три породы чаекъ остались на берегахъ *Норвегіи* или *Финскаго залива*. Саутки болѣею частью послѣдовали ихъ примѣру, но часть ихъ дошла до *Ламанискаго канала*, куда ихъ провожала большая часть дикихъ гусей. По *французскому* берегу продолжаютъ свой путь лишь чайка трехпалава, а также и большая часть береговыхъ птицъ. Первую изъ этихъ птицъ видѣли летящею на *Канарскихъ островахъ*, а послѣднихъ взвизывающихся на воздухъ даже въ землѣ *Дамаръ*—на самомъ югѣ *Африки*. Прослѣдивъ такимъ образомъ путь перелетныхъ птицъ до зимнихъ квартиръ ихъ, намъ нужно также отыскать мѣста, гдѣ находятся ихъ лѣтнія жилища. Въ *Норвегіи*, какъ мы уже видѣли, путь перелетныхъ птицъ идетъ по сѣверному берегу этой страны. Откуда же они попали туда? Съ востока они не могли прибыть, потому что въ *Россійской Лялландіи*, кромѣ нѣкоторыхъ породъ береговыхъ, ихъ вовсе не находили. Но въ прямомъ направленіи отъ сѣверной *Норвегіи* находятся *Шпицбергенскіе острова*—тамъ гнѣздится большая часть ихъ, исключающая нѣкоторыя породы, которыя поселяются еще сѣвернѣе, на неизвѣстныхъ до сего времени островахъ *Ледовитаго океана*. Птицы, отправляющіяся по *Финскому заливу*, тамъ не могутъ имѣть мѣста жительства, потому что въ сѣверномъ направленіи на материкъ а также и на берегахъ *Ботническаго залива* мы ихъ не встрѣчали. Намъ нужно слѣдовательно обратиться къ востоку. Здѣсь—въ этой суровой пустынѣ, между *Ладожскимъ* и *Онежскимъ* озерами и *Двинскою губою*, наука дѣйствительно не можетъ служить намъ руководительницею потому что страна эта еще очень мало изслѣдована. Но вмѣсто того языкъ тамошнихъ

жителѣй, живущихъ въ непрерывной связи съ природою, приводитъ насъ опять на вѣрный слѣдъ. Югозападный вѣтеръ называется корелами на финской и на русской сторонѣ границы *птичьими вѣтрами*, потому что они замѣтили, какъ стаи перелетныхъ птицъ (летающія охотнѣе противъ вѣтра, чтобы перья ихъ не стали дыбомъ) осенью являются обыкновенно при этомъ вѣтрѣ. При устьѣ рѣки Двины и у Бѣлаго моря намъ опять же помогаютъ нѣкоторые наблюденія, удостовѣряющія, что большая часть птичьихъ породъ, пролетающихъ черезъ Финскій заливъ, несомнѣнно оттуда прибыли. На берегахъ Лапландскихъ остро-

вовъ, какъ уже мы сказали, многихъ изъ этихъ птичьихъ породъ не находили, слѣдовательно, нужно искать ихъ слѣды еще восточнѣе. Впрочемъ берега Ледовитаго моря такъ незнакомы намъ, что наука не даетъ еще никакихъ точныхъ указаній. Но на островахъ *Новой земли* и *Вайгачи* нашли многія породы, жившія тамъ свои гнѣзда, и другія, прилетающія изъ еще болѣе сѣверныхъ, неизвѣстныхъ земель. Однакожъ нѣкоторыхъ породъ и тамъ не нашли, а для открытія ихъ жилищъ намъ слѣдуетъ обратиться еще болѣе на востокъ, до полуострова *Таймирскаго*, отдаленнѣйшаго на нашей картѣ.

(Окончаніе будетъ).

С М Ъ С Ъ .

Средство противъ выпаденія шерсти у овецъ. Всѣ испытанныя до сихъ поръ средства противъ выпаденія шерсти у овецъ—оказывались или вовсе не дѣйствительными, или имѣли лишь мѣстное значеніе. Намъ сообщаютъ одно средство, и хотя мы не можемъ положительно утверждать, что оно непременно должно помогать во всевозможныхъ случаяхъ, но опыты, произведенные надъ нимъ, дали удовлетворительные результаты. Это именно двууглекислый натр. Большіе камни въ полѣ сильно натирались древеснымъ дегтемъ и на него посыпали *Natrum bicarbonicum* (двууглекислый натр). Животныя съ жадностью лизали его, и выпаденіе шерсти прекращалось. Такъ какъ причиной выпаденія шерсти могло быть какое нибудь внутреннее

болѣзненное состояніе, напримѣръ какое нибудь окисленіе въ желудкѣ, чтò порождало въ животныхъ склонность къ соли, то это и дало поводъ произвести переданный выше опытъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Иероглифы (съ рисунками). — Дорогобужъ (съ рисункомъ). — Ораль дѣвка (изъ жизни въ тирольскихъ альпахъ) повѣсть Вильгельмина фонъ Гиллеръ-Бирхъ. — Красная болотная дичь (съ рисункомъ). — Ловкія рулевоі съ рисункомъ). — Пути перелетныхъ птицъ (съ картою). — Сибѣ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Сего 1-го АВГУСТА вышла и разслана подписчикамъ VIII-я, АВГУСТОВСКАЯ, книга ежемѣсячнаго историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе книги: I. Архимандритъ Фотій, настоятель Новгородскаго Юрьева монастыря: историко-біографическій очеркъ по его бумагамъ, 1798—1838 гг., сост. Е. П. Карновичъ (окончаніе).— II. Дневникъ и литературныя замѣтки Вильгельма Нюхельбергера, писанныя въ Динабургѣ, 1831—1832 гг.—III. Петербургскій Воспитательный домъ подъ управленіемъ И. И. Бецкаго, историческое изслѣдованіе А. П. Пятновскаго, глава четвертая.—IV. Записки Ивана Степановича Жирневича, главы IX—XI: событія 1815—1820 гг.: дѣло о дуэли въ гвардейской артиллеріи;—знакомство съ Сергѣемъ Каменскимъ и рассказы о его чудачествахъ;—семейство гр. Чернышева и проч.—Александръ Николаевичъ Стрѣвъ, 1820—1871 гг.,—очеркъ его жизни;—писма и музыкальныя его очерки, 1840—1841 гг., съ примѣчаніями В. В. Стасова.—VI. Князь Паскевичъ въ эпоху Крымской войны, 1854—1855 гг., историко-критическій очеркъ съ замѣтками и примѣчаніями г. Шильдера.—VII. Взрывъ Павловскаго форта въ Севастополѣ, 29-го августа 1855 года, рассказъ очевидца.—VIII. Императоръ Александръ I въ селѣ Понизовѣ въ 1816 году.—IX. Библиографическій листокъ русскихъ историческихъ книгъ.

Приложенія. I. Къ этой книгѣ приложены: I. Записки о Россіи генерала Манштейна, 1727—1744 гг. Гл. IX—X, событія 1737—1739 гг., переводъ съ подлинника французской рукописи.—II. Рисунокъ намятника Александру I въ селѣ Понизовѣ, въ Калужской губерніи.

ПОДПИСКА на „Русскую Старину“ изд. 1875 г. продолжается. Цѣна за 12-ть книгъ, со всѣми приложеніями: портретами, рисунками и снимками—ВОСЕМЬ рублей съ пересылкой. (Осталось 87 экземпляровъ).

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“—въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова (Невскій. 30); въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Ив. Григорьевича Соловьева—на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. иногородныхъ подписчиковъ просятъ исключительно обращаться въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, д. № 42, кв. № 12.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1872 г. изданіе второе, можно получить всѣ 12 книгъ съ приложеніями, цѣна восемь рублей съ пересылкой. (Осталось 30 экз.).

Только что отпечатано и поступило въ продажу третье изданіе перваго года «Русской Старины», т. е. 1870 г., въ трехъ томахъ, 2,700 страницъ, съ двумя гравированными портретами (А. Т. Болотова и Пугачева), шестьдесятю пятью рисунками и пятью снимками съ подлинныхъ писемъ кн. М. И. Голенищеву-Кутузову-Смоленскаго изъ-подъ Измаила, 1790 г.—и съ предсмертнаго письма композитора М. И. Глинки, и проч.

Лицамъ заблаговременно подписавшимся на третье изд. «Русской Старины» 1870 г.—сборникъ этотъ нынѣ же высылается. Желающіе получить «Русскую Старину» 1870 г. благоволятъ высылать восемь рублей и журналъ будетъ немедленно высланъ, всѣ три тома.

О Б Ъ Я С Н Е Н І Е

СИМВОЛА ВѢРЫ, МОЛИТВЪ И ЗАПОВѢДЕЙ

Священника Гр. Чельцова.

Цѣна 20 коп. безъ пересылки (при текстѣ много прекрасныхъ рисунковъ), продается во всѣхъ книжн. магаз. и у ангора (С.-Петербургскія Градскія богадѣльни, близъ Смольнаго монастыря).

Учебникъ этотъ одобренъ Св. Синодомъ, Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній и Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

ПАНСІОНЪ ДЛ Я ДѢВИЦЪ

Г-жи СТРАХОВОЙ.

(По Вознесенскому просп. близъ В. Садовой ул., въ домѣ Соловьевыхъ № 41).

Классы начнутся 18 Августа. Приемъ воспитанницъ ежедневно отъ 10 до 3-хъ часовъ.

Учебное заведеніе 1-го разряда съ полнымъ курсомъ Классической гимназіи содержимое Э. РЕПМАНОМЪ въ Москвѣ.

Помѣщается, на Гончарной ул., близъ Лужскаго моста въ д. Стенановой.

Приемъ воспитанниковъ будетъ происходить отъ 15-го Іюля по 15-е Сентября. Классныя занятія начнутся 7 Августа. 10—3

Настоящія почтовые марки всѣхъ государствъ дешево продаются:

Большой Каталогъ (5000 №) съ 72 раскрашенными начертаніями, цѣна 1 марки (30 коп.) (прежде 2 и три).

Иллюстрированный журналъ для почтовыхъ марокъ на 2 года (каждый номеръ съ многими иллюстраціями) цѣна за годъ 3 марки (90 коп.)

Пробный листъ и прейсъ-курантъ бесплатно.

Покупка и продажа почтовыхъ марокъ

ЛУИ ЗЕМФЪ въ Лейпцигѣ, Германія.

6—3

„Летучая библиотечка“

выпускается каждый мѣсяцъ въ 3—4 томикахъ; цѣна за каждый томикъ 15, 20 и 25 копѣекъ. Каждый томикъ заключаетъ въ себѣ, вполне законченный романъ, рассказъ или повѣсть современныхъ писателей.

Желающіе получить книги по мѣрѣ ихъ выхода вносятъ до расчета одинъ рубль, адресуясь въ С.-Петербургѣ, въ типографію кн. В. Оболенскаго, въ Николаевской ул. домъ № 8.

ВЪ ІЮНѢ ВЫШЛИ:

МАРТЕНЪ ЦАЦЪ. Рассказъ Жюль Верна, цѣна 20 к. **БАРХАТНАЯ МАСКА.** Рассказъ Серра, цѣна 20 к. **БЛИЗНЕЦЫ.** Рассказъ Экштейна, ц. 15 к. **ЗАПИСКИ ЗАСТРѢЛИВАГОСЯ ГИМНАЗИСТА.** Рассказъ К. В. М. (автора «Женщины большаго свѣта»), цѣна 25 к.

ВЪ ІУЛѢ ВЫШЛИ:

ПРИВИДѢНІЕ. Рассказъ Уильяма Коллиза, цѣна 20 к. **ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ АНЕКДОТЫ.** ц. 15 к. **ДУЭЛЬ ИЗЪ-ЗА ЖЕНЫ И КЛУБНАЯ ЛЕГЕНДА.** Два рассказа В. Блэка, ц. 15 к. **ИЗЦѢЛЕНІЕ.** Рассказъ Динькара, ц. 20 к.

НИВА

№ 33

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
Выданъ 17 Августа 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕЕЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.

МАРГАРИТА САВОЙСКАЯ, СУПРУГА ПРИНЦА ГУМБЕРТА ПЬЕМОНТСКАГО, НАСЛѢДНИКА
ИТАЛЬЯНСКАГО ПРЕСТОЛА.

Принцесса Маргарита Савойская родилась 20-го ноября 1851 г. Она дочь герцога Фердинанда Савойскаго, брата короля Виктора-Эммануила, слѣдовательно двоюродная сестра принца Гумберта, съ которымъ и сочеталась бракомъ.

Принцъ Гумбертъ родился 14-го марта 1844 г.; мать и бабка его были принцессами австрійскаго дома, и при частыхъ посѣщеніяхъ принцемъ австрійскаго двора, надѣялись на союзъ его съ принцессой изъ габсбургскаго дома, какъ вдругъ было объявлено обрученіе принца Гумберта съ двоюродной его сестрою, принцессою Маргаритою Савойскою. Выборъ наслѣд-

Маргарита Савойская, супруга принца Гумберта, наслѣдника
Итальянскаго престола. Съ фотографіи грав. Пейне.

нумъ принцемъ итальянскаго престола невѣсты изъ итальянскаго дома — вызвалъ энтузіазмъ въ итальянцахъ, 22-го апрѣля 1868 г. Италія съ осторгомъ праздновала бракосочетаніе будущаго руководителя своихъ судебъ съ одной изъ прелестнѣйшихъ принцессъ въ Европѣ, и со всѣхъ концовъ Италіи посылались юной четѣ горячія желанія счастья.

Кромѣ ума и сердечной доброты, располагающей къ ней всѣ сердца, принцесса Маргарита замѣчательна своей рѣдкой красотой. Прилагаемый здѣсь портретъ ея даетъ лишь слабое понятіе о прелести этого молодаго лица, полного ума, жизни и женственнаго нѣжности.

ОРЕЛЬ-ДѢВКА.

(Изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ).

повѣсть Вильгельмины фонъ-Гиллернъ-Бирхъ.

(Продолженіе).

Милостивая улыбка заиграла на ея губахъ, словно она была царица, съ миртовымъ вѣнкомъ на головѣ. Опустивъ красивую свою голову, Валли съ нѣкоторою застѣнчивостью отвѣтила нарочному, что она будетъ ожидать Іосифа.

Викентій, блѣдный, нѣмой, стоялъ, прислонившись къ дереву. Онъ былъ похожъ на призракъ, явившійся изъ мрака прошедшаго. Валли бросила на него сострадательный взглядъ—теперь уже ей нечего было бояться его... Теперь всѣ отнесутся къ ней съ должнымъ уваженіемъ, никто не дерзнетъ промолвить о Валли чтонибудь худое!..

Она не вошла, а скорѣе—влетѣла въ домъ, и съ такимъ радостнымъ лицомъ, что увидѣвшіе ее глаза вытаращили и ротъ разинули. Но Валли не могла усидѣть дома: набивъ карманъ деньгами, она отправилась разгуливать по деревнѣ и разсыпать счастье направо и налево, какъ благодѣтельная фея. Такъ какъ деньги она считала *своими*, а домъ, землю и все прочее уже принадлежавшими Гельнеру, то и не жалѣла денегъ, бросая ихъ щедрою рукою чуть-ли не въ каждой избѣ. И все таки Валли была еще довольно богата: законная часть наслѣдства, слѣдующая ей по завѣщанію Штротмингера, составляла почти цѣлое состояніе, такъ что она могла зажить съ Іосифомъ приживаючи и даже оказывать помощь неимущимъ, быть благодѣтельницей для окружающихъ.—Валли ужасно захотѣлось каждому встрѣчному сдѣлать чтонибудь приятное, хоть чѣмънибудь осчастливить, потому что счастье, которое она теперь впервые испытывала—давило ее своею громадностью; нужно было подѣлиться имъ.

До праздника оставалось только два дня—и эти два дня для всей Солнечной площадки были какими-то чудесными, полу-сказочными. Валли просто узнать не могла: эта мрачная, пролбствующая, раздражительная дѣвушка совсѣмъ просіяла, счастьемъ вѣяло отъ каждой складки ея платья; казалось, незримыя крылья выросли у нея за плечами, такъ она легко и плавно скользила по землѣ!... Солнечный лучъ упалъ на цвѣтокъ, смятый градинами, помертвѣвшій подъ морознымъ дыханіемъ,—и одного этого луча было довольно, чтобы оживить его, расправить поблѣкшіе лепестки. Сердце было угнетено, почти разбито, но въ немъ таилась безпредѣльная сила—то была сила любви и злобы, радости и горя, самоотверженія и упорства, энергіи и стойкости. Въ тотъ день, когда Валли освободилась отъ мрачнаго, злобнаго духа, давившаго всѣхъ подобно свинцовой грозовой тучѣ,—все населеніе Солнечной площадки вздохнуло свободнѣе, какъ-бы страхнувъ ярмо съ своихъ плечъ.

— Когда счастье, такое какъ мое, посѣтитъ человека—пусть всѣ тогда возрадуются! говорила Валли, и вотъ, въ короткое время, вездѣ уже знали, что Орель-Дѣвка совсѣмъ другой стала; а причина та, что Іосифъ пригласилъ ее протанцовать съ нимъ—другими словами: объявилъ о намѣреніи своемъ сдѣлаться женихомъ Валли.

Что-жь, пусть говорятъ! Она не станетъ опровергать того, что, все равно, должно неминуемо совершиться черезъ нѣсколько дней... И зачѣмъ ей говорить, что это не правда, когда она любитъ его всѣмъ сердцемъ, больше всего на свѣтѣ?... Іосифъ стоитъ такой любви, да онъ и самъ влюбленъ въ нее; въ противномъ случаѣ, развѣ послалъ-бы онъ ей такое приглашеніе?... И какъ это удивительно приятно, сладко, имѣть

возможность не скрывать своего счастья: пусть всѣ видятъ, что на душѣ у Валли!..

Сталкиваясь съ ребятишками, она брала ихъ на руки и говорила имъ, что въ Петропавловскій день придетъ сюда Іосифъ-Медвѣжатникъ, тотъ самый что большаго медвѣдя убилъ и спасъ Лизу въ Цвизельштейнѣ отъ взбѣсившагося быка... „И такъ ужъ онъ красивъ, и такой онъ силачъ, что вы глазенки вытаращите! Такого молодца вы и не видывали до сихъ поръ, да другаго такого и не найдете во всемъ мірѣ!“... Ребятишки были въ восторгѣ и цѣлый день забавлялись игрой, представляя Іосифа и медвѣдя.

Валли заиграла съ Ганзлемъ и, грозя ему пальцемъ, говорила:

— Ну, будь-же умницей, папьюхой, когда Іосифъ будетъ здѣсь... Слышишь? Заранѣе говорю тебѣ, а не то—смотри ты у меня!..

Старому Клеттенмайеру и тѣмъ изъ работниковъ, которыхъ Валли отличала отъ прочихъ, было выдано новое праздничное платье. Всѣ они знали, почему это такъ, и громко болтали о такой новости, потому что „хозяйка“ и не думала запрещать имъ бесѣдовать объ этомъ.

По временамъ Валли уходила въ свою комнату, садилась тамъ и просиживала цѣлые часы, думая только о томъ: какъ же это случилось, что Іосифъ такъ внезапно перемѣнился, совсѣмъ иначе взглянулъ на нее? Но какъ она ни раскидывала умомъ, а сообразить все таки не могла, какимъ это образомъ это счастье свалилось вдругъ... Валли стала поглядывать теперь какъ-то особенно ласково на изображеніе святыхъ и сочла долгомъ отблагодарить ихъ за то, что они все такъ хорошо устроили, такъ чудесно порѣшили дѣло. Взглянувъ на карты, вѣрообразно прикрѣпленные къ стѣнѣ, надъ кроватью, она фыркнула и проговорила:

— Хе! что-то вы теперь заговорите—а? То-то вотъ, сами теперь увидѣли, что ничего-то вы тогда не вѣдали!..

Но эти разрисованныя бумажки, скрывая тайны будущаго, глядѣли на Валли безмолвно и таинственно, устремивъ на нее свои красные и черные глаза... Такъ глядитъ заколдованная вещь, которая не можетъ выйдти изъ-подъ чаръ, потому что вѣтъ такого волшебника-чернокнижника, который изрекъ-бы слово освобожденія и разрушилъ чары. Вотъ, если-бы Люккардъ была жива, она конечно прочла-бы отвѣтъ картъ и передала-бы его Валли; но теперь эти карты были похожи на письмо, написанное цифрами, ключъ-же къ нему—потерянъ. Доживи старушка до этого дня—какъ-бы она порадовалась!..

А время такъ тянется... Валли даже подумывала о томъ, что ужъ не лечь-ли ей да и проспаться до утра желаннаго дня, но—нѣтъ, гдѣ-же ей заснуть! Стораю отъ нетерпѣнія, она и ночью не могла сомкнуть глазъ; безсонница мучила ее.

— Вотъ осталось всего двадцать четыре часа, говорила Валли,—а вотъ и всего-то двѣнадцать!..

Но вотъ наступило утро желаннаго дня. Пообѣдавъ, Валли отправилась въ свою комнату одѣваться. Мытью и причесыванью казалось и конца не будетъ: въ ней снова пробуждалось все женское, Валли снова стала дѣвушкой,—а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что она завертѣлась передъ зеркальцемъ, принялась обозрѣвать лицо, чтобы узнать, насколько она красива—и можетъ-ли понравиться Іосифу?.. Новая снуровка, роскошнѣе

первой, появилась у нея вмѣстѣ съ большими филиграновыми булавками для головного убора. Изъ шкатулки, стоявшей на столѣ, Валли вынула эту шнуровку и стянула ею корсажъ. Серебряныя финтифлюшки отличались такою-же ослѣпительною бѣлизной, какъ и рукава ея плоёной рубашки, а ужъ какъ позванивали эти маленькіе колокольчики—совершенно какъ свадебные!.. Отъ красныхъ ситцевыхъ занавѣсокъ на окнахъ—въ комнатѣ все отливало мягкимъ розовымъ цвѣтомъ; красивая фигура дѣвушки вся алѣла, какъ будто ее освѣщало пламя дѣвичьей страсти.—Покончивъ съ своимъ туалетомъ, Валли достала изъ той-же шкатулки увѣсистую, изукрашенную серебромъ, пѣнковую трубку—да какую—просто мое почтение! Этакій трубки никто изъ здѣшнихъ и не видалъ никогда. Она уложила ее на ладонь и долго взвѣшивала, соображая: хороша-ли еще такая трубка для Иосифа?... Опустивъ снова руку въ шкатулку, Валли, какъ-то особенно бережно, что-то вытщила оттуда и вдругъ, застыдившись, посмотрѣла на дверь (хорошо-ли заперта?)... Она держала въ рукѣ кругленькую коробочку, въ которой лежало—кольцо. Вотъ оно вынуто... Изъ груди дѣвушки вырвался вздохъ, а на глазахъ ея заблестѣли слезы неизъяснимой радости и признательности.

Валли, сжимая кольцо въ рукѣ, невольно опустила на колѣни... Давно уже не молилась она,—и вотъ теперь, передъ кольцомъ, губы ея шептали молитву... Дѣ, оно свяжетъ ее на вѣки съ тѣмъ человѣкомъ, котораго она полюбила всѣмъ сердцемъ!.. И Валли теперь совершенно не слышала ни горделиваго шелеста своей шелковой юбки, ни задорнаго позвякиванья серебряныхъ финтифлюшекъ,—она молилась такъ горячо, такъ искренно, какъ молится ребенокъ, желая поблагодарить Господа Бога за то, что отецъ исполнилъ одно изъ самыхъ пламенныхъ его желаній.

— Хозяйка-то наша, пожалуй, до ночи пробопадется, говорили дѣвушки-работницы, видя, что Валли такъ долго не выходитъ изъ комнаты.

Поселяне уже толпились передъ трактиромъ „Олень“. Много набралось сюда народу: кто на ногахъ держался, да имѣлъ праздничное платье—непремѣнно шель къ „Оленю“, такъ какъ всѣ были чрезвычайно заинтересованы вѣстью, что Валли будетъ танцевать съ Гагенбахомъ. Трактирщикъ, надѣясь на хорошей барышъ, пригласилъ даже музыкантовъ изъ Имста.

Валли распорядилась, чтобы одна изъ работницъ караулила наверху, у слуховаго окна, т. е. смотрѣла-бы на дорогу, и какъ только завидитъ Иосифа—сейчасъ дала-бы знать. Сама она уже вышла въ переднюю горницу: сердце ея билось, щеки горѣли,—а руками, холодными какъ ледъ, она прижимала къ груди тонкій платочекъ... Платочекъ этотъ былъ когда-то въ рукѣ ея матери: мать невѣстой вошла съ нимъ въ церковь

Въ карманѣ у Валли лежали трубка и кольцо, назаченныя Иосифу. Она стояла не шевелясь, она каждую секунду ждала—вотъ крикнуть: „идеть!“, и это ожиданіе такъ томилло ее, что она почти задыхалась въ жару нетерпѣнья... Эти минуты были едва-ли не самыя тяжелыя въ ея жизни.

— Они! Идутъ! крикнула караульная изъ слуховаго окна.—Съ Иосифомъ куча парней: тутъ и цвизельштейнцы, и зельденцы! Вонъ и хозяинъ „Ягненка“... Цѣлый полкъ!

Толпа любопытныхъ устремила къ воротамъ Штротмингерова дома. Валли, все еще не выходя изъ комнаты, слышала уже топотъ шаговъ „цѣлага полка“—и вдругъ толпа ахнула отъ удивленія: она увидѣла Валли. И въ ту-же минуту къ воротамъ подошелъ Иосифъ. Онъ былъ во главѣ процессіи.

Валли, такая скромная, но свѣтлая, величавая, какъ невѣста, гордящаяся такимъ женихомъ, встрѣтила желаннаго гостя.

— Это ты—Иосифъ?!

Голосъ ея звучалъ такъ мягко, нѣжно, какъ никогда; Иосифъ поглядѣлъ на нее какъ-то странно, почти застѣнчиво, и опустилъ глаза.

По тѣлу Валли пробѣжала дрожь... Что-же это такое: случайно или... нарочно—Иосифъ засунулъ перо за ленту шляпы верхушкой внизъ? Вѣдь такъ обыкновенно парни засовываютъ перо тогда, когда думаютъ затѣять ссору?... Ну, конечно, сегодня-то это вышло случайно!..

Она была окружена любопытными, на нее смотрѣли во всѣ глаза,—и ей такъ было неловко, странно, что она даже не могла языкомъ шевельнуть. Иосифъ тоже молчалъ... Валли глядѣла на него, не скрывая восторга, но онъ старался не смотрѣть ей въ глаза,—что-жъ, вѣрно, онъ тоже смущенъ, какъ и она!..

— Ну, идемъ! произнесъ наконецъ Иосифъ и подаль ей руку.

Валли подала свою, и они молча двинулись впередъ, къ трактиру. Толпа повалила за ними.

Стѣбитъ поглядѣть даже на заходящее солнце, потому отвернуться—и въ глазахъ совсѣмъ потемнѣетъ. Съ Валли было теперь почти то же: она ощутила свѣтлое счастье, а между тѣмъ на душѣ у нея были потемки. Она не могла понять, почему это такъ, и находилась въ смущеніи; она не знала, что творится съ нею, и, однакоже, чувствовала, что все какъ-то вышло иначе... противъ ожиданія.

Когда Иосифъ и Валли вошли на дворъ „Оленя“—грянула музыка. До слуха Валли долетѣла фраза изъ толпы: „Этакій красивой парочки ищи—не найдешь!“...

Она теперь только увидѣла, какъ много постороннихъ явилось съ Иосифомъ, и замѣтила, что сюда пришли всѣ бывшіе ея женихи. Валли опять начала сравнивать ихъ съ нимъ и, положа руку на сердце, могла сказать, что въ цѣлой кучкѣ жениховъ не было ни одного парня, котораго поспорилъ-бы съ Иосифомъ относительно статности и красоты. Онъ былъ между ними—царемъ, по фигурѣ и осанкѣ онъ отличался отъ всѣхъ бывшихъ тутъ мужчинъ, и Валли бросила на Иосифа восторженный взглядъ... Какъ грудь у него широка, какія стройныя, крѣпкія ноги!.. Посмотрѣвъ на Гагенбаха, всякій могъ понять, почему она предпочла его всѣмъ прочимъ.

И вдругъ глаза ея встрѣтились съ другими—такими черными, пронзающими, которыя были устремлены на Иосифа. какъ острые концы двухъ мечей. Это Викентій, забравшись въ толпу, посматривалъ такъ на Гагенбаха... А вотъ, тамъ-же, и другое лицо—печальное лицо Бенедикта Клѣца: онъ задумчиво глядѣлъ на Валли. Когда она, раньше, проходила мимо него, онъ коснулся рукава ея рубашки и шепнулъ: „Валли, будь осторожнѣе! Они что-то замышляютъ противъ тебя... Не знаю, что именно, но чувствую, что дѣло тутъ неладно“:

Она только плечами шевельнула: боятся-ли ей чего нибу въ, когда Иосифъ около нея!..

Танцующіе собирались уже въ пары; Валли съ Иосифомъ встала впереди всѣхъ. Зрителямъ очень хотѣлось видѣть, какъ они запляшутъ. Десятки глазъ завистливо посматривали на эту нарядную, выходящую изъ ряда вонъ парочку.

И вдругъ Иосифъ выпустилъ руку своей дамы и, принявъ почти торжественный видъ, проговорилъ громкимъ голосомъ:

— Валли! Я могу надѣяться (тутъ хозяинъ „Ягненка“ махнулъ музыкантамъ—и музыка умоляла), что прежде чѣмъ мы пойдемъ плясать, ты дашь мнѣ поцѣлуй, котораго не могъ получить ни одинъ изъ твоихъ бывшихъ жениховъ?

Валли вспыхнула, зарумянилась и шепнула:

— Только не здѣсь, не при всѣхъ, Иосифъ!..

— Нѣтъ, именно здѣсь—при всѣхъ!

Она растерялась... И хотѣлось ей чмокнуть его, и стыдно было: поцѣловать мужчину на глазахъ у всѣхъ—ужъ это слишкомъ тяжело для такой цѣломудренной,

застѣнчивой дѣвушки!... Да, но вѣдь передъ нею былъ тотъ, кого она любила горячо, искренно... И вотъ та минута, за которую она рада была-бы отдать годы жизни, пожалуй—всю жизнь,—наступила наконецъ! Что-жь, неужели ей поцеремониться какихъ нибудь непрошенныхъ свидѣтелей и отказать Іосифу въ его просьбѣ? Пусть говорятъ, что угодно: вѣдь она поцѣлуетъ—жениха *своею!*... Валли не долго колебалась—и приблизила красивое свое лицо къ лицу Іосифа. Глаза его впелись въ алыя, цвѣтуція губы дѣвушки, но прошла секунда—и онъ невольно тихонько оттолкнулъ ее и сказалъ въ полголоса:

— Нѣтъ, не такъ... Истинный охотникъ бьетъ вольную дичь, преслѣдуя ее. Вѣдь я тебѣ какъ-то разъ говорилъ это? Я не желаю, чтобы ты мнѣ подарила поцѣлуй: мнѣ хочется взять его силой у тебя, такъ сказать—*съ бою*. Я-бы на твоимъ мѣстѣ такъ дешево не раздавалъ-бы поцѣлуевъ. Такой дѣвушка, какъ ты, это не пристало! Ну, защищайся, Валли! Борись такъ же, какъ боролась съ другими,—не уступай мнѣ, а то и похвастаться мнѣ нечѣмъ будетъ!...

Валли покраснѣла отъ стыда, словно огнемъ опалило ее лицо, и она хотѣла съвозъ землю провалиться: вѣдь она совершенно забыла о своемъ словѣ! Самъ женихъ долженъ былъ напомнить ей о хвастливомъ ея вызовѣ... Все въ глазахъ Валли приняло красноватый оттѣнокъ, кровь плеснула ей въ голову—и Валли выпрямилась. Разгорѣвшіеся глаза ихъ встрѣтились.

— Ладно, промолвила она,—пускай будетъ по твоему. Тебѣ тоже нужно узнать, какова я—Орель-Дѣвка! Ну, увидимъ, какъ-то ты теперь поцѣлуешь меня!

Тяжело и порывисто дыша, Валли сдернула съ плечъ платокъ и явилась въ одномъ бархатномъ корсажѣ съ серебряной снуровкой. Тонкая бѣлая рубашка покрывала только половину груди. Іосифъ былъ пораженъ: глаза его были устремлены на прекрасную, обнаженную шею дѣвушки.

— Ахъ, и хороша-же ты! Настолько хороша, насколько и зла! пробормоталъ онъ—и кинулся на нее, какъ охотникъ на звѣря.

Крѣпко обхватилъ Іосифъ станъ Валли, но онъ не зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло,—не зналъ что такое Орель-Дѣвка; Валли дала ему одинъ толчокъ, но такой, который сразу освободилъ ее отъ противника. Въ толпѣ захохотали; особенно злобно смѣялись тѣ, кому пришлось уже однажды потерпѣть это. Іосифъ, какъ видно, разгорячился, результатъ первой схватки задѣлъ его за живое; онъ, снова, своими желѣзными руками обхватилъ Валли и, громко вскрикнувъ, опять отступилъ: ударъ подъ локотокъ заставилъ его опустить руки. Новый взрывъ смѣха.—Валли отлично знала дѣйствіе этого удара и всегда прибѣгала къ нему, желая избавиться отъ назойливости какого нибудь любезника,—и дѣйствительно, едва-ли кто могъ-бы выдержать такой ударъ! Іосифъ, затаивъ боль, почти съ остервененіемъ кинулся на дѣвушку, схватилъ ее за руки и старался приблизить лицо къ ея лицу, чтобы чмокнуть прямо въ губы; но она увернулась, и вотъ между ними началась напряженная борьба. Все замолкло, кругомъ; тишина прерывалась только изрѣдка проклятіями, которыя выкрикивалъ Іосифъ. Валли извивалась въ его рукахъ, какъ змѣя, такъ что ему никакъ не удавалось сорвать поцѣлуй съ ея губъ. На любовную—борьба эта уже не была похожа: казалось, они схватились и бьются на смерть, защищая жизнь. Раза три онъ пригибалъ ее къ землѣ и каждый разъ Валли вскакивала, выпрямлялась; онъ приподнималъ ее, она висѣла на его рукахъ—и все-таки ничего не выходило—не удавалось поцѣловать хоть что хочешь!.. Рубашка тонкой рубашки совсѣмъ разорвались, разорвалась и серебряная снуровка... Вдругъ Валли высвободилась, выскользнула изъ его рукъ и кинулась къ дверямъ, но Іосифъ поймалъ ее и прижалъ къ себѣ. Гнѣвное, жар-

кое было это объятіе! Она чувствовала дыханіе его—горячее, почти огненное; она лежала у него на груди, слышала, какъ его сердце билось подъ ея сердцемъ и—совершенно ослабѣла, упала передъ нимъ на колѣни и, въ изнеможеніи, ощущая боль въ тѣлѣ, стгорая отъ стыда и любви, прошептала:

— Бери меня!...

— Ха-а! произнесъ Іосифъ, тяжело вздохнувъ.—что, всѣ видѣли?! и, нагнувшись, звучно прижалъ свои губы къ ея жаркимъ, трепетавшимъ губамъ.

Вся толпа грянула—ура!

Тутъ онъ поднялъ Валли, и она, чуть не въ обморокъ, поникла головой на его грудь.

— Нѣтъ, стой! проговорилъ Іосифъ строгимъ голосомъ и отступилъ отъ нея.—Больше мнѣ не требуется—будетъ съ меня и одного поцѣлуя. Ну, что—видѣла, могу я тебя заставить поцѣловаться? Вотъ и все, ничего больше мнѣ и не надо.

Валли широко открыла глаза... она смотрѣла на него, словно ничего не понимала, и вдругъ, поблѣднѣвъ какъ мертвецъ, пробормотала заикаясь:

— Но... зачѣмъ-же ты... Іосифъ... пришелъ сюда?

— Зачѣмъ? Ужь не думала-ли ты, что я женихомъ твоимъ сюда явился?... Недавно, а именно на церковной процессіи, ты при всѣхъ объявила, что Афра—сокровище мое, что она изъ податливыхъ и что я, Іосифъ, не дерзнулъ-бы подѣхать такимъ манеромъ къ Орель-Дѣвкѣ! Ну, и неужто ты серьезно полагала, что человекъ имѣющій совѣсть, честь, позволить говорить такъ о себѣ и о честной дѣвушкѣ? Мнѣ хотѣлось только доказать тебѣ, что совладать съ тобой я могу точно такъ же, какъ съ медвѣдемъ или другимъ какимъ нибудь звѣремъ. А поцѣлуй, который я взялъ у тебя сейчасъ, отнесу я Афрѣ: пусть онъ будетъ искупленіемъ за твою неправду, загладишь то зло, которое ты сдѣлала ей. Постарайся не забыть этого урока, особенно, если гордость снова обуреетъ твое сердце. Это отвадить тебя, надѣюсь, обижать публично бѣдныхъ дѣвушекъ. Вотъ ты теперь сама попробовала, легко-ли вытерпѣть, когда видишь, что надъ тобой всѣ смѣются?...

Взрывъ хохота заглушилъ послѣднія слова Іосифа, но онъ сердито посмотрѣлъ на окружающихъ, давъ имъ понять, что никакихъ похвалъ себѣ не желаетъ.

— И такъ, всѣ вы—свидѣтели, что слово я сдержалъ? Теперь иду я въ Цвизельштейнгъ, чтобы успокоить Афру. Она, бѣдняжка, плакала, узнавъ, что я хочу сыграть штуку съ Штроммингеровой Валли. Ну, счастливо всѣмъ оставаться!

Іосифъ пошелъ, за нимъ бросились всѣ. Толпѣ ужъ очень пришлось по вкусу эта „штука“. Нѣтъ, гдѣ съ Іосифомъ тягаться! Одинъ онъ только и могъ совладать съ этой горячкой—Валли.

— Ничего, пусть она скушаетъ это на здоровье! Такъ ей и надо!

— Ну, Іосифъ, ужъ вотъ одолжилъ! Лучше этой штуки у тебя и не было!

— Теперь на такую невѣсту никто и вниманія не обратитъ!...

Такъ загалдѣли *бывшіе* женихи Валли, весело провожая Іосифа. Шутки такъ и сыпались.

Площадка, назначенная для танцевъ, живо опустѣла. Около Валли остались только двое—Викентій и Бенедиктъ. Она, не шевелясь, стояла все на томъ-же мѣстѣ, ничего не сознавая, ничего не чувствуя, какъ будто (такъ ей казалось) ея уже и въ живыхъ нѣтъ... Викентій, съ опущенными руками, молча глядѣлъ на нее. Но вотъ рофенскій Бенедиктъ приблизился къ дѣвушкѣ и, слегка дотронувшись до ея руки, заговорилъ:

— Эхъ, Валли, брось.. не огорчайся такъ! Вѣдь мы тутъ, съ тобой, и готовы за тебя отомстить! Говори, прикажи, что дѣлать? На все пойдемъ, только слово скажи... Ну, Валли?...

Она пошевелилась, большіе глаза ея сверкнули, но лицо какъ было—такъ и осталось безжизненнымъ, блѣднымъ... Она подергивала губами, какъ-бы сисясь что-то выговорить—и, наконецъ, собравшись съ духомъ, скорѣе выкрикнула, чѣмъ проговорила:

— М-мертвымъ хочу его видѣть!..

Бенедиктъ попытался...

— Чтò ты, Валли!.. Боже тебя сохрани!..

А Викентій подскочилъ къ ней. Глаза у него горѣли.

— Валли, это ты взаправду—да?..

— А ты думалъ—въ шутку? Дá, взаправду!..

Тутъ она простерла вверхъ руки (онѣ были блѣдны, съ посинѣвшими ногтями, какъ у мертвеца) и произнесла, какъ-бы давая клятву:

— Кто положить его мертвымъ у ногъ его Афры—за того пойду я! И это такъ же вѣрно, какъ вѣрно, что я Штротмингерова Вальбурга!..

(Продолженіе будетъ).

ДИКАЯ КОШКА.

Разсказъ тюрингенскаго охотника.

Въ холодную январскую ночь меня разбудили въ два часа по полуночи. Встать въ такую пору—для охотника дѣло не важное, и охотничій туалетъ мой былъ живо оконченъ; блѣдный холщевый плащъ, надѣтый сверхъ теплаго платья и обернутая въ блѣдый платокъ шапка, довершившіе его, дѣлали изъ меня настоящее привидѣніе. Съ тепперовскимъ ружьемъ за плечами и съ моимъ вѣрнымъ Гекторомъ, я поспѣшно оставилъ свою компану, чтобы идти въ лѣсъ на барсучью нору, въ которой звѣрь этотъ, лежавшій уже нѣсколько недѣль въ глубокой зимней спячкѣ, основалъ свою постоянную резиденцію, и гдѣ отъ времени до времени находила себѣ убѣжище лисица, а въ позднѣйшее время скрывалась дикая кошка.

Цѣлью моего теппершняго похода было именно это хищное животное, выслѣженное наканунѣ и проползшее въ барсучью нору. Хотя дикая кошка никогда не живетъ постоянно въ одномъ мѣстѣ—сегодня она приткнется въ чью-нибудь нору, завтра спрячется въ чащѣ еловыхъ иль пли на макушкѣ высокаго дерева,—однако на этотъ разъ, при свѣтѣ, на цѣлый футъ покрывавшемъ лѣсъ и поле, можно было надѣяться, что ночной хищникъ и сегодня не оставитъ своего сухаго, теплаго и просторнаго убѣжища. Я ускорилъ шаги. До лѣсной долины, у крутой стѣны которой находилась крѣпость моего звѣря, было всего полчаса ходьбы. Серебристый серпъ мѣсяца, миллионы звѣздъ, разливали великолѣпнѣйшее ночное сіяніе, освѣщая холодный зимній ландшафтъ, блиставшій въ богатомъ, ослѣпительно-сверкающемъ, брилліантовомъ уборѣ. Всякій туристъ, посѣщающій гарцекій и тюрингенскій лѣсъ, навѣрно знаетъ столь богатую восхитительными видами гайллейтерскую и киффгейзерскую горную цѣнь, которая тянется между обѣими главными горными массивами. Въ этихъ горахъ водилось въ прежнія времена множество всякихъ звѣрей, а въ лѣтоніяхъ тюрингенской охотничьей исторіи, особенно славились именно гайллейтерскіе и киффгейзерскіе лѣса богатствомъ деревьевъ и дичи. Въ началѣ прошлаго столѣтія здѣсь водилась еще рысь; а ея близкая родственница, кровожадная дикая кошка, умерщвляющая все, чтò только она въ силахъ одолѣть, по сіе время умѣетъ скрываться здѣсь отъ безошаднаго преслѣдованія человека. Я вошелъ въ отягченную свѣжыми массивами колоннаду, увѣнчанную сводомъ склоенныхъ другъ къ другу вершинъ, съ трудомъ пробираясь черезъ кусты, пригнувшіеся подъ тяжестью снѣга къ самой землѣ. Вотъ показались кучки земли, окружавшія пору словно крѣпостные валы. Забившаяся въ глубинѣ нора и сооруженные прилежаніемъ барсука, занесенные теперь снѣгомъ, проходы—представлялись на бѣломъ снѣжномъ покровѣ какой-то мрачной, коварной западней. Со всевозможными предосторожностями пробрался я къ своему мѣсту подлѣ толстаго бука, откуда я могъ обстрѣливать часть входныхъ отверстій.

Обратясь лицомъ къ сторонѣ Мальпартусбургъ, съ ружьемъ наготовѣ, прислушивался я къ малѣйшему шороху. Вокругъ меня вся природа лежала въ мертвомъ снѣ; ни одного звука не было слышно подъ неподвижнымъ снѣговымъ покровомъ, ни одной живой твари не показывалось на немъ.

Внимательно и нетерпѣливо наблюдалъ я за каждой видимою прогалинкой, за каждымъ предметомъ. Вблизи меня раздался страшный крикъ и звонокій, пронзительный смѣхъ ночной птицы. При моемъ настроеніи это были очаровательные звуки; почная тишина и мертвенность лѣса начинали тяготить меня въ моемъ одиночествѣ.

Вдругъ и встрепенулся: мнѣ послышалось, будто позади меня съ дерева посыпался снѣгъ и хрустнула сухая вѣтка, какъ будто освободясь отъ какой-то тяжести. Я быстро повернулся по этому направленію, ища неизвѣстную причину внезапнаго шума. Я увидѣлъ, и былъ вполне увѣренъ въ этомъ, что мимо меня быстро пробѣжало что-то—а это была именитъ поджидаемая мной кошка, которая по вѣтру слышала мой запахъ, и съ быстротою молніи, извиваясь какъ змѣя, исчезла изъ моихъ глазъ, прежде чѣмъ я могъ подумать поймать удобную минуту чтобы выстрѣлить въ нее. Съ понятной каждому охотнику досадою, смотрѣлъ я вслѣдъ рѣдкой дичинѣ, такъ проведенной меня за ночь. Оставаться здѣсь долѣе было бесполезно. Разминная око-

ченъбые члены, съ досадою на свою неудачу, оставилъ я мрачную пору—и, такъ какъ сквозь обсахаренныя кристаллическія вѣтви уже начнлась брезжить пробуждавшійся день, я пошелъ по блѣдымъ слѣдамъ звѣря, въ надеждѣ что мнѣ удастся напасть на новое убѣжище, которое онъ себѣ выберетъ для дневнаго отдыха. Я долженъ былъ обходить чащи, и съ дорожки преслѣдовать пересѣкавшіеся слѣды; пробиться черезъ лабиринтъ обремененныхъ снѣгомъ вѣтвей было рѣшительно невозможно. Обойдя такимъ образомъ нѣсколько круговъ, я неожиданно увидѣлъ передъ собой лѣснаго Д., также до разсвѣта обходившаго свой округъ; онъ сообщилъ мнѣ, что только-что сейчасъ нечаянно попалъ на свѣжіе слѣды дикой кошки, и что они ведутъ въ сосновую чащу, гдѣ вѣроятно и спряталась бѣглянка. Онъ предложилъ, не смотря на страшный снѣговой навѣсъ, съ помощью моей собаки, обойти это маленькое мѣсто, надѣясь спугнуть звѣря прямо мнѣ на встрѣчу. Я всталъ на углу узко-начинающейся сосновой чащи, не далеко отъ входа въ нее,—потому что, какъ извѣстно, дикая кошка, равно какъ и лисица, до послѣдней крайности держится въ самой глубинѣ чащи, и старается ускользнуть черезъ ея верхушки и углы. Лѣсничій, держа Гектора на веревкѣ, пошелъ впередъ и вскорѣ скрылся изъ вида.

Неподвижно стоялъ я подлѣ скрывающей меня молодой пизенской сосны. Держа ружье наготовѣ и съ напряженнымъ вниманіемъ ожидая чтò будетъ, я едва смѣлъ дышать громко.

Вдругъ я услышалъ впереди себя сильный прыжокъ—я уже приложилъ ружье въ щекъ—какъ моя собака выскочила комѣй и легла у моихъ ногъ: она повидимому была очень счастлива, что избавилась отъ охотника Д. и опять находится съ своимъ господиномъ. Не смотря на шумъ произведенный этимъ обстоятельствомъ, я не терялъ надежды, хотя очень слабо разсчитывалъ на успѣхъ. Вдали послышался кашель приближавшагося ко мнѣ Д. Онъ былъ уже недалеко отъ меня, какъ между заспанной снѣгомъ елочкой, прошигнула мимо меня какая-то тѣнь. Она на мигъ остановилась, и я разглядѣлъ толстую, радутую кошачью голову съ заостренными ушами и сверкающими глазами, которые недоумчиво и неуверенно оглядывали дорогу и всѣ предметы кругомъ; все остальное ея тѣло было покрыто снѣгомъ и вѣтвями. Что будетъ теперь? Что предпринять мнѣ? Стрѣлять я не смѣлъ: такъ легко было промахнуться, или рѣдкая дичь пропала бы для меня, если бы ея смертельно ранилъ на этомъ мѣстѣ. Между тѣмъ благодаря моему защищенному положенію и благоприятному вѣтру, мнѣ нечего было бояться, что мое присутствіе будетъ замѣчено въ эту критическую минуту.

Озираясь во всѣ стороны хитрыми глазами, подкрадываясь, пробираясь ползкомъ, какъ будто сейчасъ готовая броситься на свою жертву, вступила она, осторожно перебирая лапами, на узкую дорогу, которую думала было перерезнуть двумя прыжками, но тяжелый зарядъ уже догналъ ее—трах!—и не успѣвъ вздрогнуть, она лежала въ тридцати шагахъ отъ меня, кончившись на дорогѣ. Д. съ радостью поднималъ ее. Это былъ большой котъ. Какъ прародитель всѣхъ кошекъ, разбойничавшихъ въ со-сѣднихъ участкахъ, онъ устроилъ на лѣто свою главную квартиру въ сосновой чащѣ, гдѣ производилъ знатныя опустошенія между тамошними кроликами и другими беззащитными звѣрками. Весной онъ жилъ съ своей супругой въ лисьей норѣ, представившей фактическія доказательства безчисленныхъ злодѣйствъ этой пары, потому что осенью, отрывая нору, нашли около нея множество перьевъ и костей всякой породы лѣсной дичи. Издаваемое ими во время случки громкое, пронзительное мяуканье, отъ котораго морозъ подираетъ по кожѣ, и которое похоже иногда на отчаянный плачь ребенка, часто слышалось по полямъ, наводя безпокойство и ужасъ на одинокаго путника.

Мы прибавимъ еще нѣсколько словъ о характерѣ дикой кошки, и попросимъ благосклоннаго читателя еще разъ посмотреть на нашу картинку, нарисованную наблюдателемъ съ натуры. Лисица и кошка не уживаются въ одномъ мѣстѣ, и первая всегда избѣгаетъ встрѣчи съ послѣдней. Интересно видѣть, съ какой хитростью и ловкостью подкрадывается настоящая дикая кошка къ своей добычѣ и растерзываетъ ее; никакая

дичь, даже козуля, когда она бывает изнурена зимним холодом, не избегает преслѣдованія этого хищнаго звѣря. Внимательно наблюдающій здѣсь охотникъ, въ своихъ странствованіяхъ по его закоулкамъ, навѣрное не разъ видѣлъ, какъ на крѣпкой развѣтлинѣ, футовъ на пять или на шесть отъ земли, по близости окраины хвойной чащи, этотъ коварный хищникъ жметъ на солнышкѣ, высматривая что дѣлается внизу. Опъ бросается сверху на свою добычу (какъ рысь), которая сильнѣе его, впадаетъ въ жертву своимъ острыми когтями и прокусываетъ несчастному созданію затылокъ. Между супругами, пока у нихъ нѣтъ еще потомства, часто разыгрываются изъ-за добычи жестокаго сраженія, при чемъ слабѣйшая сторона должна уступить богу сильной. Наша картинка весьма удачно передаетъ одну изъ такихъ битвъ за обладаніе птичкой. Слвно должно быть вѣдѣлился они другъ въ друга, и вѣрно не мало валилось на мѣстѣ сраженія ключевъ ихъ пушистой шерсти.

Такъ какъ дикая кошка наноситъ сильнѣйшій вредъ всему лѣсному міру, и своей хищностью, силой и выносливостью далеко превосходитъ лисицу, которую въ сравненіи съ ненасытой кровожадностью первой (какъ на землѣ, такъ и въ вершинахъ деревьевъ) можно назвать просто невиннымъ созданіемъ, то понятнo какъ жестоко преслѣдуется она охотниками и лѣсной администраціей. Поэтому въ настоящее время она можетъ еще держаться только въ замкнутыхъ, очень глухихъ лѣсныхъ пространствахъ. Ея сохраненію способствуетъ главнѣйшимъ образомъ то обстоятельство, что ее труднѣе чѣмъ всякаго звѣря выгнать изъ занятой ею чащи. Во время травы, по часу сидитъ она на одномъ мѣстѣ на самой далекой окраинѣ, въ виду

установленныхъ на нее ружей; выставивъ изъ своей засады голову и уши, она не выпускаетъ изъ глазъ ни одного предмета, который кажется ей подозрительнымъ, даже пролетающая надъ ней птичка приводитъ ее въ это время въ волненіе. При малѣйшемъ неосторожномъ движеніи охотника, или при самомъ легкомъ противномъ вѣтрѣ, она быстро убѣгаетъ отъ совсѣмъ было приблизившагося къ ней загонщика. Дикая кошка очень пѣжна къ своимъ дѣтенышамъ; чрезвычайно забавны игры послѣднихъ между собой и съ матерью, которая учитъ ихъ хищническому искусству и всевозможнымъ гимнастическимъ штукамъ. Пока дѣтеныши сосутъ, кошка бѣгаетъ отъ кота и старательно прячетъ маленькихъ въ самыхъ неприслупныхъ чащахъ. Она часто перетаскиваетъ все свое семейство съ одного мѣста въ другое, если оно покажется ей не совсѣмъ безопаснымъ,—и всегда старается выбрать такая мѣста, куда никогда не показывается котъ. Кошка лишь тогда соединяется опять съ однимъ и тѣмъ же, изъ году въ годъ ведущимъ отшельническую жизнь котомъ, когда начинается время случки. Большая разница въ строеніи и образѣ жизни между дикой и домашней кошкой, кромѣ разныхъ другихъ чертъ и анатомическихъ признаковъ, заключается еще въ томъ, что первая не играетъ такъ жестоко съ своей жертвой, какъ послѣдняя, и кончаетъ съ ней скорѣе. Это объясняется тѣмъ, что дикая кошка пѣкоторымъ образомъ старается держать втайнѣ совершенныя ею убійства; вслѣдствіе этой же самой причины, она по возможности удаляетъ отъ своего логовища все, что можетъ выдать ея постыдныя дѣла, и какъ обыкновенные убійцы старается уничтожить всѣ слѣды преступленія.

РАЗУМНОЕ ВОСПИТАНІЕ ДѢТЕЙ.

II.

Игры дѣтей.

Дети безъ свободы—эта весна безъ солнца.
Эскиросъ (Эмиль XIX вѣка).

Въ жизни дѣтей игра занимаетъ весьма видное мѣсто. Можно сказать, что вся почти жизнь дѣтей проходитъ въ играхъ. Фребель называетъ игру высшею ступенью развитія дѣтей, такъ какъ она есть свободное проявленіе ихъ нравственныхъ наклонностей. Игра есть дѣятельность, въ которой ребенокъ развиваетъ свои физическія и умственные силы,—а потому родители и воспитатели не должны относиться къ ней слегка, какъ къ пустой забавѣ, а напротивъ, должны видѣть въ ней могущественное воспитательное средство. Такъ-называемыя «смирныя» дѣти, не любящія играть, которыхъ часто дома и въ школѣ ставятъ въ примѣръ достойнаго подражанія дѣтямъ шаловливымъ, такъ какъ въ нихъ видятъ задатки серьезнаго характера,—болшею частью не оправдываютъ ожиданій: они вырастаютъ людьми слабыми, тупыми, угрюмыми и молчаливыми. Нужно поэтому поощрять въ дѣтяхъ ихъ природную наклонность къ играмъ и отнюдь не стѣснять ихъ свободу ради спокойствія взрослыхъ.

Для физическаго здоровья ребенка, такъ же какъ и для физическаго здоровья взрослоаго, необходимы мышечныя движенія. Съ этою цѣлью полезны всѣ тѣ игры, которыя сопряжены съ движеніемъ ребенка,—и въ этомъ отношеніи ихъ не можетъ замѣнить никакая искусственная гимнастика. Маленькій ребенокъ любитъ возить—купите ему повозку и онъ будетъ въ ней возить свою куклу. Ребенокъ любитъ бросать—купите ему мячъ и онъ будетъ упражнять на немъ свои руки и глаза. Ребенокъ любитъ бѣгать—дайте ему шаръ или обручъ и это доставитъ ему удовольствіе вмѣстѣ съ пользой. Ребенокъ любитъ строить—доставьте ему кубики, изъ которыхъ онъ можетъ выводить разнообразныя архитектурныя фигуры своего изобрѣтенія. Словомъ, давайте ребенку такія игрушки, которыя побуждали бы его къ мышечной работѣ, но въ то же время возбуждали бы къ дѣятельности его органы чувствъ и умъ. Исчисленныхъ нами простыхъ игрушекъ совершенно достаточно для дѣтей 3—5 лѣтъ—и нѣтъ разумной надобности тратить на многочисленныя и дорогія игрушки, дѣлающія дѣтей только капризными. Обиліе игрушекъ черезъ-чуръ-затѣйливыхъ (въ родѣ машинъ), или же нелѣпныхъ (въ родѣ козы, играющей на барабанѣ), которыми нѣжные родители достаточнаго класса стараются развлекать своихъ скучающихъ дѣтей, наводитъ на послѣднихъ еще большую скуку.

Причина этому очень простая: юной душѣ ребенка пріятны лишь немногіе вполнѣ доступныя его пониманію предметы; обиліе же вещей, требующихъ разнообразныхъ ощущеній, не даетъ ему сосредоточить свое вниманіе на чемъ нибудь одномъ, скоро утомляетъ его и этимъ отнимаетъ у него удовольствіе. Равнымъ образомъ, давая ребенку игры, мы отнюдь не должны ему предписывать играть съ ними такъ а не иначе, ибо все, что стѣсняетъ свободу ребенка, становится ему нецѣльнымъ. Для дѣтей, начиная съ 5-ти лѣтъ, весьма полезны работы въ саду (лѣтомъ разумется). Копанье земли, сажанье цвѣтовъ и овощей, уходъ за ними, кромѣ упражненія тѣлесныхъ силъ, способствуютъ развитію силъ душевныхъ и умственныхъ, внушая ребенку, вмѣстѣ съ полезными познаніями, терпѣніе, любовь къ труду и

увѣренность въ своихъ силахъ. Весьма полезно также поручать дѣтямъ уходъ за домашними животными, особенно за птицами: это дѣйствуетъ весьма благотворно на характеръ ребенка, дѣлая его сострадательнымъ.

Кромѣ того, для развитія въ дѣтяхъ общительности, необходима игра съ другими дѣтьми одинаковаго возраста. Ребенокъ лишенаго общества себя равныхъ, обыкновенно бываетъ капризенъ, эгоистиченъ, скученъ и бездѣтеленъ. Напротивъ, дѣти дѣлаются оживленнымъ, бойкимъ, подчасъ великодушнымъ, когда играютъ со сверстниками. Изъ дѣтскихъ такъ-называемыхъ «общественныхъ» игръ всего полезнѣе такія, которыя требуютъ отъ дѣтей движенія. Таковы игры въ мячъ, въ воланъ, въ пятнашки, въ кошку и мышку, въ жмурки. Какъ на особенно интересную и очень полезную для дѣтей игру—можемъ указать на *гимнастическую игру*, рекомендуемую въ книгѣ «О воспитаніи дѣтей въ первые годы жизни» Маріи Манасеиной. Игра состоитъ въ слѣдующемъ: одинъ ребенокъ исполняетъ роль торговца птицами, а всѣ остальные дѣти представляютъ различныхъ птицъ. Покупатель подходит и спрашиваетъ какую-нибудь птицу, напр. ворону; если въ числѣ птицъ есть ворона, то торговецъ подводитъ ее къ покупателю, который и выпускаетъ ее на волю. Тогда ребенокъ, представляющій птицу, долженъ приставить и нѣсколько разъ повернуть голову вправо и влево (для упражненія шейныхъ мышцъ), какъ-то дѣлаютъ птицы, когда осматриваютъ мѣстность. Затѣмъ онъ дѣлаетъ нѣсколько прыжковъ въ бокъ (какъ обыкновенно прыгаютъ вороны) и, медленно поднимаясь, вытягиваетъ горизонтально руки и убѣгаетъ, описывая въ то же время круги. Ребенокъ долженъ вообще подражать движеніямъ той птицы, которую онъ представляетъ. Когда ребенокъ пускается бѣгать, т. е. представляетъ летящую птицу, то за нимъ въ погоню пускаются и ребенокъ представляющій торговца и ребенокъ представляющій покупателя, и если который-нибудь изъ нихъ поймаетъ его, то пойманный долженъ идти за поймавшимъ; если же онъ успѣетъ добѣжать до извѣстнаго опредѣленнаго мѣста, то онъ самъ превращается въ покупателя. Во все время бѣга ребенокъ, представляющій птицу, долженъ дѣлать извѣстныя условленныя заранѣе движенія руками (описывать круги, поднимать и опускать руки и т. д.), если же онъ забудетъ объ этомъ, то онъ дѣлается снова собственностію торговца, хотъ бы тотъ и не догналъ его. Каждый разъ передъ приходомъ покупателя торговецъ мѣняетъ названія своихъ птицъ; если же у него отнимутъ ихъ всѣхъ, то онъ самъ долженъ взять на себя роль птицы. Затѣмъ покупатель, у котораго накопилось всего больше птицъ, беретъ на себя роль торговца, а другіе роль покупателя и т. д.

Эта игра, варьируемая на разные лады, вполнѣ замѣняетъ искусственную гимнастику, которая на дѣтей только наводитъ скуку.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о такъ-называемыхъ развивающихъ играхъ Фребеля *). Игры эти, состоящія изъ нѣсколькихъ ящичковъ (даровъ) для разныхъ возрастовъ, имѣютъ цѣлью послѣдовательно развивать въ ребенкѣ, одновременно съ физи-

*) Обѣ играхъ Фребеля издана у насъ цѣлая книга г-жею Дараганъ.

ческими силами, внешнія чувства и мыслительныя способности. Такъ, первый даръ, предназначенный для ребенка 5 и 6 мѣсяцевъ—до одного года, есть мячъ. Эта игрушка имѣетъ цѣлью научить ребенка правильно двигать своими руками (хватать мячъ, который подкатывается къ нему взрослымъ, и отбрасывать назадъ), научить его распознавать цвѣта (мячи разныхъ цвѣтовъ) и въ то же время научить его понимать и произносить нѣкоторыя слова, относящіяся къ этой игрѣ (катится мячъ, лови мячъ, упалъ мячъ, ищи мячъ). Второй даръ Фре-

п.), для *вырѣзыванія, выкальванія, наклеиванія и плетенія* (бумажки, разноцвѣтныя полоски), *рисованія* (грифельная доска или бумага разлинованная на квадратики), для *лѣпки* (глину или воскъ)*).

Посредствомъ этихъ работъ ребенокъ *во первыхъ* упражняетъ свои руки, привыкая дѣлать ими самыя разнообразныя мелкія движенія, причемъ изощряетъ свое зрѣніе и осязаніе—слѣдовательно развивъ ется *физически*.

Во вторыхъ знакомится наглядно со счетомъ (при плетеніи),

Прежде поспѣла!.. Дикія кошки. Рис. Клѣнеръ, грав. Пэйне.

беля, состоящій изъ *шара и куба*, предназначается для ребенка одного года и старше (до 2-хъ лѣтъ), слѣдовательно, когда ребенокъ уже начинаетъ ходить. Кроме движеній руками и ногами, которыя ребенокъ дѣлаетъ слѣдя за катящимся шаромъ, онъ (ребенокъ) получаетъ понятіе о различныхъ формахъ (круглой и остроугольной) тѣлъ, объ углахъ, линіяхъ, о твердости, шаткости.

Остальныя дары (всѣхъ восемь) содержатъ въ себѣ матеріалы для такъ-называемыхъ *дѣтскихъ работъ*, а именно: для *строенія* (кубики, кирпичики, столбики, треугольники, лучинки и т.

элементарныя начала геометріи (на кубикахъ, призмочкахъ и цилиндрикахъ), съ физическими свойствами тѣлъ (дерева, бумаги, грифеля, глины и проч.), слѣдовательно развивается *умственно*.

Въ *третьихъ* приобретаетъ привычку и любовь къ труду, что способствуетъ въ значительной мѣрѣ развитію *нравственному*.

* Желающимъ познакомиться подробнѣе съ практическимъ применениемъ этихъ игръ отсылаемъ къ 2-му тому „Практическихъ замѣтокъ о воспитаніи“, уже не разъ нами упомянутыхъ.

Замѣтимъ при этомъ, что названныя Фребелевскія игры достигаютъ своей цѣли — всесторонняго развитія ребенка—лишь тогда, когда имъ руководитъ лицо опытное въ дѣлѣ воспитанія, умѣющее дѣлать эти работы дѣйствительно *игрою* для ребенка. Кто вздумаетъ превратить эти игры въ обязательную *работу* для ребенка, тотъ сразу внушитъ ребенку къ нимъ отвращеніе

и, слѣдовательно, принесетъ только прямой вредъ. Но слѣдуетъ остерегаться при этомъ рабскаго подражанія самому Фребелю. Последній придумалъ для каждой игры особенную пѣсенку, въ которой излагается сущность каждой игры. Въ этихъ пѣсенкахъ большею частью воспѣваются геометрическія и физическія свойства игрушки, что, согласитесь сами, нелѣпо.

ПУТИ ПЕРЕЛЕТНЫХЪ ПТИЦЪ

(По Пальмеру).

(Окончаніе).

Какое пространство отсюда съ крайняго сѣвера Сибири до мыса Доброй Надежды! Однакожъ все это пространство пролетаютъ нѣкоторыя породы береговыхъ птицъ два раза въ годъ.

Изъ начерченныхъ на нашей картѣ точками линій: А — В указываетъ путь по Норвегіи на западъ, С — путь проходящій туда же черезъ Финскій заливъ. Однакожъ мы тутъ замѣчаемъ и третій путь, отмѣченный буквою D. Этотъ путь такъ же беретъ свое начало съ Таймирскаго полуострова, но отклоняется въ длинный и широкій Обскій заливъ и направляется потомъ по рѣкѣ Оби прямо на югъ. Птичьи стаи, достигши до соединенія рѣки Оби съ Иртышемъ, раздѣляются. Меньшія стаи отправляются въ страны около Каспійскаго и Аральскаго морей по путямъ, отмѣченнымъ буквами Da; большая же часть проходитъ по сухому материку къ верховью рѣки Камы, по Волгѣ, близъ устья этой рѣки, къ Черному и Эгейскому морямъ (западный берегъ Чернаго и острова Эгейскаго моря покрыты пернатыми гостями)—а потомъ въ Египетъ къ устью рѣки Нила и частью до самой южной Африки.

Изъ вышесказаннаго о пути перелетныхъ птицъ на югъ, мы видѣли, что этотъ путь совершается не случайно, а по *правильнымъ, рѣзко очерченнымъ линіямъ*. Эти дороги не проходятъ прямо съ сѣвера на югъ, а значительно отклоняются въ особенности къ западу. Кромѣ означенныхъ путей, этихъ птицъ нигде здѣсь не застаютъ.

Однакожъ не всѣ эти птицы, о которыхъ идетъ рѣчь, путешествуютъ по означеннымъ здѣсь путямъ. Гага гребенушка, саутка, чайки и двѣ три породы береговыхъ птицъ проходятъ всегда лишь по путямъ, отмѣченнымъ на картѣ буквою А, то есть до крайнихъ предѣловъ Европы, по берегамъ океана. Другія, именно три породы гусей (*Anser bernicla, leucopsis* и *humboldtensis*) встрѣчаются вмѣстѣ съ предыдущими на пути В, а кромѣ того также на пути С, т. е. онѣ слѣдуютъ большею частью по берегамъ водъ—*какъ морей, такъ и оковъ*. Всѣ прочія: маленькая порода лебедей, двѣ три породы гусей и большая часть береговыхъ могутъ идти, кромѣ вышеозначенныхъ дорогъ, также и по направленію D, большею частью по берегамъ рѣкъ. Откуда происходитъ это различіе въ образѣ перелета? Только отъ того, что птица при полетѣ слѣдуетъ тому направленію, по которому *кляузъ ея ведетъ*—однакожъ не въ томъ уже сказанномъ тайномъ значеніи, которымъ ничего не доказывається, а въ томъ, что онѣ выбираютъ путь свой смотря по тому, *гдѣ находятъ удобный кормъ*. Птицы, слѣдующія по берегамъ океана, питаются животными низшаго разряда и находящимися тамъ остатками рыбъ; птицы же, летающія по путямъ линій В и С, питаются растеніями на морскихъ берегахъ; прочія породы гусей кормятся также растеніями у прѣсныхъ водъ, а береговыя птицы—маленькими животными тѣхъ же текучихъ водъ. Средній разрядъ находитъ также на первомъ пути достаточно удобной пищи, а третій разрядъ находитъ ее на двухъ предыдущихъ путяхъ—отчего средній разрядъ можетъ летать по двумъ, а третій по всѣмъ тремъ направленіямъ.

Теперь можетъ кто нибудь спросить насъ, что служитъ тому причиною, что часть этихъ птицъ вообще направляется на пути по линіямъ С и D, такъ какъ эти пути безъ сомнѣнія по мѣстамъ менѣе удобны для нихъ—особенно тамъ, гдѣ такіе пути направляются черезъ безводныя страны; онѣ вѣдь могли бы обратиться на путь, ведущій къ берегамъ океана? Бросьте взглядъ на карту—и причина этого явленія вскорѣ разъяснится. Тамъ, гдѣ путь по линіи D беретъ свое начало—находится глубокая и широкая Обская губа, опять и въ началѣ пути по линіи С—обширная Двинская губа обращается прямо къ югу. Весьма естественно, что губы эти увлекаютъ большую часть такихъ птицъ, которыя довольствуются подобными путями. Добравшись до самаго конца этихъ губъ, онѣ не смѣютъ обратиться назадъ на сѣверъ, такъ какъ время уже слишкомъ позднее,—а потому продолжаютъ путь свой по озерамъ и рѣкамъ, которыя встрѣчаютъ на пути своемъ, а также и черезъ сухія мѣстности, съ потока къ потоку. Такимъ же образомъ, весною Балтійское море привлекаетъ большія стаи птицъ на путь по линіи С, а Архипелагъ и Черное море—на путь по линіи D. Мы также видѣли, что часть птицъ, обращающихся къ Ламаншскому каналу, принимаетъ направленіе по Рейну; тутъ опять же *кляузъ* причиною тому. Эти птицы находятъ въ многочисленныхъ рукавахъ устья этой рѣки обильную пищу—и тѣмъ увлекаются къ продолженію пути своего по оной, пока уже не становится

слишкомъ поздно обратиться назадъ. Съ другой стороны рукава устья Роны точно такъ же привлекаютъ ихъ.

Такимъ образомъ мы убѣдились, что птицы крайняго сѣвера при перелетѣ направляются лишь по дорогамъ точно-определѣннымъ. Однакожъ, определѣно ли равнымъ образомъ, отправляются ли однородныя птицы по одному определенному пути, или же онѣ направляются какъ попало, туда и сюда, лишь бы пути были таковы, чтобъ по нимъ можно было пролетать? При изслѣдованіи всѣхъ путей, мы въ скоромъ времени убѣдились, что птицы одного рода, летающія по особымъ путямъ, во время перелета, лишь весьма рѣдко встрѣчаются. Отправляющіяся по пути D—прибываютъ на зиму въ самыя восточныя части Средиземнаго моря; летавшія же по путямъ С и Са—въ самыя западныя части того же моря;—слѣдовательно онѣ находятся въ весьма значительномъ разстояніи другъ отъ друга. По пути В птицы отправляются большею частью въ Англію, весьма немногія въ Данію; слѣдовательно онѣ только въ Ламаншскомъ каналѣ могутъ соединяться съ прилетающими по направленію С. Однакожъ большая часть изъ гусей, отправившихся по предыдущему направленію, остаются на зимнихъ квартирахъ у береговъ Англіи. Береговыя птицы, зимнія квартиры которыхъ находятся въ Африкѣ, дѣйствительно соединяются въ упомянутомъ каналѣ и продолжаютъ путь свой вмѣстѣ; но изъ прилетѣвшихъ по пути С, весьма многія направляются на путь Са. Изъ сего видно довольно ясно, что птицы, находящіяся въ разныхъ мѣстахъ, перелетаютъ большею частью по различнымъ путямъ,—изъ чего вмѣстѣ съ тѣмъ и слѣдуетъ, что онѣ весною возвращаются по тѣмъ же путямъ на тѣ же лѣтнія квартиры.

До сего времени мы вовсе не упоминали о птицахъ выходящихъ гнѣзда на материкѣ сѣверной Европы, а лишь о тѣхъ, которыхъ лѣтнія жилища находятся на безлѣсныхъ островахъ Ледовитаго океана. Последнія птицы подвергнуты предварительному изслѣдованію преимущественно потому, что они—чужіе намъ гости, которые вездѣ были болѣе замѣтны, а такъ же и протяженіе путей ихъ лучше всего объясняетъ направленіе перелета. Однакожъ, если судить по недостаточнымъ еще свѣдѣніямъ, пути другихъ перелетныхъ птицъ совершаются такимъ же образомъ. На материкѣ мы также встрѣчаемъ многія породы птицъ на лѣтнихъ квартирахъ, которыя по полету своему несомнѣнно принадлежатъ къ одному изъ вышеозначенныхъ разрядовъ. Но кромѣ ихъ мы встрѣчаемъ множество породъ, которыя обыкновенно строятъ гнѣзда на берегахъ прѣсныхъ водъ материка: всѣ породы утокъ нашихъ, родъ большого лебедя, нѣкоторыя породы гоголей и чаекъ, чегравы, крохали, зяблики, бекасы, кулики, а также и нѣкоторыя другія береговыя и водныя птицы*). Птицы эти, по возрастѣ птенцовъ своихъ, начинаютъ мало по малу направляться внизъ по водамъ материка. Такимъ образомъ, родившіеся въ Норвегіи птенцы пускаются внизъ къ морскому берегу, откуда большая часть вѣроятно отправляется прямо южнымъ направленіемъ въ Данію, а другая часть также и въ Англію, такъ какъ большія стаи ихъ являются туда осенью. Замѣчательно однакожъ, что эти птицы не остаются на однихъ морскихъ берегахъ, а распространяются также по всѣмъ водамъ материка. Изъ сѣверныхъ странъ Швеціи и Финляндіи онѣ собираются на обоихъ берегахъ Ботническаго и Финскаго заливовъ, равно какъ на всѣхъ рѣкахъ, въ оныя впадающихъ. Часть этихъ финляндскихъ птицъ отправляется прямо на югъ, вверхъ по рѣкамъ Эстляндіи и Лифляндіи; однакожъ большая часть ихъ продолжаетъ путь свой по берегамъ Балтійскаго моря, отъ которыхъ постоянно отдѣляются значительныя стаи, направляющіяся въ устья всѣхъ германскихъ рѣкъ. Достигши верховья ихъ, онѣ отправляются черезъ низкія мѣста горныхъ хребтовъ опять въ другія рѣки. Такимъ образомъ большія стаи ихъ собираются у рѣки Дуная и въ особенности при устьѣ ея (хотя огромное количество ихъ находится осенью повсюду во всей средней Европѣ), каковыя мѣста по множеству убитыхъ птицъ тамошными жителями названы Добродичъ (сокращено изъ первобытнаго Добродичія). По рѣкамъ, текущимъ изъ Россіи въ Черное море, прибываютъ такъ же безчисленныя стаи и соединяются съ прежними, а потомъ всѣ вмѣстѣ отправляются черезъ Архипелагъ къ устьямъ рѣки Нила.

Труднѣе разобратъ огромный пятый разрядъ перелетныхъ птицъ, именно *болотныхъ птицъ*, потому что дорога ихъ идетъ

*) Пути этихъ птицъ отмѣчены на картѣ нашей черными точками.

по широкому поясамъ. Сюда относятся, напр., журавль, цапля, сѣрый гусь, многія породы береговыхъ и мелкихъ птицъ. Ихъ путь будетъ яснѣе всего, если на обыкновенной картѣ слѣдить за направлениемъ горныхъ хребтовъ, которыхъ онѣ опасаются, облетая ихъ или переправляясь черезъ нихъ въ низкихъ мѣстахъ. Лучше всего до сего времени изслѣдованъ полетъ журавля. Изъ Скандинавіи и Финляндіи онъ перелетаетъ въ довольно прямомъ направленіи къ югу. Въ сѣверной Германіи путь журавлей идетъ лучеобразно съ острова Рюгена къ югу, потомъ соединяется въ долинахъ Майна, Рейна и Роны и затѣмъ продолжается чрезъ Средиземное море въ Африку. Рѣдкіе журавли летаютъ черезъ Баварію и Венгрію, въ Россіи же ихъ встрѣчаютъ большими стаями, летающими съ Чернаго моря, мимо города Смирны, по берегу Малой Азіи въ Египетъ. Въ Стокгольмѣ, по всей Даніи, Голландіи, Богеміи и верхней Италіи ихъ почти никогда не встрѣчаютъ. Труднѣе всего объяснить пути живущихъ на материкѣ перелетныхъ птицъ (напр. пѣвчихъ птицъ и проч.), особенно если онѣ притомъ, какъ напр., ласточки,—проворныя летуньи. О нихъ можно бы подумать, что онѣ могутъ летать гдѣ угодно, кромѣ высокихъ горъ. Но что онѣ летаютъ по опредѣленнымъ и хорошо знакомымъ имъ путямъ—это достаточно доказывается тѣмъ, что онѣ весною всегда возвращаются къ прежнимъ своимъ гнѣздамъ.

Мы уже несколько разъ замѣтили, что перелетныя птицы кромѣ опредѣленныхъ путей весьма рѣдко гдѣ либо встрѣчаются; случается однакожъ, что ихъ застаютъ и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ мы не привыкли ихъ видѣть.

Иногда обыкновенный перелетный путь ихъ сокращается или же продолжается сверхъ обыкновеннаго; онѣ останавливаются ближе обыкновеннаго или же, напротивъ того, залетаютъ дальше обыкновенной границы своей. Когда зимы бываютъ теплыя, то случается, что заблудившіяся остаются въ южной Финляндіи, а уляхи и гоголи у Балтійскаго моря или у другихъ водъ, не покрывающихся льдомъ. Весною же большія стаи птицъ крайняго сѣвера останавливаются у Средиземнаго, Чернаго и Сѣвернаго морей; въ такихъ случаяхъ онѣ однакожъ не строятъ гнѣздъ и не высидиваютъ птенцовъ. На оборотъ же, въ морозныя зимы, такія породы гусей, которыхъ обыкновенныя зимнія квартиры находятся у Сѣвернаго моря,—иногда улетають къ сѣверо-западнымъ берегамъ Франціи; стаи подорожниковъ, свиристелей красавъ—являются въ средней Германіи.

Но кромѣ этихъ появляющихся перелетныхъ птицъ, которыя легко объясняются переменами погоды, случается также ежегодно, что одиночныя птицы а иногда также цѣлыя стаи ихъ прибываютъ въ такія мѣста, куда имъ по вышеозначеннымъ законамъ природы никогда не слѣдовало бы прилетать. Нѣкоторыхъ подорожниковъ и свиристелей находили даже въ Провансѣ, на самомъ югѣ Франціи. Съ другой стороны, опять, нѣкоторые щегленки (*fringilla carduelis*), пустошки (*Urupa erops*), горлицы (*columba turtur*) и бѣлые аисты (*ciconia alba*) доходили до сѣверной Норвегіи, нѣкоторыя цапли, драхвы и пеликаны появлялись у насъ въ Финляндіи. Также и во внутреннихъ частяхъ восточной Германіи попадались иногда птицы крайняго сѣвера; однакожъ, вотъ что замѣчательно: это почти всегда случалось осенью въ самыхъ сѣверныхъ, а весною въ самыхъ южныхъ странахъ. Въ первомъ случаѣ онѣ очевидно направлялись по восточнымъ рѣкамъ Германіи, въ послѣднемъ по Адриатическому морю.

Гораздо удивительнѣе то обстоятельство, что птицы изъ Америки иногда перелетали въ Европу (въ особенности осенью), а европейскія въ Америку (преимущественно весною). И были между этими чужестранцами, пролетавшими черезъ океанъ, весьма маленькія птички; были дрозды, о которыхъ можно было подумать, какъ это перенесли ихъ крылья чрезъ столь дальній путь!

Всѣ эти птицы, являющіяся на столь чуждыхъ имъ мѣстахъ, далеко отъ обыкновенныхъ своихъ дорогъ,—заблудившіяся путешественники. Иногда, во время нахождения ихъ въ дорогѣ, случается страшная буря, которой онѣ не въ состояніи сопротивляться и которая сбиваетъ ихъ на вѣскольکو сотъ верстъ въ сторону съ настоящаго пути. Иногда также птицы, или стаи птицъ, изъ-за какой-нибудь причины (напр. отъ жадности, прилетѣвъ на мѣста гдѣ находится обильная пища), отстаютъ отъ другихъ родныхъ своихъ птицъ. Пролетаетъ стая другой, хотя и состоящей въ родствѣ съ нею породы,—вотъ запоздавая на пути птичка, подумавъ, что это своя стая, летитъ съ нею вмѣстѣ впередъ. Такихъ птицъ изъ чуждой породы встрѣчаютъ весьма часто между стаями перелетныхъ птицъ; иногда же, хотя весьма рѣдко, птицъ весьма различнаго рода встрѣчали въ одной и той же компаніи, напр. однажды въ сѣверной Финляндіи—чорнаго гоголя въ стаѣ бѣлыхъ гусей.

Оттого весьма часто можетъ случаться, что чужая стая держитъ совсѣмъ иной путь, неседи запоздавая, съ ними сомкнувшаяся птица, которая потому и попадаетъ въ страны вовсе ей неизвѣстныя.

Необразованный и суевѣрный народъ вездѣ смотрѣлъ на этихъ рѣдкихъ пришлецовъ съ какимъ-то страхомъ и боязнью, считая ихъ признаками разныхъ бѣдствій, войнъ, язвъ и смерти. Свидѣтельствомъ этому служатъ разные мрачныя названія, данныя

этимъ рѣдкимъ гостямъ; напр., пустошка (*urupa erops*) называется въ Швеціи *harfogel* т. е. птицею войны, свиристель (*bombucilla garrula*) въ Германіи—*Pestvogel*, т. е. моровою птицею; бѣлый аистъ (*ciconia alba*) именуется въ Эстляндіи *Toone kurg*, т. е. смертоноснымъ аистомъ. Ихъ прибытіе дѣйствительно предвѣщаетъ смерть, но никому иному какъ имъ же самимъ, этимъ бѣднымъ заблудившимся, потому что незнакомыя мѣста, куда они неожиданно попали, не всегда удобны для пропитанія ихъ. весьма рѣдко заблудившіяся съ настоящаго пути въ состояніи спасти душонку свою. Иногда однакожъ, если новыя обстоятельства не слишкомъ неспрїятны, имъ удается привыкнуть къ нимъ, и даже, но гораздо рѣже, построивъ новыя гнѣзда, такъ же и прижиться дѣтей. Этимъ лучше всего объясняется распространеніе нѣкоторыхъ птичьихъ породъ въ странахъ весьма отдаленныхъ другъ отъ друга; этимъ же объясняется такъ же и появленіе новыхъ породъ. Попавъ въ новый образъ жизни, гдѣ климатъ и пища совсѣмъ иные нежели въ первоначальной родинѣ, конечно онѣ измѣняютъ и образъ жизни, а потому новыя жизненныя обстоятельства конечно имѣютъ вліяніе и на внѣшній видъ ихъ. Эта гипотеза получаетъ весьма сильное доказательство въ томъ, что между птицами крайняго сѣвера, которыя составляютъ предметъ сего рассужденія, большая часть находится въ близкомъ родствѣ между собою, но въ разныхъ мѣстностяхъ дѣлаются представителями разныхъ породъ. Въ мѣстахъ, находящихся близко одно отъ другаго, онѣ еще такъ мало разнятся между собою, что естественныя испытатели обозначаютъ ихъ только измѣненіями породъ; въ болѣе же отдаленныхъ мѣстахъ разница между ними столь велика, что ихъ нужно было раздѣлять на разные породы.

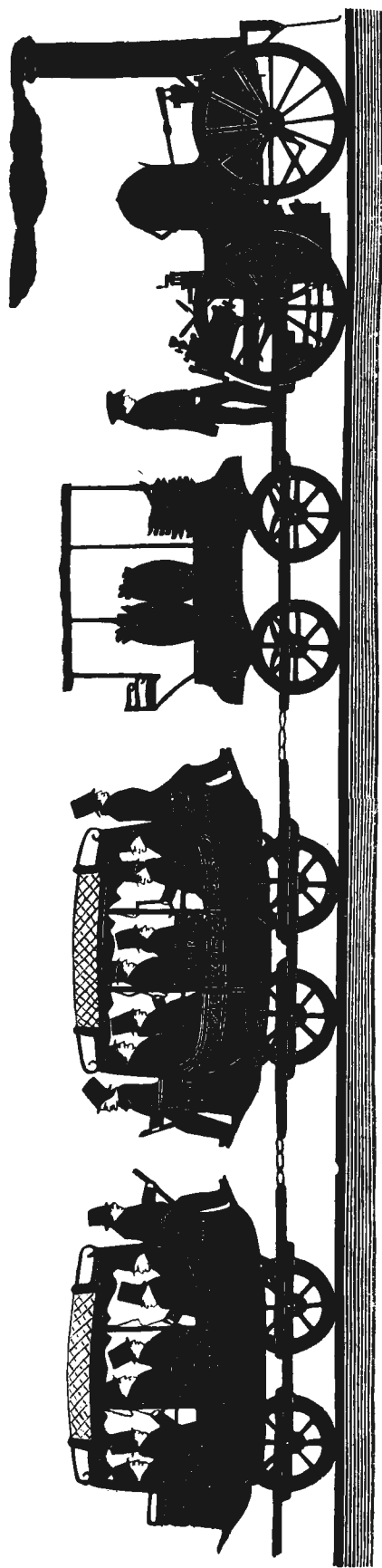
Наконецъ слѣдуетъ упомянуть о слѣдующемъ обстоятельстве. Заблудившіяся перелетныя стаи почти всегда состоятъ изъ весьма молодыхъ птицъ, изъ птенцовъ, высиденныхъ въ то же мѣсто. Гораздо рѣже между ними замѣчаются самки, которыя въ этомъ случаѣ вѣроятно не хотѣли разставаться съ заблудившимися птенцами; весьма же рѣдко, почти никогда не заблудается старый самецъ. Вотъ опять очевидное доказательство того, что у птицъ на перелетныхъ путяхъ нѣтъ никакого тайнаго врожденнаго побужденія вмѣсто путеводаителя. Въ такомъ случаѣ птенцамъ было бы столь же трудно заблудиться какъ и старымъ птицамъ; одинокія птицы или стаи ихъ, гонимыя бурей въ сторону, опять бы находили своей прежній путь. Единственною путеводаительною перелетныхъ птицъ служитъ *опытность*. Онѣ летаютъ постоянно большими стаями, слѣдовательно между ними находятся нѣкоторыя старыя и опытыя птицы, которыя уже нѣсколько разъ направлялись по этому пути и потому уже знаютъ главные мѣста и обстоятельства. Можетъ быть между ними находятся и такія, которыя, когда вѣдуть въ прежніе годы обратившись на невѣрный путь, но избѣжавъ однакожъ погибели, по опыту уже знаютъ, что туда не слѣдуетъ летать. Вотъ и главная причина того, что главные стаи перелетныхъ птицъ никогда не отклоняются въ такія мѣста какъ Адриатическое море или въ Ботнической заливъ; онѣ знаютъ уже, что этотъ путь не ведетъ къ лѣтнимъ ихъ квартирамъ. Достигши тѣхъ мѣстъ, гдѣ находится ихъ лѣтнія жилища, всѣ птички стаи, какъ извѣстно, рассыпаются—и всякой парочкѣ птицъ уже слѣдуетъ самой отыскать прежнее гнѣздо. Но тутъ онѣ находятъ въ тѣхъ знакомыхъ мѣстностяхъ, гдѣ птенцами перелетывали то туда то сюда; имъ трудно заблудиться.

Еще можно заключить, что весь обычай переселенія не подлежитъ какой-нибудь естественной причинѣ, а происходитъ просто отъ привычки. Тѣ же самыя птицы въ нѣкоторыхъ земляхъ бываютъ постоянными жителями, въ другихъ же опять перелетными птицами. Въ послѣднихъ мѣстахъ онѣ вѣроятно распространились въ послѣдствіи, но по причинѣ холода и соединеннаго съ нимъ недостатка въ пищѣ онѣ научились обращаться въ зимнее время болѣе на югъ. Птенцы не имѣютъ и понятія объ этой надобности переселенія, онѣ перелетаютъ потому, что видятъ родителей своихъ въ этихъ занятіяхъ; однакожъ нѣкоторыя изъ нихъ остаются и тогда умирають съ голода и холода.

Мы опять имѣли случай видѣть, какъ наука освѣтила одно обстоятельство въ устройствѣ природы, которое до сего было для насъ непонятнымъ. Для насъ дѣйствительно пропало, въ этомъ надобно сознаться, одно изъ «чудесъ міра», надъ которыми мы прежде изумлялись,—именно та мысль, что кака-то невидимая, внутренняя сила руководитъ птицами при перелетѣ ихъ по облачнымъ путямъ. Однакожъ, какіе широкіе виды представляются вмѣсто того нашимъ глазамъ, виды, гораздо выше и удивительнѣе прежнихъ! Мы снова имѣли случай убѣдиться въ томъ, что работа природы совершается въ извѣстномъ порядкѣ. Пути птицъ сдѣлались для насъ правильными, по естественнымъ, легко понимаемымъ причинамъ, а такъ же мы убѣдились и въ томъ, что отклоненія и промахи ихъ служатъ способами къ достиженію великой цѣли природы—украшать ее и распространять жизнь во всѣхъ частяхъ земнаго шара. Передъ нами опять поднялась немного та завѣса, которая отъ твари скрываетъ работу, мысль и намѣренія вѣчнаго Творца... Какая великая и назидательная мысль!

История локомотивовъ.

История усовершенствования локомотива принадлежит къ числу удивительныхъ явленій. Подобное явленіе мы видимъ только въ изобрѣтеніи паровой машины. Какъ паровая машина была дове-

Первая американская желѣзная дорога въ 1831 г.

дена Уатгомъ до такой степени совершенства, что послѣдующія поколѣнія были въ состояніи измѣнить въ ней только нѣкоторыя незначительныя части,—такъ и Стефенсоновъ локомотивовъ созрѣлъ въ головѣ своего счастливаго изобрѣтателя со всѣми принадлежностями и качествами.

Все, что слѣдуетъ въ исторіи построенія локомотива послѣ 6-го октября 1829 года, представляетъ лишь преобразованія нѣкоторыхъ частей, болѣе рациональное размѣщеніе, введеніе нѣсколькихъ менѣе важныхъ, но всетаки новыхъ элементовъ. Но чѣмъ тише подвигалось улучшеніе локомотива, чѣмъ менѣе требовалось гениальности, тѣмъ труднѣе писать исторію позднѣйшаго развитія паровоза.

Поэтому нельзя смотрѣть на этотъ очеркъ исторіи устройства локомотива иначе, какъ на попытку вызвать истину изъ мрака, какъ на объясненіе нѣкоторыхъ основныхъ причинъ устройства локомотивовъ.

Подобно растенію, животному, сопровождающему человѣка въ различныя страны, гдѣ оно сродняется съ климатомъ, измѣняетъ видъ, образуетъ новыя породы, которыя становятся собственностью страны,—локомотивъ, это «механическое домашнее животное» человѣка, въ своемъ техническомъ устройствѣ имѣетъ собственную географію. Опытный глазъ легко отличить локомотивъ англійскій отъ локомотива американскаго или нѣмецкаго, какъ специалистъ отличитъ арабскую лошадь отъ англійской.

Торговля, занятіе жителей, произведенія страны, количество рабочихъ рукъ, отношеніе приморскихъ городовъ къ городамъ внутри страны, климатъ, поверхность,—все это имѣетъ значеніе въ устройствѣ локомотива. Вслѣдствіе этого мы раздѣлимъ весь желѣзнодорожный мѣръ на 4 области. Первая и самая старшая область—это Великобританія; вторая—страна будущаго, соединенныя Штаты Америки; 3-я—страны Европы, въ которыхъ равнины и холмистая поверхность измѣнили въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ локомотивъ, перенесенный изъ Англій, и придали ему своеобразный характеръ (Бельгія, Германія, Австрія, Франція, Россія), и наконецъ, 4-я—альпійскія горныя страны.

Въ Англій—странѣ торговли, угля и желѣза, впервые появились локомотивы и, благодаря народу, съ желѣзною волею, постоянно стремящемуся къ улучшениямъ для своего блага, онъ скоро же всего развился.

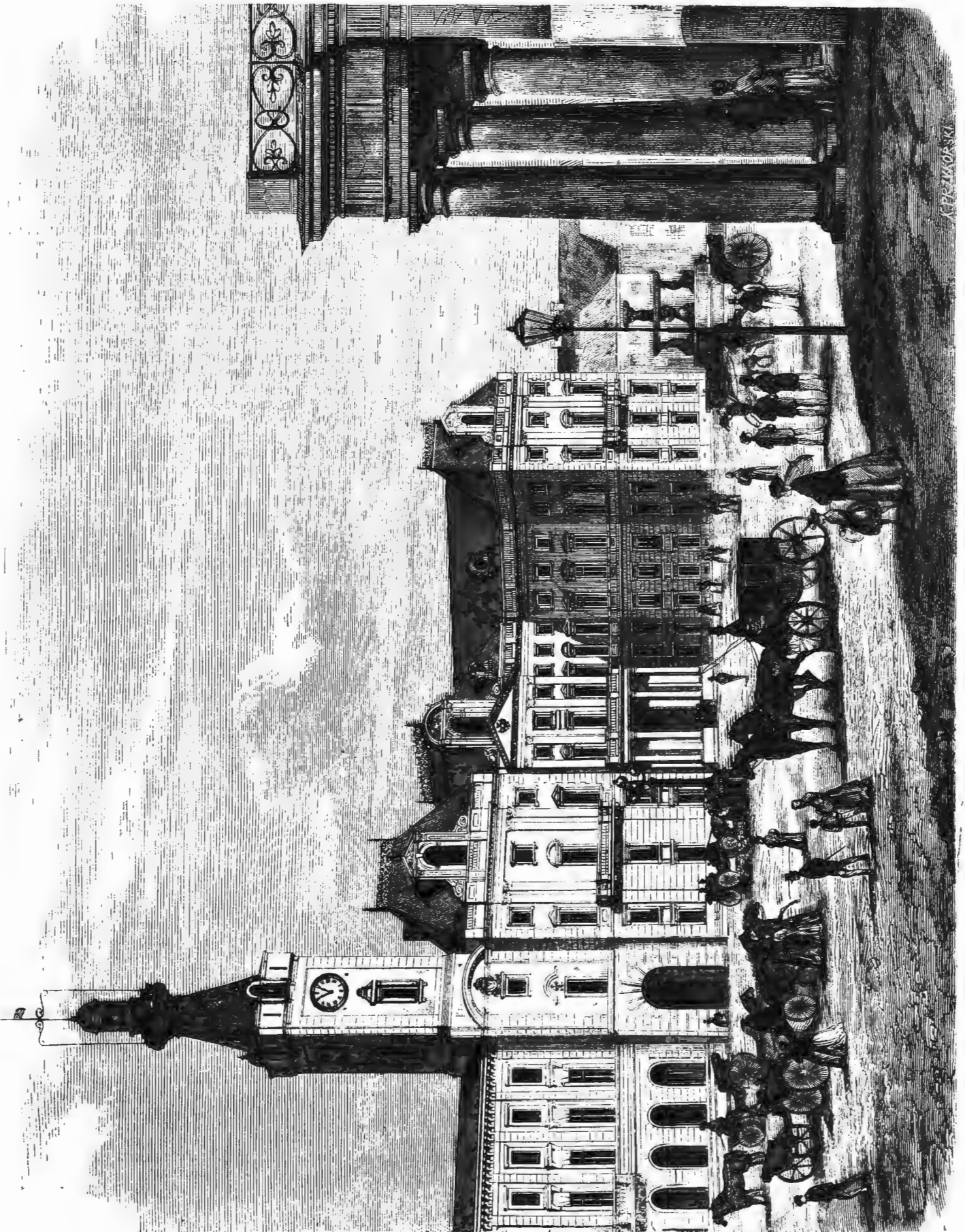
31 гавань, изъ лучшихъ въ свѣтѣ, описываютъ эту страну рядомъ сборныхъ пунктовъ, къ которымъ стремятся въ громадномъ количествѣ произведенія различныхъ странъ,—и эти произведенія, если она сырьѣ, должны быть переданы во внутрь страны для обработки; потомъ изобрѣтенія Уата, Крамптона, Гергрэвса (Hergaves) и другихъ—все это вызвало потребность въ улучшеніи путей сообщенія. И Англія начала покрываться дорогами и каналами. Но условія постройки каналовъ не вполне удовлетворяли промышленнымъ потребностямъ. Въ 1829 г. провозъ по Бриджватерскому каналу стоилъ отъ $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{7}$ копѣйки съ пуда и версты; проходили-же товары 54 версты отъ 2—4 дней. А потребность была настолько велика, что при этихъ условіяхъ по цѣлымъ недѣлямъ товары ждали очереди. Неудобства очевидны—и изобрѣтеніе Стефенсона появилось очень кстати. Притомъ новая система перевозки грузовъ имѣла такой успѣхъ, что Ливерпульско-Манчестерская компанія немедленно рѣшилась принять новое изобрѣтеніе для перевозки грузовъ по своей дорогѣ (открытіе ея послѣдовало 15 Сентября 1825 г.). Быстрому распространенію новой системы также много способствовала катастрофа съ компаніей Бриджватерскаго канала, которая хотѣла удержать въ своихъ рукахъ монополію торговли между Ливерпулемъ и Манчестеромъ.

Послѣ введенія новой системы перевозки грузовъ Ливерпульско-Манчестерской компаніей, въ Англій и другія компаніи начали заводить ту же систему передвиженія. Благодаря громадному количеству товаровъ, все стараніе было обращено на увеличеніе скорости и силы локомотива—и въ настоящее время локомотивъ является удовлетворяющимъ всѣмъ требованіямъ страны.

Примѣромъ возьмемъ локомотивъ Большой Западной дороги. Локомотивъ этотъ устроенъ Брунелемъ младшимъ: всѣ части, мѣшающія скорости и силѣ локомотива, по возможности измѣнены или даже устранены: тендеръ сдѣланъ меньше; Стефенсоновъ продолговатый котель замѣненъ болѣе короткимъ; для пассажирскихъ поѣздовъ локомотивъ имѣетъ колеса въ 10 футовъ въ поперечникѣ, для товарныхъ 6 сообщающихся пятифутовыхъ колесъ, 2000 куб. фут. площади огня, цилиндръ въ 24 дюйма въ поперечникѣ и ходъ поршня въ 28 дюймовъ.

Физиономія, которую принялъ локомотивъ при своемъ переходѣ во вторую область, въ Америку, какъ-бы отразила въ себѣ направленіе этой страны, хотя идеи, руководившія при постройкѣ перваго локомотива, были чисто англійскія.

Полный успѣхъ, сопровождавшій постройку желѣзныхъ дорогъ въ Англій, весьма естественно возбудилъ всеобщее вниманіе въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ еще болѣе чувствовалась потребность въ улучшеніи путей сообщенія,—и потому неудивительно, если мы видимъ уже въ 1831 г. въ Америкѣ желѣзныя дороги. Первая концессія на постройку желѣзной дороги была выдана Могокъ - Гудзонской (Mohawk Hudson) компаніи. Эта дорога шла отъ Альбани по направленію къ Нью-Йорку на разстояніи 16 англійскихъ миль. Работа началась въ 1830 г. и была окончена въ 1831 г. На этой-то дорогѣ и была произведена первая попытка перевозить пассажировъ (изображеніе этого поѣзда мы помѣ-

Ратуша въ Варшавѣ.

щаемъ въ сегодняшнемъ №). Для этой попытки локомотивъ былъ вывезенъ изъ Англiи и называется Джонъ-Буль; вѣсилъ онъ 4 тонны. Машинистомъ этого поѣзда былъ Джонъ Гампсонъ, родомъ англичанинъ. На этомъ поѣздѣ было 15 лицъ: 1) Неизвѣстный, 2) Льюисъ Бенедиктъ, 3) Джеймсъ-Александръ, президентъ коммерческаго банка, 4) Чарльсъ-Эдудлей, 5) Яковъ Гайесъ (Hayes) оберъ констабль въ Нью-Йоркѣ, 6) Майоръ Мэгсъ, шерифъ, 7) Неизвѣстный, 8) Вилли Вайнъ, 9) Неизвѣстный, 10) Неизвѣстный, 11) Сурлоу (Thurlow) Видъ, 12) Неизвѣстный, 13) Юсифъ Ягъ, 14) Неизвѣстный, 15) Неизвѣстный.

Послѣ первой попытки Америка быстро стала покрываться желѣзными дорогами. Но страна, на которой приходилось проводить желѣзныя дороги, была велика—и потому надо было строить дороги или скоро и небрежно, или надежно но тихо. Этотъ вопросъ сильно интересовалъ всѣхъ—и было предложено въ сенатѣ: строить желѣзныя дороги надежно и заботливѣе, ввиду многихъ несчастныхъ случаевъ на дорогахъ. Но это предложенiе нашло отказъ въ лицѣ самого президента. «Намъ приходится» говорилъ Линкольнъ «строить дороги или тихо и мало, но надежно,—или легко, но скоро и притомъ въ большомъ количествѣ. Въ первомъ случаѣ мы сэкономимъ жизнь человеческую, во второмъ мы выиграемъ въ могущество, благѣ и силѣ государства. Я вполне жалѣю о тѣхъ жертвахъ, которыя придется намъ потерѣть, если мы примемъ второе рѣшенiе: но какъ президентъ Штатовъ, я подаю всетаки за него голосъ.» И такъ, скорѣе строить! Слѣдствiемъ этого рѣшенiя была постройка чисто американскихъ желѣзныхъ дорогъ: появились деревянные мосты, системы Тауна и другихъ, но устройству нигдѣ въ свѣтѣ не имѣющие подобнаго по смѣлости выполненiя, полотно на дорогахъ дѣлалось преимущественно изъ дерева, и локомотивы, приспособленные для ѣзды по такимъ путямъ. Система прямыхъ осей и вѣшняго цилиндра, оставленная въ Англии, въ Америкѣ снова вводится; колеса устраиваются изъ одного куска желѣза, благодаря его хорошему качеству, тогда какъ въ Европѣ въ то время спицы дѣлались изъ кованаго желѣза и вставлялись въ отливную ступицу, закрѣпля все колесо ободомъ (tires). Тендеръ и котель, вслѣдствiе употребленiя въ большинствѣ случаевъ дровъ, какъ горючаго материала, увеличались.

Желѣзныя дороги въ третьей области, на Европейскомъ континентѣ, имѣютъ своеобразный характеръ, существенно отличающiйся отъ характера желѣзныхъ дорогъ Америки и Англiи. Морской берегъ, на значительномъ разстоянiи, лишень хорошихъ гаваней, торговля не столь развита, какъ въ Англии, только

въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣются залежи угля и желѣза, плотность населенiя средняя, національная добродѣтель разумной экономiи, сбереженiе человеческой жизни на первомъ планѣ,—все это вызвало особый характеръ европейскаго локомотива. Все старанiе ученыхъ было обращено на устройство такого локомотива—и изобрѣтенiя, подобныя Жифардову инъсектору (вспрыскивателю), Лешательеру тормазу и паровому крану Кэобреппскаго, нашли употребленiе на континентѣ.

Только при извѣстныхъ условiяхъ можно ограничить 4-ую «Альпийскую» область. Она раскинулась островами по всему желѣзнодорожному мiру, и имѣетъ 2 центра: въ Европейскихъ Альпахъ и въ Скалистыхъ горахъ, въ Америкѣ.

Локомотивъ, употребляемый въ горахъ, не имѣетъ никакихъ особенныхъ принадлежностей и, по устройству и расположенiю частей, сходенъ съ локомотивомъ употребляемымъ для перевозки большихъ поѣздовъ.

Ричардъ Патонъ, устроивъ въ 1842 г. машину съ 6 соединенными колесами (35 тоннъ вѣса, 1300 куб. футъ площади огня, со вѣшнымъ цилиндромъ 18 дюймовъ въ поперечникѣ и ходъ поршня въ 22 дюйма) и помѣстивъ воду и топливо между осями подъ нею и паровикомъ, и проведя, посредствомъ этого локомотива, поѣздъ въ 3400 центеровъ вѣсу по долинѣ, наклонной подъ угломъ 41°, рѣшилъ вполне проблему горнаго локомотива.

Но поднятiя поѣзда подъ угломъ въ 41° было недостаточно, надо было устроить локомотивы для болѣе крутыхъ восхожденiй. Первый локомотивъ для такого восхожденiя былъ устроенъ Мафереемъ въ Мюнхенѣ, затѣмъ Фишеромъ, Энгертонъ и другими. Но болѣе всего заслуживающiй вниманiе локомотивъ былъ устроенъ Вольфомъ, Бендлеромъ при постройкѣ желѣзной дороги чрезъ Карпаты. Для очень крутаго поднятiя былъ устроенъ локомотивъ Робертонъ Стефенсономъ. Онъ былъ употребленъ въ первый разъ недалеко отъ Генуи у Dei-Giovi-Passe.

Стефенсонъ устроилъ машину, или вѣрнѣе двѣ машины, соединилъ ихъ задними сторонами, такимъ образомъ, чтобы одно лицо могло управлять. Но эта конструкцiя была неудобна и неэкономна. Воспользовавшись идеею Стефенсона, Ферди и Мейеръ устроили локомотивъ съ однимъ *оливымъ* котломъ, и изъ этого мы видимъ, что въ теченiи 15 лѣтъ (съ 1842 г.) всѣ улучшенiя Энгерта, Стефенсона привели опять къ первоначальному виду локомотива Патопа. Это не единственный примѣръ—и исторiя локомотива на каждомъ шагѣ намъ указываетъ на совершенство изобрѣтенiя Стефенсона.

ВАРШАВСКАЯ РАТУША.

Встарину эта часть города, нынѣ столь изящная, долго была пустыремъ. Все пространство отъ мѣстечка Великой Воли до нынѣшней Электоральной улицы, до Козьяго проулка, было занято глубокими песками. Отсюда, еще въ XVI и XVII столѣтiи, при постройкѣ болѣе или менѣе значительныхъ зданiй, въ архивныхъ актахъ вносились, что зданiя эти заложены на *пескахъ*.

По мѣрѣ расширенiя города, околотокъ этотъ то застраивался, то снова, вслѣдствiе военныхъ погромовъ, терпѣлъ разрушенiе. Еще отъ XV вѣка удѣлилъ слѣды нѣсколькихъ существовавшихъ здѣсь улицъ. Была, напр. улица *Подорожная*, выходившая на Краковское предмѣстье, нынѣ Сенаторская. На Театральной площади издавна выселись деревянные зданiя соляныхъ складовъ, старыя и новый мѣновой дворъ, на мѣстѣ которыхъ въ концѣ XVII вѣка является какое-то промышленное заведенiе, лютымъ капитулъ каноничевъ, а по упраздненiи его въ наше время построенъ Большой театръ.

Насупротивъ этихъ зданiй, гдѣ нынѣ ратуша, въ XVII вѣкѣ находился разбитый въ итальянскомъ вкусѣ садъ подскарбiя Даниловича, граница съ урочищемъ издавна извѣстнымъ подъ именемъ Самсоневскаго и съ деревянными домами горожанъ, которые, равно какъ и Даниловичевъ дворъ, сгорѣли во время первой шведской войны, и мѣсто это до 1692 года было совершеннымъ пустыремъ.

Въ началѣ XVIII вѣка отстроилъ его заново стольникъ Иеронимъ Потриковскiй, а у наследниковъ его въ 1722 г. мѣсто это было куплено Марiей Людовиковой Вѣлинской, богатой владѣтельницай многихъ палацовъ и любившей строить ихъ. Подобный палацъ воздвигнула она и здѣсь, по смерти ея доставшiйся въ 1733 году князю Станиславу Яблоновскому, въ родѣ котораго и оставался до 1804 года. Здѣсь жилъ сынъ его, князь Антонiй, а когда помѣщенiе оказалось тѣснымъ, разобралъ старое зданiе и въ 1785 году выстроилъ новое по плану придворнаго архитектора Доменика Мерлони. Такъ какъ это зданiе оказывалось однимъ изъ изящнѣйшихъ въ Варшавѣ, то въ на-

родѣ оно и до послѣдняго времени извѣстно было подъ именемъ палаца Яблоновскихъ.

Когда состоялось постановленiе о перенесенiи ратуши изъ Стараго города на удобнѣйшее мѣсто, городская управа выбрала для этой цѣли палацъ Яблоновскихъ и, приобрѣти его въ 1817 году, перестроила его по плану городского архитектора Фридриха Лесля въ главную ратушу. Впослѣдствiи къ нему присоединенъ былъ участокъ при улицѣ Даниловичевой, который и пошелъ подъ зданiя магистрата, полицiи, пожарныхъ частей, ломбарда и проч.

При всемъ томъ, все зданiе, не смотря на многократныя перекладки и ремонтъ, сохраняло первоначальный видъ палаца до пожара въ 1863 году, уничтожившаго три этажа главнаго фасада и одинъ этажъ пристройки.

Работы по возобновленiю сгорѣвшей ратуши, подъ руководствомъ генералъ-лейтенанта Шуберскаго, продолжались съ 1864 по 1869 годъ. Главнымъ строителемъ былъ городской архитекторъ Юсифъ Орловскiй. Согласно утвержденному проекту, наружныя стѣны сгорѣшаго зданiя надлежало возвести въ первоначальной ихъ формѣ. Задача эта была тѣмъ болѣе трудна, что отъ ирехнихъ стѣнъ мѣстами уцѣлѣлъ одинъ оставъ. Оказывались и другiя трудности, какъ напр. глубина земляныхъ работъ подъ фундаментъ при непостоянномъ грунтѣ почвы и проч.

Новоотстроенная ратуша занимаетъ нынѣ поверхность въ 154,509 квадрат. футовъ. Прежняя внѣшность его сохранена въ совершенствѣ, за исключенiемъ нѣсколькихъ балконовъ и крыши французскаго стиля. Часть зданiя, въ которой помѣщается канцелярiя оберполицiймейстера, выстроена въ стилѣ XVIII вѣка и поражаетъ громадностью своихъ размѣровъ. Между ней и ратушей вьсятся башня въ 190 футовъ съ пожарной каланчей, откуда виднѣсь весь городъ. Подъ каланчей устроены башенные часы съ тремя циферблатами, освѣщаемыми газомъ.

Главный дворъ ратуши, на который вѣзжаютъ съ театральной площади, украшенъ громадными воротами.

Политическое обозрѣнiе.

Балканскiй полуостровъ снова сдѣлался мѣстомъ кровопролитiя: въ одной изъ турецкихъ провинцiй, населенныхъ христианами, вспыхнуло возстанiе. На этотъ разъ за оружье взялись уже не черногорцы, какъ это было въ прошломъ году при Под-

горичѣ, и не босняки, какъ это было въ 1873 году,—а жители Герцеговины, провинцiи смежной, съ одной стороны съ Черногорiей, а съ другой—съ принадлежащей Австрiи Далмацiей. Поводомъ къ возстанiю, по увѣренiю турецкаго правительства, по-

служило слѣдующее обстоятельство: нѣсколько герцеговинцевъ, разграбившихъ будто бы турецкій караванъ, бѣжали въ Черногорію; тамъ они упрости черногогорскаго князя выхлопотать для нихъ безпрепятственное возвращеніе на родину; вернувшись съ оружіемъ въ рукахъ, они отказались платить налоги, разогнали турецкихъ сборщиковъ податей и своимъ пригрозомъ возмутили нѣсколько окрестныхъ деревень. Таковы причины, выставленныя константинопольскимъ правительствомъ въ конфиденціальному сообщеніи, съ которымъ оно обратилось къ европейскимъ державамъ по поводу герцеговинскаго возстанія. На самомъ же дѣлѣ событія въ Герцеговинѣ представляются совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ.

Дѣйствительно, самую коренную причину вспыхнувшего возстанія является отказъ герцеговинцевъ уплачивать туркамъ подати; справедливо также и то, что жители этой провинціи очень часто переходятъ черезъ границу въ Черногорію, въ надеждѣ найти для себя тамъ защиту и покровительство, а изъ чувства привязанности къ родинѣ возвращаются обратно. Но турецкое правительство благоразумно умалчиваетъ о причинахъ, заставляющихъ население Герцеговины выселяться въ Черногорію, бѣжать съ мѣста родины, оставляя на произволъ судьбы свое хозяйство, свои семьи; между тѣмъ въ этихъ-то причинахъ и заключается вся сила... Для уразумѣнія дѣла надо знать, что население этой злополучной турецкой провинціи состоитъ изъ такъ-называемыхъ *бековъ*, отурчившихся славянъ, богатыхъ землевладѣльцевъ, бывшихъ одноплеменниковъ герцеговинцевъ, и остальной массы населенія, оставшейся вѣрною христіанской вѣрѣ и своей славянской національности. Богатые беки пользуются всякимъ случаемъ для притѣсненія бѣднаго населенія, вслѣдствіе чего между тѣми и другими очень часто возникаютъ споры; турецкія власти въ такихъ случаяхъ становятся обыкновенно на сторону болѣе сильную, т. е. поддерживаютъ интересы землевладѣльцевъ, отъ которыхъ до нѣкоторой степени зависятъ и сами. Такого рода притѣсненія и несправедливости съ одной стороны, и невыносимо тяжелые налоги—съ другой—заставляютъ герцеговинцевъ переселяться въ сосѣднія провинціи. Но пребываніе ихъ на чужбинѣ продолжается обыкновенно недолго: зная очень хорошо мстительный нравъ *бековъ*, заранее увѣренныхъ не только въ безнаказанности за свои поступки, но даже въ поддержкѣ мѣстныхъ властей, и готовыхъ мстить родственникамъ бѣглецовъ, «*усюки*» въ скоромъ времени возвращаются на родину, гдѣ ихъ ждетъ жестокое преслѣдованіе какъ со стороны махomedанскихъ землевладѣльцевъ, такъ и отъ мѣстныхъ турецкихъ властей.

Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Одинъ изъ вожаковъ, бѣжавшихъ въ Черногорію нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, по возвращеніи на родину, былъ схваченъ турками, которые намѣревались было тотчасъ же и покончить съ нимъ. Но на эту сцену подошелъ членъ невесинскаго суда Юро Симовичъ и вступился за своего собрата. Тогда бѣшенство турокъ обратилось на этого несчастнаго—и на другой день онъ былъ убитъ... Вслѣдъ затѣмъ турки убили другаго славянина, содержателя гостинницы, продававшаго пищу герцеговинскимъ бѣглецамъ. Убіиства слѣдовали за убійствами. Турки завладѣли казеннымъ порохомъ и погребомъ, не встрѣчая никакого препятствія со стороны властей, и дѣло приняло настолько серьезный оборотъ, что христіане должны были, для собственной безопасности, взяться за оружіе. Между турками и герцеговинцами произошло уже нѣсколько болѣе или менѣе серьезныхъ сраженій, и въ большинствѣ случаевъ перевѣсъ оказывался на сторонѣ повстанцевъ: при одномъ только селеніи Струги, герцеговинцы должны были уступить неприятелю. 27-го іюля, инсургенты, въ числѣ 1,200 человѣкъ, напали на гораздо болѣе значительныя силы турокъ при Невесинѣ и, послѣ ожесточеннаго боя, завладѣли 13 турецкими пушками и 130 ружьями; въ этомъ мѣстѣ турки лишились убитыми до 200 человѣкъ. Вслѣдъ затѣмъ были еще три незначительныя битвы, въ томъ числѣ и битва при Столацѣ, небольшой крѣпостію котораго завладѣли инсургенты. Впрочемъ, не смотря на всѣ эти мелкія удачі, герцеговинцы не могутъ не сознавать, что держаться противъ многочисленнаго неприятеля имъ не придется долго; а потому и рѣшились удалиться въ горы и лѣса, откуда и вести партизанскую войну. Говорятъ, что турки собрали въ Мостарѣ двадцатипятисотное войско, которое и намѣрены двинуть противъ повстанцевъ. Въ сраженіи, охваченной возстаніемъ, образовался уже тайный революціонный комитетъ, мѣстопребываніе коего неизвѣстно; онъ наводитъ весь Балканскій полуостровъ прокламаціями, въ которыхъ совѣтуетъ инсургентамъ, не входя въ открытую борьбу съ турками, по возможности затягивать возстаніе, чтобы Сербія и Черногорія были вынуждены поддержать его и вступить за своего брата; совѣтуетъ шадити чужое имущество и не предаваться преслѣдованію изъ-за религіозныхъ побужденій; окончательною цѣлью возстанія выстав-

ляется соединеніе Босніи, Герцеговины, Сербіи и Черногоріи въ одно государство. Подъ всѣми прокламаціями стоитъ подпись: «Главный комитетъ для освобожденія отъ турецкаго ига», Возстаніе охватило всѣ деревни Невесинскаго и Столацкаго округовъ и часть округовъ Билеке и Трбинье, вплоть до Далматинской границы, включая въ то число и деревни съ католическимъ населеніемъ, до сихъ поръ поддерживавшимъ турокъ. Сколько можно судить по отрывочнымъ извѣстіямъ, требованія инсургентовъ заключаются въ слѣдующемъ: 1) въ отменѣ добавочныхъ податей; 2) въ уменьшеніи налоговъ на овцеводство; 3) въ уменьшеніи налоговъ, взимаемыхъ за освобожденіе отъ военной службы, и 4) въ организаціи полиціи изъ мѣстныхъ жителей, взаменъ нынѣшней турецкой.

Что же дѣлаютъ сосѣднія съ Герцеговиной, единоплеменные ей Сербія и Черногорія? Какъ относятся жители этихъ двухъ мѣстностей къ дѣлу своихъ несчастныхъ братьевъ? Положеніе двухъ этихъ государствъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, весьма незавидное. Князь Черногорскій Николай и Сербскій князь Милантъ, согласно данному общаю и требованіямъ первостепенныхъ державъ, Англіи, Австріи и Россіи, стараются удержать за собой нейтральное положеніе; а потому употребляютъ необычайныя усилія для того, чтобы предотвратить вмѣшательство своихъ подданныхъ въ герцеговинскую распрю. Но сила вещей беретъ свое, и холодный расчетъ дипломатіи оказывается безсильнымъ передъ горячимъ патриотизмомъ сербовъ: по всей Черногоріи и Сербіи открылась подписка въ пользу герцеговинскихъ инсургентовъ, имъ пересылается оружіе, деньги, боевые и съѣстные припасы; комплектуются небольшие отряды, которые и переходятъ безпрепятственно въ Герцеговину, на помощь своимъ братьямъ. По этому поводу, турецкое министерство иностранныхъ дѣлъ сочло необходимымъ обратиться къ представителямъ первостепенныхъ державъ съ особой нотой, въ которой отвѣтственность за герцеговинское возстаніе возлагаетъ, между прочимъ, на Сербію и Черногорію—и грозить, въ случаѣ усиленія борьбы, занять означенныя княжества своими войсками. Предводители возстанія, съ своей стороны, отправили въ Вѣну, Берлинъ и Петербургъ записку, въ которой, изображая невыносимо-тягостное положеніе герцеговинскихъ христіанъ подъ игомъ турокъ, просятъ заступничества этихъ державъ и обузданія своихъ заклятыхъ национальныхъ, религіозныхъ и экономическихъ враговъ. Кромѣ того, князь Черногорскій Николай, отправилъ въ Вѣну сенатора Илью Пламенаца съ порученіемъ заявить Вѣнскому кабинету, что правительство Черногорскаго княжества не въ состояніи удерживать своихъ подданныхъ отъ вмѣшательства въ герцеговинскія дѣла.

При извѣстной ненависти балканскихъ христіанъ къ турецкому владычеству, герцеговинское возстаніе грозитъ на этотъ разъ принять весьма серьезный оборотъ и, чего-добраго, можетъ возбудить старый и, въ то же самое время,—вѣчно юный «восточный вопросъ». Дрихлѣющая съ каждымъ днемъ Порты перестаетъ возбуждать къ себѣ сочувствіе даже въ своей неизмѣнной союзницѣ и покровительницѣ—Англіи. Спекулятивный духъ британской націи разнухалъ весьма незавидное, даже, можно сказать, критическое положеніе турецкихъ финансовъ, съ которыми тѣсно связаны и обороты многихъ банырскихъ домовъ Англіи; а потому прежней дружбы—какъ не бывало! Изъ обнародованнаго недавно турецкимъ правительствомъ государственнаго бюджета видно, что ежегодный дефицитъ въ этой странѣ достигаетъ 40 миліоновъ рублей!.. Въ такой крайности, турецкіе государственные люди прибѣгаютъ даже къ героическимъ средствамъ: убавляютъ свое жалованье на двѣ трети, увеличиваютъ таможенныя пошлины на 12% и проч. Ко всѣмъ этимъ невзгодамъ для Турціи, присоединяются еще и внутреннія интриги, преимушественно въ придворной сферѣ. Честолюбивая султанша Валиде ведетъ, вмѣстѣ съ своею довольно многочисленною партіей, тайную интригу въ пользу измѣненія нынѣшняго порядка престолонаслѣдія, при которомъ престолъ обыкновенно переходитъ къ старшему въ родѣ, чтобы на будущее время установить прямую преемственность отъ отца къ сыну. Пользуясь вліяніемъ на сына своего, Юсуфа-Иззедина, она и то что бы то ни стало желаетъ видѣть его на престолѣ; но этому сильно противится какъ самъ султанъ, такъ въ особенности старая турецкая партія, состоящая изъ людей крайняго консервативнаго направленія, для которой всякое измѣненіе существующихъ порядковъ равносильно чуть ли не свотатству.

Таковымъ представляется положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ. Герцеговинское возстаніе привлекаетъ къ себѣ вниманіе всей Европы—и привлекаетъ не безъ основанія, такъ какъ теченіе событій въ этой странѣ до такой степени измѣнчиво, что можетъ ежеминутно грозить даже перетасовкой всего того, что сдѣлано до сихъ поръ при участіи первостепенныхъ державъ и на чемъ уже и думали успокоиться.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Дѣйствія правительства.

— Государь Императоръ, по всеподдан-

нѣйшему докладу главнаго военно-морскаго суда, 14-го апрѣля сего года, удостоивъ Высочайшаго утвержденія военно-морской уставъ

о наказаніяхъ, Высочайше повелѣтъ соизволил: срокомъ для введенія въ дѣйствіе настоящаго устава по морскому вѣдомству на-

значитъ 1-е августа текущего года, съ тѣмъ чтобы съ сего числа постановленія новаго суда примѣнялись ко всѣмъ дѣламъ, которыя не получатъ до сего времени окончательнаго рѣшенія; за исключеніемъ тѣхъ немногихъ случаевъ, гдѣ опредѣляемая настоящимъ уставомъ взысканія строже наказаній, назначаемыхъ дѣйствующими доселѣ по морскому вѣдомству законами, въ каковыхъ случаяхъ постановлять приговоры о подсудимыхъ на основаніи узаконеній, существовавшихъ во время учиненія преступленій.

Дѣла церкви.

— Нижегородское губернское по обезпеченію быта духовенства присутствіе утвердило, какъ видно изъ журналовъ этого учрежденія, значительное число приговоровъ сельскихъ обществъ объ обезпеченіи быта сельскаго духовенства. Въ приговорахъ этихъ крестьяне принимаютъ на себя различныя по содержанию причтовъ обязательства; такъ, напримѣръ, одни изъ сельскихъ обществъ взаимно доходовъ, получаемыхъ причтомъ отъ требъ, обязываются платить ежегодно причтамъ деньгами, а также выкупать у священника и діакона дома; другія общества выражаютъ желаніе къ доходамъ, получаемымъ причтомъ отъ требъ и съ земли, доплачивать ежегодно опредѣленную сумму; третьи, взаимно доходовъ отъ требъ и сборовъ хлѣбомъ

и другими продуктами, обязываются собирать съ каждой ревизской души по 1 мѣрѣ ржи и по 50 к. деньгами, и доставлять все это ежегодно причту въ установленные сроки, а также приобрести для жительства священника и псаломщика, чрезъ выкупъ у нихъ, дома, которые и ремонтировать на приходскій счетъ; четвертые, вмѣсто хлѣбныхъ сборовъ, производимыхъ самимъ причтомъ, предлагаютъ собирать въ пользу его съ каждой души по полумѣрѣ ржи и по полумѣрѣ дикушки, и доставлять этотъ сборъ причту чрезъ сельскихъ старостъ въ полномъ количествѣ не позже 1-го октября каждаго года, а также приобрести для жительства священника и псаломщика дома, которые ремонтировать и страховать на приходскій счетъ.

Военное и морское дѣло.

— Высочайшимъ приказомъ по военному вѣдомству, 27-го сего іюля, повелѣно: Сущствующія нынѣ семь армейскихъ кавалерійскихъ дивизій съ № 1-го по 7-й, раздѣливъ пополамъ, реформировать въ 14 таковыхъ же дивизій, съ № 1-го по 14-й, съ присоединеніемъ къ каждой дивизіи по одному донскому армейскому казачьему полку, и сверхъ того образовать новую отдѣльную донскую казачью дивизію изъ четырехъ армейскихъ казачьихъ полковъ донскаго войска, съ подраздѣленіемъ ея на двѣ бригады.

Пути сообщенія.

— Въ газетѣ «Кіевлянинъ» пишутъ, что Дибирь мелветъ болѣе и болѣе. Уже верстахъ въ 15 отъ Кіева есть мели, на которыхъ пароходы убавляютъ ходъ и ѣдутъ постоянно промѣривая глубину; но между Трипольемъ и Ржищевымъ, возлѣ сель Стайки и Рудяки, мели дѣлаютъ почти невозможнымъ проходъ сколько нибудь глубоко сидящихъ пароходовъ. Обыкновенно возлѣ этихъ сель пароходы стоятъ часа два, три, и все это время пробуютъ пройти по песку. Это пока имъ обыкновенно и удается. Между Каневомъ и Черкасами мели однако уже такъ значительны, что проходъ глубже сидящихъ пароходовъ вовсе невозможенъ и пассажиры пересаживаются на меньшіе пароходы.

— Открытіе всей линіи Ростово-Владикавказской желѣзной дороги для пассажирскихъ поѣздовъ послѣдуетъ, какъ сообщаютъ въ «Терскихъ Вѣдомостяхъ», 2-го августа.

СОДЕРЖАНІЕ: Маргарита Савойская, супруга принца Гумберта Пьемонтскаго, наследница Итальянскаго престола (съ портретомъ). — Орель-дѣвка (изъ жизни въ тирольскихъ альпахъ) повѣсть Вильгельмина фонъ-Гиллернъ-Бирхъ. — Красавица (картина Лесли, на выставкѣ Лондонской Академіи) — Дивная кошка (разсказъ тюрингскаго охотника) (съ рисункомъ). — Разумное воспитаніе дѣтей. II. Игры дѣтей. — Пути перелетныхъ птицъ. — Исторія локомотивовъ (съ рисункомъ). — Ратуша въ Варшавѣ (съ рисункомъ). Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Пансіонъ Г-на А. ВИБЕРЪ,

Учителя французскаго языка, В. О. 5 линія, уголъ большаго пр., д. № 18.

Классы начнутся 18-го августа, приемъ учениковъ ежедневно, съ 10 до 6 час. Ученики притовляются въ классическія и реальныя училища по программамъ этихъ заведеній. Для физическаго развитія воспитанниковъ устроены въ саду гимнастика и различныя игры, а зимою тамъ-же катокъ. Плата за пансіонера за учебное полугодіе 200 р., за полупансіонера 125 р. и за приходящаго съ 50 до 75 руб.

Въ магазинахъ А. КРУМЬЮГЛЯ.

- 1) Невскій проспектъ, № 62, напротивъ Аничкина дворца.
- 2) Большая Морская, домъ Жако, № 11.

ЛУЧШАЯ И ДЕШЕВЫЯ НОВѢЙШЕЙ КОНСТРУКЦІИ

КЕРОСИНЫЯ ИЛИ ПЕТРОЛЕВЫЯ КУХНИ всѣхъ величинъ.

Для варенія и жаренія самымъ простымъ, очень удобнымъ и дешевымъ способомъ.

Цѣна кухни начиная съ 2 р. 50 коп. Кухни эти при употребленіи не производятъ запаха или копоти, притомъ совершенно безопасны.

Керосина сгораютъ на рожекъ на 1/4 коп. въ часъ. За каждую у меня купленную кухню ручаюсь въ томъ, что она при употребленіи не будетъ давать ни чада, ни запаха.

Настояція почтовые марки всѣхъ государствъ дешево продаются:

Большой Каталогъ (5000 №) съ 72 раскрашенными начертаніями, цѣна 1 марка (30 коп.) (пріясъ 2 марки).

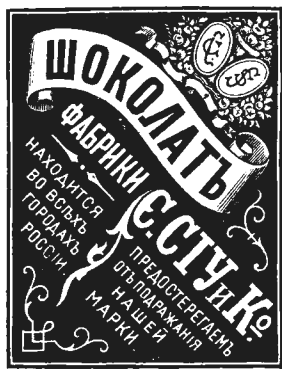
Иллюстрированный журналъ для почтовыхъ марокъ на 2 года (каждый номеръ съ многими иллюстраціями) цѣна за годъ 3 марки (90 коп.).

Пробный листъ и прѣсылъ-бурангъ бесплатно.

Получка и продажа почтовыхъ марокъ

ЛУИ ЗЕМФЪ въ Лейпцигѣ, Германія.

6-4

45-8

РЕДАКЦІЯ

спеціального иллюстрированнаго журнала (заимствующаго дамскіе и дѣтскіе костюмы, женскія рукодѣлія, бѣлье и куафюры исключительно изъ лучшихъ французскихъ журналовъ).

„МОДЫ И РУКОДѢЛІА“

въ С.-Петербургѣ, по Невскому просп. на углу Большой Морской № 18-14. Объявляеть полугод. подписку (съ 13 № по 15 Іюля) 2 р. 50 к., съ доставкою 3 р. и перес. 3 р. 50 к. (на годъ 4 р., 5 р. и 6 р.) съ полными вырѣзными выкройками и раскрашенными картинками.

2-2

Учебное заведеніе 1-го разряда съ полнымъ курсомъ Классической гимназіи содержимое Э. РЕЙМАНОМЪ въ Москвѣ.

Помѣщается, на Гончарной ул., близъ Лужскаго моста въ д. Степановой.

Пріемъ воспитанниковъ будетъ происходить отъ 15-го Іюля по 15-е Сентября. Классныя занятія начнутся 7 Августа. 10 - 4

ФАБРИКА Г. ВЕРНЕРА

ВЪ КАМЕНЦѢ ВЪ СІЛЕЗІИ.

Рекомендуетъ свои, получившіе преміи на всѣхъ выставкахъ: въ Вѣнѣ, Познаніи, Бременѣ, Прагѣ, Краковѣ и т. д., чрезвычайно легководные ПЛУГИ и другія сельскохозяйственныя орудія.

Каталоги по требованію высылаются бесплатно. Цѣсьма прошу адресовать: D-r Werder, Leipzig.

5 5

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

ГЕНРИХА НЕСТЛЕ, ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Лучшее изъ всѣхъ донныхъ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко.

Это средство, вошедшее уже во всеобщее употребленіе, весьма легко переваримо, не подвержено порчѣ; способъ приготвленія его весьма простъ и оно охотно берется ребенкомъ.

Рекомендуется постою въ особенності:

- 1) въ помощь кормленія слабой матери или кормилицы,
- 2) при отниманіи ребенка отъ груди и
- 3) въ путешествіяхъ съ дѣтьми.

Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. муки.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:

у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, единственнаго агента для всей Россіи, у Вознесенскаго моста, д. № 25, у Штола и Шмидта, въ Спб. — химической лабораторіи, русскаго общества торговля аптекарскими товарами, у Рудковскаго и Гольмана, Шредера и Шульце, — у Я. А. Фохтса, — у Каушмана, Вас. остр., — у В. Валандина, Литейная, д. № 57-й, у Ушакова — Гост. Дворъ, д. № 33, и во всѣхъ аптекахъ и москательныхъ торговляхъ Россійской имперіи.

26-26

„При этомъ № для гг. иногородныхъ подписчиковъ приложено объявленіе отъ чайн. магазина Ольги Корещенко въ Москвѣ“.

НИВА

Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни.

№ 34

1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
 Выданъ 24 Августа 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Везъ доставки въ С.-Петербургъ	4 р.	III. Везъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.

Русскій ученый въ Новой Гвинее.

Николай Николаевичъ Миклуха-Маклай родился въ 1846 году, въ одной изъ деревень отца своего, помѣщика Новгородской губерніи. Кончивъ курсъ въ

Петербургскомъ университетѣ, онъ отправился за границу и слушалъ лекціи въ Гейдельбергѣ, Лейпцигѣ и Геттѣ. Первоначально изучалъ онъ права, но впоследствии посвятилъ себя естественнымъ наукамъ и медицинѣ, спеціально занимаясь сравнительною анатоміею.

Обѣхавъ почти всю Европу, г. Миклуха-Маклай въ 1866 году предпринялъ путешествіе на острова Мадейру, Канарскіе и въ Марокко. Три года спустя онъ совершилъ экскурсію по берегамъ Черпаго моря и Малой Азіи, а въ 1870 году отправился въ Тихій Океанъ на корветѣ «Витязь».

Посѣтивъ Бразилію, Патагонію, Чили и многіе изъ тихоокеанскихъ острововъ, онъ въ 1871 году высадил-

Н. Н. Миклуха-Маклай, русскій путешественникъ по Новой Гвинее. Съ фотографіи грав. Вейерманъ.

ся на берегъ Новой Гвинеи.

Какъ извѣстно, европейцы познакомились съ этимъ островомъ ранѣе прочихъ острововъ Тихаго океана. Португалецъ Менессеъ былъ первымъ посѣтившимъ Новую Гвинею въ 1526 году; названіе же землѣ этой дано Ортесомъ де-Редомъ по сходству жителей ея съ неграми африканской Гвинеи. Впрочемъ, никому и въ голову не приходило, чтобы это былъ отдѣльный островъ, и въ теченіи всего XVI вѣка Новая Гвинея считалась сѣвѣрною окраиною австралійскаго материка. Только въ 1606 году испанецъ Торресъ открылъ проливъ, раздѣляющій эти страны и названный по его имени — Торресовымъ. Хотя островъ этотъ, принадлежащій къ величайшимъ и богатѣйшимъ на всемъ земномъ шарѣ, такимъ образомъ уже болѣе трехъ сотъ лѣтъ извѣстенъ европейцамъ, — однако до

сихъ поръ онъ былъ почти не изслѣдованъ и на немъ еще много мѣстъ, куда не ступала нога европейца. Ученые изслѣдователи не проникли еще въ срединныя части Новой Гвинеи, да и береговая линія изслѣдована лишь мѣстами. Островъ не принадлежитъ ни одному изъ европейскихъ государствъ: на немъ безраздѣльно господствуютъ независимые дикари—съ тѣхъ поръ какъ голландцы, учредившіе здѣсь колонію въ 1828 г., принуждены были въ 1836 году оставить ее по безвыгодности. Сѣверная береговая линія острова склоняется къ востоко-юго-востоку однообразной полосой, сначала плоской, болотистой, покрытой значительными лѣсами, затѣмъ являются горы, которыя мало по малу становятся очень высокими, но представляютъ мало бухтъ и ни одного залива. На востокъ отъ главнаго острова представляются обширныя группы значительныхъ острововъ вулканическаго происхожденія, покрытыхъ роскошной растительностью. Юго-западная береговая линія Новой Гвинеи, плоская и болотистая, окружена обширными платяными мѣлами; южный берегъ, поросшій густыми болотистыми лѣсами, совершенно недоступенъ судамъ по причинѣ множества каралловыхъ рифовъ и лпастыхъ мелей. На югъ Новая Гвинея оканчивается полуостровомъ Вонимъ-ди-Атасъ, на сѣверномъ берегу котораго есть нѣсколько бухтъ и хорошихъ гаваней, а еще далѣе на юго-востокъ лежитъ группа острововъ—архипелагъ Луизіадовъ. Съ сѣверо-запада Новая Гвинея кончается такимъ же, изрѣзаннымъ глубокими бухтами и заливами, полуостровомъ Вонимъ-ди-Бава съ высокими обрывистыми горными цѣпями, изъ которыхъ одна достигаетъ 3,000 метровъ, а другая покрыта вѣчными снѣгами, слѣдовательно по всей вѣроятности выше 5,000 метровъ. Эти горы, какъ и всѣ низменности, поросли необозримо, непродорванными чащами лѣсовъ исполненныхъ деревьевъ, корпенуковъ, казуаринъ, кариссовъ и т. д. По возвышенностямъ и на горахъ часто встрѣчаются превосходныя пальмы, слѣдобилыя, вѣрныя и зонтичныя, красующіяся во всей своей обворожительной роскоши. Рядомъ съ этими тропическими растеніями высятся могучіе падаюны, стрелиціи, фиговые деревья и т. п., обитыя лианами и увѣшанныя гирляндами чужезднхъ растений, которыя отъ самой земли и до вершины сплошь покрываютъ ихъ своими листьями и цвѣтами въ видѣ пестрой мантіи. При всей близости экватора, влажности воздуха и плодородіи почвы, жаръ въ Новой Гвинее отнюдь нельзя назвать невыносимымъ какъ въ Австраліи; здѣсь его умѣряетъ гористый характеръ страны. Что касается известной доселѣ фауны Новой Гвинеи, то на островѣ вовсе нѣтъ обезьянъ, хищныхъ и насѣкомоядныхъ, и только три породы сумчатыхъ, одинъ видъ свиньи, изъ плотоядныхъ парадоксъ, и одинъ видъ легучихъ мышей; почти всѣ эти звѣри ночныя. Гораздо разнообразнѣе птицы: кончики, ястреба, совы, кукушки, ласточки, медососы, дрозды, мухоловки, вѣденосныя и вѣрныя голуби, казуары, лѣсныя и болотныя птицы въ изобиліи. Гадювъ до 30 видовъ, 6 змѣяныхъ, нѣсколько морскихъ черепахъ, обыкновенный индѣйскій крокодилъ, два-три рода ящерницъ и особаго вида лягушка (Nuia suaney) съ голосомъ вороны. Рѣки Новой Гвинеи кишатъ рыбою въ неслыханномъ множествѣ и разнообразіи. Остальные классы животныхъ мало изслѣдованы. Путешественники рассказываютъ о чудесныхъ большихъ бабочкахъ, саранчѣ, москитахъ и комарахъ. Зоофиты многочисленны и разнообразны: коралловыя постройки всевозможныхъ цвѣтовъ буквально покрываютъ морское дно—то въ видѣ фантастически-развѣтвленныхъ деревьевъ, то зубчатыхъ окаменѣлымъ мохомъ, то широкими допастями, странно изогнутыми въ видѣ листьевъ. Жители Новой Гвинеи—папуасы, австраійскіе негры, съ шершавой на ощупь кожей на лицѣ и всемъ тѣлѣ и съ курчавыми, расположенными пучкообразно волосами, отчего происходятъ и самое названіе ихъ (пуа-пуа—по малайскі: курчавый). Цвѣтъ кожи почти черный; черты лица и овалъ довольно правильные и пріятные; только ноздри раздуты и губы толсты. Впрочемъ между отдаленными племенами есть много особенностей: есть племена очень высокаго роста и очень маленькаго. Касательно характера туземцевъ, нѣкоторые путешественники утверждаютъ, будто это племя краткое и гостепріимное; другіе, напротивъ, называютъ ихъ дикими, коварными и даже злыми людьми. Женщины менѣе мужчинъ красивы, меньше ростомъ и слабѣе. Папуасы не носятъ никакой одежды, но любятъ украшенія. Оружіе ихъ лукъ, стрѣлы и копьѣ. Цѣлкость, ловкость и быстрота изумительны.

Мы нарочно остановились на нѣкоторыхъ подробностяхъ при описаніи Новой Гвинеи, чтобы показать, какія трудности приходилось выносить русскому путешественнику, когда онъ высаждался въ половинѣ сентября 1871 года на негостепріимный берегъ (впоследствии названъ *берегомъ Маклая*), въ сопровожденіи двухъ слугъ, и распорядился съ доставившимъ его экипажемъ. Заливъ оказался весьма углубившимся во внутрь острова и заселенъ дикарями Папуа во всему протяженію своихъ береговъ. По избраніи г. Миклуха-Маклая мѣста на берегу, съ корвета были даны всѣ средства къ устройству жилья и защиты его отъ нападенія дикарей. Въ теченіи 5 дней употреблено было 110 человѣкъ рабочихъ, не считая гребныхъ судовъ. Расчистили мѣстность кругомъ его дома, въ діаметрѣ на 30 сажень, отъ дѣйствительнаго, непроницаемаго лѣса. Сдѣлали кругомъ дома въ нѣкоторомъ разстояніи шесть пороховыхъ минъ и впол-

нѣ вооружили и зарядили ихъ на случай нападенія; проводники всѣ провели въ домъ и паучили г. Миклуха-Маклая какъ ими дѣйствовать. Мѣстность по мнѣнію командира «Витязя», была неудобна въ томъ отношеніи, что съ нея нельзя было усмотрѣть ни одного проходящаго корабля, и обратно, ни одинъ корабль не могъ бы разсмотрѣть мѣстопребываніе европейца и его флагъ на мачтѣ; кромѣ того, она имѣла всѣ даныя для развитія лихорадки. Съ корвета же былъ уступленъ путешественнику 4-хъ-весельный ялъ со всѣми принадлежностями.

Помощи ждать было не откуда, приходилось рассчитывать единственно на свои силы. Туземцы, жители залива Астрозабля, гдѣ поселился г. Миклуха-Маклай, оказались подостральными, и имъ очень не нравились посѣщенія ученаго, хотя сами они приходили къ нему за табакомъ и другими бездѣлками, которые тотъ дарилъ имъ или вымѣнивалъ на плоды и овощи. Они слѣдили за каждымъ шагомъ ученаго, въ особенности когда онъ подходилъ къ ихъ деревьямъ. Г. Миклуха-Маклай сталъ понемногу изучать ихъ языкъ, но изученіе шло медленно: папуасы неохотно и лѣниво отвѣчали на его вопросы. Одинъ изъ слугъ, полинезецъ, заболѣлъ и слегъ; къ серьезной хронической болѣзни присоединилась мѣстная лихорадка. Его примѣру послѣдовалъ и другой слуга, европейецъ Ульсонъ, сведѣ по происхожденію, бывший матросомъ на китобойномъ суднѣ. Нашему путешественнику пришлось одному готовить пищу для трохъ, лечить больныхъ и ухаживать за ними, носить воду, рубить дрова, принимать визиты папуасовъ, дѣлать метеорологическія и другія наблюденія и т. д. Благодаря своимъ познаніямъ въ медицинѣ, г. Миклуха-Маклай скоро поставилъ Ульсона на ноги, возвративъ себѣ такимъ образомъ одного изъ помощниковъ. Но въ началѣ ноября того же 1871 года, неутомимый изслѣдователь и самъ почувствовалъ первые пароксизмы лихорадки, которые уже не покидали его во все время пребыванія въ Новой Гвинее, возвращаясь каждыя двѣ недѣли, иногда и два раза, очень ослабля организмъ и имѣя многими предпріятіямъ. Папуасы разныхъ береговыхъ и горныхъ деревьевъ почти ежедневно толпами посѣщали его хижину, такъ какъ молва о его пребываніи распространялась все далѣе и далѣе. Это было разнообразіемъ монотонной жизни между двумя больными; но подчасъ, когда путешественникъ чувствовалъ себя крайне нездоровымъ,—посѣщенія папуасовъ, съ ихъ подозрительностью и нахальнымъ любопытствомъ, были ему далеко непріятны.

Рифъ, окружавшій мысокъ, гдѣ стояла хижина г. Миклухи-Маклая, могъ быть источникомъ интереснхъ зоологическихъ наблюденій и изслѣдованій; но для этого нашъ ученый долженъ былъ бродить по поясу или по колѣно въ водѣ, вслѣдствіе чего пароксизмы возобновлялись—и ему поневолѣ приходилось отказываться отъ изслѣдованій. Наконецъ, полинезецъ, не хотѣвшій принимать никакихъ лекарствъ и изурнувшій лихорадкою, умеръ 14-го декабря. Между тѣмъ папуасы, видя, что пришлыхъ людей только двое и кромѣ того одинъ изъ нихъ (Ульсонъ) часто хвораетъ,—незнакомые съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, котораго г. Миклуха-Маклай имѣ до того времени не показывалъ, не желая увеличивать ихъ подозрительность и боясь еще болѣе ихъ отстранить отъ себя,—дѣлались все нахальнѣе, и предполагая большія сокровища въ хижинѣ ученаго, стали угрожать ему и Ульсону смертью. Г. Миклуха-Маклай принималъ ихъ угрозы шутками или не обращалъ на нихъ вниманія, попрежнему ходилъ по лѣсу, посѣщалъ ихъ деревни. При появленіи его поднималась странная суматоха: женщины и дѣти съ визгомъ бросались въ хижины и въ лѣсъ, собаки вили, мужчины съ оружіемъ, съ крикомъ и съ особеннымъ воинственнымъ рычаніемъ сбѣгались къ нему, пуская стрѣлы, такъ что послѣднія очень близко пролетали отъ его лица и груди, приставляли свои тяжелыя копыя вокругъ головы и даже подъ часть безъ церемоніи совали острыя копіи ему въ ротъ или разжимали имъ зубы. Г. Миклуха-Маклай отирался всюду небооруженный; индифферентное молчаніе и полное равнодушіе были единственнымъ отвѣтомъ на всѣ эти любезности папуасовъ. За исключеніемъ двухъ или трехъ царяпинъ, никто не рѣшался нанести безстрашному изслѣдователю серьезную рану. Дикихъ ставилъ въ тупикъ этотъ неизмѣнный индифферентизмъ, съ которымъ г. Миклуха-Маклай ждалъ, чтобы папуасы привыкли къ его личности, и спокойно спалъ въ ихъ деревняхъ, не смотря на копыя и стрѣлы дикарей, не расходившихся даже, когда онъ засыпалъ.

Насталъ новый, 1872 годъ. Въ концѣ января послѣдовало измѣненіе отношеній туземцевъ къ путешественнику. Папуасы стали искать сближенія съ нимъ и даже его расположенія. На это было много причинъ, между прочимъ и та, что г. Миклуха-Маклай помогъ выздоровленію одного папуаса, которому свалившееся дерево проломило голову. Каждый день перевязывалъ рану и видѣсь съ жителями деревни, гдѣ лежалъ раненый, г. Миклуха-Маклай настолько пріучилъ ихъ къ себѣ, что они стали позволять женщинамъ оставаться въ его присутствіи и гораздо охотнѣе стали приносить ему съѣстные припасы въ обменъ за табакъ. Болѣе важною причиною сближенія, какъ въ послѣдствіи узналъ нашъ ученый, были новыя событія, происшедшія въ папуасскомъ политическомъ мірѣ. Между сосѣдами г. Миклухи-Маклая и жителями нѣсколькихъ береговыхъ деревень

была объявлена война. Сосѣди его ожидали нападенія непріятелей. Будучи болѣе слабыми и предполагая, что ученый обладаетъ какою-то таинственною силою, они сочли удобнымъ приобрѣсть въ немъ союзника и просили позволенія, въ случаѣ нападенія, прислать къ нему, подъ его покровительство, своихъ жепъ и дѣтей. Нападенія не случилось, война ограничилась стычками въ лѣсахъ, и скоро непріятель заключилъ съ сосѣдями ученаго продолжительное перемиріе; но всѣ эти обстоятельства позволили г. Миклухъ-Маклаю свободно заглянуть въ семейную и общественную жизнь папуасовъ.

При одной изъ экскурсій въ горы, г. Миклухъ-Маклай увидалъ, что у мыса Дюпере находятся нѣсколько острововъ. Въ августѣ 1872 года, нашъ ученый собрался посѣтить ихъ. Починивъ не безъ труда ялѣ, онъ отправился за мысъ Дюпере и нашелъ тамъ архипелагъ, состоящій слишкомъ изъ 30 острововъ, расположенныхъ отчасти въ небольшой бухточкѣ, отчасти тянущихся вдоль берега; всѣ они были кораллового происхожденія. Жители этихъ острововъ, уже давно слышавшіе о пребываніи г. Миклухъ-Маклая на берегу Гвинеи и знавшіе твердо его имя, приняли его весьма дружелюбно. Нашлись между ними такіе, которые уже были въ его хижинѣ посмотреть на блага человѣка и спрашивали переѣхать къ нимъ. Жизнь этихъ людей, ихъ отношенія между собою, съ дѣтьми и животными, произвели на ученаго то впечатлѣніе, что люди эти вполне довольны своею судьбою, самими собой и всѣмъ окружающимъ. Поэтому г. Миклухъ-Маклай назвалъ эту группу острововъ, на которой еще не былъ, *кроме его, ни одинъ европеецъ*, Архипелагомъ Довольныхъ Людей.

Въ Декабрѣ 1872 года, много потрудившіяся ученый путешественникъ, послѣ 16-мѣсячнаго пребыванія въ Н. Гвинее, былъ принятъ на клиперѣ «Измурудъ», подъ командой кап. Кумани, посланный по приказанію Великаго Князя Константина Николаевича на розыски за г. Миклухоу-Маклаемъ. Ненормальные труды и лишения чрезвычайно вредно повліяли на здоровье путешественника—и онъ по прибытіи въ Батавію долженъ былъ отдохнуть нѣсколько мѣсяцевъ, почему и принялъ приглашеніе Батавскаго генералъ-губернатора, который предложилъ ему погостить въ своей резиденціи въ Бутенцоргѣ.

Едва оправясь отъ выдержанныхъ пытаній, г. Миклухъ-Маклай продолжалъ свои изысканія на Зондскихъ островахъ, а 13 февраля 1874 года письмомъ изъ Амбоины увѣдомилъ Императорское Русское Географическое общество въ Петербургѣ о вторичномъ отъѣздѣ своемъ въ Новую Гвинею, но уже на юго-западный берегъ ея, гдѣ намѣренъ былъ пробыть три мѣсяца.

Этотъ берегъ отъ большой рѣки Каруфы до мыса Буру носитъ туземное названіе Папуа-Ковіай—и вслѣдствіе частыхъ войнъ между папуасскими народностями а также нерѣдкихъ убійствъ и грабежа торговыхъ экспедицій имѣетъ дурную репутацию. 13-го февраля 1874 года г. Миклухъ-Маклай отправился изъ Гесира на туземномъ урумбай (большая лодка съ каютой въ видѣ хижины) въ сопровожденіи 2-хъ слугъ амбонцевъ и папуасскаго мальчика Ахмата, который будучи подаренъ г. Миклухъ-Маклаю въ 1873 году султаномъ Тидорскимъ, выучился говорить по русски. 27-го февраля урумбай бросилъ якорь у острова Наматоте въ Новой Гвинее, а для постройки хижины выбранъ былъ берегъ «Айва». Папуасы были очень изумлены намѣреніемъ ученаго жить между ними, но обошлись дружелюбно и даже почитительно. Скоро хижина его стала центромъ сбора всѣхъ окрестныхъ папуа-ковіай и ихъ пирогѣ. Воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что урумбай (на которомъ было 16 человѣкъ экипажа) вслѣдствіе западнаго муссона не могъ

вернуться въ Гесиръ, г. Миклухъ-Маклай оставилъ для охраны хижины амбонца Иосифа и 5 церамцевъ, а самъ съ остальными людьми предпринялъ экскурсію на восточный берегъ залива Тритонъ. Здѣсь посѣтилъ онъ большое и неизвѣстное даже церамцамъ горное озеро «Камака-Валларъ» и нашелъ, что такъ-называемый заливъ «Кируру» есть собственно проливъ между материкомъ и архипелагомъ. Не смотря на то, что папуасы—ковіай уже давно знакомы съ желѣзомъ, одеждою, огнестрѣльнымъ оружіемъ, серебряными и золотыми украшениями, они остаются номадами. Недостатокъ пищи, вслѣдствіе неимѣнія плантацій и животныхъ, заставляетъ ихъ скитаться по заливамъ за поимкою рыбы и морскихъ животныхъ, а по лѣсамъ за листьями и корнями. Папуасы же берега Маклая строятъ своими каменными топорами большія селенія, съ удобными хижинами, обрабатываютъ плантаціи, имѣютъ свиней, собакъ и куръ.

Вернувшись въ Наматоте, г. Миклухъ-Маклай нашелъ большую часть своихъ вещей разграбленною береговыми папуасами, воспользовавшимися отсутствіемъ экипажа урумбай, который, вслѣдствіе нападенія горныхъ жителей на Айдуму, удалился на макасарское судно. Особенно чувствительна была для ученаго потеря нѣсколькихъ метеорологическихъ и прочихъ инструментовъ, аптеки, запасовъ хиннаго и краснаго вина и проч.

Онъ рѣшился переселиться на островъ Айдуму и построилъ тамъ большую хижину въ мѣстности Умбурмету, гдѣ и жилъ одинъ, такъ какъ люди его боялись проводить ночи на берегу и спали на урумбай. Между тѣмъ обстоятельства усложнились: на айдумцевъ, союзниковъ г. Миклухъ-Маклая, то и дѣло собиравлись новыя нападенія. Приходилось быть на сторожѣ и носить оружіе. Наконецъ въ средѣ его перамцевъ открылась измена и оказалось, что они на $\frac{3}{4}$ состоятъ изъ папуасовъ, помогали грабежу его вещей и стрѣляли въ грабителей холостыми зарядами. Натянутыя отношенія не допускали дальнѣйшихъ экскурсій. Къ г. Маклаю айдумцы приводили раза два папуасовъ, явившихся въ Умбурмету въ одеждѣ, украденной изъ его хижины. Ученый рѣшился не оставлять грабителей безнаказанными и захватить хоть одного изъ предводителей грабежа. Утромъ 25-го апрѣля г. Миклухъ-Маклай узналъ, что одинъ изъ нихъ, капитанъ Мавары, скрывается въ пирогѣ. Не сказавъ ни слова своимъ людямъ, смѣлый путешественникъ, въ сопровожденіи одного только человѣка, подошелъ къ пирогѣ, нашелъ сидѣвшаго врага, приставилъ ему револьверъ ко рту и приказалъ своему спутнику связать ему руки. Церамцы и папуасы, бывшіе на берегу, до того изумились, что не оказали ни малѣйшаго сопротивленія. Не дожидаясь вечера, ученый препроводилъ своего плѣнника на урумбай и перенесъ вещи изъ своей хижины. Пораженные папуасы безпрекословно повиновались ему. Черезъ полчаса урумбай находился уже далеко отъ берега Папуа-Ковіай и 30-го апрѣля прибылъ съ плѣнникомъ на островъ Кильвару, гдѣ и ожидалъ голландскаго судна, которое должно было придти съ амбонскимъ резидентомъ.

Возвратясь въ іюнѣ 1874 года, г. Маклай употребилъ нѣсколько недѣль для укрѣпленія силъ горнымъ воздухомъ и въ началѣ ноября снова предпринялъ поѣздку въ Сингапуръ и на Малакку. Разработку своихъ наблюденій ученый нашъ оставляетъ до возвращенія въ Россію—и мы вправѣ ожидать отъ него труда капитальнаго, который по всей вѣроятности прольетъ новый свѣтъ на страну, доселѣ почти неизвѣстную, и на племя—во многихъ отношеніяхъ загадочное. Тѣмъ болѣе вправѣ мы гордиться нашимъ соотечественникомъ, который на отдаленнѣйшемъ и почти пустыннымъ островѣ впервые водрузилъ знамя науки подъ русскимъ флагомъ.

РЕМЪ-ДѢВКА.

(Изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ).

повѣсть Вильгельмина фонъ-Гиллернъ-Бирхъ.

(Продолженіе).

ХП.

Во время ночи.

Наступила ночь, все заснуло въ тихомъ домѣ Штроммингера,—только гдѣ-то, безъ перерыва, раздавался странный однообразный шумъ. Работницы просыпались, но не могли понять, что и гдѣ такъ шумитъ; онѣ смыкали глаза и опять вздрагивали, потому что слышали, какъ балки дрожатъ...

Это Валли, тяжело ступая, безъ усталости шагала въ своей комнатѣ. Сердце ея изнывало, она выносила тяжкую борьбу, потому что на этотъ разъ противникомъ ея была судьба, само провидѣніе. Разорванная юбка, клочья ворсажа валялись на полу—и среди этихъ обрывковъ лежали кусочки рѣзной фигурки святой Вальбурги... Были и другіе слѣды буйнаго ея концунства.

Валли была полураздѣта. На обнаженныхъ плечахъ ея волновались упавшія пряди волосъ...

Вдругъ гдѣ-то далеко прогремѣлъ выстрѣлъ.

Валли приостановилась и стала прислушиваться... Нѣтъ, все тихо! Да можетъ быть это ей такъ почудилось? Однако, почему-же она не можетъ вздохнуть? Что-то сжалось горло... Былъ-ли это именно выстрѣлъ? Валли навѣрно не знала. И вдругъ, какъ молнія, мелькнула въ головѣ ея мысль: „Ну, а если это Викентій убилъ Иосифа?“... Но это пустяки! Нѣтъ, вѣдь Иосифъ преспокойно сидитъ теперь дома, а пожалуй... тамъ, въ Цвизельштейнѣ, у Афри своей...

Тутъ Валли стукнулась головой объ стѣну, чтобы заглушить острую боль въ сердцѣ. Тоска совершенно одолевала ее, а воображеніе рисовало ей такія картины, которыя доводили ее до помѣшательства... Дѣ, ужъ пусть-

бы онъ умеръ, тогда и думать больше не-о-чемъ, тогда все кончено!...

Она задыхалась и принуждена была отворить окно, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Ганзль, дремавший на жерди, за окошкомъ, встрепенулся и, сонливо покачиваясь, подо двинулся къ ней.

— О, Ганзль ты мой!.. воскликнула Валли, протянула къ нему руки и прижала его къ груди. Орелъ составлялъ теперь для нее все, другаго утѣшенія у нея не было въ мірѣ.

Чу!—второй выстрѣлъ... На этотъ разъ явственно было слышно, что стрѣляли по направленію къ Цвизельштейну. Валли, выпустивъ Ганзля, схватилась руками за лѣвый бокъ, какъ будто пуля попала въ ея сердце. Чего-жъ она испугалась?... Трескъ ружейнаго выстрѣла какъ-то особенно ясно помогъ ей представить картину убійства... убійства, котораго она желала—и вчера еще сама требовала. Валли, конечно, не могла не думать, что, быть можетъ, выстрѣлъ, только - что услышанный ею, попалъ въ голову Іосифа—и вотъ, въ первыя минуты, она почти обезумѣла, ощутила какую-то дикую радость: онъ—убить, значитъ теперь никто его не отниметъ у нея, никто не станетъ больше цѣловать его!... Увлечшись этою мыслью, Валли была увѣрена, что на самомъ дѣлѣ все это и случилось. Она уже видѣла его лежащимъ на землѣ, окровавленнымъ, становилась передъ нимъ на колѣни, прижимала его голову къ своей груди, осыпала поцѣлуями это прекрасное, помертвѣлое лицо... Она видѣла Іосифа такъ явственно передъ собой и... вдругъ чувство жалости шевельнулось въ ея сердцѣ къ несчастному убитому... Валли охватило невыразимое чувство состраданія; она стала звать его самыми нѣжными, любовными именами, тормошила недвижимое тѣло, — но Іосифъ не оживалъ... Неописанный ужасъ овладѣлъ ею.—О, неужели?! Нѣтъ, это невозможно... Онъ не долженъ погибнуть—пускай ужъ лучше она умретъ!

Судоржно сжалось ея сердце; казалось, горячая кровь разомъ остановилась въ жилахъ,—мгновеніе—и сердце отошло, стало легче, кровь задвигалась по прежнему. Валли ощутила неудержимое стремленіе выбѣжать на воздухъ—удовольствоваться, дома-ли Викентій, поболтать съ нимъ до зари, а главное—прямо ему сказать, что то страшное дѣло не должно быть совершено. Она тряслась какъ въ лихорадкѣ, кровь стучала въ вискахъ... Она была готова на преступленіе, она вчера желала *это*; но при мысли, что оно уже исполнено—весь гнѣвъ ея прошелъ и Валли все простила Іосифу..

Накинувъ платокъ, она пробралась на дворъ, а потомъ черезъ садъ и огородъ—къ жилищу Викентія. Что онъ подумаетъ о ней и что станутъ другіе говорить, если узнаютъ объ этомъ?... Э, да стидитъ на это вниманіе обращать! Ну, пусть пойдутъ сплетни.... Ей-то какое дѣло до нихъ?...

Валли подкралась къ окошку Викентія (оно было освѣщено) и, заглянувъ подъ занавѣску, на половину опущенную, обомлѣла: въ комнатѣ никого не было, свѣча сильно нагорѣла и чадила... Обойдя домъ, она остановилась у двери—и замѣтивъ, что дверь не заперта, осторожно отворила ее и перешагнула порогъ. Все было тихо, словно въ домѣ всѣ перемерли; рабочій людъ спалъ, а Викентія нигдѣ не было. Валли, вся ledenъ, заглянула въ его спальню... Постель помята,—значитъ, онъ лежалъ на ней, но потомъ всталъ; вонъ на стѣнкѣ праздничная его куртка и штаны, только будничнаго платья и шляпы нигдѣ не видно. Вернувшись въ переднюю горницу, она посмотрѣла на то мѣсто, гдѣ обыкновенно висѣло ружье—и увидѣла тамъ только гвоздь.

Замерла Валли и, сама не зная какъ, выбралась изъ дому, но тутъ-же и опустилась на скамью, потому что ноги отказались ей повиноваться... „Что-жъ, можетъ быть, Викентій, желая какъ нибудь успокоиться, отправился на ночную охоту?... Что можетъ онъ сдѣлать Іо-

сифу, когда тотъ спитъ себѣ гдѣ нибудь на мягкомъ пуховикѣ (она дрогнула при этомъ)?.. ну, а днемъ, когда всѣ были на ногахъ—никто не посмѣлъ-бы тропуть его“...

Такъ старалась Валли утѣшить себя, но печная совѣсть нагнала на нее такой страхъ, что она невольно сложила руки и утѣнулась въ нихъ лицомъ...

Ахъ, Валли, Валли, кто-же ты теперь? Передъ людьми ты опозорена, унижена; передъ Богомъ—грѣшница, преступница! И гдѣ столько воды найдется, чтобы совершенно смыть грѣхъ твой? А вонъ тамъ—внизу—грохочетъ Ахъ... Что-жъ, бурныя волны рѣки все смываютъ съ нея! Стоить только броситься—и тогда конецъ всему: горе, преступленіе и сама жизнь, проведенная ею въ непрерывной борьбѣ и въ вѣчныхъ страхахъ—разомъ исчезнуть, все пропадетъ... Вотъ оно—спасеніе! Неужели Валли еще пощадить себя?... Нѣтъ, надо разбить бесполезный сосудъ, въ которомъ заключена душа—она тамъ въ оковахъ томится, а для чего? Единственно для грѣховъ и всяческихъ страданій!..

Валли быстро поднялась со скамьи, но ноги не держали ее, и она опять опустилась на то же мѣсто.—Странно, неужели это растерзанное, полумертвое сердце было еще привязано къ жизни какою-то невидимою нитью?... А! ну, слава Богу, вотъ по лужайкѣ кто-то идетъ... Это—Викентій. Надо переговорить съ нимъ непременно теперь-же... можетъ быть, и дѣло можно еще поправить.

— Святители-угодники! воскликнулъ Викентій, когда Валли приблизилась къ нему.—Ты... ты это?!

Онъ глядѣлъ на нее такъ, какъ смотреть на призракъ. Уже разсвѣтало, и Валли могла замѣтить, что лицо у него было блѣдно, а самъ онъ дрожалъ. Ружье торчало за спиной.

— Викентій, заговорила она почти шопотомъ:—ты застрѣлилъ что нибудь?..

— Да.

— Что-же?

Посмотрѣвъ на его ягташь, она увидѣла, что въ немъ ничего не было.

— Крупную дичину, прошептала Викентій.

— Гдѣ-жъ она?

— Въ рѣкѣ.

Валли ухватила его за руки. Глаза ея готовы были высочить, они глядѣли неподвижно какъ безумные.

— Кого?...

— Еще спрашиваетъ!...

— Іосифа?...

Она покачнулась, вскрикнувъ это имя, и тяжело ударилась о стѣну.

— Н-дѣ, не легка была работа, заговорилъ Викентій, вытирая вспотѣвшій лобъ.—Вотъ ужъ никакъ не воображалъ я, что онъ такъ живо подвернется подъ выстрѣлъ. И чортъ его знаетъ, зачѣмъ это онъ ночью пожаловалъ сюда?... Я такъ порѣшилъ: выйду-ка я раненько, чтобы, значить, къ утру ужъ быть въ Зельденѣ, пока онъ еще не всталъ; ну и пошелъ—и вдругъ, не успѣлъ и десяти шаговъ сдѣлать—глядь: а онъ тутъ и есть!... Темновато было... Хлопъ!—промахнулся... Вторая пуля должно быть только царапнула его, а пожалуй голова у него, что-ли, закружилась—шатнулся это онъ и ухватился за перила... Я сейчасъ прыгъ къ нему сзади—и спихнулъ его туда...

Валли застонала, захрипѣла, какъ смертельно раненная,—и, вдругъ, какъ орелъ налетаетъ на свою добычу, ринулась на Викентія и вцѣпилась въ него обѣими руками.

— Врешь ты, врешь! неправда! быть этого не можетъ! Говори, что ты все это совралъ, а не тó—задушу!

— Клянусь душой моею... бѣдной... Это такъ, Валли... вѣрно!.. Неужто ты сомнѣвалась во мнѣ?... Нѣтъ, если нужно тебѣ угодить—Викентій не задумается, не станетъ колебаться...

Водопадъ Иметра. Съ фотографіи Зейферта, рѣкаъ Шалуга.

— Га! убійца... Трус! подлый убійца... изъ-за угла!
И Валли, вся задрожавъ, громко зарыдала.
— Это подлость... низость!... Развѣ я хотѣла этого?..
Онъ долженъ былъ умереть въ открытой, честной борьбѣ... Такъ будь-же ты проклять отнынѣ на вѣки вѣчные!... Разорвать тебя зубами и ногтями—больше ничего не остается!...

— Отблагодарила—нечего сказать! проскрежеталъ Викентій.—Ну, а не сама ты приказывала сдѣлать это?..

— Стой! Да развѣ если *это* велѣть исполнить—нереально оно и исполняется?!.. крикливо возразила Валли.—Въ гнѣвѣ-то человекъ все можетъ сказать, а потомъ онъ-же и раскаивается въ своихъ словахъ... Зачѣмъ ты не ждалъ, пока я не почувствую послѣ такого страшнаго удара и не раздумаю—а?.. О, Иосифъ... Иосифъ!... Да, я зла, дика, необузданна, но не убійца я!... Ахъ, когда бы ты подождалъ—ну, хоть часикъ или два... Нѣтъ, гнѣвъ, злоба толкали тебя, ты не желалъ потерпѣть, ты думалъ, какъ-бы поскорѣ сорвать сердце свое на комънибудь!...

— Чтѣ-жъ, валить теперь все на меня—прекрасное дѣло, бормоталъ Викентій,—а все-таки ты такъ же виновата, какъ и я!..

— Да, я виновата, сказала Валли,—ну, чтѣ-жъ, вмѣстѣ и поплатимся за это. Ни мнѣ, ни тебѣ пощады быть не можетъ: за кровь—кровь...

Проговоривъ эти слова хриплымъ голосомъ, она схватила Викентія за шиворотъ и повлекла за собой.

— Оставь! Стой, Валли... чего тебѣ отъ меня?.. Господи Боже мой!.. Хорошо твое спасибо!.. Смилуйся, чтѣ ты—вѣдь такъ задавишь совѣтъ!.. Куда ты тащишь-то меня?..

— А туда, куда намъ обоимъ дорога!.. глухимъ голосомъ отвѣтила Валли и, словно вихрь, летѣла впередъ, таща за собою Викентія, впередъ, все выше и выше, по той тропинкѣ, которая вела вдоль крутаго обрыва надъ Ахомъ, къ тому мѣсту, гдѣ совершилось преступленіе.

— Знаешь—вонъ туда... внизъ—разомъ оба!

Эти страшныя слова она шептала Викентію на ухо.

— Господи Иисусе! завопилъ онъ въ ужасѣ.—Стой! Вѣдь ты-же клялась, чтѣ выйдешь за меня... если я... исполню... это!.. Погубить... хочешь... теперь?!..

— О, дура-голова! Да вѣдь если я *вмѣстѣ* съ тобой вину съяду—развѣ мы тогда не соединимся вѣчно?.. Мало тебѣ этого?.. Жизни своей паскудной жаль, чтѣ-ли?..

И Валли, почти съ сверхестественною силою, охватила Викентія, потомъ притиснула его къ низкимъ периламъ, готовясь полетѣть съ нимъ въ мрачную пропасть.

— Спасите! невольно вырвался крикъ изъ груди его.

— Спасите!.. прозвучалъ чей-то слабый голосъ, едва внятно, точно это эхо откликнулось изъ бездны.

Валли окаменѣла, руки ея опустились и освободили Викентія...

— Чтѣ это?.. послышалось мнѣ?.. Ты слышалъ? спросила она, обратившись къ нему.

— Эх... должно быть, пролепеталъ Викентій, постукивая зубами.

— Тихе ты!.. Слышишь—опять!?!..

— Спа...си...те!..

Снова раздалось гдѣ-то, какъ будто тамъ, въ глубинѣ, кто-то вздохнулъ...

— О, слава вамъ, духи добрые! Онъ... онъ это! Живъ! Вѣрно зацѣпился за что-нибудь... Онъ зоветъ! Иду, иду я, Иосифъ! Подожди... Она нагнулась за перила и крикнула такъ звучно, какъ серебряная труба:—Это я, Иосифъ, я! Иду! Потерпи!

Валли побѣжала и, живо домчавшись до деревни, принялась такимъ-же зычнымъ голосомъ будить спавшихъ и колотить кулаками въ ворота и двери.

— Спасите, помогите! Бѣда! Ради Христа помогите... Человекъ гибнетъ!..

Всѣ повскакали, разбуженные этими воплями. Тамъ и сямъ застучали оконницы, заскрипѣли ворота и двери.
— Чтѣ? Чтѣ такое? Какаѣ бѣды?

— Иосифъ Гагенбахъ свалился съ обрыва! слышался крикъ.—Скорѣ веревокъ сюда! Живѣе, а то поздно будетъ спасать!.. Ве-ре-вокъ!..

Она вихремъ летѣла впередъ всѣхъ, забѣжала домой, забрала въ кладовой всѣ какія были тамъ веревки, стала связывать ихъ трепетавшими руками—и, увы, надвизанная веревка все-таки была коротка, такъ какъ Иосифъ лежалъ на страшной глубинѣ!..

Между тѣмъ сбѣжались поселяне. Они не хотѣли вѣрить—и ихъ ужасала эта страшная вѣсть. Кто тащилъ веревки, кто крюки, а кто бѣжалъ съ зажженнымъ фонаремъ, такъ какъ день почему-то не наступалъ—густые сумерки царили еще кругомъ. Сумятица была порядочная: спрашивали, кричали, не знали какъ приняться за дѣло, потому что такою напасти никогда и не случалось здѣсь: никто не свалился съ обрыва, а потому у жителей этого плоскогорья не было никакихъ орудій, спасительныхъ снарядовъ, какъ въ другихъ мѣстахъ Тироля, гдѣ пути гораздо опаснѣе и подобныя несчастія чаще случаются.

Не мало набралось народу къ обрыву,—и тѣхъ, которые отличались храбростью, безстрашиемъ, дрожь пробирала, когда они заглядывали за перила и видѣли тамъ только туманную бездну да какія-то темныя клубившіяся массы...

Викентія не было видно—онъ исчезъ.

И вдругъ все стихло. Валли, нагнувшись за перила, крикнула такъ зычно, чтѣ воздухъ дрогнулъ. Толпа насторожила уши, затаила дыханіе, но отклика все не было.

— Гдѣ ты, Иосифъ? еще разъ крикнула она. Крикъ этотъ походилъ на вопль ужаса—не одного человека, а цѣлой массы терзаемыхъ несчастныхъ со всѣхъ концовъ земли.

Онъ опять не откликнулся.

— Не отвѣчаетъ!.. Умеръ!

И Валли, рыдая, упала на землю и въ совершенномъ отчаяннѣ воскликнула:

— Все кончено теперь!..

— Ну, онъ можетъ быть въ обморокѣ, а пожалуй и силъ нѣтъ крикнуть, говорилъ въ утѣшеніе Валли старикъ Клеттенмайеръ, а на ухо шепнулъ ей:

— Не хорошо такъ-то при людяхъ!..

Она встала и откинула волосы съ лица.

— Связывайте веревки! Чтѣ-жъ вы такъ стоите? Чего ждете?..

Всѣ въ недоумѣннѣ переглядывались.

— Отчего не попытаться поискать его?.. проговорилъ Клеттенмайеръ:—вяжите!

Стали связывать, причѣмъ однако каждый счелъ нужнымъ покачать головой... „Ну кто дерзнетъ спустить-ся туда на этакихъ веревкахъ?“..

Валли услышала эти слова, и темные глаза дѣвушки, сверкнувъ, какъ-то призрачно освѣтили блѣдное лицо ея...

— Ктѣ?.. Да я спущусь!

— Ты?!.. Съ ума спятила, Валли! Веревки-то эти не только двоихъ—одного не сдержатъ!..

— Зачѣмъ двоихъ? какъ-то глухо проговорила она и стала помогать имъ, чтобы ускорить надвязку.

— Нѣтъ, несбыточное это дѣло! Вѣдь ты, Валли, должна и себя и его привязать, а то сама-то какъ же попадешь сюда? заговорило разомъ нѣсколько голосовъ, а у кого и руки ужъ опустились.—Вотъ послать за канатомъ въ сосѣднія деревни—это дѣло!..

— Такъ! А онъ тѣмъ временемъ совѣтъ лишится чувствъ и полетитъ на самое дно... Нѣтъ ужъ тогда—поздно! завопила Валли въ порывѣ отчаяннѣ.—Не стану я ждать вашего каната! Дайте веревку-то... Намажьте! Какъ длинна она?.. Прочь! Ну, дѣйствуйте!

Она принялась распутывать надвязанные веревки, тянула ихъ, пробуя, насколько онѣ крѣпки, и измѣряла длину. Глядя на Валли, и другіе снова закопошились; работа закипѣла, все пошло какъ по маслу—и вотъ большущій шаръ изъ веревокъ завертѣлся на землѣ. Мужчины стали становиться гуськомъ.

— Хватитъ-то она пожалуй хватить, только супротивъ двухъ ей не устоять—лопнетъ!

— Коли такъ—одного его сначала вытнуты!.. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ лежитъ—могу-же я постоять. Вотъ какъ только я стану тамъ—сниму веревку, обвяжу его и крикну вамъ: вы и тащите тогда! Я-же подожду. Слышали?..

— Такъ тоже невозможно: какъ одного его тащить, ежели онъ ослабѣлъ, безъ чувствъ? Одинъ то онъ разобьется... Нѣтъ, тутъ надо попридержаться, да смотрѣть, какъ-бы не стукнулся онъ обо что...

Слова эти были для Валли громовымъ ударомъ: она и не подумала о такой опасности. Чтѣ-жъ, значить и такъ не выходить?.. Приходится доставать его тамъ—внизу, въ холодныхъ волнахъ рѣки... Валли видѣла очень хорошо, что двоихъ веревка не сдержитъ.

— Ну... ради Христа, спустите меня! воскликнула она наконецъ. Лихорадка трясла ее и, не смотря на это, она не потеряла присутствія духа, въ ней даже было что-то повелительное... Крѣпко обвязавшись веревкой и взявъ альпійскую палку, Валли проговорила:

— Спустите меня туда! Мнѣ-бы хотъ найти его—и тогда ужъ я не оставлю его, держать стану до тѣхъ

поръ, пока вы еще не принесете веревокъ, чтобы захватить насъ вмѣстѣ. Ждать я буду сколько угодно, я терпѣлива! Если придется провисѣть между небомъ и землей нѣсколько часовъ—ничего, я дождусь веревокъ!..

Тутъ Клеттенмайеръ не выдержалъ и упалъ передъ ней на колѣни.

— Охъ, Валли, Валли! оставь ты это... Слышишь, чтѣ говорятъ? Вѣдь веревки—дрянь! Коли ужъ такъ надо—ну, дай мнѣ спуститься... Довольно я пожилъ, все равно ужъ никуда не гоюсь!.. Ежели не окажу помощи, такъ узнаю: хороша-ли веревка... Лопнетъ она—я внизъ полечу—не ты!..

— Это такъ; ты ужъ старика-то послушайся, вмѣшался кто-то:—резонно онъ говорить, право! Подожди, Валли, вотъ еще прибѣгутъ и какъ слѣдуетъ примутся за дѣло!

Дѣвушка шевельнула плечами и такъ двинула руками, что всѣ невольно попятнулись.

— Когда я дѣвчонкой была—оремка изъ гнѣзда достала, не задумалась спуститься въ пропасть! Такъ неужели теперь-то отступлю, откажусь спасти *человѣка*?.. Ужъ вы лучше молчите! Довольно! Я этого хочу... должна я къ Иосифу спуститься!.. Ну, за дѣло! Дѣйствуйте, развертывайте веревку... Крѣпче держите!..

И Валли, прыгнувъ за перила, исчезла... Веревку такъ сильно рвануло, что тѣ, которые держали ее, стоя гуськомъ, насилу на ногахъ удержались.

— Боже, помоги намъ! проговорилъ Клеттенмайеръ, сотворилъ потомъ крестное знаменіе и пустился бѣжать, какъ будто слова Валли о чемъ-то напомнили ему.

(Продолженіе будетъ).

Вокса и главный ея водопадъ Иматра.

Если мы взглянемъ на карту Финляндіи, то увидимъ, что за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей Сѣверной Америкы, нѣтъ другой страны, которая бы была такъ богата водой какъ эта сѣверная «страна тысячъ озеръ», какъ называетъ ее финская поэзія. Почти половина поверхности Финляндіи занята озерами, рѣками, болотами и топями. Изъ пяти водныхъ системъ Финляндіи, одна восточная обнимаетъ 6,000 квадратныхъ верстъ; вся водная масса этой системы собирается въ обширѣйшемъ изъ финляндскихъ озеръ, Саймѣ, которое простирается на 60 верстъ въ длину и на 30 въ ширину, и находится на 256 футовъ надъ поверхностью моря. Самое озеро Сайма представляетъ сѣтъ большихъ и малыхъ озеръ, залиновъ, проливовъ, бухтъ, и т. д., которыми съ такимъ искусствомъ воспользовались при проведеніи Сайменскаго канала *).

Естественный естественный истокъ озера Саймы есть рѣка Вокса, вытекающая въ трехъ верстахъ отъ устья Сайменскаго канала. Прослѣдимъ эту буйную рѣку отъ ея истока до того мѣста, гдѣ она образуетъ знаменитый водопадъ Иматру. Сначала Вокса протекаетъ совсѣмъ мирно, омывая по дорогѣ множество прелестныхъ островковъ; далѣе она разширяется и постепенно направляетъ свое теченіе на юго-востокъ, но все еще тиха и спокойна. Если бы Вокса, изливающаяся въ Ладожское озеро и находящаяся у своего истока на 250 футовъ выше поверхности Ладожскихъ водъ, была значительно длиннѣе, то теченіе ее было бы едва замѣтно; но, говоря относительно, Воксу нельзя назвать очень длинной рѣкой, потому что на всемъ своемъ протяженіи, прерываемымъ многочисленными порогами, она бѣжитъ съ стремительной силой, вслѣдствіе чего неизбежно образуются водовороты и водопады. По мѣрѣ удаленія отъ истока теченіе Воксы постепенно становится все быстрѣе и быстрѣе—сначала вода стремится параллельными бороздами, потомъ вздымается длинными, высокими валами, образующими таят-пазымаемый «затылокъ Воксы» въ 286 футовъ длины и въ 42 фута глубины. Далѣе рѣка расширяется вдвое, втрое, но пока только еще два незначительныхъ водопада, «Виревакоски» и «Гирсикоски», готовятъ насъ къ чему-то особенному впередъ. Вотъ начинается до насъ доноситься какой-то глухой шумъ; вскорѣ онъ переходитъ въ громкій ревъ; паденіе воды становится сильнѣе, тяжелѣе; рѣка суживается; зеленоватый пѣвъ воды принимаетъ желтоватый, потомъ бѣловатый оттѣнокъ,—и наконецъ пѣнящаяся масса воды, клубясь и клокоча, перебрасываются черезъ гранитныя глыбы, точно морскія волны, вздымаемая разяреной бурей. Это водопадъ «Тайни поирта» или «Пикку-Иматра», т. е. Малая Иматра. За этимъ водоворотомъ Вокса раздѣляется на три рукава; средній несетъ

пѣнящаяся волны далѣе, а оба боковые, описавъ дугу, идутъ назадъ.

Здѣсь Вокса значительно разширяется и дѣлается смирнѣе. Но спокойствіе это непродолжительно: опять начинается она яриться, точно какіе нибудь злые духи рвутъ и терзаютъ ея грудь, но какъ спокоенъ и ровенъ характеръ финновъ, такъ и гнѣвъ Воксы скоро проходитъ. Образовавъ маленькій водоворотъ, она опять утихаешь, за чтѣ и дано ей здѣсь названіе «Лаутта-Суванто» *); въ этомъ мѣстѣ ходитъ черезъ рѣку паромъ. Построить гдѣ либо мостъ черезъ Воксу, до сихъ поръ не находить возможнымъ, такъ она глубока и такъ быстро ея теченіе.

Видъ съ парома на окрестность очарователенъ; вездѣ кругомъ виднѣются засѣянные и обработанные поля, хорошенькіе домики, особенно по лѣвому берегу. Ниже, верстахъ въ двухъ отъ перевоза, рѣка образуетъ небольшую бухту съ прелестнымъ круглымъ островкомъ «Варрисари», одѣтымъ вѣчно-зелеными деревьями, и отдѣленнымъ отъ берега одной небольшой быстринной. За этимъ островкомъ Вокса немного суживается и принимаетъ совершенно другой характеръ; изъ воды подымается камень за камнемъ, становясь преградой теченію. Вслѣдствіе этого образуется новая, болѣе сильная чѣмъ всѣ предыдущія, быстрина; тутъ три острова задерживаютъ путь Воксы. Замѣчательнѣйшій изъ этихъ острововъ, вверху быстринны, называется Березовымъ островомъ, «Койвусари», это скала, на которой растетъ только одна одинокая береза. Здѣсь вокса такъ внезапно поворачиваетъ вправо, и вода ея такъ возвышается у берега, что на этомъ мѣстѣ построили мельницу.

Далѣе слѣдуетъ опять нѣсколько островковъ и теченіе рѣки, называемой здѣсь «Милли-Суванто» **), дѣлается опять спокойнымъ. И вверхъ и внизъ по рѣкѣ открывается чудесная даль. Культура смягчаетъ здѣсь суровость финляндской природы; гранитная почва, едва прикрытая тонкимъ слоемъ земли, должна была уступить неумолимому трудолюбію финна. Берега оживлены пашнями и лугами, которыми вообще такъ бѣдна Финляндія и которые сосредоточиваются преимущественно по берегамъ водъ; разбросанные группы домиковъ, пасущіяся стада, бряцанье колокольчиковъ, привязанныхъ къ шеямъ коровъ и лошадей, оживляютъ долину. Но вотъ до насъ начинается долетать страшный и вмѣстѣ съ тѣмъ величественный гулъ. Ниже «Милли-Суванто», верстахъ въ 5 отъ истока Воксы, на границѣ кирхшпиля Руоколакса, начинается знаменитѣйшій Финляндскій водопадъ Иматра. Вверху водопада рѣка расширяется на подобіе озера до 1140 футовъ ширины, съ низкими поло-

*) См. № 17 «Нивы» за 1874 годъ.

*) Суванто - значитъ: тихая вода, а лаутта - паромъ.

**) Милли значитъ: мельница.

гими берегами, покрытыми частой зеленью; возлѣ лѣваго берега видны два небольших островка, поросших лѣсомъ. За островомъ начинается первый уступъ водопада. Здѣсь же очень хорошо видны два течения: одно посреди озера—быстро несущееся по камнямъ вперед и kloкочущее какъ кипятокъ; другое у береговъ—тихое, обратное, которое происходитъ оттого, что вода, ударяясь объ излучину берега, дугою возвращается назадъ,—такъ что брошенное здѣсь бревно, обойдя кругомъ, непременно придетъ назадъ. Оба течения, соединяясь, съ страшной силой врываются въ глубокую, узкую разсѣлину гранита; вся необъятная масса Сайменскихъ водъ стремится прорваться съвозъ эту тѣснину, и можно судить что за шумъ, что за могучій ревъ и грохотъ поднимаются здѣсь. Кажется, будто вода стремится не внизъ, какъ въ другихъ водопадахъ, а мчится вверхъ, къ небу. Красоты и величины этой картины, конечно, не передать никакое перо; надо собственными глазами видѣть эту огромную массу kloкочущей воды и ту гигантскую мощь, съ какой она вскидываетъ вверхъ колоссальные бугры бѣлой пѣны. Одинъ за другимъ, выше и выше растутъ эти бугры, и достигнувъ высшей точки, рухаютъ, рассыпаясь серебряными, жемчужными, брильянтовыми букетами. Трудно оторвать глаза отъ этихъ фантастическихъ формъ, отъ чуднаго перелива цвѣтовъ, когда водопадъ освѣщенъ солнцемъ. Смарагды, рубины, сапфиры пересыпаются съ крупными жемчужинами и бриллиантами, словно въ волшебномъ kaleidoskopѣ. Не устанешь глядѣть, не налюбуешься этой дикой красавицей, съ бѣшеной мощью стремящейся вырваться изъ обхватившихъ ее съ обѣихъ сторонъ сѣрыхъ гранитныхъ утесовъ. Сколько безконечнаго разнообразія въ этихъ пѣнящихся волнахъ; вотъ одинъ бугоръ (если вы стоите на правомъ, отлогомъ берегу водопада) рассыпался чуть не у вашихъ ногъ легкимъ, грациознымъ фонтаномъ, обдавъ васъ холодомъ и жемчужными брызгами,—а тамъ на лѣвомъ, нависшемъ берегу, точно подземная сила тягиваетъ воду ко дну, и она закручивается воронкой, внутри которой зияетъ черная пучина, грозно развѣвающая свою пасть среди бѣлой пѣнящейся поверхности водопада. Въ воздухѣ стоитъ прозрачный, переливающийъ разными цвѣтами паръ. Хорошо здѣсь также зимой, при лунномъ свѣтѣ, когда лучи его падаютъ на ледяные зубцы гранитныхъ стѣнъ и на застывающіе пары, которые кажутся вамъ духами, водяными въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ воздушные хоровады. Грозно-прекрасенъ тогда водопадъ! Зимой еще яснѣе можно видѣть, какъ превращенная въ лѣдну вода переходитъ въ паръ. Глядя на Иматру, невольно приходитъ мысль, что здѣсь, когда-то, духъ тьмы началъ борьбу съ духомъ свѣта—и до сихъ поръ не можетъ кончиться эта упорная борьба. Духъ свѣта неудержимо стремится впередъ, духъ же тьмы не пускаетъ его и ставитъ ему вездѣ преграды. Всѣ подземныя силы за одно съ духомъ мрака, и трещатъ кругомъ скалы, точно хотятъ разверзнуться и поглотить духа свѣта; а этотъ послѣдній мужественно выдерживаетъ бой, и хотя по временамъ и уступаетъ своему врагу, но скоро опять твердо становится на ноги, пошраетъ всѣхъ духовъ темнаго царства, и одержавъ блестящую побѣду надъ могучимъ врагомъ, упокоенный, невозмутимо шествуетъ впередъ, расширяя границы своего свѣтлага царства.

Но чтобы дать ясное понятіе объ Иматрѣ тѣмъ, кто не видѣлъ ее, мы сравнимъ ее съ знаменитѣйшимъ водопадомъ въ мірѣ, Ниагароу въ Сѣверной Америкѣ. Водопадъ этотъ, какъ извѣстно, падаетъ изъ озера Эри въ Онтарио, лежащее значительно глубже перваго; Имата же напротивъ не беретъ начала въ какомъ либо большемъ озерѣ, но начинается въ весьма обширномъ мѣстѣ Воксы, такъ-называемомъ «Милли-Суванто» и падаетъ въ такой же большой бассейнъ «Меллесъ-лха». Главный уступъ Ниагары имѣетъ 720 футовъ ширины, и по серединѣ его лежитъ маленькій островокъ, который впрочемъ уже нѣсколько лѣтъ какъ почти исчезъ; ширина же знаменитаго финляндскаго водопада не превышаетъ 138 футовъ, и вверху его теперь еще находится, какъ уже сказано, маленькій островокъ. Ниагара есть настоящій водопадъ, имѣющій съ одной стороны острова 160, а съ другой 140 футовъ вышины; между тѣмъ какъ паденіе Иматы, наоборотъ, болѣе растянута въ длину, на протяженіи отъ 1080—2950 футовъ,—высота ея паденія имѣетъ не болѣе какъ отъ 50—63 футовъ. Изъ сказаннаго можно бы было заключить, что водопадъ Воксы долженъ казаться совершенною игрушкой въ сравненіи съ его сѣвероамериканскимъ братомъ. Да, еслибы Имата не превосходила Ниагару въ другомъ отношеніи. По скалистымъ бороздамъ Иматы стекаетъ въ секунду среднимъ числомъ 18,223½ кубическихъ фута воды, по исчисленію сдѣланному у Куиннканрипти, близъ залива Нойзаны въ кирхшпилѣ Саккола; это составить въ часъ 67,765,600 куб. фут. воды. Вода, несущаяся черезъ Ниагару, равняется всего 42 миллионамъ кубическихъ футовъ; слѣдовательно въ часъ ее будетъ на 25 миллионъ куб. футовъ меньше чѣмъ въ нашемъ знаменитомъ финляндскомъ водопадѣ. Kloкочущая и бушующая здѣсь громадная масса воды, вращающаяся со дна большаго каменнаго глыбы и заставляющая дрожать скалы, страшный ревъ ея, похожий на шумъ лѣса во время сильной бури, когда въ отдаленіи слышатся глухіе раскаты грома, сливающіеся съ вошемъ испуганныхъ звѣрей и слышимый на разстояніи 6, а въ безвѣтряную погоду даже 10 верстъ, дѣлаетъ Иматру такой

знаменитой, что въ сравненіи съ ней всѣ остальные водопады въ Европѣ кажутся незначительными. Извѣстные швейцарскіе водопады: *Плечбахъ*, въ *Лаутербрунненской* долинѣ, падающій съ высоты 925 футовъ, и *Шафгаузъ* на *Рейнѣ*, съ паденіемъ въ 340 футовъ вышины, безспорно замѣчательны и прекрасны; но дѣйствующая въ нихъ масса воды въ сравненіи съ Иматрой такъ ничтожна, что ихъ можно назвать просто ручьями.

Будемъ продолжать наше сравненіе: въ Ниагарѣ вода падаетъ между отвѣсными скалистыми стѣнами въ ущельѣ 300 футовъ глубины; берега Иматы напротивъ низки. На лѣвомъ склонѣ подымается крутая скала въ 20—27 футовъ вышины, а вправо—глинистый холмъ, стоящій на 47 футовъ выше средней поверхности водопада. Черезъ Ниагару перекинутъ родъ висячаго моста, устроенный на перетянутыхъ черезъ водопадъ проволочныхъ канатахъ, которые на обоихъ берегахъ прикрѣплены къ большимъ деревяннымъ столбамъ. Этотъ мостъ имѣетъ 800 футовъ длины и виситъ на высотѣ 250 футовъ надъ шумящей водяной бездною. Но и въ этомъ отношеніи Имата не отстала отъ Ниагары; въ 1872 году и черезъ нее также протянули канатъ изъ тонкой проволоки, имѣющій 170 футовъ длины и 3/8 въ объемѣ. Канатъ этотъ приготовленъ въ Лондонѣ на фабрикѣ Миллваль-Поппларъ, гдѣ выдѣлываются усовершенствованные проволочные канаты, и былъ испробованъ гидравлическимъ аппаратомъ Шефера и Буденберга, при чемъ онъ выдержалъ тяжесть въ 7,000 фунтовъ. Этотъ канатъ укрѣпленъ на столбахъ въ 9 футовъ, которые въ свою очередь укрѣплены къ скаламъ желѣзными аршинными болтами. Но на этомъ канатѣ виситъ не мостъ, какъ на Ниагарѣ, а сдѣлано приспособленіе совершенно особаго рода. На большомъ желѣзномъ блокѣ, ось котораго имѣетъ вершокъ слишкомъ въ диаметрѣ, виситъ здѣсь корзина, въ формѣ прямоугольника, которая посредствомъ нѣсколькихъ канатовъ перекидывается съ одного берега на другой. Въ этой корзинѣ могутъ удобно помѣщаться, на устроенныхъ къ этой цѣли сидѣньяхъ, два человѣка. Весело, точно птица, легишь надъ kloкочущимъ водопадомъ, потому что корзина виситъ въ воздухѣ футовъ на 20 выше воды.

Изъ всего сказаннаго понятно, что ни одно живое существо не въ силахъ живьемъ спуститься по Иматрѣ; если бы спустить по водопаду лодку, то она бы разлетѣлась въ мелкія щепки. Въ Иматру бросали толстые деревянные стволы, но какъ только они попадали въ крутящіяся по обѣимъ сторонамъ водовороты, то уже не выходили изъ нихъ; пучина тягивала ихъ въ себя и трепала о камни до тѣхъ поръ, пока они не превращались въ размоленную щепь. Лосось можетъ переплывать всѣ другія пороги Воксы, но поднятъся по Иматрѣ ему не подъ силу,—такъ непреодолима быстрота теченія водопада.

Мы сознаемъ, что наше описаніе этого чуда природы слишкомъ слабо; пусть читатель силой собственного воображенія дополнитъ лишь слегка очерченную нами картину этого великолѣпнѣйшаго водопада всего сѣвера. Прибавимъ только, что иностранцы изъ отдаленнѣйшихъ странъ ежегодно посѣщаютъ Иматру, которая возбуждаетъ въ нихъ неограниченный восторгъ.—а финны, крѣпко любящій свою суровую родину, гордится Иматрой, называетъ ее не иначе какъ пульсомъ своей родной матери-земли. Уже языческіе предки финновъ воспѣвали Иматру; въ «Калевалѣ», извѣстномъ національномъ эпосѣ, воссоздавшемъ жизнь и чувства древнихъ финновъ, объ Иматрѣ говорится какъ объ величайшемъ изъ всѣхъ финляндскихъ водопадовъ. Новѣйшіе поэты также воспѣвали ее, а книга гдѣ путешественники вписываютъ свои имена, полна поэтическихъ изліяній въ хвалу Иматы. Взглянемъ теперь на оба скалистые берега водопада. Оба они поросли густымъ лѣсомъ; на правомъ берегу преобладаетъ граціозная плакучая береза, на лѣвомъ—ель и сосна; густая трава, сочная земляника, полевые цвѣты устилаютъ красивымъ ковромъ оба берега. Такая богатая растительность, рѣдка въ Финляндіи, могла развиться здѣсь благодаря обилію влаги водопада. Въ 1871 году, на правомъ берегу, вмѣсто старой жалкой гостиницы, былъ выстроенъ роскошный отель въ готическомъ стилѣ. Середина зданія занята большой свѣтлой залой, очень удобной для танцевъ; въ ней уже не разъ и давались балы зимой. Къ этой залѣ примыкаютъ двѣ просторныя веранды, одна изъ которыхъ выходитъ на дорогу, другая на водопадъ. Съ одной стороны залы находится бильярдная, съ другой—столовая и буфетъ, круглый годъ открытый для публики. Цѣны, какъ за помѣщеніе такъ и за всѣ требующіе предметы, утверждены Выборгскимъ губернаторомъ, въ чемъ всякій можетъ самъ убѣдиться. По обѣ стороны главнаго зданія, выстроены двухэтажныя флигеля, на 40 слишкомъ номеровъ для прѣзжающихъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ комнаты, предназначенныя для Его Величества Государя Императора и другихъ особъ Высочайшей фамилии. Съ балконовъ открываются чудесныя виды, какъ на водопадъ, такъ и на даль. Особенно хорошъ видъ на водопадъ съ сѣвернаго балкона; тутъ вы видите, какъ сначала Вокса нѣжно ласкаетъ полевые цвѣточки, а потомъ, въ дикой ярости рветъ и мечетъ все подъ свое подножіе. Вдоль скалистаго обрыва идетъ узкая тропинка съ перилами къ лѣстницѣ. Послѣдняя приводитъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ устроена воздушная переправа черезъ водопадъ. Платформа, откуда садятся въ корзинку, находится почти посреди Иматы, и здѣсь ревъ ея доходитъ до наибольшей ярости. Если

идти отсюда вправо вдоль берега, то мы войдемъ въ расположенную на возвышенности рошу съ усыпаннымъ пескомъ дорожками; влѣво же изъ середины потока вырывается громадный пѣнистый бугоръ, вздымающійся выше головы стоящаго внизу наблюдателя. Съ этой точки грозная красота водопада представляется всего поразительнѣе, особенно въ свѣтлую лун-

щеніи смотришь на эту величественную, чудную картину,—смотришь цѣлые часы—и все не насмотришься, и все открываешь въ ней новыя неожиданныя красоты. Издали, съ небольшой возвышенности въ концѣ роши, водопадъ представляется опять въ новомъ совсѣмъ видѣ. Впередѣ видно только голубое небо и волнующаяся бѣлая пѣна; если же небо покрыто бѣлыми обла-

На чужбину! . Рисунокъ Портельса, О. Ротъ.

ную ночь. Отсюда между каменными обломками идетъ тропинка къ маленькому мысу, гдѣ устроена бесѣдка въ видѣ гриба или зонтика,—скорѣе, впрочемъ, въ видѣ послѣдняго, такъ какъ она дѣйствительно служитъ имъ для зрителей, защищая отъ высокихъ брызговъ воды. Здѣсь съ трудомъ можно разслушать другъ друга, да и не до разговоровъ тутъ. Въ нѣмомъ восхи-

ками, то этотъ ревущій потокъ похожъ на снѣговую лавину, скатывающуюся съ высоты Альповъ.

Посмотримъ теперь, каковъ водопадъ съ противоположнаго берега. Намъ нужно для этого сѣсть въ корзину, и виса надъ бушующей бездною, переправиться по проволочному канату на ту сторону. Весь этотъ берегъ состоитъ изъ чернаго утеса, страш-

по наклоненнаго надъ водопадомъ. Защищенная перилами дорожка приводитъ къ такому же зонтообразному навильону, какъ на правомъ берегу. Съ этой стороны водопадъ еще страшнѣе, еще величественнѣе; грудь сжимается отъ страха, который еще усиливается когда спустишься ниже, на гранитную глыбу у подножя водопада. Отсюда только вполне можно оцѣнить все дикое величїе Иматы и превосходство ее предъ всѣми другими водопадами.

Недалеко отъ вышеупомянутаго навильона, разбросаны огромные камни съ правильными, глубокими, точно вышлифованными углублениями. Замѣчательнъ одинъ изъ этихъ камней: въ немъ какъ будто кто-то хотѣлъ просверлить дырку верхковъ въ пять глубины, но камень при этомъ разсѣлся пополамъ, и одна его половина пропала. Камень этотъ въ народѣ называется разбитой чортовой масляницей. Существоющая объ немъ легенда рассказываетъ, что когда камень еще былъ цѣлъ, въ отверстїе его забралось маленькое дитя, и его нельзя было достать оттуда иначе, какъ разбивъ пополамъ камень. Далѣе въ котловинѣ долины лежатъ отлично сохранившійся цилиндръ, такъ глубоко наполненный водой, что палка въ двѣ съ половиной сажени длины не достаетъ до дна.

Происхождение этихъ камней объясняется такъ: камень меньшей величины, кружась въ водоворотѣ — производя постоянное и долговременное тренїе объ одинъ и тотъ же камень большей величины и болѣе мягкой породы, пробурывалъ въ немъ описанные котлы. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что нѣкогда вся равнина, вплоть до холмовъ, стояла ниже и по всей ея ширинѣ текла Вокса. Само собою разумѣется, что въ тѣ далекія времена Имата вообще не существовала, а была только тихая вода. Когда же съ теченїемъ вѣковъ почва подымалась а вода мелѣла, Вокса образовала водопадъ, бывшїй прежде гораздо шире чѣмъ теперь, и приносившїй съ собою песокъ и глину, изъ которыхъ выросли возвышенности по берегамъ потока, — какъ напримѣръ правый берегъ Иматы, считаемый многими за искусственную насыпь.

Нельзя не сказать еще нѣсколькихъ словъ о такъ-называемыхъ *иматровскихъ камняхъ*, которыми бѣлоголовые чухонскїе ребятишки усердно надѣлаютъ путешественниковъ на память объ Иматрѣ. Ихъ находятъ только на одномъ мѣстѣ, именно въ одномъ заливѣ на лѣвомъ берегу Воксы; еще находили ихъ немного въ одномъ ручейкѣ, впадающемъ въ Воксу ниже водопада «*Галлинокски*». Кромѣ этого, на всемъ земномъ шарѣ, они находятся еще только на сѣверномъ берегу Ладожскаго озера, въ Пайловскѣ, близъ Петербурга и въ Сѣверной Америкѣ. Они состоятъ изъ глинистаго сланца и имѣютъ различную форму: одна изъ нихъ похожа на бисквиты въ формѣ цифры 8, другїе совсѣмъ круглые, нѣкоторые напоминаютъ птицъ и т. д. Естествоиспытатель Парротъ, изслѣдовавшїй эти камни, принимаетъ ихъ за вывѣтривавшіяся раковины моллюсковъ. Большинство однако считаетъ ихъ за кусочки оторванныхъ отъ горъ камней, которые вода Иматы обточила въ эти причудливыя формы. Последнее предположеніе самое вѣроятное, впрочемъ также только отчасти. При ближайшемъ изслѣдованїи находимой на берегу глины, оказывается что она состоитъ изъ раз-

личныхъ слоевъ сланца, безъ извести, съ небольшою примѣскою желѣза. Если сжечь кусочекъ этой глины въ сырватомъ состоянїи, то получается взрывъ, вслѣдствїе растяжимости воды.

Вода постоянно омываетъ эти камни и уноситъ кусочки ихъ съ собой, и на эти глиняные кусочки походятъ иматровскїе камни. Еслибы теперешнюю ихъ форму сообщила имъ вода, то это должно бы было случиться въ то время, когда она стояла еще очень высоко, такъ какъ глинистый слой лежитъ очень высоко. Можно слѣдовательно предполагать, что куски вышеозначенной глины сначала твердѣли, потомъ окаменялись, и отъ тренїя между другими камнями получили свою теперешнюю форму, и наконецъ были занесены новымъ слоемъ глины. Въ подтвержденїе нашего мнѣнїя объ окамененїи глины — мы приведемъ то обстоятельство, что находятъ иматровскїе камни совершенно вывѣтрившіяся и другїе начинающїе вывѣтриваться. ИMATРОВСКІЕ камни всегда синевато-сѣраго или пепельнаго цвѣта и отшлифованы точно искусственные.

Съ тѣхъ поръ какъ въ 1870 году, послѣ открытїя Гельсингфорской желѣзной дороги, устроилось въ Выборгѣ такъ-называемое ИMATРОВСКОЕ акціонерное общество, масса туристовъ, посѣщающихъ Иматру, возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Общество доставляетъ путешественникамъ всевозможныя удобства; оно имѣетъ пароходы и дилижансы, выстроило новую дорогу отъ Выборга до Иматы, нѣсколько отелей и т. д. За весь проѣздъ отъ Выборга до Иматы и обратно общество беретъ по 7 руб. сер. съ человѣка.

Путешествїе это — одно изъ самыхъ прїятныхъ. Пароходъ, миновавъ Выборгъ и нѣсколько острововъ и живописныхъ дачъ, внезапно поворачиваетъ въ первый шлюзъ Сайменскаго канала. Уже для одного этого канала стонгтъ предпринять путешествїе въ Финляндію. Какъ Имата чудо природы, такъ это гигантское сооруженїе чудо человѣческаго труда и науки. Сайменскїй каналъ прорванъ въ сплошныхъ массахъ гранита, и для удержанїя напора воды съ Саймы и другихъ озеръ, на немъ устроено 28 шлюзовъ. Когда пароходъ входитъ въ шлюзъ, ворота шлюза запираются. Вода, стоящая выше шлюза, выпускается черезъ открытые клапаны въ камеру шлюза, до тѣхъ поръ пока пароходъ мало по малу не подымается до уровня воды за шлюзомъ; тогда верхніе ворота шлюза открываются — и пароходъ медленно входитъ въ открытую воду. Грандіозная финляндская природа поражаетъ васъ на каждомъ шагѣ: то надъ вами висятъ черныя, отвѣсныя, гранитныя стѣны, какъ будто готовы обрушиться на васъ; то вы идете точно въ какомъ-то подземномъ корридорѣ, а тамъ опять открываются по обѣ стороны обширные виды на отдаленныя горы и лѣса.

Кто не любитъ вообще водяныхъ путешествїй, или найдетъ утомительными, довольно скучными подъ конецъ, задержки въ шлюзахъ, тотъ можетъ въ 16 верстахъ отъ Выборга, на станціи *Юстиля*, взять почтовыхъ лошадей и продолжать путешествїе сухимъ путемъ. Какую бы дорогу ни выбрать отъ Выборга до Иматы, всякая изъ нихъ будетъ рядомъ самымъ живописнымъ картинъ, а сама Имата навсегда неизгладимо останется въ памяти того, кто разъ въ жизни видѣлъ ее.

НА ЧУЖБИНУ!

Сіялъ огнями домъ родной,
Отецъ и мать гостей встрѣчали,
А мистеръ Джонъ все былъ со мной...
На насъ украдкою кивали...
Онъ мнѣ шепталъ, что лишь меня
Одну онъ любитъ, обожаетъ:
«Клянусь землею и небомъ я—
Насъ счастье, Мэри, ожидаетъ!»...

Дышать мнѣ легче на водѣ,
Хоть грудь болитъ, но замеръ стонъ...
Гдѣ-жъ клятвы ваши—клятвы гдѣ,
Любезный мистеръ Джонъ?...

* *

«Я, Мэри, встрѣтился съ тобой
(Онъ говорилъ) по волѣ рока!...
Богатствъ всей Индіи, Востока,
Мнѣ поцѣлуй дороже твое!
И если-бъ ты вдругъ нищей стала,
Клянусь—не измѣнилъ-бы я!
Какъ я люблю, тогда-бъ узнала,
Въ мой домъ царницею войди!»

Дышать мнѣ легче на водѣ,
Хоть грудь болитъ, но замеръ стонъ...
Гдѣ-жъ клятвы ваши—клятвы гдѣ,
Любезный мистеръ Джонъ?...

* *

И вдругъ—отецъ все потерялъ,
Онъ тѣмъ лишь спасся отъ ареста,
Что съ кресла замертво упалъ...
И вотъ, богатая невѣста—
Вдругъ стала нищей!.. Мать моя
Слегла, полгода прорадала
И усюкнулась... А я
Работы въ городѣ искала...

Дышать мнѣ легче на водѣ,
Хоть грудь болитъ, но замеръ стонъ...
Гдѣ-жъ клятвы ваши—клятвы гдѣ,
Любезный мистеръ Джонъ?...

* *

«Иди воспитывать дѣтей»,
Мнѣ люди добрые сказали:—
«Плыви въ Россїю, тамъ скорѣй
Найдешь прїютъ!».. И указали
На пристань:—«Видишь—пароходъ?
Садись и—съ Богомъ на чужбину!»
И я плыву меня несетъ
Черезъ эту бурную пучину...

Дышать мнѣ легче на водѣ,
Хоть грудь болитъ, но замеръ стонъ...
Гдѣ-жъ клятвы ваши—клятвы гдѣ,
Любезный мистеръ Джонъ?...

В.

МЕДИЦИНСКІЯ БЕСѢДЫ.

Человѣческіе паразиты.

Много было споровъ о томъ, исполняютъ-ли паразиты какое нибудь полезное назначеніе въ природѣ, или они созданы единственно на муку грѣшному человѣческому роду. Въ этомъ спорѣ, какъ и всегда, мнѣнія расходятся. Конечно, большинство раздѣляетъ послѣднее мнѣніе, то есть причисляетъ ихъ къ язвамъ человѣчества. Но мы здѣсь не удостоимъ своей бесѣдой маленькихъ нашихъ мучителей, блохъ, клоповъ и прочихъ плесевъ паразитнаго міра; мы поговоримъ только о тѣхъ изъ нихъ, которые своимъ болѣе рѣдкимъ и скрытымъ появленіемъ придаютъ себѣ нѣкоторый аристократическій оттѣнокъ среди ихъ нищей братья.

Внутри и на поверхности человѣческаго тѣла различается два рода паразитовъ, животные и растительные.

Разсмотримъ сначала первыхъ и тотчасъ-же раздѣлимъ ихъ на двѣ главные группы: а) на животныхъ паразитовъ, обитающихъ въ самомъ тѣлѣ и б) на такихъ, которые гнѣздятся на поверхности человѣческаго тѣла.

Корифей первой группы—это *глиста*, такъ-называемый солитеръ.

Она раздѣляется на три рода:

- 1) вооруженная ленточная глиста (*Taenia solium*),
- 2) невооруженная ленточная глиста (*Taenia mediocanellata*),
- 3) короткочленная широкая ленточная глиста (*Bothryosephalus latus*).

Всѣ три рода обитаютъ въ человѣческихъ кишкахъ, и попадаютъ туда отъ употребленія мяса зараженнаго паразитными зародышами.

Самая распространенная и почти исключительно встрѣчающаяся у насъ глиста—это *Taenia solium*. На головѣ ея, величиной съ булавоочную головку, явственно видны четыре довольно-выдающіяся всасывательныя возвышенія, между которыми, спереди, лежатъ вѣнокъ, состоящій изъ двадцати четырехъ и до тридцати большихъ и малыхъ крючковъ; онъ служитъ для того чтобы уцѣпляться о слизистую оболочку кишекъ. (Отсюда и названіе «вооруженная глиста»). Къ головѣ примыкаетъ тонкая какъ нитка шея, длиною въ дюймъ; за ней уже слѣдуютъ собственно члены (проглотити) глисты. Каждый проглотити образуетъ самостоятельное существо, способное къ размноженію, какъ скоро достигаетъ зрѣлости. Зрѣлость наступаетъ приблизительно съ шестисотого члена. Зрѣлый членъ отрывается отъ червя, и такъ какъ ему нечѣмъ держаться, то онъ и выходитъ съ экскрементами. Яйца содержаціяся въ этихъ освобождаемыхъ проглотитахъ, въ теченіи четырнадцати дней, сохраняютъ свою жизненную способность на воздухѣ; если имъ случится въ этотъ промежутокъ времени попасть на благоприятную для нихъ почву, то есть въ кишки какого нибудь животнаго, чаще всего свиньи,—то зародыши освобождаются отъ окружающей ихъ оболочки, проникаютъ черезъ стѣнки кишокъ, проходятъ въ капиллярную систему кровяныхъ сосудовъ, и отсюда разносятъ кровью въ мускулы, печень, мозгъ, глаза и т. д. Тамъ они устроиваются какъ у себя дома, обволакиваются водянымъ пузырькомъ, образуютъ крючки и всасывательныя возвышенія, и представляютъ намъ, на этой ступени развитія, хорошо извѣстную, ненавистную личинку. Въ этомъ состояніи червякъ остается, пока не перемѣнитъ мѣста; если же, вслѣдствіе употребленія подобнаго мяса, онъ попадетъ въ кишки человѣка или другаго животнаго, то окружающій его пузырекъ лопается, глиста освобождается, становится маткой или головой глисты и начинаетъ отдѣлять отъ себя извѣстные проглотиты. И такъ, мы опять пришли къ ленточной глистѣ. Слѣдовательно безъ личинки не было-бы ленточной глисты, безъ ленточной глисты не было-бы личинки. Личинки (*Cysticercus cellulosus*) нашей *Taenia solium* встрѣчаются специально въ свиномъ мясѣ.

Личинка невооруженной ленточной глисты, встрѣчающаяся почти исключительно въ Вѣнѣ, въ Вюртембергѣ и Баваріи, живетъ въ мускулахъ и внутреннихъ органахъ рогатаго скота. Личинки *Bothryosephalus latus*, водятся въ Швейцаріи, Польшѣ, Швеціи, Норвегіи, представляютъ собой подвиждому паразита нѣкоторыхъ породъ рыбъ. Но это еще не разъяснено окончательно.

Личинка—паразитъ, съ которымъ весьма легко бороться; если мясо хорошо просолено, прокопчено, сварено или изжарено, то онъ непременно умерщвляется, такъ что въ этомъ отношеніи только сырое зараженное паразитами мясо можетъ быть опаснымъ. Но бѣда заразиться ленточной глистой; тутъ ужъ слѣдуетъ немедленно прибѣгать къ основательному леченію, чтобы какъ можно скорѣе избавиться отъ нея, такъ какъ ея присутствіе не только въ высшей степени неприятно, но и весьма опасно, потому что возбуждаетъ брюшные катарры и тяжеляя нервныя расстройства.

Въ числѣ другихъ средствъ противъ страданія глистами, многіе врачи самымъ лучшимъ считаютъ куссо. Но мы настоятельно убѣждаемъ читателей не прибѣгать самимъ къ подобному леченію или не довѣряться разнымъ искусникамъ, величающихъ себя въ газетныхъ объявленіяхъ специалистами, кото-

рые лечатъ даже заочно. Въ подобномъ случаѣ всегда надо обращаться къ доктору, такъ какъ куссо никакъ нельзя причислить къ индифферентнымъ средствамъ,—поэтому и количество приѣма должно быть определено знающимъ человѣкомъ; къ тому-же вѣрнаго дѣйствія отъ средства можно ожидать только послѣ предварительнаго восьми или четырнадцати-дневнаго правильнаго приѣма маленькихъ дозъ горькихъ лекарьствъ (какъ напр. хинина, квасци, полыни и т. п.). Никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду этого предварительнаго леченія; оно ослабляетъ червя, и потому достаточно меньшей дозы куссо чтобы убить его окончательно.

Леченіе можно считать удавшимся только тогда, когда выйдеть голова вмѣстѣ съ нитеобразной шейей червяка; безъ этого-же, даже выходъ большой массы членовъ доставляетъ только временное облегченіе, такъ какъ проглотитная машина осталась внутри, и въ ту же минуту снова принимается за свою работу.

Круглая глиста (*Ascarus lumbricoides*), отъ полъ-фута до фута длины, не такъ значительна какъ ленточная глиста, и очень похожа на большаго дождеваго червя. Она живетъ въ тонкой и толстой кишкѣ, преимущественно у дѣтей, откуда предпринимаетъ весьма неприятныя и даже опасныя экскурсіи въ ротъ и носъ, дыхательное горло, въ желчный каналъ и т. п. Она должна быть очень общительнаго характера, потому что ея находятъ всегда цѣлыми кучами, отъ тридцати до сорока штукъ. Глиста эта оказываетъ сильное вліяніе на нѣжный дѣтскій организмъ. Кромѣ брюшныхъ страданій, она производитъ общія судороги, которыя хотя и не смертельны, но могутъ сильно разстроить питание, нервную систему и умственное развитіе ребенка. Единственный вѣрный признакъ ея присутствія въ организмѣ—это выходъ ея съ экскрементами. Чесаніе носа у дѣтей ничего не значитъ. Еще нѣкоторое значеніе для распознаванія имѣетъ внезапно-появляющійся и исчезающій румянецъ на одной щекѣ, какъ будто-бы ребенокъ долго спалъ на этой щекѣ.

Такъ какъ исторія развитія круглой глисты до сихъ поръ еще не извѣстна, то мы не будемъ распространяться объ ней, и укажемъ только на экстрактъ цыцварнаго сѣмени и затѣмъ на ревенъ и касторовое масло, какъ на средства изгнать эти глисты изъ организма.

Еще больше мучитъ дѣтей глиста *Oxyurus vermicularis*, отъ трехъ до четырехъ линій длины, живущая въ прямой кишкѣ; это нитеобразный бѣлый паразитъ, производящій иногда невыносимый зудъ, проту и разныя нервныя расстройства. Внутреннее леченіе, противъ него, остается болѣею частью безъ всякихъ результатовъ, но можно совѣтовать въ этомъ случаѣ клистиры, изъ холодной или соленой воды, которые надо продолжительное время правильно употреблять два раза въ день. Если это не поможетъ, тогда слѣдуетъ обратиться къ доктору.

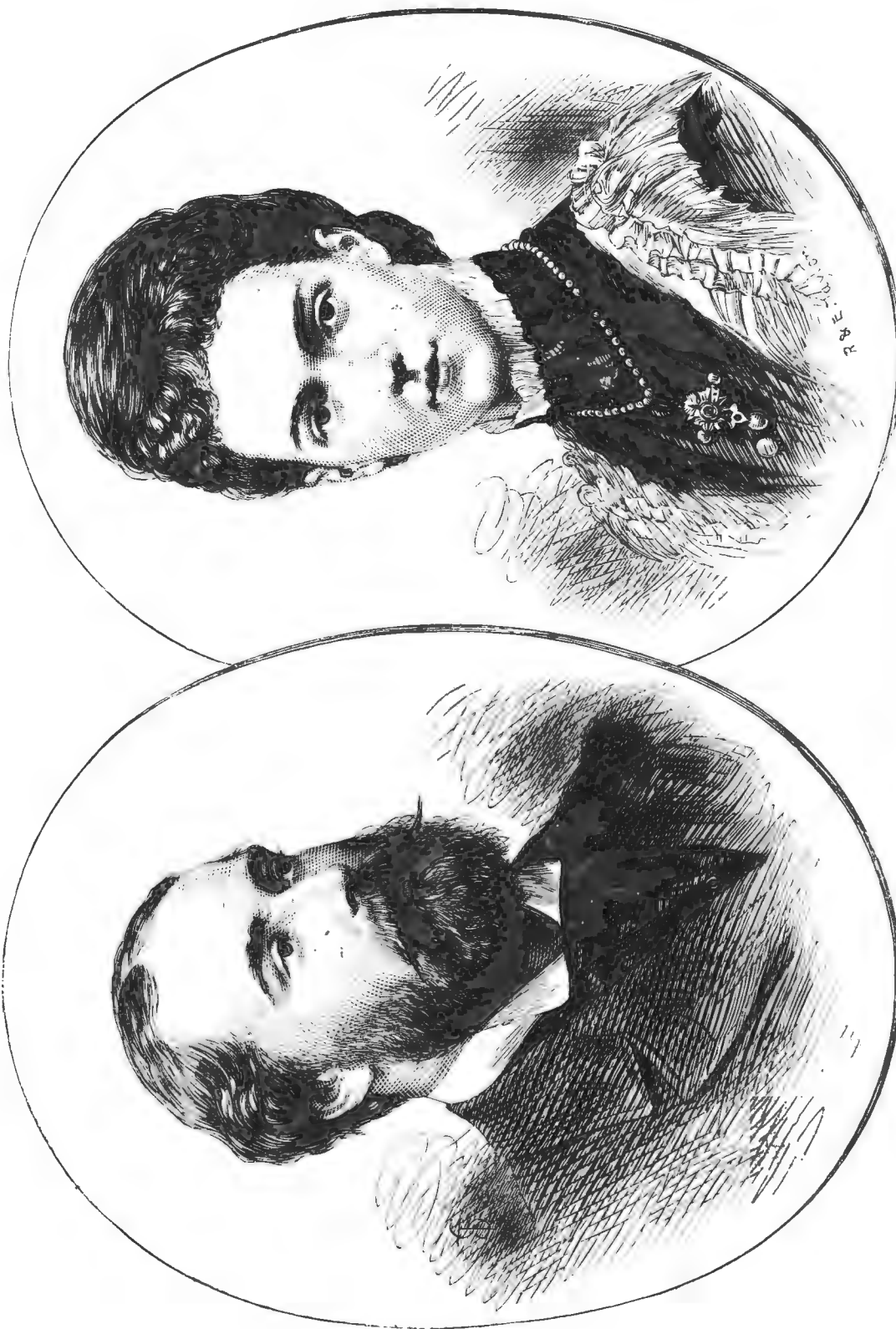
Ни объ одномъ паразитѣ не было столько толковъ, какъ объ открытой въ новѣйшее время и къ сожалѣнію такъ часто встрѣчающейся трихинѣ. Такъ какъ большинство читателей вѣроятно приходилось слышать о болѣзни, производимой трихиной, то мы ограничимся объ этомъ предметѣ нѣсколькими словами.

Трихина есть микроскопическій червь отъ 0, 8 до миллиметра длины, спиральной формы, заключенный въ похожую по формѣ на лимонъ извѣстковую оболочку и находящійся часто мильонами въ мышцахъ.

Если такая заключенная въ сумку трихина попадаетъ черезъ посредство зараженнаго трихинами мяса въ человѣческія кишки, то уже на второй день женскія индивидуумы наполняются тамъ яйцами, изъ которыхъ черезъ шесть дней рождаются маленькія нитеобразныя трихины. Онѣ тотчасъ-же пускаются въ путешествіе черезъ стѣнки кишекъ въ мускульныя ткани, гдѣ черезъ четырнадцать дней мы снова находимъ ихъ въ формѣ дѣлающихъ себѣ сумку спиральныхъ трихинъ. Слѣдовательно онѣ испытываютъ такую-же метаморфозу, какъ ленточная глиста и ея личинка. Мышечная трихина есть первая ступень развитія зрѣлой, развитой кишочной трихины.

Трихинозъ, т. е. трихинная болѣзнь, во многихъ случаяхъ представляетъ большое сходство съ гастрически-ревматической лихорадкой, рѣже съ тифомъ. Онъ обыкновенно начинается потерей аппетита, большимъ упадкомъ силъ, бессонницей, болью въ животѣ соединенной съ запоромъ или поносомъ. Черезъ нѣсколькой дней появляется болѣе или менѣе сильная лихорадка, къ этому присоединяется опухоль лица и стѣсненіе въ груди. На 7-й или 9-й день страданіе увеличивается жестокой болью всѣхъ мускуловъ, въ особенности конечностей; кожа натягивается, малѣйшее прикосновеніе къ ней вызываетъ сильную боль. Большой вообще представляетъ самую грустную картину страданія, которыя недѣли черезъ три прекращаются смертью, или пациенты медленно поправляются при ослабляющихъ боляхъ, и тогда ужъ на вѣкъ отказываются отъ свиного мяса.

Такъ какъ наука до сихъ поръ еще не обладаетъ средствомъ убивать мышечныхъ трихинъ безъ вреда для человѣческаго организма, или препятствовать переходу кишочной трихины въ

Альберт-Эдуард, принц Уэльский и супруга его, принцесса Александра Датская.

мышцы, то тѣмъ болѣе надо совѣтовать быть осторожнѣе въ употребленіи свинаго мяса, — и если является малѣйшее сомнѣніе въ употребленномъ мясѣ, немедленно прибѣгать къ слабительнымъ и рвотнымъ средствамъ. Только тщательный осмотръ мяса, положительное воздержаніе отъ употребленія какого-бы ни было сыраго свинаго мяса, и сильное прокапчиванье, прожариванье или провариванье его — могутъ спасти отъ этой безпощадной болѣзни.

Теперь намъ остается рассмотреть еще одну категорію паразитовъ нашего тѣла, имѣющихъ аналогію съ личинкой въ сви-

притомъ же, къ счастью, такіе случаи рѣдко встрѣчаются въ практикѣ.

Какъ видно, паразиты первой группы довольно многочисленны и злокачественны, чтобы не пренебрегать ими. Зато во второй группѣ страшенъ только *одинъ* экземпляръ, такъ какъ онъ единственный представитель паразитовъ гнѣздящихся на поверхности тѣла, именно чесоточный клещъ (*Acarus scabiei* или *Sarcoptes hominis*), причиняющій, такъ распространенную въ простомъ народѣ болѣзнь, чесотку.

Узловатая пустулезная сыпь, производящая особенно сильный

Пинскъ. Съ фотографіи рѣзаль Энцъ.

номъ мясѣ. Представьте себѣ, что проглотившій выводокъ ленточной глисты попалъ-бы какимъ нибудь образомъ въ человѣчскія кишки, прошелъ-бы сквозь ихъ стѣнки, расплодился-бы тамъ, и разносился-бы оттуда венознымъ токомъ крови по тѣлу, какъ мы прослѣдили подобный процессъ въ свинной *Cysticercus cellulosae*. Такимъ путемъ въ самомъ дѣлѣ образуется пузырчатая глиста мозга, *Cysticercus* въ стекловидномъ тѣлѣ нашего глаза и *Echinococcus* въ печени, пузырчатый конгломератъ котораго образуетъ иногда опухоли величиной съ гусиное яйцо, а иногда и съ дѣтскую голову. Объемъ нашей статьи не позволяетъ намъ вдаваться въ патологію и терапію этихъ болѣзней;

зудъ вечеромъ и ночью, есть ничто иное какъ продуктъ реакціи тѣла, подъ влияніемъ раздраженія кожи, возбужденнаго роющимъ въ ней паразитомъ. Сыпь заживаетъ и зудъ проходитъ, какъ скоро удаляется причина раздраженія, т. е. убивается клещъ.

Всего охотнѣе сыпь гнѣздится на рукахъ между пальцами, въ сгибахъ руки и локти и въ складкѣ кожи, идущей изъ-подъ мышки отъ груди къ плечу. Только при большой запущенности болѣзни, сыпь распространяется по всему тѣлу. Характеристическими признаками чесотки служатъ болѣе или менѣе длинные, частію прямые, частію извилистые ходы подъ верхней кожей, которые животныя прорываютъ выбирая подходящее

мѣсто для своихъ выводковъ; эти ходы представляются нашему глазу (лучше съ помощью лупы) въ видѣ легкихъ выпуклостей кожицы, съ нѣсколькими темнѣе окрашенными тонкими штрихами на высотѣ хода, и съ маленькимъ бѣловато-просвѣчивающимъ узелкомъ на одномъ его концѣ.

Если около самаго этого узелка сдѣлать проколъ тонкой иглой, и осторожно вынуть кончикъ, то обыкновенно клещъ остается на кончикѣ. Положивъ маленькаго злодѣя подъ микроскопъ, мы увидимъ черепахообразное, бѣловатое, прозрачное, блестящее тѣлце около 0, 50 миллиметра длины и 0, 25 миллим. ширины. Спина его усажена ногтеобразными наростами и колючками сидящими на коническихъ возвышенностяхъ; на брюшной сторонѣ видны поперечныя и дугообразныя линіи и четыре пары ногъ, двѣ переднихъ и двѣ далеко отстоящихъ отъ нихъ заднихъ. Чесотка можетъ угрожать тоже самому опрятному человѣку. Стоитъ только одному женскому индивидууму, наполненному яйцами, какими нибудь судьбами попасть на кожу и найдти время просверлить ее,—вотъ уже и готова чесотка. Если употребляется способъ леченія не убивающій животныхъ, и если не принимается предосторожностей противъ того чтобы онѣ не наполнили изъ зараженнаго ими платья и постельнаго бѣлья, то нечего и рассчитывать на успѣхъ. Если-же эти условія добросовѣстно выполняются, то чесотка—болѣзнь весьма легко и скоро устраняемая, такъ какъ чесоточный клещъ принадлежитъ къ числу деликатныхъ паразитныхъ натуръ и не переноситъ насилія. Между другими средствами, уничтожающими чесоточнаго клеща, предпочтительнѣе другихъ перувианскій бальзамъ, потому что, кромѣ его несомнѣннаго цѣлебнаго свойства, онъ очень приятно пахнетъ, что въ большой части другихъ лекарствъ бываетъ всегда на оборотъ.

Для радикальнаго усраженія этой болѣзни совершенно достаточно нѣсколько разъ потереть тѣло перувианскимъ бальзамомъ (ежедневно утромъ и вечеромъ, по два раза) и затѣмъ минутъ черезъ пятнадцать или двадцать обмыть его такъ-называемымъ зеленымъ мыломъ въ теплой комнатной водѣ и надѣть послѣ этого совершенно чистое бѣлье и платье.

Какъ только появится у кого подозрительная, производящая зудъ, сыпь на рукахъ, слѣдуетъ немедленно обратиться къ доктору, потому что тогда часто все дѣло кончается нѣсколькими обмываньями. Очень неблагоприятно изъ ложнаго стыда скрывать сыпь; докторъ знаетъ, что самый чистоплотный и порядочный человѣкъ можетъ даже отъ дружескаго рукожатія заразиться этой болѣзью.

Альбертъ-Эдуардъ, принцъ Уэльскій, и супруга его, принцесса Александра Датская.

Альбертъ-Эдуардъ, принцъ Уэльскій, князь Корнвалійскій, графъ Честерскій, старшій сынъ королевы англійской Викторіи, послѣдникъ великобританскаго престола, пользуется большою популярностью въ Англій. Такъ какъ королева, его мать, убитая горемъ послѣ смерти своего супруга, принца Альберта, старается по возможности избѣгать пышныхъ празднествъ и церемоній, то вся представительность остается за принцемъ Уэльскимъ, вслѣдствіе чего англичане весьма снисходительно смотрятъ даже на чрезмѣрную иногда расточительность принца, считая это неизбѣжнымъ въ его положеніи представителя націи.

Принцъ Уэльскій родился 9-го ноября 1841 г. и получилъ отъ своего превосходнаго отца тщательное образованіе, доведенное обширными путешествіями, въ которыхъ принцъ между прочимъ изучилъ колониальныя владѣнія Англій. Принцъ Уэльскій состоитъ членомъ нѣсколькихъ ученыхъ и другихъ обществъ, и недавно былъ возведенъ въ званіе «великаго мастера» англійскихъ масоновъ. Церемонія водворенія его въ это званіе отличалась большою торжественностью. Болѣе 10,000 масоновъ собрались въ громадномъ концертномъ залѣ Альбертъ-Голя. Вся эта десяти тысячная толпа была симметрически размѣщена по цвѣтамъ, соотвѣтствующимъ различнымъ степенямъ «братевъ». Большинство было въ голубыхъ лентахъ; составленная изъ нихъ группы окаймлялись братьями высшихъ степеней въ пунцовыхъ лентахъ. Масоны, имѣющіе ленты другихъ цвѣтовъ, и высшіе сановники ложъ въ красныхъ мантияхъ, тоже были расположены отдѣльными группами. За полчаса до времени назначеннаго для введенія новаго великаго мастера, все было готово и двери зданія Альбертъ-Голя наглухо заперты. Никто не принадлежалъ къ ордену не могъ присутствовать при церемоніи. Наконецъ, при звукахъ органа, къ подножію масонскаго трона двинулась процессія изъ высшихъ сановниковъ ордена. Засѣданіе «великой ложи» было открыто. Черезъ нѣсколько минутъ раздались звуки масонскихъ трубъ, и въ залу вошелъ принцъ Уэльскій, передъ которымъ несли на двухъ бархатныхъ подушкахъ знаки его достоинства: перчатки, передникъ, кѣльи и знакъ великаго мастера. Принцъ подошелъ къ подножію трона и занялъ мѣсто по лѣвую сторону, подлѣ исправляющаго должность великаго мастера. Великій капеланъ прочелъ особую, сочиненную нимъ на этотъ случай молитву, а за нимъ исправляющій должность великаго мастера опоясалъ принца передникомъ и

Теперь мы простимся съ этими неопытными гостями и удѣлимъ нѣсколько словъ растительнымъ паразитамъ, которые далеко не такъ опасны, за то и не такъ интересны какъ ихъ конкуренты животнаго происхожденія.

Они располагаются въ различныхъ мѣстахъ по поверхности нашего тѣла и принадлежатъ къ низшимъ, тайнобрачнымъ растительнымъ формамъ, определяемымъ ботанически общимъ именемъ грибовъ и водорослей. Существенные ихъ элементы суть споры и волокна. Первые состоятъ изъ простыхъ клѣточекъ круглой или овальной формы, имѣющихъ часто двойной контуръ, но рѣдко показывающихъ зерно. Размноженіе ихъ происходитъ дѣленіемъ или образованіемъ почекъ, вслѣдствіе чего они именно превращаются въ волокно.

Перейдетъ-ли споровая пыль посредствомъ воздуха, или отъ непосредственнаго прикосновенія съ кожей па кожу, споры проникнутъ черезъ слои верхней кожицы и размножатся въ глубже лежащемъ слое кожи, состоящемъ изъ мягкихъ, слизистыхъ клѣточекъ или пигментныхъ клѣточекъ. Это и есть настоящая почва всѣхъ растительныхъ накожныхъ паразитовъ, живутъ-ли они на счетъ волосъ, ногтей или кожицы.

Достигнуто излеченія возбуждимою ими болѣзней возможно единственно убійствомъ растительныхъ паразитовъ; для этой цѣли мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи цѣлый рядъ средствъ, но мы назовемъ только сѣру, различные ртутные препараты и кислоты. Какъ домашнее средство въ подозрительныхъ сыпяхъ, можно рекомендовать вошедшее нынче въ употребленіе карболовое мыло. Однако-же нельзя легко смотрѣть на подобную сыпь, потому что если ее запуститъ, грибокъ можетъ такъ въѣсться, что потомъ для самаго внимательнаго леченія понадобятся мѣсяцы, даже цѣлыя годы, чтобы искоренить его.

Научныя изслѣдованія дѣлаютъ все болѣе и болѣе вѣроятной ту мысль, что большее число заразительныхъ болѣзней происходятъ черезъ посредство споръ грибовъ и водорослей, которыми изъ желудка и кишекъ или изъ легкихъ производятъ зараженіе. Холера, диссентерія, тифъ, оспа, скарлатина, корь, перемежающаяся лихорадка,—все это болѣзни, весьма вѣроятно объясняныя своимъ происхожденіемъ растительнымъ паразитамъ. Изслѣдованія такъ трудны потому, что эти микроскопическія образованія представляютъ слишкомъ неясныя, неопредѣленныя формы. Но надо надѣяться, что неутомимому рвенію и остроумнымъ усиліямъ многихъ выдающихся ученыхъ, посвятившихъ себя исключительно этимъ изслѣдованіямъ, удастся наконецъ пролить яркій свѣтъ въ это темное мѣсто науки.

надѣлъ ему на шею цѣпь, состоящую изъ девяти пятнадцатыхъ звѣздъ. Въ этомъ облаченіи принцъ поднялся на ступени трона и сѣлъ на него. Въ ту же минуту слышномъ десять тысячъ рукъ, вооруженныхъ масонскими мечами, поднялись вверхъ, привѣтствуя великаго мастера «большимъ масонскимъ привѣтствіемъ». Принцъ отвѣчалъ съ высоты трона небольшою рѣчью, въ которой указывалъ на громадное вліяніе, какимъ пользуется орденъ въ странѣ, составляя одну изъ надежнѣйшихъ опоръ правительства и престола, и восхвалялъ достоинства и заслуги ордена. Празднество окончилось большимъ масонскимъ банкетомъ, устроенномъ въ ресторанѣ лондонскихъ «вольныхъ каменщиковъ», посвященъ названію «Масонской Таверны». Въ торжествѣ принималъ участіе между прочимъ герцогъ Артуръ Коппаутскій, третій сынъ королевы Викторіи.

Мы нѣсколько подробно остановились на церемоніи водворенія принца Уэльскаго въ званіи великаго мастера англійскихъ масоновъ, во первыхъ потому, что она сама по себѣ представляетъ нѣчто не совсемъ обычайное, и во вторыхъ потому, что избраніе принца въ это званіе служитъ доказательствомъ большой его популярности въ странѣ.

Въ октябрѣ нынѣшняго года, принцъ Уэльскій предприметъ путешествіе въ Индію, на которое парламентъ назначилъ ему значительную сумму. Сопровождать его будетъ флагманскій корабль «Нарцисъ» подъ начальствомъ контръ-адмирала Рандольфа. Въ свитѣ принца отправятся корреспонденты главнѣйшихъ англійскихъ газетъ, но принцъ не будетъ имѣть въ Индіи значенія представителя королевы; представителемъ этимъ все-таки останется вице-король Ипты.

Супруга принца Уэльскаго, Александра, принцесса Датская, старшая дочь короля Христиана IX, родилась 1-го декабря 1844 года. Лѣтомъ 1862 года, принцъ Уэльскій, сначала въ Германіи, потомъ въ Бельгій, увидѣлъ принцессу Александру; встрѣчи ихъ не имѣли и тѣни чего-либо оффиціальнаго или оффиціознаго. Образовавшаяся между ними вѣчная склонность увѣнчалась въ слѣдующемъ, 1863, году бракомъ. Ни политика, ни дипломатія не играли тутъ никакой роли, что безъ сомнѣнія много увеличиваетъ шансы супружескаго счастья. Красота принцессы Александры Датской, теперешней принцессы Уэльской, многостороннее образованіе и развитой умъ, дѣлаютъ ее одной изъ прекраснѣйшихъ дочерей Альбіона, которою послѣдній въ правѣ гордиться.

Пинскъ.

На обширномъ пространствѣ между Припятью, Двиною и Нѣманомъ, занятомъ въ IX вѣкѣ Дреговичами, Кривичами и Полочанами, господствовалъ около 980 года какой-то пришлецъ варяжскій или нормандскій Рингвальдъ или Роголодъ, прибывшій изъ-за моря съ товарищемъ своимъ Туромъ. Первый поселился въ Полоцкѣ, второй въ Туровѣ, быть можетъ имъ самимъ и основанномъ Роголодомъ, какъ извѣстно, погаль отъ руки Владиміра Святаго, а Полоцкое княжество съ Изяславемъ стольнымъ городомъ досталось въ удѣлъ Изяславу, сыну Владиміра отъ Рогнѣды, дочери Роговолодовой; Туровское княжество Владиміръ отдалъ въ удѣлъ усыновленному племяннику своему Святополку, сыну Ярополка, на вдовѣ котораго женился Владиміръ. Въ концѣ XI вѣка въ первый разъ упоминается о городѣ Пинскѣ, принадлежавшемъ къ Туровской области. «Узриши» говоритъ Давидъ Святополку въ 1098 г., «аще ти не займетъ градъ твоихъ: Туровъ и Пинскъ». Вѣроятно города эти находились еще въ зависимости и отъ сосѣдняго Володимера, ибо въ томъ же 1097 г. Мстиславъ сынъ Святополка пошелъ съ «пинянами» и брестянами на защиту послѣдняго города. Таковы первоначальныя извѣстія о Пинскѣ. Въ 1133 г. Туровъ и Пинскъ отошли къ Минскому князю Изяславу, сына Мстислава, внука Мономаха, будучи уступлены ему взаменъ Переяслава. Въ 1158 г. Юрій Долгорукій отдалъ Туровъ, а слѣдовательно по всей вѣроятности и Пинскъ сыну своему Борису. Вотъ почти всѣ извѣстія объ этомъ городѣ, относящіяся къ сказанному періоду; тѣмъ не менѣе они доказываютъ, что во время междоусобныхъ войнъ между удѣльными князьями бывшаго кн. Полоцкаго, Пинскъ, вмѣстѣ съ прочими южными городами Минской губерніи, находился въ полномъ распоряженіи князей Кіевскихъ, между тѣмъ какъ въ сѣверныхъ господствовали потомки Всеслава Полоцкаго, внука Изяслава, исторія которыхъ съ половины XII столѣтія покрывается мракомъ неизвѣстности.

Быть можетъ это послѣднее явленіе происходитъ отъ того, что съ этого времени обращаетъ на себя вниманіе новое племя, непохожее ни на славянъ, ни на германцевъ, ни на финновъ, — это Литва, которая уже въ 1114 году, подъ предводительствомъ Звигбунда, опустошила Минское княжество, а въ половинѣ XII вѣка простираетъ свои набѣги до Пинска, Турова, Мозыря, Владиміра и Луцка.

Въ 1241 году въ окрестностяхъ Пинска и прочихъ сосѣднихъ городовъ появились монгольскія орды, означая шестые свое огнемъ и разрушеніемъ. Подъ предводительствомъ Гаюка и Кайдгана онѣ разорили Пинскъ, Мозырь, Туровъ, Клецкъ, Слуцкъ и Новогрудокъ, пробирались и къ Минску, но на пути встрѣчены были литовскимъ и жемудскимъ княземъ Скирмундомъ, при Койдановѣ, гдѣ и произошла битва, заставившая монголовъ отказаться отъ нападенія на Пинскъ. По свидѣтельству игумена Анатолія, этотъ Скирмундъ владѣлъ будто-бы Минскомъ, Заславомъ и Пинскомъ, въ которомъ основалъ свой замокъ.

Первыя извѣстія объ этомъ періодѣ чрезвычайно сбивчивы. Одни говорятъ, будто около 1160 г. литовскій князь Скирмундъ

одержалъ значительную побѣду при р. Ясельдѣ надъ Мстиславомъ княземъ Волынскимъ и Туровскимъ и присоединилъ Туровское княжество съ Пинскомъ къ своему государству; другіе свидѣлствуютъ, что въ 1160 г. въ Пинскѣ господствовали потомки Владиміра-Мономаха, наслѣдники которыхъ удержали свой удѣлъ, подчиняясь то Литвѣ, то князьямъ волынскимъ.

Какъ бы то ни было, но при Витинесѣ (1291—1315) Литовское государство заключало уже въ себѣ Жмудъ, княжество Завилейское, часть Семигалии, всю сторону Кривичей отъ Двины подъ Полоцкомъ до Новогрудка, княжества Туровское и Пинское.

Сынъ и преемникъ Витинеса Гедиминъ (1315—1340) завоевалъ княжества Кіевское, Владимірское и Черниговское, назвался великимъ княземъ Литовскимъ и Русскимъ, а при кончинѣ отдалъ Пинское княжество второму сыну своему Наримунду. Изъ рукъ Наримундовичей оно перешло къ Ярославичамъ, потомкамъ Дмитрія Донскаго, которые существовали еще въ началѣ XVI столѣтія. Въ 1509 году король Сигизмундъ I грамотою, данною въ Вильнѣ, оставилъ Пинское княжество въ пожизненное владѣніе какому-то князю Фѣдору, сына Ивана, изъ «Ярославовичевыхъ», владѣвшему этимъ княжествомъ какъ наградою, данною его предкамъ предшественниками Сигизмунда. Такимъ образомъ, по соединеніи Литвы съ Польшею, Пинскъ дѣлилъ вмѣстѣ съ прочими русскими городами всѣ невзгоды польщины и уни; но православіе уже и тогда пустило такіе глубокіе корни въ литовско-русскомъ народѣ, что еще при владѣннѣ Туровскомъ Евфиміемъ Окушкѣ (1415—1420) число православныхъ церквей въ нынѣшней Минской губерніи доходило до 235, причѣмъ въ одномъ Пинскѣ ихъ было 15. Въ 1569 году Пинскій повітъ (уѣздъ) вмѣстѣ съ Брестскимъ составилъ часть Брестъ-Литовскаго воеводства, получивъ еще въ 1520 году магдебургское право, съ которымъ мѣщане получали личную свободу, имѣли независимое отъ воеводъ и старостъ управленіе (войтовъ, бургомистровъ и лавниковъ или присяжныхъ), освобождаясь отъ сѣнснительнаго вліянія магнатовъ-землевладѣльцевъ и отъ нѣкоторыхъ земскихъ повинностей.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, по второму раздѣлу Польши 27-го марта 1693 года, Пинскъ вмѣстѣ со всею нынѣшнею Минскою губерніею, Волынію и Подоліею присоединенъ къ Россіи и вошелъ въ составъ Минскаго намѣстничества, на правахъ уѣзда. Императоръ Павелъ возстановилъ здѣсь Литовскій статутъ, вновь уничтоженный въ 1831 году императоромъ Николаемъ съ цѣлью сблизить западныя губерніи съ Россіею и ослабить преданія той народности, которая отдѣляла эти земли отъ Имперіи.

Пинскъ расположенъ при рѣкѣ Пинѣ, притока Припяти. Окрестности его дѣсообразны, но чрезвычайно болотисты, почва глинистая и безплодная. Въ городѣ замѣчательнъ Богоявленскій монастырь, мужской 1-го класса, въ готическомъ стилѣ, еврейская синагога и стеариновый заводъ, производящій издѣлія на 142,500 рублей въ годъ. Кромѣ того въ уѣздѣ есть суконная фабрика (на 203,000 рублей въ годъ) и нѣсколько большій стеариновый же заводъ. Въ городѣ считается 18,379 жителей.

С М Ъ С Ъ.

Новый способъ битъ скотъ. На берлинской скотобойнѣ недавно дѣлались опыты биты скота новымъ инструментомъ, называемымъ *barterolle à la masque*, особенно примѣнимымъ при убиваніи быковъ, съ которыми не всегда легко бываетъ справиться. Онъ состоитъ изъ набрасываемаго на голову кожаного колпака, закрывающаго также и глаза; въ серединѣ его, гдѣ приходится лобъ животнаго, скрыто стальное остріе, которое двигается на шарнирѣ. Убіеніе производится посредствомъ удара деревянной колотушкой въ остріе. Инструментъ этотъ убиваетъ гораздо легче и вѣрнѣе нынѣшняго варварскаго способа, и для умѣнья владѣть имъ не нужно никакой особенной практики, а только нѣкоторое вниманіе, для того чтобы сразу, однимъ ударомъ, окончательно заколотъ быка, вознивъ остріе въ лобъ. Сдѣланные до сихъ поръ опыты были вполнѣ удачны.

Преимущества этого способа такъ очевидны, что онъ получилъ одобреніе всѣхъ мясниковъ, имѣвшихъ случай познакомиться съ нимъ. При этомъ способѣ убиванья рогатаго скота, мозгъ сохраняетъ свой цвѣтъ, потому что не заливается кровью; теперя же отъ нѣсколькихъ разъ повторенныхъ ударовъ онъ дѣлается бурнымъ, а отъ этого иногда на него не находится покупателя.

Кофе какъ средство противъ колотья у лошади. Кофе оказываетъ благотворное дѣйствіе противъ припадковъ колотья у лошадей; если у лошади сдѣлается колотье, что случается особенно часто весной, вслѣдствіе простуды, то надо ее напоить теплымъ крѣпкимъ кофе. Также кашница изъ молотаго кофе съ медомъ дѣйствуетъ очень успокоительно не только на лошадей, но и на рогатый скотъ.

ЗАСЛУЖЕННОЕ СПАСИБО.

Жаркій день. Бредутъ тихонько
Два усталыхъ иѣшехода;
Путь лежитъ имъ въ ближній городъ,
Два часа шагать осталось.
Тотъ, что шествуетъ въ ботфортахъ —
Фрицъ, студентъ изъ Гейдельберга;
А другой — еврей почтенный,
Господинъ Йосель Айзбергъ.

Жарко Фрицу! Свертокъ съ платьемъ,
Сумку тащитъ онъ, къ тому же
Плѣдъ дала ему мамаша,
Да еще въ рукавѣ дубинка.
Онъ задумчиво шагаетъ...
Вдругъ, на спутника взглянувши,
Говоритъ: — «Любезный Айзбергъ,
А вѣдь а теperь безъ денегъ!

Нѣтъ ни талера въ карманѣ!..»
 Головой еврей качаетъ:—
 — «Худо, худо, если денегъ
 Нѣтъ въ карманѣ у студента»...
 — «Ну- такъ надо дать студенту»...
 Продолжаетъ Фрицъ съ улыбкой, —
 «Въ долгъ, конечно... Чтожь, дадите?..»
 — «Ну, а сколько вамъ угодно?»
 — «Мнѣ бы талеровъ пятнадцать»...
 — «О—о! Пятнадцать!..»

— «Будто много?»
 Я отдамъ вамъ послѣзавтра,
 Послѣзавтра будутъ деньги».
 — «Гм!.. Конечно... Но»...

— «Не вѣрять!»
 Ну, въ залогъ возьмите вещи,
 Коли такъ! Дубинку, сумку,

Фрицъ, насвистывая пѣсню,
 Замагалъ быстрѣй, а спутникъ
 Сталъ пыхгѣть и отдуваться...
 Два часа прошло. Достигли
 Оба путника заставы...
 — «Ффу!.. вздохнулъ еврей вспотѣвши:—
 Я усталъ ужасно!..»

— «Право?
 Что жъ, давайте мнѣ позитки,
 Понесу—квартирка близко...»
 — «Das ist gut, берите... Можно!
 Я узъ такъ пойду за вами,
 А потомъ возьму обратно...»
 Передача совершилась.
 Фрицъ въ карманъ засунулъ руку
 И сказалъ: «Почтенный Айзбергъ,
 Вамъ ходить за мной не нужно:

Юмористическіе очерки.

Плэдъ хорошій, свертокъ съ платьемъ —
 Все-то вмѣстѣ будетъ стоить
 Сорокъ талеровъ навѣрно!..»
 — «Десять дамъ... Нѣтъ болѣе денегъ»...
 Говоритъ еврей печально.
 — «Маловато... Ну, согласенъ!
 (Деньги Фрицъ въ карманъ запряталъ)
 Вещи послѣ?»

— «Ай, зацѣмъ-зе?»
 Я ихъ взять могу сейцазъ-зе»...
 — «Какъ хотите! Вотъ вамъ палка,
 Сумка, плэдъ и свертокъ съ платьемъ».
 Нагрузился Йосель Айзбергъ!
 Снова двинулись въ дорогу.

Вотъ, позвольте ваши деньги —
 Десять талеровъ обратно.
 А за то, что палку, сумку,
 Свертокъ съ платьемъ, плэдъ тяжелый
 Два часа несли вы храбро —
 Говорю я вамъ: спасибо!»—

СОДЕРЖАНИЕ: Русскій ученый въ Новой Гвинее (съ портретомъ). — Оредъ-дѣвка (изъ жизни въ тирольскихъ альпахъ) повѣсть Вильгельмина фонъ-Гиллерн-Бирхъ. — Вокса и главный ея водопадъ Имата (съ рисункомъ). — Па чужбину!.. стихотвореніе (съ рисункомъ). — Медицинскія бесѣды, человѣчскіе паразиты. — Альбертъ-Эдуардъ, принцъ Узельскій и супруга его, принцесса Александра Датская (съ портретомъ). — Пинскъ (съ рисункомъ). — Сякъсь. — Заслуженное спасибо! стихотвореніе (съ 2 рисунками).

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Учебное заведеніе 1-го разряда
 съ полнымъ курсомъ **Классической гимназіи**
 содержимое **Э. РЕПМАНОМЪ** въ Москвѣ.

Помѣщается, на Гончарной ул., близъ Лужскаго моста въ д. Степановой.

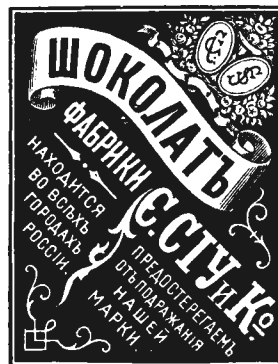
Пріемъ воспитанниковъ будетъ происходить отъ 15-го Іюля по 15-е Сентября. Классныя занятія начнутся 7 Августа. 10—5

Настоящія почтовые марки всѣхъ государствъ дешево продаются:

Большой Каталогъ (5000 №) съ 72 раскрашенными начертаніями, цѣна 1 марка (90 коп.) (прежде 2 марки).
 Иллюстрированный журналъ для почтовыхъ марокъ на 2 года (каждый номеръ съ многими иллюстраціями) цѣна за годъ 3 марки (90 коп.).
 Пробный листъ и прейсъ-курзартъ безплатно.

Покупка и продажа почтовыхъ марокъ

ЛУИ ЗЕМФЪ въ Лейпцигѣ, Германія.

45—8

**НОВОЕ
 ВРЕМЯ**

Ежедневная газета, политическая, литературная, общественная (безъ цензуры). Подписная цѣна на полгода: въ Петербургѣ съ доставкою на домъ 8 р. 50 к., для иногородныхъ 9 руб. Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи, на Литейномъ просп., д. № 45.

4—3

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголь Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—17

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 35

1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
Выданъ 31 Августа 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫБРОЕКЪ. Цена втораго № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.

РЧЕРКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Михайло Васильевичъ Ломоносовъ.

Въ 1711 г., въ глуши Бѣломорья, на одномъ изъ острововъ Сѣверной Двины, въ Куроостровской волости, въ деревнѣ Денисовкѣ, близъ города Холмогоръ, у крестьянина Василья Дорофеева родился сынъ, которому суждено было впоследствии стать «отцомъ новой русской литературы» и величайшимъ русскимъ ученымъ XVIII вѣка. Василій Дорофеевъ Ломоносовъ былъ рыболовомъ — а потому приучалъ къ тому же промыслу и сына своего Михайлу, который до 16-ти лѣтъ дѣлалъ съ нимъ всѣ труды лишенія и опасности, сопряженныя съ бытомъ поморарыбака, — плавалъ на легкомъ гальотѣ въ Колу, Соловки и другія мѣста, съ грузомъ соли, а то и въ Сѣверный Ледовитый океанъ на промыслы. Закаливаясь въ этихъ поѣздахъ физически и нравственно, Михайло въ то же время успѣлъ выучиться и грамотѣ у матери, бывшей дочерью дьячка изъ селенія Матигоры, въ Холмогорскомъ же уѣздѣ, и вѣроятно подъ ея же влі-

яніемъ рано страстился къ чтенію. Въ юности же, если вѣрить нѣкоторымъ извѣстіямъ, Ломоносовъ вовлеченъ былъ даже въ расколъ, столь распространенный на сѣверномъ поморьѣ. Но толки съ наче-
тчиками, чтеніе псалтири, переложенной въ стиххъ Симеономъ Полоцкимъ, грамматика Смотрицаго и арифметика Магницкаго не долго удовлетворяли пытливаго помора. Къ этому присоединилась потеря матери, которую замѣнила злая и сварливая мачиха, ссорившая Михайлу съ отцомъ и жаловавшаяся, что онъ попусту сидитъ за книгами. А между тѣмъ страстное желаніе учиться не давало ему покоя — и вотъ зимою 1729 г. молодой Михайло Ломоносовъ, пренебрегая отцовскимъ достаткомъ, бѣжалъ въ Москву. Претерпѣвъ на пути множество бѣдъ и лишеній, Ломоносовъ кое-какъ добрался до древней столицы; но и здѣсь онъ долженъ былъ перебиваться со дня на день, борясь со

М. В. Ломоносовъ. Рис. Пилоти, грав. Пуцъ.

всѣми нуждами, пока наконецъ 15-го января 1731 года попалъ въ число студентовъ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи. Пять лѣтъ провелъ онъ въ стѣнахъ ея, въ несказанной бѣдности, получая алтынъ въ день, изъ которыхъ тратилъ денежку на хлѣбъ, денежку на квасъ, а остальное на бумагу, обувь и другія потребности,—не взирая на смѣшки сверстниковъ, которые указывали на него пальцами: смотри-де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латынѣ учиться! Ломоносовъ влекли особенно науки физико-математическія — и онъ, по совѣту учителей, въ 1734 году ѣздилъ въ Кіевъ въ тамошнюю Духовную Академію съ цѣлью посвятить себя этому отдѣлу знаний; но академическое преподаваніе не удовлетворило его — и онъ вернулся въ Москву. Когда же, въ 1736 году, въ Петербургъ для пополненія академической гимназіи потребовали изъ Московской Академіи 12 лучшихъ учениковъ—въ число ихъ поспѣшилось попасть и некончившему еще курса Ломоносову. Изъ Петербурга въ тотъ же годъ нѣсколько молодыхъ людей были посланы правительствомъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ и приобрѣтенія специальныхъ свѣдѣній,—въ томъ числѣ и Михайло Ломоносовъ отправленъ во Фрейбергъ къ горнымъ дѣламъ физикъ Генкелю для обученія металлургіи. На содержаніе каждому изъ нихъ было назначено по 300 рублей, съ проѣздомъ и другими расходами; три года спустя, эта сумма была еще обрѣзана до 150 рублей, да и тѣ высклались не всегда аккуратно. Не смотря на страшное бѣдствованіе, Ломоносовъ быстро успѣлъ овладѣть нѣмецкимъ языкомъ и посѣщалъ лекціи въ Марбургскомъ университетѣ—преимущественно по математическимъ наукамъ, занимаясь въ то же время философіей и даже медициной,—и уже въ 1739 г. получилъ лестный отзывъ знаменитаго ученаго и профессора Христиана Вольфа, въ аттестатѣ выданномъ ему отъ университета. Изъ Марбурга Ломоносовъ ѣздилъ въ Саксонію, въ Фрейбергъ, для практическаго изученія металлургіи у Генкеля, а лѣтомъ 1740 года изучалъ на Гарцѣ горное дѣло. За все это время, работая неутомимо, онъ посылалъ въ Академію «доношенія» на нѣмецкомъ языкѣ, опыты изслѣдованій на латинскомъ, и первые опыты литературныя, между прочимъ: «Письмо о правилахъ російскаго стихотворства» съ приложеніемъ «Оды на взятіе Хотина», которая долгое время считалась первымъ русскимъ торжественнымъ стихотвореніемъ.

Съ 1740 года до возвращенія въ Россію свѣдѣнія о Ломоносовѣ весьма темны. Въ 1740 году онъ женился въ Марбургѣ на дочери портнаго, бывшаго членомъ марбургской городской думы и церковнымъ старшиной; вслѣдствіе этого брака, еще болѣе стѣсненный матеріально, молодой ученый вынужденъ былъ бѣжать отъ долговъ изъ Марбурга, скитался по Европѣ, чуть ли не былъ увезенъ прусскими вербовщиками на службу въ крѣпость Везель, откуда будто бы снова бѣжалъ, вернулся въ Марбургъ и съ разрѣшенія Академіи поѣхалъ въ Петербургъ, оставивъ въ Марбургѣ жену и дочь. Въ Россію Ломоносовъ прибылъ 8-го іюня 1841 года, а въ началѣ слѣдующаго (8-го января) по резолюціи Академіи Наукъ сдѣланъ адъюнктомъ съ жалованьемъ по 300 руб. въ годъ, включая въ то число дрова, свѣчи и квартиру. Какъ видимъ, это скудное содержаніе лишь по истеченіи полгода борьбы и домогательствъ досталось Ломоносову, который, какъ русский и притомъ талантливый и трудолюбивый, сразу возбудилъ опасенія и недоброжелательство преобладавшей въ Академіи при Биронѣ нѣмецкой партіи. Главою ея въ то время былъ своекорыстный Шумакеръ, «бичъ профессоровъ» (Flagellum professorum), въ рукахъ его было и жалованье ихъ и управленіе всѣми дѣлами академической канцеляріи: отсюда всеобщее уважанье за Шумакеромъ, слетя, интриги, доносы другъ на друга, ссоры и чуть не драки въ стѣнахъ академіи. Беззавѣтно преданный наукѣ Ломоносовъ, горячій патриотъ, при своей страстной и необузданной натурѣ, едва началъ въ сентябрѣ 1842 читать студентамъ лекціи по физической географіи, химіи и металлургіи, какъ на него уже посыпались разныя бѣды. Ломоносовъ отвѣчалъ буйными выходками противъ нѣмцевъ—за что попадалъ въ полицію, а за «продерзости» противъ конференціи исключенъ даже изъ членовъ ея и потерялъ право присутствовать на засѣданіяхъ. Подъ вліяніемъ тягостнаго положенія, Ломоносовъ вѣрѣдко искалъ утѣшенія въ винѣ, но за новыя оскорбленія нѣмецкимъ профессорамъ въ негрезвомъ видѣ, по жалобѣ ихъ, продержавъ подъ арестомъ съ мая 1743 по январь 1744 года, причемъ и жалованье убавлено ему на половину, да и то оттягивалось иногда на годъ, и выдавалось ему въ разное время по пяти рублей на его крайнюю нужду,—а всего 15 рублей въ мѣсяцъ, изъ которыхъ вычиталось еще по рублю въ мѣсяцъ за *два коморки въ академическомъ домѣ*. Хотя въ іюнѣ 1745 года, благодаря лестному отзыву знаменитаго математика Эйлера, Ломоносовъ и былъ возведенъ въ профессорское званіе, а съ марта 1746 началъ получать и профессорское жалованье по 660 рублей въ годъ съ порядочной квартирой,—но деньги эти выплачивались такъ неаккуратно (нерѣдко книгами изъ академической лавки), что до конца 1745 года Ломоносовъ буквально бѣдствовалъ, не имѣя порою средствъ на покупку медикаментовъ для больной жены своей. Только съ конца этого года обстоятельства Ломоносова начали поправляться, по полученіи имъ 2,000 руб.

въ подарокъ отъ императрицы за его «оду въ день восшествія на престолъ Елисаветы Петровны», поднесенную государынѣ резидентомъ Академіи Разумовскимъ. Незадолго передъ тѣмъ были ему выданы и 380 рублей, недоанные ему за время пребыванія за границей.

Ободренный первыми успѣхами, наученный горькимъ опытомъ и пользуюсь тѣмъ, что послѣ наденія Бирона наступило торжество русской партіи, Ломоносовъ часто прибѣгаетъ къ «знатнымъ особамъ» для пользы дѣла, но отнюдь не для личныхъ выгодъ и никогда не унижаясь до просьбы: онъ требуетъ повышенія чинами или матеріальной помощи, гордо ссылаясь на заслуги свои и указывая на блестящее положеніе ученыхъ за границей. Въ числѣ меценатовъ, покровительствовавшихъ Ломоносову и умѣвшихъ цѣнить его, находились графъ М. Л. Воронцовъ, графы П. И. и И. И. Шуваловы, а вслѣдствіи графы Орловы. Особенно И. И. Шуваловъ, сблизившись случайно съ Ломоносовымъ въ 1749 году, никогда не прерывалъ уже съ нимъ дружескихъ отношеній и постоянно оказывалъ ему самую дѣятельную помощь. Его же вліянію обязавъ Ломоносовъ склоненіемъ въ занятіяхъ своихъ на сторону словесныхъ наукъ и литературы. Такъ, еще въ 1746 году окончивъ свою «Риторику», въ теченіи семи или восьми лѣтъ (1749—1757 гг.) Ломоносовъ написалъ множество стихотворныхъ надписей на разные торжественные случаи, трагедіи «Тамира и Селимъ» и «Демофонтъ», посланія въ стихахъ, идилліи, похвальные слова «Елизаветѣ» (1749) и «Петру Великому» (1755), составилъ «Російскую грамматику» (1755), и занимался собраніемъ матеріаловъ для Россійской исторіи.

Какъ ученый, Ломоносовъ по самой живости своей натуры, не могъ ограничиться кабинетнымъ трудомъ: занимаясь химическими и электрическими опытами съ опасностью жизни, онъ стремился примѣнять свои теоретическія знанія къ мореплаванію, архитектурѣ, горнымъ промысламъ, искусству, фабричнымъ производствомъ. Горячо принявшись, напр., за выдѣлку стекла, онъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, при помощи правительства, самъ сталъ въ главѣ стекляннаго завода, а потомъ занялся дѣльными стеклами для мозаическаго искусства, посредствомъ котораго хотѣлъ увѣковѣчить подвиги Петра Перваго въ нѣломъ рядѣ громадныхъ картинъ. Въ то-же время онъ цензуровалъ и корректуровалъ литературныя произведенія по порученію правительства или Академіи, переводилъ учебники, участвовалъ въ журналахъ, въ изданіи календарей, создавалъ цѣлый рядъ прозтовъ (умноженія населенія Россіи, экономическія условія народной и государственной жизни, изслѣдованія Россіи въ этнографическомъ и географическомъ отношеніи, открытія сѣвернаго полюса и т. д.), словомъ: выказывалъ гениальную всеобъемлемость.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, не мало времени поглощали у него и другія, такъ-сказать административныя обязанности. Послѣ 1755 года Ломоносовъ дѣлается сначала совѣтникомъ академической канцеляріи, потомъ принимаетъ въ свое вѣденіе академическую гимназію и университетъ, наконецъ является во главѣ географическаго департамента. Ревностно хлопоталъ онъ объ отдѣленіи университета отъ Академіи въ самостоятельное высшее учебное заведеніе, но мечта эта не осуществилась за болѣзнь и кончиной императрицы. Другою мечтою Ломоносова, въ послѣдніе годы его жизни, было преобразование Академіи наукъ въ смыслѣ независимости отъ академической канцеляріи, по поводу чего и была написана имъ «Краткая исторія о поведеніи академической канцеляріи въ разсужденіи ученыхъ людей и дѣлъ».

4 Апрѣля 1765 года Ломоносовъ скончался, окруженный почетомъ и славою, подобавшимъ великому русскому ученому, писателю и патриоту XVIII вѣка. Незадолго до смерти, въ іюнѣ 1764 года, посѣтила его сама Императрица Екатерина въ нѣкороткими знатнѣйшими двора своего особами (см. Нина 1871 г. № 51). За всю свою многотрудную жизнь Ломоносовъ написалъ 1 поэмъ (неконченную), 2 трагедіи, 36 одъ, около 100 мелкихъ стихотвореній, 5 похвальныхъ словъ, 17 ученыхъ разсужденій, 10 оригинальныхъ и переводныхъ учебниковъ, 170 ученыхъ замѣтокъ разнаго содержанія и объема, 76 писемъ къ разнымъ лицамъ и наконецъ болѣе 350 разныхъ официальныхъ представленій и проектовъ. Этотъ исполнѣнный русской науки и словесности обладалъ глубочайшимъ знаніемъ русскаго языка—народнаго и книжнаго. Въ написанномъ имъ разсужденіи «О пользѣ книгъ церковныхъ», указывая на необходимость изученія языка церковно-славянскаго, Ломоносовъ въ немъ ищетъ противовѣса подавляющему вліянію языковъ иностранныхъ, т. е. за сто лѣтъ совершаетъ то, за что нынѣ только принимаются лучшие изъ русскихъ писателей. «Карлъ V, Римскій Императоръ,—пишетъ Ломоносовъ въ предисловіи къ своей грамматикѣ,—говаривалъ, что испанскимъ языкомъ съ Богомъ, французскимъ съ друзьями, нѣмецкимъ съ непріятелями, итальянскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но еслибъ онъ російскому языку былъ искусенъ, то конечно къ тому присовокупилъ-бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно».

Могила Ломоносова находится въ Петербургѣ въ Александроневской лаврѣ, съ памятникомъ въ видѣ четырехугольнаго пи-

ластра съ вѣчающимъ его саркофагомъ; другой памятникъ ему воздвигнутъ на родинѣ великаго помора, въ Архангельскѣ. Но прочѣйшимъ изъ всѣхъ конечно является вся жизнь и труды

геніальнаго труженика, впервые показавшаго русскому народу, чего можетъ достигнуть простой русской человѣкъ помощью науки, въ самыя неблагоприятныя времена.

ОРЕЛЬ-ДѢВКА.

(Изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ).

повѣсть Вильгельмина фонъ-Гиллернъ-Бирхъ.

(Продолженіе).

Толпа съ ужасомъ глядѣла внизъ; она видѣла, какъ Валли медленно погружалось въ туманное море... Вотъ, и совсѣмъ утонула тамъ, пропала... пожалуй—навсегда... Никто слова не проронилъ, словно всѣ эти люди стояли надъ обрывомъ какъ надъ свѣжей могилой. Веревка натянулась какъ струна, она только и давала знать объ успѣхѣ полета безстрашной дѣвушки, исчезнувшей въ волнахъ облачно-туманнаго моря. Съ веревки глазъ не спускали... Лопнетъ или выдержитъ?... Одинъ за другимъ исчезали за обрывомъ узлы; вотъ еще движется, ползетъ узелъ... У зрителей сердце замирало и каждый беззвучно спрашивалъ: вынесетъ-ли?...

Спускавшіе веревку чувствовали, какъ потъ струился съ ихъ лба: каждый узелъ проходилъ черезъ ихъ руки, а вѣдь на немъ висѣла жизнь человѣческая... Тянется минута за минутой—и такія онѣ тяжелыя, свинцовыя! Казалось, само время прицѣпилось къ веревкѣ, которую медленно, неохотно выпускала изъ руки какая-то мрачная злобная сила. Однако, веревка все еще натянута, по временамъ она вздрагиваетъ—значитъ, Валли не достигла еще никакого выступа, виситъ надъ пропастью...

— Немного осталось веревки-то, проговорилъ кто-то на концѣ:—не хватить, братцы!

— Помилуй, помоги, Господи! Не хватить! раздались крики.

Дѣйствительно, осталось всего нѣсколько аршинъ, а долетѣла-ли Валли до мѣста—ничего неизвѣстно, никакой вѣсточки отъ нея нѣтъ... Спускавшіе веревку скупились у самыхъ перилъ и стали быстрѣе выпускать ее.—Ну, а чтѣ ежели и взаправду веревки мало?... Вѣдь тогда весь трудъ пропалъ, тогда обратно придется тащить бѣдную дѣвушку и снова опускать ее туда, опять обречь на смерть!...

Веревка дрогнула, разомъ ослабѣла... Ухъ, страшно! Можетъ быть... лопнула, или Валли попала на какойнибудь выступъ, пожалуй—дна достигла?...

Женщины вслухъ читали молитвы, дѣти хныкали, а мужчины принялись медленно наматывать веревку и—вдругъ почувствовали, что она снова напряглась,—значитъ, не лопнула, уцѣлѣла! Видно Валли добралась до мѣста—чу! изъ безднъ чуть слышно прозвучалъ слабый голосъ... Толпа, охваченная страхомъ, ободрилась и разомъ откликнулась. Но вотъ веревка опять ослабѣла, опять пошли наматывать ее; все больше и больше ложится колець,—кажется, Валли, поднимается по отвѣсной стѣнѣ утеса...

Свѣтло стало, занялся день, но такой сѣренькій; холодный дождичекъ, казалось, моросилъ черезъ огромное сито, а тамъ, внизу, туманъ сталъ еще тяжелѣе, еще непроницаемѣе. Чтѣ это?... Веревка сильно подалась вправо... Державшіе ее подвинулись туда-же... Дѣ, Валли взбирается выше...

Раздались голоса:

— Живѣ мотайте, братцы!

— Ну, слава Господу! значитъ, упалъ-то не глубоко...

— Ежели лежитъ онъ такъ близко—пожалуй и живъ еще?...

— А можетъ быть, она не нашла его? Ищеть?...

Опять дрогнула веревка, напряглась и вдругъ упала... за обрывомъ раздался потрясающій крикъ. Толпу охватила ужась. Нѣкоторые застопали:

— Лопнула... лопнула!

Нѣтъ, снова напряглась веревка! Не былъ-ли тотъ ужасный крикъ крикомъ радости! Не нашла-ли Валли Иосифа?.. Женщины встали на колѣни, да и не одиѣ женщины молились: если мужчины глядѣли ненавистно на гордичку—богачиху, то теперь Валли была для нихъ другимъ существомъ—смѣлой дѣвушкой, готовой принести себя въ жертву, повиснувшей гдѣ-то тамъ, въ туманной пропасти и безстрашно смотрящей въ глаза смерти... У кого только билось въ груди человѣческое сердце—всякій трепеталъ за нее и молился. Хоть-бы солнце выглянуло на минутку, ударилъ-бы хоть одинъ лучъ его въ эту непроглядную бездну,—а то ничего не видно внизу, остается выжидать... Чѣмъ-то время подарить? А оно ползетъ такъ убійственно тихо...

Веревка лежала неподвижно, а оттуда, изъ глубины—ни одного звука. Чтѣ-жъ, пожалуй, ужъ и лопнулъ, да зацѣпилась за какойнибудь острый камень,—а Валли, разбившись, покоится теперь на днѣ рѣки... Но если ничего этого ни случилось—чтѣ-же она молчитъ? Хоть-бы разъ крикнула, вѣдь новой помощи ей, пожалуй, придется ждать нѣсколько часовъ?...

Все было тихо, люди боялись слово проронить и только прислушивались, стараясь тише дышать. И вдругъ, откуда ни возьмись—Клеттенмайеръ! Вѣжить, одной рукой махаетъ, кричить:

— Вонъ чтѣ я приволокъ!

Тутъ старикъ сбросилъ съ спины спасительный канатъ довольно-почтенныхъ размѣровъ.

— Слава Создателю! воскликнулъ онъ.—Вѣдь Валли объ орленкѣ упомянула,—ну, а я вспомнилъ, что покойница Люккардъ куда-то запрятала тотъ самый канатъ, на которомъ Штроммингеръ спустил Валли къ орлиному гнѣзду. И чтѣ-жъ, вѣдь я нашелъ его: лежалъ онъ въ сарайчикѣ подъ хламомъ разнымъ!...

Раздались одобрительные возгласы:

— Вотъ такъ счастье!

— Ай-да Клеттенмайеръ!

— Самъ Богъ надоумилъ тебя! Вѣбру, право!

— Дай Боже, чтобы канатомъ этимъ пришло дѣйствовать! проговорилъ одинъ изъ самыхъ почтенныхъ обывателей Солнечной площадки, печально поглядывая на счастливую находку.—Вѣдь дѣвушка-то никакой вѣсточкой больше не даетъ!...

— Э, глядите-ко, глядите: веревка шелохнулась! крикнулъ передовой, и вслѣдъ за этимъ крикомъ послышался голосъ Валли гдѣ-то внизу, но такъ близко, что когда все стихло—всѣ отчетливо услышали эти три слова:

— Каната нѣтъ еще?..

— Тутъ! Есть! Сейчасъ! весело откликнулись ей.

Прикрѣпивъ къ канату желѣзный крюкъ (взамѣнъ якоря) человѣкъ десять, изъ новыхъ, одинъ за другимъ гуськомъ, ухватились за канатъ и приготовились спускать его въ затуманенную пропасть. Заправлявшій всѣмъ дѣломъ, старшій, предупредилъ и тѣхъ и другихъ, что веревку и канатъ слѣдуетъ тянуть какъ можно ровнѣе, чтобы Валли была на одномъ уровнѣ съ Иосифомъ, могла-бы попридержать его. На половину противъ той глубины, до которой Валли сначала долетѣла, спущенъ былъ канатъ—и сейчасъ-же схваченъ тамъ.

— Наддай еще! Спускайте, чтобы хватило! крикнулъ

старшой.—Вѣдь ей надо-же обязать его... Такъ! Будеть—стой!

И, какъ солдаты, всѣ повинуются одному, стоятъ и ждутъ слѣдующей команды. Выждать теперь надо: Вали нужно по крайней мѣрѣ минутъ пять - шесть, чтобы какъ слѣдуетъ сдѣлать петлю, обязать несчастнаго, а не то безпомощное тѣло какъ разъ сорвется—и тогда все пропало.

— Та-щи-те! скомандоваль старшой, причеми голось его дрогнуль.

Крѣпко уперлись люди въ землю, вытянувъ правыя ноги; дружно тянутъ; вздулись жилы на лбахъ и на рукахъ, на послѣднихъ рѣзко обозначились крѣпкіе мускулы—и вотъ началась тяга... Дѣло страшное, тяжелое по своей отвѣтственности: сплеховать тутъ нельзя, а не доглядишь—все погибло!..

Силуэты Вама. Грав. К. Вейерманъ.

— Крѣпче, крѣпче, вяжи, Вали! Смотри—хорошенько! бормочетъ самъ себѣ Клеттенмайеръ.

И въ толпѣ раздается:

— Господи, спаси и помилуй!

— Покрѣпче-бы она его... насчетъ, то есть обязки!

— Чтобы въ лучшемъ видѣ все справила!..

Одновременно веревку и канатъ три раза дернуло снизу, и они натянулись.

— Потихе, братцы! покрикиваетъ старшой.—Дружнѣе, ровнѣе! Другъ на дружку-то поглядывайте!..

Великія, торжественныя минуты... Дѣти—и тѣ даже притихли совсѣмъ. Царить гробовая тишина, прерываемая лишь тяжелыми вздохами добровольныхъ тружениковъ.

Вотъ—вотъ—вынырнула Вали изъ тумана, ее уже хорошо видно: одной рукой она обхватила и поддержи-

Силуэты Вэма. Грав. К. Вейрманъ.

Силуэты Вэма. Грав. К. Вейрманъ.

васть безжизненное тѣло Іосифа, повиснувшее на канатѣ, а другою, вооруженною альпійскою палкою, отпихивается отъ отвѣсной стѣны, чтобы защитить и себя, и его отъ ударовъ обѣ выступы и неровности утеса. Не торопясь и чрезвычайно ловко управляя, Валли плыла вверхъ все выше и выше по волнамъ воздушнаго моря. Не далеко ужъ и до периль—всего-то нѣсколько футовъ... Руками вытащить можно, право!...

— Стойте! До-воль-но! крикнулъ старшой.

У всѣхъ духъ захватило.

Наступила самая чтó ни на есть трудная минута... послѣдняя, рѣшительная: какъ-бы теперь канатъ не лопнулъ?...

Нѣтъ—выдержалъ!... Стоявшіе впереди уже нагнулись за перила, вонь—сильныя руки охватили Валли, а другіе не выпускаютъ ни веревки ни каната—крѣпко держать ихъ.

— При-ни-май! раздалась команда—и вотъ Валли и Іосифъ—тутъ, за перилами, на землѣ!... Толпа просто взвыла отъ восторга и радости—кончились всѣ ея муки!...

Валли, блѣдная, безмолвная, опустилась на колѣни и припала къ груди Іосифа, лежавшаго безъ чувствъ. Она ничего не слышитъ и не видитъ, а кругомъ—толпа, толпа ликующая, шумящая; похвалы, поздравленія такъ и летятъ со всѣхъ сторонъ, Валли превозносятъ до небесъ... а она не можетъ отнять лица отъ груди его, она совершенно изнемогла, силы оставили ее...

XIII.

Ѵъ отцу—въ горы.

Въ спаленкѣ Валли, на кровати ея, лежитъ Іосифъ. Онъ не дышетъ, не шевелится. Ничто здѣсь не нарушаетъ могильной тишины—Валли всѣхъ отстравила, одна осталась, и вотъ, стоя на колѣняхъ, у изголовья, закрывъ руками лицо, она молится, шепчетъ:

— О, Господи, Господи! Смилуйся, даруй ему жизнь, возврати ее... Лиши меня всего, всего—пускай я буду нищей, но пусть онъ живетъ!.. Мнѣ ничего больше не надо отъ него, я буду стараться не встрѣчаться съ нимъ, пусть Афра возьметъ его... Уступаю!.. Только не умерьбы онъ, не умерь!...

Она приподнимаетъ голову Іосифа, снимаетъ смоченную кровью повязку съ зияющей раны, прикладываетъ новую, обмываетъ свѣжею примочкой грудь его, разбившуюся о камни, и наконецъ, въ порывѣ отчаянія, припадаетъ къ нему, какъ-бы желая тѣломъ своимъ закрыть его, спасти отъ когтей смерти, хоть этимъ удержатъ улетающую жизнь...

— Несчастный... милый... бѣдный! Весь ты израненъ, разбитъ... О, какой грѣхъ, какой ужасной грѣхъ!... Что ты надѣлала, Валли?.. Ахъ, Валли!.. Лучше сдѣлала-бы ты, если-бы всадила ножъ въ свое сердце!.. Можетъ быть, легче было-бы тебѣ поглядѣть, какъ онъ станетъ вѣнчаться съ Афрой, ну, а потомъ—убѣжать, погибнуть гдѣнибудь, нежели теперь видѣть его умирающимъ, страдающимъ!.. Съ нимъ поступили вѣдь такъ, какъ съ животнымъ; но мясникъ по крайней мѣрѣ сразу кончаетъ...

Такъ громко стонала Валли, ухаживая за израненнымъ Іосифомъ. Она относилась теперь къ себѣ такъ же безопасно-строга, какъ прежде осуждала другихъ. Какое-то дикое, страстное раскаяніе охватило ея сердце—и она готова была разорвать это сердце въ клочки, если-бы только могла вырвать его изъ груди!..

Вдругъ тихонько скрипнула дверь и отворилась... Валли не безъ удивленія оглянулась, такъ какъ она крѣпко-нѣ-крѣпко запретила входить въ эту комнату, беспокоить ее, и увидѣла—патера изъ Гейлихрейца... Поблѣднѣвъ и дрожая всѣмъ тѣломъ, Валли встала и склонила голову, не смѣя взглянуть на старика: она видѣла въ немъ какъ-бы судью своего.

— Хвала Господу! проговорилъ патерь, увидя Іосифа:—несчастный уже здѣсь!

И онъ подошелъ къ кровати и тщательно осмотрѣлъ его.

— Ахъ, бѣдный ты, бѣдный! Свирѣпо-же съ тобой обошлись!...

Тутъ Валли принуждена была такъ стиснуть зубы, чтобы не застонать вслухъ.

— Ну, какъ же изъ пропасти-то вытащили его? спросилъ старикъ.

Она промолчала—у нея языкъ не шевелился.

— Возблагодаримъ Господа Бога! Онъ, Милосердный, не попустилъ свершиться худшему злу, сказалъ священникъ и прибавилъ:—ну, чтó-жъ, бѣднякъ можетъ быть и встанетъ, выздоровѣетъ, тогда на душѣ твоей убійства-то хоть лежать не будетъ... Да, а предъ лицомъ Судьи Превѣчнаго умыселъ и самое дѣло—одинаково грѣховны, преступны...

Валли разжала губы, она хотѣла сказать что-то...

— Мнѣ все извѣстно, строгимъ голосомъ остановилъ ее старикъ.—Вицентій, желая скрыться, убѣжалъ отсюда совсѣмъ. Явился онъ ко мнѣ и покаялся во всемъ, рассказалъ и о любви твоей, и о своей ревности. Я не далъ ему отпущенія и посоветовалъ отправиться въ папскую армію, гдѣ онъ и можетъ получить прощенье, служа честно, вѣрно св. отцу, или искупить грѣхъ кровью своею, павъ на полѣ брани. Ну, а ты-то какъ же?.. Чтó мнѣ съ тобою дѣлать, Валли?..

И онъ пылливо глядѣлъ на нее... Валли видѣла, сколько было грусти въ этихъ старческихъ умныхъ глазахъ; она не выдержала, закрыла руками лицо и воскликнула:

— О, я и такъ уже жестоко наказана, отецъ мой! Больнѣе этого никто и наказатъ меня не можетъ... Смотрите: вѣдь вотъ лежитъ, умираетъ человекъ! А онъ былъ мнѣ дороже всего!.. И я должна сознаться, что виновата—одна я. Неужели есть еще наказаніе тяжелѣе, страшнѣе этого?.. Какъ еще меня казнить?.. Зачѣмъ?..

Патерь покачалъ головой и сказалъ:

— Такъ вотъ ты ужъ до чего дошла! Ты теперь стала простой, грубой деревяшкой, однимъ словомъ—дубиной, которой можно пришибить человекъ. Да, помнишь, какъ я тебѣ говорилъ—такъ все и вышло... Ты отронила тотъ благодѣтельный ножъ—ну, и Господь отвернулся отъ тебя! „Пусть горитъ она въ огнѣ раскаянія!“... Огонь этотъ выжжетъ изъ тебя всю скверну!..

— Такъ, отецъ мой, такъ, но... вѣдь вода гаситъ огонь, а воды вездѣ много. Если Іосифа не станетъ, я утоплюсь—и тогда—все кончено!...

— Безумная! И ты думаешь, что земною водою зальешь, погасишь такой огонь? Утонетъ тѣло, а душа—нѣтъ: она безсмертна... Не знала ты этого? Да пусть зальютъ ее всѣ моря нашей земли, и она все-таки будетъ мучиться въ огнѣ вѣчнаго раскаянія!

— Такъ чтó-же остается мнѣ? какъ-то глухо возразила Валли:—все, чтó могу я совершить надъ собой—это—умереть.

— Нѣтъ, живи и страдай, это будетъ потяжелѣе смерти и спасительнѣе.

Валли, покачивая головой, устремила куда-то задумчиво, безцѣльно свои темные глаза.

— Не могу... нѣтъ! Если случится такъ—чувствую, чтó жить не останусь... *Блаженныя дѣвы* ужъ навѣрно спихнуть меня гдѣнибудь въ пропасть. Да, все выпло такъ, какъ онѣ грозили мнѣ во снѣ!.. Въ самомъ дѣлѣ, вонь—Іосифъ лежитъ—окровавленный, разбитый... Нѣтъ, ужъ мнѣ слѣдуетъ по той-же дорожкѣ... за нимъ... Чему быть, тому не миновать! Дѣло это рѣшенное... И никто, никто этого не передѣлаетъ!..

— Ахъ, Валли! произнесъ патерь, ужаснувшись и всплеснувъ руками.—Чтó ты это, Валли! Какія такія *дѣвы*? Блаженныя!.. Господь съ тобой, да мы развѣ жи-

вемъ во времена язычества, когда люди воображали, что злые духи могутъ властвовать надъ ними и дѣлать что угодно?... Постой-же, я тебѣ скажу сейчасъ, что такое эти „блаженныя дѣвы:“ онѣ—твои-же собственные страсти. Вотъ, ежели ты могла-бы научиться смирять дикость своего сердца, то Иосифу не пришлось-бы полетѣть въ пропасть. Вѣдь это старая штука: всю вину свою сваливать на дьявола! Оно, конечно, очень легко, удобно—какъ нельзя лучше. Но Сынъ Божій для того-то и снизошелъ тогда на землю, чтобы открыть намъ истину и научить искать въ самихъ себѣ духа зла и тьмы—и бороться съ нимъ. Умѣя владѣть собою, мы можемъ подчинить себѣ любыя чудодѣйственныя силы, которыя, во времена оны, сокрушали славнѣйшихъ витязей богатырей, совсѣмъ губили ихъ,—потому что богатыри-то эти, обладая непомѣрною тѣлесной силою, не имѣли ни чуточки нравственной силы, а она одна только и могла помочь имъ въ борьбѣ съ духомъ зла, строящимъ всяческія козни. Вотъ и ты—такая крѣпкая дѣвушка, силачка, сильно теперь ты ожесточена, озлоблена,—а что толку? На самомъ-то дѣлѣ ты—слабенькое, ничтожное существо!.. И такой будешь до тѣхъ поръ, пока не почувствуешь себя въ силахъ дѣлать то же, что дѣлаютъ въ монастыряхъ изо дня въ день простыя, дюжинныя дѣвушки: онѣ искренно, отъ всего сердца, приносятъ въ жертву Богу самыя завѣтныя, дорогія желанія свои, имъ не жаль свѣтлыхъ мечтаній, и при этомъ онѣ называютъ себя счастливыми. Ежели-бы ты имѣла хоть крошечку такой силы—не стала-бы бояться „блаженныхъ дѣвъ“, и не нелѣпые сны устраивали-бы тогда судьбу твою, а своя-же собственная, свободная, сознательная воля указала-бы тебѣ дорогу... Ну, раскинь-ка теперь умомъ-разумомъ, сравни: что лучше и возвышеннѣе?..

Валли молча стояла, прислонившись къ спинкѣ кровати; видно было, какъ лицо ея мало по малу прояснилось, какъ будто она прозрѣла. Скрестивъ руки на груди и тяжело дыша, она наконецъ проговорила отрывистымъ, рѣшительнымъ голосомъ:

— Такъ! Все это справедливо, отецъ мой. Понимаю, что вы желали объяснить мнѣ... Попытаюсь исполнить это.

— Попытаюсь! Тѣ-то, ужъ разъ ты обѣщались, да вотъ не сдѣлала...

— Сдѣлаю теперь, отецъ мой, отвѣтила Валли, и такъ выразительно отвѣтила, что старикъ удивленно посмотрѣлъ на нее...

— Хорошо. Ну, а порукой-то что-же будетъ?

Дѣвушка, вмѣсто отвѣта, положила руку на разбитую грудь Иосифа, и двѣ крупныя слезы тихо покатались по ея щекамъ.

Лучше, краснорѣчивѣе этой клятвы она и не могла дать... Патеръ, какъ человекъ умный, принципиальный, приумолкъ тутъ: онъ видѣлъ, что Валли дѣйствительно *поручилась*—однимъ жестомъ выразила все.

Иосифъ зашевелился, сталъ метаться и, въ бреду, пробормоталъ какія-то слова.

Валли сняла повязку съ головы его и наложила новую. Большой открылъ на половину глаза, но вѣки ихъ сейчасъ-же опять упали, и онъ снова впалъ въ забытье, какъ будто задремалъ. Отъ этой дремоты, казалось, вѣяло смертью.

— Охъ, хоть-бы ужъ докторъ... поскорѣй! вздохнула Валли и, присѣвъ на скамеечку около кровати, спросила:

— Который часъ-то теперь?

Патеръ посмотрѣлъ на часы и въ свою очередь спросилъ:

— А когда послали за докторомъ?

— Въ пять.

— Ну, гдѣ-жъ ему такъ скоро приѣхать: теперь всего-то десять, а до Зельдена отсюда ѣзды добрыхъ три часа. Въ двѣнадцатомъ будетъ...

— Десять... только-то!..

Старикъ бросилъ на Валли такой теплый, сострадательный взглядъ; она сидѣла на скамеечкѣ, положивъ обѣ руки на колѣни, сидѣла тихо, не шевелясь, не смотря на то, что страхъ сжималъ ея сердце, и оно такъ звучно билось, что къ биенью его, среди тишины, можно было скоро прислушаться.

Патеръ нагнулся къ Иосифу, положилъ руку на его лобъ, пощупалъ пульсъ и сказалъ:

— Знаешь, Валли, ты-бы успокоилась! Сдается мнѣ, что онъ не такъ плохъ, какъ ты думаешь... Не умреть!

Валли не шевельнулась; она смотрѣла куда-то вдаль, не мигая, и, наконецъ, тихо промолвила:

— Вотъ, когда докторъ придетъ, поглядитъ и скажетъ, что Иосифъ останется жить—тогда все для меня кончено: никакихъ ужъ больше желаній у меня не будетъ въ жизни...

— Вотъ это, Валли, хорошо! Радуетъ мое сердце, когда ты такъ говоришь! одобрительно произнесъ старикъ, найдя нужнымъ похвалить ее, и прибавилъ:

— Благо время есть теперь—разскажи-ка ты мнѣ, какъ это Иосифа спасли? Станешь разсказывать и не увидишь, какъ время пролетитъ,—а тутъ и докторъ придетъ.

— Что разсказывать-то? Право, нечего.

— Ну, однако, вѣдь это такое славное дѣло! Оно, можно сказать, дѣлаетъ честь жителямъ Солнечной площади. Была ты при этомъ?

— Еще-бы! Была.

— Полна не скупись на слова-то! Видишь-ли, я какъ шелъ сюда—ни души не встрѣтилъ; ну, и не знаю, какъ было дѣло. Ктѣ-же изъ пропасти извлекъ его?

— Да я.

— Съ нами крестная сила! Ты... ты, Валли, сама?! воскликнулъ патеръ и широко открылъ свои маленькіе глаза, устремивъ ихъ на дѣвушку.

— Ну-дѣ, я!

— Но какъ же это ты сдѣлала?

— Спустили меня туда на веревкѣ, ну, я и нашла его тамъ... Висѣлъ онъ между утесомъ и кедромъ. Ежели не было-бы тамъ этого кедра—быть-бы ему въ рѣкѣ, а ужъ изъ нея-то никто не вытащилъ-бы Иосифа живымъ.

— О, чадо мое! Да вѣдь это—подвигъ, настоящий подвигъ! восторженно произнесъ старикъ.

— Перестаньте, замѣтила Валли спокойнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ даже строгимъ голосомъ:—не надо такъ говорить! Изъ-за меня спихнули его съ обрыва, я всему виной—такъ кому-же больше и спасать было, какъ не мнѣ?

— Такъ-то такъ, справедливость этого требовала; поступила ты по совѣсти, заговорилъ патеръ, стараясь успокоиться,—но, какъ-бы то ни было, все-таки дѣло это—славное дѣло искупленія! И ты много, много сняла этимъ съ души своей...

— А что толку? Ежели не выживетъ онъ—значить, я-же погубила его, сказала Валли, покачивая головой.

— Конечно, это такъ, но вѣдь ты своею жизнью жертвовала, спасая его жизнь! Ты взялась за опасное дѣло, шла на смерть, словомъ—сдѣлала все, что только могла сдѣлать, чтобы загладить зло, которое сама совершила. И дѣйствительно, грѣхъ свой ты этимъ умалила, а простить тебя можетъ только одинъ Господь Богъ. Все остальное въ Его волѣ.

Тяжелый вздохъ вырвался изъ груди Валли, потому что утѣшительныя слова патера не могли ее ни утѣшить, ни успокоить.

— Дѣ все остальное въ Его волѣ!.. повторила она, чувствуя, какъ сердце ея тоскливо сжимается.

Старикъ поглядѣлъ на нее привѣтливо, ласково. Онъ чувствовалъ, что душа этой дѣвушки не могла быть отринута Богомъ, хотя Всевышній и видѣлъ всѣ ея не-

достатки. Довольно-таки пожил на свѣтѣ почтенный Гейлихкрейцскій патеръ, но ему ни разу еще, въ продолженіе всей его долгой жизни, не случилось встрѣтить человѣка нравственно-похожаго на Валли, то есть такъ одинаково наклоннаго и къ добру, и къ злу.—Посмотрѣвъ на Іосифа, который все еще бредилъ и даже помахивалъ кулаками, старикъ вознегодовалъ на него: какъ это онъ, въ самомъ дѣлѣ, могъ такъ презрительно относиться—къ *любви*, этому благу, выше котораго небо и не даруетъ человѣку здѣсь, на землѣ?... И вотъ, благодаря такому равнодушію, самъ-же онъ ожесточилъ сердце дѣвушки, а сердце у нея все-таки хорошее,—иначе она не была-бы способна такъ всецѣло жертвовать собою.

— Глухой ты парень! проворчалъ патеръ.

Валли посмотрѣла на него вопросительно, потому что не поняла этого восклицанія.

Тутъ стукнули въ дверь—и явился докторъ.

Валли, чтобы устоять на ногахъ (ее сильно трясло), должна была прислониться къ спинкѣ кровати... Этотъ человѣкъ произнесетъ приговоръ—но какой: обвинительный или оправдательный?... Порядочная кучка любопытныхъ, желавшихъ узнать, что скажетъ докторъ, ввалилась за нимъ въ комнату; но врачъ не потерпѣлъ этого.

— Тутъ не мѣсто для любопытствующихъ, замѣтилъ онъ строгимъ тономъ:—нельзя тревожить больного, ему покой нуженъ!.. и, удаливъ всѣхъ, заперъ дверь. Докторъ не отличался словоохотливостью и вообще любезностью. Онъ самъ снялъ съ головы Іосифа повязку и, сморщивъ брови, сказалъ:

— Ужъ вѣрно опять тутъ безъ преступленія не обошлось!..

Валли, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, совсѣмъ застыла, какъ будто превратилась въ статую. Старикъ-патеръ не спускалъ съ нея глазъ, желая хоть этимъ нѣсколько ободрить ее, поддержать въ эти трудныя минуты, чтобы она ужъ совсѣмъ не упала духомъ.

Врачъ занялся осмотромъ больного. Въ комнаткѣ Валли воцарилась тишина, а сама Валли отвернулась и стала лицомъ къ окну... Вдругъ она нагнулась и подняла что-то; потомъ, обѣими руками крѣпко конвульсивно сжавъ находку, притиснула ее къ губамъ... Это *что-то* была частичка распятія, разбитаго ею еще прошлою ночью.

— О, помилуй, прости! шептала Валли, блѣдная, дрожащая:—смилуйся надо мною! Знаю—не стою я этого, но Ты милосердъ, Ты простишь мнѣ вину мою!..

— Ни одной смертельной раны, сухо проговорилъ врачъ и прибавилъ:—ну, у молодца этого скелеть не хуже чѣмъ умамонта.

Тутъ Валли разомъ ослабѣла, ноги у нея подкосились... Струна, слишкомъ ужъ натянутая, не выдержала и лопнула... Валли разрыдалась... Стоя на колѣняхъ и уткнувъ лицо въ край подушки, на которой лежала голова Іосифа, она могла только произнести:

— Слава Тебѣ, Боже! Слава Тебѣ, Боже!

— Что это она? обратился докторъ къ патеру.

Патеръ отвѣтилъ ему однимъ жестомъ, и отвѣтъ этотъ вполне удовлетворилъ доктора.

— Э, ничего, ничего... Будьте-ка поспокойнѣе, да вотъ помогите мнѣ насчетъ перевязки, проговорилъ онъ, дотронувшись до плеча Валли.

Она живо поднялась, вытерла слезы и сейчас-же усердно принялась за дѣло. Лучшей помощи доктору и не надо было: приемы Валли такъ были ловки, осторожны, что патеръ просто радовался, глядя на нее, точно она была опытной сестрой милосердія. Дрожь и слезы исчезли; всѣ движенія ея были такъ ровны, спокойны... Любовь руководила дѣвушкой, и лицо Валли стало какъ будто другимъ: печать страданія на немъ, казалось, обновила ее, сдѣлала ее чище, возвышеннѣе... Старику даже не вѣрилось, что передъ нимъ—та-же Валли, прежняя дикарка.

— Нѣтъ, не пропала она еще и не пропадетъ! Будетъ толкъ, будетъ! такъ говорилъ онъ самъ себѣ—и радовался, какъ радуется садовникъ при видѣ растенія, которое вновь ожило, зазеленѣло, хотя казалось совсѣмъ уже пропавшимъ.

По окончаніи перевязки, врачъ далъ кое-какія наставленія относительно ухода за больнымъ и удалился въ сопровожденіи патера.

Валли одна осталась съ Іосифомъ. Она снова сѣла на скамеечку около кровати, оперлась локтями о колѣни и опустила голову на руки. Іосифъ дышалъ теперь ровнѣе, спокойнѣе; правая рука его лежала на одѣялѣ, и Валли стоило только слегка нагнуться, чтобы поцѣловать эту руку, но... она удержалась, потому что ей казалось, что она не имѣетъ права даже просто прикоснуться къ нему. Если-бы его не стало, или если-бы онъ доживалъ послѣднія минуты—тогда Валли покрыла-бы его поцѣлуями, какъ это и сдѣлала она у обрыва, когда думала, что онъ уже мертвъ... Трупъ любимаго человѣка былъ-бы ея собственностью, но на живаго Іосифа—никакого права она не имѣла. Лично для нея онъ—умеръ, умеръ именно тогда, когда врачъ объявилъ, что жизнь его внѣ опасности... Валли, сильно-тоскующая, опечаленная, похоронила Іосифа въ глубинѣ своего сердца; узнавъ-же, что онъ останется жить, приняла эту вѣсть, какъ вѣсть спасенія, освобожденія... Сидя неподвижно и не отрывая глазъ отъ этого мертвенно-блѣднаго, прекраснаго лица, она терзалась, мучилась такъ, какъ только можетъ страдать сердце человѣческое,—и, однако-же, кровь ея не кипѣла при этомъ; она терпѣливо переносила боль... Да, Валли теперь совсѣмъ присмирѣла; духъ ея уже не возмущался; не потрясала она кулаками, какъ это бывало съ нею прежде въ порывѣ злости, въ минуты невыносимыхъ страданій... Въ продолженіи какаго нибудь часа она научилась труднѣйшему въ жизни—научилась *терпѣть*. Преступленіе совершено, слѣдовательно нечего и жаловаться на судьбу,—да Валли и не вправѣ ожидать чего нибудь лучшаго... Развѣ она достойна лучшей участи?.. Вѣдь она—*почти* убійца Іосифа!.. Какже ей возможно желать его, желать, чтобы онъ—*теперь-то*—ей принадлежалъ?.. Да она и взглянуть-то не смѣетъ на него... Нѣтъ, все конечно!.. Слѣдуетъ совершенно перестать ныть, скорбѣть...

— Боже, Боже милостивый! стала молиться Валли:—помоги мнѣ очиститься отъ грѣха! Чѣмъ могу я искупить вину мою?.. Знаю, какъ-бы строго не покаралъ Ты меня—наказаніе все-же будетъ еще легкимъ для такой грѣшницы, какъ я!..

Тутъ она покорно нагнула голову и закрыла руками лицо.

Вдругъ кто-то сильно стукнулъ въ дверь—и она, отворившись, крѣпко ударилась объ стѣну, а вслѣдъ за этимъ раздался крикливый женскій голосъ: „Іосифъ! Іосифъ мой!“...

Это была—Афра. Вбѣжавъ въ комнатку, она такъ и кинулась прямо на грудь Іосифа, оглашая воздухъ громкими рыданіями. Валли даже вскочила, какъ будто почувствовала змѣиное жало въ ногѣ... Она боролась съ собою не болѣе минуты, но за то борьба эта была послѣдняя и едва-ли не самая тяжелая для нея. Валли стиснула себя руками, желая хоть этимъ удержать себя на мѣстѣ—такъ ей страшно хотѣлось кинуться къ Афрѣ, оттолкнуть ее отъ кровати... отъ Іосифа... Она трепетала, но не двигалась, а Афра продолжала громко рыдать тамъ... на его груди...

— Послушай, Афра! почти шопотомъ заговорила Валли:—ежели ты въ самомъ дѣлѣ такъ любишь его, то—не плачь-же, не кричи... Докторъ говорилъ, что Іосифа нельзя тревожить, что ему покой нуженъ.

— Что? Да кто-же могъ-бы, имѣя сердце, утерпѣть, чтобы не заплакать, глядя на него теперь—вотъ теперь?! крикнула Афра.—Легко тебѣ такъ говорить: чего

тебѣ безпозволять? Онъ вѣдь тебѣ не такъ дорогъ, миль, какъ мнѣ... Одинъ онъ у меня! Иосифъ—все, все для меня! Уми онъ—и я одна тогда на цѣломъ свѣтѣ... Голубчикъ ты мой! Да открой-же глаза, Иосифъ! Ну, хоть разокъ посмотри, скажи хоть слово—одно словечко только!...

Дѣвушка совсѣмъ обезумѣла и, обхвативъ Иосифа, стала приподнимать его, встряхивать...

Больной застоналъ и пробормоталъ что-то, но что именно—разобрать было невозможно.

Валли рѣшилась тутъ подойти къ Афрѣ. Она спо-

за дверями, могла придти въ себя, образумиться. И вотъ, когда ты поутихнешь, когда тебѣ можно будетъ ухаживать за Иосифомъ—ну, тогда... (голосъ Валли задрожалъ) тогда я передамъ его тебѣ.

— Га, злая, злющая ты! въ страстномъ порывѣ досады вскрикнула Афра.—Выгнать меня хочешь за то, что я плачу о немъ?—выгнать?... Ужь не думаешь-ли ты, что у всѣхъ такое безчувственное, черствое сердце, какъ у тебя? Нѣтъ, только такія, какъ ты, могутъ быть простымъ бревномъ, равнодушно глядѣть на такую бѣду!.. Пусти мою руку! У меня больше права на Иосифа,

Сапожный король. Картина Мункачи, грав. Коши.

койно, но сильно схватила своими крѣпкими пальцами ея руку, причемъ ни одинъ мускуль не шевельнулся на поблѣднѣвшемъ лицѣ Валли, и сказала:

— Слушай, Афра, что я буду тебѣ говорить! Я здѣсь хожу за Иосифомъ. Онъ находится подъ моимъ присмотромъ. На моей ответственности лежитъ точное исполненіе того, что предписалъ докторъ. Ну, и кромѣ этого—тутъ вѣдь мой домъ, вы—у меня. ежели ты словъ моихъ не послушаешься, не оставишь его въ покоѣ, и приказаніе доктора не будетъ исполнено,—то я, по праву хозяйки, провожу тебя вонъ, чтобы ты ужь тамъ,

чѣмъ у тебя, и ежели тебѣ невыносимы мои жалобы—я скажу, чтобы его взяли изъ твоего дома и перенесли ко мнѣ... Тогда мнѣ можно будетъ плакать, сколько угодно!.. Да, я бѣдная, простая служанка, работница, но если-бы мнѣ довелось ради него всю жизнь даромъ работать—я на все готова, чтобы только самой ухаживать за нимъ въ собственной конурѣ! Я все перенесу, но ужь не позволю, чтобы ты выгнала меня изъ дому—ты, горячка—богачиха!

Валли разжала пальцы и освободила руку Афры. На ея поблѣднѣвшемъ лицѣ, особенно около губъ, скользнуло

что-то болѣзненно-судорожное.. Афра даже устыдилась, отвела глаза отъ лица Валли и стала смотрѣть внизъ, какъ-бы сознавая, что поступила съ нею нехорошо, несправедливо...

— Нѣтъ, Афра, заговорила Валли,—ты совсѣмъ напрасно такъ ненавидишь меня. Отъ тебя я не заслужила этого! Не для себя-же я вытаскала его изъ пропасти—для тебя! Для тебя онъ и жить будетъ... Не мнѣ обладать имъ... Слушай: часъ тому назадъ я-бы ни за что не позволила тебѣ подойти къ этой кровати, скорѣй задавила-бы тебя; но... теперь ни гордости, ни злобы нѣтъ уже во мнѣ... Все разбито! и сердце... разбито, добавила она шопотомъ.—Я добровольно сторонюсь, даю тебѣ дорогу, потому что... тебя онъ любитъ, а меня совсѣмъ и знать не хочетъ. Унесите отсюда больного—не нужно: эту мысль ты выкинь изъ головы и оставайся здѣсь съ нимъ. Можешь быть вполне спокойной... Ужъ лучше мнѣ уйти. Все равно, я и такъ ушла-бы... Да, живите тутъ, вы можете остаться въ этомъ домѣ насколько угодно времени; ничего! когда нужно будетъ, я расплачусь съ тѣмъ, кому домъ принадлежитъ. Еще вотъ что: я позабочусь и о васъ. Люди вы оба не богатые, а чтобы пожениться и жить—пужны средства... Ихъ у васъ совсѣмъ нѣтъ. Все это я берусь устроить... Что-жъ, тогда быть можетъ и Иосифъ добрымъ словечкомъ помнеть Орель-Дѣвку!...

— Ахъ, Валли! Что ты!? невольно вскрикнула Афра.— Господи Боже мой, что ты это говоришь? Пстой... нѣтъ... Охъ, Иосифъ, Иосифъ! Если-бы я могла сказать ей... если-бы только смѣла...

— Ну, полно тебѣ! перебила ее Валли.—Послушай, если ты искренно любишь его—должна успокоиться! Перестань-же, а ужъ меня отпусти съ миромъ, пожалѣй... Я и такъ довольно помучилась. Мнѣ необходимо удалиться, совсѣмъ уйти... Не держи-же меня! Выслушай только послѣднюю мою просьбу къ тебѣ: отплати мнѣ за все, что я устрою для тебя, однимъ—хорошимъ, настоящимъ уходомъ за Иосифомъ. Ты должна хорошенько смотрѣть за нимъ.. Да? Вѣдь ты дашь мнѣ слово, что исполнишь это?... Успокой-же меня, скажи!

Афра сложила руки и проговорила умоляющимъ голосомъ:

— О, Валли! Нѣтъ, не оставляй насъ... Остаься! Господи помилуй! Ну, что Иосифъ скажетъ, когда потомъ узнаетъ, что мы прогнали тебя изъ твоего-же дома?!

— Ты слова только теряешь, суровымъ тономъ замѣтила Валли.—Ежели я что разъ порѣшила, такъ ужъ это и должно исполниться. Остановить, помѣшать мнѣ—никто не можетъ.

И подойдя къ сундуку, она открыла его, достала оттуда платье, бѣлье, кое-какія вещи—и принялась все это увязывать. Когда узелъ былъ готовъ, Валли подняла и забросила его себѣ на спину.

— Теперь, Афра, посмотри сюда (она указала ей на ящикъ): тутъ вотъ небольшой свертокъ—это старенькое, но хорошее, тонкое полотно,—оставляю его для перевязокъ; а это вотъ—другое, холщевое, погрубѣе будетъ того: для корпіи оно годно, а корпія понадобится сегодня вечеромъ доктору. Ножницы тоже тутъ. Холстъ этотъ ты разрѣзай вотъ на такія полоски, тогда и корпія выйдетъ не короче пальца. Такъ надо. Будь-же поакуратнѣе. Еще вотъ что: каждая четверть часа нужно класть ему на голову такую-же тряпочку, обмочивъ ее въ свѣжей водѣ: она, видишь-ли, жаръ вытягиваетъ. Что-жъ, можно-ли мнѣ положиться на тебя, быть увѣренной, что ты все это будешь помнить?... Афра, не забудь: я вѣдь спасла его отъ смерти! И конечно, не для того-же спасала я Иосифа, чтобы ты, дурно присматривая за нимъ, уморила его потомъ?... Пстой: ты поглядывай за тѣмъ, чтобы голова у него всегда лежала высоко. Такъ нужно, потому что кровь

будетъ тогда лучше оттекать отъ головы... Да подушки-то почаще поправляй... Ну, кажется, все теперь сказала?.. Нечего больше, да и не знаю. Ахъ, Господи, да вѣдь гдѣ-жъ тебѣ поднимать его, поворачивать такъ, какъ я это дѣлала? Не имѣешь ты настолько силы-то!... Пстой, зови ты каждый разъ Клеттенмайера; онъ хоть и старъ, но поможетъ тебѣ хорошо. Довѣриться ему можешь. Ну, оставляю теперь Иосифа на твоихъ рукахъ...

Тутъ Валли остановилась, потому что голосъ ея оборвался и колѣни стали подгибаться. Дрожь охватила ее, руки тряслись, такъ что она насилу удержала узелъ. Взглянувъ въ послѣдній разъ на Иосифа, Валли проговорила:

— Ну, храни тебя Боже!

И вышла изъ своей комнаты.

Увидѣвъ на дворѣ старика - патера и Клеттенмайера, которые разговаривали о чемъ-то, она подошла къ нимъ.

— Клеттенмайеръ! крикнула она ему подъ самое ухо:—ступай къ Афрѣ, да помоги ей за Иосифомъ ухаживать. Она теперь будетъ тамъ вмѣсто меня. Иосифъ тутъ останется, а я ухажу. Слушай: всѣ вы должны считать теперь Иосифа за хозяина, повиноваться ему, все равно какъ мнѣ, до тѣхъ поръ пока я не возвращусь... Если-же онъ тогда пожалуетъ мнѣ на когонибудь—ну, не одобровать тому! Такъ и скажи всѣмъ.

Старикъ все разслушалъ, запомнилъ и только нѣсколько разъ качнулъ головой, потому что не могъ собраться съ духомъ, чтобы спросить у нея: что-же это значить?...

— Ну, просимъ прощенья, хозяйшка, наконецъ проговорилъ онъ:—да назадъ-то поскорѣй къ намъ!

— Никогда... прошептала Валли.

Клеттенмайеръ отправился къ Афрѣ.

Валли не двигалась съ мѣста. Стоя передъ патеромъ, она до конца выдержала его пылливый взглядъ, однако видно было, что она совсѣмъ изнемогла...

— Много у меня еще всякаго добра, заговорила Валли,—но теперь ничто уже больше не прельщаетъ меня: одинъ орель только и милъ мнѣ! Никому я не отдамъ его—съ собой его беру.—Ганзль, идемъ! кликнула она птицѣ, сидѣвшей насупившись на загороди.

Орель, какъ-то не-хотя, тяжело поднялся и подлетѣлъ къ ней.

— Привыкай-ка опять летать, Ганзль! Мы вѣдь опять съ тобой—въ путь-дорогу.

— Что ты это, Валли, задумала? грустно спросилъ ее патеръ.

— Ничего. Ухажу, отецъ мой. Что-жъ, въ домѣ осталась Афра!... Вы и сами хорошо понимаете, что оставаться мнѣ тутъ—дѣло не подходящее. Да, и я готова до конца жизни моей быть нищей, голодной, бродягой; мнѣ ничего не жаль—все отдамъ имъ, что имѣю, но... глядѣть, какъ онъ будетъ ластиться къ Афрѣ, цѣловать ее—я не въ силахъ, не могу—и баста!

Слезы душили ее, но она стиснула зубы и не дала выкатиться ни одной слезинкѣ.

— Пстой, да ты это серьезно хочешь подарить имъ и домъ, и землю? спросилъ старикъ.—О, чадо мое, уразумѣла-ли ты то, что желаешь совершить?...

— Домъ-то ужъ не мнѣ принадлежитъ, отецъ мой. Мнѣ еще вчера было извѣстно, что если Викентій захочетъ вдругъ вступить въ него хозяиномъ, то домъ и будетъ переданъ ему. Ну, а все то, что за мною остается—отдаю я Иосифу. Ежели онъ, по моей-же винѣ, калѣвой будетъ и лишится возможности добывать себѣ трудомъ кусокъ хлѣба—я прямо обязана озаботиться о немъ.

— Ка-акъ! воскликнулъ патеръ:—да неужто-же отецъ лишилъ тебя наслѣдства?...

— Что-жъ изъ этого? Ну, лишилъ... А зачѣмъ мнѣ и домъ, и земля?.. Найду, гдѣ пріютиться: готовый уголокъ для меня всегда есть.

— Послушай, чадо мое, заговорилъ старикъ встревоженнымъ голосомъ:—я вѣдь надѣюсь, что ты противъ себя ничего худаго не задумала?.

— О, нѣтъ, отецъ мой! Никогда! Я ужъ вижу теперь, какъ вы были во всемъ справедливы, какъ все вѣрно говорили... гордыхъ сердцемъ, упрямыхъ, Господь не можетъ любить!.. Но, быть можетъ, ради раскаянія моего, Онъ смилуется надо мною, успокоитъ мою душу.

— То былъ страшный часъ, когда непокорный духъ твой сломился наконецъ, но да будетъ часъ тотъ благословенъ! Вотъ теперь ужъ можно сказать о тебѣ, что ты въ самомъ дѣлѣ дѣвушка великая!... Однако, куда-жъ ты хочешь удалиться?... Не желаешь-ли войти въ общину Сестеръ Милосердія? А не то, если хочешь, я отведу тебя въ монастырь кармелитокъ?..

— Нѣтъ, это все не по мнѣ, отецъ мой!.. Вѣдь я Орель-Дѣвка—и не годна я ни въ общину, ни въ монастырь. Жить въ клѣткѣ, въ четырехъ стѣнахъ, не могу!... Мнѣ хочется умереть, какъ и прожила я вотъ до этого дня—подъ открытымъ небомъ Божиимъ. Ежели-

бы я заперлась гдѣнибудь—мнѣ-бы все тогда думалось, что Господь не видитъ меня и не проникнетъ ко мнѣ, потому что между небомъ и мною—толстая стѣна. Я буду такъ же и каяться, и молиться, какъ-бы молилась въ церкви, но мнѣ нужно... непременно нужно, чтобы кругомъ меня были утесы, скалы, пропасти... Чтобы я видѣла, какъ облака ходятъ, чувствовала-бы вѣяніе вѣтра... Если-жъ ничего этого не будетъ—я не ручаюсь за себя... не вытерплю! Понятно-ли вамъ?

— Понятно, понятно, Валли! И я поступилъ-бы глупо, если-бы сталъ разубѣждать тебя въ этомъ, припеваивать... Но, скажи, куда-же ты?...

— А туда—въ горы, опять къ отцу моему—Мурцоллю. Тамъ мой родной уголокъ, другаго—нѣтъ.

— Ну, какъ лучше, нужнѣе для тебя—такъ и дѣлай! сказалъ патеръ и прибавилъ потомъ:—Благослови тебя Боже, чадо мое! Съ успокоеннымъ сердцемъ гляжу я на уходъ твой отсюда, ибо куда-бы ты ни направилась теперь стопы свои—непремѣнно возвратишься къ Отцу!...

(Окончаніе будетъ).

ДѢТСКІЕ СИЛУЭТЫ БѢМА.

Въ живописи, какъ и въ музыкѣ, есть своего рода капризы, строго говоря не принадлежащія къ области искусства, такъ называемые фокусы, которые однако въ артистическомъ исполненіи могутъ возвышаться до художественности. Такова, напр., была игра скрипача Паганини на одной струнѣ; такова и манера рисовать одной тѣнью или сплошною черною краской. Здѣсь изображается собственно не предметъ, а какъ бы рѣзкая черная тѣнь его, отброшенная на бѣлую стѣну. Въ прошломъ столѣтіи, когда еще не изобрѣли ни фотографіи, ни даже дагерротипа, силуэты были весьма распространены, какъ дешевый, почти домашній способъ снимать сходные очерки лица въ профиль, помѣщая это лицо между свѣчей и бумагой и обводя тѣнь карандашомъ. Такъ какъ эти силуэты могли сниматься только въ натуральную величину, то впоследствии былъ изобрѣтенъ особый снарядъ для уменьшенія ихъ до желаемой миниатюры; и теперь еще у нашихъ бабушекъ можно найдти образцы этихъ черныхъ портретиковъ, тщательно хранимые на дѣлѣ какого-нибудь ветхозавѣтнаго коммоды.

До какой степени способны оживляться силуэты подъ карандашомъ талантливаго художника—нагляднымъ доказательствомъ этого могутъ служить прилагаемые рисунки Бѣма изъ жизни дѣтей. Взгляните, напр., на дѣвочку, вяжущую чулокъ, съ котенкомъ у ногъ ея, который заигрываетъ лапкой съ клубкомъ,—или на слѣдующую—юнаго энтомолога, разсматривающаго только-что пойманную бабочку... Какъ переданы позы и даже дано почувствовать самое выраженіе лица, не говоря уже о мелочной

разработкѣ подробностей!.. Вотъ мальчуганъ, катающій меньшую сестренку на салазкахъ; вотъ еще дѣвчонка—одна танцуетъ съ куклой, другая прохладяетъ ложку супу, третья пьетъ кофе въ обществѣ своей неодушевленной подруги. Вотъ еще рядъ силуэтовъ, гдѣ физиогномика доведена до удивительнаго совершенства: посмотрите на двухъ плачущихъ дѣвочекъ—трудно сказать, которая лучше: та ли, что испугалась собачонки, схватившей ее за платье, или та, что сломала голову куклѣ. А какъ вамъ нравится эта гордая щеголяха въ янниной шали и чепцѣ, подъ лопушинымъ листкомъ вмѣсто зонтика?.. Или вонъ та собачонка, что поднимая лапку выпрашиваетъ зажатый въ хозяйскомъ кулачкѣ кусокъ сахару?.. Всѣ мелочи дѣтской жизни, до самыхъ будничныхъ проявленій ея, воспроизводятся художникомъ съ одинаковой характерностью?.. Но какъ бы въ доказательство того, что силуэты эти—далеко не пустая бездѣлка, талантливый рисовальщикъ выбираетъ и болѣе крупныя темы. Вотъ передъ нами лягавая собака, которал, увидавъ на головѣ малютки шляпу своего господина, а въ рукахъ охотничью нагайку,—внезапно чувствуетъ къ нему страхъ и небывалое уваженіе, какъ бы сознаетъ себя въ чемъ провинившейся и припадаетъ къ стопамъ грознаго владыки, который тоже вполне понимаетъ свое значеніе. Вотъ типы крестьянокъ за полевыми работами, исполненныя съ замѣчательнымъ искусствомъ. Трудность хорошаго силуэта заключается въ умѣнши поставивъ фигуру такъ, чтобы видѣлось возможно болѣе членовъ и характерныхъ частей ея, безъ чего они неминуемо сольются въ одно черное пятно.

САПОЖНИЙ КОРОЛЬ.

(Изъ галлерей маленькихъ картинокъ).

Иванъ Яковлевъ, сапожний подмастерье, возвращался въ Гороховую съ Песковъ, гдѣ былъ на именинахъ у пріятеля—тоже сапожнаго подмастерья. Была тихая, лунная ночь. Известно, дѣло безъ выпивки не обоплосъ: Иванъ Яковлевъ изрядно выпилъ, или, какъ самъ онъ выражался, «шибко треснулъ», и ему казалось, что панель Невского проспекта—чортъ ее дерн!—тихо повертывается и все куда-то влѣво... «Что мудренаго, что я теперь очутился на лѣвой сторонѣ пришепта, а шель по правой?.. Вертится она, подлая!»... Такъ бормоталъ онъ, стараясь вѣжливо обходить фонари, которые тоже словно вздурились: загораживаютъ ему дорогу и—пабаш!... Остановившись у одного фонаря, Иванъ Яковлевъ обхватилъ его и сказалъ: «Ну, чего ты? Стой, братецъ, гдѣ тебѣ начальство указало стоять! Экой, право, глупый, а еще—фонарь!»...

Подошелъ городской.

— Ты это что тутъ, любезный?

— Я-то? Позвольте, господинъ городской, объяснить: это нешто порядокъ, когда ежели фонарь дорогу благородному чело-вѣку прѣгр-р-раждаетъ—а?..

— Ну-ну, ступай домой!.. Самъ ты не въ порядкѣ! замѣтилъ городской.

— Нѣтъ, позвольте... Я вамъ сейчасъ эту прокламацію объясню: первое дѣло—имянины... ну, известно—какъ надо быть, со-обща треснули, а второе дѣло... иду я бла-а-родно, тихо, а онъ—сичасъ передо мной этакъ!... Есть такой приказъ, чтобы прѣграждать, позвольте спросить? Про аппеляцію слышали? Это я

могу-съ—значитъ, по формѣ. И господинъ мировой судья, ежели все какъ слѣдуетъ предоставить...

— Иди, иди... городской махнулъ рукой и отошелъ.

Разставшись съ фонаремъ, Иванъ Яковлевичъ прошелъ довольно развязно, бодро вѣсколько шаговъ, но на Аничковомъ мосту приостановился: ему показалось, что ближайшій къ нему чугунный конь ожилъ и бѣсится...

— У, чо-ортъ! крикнулъ Иванъ Яковлевъ.—Зашибеть не ровно... Вотъ ты тутъ и пройди!..

Полусонный извозчикъ встрепенулся и, завидя прохожаго въ «нѣмецкой шляпѣ», спросилъ:

— Куда прикажете?

— Въ Гор-роховую, къ Ка-каменному мосту, отвѣтилъ Иванъ Яковлевичъ.

— Рубликъ положьте.

Извозчикъ замѣтилъ, что прохожій «треснувши», и захотѣлъ воспользоваться случаемъ.

— Двугривенный угодно? ехидно спросилъ Иванъ Яковлевичъ.

— Чтѣ-жъ, садись! не безъ грусти произнесъ извозчикъ и стегнулъ за что-то лошадь.

Иванъ Яковлевичъ влѣзъ на дрожки.

— Ну, теперича, бѣситесь, дьяволы! ворчулъ онъ, поглядѣвъ на чугунныхъ ковей, и стукнулся носомъ въ спинку извозчика, потому что въ эту минуту лошадь дернула. Иванъ Яковлевичъ поправилъ шляпу и поѣхалъ. Но—странное дѣло: ему казалось,

что извозчикъ ѣдет не по мостовой, а по воздуху... и все выше и выше... Жутко даже! Зажмурилъ глаза... Вотъ опять спускается, вотъ опять взлетаетъ... Потерялъ терпѣнье и крикнулъ:

— Какъ ты, борода, ѣдешь—а? Уморить меня хочешь?... Мутитъ меня отъ твоей ѣзды... Ахъ, ну—извозчикъ!..

— Ёду, какъ слѣдуетъ, отвѣтила борода:—сиди крѣпче!

— А насчетъ апелляцій слышалъ—а?..

— Слышалъ. Не страшно.

Прошло десять минутъ.

— Куда тутъ? Эвъ Каменный мостъ-то. Показывай.

— Направо. Вонъ—къ тѣмъ воротамъ... Стой!

Лошадь остановилась. Расплатившись съ извозчикомъ, Иванъ Яковлевичъ три раза пробовалъ пролѣзть подъ цѣнь калитки и—все тщетно!..

— О, чтобъ вамъ ни дна, ни покрышки! разсердился онъ.—И когда это они успѣли двѣ калитки слѣлать?... Зачѣмъ д-двѣ?... Въ которую теперича проходить?... Все одна... одна была и—вдругъ—пара! Ахъ, мазурики!..

Подошелъ дежурный дворникъ.

— Э, Иванъ Яковлевъ! Али не попасть?..

— Въ которую лѣзть?... Ахъ, ты Боже мой! Н-ну, дворники! Двѣ калитки... а?... по какой прич-чинѣ?..

— Для тебя это нарочаю, значитъ, чтобы въ любую—изъ уваженія! Ну, лѣзь въ эту... Давай руку-то!

Пролѣзъ наконецъ Иванъ Яковлевъ и затѣмъ, уже совершенно не помня, какъ и когда, очутился въ своей коморѣ и даже—на кровати. Легъ только безъ сюртука, и какъ только легъ—что за чудо! кровать стала колыхаться, подниматься, словно вотъ въ лодкѣ онъ лежитъ, и лодка-то поднимается, то опускается... Совсѣмъ какъ по волнамъ!... «Да ужъ не впрямь-ли я на яликѣ ѣду?»... Иванъ Яковлевичъ открылъ глаза и—ротъ разинулъ: надъ нимъ и потолка нѣтъ, закопченаго, грязнаго... Чистое, синее, звѣздное небо, и онъ, вмѣстѣ съ кроватью, летитъ въ высь... Глазнулъ внизъ—хе! Питеръ какъ на тарелкѣ: вонъ Адмиралтейская площадь, садъ, вонъ Исакій... «Пропала моя головушка!» подумалъ Иванъ Яковлевъ, не смѣя ни крикнуть, ни шевельнуться... «Напила ты—вотъ и лети теперича въ наказаніе! Лети, братъ! Шею сломишь—урокъ!»... И какъ же свѣтло вдругъ стало! Такой чудесный палевоый свѣтъ...

Иванъ Яковлевичъ рѣшился посмотреть вверху и—обомлѣлъ даже... Видитъ—луна близехонько! Да какая—батюшки свѣтъ: во весь Царицынъ лугъ! И все на ней видно: и горы, и дороги, вонъ и городъ какой-то, вонъ что-то движется... «Адью, Иванъ Яковлевъ!» крикнулъ онъ тутъ. «На дуня, значитъ, лечу... за что?... Вотъ-те и апелляція!... Прощай, мать-сыра-земля! Прощай, Гороховая!.. Прощай, хозяинъ Трифонъ Кузьмичъ съ супругой!»...

И олять Иванъ Яковлевичъ зажмурилъ глаза—отъ страха, а когда открылъ—увидѣлъ, что кровать его стоитъ какъ разъ посреди площади, а на кровати-то онъ самъ лежитъ и пикнуть не смѣетъ... Площадь вся изъ синяго полированного камня, дома большіе лимоннаго цвѣта... Хорошо такъ, только кожей да ваксой понахиваешь...

Вдругъ кто-то прыгъ къ нему на животъ—глядь: женская ботинка—пронелевая, новая... Вмѣсто бантика—два черные глаза... Мигають!... Что за напасть!.. Слышитъ—стучатъ каблучки на площади, шумъ такой поднялся, будто цѣлый полкъ шагаетъ... Приподнялся Иванъ Яковлевичъ, глядитъ: вокругъ его кровати—все сапоги, сапоги, башмаки, ботинки... Товару на миллионъ! И мужицкіе, и господскіе, вычищенные, грязные, со шпорами, безъ шпоръ... всякіе!... Тутъ женская ботинка пискнула:

— Король нашъ пріѣхалъ! Скрипите—ура!

И дѣйствительно, всѣ сапоги, всяческая обувь—заскрипѣла: ура! Шпоры зазвякали, а парня туфли стали хлопаться подошвами.

— Да гдѣ-жъ это я, братцы?! воскликнулъ Иванъ Яковлевичъ и, совсѣмъ вскочивъ, вытанулъ во весь ростъ, потому что,

при видѣ знакомаго товара, хотя и живаго, успѣлъ раскраснѣться.

Пара большихъ кучерскихъ сапоговъ, постукивая, приблизилась къ нему и скрипнула (такъ понятно, явственно!):

— Ты въ царствѣ сапоговъ и прочей человѣческой обуви. Мы тебя давно ждали! Управляй нами, Иванъ Яковлевичъ! Да здравствуетъ нашъ мастеръ-король!

И вся площадь заскрипѣла, загудѣла: да здравствуетъ!..

— Хе! чортъ побери!.. А почему-же и не поцарствовать? Полно подмастерьемъ быть... Тамъ-то, внизу, куражились надо мной, помывали... Ну, теперича я покуражусь! Смир-р-но! Такъ оставаться мнѣ у васъ—а?... крикнулъ Иванъ Яковлевичъ и подбоченился.

Ему хоромъ отвѣтили:

— Оставайся, отецъ родной! Мы, дѣти твои, всѣ этого желаемъ!.. Только не лѣнись—работай!..

— Ладно. А касательно расшивочно и на вынось есть тутъ? Все смолкло. Сапоги переминались. Это его разсердило.

— Не поняли, чтѣ-ли? Красныя-то вывѣски есть?

— Есть-то есть, только насчетъ этого...

— Цыцъ! Не разговаривать у меня! А дворецъ готовъ?

— Готовъ. Стѣны—опойковыя, узоры изъ лучшей драгвы; мебель изъ прунеля, сафьяна и бархата; полы—паркетъ изъ вырѣзковой кожи... А вонъ—гора: все изъ ваксы! Лѣса изъ щетокъ тянутся версты на сто... Все—твое!..

Иванъ Яковлевичъ пропустилъ все это мимо ушей и, приказавъ проводить себя въ опойковый дворецъ, велѣлъ притащить туда немедленно (жажда мучила его!): двѣ дюжины баварскаго пива, да меду «лучшаго» бутылокъ пять. «А къ завтраму—четвертную очищенной!»

И вдругъ снова все смолкло; но Иванъ Яковлевичъ замѣтилъ, что всѣ сапоги, ботинки, туфли, сапожки, ставши другъ къ другу носками, тихо заскрипѣли что-то, какъ-бы совѣщаясь о чемъ-то...

— А вотъ посмотримъ, скрипнула какъ-то особенно многозначительно одинъ изъ большихъ сапоговъ—должно быть охотничьяхъ.

— Чтѣ-о?! гаркнулъ Иванъ Яковлевичъ.—Ты это чтѣ будешь смотрѣть? Подойди-ка, любезный.

Сапогъ подошелъ. Тутъ новый «король» размахнулся и закатить оплеуху во все голенище дерзкаго поданнаго. Площадь миготъ опустѣла...

Прошла недѣля, а Иванъ Яковлевичъ не выходитъ изъ своего опойковаго дворца: обложилъ себя сафьянными подушками, обставилъ бутылками, на-веселѣ съ самаго утра, а къ вечеру—ну, никакъ не можетъ напиться!.. Пьетъ, пьетъ—чувствуетъ чтѣ пьетъ, а все толку нѣтъ... Тьфу! Чтѣ за чудо!..

И вдругъ, за дверями зашумѣло, заскрипѣло... затрещали двери—и въ комнату ворвалась цѣлая туча сапоговъ всѣхъ размѣровъ... Началась гвалть.

— Прочь съ луны! Убирайся на землю! Не нужно намъ тебя! Дѣла не дѣлаешь, а только о томъ и помывляешь, какъ-бы наизгнаться!.. Вонъ!..

Посыпались тутъ на Ивана Яковлевича удары каблучками, носками, голенищами... Только и слышно: стукъ да шлѣтъ! Одинъ башмакъ—старый, стовтаный, такъ и хлещетъ его по щекамъ, и какъ его Иванъ Яковлевъ ни ловилъ—поймать не могъ... Увергивался, бѣгилъ... А башмакъ-то этотъ принадлежалъ—Графенѣ Сидоровнѣ—хозяйкѣ самой... Наконецъ, одинъ какой-то сапожникъ такъ треснулъ его по носу, что Иванъ Яковлевичъ вскрикнулъ отъ боли и—проснулся.. Утро!..

Передъ нимъ стоялъ хозяинъ, Трифонъ Кузьмичъ.

— Али еще тебя щелкнуть?... Пора, братецъ, за работу!..

— Встану... сейчасъ встану! О—охъ!..

Хозяинъ погрозилъ пальцемъ и вышелъ.

Иванъ Яковлевичъ сладко потянулся, зѣвнулъ и проворчалъ:

— Далече-же я залегъ! Чудеса!..

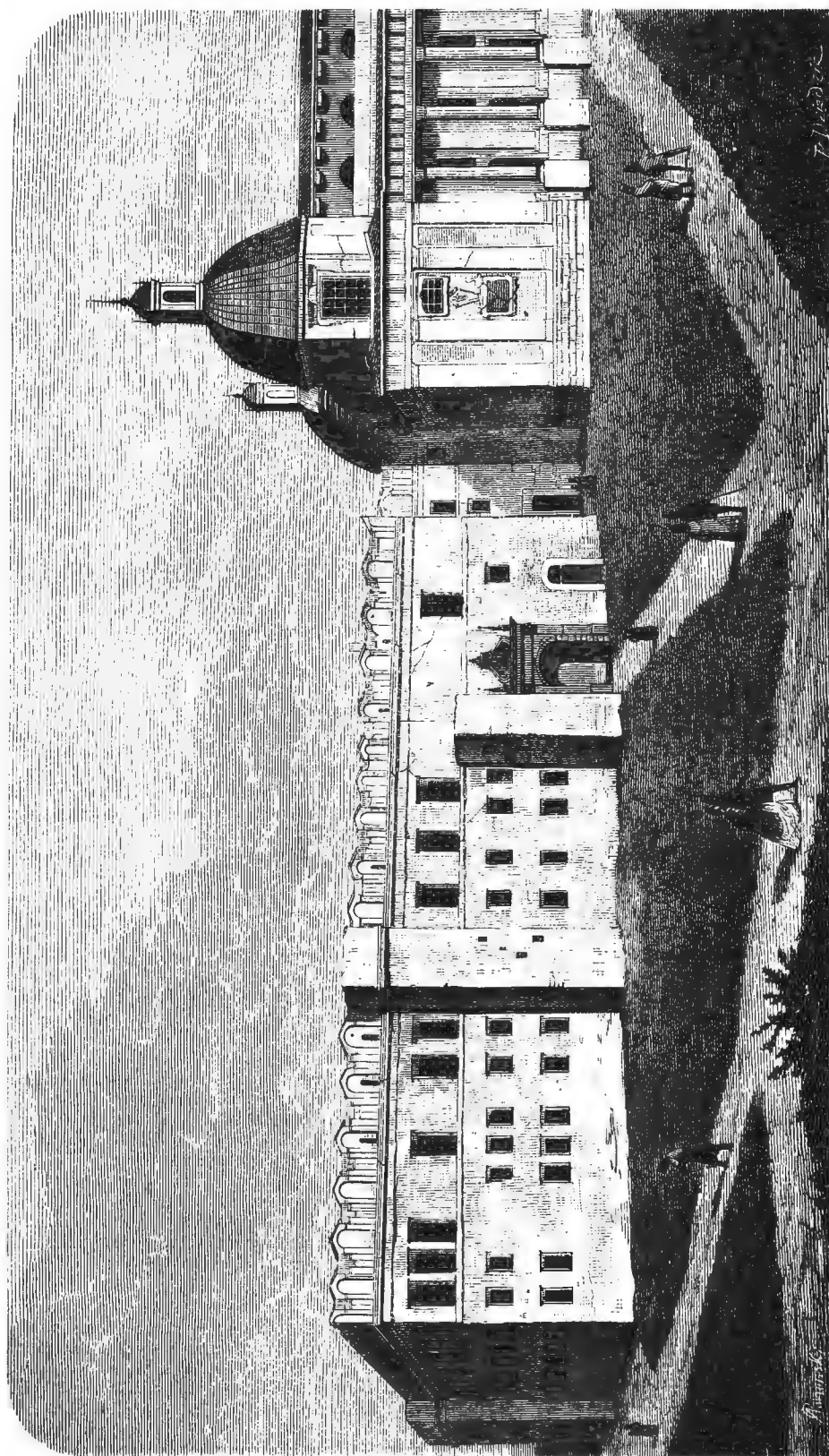
В.

ЗЕМНАЯ АТМОСФЕРА

Всѣмъ извѣстно, что земною атмосферой называется воздушная оболочка, скружающая нашу землю на подобіе того, какъ въ яйцѣ жидкій прозрачный бѣлокъ облекаетъ болѣе густой желтокъ. Но какъ далеко простирается она, каковы ея свойства, изъ чего наконецъ она состоитъ—все это вопросы, далеко не лишены интереса. На нихъ-то мы и постараемся отвѣтить въ настоящей статьѣ.

Подобно всѣмъ газамъ, воздухъ имѣетъ стремленіе къ возможно-большему расширенію; частицы его разсѣялись бы въ пространство, если бы она находились подѣ влияніемъ одной этой силы, но ихъ удерживаетъ превышающее эту силу дѣйствіе притяженія земли, стремящееся приблизить ихъ къ центру. Въ некоторомъ разстояніи отъ земной поверхности существуетъ граница, на которой между дѣйствіемъ притяженія и взаимнымъ отталкиваніемъ частицъ воздуха устанавливается равновѣсіе; граница эта есть вмѣстѣ съ тѣмъ граница атмосферы. Форма атмосферы не вполне сферическая: она значительно бо-

лѣе, чѣмъ форма земли, растянута у экватора и сплюснута у полюсовъ. Это происходитъ отъ того, что форма атмосферы зависитъ не отъ одной формы земли; установленію ея еще содѣйствуютъ высокая температура экваторіальныхъ странъ, расширяющая воздухъ, и низкая температура полярныхъ странъ, уменьшающая объемъ его. Крайній математическій предѣлъ фигуры атмосферы, къ которому она стремится приблизиться, есть слѣдующій: диаметръ ея у полюсовъ долженъ быть на $\frac{1}{3}$ болѣе каждаго изъ диаметровъ ея у экватора. Много данныхъ имѣется у насъ въ пользу того положенія, что предѣла этого фигуры атмосферы не достигла; но точное измѣреніе высоты и, слѣдовательно, фигуры ея, въ настоящее время для насъ невозможно, ибо мы не знаемъ закона уменьшенія температуры воздуха по мѣрѣ удаленія отъ земной поверхности. Съ возвышеніемъ температуры расширительная сила газовъ увеличивается, съ пониженіемъ температуры она уменьшается; изъ этого слѣдуетъ, что для насъ станетъ возможнымъ вычислить положеніе той

Замокъ князей литовскихъ въ Вильнѣ до 1797 года. Рис. Дидрихъ, грав. Руганскій.

точки, на которой действие тяжести уравновешивается расширительной силой воздуха (сдвд. и высоту атмосферы)—только тогда, когда мы будем в состоянии определить температуру близких к этой точке слоев воздуха. Многие ученые определяли высоту атмосферы приблизительно; полученные им результаты весьма различны. Основываясь на разных гипотезах об уменьшении температуры воздуха по мере удаления от земной поверхности, многие приходили к выводам, что величина высоты атмосферы заключается между 7 и 27 нмечскими милями. Но если справедливо то, что появляющиеся в пространстве метеоры, известные под названием падающих звезд, воспламеняются только в нашей атмосфере, — то высота ее должна быть принята в 34 мили, потому что падающие звезды наблюдались только в этом расстоянии от земной поверхности. По закону Мариотта, плотность газа пропорциональна силе, производящей на него давление. Так как нижние слои воздуха находятся под давлением верхних, то по мере удаления от земной поверхности плотность воздуха должна, таким образом, постепенно уменьшаться. Если не принимать во расчет влияния температуры и положить плотность воздуха при уровне моря = 1, то это уменьшение представится в следующих числах:

На высотѣ въ миляхъ.	Плотность воздуха.
0,5	0,645
1	0,416
2	0,172
9	0,000375
20	0,000000024
30	0,00000000004

Изъ этой таблицы видно, что плотность воздуха на высотѣ въ 9 миль уже въ 2,700 разъ менѣе плотности его при уровнѣ моря; это позволяет намъ сдѣлать заключеніе, что воздухъ, удаленный отъ земной поверхности болѣе чѣмъ на 10 миль, составляетъ чрезвычайно малую часть атмосферы. Если бы воздухъ вездѣ имѣлъ ту же плотность, какую онъ имѣетъ при уровнѣ моря, то атмосфера имѣла бы около 1 мили высоты.

Если наполнить дугообразную трубку какою-нибудь жидкостью, то поверхность ее въ обоихъ коленяхъ трубки расположится въ одной горизонтальной плоскости; если же наполнить такую трубку двумя разнородными не-смѣшивающимися жидкостями, то высоты столбовъ жидкостей будутъ обратно пропорциональны ихъ плотностямъ; ширина коленъ не играетъ при этомъ никакой роли: одно колено можетъ быть шире другаго. Возьмемъ теперь запаянную съ одного конца, прямую трубку длиною въ 60—70 сантиметровъ; наполнивъ ее ртутью и замкнувъ отверстие пальцемъ, приведемъ ее въ такое положеніе, при которомъ запаянный конецъ ее находится бы вверху, а замкнутый пальцемъ внизу; погрузимъ на нѣсколько сантиметровъ этотъ послѣдній конецъ трубки въ чашку съ ртутью и отомкнемъ отъ отверстия палецъ; столбъ жидкости въ трубкѣ не понизится, хотя на основаніи только-что упомянутого закона поверхность ее должна бы была расположиться въ одной горизонтальной плоскости; такое кажущееся отступленіе отъ закона происходитъ отъ того, что на поверхность ртути въ чашкѣ производится давленіе, препятствующее ртути въ трубкѣ выливаться изъ послѣдней; давленіе это, очевидно, можетъ быть приписано только атмосферѣ. Давленіе атмосферы имѣетъ предѣлъ; оно можетъ быть измѣрено посредствомъ прибора, известнаго подъ названіемъ барометра. Устройство барометра и примѣненіе его къ измѣренію атмосфернаго давленія основано на слѣдующемъ. Если повторить предыдущій опытъ надъ трубкою, имѣющею около 80 сантиметровъ длины при другихъ равныхъ условіяхъ, то какъ только мы погрузимъ (на 1—2 сантиметра) замкнутый пальцемъ конецъ въ чашку съ ртутью и отомкнемъ отъ отверстия палецъ, столбъ ртути въ трубкѣ начнетъ понижаться; пониженіе это происходитъ отъ того, что онъ давитъ на свое основаніе сильнѣе, чѣмъ атмосфера на поверхность ртути въ чашкѣ; оно продолжается до тѣхъ поръ, пока оба эти давленія не уравновѣсятся. Барометръ (ртутный) въ сущности состоитъ изъ трубки, имѣющей около 80 сантиметровъ длины, запаянной съ одного конца и открытой съ другаго, наполненной ртутью и погруженной открытымъ концемъ въ чашку съ тою же жидкостью; расстояние между поверхностями жидкости въ чашкѣ и трубкѣ (при равновѣсіи ртути въ приборѣ) называется высотой барометра; говорятъ, что барометръ *повышается* или *понижается*, когда вслѣдствіе перемены атмосфернаго давленія высота его увеличивается или уменьшается. Подъ 45° сѣверной широты высота барометра равна 760 миллиметрамъ; следовательно, давленіе атмосферы на данную поверхность равно тамъ давленію ртутнаго столба высотой въ 760 миллиметровъ на ту же поверхность. Замѣтимъ, что всѣхъ ртутнаго столба высотой въ 750 миллиметровъ принимается за среднее атмосферное давленіе при морскомъ уровнѣ. На поверхность въ 1 кв. сантиметръ протяженія атмосфера производитъ такимъ образомъ давленіе, равное вѣсу 76 куб. сантиметровъ ртути или 1034 граммъ.

Поверхность тѣла взрослого человѣка, которая среднимъ числомъ имѣетъ 1,96 кв. метра протяженія, выдерживаетъ ат-

мосферное давленіе почти въ 20,000 килограммовъ. Мы выносимъ такое давленіе только потому, что оно дѣйствуетъ на насъ со всѣхъ сторонъ; воздухъ проникаетъ въ наше тѣло, и мы испытываемъ одинаковыя давленія какъ изнутри, такъ и снаружи; давленія эти, такимъ образомъ, уравновѣшиваются. То, что воздухъ проникаетъ въ наше тѣло, доказывается нижеприводимымъ опытомъ; болѣзненные ощущенія, испытанныя всходящими на высокія горы, также подтверждаютъ это. Помѣстимъ подъ колоколъ воздушнаго насоса какое-нибудь животное и начнемъ выкачивать изъ-подъ него воздухъ; внѣшній воздухъ, окружающій животное, будетъ разрѣжаться весьма быстро, тогда какъ воздухъ заключенный въ тканяхъ животного—будетъ выходить изъ нихъ весьма медленно; вслѣдствіе этого нѣкоторые сосуды животнаго, уже умершаго отъ недостатка подъ колоколомъ кислорода, разорвутся и трупъ его раздуется.

У путешественниковъ, всходящихъ на высокія горы, часто бывали кровоизліянія изъ носа и изо рта; происходило это отъ того, что нѣкоторыя изъ волосныхъ сосудовъ ихъ организма, имѣющихъ очень тонкія стѣнки, разрывались отъ уменьшеннаго внѣшняго давленія воздуха. Кроме того, уменьшавшееся внѣшнее давленіе воздуха вовсе не облегчало имъ восхожденія на горы; оно, напротивъ, производило то, что они чувствовали тягость въ рукахъ и ногахъ. Верхняя головка нашего бедра, имѣющая совершенно гладкую поверхность, входитъ въ гладкую и влажную впадину таза, плотно прилегая къ ней. Повидимому, эта головка держится во впадинѣ благодаря тонкому сосудистому члену, связывающему ее съ чашкой таза, и находящимся здѣсь мускуламъ и жиламъ. На самомъ дѣлѣ это происходитъ по другой причинѣ. Если на ногъ трупа перерѣзать всѣ тѣ члены, которые повидимому поддерживаютъ головку бедра во впадинѣ таза, то, вслѣдствіе собственнаго вѣса и довольно значительнаго вѣса ноги, головка бедра должна бы была отдѣлиться отъ чашки таза; но она не отдѣляется даже въ томъ случаѣ, если еще нѣсколько увеличить вѣсъ ноги, привязавъ къ ней что-нибудь. Братьямъ Веберъ первымъ пришло на мысль, что головка бедра держится въ чашкѣ таза вслѣдствіе атмосфернаго давленія. Въ самомъ дѣлѣ, если удалить всѣ оболочки головки бедра и чашки таза и пробуровать въ послѣдней отверстіе, то нога немедленно упадетъ, какъ только воздухъ, прошедшій въ это отверстіе, коснется головки бедра; если головку вставить вновь во впадину таза и закрыть отверстіе пальцемъ, то нога будетъ держаться на чашкѣ до тѣхъ поръ, пока отверстіе не будетъ открыто. Судя по протяженію головки бедра, давленіе внѣшняго воздуха, благодаря которому она держится въ чашкѣ таза, равно 30 килограммамъ. Такое же значеніе имѣетъ атмосферное давленіе и по отношенію къ рукъ. Мускулы служатъ только для движенія, а не для поддержанія костей рукъ и ногъ на своихъ мѣстахъ. На высокіхъ горахъ, гдѣ, напримѣръ, барометръ понижается на половину своей высоты при уровнѣ моря и гдѣ поэтому атмосферное давленіе вдвое менѣе чѣмъ при уровнѣ моря, мускуламъ нужно замѣнить это уменьшившееся давленіе; это и служитъ причиною тяжести въ рукахъ и ногахъ при восхожденіи на высокія горы,—тогдашъ же исчезающей, лишь только сдѣли, и появляющейся вновь, лишь только сдѣлали еще нѣсколько шаговъ. По давленію атмосферы можно найдти ее вѣсъ. Уменьшивъ среднюю высоту барометра на такую же часть, которая соотвѣтствуетъ давленію содержащагося въ воздухѣ водянаго пара, мы найдемъ, что при давленіи одного сухаго воздуха высота барометра при уровнѣ моря должна быть круглымъ числомъ равна 0,75 метра. Вѣсъ сухаго воздуха равенъ, такимъ образомъ, вѣсу распространеннаго по земной поверхности слоя ртути высотой въ 0,75 метра или вѣсу окружающаго землю слоя воздуха высотой въ $0,75 \times 10513,5 = 7885,125$ метра при той плотности его, которую онъ имѣетъ при 0°С и 760 миллиметрахъ высоты барометра. Объемъ такого слоя воздуха болѣе 4,025,900,000,000 куб. метровъ; вѣсъ его простирается до 5,2 триллионовъ килограммовъ.

Когда говорятъ о физическихъ свойствахъ атмосферы, то рассматриваютъ ее какъ совершенно сухую и не содержащую углекислоты. Такой воздухъ употребляется и для изслѣдованій надъ свойствами газовъ. При нагреваніи на 1°С, сухой воздухъ увеличивается на 0,003665 (1/273) своего объема при 0°; коэффициентъ расширенія его, такимъ образомъ, равенъ 0,003665; законъ Мариотта лишь при давленіи довольно большаго числа атмосферы получаетъ по отношенію къ такому воздуху приблизительно точность. 1 литръ сухаго воздуха, не содержащаго углекислоты, при 0° и 760 миллиметрахъ высоты барометра вѣситъ 1,2932 грамма. При 0° воздухъ въ 773 раза легче воды при 4°; его удѣльный вѣсъ (водородъ=1) 14,472. Обыкновенный удѣльный вѣсъ воздуха при 0° и высотѣ барометра въ 760 миллиметровъ—принимается за единицу удѣльныхъ вѣсовъ газовъ.

Температура окружающаго насъ воздуха есть результатъ многихъ причинъ. Нагрѣваніемъ землі мы обязаны исключительно солнцу. Повидимому, лучи его производятъ на поверхность землі не все свое согрѣвающее дѣйствіе, которое они могли бы произвести, если бы не было атмосферы; пройдя атмосферу, они повидимому теряютъ часть своей теплоты. Эта кажущаяся потеря теплоты солнечныхъ лучей происходитъ отъ того, что, при прохожденіи ими нашей атмосферы, часть ихъ поглощается ею и превращается въ ощущаемую нами теплоту. До сихъ поръ

не удалось строго определить величину поглощаемой атмосферой части теплоты солнечных лучей; по вычислениям Пудле атмосфера поглощает 60% всей теплоты, а по вычислениям Форбеса только 47%. Заметим, что с изменением количества водяных паров, содержащихся в атмосфере, изменяется и способность ее к поглощению теплоты солнечных лучей; по исследованиям Магнуса, сухой воздух даже совсем не поглощает теплоты.

Вполнѣ доказано то, что испускаемые свѣтящимися тѣлами тепловые лучи легко проникаютъ воздухъ, тогда какъ лучи испускаемые темными тѣлами по большей части поглощаются имъ. Солнечные лучи достигаютъ земной поверхности съ меньшею—сравнительно съ лучами земли при прохожденіи послѣднихъ—

ми атмосферы—потерю теплоты и нагреваютъ твердую землю и воду. Теплота, которую въ свою очередь испускаютъ послѣднія, проникаетъ воздухъ лишь съ большимъ трудомъ; земля поэтому охлаждается медленно—и теплота ея лучей идетъ главнымъ образомъ на нагреваніе слоевъ воздуха, поглощающихъ тѣмъ большую часть этихъ лучей, чѣмъ они плотнѣе. Охлажденіе земли постепеннѣе и меньше въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прилежащія къ ней слои воздуха плотнѣе; въ низменностяхъ оно поэтому меньше, чѣмъ на высокихъ горахъ; при одной и той же географической широтѣ, при уровнѣ моря нужно ожидать болѣе высокой температуры, чѣмъ на высокихъ горахъ, хотя солнце къ послѣднимъ ближе чѣмъ къ уровню моря.

(Окончаніе будетъ).

ЗАМОКЪ КНЯЗЕЙ ЛИТОВСКИХЪ ВЪ ВИЛЬНѢ.

Вильна, какъ и всякій древній городъ, не лишена поэтическихъ легендъ о своемъ основаніи, рассказывающихъ о зубрѣ убитомъ Гедиминомъ, о снѣ его растолкованномъ жрецомъ Кривѣ-Кривѣйтѣ и т. д. Преданія обыкновенно заключаютъ въ себѣ нѣкоторую долю истины; какъ бы то ни было, зубрѣ или какая иная причина послужила поводомъ, но исторія сохранила намъ извѣстіе о томъ, что первый замокъ дѣйствительно заложенъ Гедиминомъ въ 1322 году на горѣ, называвшейся Заковою. Съ нея-то, по мѣрѣ расширенія потребностей или по мѣрѣ увеличенія числа придворныхъ, которые не могли помѣститься на тѣсной вершинѣ горы, замокъ князей литовскихъ спустился за Виленку и началъ расширяться по долинѣ Свенторога. Такимъ образомъ, въ XIV вѣкѣ является замокъ нагорный и долинный, первый весь каменный, второй—деревянный, обнесенный палисадомъ и ровомъ, а затѣмъ каменною стѣною, и соединившія съ нагорнымъ крытыми переходами и галереями.

Долинный замокъ, по свидѣтельству историковъ, съ окружающими его зданіями храма Перкуна (Перуна литовскаго), домомъ верховнаго священнослужителя и прочими, составлялъ укрепленный городъ, подъ защитою нагорной твердыни. Назывался онъ по литовски *Кривай-пилисъ*, т. е. городъ крови, откуда произошли искаженныя русское и польское названіе *Кривой городъ*. Впрочемъ, неоднократно подвергавшіеся нападеніямъ тевтонскихъ рыцарей и разрушаемые ими, должны были представлять обширную крѣпость; такъ напр. во время войны 1396 года въ нихъ помѣщалось до 14,000 войска. Только при Александрѣ Ягеллоу (1494—1505) долинный замокъ, заново отдѣланный, предназначень былъ для помѣщенія супруги его Елены, дочери царя Іоанна Васильевича. Здѣсь же помѣщался блестящій дворецъ ея,

составленный прибывшими изъ Москвы боярами и дворянами; королева, любительница зодчества, еще болѣе украсила замокъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, оба замка были уничтожены пожаромъ; возобновилъ ихъ Сигизмундъ I, а еще болѣе въостлѣдствіи Сигизмундъ Августъ, который, какъ извѣстно, любилъ красивую Вильну. Тутъ онъ жилъ съ первою своею женою Елисаветою, эрцгерцогинею австрійской, дочерью императора Фердинанда I, которая и умерла въ виленскомъ замкѣ (1546 г.); тутъ же разыгрался его историческій романъ съ Варварою Радзивиль, красавицею вдовою Гатшольда и много другихъ.

То была блестящая эпоха долиннаго замка. Весь каменный, выстроенный въ итальянскомъ стилѣ, онъ занималъ огромное пространство съ принадлежащими къ нему пристройками и зданіями, становясь чуть не отдѣльнымъ отъ Вильны городомъ. Одна сторона его громаднаго четвероугольника примыкала къ замковой горѣ, заключая въ себѣ отдѣльныя помѣщенія короля и королевы; далѣе былъ домъ подскарбія, службы, казармы драбантовъ, сторожевая вышка надъ самой Вилею, конюшни, псарни, арсеналъ и проч. и проч. По смерти Сигизмунда Августа коронованныя особы лишь изрѣдка поселялись въ замкѣ. Въ XVIII вѣкѣ гостила здѣсь Констанція, вторая жена Сигизмунда III, почему и замокъ былъ обновленъ и украшенъ шведскимъ мраморомъ. Владиславъ IV, нѣсколько разъ посѣщая Вильну, занималъ еще нѣкоторые покои въ замкѣ; остальные были предназначены для различныхъ административныхъ учрежденій. Здѣсь засѣдали различные трибуналы и комісія, занимали ихъ воеводы и другіе начальники. Затѣмъ въ шведскую войну 1655—1661 гг. онъ былъ до того разрушенъ, что уже не переставалъ приходить въ упадокъ до самыхъ раздѣловъ Польши.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Возстаніе въ Герцеговинѣ съ каждымъ днемъ принимаетъ все большіе и большіе размѣры. Пользуясь благоприятными условіями мѣстности, инсургенты заманиваютъ турокъ въ горы и тамъ наносятъ имъ весьма чувствительныя потери. Къ небольшой горсти возставшихъ, поднявшихъ знамя возстанія, ежедневно, съ разныхъ сторонъ, изъ Сербіи, Черногоріи и Далмаціи, прибываютъ новыя банды и привозятъ боевые припасы и оружіе. Успѣхъ нѣсколькихъ стычекъ съ мусульманами придавъ славянамъ смѣлости настолько, что они рѣшились обложить крѣпость Требинье и столицу Герцеговины, которую и осаждаютъ самымъ правильнымъ образомъ; всѣ деревни вокругъ этого мѣста сожжены осаждающими и турецкій гарнизонъ не посмѣлъ помѣшаться этому; небольшія же вылазки его до этого окончились весьма чувствительнымъ урономъ для турокъ. Мусульманскія войска хотя и прибываютъ, но они не любятъ драться въ горахъ, а въ Герцеговинѣ происходитъ именно горная война, такъ что конецъ ея предвидѣть трудно. Инсургентамъ же только того и хочется, чтобы борьба протянулась какъ можно дольше и вовлекла въ возстаніе остальныхъ турецкихъ славянъ, вызвавъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дипломатическое вмѣшательство со стороны первостепенныхъ державъ. Впрочемъ, силы инсургентовъ и теперь настолько уже значительны, что могутъ противостоятъ разстроеннымъ и недовольнымъ турецкимъ войскамъ. Въ рядахъ возставшихъ насчитывается въ настоящее время (29-е августа) до 10,000 тысячъ человекъ, изъ которыхъ 3,000 герцеговинцевъ и босняковъ, 800 черногорцевъ и 6,200 далматинцевъ, кроатовъ и морлаковъ. Предводителями ихъ называютъ двухъ австрійскихъ подданныхъ, по всей вѣроятности далматинцевъ, Стефана Боронка и Милана Радонича. Увѣряютъ, что въ рядахъ инсургентовъ находится не мало и австрійскихъ мундировъ, богъ-вѣстъ какимъ образомъ пробравшихся черезъ границу. Къ этому необходимо прибавить, что войска возставшихъ вооружены не какими нибудь кремневыми, а новѣйшими ружьями, австрійскаго и англійскаго образца, заряжаемыми съ казенной части, что боевые снаряды безпрепятственно подвозятся къ нимъ съ запада—черезъ Рагузу и съ юга черезъ Цетинье, т. е.

изъ Далмаціи и Черногоріи. Напротивъ того, съ турецкой стороны слышатся жалобы на разстройство въ войскахъ, которыя должны рисковать жизнью неизвѣстно за что и для чего; жалованья имъ не платятъ; съѣстные припасы отпускаются въ недостаточномъ количествѣ; обращеніе съ ними весьма грубое. Нѣтъ ничего мудренаго послѣ этого, если при первой опасности они пускаются въ бѣгство или сдаютъ оружіе побѣдителямъ, а захвативъ плѣнныхъ, расправляются съ ними по турецки—отсѣкаютъ головы и выставляютъ ихъ на показъ инсургентамъ, или же перебрасываютъ черезъ крѣпостную стѣну въ лагерь осаждающихъ. Армія возставшихъ раздѣляется на 4 корпусовъ, которые дѣйствуютъ не отдѣльно другъ отъ друга, а повинуются одному общему начальнику и выполняютъ заранее составленный планъ. Это обстоятельство заставляетъ предполагать, что предпріятіе было задумано заблаговременно, съ извѣстною, опредѣленною цѣлью и заранее рассчитанными средствами. Нельзя скрыть и того, что при выполненіи этого плана большія надежды возлагаются на сосѣднихъ братьевъ-славянъ, въ особенности же на черногорцевъ, сербовъ и далматинцевъ. Дѣйствительно, если возстаніе не будетъ прекращено своевременно, князю Николаю Черногорскому и князю Милану Сербскому невозможно будетъ долге удерживать своихъ подданныхъ отъ вмѣшательства въ герцеговинскую распрю,—и тогда революція охватитъ всю сѣверную часть Балканскаго полуострова. Симптомъ этого проявляются уже теперь: въ Босніи нѣкоторые поселенія отказались платить налогъ и подняли знамя бунта; изъ Далмаціи ежедневно прибываютъ подкрѣпленія инсургентамъ; въ Черногоріи и Сербіи открыто собираются подписки въ пользу герцеговинцевъ; неспокойно и въ Чехіи, откуда такъ же собираются небольшія банды на помощь несчастнымъ братьямъ въ Герцеговинѣ. Даже въ Румыніи начинаютъ волноваться; одни только болгары остаются пока спокойными. Наконецъ, симпатіи къ герцеговинцамъ возрастаютъ и въ средѣ другихъ національностей, повидному совершенно чуждыхъ славянству: такъ, изъ Праги на театръ войны отправилось нѣсколько десятковъ французовъ и итальянцевъ, а извѣстный боецъ за итальян-

явскую независимость Гарибальди посылает туда двух своих смельчачей; в Герцеговину же, по слухам, отправился и итальянский полковник Джузеппе Буоттеси, участвовавший с 1859 года во всех походах своих соотечественников; он ухаживал в Далмацию въ сопровождении многих из своих приверженцев и друзей, собравшихся къ нему из Пьемонта и Ломбардии. Все они намѣрены принять участие въ герцеговинскомъ возстаніи. Если бы въ борьбѣ приняли участие все славянскіе народности Балканскаго полуострова, то она приняла бы грозные размѣры даже для самой Турціи. Черногорія въ такомъ случаѣ могла бы выставить свои 24 пушки и до 24,000 солдатъ; Сербія, въ случаѣ крайности, собрать до 130,000 человекъ при 200 орудіяхъ; наконецъ, Румынія располагаетъ въ настоящее время 135,000 отлично вооруженнаго и обученнаго по германскому образцу войска. Все вмѣстѣ эти три государства могли бы выставить, на защиту общаго дѣла, вооруженную силу въ 291,720 человекъ, болѣе чѣмъ съ 300 орудій. Для такой силы не страшны будутъ и 190,000 человекъ, которыми въ настоящее время располагаетъ Турція.

Главнѣйшимъ турецкихъ войскъ въ Герцеговинѣ и Босніи назначенъ Неджибъ-паша, который уже принялъ начальство надъ войсками и получаетъ постоянныя подкрѣпленія изъ Константинополя моремъ, черезъ Клекъ, гдѣ обыкновенно высаживаются турецкіе батальоны; сухимъ путемъ, черезъ горы, Турція не рѣшается посылать своихъ войскъ—изъ опасенія потерять ихъ совершенно въ битвахъ съ горами, скрывающимися въ хорошо-извѣстныхъ имъ ущельяхъ и на скалистыхъ горныхъ вершинахъ. Такое некрасивое для турокъ положеніе дѣла не мѣшаетъ имъ, однако, производить прежнія неистовства и поддерживать ту политику грабежа и убійства, которой они никогда не измѣняли. Убиеніе плѣнныхъ, полное разореніе края, наскіе надъ женщинами, поруганіе святыхъ—вотъ обыкновенныя средства мусульманъ заставить уважать себя... Чтобы показать, въ какой степени было сирѣдливо турецкое управленіе по отношенію къ христіанскимъ подданнымъ, приведемъ слѣдующій примѣръ. Въ Босніи и Герцеговинѣ установлены три налога, которые несутъ на себя въ равной мѣрѣ какъ мусульмане, такъ и христіане, а именно: 1) десятая часть произведеній земли, 2) поземельные налоги съ каждаго двора, 3) подати, взимаемыя на покрытие расходовъ по содержанію турецкихъ чиновниковъ. На христіанскомъ же населеніи, кромѣ того, лежатъ еще тяжкимъ бременемъ слѣдующіе налоги: а) за освобожденіе отъ военной службы, б) за право винокурения и в) за

право производить убой скота для употребленія въ пищу. Тамошныя пошлины распределены также неравномерно: магометане платятъ только 3%, христіане-туземцы 7%, а иностранцы 5% со стоимости товара. Или на примѣръ турки, не смѣя открыто пренятствовать богослуженію христіанъ, въ то-же время требуютъ, чтобы православныя церкви не закрывались никогда. Зная по опыту, что оставлять церкви незапертою значило бы подвергать ее всяческому поруганію и даже грабежу, христіане, обыкновенно, по окончаніи богослуженія, уносятъ съ собой все священныя предметы: иконы, ризы, сосуды и проч. и держатъ ихъ въ домахъ до новаго богослуженія. «Кметы», т. е. стемнички земли у мусульманъ-землевладѣльцевъ, терять отъ этихъ послѣднихъ также безконечныя притѣвленія, а нерѣдко и обиды и преслѣдованія. И такъ во всемъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если наболѣвшее сердце герцеговинца, наконецъ, не вытерпѣло, и народъ поднялся весь, поголовно, на своихъ заклятыхъ враговъ и притѣснителей.

Въ газетѣ «Times» напечатана на дняхъ весьма важная телеграмма изъ Берлина, отъ 29 августа, въ которой говорится, что австрійскій посланникъ въ Константинополѣ указалъ Портѣ на необходимость дарованія Герцеговинѣ нѣкоторой самостоятельности, на подобіе той, которая предоставлена кандіотамъ; но Порта упрямо отказалась отъ добраго совѣта и объявила, что приступить къ реформамъ въ Герцеговинѣ лишь по подавленіи возстанія. Такой отказъ, вѣроятно, усложнитъ существующія затрудненія, такъ-какъ христіане, наученные горькимъ опытомъ, не повѣрятъ общающимся турецкаго правительства и, слѣдовательно, будутъ тянуть борьбу до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, турки не будутъ принуждены къ выполненію своихъ обѣщаній силою обстоятельствъ и вторичнымъ совѣтомъ со стороны первостепенныхъ державъ, который на тотъ разъ будетъ, вѣроятно, болѣе настойчивымъ. Весьма вѣроятно также, что Сербія сохраняетъ свой нейтралитетъ только для того, чтобы не предоставить Турціи возможности проводить свои войска въ Герцеговину сухимъ путемъ, черезъ сербскія земли. Въ противномъ случаѣ, если бы Сербія вступила въ борьбу съ Турціей,—послѣдней открылся бы черезъ княжество легкій доступъ въ Герцеговину и не было бы надобности посылать свои войска моремъ, черезъ Клекъ. Между тѣмъ Сербія не дремлетъ и, ввиду весьма возможнаго нападенія, держитъ на своей границѣ 15-тысячный observationalный корпусъ. Порта, съ своей стороны, сосредоточиваетъ у Ниссы, близъ сербской границы, войска и, какъ полагаютъ, рѣшилась занять Сербію при первомъ же случаѣ.

С М Ъ С Ъ .

Изъ жизни шимпанзе. Въ одномъ изъ своихъ чтеній въ антропологическомъ обществѣ, извѣстный естествоиспытатель и бывшій директоръ берлинскаго акваріума, др Бремъ, перedal нѣсколько весьма интересныхъ подробностей объ умственномъ развитіи шимпанзе. Между прочимъ Бремъ рассказывалъ слѣдующее:

Шимпанзе, котораго я имѣлъ въ Гамбургѣ и часто бралъ съ собой гулять, отчасти позволяя ему бѣгать на свободѣ, отчасти ведя его на шнуркѣ,—выказывалъ уваженіе къ людямъ и неуваженіе къ звѣрямъ. Звѣри однако интересовали его, и когда онъ мало по малу привыкъ къ нимъ, то стоило сказать одно слово, чтобы обратить его вниманіе на то или другое животное. Если напримѣръ служитель кричалъ: «Молли!»—любимое имя, даваемое служителями обезьянамъ—«Молли, посмотри на утокъ!»—Молли смотрѣла на птицъ. «Но, Молли, вѣдь ты смотришь на гусей!» и когда ему во второй разъ показывали утокъ, онъ уже отлично зналъ ихъ. Если чашъ попадались на встрѣчу мальчики, то онъ заманивался на нихъ плеткой, которую носилъ съ собой. Если же намъ встрѣчались дѣвушки, и онъ хотѣлъ поднять на нихъ плеть, то стоило только сказать: «Фуй, Молли, вѣдь это дѣвочки!» и онъ въ ту же минуту опускалъ плеть и протягивалъ руку. Сотоварищей своихъ, обезьянъ, онъ также постоянно обижалъ. У насъ было въ то время нѣсколько экземпляровъ гамадрисовъ (павіановъ), этихъ древнихъ божествъ съ ихъ выраженіемъ вѣчной мировой печали на строгихъ лицахъ. Гамадрисы, безспорно, почтеннѣйшіе между павіанами, возбуждали особенный гнѣвъ шимпанзе, и именно своей безразсудной, можно пожалуй сказать, высокомерной яростью. Всякій разъ какъ шимпанзе показывался имъ на глаза, они впадали въ величайшее безпокойство и волненіе; а Молли, въ отиѣтку за это, брала плеть и сквозъ рѣшетку хлестала направо и налево своихъ почтенныхъ родственниковъ.

Послѣдній экземпляръ шимпанзе, полученный нами, поступилъ къ намъ больной, въ самомъ жалкомъ состояніи. Служитель берлинскаго акваріума сталъ ухаживать за животнымъ съ истинно-материнскою лѣнностью. Уже черезъ три дня, бѣдная больная обезьяна отлично знала, какова друга она имѣетъ въ этомъ служитель. Она тогда же сильно привязалась къ своему покровителю, а въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ взаимная ихъ любовь возрасла до того, что я не видывалъ ничего подобнаго. Этого служителя можно было поистинѣ назвать «матерью» шимпанзе, потому что назвать его «отцомъ» мало, а Молли была

послушнѣйшимъ и нѣжнѣйшимъ ребенкомъ въ мірѣ. Само собою разумется, что великодушный человекъ не держался того узкаго мнѣнія, что только «образъ и подобіе Божіе» одарено разумомъ, а все остальныя созданія имѣютъ одинъ инстинктъ; напротивъ, онъ обращался съ животнымъ какъ люди обращаются съ милымъ ребенкомъ. Вслѣдствіе этого шимпанзе въ весьма короткое время усвоилъ себѣ человѣческіе обычаи и привычки до такой степени, что во многихъ отношеніяхъ могъ бы пристыдить не одного человека. Что онъ ѣлъ ножомъ и вилокъ, употреблялъ какъ мы ложку, мѣшалъ въ чай сахаръ, пока онъ совсѣмъ не расходился, бралъ кусочки хлѣба изъ чая не пальцами, а ложечкой—все это пошло быстро, и собственно говоря, считалось въ порядкѣ вещей. Такъ какъ служитель жилъ въ одномъ помѣщеніи съ своей воспитанницей, то онъ не могъ переносить ея звѣриныхъ привычекъ, а долженъ былъ имѣть въ ней товарища, который бы раздѣлялъ съ нимъ его привычки. И удивительно, съ какой необыкновенной быстротой умѣлъ шимпанзе привыкаться къ такой жизни. Въ этомъ собраніи присутствуютъ господа, бывшіе сами свидѣтелями, какъ этотъ шимпанзе былъ приведенъ въ общество моихъ друзей, чтобы замѣнить одного гостя, который къ сожалѣнію не могъ быть. Молли приведена была въ общество уже выпивши нѣсколько рюмокъ вина, слѣдовательно настроенная быть любезной, и посажена на стулъ. Вела она себя такъ, что это послужитъ вѣчной славой всей обезьяней породѣ. Впервые, она взяла бутылку вина, чтобы налить себѣ рюмку—такъ по человѣчески, какъ это только возможно вообразить. Затѣмъ, взявъ рюмку въ руку, она чокнулась съ своими сосѣдями справа и слева. Послѣ этого она придвинула къ себѣ тарелку, и когда ей положили кушанье, стала ѣсть, очень искусно владея ножомъ и вилокъ, какъ ее учили прежде. Она какъ слѣдуетъ пила и ѣла, впрочемъ больше пила, чѣмъ вѣдь вполне и соответствовало обстоятельствамъ. Мало по малу наша необыкновенная гостья пришла въ самое веселое расположеніе духа, шалила, и позволяла шутить съ собой какъ угодно, такъ что наконецъ я пришелъ къ убѣжденію, что все мои гости гораздо болѣе занимались шимпанзе, чѣмъ другъ другомъ.

Нечего и говорить, что онъ былъ слѣшкомъ благовоспитанъ, чтобы позволить себѣ какія-либо невѣжества. Онъ отлично зналъ всехъ насъ, любилъ насъ и нисколько не боялся. Ему никогда и въ голову не приходило обидѣть кого либо изъ насъ. Мы безъ опасенія пускали его бѣгать на свободѣ, разумется

не безъ присмотра, потому что это былъ четырехлѣтній ребенокъ, а за таковымъ всегда долженъ быть присмотръ, хотя бы это было и человѣческое дитя.

Время шимпанзе зналъ очень вѣрно. Утромъ онъ просыпался на своей кровати. Ночь онъ проводилъ въ разнообразныхъ позахъ; въ теплую погоду онъ спалъ поджавъ руки подъ голову, какъ это дѣлаютъ люди; въ холодную натягивалъ на себя одѣло и весь закутывался въ него. Впоследствии онъ въ совершенствѣ научился владѣть одѣломъ, и драпировался имъ точно молодой испанецъ своимъ плащомъ. Онъ закутывался въ него на всевозможные лады, и я увѣренъ, что если бы кто показалъ ему граціозные приемы испанца, онъ исполнялъ бы эти движенія съ такой же увѣренностью. Такимъ образомъ онъ возился цѣлый день, давая себѣ лишь изрѣдка минутные отдыхи.

Каждый день придумывалъ онъ новыя упражненія; все даваемыя ему гимнастическія приборы онъ умѣлъ употреблять надлежащимъ образомъ. Просто весело было на него смотрѣть. При этомъ онъ былъ весьма воспримчивъ какъ къ похваламъ, такъ и къ порицанію, разумеется не относительно публики. До этой чужой, платящей публики ему не было никакого дѣла. Но когда приходилъ кто нибудь изъ насъ, то онъ принимался за свои гимнастическія упражненія съ такимъ рвеніемъ, точно старательный школьникъ на экзаменѣ. Ему хотѣлось показать что онъ знаетъ. Къ вечеру онъ становился безпокоенъ, а за часъ до закрытія акваріума начиналъ жалобно кричать. Служитель не смѣлъ отходить отъ него, покрайней мѣрѣ никакъ не къ выходу. Самое большое что онъ ему позволялъ — это уходить въ отдѣленіе для корма, потому что оттуда онъ долженъ былъ проходить опять мимо него. Но какъ скоро служитель направлялся къ выходу, то животное бросалось на спину, махало руками и ногами, какъ капризный ребенокъ, громко визжало, однимъ словомъ вело себя самымъ негоднымъ образомъ. Когда же его выпускали изъ кѣтки и уводили въ его комнату, оно опять

дѣлалось веселымъ и счастливымъ. Самой любимой порой нашего шимпанзе былъ ужинъ. Хотя онъ ежедневно получалъ лакомства, не говоря уже о разныхъ сладостяхъ, какими угощала его публика, но онъ предпочиталъ всему этому домашній столъ, а въ особенности чай. Если экономка мѣшкала, то онъ стучался къ ней въ дверь, а когда она выходила, онъ привѣтствовалъ ее радостными: О! О! О! Затѣмъ онъ садился за столъ и ужиналъ вмѣстѣ съ служителемъ.

Животное росло и съ каждымъ днемъ становилось интереснѣе. Вдругъ у него сдѣлалось воспаление въ легкихъ, перешедшее въ чахотку, по крайней мѣрѣ такъ увѣрялъ нашъ докторъ. Въ то же время у него открылось нагноеніе шейныхъ желѣзъ. Я послалъ къ одному знакомому доктору, прося его захватить ко мнѣ. Онъ не понявъ въ чемъ дѣло, и спросилъ въ моей квартирѣ, кто болѣнъ въ семействѣ, и когда моя жена сказала: «Должно быть это для шимпанзе», то онъ видимо разсердился и отвѣчалъ: «Ну, до обезьянъ я еще до сихъ поръ не дошелъ!»

Я пригласилъ другаго доктора. Животное вело себя съ симъ послѣднимъ чрезвычайно умно. Само протягивало ему руку, чтобы дать пощупать пульсъ, а когда надо было принимать лекарство, то достаточно было чтобы служитель сказалъ: «Молли, ты должна это принять!» и она тотчасъ же слушалась приказанія. Большое животное вело себя въ этомъ случаѣ гораздо лучше многихъ дѣтей, которыхъ иногда ничѣмъ не уговоришь принять ложку лекарства.

Къ сожалѣнію ничто не могло спасти животное. Глаза его становились все мутнѣе и мутнѣе и получили страдальческое выраженіе. Наступилъ послѣдній часъ нашего любимого шимпанзе. Онъ еще разъ съ благодарностью посмотрѣлъ въ лицо служителя, протянулъ ему руку, повернулъ голову на другую сторону и умеръ.

Вотъ наблюденія, за вѣрность которыхъ я вполне ручаюсь.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Придворныя извѣстія.

— Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Павловна, 19-го августа, въ 12 час. 5 мин. пополудни, въ Царскомъ Селѣ, благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ, наименованнымъ при святой молитвѣ Александромъ.

Дѣла церкви.

— Богатая, единственная въ Россіи коллекція древнихъ иконъ всѣхъ школъ и образцовъ древней русской иконописи г. Сорочкина поступаетъ, — пишутъ въ «Кіев. Губ. Вѣдомостяхъ», — въ собственность археологическаго музея Кіевской духовной академіи. Знаменитая коллекція эта пріобрѣтается въ музей за 12.000 руб., благодаря усердію одного благотворителя, имя котораго пока остается неизвѣстнымъ. С скромный музей при кіевской академіи общается, такимъ образомъ, сдѣлаться замѣчательнымъ по отдѣлу иконописи, а послѣ предполагаемаго помѣщенія въ этотъ музей старопечатныхъ книгъ изъ всѣхъ церковныхъ библиотекъ Кіева и юго-западнаго края будетъ также весьма бо-

гаты и отдѣлы старопечатныхъ книгъ. Одинъ изъ самыхъ видныхъ вкладчиковъ музея, ученый настоятель нашей миссіи въ Іерусалимѣ, архимандритъ Антонинъ, препровождаетъ въ музей весьма замѣчательную археологическую рѣдкость — моавитскаго идола въ ростъ человека. Въ музей есть уже нѣсколько экземпляровъ глиняныхъ моавитскихъ идоловъ небольшихъ размѣровъ (4 — 5 вершковъ); къ сожалѣнію, подлинность ихъ въ послѣднее время подверглась нѣкоторому сомнѣнію, вслѣдствіе открытія въ Іерусалимѣ поддѣлокъ подобнаго рода предметовъ. Ожидаемый идолъ несомнѣнно подлинный и выдерживаетъ самую строгую критику археологовъ.

— Въ «Церковный Вѣстникъ» сообщается, что Екатеринбургское духовенство намѣреется съ сентября текущаго года торжественно праздновать столѣтній юбилей со времени основанія екатеринславской епархіи. Екатеринбургско-таганрогская епархія учреждена въ 1775 г. подъ именемъ славянской въ Подтавѣ; въ 1786 году переименована въ екатеринславскую; кафедрa въ Екатеринбургѣ съ 1803 года.

Народное просвѣщеніе.

— Въ послѣднее время открыты одноклассныя начальныя народныя училища вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія: въ м. Березномъ, Ровенскаго уѣзда Волынской губерніи, и въ селѣ Нестоитѣ и Пужайковѣ, Валгскаго уѣзда Подольской губерніи; Поповское, Ново-Юрковичское, Азаричское, Ново-Крупецкое, Бобовичское, Завидовское и Чеботовичское Могилевской губерніи Гомельскаго уѣзда, Святошицкое, Савское и Шавневское — Горецкаго уѣзда, Голеневское — Чаусовскаго и Высоцкаго — Оршанскаго уѣзда.

— Недавно открытъ въ Севастополѣ первый книжный магазинъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Очерки русской литературы. Михайло Васильевичъ Ломоносовъ (съ портретомъ). — Орель-дѣвка (изъ жизни въ тирольскихъ альпахъ) повѣсть Вильгельмина фонъ-Гиллерихъ-Вирхъ. — Дѣтскіе сцены Вема (съ 3-ми рисунками). — Сложный король. (изъ галлерей виллельихъ картинъ) (съ рисункомъ). — Земная атмосфера. — Замокъ кавалитовскихъ въ Вильнѣ (съ рисункомъ). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Ключниковъ

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Учебное заведеніе 1-го разряда

съ полнымъ курсомъ Классической гимназіи

содержимое Э. РЕПМАНОМЪ въ Москвѣ.

Помѣщается, на Гончарной ул., близъ Яузскаго моста въ д. Степановой.

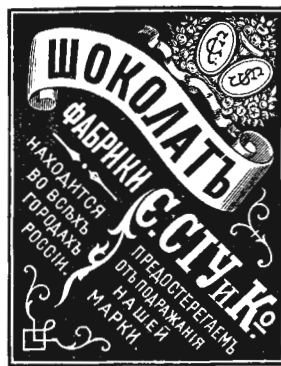
Пріемъ воспитанниковъ будетъ происходить отъ 15-го Іюля по 15-е Сентября. Классныя занятія начнутся 7 Августа. 10-6

МЕБЕЛЬНЫЙ ФАБРИКАНТЪ

Карлъ Шитцъ.

Рекомендуетъ большой выборъ мебели всякаго стиля, собственной фабрики, съ ручательствомъ на 2 года. Принимаетъ заказы мебели и обойные работы. На углу Невскаго проспекта и Литейной, С.-Петербургъ.

2-1

45-9

НОВОЕ

ВРЕМЯ

Ежедневная газета, политическая, литературная, общественная и биржевая (безъ цензуры). Подписная цѣна на 4 и 3 мѣсяца: въ Петербургѣ съ доставкой на домъ съ 1 сентября 6 р., съ 1 октября 4 р. 50 к., для иногородн. съ 1 сентября 6 р. 50 к., съ 1 октября 5 р. Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи, на Литейномъ просп., д. № 45.

2 руб., 12 каб. портретовъ — уголь Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50-18

Желающим приобрести себѣ швейную машину, для семейств или же для мастерской, самой прочной дѣйствительно усовершенствованной конструкции,

рекомендуются

только отличныя и солидныя машины Гамбургско-Американской фабрики,

Поллакъ Шмидтъ и Ко,

которыя признаны за самыя лучшія и дешевле всѣхъ дѣйствительно хорошихъ машинъ; особенно рекомендуется ножная швейная машина „Ласилансьезъ“ и превосходная ручная машина

„Германія Силансьезъ“.

Главный складъ для оптовой и розничной продажи находится въ Москвѣ, въ Торговомъ Домѣ Ф. В. Гуны и Ко, на Б. Лубянкѣ, въ д. Мазуриной, въ бель-этажѣ № 3.

Тамъ-же единственное Агенство чудочныхъ фасоновъ-зальныхъ машинъ. Внутри Россіи можно получить швейныя машины Поллакъ Шмидтъ и Ко у всѣхъ болѣе значительныхъ торговцевъ швейныхъ машинъ.

Керосиновыя или петролейныя кухни

Рекомендуются, въ соблюденіе экономіи для варенія и жаренія самымъ простымъ и дешевымъ способомъ, безъ опасности запаха и копоти; за каждую у меня купленную кухню отвѣчаю, что при употребленіи она не будетъ издавать копоти и чада.

Въ магазинахъ А. Крумбюгеля.

№ 62, Невскій проспектъ, напротивъ Аничкина дворца и во вновь открытомъ—№ 11, Большая Морская, домъ Жако.

Изданія А. Ф. МАРКСА.

для гг. подписчиковъ „НИВЫ“ продаются съ слѣдующемъ складомъ:

Москва и Тверь, истор. пов., Кельсена Ц. съ пер. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 40 к.
При Петрѣ, истор. пов., Кельсена и Ключникова. Ц. съ пер. 1 р. 50 к., для подпис. 1 р.
Въ камышахъ. Повесть Казаина. Ц. съ перес. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 40 к.
Богъ въ помощь, романъ Вернера. Ц. съ перес. 1 р. 30 к., для подписчиковъ 75 к.

ПОДПИСКА

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДАМСКІЙ СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МОДНЫЯ ВЫКРОЙКИ“.

ИЗДАВАЕМЫЙ ТОРГОВЫМЪ ДОМОМЪ МОДНЫХЪ ВЕЩЕЙ И БѢЛЫЯ

А. Тарочешникова.

(С.-Петербургъ, Караванная, уголъ Итальянской, д. № 18, въ бель-этажѣ).

Съ 1 сентября 1875 г. журналъ нашъ вступитъ въ четвертый годъ своего изданія. Такимъ образомъ прочность его существованія вполне обезпечена и лучше всякихъ пышныхъ объявленій говорить въ нашу пользу. Тѣмъ не менѣе, съ 1 сентября 1875 г., „МОДНЫЯ ВЫКРОЙКИ“ будутъ издаваться по слѣдующей улучшенной программѣ:

Журналъ будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ, 1 и 15 числа. Каждый номеръ будетъ заключать въ себѣ до шестнадцати литографированныхъ рисунковъ, изъ которыхъ первые двѣнадцать представляютъ дамскіе и дѣтскіе туалеты, а послѣдніе — образцы для рукодѣля, какъ-то: вышивки по канву и сукну, различныя вязанья, плетенья и проч. Въ томъ числѣ, съ первыхъ двѣнадцати рисунковъ, будетъ парѣвано до семи вырѣзныхъ выкроекъ въ ростъ человѣка, а остальные пять выкроекъ будутъ нарисованы, тоже въ ростъ человѣка, на отдельномъ листѣ, снятъ ихъ съ котораго будетъ указанъ легкій способъ въ № 1 журнала.

Каждою 1 числа къ журналу будетъ приложена отдельная раскрашенная картинка, рисованная съ парижскихъ моделей, и сюда же войдетъ Отдѣлъ хозяйственныхъ свѣдѣній и домашней гигиены; а каждою 15 числа будетъ помѣщаться Модная хроника, заключающая въ себѣ самый полный обзоръ какъ текущихъ, такъ и имѣющихся въ виду, заграничныхъ модъ.

Всѣ рисунки, помѣщенные въ журналѣ, будутъ или составлены по лучшимъ парижскимъ гравюрамъ, болѣе примѣнимымъ къ практикѣ, или же прямо рисованы съ новѣйшихъ моделей, которыя будутъ получаться нашимъ торговымъ домомъ непосредственно изъ Парижа.

Вниманіе журнала будетъ обращено также на домашній туалетъ, который, при всемъ своемъ изысканіи, представить относительно большую экономію въ сбереженіи матеріала. Для этого подъ каждымъ рисункомъ будетъ обозначено: какое количество аршинъ матеріи пойдетъ на каждую готовую вещь и ея гарнировку, цвѣтъ ихъ, и сколько будетъ стоить готовая вещь.

Вырѣзныя выкройки будутъ даваться всевозможныхъ размѣровъ, чтобы онѣ могли съ одинаковымъ успѣхомъ пригодиться для особъ различнаго сложенія.

Сообразно заявленію подписчиковъ, кромѣ дамскихъ нарядовъ и бѣлья, мы будемъ помѣщать въ большомъ выборѣ дѣтскіе туалеты и дѣтское бѣлье на всѣ возрасты: для дѣвочекъ—начиная съ ихъ рожденія, для мальчиковъ—до 12 лѣтъ включительно.

Чтобы вырѣзныя выкройки не перемишались между собой, на каждой части ихъ будетъ наложенъ штемпель: верхняя цифра обозначитъ № журнала, а нижняя № выкройки.

Соотвѣтственно сезону, будутъ представлены въ рисункахъ новѣйшіе фасоны шляпокъ и чепцовъ, модныя прически и шиньоны для дамъ и дѣвицъ, принятыя для баловъ, театровъ, концертовъ и домашнихъ

Во избѣжаніе задержки по высылкѣ первыхъ №№ журнала, просимъ сообщать о подпискѣ заблаговременно.

Редакторъ-издатель А. ТАРОЧЕШНИКОВЪ.

вечеровъ. Всѣ эти предметы редація примѣнитъ и для особъ пожилыхъ лѣтъ.

Въ число рисунковъ войдутъ также различныя вензеля и мѣтки для бѣлья, съ французскими, нѣмецкими и русскими буквами, которыя составятъ полный алфавитъ.

Но времени выкупа дѣвицъ изъ институтовъ въ журналѣ будутъ помѣщены рисунки туалетовъ, соотвѣтственныхъ этому случаю.

Наконецъ, два раза въ годъ, въ видѣ преміи, гг. подписчикамъ будутъ бесплатно высланы, по вновь полученнымъ парижскимъ образцамъ, рисунки для вышивки шнуромъ или гладью, сдѣланные на самой выкройкѣ въ натуральную величину. За каждый подобный рисунокъ посторонняго лица платять 3 руб.

Кромѣ того, для гг. иногородныхъ подписчиковъ мы обратимъ особенное вниманіе на принимаемое нами безвозмездное комиссіонерство по высылкѣ всевозможныхъ товаровъ, подробнѣе прейсъ-куранты которыхъ будутъ постепенно помѣщаться на заднихъ страницахъ журнала. На всѣ эти предметы назначатся самыя умѣренныя цѣны, такъ какъ торговый домъ нашъ получаетъ товаръ изъ первыхъ рукъ. При заказѣ вещей въ нашемъ торговомъ домѣ, редація будетъ высылать гг. иногороднымъ образчики матеріи, для выбора по личному вкусу, за что проситъ прилагать двѣ почтовыхъ марки по 8 коп.

За отдѣльный патронъ по своей талии гг. подписчики платять 50 коп., постороннія же лица—1 р. 50 коп. съ пересылкою.

Журнальный годъ „МОДНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ“ начинается съ 1 сентября 1875 г. и оканчивается 1 сентября 1876 г.

№ ЖУРНАЛА ВЫЙДЕТЪ 1 СЕНТЯБРЯ 1875 Г.

Цѣна изданія съ пересылкой и доставкой на домъ

за годъ семь рублей.

Въ составъ № 1 журнала, по полученіи изъ Парима новѣйшихъ моделей для осенняго сезона, войдутъ, предположительно, слѣдующія вырѣзныя выкройки въ ростъ человѣка: 1) визитнаго платья (съ раскрашеною картинкой) 2) костюма для гулянья; 3) домашняго платья; 4) полонеза послѣдняго фасона; 5) костюма для дѣвочки; 6) платья для домашнихъ вечеровъ; 7) бархатной кофты; 8) ватеръ-прова; 9) драповой тальмы; 10) костюма для мальчика; 11) нашинированной блузы; 12) костюма для дѣвушки отъ 13 лѣтъ до 16 лѣтъ; 13) воротничковъ и манижетъ. Сюда же войдутъ послѣдніе фасоны причесокъ, мѣтки для бѣлья, рисунки вышивокъ и двѣ фигуры для указанія снятія мѣрки.

Подписка принимается въ главномъ конторѣ редакціи, находящейся при торговомъ домѣ модныхъ вещей и бѣлья А. Тарочешникова (С.-Петербургъ, Караванная, уголъ Итальянской, д. № 18, въ бель-этажѣ). Въ Москвѣ у И. Г. Соловьева (на Страстн. б., д. Алексѣева).

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 36

1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
Выданъ 7 Сентября 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫБРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всея другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.

Генрихъ Ипполитовичъ Семирадскій.

Родъ Семирадскихъ впервые упоминается въ Сандомирской области, гдѣ одинъ изъ членовъ этой фамилии уже въ 1660 году, при королѣ Янѣ Казимирѣ, правилъ должность городского писаря въ Радомѣ; затѣмъ извѣстенъ Войцехъ, каноникъ краковскій, бывший депутатомъ на коронномъ трибуналѣ 1714 года. Подъ конецъ XVII вѣка, одна вѣтвь этой фамилии выселилась въ Червонную Русь (Галицію), гдѣ и до сихъ поръ уцѣлѣли ея представители; другая же поселилась на Литвѣ — и отъ этойто вѣтви ведетъ свое происхождение нашъ талантливый живописецъ. Дѣдъ его былъ подкоморнымъ Новоградскаго уѣзда, а отецъ, вступивъ на военное поприще, дослужился до генеральскаго чина, и получивъ эмеритуру, проживаетъ въ Варшавѣ.

Генрихъ Ипполитовичъ Семирадскій родился въ 1843 году, Харьковской губерніи въ деревнѣ Печенѣгг, гдѣ стоялъ покъ его отца. По совѣту друзей своего мужа, товарищей его по школѣ и Виленскому университету, бывшихъ про-

Г. И. Семирадскій. Рисов. и грав. Боарскій.

фессорами въ Харьковскомъ университетѣ, Александра Мицкевича Альфонса Валицкаго, Оскара Станиславскаго, и директора Харьковской гимназіи Юсіфа Корженевскаго, мать Генриха Ипполитовича поселилась въ Харьковѣ, гдѣ подъ ея надзоромъ молодой Семирадскій учился сначала дома, а потомъ въ мѣстной гимназіи. Будучи еще ребенкомъ, мальчикъ оказывалъ уже большія способности къ рисованію, внимательно присматривался къ хорошимъ картинамъ, когда такія попадались ему, и пробовалъ копировать ихъ еще неумѣлой рукой но смѣлыми штрихами. Родители бытъ можетъ готовили своего многообщающаго сына для иной, болѣе практичной дѣятельности; но видя въ немъ горячую любовь къ искусству, не щадили усилий и средствъ для развитія его дара.

По окончаніи гимназическаго ученія, Семирадскій вступилъ въ Харьковскій университетъ и кончилъ курсъ со степенью кандидата естественныхъ наукъ. Уже 21 года отъ роду, пріѣхавъ онъ въ Петербургъ съ цѣлю

изучения живописи в Академии Художеств. Но тут он повстрѣчался съ непредвидѣнными трудностями: ему отказано въ приемѣ въ Академію на основаніи устава, запрещающаго принимать учениковъ старше 16-лѣтняго возраста. Семирадскій, дѣлать нечего, поступилъ вольноприходящимъ и вскорѣ своими работами обратилъ на себя такое вниманіе профессоровъ, что совѣтъ Академіи постановилъ сдѣлать для него исключеніе и принять его на казенный счетъ.

Впродолженіи шестилѣтняго пребыванія своего въ Академіи Семирадскій получилъ пять серебряныхъ и двѣ золотыхъ медали, а затѣмъ въ 1871 году посланъ на казенный счетъ стипендіатомъ за границу. Первый годъ своего артистическаго путешествія Семирадскій провелъ въ Мюнхенѣ, гдѣ написалъ свою картину «Римляне время Цесаризма», гравюра съ которой была помѣщена въ «Нивѣ» 1874 года. Слѣдующій годъ онъ прожилъ въ Римѣ, гдѣ и написана имъ «Грѣшница», сюжетъ которой заимствованъ имъ изъ поэмы графа А. К. Толстаго. Гравюра съ этой картины была приложена въ видѣ преміи къ «Нивѣ» 1874 года.

Лѣтомъ 1873 года Семирадскій навѣстилъ своихъ родныхъ въ Варшавѣ и здѣсь женился на двоюродной сестрѣ своей, Маріи Прошинской. Затѣмъ снова жилъ въ Римѣ, гдѣ написалъ

свою послѣднюю картину «Засада римскихъ воиновъ, подстерегающихъ христіанъ у входа въ катакомбы».

Немало картинъ Семирадскаго и въ Академіи Художествъ, таковы: «Александръ Македонскій и врачъ его Филиппъ», «Разрушеніе Содома и Гоморры (сепія)», «Избленіе младенцевъ въ Виледемъ», а также множество эскизовъ и картоновъ.

Всѣ произведенія Семирадскаго отличаются мастерствомъ и оригинальностью, при необыкновенной изящности рисунка. Пребываніе за границей и изученіе древнихъ мастеровъ не сдѣлало его подражателемъ той или другой школы. Манера его исполненія самыя любимыя сюжеты его произведеній являются библейскія сцены и эпизоды изъ древней исторіи. Темы онъ всегда выбираетъ эффектные и выполняетъ ихъ съ замѣчательною шириной замысла, тщательно соблюдая мѣстный колоритъ и характеристическія детали аксессуаровъ. При этомъ само собою разумѣется, что художникъ чрезвычайно дорожитъ тѣмъ подспорьемъ, которое оказываетъ искусству археологія. Что касается общаго впечатлѣнія его картинъ, размѣщенія пятенъ, свѣто-тѣни, колорита, постановки фигуръ, игры физиогномій — едва ли найдется въ средѣ современныхъ русскихъ живописцевъ достойный соперникъ Семирадскому, который въ такомъ совершенствѣ владѣетъ всѣмъ этимъ въ совокупности.

РРЕЛЬ-ДЪВКА.

(Изъ жизни въ Тирольскихъ альпахъ).

повѣсть Вильгельмны фонъ-Гиллернъ-Бирхъ.

(Окончаніе).

XIV.

Заря краснаго дня.

Вонъ тамъ—высоко, на уединившемся глетчерѣ, какъ-бы на рукахъ своего *каменнаго отца*,—опять сидитъ она, Валли, это одинокое, отверженное человѣческое существо, бѣдное дитя земли, словно по злобѣ людской заброшенное туда... Она кажется тамъ частичкою громадной скалы; но съ этой твердыни, уходящей за облака, Валли глядитъ внизъ и видитъ тамъ крошечный, игрушечный мірокъ, въ которомъ конечно и не хватило мѣста такому широкому, *большому* сердцу, выросшему среди пустыни, на лонѣ холодныхъ, вѣчно буруемыхъ глетчеровъ. Оттолкнули люди это сердце, отогнали его отъ себя—и вотъ сбылось то, что было предвѣщено сномъ: Валли стала дочерью горнаго великана, онъ принялъ ее въ свою семью. Теперь сердце ея принадлежитъ горамъ; каменная и ледяная равнины—настоящая ея родина, но... сердце все еще остается сердцемъ, не можетъ окаменѣть... Бѣдное, оно безмолвно, среди камней и ледяныхъ глыбъ, истекаетъ горячею кровью... Вѣдь это — еще теплое, человѣческое сердце!..

Съ того дня, какъ Валли явилась сюда, причалила къ послѣдней пристани,—луна два раза была полной, блестящей, и два раза только серпъ ея блѣднѣлъ на темно-синемъ небѣ. Никто съ тѣхъ поръ и не видѣлъ лица Валли; одинъ лишь патеръ гейлихкрейцскій, не смотря на свои старья, слабыя ноги, какъ-то разъ добрался таки до-верху, чтобы повидать Валли и сообщить ей, что Юсифъ поправляется, да встати ужъ передать ей извѣстіе, полученное имъ изъ Италіи, что Викентій застрѣлился... Передъ смертью онъ распорядился закрѣпить все свое имущество за Валли.

Она сложила руки на колѣняхъ и, какъ-бы завидуя успокоившемуся Викентію, промолвила тихо:

— Хорошо ему теперь! Разсчитался онъ скоро...

— Ну, какъ же ты думаешь распорядиться теперь? заговорилъ патеръ.—Кому ты поручишь завѣдывать твоими огромными имѣніями? Тутъ нельзя вѣдь спустя рукава... Да и денегъ много у тебя!

— Да, денегъ и всякаго богатства у меня—просто цѣлый возъ съ сѣномъ!.. А на кой прахъ все это мнѣ? Вотъ, если-бы можно было за этотъ возъ купить хоть одинъ счастливый часъ—ну... Да вѣдь не купишь!.. Надо мнѣ тутъ побыть еще нѣсколько времени, и вотъ,

когда въ головѣ у меня станетъ пояснѣе, когда я оберусь съ мыслями—спущусь и отправлюсь въ Имель, чтобы тамъ, какъ слѣдуетъ, по закону, передать Юсифу все, что имѣю я. Частичку только удѣлю себѣ: нужно будетъ выстроить домишко на зиму—гдѣ нибудь пониже, въ горахъ. Теперь не могу взяться за это, еще ни о чемъ думать не могу... Надо мнѣ тутъ поуходиться маленько, совсѣмъ успокоиться. Да завѣдуйте вы, отецъ мой, всѣмъ имуществомъ моимъ! Работники пусть тамъ дѣлаютъ все, что обязаны дѣлать; за ними вѣдь можно посмотрѣть. Нуждающимся, бѣднякамъ помогайте... Пусть съ сегодняшняго дня не будетъ больше бѣдныхъ на Солнечной площадкѣ!..

Такъ, не долго думая, порѣшила Валли свои дѣла житейскія, отходя отъ міра сего и приближаясь къ тихому пристанищу, „идѣ-же нѣсть ни печалей, ни воздыханія“... Она знала, что ей только и осталось ждать своего послѣдняго часа, и когда Онъ прозвучитъ—дѣло исполненія свершится.

Какъ будто самъ Господь устами старика-патера изрекъ ей тогда:

— Не думай приходить ко Мнѣ до тѣхъ поръ, пока Я самъ не призову тебя!

И вотъ, Валли стала ждать, когда Онъ призоветъ ее... А время такъ ужасно медленно тянется, что, кажется, и не дожидаться ей! Еще долго, долго придется ей терпѣть... Иногда она смотрѣла на свое крѣпкое, мощное тѣло, протягивала сильныя руки—и видѣла, что не скоро все это разрушится, превратится въ прахъ... А чего же ей ждать, какъ не смерти? На смерть—одна надежда. Но Валли знала, что разомъ порѣшится съ собой—нельзя, потому что остальная жизнь ея посвящена теперь покаянію... Да, но почему-же, думалось ей, *не помочь* милосердному Богу освободить ея душу—конечно, тогда, когда Онъ самъ захочетъ этого?... И вотъ, она, очертя голову, стала бить на то, чтобы такъ или иначе ослабить, разрушить свое крѣпкое, здоровое тѣло. Развѣ это самоубійство—какъ можно меньше ѣсть, чтобы только не умереть съ голода? Вѣдь строгій постъ—своего рода покаяніе! Совсѣмъ не прятаться отъ бури, и днемъ, и ночью мокнуть подъ дождемъ, когда даже Ганзль ищетъ, куда-бы ему приткнуться, не обращать вниманія на сырость, холодъ, голодъ, которые могутъ повредить крѣпкому здоровью—развѣ это можно назвать самоубійствомъ?.. Развѣ человѣкъ непременно посягаетъ на свою жизнь, если начинаетъ карабкаться, взбираться на

такія скалы, гдѣ никогда еще не ступала нога человѣческая—съ единственною цѣлью: помочь милосердному Богу (если это только Ему угодно) низвергнуть его въ бездну?.. И Валли какъ-то злорадно поглядывала на свое прекрасное тѣло, которое помаленьку теряло крѣпость, истощалось... Слабѣли могучія силы—и она частенько падала гдѣ нибудь, чувствуя совершенное изнеможеніе, потому что цѣлыми днями блуждала въ горахъ. Если ей приходилось взбираться на крутой утесъ, то она уже ощущала теперь дрожь въ колѣняхъ, а въ груди—стѣсненіе.

Совсѣмъ истомившись, Валли какъ-то разъ принуждена была присѣсть, чтобы собраться съ силами. А высоко она забралась— на одну изъ высочайшихъ вершинъ Мурцоля. Бѣлые гребни, синія ледяныя глыбы окружали ее высокимъ амфитеатромъ. Глядя на эту массу торчащихъ бѣлыхъ зубцовъ, казалось, что тутъ раскинулось громадное кладбище, что это все ряды памятниковъ, покрытыхъ снѣгомъ; суровая зима лишила ихъ обычныхъ украшеній—ни цвѣтовъ, ни зелени нигдѣ не было видно. У самыхъ ногъ Валли лежали зеленоватосинія неподвижныя волны ледянаго моря, широко разливагося до самаго перехода черезъ юхъ. Гробовое безмолвіе царило надъ этимъ мертвымъ, здѣсь, наверху околочившимъ міромъ, а тамъ—словно воплотившаяся свѣтлая мечта, подъ легкой дымкой полуденнаго тумана, сквозила розовая даль съ нѣжными контурами цѣлой массы горныхъ вершинъ. Вонъ—маленькое, такое хорошенькое, свѣтлое облачко заигрываетъ съ темнымъ старцемъ, великаномъ Зимлауномъ, ласкается къ нему, то поднимаясь, то опускаясь—и вдругъ—нѣтъ его: оно исчезло, разорвавшись и рассыпавшись по острымъ камнямъ грозной скалы.

Подперевъ голову рукой, Валли лежала и какъ-то безучастно смотрѣла на облачко, которое на ея глазахъ и пропало безслѣдно. Былъ полдень; солнечныя лучи обжигали ее, но она не обращала на это вниманія. Ганзль сидѣлъ тутъ-же, по близости, и, отъ нечего дѣлать, лѣниво расправляя крылья, занимался чисткою перьевъ. Вдругъ онъ встревожился, видимо чѣмъ-то встревоженный, повернулъ свою чуткую голову и, вытянувъ шею, крикнулъ и перелетѣлъ на болѣе возвышенный пунктъ.

Валли поднялась, желая видѣть, что именно потребовало Ганзля—и увидѣла вдаль, среди застывшихъ волнъ зеленоватосиняго моря, человѣческую фигуру, которая двигалась по направленію именно къ той скалѣ, на которой она теперь стояла. Валли сразу узнала эти черныя глаза, черныя усы. Онъ ласково кланяется, онъ привѣтствуетъ ее еще издали обычной пѣсенкой встрѣчи!.. Вотъ такъ точно было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Валли увидѣла Іосифа съ обрыва Солнечной площадки... Онъ шелъ тогда внизъ, по тропинкѣ, съ какимъ-то чужестранцемъ... Но въ то время она была невиннымъ созданьемъ, почти ребенкомъ, въ сердцѣ много было свѣтлыхъ надеждъ!.. Не лежало тогда на ней проклятія, она не была изгнанницей... поджигательницей!.. Валли не была еще тогда убійцей!..

Сверкнетъ молнія и озаритъ все, что скрыто во мракѣ, и тогда, хотя на мгновеніе, ясно видны горы, долины, лѣса,—такъ было теперь съ Валли: въ душѣ ея блеснулъ яркій огонь и рѣзко освѣтилъ все бывшее... Рядъ знакомыхъ ей картинъ промелькнулъ передъ ея умственнымъ окомъ—и она, содрогаясь, заглянула въ себя. О, какъ глубоко упала Валли!.. Какая разница между прежней и теперешней Валли!.. Но онъ, не обращавшій тогда на нее вниманія, зачѣмъ теперь идетъ къ ней, чего теперь ищетъ у приговоренной, которая уже живо похоронена?..

Она въ страшномъ испугѣ устремила глаза на приближающаго Іосифа, и изъ груди ея вырвался крикъ:

— Боже!.. Да это онъ идетъ!..

Смертельный ужасъ охватилъ Валли—и она прижалась къ каменной глыбѣ, какъ-бы ища спасенія, защиты у своего *второго отца*.

— Остановись тамъ! Бога ради, Іосифъ, не ходи сюда! Назадъ!.. Удались!.. Видѣть тебя я не могу.. не хочу!.. Нельзя, нельзя!..

Но онъ уже былъ на скалѣ... Вотъ онъ и передъ нею. Валли еще крѣпче прижалась къ каменной глыбѣ и протянула руки впередъ, желая защититься.

— Неужели-же на свѣтѣ нѣтъ уголка, гдѣ-бы я могла быть совсѣмъ одна?! возопила она, вся трясаясь.— Не слышишь ты, что я говорю?.. Иди, иди! Чего тебѣ отъ меня?.. Вѣдь я—мертвая... все равно что умерла! О, неужели и умереть-то спокойно не дадутъ мнѣ!..

— Валли!.. Да въ умѣ-ли ты, Валли?.. воскликнулъ Іосифъ и, крѣпко схвативъ дѣвушку за руку, оторвалъ ее отъ каменной глыбы, какъ отрываютъ мохъ, давно приросшій къ камню.— Да посмотри-же на меня, Валли! Умоляю тебя! Отчего ты не хочешь на меня взглянуть?.. Вѣдь это-же я, Іосифъ! Ты мнѣ жизнь спасла... Развѣ спасаютъ жизнь тѣмъ, кого не любятъ?

У нея ноги подкосились—и она упала-бы, если-бы Іосифъ не обнялъ ее. Валли какъ-бы замерла; не только сопротивляться—шевеливаться даже не могла!.. Это уже была не прежняя крѣпкая, здоровая дѣвушка: измученная, обезсиленная она походила теперь на овечку, лежащую на жертвенникѣ, которой уже нанесли смертельный ударъ!.. Голова ея свѣсилась, глаза закрыты!..

— Господи помилуй! Что съ тобой, Валли? Вѣдь ты совсѣмъ какъ умирающая! Это-ли горделивая дочка богача Штротмингера?!.. Хоть слово-то промолви, Валли, приди-же въ себя! Оттого ты такой и стала, что все ты тутъ одна да одна, живешь дикаркой!.. И какъ-же ослабѣла!.. Ну, идемъ, обобриpsy на меня, ужъ я доведу тебя вонъ до той избушечки, внизу-то... Положимъ, я теперь еще далеко не богатырь, однако все-же посильнѣе тебя. Идемъ-же!.. Тутъ, на верхушкѣ, голова у меня кружится, а мнѣ надо о многомъ, о многомъ поговорить съ тобою, Валли!..

И въ самомъ дѣлѣ, Валли такъ ослабѣла, что о сопротивленіи нечего было и думать: покорная, послушная пошла она, поддерживаемая Іосифомъ, который благополучно перешелъ покатою ледяное море и очутился съ нею внизу, у хижинки. Узнавъ, что въ хижинку эту забрался пастухъ, Іосифъ отошелъ немного въ сторону, гдѣ была полянка, и усадилъ тутъ Валли. Она только сложила руки, молча, покорно повинувшись ему... Что-жъ, вѣрно Господь Богъ захотѣлъ наложить на нее это новое испытаніе—и она молилась, прося у Него лишь одной милости: дать ей силы вынести это.

Іосифъ сѣлъ съ нею рядышкомъ, подперъ рукой голову и устремилъ на исхудавшее лицо дѣвушки блестящіе огненные глаза

— Крѣпко, много виноватъ я предъ тобою, Валли, началъ онъ (тонъ голоса его былъ серьезень),—да и давно мнѣ надо было-бы придти сюда, но докторъ и патеръ все не пускали: пугали меня, что я умру, ежели такъ рано отправлюсь въ горы!.. Ну, и подумалъ я: жаль было-бы умереть!.. по той причинѣ, что, ну, вотъ *теперь* именно не хотѣлось-бы мнѣ разставаться съ жизнью!.. Я хочу, Валли, жить (тутъ онъ крѣпко сжалъ ея руку)—жить теперь, потому что началъ жить съ того самаго дня, когда ты спасла меня!.. Да, какъ только я узналъ объ этомъ—все мнѣ стало ясно, я тогда понялъ я и тебя, Валли, и себя!..

Онъ нѣжно провелъ рукой по ея рукѣ.

Валли, испуганная этой лаской, вырвала руку... Она почти задышалась.

— Понимаю теперь, чего ты хочешь, Іосифъ!.. Ты думаешь такъ: вотъ спасла она мнѣ жизнь, и я долженъ, изъ благодарности, полюбить ее и даже... съ Афрой разстаться!.. Нѣтъ, Іосифъ, и не помышляй объ

этомъ... Ни за что!.. Клянусь, хоть я и жалкая, дурная, однако-же не настолько дурная, чтобы могла согласиться принять награду... незаслуженную, принять въ подарокъ сердце, какъ принимаютъ монетку на водку!.. И наконецъ, принявъ это сердце, я-бы... украла его у той, которой оно принадлежит. Нѣтъ, ужъ на такое дѣло Орель-Дѣвка не пойдетъ, хотя она и много дѣлала худаго на своемъ вѣку!.. Благодареніе Всевышнему, что на землѣ есть еще такое зло, совершить которое я не могла-бы... прошептала Валли, какъ-бы разговаривая сама съ собой, и, собравшись съ силами, вдругъ поднялась, чтобы уйдти въ хижинку, къ пастуху, который навистывалъ тамъ какую-то пѣсенку.

Иосифъ вскочилъ и обхватилъ ее своими крѣпкими руками.

— погоди, Валли! Ты должна прежде выслушать меня.

— Нѣтъ, нѣтъ... проговорила она и вдругъ гордо выпрямилась. Губы ея даже побѣлѣли.—Довольно, Иосифъ! Спасибо тебѣ... Намѣренье у тебя было доброе, но... ты совсѣмъ не знаешь меня!

— Пстой, Валли! Говорю тебѣ—погоди! Пойми-же наконецъ... Должна ты выслушать меня!

Онъ положилъ руку на плечо ея и устремилъ на нее такой чарующій повелительный взглядъ, что Валли пошатнулась, дрогнувъ какъ подрѣзанный кобосъ.

— Ну, ладно... говори, почти прошептала она и, отойдя шага на три, въ изнеможеніи опустилась на камень, чтобы быть не такъ близко къ Иосифу.

— Вотъ и прекрасно! Вижу теперь, что и ты можешь быть послушной...

Проговоривъ эти слова съ ласковой улыбкой, онъ растянулся на травѣ у ея ногъ, предварительно снявъ куртку, которую и подсунулъ себѣ подъ локоть, чтобы не быть совсѣмъ въ лежачемъ положеніи. Валли боялась смотрѣть на эту стройную фигуру и сидѣла неподвижно; глаза ея блуждали гдѣ-то... Она чувствовала горячее дыханіе Иосифа; лицо ея потемнѣло отъ тяжелой внутренней борьбы, но снаружи она казалась совершенно спокойною, даже равнодушною.

— Ну, слушай-же, Валли, расскажу тебѣ все, ничего не утаю, началъ Иосифъ:—Я тебя не терпѣлъ—даже и тогда, когда еще совсѣмъ не зналъ тебя. Много ходило толковъ о тебѣ; говорили, что ты и груба, и дика,—ну, и я такъ худо думалъ о тебѣ, что и встрѣчаться-то съ тобой мнѣ не хотѣлось. Однако, я сразу увидѣлъ, что ты красива, стройна, но... смотрѣть на тебя *не хотѣлъ*, а потому и старался избѣгать встрѣчи съ тобою... Такъ-бы все и шло, но ты, столкнувшись съ Афрой, осрамила ее, — ну, а этого я не могъ тебѣ простить, не могъ оставить это такъ! Слушай, сдѣлать чтонибудь Афрѣ—это значитъ тѣ-же самое сдѣлать мнѣ; стѣбитъ ей почувствовать боль—почувствую и я сейчасъ ударъ ножомъ въ сердце, потому что... ну, скрывать ужъ теперь не для чего!—магушки нѣтъ... она проститъ мнѣ... Афра—сестра моя.

Дрожь пробѣжала по тѣлу Валли, и она, совершенно растерявшись, глядѣла на Иосифа.

Помолчавъ съ секунду, онъ провелъ рукавомъ рубашки по вспотѣвшему лбу.

— Я-бы долженъ былъ умолчать объ этомъ, но *тебѣ* нужно все знать... Конечно, ты вѣдь сохранишь это втайнѣ?.. Мать моя, передъ смертью, открылась мнѣ—сказала, что она, до выхода замужъ за моего отца, еще въ Винчагу имѣла ребенка... Я далъ ей клятвенное слово, что буду заботиться, какъ братъ, объ этой дѣвчкѣ—дочери ея. Вотъ, по этой-то причинѣ, я и взялъ Афру оттуда и устроилъ ее на постояломъ дворѣ въ Цвизельштейнѣ, чтобы она была поближе ко мнѣ. Мы обѣщали другъ другу хранить это втайнѣ... Намъ больно было-бы, еслибы о нашей матери стали злословить, тревожить ее въ могилѣ... Ну, понятно теперь тебѣ, почему я не могъ позволить обидѣть Афру? Я долженъ

былъ наказать тебя, долженъ былъ защитить сестру мою... Вѣдь такъ?..

Валли сидѣла неподвижно, только грудь ея тяжело вздымалась—и ей казалось, что вокругъ все вертится, даже глетчеры закружились... Дѣ, все ей стало теперь ясно! И слова Афры у постели Иосифа—понятны... Дѣвушка не могла тогда высказаться...

Валли подняла руки и крѣпко сжала ими голову свою, какъ будто она была не въ силахъ уразумѣть все это настоящимъ манеромъ... О, если это все правда, то какъ-же громадна вина ея!.. Не безчувственного человека, опозорившаго ее изъ-за какой-то безстыжей батрачки, хотѣла она умертвить—нѣтъ, она посягала на жизнь *брата*, который по-братски заступился за свою сестру!.. И если-бъ онъ погибъ—Валли лишила-бы бѣдную сиротку послѣдней опоры въ жизни, сдѣлавъ это единственно въ порывѣ безумной ревности... О, Боже! что-же было-бы, если-бы Иосифъ въ самомъ дѣлѣ... погибъ?!.. шептала она, чувствуя головокруженіе.

Закрывъ лицо руками, Валли сидѣла молча—и только по временамъ глухой стонъ вырывался изъ ея груди.

Иосифъ, какъ-бы не замѣчая волненія ея, снова заговорилъ:

— Ну и объявилъ я тогда во всеуслышаніе на Цвизельштейнскомъ постояломъ дворѣ, объявилъ при всѣхъ, что даю слово проучить Штроммингеру дочь, поубавить ея гордость, однимъ словомъ—пристыдить ее такъ, какъ она пристыдила Афру. Вотъ мы тогда и сочинили собщѣ ту штуку, только Афра тутъ не участвовала... Это было противъ ея желанія. Все пошло какъ по маслу, но когда я началъ съ тобой бороться—или, лучше сказать, въ концѣ нашей борьбы, когда твоя прекрасная грудь прижалась къ моей и я поцѣловалъ тебя—тогда... показалось мнѣ, будто въ груди у меня огонь вспыхнулъ!.. Такъ какъ я слишкомъ долго относился къ тебѣ враждебно, то и не могъ тутъ-же шепнуть тебѣ объ этомъ; а потомъ, съ каждымъ часомъ мнѣ дѣлалось все хуже, тяжелѣе... Тотъ огонь пуце разгорался, онъ прожигалъ меня... Началась мучительная ночь. Я схватывалъ подушку, прижималъ ее къ сердцу, думая, что прижимаю тебя, но сейчасъ просыпался, громко звалъ тебя по имени и, наконецъ, не выдержалъ: вскочилъ, оставилъ постель—мнѣ было душно, жарко въ ней...

— О, замолчи! ты... убьешь меня, прошептала Валли... Она вся горѣла, но онъ, не слушая ея, пылко продолжалъ:

— Живо я одѣлся и, не смотря на то, что была уже ночь, пустился бѣжать туда, прямо на Солнечную Площадку. Все говорить, что-ли?... Хотѣлъ я подъ окномъ твоимъ дожидаться разсвѣта и потомъ стукнуть въ оконницу... Вотъ, думалъ я, стукну, а ты и выглянешь!.. И я ужъ видѣлъ тебя передъ собою: такая ты была прекрасная, нужды нѣтъ, что глазки еще сонные... Личико твое зардѣлось, ты глядишь въ изумленіи... Ну-ужъ тутъ-бы я схватилъ тебя за голову, сталъ-бы цѣловать и вымалывать прощеніе!.. Я-бы тысячу разъ повторялъ: прости меня, прости!.. Вдругъ, около самаго моего уха свистнула пуля, а другая почти сейчасъ-же врѣзалась мнѣ въ плечо... Пошатнулся я, а тутъ сзади кто-то наскочилъ на меня, пихнулъ—и я кувырнулся за перила, полетѣлъ въ пропасть... Прощай, любовь моя, прощай все! Такъ я и порѣшилъ, но... пришла ты, спасительница моя, ангелъ мой; тебѣ стало жалъ меня, ты вытащила погибающаго и потомъ ухаживала за больнымъ, заботилась о немъ... О, Валли!.. милая!..

И онъ бросился къ ногамъ дѣвушки. Сложивъ руки свои на колѣняхъ ея, Иосифъ воскликнулъ:

— Я не въ силахъ отблагодарить тебя такъ, какъ-бы мнѣ хотѣлось! Но если-бы можно было соединить въ одну любовь—любовь всѣхъ, Валли, всѣхъ нынѣ живущихъ и взаимно-любящихъ, то и такая любовь, по си-

Посылка. Съ картины Ламбера, грав. Шаннемакеръ сынъ.

дѣ, была-бы все-таки слабѣе моей... О, какъ я люблю тебя!...

Тутъ сломилась вся сила Валли: какъ она ни крѣпилась, но уже больше выдержать не могла... Изъ груди ея вырвался страшный вопль, дикое отчаяніе охватило ее—она оттолкнула Іосифа и, унавъ ничкомъ, прижалась лицомъ къ травѣ...

— О, какое счастье ожидало меня! Теперь—все... все погубило!...

— Валли... Господи помилуй! Да не помѣшалась-ли ты?... Чтѣ это съ тобой? Вѣдь мы-же любимъ... любимъ другъ друга... Чего-жъ еще? Все, значить, и ладно!...

— Ахъ, Іосифъ, Іосифъ! Нѣтъ, не знаешь ты, что... намъ никогда не жить вмѣстѣ... Это невозможно! Вѣдь я—осуждена, проклята... Не могу я быть женой твоей!... Ужъ лучше растопчи меня, пришиби скорѣй... Это я... я велѣла столкнуть тебя туда!...

Эти ужасныя слова заставили Іосифа вздрогнуть, но онъ все еще сомнѣвался, не хотѣлъ вѣрить: не въ припадкѣ-ли безумія она проговорила это?..

Онъ былъ уже на ногахъ и съ ужасомъ глядѣлъ на нее.

Валли, стоя на колѣняхъ, обняла его ноги и зашептала:

— Я любила тебя, Іосифъ! Полюбила я тебя, какъ только увидѣла, съ первой встрѣчи... И вотъ, изъ-за любви этой отецъ прогналъ меня на Гох-іохъ; любя тебя, я подошла тогда отцовскій домъ; любя тебя, три года пробыла я въ горахъ, голодала, забла среди ледниковъ и готова была умереть, замерзнуть—только-бы не быть женой другого... Одна лишь ревность заставила меня такъ худо поступить съ Афрой—вѣдь я была увѣрена, что она твоя возлюбленная; я думала, что она отрываетъ тебя отъ моего сердца!... Ну, и пришелъ ты ко мнѣ, наконецъ... Да, долго, страшно долго ждала я этой минуты!... Ты на талецъ пригласилъ меня, женихомъ явился... Я боялась, какъ-бы сердце отъ радости не разорвалось!... Вотъ, думала я, обнимешь ты меня, поцѣлуешь какъ свою невѣсту, а ты... на глазахъ у всѣхъ опозорилъ меня!... За любовь мою вѣрну, за всѣ муки, перенесенныя мною изъ любви къ тебѣ, за все, чтѣ я выстрадала—ты срамомъ, стыдомъ отплатилъ мнѣ... Ну, тутъ ужъ я свѣта не взвидѣла, въ головѣ у меня помутилось—и я сказала Викентію, чтобы онъ покончилъ съ тобой!...

Іосифъ закрылъ руками лицо и произнесъ шопотомъ:

— Ужасно!.. О, какъ ужасно это!

— Наступила ночь... Одумалась я, раскаялась, заговорила снова Валли,—и выбѣжала изъ дому, чтобы остановить Викентія, запретить ему, но... поздно схватилась—все было кончено!.. Теперь... ты говоришь мнѣ теперь, что любишь меня, чтѣ думать нечего, все ладно!.. Дѣ, если-бы совѣсть моя была чиста, если-бы прежняя Валли стояла передъ тобой!.. И всему-то причиной ярость моя слѣпая, да злоба дикая!.. Я воображала, что тяжелѣе, хуже того горя и быть не можетъ, которое ты обрушилъ тогда на мою голову... но чтѣ-жъ оно въ сравненіи съ тѣмъ, что сама-то я себѣ надѣлала?!.. О, такъ тебѣ и надо, Валли! такъ и надо!..

Оба замолчали. Молчаніе тянулось довольно долго. Валли прикинула къ колѣнямъ Іосифа; на лбу ея блестя капли пота; она вся трепетала, вздрагивала отъ судорожной боли въ груди. Невыносимо-тяжелыя, тревожныя минуты переживала она теперь... И вдругъ ея рука нѣжно коснулась ея подбородка... Онъ тихо, ласково сталъ поднимать голову Валли... Взглянула она—и увидѣла большіе темные глаза Іосифа: они какъ-то странно, но хорошо такъ глядѣли на нее...

— Охъ, бѣдняжка ты моя! почти беззвучно проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, Іосифъ... нѣтъ! Не щади меня! Бери ружье, стрѣляй въ самое сердце—я не шевельнусь, смиренно

буду стоять... Я спасибо скажу тебѣ за такое доброе дѣло!

Іосифъ нагнулся, обхватилъ Валли, поднялъ ее и, положивъ ея голову къ себѣ на грудь, разгладилъ спутавшіяся пряди волосъ, а затѣмъ—прозвучалъ горячій поцѣлуй, поцѣлуй отъ всего сердца...

— И все-таки я люблю тебя, Валли! воскликнулъ онъ такимъ звучнымъ, громкимъ голосомъ, что слова его, ударившись о голыя ледяныя стѣны горъ, прозвучали еще нѣсколько разъ.

А она почти не въ состояніи была шевельнуться, стояла молча, пораженная новымъ ударомъ, но на этотъ разъ—ударомъ хлынувшей на нее волны счастья.

— Не вѣритесь мнѣ!.. Неужели Іосифъ, ты... все забываешь?.. Хорошо, простить меня ты можешь, лепетала Валли задыхаясь,—а Богъ-то... Богъ проститъ-ли?..

— Я выслушалъ тебя до конца; я видѣлъ, Валли, твое прекрасное, милое лицо, замоченное слезами,—ну, и послѣ этого—есть-ли возможность гнѣваться на тебя?.. Вотъ, если-бы сердце было каменное—другое дѣло, а оно у меня хоть и жестковато, однако все-же не изъ камня! Нѣтъ, не способенъ я на это!..

— О, Боже Милостивый! проговорила Валли, а слезы такъ и брызнули изъ ея глазъ.—Если подумать только, какое я сердце-то хотѣла угонить на вѣки-вѣчныя?!..

Всплеснувъ руками, она такъ стала сжимать ихъ, чтѣ суставы затрещали.

— Добрѣйшая ты душа! Знаешь-ли, чѣмъ ты добрѣе ко мнѣ теперь, тѣмъ больнѣе, страшнѣе мучить меня раскаяніе... Нѣтъ, ужъ никогда, видно, и не успокоится мнѣ—ни въ этомъ мірѣ, ни въ томъ! Не женой мнѣ твоей быть, а рабой... Ты будешь спать на постели, я—на порогѣ! Буду работницей твоей, служанкой... Такъ въ глаза тебѣ и буду смотрѣть! Ударить ты меня—я колѣни твои обниму; ногой отпихнешь—стану просить, умолять тебя умилостивиться, до тѣхъ поръ просить, пока ты не взглянешь на меня добрѣе... Одинъ твой милостивый взглядъ, одно доброе слово—и я буду довольна, счастлива!.. Даже и этого-то много, потому что и такой милости я не стою!..

— Такъ ты полагаешь, что съ меня и этого будетъ? Какъ бы не такъ! воскликнулъ съ жаромъ Іосифъ.—Одинъ взглядъ, одно слово—*только-то*? Маловато это мнѣ!.. Да развѣ я вытерплю—допущу—оставлю тебя на порогѣ?.. Какъ?.. самъ я въ комнатѣ, а ты—за дверью?.. И ты могла думать, что я не позову тебя, что ты тамъ такъ и останешься?!

Валли хотѣла высвободиться отъ него, лицо ея горѣло, она закрыла его руками; но Іосифъ не выпустилъ Валли—онъ сѣлъ и взялъ ее къ себѣ на колѣни, и снова зазвучалъ прекрасный голосъ его.

— Успокойся, голубка моя! Совсѣмъ, совсѣмъ не тревожь ты себя... Развеселись, возрадуйся—вѣдь это же Богъ послалъ тебѣ! Развѣ ты не искренно раскаялась?.. Прочь всѣ упреки! Ни о чемъ не думай, не мучь себя, Валли! Вѣдь я—видитъ Богъ!—тоже много, много виноватъ передъ тобой: крѣпко раздражилъ я тебя, платилъ за твою постоянную, вѣрную любовь однимъ презрѣніемъ, издѣвался надъ твоимъ сердцемъ... Чтѣ-жъ, не удивительно, что ты наконецъ и не вытерпѣла!.. Можно-ли винить тебя? Не даромъ же ты Орель-Дѣвка! А потомъ? тебѣ самой же стало жаль меня: очертя голову, ты кинулась спасать погибающаго, спасла его, сама была на волосокъ отъ смерти... Никто изъ мужчинъ не рѣшился вѣдь спуститься въ пропасть, вытаскать меня! Ты распорядилась, чтобы перенесли меня въ твою комнату и уложили тамъ на твоей постели: ты стала ходить за мной, сидѣлкой была у меня—до прихода Афры... Она, дурочка этакая, невольно выгнала тебя, потому что ты-то сама воображала, что Афра—невѣста моя. Но и это еще не все: ты домъ свой оставила, ушла, задумавъ передать намъ все свое имущество, что-

бы я могъ безбѣдно захить съ Афрой... Въ глушь, въ горы удалилась ты, взявъ съ собой только одно—тяжелое горе свое!.. Голубка ты моя бѣдная! Вѣдь съ того часа, какъ ты узнала меня, у тебя не было ни одного краснаго дня, ни одной счастливой минуты,—и неужели, послѣ всего этого, мнѣ не полюбить тебя, неужели... возможно-ли, чтобы мы не были теперь счастливы? О, Валли, знаешь-ли, если бы всѣ, всѣ продолжали пегодовать на тебя—я бы просто плюнулъ на всѣхъ, а тебя схватилъ бы, прижалъ къ груди и посмотрѣлъ бы тогда, кто бы еще осмѣлился мнѣ хоть слово сказать или что-нибудь сдѣлать!..

— И ты все это—взаправду?.. Да?.. Ты хочешь снять съ меня стыдъ, горе, ты открываешь мнѣ объятія, отдаешь мнѣ такое доброе, великое сердце? Вѣдь я—Орель-Дѣвка... Не боишься дикой Валли, натворившей столько бѣдовыхъ дѣлъ?..

— Мнѣ-то, Иосифу, котораго прозвали „Медвѣжатникомъ“, да побоятся Орель-Дѣвки?.. Нѣтъ, милочка, если бы ты была еще больше дикой—я бы и тогда не струсилъ: знаю вѣдь, все равно, совладать бы съ тобой!.. Помнишь, это ужъ было разъ сказано, но тогда говорилъ я въ злобѣ, а теперь—*любя* говорю!.. А если бы и не могъ совладать, если бы даже зналъ, что недѣли черезъ двѣ погубишь ты меня—*все равно* — не ушелъ бы отъ тебя, потому что не въ силахъ былъ-бы съ тобой разстаться. Сколько разъ (имъ и счету нѣтъ!) выслѣживалъ я серну въ такихъ мѣстахъ, гдѣ смерть была на каждомъ шагу, однако-же не останавливался, продолжалъ преслѣдовать ее—такъ неужели-же отъ тебя, такой чудной, милой дѣвушки, я отстану?.. Неужели ты не драгоценнѣе серны для меня?.. Вотъ что я тебѣ скажу: за одинъ часъ этотъ, за одинъ такой твой взглядъ, Валли, за одну вотъ такую ласку—я жизнь готовъ отдать!..

И онъ такъ сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ, что она съ трудомъ могла вздохнуть.

— Еще недѣльки двѣ—и ты станешь женой моей, а ужъ тогда, знаю я, никогда и мысли не будетъ у тебя погубить меня... Да, не будетъ... Вѣдь я теперь вижу твое сердце, все, все вижу въ немъ!..

Валли не выдержала, вскочила и, поднявъ руки, воскликнула:

— О, Господи! Великій, милосердый Отецъ! Пока жива я—буду прославлять, восхвалять Твое имя!.. То, что даровалъ Ты мнѣ—куда больше земнаго счастья... Это—заря краснаго дня, заря другихъ милостей, которыя Ты посылаешь мнѣ!..

Наступилъ тихій вечеръ. Полная луна, всплывшая надъ горой, такъ ласково смотрѣла сверху на Иосифа и Валли, что, казалось, это кроткое, свѣтлое лицо любовалось счастливой парочкой. Темно-синія тѣни широкими полосами легли ужъ въ долинахъ... Въ такое позднее время спускаться внизъ было-бы дѣломъ рискованнымъ, а потому они и отложили это на завтра. Войдя въ избушку и разведя огонь, Иосифъ и Валли усѣлись у очага... Ну ужъ и наговорились тутъ они всласть послѣ такой продолжительной молчанки!..

А на крышкѣ хижинки сидѣлъ Ганзль—тоже въ сладкой дремотѣ... Ему грезилось, что онъ гнѣздо себѣ устраиваетъ...

Ночной вѣтерокъ какъ-то особенно гармонично шумѣлъ, налетая на избушку и слегка посвистывая въ ея щеляхъ. Яркая голубая звѣзда, щурясь и мигая, все заглядывала въ окошечко...

На другой день, утромъ, Иосифъ и Валли, уже собравшись домой, стояли у дверей хижинки.

— Ну, отецъ Мурцолль, прощай! Оставайся тутъ съ Богомъ! проговорила Валли, и по ея щекамъ скатилась слезинка, въ которой сверкнулъ первый лучъ восходящаго солнца.—Прощай же! Ужъ я теперь не вернусь больше къ тебѣ: счастье мое вонъ тамъ, внизу... Но

благодарю тебя! Ты приютилъ бозприютную, позволилъ мнѣ пробыть здѣсь столько времени. Прости и ты, старенькая избушка! Пустою будешь ты стоять, но я—тамъ, въ теплой горенкѣ, у дружка моего милаго, вспоминая буду, какъ забла у тутъ, наверху, подъ твоей крышкой; какъ плакала, отчаявалась... ну, и никогда ужъ не возмечтаю больше о себѣ, не возгоржусь собой!..

Положивъ руку свою въ руку Иосифа, Валли обратилась теперь къ нему:

— Идемъ же, идемъ, чтобы захватить до обѣда нашего дорогаго гейлихкрейцскаго старичка.

— Идемъ, Валли! Моя красавица-невѣста, я поведу тебя домой!.. Ну, что-жъ вы, *блаженные дѣвы*—а?.. моя же вотъ она, *моя*—на зло всѣмъ вамъ и прочимъ лиходѣямъ!

Тутъ Иосифъ пустилъ въ голубую даль такой раскатистый, громкій іодль, который скорѣе походилъ на звукъ трубы въ день втораго пришествія, чѣмъ на челоуѣчскій голосъ.

— Цт!.. Какъ можно?!.. Потихе, Иосифъ! жалобно прошептала Валли и, въ испугѣ, закрыла ему ротъ рукой.—Не вызывай, не тревожь ихъ!..

И сейчасъ же улыбнулась, весело прибавивъ:

— Экъ я! Вѣдь нѣтъ ни горныхъ дѣвъ, ни другихъ злыхъ духовъ!.. Отецъ Небесный, Всевышній—Онъ одинъ только и есть!..

Валли оглянулась въ послѣдній разъ... Верхушки горъ, бѣлыя какъ сахаръ, совсѣмъ зарумянились подъ лучами утренняго солнца.

— А вѣдь какъ тутъ, наверху, хорошо! проговорила она, все еще не двигаясь съ мѣста.

— Развѣ ты жалѣешь, что идешь со мною внизъ? спросилъ Иосифъ.

— Жалю?.. Нѣтъ, Иосифъ, если бы ты сказалъ мнѣ: „ступай за мной въ преисподнюю, гдѣ тьма кромѣшная“—я пошла бы за тобой, словечка не промолвила бы, спрашивать даже не стала бы, куда ведешь меня!..

Голосъ ея звучалъ такъ нѣжно, сладко, что Иосифъ не выдержалъ и прослезился.

Тутъ съ крышки что-то съ шумомъ сорвалось и зашуршало въ воздухъ.

— Ахъ, Ганзль! воскликнула Валли,—вѣдь вотъ чуть не забыла тебя!.. Ну, Иосифъ, прибавила она съ улыбкой,—надо ужъ тебѣ подружиться съ нимъ: теперь вы по судябѣ—братья! И тебя, и его раздобыла я себѣ изъ гропасты, съ утеса достала васъ!

И они начали спускаться.

Женихъ да невѣста—вотъ и весь свадебный поѣздъ. Не щеголяла невѣста нарядомъ, за то золотые лучи восходящаго солнца сплетались надъ ея головой въ блестящій громадный вѣнецъ, а вмѣсто дружки сопровождалъ ихъ орель, высоко рѣя надъ ними въ бездонной синевѣ... Чего же имъ больше?.. Иосифъ и Валли ощущали невыразимое счастье; они сознавали его, наслаждались, потому что счастье это не дешево досталось имъ.

На вершинѣ скалы, на Солнечной Площадкѣ, съ которой когда-то „задумчиво устремляла взоръ дикая, робкая дѣвушка горь“, откуда она потомъ спустилась въ темную пропасть, чтобы спасти того, кого она любила,—возвышается теперь большой крестъ, какъ бы возносясь въ небесную синеву. Это — памятникъ Валли-Орель-Дѣвкѣ и мужу ея Иосифу - Медвѣжатнику, воздвигнутый жителями Солнечной площадки въ благодарность за всѣ ихъ благодѣянія.

Валли и Иосифъ не дожили до преклонныхъ лѣтъ, но имена ихъ и до сихъ поръ не забыты, и слава о нихъ не умретъ, пока не перестанетъ грохотать бурливый Ахъ. Запоздалый путникъ, проходя ущельемъ внизъ, слышитъ далекій вечерній звонъ и останавливается... Закинувъ голову, онъ видитъ тамъ, на вершинѣ,

у креста, двѣ человѣческія фигурки, освѣщенные серебристо-палевыми лучами луны... Это — Афра и Бенедиктъ, супруги, уже убѣленные сѣдинами. Частенько приходятъ они сюда изъ Рофена, чтобъ помолиться у подножія этого простаго памятника. Валли сама соединила ихъ, и вотъ старички эти, доживая можетъ быть послѣдніе дни, все еще благословляютъ ея память.

Клубятся въ ущельѣ бѣлые туманы и, словно призраки, окружаютъ путника, напоминая о „блаженныхъ дѣвахъ“... А крестъ навѣваетъ инныя думы—и слышатся тутъ какіе-то жалобные вопли изъ временъ давно-ми-

нувшихъ... О чемъ они?... Все на свѣтѣ прахъ и тлѣнь; все переходяще—и сильное, и слабое!.. Да, но почему же не утѣшиться хоть тѣмъ, что *сильное* не погибаетъ? Исчезаетъ, умираетъ только то, въ чемъ оно временно проявляетъ себя; гибнетъ оболочка, содержимое же — вѣчно!

Такъ, подъ блестящими-ли панцырями Нибелунговъ, подъ грубой-ли крестьянской одеждой какого-нибудь Іосифа-Медвѣжатника и Валли Орель-Дѣвки, мы видимъ одно и то же—нетлѣнное, вѣчное—живую, неизмѣнную силу.

П о с ы л к а.

Мы навѣрное не ошибемся, если скажемъ, что между нашими читателями, а особенно между читательницами, есть страстные любители котятъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ не залюбоваться наиримѣрь прилагаемой нами картинкой, изъ которой смотрятъ на васъ какъ живыя эти хорошенькія мордочки съ блестящими глазенками, съ разинутыми маленькими ротиками и острыми зубенками, какъ у миниатюрныхъ львятъ. Эта картина была выставлена французскимъ художникомъ Эженемъ Ламберомъ на парижской художественной выставкѣ нынѣшняго года, и привлекла къ себѣ вниманіе публики больше всякихъ большихъ картинъ на академическія темы съ классическими претензіями.

Эжень Ламберъ въ совершенствѣ изучилъ этихъ граціозныхъ животныхъ; нѣкто лучше его не сумѣетъ передать всѣхъ ихъ

кокетливыхъ движеній, взерошнить или разгладить ихъ шелковистую шерстку, зажечь быстрые глазенки или написать эти очаровательные розовые носишки,—однимъ словомъ, котята Ламбера могутъ просто вскружить голову любителю. Это художникъ-натуралистъ, произведенія котораго всегда дышатъ правдой и кромѣ того положительнымъ умомъ. Чтѣ можетъ быть прелестнѣе этой живой «посылки», и кто бы отказался отъ нея? Четыре очаровательныхъ котеночка усажены въ плетеную корзину съ крышкой; рѣзвымъ созданіямъ не сидится въ заперти; они мяукаютъ, открыли крышку и уже просунули свои толстенькія лапки за край корзины. Который изъ котеночковъ лучше? Каждый прелестенъ въ своемъ родѣ. Такая корзина съ котятами можетъ быть не менѣе, если еще не болѣе приятной «посылкой», чѣмъ самый прекрасный букетъ цвѣтовъ.

Какъ это нравится вамъ?..

(Голоса изъ толпы).

Онъ ничего не имѣлъ за душою,
Къ честной работѣ любви не питаль,
Но... говорятъ, чтобъ карась не дремалъ
Въ морѣ есть щука на то—и такую
Щукою сталъ онъ на страхъ карасямъ.
Нынче онъ толстѣ и румянъ; проживаетъ
Въ собственномъ домѣ, на биржѣ бываетъ,
Былъ и присяжнымъ....

—„Потачки ворами“

Я не даю, отозвался онъ строго:—
Стали ужъ нынче оправдывать много!..
Какъ это нравится вамъ?“....

* * *

Барыня въ бархатъ и шелкъ раздѣта,
Барыни нужно сейчасъ со двора—
Восемь визитовъ отдать! И карета
Барыню ждетъ у подъѣзда съ утра.
Дерзкая прачка вдругъ стала предъ нею:
„Я, говорить, уже два мѣсяца жду
Денегъ отъ васъ!“—

—„Извини, не имѣю,

Милая, времени“....

—„Я не уйду!

Вы обѣщали—я долго терпѣла.
Деньги отдайте! Вѣдь это-же—срамъ!“
—„Какъ ты безъ спроса войдти сюда смѣла?
Какъ это нравится вамъ?“....

* * *

Дѣвушка плачетъ, а мать утѣшаетъ:
„Полно-же, Даша! Вѣдь портишь глаза!..
Мать тебѣ, дуручка, счастья желаетъ....
А фермуаръ-то какой! Бирюза,
Ну, и алмазы совсѣмъ настоящіе!
Это вѣдь третій подарокъ ея“....
—„Ахъ, что мнѣ эти подарки блестящіе?..

Я не могу... не пойду за него...

Лучше... позвольте мнѣ быть гувернанткой!

Стану работать, сидѣть по ночамъ“....

—„Значитъ, меня ты считаешь тиранкой?..

Какъ это... нравится вамъ?“....

* * *

Лѣтъ ему—сорокъ, а ловко порхаетъ...
Жизни разгульной слѣды на челѣ;
Любить онъ „буффъ“ и балетъ посѣщаетъ,
Розовыхъ куча записокъ въ столѣ...
Милъ и любезенъ съ законной женою,
Ей не рѣшится ни въ чемъ отказать,
Только-бы.... дѣла сидѣла!..

—„Съ тобою
Ваничка, Лиза... Ну, гдѣ-же скучать?“..
Какъ-то однажды, въ одиннадцатъ ровно
Прибылъ домой онъ...
—„Гдѣ-жъ барыня? Тамъ?“
—„Въ гости уѣхали-съ Ольга Петровна“...
—„Какъ это нр-рравится вамъ?“....

* * *

Умеръ почтеннѣйшій Сидоръ Петровичъ;
Куча знакомыхъ за гробомъ пѣшкомъ
Шествуетъ тихо... А Павелъ-то Львовичъ
Носъ и глаза утираетъ платкомъ.
—„Охъ, понесли мы потерю какую!
Просто не вѣрится... Вотъ, и смирисъ!“
Кончены проводы... Въ яму сырую
Гробъ опустили—и всѣ разошлись.
—„Что-о? Говорите—не будетъ поминокъ?“
—„Да-съ, Павелъ Львовичъ! Ужъ намъ—по домамъ“..
—„Н-ну! Хоть-бы рюмочку... пару сардинокъ....
Какъ это... нравится вамъ?“....

В.

Казнь слономъ въ Вародѣ. Рис. Вааръ, грав. Паннемакеръ.

КАЗНЬ СЛОНОМЪ ВЪ БАРОДЪ

Въ памяти читателей конечно еще свѣжи газетныя извѣстія объ арестованіи англичанами властителя Бароды, этой благо-словенной природою и до послѣдняго времени крайне несчастной страны. Барода, или Гуджера, владѣніе въ 208 кв. миль, лежитъ между рѣкою Камбодже и Мальвскою равниною, на западныхъ отрогахъ Виндійскихъ горъ, въ Бомбейскомъ президентствѣ Британской Индіи. Климатъ здѣсь благообразный, въ которомъ тропической жаръ умѣряется съ одной стороны горными цѣпями, а съ другой близостью моря и югозападными муссонами. Богатѣйшая растительность привлекала внимание естествоиспытателей еще со временъ Аристотеля. Главнѣйшими питательными и хозяйственными растеніями являются: рисъ, пшеница, ячмень, мансъ, сахарный тростникъ, кофейное дерево, хлопчатникъ, множество фруктовыхъ деревьевъ и пряностей. Непроходимые лѣса даютъ убѣжище слонамъ и носорогамъ, тиграмъ, кабанамъ и прочей крупной дичи. Домашнихъ животныхъ составляютъ тотъ же слонъ, буйволъ, замѣняющій здѣсь сравнительно-рѣдкую лошадь не только при обработкѣ полей, но и въ вѣдѣ, далѣе верблюдъ, зебу, овцы и проч. Въ окрестныхъ горахъ добываются горный хрусталь, аметисты, хризолиты, гранаты, изумруды и бѣлый мраморъ. Населеніе всѣхъ владѣній гвикоара, простирающееся до двухъ мильоновъ, смѣшаннаго типа, отличнаго отъ собственно индусовъ; особенно многочисленно дикое и разбойническое племя Вгиль, остатокъ первоначальнаго неарійскаго населенія, затѣмъ воинственные маратты, пиндари, парсы или гебры (огнепоклонники) и проч. Преобладающій языкъ — маратскій, санскритскаго корня. Вѣра — браминская. Собственно въ Бародѣ населеніе простирается до 325,500 жителей, состоящихъ подъ властью маратской династїи гвикоаровъ. Столица этой провинціи или такъ-называемаго царства Гвикоара, Барода, большой городъ, лежащій въ плодородной и хорошо-обработанной мѣстности при рѣкѣ Инсвамитрѣ, съ царскимъ дворцомъ, нѣсколькими пагодами, и обширными цистернами. Въ 20 миляхъ на сѣверовостокъ отъ Бароды, среди равнины возвышается гора съ вѣчающими ея остатками крѣпости Чампаниръ или Повангаръ, изъ пяти рядовъ стѣнъ, обильно снабженной водою и пѣкогда слышавшей непрестанной до тѣхъ поръ, пока англичане не взяли ее въ 1803 г. На самомъ возвышенномъ мѣстѣ ея расположенъ древній храмъ, къ которому ведутъ 240 ступеней, посвященный богинѣ Кали.

Барода, вмѣстѣ со множествомъ мелкихъ вассальныхъ и зависимыхъ отъ нея владѣній на полуостровѣ Каттиварѣ, входитъ

въ число такъ-называемыхъ союзныхъ государствъ, платящихъ остъиндскому правительству субсидію, на которую оно содержитъ войско (до 6,000) при дворѣ властителя, гдѣ также находится и англійскій резидентъ для надзора за управленіемъ гвикоара. Послѣдній изъ гвикоаровъ Мульхаръ-Рао, получившій около 700,000 фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода, былъ, какъ извѣстно, безумный расточитель, сластолюбецъ и необузданный деспотъ, подъ игомъ котораго изнывала несчастная страна. До какой степени простиралась его жестокость и злоупотребленіе властью — можно видѣть изъ прилагаемаго рисунка; только уточненное звѣрство могло изобрѣсти подобнаго рода казнь. Осужденный кладъ голову на плаху, къ нему подводили ручнаго слона, и громадное твердокожее ногою расплющивало черепъ несчастнаго, котораго вся вина нерѣдко состояла въ навлеченіи какого-нибудь личнаго неудовольствія со стороны своего повелителя. Правленіе его было такъ дурно, что англійское правительство болѣе оставило его безнаказаннымъ, чтобы не подать заразительнаго примѣра другимъ союзнымъ магараджамъ. Наряжена была особая слѣдственная коммиссія — и результаты слѣдствія были таковы, что если бы вице-король Остъ-Индіи лордъ Нортбрукъ тотчасъ же низложилъ Гвикоара, мѣра эта была бы понята и одобрена всѣми сосѣдними правителями. Но онъ предпочелъ болѣе кроткія мѣры. Онъ далъ Гвикоару 18-мѣсячную отсрочку, предупредивъ его, что если въ теченіи этого времени онъ не улучшитъ администраціи въ своемъ государствѣ, то вице-король сочтетъ тягостною необходимостью низложить его. Въмѣсто того чтобы воспользоваться милостивымъ предостереженіемъ, Гвикоаръ сдѣлалъ попытку отравить англійскаго резидента при дворѣ его, полковника Файра. Надъ Гвикоаромъ наряженъ былъ судъ — но такъ какъ не было очевидныхъ доказательствъ преступленія, то мнѣнія членовъ суда раздѣлились — приговоръ состоялся если не оправдательный, то по крайней мѣрѣ обвиненіе признали недоказаннымъ. Тѣмъ не менѣе Гвикоаръ былъ низложенъ прокламаціею вице-короля въ силу полной неспособности управлять государствомъ, съ разрѣшеніемъ вдовѣ прежняго правителя Бароды Хундп-Рао усунуть одного изъ членовъ маратской фамиліи Гвикоаровъ, котораго правительство и признаетъ въ качествѣ властителя Бароды. Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ беспорядковъ, возбужденныхъ налогами Мульхаръ-Рао, новымъ Гвикоаромъ Бародскимъ былъ избранъ старшій изъ трехъ сыновей покойнаго Хунди-Рао, Гопаль-Рао, и возведенъ въ этотъ санъ 27-го мая.

ЗЕМНАЯ АТМОСФЕРА

(Окончаніе).

Чѣмъ болѣе уменьшается плотность тѣла, тѣмъ болѣе увеличивается его теплоемкость; верхнія части атмосферы могутъ поэтому поглощать столько же теплоты солнечныхъ лучей, сколько и нижніе, не нагреваясь при этомъ такъ, какъ нагреваются нижніе. Когда нижніе слои воздуха, нагреваемые тепловыми лучами земли, становятся болѣе и болѣе легкими и, наконецъ, устремляются въ высоту, то температура ихъ (мы не принимаемъ въ расчетъ другихъ причинъ, имѣющихъ вліяніе на измѣненіе температуры) понижается, ибо уменьшающееся воздушное давленіе расширяетъ ихъ. Вотъ одна изъ причинъ того, что на высокихъ горахъ холоднее, чѣмъ при уровнѣ моря. Другая причина этого явленія состоитъ въ томъ, что лучеиспусканіе горъ совершается съ меньшими препятствіями, чѣмъ лучеиспусканіе низменностей, — и что горы, находясь на довольно близкомъ разстояніи отъ пространства съ -5° и даже -60° температуры, могутъ охлаждаться скорѣе, чѣмъ низменности. Если бы обѣ причины нагреванія атмосферы дѣйствовали вездѣ съ одинаковою силой и если бы атмосфера представляла неподвижную массу постоянной плотности, то температура слоевъ ея была бы одинакова лишь по вертикальнымъ направленіямъ — и такое распределеніе температуры было бы неизмѣнно. Но причины ея нагреванія и ея состояніе переменчивы. Само по себѣ солнце можетъ быть разсматриваемо какъ неизмѣнный источникъ теплоты, хотя съ теченіемъ столѣтій въ напряженности его могутъ произойти измѣненія, — но дѣйствіе его на нашу планету измѣняется съ географическою широтою и при одной и той же широтѣ со временемъ дня и года; земная поверхность есть весьма переменчивый источникъ теплоты, ибо ея температура зависитъ отъ переменчиваго дѣйствія солнечныхъ лучей. Обѣ эти причины производятъ различіе температуръ атмосферы въ меридіанальномъ направленіи и колебаніе ея въ одномъ и томъ же мѣстѣ, соответствующее времени дня и года. Ко всему этому атмосфера обладаетъ большою подвижностью; неравное нагреваніе ея производитъ теченія воздуха и вѣтры. Прилежащіе къ земной поверхности слои атмосферы нагреваются сильнѣе, чѣмъ нужно для равновѣсія съ верхними слоями ея; это производитъ восходящія теченія воздуха, на мѣсто котораго устремляются болѣе плотный воздухъ изъ болѣе холодныхъ

странъ. Такія восходящія теченія днемъ образуются вездѣ; они бываютъ сильнѣе лѣтомъ, чѣмъ зимою; особенно сильны они въ экваторіальныхъ странахъ. Никогда не прекращающіяся экваторіальныя восходящія теченія, поднявшись на нѣкоторую высоту, направляются къ полюсамъ, а оттуда устремляются къ экватору болѣе холодный воздухъ, такимъ образомъ происходитъ общее движеніе атмосферы, которое отчасти уравниваетъ температуру ея. Если бы нагреваніе земной поверхности находилось въ прямомъ отношеніи къ количеству падающихъ на нее солнечныхъ лучей, то распределеніе и колебаніе температуры въ атмосферѣ совершалось бы по несложному закону: температура воздуха извѣстнаго мѣста зависла бы лишь отъ географической широты, высоты надъ уровнемъ моря, времени дня и года. Но температура извѣстной части земной поверхности зависитъ не отъ одного количества падающихъ на нее солнечныхъ лучей; она зависитъ еще отъ свойствъ и мѣстнаго положенія этой части. Сухая песчаная почва нагревается болѣе, чѣмъ влажный лугъ или лѣсная мѣстность; камни съ темнымъ оттѣнкомъ цвѣта нагреваются болѣе, чѣмъ камни съ свѣтлымъ оттѣнкомъ цвѣта; низменности нагреваются болѣе, чѣмъ высокія горы; вообще твердая земля нагревается болѣе, чѣмъ вода. Стремленіе къ охлажденію того или другаго мѣста земной поверхности находится въ прямомъ отношеніи къ способности его нагреваться. Неодинаковое въ меридіанальномъ направленіи нагреваніе морской поверхности производитъ морскія теченія, которыя стремятся уравнять температуру моря. Все это дѣйствуетъ на атмосферу съ своей стороны, измѣняя направленіе и силу общихъ теченій воздуха и производя большое число болѣе или менѣе мѣстныхъ. Явленія испаренія совсѣмъ уже заутылаютъ законъ распределенія и колебанія температуръ въ атмосферѣ. Испареніе воды сопровождается превращеніемъ весьма значительнаго количества теплоты въ скрытое состояніе переходя паровъ воды въ жидкое состояніе, наоборотъ, сопровождается освобожденіемъ этой теплоты. Слѣдствіе присутствія водянаго пара въ атмосферѣ степень прозрачности ея чрезвычайно переменчива, а это имѣетъ вліяніе какъ на нагреваніе солнечными лучами нижнихъ слоевъ воздуха и земной поверхности, такъ и на лучеиспусканіе ихъ. Днемъ густой облачный слой,

отражая или поглощая большую часть солнечной теплоты, дает проникнуть чрез себя лишь небольшой ее части; ночью, напротив, он препятствует нижним слоям воздуха и земной поверхности охлаждаться лучеиспусканием в пространство. Вообще облака уравнивают температуру и уменьшают колебания ее. В мѣстностях, не слишком удаленных от моря, и в мѣстностях, часто подвергающихся дѣйствию дюцихъ съ моря вѣтровъ, облака составляютъ частое явленіе—и тамъ нѣтъ такихъ большихъ крайностей въ измѣненіи температуры, какія часто бываютъ въ другихъ мѣстностях, лежащихъ хоть и подъ тою же географическою широтою, но на большихъ разстояніяхъ отъ моря. Всѣ эти второстепенныя причины распредѣленія и колебанія температуры въ атмосферѣ стремятся поставить ихъ въ зависимость отъ очертанія материковъ и отъ свойствъ ихъ поверхности. Объ опредѣленіи общаго закона, по которому распредѣляется и колеблется температура въ атмосферѣ, теперь нечего и думать; до сихъ поръ изъ ряда весьма многочисленныхъ наблюденій могли вывести лишь нѣсколько частныхъ законовъ. Узнать законъ объ уменьшеніи температуры слоевъ воздуха по мѣрѣ удаленія отъ земной поверхности — также въ высшей степени затруднительно; этому препятствуютъ постоянныя воздушныя теченія, слои тумана и пр. Въ 1804 году Гей-Люссака достигъ въ аэростатѣ высоты въ 6780 метровъ; у земной поверхности температура была $+24,8^{\circ}$ R, а на этой высотѣ $-7,6^{\circ}$ R, т. е. на этой высотѣ температура была на $32,4^{\circ}$ R ниже, чѣмъ у земной поверхности. 15-го іюля 1840 года Барраль и Биксио достигли почти той же высоты; на высотѣ въ 1883 метра они вступили въ туманный слой, верхняя граница котораго тогда лишь была ими достигнута, когда они поднялись на высоту въ 6,277 метровъ; вблизи отъ верхней границы этого слоя температура была -8° R, на самой границѣ — $18,4^{\circ}$, на высотѣ въ 6,609 метровъ — $3\frac{1}{2}^{\circ}$ R. 10-го марта 1874 г. Крочъ-Спинелли и Сивель предприняли воздушное путешествіе съ цѣлью научнаго изслѣдованія атмосферы; они достигли высоты въ 7,300 метровъ. При отправленіи ихъ температура была $+13^{\circ}$ C; по отправленіи ихъ она быстро понижалась до тѣхъ поръ, пока они не вступили въ облачный слой, гдѣ она была 0° C; на верхней границѣ этого слоя она была $+2^{\circ}$ C; затѣмъ она прогрессивно понижалась до тѣхъ поръ, пока они не достигли высоты въ 7,000 метровъ; дальѣ путешествія не могли наблюдать температуры. Гумбольдтъ нашелъ, что въ горахъ Южной Америки поднятію на 4,888 метровъ соответствуетъ пониженіе температуры въ 20° R; такимъ образомъ, тамъ среднимъ числомъ поднятію на 249 метровъ соответствуетъ пониженіе температуры на 1° R; то же пониженіе температуры соответствуетъ въ Альпахъ поднятію на 241 метръ, въ Пиренеяхъ на 198 метровъ, по Соскору въ Швейцаріи лѣтомъ на 188, зимой на 223. Но на Мельвиллѣ при 25° R Парри не замѣтилъ никакого пониженія температуры, поднявшись на 125,5 метра. Съ поднятіемъ надъ какою-нибудь мѣстностью—лѣтомъ термометръ понижается гораздо быстрѣе, чѣмъ зимою; это обстоятельство весьма благоприятно для гористыхъ мѣстностей, ибо оно устраняетъ ужасные морозы, которые могли бы произойти въ этихъ мѣстностяхъ въ теченіе зимы. Горы, лежащая въ жаркомъ поясѣ, охлаждаются скорѣе горъ, лежащихъ въ умѣренномъ поясѣ; разница между температурами дня и ночи гористыхъ мѣстностей, лежащихъ въ жаркомъ поясѣ, такъ велика, что день и ночь замѣняютъ тамъ нѣкоторымъ образомъ лѣто и зиму умѣренныхъ поясовъ. Въ умѣренныхъ поясахъ зима гористыхъ мѣстностей отличается далеко не такимъ сильнымъ холодомъ, какого бы можно было ожидать, судя по высотѣ мѣстностей. Въ плоской части Швейцаріи на высотѣ въ 3,766 метровъ разница между средними температурами лѣта и зимы составляетъ 15° , на С.-Готардѣ 12° , на С.-Бернардѣ 11° . Соскору полагалъ, что на высотѣ въ 13,000—15,000 метровъ температура должна находиться въ зависимости только отъ времени дня. Даже ночью, въ странахъ съ умѣреннымъ климатомъ, по мѣрѣ удаленія отъ земной поверхности температура слоевъ воздуха уменьшается менѣе, чѣмъ днемъ. По всей вѣроятности, температура слоевъ воздуха уменьшается съ высотой тѣмъ медленнѣе, чѣмъ больше удалены они отъ земной поверхности, и колебаніе температуры слоевъ воздуха, лежащихъ на большомъ разстояніи отъ земной поверхности, несравненно меньше колебанія температуры нижнихъ слоевъ его.

Воздухъ безпрестанно находится въ движеніи: даже тогда, когда мы не въ состояніи замѣтить этого движенія, онъ двигается со скоростью 63—78 сантиметровъ въ секунду. Наши нервы въ здоровомъ состояніи начинаютъ ощущать движеніе воздуха только при скорости его въ 1,25 метра; для насъ неприятенъ тотъ воздухъ, скорость движенія котораго менѣе 1,87—2,5 метра. Какъ и море, атмосфера имѣетъ другое движеніе, не зависящее отъ теплоты. Движеніе это имѣетъ сходство съ явленіемъ прилива и отлива; мы не можемъ замѣтить его непосредственно, но колебанія барометра показываютъ, что оно существуетъ.

Какъ известно, воздухъ не вполне прозраченъ; отдаленные предметы кажутся намъ блѣдовато-голубыми. Степень прозрачности воздуха перемѣнлива. Опыты, произведенныя Шлагинтвейномъ на Альпахъ, показали, что на большихъ высотахъ надъ уровнемъ моря воздухъ гораздо прозрачнѣе, чѣмъ вблизи отъ уровня. Гумбольдтъ обращаетъ вниманіе на большую прозрач-

ность воздуха въ степяхъ; вблизи отъ Квито онъ замѣтилъ невооруженнымъ глазомъ блѣдую точку, двигавшуюся на разстояніи 4 нѣмецкихъ миль отъ него передъ черными базальтовыми скалами; этою точкой казался ему его другъ Бонпланъ, укутанный въ бѣлый плащъ. Многие думаютъ, что наибольшей прозрачностью атмосфера обладаетъ въ солнечные и безоблачные дни; но особенная прозрачность атмосферы замѣчается вовсе не въ такіе дни. При долго продолжающейся хорошей погодѣ воздухъ вовсе не обладаетъ большою прозрачностью; такую прозрачность воздуха, при которой мы ясно различаемъ отдаленныя горы, почти всегда можно считать признакомъ того, что скоро пойдетъ дождь. Наибольшей своей прозрачности, по крайней мѣрѣ въ нашихъ климатахъ, воздухъ достигаетъ тогда, когда послѣ долго шедшаго дождя или грозы небо быстро проясняется; такую прозрачность воздухъ обладаетъ впрочемъ лишь въ теченіе весьма непродолжительнаго времени. Количество поглощаемого атмосферою свѣта уже весьма значительно при ясномъ небѣ и при большой прозрачности воздуха; оно увеличивается тогда, когда прозрачность воздуха уменьшается; увеличеніе это тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше уголъ, составляемый съ горизонтомъ падающими на нашу планету лучами звѣздъ. Дневная освѣщенность находится въ зависимости отъ прозрачности воздуха. При прохожденіи свѣта черезъ воздухъ, всѣ простые лучи его, кромѣ голубыхъ, поглощаются воздухомъ: каждая частица воздуха отражаетъ голубой лучъ на другую, другая на третью и т. д.; такимъ образомъ происходитъ разсѣянiе голубыхъ лучей по самымъ различнымъ направленіямъ. Безъ этого въ тѣхъ мѣстахъ, черезъ которыя проходили бы солнечные лучи, было бы чрезвычайно свѣтло; но тѣни были бы совершенно черныя и въ тѣни какого-нибудь предмета было бы совершенно темно. По той же причинѣ ночью небо (точнѣе: воздухъ) вовсе не имѣло бы цвѣта; оно казалось бы совершенно чернымъ. Чѣмъ прозрачнѣе воздухъ, тѣмъ рѣзче разница между освѣщенными мѣстами и тѣнями; съ уменьшеніемъ прозрачности воздуха уменьшается и эта разница. Въ низменностяхъ цвѣтъ неба голубой и звѣзды днемъ не видно; на высокихъ горахъ, напримѣръ на высотѣ въ $\frac{2}{3}$ мили, цвѣтъ неба почти черный и звѣзды видны днемъ. Цвѣтъ неба долженъ быть тѣмъ ярче, чѣмъ больше число частицъ воздуха, разсѣивающихъ лучи; этимъ и объясняется разница въ цвѣтѣ неба въ низменностяхъ и на высокихъ горахъ: днемъ не видно звѣздъ въ низменностяхъ потому, что вслѣдствіе свѣтлоразсѣянiя атмосфера становится свѣтлѣе лучей этихъ звѣздъ. Въ странахъ съ теплымъ климатомъ голубой цвѣтъ неба ярче, чѣмъ въ странахъ съ холоднымъ климатомъ. При одной и той же географической широтѣ, въ странахъ, удаленныхъ отъ моря, онъ ярче, чѣмъ въ приморскихъ странахъ или на морѣ; причина этого состоитъ въ томъ, что въ послѣднихъ всегда находится много водянаго пара, который незамѣтенъ для глаза по своей незначительной густотѣ.

Надъ ролью, которую играетъ водяной паръ въ окраскѣ атмосферы, производилъ изслѣдованія Тиндалль. При дѣйстви сильнаго свѣта на различные пары онъ получилъ особые виды облаковъ, частицы которыхъ были гораздо тоньше, чѣмъ самыя тонкія изъ частицъ видимыхъ нами облаковъ. Цвѣтъ ихъ былъ голубой; лишь при значительномъ сгущеніи они приняли бѣлый цвѣтъ. По всей вѣроятности, въ верхнихъ слояхъ атмосферы водяной паръ находится въ подобномъ же состояніи и яркость голубаго цвѣта неба зависитъ, такимъ образомъ, отъ степени сгущенности пара.

При всякой погодѣ и температурѣ атмосфера содержитъ въ себѣ свободное электричество, напряженіе котораго увеличивается по мѣрѣ удаленія отъ земной поверхности. При ясномъ безоблачномъ небѣ воздухъ постоянно бываетъ заряженъ электричествомъ; при облачномъ небѣ онъ показываетъ признаки то положительнаго, то отрицательнаго электричества. Напряженіе атмосфернаго электричества при облачномъ небѣ вообще болѣе напряженія его при ясномъ небѣ. Туманъ, облака, роса, дождь, градъ, снѣгъ всегда болѣе или менѣе наэлектризованы; знакъ электричества ихъ неодинаковъ. Количество атмосфернаго электричества измѣняется въ теченіе дня. При ясномъ небѣ измѣненіе его по Шюблеру есть слѣдующее: при восхожденіи солнца избытокъ положительнаго электричества въ атмосферѣ весьма слабъ; съ восходомъ солнца онъ возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается количество водянаго пара въ нижнихъ слояхъ воздуха, и достигаетъ своего максимума лѣтомъ между 6 и 7 часами, весной и осенью между 8 и 9 часами, зимою между 10 и 11 часами. Въ это же время нижніе слои воздуха становятся очень богаты парами и при холодной погодѣ часто появляется туманъ. По мѣрѣ того какъ пары изъ нижнихъ слоевъ воздуха переходятъ въ верхніе, количество атмосфернаго электричества уменьшается; оно достигаетъ своего минимума за нѣсколько часовъ до захожденія солнца (между 4 и 6 часами лѣтомъ, около 3 часовъ зимою). Съ закатомъ солнца оно весьма быстро увеличивается вновь вмѣстѣ съ увеличеніемъ количества водянаго пара въ нижнихъ слояхъ атмосферы и достигаетъ своего втораго максимума спустя $1\frac{1}{2}$ —2 часа послѣ захожденія солнца. Вообще, напряженіе положительнаго электричества атмосферы тѣмъ больше, чѣмъ замѣтнѣе для глаза водяной паръ въ нижнихъ слояхъ воздуха; въ холодное время года, когда па-

ры и туманъ довольно долго находятся въ этихъ слояхъ, оно сильнѣе, чѣмъ въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы, когда туманъ въ нижнихъ слояхъ атмосферы составляетъ весьма рѣдкое явленіе и когда эти слои обладаютъ большею ясностью и прозрачностью. Напряженіе электричества облаковъ и дождей, напротивъ, зимою меньше, чѣмъ лѣтомъ; напряженіе электричества дождя въ іюль мѣсяцѣ среднимъ числомъ въ десять разъ болѣе напряженія электричества дождя или снѣга въ январѣ мѣсяцѣ. О причинахъ, источникахъ атмосфернаго электричества мы не знаемъ еще ничего опредѣленнаго.

Въ химическомъ отношеніи воздухъ есть смѣсь главнымъ образомъ кислорода, азота, небольшого количества углекислоты и водянаго пара. Если пропустить нѣкоторый объемъ воздуха черезъ трубки, наполненные хлористымъ кальціемъ, то имъ поглотятся пары воды; увеличеніе вѣса трубокъ покажетъ вѣсъ пара, заключавшагося въ этомъ объемѣ воздуха. Если пропустить нѣкоторый объемъ воздуха черезъ растворъ водной окиси барія, то имъ поглотится углекислота; вѣсъ количества ея, заключавшагося въ этомъ объемѣ воздуха, такимъ образомъ, можетъ быть также опредѣленъ. Вѣсъ кислорода даннаго объема воздуха можетъ быть опредѣленъ посредствомъ пропусканія этого воздуха черезъ трубки съ фосфоромъ; но чаще опредѣляютъ его посредствомъ эвдиометра. Воздухъ впускается въ эвдиометръ, т. е. въ трубку, тщательно раздѣленную на миллиметры, закрытую съ одного конца, наполненную ртутью и погруженную открытымъ концомъ въ ртутную ванну; измѣряютъ объемъ вдуваемаго воздуха; вводятъ въ трубку такое количество водорода, котораго было бы болѣе, чѣмъ достаточно для соединенія съ кислородомъ; наконецъ, загибаютъ газовую смѣсь, пропуская чрезъ нее электрическую искру посредствомъ двухъ платиновыхъ проволокъ, впаянныхъ въ верхній конецъ трубки. Черезъ это кислородъ воздуха соединяется съ водородомъ, образуя воду; объемъ такого соединенія можетъ быть легко измѣренъ; количество кислорода, содержащееся въ немъ, легко опредѣлить на основаніи того закона, что одинъ объемъ кислорода соединяется въ воду съ двумя объемами водорода. Многочисленные изслѣдованія надъ составомъ воздуха показали, что онъ довольно постояненъ; въ 100 объемныхъ частяхъ воздуха содержится среднимъ числомъ:

Кислорода.	20,77,
Азота	78,35,
Углекислоты.	0,04.

Мѣстныя условія производятъ иногда довольно значительныя измѣненія въ такомъ составѣ воздуха; легко убѣдиться въ этомъ, разсматривая слѣдующую таблицу, показывающую содержаніе кислорода въ воздухѣ, взятомъ въ различныхъ мѣстахъ:

Воздухъ	Содержитъ объемныхъ частей кислорода.
на Атлантическомъ океанѣ.	20,96— 21,05,
на горныхъ вершинахъ	20,98,
въ болотистыхъ мѣстахъ	20,94,
въ тропическихъ лѣсахъ, вечеромъ.	20,81,
въ тропическихъ лѣсахъ, утромъ.	20,76,
на дворѣ и въ охложившихъ мѣстахъ.	20,70,
въ аудиторіи, до чтенія	20,22,
въ аудиторіи, послѣ чтенія.	19,86,
въ спальнѣ	20,36,
дурной воздухъ въ которомъ гаснутъ свѣчи.	18,50,
въ которомъ можно пробыть лишь нѣсколько минутъ, тяжело дыша	17,20,

Легко понять нѣкоторыя причины уменьшенія количества кислорода въ воздухѣ. Кислородъ въ водѣ растворяетъ болѣе, чѣмъ азотъ; поэтому дождь поглощаетъ изъ воздуха болѣе кислорода, чѣмъ азота. Но особенно большое вліяніе на уменьшеніе количества кислорода въ воздухѣ имѣтъ разлагающіяся вещества; въ Гангѣ и Бенгальскомъ заливѣ находится много растительныхъ и животныхъ гниющихъ веществъ: во 100 объемныхъ частяхъ воздуха надъ Бенгальскимъ заливомъ содержится лишь 20,46, а у Ганга лишь 20,39 частей кислорода. На вопросъ, имѣютъ ли такіа уменьшенія содержанія кислорода въ воздухѣ вліяніе на здоровье человѣка, нельзя теперь дать отвѣта; но слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что бѣдный кислородомъ воздухъ почти всегда содержитъ вредныя примѣси. Замѣтимъ, что большое вліяніе на здоровье человѣка оказываетъ еще озонъ (кислородъ въ нѣсколько сгущенномъ состояніи), отличающийся способностью легко соединяться съ другими тѣлами.

Углекислоты въ воздухѣ очень мало; ея распредѣленіе въ немъ весьма неравномерно. По многимъ изслѣдованіямъ, въ 10,000 объемовъ воздуха содержится отъ 3,6 до 6,2 объемовъ

углекислоты. Вообще углекислоты лѣтомъ воздухъ содержитъ болѣе чѣмъ зимою, ночью болѣе чѣмъ днемъ. Съ поднятіемъ надъ поверхностью земли, количество кислорода въ воздухѣ уменьшается, а количество углекислоты увеличивается. На морѣ воздухъ содержитъ углекислоты меньше, чѣмъ на сушѣ; это случается по причинѣ того, что въ приморскихъ странахъ количество углекислоты въ воздухѣ увеличивается при континентальныхъ вѣтрахъ и уменьшается при морскихъ вѣтрахъ. Долго идущій дождь уменьшаетъ количество углекислоты въ воздухѣ; послѣ дождя, шедшаго короткое время, оно увеличивается. Распредѣленіе въ атмосферѣ соединеній азота гораздо неравномернѣе распредѣленія углекислоты. Въ 1 миллионѣ частей воздуха содержится по вѣсу отъ 0,04 до 47,6 частей амміака, соединенія азота съ водородомъ. Вообще амміакомъ воздухъ бываетъ лѣтомъ богаче, чѣмъ зимою; объяснить это легко, зная, что амміакъ образуется или при разложеніяхъ органическихъ веществъ или при испареніи воды. Что касается до другихъ веществъ, входящихъ въ составъ воздуха, то изъ нихъ стоитъ назвать лишь слѣдующія: окисъ углерода, нѣкоторыя соединенія углерода съ водородомъ, сѣрнистый водородъ, водородъ, іодъ (?) и главнымъ образомъ водяной паръ.

Находясь въ непосредственномъ соприкосновеніи съ болѣе или менѣе значительными по протяженію поверхностями воды и влажною твердою частью земной поверхности, атмосфера должна постоянно насыщаться водянымъ паромъ. Количество его въ воздухѣ весьма переменчиво. Вообще, оно увеличивается съ повышеніемъ и уменьшается съ пониженіемъ температуры. Въ жаркихъ странахъ оно болѣе, чѣмъ въ холодныхъ; въ измѣненностяхъ оно болѣе, чѣмъ въ гористыхъ мѣстностяхъ; лѣтомъ оно болѣе, чѣмъ зимою; днемъ оно болѣе, чѣмъ ночью. Положеніе мѣста, свойство поверхности этого мѣста и пограничныхъ странъ, удаленность отъ моря, направленіе вѣтровъ и другія обстоятельства производятъ разнообразнѣйшія перемѣны въ количествѣ водянаго пара въ этомъ мѣстѣ. Измѣненіе количества водянаго пара въ данномъ мѣстѣ влечетъ за собою нѣкоторое измѣненіе въ количествѣ кислорода въ воздухѣ этого мѣста. Вдыхаемый воздухъ жаркихъ или влажныхъ странъ сравнительно съ воздухомъ холодныхъ или сухихъ странъ содержитъ нѣсколько меньшее количество кислорода. Если положить, что среднимъ числомъ въ воздухѣ содержится 0,84 объемной части водянаго пара, то составъ воздуха можно считать слѣдующимъ:

78,35 частей азота,	
20,77 » кислорода,	
0,84 » водянаго пара,	
0,04 » углекислоты.	

Весьма важную составную часть воздуха составляетъ еще пыль, свойство и количество которой естественно зависятъ отъ мѣстныхъ условій.

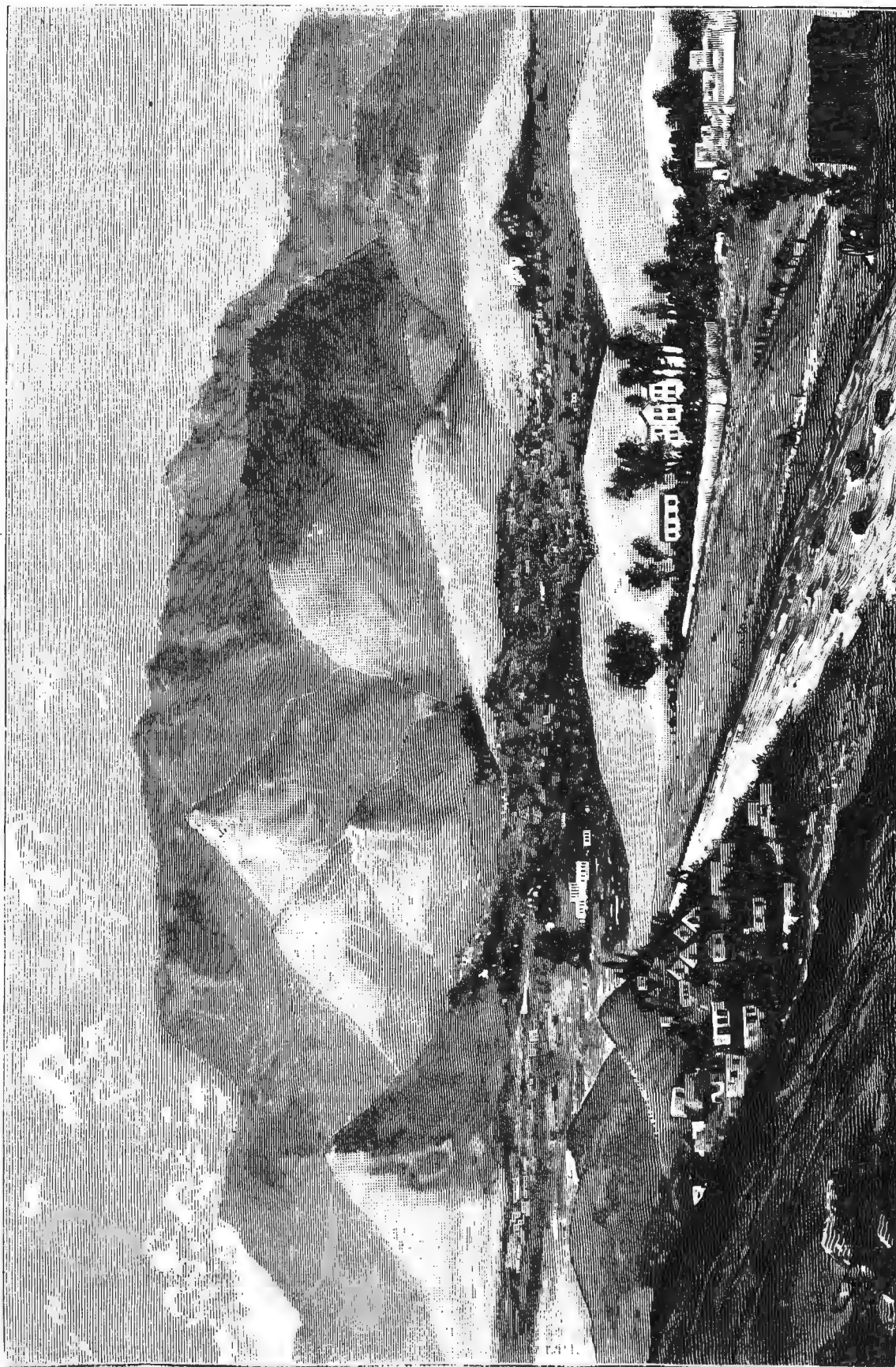
Составныя части атмосферы имѣютъ громадное значеніе для жизни организмовъ на землѣ. Для жизни всѣхъ животныхъ необходимъ кислородъ. При дыханіи воздухъ входитъ въ легкія ихъ; кислородъ задерживается и переходитъ въ кровь, а выдыхается углекислота. Для жизни всѣхъ растений необходима углекислота. Она воспринимается листьями растений и разлагается ихъ жизненнымъ процессомъ такимъ образомъ, что углеродъ, служащій имъ пищею, задерживается, а кислородъ выдѣляется. Главнѣйшія составныя части растительныхъ и животныхъ тѣлъ состоятъ изъ углекислоты, воды и амміака. По смерти организма начинается разложенеіе его, и входящія въ составъ его газы поступаютъ въ атмосферу или соединяются съ другими веществами. Впрочемъ въ земной корѣ находятся громадныя массы не вполне разложившагося органическаго вещества; весьма значительные залежи торфа, каменнаго и бурого угля суть остатки первобытнаго растительнаго міра. Весьма вѣскіе доводы приводятъ въ подтвержденіе того, что углекислая известь, образующая цѣлыя цѣпи горъ, повсюду произошла черезъ посредство организмовъ и что ея углекислота находилась нѣкогда въ атмосферѣ въ свободномъ состояніи. Всѣ главнѣйшія составныя части земной коры (известъ, глиноземъ, кремнеземъ) суть продукты окисленія; на основаніи многихъ соображеній можно допустить, что кислородъ ихъ нѣкогда находился также въ свободномъ состояніи. Заключенный въ землѣ углеродъ безпрестанно въ большомъ количествѣ поступаетъ въ атмосферу. Вулканическая дѣятельность всегда сопровождается значительнымъ выдѣленіемъ углекислоты въ атмосферу; ключевая вода очень богата ею. Читатель, можетъ быть, спроситъ насъ: измѣняется ли теперь химическій составъ атмосферы или нѣтъ? Отвѣчаемъ ему, что при современномъ состояніи науки этотъ въ высшей степени интересный вопросъ неразрѣшимъ.

Л. Тимофѣевъ.

ПОСВѢЩЕНІЕ ВЕРШИНЫ ШЕМРАНСКИХЪ ГОРЪ.

Къ сѣверу отъ Тегерана, хребетъ Эльбрусскихъ горъ образуетъ рядъ пиковъ довольно значительной высоты. Посѣтить эти вершины намъ уже давно хотѣлось, но все какъ-то не удавалось исполнить наше желаніе; наконецъ, 18-го іюня сего года,

мы, т. е. нѣсколько здѣшнихъ европейцевъ, и капитанъ Непиръ, извѣстный англійскій путешественникъ и политическій агентъ въ здѣшнихъ краяхъ, отправились изъ Тегерана по такъ-называемой Гульхекской дорогѣ, лучшей улицѣ въ окрестности

Зергендъ
(Русское поселство).

Шемранскія горы (близъ Тегерана).
Рис. Н. Карзинъ, грав. Дзбдзицкій.

Гулькекъ
(Англійское поселство).

Тегерана, усаженной по обѣмъ сторонамъ итальянскимъ тополями и кустарникомъ разныхъ сортовъ. Проѣхавъ версты полторы, мы остановились у красиваго замка Казръ-Каджаръ, лежащаго на холмѣ, съ котораго террасами спускаются въ долину. Въ углу прилегаетъ къ замку большой садъ, также расположенный террасами, полный фруктовыхъ деревьевъ, платановъ, кустарниковъ розъ; кромѣ того здѣсь находятся три сосны, что можно считать за рѣдкость въ этомъ климатѣ.

Почва здѣсь холмистая, но растительности почти никакой нѣтъ, исключая нѣсколькихъ кустарниковъ капорцевъ и сухихъ травъ.

Вечеромъ мы прибыли въ Зергендъ, деревню, въ которой находится лѣтомъ русское посольство, а въ 200 саженяхъ отсюда лежитъ деревня Гульхекъ съ англійскимъ посольствомъ; въ Зергендѣ мы остались ночевать, а на другое утро часовъ въ 5 отправились дальше. Теперь уже мѣстность совершенно перемѣнилась видъ своей, повсюду простиралась поля и деревни окруженные садами.

Совершенно справедливо названа страна эта «Шемиранъ» (или Шебранъ), что значитъ «свѣча Ирана»; въ Персию, которая состоитъ изъ большихъ и малыхъ, солончаковыхъ и бессолевыхъ пустынь, каждое дерево должно быть садомъ, а садъ лѣсомъ.

Мало по малу дорога подымалась и дѣлалась уже, по обѣмъ сторонамъ подымались громадныя скалы; теперь дорога шла по склону большой горы, внизу шумѣлъ водопадъ, падающій съ 5.000 футовъ высоты, терасообразно орошая окрестность.

Часовъ въ 8 мы прибыли въ Паскалэ, деревню, лежащую около самаго водопада, по дорогѣ въ Шаре-Станекъ. Жители занимаются пчеловодствомъ, скотоводствомъ и продажей дровъ и бревенъ; здѣсь уже климатъ совершенно иной чѣмъ въ долинѣ: нѣтъ здѣсь ни гранатовъ, ни фигъ, ни даже винограда, а посылаютъ только вишни, яблоки, груши и т. п. фрукты. Очень насъ удивило, когда намъ поднесли тарелку земляники—право диковинка въ Персию.

Здѣсь мы пересѣли съ лошадей на лошаковъ и поѣхали тихимъ шагомъ по Шарестанекской дорогѣ; дорога дѣлалась все болѣе трудной; водопадъ мы оставили вправѣ отъ насъ, но пришлось намъ все таки часто перѣѣзжать черезъ многие другіе; часто видали мы куропадокъ и однажды даже замѣтили нѣсколько дикихъ козъ; растительность дѣлалась бѣднѣе, деревьевъ уже никакихъ не встрѣчали; мѣстами мы находили ревенъ въ большомъ количествѣ, какъ и разные роды тульпъ; въ особенности замѣчательно было одно растеніе, имя котораго нигде

изъ насъ не знали; на короткомъ стволѣ расширялась огромная подушка вѣтвей, имѣющая много сходства съ знакомымъ каждому мхомъ Кукушкинъ ленъ (*Polytrichum commune*) такъ привѣтливо приглашающаго отдохнуть; но сохрани вась Юпитеръ попробовать съѣсть на эту подушку; въѣсто мягкихъ листевъ мха, вы найдете только длинные иглы шиловника. Это растеніе растетъ повсюду—и разница только въ томъ, что внизу горы оно цвѣло, а на вершинѣ оно было прошлогоднѣе сухое.

Наконецъ мы прибыли къ одной точкѣ дороги, далѣе которой не было возможности продолжать путь на лошакахъ. Мы разбили здѣсь свой лагерь—и хорошенько позавтракавъ, трое изъ насъ отправились на самую вершину горы, 12,600 ф. надъ уровнемъ моря; повсюду лежалъ свѣтъ толстыми слоями, температура же здѣсь было 10 гр. Реом. тепла; къ сѣверу распространялась большая равнина, совершенно покрытая свѣгомъ и мѣстами льдомъ; далѣе же поднимались многочисленныя хребты горъ, окруженные облаками. Говорятъ, что осенью въ ясный день можно видѣть Каспійское море. Картина являвшаяся нашимъ взорамъ имѣла весьма печальный видъ, мертвая тишина господствовала повсюду.

Разница температуры скоро сдѣлалась чувствительна: мы уѣхали изъ Тегерана въ 40-градусный жаръ, здѣсь же мы до того прозябали въ нѣсколько минутъ, что пришлось развести огонь.

Къ югу востиралась сплошная возвышенность персидская, города и деревни рѣзко отличались отъ свѣтлой каменистой пустыни, окаймленной всюду скалистыми, красными горами; на юго-востокъ блстала покрытая слоемъ соли пустыня Хоросанская, къ востоку же возвышалась, какъ громадная сахарная голова, покрытый вѣчнымъ свѣгомъ вулканъ Демавендъ.

Горы сами по себѣ не представляютъ большого минералогическаго разнообразія, вездѣ преобладаетъ лава и базальтъ, изъ минераловъ только и добывается съ усѣхомъ олово, свинецъ и каменный уголь; желѣза и мѣди хотя и должно быть много, судя по окискамъ этихъ металловъ, которыя можно встрѣчать на каждомъ шагѣ, но Персы слишкомъ не предприимчивы и бѣдны чтобъ заниматься съ выгодой горнозаводствомъ; золота и серебра вовсе нѣтъ.

Пришло время и намъ оставить нашу возвышенную позицію: медленно спускаясь внизъ, мы до крайности усталие, около 8 часовъ вечера, опять прибыли въ Паскалэ, откуда на другое утро отправились въ Тегеранъ.

С М Ъ С Ъ.

Прошедшее и вѣчность *). Извѣстно, что мы иногда получаемъ свѣтъ отъ такихъ звѣздъ, которыя быть можетъ давно уже исчезли; такъ какъ неподвижныя звѣзды находятся въ неизмѣримомъ разстояніи отъ нашей планеты, то посланный ими лучъ свѣта, этотъ быстрый курьеръ—несмотря на его скорость, равняющуюся 42,000 географическихъ миль въ 1 секунду,—никогда не остается на пути много-много лѣтъ. Понятно, что въ то время, когда лучъ достигаетъ насъ, очень можетъ статься, что звѣзда, которая намъ послала этотъ лучъ, давно уже успѣла закатиться; это все равно, какъ если бы мы получили письмо отъ своего друга, который во время слѣдованія почты умеръ. И такъ, свѣтъ—это вѣстникъ прошлаго: онъ показываетъ намъ такая вещи, которыя давно уже имѣли мѣсто.

Основываясь на этомъ, мы теперь предположимъ, будто имѣемъ глазъ съ такимъ яснымъ и всевидящимъ зрѣніемъ, что мы не только видимъ свѣтъ отъ какой-либо звѣзды, но и все предметы и существа, находящіяся на ней,—словомъ: такой глазъ, отъ котораго не можетъ ускользнуть ни одинъ фактъ, ни одно событіе, происходящее на этой звѣздѣ; тогда понятно, что какъ бы ясенъ ни былъ этотъ орлянный взглядъ, онъ однакожь все таки теперь только увидитъ то, что для этой звѣзды перестало уже существовать. То же самое происходило бы съ такимъ глазомъ, помѣщеннымъ на какой-либо звѣздѣ и обращеннымъ къ землѣ. Этотъ глазъ, помѣщенный на лунѣ, конечно увидитъ только то, что на самомъ дѣлѣ происходило на землѣ одну секунду тому назадъ. Этотъ глазъ помѣщенный на солнцѣ увидитъ факты и дѣянія, происшедшія на землѣ тому назадъ восемь минутъ. И это все еще не важно. Но если помѣстимъ такой глазъ на одной изъ неподвижныхъ звѣздъ, свѣтъ которой достигаетъ земли черезъ 10 лѣтъ, то онъ теперь только увидитъ то, что на самомъ дѣлѣ происходило 10 лѣтъ тому назадъ; такъ напр. люди умершіе въ теченіе этого десятилѣтія—существуютъ еще для нашего воображаемаго глаза. Февральская революція 1848 года видна была на этой неподвижной звѣздѣ не раньше 1858 года, тогда какъ мы, обитатели земли уже отнесли ее къ прошлому. На той же звѣздѣ черезъ 6 лѣтъ только увидятъ марширующія колонны прусской арміи, приступающія къ Седану. И вотъ гдѣ мы могли бы удостовериться въ томъ, искалъ ли Наполеонъ III смерти среди смертоносныхъ орудіи, или сидѣлъ онъ задумчиво, глядя въ даль, съ сигарой во рту. Все это,

читатели, нашъ воображаемый глазъ увидитъ на этой неподвижной звездѣ. Но въ той же кучѣ, гдѣ находится взятая въ примѣръ неподвижная звѣзда, находятся и такія, которыя въ тридцать разъ болѣе отдалены отъ земли. Нашъ глазъ, помѣщенный здѣсь, увидитъ все происшедшее на землѣ тому назадъ 300 лѣтъ. Онъ увидитъ гдѣ-то въ безконечномъ пространствѣ свѣлаго реформатора Мартина Лютера, дерзко выступающаго противъ папскихъ индульгенцій. Но безконечное пространство эфиръ идетъ еще дальше. Въ другомъ мѣстѣ видно, какъ Колумбъ открываетъ Америку. На болѣе отдаленномъ пунктѣ нашъ глазъ увидитъ запыхавшагося Магомета, спасающагося въ Медину. Поднимаемъ еще выше нашъ глазъ увидитъ и Христа и Моисея; еще выше этого пункта—и нашъ глазъ теперь только увидитъ нашего праотца Авраама, бродящаго въ обитанной землѣ. И не только эти избранные періоды прошлаго, но и промежутки этихъ временъ существуютъ еще гдѣ-то въ этомъ неограниченномъ, безбрежномъ океанѣ эфира. Изъ этого видно, какъ то, что прошло уже для насъ, происходитъ еще и теперь гдѣ-то—и чтобы это увидѣть, стоитъ только помѣстить нашъ глазъ въ надлежащемъ мѣстѣ. Чѣмъ дальше мы проникнемъ въ пространство, тѣмъ глубже проникнемъ въ прошедшее, и изъ этого слѣдуетъ выводъ: если пространство эфира безконечно, то и все нѣкогда происшедшее составляетъ вѣчность, и такъ: *прошедшее есть вѣчность*.

Настоящая выдержка приведена извѣстнымъ популяризаторомъ и ученымъ А. Бернштейномъ въ одной изъ своихъ *Naturwissenschaftliche Volksbücher*.

Распиливаніе деревьевъ проволокой. Какого труда стоитъ свалить наприимѣръ старый дубъ, какъ надо работать пилой и топоромъ, сколько взмаховъ нужно одѣлать посаженнымъ, чтобы свалить лѣснаго великана! Теперь, если вѣрить американскимъ извѣстіямъ, это должно измѣниться—и та же самая сила, посредствомъ которой происходитъ въ настоящую минуту сообщеніе между Новымъ и Старымъ свѣтомъ, будетъ отнынѣ служить для скорой и легкой вырубкы первобытныхъ лѣсовъ.

Въ медицинѣ существуетъ способъ леченія, называемый гальваническимъ травленіемъ и служащій для срѣзванія съ целовѣческаго тѣла наростовъ, полиповъ и т. п. Часть, которую слѣдуетъ удалить, обматывается платиновой проволокой, проведенной между поласами сильной гальванической цѣпи и расра-

* Выдержка изъ книги „Der Mensch und die Sterne“ von X. U. Z. Breslau.

ленной до бѣла. Такимъ образомъ, болѣзненный наростъ удаляется посредствомъ срѣзыванія или отжиганія его.

Этотъ самый способъ американецъ Георгъ Робинзонъ думаетъ примѣнить для рубки деревьевъ. Если раскаленную толстую платиновую проволоку приводить въ такое движеніе, какое дѣлаетъ пила, то эта проволока проникнетъ въ самое твердое дерево такъ легко, какъ шелковинка въ кусокъ масла. Посредствомъ ея можно пилить доски такой толщины, какъ прозрачный ломтикъ колбасы; кромѣ того она можетъ слѣдовать малѣйшимъ изгибамъ, гораздо точнѣ всякой пилы. Проволока, пока черезъ нее

проводится гальваническій токъ, бываетъ раскалена до бѣла, и такъ какъ она очень тонка, то при этой операціи нѣтъ потери дерева; остается одинъ слабо обуглившійся ободокъ. Весь процессъ происходитъ необыкновенно быстро, нѣтъ никакихъ опилокъ,—и если проволока и гальваническая цѣпь требуютъ нѣкоторыхъ расхождений, то они ничтожны въ сравненіи съ платой дровосѣкамъ. Аппаратъ работаетъ въ десять разъ скорѣе противъ одного рабочаго. Вѣроятно ему суждено уничтожить въ лѣсахъ типъ дровосѣка, какъ въ новѣйшее время уничтожень машинами уже не одинъ видъ рабочаго класса.

Разныя извѣстія.

Дѣйствія правительства.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, во вниманіе къ значительности понесенныхъ городомъ Брянскомъ, Орловской губерніи, отъ пожара убытковъ, простирающихся до двухъ милліоновъ рублей, и обществу положенію жителей сего города, Высочайше соизволилъ разрѣшить открыть повсемѣстную по Имперіи подписку въ пользу жителей города Брянска.

Военное и морское дѣло.

— Телеграммами отъ 7-го и 9-го августа, главный начальникъ Туркестанскаго края, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ 1-й извѣстилъ, какъ сообщается въ «Русск. Инв.», что усилія его къ мирному разрѣшенію коканскаго вопроса не увѣнчались успѣхомъ: коканцы въ значительныхъ силахъ вторглись въ наши предѣлы въ нѣсколькихъ мѣстахъ у Теляу, Ходжента и др. Съ нашей стороны немедленно двинуть противъ непріятеля отрядъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Головачева.

— Въ «Русскомъ Инвалидѣ» напечатана слѣдующая телеграмма генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана 1-го отъ 17-го августа:

«Положеніе наше выяснилось. Коканцы вторгнулись въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ Кураминскій уѣздъ, съ цѣлью взволновать жителей. Это имъ не удалось. Главная партія ихъ, въ числѣ 5,000 человекъ, разбита; другая шайка изъ 800 человекъ уничтожена; остальные партіи перевалили обратно чрезъ горы и ушли въ коканскія владѣнія. Главный ударъ коканцы направили на Ходжентъ. Большими массами они напали съ разныхъ сторонъ на городъ и сады, его окружающіе. Ходжентскій гарнизонъ, усиленный тремя ротами изъ Ура-Тюбе, отбилъ нападеніе на всѣхъ пунктахъ и, перейдя въ наступленіе, прогналъ непріятеля до границы. О результатѣ нападенія коканцевъ на Ура-Тюбе свѣдѣній еще не получено. При всѣхъ встрѣчахъ съ непріятелемъ у насъ потерь почти не было. Въ настоящее время я съ отрядомъ на пути къ Ходженту. Черезъ два дня буду тамъ и направлюсь изъ Ходжента на Коканъ».

— Командующій войсками туркестанскаго военнаго округа, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ 1-й, телеграммою отъ 25-го августа, доноситъ Его Императорскому Величеству:

„На второмъ переходѣ отъ Ходжента нашъ отрядъ встрѣченъ непріятельскою кавалеріею въ числѣ до 7,000 человекъ съ фальконетами. Казаки, подъ начальствомъ флигеля адъютанта Вашего Императорскаго Величества полковника Скобелева, восемь сотенъ, четыре конныя орудія и ракетная батарея, цѣлый день вели бой съ непріятелемъ, безъ потери съ нашей стороны. 22-го августа, Богъ благословилъ нашъ оружіе. Войска, подъ личнымъ моимъ начальствомъ, одержали полную побѣду съ скопичемъ коканцевъ, которыхъ насчитываютъ до 30,000 человекъ. Непріятель занималъ укрѣпленную позицію, примыкающую къ вѣрности Махрамъ; позиція была окопана водянымъ ровомъ и вооружена артиллеріею. Атаку на позицію съ артиллеріею и частью вѣхоты вели генералъ-лейтенантъ Головачевъ, который и взялъ позицію

съ боя. Начальникъ кавалеріи, флигель-адъютантъ Вашего Величества полковникъ Скобелевъ, довершилъ пораженіе коканцевъ: лихо преслѣдовалъ и гналъ непріятеля на протяженіи 15-ти верстъ; бѣгущій прижать къ рѣкѣ Дарь; потоплено, порублено много. Свѣты Вашего Величества генералъ-маіоръ Троцкий былъ главнымъ пособникомъ моимъ въ славномъ движеніи нашемъ и во вчерашнемъ бою. Трофей: 39 орудій, много фальконетовъ и другаго оружія, запасъ пороху, снарядовъ и провіанта. Потерю непріятеля невозможно опредѣлить—она весьма значительна. У насъ убиты: одинъ штабъ-офицеръ, пять рядовыхъ, одинъ джигитъ, и ранены: одинъ штабъ-офицеръ и семь нижнихъ чиновъ. Непріятель понесъ полное пораженіе. Впечатлѣніе побѣды на населеніе ханства огромное; по всѣхъ послѣдствіямъ боя подъ Махрамомъ теперь нельзя еще опредѣлить. Выжду транспорты изъ Ходжента и буду продолжать движеніе на Коканъ. Войска Вашего Императорскаго Величества вели себя славно, молодецки; дѣло сдѣлано чисто».

— Въ Кронштадтѣ привезено 11-ти дюймовое нарѣзное орудіе, предназначенное для двухъ-башеннаго броненоснаго фрегата «адмиралъ Чичаговъ». Громадное орудіе это изготовлено на обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ, который, какъ замѣчаютъ въ «Крон. Вѣстн.», благодаря заботливости Морскаго Министерства, теперь уже окончательно окрепъ и можетъ въ настоящее время снабжать суда нашего флота превосходными орудіями самаго большаго калібра, не только не уступающими, но даже превосходящими во многихъ отношеніяхъ лучшимъ произведеніямъ знаменитаго завода Круппа въ Гиссенѣ.

— 4-го августа, въ 11½ часовъ утра, возвратился въ Одессу, изъ дальняго восточнаго плаванія чрезъ Суэзскій каналъ, пароходъ Р. общества п. и т. «Чихачевъ», съ грузомъ чаю въ 2,303 тонны, или 51 тыс. ящиковъ. Изъ Ханькоу пароходъ вышелъ 11-го іюня, гдѣ взялъ 1,322 тон., а 17-го іюня отплылъ изъ Фетчау, гдѣ взялъ 981 тон. всего 2,533 тон. Пароходъ совершилъ этотъ рейсъ въ 30 сут.

Торговля.

— Въ мартѣ настоящаго года, выступилъ изъ Ташкента въ Кашгаръ караванъ братьевъ Быковскихъ, съ довѣренными послѣднихъ, Никитинымъ. Въ «Туркест. Вѣд.» сообщаютъ слѣдующія, полученныя изъ этого каравана свѣдѣнія: «Караванъ на 68 лошадей пробѣжалъ благополучно чрезъ коканскіе и кашгарскіе караулы, съ небольшими лишь задержками, и 30-го марта прибылъ въ Кашгаръ, пройдя путь отъ Уна до Кашгара, по дорогѣ черезъ Терекскій переходъ—въ 17 дней.

«Бадаузетъ по пріѣздѣ г. Никитина представилъ къ нему Миръ-Касымъ-баша-Саннхаджина, съ которымъ онъ и началъ заниматься продажей товаровъ. Къ 28-му апрѣля, у г. Никитина непроданныхъ товаровъ оставалось только на 20 лошадиныхъ выюковъ, съ которыми онъ рассчитывалъ пробѣжать въ Хотанъ».

«По словамъ г. Никитина, базаръ въ Кашгарѣ вообще хорошъ; въ мануфактурныхъ и нѣкоторыхъ вѣсовыхъ русскихъ товарахъ чувствуется тамъ недостатокъ и цѣны стоятъ хорошия. Ситецъ ресмы, кромѣ фабр. Третьякова, за 20 куск., считая каждый кусокъ въ 42 арш. давать по 40 и 43 черв. Ситецъ пунцовый 5—5¼ черв. за кусокъ въ 50 арш. Сахаръ 5 черв., леденецъ и сахарный песокъ 5¼ черв. 1 пудъ. Суковъ вовсе нѣтъ въ привозѣ; въ прибывшемъ коканскомъ караванѣ вообще мало оказалось мануфактурныхъ и вѣсовыхъ товаровъ. За неимѣніемъ русскихъ мануфактурныхъ товаровъ, азіатцы, по необходимости, начали понемногу покупать заграничные товары: ситцы ¾ и ¼, въ родѣ нашихъ брильянтиновъ фабр. Третьякова, вмѣстѣ съ пуцовымъ ситцемъ, кругомъ отъ 2¼ до 2½ тенге за аршинъ (или 37½ коп. арш.) Чай зеленый (акъ-чай) до 75 черв. за 4 пуда. Сахарнаго песку г. Никитинъ продалъ не много по 5 и 5¼ черв. за 1 пудъ. Чаю зеленого всего продалъ до 160 ящ. и ситцу до 25 000 арш.; эти два сорта товаровъ куплены для Кокана.

«Въ апрѣлѣ отправился огромный караванъ изъ Кашгара на Токмакъ и Вѣрный. Въ немъ до 2 000 пшавковъ, до 500 верблюдовъ и до 1 500 лошадей; изъ товаровъ все болѣе бѣлая кашгарская мата, а такъ же и крашеная въ разныя цвѣта; хотанскій, полушелковый машрукъ; ковры, камни, разныя кошмы и проч.

Некрологъ.

— Скончавшійся въ С.-Петербургѣ, 4-го августа, адмиралъ Иванъ Петровичъ Епанчинъ началъ службу въ 1803 году въ званіи гардемарина; въ 1827 году онъ командовалъ фрегатомъ «Елена», на которомъ и принялъ участіе въ Наваринскомъ сраженіи 8-го октября 1827 года. За это сраженіе онъ награжденъ былъ орденомъ св. Владимира 4-й степени съ бантомъ, французскимъ орденомъ св. Людовика, англійскимъ орденомъ Бани и греческимъ орденомъ Спасителя, золотого креста. Командуя послѣдствіемъ эскадрой и кораблемъ, Иванъ Петровичъ въ 1838 году былъ произведенъ въ контръ-адмирала, а въ 1848 году въ вице-адмирала, съ утвержденіемъ въ званіи начальника 3-й флотской дивизіи балтійскаго флота. Въ этомъ званіи, въ 1850 году, П. П. Епанчинъ былъ посланъ съ дивизіею на Большой Белтъ, къ острову Алзону, оказать содѣйствіе датской арміи и флоту, дѣйствовавшимъ тогда въ Шлезвигѣ противъ возмущившихся жителей Шлезвиги и Голштиніи и войскъ Германскаго Союза. Появленіе двухъ дивизій русскаго флота имѣло хорошия послѣдствія для Даніи; она удержала за собою Шлезвигъ и Киль, обладаніе которыми и было главной причиной войны. За эти блистательную, хотя и мирную кампанію, дѣлавшую особенную честь какъ распоряженности адмирала, такъ и порядку, въ которомъ находился нашъ парусный флотъ того времени, покойный адмиралъ былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 2-й степени и датскимъ орденомъ Даннеброга 1-й степени. Во время восточной войны, П. П. Епанчинъ назначенъ былъ отдѣльнымъ начальникомъ сформированной тогда шхерной флотиліи, а впоследствии главнымъ командиромъ ревельскаго порта и ревельскимъ военнымъ губернаторомъ. Перваго января 1855 года, Иванъ Петровичъ назначенъ предсѣдателемъ морскаго генералъ-аудиторіата и зачисленъ по флоту, получивъ въ томъ же году орденъ Бѣлаго Орла.

№ 37

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
 Выданъ 14 Сентября 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Относительно нашихъ

ПРЕМІЙ ЗА 1875 ГОДЪ

честь имѣемъ увѣдомить Гг. подписчиковъ „НИВЫ“, что вслѣдствіе множества писемъ, въ которыхъ выражалось желаніе читающей публики получать преміи неиспорченными перегибомъ вчетверо, что было бы неизбежно вслучаѣ разсылки ихъ при самомъ журналѣ,—мы, по преодолѣніи множества трудностей и пожертвовавъ суммою свыше 8,000 рублей, нашли возможнымъ разослать всѣмъ 17,500 подписчикамъ „Нивы“ объ преміи въ полной ихъ неприкосновенности, посредствомъ новаго способа пересылки, ни разу еще не употребленнаго въ Россіи. Но такъ какъ этотъ способъ требуетъ предварительной подготовки въ продолженіи 5 или 6 недѣль, по истеченіи которыхъ объ преміи „Смерть Юлія Цезаря“ проф. Пилоти и „Мадона Севильская“ Мурильо будутъ высланы разомъ, то мы надѣемся, что эта небольшая отсрочка съ избыткомъ вознаградится цѣлостью и чистотой премій.

Многіе изъ Гг. подписчиковъ „Нивы“ предлагаютъ намъ уплатить почтовые расходы, лишь-бы преміи не были сложены,—но мы отказываемся отъ всякаго вознагражденія, надѣясь, что усилія наши увѣнчаютъ успѣхомъ при возобновленіи подписчиками „Нивы“ абонементна на 1876 годъ и приобрѣтеніемъ новыхъ друзей нашему журналу. Для лицъ не состоящихъ подписчиками нашего журнала отдѣльная цѣна 2-хъ премій будетъ 4 рубля (т. е. столько же что стоитъ самый журналъ).

КТО ВЫИГРАЛЪ?...

(Изъ современной уголовной хроники).

РОМАНЪ
 Ф. Фридриха.

Въ саду гарнизоннаго города М* военные музыканты давали концертъ. Цивилизованная часть обитателей этого городка являлась въ такомъ случаѣ обыкновенно въ садъ, который и принималъ праздничный видъ: различныя убранства, изящныя стулья, столики, чистота дорожекъ, а равно и цѣны,—вполнѣ соответствовали достоинству публики, называемой „избранной“. И дѣйствительно, подъ высокими, широколиственными платанами, вѣтви которыхъ образовывали почти непроницаемую крышу, такъ было пріятно-прохладно сидѣть...

У одного изъ столиковъ сидѣло пятеро молодыхъ людей: старшій поручикъ фонъ Платэнъ, поручики—фрейгеръ фонъ Виндгофъ, фонъ Пальмъ и фонъ Кронахъ; пятый былъ—баронъ Александръ фонъ Зельдигъ. Онъ прежде тоже служилъ въ полку и даже въ томъ са-

момъ, въ которомъ состояли теперь на службѣ поименованные поручики; но вотъ уже прошель годъ съ тѣхъ поръ, какъ баронъ вышелъ въ отставку, а отставку взялъ онъ потому, что вообразилъ, будто его обошли чиномъ... Впрочемъ, ему вообще не нравились обязанности службы, исполнять которыя нужно было строго и неуклонно.

Отставной офицеръ былъ только нѣсколькими годами старше своихъ товарищей. Ростомъ онъ обладалъ высокимъ и, хотя лицо его немножко уже пообносилось, однако все еще было довольно интереснымъ. Это былъ—гордецъ, человекъ весьма много думающій о себѣ, готовый при всякомъ удобномъ случаѣ выставить на видъ древнее родословное древо своей фамилии; онъ чванился тѣмъ, что его „древо“ старѣе родословныхъ деревьевъ многихъ

генераловъ.—Баронъ Александръ фонъ Зельдитцъ приѣхалъ въ М* только два дня тому назадъ. Въ этотъ день онъ обѣдалъ въ саду съ прежними своими товарищами. Весело прошелъ обѣдъ; и веселое настроеніе не оставило молодыхъ людей и теперь, когда они, слушая музыку, сидѣли и прихлебывали кофе.

— А вѣдь, право, тутъ премо! воскликнулъ Зельдитцъ, откидываясь на спинку стула и медленно пуская вверхъ струйки сигарнаго дыма.—Уѣзжая изъ столицы сюда, я и не думалъ, чтобы здѣсь можно было прилично проводить время!..

— Ну, это не можетъ быть для насъ комплиментомъ замѣтилъ съ улыбкой старшій поручикъ ф. Платэнъ:—вѣдь мы стоимъ здѣсь уже болѣе года.

— Да я совсѣмъ не въ этомъ смыслѣ сказалъ! Я, вотъ, видите-ли, товарищъ, до сихъ поръ почти безвыѣздно обиталъ въ столицѣ,—а вамъ, господа, конечно, извѣстно о тѣхъ обширныхъ связяхъ, которыя имѣетъ тамъ моя родня... Ну, а вѣдь я знаю, что вообще жизнь въ гарнизонномъ городѣ дьявольски — скучна! Вотъ, наступаетъ полдень и — всѣ пьютъ кофе въ кондитерской; затѣмъ—обѣдъ, послѣ обѣда званіе вэпуски... скука; потомъ, вечеромъ, за стаканомъ вина—скука и опять зѣвки... Да и то сказать: у людей, проживающихъ въ городишкахъ, средства ограниченныя, слѣдовательно, какое-же можетъ быть съ ними знакомство? Это все почти—буржуазія, а я ее не долюбиваю!

— Вы, Зельдитцъ, не совсѣмъ не правы! воскликнулъ поручикъ ф. Виндгофъ.—Платэнъ, какъ всегда, очень скромничаетъ; но скукища бываетъ здѣсь весьма таки-часто... Да вотъ, говорили недавно, отъ скуки даже умеръ тутъ какой-то старикъ... Честное слово! Однако, расскажите-ка, что заставило васъ приѣхать сюда?

Баронъ пожалъ плечами и погладилъ лѣвою рукою свои довольно длинные усы, за которыми, какъ видно, уходъ былъ весьма тщательный.

— Дядя заставилъ, отвѣтилъ онъ коротко.

— Вашъ дядя? спросилъ ф. Кронахъ, младшій изъ поручиковъ.—Но я, право, не понимаю этого... Да развѣ онъ здѣсь?..

— Ну, вамъ, Кронахъ, придется въ жизни еще многое такое услышать, чего вы сразу не поймете,—да впрочемъ, и понимать-то этого не нужно, отвѣтилъ Зельдитцъ:—мнѣ, по крайней мѣрѣ, было-бы пріятнѣе, если-бы я кой-чего не понималъ, прибавилъ онъ успокоительнымъ тономъ, ибо увидѣлъ по глазамъ юнаго поручика, что тотъ оскорбился...

— Извольте, я вамъ изложу все дѣло. Дѣло-то простое, хотя и пренепріятное. Дядя мой—весьма богатъ, я—его наслѣдникъ; такая перспектива очень пріятна, но... въ старой головѣ моего дядюшки частенько зараждаются невыносимые капризы и прихоти, и вотъ я долженъ покаместъ, до извѣстной степени, переносить ихъ, такъ какъ не желаю раздражать его: долги-то вѣдь мои онъ обыкновенно уплачиваетъ... Ну-съ, старичку вотъ и зашла въ голову сумасбродная мысль, что столичная жизнь, такъ сказать, слишкомъ изнашиваетъ меня и вообще вліяетъ на мою душу черезчуръ соблазнительно... Чтобы приучить племянника къ болѣе простому образу жизни, дядя предложилъ мнѣ переселиться на нѣкоторое время сюда; я-же, по свойственному мнѣ добродушію, подчинился его желанію. Вотъ и все!

— Надѣюсь, баронъ, вы будете жить тутъ въ полнѣйшемъ уединеніи? воскликнулъ смѣясь Виндгофъ.

— Ну, не совсѣмъ, возразилъ Зельдитцъ.—Я стараюсь доказать моему дядюшкѣ, что жизнь моя здѣсь обойдется ему подороже столичной, и онъ самъ будетъ просить меня вернуться туда.

Господа поручики разсмѣялись, а Виндгофъ нашель эту мысль „просто-божественной“!

— Лъшу себя надеждою, что вы, господа, поможете мнѣ въ осуществленіи моего намѣренія, о которомъ я

повѣдалъ вамъ, продолжалъ баронъ.—Вы знаете, что старымъ людямъ—подавай факты... Дядя не хотѣлъ мнѣ вѣрить, когда я заявилъ ему, что сумма, ассигнованная имъ для прожитія моего въ М*, слишкомъ мала... Ну, вотъ, я и докажу ему это...

Баронъ Зельдитцъ хотѣлъ еще что-то сказать, но такъ и не сказалъ: все вниманіе его обращено было въ эту минуту на молодую дѣвушку, которая появилась въ саду, въ сопровожденіи пожилаго господина и пожилой дамы. Они прошли мимо офицеровъ очень близко, и баронъ видѣлъ, какъ она сѣла къ одному изъ сосѣднихъ столиковъ. Зельдитцъ довольно нахально посмотрѣлъ на нее въ лорнетъ—и рука его съ сигарой невольно опустилась...

Въ самомъ дѣлѣ, явленіе, прикованшее взоръ его, было восхитительное: онъ видѣлъ невыразимо прелестное молодое созданіе, сіяющее свѣжестью, граціозное... Что мудренаго—этой дѣвушкѣ едва-ли было и восемнадцать лѣтъ!.. Она обладала высокой, стройной фигуркой; роскошные каштановые локоны падали на ея плечи и обрамляли изящное личико; въ личикѣ этомъ было нѣчто напоминавшее античную греческую красоту... Любовь у нея была высокой, брови прекрасно очерчены, а длинныя рѣсницы придавали большимъ глазамъ такое кроткое, мягкое, полумечтательное выраженіе... Всѣ движенія дѣвушки были какъ-то мягки и проникнуты тою безсознательною прелестью, которая вдвойнѣ очаровываетъ глазъ, потому, можетъ быть, что вовсе и не думаетъ очаровать.

— А вѣдь прелестнѣйшее существо! Это просто—красавица! произнесъ въ полголоса Зельдитцъ и спросилъ:—кто она?..

Господа поручики тоже, конечно, замѣтили проходившую дѣвушку и, улыбаясь, посматривали теперь на барона: баронъ, за обѣдомъ, объявилъ имъ, что въ М* нѣтъ ни одной красивой дѣвицы... А вѣдь онъ въ городѣ и былъ всего-то только два дня!

— Это—Эльза Штейнъ, отвѣтилъ Виндгофъ.—Я вамъ еще сегодня за обѣдомъ говорилъ о ней, такъ какъ вы утверждали, что здѣсь нѣтъ ни одного хорошенькаго личика... Ну-съ, перемѣнили-ли вы теперь ваше мнѣніе?

— Да, я беру назадъ свои слова, проговорилъ баронъ, не сводя глазъ съ „прелестнѣйшаго существа“,—но какъ жаль, что она просто „Штейнъ“—мѣщанка! добавилъ онъ.

— Что-жъ, это развѣ въ ущербъ ея красотѣ? замѣтилъ Платэнъ.

— Еще-бы! увѣренно воскликнулъ Зельдитцъ, не снявъ однако этого „еще-бы“.—Но, други-товарищи, какъ-бы то ни было, а я долженъ съ нею познакомиться! Лицо—великолѣпіе! Эти большіе глаза, этотъ изящный ротикъ... губки, маленькія бѣленькія ручки, которыя какъ будто только играютъ съ вышивкой... Нѣтъ, честное благородное слово, это нѣчто восхитительное!..

— Ну, признаюсь, баронъ, никогда я не видѣлъ васъ, такъ сказать, въ эмпирияхъ! засмѣялся Виндгофъ.—Ну-да, живя въ М* вы узнаете, что и тутъ возможно залетѣть въ область розовыхъ мечтаній!..

Зельдитцъ, повидимому, не обратилъ вниманія на эти слова.

— Эти старики—ея родители? спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Она приходится имъ племянницей, отвѣтилъ Пальмъ.—Старикъ этотъ—профессоръ Вертеръ.

— Я такъ и думалъ, потому что такая старая, высохшая ученая физиономія не можетъ имѣть такого прелестнаго ребенка, заговорилъ Зельдитцъ.—Знакомъ-ли ктонибудь изъ васъ съ профессоромъ? Долженъ-же я познакомиться съ ней!..

— Вотъ, Платэнъ знакомъ съ нимъ, заявилъ Виндгофъ.

— Въ такомъ случаѣ я попрошу представить меня ему.

— Хорошо, но это было-бы самымъ вѣрнымъ средствомъ именно не познакомиться съ его племянницей, отвѣтилъ Платэнъ: — я самъ съ ней и тремя словами еще не перекинулся: профессоръ бережетъ ее, какъ зеницу ока своего, а сама она—почти неприступна...

— Ба-ба-ба! перебилъ его баронъ:—да вы, кажется, все тутъ что-то ужъ очень оробѣли!..

— Послушайте, Зельдитцъ, заговорилъ—Виндгофъ, вы, конечно, легко поймете, что дѣвушка, пріѣхавъ сюда гостить, обратила тутъ на себя всеобщее вниманіе... Все почти молодые люди старались завязать съ нею знакомство, но до сихъ поръ никому еще не посчастливилось познакомиться, хотя она живетъ въ этомъ городкѣ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ...

— Ну такъ, значить, все эти молодые люди не умѣли какъ слѣдуетъ взяться за дѣло! воскликнулъ баронъ, съ чувствомъ самодовольства покачиваясь на стулѣ и поглаживая свои усы.—Что касается меня, то я черезъ нѣсколько дней буду съ ней знакомъ.

— Зельдитцъ, будьте поскромнѣй относительно обѣщаній, предостерегъ его Виндгофъ, посмѣиваясь,—у насъ вѣдь тоже есть нѣкоторый навъкъ сближаться съ дамами!..

Баронъ пожалъ плечами... Замѣчанія, возраженія только раздражали его и еще больше подстрекали, а онъ вообще считалъ себя непобѣдимымъ.

— Я, господа, иду еще дальше: я предлагаю вамъ пари, что черезъ четыре недѣли буду женихомъ этой дѣвушки, произнесъ Зельдитцъ.

— Держимъ пари! воскликнули разомъ Виндгофъ, Пальмъ и Кронахъ.

— А вамъ, Платэнъ, не угодно-ли тоже поддержать? обратился баронъ къ старшему поручику

Платэнъ помолчалъ, но потомъ отвѣтилъ:

— Если это доставляетъ вамъ удовольствіе—пожалуй, почему-жъ не поддержать пари? Вы вѣдь хотите доказать вашему дядѣ, что жизнь ваша здѣсь не дешево ему обойдется!..

— А развѣ вы такъ увѣрены въ томъ, что я проиграю? воскликнулъ Зельдитцъ, тщеславіе котораго было задѣто словами Платэна.—Я ставлю сотню фридрихсдорровъ. Согласны, господа?

— Но, Зельдитцъ, вы хотите совсѣмъ разстроить наши финансы! замѣтилъ Виндгофъ.—Мои финансы и безъ того находятся нынѣ въ такомъ состояніи, что привести ихъ въ порядокъ я уже не могу!..

— Мы можемъ держать пари, такъ какъ не мы его предложили, проговорилъ Платэнъ съ улыбкой.

Господа офицеры согласились.

— Пойдите! Я забылъ—еще одно условіе, спохватился баронъ:—а именно—вы должны дать мнѣ честное слово, что будете молчать объ этомъ. Если-бы красавица узнала, что тутъ дѣло идетъ о пари, то приняла-бы, пожалуй болѣе сильныя мѣры, и менѣе пріятныя для меня чтобы воспрепятствовать мнѣ выиграть его.

Поручики нашли такую оговорку справедливою и дали обѣщаніе молчать.

— Благодарю васъ! За то я, съ своей стороны, обѣщаюсь пропить съ вами всю эту сотню фридрихсдорровъ.

— На своей свадьбѣ? подхватилъ смѣясь Виндгофъ.

— На моей свадьбѣ? произнесъ баронъ, и лицо его выразило удивленіе.—Но вѣдь вы-же, надѣюсь, не полагаете, чтобы я когда нибудь могъ жениться на мѣщанкѣ?..

— Позвольте, но вы держали пари, что будете женихомъ этой дѣвицы? замѣтилъ Платэнъ.

— Это совершенно вѣрно.

— Ну-съ, такъ что-же будетъ тогда, если вамъ это дѣйствительно удастся?..

— Будетъ то, что я выиграю пари!

— Вы все еще меня не понимаете, проговорилъ Пла-

тэнъ серьезнымъ тономъ:—я васъ спрашиваю, что вы станете тогда дѣлать, такъ какъ вы увѣряете, что никогда не женитесь на мѣщанкѣ?

— Эге, вотъ что! Ну, мнѣ кажется, что отвѣтъ на этотъ вопросъ такъ простъ, ясенъ, что нечего и отвѣчать: я подъ какимъ нибудь предлогомъ разстрою потомъ это сватовство, пояснилъ Зельдитцъ.

Платэнъ нахмурилъ брови и всталъ.

— Въ такомъ случаѣ вы позволите мнѣ отказаться отъ пари, проговорилъ онъ серьезно.

— Это почему-же, Платэнъ? воскликнулъ Виндгофъ.

— Потому, что я ставлю слишкомъ высоко репутацію невинной дѣвушки, чтобы дѣлать ее игрушкой, предметомъ пари.

— Э, да вы, Платэнъ, право—мечтатель! опять воскликнулъ Виндгофъ.—Дѣло-то такъ далеко никогда и не зайдетъ: проиграетъ Зельдитцъ пари!

— Виндгофъ, прошу васъ... перестаньте! подхватилъ баронъ, который едва-едва былъ въ состояніи скрыть досаду, однако волненіе ясно выразилось на его лицѣ:—я охотно освобождаю Платэна отъ пари, а также возвращаю ему назадъ его честное слово, если онъ этого желаетъ...

Старшаго поручика слегка неволью передернуло при этихъ словахъ; онъ плотно сжалъ губы и, помолчавъ съ секунду (ему нужно было овладѣть собой, чтобы не отвѣтить слишкомъ рѣзко), сказалъ:

— Если я разъ далъ честное слово, то—таковъ ужъ у меня обычай—не могу отъ него отказаться, даже и въ томъ случаѣ, если-бы желалъ, чтобы оно не было мною дано.

Платэнъ вѣжливо поклонился и пошелъ.

Зельдитцъ поглядѣлъ ему вслѣдъ... Онъ прищурился, желая не показывать своихъ глазъ, въ которыхъ вспыхнуло пламя ожесточенія.

— Ну, я не понимаю Платэна, объявилъ Пальмъ.—Платэнъ обыкновенно такъ всегда охотно принимаетъ шутку и—вдругъ... Нѣтъ, я переговорю съ нимъ и надѣюсь убѣдить его взглянуть на это иначе!..

— Прошу васъ, не дѣлайте этого, другъ-товарищъ! поторопился сказать баронъ.—Отъ пари я его освободилъ; ну, а насчетъ того, что тайна будетъ имъ сохранена—я не сомнѣваюсь; надѣюсь, что онъ не обнаружитъ ее.

— Еще-бы! если Платэнъ далъ честное слово, то никогда его не нарушить! вскричалъ Виндгофъ.

— Господа, вы видите: я смотрю по возможности спокойно на нѣсколько странное поведеніе Платэна, заговорилъ Зельдитцъ, заставляя себя казаться спокойнымъ, равнодушнымъ.—Для меня важно оставаться съ вами, а также и съ Платэномъ, въ пріятельскихъ, товарищескихъ отношеніяхъ, а потому я буду избѣгать всего, что могло-бы ихъ нарушить. Конечно, въ любой шуткѣ можно отыскать серьезную сторону, но, что касается меня, то я въ шуткѣ стараюсь видѣть только шутку. Относительно васъ, господа, я, разумѣется, продолжаю держать свое пари... Ну, и такъ, не будемъ больше и говорить о томъ, что случилось тутъ!

Однако, голосъ барона не совсѣмъ былъ ровень: онъ дрожалъ слегка отъ волненія... Зельдитцъ, движеніемъ руки, подозвалъ къ себѣ кельнера и шепнулъ ему нѣсколько словъ. Кельнеръ убѣжалъ и живо вернулся съ шампанскимъ и стаканами. Облачко набросившее печальную тѣнь на веселое настроеніе духа молодыхъ людей, благодаря выходѣ Платэна, мигомъ исчезло, лишь только вино заискрилось въ стаканахъ. Баронъ пилъ какъ-то торопливо, желая хоть виномъ прогнать то чувство гнѣва, которое все еще бушевало въ немъ... Къ концу музыкальнаго праздника въ саду, господа Виндгофъ, Пальмъ и Кронахъ до того разчувствовались, что, кажется, весьма охотно готовы были-бы поклясться въ томъ, что нѣтъ человѣка любезнѣе барона...

Эльза Штейн и не подозрѣвала, что была предметомъ разговора—да еще какого!—и не знала, что послужило поводомъ къ нему... Отецъ Эльзы, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ изъ крупныхъ чиновниковъ, но послѣ смерти своей не оставилъ семейству никакого состоянія. Дѣвушка проживала съ матерью въ какомъ-то городкѣ. Обѣ онѣ жили благодаря вдовьей пенсїи, но этой пенсїи едва хватало на содержаніе ихъ. Единственный братъ Эльзы—Максъ (онъ былъ старше ея нѣсколькими годами) занимался живописью и уже болѣе года находился въ Италїи, гдѣ продолжалъ совершенствоваться, такъ какъ обладалъ довольно замѣтнымъ талантомъ живописца.

Эльза, благодаря заботамъ отца своего, получила довольно дѣльное образованіе; ктому-же, еще въ дѣтствѣ, просто изъ удовольствія, присутствуя на частныхъ урокахъ Макса, она многому выучилась полу-шутя, полу-играя, такъ что въ познаніи относительно нѣкоторыхъ предметовъ даже перещеголяла брата. Она была любимицей отца. Отецъ предполагалъ—и онъ не ошибался—что въ подроставшей дѣвочкѣ таится зерно рѣшительнаго характера, хотя и не зная, въ какомъ направленіи разовьется это зерно.

Однако, и до сего времени характеръ дѣвушки не принялъ еще опредѣленности въ направленіи, потому, можетъ быть, что жизнь Эльзы текла слишкомъ спокойно, невозмутимо... Эльза, казалось, не была однимъ существомъ; она жила какъ-бы двойственною жизнью: то цѣлыми днями пребывала въ спокойствіи, утопая въ какой-то мечтательности, причемъ была кротка, молчалива,—то ея вдругъ овладѣвало почти демоническое, жгучее желаніе ринуться въ море жизни и попытаться въ борьбѣ съ волнами его ту силу, которую ощущала она въ себѣ. Будучи еще ребенкомъ, Эльза хотѣла быть мальчикомъ, чтобы не знать никакихъ преградъ; впрочемъ, и теперь, по временамъ, подобныя мысли бродили въ ея головѣ.

Такъ какъ характеръ ея не совсѣмъ установился, то въ этомъ заключалась причина и того, что до сихъ поръ она еще не уяснила себѣ главной цѣли своей жизни. Иногда казалось ей, тихое семейное счастье, заботы о любимомъ мужѣ—вотъ та цѣль, къ которой должна она стремиться; за то въ иныя минуты такое "счастье" казалось Эльзѣ слишкомъ безцвѣтнымъ... узкія рамки, тѣсный мірокъ... и она страстно желала тогда собственными силами завоевать себѣ положеніе въ свѣтѣ, стоять на своихъ ногахъ. Вотъ, поэтому-то она и старалась при встрѣчахъ съ мужчинами быть сдержанной, гордо-недоступной: она боялась сдѣлаться зависимой, а зависимость вѣдь можетъ быть невыносимой...

Дядя и тетка, у которыхъ она теперь гостила, и не подозрѣвали, что въ молодой дѣвушкѣ гнѣздится *такой духъ*: они смотрѣли на нее какъ на кротко-невинное, вполне женственное созданіе. Впрочемъ, говоря по правдѣ, кругозоръ профессора Вертера былъ не обширенъ. Онъ жилъ въ *своемъ мірѣ*—кабинетномъ, а какъ только оставалъ этотъ "міръ" и вступалъ въ другой—сталкивался съ настоящею жизнью, которая представлялась ему какою-то *странной*, чуждой... Оно и понятно—дѣйствительность чуть-ли не на каждомъ шагѣ противорѣчила представленіямъ, созданнымъ имъ за письменнымъ столомъ; а эти представленія, какъ казалось профессору, построены были по всѣмъ правиламъ науки и искусства, но дѣло въ томъ, что въ сочиненномъ имъ мірѣ не было *жизни*, свѣжаго вѣянїя ея.

Госпожа Вертеръ тоже не понимала Эльзы. У этой женщины въ продолженіи многихъ лѣтъ не было, можно сказать, никакой другой мысли, какъ только заботиться о своемъ мужѣ, да въ свободное время отъ занятій питать глубочайшее уваженіе къ его „наукамъ“, въ которой она, впрочемъ, ровно ничего не понимала.

Не смотря на такую односторонность дяди и тетки,

Эльза чувствовала себя хорошо у нихъ, такъ какъ сердечная доброта стариковъ искупала многія слабости ихъ.

Профессоръ жилъ у самыхъ городскихъ воротъ. Къ обширному саду, окружавшему его домъ, принадлежала рошца съ прекрасными тѣнистыми аллеями. Жители города М* весьма рѣдко въ утреннюю пору посѣщали эту рошцу, ибо твердо были убѣждены, что по утрамъ не слѣдуетъ прогуливаться; а потому Эльза почти ежедневно по утрамъ и гуляла тамъ, не встрѣчая ни души, одна одинѣшенька. Она могла цѣлыми часами предаваться своимъ размышленіямъ, покачиваясь въ маленькой лодкѣ на тихой поверхности пруда, осѣненного высокими буками старой рошцы... Никто тутъ ее не видѣлъ, и мысль, что она одна въ этомъ уголкѣ, одна съ своими мечтами—имѣла для нея что-то обаятельное.

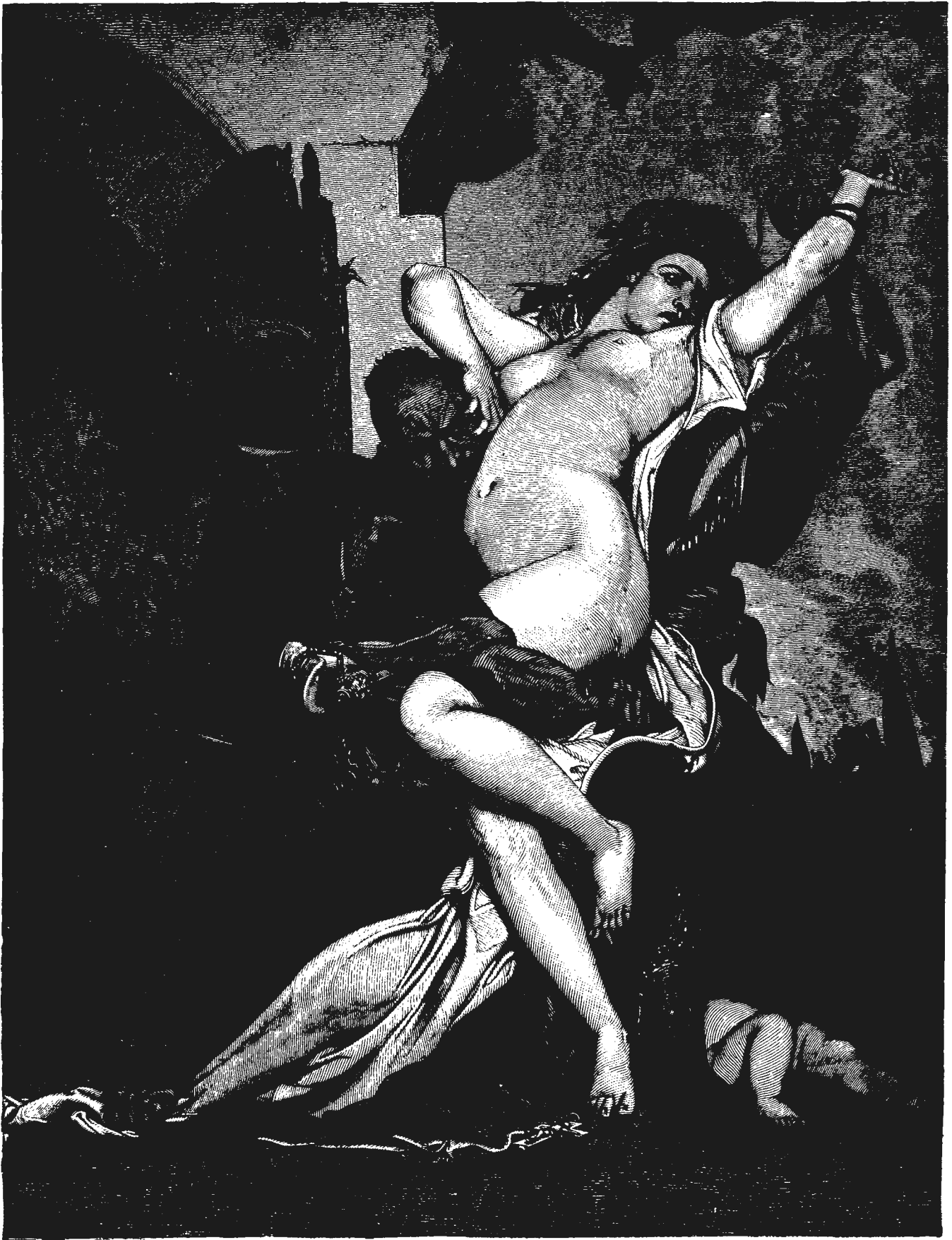
Вотъ, куда-то и отправилась Эльза однажды утромъ, спустя нѣсколько дней послѣ военного концерта, о которомъ было уже упомянуто. Она и не подозрѣвала, что Зельдитцъ, узнавшій о ея прогулкахъ въ рошцѣ, уже два утра подрядъ поджидалъ ее тамъ, запрятавшись въ кусты, чтобы, воспользовавшись какимъ нибудь случаемъ, завязать разговоръ съ нею. Пари, которое онъ самъ предложилъ, увлекшись въ минуты раздраженія (а ставка-то была высока), заставило его напрячь всѣ свои силы, да и кромѣ того ему хотѣлось доказать прежнимъ товарищамъ по службѣ, что для него возможно то, что имъ казалось невозможнымъ. Вотъ только-бы удалось ему познакомиться съ Эльзой, а тамъ ужъ онъ—выплыветъ и навѣрняка овладѣетъ ея сердцемъ!.. Баронъ былъ самаго хорошаго мнѣнія о своей любезности и полагалъ, что обладаетъ соблазнительною ловкостью въ обращеніи съ прекраснымъ поломъ.

Медленнымъ шагомъ шла Эльза по рошцѣ. Она была совершенно спокойна, будучи увѣрена, что никто тутъ не слѣдитъ за ней. Чудилось ей, что въ прохладѣ и царившей кругомъ тишинѣ передъ нею каждый разъ открывался какой-то новый, невѣдомо-чудный міръ, и тутъ уже мечтамъ своимъ давала она широкій просторъ... Дойдя до пруда, Эльза вошла въ лодочку, отвязала ее и, оттолкнувшись легкимъ весломъ, отчалила отъ берега. Но какъ крѣпко держали весло ея маленькія ручки! Стройная фигура дѣвушки въ качающейся лодочкѣ представляла восхитительную картину: если бы нимфа вышла изъ воды, то она, кажется, не могла бы быть красивѣе, прелестнѣе Эльзы... Эльза сняла легкую соломенную шляпку и положила ее возлѣ себя; теперь локонамъ уже ничто не мѣшало рассыпаться коричневымъ каскадомъ по плечамъ дѣвушки.

Баронъ, притаившись за толстымъ деревомъ, смотрѣлъ, какъ она забавлялась. Онъ долженъ былъ сознаться, что никогда еще не видѣлъ существа прелестнѣе этого; однако, глубокаго впечатлѣнїя на его сердце Эльза и тутъ не произвела: сердце Зельдитца было уже неспособно ни къ какому чистому порыву, ни къ какому воспрїятію благороднаго свойства... Онъ ни разу даже и не подумалъ о томъ: ужъ не откажется-ли отъ пари?..

А Эльза распалилась и, быстрѣе работая весломъ, плыла все дальше и дальше въ своей лодкѣ. Ее, какъ кажется, радовало, занимало, что лодочка, качаясь, волновала поверхность пруда: волны, одна за другой, катились отъ нея и, достигнувъ берега, съ тихимъ плескомъ, отходили отъ него, чтобы снова прихлынуть. Чувство страха здѣсь, повидимому, было не знакомо Эльзѣ, потому что она въ первый разъ забавлялась такъ на прудѣ, да она и не знала, что прудъ этотъ глубокъ. И неужели-же эта всегда гладкая, покойная, блестящая поверхность могла быть для нея опасной?..

Вдругъ весло какъ-то выскользнуло изъ ея руки... Эльза поспѣшно нагнулась, чтобы поймать его, но толчекъ отъ этого движенія былъ настолько силенъ, что лодочка накренилась, зачерпнула воды и почти въ ту-же секунду перевернулась... Слабый, полуподавленный крикъ

Возстаніє въ Герцеговинѣ. Въ виду барышей. Картина Ярослава Чермака. Грав. Ассъ.

Эльзы долетѣлъ только до Зельдитца. Баронъ даже привскочилъ отъ испуга... Некогда было тутъ разсуждать! Онъ, какъ искусный пловецъ, кинулся въ воду и быстро поплылъ. Эльза вынырнула, но тотчасъ-же опять погрузилась... Это заставило барона пустить въ ходъ всѣ силы свои. Добравшись до мѣста катастрофы, онъ увидѣлъ въ прозрачной водѣ свѣтлое платье Эльзы, быстро схватилъ его и потащилъ вверхъ... Дѣвушка была уже безъ чувствъ. Крѣпко прижавъ ее къ себѣ и, стараясь, чтобы голова ея была надъ водою, Зельдитцъ направился къ берегу. Но онъ напрасно искалъ тамъ глазами хоть кого нибудь, кто-бы помогъ ему выбраться на берегъ съ прекрасной ношей... Барону пришлось самому справиться, и онъ благополучно вынесъ изъ воды дѣвушку и положилъ ее на прибрежный дернъ. Эльза все еще не приходила въ чувство. Зельдитцъ откинулъ съ лица ея смоченные каштановые локоны... Глаза были закрыты—какъ будто она спала, щеки блѣдны, но прекрасное лицо было спокойно, нисколько не искажено, такъ что могло-бы служить образцомъ для древняго грека-ваятеля... Баронъ даже невольно забылся—засмотрѣлся на эту прелестную, безжизненную фигуру...

Но вотъ онъ опустился на колѣни, склонился надъ Эльзой и сталъ тереть ей лобъ и виски. Спустя нѣкоторое время, послѣ тщетныхъ стараній привести ее въ чувство, баронъ замѣтилъ, что дѣвушка начала слабо дышать... Радостное чувство охватило его, онъ удвоилъ свои старанія и, черезъ нѣсколько минутъ, Эльза тихо, какъ-бы просыпаясь, открыла глаза. Устремивъ все еще полусонный взглядъ на Зельдитца, она лежала, не шевелясь, но вдругъ легкій румянецъ заигралъ на ея щекахъ—и она приподнялась.

— Гдѣ я? воскликнула Эльза, не отдавая себѣ еще отчета въ случившемся... Но тутъ она взглянула на прудъ и поняла чтó такое случилось съ ней.

— Счастливыи случай привелъ меня сюда какъ разъ въ то время, когда лодка опрокинулась, отвѣтилъ Зельдитцъ:—я услышалъ вашъ крикъ, бросился въ прудъ—и теперь считаю себя счастливымъ, потому что въ время еще явился сюда и могъ васъ спасти.

Эльза медленно провела ручкой по лбу... Она, казалось, все еще порядкомъ не очнулась.

— Вы спасли меня, заговорила она (голосъ ея слегка дрогнулъ),—благодарю васъ! Вы...

Но тутъ Эльза запнулась и опустила глаза передъ устремленнымъ на нее взглядомъ барона. Она торопливо стала подыматься на ноги. Зельдитцъ помогъ ей встать.

— Вы позволите мнѣ проводить васъ домой, сказалъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Домъ моего дяди тутъ... близко... Благодарю васъ!

— Неужели я, сударыня, заслуживаю такое недовѣрiе?

— Совсѣмъ нѣтъ! Я и не думала объ этомъ, но я чувствую себя настолько сильной, что и одна могу пройти такое небольшое пространство.

Эльза сдѣлала нѣсколько шаговъ, но недавнiй испугъ, и волненiе не остались безъ послѣдствiй: она такъ ослабѣла, что должна была опереться о дерево, иначе-бы упала... Зельдитцъ вторично предложилъ ей свои услуги, и на этотъ разъ предложенiе его было принято. Баронъ повелъ дѣвушку домой.

Такъ какъ онъ былъ знаткомъ женскаго сердца; то поэтому и старался держать себя тутъ какъ можно скромнѣе, проще, а это ему нужно было для того, чтобы Эльза на первыхъ-же порахъ отнеслась къ нему довѣрчиво. Зельдитцъ довелъ ее *только* до сада профессора, затѣмъ откланялся, причеиъ попросилъ лишь позволенiя лично освѣдомиться на другой день о состоянiи ея здоровья. Дѣвушка не могла отказать ему въ этой просьбѣ.

Баронъ пошелъ по направленiю къ городу. Онъ радовался, ибо никакъ не ожидалъ, чтобы простой случай такъ помогъ ему вдругъ въ „дѣлѣ“. На одной изъ улицъ съ нимъ встрѣтились Виндгофъ и Кронахъ.

— Ну, а чтó наше пари? крикнулъ Виндгофъ.

— Надѣюсь выиграть его, отвѣтила баронъ съ улыбкой.

— Хорошо-съ. Ну, а съ красавицей-то перекинулись-ли словцомъ?

— Разумѣется, перекинулся... Я говорилъ съ ней сегодня, и даже—наединѣ.

— Это невозможно! воскликнули въ одно время и Виндгофъ, и Кронахъ.

— Чтó это правда—даю вамъ честное слово.

— Гдѣ-же? Гдѣ вы говорили съ ней.

— Относительно этого—позвольте мнѣ умолчать.

— Ну, я-бы этому никогда не повѣрилъ, если-бы вы не дали сейчасъ честнаго слова, заговорилъ Виндгофъ. Впрочемъ, отъ разговора до обрученiя весьма еще далеко, и я не думаю, чтобы *главное* вамъ удалось... Но, представьте себѣ, какъ филистерски относится къ этому дѣлу Платэнъ! Вчера вечеромъ собрались мы всѣ вмѣстѣ, ну, пошло веселье... Кронахъ и я велѣли подать шампанское *въ счетъ будущихъ благъ*, то есть нашего пари, которое мы навѣрно выиграемъ... Ну-съ, и Платэнъ отказался пить съ нами! Сначала онъ не хотѣлъ сказать причины, а потомъ объявилъ, что онъ не хочетъ *даже* пить вина, за которое заплачено будетъ деньгами выигранными при подобномъ пари!...

Зельдитцъ пожалъ плечами, чтó повидимому сдѣлалъ равнодушно...

— Я-бы могъ оправдать такое поведенiе съ его стороны только въ томъ случаѣ, если-бы онъ имѣлъ какiя либо отношенiя къ этой дѣвушкѣ, проговорилъ онъ,—но... мнѣ непонятно, какъ онъ можетъ стать рыцаремъ жбцанки?... Если-бы я не зналъ, что Платэнъ принадлежитъ къ довольно древней фамилии, то, -право, подумалъ-бы что его дворянство моложе его самага.

— Да, онъ таки частенько бываетъ мечтателемъ, замѣтилъ на это Виндгофъ.

— Послушайте, товарищъ, прошу васъ, не будемъ болѣе говорить объ этомъ, произнесъ Зельдитцъ,—и вы даже окажете мнѣ услугу, если ни слова не скажете ему о томъ, что я сегодня утромъ разговаривалъ съ дѣвушкой. Такъ какъ онъ не захотѣлъ участвовать въ нашемъ пари, то, слѣдовательно, ему нѣтъ и дѣла до него, да и я не люблю вмѣшательства непрошенныхъ въ мои дѣла...

Когда Зельдитцъ на другой день утромъ явился въ жилище профессора, то его, кажется, тамъ уже ждали: онъ былъ принятъ Вертеромъ и женою его самымъ радушнымъ образомъ.

— Вы племянницу мою спасли отъ смерти!.. Ужъ я не знаю, какъ мнѣ и благодарить васъ! воскликнулъ профессоръ, протягивая руку гостю.

— Все сошло удачно, благополучно—развѣ это не лучшая моя награда? проговорилъ баронъ съ улыбкой.— Я сдѣлалъ только тó, чтó сдѣлалъ-бы на моемъ мѣстѣ и всякiй другой. Вы господинъ, профессоръ, тоже не задумались-бы поступить такъ!...

— Ну-дà, конечно, хотя я, по правдѣ сказать, и не умѣю плавать, признался ученый мужъ.—Но я, знаете, и не подозрѣвалъ, что племянница моя отправляется къ пруду и входитъ даже тамъ въ лодку, иначе—не потерпѣлъ-бы этого я, потому что она поручена намъ, мы обязаны беречь ее!... Одна мысль о томъ, что какая нибудь опасность могла-бы ей угрожать—способна свергнуть меня въ отчаянiе!...

— Лицу себя надеждой, что этотъ несчастный случай не повлiялъ вредно на вашу племянницу, сказалъ Зельдитцъ...

При этихъ словахъ Эльза вошла въ комнату. Виль

она имѣла все еще нѣсколько болѣзненный, но за то, когда она увидѣла человѣка, спасаго ее отъ гибели, румянецъ заигралъ на ея щекахъ. Молодая дѣвушка еще разъ въ простыхъ, задушевныхъ словахъ отблагодарила Зельдитца.

— Но, сударыня, собственно моя заслуга весьма тутъ не велика, замѣтилъ баронъ покойнымъ тономъ.—Вы обязаны больше всего не мнѣ, а тому счастливому случаю, который привелъ меня во время въ рошу, и именно—къ пруду. Я видѣлъ, какъ лодочка перевернулась, какъ вы упали въ воду, слышалъ вашъ крикъ, но не зналъ, съ кѣмъ случилось несчастье... Если-бы я пришелъ туда двумя минутами позже, то...

— Не говорите, не говорите больше! подхватилъ профессоръ,—зачѣмъ описывать подробно такіа страсти!...

— А почему-же нѣтъ? Вѣдь жизнь дѣлается для насъ вдвое дороже, когда мы ясно сознали ту опасность, которой намъ удалось избѣжать. Да, жизнь представляется намъ тогда такимъ даромъ, хранить который мы должны какъ святыню!... Это испыталъ я на себѣ еще въ дѣтствѣ. Однажды, помню, отправился я гулять съ моими родителями. Безумно-отважный, неустрашимый, какъ и всѣ мальчуганы,—подошелъ я къ самому краю весьма высокой, крутой скалы. Мать стала звать меня къ себѣ, но въ эту самую минуту камень, на которомъ я стоялъ, сдвинулся—и я полетѣлъ вмѣстѣ съ нимъ... Отецъ и мать считали уже меня погибшимъ, но счастливый рокъ рѣшилъ дѣло иначе: я упалъ на вѣтвистое дерево, стоявшее у подошвы скалы, а это обстоятельство значительно умѣрило быстроту паденія, такъ что я, падая съ вѣтви на вѣтвь, добрался до земли почти невредимымъ. Отецъ, блѣдный отъ испуга, прибѣжалъ окольными дорожками къ мѣсту паденія... Онъ думалъ, что увидитъ только исковерканный трупъ мой, а я—весело бѣжалъ къ нему навстрѣчу! Этотъ случай не произвелъ тогда на меня особеннаго впечатлѣнія, но отецъ все-таки понесъ меня къ матери, которая была уже безъ чувствъ... Очнувшись, она съ рыданіями схватила меня въ свои объятія, и съ того дня стала любить меня еще нѣжнѣе: она говорила, что я ей дарованъ *вторично!*...

Зельдитцъ рассказалъ ему исторію (разумѣется, сочиненную имъ) весьма ловко, придавъ ей мѣстами теплый колоритъ, и могъ потомъ подмѣтить, что рассказецъ его произвелъ на слушателей впечатлѣніе.

— Ну, вотъ, и мы, Эльза, будемъ глядѣть теперь на тебя, какъ на *дарованную* намъ *вторично!* воскликнулъ Вертеръ и протянулъ руку своей прелестной племянницѣ.

— Меня одно только беспокоило, заговорилъ снова баронъ, обращаясь къ дѣвушкѣ,—это именно то, что испугъ могъ вамъ больше повредить...

— Но вы видите—я совершенно здорова, бодра, отвѣтила Эльза улыбаясь,—вѣдь все это случилось такъ живо, быстро, что я едва-ли имѣла время испытать чувство страха!...

— Нѣтъ, ужъ теперь ты не должна гулять въ рошѣ одна... никогда! опять воскликнулъ профессоръ, на котораго этотъ случай подѣйствовалъ, кажется, сильнѣе чѣмъ на его племянницу.

— Да въ другой разъ я и не подвергну себя подобной опасности, такъ какъ узнала ужъ ее, произнесла Эльза тономъ успокоенія.

Зельдитцъ преимущественно велъ разговоръ съ профессоромъ. Не смотря на то, что Вертеръ весьма мало интересовалъ его, баронъ все-таки счумѣлъ поддѣлаться къ нему, попасть въ тонъ, заговорить его языкомъ, а это повело къ тому, что старикъ почувствовалъ расположение къ гостю. Зельдитцъ, въ отношеніи Эльзы, предумышленно держалъ себя какъ-то особенно спокой-

но, скромно... Онъ разсуждалъ совершенно вѣрно, говоря самъ себѣ, что за такой хорошенькой дѣвушкой ухаживаютъ всѣ кавалеры,—а потому, если онъ *не будетъ* ухаживать за ней, то этимъ самымъ легче всего заставить ее заинтересоваться имъ, тѣмъ болѣе что ужъ чувство благодарности связывало ее нѣкоторымъ образомъ съ его особой.

Когда баронъ, посидѣвъ нѣсколько времени, сталъ откланиваться, Вертеръ пригласилъ его не замедлить посѣтить ихъ снова, и Зельдитцъ весьма охотно принялъ это приглашеніе, общался побывать, причемъ обнаружилъ совершенное спокойствіе, придавъ физиономіи своей даже равнодушный видъ... А за тѣмъ въ душѣ—онъ ликовалъ! Онъ готовъ былъ возликовать вслухъ, потому что былъ теперь твердо убѣжденъ въ томъ, что выиграетъ свое пари. Передъ товарищами-офицерами онъ, однако, умалчивалъ о своемъ успѣхѣ, ничего не говорилъ имъ о томъ, какъ далеко уже подвинулись его дѣла,—и, если они принимались распрашивать его, то баронъ или уклончиво пожималъ плечами, или отвѣчалъ, что еще не считаетъ своего пари проиграннымъ...

Прошла недѣля. Хоръ военныхъ музыкантовъ опять давалъ концертъ и опять въ томъ-же саду. Платэнъ, Виндгофъ, Пальмъ и Кронахъ сидѣли на прежнемъ мѣстѣ, у столика, и разсуждали о томъ, почему это Зельдитцъ въ послѣдніе дни сталъ такъ старательно избѣгать ихъ общества.

— Я думаю, это потому, что онъ чувствуетъ, что проиграетъ пари! воскликнулъ Кронахъ.—Это, разумѣется, сердитъ его, но за это нельзя быть на него въ претензіи: вѣдь сто фридрихсдорговъ и для него сумма не маленькая! Да кромѣ этого, онъ все-таки, такъ сказать, немножко *осрамился*... Ну, какъ же этого не чувствовать?...

— Вы, Кронахъ, слишкомъ мало еще знаете барона, замѣтилъ Платэнъ:—если-бы вы знали его поближе, то знали-бы также, что не только осрамиться, но и мысли объ этомъ—онъ не можетъ допустить: баронъ слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ.

— Такъ зачѣмъ-же онъ, вотъ ужъ нѣсколько дней, какъ-бы прячется отъ насъ? вмѣшался Виндгофъ.

— Этого я не знаю, да и интересы его такъ мало занимаютъ меня, что я и не намѣренъ задумываться надъ такимъ вопросомъ.

— Нѣтъ, вы, Платэнъ, просто не любите барона! А вѣдь онъ—превосходный собесѣдникъ и благороднѣйшій человѣкъ! заговорилъ Виндгофъ.—На наше пари вы смотрите, право, слишкомъ ужъ серіозно! Во-первыхъ, Зельдитцъ—проиграетъ, а во-вторыхъ, если-бы даже онъ и дѣйствительно выигралъ и потомъ объявилъ, что жениться не желаетъ, то вѣдь не умреть-же дѣвушка отъ „разбитаго сердца?“... Конечно, въ романахъ это случается сплошь и рядомъ, но я все-таки этому не вѣрю и никакъ не могу себѣ представить, чтобы сердце могло *разбиться!* Всѣ анатомы на этотъ счетъ такового мнѣнія...

— Я тоже никогда не опасался, чтобы чье либо сердце могло разбиться, проговорилъ Платэнъ.

— Ну-съ, такъ почему-же вы такъ возстааете противъ этого пари? спросилъ Виндгофъ.

Платэнъ помолчалъ... Онъ, кажется, думалъ о томъ, что не лучше-ли совсѣмъ прекратить этотъ разговоръ, однако, спустя секунду, произнесъ серіознымъ тономъ:

— Извольте, Виндгофъ, я вамъ скажу, *почему* это. Если кто нибудь оскорбитъ васъ или меня, если честь наша будетъ задѣта, то мы оба знаемъ, какъ намъ въ такомъ случаѣ поступить, что дѣлать: мы потребуемъ удовлетворенія, мало этого—мы заставимъ дать намъ требуемое удовлетвореніе... Ну-съ, а что-же дѣлать дѣвушкѣ, если она будетъ оскорблена?...

(Продолженіе будетъ).

ВОЗСТАНИЕ ВЪ ГЕРЦЕГОВИНѢ.

Въ виду барышей.

(Картина Ярослава Чермака).

Ночь. Тревоженъ сонъ оставшихся въ селеніи... И кто же остался въ немъ? Старикъ, женщины, дѣти. Все крѣпкое, молодое, способное владѣть оружіемъ, применило къ, возстанію, ушло бить турокъ... «Идемъ къ Любобратичу! Онъ вождь нашъ! Съ нимъ разобьемъ вражью силу и—освободимся!»

А многіе-ли вернутся?.. Мать думаетъ о сынѣ, жена о мужѣ, сестра о братѣ... Можетъ-ли сонъ ихъ быть спокойнѣе? Вѣки, распухшіе отъ слезъ, вздрагиваютъ во снѣ, на сонныхъ лицахъ—ужасъ. Тяжело днемъ, да не легче и ночью отъ страшныхъ сновъ... Закрытые глаза видятъ потрясающія картины, кровь застываетъ въ жилахъ, изъ груди вырывается вопль отчаянія... Вотъ—все небо стало багровымъ; плывутъ куда-то разорванныя темныя тучи, но края ихъ красны, какъ будто онѣ задѣли ими о землю Боснии и Герцеговины, залитую кровью славянъ и турокъ. Несмѣтная молчица басурманъ идугъ, надвигаются... Все ближе и ближе они; что-то гудитъ, гремитъ въ воздухѣ; горячій вѣтеръ обдастъ гарью и запахомъ свѣжей крови...

О, какъ душно, тяжело! бормочетъ въ бреду молодая женщина, мечется, стонетъ, а проснуться не можетъ. Гдѣ-же басурманская туча? Прошла она?.. А это что за туманное пятно?.. Вотъ оно растетъ, приближается, обрисовывается въ человѣческую фигуру... О, знакомое, милое лицо! Это—мужъ! Онъ вѣрно оставилъ Кошеровскій монастырь... Но что съ нимъ?.. Лицо у него мертвенно-блѣдное, глаза мутные, стеклянные... Боже! Голова разсѣчена—черныя кудри смочены кровью! Темныя капли тихо падаютъ ему на грудь...

— Тебя.. убили!? бредитъ молодая женщина...

Замогильный, знакомый голосъ отвѣчаетъ:

— Не плачь, голубка! Паль я, сражаясь за родню... Много насъ легко тамъ и заснуло вѣчнымъ сномъ! Помолись обо мнѣ... Поцѣлуй сына! Прощай, прощай!..

Холодныя, синія губы прикасаются къ ея губамъ...

— Бѣги! Они идугъ! шепчетъ мертвецъ.—Смерть для гаремъ! Выбери—смерть...

Исчезло блѣдное лицо, и опять въ воздухѣ загудѣло, загремѣло... Врагъ ворвался въ селеніе... Бѣжать надо! Она хочетъ вскочить, взять сына и—не можетъ пошевелиться: ноги, руки онѣмѣли!.. Чу! заплакалъ младенецъ... Мать собираетъ всѣ силы и—просыпается... На радость-ли? Смертельный ужасъ—уже на яву—охватываетъ ее: за окномъ разливается зарево, шумъ, крики, выстрѣлы... Ужъ это не сонъ!.. Турки... турки!..

Молодая женщина схватываетъ ребенка... Куда же бѣжать? Куда?.. Сердце ея стучитъ такъ, что того гляди разорвется... Мальчикъ дрожитъ; онъ въ испугѣ прижимается къ матери... Онъ такъ сладко спалъ... Зачѣмъ разбудили его?.. Лицо у мамы такое страшное... Какъ тутъ не заплакать?..

— Сссс—шт...! Не плачь... Не смѣй плакать!

Она закрываетъ ему ротъ рукой, осторожно отворяетъ двери и выбѣгаетъ въ сѣни. Старикъ-отецъ мужа, блѣдный, съ топоромъ въ рукѣ, преграждаетъ ей дорогу.

— Куда ты? На вѣрную гибель?.. Иди за мной—въ садъ... Тамъ, въ погребѣ, спрячемся...

Поздно!.. Блеснулъ лиловый огонекъ, грянулъ выстрѣлъ—и старикъ тяжело упалъ навзничъ. Непстойкие крики оглушили молодую женщину... Она ринулась впередъ, но тутъ двѣ коричневыя, жилистыя руки упали на ея плечи. Замерла она, закрыла глаза, потому что другая бритая голова свирѣпо вырвала изъ ея рукъ мальчика... Онъ слабо вскрикнулъ, а затѣмъ... что-то глухо стукнулось о землю... И вдругъ, въ порывѣ отчаянія, мать ударила по бритой головѣ; началась борьба—но гдѣ же женщиной справиться съ тремя солдатами?.. Въ борьбѣ она потеряла послѣднюю одежду, прикрывавшую ее... Прекрасное, молодое обнаженное тѣло—товаръ цѣнный, и спросъ на него въ Константинополѣ большой... Лучше продать, чѣмъ убить!.. Барышъ будетъ.

— Вяжи ее! Гдѣ веревка-то?..

— Крѣпче держи, Ахметъ! Свяжемъ!

— Руки-то вяжи! Правую! Глаза вырвемъ!..

— А ты не давай рвать—отвернись!

Можетъ быть Ахметъ и потерялъ лѣвый глазъ, но за то ужъ навѣрно получилъ третью часть барыша послѣ продажи *живого товара*, если, конечно, самъ не погибъ въ какой-нибудь свалкѣ съ инсургентами.

Не думайте, читатель, что эта страшная картина—плодъ и гривой фантазіи художника... Увы, подобныя сцены совершаются тамъ сплошь и рядомъ! Если турки въ мирное время грабили Герцеговину, то стануть ли они церемониться со взбунтовавшимся населеніемъ этой страны?..

О причинахъ и характерѣ нынѣшняго возстанія на Балканскомъ полуостровѣ мы уже сообщили нашимъ читателямъ (№ 33, Политическое обозрѣніе).

П А С К В И Л Ъ.

Въ Римѣ жилъ портной когда-то,
Называемый Пасквино;
Онъ отъ прочихъ отличался
Духомъ крайне покойнымъ:
На стѣнахъ, на пьедесталахъ
Всюду онъ писалъ насмѣшки
На святѣйшихъ кардиналовъ
И блистательныхъ синьоровъ.
Всякій кто ни прочтаетъ
Злую сплетню иль насмѣшку,
Тотъ качнувши головою
Съ огорченіемъ воскликнетъ:
„Это вѣрно нашъ Пасквино!“
Но со временемъ привыкли
И отчасти равнодушно
Говорили: „Это Пасквиль!“
А портной, какъ всякій смертный,

Кончилъ жизнь свою однажды...
Тѣмъ не менѣе однако
Все твердили по привычѣ:
„Это пасквиль! это пасквиль!“
И теперь, когда въ могилѣ
Кости Пасквино истлѣли,
Всякій кто ни прочтаетъ
Обличеніе въ журналѣ
Иль насмѣшку надъ собою,
Говоритъ съ негодованьемъ:
„Это пасквиль! Это пасквиль!“
Вотъ какое наказанье
Постигаетъ тѣхъ за гробомъ,
Кто насмѣшки пишетъ злыя
На святѣйшихъ кардиналовъ!..

И. Г.

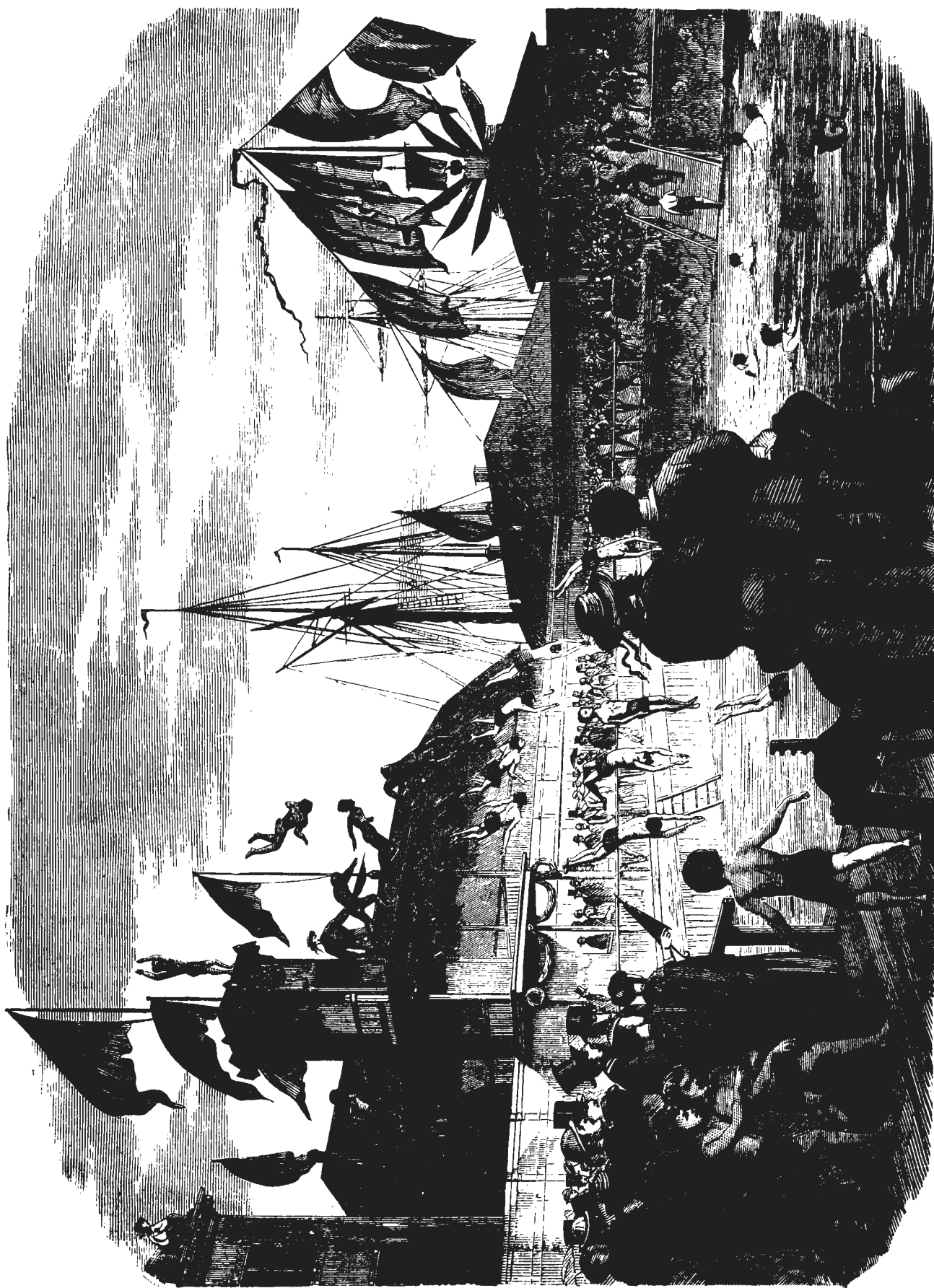
ИМПЕРАТРИЦА АВСТРІЙСКАЯ ЕЛИЗАВЕТА.

Помѣщая на страницахъ «Нивы» портретъ императрицы австрійской Елизаветы, присовокупимъ нѣсколько словъ о личности императрицы. Лучшая заслуга царей—любовь ихъ народа, а какъ императоръ австрійскій Францъ-Иосифъ, такъ и августѣйшая его супруга, вполне пользующая любовью всѣхъ народовъ, входящихъ въ составъ Австро-Венгріи. Извѣстныя обширныя лингвистическія познанія императора Франца-Иосифа, позволяющія ему говорить на всѣхъ языкахъ и даже нарѣчіяхъ подвластныхъ Австріи народовъ. Императрица австрійская такъ же свободно владѣетъ этими языками, а по венгерски го-

воритъ какъ природная венгерка, что разумѣется много способствуетъ ея популярности въ странѣ.

Императрица Елизавета-Амалия-Евгенія, дочь короля баварскаго Максимилиана, родилась въ 1837, вступила въ замужество съ императоромъ австрійскимъ Францомъ-Иосифомъ I въ 1854 году; у нихъ дѣти: Жизель, Рудольфъ, наслѣдный принцъ, и Марія.

Не смотря на то, что императрица Елизавета имѣетъ уже замужнюю дочь—принцесса Жизель вступила въ 1873 г. въ замужество съ принцемъ баварскимъ Леопольдомъ,—сама импе-

Біччаніе магистровъ плаванія въ Стокгольмѣ.

ратрица, какъ это видно по портрету, еще полна свѣжести и красоты. Она страстно любитъ охоту и отличная наѣздница.

Ныѣшнее лѣто императрица австрійская проводитъ во Франціи въ замкѣ Сассеге, находящемся въ самой живописной мѣстности Нормандіи, въ двухъ километрахъ отъ моря, и окруженномъ великолѣпнымъ паркомъ. Пріѣздъ августѣйшей гостыи и

ея многочисленной свиты, придавъ много оживленія этому прелестному, но обыкновенно довольно тихому мѣстечку, предпочитаемому тѣмъ изъ купальщиковъ, которые хотятъ избѣгнуть шума и тѣноты другихъ купальныхъ мѣстъ. Надѣются, что морскія купанья укрѣпятъ довольно слабое здоровье императрицы австрійской.

Л Е Г К І Я .

Многіе изъ нашихъ органовъ начинаютъ свою дѣятельность еще до нашего появленія на свѣтъ; но органъ, объ которомъ мы намѣрены теперь бесѣдовать съ читателями, проявляетъ свою дѣятельность только со вступленіемъ нашимъ въ жизнь.

Часто съ трепетомъ ожидаемый окружающими, первый признакъ дыханія пріивѣтствуется всеобщей радостью. Въдъ крикъ новорожденнаго ребенка возвѣщаетъ появленіе въ нашей средѣ новаго, одареннаго голосомъ и имѣющаго право голоса, гражданина!

Крикливые и немелодичные звуки, которыми мы открываемъ свой первый дебютъ въ жизни, производятся посредствомъ дѣйствія виѣшняго атмосфернаго воздуха на наши легкія, при содѣйствіи голосоваго органа, именно гортани.

Легкія, какъ извѣстно, лежатъ въ груди по обѣимъ сторонамъ сердца, и заключены въ кожистую оболочку, такъ-называемую «грудную перепонку». Буро-краснаго цвѣта и губчатаго строенія, они представляютъ систему широко-развѣтвленныхъ трубочекъ, на тончайшихъ кончикахъ которыхъ сидятъ «легочные пузырьки», какъ ягоды на виноградной кисти. Черезъ соединеніе нѣсколькихъ такихъ трубочекъ, изъ каждаго легкаго выходитъ по довольно длинной трубкѣ, подымаясь вверхъ, трубки эти все болѣе сближаются и соединяясь въ одну, на границѣ между шеей и грудью, образуютъ «дыхательное горло». Сюда присоединяется, какъ непосредственное его продолженіе на верху, гортань, которая съ своей стороны сообщается съ окружающимъ насъ воздухомъ, посредствомъ зѣва, рта и носа.

Вотъ въ короткихъ чертахъ путь, проходимый воздухомъ, прежде чѣмъ онъ проникнетъ въ легочные пузырьки.

Воздухъ служитъ въ нѣкоторомъ смыслѣ пищей для легкиихъ. Можно даже скзать, что для нихъ воздухъ гораздо необходимѣе чѣмъ желудку пища, потому что голодь можно переносить нѣсколько дней, а лишеніе воздуха въ нѣсколько минутъ влечетъ за собой удушеніе и смерть. Дѣятельность легкиихъ заключается въ томъ, что они непрерывно вводятъ воздухъ въ вышеупомянутые легочные пузырьки и, послѣ того какъ онъ исполнитъ тамъ свое назначеніе, снова выгоняютъ его наружу. Мы называемъ этотъ процессъ «дыханіемъ», при чемъ первая его половина называется «вдыханіемъ», вторая «выдыханіемъ». Такихъ вздоховъ бываетъ 18 въ минуту; слѣдовательно они составляютъ около четвертой части бѣнія пульса. Такъ же какъ и послѣднее, они подвержены различнымъ колебаніямъ. Напримѣръ, дыханіе учащается въ такихъ случаяхъ, когда по какой либо причинѣ доступъ воздуха къ легкимъ затруднителенъ; при этомъ все равно, будетъ ли препятствіе въ самомъ легкомъ или въ одномъ изъ ведущихъ къ нему каналовъ. Важный признакъ сильной одышки, легко замѣтный даже не для врачей, это игра носовыхъ крыльевъ, именно: въ такихъ случаяхъ ноздри расширяются съ каждымъ вдыханіемъ и спадаются съ каждымъ выдыханіемъ. Это явленіе всегда указываетъ на важное заболѣваніе дыхательныхъ органовъ, и въ такихъ случаяхъ никогда не нужно медлить обращеніемъ къ медицинской помощи.

Разумѣется, нечего и говорить о томъ, что дыханіе не прекращается и во время сна. Но нѣсколько словъ о «кошмарѣ» и летаніи «во снѣ», можетъ быть не будутъ лишены интереса. Первый состоитъ, какъ извѣстно, въ чрезвычайно неприятномъ ощущеніи, будто на груди лежитъ какое-то тяжелое тѣло, отъ котораго мы никакъ не можемъ отдѣлаться, и которое грозитъ задавить насъ. Это происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ незначительной задержки дыханія, часто напримѣръ вслѣдствіе того, что ртня слишкомъ крѣпко прижата къ груди. Народная фантазія, придающая всему сверхестественный характеръ, приписываетъ такой тяжелый сонъ злоумышленнымъ дѣйствіямъ домового: «домовой давилъ», говорится въ народѣ. На тѣхъ же причинахъ основано и «летаніе во снѣ»; но послѣднее, въ противоположность кошмару, происходитъ и при свободномъ, безпрепятственномъ дѣйствіи легкиихъ. Летаемъ мы впрочемъ только во снѣ,—при пробужденіи же обыкновенно надаемъ съ облаковъ.

Что же служить признакомъ дыханія? Для этого стоитъ только наблюдать здороваго человѣка, и мы увидимъ, что грудь его правильно подымается и опускается. Движеніе это зависитъ отъ того, что при каждомъ вдыханіи легкія расширяются, а при каждомъ выдыханіи возвращаются къ своему прежнему состоянію. Такое колебаніе груди особенно замѣтно у женщинъ, и ему часто придается даже поэтическое значеніе. Но для прозаическаго взгляда эта «колеблющаяся грудь» означаетъ не болѣе какъ учащенное дыханіе. У дамъ волненіе въ груди обыкновенно вызы-

ваетъ болѣзнь сердца, которую впрочемъ умѣютъ лечить не одни доктора, но и другіе мужчины.

Легкія, такъ же какъ и сердце, участвуютъ въ выраженіи всѣхъ нашихъ радостей и печалей.

Если бы напримѣръ этотъ маленькій очеркъ не понравился вамъ, благосклонный читатель дай Богъ только чтобы этого не было—то вы будете производить медленные, продолжительныя вдыханія при судорожно-открытомъ ртѣ, а авторъ будетъ дѣлать протяжныя выдыханія и вслѣдъ за ними сильныя выдыханія; т. е. вы будете «зѣвать»,—авторъ «вздыхать».

По всего пріятнѣе было бы, читатель, если вы будете производить рядъ прерывистыхъ, отрывочныхъ выдыханій, то есть отъ души «смѣяться».

Вставая утромъ съ постели, мы сейчасъ пользуемся весьма важными услугами нашихъ легкиихъ: мы не могли бы выполоскать ни рта, ни горла, не заставляя воду, постоянными выдыханіями, оставаться въ гортани. Это послѣднее отправленіе ежедневной жизни, равно какъ чиханіе, кашель, и т. п., суть впрочемъ только второстепенныя функціи легкиихъ. Главная ихъ дѣятельность относится къ другой области. Именно, дыханіе состоитъ въ тѣсной связи съ образованіемъ крови. Мы уже не разъ бесѣдовали съ нашими читателями о газѣ, играющемъ столь важную роль въ этихъ отправленіяхъ нашего организма, и здѣсь намѣрены опять возвратиться къ этому предмету.

Мы говоримъ о кислородѣ. Хотя газъ этотъ составляетъ всего $\frac{1}{5}$ атмосферы, а большая ея часть, вмѣстѣ съ другими газами, состоитъ изъ азота, тѣмъ не менѣе при процессѣ дыханія главная роль принадлежитъ кислороду.

Изъ опытовъ надъ животными—обыкновенно участь эта выпадаетъ на долю кроликовъ—дознано, что только кислородъ въ состояніи поддерживать постоянное дыханіе. Можно даже безъ опасности, на нѣкоторое время лишить животное дыханія, если передъ этимъ ввести въ его легкія обильное количество кислорода. Процессъ же, который кислородъ вызываетъ въ нашемъ тѣлѣ, есть тотъ же самый, какой мы наблюдаемъ при зажиманіи свѣчи, при топкѣ печей: «процессъ горѣнія». Слѣдствіемъ этого процесса является образованіе угольной кислоты; эта послѣдняя правильно выдыхается посредствомъ легкиихъ. И такъ, организмъ нашъ непрерывно работаетъ, въ немъ ежесекундно происходятъ обновленія и измѣненія, хотя и не видимыя для глаза. Въ природѣ никогда нѣтъ «настоящаго», въ ней все «вѣчное будущее». Это должно побуждать насъ всегда бодро идти впередъ и въ жизни, иначе мы пойдемъ назадъ; неподвижнаго состоянія не существуетъ. Такъ и въ природѣ, одновременно со всякимъ разрушеніемъ возникаютъ новыя жизненные элементы.

Процессъ сгаранія, производимый въ нашемъ тѣлѣ кислородомъ, обуславливаетъ измѣненіе вводимой въ тѣло пищи. Поэтому ясно, какое огромное значеніе имѣетъ кислородъ, т. е. дыханіе, на весь нашъ организмъ. Посредствомъ дыханія, кислородъ вводится въ маленькіе кровяные сосуды, проходящіе въ легочные пузырьки,—въ водосныя трубочки—безъ чего не могли бы совершаться разнообразныя процессы питанія.

Считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ одномъ газѣ, губельномъ для дыханія, тѣмъ болѣе, что не проходитъ почти зимы, чтобы нѣсколько человѣкъ не полатились изъ-за него жизнию. Это такъ-называемая «сопись углерода», извѣстная въ обществѣ подъ именемъ угара. Газъ этотъ образуется вслѣдствіе того, что преждевременнымъ закрываніемъ печныхъ заслонокъ—у горячаго матерьяла слишкомъ рано отнимается воздухъ, т. е. кислородъ. Тогда, вмѣсто угольной кислоты, которая образуется при всякомъ горѣніи, развивается газъ, отличающійся отъ угольной кислоты меньшимъ содержаніемъ кислорода. Послѣдній сокращается въ немъ на половину. Присутствіе этого газа въ тѣющихъ угляхъ легко узнать по выходящему изъ нихъ синему огоньку. Опасность этого газа увеличивается еще оттого, что онъ не выдаетъ себя никакимъ особеннымъ запахомъ, какъ напримѣръ свѣтильный газъ, но какъ воръ нападаетъ ночью на спящаго. Дѣйствіе его смертельно вслѣдствіе того, что онъ вытѣсняетъ изъ легкиихъ илѣющихъ тамъ кислородъ, естественнымъ послѣдствіемъ чего будетъ задушеніе. Спасительнымъ средствомъ въ подобныхъ случаяхъ можетъ служить приливъ свѣжаго, богатаго кислородомъ воздуха; то есть при такихъ несчастныхъ случаяхъ надо поскорѣе открыть всѣ двери и окна въ комнатахъ.

Послѣ этого короткаго отступленія, возвратимся опять собственно къ кислороду.

Какъ недостатокъ въ кислородѣ, слѣдовательно въ свѣжемъ воздухѣ, вредно отзывается на общемъ состояніи нашего здоровья, видно изъ бесчисленныхъ примѣровъ въ ежедневной жизни. Вспомните блѣдный, желтовато-сѣрый цвѣтъ лица подвальныхъ жителей, столь многочисленныхъ въ большихъ городахъ. Взгляните на фабричныхъ, которые въ огромномъ количествѣ ремесленники, чиновники, ученые, ведущіе сидячую жизнь. Однимъ словомъ, если вообще сравнить городского жителя, производящаго жизнь болѣе или менѣе въ комнатахъ, съ сельскимъ жителемъ,—то наружность послѣдняго послужитъ очевиднымъ доказательствомъ того, какое благотворное вліяніе имѣетъ дыханіе свѣжаго и чистаго воздуха на наше здоровье. Еще печальнѣе положеніе тѣхъ, которые по роду своихъ занятій принуждены постоянно дышать воздухомъ, наполненнымъ пыльными частицами. Поэтому въ сравнительныхъ таблицахъ смертности между ремесленниками самый большой процентъ составляютъ обойщики, мельники, каменотесы и булочники.

Если еще къ этому принять во вниманіе, что чахотка составляетъ 1/3 всѣхъ смертныхъ случаевъ, то станетъ понятнымъ какія энергическія мѣры должны мы всегда принимать, чтобы дышать свѣжимъ, чистымъ воздухомъ. Но, спросятъ можетъ быть, что можемъ мы сдѣлать для этого?

Прежде всего слѣдуетъ избѣгать подвальныхъ квартиръ, чужь обстоительства хоть сколько-нибудь позволяють это. Для спальни надо всегда выбирать по возможности просторную комнату съ большими окнами. Въ ней не должно спать много человѣкъ, такъ какъ ясно, что комната тѣмъ скорѣе обдѣлаетъ содержаніемъ въ ней кислорода, и тѣмъ скорѣе наполнится выдыхаемой угольной кислотой, чѣмъ болѣе человѣкъ будетъ въ ней дышать. Окна въ спальнѣ должны какъ можно чаще открываться, для того чтобы въ ней была всегда правильная, достаточная вентиляція. Наконецъ не слѣдуетъ жарко натапливать спальни да и въ остальныхъ комнатахъ лучше избѣгать этого, и такъ же не держать на заперти, а по возможности чаще открывать

окна и форточки. Постоянное пребываніе въ комнатахъ большого или меньшаго числа людей, измѣняетъ въ ней воздухъ далеко не къ выгодѣ дышущихъ имъ, въ чемъ легко убѣдиться всякій, кто войдетъ съ свѣжаго воздуха въ такую комнату. Если отъ открыванія форточки зимою мы потеряемъ немного тепла, за то потеря эта щедро вознаградится пріобрѣтеніемъ хорошаго, чистаго, обильнаго кислородомъ воздуха. Наконецъ надо взять себѣ за правило, каждый день дѣлать довольно продолжительное движеніе на воздухѣ. Всякій очень скоро почувствуетъ благотворные результаты такого образа дѣйствій для общаго состоянія своего здоровья.

Можетъ быть мы слишкомъ напугали нашихъ читателей грозной картиной многочисленныхъ жертвъ чахотки; спѣшимъ успокоить ихъ; въ новѣйшее время медицина не безъ успѣха старается отыскивать средства противъ этой болѣзни. Безразсудно было бы, конечно, требовать отъ науки невозможнаго, и относиться къ ней съ презрѣніемъ, если она не исполняетъ этихъ требованій. Мы назвали бы глупцомъ того, кто потребовалъ бы отъ стекольщика, чтобы онъ вставилъ новое стекло, не давая ему матерьяла для этого—именно самаго стекла. Между тѣмъ многие не задумаются потребовать отъ доктора, чтобы онъ замѣнилъ разрушенное легкое новымъ. А что значить кусокъ стекла въ сравненіи съ нѣжно организованной тканью легкаго! Если бы мы взяли за твердое правило никогда не запускать кашля, но всегда немедленно обращаться къ совѣту доктора, то въ очень бы многихъ случаяхъ избѣгали чахотки. Мало по малу въ доктора пришли къ тому убѣжденію, что чахотка почти всегда развивается изъ предшествовавшего запущеннаго катарра. Даже начинающуюся чахотку можно остановить, или по крайней мѣрѣ на много лѣтъ отдалить печальный исходъ. Но этого никогда нельзя достигнуть публикуемыми специальными средствами противъ чахотки, потому что такихъ не существуетъ, — тутъ могутъ помочь только хорошія гигиеническія-климатическія условія, т. е. соответствующій образъ жизни и мягкій климатъ съ чистымъ, здоровымъ воздухомъ.

ИЗГОТОВЛЕНІЕ ДАМАССКИХЪ ОРУЖЕЙНЫХЪ СТВОЛОВЪ.

Между Люттихомъ и Пепинштерре, въ Бельгій, на берегу Вездрѣ, лежатъ нѣкоторыя незначительныя мѣстечки, на которыя прѣзжающіе по желѣзной дорогѣ путешественники обратятъ вниманіе развѣ за красоту ихъ мѣстоположенія, между тѣмъ какъ они заслуживаютъ особеннаго вниманія своей громадной промышленностью—и именно особымъ родомъ этой промышленности. Мѣстечки Нессово, Пріонъ, Фрепонъ, Троозъ и Ри-де-Мобѣ, взятые вмѣстѣ, составляютъ значительнѣйшій въ мірѣ округъ производства ружейныхъ стволовъ. Здѣсь, за немногими исключеніями, дѣлаются стволы для всѣхъ ружей, производимыхъ Люттихомъ; кромѣ того отсюда, частью черезъ люттихскихъ фабрикантовъ, частью прямо со ствольныхъ заводовъ, отсылаются большія количества неотдѣланныхъ стволовъ иностраннымъ заказчикамъ въ Англію, Францію, Германію, Австрію, Сѣверную Америку и Италію.

Годовой отчетъ правительственнаго пробнаго заведенія въ Люттихѣ (banc d' épreuves), даетъ подробныя свѣдѣнія о размѣрахъ ствольнаго производства Люттихскаго округа. Въ вышеупомянутомъ заведеніи должны подвергаться испытанію всѣ фабрикуемые въ Бельгій стволы для огнестрѣльныхъ оружій. Отчетъ 1873 года, не отличающійся существенно отъ предъидущихъ годовъ, даетъ слѣдующія цифры. Въ этомъ году было всего испробовано 773,000 стволовъ, изъ нихъ 49,000 назначались для солдатскихъ ружей, 332,000 для револьверовъ и парныхъ карманныхъ пистолетовъ; далѣе 14,000 парныхъ стволовъ для пистолетовъ, 21,000 стволовъ для особаго рода небольшихъ одноствольныхъ ружей (bords), 216,000 стволовъ для одноствольныхъ дробовиковъ и штуцеровъ, и наконецъ 152,000 стволовъ или 76,000 парныхъ стволовъ для двуствольныхъ ружей, дробовиковъ и штуцеровъ вмѣстѣ и двухударныхъ штуцеровъ.

Подобное годовое производство составляетъ немаловажный арсеналъ и само за себя говоритъ объ огромномъ значеніи этой вѣтви промышленности.

Наибольшая и существеннѣйшая часть этихъ стволовъ производится упомянутыми выше мѣстностями; приведенныя нами цифры говорятъ только о размѣрахъ производства, вѣснотабельнымъ средствомъ котораго, надо замѣтить, служить единственно не особенно-сильная водяная сила; особенность же его заключается въ фабрикаціи дамасскихъ стволовъ. Въ Нессово и его окрестностяхъ изготовляются дамасскіе стволы не только для всѣхъ охотничьихъ ружей, которыя Люттихъ разсылаетъ по всему свѣту, но и вообще всѣ тончайшіе дамасскіе стволы, обрабатываемые для охотничьихъ ружей во всемъ свѣтѣ. Бирмингемъ, единственное мѣсто, гдѣ еще фабрикуются въ большихъ размѣрахъ дамасскіе стволы, производятъ низшіе сорта; Суль, такъ же какъ и Сентъ-Этьенъ, получаютъ свои дамасскіе стволы преимущественно изъ Бельгій. Въ Парижѣ дѣлается очень немного особенно тонкихъ дамасскихъ стволовъ,

такъ-называемыхъ настоящихъ бернардскихъ стволовъ. Мы не имѣемъ данныхъ для точнаго опредѣленія, сколько изъ вышеприведенныхъ цифръ приходится на дамасскую фабрикацію; можно однако считать, что изъ *двойныхъ ружейныхъ стволовъ*, около половины, слѣдовательно отъ 30,000 до 40,000 паръ, дамасскіе; къ этому надо присоединить еще большое количество стволовъ для одноствольныхъ ружей и пистолетовъ.

Но что такое дамаскъ, и какую имѣетъ онъ цѣль? Матерьялъ ружейнаго ствола желѣзо, или сталь и дамаскъ. Желѣзо употребляется для низшихъ сортовъ; сталь и литая сталь идутъ только на штуцерные стволы, которые высверливаются и пріобрѣтаютъ большую крѣпость. Дамаскъ же есть собственно матерьялъ для двуствольныхъ ружей, такъ какъ эти послѣдніе прежде всего должны быть легки, слѣдовательно тонки, представляя въ то же время необходимую гарантію прочности, которая можетъ быть обусловлена только чрезвычайной крѣпостью массы.

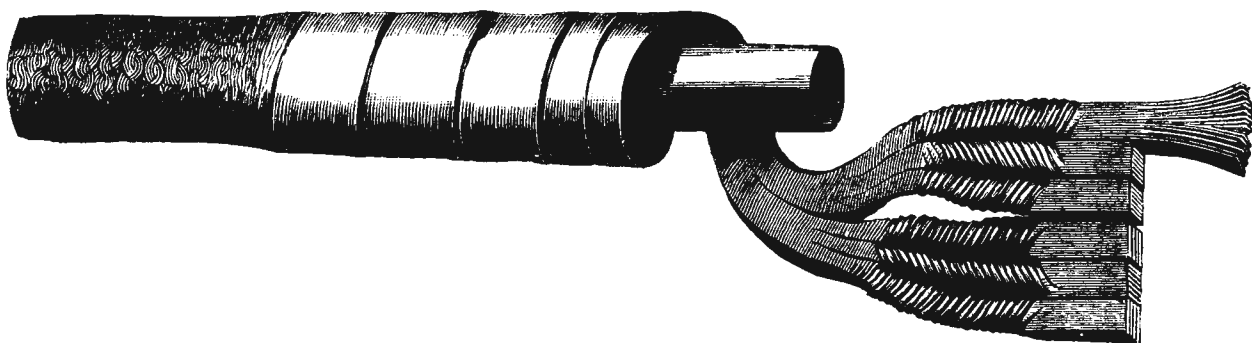
Въ энциклопедическомъ словарѣ говорится, что изобрѣтеніе дамаска происходитъ изъ Дамаска, и стало впервые извѣстно въ Европѣ во времена крестовыхъ походовъ, но только въ новѣйшее время удалось профессору Кривелли въ Миланѣ добиться совершеннаго подражанія дамасскимъ клинкамъ. Въ производствѣ ружейныхъ стволовъ, дѣйствительно, лишь въ началѣ нынѣшняго столѣтія стали употреблять для стволовъ дамаскъ, а такъ какъ люттихскіе оружейные заводы пользуются знаменитостью уже нѣсколько столѣтій, то весьма естественно, что дамасское производство именно имъ обязано своимъ теперешнимъ совершенствомъ. Дамаскомъ называется смѣсь или сплетеніе стальныхъ и желѣзныхъ полосъ. Этимъ соединеніемъ достигается прочность и крѣпость, какія не можетъ представить никакой другой металлъ. Неудачный желѣзный или стальной стволъ, какой бы ни было силы, который не выдерживаетъ пробы и разрывается,—разрывается въ томъ мѣстѣ гдѣ есть порокъ на болѣе или менѣе мелкіе кусочки, между тѣмъ какъ дамасскій стволъ въ подобномъ же случаѣ разрывается какъ кусокъ ткани, что служитъ явнымъ доказательствомъ необыкновенной плотности матерьяла.

Какъ дѣлается гладкій желѣзный стволъ—вещь довольно извѣстная. Желѣзную полосу въ длину стволу, свертываютъ въ трубку и выковываютъ,—или же, когда это дѣлается посредствомъ прокатыванія, короткую и толстую пластинку свертываютъ въ трубку и растягиваютъ ее между вальками до требуемой длины. Но какъ изготовляются дамасскіе стволы—извѣстно не многимъ; даже многіе охотники, фигуры и цвѣты дамаска считаютъ нарисованными, между тѣмъ какъ это-то собственно и есть видное доказательство крѣпости металла, что такъ желательное и важно для стрѣлка въ видахъ его собственной безопасности. Изъ прилагаемыхъ рисунковъ виденъ весь процессъ изготов-

ленія двухъ наиболѣе извѣстныхъ и распространенныхъ лучшихъ сортовъ дамаска, бернардскаго и турецкаго или розоваго дамаска. Процессъ этотъ въ общихъ чертахъ слѣдующій:

Изъ поперебннаго сплетенія стали и желѣза въ видѣ полосокъ толщины въ листъ бумаги и шириною въ соломину (турецкій дамаскъ), или толщиною въ нитку, круглыхъ или четырехгранныхъ проволокъ (бернардскій дамаскъ), образуется четырехгранный пруть толщиною въ карандашъ. Пруть этотъ во первыхъ скручивается и сучится пока не получитъ веревкообразной формы, послѣ чего соединяется съ другими, прошедшими черезъ тотъ же самый процессъ прутьями (шестью въ турецкомъ и тремя въ бернардскомъ дамаскѣ), и выковывается въ ленту шириною въ большой палецъ. Эта лента обматывается

стволь будетъ готовъ, должна быть высверлана. Изготовленный такимъ образомъ сортъ розоваго дамаска, состоитъ изъ 156 пластинокъ или лентъ, стальныхъ и желѣзныхъ поперебнно, заключающихся въ 6 прутьяхъ, сплетенныхъ каждый изъ 26 лентъ. Въ первомъ и третьемъ пруть ленты лежатъ вертикально, въ остальныхъ же четырехъ горизонтально. Представленный на нашемъ рисункѣ сортъ бернардскаго дамака состоитъ изъ 243 четырехгранныхъ проволокъ, стальныхъ и желѣзныхъ въ перемежку, расположенныхъ въ видѣ шахматныхъ клѣтокъ, и раздѣленныхъ на три прута, по 81 (9×9) въ каждомъ. Слѣдовательно, поперебнное расположение здѣсь стали и желѣза,—никакимъ образомъ не случайное, а точно рассчитанное; неправильное положение одной какой-нибудь ленты или проволоки сейчасъ

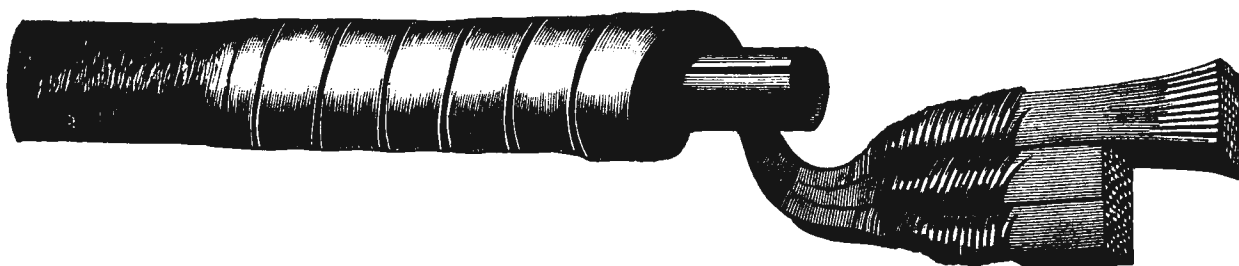
Турецкій или розовый дамаскъ.

$$81 \ 81 \ 81 = 243$$

$$26 \ 26 \ 26 \ 26 \ 26 \ 26 = 156.$$

Разрѣзъ турецкаго дамаска. Разрѣзъ дамаска Вернара.

Дамаскъ Вернара. Изготовленіе Дамаскихъ стволовъ. Грав. Дьямонъ.

вается вокругъ гильзы и выковывается, и, въ раскаленномъ состояніи, до тѣхъ поръ обрабатывается молотомъ, пока всѣ части плотнѣйшимъ образомъ не соединятся между собою и не образуютъ ствола, который по наружности ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго желѣзнаго ствола. Но какъ скоро стволъ этотъ начнутъ выглаживать и полировать и потомъ обрабатывать ѣдкими химическими жидкостями, — то изгибы, переплетенія и образованія стальныхъ и желѣзныхъ частей ясно обозначаются на стволѣ и образуютъ дамасскій рисунокъ. По способу соединенія, равно какъ по формѣ, числу и переплетенію употребленныхъ стальныхъ и желѣзныхъ проволокъ, образуются и получаютъ свои названія различные сорта дамаска.

Гильза, вокругъ которой обматывается дамасская лента, и которая соединяется съ нею во время ковки, послѣ того какъ

было бы замѣтно на рисунокѣ дамаска и нарушило бы его красоту.

Изготовленіе дамаска требуетъ большой опытности и сноровки. Послѣ того какъ заводчикъ изслѣдуетъ рисунокъ дамаска, а такъ же форму, мѣру и вѣсъ готоваго ствола, онъ подвергается еще испытанію пробнаго заведенія, и только выдержавъ эту пробу, которая дѣлается больше чѣмъ втрое сильнѣйшимъ противъ обыкновеннаго пороховымъ зарядомъ, можетъ быть пущенъ въ употребленіе и въ дальнѣйшую обработку.

Итакъ, хорошій дамасскій стволъ переплетенъ и отдѣланъ такъ красиво и тонко не для того только, чтобы имѣть красивый видъ, но скорѣе для того, чтобы при возможной легкости быть крѣпкимъ, такъ какъ чѣмъ тоньше работа дамаска, тѣмъ прочнѣе стволъ.

Вѣнчаніе магистровъ плаванія.

Магистры плаванія? Да разные же магистры послѣ того и водятся! И въ самомъ ли дѣлѣ подобныхъ магистровъ-пловцовъ увѣнчиваютъ и въ магистры посвящаютъ?—Да, дѣйствительно

такъ дѣлаютъ,—къ тому же, совершается подобный обрядъ съ величайшею торжественностью, какъ оно и видно изъ прилагаемаго рисунка. Не только въ знаменитой школѣ плаванія

Елисавета, императрица Австрійская. Рис. Бонуръ, грав. Шапонъ.

въ Стокгольмѣ, но и во многихъ другихъ городахъ Швеціи, устраиваются каждое лѣто плавательныя испытанія, на которыхъ, какъ при возведеніи въ ученныя степени всѣхъ магистровъ вообще, магистру плаванія выдается настоящій дипломъ на право подобнаго именованія, при чемъ онъ со своей стороны даетъ извѣстные обѣты. Не мѣняе другихъ студентовъ приходится пловцамъ-кандидатамъ трудиться для получения диплома магистра. Перечтемъ здѣсь тѣ испытанія, въ которыхъ долженъ отличиться желающій получить степень магистра плаванія въ Швеціи: онъ долженъ проплыть 600—1500 саж. въ обыкновенномъ плавательномъ костюмѣ и положеніи (но строго держась всѣхъ правилъ искусства, отнюдь не плескаясь кое какъ впередъ), 300—800 саж. на спинѣ лежа и 250—750 саж. въ *полной одеждѣ*; онъ долженъ ходить въ водѣ не шевеля руками («топтать воду») 75—250 сажентъ, и не двигая ногами, лежа на водѣ, сдѣлать 75—300 саж.; еще долженъ онъ проплыть 6—15 саж. и нести на водѣ большихъ размѣровъ камень на разстояніи 6—15 саж.; кромѣ того испытуемый долженъ быть хорошо знакомъ съ главными правилами поданія помощи утопающимъ. Помимо всего этого посвящаемымъ въ магистры придется совершать необыкновенныя прыжки изъ башенъ и качалокъ въ водоемы. Непривычный зритель остолбенѣетъ и испугается даже, увидя какъ человекъ точно стрѣла стремглавъ летитъ внизъ съ страшной высоты и пропадаетъ на нѣкоторое время въ глубинѣ воды.

Если бы читателю вздумалось спросить: какіе же именно люди занимаются подобными упражненіями и для чего это дѣлаютъ, то мы должны отвѣтить слѣдующимъ образомъ: На сколько извѣстно, въ подобныхъ затѣяхъ принимаютъ участіе ко всѣмъ чинамъ, сословіямъ и возрастамъ принадлежащіе молодые, возмужалые и даже старые люди. Между въпчающими нерѣдко встрѣчаются представительныя лица столицы Швеціи, иногда занимаетъ эту должность какой-нибудь знаменитый мужъ королевства, такимъ встрѣчаемъ мы напримѣръ извѣстнаго историка А. Фрюкселя, помимо прочихъ профессоровъ, пасторовъ и даже епископовъ. Въ составъ вышней администраціи Гверкевской плавательной школы входятъ напримѣръ такія личности, какъ главный инспекторъ народныхъ училищъ Стокгольма и руководитель знаменитаго учрежденія Маниалы. Възять во вниманіе имена и личности эти, дѣлается каждому яснымъ, что подобныя упражненія имѣютъ болѣе важную и высокую цѣль и служатъ не только для развлечения нѣкоторыхъ молодыхъ сумасбродовъ, — мы видимъ, что дѣло имѣетъ какое-то международное значеніе. Не особеннаго труда даже стодитъ и угадать цѣль эту. Современность сдѣлала шагъ назадъ къ древности въ томъ, что она стала оцѣнивать хорошія тѣлодвиженія, «бодрый духъ въ здоровомъ тѣлѣ!» Наверядъ-ли найдется еще какое-нибудь упражненіе тѣла, которое въ одно и то же время могло быть столь пріятно, развивало бы тѣлесныя силы и мышцы, а также увеселяло бы человекъ и вообще здорово дѣйствовало, какъ разумное и научное плаваніе, когда оно совершается тѣломъ отъ всѣхъ тѣсняющихся одеждъ освобожденнымъ да притомъ въ такой мѣстности, которая уже сама по себѣ служитъ подтвержденіемъ тѣла человеческого. Именно наши сѣверныя страны, окруженныя и прѣзанна тысячами водъ, пріемно отъ природы способствуютъ развитію подобныя гимнастическія упражненія, болѣе другихъ странъ. Къ сожалѣнію нашему, нынѣшнее поколѣніе смотритъ почти со страхомъ на это здоровое, легко приобретаемое и мало времени требующее упражненіе, которое въ старину считалось однимъ изъ наиболее любимыхъ удовольствій мужчинъ; и тѣ немногіе, которые въ этомъ искусствѣ теперь упражняются, мало имъ занимаются. Потому уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ Швеціи стали учреждаться общества плаванія и таковыя же школы. Начало свое они получили въ г. Упсалѣ, въ средѣ студентовъ. Безучастіе, недовѣріе и неохота къ подражанію, встрѣтили юныхъ новичковъ на первыхъ порахъ; много насмѣшекъ и пренятствій пришлось имъ перенести, но дѣло двигалось все-таки впередъ, ибо многіе представительныя, постарѣлые люди взяли словомъ и дѣйствіемъ поощрять новое искусство. Въ настоящее время въ разныхъ городахъ Швеціи процвѣтаетъ уже цѣлый рядъ обществъ плаванія и таковыхъ же школъ; въ Стокгольмѣ учреждена даже дамская плавательная школа, въ

которой такъ же устраиваются ежегодныя испытанія учащихся.

Какъ успѣшно развилось плаваніе въ Швеціи и съ какой стороны оно тамъ понимается, — ясно видно изъ того, что въ послѣднее время въ программу общихъ училищъ собираются включить плаваніе, на ряду съ гимнастикой, въ числѣ другихъ предметовъ обученія. Предпріятіе это не приведено еще въ исполненіе, но сдѣлано уже все, что было возможно. Содержатели плавательныхъ школъ берутъ самую ничтожную плату за обученіе плаванію, отъ всѣхъ учащихся дѣтей, такъ что напримѣръ въ названной нами выше Гверкевской школѣ плаванія воспитанники народныхъ училищъ платятъ всего 1 риксдалеръ (около 40 коп. сер.); бѣднѣйшимъ же изъ учениковъ выдается за этой цѣли вспомошествованія отъ администраціи училищъ, — именно бѣднѣйшій слой общества наиболѣе и пуждается въ подобномъ освѣжительномъ и укрѣпительномъ средствѣ по причинѣ своихъ темныхъ и худыхъ жилищъ, въ которыхъ воздухъ почти всегда бываетъ испорченъ, — и вслѣдствіе заботятся о томъ, чтобы дѣти обучались и упражнялись въ плаваніи. Всякому извѣстно, какъ охотно дѣти лѣтомъ, иногда даже черезъ чуръ часто, любятъ купаться; совершаемое же въ плавательныхъ школахъ, купанье имѣетъ большую выгоду, ибо за всѣми попытками упражняющегося слѣдятъ и правильно въ нихъ руководятъ. Въ назначенный день каждого лѣта устраивается въ плавательныхъ школахъ родъ экзамена, на которомъ ученики имѣютъ возможность выказать свое искусство. Одинъ соотечественникъ, изъ записокъ котораго мы здѣсь и взяли большую часть, рассказываетъ объ одномъ такомъ экзаменѣ, очевидномъ котораго онъ былъ въ прошедшее лѣто, слѣдующее: «По программѣ назначено было испытуемымъ 6 номеровъ для исполненія: плаваніе въ маломъ водоемѣ, плаваніе въ таковомъ же большомъ, прыганіе съ качалокъ, ныржаніе, лежаніе на поверхности воды и прыганіе попеременно изъ башенъ и съ досокъ. Большая толпа стороннихъ наблюдателей собралась на испытаніе и мальчуганъ исполнилъ свои номера съ такою ловкостью, что было любо смотреть. Упраженія представляли собою родъ гимнастики, совершаемой въ водѣ. Ныржаніе напримѣръ совершалось такъ, что каждый мальчуганъ имѣлъ въ рукахъ маленький узелокъ каменевъ: послѣ условнаго знака, каждый изъ нихъ бросилъ узелокъ свой въ воду. Потомъ, послѣ втораго сигнала, бросились всѣ стремглавъ въ водоемъ, и хотя онъ имѣетъ нѣсколько сажень глубины, мальчуганъ оказался, нѣсколько мгновеній спустя, опять на поверхности воды, при чемъ никто изъ нихъ не былъ съ пустыми руками. Слѣдующій номеръ, удерживаніе себя на поверхности воды, казался съ практической стороны менѣе значущимъ; но онъ доказалъ, съ какою удивительною точностью и сноровкою мальчуганъ совершалъ общія движенія; они составляли, разнымъ образомъ группируясь, различныя фигуры, — и все это было дѣломъ мгновенія». Къ этому можемъ мы еще прибавить, что и въ прочіе, даже въ будничныя дни, въ школахъ плаванія интересно прослѣдить, въ какомъ порядкѣ здѣсь все совершается и какъ ревностно, какъ воспитатели, такъ и учащіеся занимаются. Если кому-нибудь напримѣръ удалось сдѣлать смѣлый и превосходный прыжокъ, то его, при появленіи на поверхности воды, встрѣчаютъ радостныя рукоплесканія зрителей, которые въ райскомъ одѣяніи стоятъ на подмосткахъ водоема, готовые къ подобнымъ же попыткамъ.

Мы, «обитатели многоводныхъ странъ», стоимъ и въ этомъ, какъ еще во многомъ, на заднемъ планѣ. Простонародіе даже страшится холодной воды, — а между тѣмъ въ теченіи каждого лѣта утонаетъ въ рѣкахъ нашихъ множество людей, изъ которыхъ по той простой причинѣ, что не умѣютъ плавать. Въ привилегированныхъ классахъ хотя оно и употребляемо, но рѣдкій изъ нихъ *правильно* плаваетъ. Извѣстно и признано всѣмъ то, что правильно производимое плаваніе въ состояніи излечивать многіе тѣлесныя недостатки и болѣзни, преимущественно молодыхъ людей, напр. малокровіе у дѣвицъ. Конечно человекъ не сотворенъ для постоянного житія въ водѣ подобно рыбѣ, но плаваніе должно быть *изучено* постепенными упражненіями, ибо наука эта имѣетъ свои, незнакомыя съ нею скртыя правила, а потому упражняющійся въ этомъ и нуждается въ руководителѣ.

С М Ъ С Ъ.

Разрушительное наводненіе въ Массачусеттѣ.

Съ самаго существованія Массачусетскаго штата, въ немъ не бывало такой ужасной катастрофы, кака я случилась въ утро 16-го Мая сего года и, меньше чѣмъ въ часъ времени, превратила самыя цвѣтущія части этого штата въ пустыню, заваленную обломками и человеческими трупами. Мѣстомъ этого несчастія была одна долина въ Рамширскомъ графствѣ, мильхъ во сто на сѣверо-западъ отъ Бостона. По берегамъ рѣки

Мидль, образующей долину и вытекающей съ высокаго хребта холмовъ, расположено было пять фабричныхъ поселеній: Вильямсбургъ, Гайденвилль, Скиннервилль, Флоранс и Лидсѣ. На одномъ изъ холмовъ, владѣльцы фабрикъ соорудили лѣтъ девять тому назадъ огромнѣйшій водяной резервуаръ, который долженъ былъ доставлять массу воды, потребную для приведенія въ дѣйствіе фабричныхъ машинъ; для этой цѣли вода была приведена на три мили разстоянія къ Вильямсбургу, такъ какъ на самую рѣку нельзя было всегда рассчитывать. Резервуаръ этотъ лежалъ футовъ на 200 выше долины; трубы проходили по горному ущелью, постепенно склонявшемуся къ лиду.

Резервуар замыкался плотиною, которая с. стояла изъ высокой стѣны, защищенной съ обѣихъ сторонъ небольшими насыпями.

Вследствие сильнаго дожда, лившаго всю ночь, вода въ рѣкѣ Миллѣ, питающей резервуаръ, высоко поднялась. На слѣдующее утро сторожъ Георгъ Ченей сдѣлалъ обычный осмотръ плотины, и все повидимому оказалось въ порядкѣ. Но немного погодя онъ замѣтилъ, что внизу плотины, на пространствѣ около 40 футовъ, изъ резервуара въ нѣсколькихъ мѣстахъ просачивались струи воды. Появивъ опасность, онъ посѣшилъ открыть шлюзъ, чтобы отвести воду въ трубы, и уменьшить этимъ ея количество въ резервуарѣ. Затѣмъ онъ тщательно осмотрѣлъ плотину и убѣдился, что черезъ нѣсколько минутъ она не въ состояніи будетъ устоять противъ напора воды. Не теряя ни секунды, Ченей бросился на лошадь, и помчался сломя голову къ Вильямсбургу, чтобы прежде всего предупредить жителей этого мѣстечка о приближающейся опасности. Было половина восьмого. Въ четверть часа онъ доскакалъ до перваго домика, гдѣ жилъ смотритель резервуара Шпельманъ, и передалъ ему вѣсть о неизбежномъ наводненіи отъ разлива большаго резервуара. Но Шпельманъ и другіе служащіе недовѣрчиво качали головой, а драгоценныя минуты шли да шли даромъ. Наконецъ когда вслѣдъ за Ченеємъ, который вмѣстѣ съ своей лошадью былъ совсѣмъ измученъ, прискакалъ еще другой посланный, черезъ ущелье уже рванулась тяжелая масса воды, пробившая плотину съ этой стороны и, какъ лавина, катясь внизъ, все росла и росла въ своемъ объемѣ.

Бурный потокъ въ мигъ спустился со склона и тутъ началось разрушеніе. Въ Вильямсбургѣ, самомъ большемъ изъ мѣстечекъ, насчитывалось населенія въ 2,500 душъ, и много заводовъ и фабрикъ, на которыхъ выдѣлывались шерстяныя издѣлія, чугуныя вещи, инструменты, машины; черезъ городокъ проходили ньюгавенская и нортamptonская желѣзныя дороги.

Жители только что кончили утренній завтракъ и собирались идти на работу, когда всадникъ принесъ имъ страшное извѣстіе. Посланный помчался дальше, и когда онъ, взглянувъ на сѣверную сторону, увидѣлъ катящуюся водноюй столбъ въ пятьдесятъ футовъ вышины, то поняли, что это значитъ, и бросились кто какъ попало на высоты, думая найти спасеніе. Въ мигъ цѣлый рядъ домовъ былъ смытъ, какъ будто ихъ и не бывало, при чемъ погибли цѣлыя семьи. Уцѣлѣла только дома, стоявшая на возвышенности, но большая часть мѣстечка была истреблена.

Потокъ, съ которымъ неслись теперь обломки домовъ, мебели, машинъ, трупы людей и животныхъ, понесся дальше и совершенно разрушилъ Сканнервилъ и находившуюся въ немъ шелковую фабрику.

Такая же судьба постигла Гайдenville фабрики и жилища были разрушены; здѣсь погибло очень много людей.

Въ Флоринѣ наводненіе уже нѣсколько утратило свою силу, и это мѣстечко, сравнительно, пострадало отъ него меньше. Тамъ не менѣе вода затопила всѣ дуга и дома, такъ что и сдѣсь жители принуждены были искать спасенія на возвышенностяхъ. Рельсы желѣзныхъ дорогъ смыло водой; фабрики, амбары, мельницы и другія строенія были уничтожены; прорвало нѣсколько плотинъ, у Нортamptonа снесло желѣзно-дорожный мостъ въ 100 футовъ длины. Спусти часъ времени, вода стала спадать. Утонуло больше 200 человекъ; убытки причиненные наводненіемъ простираются до милліона долларовъ. Двадцать пять большихъ фабричныхъ заведеній или разрушено, или такъ повреждено, что дальнѣйшее производство работъ на нихъ не возможно, между тѣмъ ими существовало населеніе въ 5,000 че-

ловѣкъ. Кроме того многие изъ нихъ потеряли все свое имущество, всѣ запасы, и остались безъ крова. Картина была самая грустная. Люди сидѣли на желѣзно-дорожной насыпи и на пригоркахъ, съ отчаяніемъ глядя на мѣста, гдѣ стояли ихъ жилища. Вдобавокъ еще, лилъ проливной дождь и до костей промачивалъ несчастныхъ, которые дѣлали попытки отыскать своихъ ближнихъ, надѣясь что они уцѣпились за какіе нибудь обломки. Наступила ночь, и 800 человекъ не знали куда преклонить голову! Впрочемъ въ Нортamptonѣ позаботились доставить ночлегъ пострадавшимъ, но каково имъ было оставаться въ неизвѣстности о своихъ близкихъ, которые не были найдены.

Въ теченіе дня было найдено много труповъ утонувшихъ людей; на слѣдующій день ихъ отыскалось еще больше.

Изъ сосѣднихъ городовъ нахлыло на мѣсто наводненія, простиравшееся на восемь миль вдоль рѣки, множество народа; одни прѣзжали просто изъ любопытства, другіе чтобы помочь пострадавшимъ отыскивать трупы и убирать обломки.

Разрушеніе было ужасно; цѣлыя ряды труповъ были сложены въ импровизированныя «морти». Нѣкоторыхъ на другой же день похоронили, но большая часть оставалась до признанія родными. Нѣсколько дней, по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ на кладбища, непрерывно тинулись похоронныя процессіи, и съ сосѣднихъ церквей раздавался повсюду погребальный звонъ.

Розыски усердно продолжались; раскопка мусора и разрушенныхъ зданій требовала величайшихъ усилій. Оба берега рѣки были завалены бревнами, разными обломками, всякимъ тряпьемъ, одеждой, домашней утварью, сельско-хозяйственными орудьями и пр. Все это перемѣшивалось въ одной хаотической массѣ. Улицъ не осталось и слѣда, между тѣмъ какъ на поляхъ толстый слой ила скрывалъ отъ глазъ всякую растительность.

Какъ всегда въ подобныхъ несчастіяхъ, и тутъ были примѣры удивительныхъ спасеній и геройскаго самопожертвованія. Къ сожалѣнію, что также не рѣдкость, несчастное событіе привлекло много незваныхъ гостей, которые начали было грабить пустыя дома пострадавшихъ; однако, изъ сосѣднихъ мѣстечекъ прибыла полиція и остановила рвеніе дерзкихъ грабителей. Между тѣмъ жители стали понемногу оправляться отъ постигшаго ихъ бѣдствія; самые значительные фабриканты, Гайдентъ и К^о, тотчасъ же принялись за возобновленіе своихъ фабрикъ. Другіе, конечно, не могли этого сдѣлать, такъ какъ они сами все потеряли. Несчастіе это возбудило во всей странѣ большое сочувствіе, во многихъ мѣстахъ открылись подписки въ пользу пострадавшихъ.

Но что еще болѣе увеличиваетъ состраданіе, какое возбуждаютъ къ себѣ оставшіеся безъ хлѣба семейства рабочихъ, это то, что они были тутъ жертвой гнусной скупости и безпредѣльной безпечности. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что плотина, пробитая водой резервуара, была построена изъ дурныхъ матеріаловъ, и кроме того самымъ небрежнымъ образомъ; фабриканты знали это, и допустили такую постройку, чтобы сберечь нѣсколько тысячъ долларовъ.

Поправки, дѣлаемые отъ времени до времени, не могли исправить первоначальной ошибки. Кроме того, администрація плотины, какъ оказалось, была самая поверхностная; вышеупомянутый сторожъ не разъ предупреждалъ начальство о состояніи плотины, но на его слова не обращали никакого вниманія. Нерасчетливая экономія фабрикантовъ оказалась очень убыточной и неразумной для нихъ же самихъ, и надо только удивляться, какъ они не предвидѣли этого. Но это стоило жизни нѣсколькимъ стамямъ людямъ и повергло въ несчастіе множество семей, потому оставшіеся въ живыхъ совершенно правы, настаивая на строгомъ изслѣдованіи этого дѣла.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 31-го минувшаго августа въ большомъ Царскосельскомъ Дворцѣ происходило святое крещеніе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Владиміровича, согласно Высочайше утвержденному церемониалу. Въ этотъ же день, въ 7 часовъ пополудни, Его Императорское Величество изволило выѣхать изъ Царскаго Села въ Ливадію.

Дѣйствія правительства.

— Государь Императоръ, 28-го іюля сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ: Перевооружить мѣстные войска, расположенныя въ округѣхъ Европейской Россіи, винтовками системы Куринка, отпустивъ эти винтовки по числу чиновъ съ оружіемъ, опредѣленнымъ въ сихъ войскахъ по штатамъ военнаго времени, приложеннымъ къ приказу по военному вѣдомству 1874 года за № 251.

— Государь Императоръ, согласно положенію сего Комитета, 3-го августа сего года, Высочайше соизволилъ повелѣть: завѣды-

ваніе находящимися въ Закавказскомъ краѣ имѣніями, принадлежащими заграничнымъ греческимъ монастырямъ и святымъ мѣстамъ возложить на Тифлисское и Кутаисское управленія государственными имуществами.

— Въ видахъ предохраненія частныхъ лицъ и общества отъ ущерба при затрудненіи, могущихъ послѣдовать для нихъ отъ приостановленія производства по присланнымъ ими прошеніямъ, которыя вовсе не оплачены или не вполне оплачены гербовымъ сборомъ, или къ которымъ не приложено гербовой марки или гербовой бумаги для оплаты или отвѣта или объявленія—департаментъ неокладныхъ сборовъ считаетъ долгомъ заявить о необходимости соблюденія установленныхъ уставомъ 17-го апрѣля 1874 г. правилъ объ оплатѣ 40 коп. гербовымъ сборомъ какъ самаго прошенія, такъ и требующагося по оному извѣщенія или объявленія.

Военное и морское дѣло.

— 29-го августа, происходилъ въ присут-

ствѣ Государя Императора спускъ на воду въ 11³/₄ час. утра, клипера „Крейсеръ“, въ Новомъ-Адмиралтействѣ, и вслѣдъ затѣмъ фрегата „Герцогъ Эдинбургскій“, на заводѣ Балтійскаго желѣзно-судостроительнаго общества въ Чекушахъ.

Къ постройкѣ желѣзнаго трехъ-пушечнаго винтоваго клипера „Крейсеръ“ приступлено 20-го февраля 1873 года. Главныя размѣренія клипера: длина между перпендикулярами 214 ф.: ширина съ обшивкою 32 ф. 11 д.; водоизмѣненіе 133,402 тоннъ. Строевыхъ тоннъ 1072²/₄. Три шестидюймовыя наръзныя орудія расположены на верхней палубѣ на поворотныхъ платформахъ, для дѣйствія ими на оба борта, и сверхъ этого по борту четыре девятифунтовыя наръзныя пушки, по двѣ на каждой сторонѣ. Постройка корпуса клипера производилась въ С.-Петербургѣ, въ Новомъ-Адмиралтействѣ, казенными средствами. Строитель клипера корабельный инженеръ капитанъ Кишкинъ. Паровой механизмъ для клипера въ 250 нарицательныхъ силъ

смѣшанной (Compound) системы, изготовляется на адмиралтейскихъ ижорскихъ заводахъ. Къ постройкѣ шестинушечнаго желѣзнаго подброненоснаго фрегата «Герцогъ Эдинбургскій» приступлено 15-го сентября 1870 г. Постройка приостановлена 30-го мая 1872 года и вновь начата 20-го ноября 1873 года. Главныя размѣренія фрегата: длина между перпендикулярами 270 ф.; ширина съ обшивкою 48 ф.; водоизмѣненіе 4,602 тонны; стреловыхъ тоннъ 2955⁹² 94. Броня на корпусѣ фрегата расположена во всю длину въ два ряда, каждый шириною въ 3 ф. 6 д.; Четыре восьмидюймовыя наръзные орудія расположены по два на сторонѣ на верхней палубѣ, которая въ мѣстахъ помѣщенія орудій упирается, образуя платформу, выступающіе углы которой доставляютъ продольный обстрѣлъ. Два шестидюйм. наръзные орудія подъ бакомъ и ютомъ на поворотныхъ платформахъ, для дѣйствія ими на оба борта. Постройка корпуса фрегата, изъ русскаго желѣза, произведена въ С.-Петербургѣ, на заводѣ балтійскаго желѣзо-судо-строительнаго и механическаго общества, изъ матерьяловъ контрагентовъ и ихъ мастеровыми, кромѣ брони, которая, въ количествѣ 54 плитъ, вѣсомъ до 24,000 пуд., изготовляется отъ казны на адмиралтейскихъ ижорскихъ заводахъ. Наблюдающій за постройкою фрегата — корабельный инженеръ-подпоручикъ Кутейниковъ. Паровой механизмъ для фрегата въ 900 нарицательныхъ силъ смѣшанной (Compound) системы, изготовляется на томъ же заводѣ.

Землетрясенія.

— Нынѣшній годъ, какъ видно изъ свѣдѣній, опубликованныхъ въ „Прав. Вѣстн.“ особенно богатъ землетрясеніями по западной и южной окраинамъ Европейской Россіи. Въ ночь съ 19-го на 20-е апрѣля въ Пятигорскѣ было землетрясеніе, при чемъ при довольно сильномъ ударѣ ясно слышался подземный гулъ по направленію съ сѣвера на югъ. Въ Шемахинской губерніи было довольно сильное землетрясеніе 26-го іюля въ 7 часовъ вечера, причѣмъ въ Шемахинскомъ уѣздѣ особенно пострадали 15 деревень, рас-

положенныхъ на с.-з. отъ города, въ Кошунскомъ пространствѣ. Сильно повреждено 160 зданій, въ числѣ коихъ 3 мечети; разрушено зданій 136. Несчастныхъ случаевъ съ людьми не было. Въ Волынской губерніи 5-го августа было чувствуемо землетрясеніе во Владиміровольскѣ, гдѣ оно продолжалось до трехъ секундъ, причѣмъ было замѣчено довольно сильное колебаніе столовъ и дверей; далѣе въ городахъ Ровнѣ, Дубнѣ и Острогѣ, меньше секунды. Землетрясеніе въ Волынской губерніи принадлежитъ, какъ замѣчаютъ въ мѣстныхъ „Губ. Вѣд.“, къ числу очень рѣдкихъ явленій. Въ Люблинской губерніи, въ имѣніи г. Эпштейна, Долгобычевѣ, Грубешовскаго уѣзда, того же 5-го августа, въ 5 часовъ пополудни было сильное землетрясеніе, продолжавшееся полторы минуты. Два крестьянскіе дома разрушены, а во флигелѣ дома помѣщика оказалось нѣсколько трещинъ. Того же числа, въ 4³/₄ часа пополудни, чувствуемо было землетрясеніе и въ городѣ Грубешовѣ; но здѣсь землетрясеніе продолжалось только нѣсколько секундъ. Въ Симферополѣ было слышено — какъ сообщаютъ въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ — легкій подземный ударъ, а въ Бахчисараѣ и Севастополѣ было чувствуемо землетрясеніе, продолжавшееся нѣсколько секундъ. Землетрясеніе на возвышенныхъ мѣстахъ было чувствительнѣе, нежели на низменныхъ, и вліаніе его тамъ на постройки болѣе сильно. Въ окрестностяхъ Севастополя оно также оставило слѣды незначительныхъ поврежденій: оба инкерманскіе маяка (створы) дали трещины; въ георгиевскомъ монастырѣ въ верхней церкви треснула куполь; въ Карани, Кадьковѣ, Балаклавѣ и на хуторахъ дома пострадали больше, чѣмъ въ Севастополѣ, у нѣкоторыхъ отпили углы; но это зависѣло не отъ болѣе сильнаго удара, а скорѣе отъ дурной постройки домовъ. Въ долинахъ Бельбека и Качи землетрясеніе, судя по разсказамъ, было слабѣе. Есть свѣдѣнія, что землетрясеніе было также и въ Евпаторіи, гдѣ оно продолжалось нѣсколько секундъ. Удары были довольно сильны, но замѣчены не всеми жителями, потому что многіе изъ нихъ въ то время еще спали. Поврежденій не произошло никакихъ.

Послѣ землетрясенія началась буря, окончившаяся тихимъ дождемъ.

Наши охранники.

— Изъ Ташкента получена, какъ сообщаютъ въ „Рус. Инв.“, слѣдующая телеграмма: «Въ Коканскомъ ханствѣ переворотъ; ханскія войска перешли на сторону мятежниковъ; находившееся въ Коканѣ наше посольство прикрыло отступленіе хана съ семействомъ и приближенными въ Ходжентъ, помощью 15 казаковъ и нѣсколькихъ джигитовъ; инсургенты преслѣдовали отступающихъ, при чемъ посольство и казаки подверглись ружейному и артиллерійскому огню; у насъ убито два джигита. Во главѣ возстанія Абдураманъ-автобачи, который объявилъ джехатъ (войну за вѣру), готовится къ походу и выслать эмиссаровъ въ подвластные намъ князьяки (селенія)».

— Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ сообщается, что туркестанскій генералъ-губернаторъ телеграфировалъ отъ 3-го августа: „Возвратясь въ Ташкентъ изъ объѣзда Семирѣчья, получилъ письмо отъ Ханъ-Заде (старшаго сына Худояръ-Хана) и отъ вождей возстанія въ Коканѣ; увѣдомляютъ, что народъ ихъ пересталъ слушаться Худояра, который удалился въ Ходжентъ; духовенство и старшіе люди провозгласили ханомъ Ханъ-Заде“. Предполагая признать новаго хана, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ 1-й предложилъ коканцамъ: 1) принять договоръ нашъ, заключенный съ Худояромъ; 2) удовлетворить наше посольство и купечество за причиненные при возстаніи убытки, и 3) назначить пенсію Худояру. Послѣднему предложено было переѣхать въ Ташкентъ, но Худояръ подъ предлогомъ болѣзни, отъ этого уклонился.

СОДЕРЖАНІЕ. Кто выигралъ?.. (Изъ современной уголовной хроники). Романъ Ф. Фридриха. — Возстаніе въ Герцеговинѣ. Въ виду барыши (съ рисункомъ). — Пасквиль (стихотвореніе). — Императрица Австрійская Елизавета (съ портретомъ). — Легкія. — Изготовленіе дамасскихъ ружейныхъ стволовъ (съ тремя рисунками). Вѣчаніе магистровъ плаванія (съ рисункомъ). — Сибирь. — Разныя извѣстія.

За Редактора

Издатель А. Ф. Марксъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Учебное заведеніе 1-го разряда
съ полнымъ курсомъ Классической гимназіи
содержимое Э. РЕПМАНОМЪ въ Москвѣ.

Помѣщается, на Гончарной ул., близъ Яузскаго моста въ д. Степановой.

Пріемъ воспитанниковъ будетъ происходить отъ 15-го Іюля по 15-е Сентября. Классныя занятія начнутся 7 Августа. 10—7

МЕБЕЛЬНЫЙ ФАБРИКАНТЪ Карль Шитцъ.

Рекомендуетъ большой выборъ мебели всякаго стиля, собственнѣйшей фабрики, съ ручательствомъ на 2 года. Принимаетъ заказы мебели и обойныя работы. На углу Невскаго проспекта и Литейной, С.-Петербургъ.

2—2

Вышла изъ печати и поступила въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ

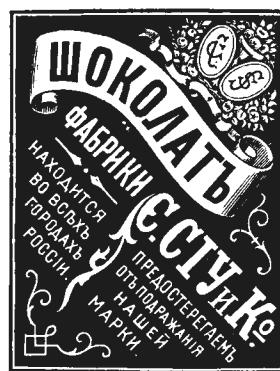
НОВАЯ КНИГА

ИСТОРИЯ РОССИИ

отъ ея основанія до настоящаго времени *общепонятно разсказанная* А. М. Станюковичемъ. Съ приложеніемъ отдѣльныхъ списковъ: городовъ, областей, монастырей, деревень, дворцовъ, заводовъ и другихъ замѣчательныхъ зданій и мѣстъ, съ обозначеніемъ года, когда они основаны, построены, присоединены или разрушены.

Длина книги (въ 323 страницъ, въ 8-ю долю листа въ печатанной красками оберткѣ съ изображеніемъ Рюрика — основателя, Петра 1-го — образователя и Александра II — освободителя Россіи). 1 р. сер., за пересылку 20 к.

Народнымъ школамъ и вѣстамъ, обращающимся въ главный складъ этой книги въ книжный магазинъ В. Д. Кашкина, въ Москвѣ (большая Лубянка, д. Мазуриной) она уступается за 30 к.

45—10

НОВОЕ ВРЕМЯ

Ежедневная газета, политическая, литературная, общественная и биржевая (безъ цензуры). Подписная цѣна на 4 и 3 мѣсяца: въ Петербургѣ съ доставкою на домъ съ 1 сентября 6 р., съ 1 октября 4 р. 50 к., для иногородн. съ 1 сентября 6 р. 50 к., съ 1 октября 5 р. Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи, на Литейномъ просп., д. № 45.

Двойная бухгалтерія для самоучащихся, снабжается многочисленными примѣрами, поясненіями и ссылками, въ 2-хъ книж. (520 стр.), къ которымъ приложено 6 отдѣльныхъ листовъ съ 25 чертъ-жамъ и 3 табл., дающими возможность нагляднымъ образомъ изучить суть дѣла, и *каковыя до сихъ поръ ни къ одной бухгалтеріи прилагаемо не было*. Составилъ Ф. Журовъ. Ц. 3 р. Продается въ Москвѣ у многихъ книгопродавцевъ; въ СПб. у Вольфа и Вагунова. Складъ въ Москвѣ. Адресоваться къ А. И. Журову (на Чиковск. Подворье въ лавкѣ гг. Каретниковыхъ), Второй складъ у автора. Адрес. изъ с. Тейково, Влад. губ. въ Фед. Гавр. Журову. Адресующіеся къ автору за пересылку ничего не прилагаютъ.

Настоящія почтовые марки всѣхъ государствъ дешево продаются:

Большой Каталогъ (5000 №) съ 72 раскрашенными начертаніями, цѣна 1 марки (30 коп.) (прежде 2 марки).

Иллюстрированный журналъ для почтовыхъ марокъ на 2 года (каждый номеръ съ многими иллюстраціями) цѣна за годъ 3 марки (90 коп.).

Пробный листъ и прейсъ-курантъ безплатно.

Покупка и продажа почтовыхъ марокъ

ЛУИ ЗЕМФЪ въ Лейпцигѣ, Германія.

6—6

При этомъ № для гг. иногородныхъ подписчиковъ приложено объявленіе отъ чайнаго магазина К. Е. Киселева въ Москвѣ.

ЖИВЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ,

№ 38

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
Выданъ 21 Сентября 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

УПРАВЛЯЮЩІЙ МОРСКИМЪ МИНИСТЕРСТВОМЪ, ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ АДМИРАЛЪ
Николай Карловичъ Краббе,

Генералъ-адъютантъ адмиралъ Николай Карловичъ Краббе. Рис. Базуръ, грав. Шапонъ.

УПРАВЛЯЮЩІЙ МОРСКИМЪ МИНИСТЕРСТВОМЪ ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТЬ АДМИРАЛЬ НИКОЛАЙ КАРЛОВИЧЪ КРАББЕ.

Неумѣстно было бы распространяться объ извѣстной всему флоту многосторонней и благотворной дѣятельности Николая Карловича Краббе, управляющаго въ настоящее время Морскимъ Министерствомъ. Лицамъ же мало знакомымъ съ морскимъ дѣломъ постараемся по возможности дать нѣкоторое понятие о важныхъ результатахъ его трудовъ для пользы и усовершенствованія флота.

Николай Карловичъ вступилъ въ управленіе морскимъ министерствомъ въ 1856 году, именно въ то время, когда флотъ требовалъ радикальнаго преобразованія, то есть: замѣненія парусныхъ кораблей паровыми; а затѣмъ потребовалось строить бронепрокатныя мастерскія на Колинскомъ пароходномъ заводѣ.

При маломъ развитіи заводской дѣятельности и за недостаткомъ въ то время людей специально знакомыхъ съ постройкой броненосныхъ судовъ, первая броненосная батарея «Первенецъ» была заказана министерствомъ въ Англии, затѣмъ большая часть судовъ строилась въ Россіи изъ русскаго желѣза. Для приготовленія броненосныхъ плитъ на эти суда устроены на Колинскомъ заводѣ обширныя броненосныя мастерскія; они въ настоящее время снабжаютъ флотъ броней, приготовляемою исключительно изъ русскаго желѣза, которое хотя первое время и обходилось дороже иностраннаго, но причиняѣ дальнѣй доставки его съ горныхъ заводовъ, но лишнее было бы заявлять о пользѣ такой мѣры, освобождающей производство желѣза въ Россіи отъ сильной монополіи иностранцевъ и развитіи обработки металловъ въ Россіи.

Николай Карловичъ съ тою же дѣлю способствовалъ разви-

тію Обуховскаго сталелитейнаго завода, который въ настоящее время отликаетъ стальныя орудія до 11-дюймоваго калибра, снабжаетъ ими весь флотъ и кромѣ того имѣетъ много заказовъ отъ военнаго министерства въ видѣ стволовъ для ружей различныхъ новѣйшихъ системъ.

Для того, чтобы дать возможность молодымъ офицерамъ совершенно окончить свое специальное образованіе, офицерскіе классы при Морскомъ корпусѣ были замѣнены академическимъ курсомъ морскихъ наукъ съ тремя факультетами: гидрографическимъ, кораблестроительнымъ и механическимъ; а въ Кронштадтѣ устроены миные курсы для желающихъ изучать новое и чрезвычайно важное въ настоящее время для флота миное искусство. Николай Карловичъ принималъ также главное участіе въ учрежденіи эмеритальной кассы морскаго вѣдомства, польза которой доказывается уже тѣмъ, что все остальныя вѣдомства послѣдовали примѣру морскаго—фактъ, который говорить самъ за себя лучше всякихъ комментариевъ.

Упомянутая здѣсь только нѣкоторые болѣе видимые результаты дѣятельности Николая Карловича, не считаемъ возможнымъ касаться многостороннихъ административныхъ, сдѣланныхъ имъ преобразованій, такъ какъ они не имѣютъ популярнаго значенія и вообще заявлять объ административной дѣятельности такого высокопоставленнаго лица весьма трудно, какъ бы не были видны ея полезныя результаты.

Остается только желать, чтобы состояніе здоровья Николая Карловича не препятствовало ему продолжать съ прежнею энергіей свои труды для пользы флота.

Борьба южно-славянскихъ дѣвушекъ съ преслѣдующими ихъ турками.

Вспыхнувшее въ Герцеговинѣ возстаніе вызываетъ съ новою силой ужасныя сцены той ожесточенной борьбы, какую упрямыя и смѣлыя горы не перестаютъ вести съ вѣчными своими притѣснителями, турками. Въ этой борьбѣ, ведущейся съ обѣихъ сторонъ съ одинаковою, неумолимою жестокостью, нерѣдко принимаютъ участіе и женщины, которыя, такъ же какъ и мужчины, обладаютъ сильнымъ, правильнымъ тѣлосложеніемъ, и не уступаютъ имъ ни въ храбрости, ни въ отвагѣ. Особенно отличаются невѣсты; тѣ во время схватокъ сражаются рядомъ съ своими женихами, дѣля съ ними все опасности и оставаясь вѣрными подругами имъ даже въ смерти. Если необходимость разлучитъ этихъ смѣлыхъ дѣвушекъ съ ихъ возлюбленными, то пѣтъ опасности, которую бы онѣ не преодолѣли, чтобы попасть къ нимъ,—пропасти, отвѣсныя скалы, рѣки, горныя ручьи въ полноводѣ, имъ ни печемъ. Нерѣдко нѣсколько дѣвушекъ, потихоньку отъ родныхъ, сговариваются идти вмѣстѣ, чтобы найти своихъ возлюбленныхъ и присоединиться къ нимъ, захватываютъ съ собой первое попавшееся оружіе, и въ удобную минуту оставляютъ свои дома. Понятно, какъ дорого могутъ полагаться дѣвушки за такую смѣлость. Горе имъ, если подстережетъ ихъ турецкій глазъ, не миновать имъ тогда плѣна. Прости тогда привольная жизнь въ родныхъ горахъ, свобода, счастье и радость; продадутъ ихъ на рынкѣ какъ товаръ, и будутъ эти цвѣтущія красавицы украшать серали богатыхъ мусульманъ.

Самая большая опасность ожидаетъ дѣвушекъ въ долинахъ.

Если же въ сумеркахъ или подъ покровомъ ночи опасныя долины пройдены, и дѣвушки успѣли хотя немного добраться до крутыхъ тропинокъ въ скалахъ, побѣда почти навѣрное на ихъ сторонѣ. Горы, это ихъ элементъ; здѣсь онѣ движутся съ изумительной ловкостью и вѣрностью, здѣсь онѣ умѣютъ пользоваться всеми выгодами горной мѣстности, и храбро защищаются отъ преслѣдованія, громко зова своихъ на помощь, и сбрасывая по стародавнему обычаю здоровыя каменныя глыбы на головы преслѣдователей.

Въ доказательство того, что онѣ перешли турецкія области, онѣ обыкновенно приносятъ своимъ возлюбленнымъ нѣсколько пучковъ кукурузы, сорванной ими на мусульманскихъ поляхъ. Съ этими трофеями и оружіемъ въ рукахъ, дѣлаютъ онѣ невѣроятныя вещи, предпринимаютъ трудный, опасный походъ, угрожающій ихъ свободѣ, невинности, жизни, рискуя на другой же день попасть въ руки враговъ или можетъ быть умереть рядомъ съ своимъ желаннымъ.

Наша картина живо представляетъ одну изъ характерныхъ сценъ этой вѣковой борьбы. Три герцеговинскія дѣвушки застигнуты турками при переходѣ черезъ вздувшійся торный ручей, однако имъ удалось счастливо добраться до скалистаго выступца, откуда они бомбардируютъ своихъ преслѣдователей порядочно-таки тяжеловѣсными каменными глыбами. Дикія, исполненные страсти движенія сильныхъ, мускулистыхъ горныхъ дѣвъ и опасное ихъ положеніе, переданы художникомъ съ большимъ драматизмомъ.

КТО ВЫИГРАЛЪ?...

(Изъ современной уголовной хроники).

РОМАНЪ
Ф. Фридриха.
(Продолженіе).

Поручикъ Виндгофъ, какъ-бы пораженный, молча смотрѣлъ на Платѣна, но, оправившись, сейчасъ-же воскликнулъ:

— Э, да вы опять хотите смотрѣть на шутку съ серьезной точки зрѣнія!... Да, наконецъ, чтѣ-жъ тутъ постыднаго, если баронъ станетъ на время женихомъ дѣвушки—мѣщаники?... Развѣ это постыдно, оскорбительно для нея?... Напротивъ, она до гроба можетъ гордиться этимъ!...

— Ну, относительно этого пункта мы, кажется, никогда не поймемъ другъ друга, а потому лучше и не будемъ говорить объ этомъ, отвѣтилъ Платѣнъ спокойнымъ тономъ. Взявъ газету, онъ началъ просматривать ее.

Виндгофъ какъ-то порывисто покачивался на стулѣ, мурлыкая какую-то аріюку изъ какой-то оперы. Онъ дѣйствительно не понималъ Платѣна, и досадно ему было, что Платѣнъ прирлѣлъ такой видъ, какъ будто правда была все таки на его сторонѣ...

Въ садъ вошелъ баронъ Зельдитцъ, и съ нимъ вмѣстѣ шли—Эльза и профессоръ Вертеръ. Замѣтивъ эту группу, Виндгофъ такъ удивился, что даже привскочилъ.

— Смотрите! Вѣдь добился-же онъ знакомства съ нею! воскликнулъ онъ.

Проходя мимо офицеровъ, Зельдитцъ улыбаясь раскланялся съ ними, и потомъ всѣ трое—баронъ, Эльза и профессоръ—сѣли къ одному изъ столиковъ, невдалекѣ.

Пальмъ и Кронахъ были какъ-бы ошеломлены этимъ зрѣлищемъ... И то сказать: проиграть пари—невеселая была для нихъ перспектива!

— Виндгофъ, вѣдь онъ выигрываетъ! произнесъ Пальмъ. Ну, право, Платэнъ былъ умнѣе всѣхъ насъ, такъ какъ во время отказался отъ пари!...

Платэнъ ничего не сказалъ на это, онъ пристально смотрѣлъ туда, гдѣ сидѣли Эльза и баронъ. Старшій поручикъ тоже былъ удивленъ, потому что не могъ понять, какимъ образомъ удалось Зельдитцу такъ скоро познакомиться съ профессоромъ?... Но до любви Эльзы къ барону, конечно, было еще очень далеко... Платэнъ не спускалъ глазъ съ дѣвушки... А брови его все сильнѣе и сильнѣе хмурились... Да, какъ ни казалась она равнодушно-покойной, но онъ уже болѣе не сомнѣвался въ томъ, что Эльза заинтересована барономъ. Она устремляла на Зельдитца свой взоръ, когда онъ что-нибудь говорилъ, и въ этомъ взорѣ свѣтилась тихая радость!.. Баронъ-же все еще продолжалъ разыгрывать роль невозмутимо-спокойнаго кавалера, даже *хладнаго сердцемъ*. Платэнъ сейчасъ понялъ, что такая игра—простой расчетъ со стороны Зельдитца, и не въ силахъ былъ оставаться долѣе свидѣтелемъ того, какъ играли сердцемъ невинной дѣвушки. Онъ всталъ.

— Куда вы, Платэнъ? спросилъ Виндгофъ.

— Домой.

— Не хотите и конца музыки дожидаться?

— У меня голова что-то болитъ, отвѣтилъ Платэнъ и прибавилъ: музыка невыносима для меня, да и люди—тоже... хочется удалиться въ свой тихій уголокъ.

И онъ ушелъ, не заботясь вовсе о томъ, станутъ-ли друзья его покачивать головой ему вслѣдъ...

Немного погодя, Зельдитцъ подошелъ къ офицерамъ.

— Ну, други-товарищи, какъ поживаете? заговорилъ онъ съ улыбкой, поглаживая усы и бороду. Вотъ уже нѣсколько дней какъ мы не видѣлись!..

— Но кто-же виноватъ въ этомъ, какъ не вы, Зельдитцъ? воскликнулъ Виндгофъ. Мы, какъ всегда, ежедневно собирались вмѣстѣ, а вотъ вы, кажется, все бросили и занялись только вашей прелестной знакомкой!

— Н-да, почти такъ, отвѣтилъ баронъ съ самодовольнымъ видомъ. Но—честное слово! дѣвушка эта—прелестное существо, совсѣмъ почти ребенокъ, а невинность ея доходитъ до смѣшнаго!

— Въ концѣ концовъ, пожалуй, вы еще влюбитесь въ нее, замѣтилъ Пальмъ.

При этихъ словахъ баронъ, и безъ того высокій, статный, еще выпрямился.

— Въ мѣщанку я не влюблюсь, произнесъ онъ гордо. Я слишкомъ высоко ставлю свою честь, свое имя, чтобы рѣшиться перешагнуть черезъ ту границу, которая по истинѣ ненарушимо держится уже тысячелѣтнѣя.

— Соглашаюсь съ вами, но тѣмъ не менѣе считаю пари ваше-относительно такой прелестной дѣвушки—опаснымъ! воскликнулъ Виндгофъ. Въ нее нельзя не влюбиться, нельзя не полюбить, когда взглянешь только на ея глаза!...

— Ну, моя кровь достаточно покойна, замѣтилъ баронъ, да ктому-же у дѣвицы этой нѣтъ даже состоянія, слѣдовательно, если-бы я поступилъ иначе, то сотворилъ-бы величайшую глупость, какую только могъ-бы сотворить. И такъ, обладая *ею*—я ужъ предоставляю кому-нибудь другому. Теперь вы видите, какъ я мало себя люблю, прибавилъ Зельдитцъ съ улыбкой и отправился затѣмъ къ Эльзѣ.

Нѣсколько дней спустя, знакомые уже намъ господа офицеры (тутъ былъ и Платэнъ) сидѣли вечеркомъ въ вѣнномъ погребкѣ. Вдругъ дверь отворилась, и баронъ, видимо взволнованный, вошелъ и громко произнесъ:

— Товарищи, я выигралъ пари! Вчера вечеромъ я

обручился. Шампанскаго сюда! обратился онъ къ погребщику, стоявшему поодаль.

Виндгофъ, Пальмъ и Кронахъ были поражены и—пренеприятно поражены... Имъ приходилось уплатить теперь сто фридрихсдорговъ, а касса ихъ, по обыкновенію, и такъ была не очень-то полна...

— Но, Зельдитцъ, вы должны дать намъ доказательство! воскликнулъ Виндгофъ.

— А развѣ вамъ мало моего честнаго слова?...

— Ахъ, нѣтъ, но въ этомъ случаѣ, относительно пари, мы имѣемъ право требовать, чтобы вы доказали...

— Извольте, согласился баронъ:—вотъ, прочтите это письмо. Я недавно получилъ его отъ Эльзы. Тутъ она называетъ меня „мой Александръ“ и подписывается: „твоя Эльза“... Не довольно-ли такого доказательства?..

Виндгофъ прочелъ письмо и—воскликнулъ:

— Вѣдь дѣйствительно—дѣвушка любитъ васъ!

— Чтѣ-жъ, это васъ такъ удивляетъ? спросилъ Зельдитцъ. А вѣдь сказать по правдѣ, эта дѣвушка—прелестна... Она—олицетвореніе любви и преданности! И это все, право, забавляетъ меня!... Профессоръ вполне счастливъ, такъ счастливъ, что если-бы я вчера маневрировалъ менѣе ловко, то старичокъ, на радостяхъ, поймалъ-бы меня въ свои объятія... Ха, ха, ха!... И поймалъ-бы—не поставъ я во время передъ собою стула!.. Ну-съ, еще на недѣлку я имъ доставлю это удовольствіе, а затѣмъ, разумѣется, и конецъ—шуткѣ!..

Съ возрастающимъ волненіемъ слушалъ Платэнъ эти легкомысленныя рѣчи и, наконецъ, всталъ.

— Господинъ баронъ, вы все еще считаете это шуткой? спросилъ онъ.

— Ну, конечно! Можетъ быть недѣлю, а пожалуй и двѣ пошучу еще съ красавицей изъ среды мѣщанской, а тамъ надо-же и за серьезное приняться... Вѣдь вамъ извѣстенъ мой образъ мыслей?..

— Вы этого не сдѣлаете, произнесъ Платэнъ рѣшительнымъ тономъ.

— А кто-жъ помѣшаетъ мнѣ? спросилъ Зельдитцъ, возвысивъ голосъ и устремляя прищуренные глаза на Платэна. Въ глазахъ барона горѣлъ мрачный огонь ненависти.

— Помѣшаетъ... честь ваша.

— Честь? Да она-то тутъ причемъ? Не думаете-ли вы, чтѣ честь моя пострадаетъ отъ шутки съ мѣщанкой?...

— Вы, господинъ баронъ, *не хотите* понять меня, заговорилъ Платэнъ:—я полагаю, что честь ваша помѣшаетъ вамъ поступить *такъ* съ невинной дѣвушкой, потому что дѣйствовать такимъ образомъ, какъ поступаете вы—безчестно!

Зельдитцъ вскочилъ. Глаза его сверкнули... Онъ, кажется, колебался: броситься-ли ему на Платэна или—нѣтъ?... Но тонъ и спокойная поза старшаго поручика удержали барона отъ слишкомъ рѣзкаго отвѣта.

— Слова эти требуютъ удовлетворенія! воскликнулъ онъ глухимъ отъ волненія голосомъ.

— О, конечно, я сказалъ ихъ не даромъ...

— Ха, ха, ха... какъ рыцарь мѣщанки? засмѣялся Зельдитцъ.

— Господинъ баронъ! Такъ какъ я знаю теперь, какъ вы вообще любите поступать, то послѣ этого оскорбить меня вы не можете. Если вы требуете удовлетворенія—я къ вашимъ услугамъ.

— Платэнъ, вы поторопились! воскликнулъ Виндгофъ, который испугался, увидѣвъ, что дѣло приняло вдругъ такой оборотъ. Послушайте, Зельдитцъ! Мы все это уладимъ за шампанскимъ!

— Но... оскорбленъ—я, замѣтилъ баронъ, повидимому готовый покончить дѣло мировой.

— А я высказалъ только искреннее мое убѣжденіе, произнесъ Платэнъ и прибавилъ:—господину барону извѣстно мое имя, а также извѣстенъ и мой адресъ.

Борба южно-славянскихъ дѣвушекъ съ турецкими отрядами. Рис. профес. Франкъ Звѣрина, грав. Веберъ.

Тутъ онъ вѣжливо поклонился своимъ товарищамъ-сослуживцамъ и вышелъ изъ погребка.

Зельдитцъ, взволнованный, ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ. Виндгофъ старался его успокоить.

— Нѣтъ, товарищъ, оставьте это! воскликнулъ наконецъ баронъ, Вы—свидѣтель того, какъ самъ Платэнъ искалъ со мной ссоры... Чтѣ-жъ, это какой-то новый родъ рыцарской чести, которую онъ захотѣлъ приобрести себѣ!.. Только онъ забылъ, ктѣ-я, онъ забылъ, чтѣ мое имя нѣсколько подревнѣе его фамиліи, иначе не посмѣлъ-бы онъ такъ отнестись ко мнѣ... Ну, да онъ пожалѣетъ объ этомъ!.. Вы знаете, товарищъ, что я тутъ—чужой человѣкъ, а потому не пожелаєте-ли оказать мнѣ услугу?..

— Извольте, охотно, искреннимъ тономъ отвѣтилъ Виндгофъ.

— Въ такомъ случаѣ, я попрошу васъ быть моимъ секундантомъ при предстоящемъ поединкѣ... Правда, вы съ нимъ въ дружбѣ, но онъ, полагаю, не будетъ въ претензіи на васъ изъ за того, что вы оказываете эту услугу своему бывшему товарищу.

— Располагайте мною. Охотно соглашаюсь на это, займилъ поручикъ.

— И такъ, вы потрудитесь передать ему мой вызовъ. Дуэль будетъ на пистолетахъ. Мнѣ желательно также, чтобы все это дѣло какъ можно скорѣй окончилось. Прибавляю еще слѣдующее: такъ какъ господинъ старшій поручикъ любитъ ко всякому дѣлу относиться серьезно, то прошу и васъ отнестись къ *сему дѣлу* тоже серьезно, а именно—поставьте такія условія, которыя соответствовали-бы серьезности дѣла. Расстояніе—десять шаговъ, *не больше*, и, само собою разумѣется, рука съ оружіемъ должна быть вытянута въ надлежащемъ направленіи.

— Ну, насчетъ условій, мы ужъ переговоримъ завтра утромъ, когда вы нѣсколько поуспокоитесь, замѣтилъ Виндгофъ.

— Да смотрите: я и теперь совершенно спокоенъ! Могу васъ увѣрить—мнѣ даже весьма будетъ пріятно обмѣняться пулями съ г. фонъ Платэнномъ—и обмѣняться *не шутя!*.. Ну, други-товарищи, теперъ за шампанское! Оно уже ждетъ насъ. Вотъ я вамъ сейчасъ покажу, какъ пропала у меня жажда! Эй, подать сюда стаканы по-крупнѣе! крикнулъ онъ повелительнымъ голосомъ хозяину погребка. Эти бакалы годны только для дамъ: въ такихъ стаканчикахъ пѣны—много, вина—мало!

Виндгофъ, Пальмъ и Кронахъ, въ несовсѣмъ-то веселомъ настроеніи духа, подошли къ столу, сгруппировавшись около барона, но Зельдитцъ скоро развеселилъ ихъ. Ему хотѣлось не показать даже виду, что дуэль непріятна ему; онъ вознамѣрился виномъ прогнать самую мысль о ней—и старанія его увѣнчались успѣхомъ... Было уже далеко за полночь, когда веѣ они разошлись по домамъ, отуманенные шампанскимъ настолько, что Виндгофъ, напримѣръ, разъ десять клялся въ томъ, что Зельдитцъ—это наилучшій его другъ и что онъ, Виндгофъ, лучшаго друга и имѣть не хочетъ!..

На другой день, утромъ, Виндгофъ отправился къ Платэну съ вызовомъ барона Зельдитца. Тяжело, однако, было ему сдѣлать этотъ визитъ: вѣдь онъ былъ такъ друженъ съ старшимъ поручикомъ... Но Платэнъ помогъ ему выполнить задачу, облегчилъ ему этотъ трудъ, перебивъ его вступительную рѣчь, смахивающую на извиненіе.

— Вы ошибаетесь, Виндгофъ, относительно меня, если думаете, чтѣ я на васъ за это хоть на минуту разсержусь, заговорилъ онъ:—вѣдь я знаю; что баронъ здѣсь человѣкъ чужой, а секундантъ ему нуженъ. Нѣтъ, для меня гораздо тяжелѣе другое обстоятельство, именно то, чтѣ мы съ вами *расходимся* въ мысляхъ насчетъ этого пари... Конечно, изъ-за этого мы не сдѣлаемся

врагами, тѣмъ болѣе, что я твердо убѣжденъ въ томъ, что когда нибудь вы отдадите мнѣ должную справедливость.

— Ну, не знаю... не думаю, замѣтилъ Виндгофъ.

Платэнъ, почти разгорячившись, перебилъ его:

— Хорошо! Пойдите-же! Вотъ, у васъ есть сестра... Ну, чтобы вы стали дѣлать, если-бы мужчина—позвольте прямо сказать!—если-бы какой нибудь негодяй обратилъ сердце сестры вашей въ игрушку, сдѣлалъ-бы ею предметомъ—пари?..

— Да я-бы убилъ его! воскликнулъ Виндгофъ и почти сейчасъ-же прибавилъ:—но все-таки это было-бы совсѣмъ инаго рода дѣло...

— Зачѣмъ обманывать себя? Дѣло было-бы совершенно тоже самое!.. Послушайте, если-бы пари это явилось подъ веселую руку, зародившись въ винныхъ парахъ, если-бы оно было просто безшабашной шуткой (въ чемъ и мы бывали грѣшны!), то я не такъ-бы строго и рѣзко отнесся къ барону... Да! Но я зналъ, что тутъ онъ дѣйствовалъ *съ расчетомъ*, потому что у него нѣтъ сердца и... Нѣтъ, не договорю: вы—секундантъ его.

— Говорите все... откровенно! Я также вѣдь и вашъ товарищъ!

— Да, нѣтъ сердца и—чести!.. договорилъ Платэнъ выразительнымъ тономъ. Я знаю его не двѣ недѣли, онъ мнѣ лучше извѣстенъ, чѣмъ вамъ... Баронъ чванится своимъ именемъ, носится всюду съ родословнымъ древомъ своей фамиліи, гордится честью, а между тѣмъ какія дѣла творилъ онъ?... Онъ дѣлалъ такія вещи, на которыя не рѣшился-бы самый отъявленный забуддга... Вы видите, я говорю съ вами откровенно, а потому можете заключить, что вамъ я—довѣряю, ну-съ, и не разсердитесь за слѣдующее предостереженіе: постарайтесь порѣже встрѣчаться съ Зельдитцемъ!..

Виндгофъ молчалъ. Онъ пристально глядѣлъ на Платэна, какъ-бы взвѣшивая каждое его слово, и, наконецъ, молча протянулъ ему руку и—вышелъ. Онъ чувствовалъ, что Платэнъ былъ правъ...

Рѣшено было стрѣляться на другой день утромъ.—Секундантомъ своимъ Платэнъ попросилъ быть одного изъ своихъ товарищей—по фамиліи—Стеффена.—„Объяснить тебѣ причину дуэли я еще не могу и долженъ объ этомъ умолчать, такъ какъ связанъ честнымъ словомъ“, сказалъ онъ Стеффену,—„Но все дѣло вышло изъ за пари, которое, по моему убѣжденію, безчестить человѣка. Это я и высказалъ барону, и вотъ за это-то онъ требуетъ удовлетворенія. Прибавить къ этому я могу только вотъ что: на моемъ мѣстѣ ты поступилъ-бы точно также“.—

На другой день утромъ Платэнъ и Стеффенъ отправились въ лѣсъ такъ какъ дуэль должна была происходить въ лѣсу.

Стеффенъ какъ-то узналъ, что Зельдитцъ отличный стрѣлокъ, а потому и сталъ просить Платэна, чтобы онъ самъ изъ всѣхъ силъ *постарался*, имѣя въ виду такого противника.

— Вѣдь первый выстрѣлъ—твой, прибавилъ онъ.

Платэнъ оставался совершенно спокойнымъ.

— Я никогда не былъ особенно счастливъ въ стрѣльбѣ изъ пистолета, произнесъ старшій поручикъ улыбаясь. Ну, а сегодня я рассчитываю не столько на свою ловкость, сколько на правоту самого дѣла, которое защищаю... А впрочемъ, я готовъ на все, чтобы ни случилось, а потому и дѣла свои привелъ въ порядокъ. Если промахнусь—то ужъ и не стану лѣстить себя никакой надеждой, потому что знаю—баронъ отлично стрѣляетъ, а пощады мнѣ отъ него не ждать... Да пощада была-бы для меня пренепрѣятною шуткой, такъ какъ я не желаю быть обязаннымъ ничѣмъ этому человѣку!..

Тутъ дошли они до назначеннаго мѣста, а спустя нѣсколько минутъ явился и баронъ съ Виндгофомъ; вслѣдъ

за ними прибыли Пальмъ, Кронахъ и докторъ. Пальмъ и Кронахъ пожелали быть свидѣтелями дуэли.

Зельдитцъ, какъ видно было, старался казаться спокойнымъ; онъ хотѣлъ дать понять, что относится ко всему этому, какъ къ „пустячкамъ“, однако, нѣкоторая торопливость въ движеніяхъ его обнаруживала слишкомъ даже ясно не совсемъ спокойное состояніе его духа... Баронъ, безъ всякой видимой причины громко смѣялся...

Виндгофъ подошелъ къ Платэну. Онъ хотѣлъ еще разъ попытаться примирить противниковъ.

— Возьмите ваши слова назадъ, обратился онъ къ старшему поручику, — и тогда я сдѣлаю все, чтобы склонить барона на мировую... Я прошу васъ!

— Извольте, я беру назадъ все высказанное мною, даже самое малѣйшее оскорбительное выраженіе, но только тогда, когда баронъ заявитъ, что помолвка его — не шутка, что онъ — женится на дѣвушкѣ, которая уже отдала ему свое сердце, отвѣтилъ Платэнъ серьезнымъ, спокойнымъ тономъ и прибавилъ: — *только* подъ такимъ условіемъ я могу согласиться на сдѣланное вами предложеніе.

Виндгофъ только пожалъ плечами и, подойдя къ Зельдитцу, сообщилъ ему отвѣтъ Платэна.

— Считаю меня способнымъ на такую глупость это — новое оскорбленіе! произнесъ баронъ громко. Я желаю, товарищъ, одного удовлетворенія — удовлетворенія оружіемъ!...

Всѣ приготовленія были окончены. Секунданты отмирили разстояніе, осмотрѣли пистолеты и зарядили ихъ. Виндгофъ снова подошелъ къ Платэну и предложилъ ему выбрать пистолетъ. Платэнъ, не торопясь, спокойно взял пистолетъ.

— Цѣлся похладнокровнѣе... не снѣши, шеннулъ ему Стеффенъ.

— Ну, слишкомъ-то многого отъ меня не жди: вѣдь я плохой стрѣлокъ! отвѣтилъ Платэнъ съ улыбкой.

Къ барьеру!

Повинуясь этой командѣ, старшій поручикъ спокойнымъ шагомъ пошелъ впередъ... Зельдитцъ не былъ такъ спокоенъ: губы его были злобно сжаты, рука слегка дрожала, а лицо какъ-то странно исказилось, потому что онъ попытался улыбнуться, но это у него не вышло... Баронъ принадлежалъ къ тому сорту людей, которые только чванятся своимъ мужествомъ, но у которыхъ на самомъ дѣлѣ его не хватаетъ, когда нужно именно доказать свою неустрашимость.

Первый выстрѣлъ принадлежалъ Платэну, но онъ, когда подавъ былъ сигналъ, не послѣдовалъ совѣту Стеффена: „не снѣшить“... Быстро поднялъ онъ руку съ пистолетомъ и, не цѣлясь, спустилъ курокъ — выстрѣлъ раздался... Зельдитцъ дрогнулъ... Но пуля миновала его: она врѣзалась въ стволъ дерева, стоявшаго по близости.

Виндгофъ, замѣтивъ, какъ баронъ сильно вздрогнулъ, подскочилъ къ нему... Казалось — страшная тяжесть свалилась съ плечъ Зельдитца — такъ онъ глубоко вздохнулъ!

— Э, ничего, произнесъ онъ съ презрительной улыбкой и поднялъ пистолетъ.

Снова подавъ былъ сигналъ. Баронъ началъ аккуратно, старательно прицѣливаться... Но, встрѣтивъ нечаянно взглядъ Платэна — взглядъ твердый, невозмутимо-спокойный — увидѣвъ, что ни одна черта въ лицѣ его противника не измѣнилась, онъ смутился, рука его дрогнула и — онъ опустилъ пистолетъ... Однако, разсердившись на самого себя, Зельдитцъ сейчасъ-же отправился, вторично навелъ пистолетъ и выстрѣлилъ.

Платэнъ пошатнулся, но устоялъ на ногахъ. Стеффенъ подбѣжалъ къ нему.

— Раненъ?! спросилъ онъ въ испугѣ.

— Да... слегка... въ лѣвую руку, отвѣтилъ поручикъ.

Блѣдное лицо его напротивъ, говорило, что рана была не *леика*...

Увидѣвъ, что противникъ раненъ все-таки неопасно, Зельдитцъ забылъ всѣ приличія и съ досадою швырнулъ пистолетъ въ траву.

— Жалкое оружіе! воскликнулъ онъ подходя къ Пальму и Кронаху.

Пальмъ и Кронахъ ничего не сказали.

Докторъ уже былъ около Платэна. Раненый не могъ шевельнуть рукой... Лицо врача приняло озабоченное выраженіе, едва только онъ прикоснулся къ повиснувшей рукѣ... Платэнъ замѣтилъ это.

— Чтб? Насквозь... въ кость? спросилъ онъ.

Докторъ молча кивнулъ головой.

— Я такъ и думалъ... Я даже чувствовалъ, какъ пуля ударила въ кость...

Докторъ разрѣзалъ рукавъ скюртука, чтобы осмотрѣть рану... Дѣйствительно, кость оказалась раздробленною въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

— Намъ нужно поторопиться въ городъ, такъ какъ здѣсь я не могу сдѣлать надлежащей перевязки, заявилъ онъ.

— Но... я вѣдь не лишусь... руки? спросилъ Платэнъ.

— Надѣюсь, ее можно будетъ спасти...

Отвѣтъ доктора былъ мало успокоителенъ. Раненый же постарался скрыть то, что въ эти минуты происходило въ немъ: вся будущность его зависѣла отъ отвѣта врача на сдѣланный вопросъ... Платэнъ отправился къ каретѣ, которая по распоряженію Стеффена была нанята и стояла теперь у опушки лѣса. Пальмъ и Кронахъ подошли къ своему товарищу чтобы выразить ему свое соболѣзнованіе; ихъ примѣру послѣдовалъ и Виндгофъ, только одинъ баронъ не тронулся съ мѣста... Стоя прислонившись къ дереву, онъ курилъ сигару и пускалъ вверхъ кольца дыма...

— Ну-съ, пойдѣте, проговорилъ наконецъ Зельдитцъ, обратившись къ Виндгофу, и прибавилъ: хоть я и плохо выстрѣлилъ, но, тѣмъ не менѣе, полагаю, что все-таки не дурно будетъ, ради освѣженія, глотнуть шампанскаго!...

— Благодарю, коротко отвѣтилъ Виндгофъ, ибо уже не могъ больше скрывать своей досады при видѣ поведенія барона.

— Не хотите? воскликнулъ Зельдитцъ. Ну, этого я что-то не понимаю... Да почему же однако?...

— Вы забываете, что Платэнъ — *мой* товарищъ.

— А... вотъ чтб! Я думалъ, что в.! были *моимъ* секундантомъ!...

— Обязанность свою я исполнилъ, а потому имѣю право считать ее теперь неимѣющею значенія, возразилъ Виндгофъ.

Баронъ посмотрѣлъ на него съ секунду какъ-то особенно пристально, затѣмъ молча поклонился, повернулся къ нему спиной и пошелъ по направленію въ глубь лѣса.

Вслѣдствіе собственной неосторожности Зельдитца, который, находясь подъ вліяніемъ выпитаго шампанскаго, выболталъ въ присутствіи погребщика о своемъ пари болѣе чѣмъ слѣдуетъ, даже противъ своего желанія, всѣмъ стало извѣстно, что баронъ обручился съ Эльзой Штейнъ... ради пари, заговорили объ этомъ въ городѣ, и всѣ рѣзко осуждали поступокъ барона.

Молва эта не проникала только въ тихое жилище профессора, потому что ни у кого какъ-то не хватало духу сообщить Вертеру о случившемся...

А ученый мужъ чрезвычайно радовался „счастью“, выпавшему на долю его прекрасной племянницы. Ему даже доставляло особенное удовольствіе то обстоятельство, что Эльза въ *его* домѣ сдѣлалась невѣстой барона. Онъ рассказывалъ объ этомъ всѣмъ своимъ знакомымъ, причемъ не скрывалъ радости, переполнившей его

сердце... И что за блестящая будущность ожидала Эльзу, как баронессу фонъ Зельдитцъ!... Зельдитцъ полюбился профессору, и профессор былъ твердо убѣжденъ, что племянница его будетъ счастлива съ этимъ чело-вѣкомъ... Еще-бы! Вѣдь какъ баронъ интересуется *ею* наукой, какъ онъ охотно, любезно соглашается съ мнѣ-ніями *ею*!...

— Ну, вотъ, изволишь видѣть, говорилъ Вертеръ своей супругѣ:—вѣдь у барона-то дѣйствительно есть стремленіе учиться и учиться! Рѣдко встрѣчалъ я чело-вѣка, который слушалъ-бы меня съ такимъ внима-ніемъ!... Характеръ у него—прямой, честный... Вѣдь онъ самъ мнѣ признался, что лично не имѣетъ состоянія... Да! У отца его было имѣніе, но обремененное долгами, и оно давно уже продано, такъ что сынъ ничего не по-лучилъ. Но баронъ—наслѣдникъ своего дяди, а дядя этотъ уже издавна помогаетъ ему. Удивительно, право, что бѣда, сначала такъ озаботившая насъ, могла вдругъ потомъ превратиться въ источникъ счастья!.. Ну, не упади Эльза въ воду, не подвернись тутъ баронъ, спас-шей ей жизнь, и ему, вѣроятно, никогда-бы и не стол-кнуться съ ней!...

Въ короткій промежутокъ времени, съ тѣхъ поръ, какъ Эльза сдѣлалась невѣстой Зельдитца, она совершенно перемѣнилась: она полюбила его со всею искренностью, страстью *первой* любви... Ей казалось, что *онъ*—олице-твореніе идеала мужчины, идеала, созданнаго ею... И какъ онъ съ самаго начала держалъ себя—мужествен-но-спокойно! Какъ солидно-скромно относился онъ къ ней!... Все это сейчасъ-же и плѣнило ея сердце...

Замечавшись, Эльза частенько спрашивала себя: ужъ не сонъ-ли это?... Человѣкъ этотъ принадлежитъ *ей*... Онъ—любить *ее*... Она будетъ носить его имя и раздѣ-лить съ нимъ его состояніе!.. Будущность представ-лялась ей въ такомъ розовомъ цвѣтѣ, что картины, вста-вавшія передъ ея умственнымъ окомъ, просто ослѣпля-ли ее, ослѣняли... Одна мысль о томъ, что она можетъ какъ нибудь потерять *его*—была для нея невыразимо-мучительнымъ ощущеніемъ... Ужъ лучше, такъ думала дѣвушка, разстаться тогда съ собственной жизнью!...

Когда Зельдитцъ появлялся въ домѣ ея дяди—она летѣла къ нему навстрѣчу, а когда онъ потомъ, улыба-ясь, ловилъ ее, и она, подсѣвъ къ нему, брала его ру-ку—Господи, какое счастье испытывала тогда Эльза! Такое блаженство она считала прежде *невозможнымъ*...

И вотъ, среди, такъ сказать, ослѣняющихъ волнъ счастья, профессоръ вдругъ получаетъ письмо... Нача-ла письмо это было принято имъ какъ *шуточное*, но потомъ оно сдѣлало то, что обычная краска исчезла съ морщинистаго лица старика Вертера...

Вотъ что заключалось въ письмѣ этомъ:

„Уважаемый г. профессоръ! Считаю своимъ долгомъ, сообщить Вамъ, что съ сердцемъ Вашей племянницы гнусно поступаютъ: оно служитъ предметомъ подлой игры. Г. баронъ ф. Зельдитцъ обручился съ племянни-цей Вашей только ради пари и объявляетъ теперь, что постарается подъ какимъ нибудь предлогомъ на-отрѣзъ отказаться отъ ея руки, такъ какъ онъ никогда не же-нится на дѣвицѣ изъ мѣщанскаго круга.

Зигфридъ Альтэнъ“.

Вертеръ зналъ того, кто писалъ эти строки: то былъ солидный господинъ, чело-вѣкъ вообще настолько почтен-ный, который ни за что не рѣшился-бы шутить съ нимъ такимъ образомъ. Профессоръ хотѣлъ бѣжать къ нему, чтобы сейчасъ-же подробнѣе узнать все дѣло, такъ какъ старику все еще какъ-то не вѣрилось въ существова-ніе подобнаго факта... Зельдитцъ являлся всегда та-кимъ спокойнымъ, любезнымъ и, повидимому, былъ такъ счастливъ тѣмъ, что ему удалось плѣнить сердце Эль-зы... И—неужели-же онъ играть только съ нею?...

Однако, пораздумавъ, профессоръ рѣшилъ поступить иначе, а именно: отправиться къ самому Зельдитцу, спросить его самаго, показать ему письмо и получить отъ него устный отвѣтъ. Онъ поспѣшно нахлобучилъ шляпу и вышелъ изъ дому. Въ саду попалась ему на-встрѣчу Эльза... Глаза ея глядѣли такъ весело, счаст-ливо... Увы, она вѣдь ничего еще не подозрѣвала!...

— Дядя куда ты? спросила она.

Избѣгнуть всякихъ распросовъ—вотъ чего хотѣлось въ эти минуты профессору, но бѣжать было уже поздно...

— Да я въ городъ... туда... Тамъ дѣла у меня, отвѣ-тилъ онъ.

— Нѣтъ, стой! Ты—встревоженъ... Что съ тобой? проговорила Эльза почти въ испугѣ.

— Ничего... Ничего, милочка! Я скоро вернусь... Вотъ, увидишь—скоро!...

— Послушай, Зельдитцъ обѣщалъ придти сегодня... Если ты его встрѣтишь—скажи, что ужъ я его жду... жду!...

Какимъ счастьемъ вѣяло отъ этихъ словъ!.. Но они рѣзали сердце добряка—ученаго... Радовалась она, что баронъ хотѣлъ придти, ждала она его... А вѣдь если въ письмѣ-то все *правда*, то ему, барону, не слѣдуетъ и черезъ порогъ дома профессора переступить!..

Уклонясь отъ дальнѣйшихъ вопросовъ, Вертеръ по-торопился оставить племянницу. Онъ быстро шелъ, стараясь не глядѣть по сторонамъ, боясь, что вотъ про-хожія сейчасъ увидятъ по его лицу, что съ племянни-цей его сыграли гнусную штуку... Онъ-ли не оберегалъ, не охранялъ ее, не ради-ли нея жилъ онъ по возмож-ности уединенно, тихо—и вотъ, не смотря ни на что, какъ разъ въ его-же домѣ шутили съ нею такую шут-ку!...

Трудно было вытянуть профессора изъ его укромна-го, тѣснаго *ученаго* гнѣзда; онъ только и думалъ о своей наукѣ, всѣ мысли его были направлены въ одну излюбленную имъ сторону—и что-же? *теперь* о наукѣ этой онъ даже и не вспоминалъ... Нѣчто другое захо-дило въ головѣ его: у Эльзы нѣтъ отца—умеръ онъ; есть братъ, но братъ далеко—въ Итали... И такъ, *дя-дя* долженъ отомстить оскорбителю чести племянницы... Что-жъ, онъ и не прочь былъ отъ этого. Развѣ въ бы-лые времена, еще въ университетѣ, рука его не вла-дѣла шпагой?.. Правда много-много лѣтъ въ правой рукѣ его торчало только перо, да и пальцы-то ужъ ослабѣ-ли... но онъ старался даже и не думать объ этомъ. За-бушевало въ старой груди профессора, и струны, давно замолкнувшія въ ней, звучавшія когда-то о любви къ женицѣ и неприкосновенности ея чести, снова задро-жали и издали прежній звукъ... Будъ профессоръ юно-шей, какимъ былъ, онъ не задумался-бы въ такомъ случаѣ рискнуть жизнью, и вотъ почувствовалъ онъ се-бя снова молодымъ, не смотря на то, что теперь ноги его ступали далеко не твердо, а руки—тряслись...

Не засталъ онъ дома барона, однако ему хотѣлось найти его во чтобы-то ни стало, искать до тѣхъ поръ, пока не столкнется съ нимъ, но это, какъ увидить сей-часъ читатель, было-бы только напрасною потерю вре-мени.

Профессоръ не такимъ уже быстрымъ шагомъ возвра-щался домой... Ему было какъ-то страшно войти въ домъ и тамъ опять встрѣтиться съ Эльзой. Удручен-ный горемъ, онъ уже подошелъ почти къ дому, но рѣ-шилъ лучше пройти быстрѣе садомъ и—опять ему встрѣтилась въ саду Эльза... подъ руку съ барономъ...

— Здравствуйте, г. профессоръ! кривнулъ Зельдитцъ, подходя съ Эльзой ближе и не обнаруживая ни малѣй-шаго смущенія.

(Продолженіе будетъ).

Могила безъ цвѣтовъ. Картина Заролина, грав. Езерскій съ разрѣшенія Гуцля и К^о.

МОГИЛА БЕЗЪ ЦВѢТОВЪ.

Ненасытная морская пучина каждый годъ поглощаетъ множество человѣческихъ жертвъ. Но нигдѣ несчастные случаи на морѣ не бывають такъ часты, какъ около южныхъ и юго-западныхъ береговъ Англїи и сѣверо-западныхъ береговъ Франціи. Здѣсь море никогда не отдастъ поглощенныхъ имъ жертвъ, но на вѣки хоронитъ ихъ на своемъ темномъ днѣ, не оставляя близкимъ и того небольшого утѣшенія, чтобы знать мѣсто, гдѣ покоятся любимые останки и украшать его символами воскресенія и жизни, цвѣтами. Художникъ переноситъ насъ на такой, усыпанный подводными камнями и рифами берегъ. Мы видимъ молодую женщину, пришедшую во время морскаго отлива на скалистый берегъ, въ виду котораго

мужъ ея, ожидаемый ею изъ далекаго морскаго путешествія, погибъ во время кораблекрушенія. Ненасытное море не отдало дорогаго тѣла: извѣстно только мѣсто несчастія и несомнѣнный фактъ смерти погибшаго человѣка. Неудивительно поэтому, что печальная вдова ищетъ слабаго утѣшенія въ томъ, чтобы хоть взглянуть на мѣсто, гдѣ погибла дорогая для нея жизнь такъ близко отъ роднаго берега. Кто можетъ отказать въ чувству и состраданію этой бѣдной женщинѣ, которая въ нѣмомъ горѣ устремила свои глаза безъ слезъ на ту мрачную могилу, что все хранитъ еще въ себѣ дорогое тѣло. Но, послѣдній солнечный лучъ, догорающій тамъ на западѣ, свѣтитъ ей утѣшительнымъ обѣтомъ свиданія въ другомъ, лучшемъ мѣрѣ.

НЬЮТОНЪ БЫЛЪ ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

(Изъ американской жизни).

Солнце все ниже и ниже опускалось надъ горизонтомъ. Верхушки кудравыхъ деревьевъ, какъ-бы охваченныя золотисто-краснымъ огнемъ, чуть-чуть трепетали въ воздухѣ. Снѣга тѣни мало по малу превращались въ черныя... Гдѣ-то въ послѣдній разъ чирикнула птичка—и все смолкло... Чудеснѣйшій майскій вечеръ! Какъ хорошо теперь на дачѣ!

— И такъ, черезъ часъ братъ будетъ здѣсь... Приятно свидѣться послѣ шестнадцатилѣтней разлуки! Много онъ попутешествовалъ... Пора и домой—на покой. Тѣ-то разказовъ будетъ!..

Такъ говорилъ, прохаживаясь по балкону загороднаго своего дома, мистеръ Кукнэй, богатый бостонскій негодяй, мужчина лѣтъ подлѣ 40, здоровякъ, румяный и уже начинавшій тучнѣть. — Ну, что, рада ты его прїѣзду? обратился онъ къ женѣ, дамы еще довольно свѣжей и тоже нѣсколько полной, которая сидѣла тутъ же, на террасѣ, на легкомъ дачномъ диванчикѣ, и, отъ нечего дѣлать, вырѣзывала ножичкомъ какую-то фигурку изъ кусочка пальмоваго дерева.

Мистрисъ Кукнэй улыбнулась и, стряхнувъ съ шелковаго платка маленькія стружки, проговорила:

— Разумѣется, рада... Вѣдь я и его любила, но... тебя, Артуръ, больше!.. Да, какъ время-то быстро пролетѣло!.. Помнишь, шестнадцать лѣтъ тому назадъ оба вы просили моей руки... Ты мнѣ больше нравился... Ну, Джонъ попытался, далъ тебѣ дорогу, вздохнулъ и, пожелавъ намъ всѣхъ благъ земныхъ—на другой же день, послѣ отказа моего, уѣхалъ въ Азію...

— Какъ не помнить! Интересно, однако, знать: холостякомъ-ли онъ вернулся?..

— Я думаю, что — холостякомъ...

— Это почему-же? Ахъ—да! Ну, конечно, потому, что не нашелъ нигдѣ лучше тебя... Я въ этомъ увѣренъ!..

— О, и я увѣрена! засмѣялась м—съ Кукнэй. Однако, вѣдь онъ для насъ какъ будто воскресъ!..

— Да, я думала, что его уже давно нѣтъ въ живыхъ... Какъ уѣхалъ—ни одной строчки, ни слуху, ни духу... И вдругъ сегодня изъ Бостона телеграмма! «Бду. Твой Джонъ»... Совершенный сюрриризмъ. Это въ его духѣ...

— Каковъ-то онъ теперь!.. Да, интересно встрѣтиться. Ужь ты уговори его, чтобы онъ у насъ, здѣсь, остановился.

— Еще бы! Холостяку—вѣдь ты убѣждена что онъ холостякъ—вездѣ и всегда найдется мѣсто. Да я и не пущу его нигде... А гдѣ же дѣтки-то наши? Они непремѣнно должны бытъ здѣсь... Ты говорила имъ?

— Да вонъ они бѣгутъ!

— Вѣдь Джонъ и не знаетъ объ ихъ существованіи... А! Что это они машутъ руками!.. Ужь не ѣдетъ ли онъ?..

По дорожкѣ, усыпанной пескомъ, бѣжали по направленію къ балкону два мальчуганъ и двѣ дѣвочки. Мальчуганъ были въ охотничьемъ костюмѣ, съ маленькими блестящими ружьями, дѣвочки, наряженныя пастушками, тащили по большому букету полевыхъ цвѣтовъ. Старшій сынъ и старшая дочь м-ра Кукнэй первые взбѣжали на балконъ и объявили, что тамъ, далеко по дорогѣ взвилось облако пыли...

— Это навѣрно дядя Джонъ ѣдетъ! воскликнули они.

— Такое большое облако! подтвердили младшіе, тоже уже очутившись на балконѣ. — Большое и наверху красное, будто огненное... Это отъ солнца! Дядя Джонъ, мама, ѣдетъ! Это онъ, онъ!

И они запрыгали и захлопали въ ладошки.

— Ну, я пойду его встрѣчу, сказалъ м-ръ Кукнэй, а вы, дѣтки, останьтесь тутъ, на балконѣ, съ мамашей.. Я его прямо сюда приведу, и это для него будетъ сюрриризмъ.

Дѣтки безпрекословно повиновались приказанію папа и сейчасъ же заспорили о томъ: дѣлаютъ ли въ Азію игрушки и, если дѣлаютъ, то привезъ-ли имъ дядя Джонъ азіатскихъ игрушекъ? М-ръ Артуръ сошелъ съ балкона, быстро прошелъ весь садъ и, отворивъ калитку, вышелъ на дорогу, чтобы встрѣтить

брата. Дѣйствительно, уже можно было хорошо разглядѣть экипажъ и въ немъ господина въ широкополомъ шляпѣ... Еще нѣсколько секундъ и — братья обнялись.

— Джонъ! Тебя-ли я вижу?!

— Артуръ! Ты-ли это? Ну, братъ, растолстѣлъ-же!

— А ты постарѣлъ... Худошавымъ уѣхалъ, худошавымъ вернулся... Ну, идемъ къ женѣ! Давай руку, братанъ—вотъ такъ! А вы, обратился онъ къ возницѣ, поверните направо, тамъ будутъ ворота, и въѣжайте во дворъ.

— Вотъ это садикъ мой, а тамъ и домишко... Не дурны—а?

— Мѣстечко хорошенечкое. Ну, а жена-то, жена—здорова?

Ничего? спросилъ м-ръ Джонъ весело.

— О, совершенно здорова! Тебя просто жаждеетъ видѣть! То-же, братъ, потолстѣла... Да вотъ сейчасъ увидишь.

И они вошли въ садъ.

— Ну, конечно, и дѣтки есть — а? Я вѣдь ничего не знаю какъ въ туть жили-поживали...

— А кто виноватъ? Самъ же ты исчезъ безслѣдно! Ни строчки не прислалъ... Куда же мнѣ-то было писать?..

— Ну, виноватъ... Каюсъ! Сколько же у тебя наслѣдниковъ? Да довольно таки: четверо. Славные ребята! Мальчугановъ два и дѣвочекъ пара: Ньютонъ, Быль, Великій, Человѣкъ!

— А? Что ты сказалъ? Ньютонъ...

— Да, старшему-то ужъ пятнадцать лѣтъ... Какъ время-то, подумаешь, идетъ! Оставилъ насъ самъ-другъ, а теперь цѣлая семья... Хе, хе, хе! Ньютонъ, Быль, Великій, Человѣкъ!

— Гм, да, конечно... Ньютонъ былъ великій человѣкъ, повторилъ м-ръ Джонъ, и, нѣсколько удивленный, прїостановился. Но... что это тебѣ вздумалось?

— То есть... какъ вздумалось?..

— М-ръ Артуръ то же прїостановился и прибавилъ:

Ужь если, братъ, женишься, такъ ужъ туть... Ты желалъ бы, чтобы у меня совѣмъ не было дѣтей?

— Это почему? Съ чего ты взялъ? Напротивъ, я радъ...

— Можешь быть, тебя удивляетъ, что—

— Нѣтъ, зачѣмъ ты о Ньютонѣ-то вдругъ заговорилъ?

— Да вѣдь Ньютонъ старшій! Прекрасный мальчишка, способный, хотя немного вѣтряный...

— Э, такъ это ты имя такое даль?

— Ну—да. А первую дочь, по порядку фразы, зовутъ Быль; затѣмъ второй сынъ—Великій, а послѣдняя дѣвочка у меня—Человѣкъ. Экъ я! Совѣмъ и забылъ, что ты здѣсь новичекъ! У насъ, братъ, ужъ такая мода нынче: обыкновенныхъ именъ не даютъ, а если у кого много дѣтей—такъ отдѣляются фразами. Ничего, мило выходитъ! У сосяда моего сынъ и дочь. Вмѣстѣ они составляютъ: Любите Деньги! А? Не дурно вѣдь? А то вотъ еще: одному здѣшнему фабриканту Богъ далъ шестаго... Ну, должно быть много это ему показалось, и онъ воскликнулъ: конецъ! Такъ ребенка Концемъ и назвали... Но, вобрази: послѣ Конца явилось еще трое!.. Что было дѣлать? «Пусть они будутъ, рѣшилъ отецъ: Дополненіе, Прибавленіе и Приложение!»...

М-ръ Джонъ захохоталъ и повлекъ брата къ балкону.

— Показывай скорѣе мнѣ живую фразу!

Но ему не пришлось увидѣть живую фразу *въ неразрывности*. Ньютонъ, слышавъ веселые голоса въ саду, не вытерпѣлъ и бросился навстрѣчу отцу и дядѣ; Великій — за нимъ, только Быль и Человѣкъ остались около мамашы.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій, поцѣлуевъ, рукожатій, всѣ занялись чаепитіемъ. Прелестная Быль, какъ помощница мамашы, разливала чай. М-ру Джону особенно понравился розовенькій, кудрявый Человѣкъ, и онъ посадилъ этого Человѣка къ себѣ на колѣни.

Беседа была самая оживленная и зашла далеко за полночь, такъ что на балконѣ остались только м-ръ Артуръ съ женой и Джонъ. «Живая фраза» данно уже спала и уже видѣла, вѣроятно, во снѣ разныя хорошенекія азіатскія штучки, потому

что добрый дядя обещал завтра утром всем им преподнести привезенные подарки. — Я, сказал дядя Джон, на всякий случай запаса подарочками, ибо думал, что у Артура навѣрно есть дѣтки — и не ошибся.

— Ну, что-жь, проговорил Джон, хлопнув брата по плечу: думаешь ты продолжать о Ньюто́нѣ, или уже поставил точку! М-сь Кукнэй зарумянилась, а супругъ отвѣтил:

— Полагаю, что точка уже поставлена... Фраза сама по себѣ совершенно-законченная... Вѣдь такъ?..

— Пожалуй; но вѣдь Ньютономъ можно увлечься, замѣтил Джон, и продолжать, напри́мѣръ, такъ: «Наука обязана ему великимъ открытіемъ, которое»...

— Что ты! Что ты! Вѣдь это выходитъ еще шесть словъ, да еще безъ конца!! Эдакъ доберешься до *тяготыня*, а ужъ это будетъ тягостно...

— И такъ, Ньютонъ былъ великій человекъ.. Все сказано?

— Все! махнулъ рукой м-ръ Кукнэй.

— Разумѣется все, подтвердила жена:—точка поставлена.

— Не будетъ ли точка корректорской ошибкой? Хотя сочинение ваше и вышло уже въ свѣтъ, но я полагаю, что это еще корректура и, сознаюсь, весьма мнеленькая!

— Ну, утро вечера мудренѣе, произнесъ весело м-ръ Артуръ и всталъ.—Пора и отдохнуть тебѣ, Джон! Ужъ поздно... Пойдемъ, я проведу тебя въ твою комнату.

Прошло три мѣсяца. Въ одно прекрасное осеннее утро м-ръ Кукнэй вошелъ въ комнату брата и, ударивъ его по плечу, произнесъ:

— А вѣдь ты правъ былъ! Придется вмѣсто одной точки поставить двѣ...

— Да? Ну, поздравляю! Только зачѣмъ же двѣ? Пусть останется одна, а ты начни теперь съ *большой буквы*, Джон! «Наука обязана ему великимъ открытіемъ, которое двинуло впередъ»...

М-ръ Кукнэй зажалъ уши.

ДѢТСКІЕ ГОДЫ.

Не вернешь васъ дни были,
Въ даль безцѣльную идешь,
Годы дѣтства золотые,
Не вернешь васъ, не вернешь.
Жизнь пуста, какъ строго взглянешь,
Жизнь противна иногда,
И добромъ лишь васъ помянешь,
Дѣтства милые года.

Ядомъ жолчи жизнь отравить,
Все въ груди оледенить,
И лишь васъ однихъ оставить,
Васъ однихъ лишь сохранить.
Вы одни въ душѣ измятой
Шевелитесь иногда...
И я чту васъ, свято, свято,
Дѣтства милые года!

Кн. Щ-ва.

ГЕРЦЕГОВИНА И БОСНІЯ.

Герцеговинское возстаніе, повидимому, столь ничтожное въ началѣ, приковываетъ къ себѣ въ настоящее время вниманіе всей Европы. Всякая домашняя распря Турціи съ ея христіанскими подданными, неизбежно дѣлается вопросомъ международнымъ, общеевропейскимъ. Мусульманское владычество надъ христіанами слишкомъ тягостно для Европы, потому она и слѣдитъ съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ событий на Балканскомъ Полуостровѣ, которыя несомнѣнно уже приняли бы весьма грозный оборотъ для доживающей свои дни Турціи, если бы не вмѣшательство дипломатіи, искусственно задерживающей ходъ дѣлъ.

Герцеговинское возстаніе, по всѣмъ имѣющимся даннымъ, не было задумано заранее и не есть результатъ организованной агитаціи; оно вспыхнуло вдругъ, потому что одной искры достаточно, чтобы воспламенить давно тлѣющіе горячіе матеріалы. Нестерпимое и прежде положеніе турецкихъ христіанъ, еще значительно ухудшилось, когда Турція, вслѣдствіе ея финансовыхъ замѣшательствъ, оказалась вынужденною увеличить взимаемые ею налоги. Притѣсненія христіанъ турецкими чиновниками превосходятъ всякую мѣру, а Босніи и Герцеговинѣ приходилось страдать гораздо болѣе чѣмъ остальнымъ турецкимъ провинціямъ, потому что боснійскіе мусульмане, въ качествѣ крайнихъ пионеровъ ислама, гораздо нетерпимѣе къ ино-вѣрцамъ, чѣмъ мусульмане другихъ мѣстностей. Какъ во всей Турецкой имперіи, въ Босніи и Герцеговинѣ, турки составляютъ единственный привилегированный классъ, пользующійся правами; въ ихъ рукахъ все мѣста и должности. Постановленія корана о государственномъ устройствѣ, обязательныя для всѣхъ турецкихъ подданныхъ, лишаютъ христіанъ всѣхъ гражданскихъ правъ, и оскорбляютъ ихъ въ самыхъ ихъ священныхъ, религиозныхъ чувствахъ; къ этому присоединяется грустное матеріальное положеніе, дѣлающее существованіе ихъ почти невыносимымъ. Подати взимаются съ неумолимою строгостью, по произволу чиновниковъ; жить въ христіанствѣ не можетъ, такъ какъ на основаніи корана, свидѣтельское его показаніе не имѣетъ никакой силы. Въ Герцеговинѣ райи недавно только получили разрѣшеніе владѣть землей; разрѣшеніемъ эти райи пользуются весьма немногіе, а большая часть находится въ такомъ же положеніи какъ босняки, у которыхъ ничего нѣтъ и которые въ сущности — крѣпостные люди. Скудость почвы въ Герцеговинѣ часто повергаетъ раевъ въ крайнюю нужду; правительство и турецкіе помѣшники считаютъ своей добычей все, къ чему только можно придраться. Суды для христіанъ закрыты, если ему нечемъ заплатить за приговоръ или если онъ не пользуется защитой консула. Законъ оставляетъ

безъ всякаго вниманія умерщвленіе христіанна, оказавшаго какое-нибудь сопротивленіе мусульману или разстроившаго его планы. Можно поэтому судить легка ли была жизнь подъ турецкимъ игомъ, и мудро ли что терпѣніе несчастныхъ христіанъ наконецъ истощилось. Населеніе слѣбно вѣрится въ предсказаніе, сдѣланное много лѣтъ назадъ, что черезъ 400 лѣтъ послѣ смерти послѣдняго боснійскаго короля, турки будутъ вытѣснены изъ края успѣшнымъ возстаніемъ, и эта вѣра одушевляетъ ихъ на борьбу.

Что касается собственно военныхъ дѣйствій на театрѣ возстанія, то они имѣютъ характеръ партизанской войны. Инсурденты какъ нельзя болѣе умѣютъ пользоваться выгодами знакомою имъ вдоль и поперекъ горной мѣстности; они по возможности избѣгаютъ столкновеній съ турками въ открытомъ полѣ, но гдѣ нибудь въ ущельѣ, горномъ проходѣ, стремительно нападаютъ изъ своихъ засадъ на транспортныя колонны, обозы и съ легкой добычей возвращаются въ горы, гдѣ преслѣдованіе ихъ невозможно.

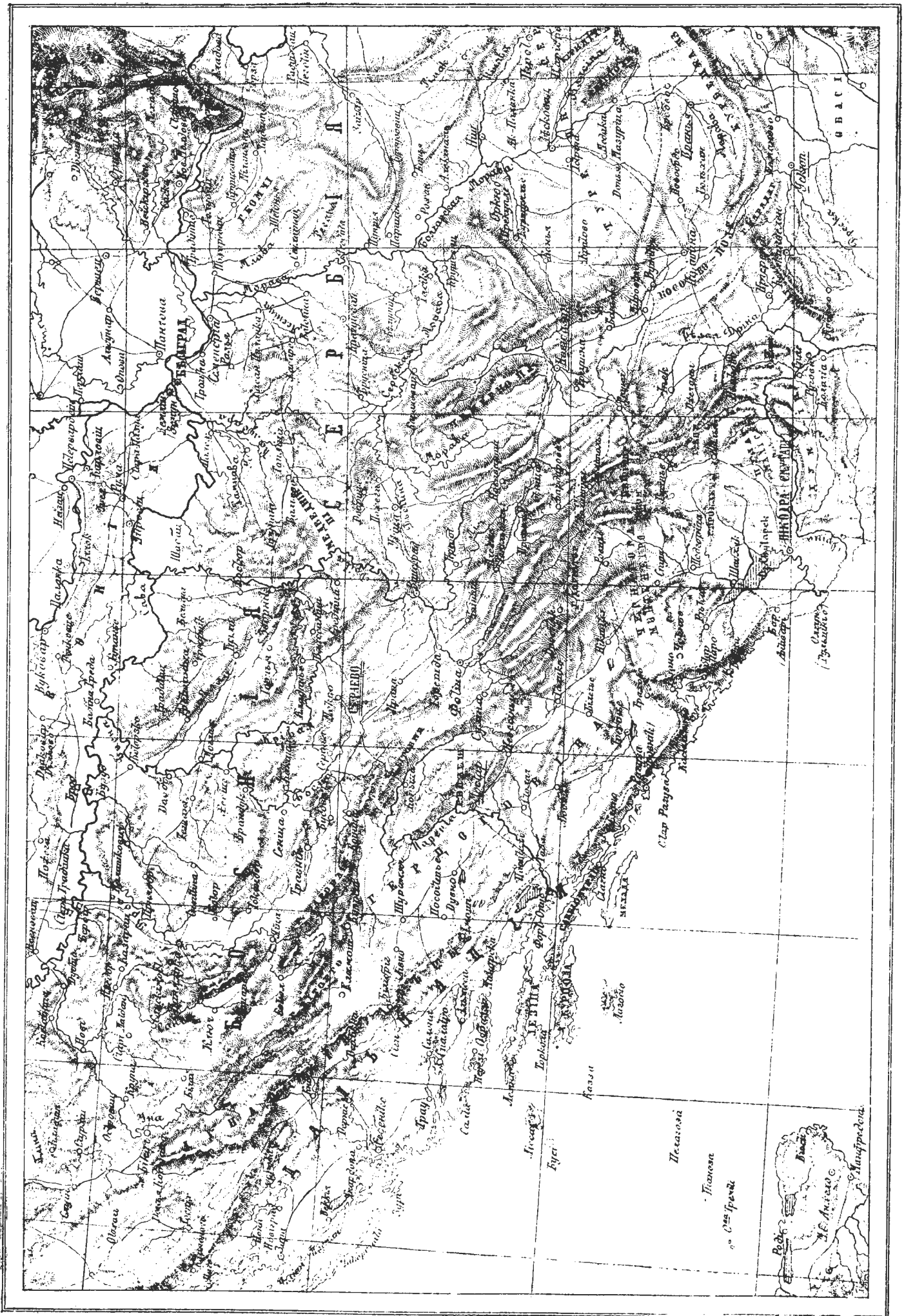
По прилагаемой нами географической картѣ Герцеговины и Босніи, читатели наши могутъ слѣдить за движеніями воюющихъ сторонъ. Герцеговина лежитъ въ сѣверо-западной части Балканскаго полуострова къ сѣверу отъ Черногоріи. Эта горная страна, перерѣзанная южными вѣтвями динарскихъ Альповъ и склоняющаяся къ Адриатическому морю, составляла въ древности часть древней Иллиріи, и какъ отечество многихъ государей, была украшена послѣдними красивыми зданіями и имѣла много городовъ. Въ средніе вѣка она называлась княжествомъ Св. Саввы, въ честь святого Саввы, приняшаго здѣсь мученическую вѣнецъ и смерть, и принадлежала первоначально къ королевству Кроаціи; въ 1326 году она была соединена съ Босніей, а потомъ, императоромъ Фридрихомъ III возведена въ самостоятельное княжество и отдана въ ленное владѣніе фамиліи Граничъ. Но въ 1466 году Герцеговина была завоевана султаномъ Магометомъ II; послѣ долгаго спора съ Австріей, въ 1699 году Карловинскій миръ окончательно рѣшилъ ея судьбу. Только небольшая береговая полоска съ важнымъ городомъ Каттаро, осталась въ венеціанской области и составляетъ въ настоящее время часть Далмаціи, входящей въ составъ австрійскихъ владѣній; вся остальная страна осталась во власти турокъ и по сіе время несетъ это тяжелое иго.

Страна эта вообще мало известна; путешествіе по ея горнымъ ущельямъ не считается вовсе безопаснымъ. Самая населенная часть, западная; главный городъ Мостаръ; жители: герцеговинцы, босняки, морлаки, далматинцы и цыгане.

ПЕРВЫЯ НЕПРІЯТНОСТИ.

Шестилѣтняя Соничка улучила мннутку и, какъ была въ одной рубашенкѣ, прокрадлась на лѣстницу, а очутившись въ саду, пустилась бѣжать — прямо къ пруду. Давно ей хотѣлось по-

бывать тамъ, погулять безъ присмотра, на свободѣ; вопервыхъ, около пруда какія-то бѣленькія птички ходятъ — такія хорошенькія (Соничка не знала, что вдали все кажется маленькимъ), а

Карта театра войны въ Герцеговинѣ, Сербіи, Босніи и Черногоріи. Грав. Захаровъ.

во вторыхъ, тамъ же, у изгороди, много, много всякихъ цвѣточковъ—какіе хочешь, такіе и рви!..

Предвкушая наслажденіе, бѣжала этотъ человѣчекъ безъ оглядки и, добѣжавъ до желаннаго мѣстечка, въ порывѣ восторга и радости, даже кувырнулся раза два по травѣ. Голую ножку что-то обожгло—да какъ больно! Соничка сдѣлала гримаску... «У, противная крапива!»... Вотъ, и поубавилось радости... Молодъ былъ еще этотъ человѣчекъ, многого еще не зналъ онъ,

должнаго вниманія на первое предостереженіе, то какъ же Соничкѣ было не увлечься? Забыла она о противной крапивѣ и стала срывать цвѣточки—вдругъ, замесѣлось что-то зади нея, страшно зашипѣло—о ужасъ!.. Большая бѣлая птица, съ краснымъ носомъ и красными лапами, вытянувъ шею, идетъ прямо на нее... Соничка вскочила на перекладину изгороди, стала отмахиваться, кричать, даже звать на помощь... О, какой обманъ! Неужели эта та самая маленькая, бѣленькая птичка?! Да она въ ты-

Первая неприятность. Рис. Пилоти, грав. Пуць.

не вѣдалъ: большой гусь казался ему издали воробьемъ!.. Соничка была увѣрена, что всѣ радости и наслажденія въ жизни рассыпаны около пруда, что стѣнитъ только захотѣть наслаждаться—и будешь наслаждаться... Никакихъ жертвъ не потребуетъ, никакой борьбы не нужно изъ-за счастья! Оно должно дешево доставаться!.. Однако, крапива знатно обожгла ножку... Вотъ тебѣ и дешево!..

Если взрослые забываютъ уроки, увлекаются, не обращаютъ

случу разъ больше воробья!.. Вотъ и другая... Ай, обѣ зашипѣли!..

Садовникъ услышалъ крики Сонички, пришелъ къ ней и спасъ ее отъ страшныхъ красныхъ носовъ.

Жизнь Сонички—вперед, а жизнь прожить—не поле перейти. «Много разной «жгучей крапивы» въ жизни. Не разъ еще придется Соничкѣ обжегаться... Да и не мало «красныхъ шипящихъ носовъ» встрѣтится ей на жизненномъ пути... А не всегда въ время явится садовникъ!.. Узнаетъ Соничка, что гусь

только издали кажется воробьемъ, узнаётъ она, что у розы есть ишипы, что безнаказанно не кубырнешься на зеленой бархатной травкѣ, что—о, много, много узнаётъ она хорошаго, полезнаго, когда станетъ большой. Препятствіе прудъ, такъ манявшій ее когда-то, превратится въ бурное, безбрежное море... Уста-

лая, измученная, но уже *большая*, взрослая, Соничка, придетъ къ морю, сядетъ на берегу и будетъ ждать *погоды*... Только не погоды она дождется, а вѣчнаго покоя—смерти... Что-жъ, читатель, если существуютъ «первыя неприятности», то должна же быть и послѣдняя, все завершающая!

ДРЕВНОСТЬ ЗЕМЛИ.

Разверните любой календарь и на первой же страницѣ вы на указаніе относительно древности земли,—указаніе, которое передавался изъ года въ годъ, какъ вѣчная наследственная болѣзнь, какъ нельзя болѣе нахально издѣвается надъ святою истинною. По завѣщанной намъ отъ предковъ традиціи, «сотвореніе міра» опредѣляется ничтожнымъ періодомъ времени едва въ 6,000 лѣтъ, и хотя въ настоящее время едва ли найдется одинъ мало-мальски образованный человѣкъ, который бы давалъ этому опредѣленію какую-либо вѣру, мы однако, въ силу присущей намъ китайской неподвижности, продолжаемъ упорно держаться рутинны; этимъ мы самымъ неопозволительнымъ образомъ игнорируемъ результаты цѣлой отрасли знанія, ибо съ тѣхъ поръ, какъ геологія существуетъ какъ самостоятельная наука, всѣ прежнія гадательныя и доставшіяся намъ по наследству предположенія о мнимой юности нашей планеты оказались совершенно несостоятельными. Уже одно сознаніе, что первоначально земля, какъ и всѣ другія планеты и солнце еще въ настоящее время, представляла собою раскаленный огненный шаръ, который только весьма медленно остывалъ и уплотнялся на своей поверхности, заставляетъ насъ допустить, что самостоятельное существованіе земли относится къ весьма отдаленному времени. Но тонкая земная кора была еще въ началѣ совершенно гладкая и ровная: чтобы она сдѣлалась холмистою и гористою, какою мы ее видимъ теперь и существуетъ уже много тысячелѣтій, со стороны раскаленного земнаго ядра требовалось очень много усилій въ видѣ многочисленныхъ вулканическихъ изверженій, для чего также требовалось не мало времени. Вода, покрывающая въ настоящее время большую часть земной поверхности, существовала въ началѣ едва только въ видѣ пара; чтобы она могла спуститься въ жидкость, земная кора должна была предвѣрительно приобрести значительную толщину и прочность. Всѣ эти соображенія, еще до существованія геологической науки, должны были бы занимать пытливаго умъ человѣка и поколебать его ложную вѣру въ молодой возрастъ земли. Эта вѣра оказалась полнымъ предразсудкомъ съ тѣхъ поръ, какъ изслѣдованія строенія земной коры и открытіе каменнаго угля познакомили насъ съ такими фактами, которые доказываютъ самымъ неопровержимымъ образомъ, что земля существовала далеко-далеко раньше, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ.

Но какимъ образомъ удалось получить результатъ болѣе или менѣе приближающійся къ истинѣ? Мы говоримъ «приближающійся къ истинѣ», потому что если и есть тысяча основаній относить самостоятельное существованіе земли къ весьма отдаленному времени, мы однако не можемъ перешагнуть извѣстныхъ предѣловъ, указываемыхъ намъ астрономіею и физикою. Что касается фактовъ, могущихъ намъ служить опорой для приблизительнаго вычисленія древности земли, то мы ихъ находимъ въ явленіяхъ, представляемыхъ водою, которая отличается замѣчательнымъ постоянствомъ и правильностью своего дѣйствія.

Такъ Ниагарскій водопадъ въ Сѣверной Америкѣ находится приблизительно на срединѣ рѣки Ниагары, которая, начинаясь въ озерѣ Эріо, соединяетъ это послѣднее съ лежащимъ далѣе къ сѣверо-востоку озеромъ Онтарио. Начинаясь съ Кингстона, долина озера Онтарио, почти не возвышаясь, простирается вилоть до самаго моря; однако по сѣверную сторону Кингстона находится скалистая возвышенность, далеко простирающаяся къ юго-западу до самаго озера Эріо. Въ началѣ Ниагарскій

водопадъ находился возлѣ Кингстона у самаго устья Ниагары, при впаденіи въ озеро Онтарио; но сила, которая развивалась при паденіи воды съ высоты 165 футовъ, разрушила массу и быстрое теченіе размыло лежащія внизу, менѣе устойчивыя сланцевыя слои. Такимъ образомъ основаніе скалы разрушалось все болѣе и болѣе, а уцѣлѣвшіе верхніе слои, образовавъ въ началѣ арку, не выдержали собственной тяжести и провалились. Ниагарскій водопадъ отступалъ такимъ образомъ все болѣе и болѣе назадъ къ мѣсту, занимаемому имъ теперь, образовавъ для себя ложбину въ 200—250 ф. глубины, которую онъ продолжаетъ подкапывать, хотя медленно, но непрерывно и по сию пору. По вычисленіямъ Галля и Ляйеля, водопадъ въ продолженіе года едва отступаетъ на одинъ футъ. Если предположить теперь, что длина ложбины равняется полуторамъ мильямъ, то время, употребленное водопадомъ на прорытіе ложбины равняется по крайней мѣрѣ 36,000 лѣтъ.

Но земля гораздо древнѣе. Отдѣленные листы сланца или шифера, по извѣстнымъ соображеніямъ, осаждались во время каждаго прилива, т. е. въ продолженіи 12 часовъ. Опытъ показываетъ, что на нашихъ морскихъ берегахъ слой глины толщиной въ 1 футъ осаждается въ 50 лѣтъ. Если, слѣдовательно, для осажденія слоя глины толщиной въ 1 футъ требуется 50 лѣтъ, то для образованія шифернаго пласта, встречающагося въ земной корѣ толщиной слишкомъ въ 1,000 футовъ, необходимо было слишкомъ 50,000 лѣтъ.

Другія доказательства въ пользу древности земли доставляютъ намъ исчезнувшія растенія. Если руководствоваться положеніемъ Либиха, что 1 квадратный футъ гѣса ежегодно производитъ не больше $\frac{7}{10}$ фунта угля, то древности нѣкоторыхъ каменноугольныхъ пластовъ должна равняться отъ 10 до 10 миліоновъ лѣтъ. Въ наносахъ рѣки Миссисипи въ Луизианѣ нашли десять другъ на другѣ лежащихъ кипарисовыхъ стволовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ въ поперечникѣ 10 футовъ. Когда нѣтъ, осаждаемый водою Миссисипи приподнимается выше поверхности воды, то онъ вначалѣ покрывается травой, впоследствии кипарисами, но между обоими этими періодами проходитъ 1,500 лѣтъ. Слѣдовательно для того, чтобы кипарисовое дерево достигло толщины въ десять футовъ, должно пройти не менѣе 5,700 лѣтъ. Если даже не принять въ расчетъ времени, необходимого для заканчиванія и вывѣтриванія одной генерации и образованія на ней другой, то все таки получимъ слишкомъ 140,000 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ дельта высыхала въ каждомъ мѣстѣ.

Но что уже подумать о древности земли, когда древность наивысше организованнаго существа, человѣка, опредѣляется во многія тысячъ лѣтъ? Въ четвертомъ изъ упомянутыхъ кипарисовыхъ слоевъ подъ корнями древевъ нашли черепки отъ горшка и черепъ красно-кожаго туземца, похороненные, по всѣмъ вѣроятіямъ, слишкомъ 50,000 лѣтъ! Даже *Аиассисъ*, вполне набожный естественистъ, опредѣляетъ древность человѣческаго скелета, найденнаго въ коралловыхъ рифахъ Флориды, въ 135,000 лѣтъ!

Еще одно слово о величайшемъ предѣлѣ древности земли, вычисленномъ на основаніи замедляющаго дѣйствія, производимаго сушею на быстроту вращенія земли. *Томпсонъ* доказываетъ, что земля до своего застыванія имѣла совсѣмъ иной видъ, нежели теперь и, на основаніи физическихъ данныхъ, опредѣляетъ древность земли приблизительно въ сто миліоновъ лѣтъ!

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Герцеговинское возстаніе вступило въ новый фазисъ своего развитія. Побѣдныя вѣсы теперь уже склоняются на сторону турокъ, тогда какъ въ первое время верхъ былъ на сторонѣ христіанъ. Возбуждавшая большія надежды осада города Требинье снята, и инсургенты, разсѣянные вновьприбывшими изъ Кляка турецкими силами должны были удалиться въ горы. Тамъ они скрываются и по настоящее время, выдерживая небольшой столкновенія съ мусульманскими войсками. Въ расчетѣ герцеговинцевъ, какъ мы уже упоминали въ прошломъ обзорѣніи—какъ можно болѣе продлить войну, чтобы выиграть время и заставить Порту не на словахъ, а на дѣлѣ даровать христіанскимъ поданнымъ права, одинаковыя съ мусульманскимъ населеніемъ Босніи и Герцеговины, и освободить отъ невыносимыхъ притѣсненій мѣстныхъ турецкихъ властей. Между тѣмъ ввиду продолжающагося возстанія, въ дѣло должна была вмѣшаться дипломатія: сначала три державы, Германія, Россія и Австрія, предложили портѣ прекратить неприязненныя дѣйствія и вступить съ повстанцами въ переговоры. Порта колебалась

выполнить этотъ дружескій совѣтъ; тогда, по приглашенію Россіи, въ дѣлѣ умиротворенія приняли участіе и остальные державы, подписавшія парижскій трактатъ, именно: Италія, Франція и наконецъ Англія. Эта послѣдняя согласилась принять участіе въ дипломатическомъ посредничествѣ лишь тогда, когда на это получилось согласіе Турціи. Такимъ образомъ, главные условія соглашенія выработаны были слѣдующимъ: Порта должна приостановить свои военныя дѣйствія съ тѣмъ, чтобы инсургенты могли свободно высказать свои требованія; съ своей стороны, иностранныя державы, черезъ своихъ консуловъ, обязываются передать выбраннымъ повстанцами посредникамъ, что требованія и желанія ихъ будутъ приняты во вниманіе и, по мѣрѣ возможности, удовлетворены; что же касается до стремленій герцеговинцевъ къ полной независимости отъ Порты, то объ этомъ они должны отложить помененіе, такъ какъ подобная мѣра была бы слишкомъ опасна для Австріи и грозила бы цѣлости этого государства. Взятіемъ этого, имъ предлагалось: ограниченіе правъ и привилегій мѣстныхъ омуслиманскихъ-

сл землевладѣльцевъ, къ которымъ христіане стояли чуть не въ крѣпостныхъ отношеніяхъ, введеніе болѣе правильной и равновѣрной податной системы и предоставленіе Босніи и Герцеговинѣ болѣе самостоятельнаго земскаго управленія, которое могло бы гарантировать христіанское населеніе этихъ провинцій отъ произвола турецкихъ властей.

Заручившись всѣми этими условіями, за исключеніемъ, впрочемъ, перваго (о приостановленіи военныхъ дѣйствій), на которое порта не согласилась, консулы вышеупомянутыхъ иностранныхъ державъ отправились на мѣсто дѣйствія, чтобы затѣмъ вступить въ переговоры съ инсургентами. Но тутъ произошло нѣчто совершенно непредвидѣнное: прѣхавъ въ гор. Мостаръ, значить, почти въ самый центръ возстанія, консулы послали просить инсургентовъ выбрать изъ среды своей представителей для веденія переговоровъ и дать имъ широкія полномочія на принятіе тѣхъ или другихъ изъ предлагаемыхъ иностранными державами условій. Инсургенты, повидимому, быλια не прочь согласиться на ту или другую сдѣлку; вожди ихъ съ этою цѣлью собрались было въ одинъ изъ монастырей, чтобы окончательно условиться между собой насчетъ единства въ дѣйствіяхъ и выбрать затѣмъ депутатовъ. Но время шло, а къ соглашенію никакъ не приходили; консулы, въ тщетномъ ожиданіи депутатовъ, прожили нѣсколько дней въ Мостарѣ и, наконецъ, не достигнувъ цѣли, выѣхали изъ города.

Между тѣмъ, пока иностранные консулы проживали въ Мостарѣ, поджидая представителей возстанія, инсургенты не дремали: желая придать всему своему движенію болѣе единства, руководители собрали нѣчто въ родѣ учредительнаго собранія, на которомъ провозгласили воеводой герцеговинскимъ нѣкоего Любичича, предоставивъ ему право договариваться съ консулами насчетъ условій замиренія и сосредоточивъ въ его рукахъ управленіе всѣмъ дѣломъ возстанія. Это обстоятельство заставляетъ думать, что несмотря на два проигранныхъ инсургентами сраженія, герцеговинцы не унываютъ духомъ и не отчаиваются за благоприятный для нихъ исходъ возстанія, тѣмъ болѣе, если принять во вниманіе нынѣшнее настроеніе двухъ союзницъ Герцеговины, единоплеменныхъ и единовѣрныхъ ей Сербіи и Черногоріи. Въ самомъ дѣлѣ, не нужно быть особенно провидательнымъ, чтобы замѣтить истинныя желанія сербовъ и черногорцевъ сразиться съ своими непримиримыми врагами и встать за спонсъ братьевъ-герцеговинцевъ. Въ Сербіи народъ рѣшительно требуетъ войны съ Турціей; тронная рѣчь князя Милана, произнесенная имъ при открытіи Скупщины (сербское народное собраніе), благодаря своей безцвѣтности, не удовлетворила въ странѣ никого, и министерство, черезъ известнаго

Ристича, вступило уже въ тайные переговоры съ Черногоріей насчетъ выработки опредѣленнаго плана дѣйствій; оно же, ввиду слишкомъ уже рѣшительнаго заявленія народной воли, должно было распорядиться созывомъ перваго и втораго разряда земскаго ополченія, т. е. собираетъ подъ ружье 100 тысячъ человекъ... Въ то же время, князь Черногорскій Николай, черезъ своего адъютанта, передаетъ русскому консулу въ Рагузѣ, что онъ не въ состояніи болѣе сдерживать свой народъ, требующій настойчиво войны съ Турціей за свободу своихъ братьевъ... Все, однимъ словомъ, складывается въ пользу болѣе обширной войны, въ которой, кромѣ Турціи, Сербіи и Черногоріи примутъ участіе и другія державы. По крайней мѣрѣ, Австрія, судя по тѣперешнему ея образу дѣйствій, обѣщаетъ вмѣшаться въ борьбу, чтобы, ставъ на сторону Турціи, воспрепятствовать образованію великаго сербскаго государства, въ составъ котораго должны будутъ войти и Боснія съ Герцеговиной. Для Австріи содѣйство сколько-нибудь значительной славянской державы невыгодно по весьма понятной причинѣ. Впрочемъ, въ послѣднее время стали настойчиво распространяться слухи о какомъ-то соглашеніи, будто-бы послѣдовавшемъ между Австріей и Россіей, Событія покажутъ, насколько слухи такого рода заслуживаютъ довѣрія.

Какъ бы то ни было, но бѣдствія и участь герцеговинцевъ продолжаютъ вызывать къ себѣ всеобщее сочувствіе: не только въ славянскихъ земляхъ, но даже въ Парижѣ и Лондонѣ составляются комитеты для сбора пожертвованій въ пользу несчастныхъ христіанъ, принужденныхъ отстаивать свое человеческое достоинство съ оружіемъ въ рукахъ. Образовавшійся въ Парижѣ международный комитетъ для пособія герцеговинцамъ имѣетъ своимъ президентомъ митрополита Сербіи, Михаила. Въ числѣ основателей этого комитета находится много русскихъ, поляковъ, сербовъ, чеховъ, болгаръ, вообще славянъ, и, сверхъ того, не мало французовъ, англичанъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, шведовъ и датчанъ. Кромѣ парижскаго комитета, открылись отдѣленія его почти во всѣхъ странахъ Старога и Новаго Свѣта. Въ Англіи, для выраженія сочувствія герцеговинцамъ, собираются митинги, подписки; знаменитый лордъ Россель первый пожертвовалъ для этого дѣла 50 фунтовъ стерлинговъ (болѣе 300 рублей); въ Италіи открываетъ подписку Гарибальди съ слювями, а знаменитый хорватскій епископъ Штроссмайеръ посылаетъ въ Герцеговину 30,000 гульденовъ (болѣе 20 т. р.), на которые вооружается цѣлый отрядъ. У насъ, какъ извѣстно, официально дозволенъ сборъ «въ пользу пострадавшихъ жителей Герцеговины». Пожелаемъ же этому святому дѣлу полного успѣха!

С М Ъ С Ъ.

Строители на вѣткахъ.

Наступаетъ весна и съ нею начинается новая жизнь въ природѣ. Снѣгъ уже стаялъ, цвѣты распустились и въ лѣсу началась та оживленная жизнь, которая невольно манитъ къ прогулкѣ. При входѣ въ лѣсъ васъ невольно останавливаетъ чирканье и необыкновенная суета на деревьяхъ. Поднимите голову и вы увидите тѣхъ многочисленныхъ пернатыхъ, которые строятъ свои гнѣзда на вѣтвяхъ деревьевъ или кустовъ и которые потому могутъ быть названы воздушными строителями. Большая часть птицъ выбираетъ вѣтви для своихъ гнѣздъ, такъ что мы можемъ описать или изобразить лишь наиболѣе замѣчательныхъ. Начнемъ, напр., съ гнѣзда зябликовъ. Хотя красиво-испачканныя яйца ихъ находятся въ большомъ количествѣ въ коллекціи каждаго школьника, охотникагося за гнѣздами, они, однако, не появляются въ его маленькомъ музее до извѣстнаго времени. Яйца чернаго и сѣраго дрозда и завитушки обыкновенно находятся прежде всего, потому что гнѣзда, въ которыхъ они лежатъ, очень замѣчательны. Но гнѣздо зяблика не легко увидѣть, и чтобы открыть его, нуженъ привычный глазъ.

Птица выбираетъ такое развѣтвленіе на деревѣ или кустѣ, гдѣ нѣсколько сучьевъ вырастаютъ изъ одного мѣста, такъ что образуютъ родъ чашечки, въ которой можетъ помѣщаться гнѣздо. Высокіе кусты боярышника, или даже терна и дикой яблони, въ особенности если они растутъ густою стѣною — любимыя деревья зяблика. Роскошная и необрузанная живая изгородь изъ этихъ растений всегда содержитъ много зябликовыхъ гнѣздъ.

Между такими расходящимися вѣтвями птица устраиваетъ свое гнѣздо, дѣлая это совершенно оригинальнымъ образомъ. Главнй матеріалъ гнѣзда состоитъ изъ шерсти, которая сливается до того, что образуетъ родъ рыхлаго войлока, въ который вплетаются нѣжныя мхи, паутинна, пухъ, хлопчатая бумага и лишай. Послѣдніе укрѣплены очень искусно на наружной части гнѣзда и волиаъ придаютъ ему видъ естественнаго нароста на деревѣ.

Это красивое гнѣздо обыкновенно бываетъ очень глубоко сравнительно съ его шириною и выкладывается волосами, расположенными въ чрезвычайномъ порядкѣ, такъ что оно образуетъ чашечку для яицъ. Коровья шерсть употребляется въ боль-

шомъ количествѣ зябликомъ и его можно видѣть собирающимъ свой запасъ на поляхъ, гдѣ пасутся коровы. Онъ не выдергиваетъ ихъ прямо изъ тѣла животныхъ, но отыскиваетъ на деревьяхъ и столбахъ, о которые обыкновенно трется скотина. По большей части птичка успѣваетъ находить по одному волоску за разъ; но если ей посчастливится найти цѣлый пучекъ, то она разбираетъ его и вдвѣдываетъ въ гнѣздо по частямъ для того, чтобы не нарушить однообразія въ строеніи гнѣзда. Лошадина шерсть также употребляется зябликомъ въ значительномъ количествѣ, равно какъ и шерсть другихъ животныхъ. Впрочемъ, какъ уже сказано, въ большинствѣ гнѣздъ преобладаютъ коровья шерсть.

Гнѣздо бываетъ очень крѣпко и благодаря свойству матеріаловъ очень упруго, такъ что принимаетъ свою прежнюю форму послѣ сильнаго сжатія.

Гнѣздо щегленка весьма сходно съ гнѣздомъ зяблика. Что касается красоты, то ни которое изъ нихъ не уступаетъ другому, такъ какъ матеріалы ихъ однѣ и тѣ же и способъ постройки такъ же почти одинаковъ. Впрочемъ гнѣздо щегленка меньше гнѣзда зяблика, а лишай и мохъ, изъ которыхъ они отчасти состоятъ, не укрѣплены снаружи, но такъ глубоко вплетены въ стѣнки, что поверхность гнѣзда совершенно гладка.

Мѣстоположеніе двухъ гнѣздъ, однако, совершенно различно. Мѣсто того, чтобы выбрать развѣтвленіе сучьевъ, щегленокъ любитъ устраивать свое гнѣздо близъ оконечности горизонтальной вѣтви, такъ что оно, когда дуетъ вѣтеръ, качается и подпрыгиваетъ вмѣстѣ съ вѣтвью. Можно подумать, что яйцамъ легко выпасть при сильномъ вѣтрѣ, что дѣйствительно и случалось бы, если бы они не были удерживаемы въ гнѣздѣ его особомъ образомъ. Если изслѣдовать одинъ изъ лучшихъ экземпляровъ, то можно замѣтить, что края его нѣсколько утолщены и слегка загнуты внутрь, такъ что когда гнѣздо наклоняется въ сторону при качаньи вѣтви, то яйца все таки удерживаются внутри.

Внутренняя выкладка гнѣзда щегленка не похожа на ту, какая дѣлается въ гнѣздѣ зяблика. Послѣдній употребляетъ по преимуществу волосы, между тѣмъ какъ первый пользуется въ большомъ количествѣ различными пухомъ, какой можно найти

на ивъ, бѣлокопытникъ и другихъ растеніяхъ. Подобно другимъ птицамъ, щегленокъ избѣгаетъ лишнихъ трудовъ, и если можно найти валяющійся клочокъ бумажнаго хлопка, то относитъ его и вдѣлываетъ въ гнѣздо. Овечья шерсть также идетъ для этой цѣли, но птица ничего такъ не любитъ, какъ пухъ и употребляетъ его предпочтительно предъ всѣми другими матеріалами.

На этомъ мягкомъ ложѣ покоятся пять красивыхъ яицъ, бѣлыхъ съ синимъ оттѣнкомъ, испещренныхъ сѣровато-красными пятнами. Тамъ и сямъ видна небольшая полоска; но круглыми пятнами составляютъ общее правило, а полоски лишь исключеніе. Вообще очень трудно найти болѣе красивую группу, какъ пара щеглятъ, вмѣстѣ съ гнѣздомъ и яйцами.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Придворныя извѣстія.

— Государь Императоръ изволилъ благополучно прибыть 8-го сентября, въ 8 час. утра, въ Ливадію.

Дѣйствія правительства.

— Государь Императоръ, по положенію Комитета Министровъ, 23-го августа сего года, Высочайше разрѣшилъ соизволилъ: предоставить обществу Поти-Гифлисской желѣзной дороги сооруженіе Кутаисской вѣтви.

Народное просвѣщеніе.

— Въ Новозыбковѣ открыто шестиклассное реальное училище съ основными и коммерческими отдѣленіями, и съ тремя отдѣленіями въ высшемъ дополнительномъ классѣ. Въ настоящемъ учебномъ году будутъ открыты только 3 первые класса.

— 2-го сентября открыто въ Казани реальное училище. для поступленія въ которое подано было 135 прошеній; принято въ I классъ 56, во II—36 и въ III—17 человѣкъ, всего 109.

— Въ с. Середѣ, Волоколамскаго уѣзда, Московской губерніи, открыто 3-го минувшаго августа двухклассное начальное народное училище Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ с. Ольховатой, Балтскаго уѣзда, Подольской губерніи, открыто 13-го минувшаго августа одноклассное начальное народное училище Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Военное и морское дѣло.

— Въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» напечатанъ слѣдующій переводъ письма Худояр-хана къ Туркестанскому генералъ-губернатору, отъ 6-го Роджеба 1292 г. (26-го іюля 1875 г.):

«Въ послѣднемъ письмѣ моемъ, я имѣлъ честь увѣдомить ваше высокопревосходительство о затруднительномъ положеніи моемъ, вслѣдствіе измѣны главнѣйшихъ сановниковъ ханства.

«22-го іюля, я рѣшился выступить изъ столицы и ожидать мятежниковъ, приближавшихся къ Кокану, въ полѣ.

«Дорогіе гости мои, г. Вейнбергъ и полковникъ Скобелевъ, а также и Мирза-Хакимъ-Перваначи, выѣхали вмѣстѣ со мной и, несмотря на нѣсколько разъ повторявшееся преслѣдованіе бунтовщиковъ и перестрѣлку, не отставали отъ меня. На подобный поступокъ способны лишь русскіе; когда мои собственные приближенные измѣняли и бѣжали, они стойко слѣдовали за мной, и не будъ ихъ. быть можетъ, я не добрался бы до русской границы.

«Офицеровъ этихъ прислала мнѣ судьба, и я никогда не забуду услуги этой, оказанной мнѣ русскими людьми.

«Въ настоящее время, добравшись до Ходжента, мы проживаемъ здѣсь въ полномъ спокойствіи и благополучіи, подѣ могущественнымъ покровительствомъ Великаго Бѣлаго Царя.

«Имѣю полную надежду, что вы, старый другъ нашъ, не откажете намъ въ это время въ вашей помощи.

«Богъ милостивъ! И скоро устроитъ наше свиданіе.

«Ханство коканское и я самъ—находимся въ вашихъ рукахъ и власти».

— Въ Николаевѣ въ непродолжительномъ времени будетъ спущена на воду, какъ сообщается въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», вновь построенная «поповка». Спускъ этого судна назначенъ въ концѣ сентября, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала.

Торговля и промышленность.

— Торговый флотъ Финляндіи состоитъ въ настоящее время изъ 1,842 парусныхъ судовъ въ 141,598 талей и 172 пароходовъ, всего въ 4,900 лошадиныхъ силъ, и увеличеніе числа судовъ, сравнительно съ 1874 годомъ, простирается до 129 парусныхъ судовъ въ 8,797 талей и 28 пароходовъ въ 500 силъ.

— Въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомо-

стяхъ“ пишутъ, что въ теченіе всего истекшаго лѣта пароходство по рѣкѣ Камѣ много терпѣло отъ мелководія. Не было почти ни одного парохода изъ дѣлающихся рейсовъ между Нижнимъ-Новгородомъ и Пермью, который не посидѣлъ бы на мели. Вслѣдствіе чего пароходы запаздывали, курсы ихъ перепутались и заблаговременно составленные росписанія не выполнялись.

Путешествія.

— Известный изслѣдователь Средней Азии, Л. О. Костенко, предпринялъ путешествие съ ученою цѣлью по Сѣверной Африкѣ. Изъ Алжира г. Костенко направился въ настоящее время въ Сахару, а по возвращеніи отсюда, думаетъ посвятить Тунисъ. Г. Костенко снабженъ рекомендательными письмами къ тунисскому бею, его верховному визирю и военному министру отъ известнаго путешественника во внутренней Африкѣ, Густава Нахтигала, долгое время состоявшаго врачомъ при тунисскомъ беѣ. При содѣйствіи бея, г. Костенко надѣется осмотрѣть и другія мусульманскія владѣнія въ Сѣверной Африкѣ. Къ сожалѣнію, время года мало благоприятствуетъ путешественнику, особенно страшные африканскіе жары дурно вліяютъ на его организмъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Управляющій морскимъ министерствомъ, генералъ-адъютантъ Николай Карловичъ Крабе (съ портретомъ).—Борьба южно-славянскихъ дѣвшекъ съ преслѣдующими ихъ турками (съ рисункомъ).—Кто выигралъ?.. (Изъ современной уголовной хроники). Романъ Ф. Фридриха (продолженіе).—Могилы бѣвъ цѣлостей (съ рисункомъ).—Ньютономъ былъ великій человѣкъ (изъ американской жизни).—Дѣтские годы. Стихотвореніе Мн. Щ.—ва. Герцеговина и Боснія (съ картой).—Первыя неприятели (съ рисункомъ).—Древность земли.—Политическое обозрѣніе—Смѣсь.—Разныя извѣстія.

За Редактора

Издатель А. Ф. Марксъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

АНТОНА ЗИНГЕРЪ,

№ 12, Невскій проспектъ, № 12, напротивъ Малой Морской.

имѣя честь имѣть довести до свѣдѣнія лицъ, желающихъ приобрести наиболее удобный путь

БИЛЕТЫ 5% ВЫИГРЫШНЫХЪ ЗАЙМОВЪ,

что продаетъ таковыя, попрежнему,

съ разсрочкою платежа по 10 РУБЛЕЙ и БОЛѢЕ въ мѣсяцъ,

причемъ могущій упасть, со времени полученія конторной задатка, на купленный билетъ выигрышъ принадлежитъ покупателю. Издавна уже контора высказывала мнѣніе, что билетамъ выигрышныхъ займовъ предстоитъ постепенное повышеніе цѣны, по той простой причинѣ, что этихъ билетовъ становится въ обращеніи все менѣе и менѣе, и дѣйствительно, хотя биржевой спекуляціи и удавалось отъ времени до времени понижать курсъ билетовъ, цѣны ихъ всякій разъ все скоро опять поднимались, вслѣдствіе все болѣе и болѣе увеличивающагося спроса на нихъ. На этомъ основаніи должно заключить, что этой, единственной въ Россіи, выигрышной бумагѣ предстоитъ блистательная будущность и что, несмотря на мгновенныя колебанія цѣны ей на биржѣ, каждому желающему запастись выигрышными билетами выгодно и удобно воспользоваться предлагаемымъ конторою, легко доступнымъ способомъ приобретѣнія. Порученія изъ провинціи исполняются безотлагательно.

ГГ. ПРИѢЗЖАЮЩИМЪ въ С.-Петербургъ, желающимъ жить дешево, тихо и спокойно, рекомендуются комнаты съ двумя швейцарами, прислугой и бѣльемъ отъ 60 к., до 2 р. въ сутки, по подъѣзду съ Горюховой, на углу Большой Морской, въ домѣ Штрауха, квар. № 26.

Учебное заведеніе 1-го разряда
съ полнымъ курсомъ **Классической гимназіи**

содержимое **Э. РЕПМАНОМЪ** въ Москвѣ.

Помѣщается, на Гончарной ул., близъ Яузскаго моста въ д. Степановой.

Приемъ воспитанниковъ будетъ происходить отъ 15-го Іюля по 15-е Сентября. Классныя занятія начнутся 7 Августа. 10—8

Изданія А. Ф. МАРКСА.

для гг. подписчиковъ „НИВЪ“ продаются съ слѣдующею свѣдѣніемъ:

Москва и Тверь, истор. пов., Бельсѣва Ц. съ пер. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 40 к.
При Петрѣ, истор. пов., Бельсѣва и Ключникова. Ц. съ пер. 1 р. 50 к., для подлщ. 1 р.
Въ намѣшакъ. Повѣсть Караяна. Ц. съ перес. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 40 к.
Богъ въ помощь, романъ Вернера. Ц. съ перес. 1 р. 30 к., для подписчиковъ 75 к.
Вторая жена, романъ Маршанта. Ц. съ пер. 2 р., для подлщ. 1 р. 30 к.

При этомъ № для Гг. иногор. подписчиковъ прилагаются объявленія изъ торговой конторы Федора Васильевича Аппаксина.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ,

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 39

1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
Выданъ 28 Сентября 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.

Лейбъ-Медикъ Его Императорскаго Величества, Профессоръ Сергѣй Петровичъ Боткинъ.

Въ ряду славныхъ именъ, составляющихъ гордость русской науки и пользующихся заслуженной общеевропейской известностью, одно изъ самыхъ почетныхъ есть безспорно имя нашего знаменитаго профессора Боткина, портретъ котораго помещается въ настоящемъ номерѣ „Нивы“. Это не имя кабинетнаго ученаго, знакомаго только его собратамъ по специальности; это имя человѣка, неутомимо и съ блестящимъ успѣхомъ трудящагося для блага своихъ современниковъ и всего страждущаго человечества. Благодаря своей обширной и успѣшной практикѣ, онъ, подобно своему великому учителю Пирогову, успѣлъ уже стать чуть ли не народнымъ героемъ, слава котораго переносится стоустью молвою въ самые отдаленные закоулки нашего обширнаго отечества; особенно послѣ того, какъ 3 года тому назадъ его искусство увѣнчалось столь счастливыми результата-

Лейбъ-Медикъ Е. И. Вел. Профессоръ Сергѣй Петровичъ Боткинъ.
Рис. Бокуръ, грав. Шаповъ.

ми при пользованіи имъ Государыни Императрицы въ Крыму и выздоровленіемъ отъ тяжелой болѣзни августѣйшаго сына Ея — Наслѣдника Цесаревича. Наши читатели, надѣмся, не безъ удовольствія прочтутъ краткое жизнеописаніе этого даровитаго профессора, имя котораго связано съ такимъ приятнымъ для каждаго русскаго сердца воспоминаніемъ, тѣмъ болѣе, что между нашими читателями можетъ быть найдутся многіе, обязанные Боткину возвращеніемъ своего здоровья или облегченіемъ страданій своихъ ближайшихъ родныхъ и друзей. Но научная и общественная дѣятельность подобныхъ Боткину людей не ограничивается только своимъ благотворнымъ влияніемъ на уменьшеніе страданія въ непосредственно окружающей ихъ средѣ. Врачебная наука несмотря на то, что она столь же древняя, какъ и само страждущее человечество, въ сущ-

ности только недавно вышла из своих дѣтских пеленокъ. Составляя до настоящаго столѣтїя одинъ лишь сборъ всевозможныхъ эмпирическихъ, безъ всякой научной подкладки правилъ леченїя, медицина едва ли и заслуживала названїя науки, такъ что недовѣріе, съ которымъ общество къ ней прежде относилось, да и теперь еще относится, имѣло отчасти свои законныя причины. Если исторїя медицины и между прошлыми адептами ея насчитываетъ не мало громкихъ именъ дѣйствительныхъ людей науки, посвятившихъ ей свои труды, то это только потому, что запросъ со сто, оны обремененнаго всякими недугами человѣчества на эту отрасль знанїя сильнѣе, чѣмъ на всякую другую. Да иначе это и не могло быть. Истинная медицина можетъ опираться только на глубокое и всестороннее знанїе физической природы человѣка и окружающаго его міра, и пока естественныя науки вообще, а физиологія въ особенности не достигли того развитїя, которое онѣ получили въ новѣйшее время, о рациональной медицинѣ не могло быть и рѣчи. Только съ легкой руки Вирхова, этого Гипократа новѣйшихъ временъ, въ Европѣ появился цѣлый рядъ ученыхъ, поставившихъ себя задачей—примѣнить экспериментальный методъ, господствующій теперь во всѣхъ прочихъ отрасляхъ естествознанїя, къ познанию болѣзней и ихъ леченїю, и блестящіе результаты, добытые уже въ этомъ направленїи, общающаю великую будущность той наукѣ, конечная цѣль которой есть избавленїе нашей породы отъ тяготящихъ надъ ней вѣковыхъ недуговъ. Русская наука не осталась, конечно, чуждой этого благотворнаго движенїя, и дѣятельность, которой ознаменовала себя въ этомъ направленїи Боткинъ, какъ медицинскій писатель и какъ воспитатель будущихъ врачей, обезпечиваетъ за нимъ полное право на признательность грядущихъ поколѣній.

Сергій Петровичъ Боткинъ родился въ 1832 году въ Москвѣ, куда дѣдъ его, занимавшійся чайной торговлей, незадолго передъ тѣмъ переѣхалъ изъ Пскова. По окончанїи курса въ пенсіонѣ Энеса, Боткинъ вступилъ на медицинскій факультетъ московскаго университета. Замѣчательно, что въ выборѣ этой дѣятельности, доставившей ему впоследствии такую громкую славу, юноша—Боткинъ руководствовался не призванїемъ, а простою случайностію. Дѣло въ томъ, что сначала онъ думалъ было посвятить себя изученїю математики и только временное закрытіе всѣхъ факультетовъ, кромѣ медицинскаго, опредѣлило его будущую дорогу. Можетъ быть, что математическія способности, которыя онъ чувствовалъ въ себѣ тогда, примѣненныя имъ потомъ къ изученїю естественныхъ наукъ, и были причиною достигнутыхъ имъ блестящихъ результатовъ. Университетскіе годы не могли не оставить въ его душѣ самыхъ отрадныхъ воспоминанїй: всѣ свободныя отъ занятїя часы онъ проводилъ въ литературныхъ кружкахъ сороковыхъ годовъ, во главѣ которыхъ стояли тогда Грановскій и Бѣлинскій, съ которыми познакомилъ его старшій братъ его Василій Петровичъ Боткинъ, авторъ «писемъ изъ Испанїи».

Окончивъ въ 1855 году университетъ съ званїемъ доктора медицины, Сергій Петровичъ, по предложенїю великой княгини Елены Павловны, былъ отправленъ въ числѣ другихъ врачей въ крымскую войну, въ Бахчисарайскій лазаретъ, состоявшій подъ вѣденїемъ нашего знаменитаго хирурга Пирогова. Первые шаги на поприщѣ практической дѣятельности, сдѣланные Боткинѣмъ подъ руководствомъ такого наставника, какъ Пироговъ, и при такомъ еще богатомъ для клиническихъ наблюденїй матеріалѣ, какой представили собою многочисленныя жертвы крымской войны, не могли конечно не оказывать своею вліянїя на дальнѣйшую судьбу нашего ученаго.

Вскрѣвъ по возвращенїи въ Москву Сергій Петровичъ поставленъ былъ въ возможность предпринять давнозадуманную имъ поѣздку за границу для усовершенствованїя. Главнымъ образомъ привлекли его къ себѣ Берлинъ, гдѣ онъ посѣщалъ лекціи Вирхова и известнаго клинициста Траубе, а затѣмъ и Парижъ, гдѣ онъ работалъ въ кабинетѣ знаменитаго физиолога

Клодь-Бернара. Вернувшись въ 1860 году послѣ долгихъ и успешныхъ трудовъ изъ-за границы вмѣстѣ съ другою знаменитостью нашего ученаго міра—Сѣченовымъ, онъ былъ приглашенъ въ Медико-Хирургическую Академію, сначала въ качествѣ адъюнкта-профессора терапевтической клиники профессора Шниудинскаго, а черезъ годъ, по выходѣ послѣдняго, онъ былъ избранъ на его мѣсто профессоромъ, завѣдывающимъ клинику четвертаго курса, и затѣмъ совѣщательнымъ членомъ военно-медицинскаго комитета и медицинскаго совѣта. Обширная эрудиція вмѣстѣ съ глубокими познанїями по діагностики и леченїю болѣзненныхъ процессовъ, совершенный способъ клиническаго преподаванїя и въ высшей степени гуманное отношенїе къ своимъ пациентамъ, скоро сдѣлали имя его извѣстнымъ, какъ профессора и какъ опытнаго практическаго врача. Съ самыхъ отдаленныхъ концовъ Россїи стали къ нему стекаться больные за совѣтами; бѣдныхъ онъ не только лечилъ безвозмездно, но часто отпускалъ имъ и лекарства на свой счетъ, и безчисленные случаи излеченїя самыхъ тяжелыхъ и упорныхъ недуговъ, которымъ онъ многихъ страдальцевъ возвратилъ къ жизни и дѣятельности, блистательно оправдали довѣрія къ нему массы.

Эта обширная практика нисколько не помѣшала однакожь его научной дѣятельности. Изъ многочисленныхъ работъ его по разнымъ отраслямъ медицинскаго знанїя, напечатанныхъ имъ какъ въ русскихъ, такъ и въ заграничныхъ медицинскихъ изданїяхъ, особенно обезсмертилъ его имя его «Курсъ клиники внутреннихъ болѣзней, переведенный вслѣдъ за своимъ появленїемъ въ свѣтъ на нѣмецкїй и французскїй языки, и составляющій весьма крупное явленїе въ медицинской литературѣ. Въ то же время изъ его кабинета стали выходить самостоятельныя работы русскихъ молодыхъ врачей, его учениковъ, которыя издаются еще и понынѣ отдѣльными сборниками подъ именемъ «Архива клиники внутреннихъ болѣзней профессора Боткина», составляющіе какъ бы продолженїе его «курса». Сама клиника—какъ разсадникъ множества практическихъ врачей, получила отъ него весьма существенныя преобразованїя. Ставъ во главѣ клиники, Боткинъ учредилъ при ней образцовую лабораторїю и прїемную для приходившихъ больныхъ—учрежденїя ни въ чемъ не уступающія тѣмъ прототипамъ, съ которыхъ они были взяты и задуманы Боткинѣмъ во время его пребыванїя за границей. Изъ школы профессора вышла уже цѣлая фаланга даровитыхъ и извѣстныхъ врачей, съ заслуженнымъ успѣхомъ подвизающихся на поприщѣ ученой и практической медицины.

Сергїю Петровичу обязано своимъ процвѣтанїемъ еще одно, хотя не столь извѣстное, но тѣмъ не менѣе весьма полезное учрежденїе, — какъ больница и какъ разсадникъ свѣдущихъ фельдшерницъ. Мы говоримъ объ общинѣ сестеръ милосердія св. Георгія, находящейся подъ покровительствомъ Ея Величества Государыни Императрицы. Основанная въ 1870 году въ весьма скромныхъ размѣрахъ, дѣятельность общины стала быстро расширяться, когда Сергій Петровичъ взялъ на себя въ слѣдующемъ году завѣдыванїе медицинскою частїю. Имя Боткина привлекло туда значительныя медицинскія силы Петербурга, такъ что практикующій и учебный персоналъ общины состоитъ теперь болѣе, чѣмъ изъ 30 медиковъ. Программа преподаванїя тамъ гораздо обширнѣе, чѣмъ въ соответственныхъ учебныхъ заведенїяхъ и самъ Боткинъ читаетъ тамъ разъ въ недѣлю.

Въ 1870 году Боткинъ былъ назначенъ лейбъ-медикомъ Государыни Императрицы, а въ слѣдующемъ году, какъ выраженїе особенной милости къ нему Государя за успешное излеченїе Императрицы, пожалована была ему Владимірская звѣзда безъ соблюденїя обычныхъ традицій и съ обходомъ цѣлаго ряда низшихъ степеней наградъ.

Заслуги Боткина передъ русскимъ обществомъ и наукой вполне заслужили ему честь, которая и была оказана ему нашею Академіею наукъ, избравшею его въ число своихъ членовъ.

КТО ВЫИГРАЛЪ?...

(Изъ современной уголовной хроники).

РОМАНЪ

Ф. Фридриха.

(Продолженіе).

Отъ испуга, неожиданности Вертера передернуло, но его согбенная фигура почти сейчасъ-же выпрямилась, приобрѣла даже осанку: казалось, струя юношеской горячей крови опять пронеслась въ его жилахъ, вылетѣвъ изъ сердца... Что-жь, вѣдь если тѣ, что написано въ письмѣ—правда... тогда... ну, тогда баронъ этотъ величайшій негодяй, такой негодяй, какого еще и не приводилось видѣть профессору!..

Вертеръ не поклонился Зельдитцу: онъ не могъ ему поклониться—притворяться было не въ его натурѣ.

— Удѣлите мнѣ нѣсколько минутъ, баронъ, проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— О, съ большимъ удовольствїемъ, отвѣтилъ Зельдитцъ все еще непринужденно-развязнымъ тономъ и пошелъ къ нему.

— Вотъ, прошу васъ прочесть это письмо...

Старикъ дрожащей рукою вынулъ листокъ и подалъ его барону.

— Нѣтъ... нѣтъ! Читайте сейчасъ-же!.. Здѣсь-же!

Улыбка замѣшательства скользнула по лицу Зельдитца, когда онъ глазами пробѣжалъ письмо.

— Отвѣчайте-же мнѣ теперь!

Профессоръ съ трудомъ выговаривалъ слова.

— Хорошо... но... не сейчасъ... пожалуста... не тутъ, отвѣтилъ баронъ.

— Нѣтъ, именно тутъ! Вотъ при ней, при Эльзѣ!.. Посмотрю я, хватить-ли у васъ духу отпереться!..

Зельдитцъ горделиво откинулъ голову... Прескверная, премучительная была эта минутка для него!.. Но онъ ужъ наострилъ въ подобныхъ случаяхъ, онъ зналъ, что отъ такихъ неприятностей можно отдѣлываться одной выѣшней игрой—напримѣръ, держать себя особенно высокомерно, гордо...

— Александръ! Чтô случилось?! воскликнула Эльза испуганнымъ голосомъ.

Но баронъ не обратилъ вниманія на этотъ вопросъ.

— Отпереться? повторилъ онъ заносчиво. Нѣтъ, у меня обыкновеніе никогда не отпираться отъ того, что разъ мною сдѣлано...

— Значить, письмо говорить правду? крикнулъ Вертеръ.

— Разумѣется. Это была—шутка... Шутка подъ влияніемъ веселой минуты, проговорилъ Зельдитцъ однако, не безъ замѣшательства...

— Шу-тка?!... Нѣтъ, это—м-мерзость! вспылилъ профессоръ въ полнѣйшемъ негодованіи.

— Господинъ профессоръ! Если-бы вы не были мѣщаниномъ, я-бы потребовалъ отъ васъ удовлетворенія...

— Я... я самъ требую удовлетворенія! запальчиво хватилъ Вертеръ. Моя рука еще достаточно сильна, чтобы постоять за честь моей племянницы!..

— Боже всемогущій!.. Дядя!.. Да что-жъ такое случилось? воскликнула Эльза. Александръ, говори—ты!

— Не называй по имени этого недостойнаго человѣка! подхватилъ профессоръ. Слушай: онъ игралъ только съ тобой, онъ обручился съ тобой—ради пари!.. Не любить онъ тебя, да никогда и не думалъ жениться на тебѣ... потому... потому, что ты—не больше, не меньше—мѣщанка!..

Лицо Эльзы какъ-бы окаменѣло и до того поблѣднѣло, что въ немъ, казалось, кровинки не было... Но она устремила твердый взглядъ на Зельдитца, и баронъ, не смотря на все свое высокомеріе, не могъ вынести этого взгляда.

— Отвѣчай мнѣ! проговорила она.

Въ первый разъ въ жизни Зельдитцъ почувствовалъ, понять, сколько власти можетъ быть у оскорбленнаго невиннаго существа... Тутъ ужъ не могъ онъ отвѣтить, по своему обыкновенію, легкомысленно, отдѣлаться отъ всего, напримѣръ, улыбочкой...

— Извини, началъ онъ смутившись, съ запинкой:—я не взвѣсилъ... не разсчиталъ, что шутка... Ктому-же обстоятельство вынуждаютъ меня... Я не могу...

Эльза вздрогнула... Она прижала руку къ сердцу и пошатнулась... Зельдитцъ бросился къ ней, чтобы поддержать ее, но дѣвушка оправилась, собрала всѣ силы, выпрямилась и—пошла по дорожкѣ, бросивъ въ лицо ему на прощанья взглядъ, преисполненный гордаго презрѣнія.

— Эльза! Я отмщу за тебя негодяю!.. Палку!.. Палку мнѣ!! завопилъ профессоръ, уже будучи не въ состояніи болѣе сдержатъ гнѣва. Онъ вертѣлся, оглядываясь и ища палки или чего нибудь въ родѣ этого, вовсе не думая о томъ, что баронъ въ десять разъ сильнѣе его. Старикъ чувствовалъ только одно, что честь женщины оскорблена, опозорена, и что ему слѣдуетъ отмстить за это оскорбителю.

Баронъ поспѣшно удался изъ сада, удался съ сознаніемъ, что умнѣе этого онъ ничего не могъ-бы сдѣлать въ данномъ случаѣ. Чувство негодованія кипѣло въ немъ и на профессора, и на того, кто написалъ письмо...

Зельдитцъ думалъ, что Платэнъ, Виндгофъ, Пальмъ или Кронахъ разболтали о пари, и съ языка его сорвалось: „Подлецы!“ А то, чтô онъ самъ поступилъ *безчестно*—это и въ голову ему не приходило.

Эльза могла дойти только до бесѣдки. Войдя въ нее, она въ изнеможеніи опустилась на скамью. Тутъ и нашла профессоръ свою племянницу. Она сидѣла неподвижно, закрывъ лицо руками.. Старикъ зналъ, какъ искренно—горячо любила дѣвушка барона... Въ состояніи-ли будетъ она перенести такой ударъ?..

Вертеръ приблизился къ ней и, положивъ руку на ея плечо, проговорилъ мягкимъ, просиявшимъ голосомъ:

— Успокойся, дитя мое!.. Вѣдь сердце твое забудетъ объ *этой* любви...

Эльза медленно опустила руки на колѣни. Глаза ея были сухи, ни одной слезинки не было въ нихъ, и они смотрѣли куда-то упорно, неподвижно...

— Забыть, что я его любила... забыть сердцу объ этой любви, произнесла она съ разстановкой, какъ будто эти слова издавѣка доносились до ея слуха... Нѣтъ, не забыть мнѣ этого! вдругъ порывисто—страстно воскликнула дѣвушка. Я его ужъ больше не люблю! Ненавижу его!.. Онъ гнусно-преступно игралъ моимъ сердцемъ... Нѣтъ, ни на часъ, ни на минуту не забуду я этого! Вѣчно буду помнить!.. Честь моя будетъ спасена и отмщена... О, зачѣмъ я... не мужчина?.. Я-бы поставила тогда его передъ собой!.. И неужели-же ему безнаказанно это пройдетъ?.. Я не могу... не могу вынести такого позора!.. Зачѣмъ... за чтô мнѣ... мнѣ надѣлалъ онъ столько зла?!

И она, почти безъ чувствъ, упала на скамью.

— Эльза... Милочка! Дитя мое!..

Почтенный ученый засуетился, желая чѣмъ нибудь помочь ей и рѣшительно не зная, чтô тутъ дѣлать... хотѣлъ было онъ сбѣгать за женой, но—какже оставить одну-то дѣвушку въ такомъ положеніи?..

— Послушай, я все... все сдѣлаю для тебя! заговорилъ онъ умоляющимъ тономъ. Ужъ я отыщу его, я вызову его на дуэль, отмщу за тебя! Слышишь, Эльза? Ну, успокойся-же, ну, послушай меня!..

Эльза лежала съ закрытыми глазами... Прекрасное лицо ея было также прекрасно, но совершенно блѣдно. Грудь подымалась и опускалась съ какимъ-то глухимъ шумомъ... Казалось, невидимая боль готова была разорвать эту грудь...

Невыразимый страхъ обуялъ профессора: въ головѣ его мелькнула мысль—а—ну какъ она умретъ?..

— Дитя мое! Милочка! вскрикнулъ онъ и схватилъ ея руку.

Эльза испугалась, вздрогнула и—вскочила.

— Не смѣй меня трогать!—Неподвижный взглядъ ея былъ устремленъ на профессора.—Прочь, прочь! Я тебя больше не люблю... Ненавижу тебя! О, Господи!.. Это свѣше моихъ силъ!..

Разстроенное воображеніе живо представило ей того, о комъ она думала... Она не могла вынести этого, выбѣжала изъ бесѣдки, добѣжала до дому и заперлась въ своей комнатѣ.

Старикъ Вертеръ послѣдовалъ за ней. Позвавъ жену, онъ сталъ стучаться въ комнату Эльзы, но дверь не отпиралась, отвѣта не было... Онъ громко звалъ ее по имени, прислушивался... Тамъ, за дверью, была мертвая тишина...

— Она лишила себя жизни! воскликнулъ профессоръ и попытался открыть дверь силою, но силъ у него на это не хватило, а между тѣмъ отчаяніе все сильнѣе и сильнѣе охватывало его душу... Онъ не зналъ, чтô дѣлать... Но, наконецъ, благодаря посторонней помощи, дверь удалось отпереть. Едва онъ вошелъ въ комнату, какъ сейчасъ-же съ ужасомъ попятился назадъ: на ди-

ванъ лежала Эльза, безъ чувствъ... Опушенная рука ея крѣпко держала небольшой кинжалъ...

— Умерла... Она умерла! вскричалъ Вертеръ и, чтобы не видѣть страшной картины, закрылъ лицо руками... Профессорша кинулась къ Эльзѣ.

Но дѣвушка не умерла. Правда, она имѣла намѣреніе покончить съ собою, но силы ей измѣнили: схвативъ кинжалчикъ, она хотѣла ударить имъ въ сердце, и, вѣроятно, лишившись чувствъ, упала тутъ...

Госпожа Вертеръ осторожно вытащила изъ хорошенькой ручки опасное оружіе, нагнулась надъ бездыханной дѣвушкой, стала звать ее по имени, тереть ей лобъ и, наконецъ, смочила водой ей виски, но Эльза не шевелилась... Профессоръ бросился за докторомъ. Отъ страха ноги его помолодѣли: спустя не много времени онъ вернулся съ врачомъ, который сейчасъ-же подошелъ къ Эльзѣ, взявъ ея руку и сталъ слѣдить за слабымъ біеніемъ пульса. Окончивъ свои наблюденія, онъ выпрямился, но ничего не сказалъ, однако, лицо его довольно ясно выразило чувство опасенія...

— Чтѣ... не хорошо? спросилъ профессоръ.

— Положительнаго еще ничего не могу сказать, отвѣтилъ докторъ,—но опасаясь, чтобы вслѣдствіе чрезвычайнаго нервнаго потрясенія не было съ ней сильной горячки... Пульсъ становится чаще, появляется слабый румянецъ, а сознаніе не возвращается. Полнѣйшее спокойствіе необходимо теперь для больной... Постарайтесь объ этомъ.—

Докторъ не ошибся: черезъ нѣсколько часовъ Эльза уже лежала въ сильнѣйшей горячкѣ.

На другой день, утромъ, профессоръ отправился къ барону, чтобы объявить ему о привлеченіи его къ отвѣтственности, но... барона уже не было въ М*, и никто не зналъ, куда именно онъ укатилъ. Вся эта исторія, пари Зельдитца, стала извѣстна всему городу, и всѣ страшно вознегодовали на барона, тѣмъ болѣе, что обыватели М* знали прелестную дѣвушку, съ которой онъ сыгралъ такую преступную штуку, и имъ также было извѣстно, какъ тихо, уединенно жила она въ домѣ своего дяди.

Фрейгерръ фонъ Маннштейнъ, родной братъ матери Александра Зельдитца, жилъ въ своемъ прекрасномъ, большомъ имѣніи, которое находилось отъ столицы на разстояніи двухчасовой ѣзды. Вотъ къ этому-то дядѣ баронъ и уѣхалъ изъ городка М*. Онъ струсилъ, сообразивъ, что дядя можетъ узнать о содѣянной имъ штукѣ въ этомъ городкѣ, а для него было весьма важно во время умастить стараго фрейгерра, ибо онъ зналъ, какая упрямая голова сидѣла на плечахъ старика, особенно, если старикъ бывалъ чѣмъ нибудь раздраженъ.

Вся будущность Зельдитца зависѣла отъ дяди, чловѣкъ одинокаго: дѣтей у него не было, а жену онъ давнымъ давно схоронилъ. И вотъ, если дядя отвернется отъ него — чтѣ ему тогда дѣлать? Придется остаться безъ всякихъ средствъ къ жизни... Самому проложить себѣ дорогу—невозможно: знаній слишкомъ мало для этого, слишкомъ мало учился онъ, да и кромѣ того онъ не имѣлъ и понятія о томъ, чтѣ значитъ жить трудомъ...

Фрейгерръ ф. Маннштейнъ, не смотря на то, что ему было шестьдесятъ съ хвостикомъ, а волосы были совершенно бѣлы, обладалъ еще замѣчательною бодростью; маленькая, но довольно щеголеватая фигурка его была жива, подвижна; лицо онъ имѣлъ красноватое, изнепренное морщинами; изъ подъ густыхъ сѣдыхъ бровей высматривала пара свѣтленькихъ, живыхъ, быстрыхъ маленькихъ глазъ. Одѣвался онъ такъ просто, что люди, незнавшіе его, при встрѣчѣ съ нимъ, навѣрно не заподозрили-бы того, какимъ огромнымъ состояніемъ владѣетъ эта маленькая особа, и ужъ, конечно, никто-

бы не подумалъ, что эта-же суетливая фигурка обладаетъ твердой, непреклонной волей.

Вообще говоря — Маннштейнъ былъ чудакомъ. Жилъ онъ такъ скромно, просто, какъ будто весь годовой доходъ его состоялъ только изъ нѣсколькихъ сотъ талеровъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ вовсе не былъ скупъ, истинно-нуждающійся никогда не уходилъ отъ него безъ пособія, да и племяннику своему выдавалъ онъ ежегодно довольно кругленькую сумму.

Имѣніе Маннштейна считалось образцовымъ въ хозяйственномъ отношеніи; пашни были великолѣпны, а что касается чистоты, опрятности, то этими качествами щеголяли и службы, и житницы, и хлѣва, такъ что видъ ихъ пріятно даже поражалъ всѣхъ. Въ огромномъ барскомъ домѣ самъ господинъ занималъ всего только двѣ комнаты: большую, убранную со всевозможною роскошью, гостиную (она служила пріемной для гостей) и собѣдную съ нею комнату, поменьше; въ этой послѣдней онъ собственно и жилъ, т. е. занимался, кушалъ и спалъ. Послѣ смерти жены, которую фрейгерръ горячо любилъ, онъ велѣлъ запереть всѣ остальные комнаты, и ни разу еще съ тѣхъ поръ онъ не отворялись. Впрочемъ, одна изъ нихъ стояла всегда открытою, такъ какъ была назначена для Зельдитца, на случай, если-бы ему вздумалось посѣтить дядю. Но такіе случаи бывали довольно рѣдки: избалованному барону не слишкомъ-то было по вкусу простенькое житье-бытье въ домѣ своего родственника.

На конюшнѣ у „маленькаго фрейгерра“ (такъ обыкновенно называли Маннштейна всѣ знавшіе его) стояло нѣсколько верховыхъ лошадей, а въ сараѣ помѣщался весьма красивый экипажъ, которымъ онъ, однако, пользовался не болѣе четырехъ разъ въ годъ. Съ заложенными на спину руками (въ одной изъ нихъ всегда была палка) обходилъ онъ свои владѣнія, осматривалъ поля, и ничто не ускользало отъ его зоркаго глаза.

Не мало былъ удивленъ „маленькій фрейгерръ“ неожиданнымъ появленіемъ Зельдитца. Принялъ онъ его ласково, даже тепло-радушно, потому что Зельдитцъ былъ ближайшимъ его родственникомъ и единственнымъ ребенкомъ его сестры. Онъ любилъ племянника, хотя и не имѣлъ обыкновенія высказывать этого; старикъ не одинъ уже разъ прощалъ молодому барону сумасбродныя его выходки... Въ завѣщаніи своемъ онъ назначилъ Зельдитца единственнымъ наслѣдникомъ имѣнія и всего своего имущества.

— Ну, откуда это ты? спросилъ фрейгерръ, поздоровавшись съ племянникомъ и усаживаясь съ нимъ на верандѣ (дверь изъ спальни старика вела прямо на эту веранду).

— Я, дядя, изъ М*, отвѣтилъ Зельдитцъ весело и ни мало не смутившись.

— Чтѣ?... Не бось не выдержалъ тамъ—надоѣло?...

Маленькіе глаза фрейгерра украдкой слѣдили за выраженіемъ лица племянника.

— О, нѣтъ... Совсѣмъ не потому. Ты вѣдь желалъ, чтобы я жилъ вообще поупроще. Ну, развѣ жизнь моя не будетъ проста, если я заживу у тебя?... Въ М* у меня очень мало знакомыхъ... и я ужъ предпочитаю лучше поселиться на нѣкоторое время здѣсь... разумѣется, если это будетъ тебѣ пріятно?...

— Ты знаешь — твоя комната всегда къ услугамъ твоимъ, отвѣтилъ Маннштейнъ,—но боюсь я только, что *тутъ-то* тебѣ еще меньше понравится, чѣмъ въ городкѣ М*. Мой образъ жизни тебѣ извѣстенъ; я привыкъ жить такъ, какъ живу, ну, и ужъ слишкомъ старъ, чтобы измѣнять своимъ привычкамъ... Прежде, бывало, ты гостилъ здѣсь всего-то какихъ нибудь пять—шесть дней, ну, и теперь, конечно, будетъ тоже!...

— Но, дядя, чловѣкъ перемѣняется! воскликнулъ Зельдитцъ смѣясь. Нѣтъ, кромѣ шутокъ, теперь я даже частенько чувствую поползновеніе зажигъ тихую

«Шахъ королеви». Картина Мейссонье, фотографированъ на деревѣ и рѣзанъ Сташковскій.

жизнью... Но такая жизнь въ резиденціи для меня невозможна: тамъ слишкомъ много друзей-пріятелей, тамъ отъ одного удовольствія невольно летишь къ другому!.. Да, наконецъ, ужъ и самъ я становлюсь старѣе!..

„Маленькій фрейгерръ“ все еще не вѣрилъ племяннику... Чтò-то ужъ слишкомъ скоростижно *перемѣнилась* человекъ!.. И неужели перемѣна эта произошла такъ себѣ... безъ толчка извнѣ?... Старикъ понималъ людей, онъ хорошо зналъ ихъ, гораздо лучше даже чѣмъ многіе предполагали. И вотъ захотѣлось ему попытать племянника, но сдѣлать это такъ, чтобы тотъ и не замѣтилъ этого... „Маленькій фрейгерръ“ полагалъ, что у него на сей конецъ есть наивѣрнѣйшее средство. Давно уже хотѣлъ онъ женить племянника, такъ какъ надѣялся, что брачныя узы повлияютъ на него благотворно...

Манштейнъ кликнулъ слугу и велѣлъ ему принести вина.

— Чтò-жъ, меня радуетъ, чтò ты, наконецъ, убѣждаешься, сознаешь, что жизнь, какую ты велъ до сихъ поръ, не можетъ продолжаться, заговорилъ онъ съ улыбкой. Я многое тебѣ прощалъ, извиняя все твоею молодостью, но теперь сваливать все на молодость—ужъ нельзя; такое оправданіе не имѣетъ ужъ значенія: ты находишься въ томъ возрастѣ, когда другіе давно уже собственными усиліями приобрѣли себѣ положеніе въ свѣтѣ... Да, а ты и не подумалъ до сихъ поръ объ этомъ!..

— Когда я былъ офицеромъ—ты самъ-же, дядя, соглашался съ тѣмъ, чтобы я вышелъ въ отставку, замѣтилъ Зельдитцъ, которому не очень-то пришлось по вкусу слова дяди, ибо въ нихъ звучалъ упрекъ.

— Да, Александръ, но въ то время у насъ на этотъ счетъ былъ откровенный разговоръ... Помнишь? возразилъ Манштейнъ. И было-бы просто безумно, если-бы мы теперь стали самих-же себя обманывать!.. Я соглашался *тогда* потому, что у меня были опасенія: рано-ли поздно-ли тебѣ, думалъ я, *дадутъ* отставку...

— Дядя!..

— Да, повторяю, я боялся этого, и не безъ основанія... Но это уже прошло, а я не люблю вспоминать стараго. Человекъ долженъ устремлять свои взоры не назадъ, а впередъ, такъ какъ цѣль—всегда впереди, ну, а въ виду того, что теперь тебѣ хочется болѣе покойной жизни, ты, можетъ быть, наконецъ, охотнѣе согласишься исполнить мое давнишнее желаніе, желаніе—чтобы ты женился?..

— Почему-жъ и не жениться, проговорилъ Зельдитцъ, если-бы нашлась только дѣвушка, которая соотвѣтствовала-бы моимъ желаніямъ...

— Ну, конечно, конечно! подхватилъ „маленькій фрейгерръ“, полагая, что изъ отвѣта племянника можно заключить, что онъ и въ самомъ дѣлѣ не прочь начать новую жизнь.—Послушай, я вѣдь не требую, чтобы ты женился не по любви: нѣтъ, дѣвушка должна тебѣ во всѣхъ отношеніяхъ нравиться, не иначе! Она должна и по званію стоять не ниже тебѣ... Оглянись-ка: вѣдь этотъ домъ достаточно великъ для того, чтобы ты могъ поселиться здѣсь съ женой, если даже я и оставлю за собой свою скромненькую комнату?.. Разумѣется, не хотѣлось-бы мнѣ разстаться съ моимъ уголкомъ, къ которому я въ теченіи многихъ лѣтъ просто, вотъ кажется,—приросъ!.. Слушай: ты знаешь дочь сосѣда моего—фонъ Мальтэна. Это—прекрасная, прелюбезная дѣвушка, да и самъ Мальтэнъ человекъ весьма богатый...

Зельдитцъ пожалъ плечами.

— Когда я видѣлъ ее въ послѣдній разъ, а это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то, помнится, она была еще подросткомъ... такая длинная, худощавая... Сдѣлаться *прекрасной* она, кажется, не могла-бы...

— А вотъ стала-же прекрасной, хорошенькой, и даже, знаешь, весьма! живо произнесъ Манштейнъ. Года

два пробыла она въ пансіонѣ и когда вернулась домой—я самъ даже не узналъ ее!..

— А-ну, въ такомъ случаѣ она, значитъ, сильно измѣнилась, замѣтилъ молодой баронъ улыбаясь.

— Да вотъ ты познакомишься съ ней—и даже завтра!

— Но, дядя, куда-жъ такъ торопиться?... Вѣдь я у тебя надолго останусь!..

— Молчи, молчи! Ужъ чтò я задумалъ, то люблю скоро исполнять. Мальтэнъ былъ другомъ твоего отца... Мальтэнъ охотно отдастъ тебѣ свою дочь, если тебѣ удастся овладѣть сердцемъ ея. Ему извѣстно, что ты единственный мой наслѣдникъ, слѣдовательно, относительно богатства ты ему не уступишь: у тебя будетъ даже *побольше*, чѣмъ у него...

„Маленькій фрейгерръ“ самодовольно потиралъ руки; ему казалось, что давнишнее желаніе его свершится, такъ какъ онъ твердо былъ убѣжденъ въ томъ, что Эмми ф. Мальтэнъ сумѣетъ плѣнить сердце его племянника.

Слугѣ пришлось принести изъ погреба еще бутылку вина. Старикъ развеселился. Такимъ веселымъ давно онъ не бывалъ. Онъ просидѣлъ съ Зельдитцомъ на верандѣ до самаго вечера.

На другой день, какъ уже было рѣшено, Манштейнъ поѣхалъ съ Зельдитцомъ къ г. ф. Мальтэну, помѣстье котораго находилось довольно близко—въ часъ можно было туда доѣхать. Молодой баронъ посмѣивался, глядя на своего дядюшку, впаваго въ какое-то особенно-веселое настроеніе духа, но ему было пріятно это, такъ какъ онъ сообразилъ, что повидимому снова приобрѣлъ себѣ полнѣйшую благосклонность старика. Что-же касается женитьбы, то Зельдитцъ, разумѣется, и не думалъ о ней: привольная жизнь холостяка, какую онъ велъ въ столицѣ, имѣла для него слишкомъ много обаятельнаго, заманчиваго... Онъ питалъ надежду снова окунуться въ волны знакомаго ему моря житейскаго. И развѣ барону такъ трудно было отвилнуть отъ женитьбы? Онъ могъ избрать любой путь, чтобы избѣжать брачныхъ узъ, да кому-же затрудняться въ выборѣ средствъ, когда дѣло шло о собственныхъ выгодахъ, было у него не въ обычаѣ.

Мальтэнъ принялъ гостей наилюбезнѣйшимъ образомъ. Это былъ человекъ нѣсколько суроваго, но за то прямого, честнаго характера.

— Вы дѣлаетесь все болѣе и болѣе похожими на своего отца, г. баронъ! воскликнулъ хозяинъ, протягивая руку Зельдитцу.—Я былъ весьма друженъ съ вашимъ отцомъ... Да, и если-бы, вы, вотъ, почаще навѣщали дядюшку, то, думаю, мы съ вами тоже подружились-бы!..

— Онъ обѣщалъ теперь пробыть у меня нѣсколько времени, замѣтилъ „маленькій фрейгерръ“,—да вотъ боюсь только, что недолго пробудетъ онъ тутъ: не выдержитъ!.. Ужъ слишкомъ у меня тихо!..

— Эхъ, Манштейнъ, и сердиться-то вамъ за это на него, право, нельзя! воскликнулъ смѣясь Мальтэнъ. Да вотъ и я-бы тоже не выдержалъ: вѣдь вы живете, какъ отшельникъ!.. Когда вамъ, баронъ, слишкомъ скучно будетъ тамъ... въ уединеніи, у дяди, то пріѣзжайте-ка сейчасъ-же сюда—а?.. Такимъ образомъ, вы доставите, такъ сказать, удовольствіе дядюшкинымъ лошадямъ, а ужъ тутъ-то всегда будутъ рады такому гостю!..

Зельдитцъ обѣщался бывать. Развязный, непринужденный тонъ Мальтэна настроилъ всѣхъ на веселый ладъ.

Хозяинъ повелъ гостей въ садъ, чтобы представить ихъ тамъ женѣ своей и дочери. Молодой баронъ не безъ любопытства ожидалъ встрѣчи съ фрейлейнъ Эмми: вѣдь дядя находилъ ее таковой *прекрасной*, хотя, правда, племянникъ не очень-то полагался на вкусъ стараго „маленькаго фрейгерра“ и считалъ едва-ли возможнымъ, чтобы дѣвушка эта могла такъ сильно измѣнить-

ся въ какіе нибудь пять-шесть лѣтъ. Зельдитцъ хорошо помнилъ, какъ смѣялся онъ при видѣ тощенькой фигурки Эмми, съ ея угловатыми, вовсе не изящными движеніями... За то-же и поразила его теперь встрѣча съ нею: когда Мальтэнъ представилъ его дѣвушкѣ, сидѣвшей рядою съ матерью, и назвалъ эту дѣвушку своею дочерью—Зельдитцъ, съ перваго взгляда рѣшилъ, что она поразительно прелестна!.. Если-бы онъ не зналъ, что у Мальтэна всего одна дочь—навѣрно-бы усумнился онъ, что передъ нимъ та-же дѣвушка—прежняя тощенькая Эмми...

И въ самомъ дѣлѣ, фрейлейнъ Эмми ф. Мальтэнъ должна была очаровать каждаго: это былъ только что распустившійся цвѣтокъ въ тишинѣ лѣсной чащи; чудною свѣжестью вѣяло отъ нея, такъ она была воздушна, нѣжна, дѣвственно чиста и прелестна!.. Большіе голубые глаза ея глядѣли такъ прямо—искренно и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то мило-плутовски... По хорошенькимъ розовымъ губкамъ то и дѣло скользила улыбка, а когда она встряхивала головой, чтобы отбросить назадъ свои роскошные бѣлокурые кудри, то въ этомъ движеніи было что-то почти обаятельно-задорное...

Тутъ Зельдитцъ невольно вызвалъ въ памяти образъ Эльзы, чтобы поставить рядою обѣихъ дѣвушекъ. Правда, Эмми не такъ была красива, какъ Эльза, но... но, пожалуй что-очаровательнѣе!.. Съ дѣтскихъ лѣтъ она знала жизнь только съ свѣтлой, пріятной ея стороны; изнанка жизни, и вообще что либо серьезное, было ей совершенно незнакомо. Баронъ заинтересовался этой невинной дѣвушкой, почти ребенкомъ, все посматривалъ на нее и чувствовалъ, какъ сердце само по себѣ утѣшеннѣе билось. Ему хотѣлось уничтожить это странное, небывалое опущеніе, приостановить расхолодившееся сердце: ему казалось все это насмѣшкой, глупостью, и все-таки, противъ воли, его тянуло неудержимо въ прелестному созданію, и онъ старался быть какъ можно любезнѣе, развязнѣе...

„Маленькій фрейгерръ“ изподтишка наблюдалъ за своимъ племянникомъ, и отъ зоркаго глаза его не укрылось волненіе Зельдитца: онъ даже замѣтилъ, что на блѣдныхъ щекахъ молодаго человѣка появилась легкая краска, а глаза какъ-то особенно засвѣтились...

Оба старика—Манштейнъ и Мальтэнъ—отправились прогуляться по саду. Зельдитцъ остался съ дамами.

Фрейгерръ уже давнымъ давно былъ въ дружбѣ съ Мальтэнъ и зналъ, что ему нѣзачѣмъ скрывать съ своимъ другомъ.

— Знаете чтó, Мальтэнъ, заговорилъ онъ, украдкой, пытливо поглядывая на пріятеля:—вѣдь мой племянникъ, кажется, интересуется вашею дочерью...

— Интересуется?.. Что-то ужъ скоро... Развѣ возможно это?.. Онъ едва знаетъ ее, отвѣтилъ Мальтэнъ.

„Маленькій фрейгерръ“ тоже былъ не безъ гордости; ему, напримѣръ, было-бы весьма непріятно, если-бы Зельдитцъ, влюбившись въ Эмми, получилъ отказъ, а потому онъ непремѣнно хотѣлъ прежде узнать, какъ думаетъ насчетъ этого его сосѣдъ?..

— Я вотъ чтó вамъ скажу, продолжалъ онъ: на племянника я смотрю какъ на своего сына: въ завѣщаніи моемъ я назначилъ его своимъ единственнымъ наследникомъ... Отдадите-ли вы за него вашу дочь, если-бы они полюбили другъ друга?.. Я, какъ видите, спрашиваю васъ прямо, потому что знаю, что вы, подобно мнѣ, съумѣете помолчать тамъ, гдѣ это нужно. Мы по-прежнему останемся друзьями, если-бы даже мнѣ пришлось получить отъ васъ „отрицательный“ отвѣтъ... Я вѣдь очень хорошо знаю, какъ племянникъ мой безумно прожилъ свою молодость, но ужъ это у нихъ такъ въ крови... И отецъ его былъ такой-же! А все-таки сестра моя была счастлива съ нимъ... Да вѣдь вы знали покойнаго Зельдитца! Онъ спустилъ все свое состояніе... Ну, ему слишкомъ дорого стоило удовлетворять

свои страсти, а насколько я знаю сына его — у Александра Зельдитца такихъ *дорогихъ* страстей не будетъ!..

Мальтэнъ остановился. Полуудивленно, съ улыбкой смотрѣлъ онъ на „маленькаго фрейгерра“, котораго вообще чрезвычайно уважалъ.

— Кчему тѣкъ много словъ, Манштейнъ? наконецъ произнесъ онъ. Относительно этого пункта я самъ, знаете, гляжу въ оба, потому что у меня одинъ ребенокъ... одна дочь... Будущность ея близка и дорога моему сердцу. Буду говорить съ вами тоже совершенно откровенно: если они полюбятъ другъ друга — пусть обвѣнчаются, охотно даю свое согласіе, тѣмъ болѣе, что я зналъ отца барона и знаю, какой былъ у него прямой, честный характеръ, хотя подъ влияніемъ горячей крови своей онъ и творилъ порой глупости... Но не требуйте отъ меня, чтобы я какимъ-бы то ни было образомъ повлиялъ въ этомъ дѣлѣ на мою дочь: выборъ—это ея дѣло, тутъ ея сердце должно дать рѣшительный отвѣтъ. Этого убѣжденія я держусь и отступить отъ него—не могу.

— Вполнѣ согласенъ! воскликнулъ фрейгерръ и протянулъ руку своему другу. — Пусть племянникъ и постарается самъ успѣть въ этомъ дѣлѣ! Мнѣ хочется еще вотъ что сказать: пока я живъ—имѣніе мое остается въ моихъ рукахъ; я слишкомъ привязанъ къ нему, и, право, для меня было-бы нестерпимо, если-бы съ имѣніемъ этимъ стали обращаться не тѣкъ заботливо... Но какъ только племянникъ женится—я сейчасъ-же даю ему средства жить сообразно положенію его въ свѣтѣ.

— Э, да чтó объ этомъ говорить! замѣтилъ смѣясь Мальтэнъ. Коли понадобится ему чтó, такъ вѣдь и я всегда буду готовъ насчетъ помощи... Правда, вы относительно сбереженій шагнули дальше меня, но вѣдь и моя Эмми не будетъ бѣдной невѣстой. Въ семьѣ Мальтэновъ никто еще не жилъ въ бѣдности! Небо не даровало мнѣ сына, со мною умереть и мое имя, поэтому я какъ слѣдуетъ, хорошо позаботился о дочери.

Тутъ друзья-пріятель вернулись къ дамамъ, съ которыми бесѣдовалъ Зельдитцъ. Такъ какъ они совершенно поладили между собою, то глазки „маленькаго фрейгерра“ смотрѣли превесело и даже лукавая улыбка поигрывала на его губахъ.

Возвращаясь вечеромъ домой, дядя и племянникъ, сиди рядышкомъ, нѣкоторое время молчали. Зельдитцъ глядѣлъ задумчиво куда-то прямо... Воображеніе такъ живо рисовало ему милый образъ, что онъ видѣлъ ясно передъ собой свѣтлокудрую головку Эмми, даже смотрѣлъ въ ея голубыя очи и ему казалось, что очи эти обладали неизмѣримой глубиной...

До сихъ поръ ни одна еще женщина не могла затронуть глубоко сердца Зельдитца, и вотъ теперь, въ первый разъ, Эмми ф. Мальтэнъ удалось произвести на него болѣе сильное впечатлѣніе. Баронъ обыкновенно подходилъ къ дамамъ, занятый всегда помислами светскими, тщеславными; онъ служилъ ему просто развлеченіемъ отъ скуки, и онъ нерѣдко игралъ съ ними для удовлетворенія своего каприза... А эта... эта дѣвушка, даже—дѣвочка, пробудила въ немъ совсѣмъ инныя чувства!.. Все это почти сердило его... Какъ?.. Онъ, который такъ часто хвастался передъ своими друзьями, что сердце его защищено отъ любви крѣпкою броней—все-таки поддался теперь *этому* чувству, спасовалъ такъ, что любовь грозитъ пробраться къ нему въ грудь, перевернуть сердце и заставить его забыть всѣ прежнія правила!.. Баронъ находилъ это все очень глупымъ и вознамѣрился вооружиться противъ такой „глупости“, отдѣлаться разомъ отъ нея, но мысль вдругъ дѣлала скачекъ и—онъ начиналъ думать о *ней*! Онъ слышалъ ея голосъ... смѣхъ ея... и отчетливо-ясно видѣлъ передъ собой—большіе голубые глаза...

А „маленькій фрейгерръ“ безпокойно ворочался въ углу кареты. Онъ тó и дѣло косился на племянника,

все поглядывая на него: старика сердила молчаливость Зельдитца. Неужели ему, думалъ Маннштейнъ, нечего сказать насчетъ Эмми.. Вѣдь онъ даже слова не промолвилъ... ну, хоть сказалъ-бы, что она — *хорошенькая!* Спрашивать объ этомъ племянника—старика не хотѣлось, да и заводить разговора—тоже... Однако, нѣтъ—не утерпѣлъ онъ.

— Ну, Александръ, ужъ будто тебѣ нечего говорить? произнесъ фрейгерръ. Зачѣмъ молчать?..

Зельдитцъ бросилъ на него пытливый взглядъ и, помолчавъ немного, проговорилъ:

— Мальтанъ—прекраснѣйшій человекъ. Въ немъ, кажется, и капли фальшивости нѣтъ... До сихъ поръ и съ нимъ мало былъ знакомъ, а то, право, мы ужъ давно были-бы друзьями и я бывалъ-бы у него почаще... Рѣдко встрѣчаются нынче такія личности!..

— Ну, это-то и я знаю, поспѣшилъ замѣтить старикъ нетерпѣливымъ тономъ,—а что-же насчетъ дочери-то его?..

— Она... да, дѣйствительно весьма похорошѣла, стала красивѣе, чѣмъ я полагалъ... Сознаюсь откровенно, я-бы не подумалъ, что это та-же самая... если-бы встрѣтилъ ее въ другомъ мѣстѣ.

— И все? Больше и сказать тебѣ нечего... нѣтъ?..

— А что-же еще? Ты чего-же хочешь?..

Зельдитцъ, повидимому такъ непринужденно, просто отвѣтилъ на вопросъ: ему не хотѣлось обнаруживать того, что волновало его и въ чемъ онъ самъ боялся еще сознаться...

Тутъ „маленькій фрейгерръ“ сталъ еще безпокойнѣе, нетерпѣливѣе...

— Я хочу знать: понравилась-ли она тебѣ вообще? спросилъ онъ.

— Я, дядя, и самъ еще не знаю...

Маннштейнъ, въ недоумѣніи, посмотрѣлъ съ секунду на племянника, какъ-бы не понимая его отвѣта. Хотѣлъ-ли племянникъ скрыть отъ него свои чувства, или, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ, эта прелестная дѣвушка не произвела на него никакого впечатлѣнія?..

Въсунувшись въ окно кареты, фрейгерръ крикнулъ кучеру, чтобы тотъ пустилъ лошадей шипче, и снова уткнулся въ свой уголь. И дядя, и племянникъ — оба замолчали. Разговоръ оборвался.

Пріѣхавъ домой, Маннштейнъ прямо отправился въ свою комнату, сказавъ Зельдитцу только „доброй ночи“. Баронъ тоже пошелъ „къ себѣ“ и, такъ какъ спать ему не хотѣлось, то онъ растянулся на диванѣ съ сигарой въ рукѣ. Оскорбить дядю—у него и въ мысляхъ не было; ему просто не хотѣлось, не порѣшивъ еще вопроса, сказать что либо положительное дядѣ... А Эмми понравилась ему: это свѣжее, почти дѣтское личико произвело на него глубокое впечатлѣніе, и въ сердцѣ барона

вспыхнуло желаніе обладать ею... Но Зельдитцъ все-таки принадлежалъ къ тому разряду людей, которые не даютъ сердцу властвовать надъ собой; онъ, по характеру своему, вообще не увлекался и любилъ какъ слѣдуетъ обсудить дѣло, взвѣсить выгоды его и не выгоды. Что касается женитьбы, то у него на это мало было охоты, однако сдѣлаться мужемъ Эмми — штука выгодная... Баронъ слишкомъ ясно видѣлъ эту „выгодную штуку“: если денежки ф. Мальтана присовокупить къ тѣмъ денежкамъ, которыя, рано-ли, поздно-ли, а будутъ получены имъ послѣ дядюшки, то вѣдь онъ, Зельдитцъ, будетъ наибогатѣйшей особой въ государствѣ, а главное тогда *можно* будетъ зажить такъ, какъ давно уже ему мечталось...

Но тутъ одна мысль—мысль неприятная — все дѣло портила, разгонила розовыя мечты его и туманила свѣтлыя картины будущей жизни, а именно—мысль о состояніи здоровья дядюшки... Старикъ, правда, былъ совершенно сдѣнкій, а между тѣмъ вѣдь какъ онъ еще бодръ и крѣпокъ! И что мудренаго, если онъ проживетъ еще много лѣтъ, тѣмъ болѣе, что ведетъ образъ жизни необыкновенно простой, умѣренный?.. Что-же, неужели и тогда, когда онъ, Зельдитцъ, женится быть ему въ зависимости отъ дяди, подчиниться его волѣ?... Такого рода мысль была для барона почти невыносима: онъ вѣдь хорошо зналъ, что пока дядя живъ—племяннику нечего и думать относительно *полнаго* распоряженія своимъ столь богатымъ наслѣдствомъ...

Подперевъ голову рукой, Зельдитцъ неподвижно глядѣлъ куда-то вдаль. Мысли роились въ его головѣ... Да, дядя желалъ и желаетъ, чтобы онъ женился... Нельзя-ли какъ-нибудь вынудить старика дать обѣщаніе, что какъ только племянникъ его женится, то все имѣніе переходить въ полное распоряженіе его?... Но какъ вынудить?.. Трудно было отвѣтить на это, принявъ во вниманіе, что „маленькій фрейгерръ“ имѣлъ преумную голову, былъ вообще недоверчивъ, чутокъ и слишкомъ скоро, легко угадывалъ настоящія намѣренія людей... Быть можетъ самъ Мальтанъ явится тутъ на помощь и Зельдитцъ, благодаря ему, достигнетъ цѣли?... Баронъ и не сомнѣвался, что сердцемъ Эмми овладѣть ему удастся... Онъ крѣпко былъ увѣренъ въ себѣ, слишкомъ высоко цѣнилъ свои достоинства и зналъ, какъ не-трудно было заполнить сердце дѣвушки, которая глядитъ еще на весь міръ черезъ „розовыя стѣкла юности“, предается мечтаніямъ и строить идеалы... Самъ-то онъ давно уже жилъ-поживалъ безъ всякихъ идеаловъ, но ему стѣбало только поддакивать Эмми, соглашаться съ ея взглядами, рисовать ей картины будущаго, придавая имъ идеальный характеръ—и насчетъ успѣха не могло быть сомнѣнія.

(Продолженіе будетъ).

ШАХЪ КОРОЛЕВЪ!

(Изъ разсказовъ за ужиномъ).

Только что окончилась пренеприятная партія въ шахматы. Проигравшій (господинъ уже преклонныхъ лѣтъ) всталъ, потянулся и, улыбаясь нижнею частью лица, проговорилъ поддѣльно-веселымъ голосомъ:

— Промакъ съ моей стороны—непростительный! Совѣмъ забылъ, что тура противника стоитъ на той клѣткѣ... Увлекся! Да мнѣ совѣмъ и не сдѣловало братъ королевы...

— Не слѣдовало, подтвердилъ хозяинъ;—у васъ, Николай Ивановичъ, игра была даже сильнѣе... Сознаться—пожалею-ли?.. Это онъ вамъ ловушку устроилъ!.. Ловко, Сергѣй Сергѣичъ!..

— Нѣтъ, ужъ если сознаваться—такъ вотъ въ чемъ: прежде я лучше игралъ! А теперь—какой я игрокъ!

— И очень даже не дурной, замѣтилъ выигравшій: игру вели вы прекрасно, и партія была бы ваша, если бы не этотъ промакъ...

— О, конечно! Прекрасно велъ игру и—далъ промакъ!.. Побѣдителя всегда приятно думать, что онъ одолѣлъ не дурнаго

игрока... Развѣ хорошіе шахматисты дѣлають промахи? Развѣ такъ грубо ошибались Морфи, Кизерицкій, Петровъ, Урусовъ?..

— Не знаю, ошибались ли эти игроки, но другіе, тоже хорошіе, дѣлали непростительные промахи.

— Приправьте это какимъ-нибудь фактомъ, Сергѣй Сергѣичъ, обратился хозяинъ къ побѣдителя: такое возраженіе не должно быть голословнымъ.

— Да-съ, потрудитесь-ка указать на «извѣстнаго» шахматиста, проигравшаго партію изъ-за промаха? прибавилъ Николай Ивановичъ.

— На «извѣстность» указать не могу, отвѣтилъ Сергѣй Сергѣичъ, пожимая плечами:—однако, полагаю, что и «извѣстные» ошибались... Что-жъ, и солнце вѣдь не безъ пятенъ!.. А Наполеонъ I?.. Говорятъ, въ шахматы онъ хорошо игралъ. Обративъ Европу въ одну шахматную доску, въ концѣ концовъ какъ онъ промахнулся подъ Москвой?..

— Нѣтъ, аллегорію-то вы ужъ оставьте, усмѣхнулся Николай

Иванычъ: и примѣръ-то этотъ не изъ удачныхъ! По моему—Бонапартъ все таки плохой полководецъ. Нельзя играть на такой громадной доскѣ только «по вдохновенію». Не рассчитавъ ходовъ, не взвѣсивъ всѣхъ обстоятельствъ, увлекшись *единолично* своимъ планомъ, онъ двинулся на Московію—скакнулъ *ко мне*: шахъ! И пропалъ его конь... Еще нѣсколько ходовъ—глядь:

кликнулъ хозяинъ и обѣими руками указалъ на столовую.— Тамъ, за стаканомъ добраго Мозельвейна, побесѣдуемъ, поболтаемъ о новыхъ знаменитыхъ шахматистахъ—ну, хоть о графѣ Мольтке!

Пролутивъ по рюмкѣ «Крымской» и закусивъ нѣмецкой колбасой, хозяинъ и оба гости дѣйствительно заговорили о

«Это я—твоя мама!» (Послѣдняя репетиція). Картина Ф. Жирара грав. Вольскій.

англійская *ладья* схватила его, а тамъ, на островѣ св. Елены—шахъ и мать... Плохо сыгралъ!

— Позвольте, Николай Иванычъ! Вы забываете блестящія партіи, выигранныя имъ прежде. А сколько такихъ партій было?... Да вотъ, напримѣръ—

— Господа, не угодно-ли вамъ оставить тихія воды «рѣки забвенія» и выйти на берегъ, гдѣ васъ ожидаетъ ужинъ? вос-

франко-прусской войнѣ, что не мѣшало имъ въ тоже время заняться горячимъ ростбифомъ. Добравшись до Седана и уничтоживъ нѣсколько сочныхъ кусковъ говядины, собесѣдники обратились къ Мозельвейну и приутожили. Однако, молчаніе продолжалось не долго.

— А знаете, Николай Иванычъ, заговорилъ хозяинъ, я не думаю, чтобы тотъ англичанинъ, который далъ промахъ въ шах-

матной игрѣ и застрѣлился, былъ *плохимъ* игрокомъ. Если бы онъ игралъ плохо, проигрывалъ, дѣлалъ промахи, то навѣрно не пустилъ бы себѣ пули въ голову, промахнувшись въ игрѣ, можетъ быть, въ сотый разъ! Это доказываетъ, что онъ былъ шахматистъ хорошей — и *все таки* сдѣлалъ промахъ, столкнувшись его въ могилу... Экецентрики они—что говорить!

— О какомъ англичанинѣ это вы говорите? Игралъ въ шахматы, ошибся, не такъ пошелъ и—застрѣлился... Что это за исторія? Анекдотъ, что-ли?

— Я тоже не слышалъ, сказалъ Сергѣй Сергѣичъ и прибавилъ: если это и анекдотъ, такъ должно быть прентересный. Расскажите, пожалуйста!

— Извольте. А я думалъ, что вамъ извѣстна эта исторія. Былъ это или анекдотъ—не знаю, не помню; читалъ ли я или такъ слышалъ—тоже не помню, но увѣренъ, что это истинное происшествіе: вѣдь сыны Альбіона—чудаки!.. Ну-съ, извольте видѣть, два англичанина захотѣли поиграть въ шахматы, но такъ какъ одинъ проживалъ въ Лондонѣ, а другой въ Ливерпулѣ, то и согласились они сражаться *по почтѣ*. Началась партія. Не знаю, какъ долго тянулась переписка, но въ одинъ прекрасный вечеръ лондонскій противникъ (человѣкъ почтенный, семейный) призываетъ въ кабинетъ старшаго сына своего, заираетъ дверь и говоритъ ему: «Я пошелъ не такъ, какъ бы слѣдовало. Я сдѣлалъ промахъ—и ходъ уже отосланъ... До этого хода перевѣсъ былъ на моей сторонѣ. Такъ или иначе, но я *долженъ* выиграть эту партію. Слушай, мы заключили такое условіе: если кто-либо изъ насъ умретъ до окончанія партіи, то игра переходитъ по наслѣдству къ старшему сыну, который *имѣетъ право вернуть послѣдній ходъ отца*, если ходъ этотъ не понравится ему. И такъ, Джоржъ, передаю тебѣ эту партію. Вотъ, смотри: этотъ ходъ ты вернешь и пойдешь такъ, а затѣмъ—побѣда на нашей сторонѣ! Понимаешь?.. Джоржъ вытаращилъ глаза.—«Да вы развѣ ужъ умерли?»... «Не говори пустяковъ! Обрати лучше серьезное вниманіе на игру... Погляди хорошенько: слѣдуетъ-ли вернуть этотъ ходъ и какъ потомъ сходить? Кажется, я не ошибаюсь: надо идти именно такъ».—Сынъ устремилъ глаза на шахматную доску. Прошло минутъ пять... «О, да! Послѣдній твой ходъ никуда не годится!» воскликнулъ въ увлеченіи молодой человѣкъ:—надо двинуть *непремѣнно* вотъ эту фигуру... Я, такъ и думалъ. Хорошо. Верни же мой ходъ, двинь эту фигуру и напиши мистеру Вильямсу въ Ливерпуль, что мистеръ Мортонъ—умеръ, передавъ партію своему сыну»... Раздался выстрѣлъ—и старикъ грохнулся на полъ. Не дрогнула его рука, когда онъ приложилъ дуло пистолета къ правому виску: пуля вылетѣла изъ дѣваго виска и ударила въ стѣну... А партія дѣйствительно осталась за нимъ: Джоржъ выигралъ!..

— Похоже и на былъ, похоже и на анекдотъ, замѣтилъ Николай Иванычъ, но я могу сообщить вамъ нѣчто болѣе интересное—рассказъ моего дѣдушки объ истинномъ происшествіи, случившемся еще въ царствованіе Екатерины II, слѣдовательно, исторія эта временъ Очаковскихъ и покоренія Крыма. Дѣдушка оставилъ интересные «мемуары», которые я все собираюсь препроводить въ «Русскую Старину» для напечатанія. И такъ —

— Позвольте, Николай Иванычъ, дополнить вашъ стаканъ, любезно перебилъ хозяинъ—вотъ такъ-съ, до краевъ! Ну-съ, теперь—слушаемъ.

Николай Иванычъ, глотнувъ вина, поставилъ стаканъ передъ собой и началъ:

— Въ 1785 году дѣдушка мой познакомился случайно (какъ онъ самъ пишетъ) съ Власомъ Михайловичемъ Р., который принадлежалъ къ числу не особенно крупныхъ придворныхъ чиновъ, жившихъ почти постоянно въ Царскомъ Селѣ. Новый знакомецъ дѣдушки былъ вдовый человѣкъ и имѣлъ одну дочь—дѣвцу уже взрослою, по имени Татьяну. Я забылъ сказать, что познакомились они, благодаря шахматамъ: Власъ Михайловичъ былъ хорошей шахматный игрокъ и любилъ эту игру. Дѣдушкѣ рѣдко удавалось выигрывать, потому что «я, писалъ дѣдушка, не былъ толико мудръ и лукавъ въ сей премудрой восточной забавѣ, какъ пріятель мой». Татьяна Власовна занималась хозяйствомъ, ухаживала за отцомъ, а иногда, по вечерамъ, играла даже съ нимъ въ «восточную забаву». Дѣвица она была (по выраженію дѣдушки) «благотѣпная», ну, и не мудрено, что женихъ являлся, только отецъ и слышать не хотѣлъ о замужествѣ ея. «Какъ я останусь-то безъ Тани? говорилъ онъ:—и куда ей торопиться? Двадцать пять лѣтъ—велики ли года! успѣетъ. Вотъ, какъ похоронить меня, старика, ну, тогда хоть на всѣ четыре стороны... Будто ты хочешь замужъ?» спрашивалъ онъ ее.—«Не хочу-съ», отвѣчала дѣвушка такимъ веселымъ, искреннимъ тономъ, что старикъ совершенно успокоивался. И она не гнала... Сердечко ея еще дремало, но—Амуръ не дремалъ и уже вынималъ изъ колычана остренькую стрѣлку... Власъ Михайловичъ, не отличавшійся наблюдательностью, даже не замѣтилъ, что Танюша его стала вдругъ худѣть, сдѣлалась разсѣянной, задумчивой... А въ ихъ домъ началъ похаживать недавно поступившій на службу въ придворную контору—дворянинъ Никита Захаревичъ В., человѣкъ «хвалы достойный», побывавшій за моремъ, искусный въ «нѣмецкомъ диалектѣ», лѣтъ тридцати—не больше. Власъ Михайловичъ охотно бесѣдо-

валъ съ нимъ, потому что видѣлъ, что новый знакомый *спокойно* глядитъ на Танюшу, не старается заговаривать съ нею, а подчасъ даже и подтруниваетъ надъ ней. Такъ прошло полгода. Въ самый день Пасхи является Никита Захарычъ къ Власу Михайловичу, въ новомъ кафтанѣ, при шпагѣ, въ шелковыхъ чулкахъ, какъ быть надо—по праздничному. Поздоровали другъ друга, похристосовались и даже выпили по рюмкѣ Мальвазинъ.—«Власъ Михайловичъ, говоритъ Никита Захарычъ: а я вѣдь къ вамъ съ новостью!»...

— «Съ какою же это, сударь мой, новостью?»

— «Мѣсто хорошее выходитъ мнѣ въ отъѣздъ. Черезъ два мѣсяца долженъ выѣхать изъ Россіи, только... Одному мнѣ не ѣхать... Должно быть, ужъ судьба моя такая! Въ вашихъ рукахъ вся моя участь»...—«Полноте, батюшка, вѣдь вы не крѣпостной мой!» отвѣчаетъ Власъ Михайловичъ.—«Какъ могу я удержать васъ? Оно, конечно, жаль разлучаться, да вѣдь воля—ваша»...—«Охъ, можете удержать... можете, если не отдадите мнѣ Татьяны Власовны, не отпустите ее со мной—по закону!»...

Тутъ Никита Захарычъ всталъ и произнесъ торжественнымъ тономъ:

— Я люблю вашу дочь. Благословите насъ!

Власъ Михайловичъ поблѣднѣлъ, потомъ побавровѣлъ, однако скоро овладѣлъ собой.

— Ну, и она... тоже любитъ васъ?

— Татьяна Власовна! воскликнулъ Никита Захарычъ:— пожалуйте, войдите-съ.

Дѣвушка вошла... Оба они встали на колѣни передъ старикомъ. Власъ Михайловичъ какъ то странно улыбулся и проговорилъ:

— Ловко, ловко ты, дочь моя милая, повела игру!.. Вѣдь какой шахъ сдѣлала мнѣ... а?... Ну, что-жъ, любишь ты его? Хочешь съ нимъ... по закону?..

Татьяна Власовна заплакала и начала цѣловать руки отца. Онъ быстро отдернулъ руки и, заложивъ ихъ за спину, заговорилъ совершенно серьезнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, сударь мой, Никита Захаревичъ, не могу я отдать вамъ ее. Играя въ шахматы, я пѣшки даромъ не отдаю, а тутъ—дочь потерять! За что же это?... Лишится фигуры!.. Да это все равно что королевы въ игрѣ лишиться... Никогда!.. Вотъ, если мнѣ, королю, смерть сдѣлаетъ шахъ и мать, тогда и королева освободится.

Никита Захарычъ всталъ, встала и Таня.

— А если я возьму съ бою эту фигуру, завоюю королеву?

— То есть... какъ же это?

— А вотъ, на этой шахматной доскѣ... Угодно?

Глаза старика заблестѣли.

— Партію съ вами?... Со мной играть?!

— Конечно, игрокъ я плохой, промолвилъ Никита Захарычъ, вы мнѣ давали впередъ даже коня и все таки выигрывали, но... почему-жъ не попробоватъ? Мое счастье, мое и несчастье!

— Попробуемъ, попробуемъ... Хе, хе, хе!

— Значитъ, согласны на этотъ поединокъ?

— Хоть сейчас! Впередъ—ничего, и безъ отставокъ. Танюша, шахматы!

— Нѣтъ, Власъ Михайловичъ, дайте мнѣ двѣ недѣлки сроку... До сихъ поръ я *не игралъ* въ шахматы, я только двигалъ фигуры. Надо подумать... Можетъ быть, я и настоящій шахматистъ? Я самъ явлюсь къ вамъ... черезъ двѣ недѣли.

— Возьмите ужъ три.

— Довольно и двухъ, Власъ Михайловичъ.

— Поучитесь, поучитесь... Что-жъ, дѣло доброе! Но заранѣе вамъ говорю: ѣхать вамъ безъ попутчицы! Хе, хе, хе!..

Старикъ всталъ и сдвинулъ брови.

— Такъ какъ мы теперь уже враги, то, надѣюсь, что я не увижу васъ здѣсь въ эти двѣ недѣли. До свиданья! А ты иди въ свою комнату!

Онъ не подаль руки и, кивнувъ головой, ушелъ въ кабинетъ.

Ровно черезъ двѣ недѣли явился Никита Захаревичъ въ домъ Власа Михайловича. Старикъ былъ въ возбужденномъ состояніи, тогда какъ противникъ его не обнаруживалъ, видимо, никакого беспокойства.

Татьяна Власовна видѣла черезъ замочную скважину, какъ оба они прошли въ кабинетъ и какъ отецъ заперъ дверь.

— Ну, что-то будетъ!.. Кому выпадетъ первый ходъ?.. прошептала дѣвушка и, бросившись на кровать, утонула головой въ подушку. Такъ пролежала она около часа, потомъ встала и на цыпочкахъ подкралась къ кабинетной двери...

Тамъ царилъ гробовая тишина... Ни звука! Будто въ кабинетѣ не было ни души. О, какъ сильно билось сердце Татьяны Власовны!..

Она прислонилась къ косяку и стала прислушиваться. Вотъ, кто-то шаркнулъ ногой—и опять тихо. Кто это изъ нихъ кашлянулъ?.. Какъ будто отецъ...

— Шахъ королевѣ! раздалось въ кабинетѣ.

Дѣвушка вздрогнула... «Это *его* голосъ!».

Опять молчаніе, томительное молчаніе... Навѣрно прошло четверть часа... «Какъ отецъ пошелъ? Или онъ еще думаетъ надъ

хodomъ?.. Охъ, гдѣ ему выиграть! Шахъ королевѣ—ничего еще не значить»...

— Королю—шахъ! проговорилъ хрипло Власъ Михайлычъ.

Татьяна Власовна вся обратилась въ слухъ.

— Офицеромъ? Хорошо-съ. Беру его и дѣлаю шахъ королю и королевѣ.

— Стойте... Какъ такъ?..

— Да вѣдь это, Власъ Михайлычъ, мой конь! Беру имъ офицера, дѣлаю шахъ королю, а королева ваша уже стоитъ подь шахомъ... Забыли?..

— Быть не можетъ! Это... это...

Стулъ съ шумомъ отодвинулся.

— Я не могу такъ идти! Я долженъ... Я думалъ...

Голосъ Власа Михайлыча дрожалъ.

— Желаете перемѣнить? заговорилъ мягко Нивята Захарычъ.—Что-жъ, хотя мы условилсь безъ отставокъ, но... въ такомъ случаѣ я не могу подарить вамъ *обидѣ* королевѣ! Уступая эту, я надѣюсь, что вы отдадите мнѣ *другую*?.. Такъ, Власъ Михайлычъ? Тогда я готовъ проиграть на *этой* доскѣ... Перемѣняете?

— Нѣтъ. Я держу слово, но... я не могу теперь продолжать игры. Мнѣ надо подумать... до завтра... только до завтра! Не угодно-ли вамъ, для вѣрности, изобразить на бумагѣ некон-

ченную партію—вотъ какъ теперь стоятъ фигуры?.. Бумажку съ собой возьмете, а завтра...

— Зачѣмъ же, Власъ Михайлычъ! Неужели я вамъ не вѣрю... не доверяю?..

— Какъ угодно-съ. До свиданія!

Татьяна Власовна, блѣдная, взволнованная, убѣжала въ свою комнату...

Николай Иванычъ взялъ стаканъ, глотнулъ вина и крикнулъ.

— Такъ какъ разскажъ дѣдушки я передаю своими словами, то ужъ все равно... что тутъ тянуть?—кончу какъ нибудь покороче. На другой день, утромъ, пришлось сломать замокъ въ кабинетной двери; Власъ Михайлычъ не отворялъ ее, да и не могъ отворить, потому что его напѣли уже мертвыми: онъ лежалъ за ширмами, на постелѣ, какъ былъ — въ кафтанѣ, чулкахъ и башмакахъ. На столѣ, у изголовья, стоялъ небольшой пузырекъ съ остатками какой-то темной жидкости.

Черезъ полгода Татьяна Власовна вышла замужъ за Никиту Захарычева. Дѣдушка такъ заключаетъ свой разсказъ: «Наружное благолѣпіе, а наипаче женское, таитъ иногда внутреннюю безчувственность. Юноша, намятуй сіе».

— А теперь пора и по домамъ! Вино допито, часъ поздній... Покойной ночи вамъ!

Николай Иванычъ всталъ и протянулъ хозяйну руку.

В.

Послѣдняя репетиція.

(Изъ галлерей маленькихъ картинокъ).

Въ хорошенькомъ дачномъ будуарѣ полулежала на кушеткѣ молодая женщина въ изыскѣйшемъ лѣтнемъ нарядѣ. Правая рука ея, съ раскрытымъ письмомъ, свѣсилась и почти касалась ковра. Подъ столикомъ валялся конвертъ съ заграничнымъ штемпелемъ. Озабоченное лицо, слегка сдвинутыя брови этой дамы указывали на серьезность содержанія только что полученнаго письма... По вотъ прекрасная ручка тихо поднялась; снова пробѣжавъ глазами нѣсколько строкъ въ концѣ первой странички, молодая женщина стала читать дальше вслухъ, въ полголоса:

«Воображаю, какъ мила, прелестна теперь Манничка, внучка моя дорогая, и какъ вы оба участвуете за нею! Увѣрена, что вы уже успѣли избаловать ее ужасно и—нисколько не удивляюсь. Мой Жоржъ и чужихъ дѣтей любилъ, а тутъ—своя собственная милашка!.. О, какая это радость!.. Ну, кто же изъ васъ больше нянчится съ ней?.. Конечно вы, милая моя Надежда Григорьевна... И зачѣмъ я спрашиваю? Кому же больше и возиться съ ребенкомъ, какъ не вамъ? Только я беспокоюсь: не утомляйтесь-ли вы?»...

— Напрасно беспокоитесь, Анна Сергѣевна, почти фыркнула Надежда Григорьевна и продолжала:

«Навѣрно вы все дома сидите, нигуда не выѣзжаете, чтобы только не разгаваться съ своимъ маленькимъ сокровищемъ»...

— Какъ бы не такъ! Извините! Развѣ я *могу* не выѣзжать?..

«Хорошая-ли нянюшка попала? Да Манничка на нее вѣрно и смотрѣть не хочетъ, не идетъ отъ васъ къ ней—да?»

— Совсѣмъ наоборотъ. Не угадали!..

«Вотъ, какъ я прѣйду отниму непременно у васъ Манничку, сама стану возиться съ нею, вы уже должны выѣзжать попрежнему, развлекаться, поддерживать знакомства... Конечно, чувства матери—прежде всего, но вѣдь нельзя же удалиться отъ свѣта. Вы еще такъ молоды, ма снѣге. Погодите, я васъ освобожу. Не повѣрите, какъ мнѣ пріятно вернуться изъ-за границы! Ахъ, какъ надоѣлъ мнѣ этотъ Киссингенъ! Я даже стыжусь, что до сихъ поръ не видѣла моей первой внучки, а вѣдь ей второй годъ! Ну что-же дѣлать: докторъ даже и теперь не хочетъ отпустить меня домой... За границей какъ-то особенно любишь Россію! Я прежде не вѣрила этому. Черезъ два дня я буду въ Берлинѣ, а оттуда»...

— Гм! Я никакъ не думала, что она такъ скоро вернется изъ-за границы, проговорила Надежда Григорьевна и бросила письмо на столикъ.

— Интересно—воображаетъ она, что я заперлась, сижу съ Манничкой въ четырехъ стѣнахъ, не выѣзжаю, какъ будто я какая-нибудь мѣщанка!.. Въ послѣднее время я совсѣмъ даже и не вижу Маннички... Такой большой кругъ знакомства, что положительно времени нѣтъ!.. Гдѣ же тутъ нянчиться? Да и зачѣмъ?.. Бонна у меня хорошая...

Надежда Григорьевна встала съ кушетки и подошла къ трюмо:

— Гм! Нянчиться! Такихъ маленькихъ *невозможно* брать на руки!.. Манничка однажды совершенно испортила мнѣ новое платье, ну, и съ тѣхъ поръ я не брала ее... Однако, вотъ что скверно: вчера, вечеромъ, когда я была въ простой блузѣ и хотѣла взять Манничку—она закричала, забарахталась, никакъ не желала идти ко мнѣ отъ Луизы... какъ будто я ей не мать, а чужая!.. Нѣтъ, надо будетъ какъ нибудь... къ прѣзду Анны Сергѣевны... пріучить ее къ себѣ. Что-жъ, двѣ-три репетиціи, а въ самый день прѣзда «бабушки»—устроить *генеральную* репетицію... Да, это необходимо!.. Анна Сергѣевна имѣетъ свой взглядъ на женщину-мать, а ссориться съ ней... нельзя потому что эта барыня способна вернуться отъ меня, если только увидитъ, что «маленькое сокровище» чуждается меня и больше любить нянюку... А если отвернется—прощай тогда заграничные подарки и вообще доброе расположеніе. Ничего не стану дарить, а денегъ у нея—курсы не клюютъ!.. Ужъ я знаю ее... Ахъ, чувствую, что ѣдетъ она не съ пустыми руками!.. Сегодня же устрою репетицію!..

Можетъ быть благосклонная читательница сважетъ тутъ: «Такъ грубо развѣ выражаются благовоспитанныя дамы? Неужели всѣ эти изящныя женщины такъ черствы, *практичны*, безчувственны?»

Позвольте, милостивая государыня! Во-первыхъ, когда нико-го въ комнатѣ нѣтъ, человекъ говоритъ (думаетъ вслухъ) откровенно, не стѣсняется, а во-вторыхъ, благовоспитанность, изящество, тонъ—относится только къ наружности. Вы, конечно, видѣли не одну такую Надежду Григорьевну, съ ея прекрасными наружными манерами, а задавали-ли вы себѣ вопросъ: «каковы-то ея *внутреннія* манеры?» Вотъ, мы и привели маленькій образецъ этихъ послѣднихъ.—И почему вы полагаете, что одни только мужнины черствыя практики, коммерсанты? Развѣ, напр., Помпадурши (тайныя и явныя) не обдѣлываютъ ловко своихъ дѣлшекъ?..

Вернемся къ нашей картинкѣ.

Утромъ, въ день прѣзда «бабушки», у которой денегъ курсы не клюютъ, Надежда Григорьевна устроила въ саду послѣднюю, генеральную репетицію съ Манничкой и Луизой (счетомъ—пятью). Конечно, на всѣхъ репетиціяхъ «бонбошки» играли самую видную роль. Крошка-Манничка брала сладкія взятки, улыбалась мамашѣ и охотно шла къ ней на руки, даже вму-чилась произносить: *ма—ма!*

Прѣехала бабушка и—спектакль прошелъ великолѣпно! Манничка такъ твердо знала свою роль, такъ нѣжно лепетала «ма—ма!», что Надежда Григорьевна была просто въ восторгѣ, а Анна Сергѣевна—прослезилась, глядя на эту сцену, и еще больше полюбила «счастливую мать».

А заграничные подарки?..

Ну, конечно, получены: Надежда Григорьевна не ошиблась... И что за прелестные подарки, еслибъ вы знали!..

В.

Жочующіе народы береговъ рѣки Амура.

Важность такой громадной судоходной рѣки, какъ Амуръ, протекающей слишкомъ 400 верстъ и могущей придать боль-

шое оживленіе всей торговлѣ Восточной Сибири, давно созна- валась Россіей, и поэтому мы естественно стремились пріобрѣ-

сти амурскія страны. Еще въ началѣ 17-го столѣтія, сѣверные русскіе лѣсопромышленники и казаки пытались перейти Яблоновскій хребетъ, и нѣкоторымъ дѣйствительно удалось проникнуть до Амура и верховьевъ Сен. Ихъ рассказы объ естественныхъ богатствахъ этой страны, особенно объ изобиліи пушного звѣря, подзадорили и другихъ смѣльчаковъ. Въ 1643 г. отрядъ казаковъ прошелъ по всему теченію Амура до моря. Послѣ этой счастливой экспедиціи рѣшили основать на Амурѣ колонию, и для приведенія въ исполненіе этого плана, въ 1650 г. командировали туда казачьяго атамана Хабарова. Послѣ труднаго перехода отъ Якутска, Хабаровъ достигъ до верховьевъ Амура и выбралъ мѣстомъ для новой колоніи Албазинъ, гдѣ и заложилъ маленькую крѣпостцу, которая по своему выгодному положенію господствовала надъ всей мѣстностью. По слѣдамъ казаковъ пришли сюда и охотники, основавъ первыя русскія колоніи на Амурѣ. Такимъ образомъ первыми завоевателями Амура была горсть отважныхъ казаковъ и промышленниковъ, привлеченныхъ въ этотъ край богатой добычей дорогой пушнина. Однако, китайцамъ не понравилось это новое сосѣдство, и они нѣсколько разъ посылали войска для того, чтобы отнять у русскихъ Албазинъ; послѣ ожесточенныхъ споровъ, въ 1689 году въ силу заключеннаго въ Нерчинскѣ мирнаго договора между Россіей и Китаемъ, русскіе должны были отказаться отъ Албазина и всѣхъ своихъ селеній въ Манджуріи. Только въ половинѣ нынѣшняго столѣтія удалось Россіи осуществить наконецъ давнишнюю мысль о приобрѣтеніи Амура. Назначенный въ 1847 г. генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, графъ Муравьевъ, своимъ энергическимъ образомъ дѣйствій на Амурѣ, достигъ того, что въ 1858 г. по айгунскому договору съ Китаемъ, весь лѣвый берегъ Амура былъ отданъ Россіи. Область же между рѣкою Уссуріи и манджурскимъ берегомъ, гдѣ уже жили русскіе, была признана принадлежащею обонимъ государствамъ сообща. Въ такомъ положеніи дѣло оставалось еще два года; въ 1860 г. Китай вполнѣ уступилъ Россіи и эту область, вслѣдствіе чего границы наши распространились до Кореи.

Не смотря на довольно успѣшную колонизацію береговъ Амура, недостатокъ населенія тамъ еще весьма ошутителенъ. На всемъ огромномъ пространствѣ Приамурской области, равняющейся цѣлой Франціи, живетъ приблизительно не больше 24.000 туземцевъ и до 40.000 русскихъ, въ томъ числѣ 15.000 войска. Между тѣмъ естественныя богатства страны ждутъ только рукъ для разработки ихъ. Не говоря объ огромныхъ лѣсахъ, богатыхъ превосходнѣйшимъ строевымъ лѣсомъ, минеральныя сокровища Амурской области обѣщаютъ весьма много; во многихъ мѣстахъ, у самого Амура, найденъ каменный уголь, золото и желѣзо. Значительная влажность отъ обширныхъ лѣсныхъ пространствъ еще препятствуетъ развитію земледѣлія, но, съ другой стороны, Амурскія страны представляютъ превосходную почву для скотоводства; сотни квадратныхъ миль могутъ служить превосходнѣйшимъ пастбищемъ для милліоновъ овецъ, лошадей и рогатаго скота.

Для изслѣдованія Амура много было сдѣлано сибирскимъ отдѣломъ русскаго географическаго общества, а одинъ богатый сибирякъ, г. Соловьевъ, пожертвовалъ полъ-пуда золота для снаряженія въ этотъ край экспедиціи, управленіе которой было поручено извѣстному путешественнику Ричарду Мааку. Прекрасныя описанія Маака, Максимова, Герстфельда и другихъ ученыхъ путешественниковъ познакомили насъ съ этимъ пустыннымъ, далекимъ краемъ и образомъ жизни и нравами его кочующаго населенія.

Рѣка Амуръ, кромѣ своего истока, обитаемаго монголами и бурятами, и устья, населеннаго гилаями, народомъ курильскаго происхожденія (какъ надо предполагать), есть рѣка по преимуществу тунгуская, то есть протекаетъ по мѣстностямъ, населеннымъ тунгускими племенами. Племена эти не многочисленны, и по мѣрѣ расширенія колонизаціи края постепенно вымираютъ. На всемъ громадномъ пространствѣ Приамурской области, простирающейся на 38,500 квадратныхъ миль, изъ коихъ болѣе 10 тысячъ принадлежатъ Россіи, насчитывается не больше 24,000 туземцевъ. Съ размноженіемъ по берегамъ Амура еврейскихъ переселенцевъ, эти полудикіе народы, одѣтые въ мѣха и рыбью кожу, безъ сомнѣнія исчезнутъ совершенно, поэтому тѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ объ нихъ въ настоящее время особенно дороги.

Полу-кочующіе народы Амура принадлежатъ, какъ мы уже сказали выше, къ тунгускому племени. Отъ саянія Шилки съ Аргунью, на протяженіи 600 или 650 верстъ, разсѣяны два тунгускія племена, извѣстныя подъ общимъ названіемъ *орочановъ* и *манегровъ*. Вмѣстѣ съ своими сосѣдями *бирарамы*, на лѣвомъ берегу Амура, они составляютъ самое многочисленное туземное населеніе. Далѣе мы встрѣчаемъ немногочисленныя племена *юмдовъ*, *олмей* и *манулюговъ*; послѣдніе населяютъ лишь 40 деревень, въ которыхъ считается тысяча съ небольшимъ жителей. Еще далѣе вглубь страны, по лѣвымъ притокамъ Нижняго Амура, живутъ родственные имъ самаги.

Орочаны обыкновенно мадорослы и рѣдко превышаютъ средней ростъ; тѣло сложеніе ихъ худощава, руки и ноги тонки. Плоское лицо съ довольно большимъ острымъ носомъ, широкая скулы, большой ротъ съ тонкими губами, черные, малень-

кіе, немного сонливые глаза, черные гладкіе волосы и жиденькая борода, составляютъ отличительную физиономію этихъ двухъ племенъ. Одежда ихъ заключается въ кожаной или мѣховой курткѣ, подъ которой они носятъ длинный китайскій халатъ изъ бумажной матеріи и кожаные панталонки; вмѣсто сапоговъ ноги обматываются оленьими шкурами, впрочемъ богатые носятъ и сапоги. Куртка стягивается кожанымъ или плетенымъ изъ конскихъ волосъ поясомъ съ пряжкой; за него всегда заткнуты вещи ежедневно и часто употребляемыя: ножъ, трубка съ иглой для прочищенія ея, огниво, ухвертка, щипчики для выдергиванія изъ бороды волосъ и красивой кошелекъ китайской работы. Всѣ эти предметы снабжены унизанными стекларусомъ и бисеромъ шнурочками, китайскими монетами и проч. Бороду и усы отпускаютъ одни старики; надъ лбомъ и на вискахъ волосы выстрижены, а на затылкѣ заплетены въ длинную косу.

Женская одежда мало отличается отъ мужской; за поясомъ своей куртки онѣ также постоянно имѣютъ при себѣ всѣ необходимыя принадлежности для куренья, такъ какъ и женщины и даже дѣти курятъ здѣсь не менѣе мужчинъ.

Физиономія манегровъ представляетъ два рѣзко противоположныхъ типа: одинъ чисто монгольскій, то есть—маленькій носъ и выдавшіяся скулы; другой, — продолговатый овалъ лица, правильныя черты, пропорціональныя скулы, носъ длинный, прямой, немного орлиный. Эта разница въ типахъ объясняется тѣмъ страннымъ обстоятельствомъ, что манегры, которые вообще весьма ревнивы, часто предоставляютъ своихъ женъ наизякомъ сюда каждый годъ манджурскимъ чиновникамъ. Маленькій ростъ, тщедушность и тоненькія оконечности, отличающія орочановъ, рѣдко встрѣчаются у манегровъ; эти послѣдніе, напротивъ, болѣею частью отличаются силой, хорошо сложены, роста средняго и часто высокаго. Но женщины, особенно старухи, очень некрасивы; впрочемъ, иногда попадаются и между женщинами пріятныя физиономіи.

Манегры, какъ и орочаны, превосходные охотники и рыбаки. Зимой они отправляются на охоту въ лѣса, гдѣ и разсыпаются большими и малыми группами. Искусный охотникъ настрѣливаетъ въ зиму до пяти сотъ бѣлокъ, которыхъ продаютъ не менѣе 15 коп. сер. за штуку. Лукъ и стрѣлы уже почти вышли изъ употребленія; взамѣнъ ихъ употребляютъ китайскіе карабины или русскіе кремневыя ружья, которыми эти народы владѣютъ съ удивительнымъ совершенствомъ.

Особенную выгоду приносятъ манеграмъ и орочанамъ рыбная ловля весной и лѣтомъ. Помимо множества мелкой рыбы, главную добычу ихъ составляютъ осетры, имѣющіе иногда по пуду икры. Пойманную рыбу они частью употребляютъ въ пищу, частью вымѣниваютъ на муку шилкинскимъ казакамъ; за пудъ рыбы они получаютъ полпуда ржаной муки, и за пудъ икры отъ 3 1/2 до 4-хъ пудовъ муки. Ловля осетровъ производится болѣею частью посредствомъ искусно устроенныхъ гарпунновъ; ладьи ихъ, съ легкимъ остовомъ, дѣлаются различной величины, смотря по числу сѣдоковъ и обшиваются березовой корой, а оба конца загибаются кверху, въ видѣ крючковъ.

Не смотря на то, что орочаны и манегры кочевые народы, они имѣютъ однако постоянныя жилища, въ которыхъ всегда и возвращаются съ кочевья. Живутъ они въ коническихъ юртахъ, построенныхъ на деревянныхъ шестахъ, которые сперва покрываются берестой, а потомъ еще устилаются шкурами сѣверныхъ оленей. При входѣ гостя въ подобную юрту, хозяинъ ведетъ его въ заднюю часть, называемую *малла*, куда женщины не имѣютъ доступа, и послѣ этого подаетъ ему закуренную трубку, переходящую изъ рукъ въ руки, какъ у краснокожихъ дикихъ Сѣверной Америки. Хотя у орочановъ и манегровъ допускается многоженство, но у нихъ обыкновенно не бываетъ болѣе одной жены; они берутъ ее къ себѣ въ домъ перѣдко до возмужалости, такъ что она живетъ пока въ качествѣ служанки, но и выйдя замужъ всю жизнь остается въ подчиненномъ положеніи и исправляетъ самыя тяжелыя работы. Лошади, сѣверные олени и большее или меньшее число собакъ, суть единственныя домашнія животныя орочановъ и манегровъ. Что касается ихъ религіозныхъ вѣрованій, то они закоренѣлые шаманы. Позади юрты находится особое помѣщеніе, считаемое священнымъ, гдѣ стоятъ ихъ неуклюжіе идолы, которымъ они поклоняются съ большимъ усердіемъ.

Тунгусы, обитающіе въ средней части Амура и обозначаемые подъ общимъ именемъ *дауровъ*, отличаются отъ орочановъ и манегровъ болѣе высокой степенью развитія и болѣею частью живутъ осѣдо. Вліяніе китайцевъ у нихъ замѣтнѣе, чѣмъ у какого-либо другаго племени по Амуру. По близости ихъ жилищъ пасется рогатый скотъ и табуны лошадей. Они употребляютъ двухколесныя повозки, домъ ихъ окруженъ фруктовыми садами и огородами, а тамъ и сямъ видѣются обширныя поля пшеницы, изъ которой жители приготавливаютъ хлѣбъ, еще неизвѣстный орочанамъ и манеграмъ.

Постройка ихъ жилищъ довольно разнообразна: одни живутъ въ конусообразныхъ юртахъ, покрытыхъ березовой корой, камышомъ или прутьями, а иногда плетенками въ видѣ корзины; другіе имѣютъ дома, построенные изъ дерева и глины. Свѣтъ проникаетъ черезъ рѣшетчатыя окна съ прозрачной бумагой

вместо стекол. Эти постройки, равно как и одежда дауров, сильно носят на себя китайский характер. Мужчины носят длинную одежду, а сверх нея нечто в родѣ жилета съ рукавами. Кроме того они носят панталоны и сапоги съ толстыми подошвами изъ папки. Волосы на головѣ спереди и съ боковъ острижены, а сзади висятъ длинной косою. На головѣ они носятъ китайскую шляпу или шапку. Трубку курятъ и мужчины и женщины. Поясъ съ курительными принадлежностями, ножомъ, китайскими палочками, замѣняющими наши вилки, огниво и т. д. составляютъ необходимую часть туалета каждаго тунгуза.

Тунгузы-бирары, кочующіе по лѣвому берегу средняго Амура, добрые, простодушные люди и хорошіе охотники. Они охотятъ землю, чтобы приучить оленей къ посѣщенію опредѣленныхъ мѣстъ. Своими нравами и обычаями они ничѣмъ особеннымъ не отличаются отъ остальныхъ кочевыхъ тунгузскихъ племенъ. Самые же просвѣщенные изъ всѣхъ тунгузскихъ народовъ, обитающихъ у Амура, это *мангуны* и *олмы*. У нихъ мы видимъ степень благосостоянія, какой нѣтъ у другихъ тунгузовъ. Жилища ихъ просторны и свѣтлы; дымъ отводится деревянными трубами на воздухъ, полъ плотно убитъ глиной, и въ

рѣки, гдѣ рассчитываютъ на самый обильный ловъ. По окончаніи же лова, они снова возвращаются въ свои зимніе дома.

Неподалеку отъ жилья стоятъ амбары, построенные на сваяхъ, которые, какъ и жилые дома, рѣдко бываютъ заперты. Честность одна изъ прекраснѣйшихъ чертъ мангуновъ; кража у нихъ—неслыханное преступленіе. Вообще нравъ ихъ добродушный и смѣлый. Въ семьѣ власть отца пользуется неограниченнымъ авторитетомъ. До извѣстнаго возраста дѣти находятся въ полной власти отца, который выбираетъ невесту для своего сына, когда тотъ еще мальчикъ. Женихъ и невеста вырастаютъ въ одной хижинѣ, какъ братъ и сестра. Свадьба справляется какъ только мальчику минетъ 18 лѣтъ, а дѣвочкѣ 14. Обычай не запрещаетъ имѣть мангунамъ и нѣсколько женъ, но этого не бываетъ, потому что у нихъ мужчинъ больше чѣмъ женщинъ.

Всѣ эти тунгузскіе народы береговъ Амура ревностные шаманы; суевѣрія ихъ безчисленны, а мысль о злыхъ духахъ вселяетъ въ нихъ паническій страхъ. Шаманы ловко пользуются суевѣріями этихъ дикарей и имѣютъ надъ ними большую власть, но за то на нихъ лежитъ и большая отвѣтственность. По вѣ-

Кочующіе народы береговъ рѣки Амура. Рис. Леопольдъ Фламенъ, грав. Паннемакеръ.

немъ всегда есть углубленіе, гдѣ лѣтомъ постоянно поддерживаются раскаленные угли для зажиганія трубки и нагрѣванія водки. Стѣны состоятъ изъ двухъ рядовъ бревенъ, законопаченныхъ соломой и глиной. Крышу дѣлаютъ изъ березовой коры, которую, въ предупрежденіе того чтобы ее не снесло вѣтромъ, прикрѣпляютъ камнями.

Главнымъ способомъ добыванія жизненныхъ средствъ, служить для мангуна рыболовство. Рѣка даетъ ему и пищу, и одежду, и освѣтительный матеріалъ. Одѣваются мангуны шеголевато, особенно женщины. Одежда ихъ манджурскаго покроя, украшается на подолѣ цвѣтными сукоными или шелковыми лентами, въ которыхъ привѣшиваются раковинки или китайскія монеты. Серьги изъ проволоки съ бисеромъ составляютъ весьма любимое украшеніе. Мужчины и женщины татуируются, впрочемъ это татуированіе ограничивается обыкновенно нѣсколькими крестообразными знаками на лбу.

Мангуны вовсе не настоящіе номады, хотя и не живутъ постоянно на одномъ мѣстѣ. Иногда они не бываютъ дома по цѣлымъ мѣсяцамъ и устраиваютъ лѣтнія хижины у тѣхъ мѣстъ

роvanіямъ тунгузовъ, обыкновенные люди, послѣ смерти всѣ безъ различія попадаютъ прямо въ рай, шаманъ же, если онъ пользовался своею властью надъ злыми духами ко вреду ближняго, идетъ въ адъ. Умершимъ оказывается большое уваженіе; тѣло усопшаго кладутъ въ гробъ изъ выдолбленнаго древеснаго ствола. Надъ могилой ставится хорошенкій деревянный домикъ съ рѣзными украшеніями. Особенно изящно украшаются рѣзбой гробничныя хижины шамановъ. На небѣ тунгузъ также занимается охотою и рыболовствомъ, а потому неподалеку отъ гробницы вѣшаютъ сѣть, лукъ и стрѣлы, чтобы умершій могъ охотиться и на томъ свѣтѣ. Кроме того на гробничной домикъ кладутъ отъ времени до времени небольшія жертвы изъ рыбы, табаку и тому подобныхъ предметовъ.

Таково туземное населеніе, завоеванное нынѣ для цивилизаціи амурскихъ странъ. Но, какъ извѣстно, дыханіе цивилизаціи не совершенствуетъ, а уничтожаетъ эти первобытныя дикая племена, и можетъ быть черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ въ этихъ мѣстностяхъ сохранится отъ нихъ одно только воспоминаніе.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Ж. Мутье. Основаніе термодинамики. Пер. С. Степанова, и. 1 р. 25 к.

Цѣль предлагаемаго руководства, говоритъ авторъ, распространить въ элементарной формѣ основанія науки, имѣющей самое близкое отношеніе къ химіи, наукамъ биологическимъ и техникѣ.

И дѣйствительно подобное руководство оказалось бесполезнымъ даже во французской литературѣ, обладающей такими классическими сочиненіями, какъ Exposition analytique Hirt'a, Theorie mécanique de la chaleur Verdet, и пр. У насъ же, если не считать Термостатику г. Окатова, недоступную ни по цѣнѣ,

ни по изложенію для большинства интересующихся этимъ предметомъ, Основанія термодинамики являются первымъ руководствомъ по механической теоріи теплоты. Мы увѣрены, что наша учащаяся молодежь встрѣтитъ съ большимъ сочувствіемъ вновь появившуюся книгу, такъ какъ недостатокъ въ подобномъ руководствѣ давно давалъ себя чувствовать.

Переводъ книги вполне удовлетворителенъ, а печатокъ, на которыхъ такъ щедръ русскія изданія вообще, а математическія въ особенности весьма немногія.

М. Л.

СМЪСЬ.

Миссія іезуитовъ въ Китаѣ.

Душою іезуитскаго ордена и однимъ изъ его основателей, былъ апостолъ индѣйцевъ Францъ Ксаверій. Онъ младшій сынъ наварскаго дворянина, рыцаря Іоанна Исса, и родился въ 1506 году въ старомъ фамильномъ замкѣ Ксаверіо въ Пиринеяхъ. Францъ былъ очень способный и прилежный юноша и ревностно изучалъ богословіе въ Парижѣ. Тутъ онъ познакомился съ ограниченнымъ, но энергическимъ романтикомъ, бывшимъ испанскимъ рыцаремъ, Игнатіемъ Лойолой, котораго военно-дисциплинарныя идеи, положенныя въ основаніе устройства ордена. Прежде онъ, а потомъ Лайнецъ, освѣтилъ огнемъ своего пламеннаго воодушевленія и сдѣлалъ ихъ удобоисполнимыми для римско-католической церкви. Исполненный фанатическаго энтузіазма къ католической религіи, онъ въ 1540 г., немедленно по вступленіи своемъ въ іезуитскій орденъ, отправился, пренебрегая всеми ужасами и опасностями далекаго путешествія, въ Бразилію, Индію, Малагу и Японію съ цѣлью распространить истинны христіанскаго ученія. Въ 1550 г. проповѣдывалъ онъ христіанство на Моллукскихъ островахъ, которыя были открыты португальцами въ 1511 г. и, единственно изъ ревности къ истинной католической вѣрѣ, осчастливилъ бѣдныхъ язычниковъ огнемъ и мечемъ, цѣплями и оковами священной инквизиціи. Ксаверій въ 1551 году весьма успѣшно основывалъ повсюду, равно какъ и въ португальскихъ владѣніяхъ Гоа въ Ост-Индіи, торговые пункты и іезуитскія collegia, и достигъ наконецъ цѣли своихъ пламенныхъ желаній—Китаю, гдѣ онъ 2-го декабря 1552 года умеръ на островѣ Макао, въ виду могущественнаго Кантона.

Все то, что Римъ потерялъ изъ своихъ вѣрующихъ вслѣдствіе реформаціи въ Европѣ, Ксаверій желалъ приобрести путемъ религіозной миссіи въ Америкѣ и Азіи.

Замѣчательно, что вся чудесная сила этого праведника, котораго папа Бенедиктъ XIV причислилъ въ 1619 г. къ лику святыхъ, послѣ его смерти ушла въ его черную іезуитскую шапочку. Эта послѣдняя, которую практическіе іезуиты счѣтали обратитъ въ весьма популярное, цѣлебное орудіе, доставила ордену цѣлныя тонны золота. Баретъ Ксаверія между всеми чудесами католической церкви считается самымъ универсальнымъ средствомъ противъ женскихъ болѣзней. Въ Португаліи, куда шапочка была доставлена послѣ смерти святаго, какъ видно изъ провансальскихъ актовъ, многія королевы съ большимъ успѣхомъ пользовались ею; женщины всѣхъ сословій исцѣлялись отъ разныхъ недуговъ, какъ скоро имъ посчастливилось, при содѣйствіи іезуитскихъ патеровъ возложить на себя эту чудесную шапочку.

Послѣ смерти Франца Ксаверія товарищи его преспокойно остались въ Макао и въ своихъ письменныхъ донесеніяхъ генералу ордена Яго Лайнецъ, преемнику Лойолы, творили чудеса и знаменія: ежедневно совершался обрядъ крещенія надъ китайцами. Злые языки говорятъ, что святые отцы-іезуиты не особенно церемонились съ этимъ священнымъ обрядомъ. Какъ только какой-нибудь плѣшивый китаецъ проходилъ мимо ихъ оконъ, или какой-нибудь китайскій мальчуганъ беззаботно игралъ на улицѣ, они окропляли имъ голову и плечи и, произнося обычную формулу крещенія, совершали этотъ священный обрядъ такъ сказать *per distanciam*. Такой способъ крещенія весьма простъ и ничего не стоитъ.

Но эти крещенія, совершавшіяся столь быстро и массами, подчасъ надъ больными и мертвыми дѣтми обратили наконецъ на себя вниманіе іезуитскаго генерала Александра Валлигана. Послѣдній, для прочной организаціи дѣлъ христіанской миссіи и дѣйствительнаго обращенія Китайцевъ въ христіанство, въ 1582 году отправилъ въ Китай энергическаго іезуита, ловкаго неаполитанца Матвѣя Рикчи, образцовый экземпляръ іезуита. Этотъ человекъ не останавливался ни передъ какими трудностями, былъ терпѣливъ, хитеръ и остороженъ, словомъ—мастеръ на всѣ руки, и твердо шелъ по разъ начертанному имъ пути; при этомъ онъ имѣлъ обширныя научныя свѣдѣнія, преимущественно по математикѣ и астрономіи, любимымъ наукамъ

китайцевъ, былъ весьма искуснымъ живописцемъ, обладалъ богатыми техническими способностями и отличался, какъ часовщикъ и механикъ; особенно велико было его знаніе людей.

Съ этими задатками вступилъ онъ въ общество своихъ двухъ орденскихъ братьевъ (іезуиты посылаютъ въ свѣтъ своихъ питомцевъ по три, чтобы воспрепятствовать всякой солидарности между каждымъ двумя) на китайскую почву, только не въ качествѣ миссіонера, а простаго японца; орденскій костюмъ іезуитовъ былъ снятъ и замѣненъ языческимъ облаченіемъ буддистскихъ жрецовъ. Святые отцы добродушно объяснили, что прѣхали исключительно съ цѣлью изучить языкъ высокообразованныхъ китайцевъ и заимствовать у этого перваго и умнѣйшаго въ свѣтѣ народа нѣкоторыя научныя свѣдѣнія. Само собою разумѣется, что всѣ двери и сердца сдѣлались доступными этимъ любезнымъ иностранцамъ: хитрый Рикчи затронулъ слабую сторону китайскаго народа, отличительныя черты характера котораго составляютъ высокоуміе, тщеславіе и самоуваженіе.

Съ необыкновеннымъ прилежаніемъ и желѣзнымъ терпѣніемъ Матвѣй Рикчи семь лѣтъ разыгрывалъ роль японскаго бонзы. Послѣ многихъ усилій онъ наконецъ, первымъ изъ европейцевъ, основательно изучилъ китайскій языкъ—онъ говорилъ и писалъ на немъ. Первымъ дѣломъ его было изданіе на китайскомъ языкѣ краткаго катехизиса; за этимъ скоро послѣдовали многія правоучительныя сочиненія, въ составленіи которыхъ онъ достигъ такого совершенства и ловкости, что ему удивлялись даже китайскіе ученые и специалисты. Къ этому же времени (1589 г.) была имъ составлена для Китайцевъ вымышленная карта земнаго шара, на которой Китай, согласно народному повѣрью, какъ срединное царство, былъ представленъ въ исполнскихъ размѣрахъ и дѣйствительно лежалъ въ срединѣ, между тѣмъ какъ остальные государства, начерченные весьма мелкимъ масштабомъ, группировались вокругъ этого исполна.

Теперь наконецъ уже могъ Рикчи подвинуться на одинъ шагъ дальше. Онъ снялъ съ себя жрецескій костюмъ и облекся въ кастанъ китайскаго ученаго. Въ этомъ костюмѣ онъ былъ представленъ китайскому императору, преодолевши всѣ трудности, съ которыми былъ сопряженъ доступъ къ сѣну солнца. Со всеми тонкостями туземнаго церемониала приблизился онъ къ лучезарному лику «отблеска неба» и произнесъ передъ нимъ весьма изящную рѣчь на китайскомъ языкѣ и повергшись ницъ, преподнесъ ему пару часовъ. Императоръ былъ просто въ восторгѣ отъ этого благороднаго европейца, который умѣлъ такъ изящно выражаться по китайски, въ то время какъ до этихъ поръ полагали, что ни одинъ иностранецъ не совладаетъ съ трудностями китайской рѣчи; императоръ до того увлекся этимъ щедрымъ жертвователемъ часовъ, что тотчасъ разрѣшилъ замаскированному іезуиту пребываніе въ Пекинѣ и предложилъ ему высокій государственный постъ, который послѣдній почтительно принялъ. Вступивъ въ новую свою должность и едва только ознакомившись съ мѣстностью, Рикчи былъ пораженъ сходствомъ между буддистскими жрецами и католическими нищенствующими монахами, сходствомъ китайской религіи съ католической; онъ восхвалялъ первую и проповѣдывалъ послѣднюю. Цѣлыми тысячами стекались къ нему китайцы и даже мандарины, люди съ цвѣтными пуговицами и павлиньими перьями приходили принять отъ него святое крещеніе. Товарищи Рикчи, разыгрывавшіе въ этой драмѣ роль статистовъ, между тѣмъ ежедневно собирали подвинутыхъ ночью дѣтей, гдѣ было нужно принимали на себя роль воспріемниковъ и крестили ихъ, какъ нѣкогда это дѣлали спутники Ксаверія, не разбирая, имѣли они дѣло съ здоровымъ, больнымъ, полумертвымъ или мертвымъ ребенкомъ.

Списки новообращенныхъ китайцевъ возрастали такимъ образомъ все болѣе и болѣе и дошли наконецъ до громадной цифры. вмѣстѣ съ ними выросло число церквей; въ одной провинціи Кiang-си было тогда выстроено слишкомъ 90 католическихъ церквей.

Но громадные успѣхи Рикчи не вездѣ однакожъ встрѣчались благосклонно. Въ самомъ католическомъ духовенствѣ возбужда-

ли они серьезныя опасенія. Рикчи обладалъ весьма упругою иезуитскою совѣстью. Никакой евангелической или истинно католической миссіонеръ не относился бы къ дѣлу спасенія душъ съ такимъ легкомысліемъ, съ каковымъ относился къ нему Рикчи. Онъ, напримѣръ, оставлялъ прежнихъ языческихъ идоловъ и давалъ имъ имена католическихъ святыхъ, смыслъ и значеніе которыхъ были совершенно чужды китайцамъ. Китайцы, хотя и христіане, продолжали такимъ образомъ молиться своимъ прежнимъ идоламъ. Противъ такого легкомысленнаго образа дѣйствія, противъ такого иезуитскаго пренебреженія интересами церкви, подняли свой обличительный голосъ доминиканскіе и францисканскіе монахи, прибывшіе въ Китай тоже съ цѣлью обращенія язычниковъ въ христіанство. Сначала они пробовали дѣйствовать на него братскими увѣщаніями и просьбами, потомъ энергическимъ протестомъ и затѣмъ, когда все это осталось безъ всякаго успѣха, они рѣшились открыто жаловаться папѣ. Но такъ какъ Римъ весьма далекъ отъ Пекина и иезуиты, пользовавшіеся кромѣ того своимъ собственнымъ судомъ, считались тогда еще излюбленными сынами папы, съ которыми послѣдній не хотѣлъ ссориться также, какъ съ доминиканцами и францисканцами, то никакого отвѣта на эту жалобу не послѣдовало.

Еще удачнѣе чѣмъ, Рикчи, повелъ дѣло католической миссіи въ Китаѣ кельскій иезуитъ Адамъ Шилль, замѣнившій перваго въ 1628 г. Онъ превзошелъ своего предшественника прилежаніемъ, хитростью и знаніемъ людей и не меньше его былъ образованъ и краснорѣчивъ. Рикчи приготовилъ только почву и тщательно ее обработалъ, а Шилль, по его собственному выраженію, посягалъ на ней золото, серебро и драгоценныя камни.

Какъ химикъ и астрономъ, какъ изготовитель физическихъ инструментовъ, Шилль обратилъ на себя въ Китаѣ всеобщее вниманіе и, въ 1651 г., былъ онъ объявленъ воспитателемъ молодого императора Шумъ-ша и вскорѣ затѣмъ и предѣтелемъ математическаго трибунала въ Китаѣ. Подобно Рикчи онъ воспользовался своимъ высокимъ положеніемъ для распространенія христіанства въ высшихъ слояхъ китайскаго общества. Но его успѣхи не были продолжительны. Въ 1660 году скончался императоръ Шумъ-ша, а ревнивый его пріемникъ скоро лишилъ его этого высокаго положенія при дворѣ. Вскорѣ затѣмъ произошелъ въ Китаѣ кровавый государственный переворотъ, результатомъ котораго было водвореніе въ Китаѣ татарской династии. Шилль держалъ сторону побѣдоноснаго претендента на китайскій престолъ. Въ 1664 году Шилль, достойный ученикъ Лойолы, пронырствомъ и лестью, своимъ знаніемъ и умѣньемъ обдѣлывавъ дѣла, снискалъ себѣ расположеніе жестокаго похитителя престола, новаго татарскаго императора Лиц-

сунтшенъ, который совершенно открыто высказался за римскую церковь. Преемники Шилля, продолжая занимать высокое положеніе при китайскомъ дворѣ, усилили значеніе римской церкви, влияніе которой до 1720 года возрастало все болѣе и болѣе.

Но это именно постоянное усиленіе значенія римской церкви и пробудило дремавшую китайскую подозрительность. Императоры сильно прѣздумались надъ постоянными успѣхами католической религіи а не на шутку встревожились, когда иезуиты стали вмѣшиваться во внутреннія дѣла китайцевъ; святыя отцы, позабывши прежнюю осторожность, стали дѣйствовать смѣлѣе и болѣе открыто. Къ этому присоединились еще зависть, несогласія и раздоры между самими орденовыми братьями. Раздоры, открывшіе много темныхъ сторонъ въ домашнемъ строѣ иезуитовъ. Все взятое вмѣстѣ и было причиною рѣзкой перемены къ иезуитамъ китайцевъ. Адамъ Шилль, прежній любимецъ императора, пользовавшійся такою громадною популярностію и уваженіемъ при китайскомъ дворѣ, былъ объявленъ въ 1664 г. врагомъ отечества и томился въ одной изъ китайскихъ тюремъ, гдѣ онъ въ 1666 г. умеръ въ заточеніи, позабывъ свойими прежними друзьями.

Съ этого времени начинаются преслѣдованія католической религіи. Эти преслѣдованія совершались периодически, смотря по настроенію того или другаго императора и по болѣе или менѣе сильному содѣйствію со стороны отцевъ-иезуитовъ; въ началѣ онѣ были менѣе жестоки и выражались въ игнорированіи католической религіи, въ обвиненіи ее въ ереси, а впоследствии при императорѣ Зунгъ-тшингѣ обратились во всеобщее санкціонированное преслѣдованіе христіанъ и поголовное изгнаніе миссіонеровъ. Вѣчные раздоры и ссоры миссіонеровъ и христіанъ въ ихъ школахъ опротивѣли наконецъ сыну солнца и вотъ, подъ предлогомъ восстановленія мира было объявлено кровавое преслѣдованіе христіанъ, отъ котораго уцѣлѣли только нѣкоторые миссіонеры, которые имѣли счастье пользоваться особымъ расположеніемъ императора. Ближайшіе преемники Зунгъ-тшинга, обвиняя христіанъ въ революціонныхъ проискахъ, воздвигали противъ нихъ гоненія, которыя кончились въ 1773 году поголовнымъ изгнаніемъ иезуитовъ изъ Китая. Съ этого времени всякій христіанинъ въ предѣлахъ небесной имперіи подвергался казни чрезъ повѣшаніе.

Только со времени заключенія нанкинскаго мира отъ 29-го августа 1845 г., и изданія китайско-французскаго эдикта о вѣротерпимости, отъ 25-го августа 1845 г., ни одна христіанская религія въ предѣлахъ Китая болѣе не преслѣдуется. Этимъ договоромъ воспользовались англичане, французы, нѣмцы, американцы, датчане, которые распространили его и на евангелическую церковь.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Придворныя извѣстія.

— «Кронштадтскому Вѣстнику» телеграфируютъ изъ Копенгагена, что, 8-го сентября въ шесть часовъ утра, императорская паровая яхта „Держава“, съ ихъ высочествами великою княгиней Маріей Александровною, герцогиней Эдинбургской, и ея супругомъ, принцемъ Альфредомъ, герцогомъ Эдинбургскимъ, и ихъ августѣйшимъ сыномъ, благополучно достигла Драгъ, куда, въ 9 часовъ, прибыли для встрѣчи ихъ императорскія высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и великая княгиня Цесаревна. Ихъ императорскія высочества посѣтили «Державу», и затѣмъ въ 11-ть часовъ, августѣйшіе путешественники и ихъ высочества съѣхали на берегъ въ «Belle-Vue» Великая княгиня Марія Александровна и принцъ Альфредъ, герцогъ Эдинбургскій, во время пребыванія въ Копенгагенѣ, останутся жить на яхтѣ «Держава», которая стала на якорь на внутреннемъ копенгагенскомъ рейдѣ.

Дѣйствія правительства.

— Кавказскій комитетъ, рассмотрѣвъ внесенныя Государемъ Великимъ Княземъ Намѣстникомъ проекты: а) условій объ уступкѣ обществомъ восстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ участковъ изъ принадлежащаго ему Карагаскаго имѣнія во временное пользованіе и собственность частныхъ лицъ, и б) временныхъ правилъ о порядкѣ завѣдыванія Марійскимъ ирригаціоннымъ каналомъ въ томъ имѣніи и принадлежащими къ каналу сооружеціямъ, III пунктомъ журнала, Высочайше утвержденнаго 11-го февраля сего года, положили: предо-

ставить Его Императорскому Высочеству Намѣстнику Кавказскому утвердить, по собственному Своему усмотрѣнію и распоряженію, означенныя проекты.

— Утвержденные на семь основаній Великимъ Княземъ Намѣстникомъ проекты: а) условій, на основаніи коихъ общество отдастъ участки, принадлежащей ему земли, въ Карагаской степи въ частное пользованіе и собственность, и б) временныхъ правилъ о порядкѣ завѣдыванія Марійскимъ ирригаціоннымъ каналомъ и принадлежащими къ нему сооружеціямъ, и препровожденные къ Министру Юстиціи по порученію Его Императорскаго Высочества, Министръ Юстиціи предложилъ Правительствующему Сенату.

— Военный Совѣтъ, по представленію главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній объ измѣнившейся потребности въ приготовленіи переводчиковъ для службъ въ военныхъ округахъ западно-сибирскомъ, оренбургскомъ и туркестанскомъ положили: преподаваніе въ оренбургской-неплюевской и сибирской военныхъ гимназіяхъ татарскаго языка прекратить, сдѣлавъ въ этихъ заведеніяхъ обязательнымъ для всѣхъ вообще воспитанниковъ изученіе двухъ иностранныхъ языковъ: французскаго и нѣмецкаго, и отбѣивъ существующее примѣчаніе къ 638 ст. XV в. с. в. п. 1869 года.

Означенное положеніе Военнаго Совѣта Высочайше утверждено 16-го августа сего года.

Дѣла церкви.

— Архимандритъ сербскаго, въ Москвѣ, поворья, о. Савва проситъ довести до всеоб-

щаго свѣдѣнія, что пріемъ пожертвованій, въ пользу пострадавшихъ православныхъ христіанъ въ Герцеговинѣ, Босніи и Старой Сербіи, производится на сербскомъ подворьѣ, что на Солянкѣ, въ Москвѣ, куда и проситъ лицъ, желающихъ оказать вспоможеніе несчастнымъ, адресовать свои пожертвованія, которыя немедленно будутъ отправляемы на мѣсто, чрезъ митрополита сербскаго Михаила, состоящаго президентомъ международнаго комитета пособія герцеговинцамъ и боснякамъ.

Народное просвѣщеніе.

— «Николаевское общество пособія недостаточнымъ лицамъ, стремящимся къ образованію», считаетъ въ средѣ своей 160 членовъ. Не смотря на краткій срокъ своего существованія, оно уже выдало пособіе 26 лицамъ, изъ которыхъ 5 находятся въ реальномъ училищѣ, 2 въ классической гимназіи, 2 въ женской, 5 въ женской прогимназіи, по одному въ ремесленномъ училищѣ и горномъ институтѣ и 10 въ школахъ грамотности. Сверхъ того, общество входило въ сношенія съ ново-бугскою учительскою семинаріей и съ горнымъ институтомъ въ Петербургѣ о помѣщеніи туда своихъ стипендіатовъ. На стипендіи и единовременныя пособія всего израсходовано было въ 8 мѣсяцевъ 355 руб.; всего же; въ остаткѣ въ 28-му іюля 1875 года—1.290 руб. 88 коп. Средства свои, помимо членскихъ взносов, общество почерпаетъ, какъ видно изъ отчета, изъ устраиваемыхъ имъ дѣтскихъ баловъ и т. п. увеселеній. Прошенія о пособіяхъ поступаютъ въ значительномъ числѣ.

— Изъ Екатеринослава пишутъ, въ., Но-

ворос. Телегр., что покойный Я. Я. Савельев, известный мѣстный общественный дѣятель и ораторъ, принесшій много пользы какъ гласный думы, земскій гласный, занимавшій кромѣ того долгое время должность председателя уездной земской управы, поработоравшій на пользу мѣстной торговли и промышленности, оставилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ винокуренный заводъ, паровую мельницу, механическую мастерскую со всѣми принадлежностями и постройками уступаетъ городу съ тѣмъ, чтобы на средства, могущія поступить отъ этого дара, путемъ-ли продажи или пользования производствомъ было устроено реально-ремесленное училище по крайней мѣрѣ на 100 мальчиковъ. Покойный изъявилъ желаніе, чтобы училище это, буде оно откроется, именовалось «Савельевскимъ». Завѣщаніе это читалось недавно въ заведеніи екатеринславской думы.

Военное и морское дѣло.

— «Русскій Инвалидъ» сообщаетъ слѣдующія подробности о происходившемъ, въ среду, 10-го сентября, освященіи новаго знамени 2-го батальона лейбгвардіи егерскаго полка: «10-го сентября, въ 9½ часовъ утра, всѣ офицеры полка собрались въ манежъ на дворѣ 1-го батальона. По прибытіи, вслѣдъ затѣмъ, ихъ высочество: начальни на дивизіи и главнокомандующаго войсками гвардіи и петербургскаго военного округа, присутствовало было къ прибыткѣ знамени. Первые гвозди были прибиты ихъ высочествами; затѣмъ, всѣ офицеры, вслѣдъ за командиромъ полка, прибледи также по одному гвоздю; закончили прибывку фельдфебеля и по одному унтер-офицеру отъ ротъ втораго батальона. Когда знамя было готово, ихъ императорскія высочества вышли на дворъ перваго батальона, гдѣ къ этому времени уже построены были полкъ, побатальонно, въ двухъзводныхъ колоннахъ, второй батальонъ лицомъ къ манежу. Пожалованное знамя, вынесенное изъ манежа и поставленное передъ аналоемъ, было освящено во время богослуженія, послѣ котораго, подъ новымъ знаменемъ, всѣми чинами полка была принесена присяга. По окончаніи присяги, командиръ полка, свиты Его Величества генерал-майоръ Эллисъ 1-й, прочелъ передъ полкомъ высочайше пожалованную, 18-го августа, грамоту слѣдующаго содержанія:

«Нашему лейбгвардіи егерскому полку. «Въ награду знаменитыхъ подвиговъ, мужества и храбрости, оказанныхъ, въ отечественную войну 1812 года, противъ французскихъ войскъ лейбгвардіи егерскаго полкомъ, въ Бозѣ почившимъ императоромъ Александромъ I, 13-го апрѣля 1813 года, всемиловѣйше пожалованы всѣмъ тремъ

«За отличіе при осадѣ и взятіи Анапы и Варны 1828 года», во вниманіе къ отличію, оказанному въ означенныхъ дѣлахъ 13-мъ и 14-мъ егерскими полками, поступившими въ составъ лейбгвардіи егерскаго полка. Нынѣ часть означеннаго знамени, сохраненная однимъ изъ офицеровъ, бывшихъ въ гаджи-гассанларскомъ дѣлѣ, найдена, а потому, признавая справедливымъ возстановить прежнее знамя 2-го батальона лейбгвардіи егерскаго полка, мы, всемиловѣйше жалуя этому батальону новое георгиевское знамя съ прежней надписью: «За отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи 1812 года», взятымъ состоящимъ въ настоящее время георгиевскаго же знамени съ надписью: «За отличіе при осадѣ и взятіи Анапы и Варны 1828 года», повелѣваемъ: освятить жалуемое знамя по установленію, употреблять на службу намъ и отечеству, съ вѣрностію и усердіемъ российскому воинству свойственными».

— Старому знамени отдана была честь, и оно отнесено для храненія въ полковую церковь, а новое торжественно было принято полкомъ. — Изъ Кронштадта пишутъ что парусная яхта «Волна», принадлежащая его императорскому высочеству великому князю генерал-адмиралу, 6 сентября приткнулась къ камнямъ у входа въ Бюргель-Зундъ, наступившими-же затѣмъ свѣжими вѣтрами совершенно разбита. Въ среду, 10 сентября, командиръ и экипажъ яхты доставлены въ Кронштадтъ на пароходѣ фрегатѣ «Рюрикъ», ходившемъ къ мѣсту крушенія для поданія помощи. Яхта пробила себѣ дно, а затѣмъ переломилась и по борту. Яхта «Волна» построена изъ желѣза, въ Англии, въ 1848 году, за 55,000 руб. Команда яхты изъ гвардейскаго экипажа и состояла, по преимуществу, изъ молодыхъ матросовъ, обученіе которыхъ и составило назначеніе яхты во время послѣдняго плаванія.

СОДЕРЖАНІЕ. Лейбъ-Медаль Его Императорскаго Величества, Профессоръ Сергій Петровичъ Боткинъ (съ портретомъ). — Кто выигралъ?. (Изъ современной уголовной хроники). Романъ Ф. Фредриха—Шахъ королева (съ рисункомъ). — Послѣдняя рететичъ (изъ галереи малыхъ картинъ) (съ рисункомъ). — Кочующіе народы береговъ рѣки Амура (съ рисункомъ). — Библиографія. — Смѣсь. — Разныя извѣстія.

За Редактора
Издатель А. Ф. Марксъ.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

«Трудная работа».

- Чортъ побери! Вы что искали въ моемъ карманѣ?
- Извините-сь, ничего я тамъ не искалъ, а такъ какъ сегодня холодно-вато, ну, а въ моемъ карманѣ не имѣется, вотъ я и хотѣлъ погрѣть немножко руку въ вашемъ карманѣ, прежде нежели отправиться на работу.
- Прекраснымъ дѣломъ, должно быть, вы занимаетесь!..
- Работа у меня трудная-сь, доложу вамъ!

батальонамъ означеннаго полка георгиевскія знамена съ надписью: «За отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи 1812 года». Выслѣдствіи, въ 1828 году, послѣ дѣла 10-го сентября, при Гаджи-Гассанъ-Ларѣ, знамени 2-го батальона сего полка не оказалось, почему оно считалось погибшимъ, и въ Бозѣ почившимъ родителемъ нашимъ, императоромъ Николаемъ I, всемиловѣйше пожаловано означенному батальону новое георгиевское знамя съ надписью:

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТОРГОВЛИ

В. БЕССЕЛЯ и №.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, домъ № 58.

Поступило въ продажу для желающихъ изучитъ основательно игру на фортепьяно

ШКОЛА ЭТЮДОВЪ

составленная Н. ЛЮТШЕМЪ. Адюнктомъ С.П. Консерваторіи.

Одобренная совѣтомъ профессоровъ С.П. Консерваторіи какъ руководство для специальныхъ классовъ игры на фортепьяно. Собраніе этюдовъ разныхъ авторовъ, прогрессивно распределенныхъ въ 12 тетрадей (и одной подготовительной) составлено для употребленія преимущественно въ классахъ Консерваторіи; систематичности распределенія этюдовъ при незамѣтныхъ переходахъ отъ легкихъ къ болѣе труднымъ этюдамъ, это собраніе принято уже въ нѣкоторыхъ музыкальных школахъ и во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, для руководства въ фортепьянныхъ классахъ. Цѣна каждой тетради 1 р., 50 к. Подготовительныя преимущественно въ объемѣ 5 тонахъ. Ц. 1 р. 30 к.

ШКОЛА ГАММЪ

Л. Гомиліуса

Составленная по методу А. Рубинштейна. Цѣна 4 р. Тетрадь I. 1 р. 50 к. Тетр. 2-я 2 р. Тетрадь 3-я 1 р. 50 коп.

Также принимается подписка на газету

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЛИСТОКЪ.

Цѣна съ пересылкою и доставкою 3 р. 60 к.

ГГ. ПРИѢЗЖАЮЩИМЪ въ С.-Петербургъ, желающимъ жить дешево, тихо и спокойно, рекомендуются комнаты съ двумя швейцарами, прислугой и бѣльемъ отъ 60 к., до 2 р. въ сутки, по подъѣзду съ Горюховой, на углу Большой Морской, въ д. Штрауха, кв. № 26. 4-2

АБОНЕМЕНТЪ

на чтеніе въ музыкальномъ магазинѣ А. ВАСИЛЬЕВА.

По Михайловской улицѣ д. № 4 противъ Европейской гостиницы.

Отъ 1 руб. за мѣсяцъ и отъ 5 руб. за годъ Огромный выборъ классическихъ и салонныхъ сочиненій для пѣнія, фортепьяно, фисгармоніи и др. инструментовъ. Большой выборъ нотъ для трио, квартетовъ и т. д. Магазинъ пополненъ всѣми новостями, вышедшими въ послѣднее время здѣсь и заграничій.

Дешевыя ноты въ изданіяхъ Петерса, Литольфа, Юргенсона и другихъ.

Пересылка нотъ въ провинцію.

ДЕШЕВЫЯ ЦѢНЫ.

Здѣсь-же продаются:
Н. Брянскаго; Музыкальная азбука. Руководство къ изученію пѣнія, цѣна 50 коп. пересъ 1 фунт.
Срорникъ тръ хъ голосныхъ пьесъ для однороднаго хора 50 коп.

Учебное заведеніе 1-го разряда
съ полнымъ курсомъ Классической гимназіи
содержимое Э. РЕЙМАНОМЪ въ Москвѣ.

Помѣщается, на Гончарной ул., близъ Яузскаго моста въ д. Степановой.

Приемъ воспитанниковъ будетъ происходить отъ 15-го Іюля по 15-е Сентября. Классныя занятія начнутся 7 Августа. 10-9

ЖИВА

№ 40

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Выданъ 6 Октября 1875 г.

А. В. Кольцовъ.

Народныя пѣсни и пѣсни Кольцова.

У всякаго народа съ самаго ранняго времени, еще до его образования, когда у него не бывает даже письменности, возникает самобытная народная поэзія. Самородные, народные пѣвцы, непросвѣщенные наукою, руководясь только врожденнымъ поэтическимъ дарованіемъ, въ пѣсняхъ и сказаніяхъ, безискусственно слагаемыхъ, выражаютъ все то, что поражаело ихъ въ жизни, возбуждало мысли, чувства. Ни у одного народа нѣтъ такихъ пѣсенъ, о которыхъ можно было бы сказать, что онѣ составлены тѣмъ или другимъ поэтомъ древности. Между тѣмъ само собою разумѣется, что пѣсня началомъ своимъ одолжена бываетъ одному какому-нибудь лицу, сердце котораго жгѣе поняло поэтическую сто-

А. В. Кольцовъ. Рис. Плоти, грав. Пуць.

рону случившагося и невольно запѣло пѣснь. Сложная такимъ образомъ пѣсня легко сообщалась народу, приготовленному къ ней уже самымъ событіемъ, и переходила отъ поколѣнія къ поколѣнію, между тѣмъ имя составителя ея забывалось. Хотя мы имѣемъ нѣкоторые указанія на древнихъ поэтовъ, напр. въ «Словѣ о полку Игоревѣ» упоминается о Баянѣ, но съ именемъ ихъ не связано у насъ въ народной памяти ни одного произведенія старины. Словесность народная, при всей обыкновенной простотѣ и безискусственности, въ составѣ своемъ заключаетъ все то, что находится въ образованной словесности, только начала эти въ ней не развиты. Самородное эпическое начало обнаружилось

въ сказаніяхъ, былинахъ русскаго народа; драматическое въ хороводныхъ и обрядовыхъ пѣсняхъ. Одна изъ древнѣйшихъ народныхъ нашихъ хороводныхъ пѣсенъ, гдѣ обнаруживается драматическое начало, слѣдующая:

А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой Дидь-Ладо сѣяли, сѣяли, и проч:

Переходъ отъ хороводныхъ къ лирическимъ пѣснямъ составляютъ обрядовыя, которыя поются при святочныхъ играхъ, при обрядахъ свадебныхъ, на гуляньяхъ народныхъ, въ особые дни — въ Семихъ, Ивановъ день, Петровъ и пр. Собственно же къ лирическимъ относятся тѣ пѣсни, въ которыхъ выражаются чувства, возбужденныя или событиями общественнаго быта, или явленіями обыденной народной жизни. Первые (историческія) пѣсни по содержанию относятся ко времени до XVI в. Второго рода пѣсни выражаютъ чувства, возбужденныя явленіями семейнаго быта, онѣ чрезвычайно разнообразны, какъ разнообразны самыя предметы, которые могутъ въ разныхъ обстоятельствахъ волновать душу. Иногда отецъ разставаясь съ сыномъ отправляетъ его на службу царскую, иногда нѣжная дѣвица заливается слезами по возлюбленному другѣ, отправляющемуся въ дальній путь; иногда на широкой равнинѣ лежитъ раненый добрый молодецъ и т. п. Выраженія этихъ чувствованій отражаютъ въ себѣ грустную сторону жизни народной, но и радость, и веселье находятъ въ ней свое мѣсто. Характеръ большей части русскихъ народныхъ пѣсенъ заунывный, или отчаянно разгульный. Изложеніе предмета русскихъ пѣсенъ своеобразно и самобытно въ высшей степени. Правда, въ нихъ нельзя найти художественной отдѣлки, нѣтъ утонченной отчужденности въ картинахъ, даже въ самыхъ выраженіяхъ и словахъ, но за то въ нихъ господствуетъ неподдѣльное чувство, полнота ощущеній, простота и естественность, въ нихъ нѣтъ ничего отвлеченнаго и придуманнаго. Почти всякая пѣсня начинается изображеніемъ какой-нибудь черты природы и отъ нея переходитъ къ основной идее:

Ужь какъ палъ туманъ на синю море,
А злодѣй тоска въ ретиво сердце!

Человѣкъ въ горести хочетъ найти въ природѣ подобіе своему душевному состоянію и какъ бы утѣшается нашедши сходство. Такая форма выраженія совершенно согласна съ характеромъ простаго народа русскаго. Кто наблюдалъ часто русскаго человѣка, тотъ согласится, что онъ не вдругъ высказываетъ свои мысли и сначала говоритъ обиняками, загадками, желая узнать, какъ слушателью понравится та мысль, которую онъ хочетъ высказать. Притомъ, простой человѣкъ живетъ близко къ природѣ, сочувствуетъ ей, — этимъ и объясняется постоянное обращеніе его въ пѣсняхъ къ ея явленіямъ. Ему кажется, что и она отвѣчаетъ ему сочувствіемъ въ кудрявой березѣ, рябиношкѣ, ивушкѣ, Волгѣ-матушкѣ, Донѣ, синемъ морѣ, солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ, вѣтрахъ буйныхъ, птицахъ, звѣряхъ, въ мирномъ раздолѣй полей и пр. Кромѣ этой общей черты есть еще двѣ частныя: одна состоитъ въ сравненіи большею частью отрицательномъ:

«Не сходить туманъ съ синя моря,
«Ужь не выди кручины изъ сердца вонъ».
«Не звѣзда блестящая далеко въ чистомъ полѣ,
«Курится огонекъ малешенекъ».

Другая черта состоитъ въ повтореніи однихъ и тѣхъ же выраженій. Это повтореніе происходитъ не отъ недостатка словъ, а отъ нагнетаннаго желанія поэта остановить вниманіе слушателя на томъ или другомъ словѣ, отъ чрезвычайно тонкаго поэтическаго чутья, и сосавляетъ красоту пѣсни. При этомъ обыкновенно употребляются характеристическія эпитеты и сравненія, получающіе особенную прелесть и силу черезъ повтореніе ихъ въ извѣстномъ порядкѣ: рябина кудрявая, сердце ретивое, красная дѣвица, добрый молодецъ, чистое поле и пр. Подобныя характеристическія эпитеты употребляются въ нашей народной поэзіи неизмѣнно, подобно эпитетамъ Гомера, и располагаются вмѣстѣ съ существительнымъ и еще другимъ прилагательнымъ къ нему въ видѣ фигуры нарощенія, что даетъ стиху особенную выразительность, напр.

Не огонь горитъ, ретиво сердце,
Ретиво сердце молодецкое.

Только съ Ломоносова стали подражать пѣснямъ, но дѣли себѣ они не уяснили, а потому съ сентиментальностью явились пѣсни къ Хлоѣ, гдѣ были сентименты классицизма и народныя слова. Писали: Нелединскій-Мелецкій, — Выйду-ль я на рѣченьку, Дмитриевъ — Стонетъ сизый голубочекъ, Мерзляковъ — Среди долины, Дельвигъ — Ахъ, ты ночь моя!

Въ послѣдней половинѣ прошлаго вѣка съ голоса пѣвцовъ стали собирать пѣсни, и тогда же лучшіе изъ поэтовъ нашихъ старались подражать имъ и съ этого времени начинается художественное развитіе нашихъ народныхъ пѣсенъ. Блестательнаго развитія наша народная пѣсня достигла подъ перомъ незамѣнимаго и единственнаго въ своемъ родѣ — Кольцова. Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ родился въ Воронежѣ, въ 1809 г., октября 2-го. Отецъ его, воронежскій мѣщанинъ, былъ человѣкъ не богатый, но достаточный, промышленный стадами ба-

рановъ для доставки матеріала на салотопенные заводы. Одаренный самыми счастливыми способностями, молодой Кольцовъ не получилъ никакого образованія. Воспитаніе его было предоставлено природѣ, какъ это бываетъ у насъ и не въ одномъ сословіи крестьянъ и мѣщанъ. Онъ съ раннихъ лѣтъ видѣлъ вокругъ себя домашнія хлопоты, мелочную торговлю съ ея плутнями и продѣлками, слышалъ грубыя и не всегда пристойныя рѣчи даже отъ тѣхъ, изъ чьихъ устъ ему слѣдовало бы слышать одно хорошее. Всѣмъ извѣстно, какова вообще наша семейная жизнь, и какова она въ особенности въ среднемъ классѣ, гдѣ мужицкая грубость лишена добродушной простоты и соединена съ мѣщанскою спѣсью, ломаньемъ и кривляньемъ. По счастью для Кольцова, къ нему не приставала грязь, среди которой онъ родился. Съ дѣтства онъ жилъ въ своемъ особенномъ мірѣ, — ясное небо, лѣса, поля, степь, цвѣты, производили на него гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели грубая и удушливая атмосфера его домашней обстановки. На десятомъ году Кольцова отдали учить грамотѣ, сначала одному изъ воронежскихъ семипаристовъ, а потомъ въ воронежское училище, гдѣ, впрочемъ, онъ пробылъ не долго. Десяти лѣтъ онъ взялъ былъ изъ училища отцомъ своимъ для того, чтобы помогать ему въ торговлѣ. Отецъ бралъ его съ собою въ степи, гдѣ, въ продолженіе всего лѣта, бродилъ его скотъ. Кольцову полюбили широкое раздолѣе степи. Не будучи въ состояніи еще понять и оцѣнить торговой дѣятельности, кивѣвшей въ степи, — онъ тѣмъ лучше понималъ и оцѣнилъ степь, и полюбилъ ее страстно и восторженно, вотъ почему часто упоминается степь въ его стихотвореніяхъ. Когда Кольцовъ достигъ семнадцатилѣтняго возраста, тогда съ нимъ совершилось событіе, имѣвшее могущественное вліяніе на всю его жизнь. Кольцовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ страстныхъ организацій, которыя рано открываются для всѣхъ симпатій сердца, для любви и дружбы въ особенности. До сихъ поръ это были чувства и привязанности хотя жаркія, но дѣтскія: теперь настала пора чувствъ и привязанностей другаго рода. Въ семейство Кольцова вошла молодая дѣвушка, въ качествѣ служанки. Несмотря на низкое званіе, она получила отъ природы все, чѣмъ можно было потрясти въ основаніи такую сильную и поэтическую натуру, какова была натура Кольцова. И его чувство не осталось безъ отвѣта. Онъ не только любилъ, онъ уважалъ, свято чтилъ предметъ своей любви, въ которомъ нашелъ свой осуществленный идеалъ женщины, еще не мечтавъ объ идеалѣ и не ища его. Но эта связь, составлявшая жизнь и блаженство молодого поэта, не нравилась его семейству и даже безпокоила его. Извѣстное дѣло, что въ этомъ сословіи, первое задушевное желаніе отца состоитъ въ томъ, чтобы поскорѣ женить своего сына на дѣвицѣ съ приданымъ, соотвѣтственно состоянію жениха. Связь Кольцова была опасна для этихъ мѣщанскихъ плановъ; надо было разорвать ее во что бы то ни стало. Для этого воспользовались отсутствіемъ Кольцова въ степь, и когда онъ воротился домой, то уже не засталъ ее тамъ... Это несчастіе такъ жестоко поразило его, что онъ схватилъ сильную горячку. Эта любовь, и въ счастливую минуту и въ пору несчастія, сильно подействовала на развитіе поэтическаго таланта Кольцова. Онъ какъ будто вдругъ почувствовалъ себя уже не стихотворцемъ, одолаваемымъ охотою слагать разбѣренныя строчки съ рѣмами, безъ всякаго содержанія, но поэтомъ, стихъ котораго сдѣлался отзывомъ на призывы жизни, грудь котораго носила въ себѣ богатое содержаніе для поэтическихъ изліяній. Жизнь Алексѣя Васильевича лучше всего обрисована имъ самимъ въ пѣснѣ «Разсчесть съ жизнью», посвященной В. Г. Бѣлинскому. Вотъ эта пѣсня:

Моя юность цвѣла
Подъ туманомъ густымъ, —
И что ждало меня
Я не видѣлъ за нимъ.

Только тѣшилась * *
Злая вѣдма — судьба;
Только силу мою
Сокрушила борьба;

Только зимней порой
Меня холодъ знобилъ;
Только волосъ сѣдой
Мои кудри развилъ;

Да румянецъ лица
Печаль рано сожгла,
Да морщины на немъ
Ядомъ слезъ провела.

Жизнь! зачѣмъ же собой
Обольщаешь меня!
Еслибъ силу Богъ далъ,
Я разбилъ бы тебя!

Развитіемъ своего поэтическаго таланта Кольцовъ много обязанъ сближенію своему съ Серебрянскимъ. Не смотря на схоластическое образованіе, полученное Серебрянскимъ въ во-

воронежской семинарии, это был человек замѣчательный, съ любящимъ сердцемъ, воспримчивымъ умомъ и рѣдкими дарованиями. Онъ первый возбудилъ въ своемъ другѣ поэтическіе звуки. Кольцову было въ то время около 21 года. Но еще болѣе Серебрянскаго повліяно на поэтическое развитіе Кольцова его знакомство съ Н. В. Станкевичемъ, личностью, по свидѣтельству современниковъ, въ высшей степени симпатичною и обаятельною. Познакомившись съ Кольцовымъ въ Воронежѣ, Станкевичъ не терялъ его изъ вида, а въ бытность Алексѣя Васильевича въ Москвѣ и Петербургѣ, по дѣламъ отца, ввелъ поэта-самородка въ литературныя кружки столицъ. Въ 1835 г. вышло первое издание стихотвореній Кольцова; издержки по изданію принялъ на себя Станкевичъ. Стихи понравились публикѣ и даже заслужили полное одобреніе критиковъ; особенное вниманіе обратила на себя «Пѣсни пахаря»:

Ну! тащися, сивка,
Пашней, десятиной;
Выбѣлимъ желѣзо
О спрую землю.

Во время своихъ побывокъ въ столицахъ Кольцовъ познакомился съ Жуковскимъ, Гоголемъ, княземъ В. О. Одоевскимъ, княземъ П. А. Вяземскимъ и сошелся съ В. Г. Вѣлинскимъ. Знакомства эти съ одной стороны имѣли благотворное вліяніе на дальнѣйшее развитіе и образованіе поэта-прасола, но съ другой стороны окончательно разладили его съ окружавшей его дѣйствительностью. Проза и грязь жизни выступили рельефнѣе и тяжелымъ гнетомъ легли на впечатлительную душу поэта. Онъ не разъ писалъ друзьямъ-литераторамъ, что немногими свѣтлыми минутами въ своей жизни онъ обязанъ только имъ. Свое недовольство и злую грусть-печаль-тоску онъ изливалъ въ неподражаемыхъ пѣсняхъ и думахъ, которыя писалъ болѣею частью въ воронежской «чайной» Гордѣя Павлова. Къ страшной разладѣ съ окружавшей его средою присоединились еще плохія торговыя обстоятельства отца.хлопоты по дѣламъ, хожденіе по переднимъ секретарей и прокуроровъ, всяческія неприятности окончательно подкосили здоровье Кольцова, уже и прежде начавшаго чахнуть. 19-го октября 1842 года онъ умеръ въ Воронежѣ, 34 лѣтъ отъ роду, умеръ такъ же страдальчески,

какъ и жилъ. Онъ былъ даже лишенъ медицинской помощи, потому что у его домашнихъ не было средствъ платить врачу и за лекарство. Могила его съ скромнымъ чугуннымъ памятникомъ находится на воронежскомъ новомъ кладбищѣ.

Его считаютъ народнымъ поэтомъ, потому что онъ съумѣлъ въ своихъ пѣсняхъ ярко выставить многія черты русской народности. Любопытно видѣть, какъ въ народныхъ пѣсняхъ мы находимъ всѣ темы стиховъ Кольцова. Горемычная любовь дѣвушки, любовь-тоска молодца, удалство съ его презрѣніемъ къ долгу и самая горькая доля. Но всѣ эти темы во многомъ измѣнены и развиты своеобразно: успокоивающей идеалъ мирнаго сельскаго труда и семейнаго довольства радостно рисуется вамъ посреди зловѣщихъ образовъ молодецкаго разгула. Лиризмъ Кольцова кладетъ на все нѣжный покровъ утонченнаго чувства, тогда какъ въ народной лирикѣ вы чаще находите ту эпическую форму, которая, представляя фактъ, мало касается его внутренняго мотива. Кольцовъ родился для той поэзіи, которую онъ создалъ. Онъ былъ сыномъ народа, въ полномъ значеніи этого слова. Быть, среди котораго онъ воспитался и выросъ, былъ тотъ же крестьянскій бытъ, хотя нѣсколько и выше его. Кольцовъ выросъ среди степей и мужиковъ. Онъ не для фразы, не для краснаго словца, не воображеніемъ, не мечтою, а душой, сердцемъ, кровью любилъ русскую природу, и все хорошее и прекрасное. Не на словахъ, а на дѣлѣ сочувствовалъ онъ простому народу въ его горестяхъ, радостяхъ и наслажденіяхъ. Онъ зналъ его бытъ, его нужды, горе и радость, прозу и поэзію его жизни,—зналъ ихъ не по наслышкѣ, не изъ книгъ, не чрезъ изученіе, а потому, что самъ и по своей натурѣ, и по своему положенію, былъ вполне русскій человекъ. Отличіе пѣсенъ Кольцова отъ народныхъ состоитъ въ слѣдующемъ:

1. Въ полномъ художественномъ развитіи образа.
2. Въ изображеніи идеальной стороны чувства: поэтъ не довольствуется однимъ описаніемъ факта, но и представляетъ внутреннѣе его мотивы.
3. Въ изображеніи природы, независимомъ отъ ея чувственаго вліянія на человека. Такого свободнаго изображенія природы, какъ, напр., въ стихотв. Кольцова «Урожай», гдѣ картина природы осмыслена идеей сельскаго труда, мы не находимъ въ народныхъ пѣсняхъ.

Кто выигралъ?...

(Изъ современной уголовной хроники).

РОМАНЪ
Ф. Фридриха.
(Продолженіе).

Спать легъ онъ поздно, а когда проснулся утромъ, то уже не засталъ дядюшки: „маленькій фрейгерръ“ былъ уже на своихъ пашняхъ, куда онъ отправился, чтобы самолично присмотрѣть за рабочими. Скучно стало барону, и вотъ онъ ради развлеченія направилъ шаги въ дядюшкинъ садъ, въ которомъ тоже все было въ чрезвычайномъ порядкѣ, но, по правдѣ сказать, садъ вовсе не занималъ Зельдитца... Вообще природа никогда не могла увлечь его, воодушевить: онъ не задумался-бы промѣнять прелестнѣйшую мѣстность на хорошей ужинъ съ доброй бутылкой вина. Побродивъ по саду, баронъ приказалъ конюху осѣдлать лошадь. Наѣздникъ онъ былъ искусный, а потому, вскочивъ на сѣдло, галопомъ выѣхалъ со двора и быстро поскакалъ по дорогѣ къ помѣстью ф. Мальтена. Посѣтить Мальтена—онъ не имѣлъ намѣренія, но рассчитывалъ на встрѣчу съ нимъ гдѣ нибудь по близости, въ полѣ, напримѣръ, потому что ему хотѣлось заручиться прежде всего распоряженіемъ отца, а послѣ ужъ постараться завладѣть сердцемъ дочери.

Зельдитцъ сначала съ трудомъ сдерживалъ молодого коня, застоявшагося долго въ конюшнѣ, но потомъ опустил поводья, и горячій конь помчался впередъ. Живо доѣхалъ онъ до имѣнія Мальтена, сдержалъ лошадь, которая и пошла тихимъ шагомъ около высокаго кустарника, окаймлявшаго обширный садъ. Кустарникъ мѣшалъ барону заглянуть въ самый садъ; Зельдитцъ тщетно старался разглядѣть что нибудь чрезъ густую чащу... онъ думалъ — не увидитъ-ли тамъ Эми... И вдругъ — вмѣсто высокаго кустарника передъ нимъ — открытое мѣсто... садъ!.. Тутъ онъ увидѣлъ Мальтена,

который сидѣлъ съ женою и дочерью подъ тѣнистымъ деревомъ. Они завтракали. Поздно было поворачивать назадъ. Мальтенъ уже замѣтилъ его, вскочилъ съ своего мѣста и поспѣшилъ къ небольшому забору, отдѣлявшему садъ отъ дороги.

— Съ добрымъ утромъ, баронъ! воскликнулъ онъ весело, протягивая руку Зельдитцу. Вотъ кстати-то, какъ разъ къ завтраку!..

— Извините! Но я вовсе не хочу злоупотреблять вашимъ гостеприимствомъ, отвѣтилъ любезно Зельдитцъ. Дядя мой отправился на свои поля, а я вотъ вздумалъ покататься... Но конь этотъ, кажется, бывалъ здѣсь частенько, потому что онъ, помимо моей воли, самъ доставилъ меня сюда!..

— А-ну, въ такомъ случаѣ мнѣ слѣдуетъ поблагодарить коня, которому я обязанъ вашимъ посѣщеніемъ! смѣясь проговорилъ Мальтенъ. Пожадуйте-ка, пожадуйте! Я, сударь, по опыту знаю, что послѣ прогулки верхомъ всегда какъ-то особенно вкусно выпить ставанъ вина. Милости просимъ! Но вамъ придется сдѣлать маленькій кругъ, ибо ворота—подальше, а вы, конечно, не рѣшитесь-же перескочить черезъ заборъ...

— Почему-же? спросилъ баронъ съ улыбкой.

— Потому что заборъ довольно высокъ, ну, и я не думаю, чтобы конь вашего дяди былъ особенно хорошимъ скакуномъ!..

Зельдитцъ, вмѣсто отвѣта, быстро осадилъ лошадь на нѣсколько шаговъ, далъ ей шпоры и—ловко перемахнулъ черезъ заборъ.

— Ахъ, великолѣпно! Чудесно! воскликнулъ удивленный Мальтенъ. Ну, я не думалъ, что вы, баронъ, та-

кой отличный наездник! Я вот тоже люблю поехать верхом, и много џзжу, но такого прыжка мнѣ не сдѣлать—нѣтъ!...

Баронъ спрыгнулъ съ лошади и мѣлькомъ взглянулъ на Эмми, чтобы подмѣтить, какое впечатлѣніе произведетъ на нее этотъ смѣлый пассажъ — прыжокъ черезъ заборъ.

Подоспѣвшій лакей принялъ лошадь, а Мальтѣнъ, взявъ барона подъ руку, повелъ его къ своимъ дамамъ.

Молодая дѣвушка была въ легкомъ, бѣломъ утреннемъ платьѣ и казалась въ немъ еще свѣжѣе и прелестнѣе, чѣмъ вчера. Она крѣпко зарумянилась и, въ смущеніи, опустила глаза.

Зельдитцъ сталъ извиняться, увѣрять, что не имѣлъ намѣренія такимъ образомъ помѣшать имъ, но Мальтѣнъ не далъ ему говорить.

— Нѣтъ, нѣтъ, баронъ, лучше этого вы ничего и сдѣлать не могли! перебилъ онъ весело. Я только что позавтракалъ, но ради васъ—готовъ снова начать! Садитесь-ка! Тутъ такъ прохладно!.. Когда лѣтнее солнышко начинаетъ пригрѣвать—дочь моя требуетъ, чтобы мы здѣсь завтракали: это ея любимое мѣстечко.

— Вы, конечно, и не думали, что васъ и тутъ даже могутъ побеспокоить, обратился Зельдитцъ къ Эмми, и я, право, почти боюсь, что теперь вы не захотите и бывать здѣсь, отвернетесь отъ любимого мѣстечка?...

— О, нѣтъ... зачѣмъ-же? отвѣтила дѣвушка съ улыбкой:—мнѣ стоить только попросить папѣ—и кустарникъ будетъ посаженъ у этой части забора.

— А вотъ я и не исполню твоей просьбы! воскликнулъ развеселившійся папѣ и налилъ два стакана прохладнымъ рейнвейномъ, изъ которыхъ одинъ подалъ барону. Всѣмъ какъ-то стало весело. Когда Зельдитцъ хотѣлъ показать себя съ выгодной стороны, задумывалъ *плмнать* собою, то умѣлъ превосходно рассказывать, болтать, а теперь онъ изъ всѣхъ силъ старался достигнуть этой цѣли. Эмми отъ души смѣялась... Не нужно было особенной проницательности, чтобы видѣть, какъ ей нравилась болтовня барона.

Посидѣвъ до полудня, Зельдитцъ всталъ и началъ откланиваться. Мальтѣнъ протянулъ ему руку и сказалъ:

— Ну, погостите-ка у вашего дяди подольше, да навѣщайте насъ почаще! Конечно, мы не можемъ доставить вамъ тѣхъ удовольствій, которыя даетъ столица, но за то вы всегда будете для насъ желаннымъ гостемъ.

Баронъ уѣхалъ. Онъ остался чрезвычайно доволенъ успѣхомъ сдѣланнаго имъ визита. „Маленькій фрейгерръ“ уже поджидалъ племянника... Любопытно было ему знать, гдѣ тотъ такъ долго пропадалъ, но спрашивать старика не хотѣлось... Только глазки его какъ-то хитро, пылливо поглядывали...

— А ты довольно долго не являлся, замѣтилъ Маннштейнъ, глядя куда-то въ уголь.

— Да, дѣйствительно... замѣшкался, отвѣтилъ спокойно Зельдитцъ.

— Далеко џздили? „Рыжакъ“ совсѣмъ запотѣлъ...

— Нѣтъ, не далеко, но быстро ѣхалъ, потому что Мальтѣнъ слишкомъ долго задержалъ меня.

— Мальтѣнъ?!...

Старикъ немного удивился и приподнял голову.

— Гдѣ-жъ ты его встрѣтилъ? спросилъ онъ.

— Да тамъ... въ саду.

— Значить, ты у него былъ?

— Ну-дѣ.

— Чтѣ-жъ ты дѣлалъ тамъ?

— Ничего. Завтракалъ съ ними. Я случайно ѣхалъ около сада ихъ; Мальтѣнъ увидалъ меня, ну, и не отпустилъ... Отличный человекъ онъ!

Фрейгерръ не могъ утаить улыбки... Прищуривъ почти совсѣмъ хитрые свои глазки, онъ проговорилъ:

— Случайно?.. Не дочка-ли Мальтѣна увлекла тебя туда?...

— Нѣтъ... Да я вовсе и намѣренія не имѣлъ отправляться къ нимъ, такъ какъ вчера только мы были у нихъ...

— Ну, да если ты станешь џздить къ Мальтѣну каждый день, то приемъ съ его стороны будетъ самый дружескій... Онъ любитъ своихъ гостей и самъ охотникъ повеселиться.

Фрейгерръ ничего больше не сказалъ; повидимому, онъ убѣдился въ томъ, что племянникъ его интересуется дочерью Мальтѣна, а старикъ былъ слишкомъ уменъ и понималъ, что не слѣдуетъ разжигать влюбленнаго. Былъ и онъ молодъ и зналъ по опыту, что любовь—это такое растеніе, которое скорѣе всего развивается и пускаетъ глубоко корни тогда, когда полагаешь, что остается незамѣченнымъ... Но и кромѣ этого, старикъ Маннштейнъ зналъ своего племянника хорошо: Зельдитцъ, изъ за глупой гордости, часто поступалъ совершенно противно тому, чего отъ него хотѣли.

Прошло два дня. Фрейгерръ по возможности старался избѣгать племянника и большую часть времени проводилъ на своихъ поляхъ, оставляя такимъ образомъ Зельдитца одного. Онъ надѣялся, что Зельдитцъ со скуки опять отправится къ Мальтѣну.

Утромъ, на третій день, оба они сидѣли на верандѣ и пили кофе. „Маленькій фрейгерръ“ читалъ газеты, которыя только что были ему поданы. Какой-то фактъ, повидимому, особенно привлекъ его вниманіе: читая, онъ покачивалъ иногда головой, морщилъ лобъ и, наконецъ, сдвинувъ очки на брови (онъ употреблялъ ихъ только при чтеніи), обратился къ Зельдитцу:

— А слышалъ ты чтонибудь о пари въ М*, благодаря которому одна дѣвушка стала несчастной?

Баронъ въ это время тихо покачивался на стулѣ. При словахъ дяди онъ слегка вздрогнулъ, потому что думалъ совсѣмъ не о томъ, и спросилъ по возможности непринужденно-равнодушнымъ тономъ:

— О какомъ это пари?...

Старикъ подалъ ему газету.

Рука Зельдитца слегка дрогнула, когда онъ бралъ газетный листокъ... Ему нужно было собрать всѣ свои силы, чтобы прочесть статейку... Слова сливались... буквы прыгали въ строкахъ... Однако, онъ все прочелъ—рассказъ о собственномъ своемъ пари и узналъ, что Эльза тяжко больна. Но грудь его свободнѣе вздохнула... Въ газетной статейкѣ герой рассказа не былъ названъ по имени; было только сказано, что пари затѣялъ и выигралъ нѣкій господинъ, принадлежащій къ древней дворянской фамиліи.

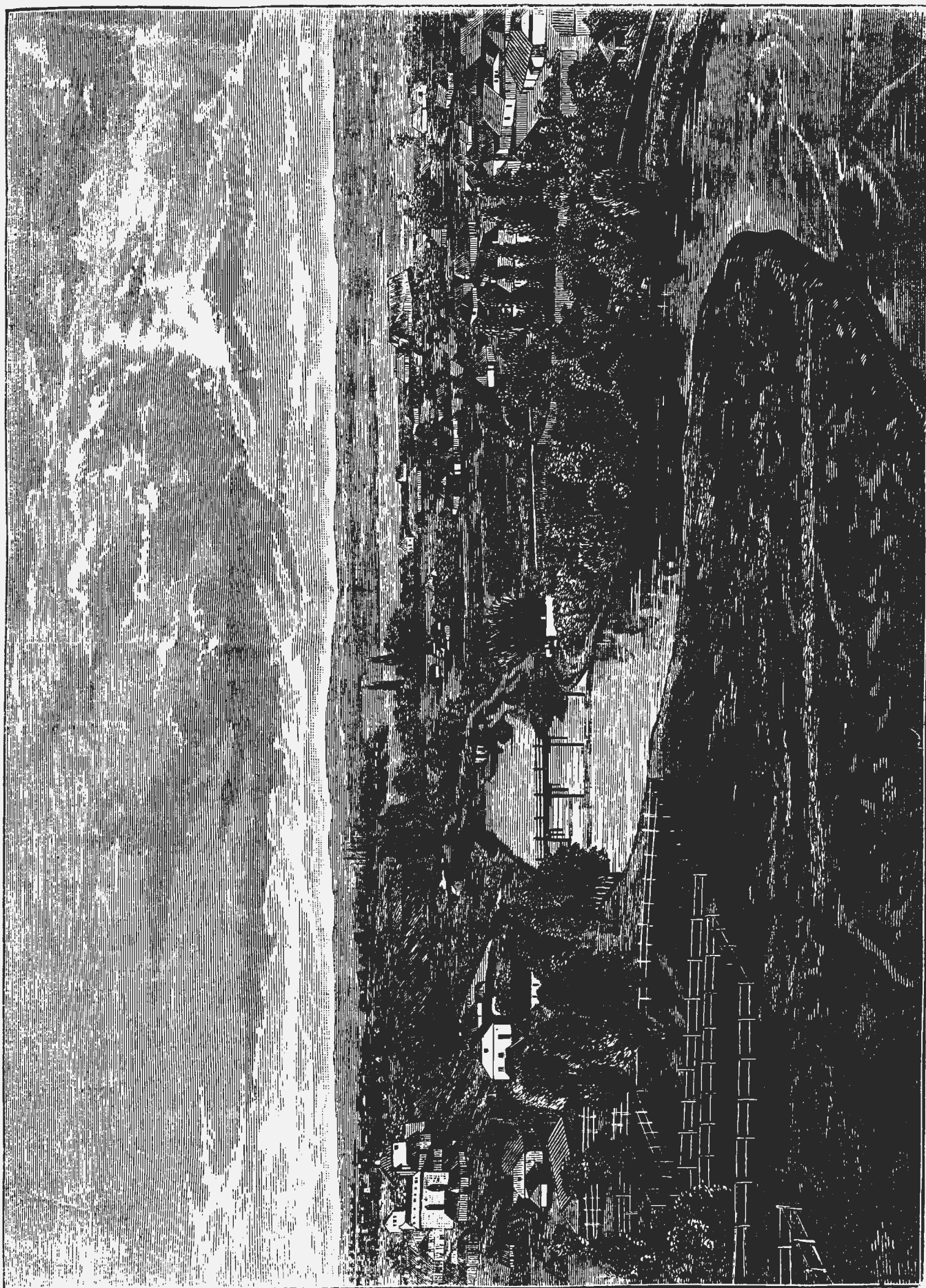
— Я ничего не знаю объ этой исторіи, проговорилъ баронъ, возвращая дядѣ газету и показывая видъ, что „исторія“ эта его вовсе не интересуется. Я даже сомнѣваюсь—правда-ли все это?.. Вѣдь извѣстно, какъ газеты стряпаютъ свои статейки: нѣтъ у нихъ, напримѣръ, интересныхъ новостей подъ рукою—вотъ онѣ и присочиняютъ чтонибудь этакое... пикантное, чтобы занять своихъ читателей, и ужъ не заботятся о томъ, имѣютъ-ли хоть какую-нибудь достовѣрность передаваемые ими извѣстія.

Фрейгерръ покалъ головой.

— Да-а, но въ этомъ именно случаѣ поступать такъ было-бы для газеты дѣломъ рискованнымъ, замѣтилъ онъ. Развѣ трудно было-бы уличить газету во лжи?... Наконецъ, если-бы пари, дуэли—словомъ всей этой исторіи—не было, то развѣ рѣшились-бы печатно называть самый городъ?... Статью эту прочтутъ и въ М*, а въ маленькомъ городѣ такой безчестный поступокъ не можетъ остаться тайной.

Зельдитцъ пожалъ плечами.

— И это можетъ быть... Но, мнѣ кажется, что ты слишкомъ рѣзко выразился. Судить строго объ этомъ пари нельзя—вѣдь это была только... шутка...

Гуссятинъ (Подольской губерніи, на Русской-Австрійской границѣ). Съ фотографии рѣзалъ Дыманъ.

Говоря такъ, онъ хотѣлъ выпытать у дяди, узнать, какъ думаетъ онъ объ этомъ, и надѣялся даже заставить старика взглянуть на все это дѣло менѣе серьезно, но въ послѣднѣе онъ совершенно ошибся.

Фрейгерръ выпрямился—глазки его сверкнули...

— Какъ... шутка?! Дѣло идетъ о репутаціи невинной дѣвушки, можетъ быть даже о жизни ея и—это—шутка?... крикливо произнесъ онъ.—Нѣтъ! Тотъ, кто овладѣлъ сердцемъ дѣвушки ради пари, и потомъ бросилъ ее—подлецъ!

Запальчивость старика почти испугала Зельдитца.

— Конечно... Но я не могу такъ строго объ этомъ судить, проговорилъ онъ, собравшись съ силами:—очень можетъ быть, что мысль о пари зародилась подъ шумокъ веселой бесѣды, подъ влияніемъ винныхъ паровъ...

— Хорошо, но это только *тогда* могло-бы служить извиненіемъ, если-бы отъ пари то лицо на другой-же день отказалось, объявивъ его недѣйствительнымъ, продолжалъ „маленькій фрейгерръ“, все еще волнуясь,—но вѣдь этого не сдѣлали, и пари было выиграно человекомъ, находящимся въ спокойномъ, трезвомъ состояніи!... Это такая подлость, что я, право, не зналъ-бы, какъ и наказывать виновника: мнѣ-бы все казалось—мало! Будь у меня дочь, да если-бы ее сдѣлали предметомъ пари—я-бы до тѣхъ поръ не успокоился, пока не застрѣлили-бы негодяя!... Это ничего, чтд я старъ—сѣдина моя не помѣшала-бы мнѣ такъ расправиться съ нимъ!...

Баронъ поблѣднѣлъ... Слова дяди прямо вѣдь отнесли къ нему! Но ему нельзя было обнаружить этого.. Чтобы дядя не увидѣлъ его лица, онъ всталъ и подошелъ къ периламъ веранды.

— Стбѣть намъ горячиться изъ за дѣла, которое и не касается насъ!... А не поѣдешь-ли ты, дядя, сегодня со мной къ Мальтану? спросилъ онъ.

Но старикъ не располагалъ такъ скоро прекратить начатый разговоръ.

— Слушай, Александръ, заговорилъ онъ очень серьезнымъ тономъ: если я горячусь, то это только потому, что твой взглядъ на подобныя вещи заставляетъ меня горячиться. Я надѣялся, что сынъ сестры моей открыто, прямо назоветъ безчестнымъ тд, чтб на самомъ дѣлѣ безчестно, а не станетъ защищать какойнибудь подлости... Я, какъ ты самъ знаешь, прощаль тебѣ многое, чтд находилъ просто безуміемъ молодости, но—знай: относительно одной вещи я очень строгъ, а именно, гдѣ дѣло прямо или косвенно касается чести.

— Но, дядя, развѣ ты думаешь, что я могъ-бы равнодушно отнестись даже къ ничтожному пятнышку на моей чести? Я-бы не потерпѣлъ этого! воскликнулъ Зельдитцъ.

— Этого я не думаю, потому что Зельдитцы никогда ничего подобнаго не дѣлали, да и въ семьѣ, къ которой принадлежитъ твоя мать, точно также строго относились къ чести.

Барону удалось, наконецъ, оправиться и принять свой обычно-спокойный видъ.

— Ну, касательно этого пункта я вѣдь тоже не расхожусь съ тобой, сказалъ онъ съ улыбкой и протянулъ дядѣ руку. Можетъ быть, я не совсѣмъ тогда точно выразился... Ну, да однимъ словомъ между нашими взглядами—полнѣйшее согласіе!...

„Маленькій фрейгерръ“ живо успокоился и въ свою очередь подалъ руку племяннику.

Зельдитцъ какъ-то ловко съумѣлъ повернуть разговоръ въ другую сторону и, заговоривъ о чемъ-то другомъ, намекнулъ между прочимъ дядѣ, что надѣется овладѣть сердцемъ Эмми. Играя какъ-бы въ разсѣянности газетнымъ листомъ, гдѣ помѣщена была статейка о дуэли въ М*, онъ все крѣпче и крѣпче свертывалъ его и, когда мимо веранды пробѣжала охотничья собака фрейгерра, шутя бросилъ сверткомъ въ нее, какъ-

бы метательнымъ копьемъ. Дѣло сдѣлано: дядя не увидитъ больше той статейки и вторично не прочтетъ ее.

Миръ снова водворился. Старикъ избѣгалъ разговора о непріятномъ предметѣ, а баронъ ублаживалъ себя мыслью, что дѣло такъ этимъ и кончилось. Конечно, племянникъ втихомолку злился на дядю, и злился именно за то, что тотъ слишкомъ строго осудилъ его пари, даже назвалъ его *безчестнымъ* поступкомъ... Сказать по правдѣ, Зельдитцъ никогда не любилъ старика, хотя фрейгерръ дѣлалъ ему чрезвычайно много добра: онъ давнымъ давно уже желалъ смерти дяди, и умри тотъ—ни одной слезинки не упало-бы изъ глазъ его на гробъ старика... Да оно и понятно: баронъ всегда имѣлъ въ виду только свои выгоды, чувство состраданія къ ближнему было ему совершенно не знакомо.

На другой день, утромъ, когда фрейгерръ былъ еще въ своей комнатѣ, слуга принесъ и положилъ ему на столъ, вмѣстѣ съ газетами, и нѣсколько писемъ. Старикъ, не торопясь, бралъ одно письмо за другимъ и, повертывая пакетъ, внимательно разсматривалъ адресъ и печать. Его просто забавляло угадывать содержаніе письма по внѣшнему его виду—особенно по почерку, и онъ, напрактиковавшись въ этомъ, дѣйствительно приобрѣлъ большой навыкъ въ такомъ угадываніи, сдѣлался прозорливымъ.

Одинъ изъ пакетовъ привлекъ особенное его вниманіе: почтовый штемпель указывалъ, что письмо было изъ М*, но почеркъ, которымъ былъ написанъ адресъ, былъ незнакомъ фрейгерру. Въ городѣ М* онъ не зналъ никого и вообще не имѣлъ никакихъ дѣлъ съ кѣмъ-либо изъ тамошнихъ обывателей. Чтд-же такое могло-бы заключаться въ этомъ пакетѣ?... Онъ не могъ дать на это удовлетворительнаго отвѣта, а потому, не долго думая, распечаталъ его и принялся за чтеніе довольно обширнаго посланія.

Пробѣжавъ нѣсколько строкъ, Манштейнъ вдругъ сильно поблѣднѣлъ, провелъ рукою по лбу, какъ-бы желая увѣриться, чтд онъ не спитъ, и—вскочилъ, не выпуская письма изъ руки, хотя рука дрожала... Взглядъ его обнаруживалъ сильное волненіе...

Но вотъ, онъ снова сѣлъ, чтобы дочитать письмо, но это, какъ видно, стдило ему не мало усилий, потому что рука тряслась—онъ едва удерживалъ исписанный листъ... Буквы скакали въ строчкахъ, въ глазахъ рябило, но фрейгерръ обладалъ крѣпкой волей: письмо прочитано было до конца.

Письмо было отъ профессора Вертера. Онъ подробно описывалъ всю исторію пари Зельдитца, со всѣми его послѣдствіями, и называлъ по имени всѣхъ, участвовавшихъ въ этой исторіи.

„Маленькій фрейгерръ“ опять вскочилъ. Онъ былъ въ сильной тревогѣ. Повѣрить письму—*невозможно*, но и сомнѣваться *нельзя* было: профессоръ подписался подъ письмомъ!... Физиономія старика совершенно измѣнилась:—обыкновенной, прежней рѣзко насмѣшливой, но добродушной улыбки и слѣда не было; теперь лицо его приняло ожесточенный видъ, озабоченный, сильно-взволнованный... Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, не зная, на чтд еще рѣшиться; трудно было ему остановиться на чемъ-нибудь, потому что такимъ раздраженнымъ, сердитымъ онъ никогда еще не бывалъ... Сынъ сестры, родной племянникъ его, котораго онъ сдѣлалъ своимъ наслѣдникомъ—поступилъ такъ... безсовѣстно!...

Наконецъ, повидимому, рѣшившись на что-то, онъ кликнулъ лакея.

— Ступай къ господину барону и скажи ему, что я прошу пожаловать его сюда, приказалъ фрейгерръ и прибавилъ: — „живѣй!“ потому что слуга, испугавшись выраженія лица барина, на секунду пріостановился.

Лакей побѣжалъ прытко... Никогда еще не видѣлъ онъ

„маленького фрейгерра“ въ такомъ раздраженномъ состояніи.

Манштейнъ, съ крѣпко-сжатыми губами, съ письмомъ въ судорожно стиснутомъ кулакѣ, какъ стоялъ посреди комнаты, такъ и остался стоять въ ожиданіи появленія племянника.

Племянникъ не замедлилъ явиться.

— Съ добрымъ утромъ, дядя! воскликнулъ Зельдитцъ неприужденно-веселымъ тономъ и—вдругъ остановился въ испугѣ, замѣтивъ странное выраженіе лица старика.

— Что случилось? спросилъ онъ.

— Прочти вотъ это, холодно проговорилъ Манштейнъ. Баронъ поблѣднѣлъ, пробѣжавъ глазами письмо Вергера... Этого онъ никакъ не ожидалъ! Теперь ему нужно было собрать все свое мужество и стойко держаться противъ дяди, строгость взглядовъ котораго была ему хорошо известна.

— Отвѣчай мнѣ, сказалъ фрейгерръ тѣмъ-же невозмутимо-покойнымъ, холоднымъ тономъ.

Зельдитцъ какъ-то медленно приподнялъ плечи.

— Къ сожалѣнію... это правда, отвѣтилъ онъ, но... я не ожидалъ, чтобы пари могло имѣть такія печальныя послѣдствія...

Глазки Манштейна засверкали, губы его судорожно передернуло; казалось—онъ выросъ въ эти минуты, такъ была величава и внушительна его маленькая фигурка.

— Такъ ты вѣрно *ожидалъ*, что дѣвушка смѣяться станетъ надъ этой шуткой?! крикнулъ онъ. — Не думалъ-ли ты, что у той, которую ты обманулъ, чести также мало, какъ у тебя?...

— Дядя!...

Баронъ вздрогнулъ отъ послѣднихъ словъ старика.

— Я не долженъ, дядя, даже отъ тебя выслушивать подобныхъ фразъ... Не забывай, что я—Зельдитцъ!

„Маленькій фрейгерръ“ въ упоръ посмотрѣлъ на него.

— А я—Манштейнъ, воскликнулъ онъ, поднявъ голову. Манштейны всегда дорожили своею честью и строго смотрѣли за тѣмъ, чтобы никто изъ ихъ фамиліи не поступалъ безчестно!...

— Нѣтъ, я не могу больше выносить подобныхъ выраженій!

— Не можешь выносить?...

Старикъ близко подошелъ къ барону.

— Да ты не думаешь-ли запугать меня? Ошибаешься!... Сначала я было порѣшилъ совершенно отказаться, отречься отъ тебя, но... передумалъ. Знаешь-ли ты, кто та дѣвушка, съ которой ты такъ безсовѣстно поступилъ? Чья она дочь?...

— Не знаю, съ отѣянкомъ упрямства отвѣтилъ Зельдитцъ.

— Она—дочь тайнаго совѣтника Штейна! Отецъ ея, честнѣйшій человекъ, былъ моимъ искреннимъ другомъ... И вотъ, съ его-то ребенкомъ поступилъ ты такимъ образомъ! Ты злодѣйски игралъ ея сердцемъ, какъ пустой игрушкой!.. Служай-же: не ради тебя, но ради обманутой дѣвушки, для восстановленія чести ея—я требую, чтобы ты женился на ней.

— Никогда не женюсь я на мѣщанкѣ, сказалъ баронъ.

— А!.. Такъ ты еще отказываешься? вспылилъ Манштейнъ. Да вѣдь ты... ты вполне зависишь отъ меня! Вѣдь ты пропадешь безъ меня!.. Ну, хорошо-же. Теперь я вотъ что тебѣ скажу: если ты не исполнишь моего требованія, не женишься на ней, то я не дамъ тебѣ больше ни одного талера, да и послѣ смерти моей ты ничего отъ меня не получишь: завѣщаніе, которое я сдѣлалъ въ твою пользу, будетъ уничтожено, я составлю другое—однимъ словомъ: лишу тебя наслѣдства!...

Зельдитцъ закусилъ нижнюю губу; лицо его было блѣдно, а глаза глядѣли какъ-то сосредоточенно-пытливо, и въ нихъ было что-то угрожающее... Труденъ былъ выборъ для него.

— Зельдитцъ никогда не женится на мѣщанкѣ! повторилъ онъ.

— А Манштейнъ даетъ честное слово въ томъ, что угрозу свою—исполнить! воскликнулъ фрейгерръ. Даю тебѣ три дня на размышленіе, обдумай все хорошенько и помни, что Манштейнъ никогда еще не нарушалъ даннаго имъ слова!

Старикъ повернулся къ нему спиной. Баронъ торопливо вышелъ изъ комнаты.

Зельдитцъ, обыкновенно всегда такой спокойный, рассудительный, чувствовалъ теперь, что въ головѣ его что-то смутно; одно только совершенно ясно сознавалъ онъ—это то, что дядя исполнить свою угрозу, если не будетъ сдѣлано по его волѣ... Но баронъ былъ настолько высокомеренъ, что при одной мысли жениться на мѣщанкѣ—духъ его возмущался, и онъ готовъ былъ всѣмъ существомъ своимъ протестовать противъ такой женитьбы.

— О, никогда!.. Ни за что! восклицалъ онъ. Пусть старикъ лишаетъ меня наслѣдства!.. Что-жъ, развѣ я буду зависѣть отъ дяди, если женюсь на дочери Мальтэна?... Однако, какъ-бы не улетѣла эта помолвка въ трубу, если Эмми узнаетъ о пари?...

Онъ провелъ рукою по лбу, какъ-бы желая смахнуть съ него что-то тяжелое, давящее... и затѣмъ выбѣжалъ изъ своей комнаты. Конюхъ, по приказанію его, осѣдлалъ ему лошадь. Спустя нѣсколько минутъ, Зельдитцъ уже мчался по дорогѣ въ столицу.

Фрейгерръ, стоя у окна, смотрѣлъ вслѣдъ племяннику. Густыя, сѣдые брови старика были мрачно сдвинуты... Онъ ничѣмъ не могъ ни оправдать, ни извинить поступка Зельдитца, потому что въ глазахъ его такое дѣяніе было, есть и будетъ всегда—безчестнымъ. Баронъ былъ послѣднимъ представителемъ фамиліи Зельдитцъ, и неужели такой древній родъ могъ такъ низко пасть въ лицѣ этого „послѣдняго“?.. Чѣмъ-же собственнорядно гордился онъ, на что опиралось высокомеріе его, если онъ могъ до такой степени пренебречь своею честью?...

Манштейнъ вспомнилъ тутъ и о несчастной дѣвушкѣ, которую свалила болѣзнь, а заболѣла-то она вслѣдствіе этого гнуснаго пари... Передъ умственнымъ окомъ фрейгерра всталъ образъ отца Эльзы, его бывшаго друга: глаза Штейна серьезно смотрѣли на него и такъ пристально, какъ будто просили о чемъ-то, какъ будто хотѣли сказать: „Заступись за мою дочь! Защити честь ея... Сынъ мой далеко... въ Италіи, а профессоръ уже старъ и слабъ... Ты одинъ можешь отмстить тому, кто спутилъ такую подлую шутку“...

— Да, и я сдѣлаю это! воскликнулъ Манштейнъ. Если-бы ктонибудь въ это мгновеніе заглянулъ въ глаза „маленькаго фрейгерра“, то сейчасъ-бы увидѣлъ, что старикъ дѣйствительно рѣшилъ, какъ ему поступать, а что рѣшено имъ разъ, то и будетъ исполнено неуклонно.

Онъ вышелъ изъ комнаты, надѣясь разсѣяться, развлечь себя обыденною своею дѣятельностью. Труды, занятія уже не разъ облегчали его въ тяжелыя, неприятныя минуты жизни, но нынче это средство какъ-то не помогало: нѣтъ-нѣтъ, да и вспомнить онъ о племянникѣ, о пари его... и опять сдѣлается ему досадно, и новыя раздражающія мысли взволнуютъ его...

Старикъ хотя и былъ увѣренъ—черезъ три дня баронъ объявитъ, что готовъ исполнить его требованіе—жениться на Эльзѣ Штейнъ—(да и какъ ему не согласиться на это, ему, вполне зависящему отъ дяди!), однако, при этомъ онъ не могъ не чувствовать, что между нимъ и племянникомъ все кончено... разрывъ полный... и что этого уже ничѣмъ нельзя поправить. Если-бы Зельдитцъ въ одинъ годъ надѣлалъ долговъ на 50000 талеровъ—фрейгерръ сворѣе простилъ-бы ему такой широкой кутѣжъ, но... простить, предать забвенію сдѣянное имъ въ М*—этого онъ не могъ!...

Возвратясь къ обѣду домой, Манштейнъ спросилъ лакея: вернулся-ли баронъ и у себя-ли онъ въ комнату?

— Господинъ баронъ поѣхалъ верхомъ по дорогѣ въ резиденцію и приказалъ мнѣ отправить туда все его вещи, отвѣтилъ слуга.

Фрейгерръ посмотрѣлъ на него удивленно, но сейчасъ-же спохватился...

— Ахъ, да, да! Я совѣмъ и забылъ объ этомъ, проговорилъ онъ равнодушнымъ тономъ, чтобы лакей не заподозрилъ чегонибудь, и отправился въ свою комнату.

Ужъ не совѣмъ-ли уѣхалъ племянникъ?... Не вздумалъ-ли выставить противъ требованія дяди свое упорное высокомеріе?... А не думаетъ-ли онъ, можетъ быть, что на угрозу нечего обращать серьезно вниманія?... Ну, тогда узнаетъ онъ, что и фрейгерръ тоже упрямъ, и уломать его нельзя ничѣмъ, коль скоро дѣло касается чести!...

Ни одна черточка въ лицѣ „маленькаго фрейгерра“ не обнаруживала того, что подисходило въ немъ; онъ былъ только нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго, да за обѣдомъ едва прикоснулся къ кушаньямъ...

Жизнь научила старика отказываться себѣ въ счастья, но за то научила стойко переносить несчастья. Когда Манштейнъ женился, пламеннымъ желаніемъ его было имѣть дѣтей, заботиться о нихъ, тщательно воспитать и затѣмъ оставить имъ состояніе свое, которое съ каж-

дымъ годомъ увеличивалось. Въ такомъ счастьи ему было отказано... Потомъ онъ лишился жены, которую любилъ горячо, искренно; послѣ этого удара онъ нѣкоторое время тяготился жизнью, но снова ободрился, ожилъ и сталъ искать развлечения, хозяйничая въ своемъ имѣніи.

Манштейнъ вообще никогда не обнаруживалъ своихъ чувствъ, и никто никогда не слышалъ, чтобы онъ жаловался на чтонибудь; онъ не любилъ, чтобы ему соболѣзновали, не терпѣлъ „сочувствованій“... И въ данномъ случаѣ онъ остался вѣренъ себѣ. Никто изъ его прислуги, никто изъ помощниковъ его по управленію имѣніемъ и не подозрѣвалъ, что было у него на сердцѣ: старикъ, какъ всегда, былъ серьезенъ, спокоенъ...

Пропшелъ этотъ день, а на другой — къ фрейгерру прискакалъ верхомъ неожиданный гость: уже смеркалось, когда во дворъ усадьбы Манштейна вѣхалъ ф. Мальтэнъ и, какъ видно, сильно чѣмъ-то взволнованный. Онъ соскочилъ съ лошади и бросилъ поводья подбѣжавшему конюху.

Фрейгерръ, завидя гостя, поспѣшилъ къ нему навстрѣчу.

— Мальтэнъ, что съ вами?...

Взволнованный видъ сосѣда сразу поразилъ его.

— Не здѣсь! Идемте туда... въ вашу комнату, проговорилъ Мальтэнъ и быстро пошелъ впередъ, такъ что Манштейнъ долженъ былъ догонять его.

(Продолженіе будетъ).

Гуссятинъ.

Кому случалось, возвращаясь изъ-за границы въ Россію, или отправляясь за границу, проѣзжать Подольскую губернію, тотъ, конечно, помнитъ и знаетъ м. Гуссятинъ. До проведенія рельсового пути черезъ Подолію до Волочиска (мѣстечка на австрійской границѣ) Гуссятинъ былъ единственнымъ пунктомъ отправления уѣзжающихъ въ чужіе края и складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, транспортируемыхъ оттуда. Теперь роль эту исполняетъ Волочискъ. Гуссятинъ ничѣмъ не отличается отъ прочихъ мѣстечекъ Подольской губерніи: въ немъ тѣ же домишки, такія же узкія улицы, та же грязь и такіе же нечистоплотные сыны и дщери Израиля, какъ и въ другихъ подобныхъ гнѣздахъ, но если смотрѣть издали, то мѣстечко это представляется болѣе веселымъ и привлекательнымъ. Возвышенность, на которой раскинулась лучшая часть его (заграничная), обиліе гнѣздыхъ деревьевъ, растущихъ въ садахъ и садикахъ, бѣленькіе домики, вода—все это вмѣстѣ имѣетъ довольно пріятный видъ. Небольшая рѣчка—Збручъ, раздѣляетъ Гуссятинъ на двѣ половины (что и видно на картинкѣ), изъ которыхъ лежащая на низменномъ, правомъ берегу принадлежитъ Россіи, какъ часть Каменецкаго уѣзда Подольской губ., на лѣвомъ же, высокомъ—Австріи. Деревянный мостъ на Збручѣ былъ когда-то мѣстомъ осмотра паспортовъ прибывающихъ изъ-за границы и уѣзжающихъ туда. Австрійскій Гуссятинъ покраснѣе русскаго: онъ цокается каменными зданіями, костеломъ довольно изящной архитектуры, разными магазинами и огромной синагогой съ голубыми окнами, служащей мѣстопребываніемъ весьма по-

чтеннаго, ученаго раввина, любимца всего еврейскаго населенія.—За мѣстечкомъ этимъ вѣтся змѣйкой по полю дорога, ведущая въ Львовъ. Что касается исторіи Гуссятина, то вотъ какія свѣдѣнія можемъ мы сообщить: Гуссятинъ или Гуссятинъ (такъ онъ именуется въ старыхъ фолиантахъ), принадлежавшій во время оно Червоноградскому уѣзду воеводства Подольскаго, до 1559 года былъ деревней, составлявшей собственность нѣкоего І. М. П. Затѣмъ деревня эта, по обмѣну, перешла во владѣніе Яна Сверча, который въ 1559 г. просилъ Сигизмунда-Августа наименовать Гуссятинъ *городомъ*, что и было ему разрѣшено. Такимъ образомъ, прежнее мѣстечко стало пользоваться Магдебургскимъ правомъ и, кромѣ того, получило ярмарочную привилегію (на новый годъ, въ Троицу, и въ день св. Матвея). Вислѣдствіи городокъ этотъ сдѣлался собственностью фамиліи Калниовскихъ, одинъ изъ членовъ которой—преславный Мартинъ, воевода Черниховскій—построилъ тутъ около 1640 года монастырь для бернардиновъ. Въ 1683 г. Янъ III поручилъ защитѣ «ойчизны» Андрею Потоцкому. Потоцкій выбилъ турокъ изъ Гуссятина и другихъ городовъ Подоліи, которые и были возвращены имъ «ойчизнѣ». Съ 1785 г. Гуссятинъ становится резиденціей фамиліи Потоцкихъ и украшается великолѣпнымъ замкомъ, костеломъ солидныхъ развѣровъ и Бернардинскимъ монастыремъ. Нынѣ Гуссятиномъ владѣетъ панъ Зельскій. Не ищите на картинкѣ ни замка, ни монастыря, ни «громднаго» костела: отъ нихъ и слѣда не осталось! Очень можетъ быть, что изъ развалинъ костела Потоцкихъ сооруженъ нынѣшній храмъ.

МИЛОСЕРДІЕ

(Картина В. Бугеро).

Вильямъ-Адольфъ Бугеро родился въ 1824 году. Родной его была знаменитая Ла-Рошель—городъ столько страдавшій отъ католической нетерпимости во времена гугенотовъ и кардинала Ришелье. Въ молодости Бугеро былъ ученикомъ извѣстнаго живописца Шко и скоро самъ достигъ высокой степеніи совершенства въ своемъ искусствѣ. Изъ произведеній его замѣчательны виды церквей, портреты, жанръ и проч., а также фрески въ помпейскомъ вкусѣ. Бугеро живетъ теперь постоянно въ Парижѣ и, не смотря на пожилые года свои, весьма ревностно

соперничаетъ съ собратьями по искусству, не отставая даже отъ молодыхъ художниковъ. Выставленный нами снимокъ съ картины его «La charité» находился на Парижской выставкѣ проплато 1874 г. Это произведеніе, нѣсколько аллегорическаго характера, изображаетъ челолюбіе, милосердіе подъ видомъ женщины, выкармливающей и своего ребенка и чью-то заброшенную сиротку. Строго классическій стиль рисунка вмѣстѣ съ богатствомъ колорита дѣлаетъ Бугеро любимцемъ современной французской публики.

Милосердіє. В. Бугеро, рисов. Мюнье.

СПИЧЕЧНИЦА

Изъ путевыхъ воспоминаній въ Австраліи.

Я нѣсколько времени жилъ съ Лилли Тротомъ въ «кустахъ», какъ мы называемъ въ Австраліи незастроенныя еще мѣста. Лилли Тротъ былъ моимъ путевымъ товарищемъ; я взялъ его съ собою, потомучто мнѣ надо было проникнуть во внутренность Викторіи, гдѣ путешествовать въ одиночку очень опасно; разумѣется, обитатели кустовъ не слишкомъ-то задумаются, вмѣсто одного, убить и двухъ заразъ, но все-таки ѣхать вдвоемъ благоразумнѣе. Кромѣ того мнѣ хотѣлось имѣть общество въ длинной дорогѣ; скучно ѣхать и ѣхать по безконечнымъ равнинамъ, по однообразнымъ лѣсамъ, когда не съ кѣмъ перекинуться словечкомъ.

Прежде всего надо сказать, что Лилли Тротъ былъ — по жизненно ссыльный изъ Англіи; онъ нѣсколько не скрывалъ этого, ему рѣшительно все равно, знаетъ кто объ этомъ или нѣтъ. Это, конечно, происходило отъ того, что весьма многие раздѣляли съ нимъ эту участь. Въ Австраліи жили и живутъ по сіе время тысячи колонистовъ, которые совершили даромъ путешествіе къ своимъ антиподамъ, и которые держатъ себя здѣсь съ такимъ спокойствіемъ и непринужденностью, какъ какой нибудь богатый туристъ на модныхъ водахъ.

Оба мы ѣхали на лошадяхъ, привязавъ къ сѣдламъ шерстяныя одѣяла, на случай ночлега въ кустахъ.

У меня въ карманѣ былъ револьверъ, а на рукѣ у Лилли Трота висѣло на шнуркѣ отвратительнаго вида орудіе защиты. Онъ открыто заявлялъ свое презрѣніе къ ружьямъ, пистолетамъ и всякимъ огнестрѣльнымъ орудіямъ, которые, по его мнѣнію, ничего не значили противъ его свинцовыхъ головокъ. Мнѣ раньше еще рассказывали, что въ его тѣлѣ сидятъ двѣ или три пули, и это нѣсколько его не беспокоитъ; отъ этого-то, вѣрно, и происходило его пренебреженіе къ огнестрѣльному оружію.

Мы медленно ѣхали по однообразной, скучной дорогѣ, по краямъ которой лишь кое гдѣ торчали жалкія деревца. Рысьи глаза Лилли Трота блуждали по всему направлению; то тутъ, то тамъ, показывалъ онъ мнѣ вдали, то углубленіе, то склонъ холма, гдѣ, по его мнѣнію, была бы работа золотоискателя, если бы онъ только хорошенько искалъ. Послѣднее излізше бы жажетъ и прибавлять, потомучто, само собою разумѣется, надо искать, чтобы что нибудь найти; однако здѣсь, еще не очень давно, было иначе. Золото лежало большею частью прямо на поверхности земли; кварцы въ теченіи тысячелѣтій выветрились, а зерна благороднаго металла остались неповрежденными; тамъ, гдѣ на холмахъ золотыя крупинки были смѣшаны съ землей, послѣднюю смыло дождями, и блестящія золотыя зерна лежали открыто въ ожиданіи счастливаца, который ихъ найдетъ.

«Сюда скоро опять придетъ компанія», сказалъ Лилли Тротъ, «можете быть я еще самъ вздумую придти сюда, и снова попытаю счастья; посмотрите вонъ туда, гдѣ холмъ образуетъ сѣдло, тамъ всего больше золота!» Онъ говорилъ это съ твердымъ убѣжденіемъ, но такъ какъ я во всей этой мѣстности не находилъ ровно никакихъ признаковъ золота, то я недовѣрчиво покачивалъ головой. Лилли Тротъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы защищать свое мнѣніе.

Дорога наша была самая пустая и скучная, какую только можно себѣ представить; передъ нами разстилась необозримая равнина, вся сожженная солнцемъ. Въ теченіи двухъ дней, мы только и встрѣтили что нѣсколькихъ дровосѣковъ. Опять наступилъ вечеръ; мы ѣхали низкими кустарникомъ, откуда при нашемъ приближеніи, вылетали рои мухъ и комаровъ, мучившихъ насъ невыносимо. Казалось, кромѣ этихъ жестокихъ насѣкомыхъ, мы были единственными живыми существами въ этой одинокой пустынѣ, потомучто уже нѣсколько времени до насъ не долетало ни единственнаго звука; передъ нами лежало мертвое царство. Вездѣ тишина, только и слышалось докучливое жужжаніе комаровъ, да трескъ сухихъ вѣтвей подъ копытами нашихъ лошадей.

Я постепенно впалъ въ состояніе какого-то нравственнаго оцѣпенія; передъ моими глазами медленно тянулся въ полумракѣ низкій кустарникъ, ровный, медленный шагъ моей усталой лошади приводилъ мое тѣло все въ одно и тоже однообразное движеніе. Вдругъ меня пробудилъ изъ моего забытій свистъ; до моего слуха доносились чудные звуки, такіе мягкіе и нѣжные, какихъ я никогда не слышалъ. Я собрался съ мыслями и посмотрѣлъ вверхъ, чтобы узнать откуда выходитъ эта чудесная музыка—это свистѣлъ Лилли Тротъ! Изъ его некрасивыхъ толстыхъ губъ лились чистѣйшіе звуки, и мелодія изъ Фигаро, Донъ Жуана, снова возбудили мои силы. Изъ превосходнѣйшей олейги невозможно бы было извлечь болѣе серебряныхъ нотъ! Воображеніе унесло меня въ Европу, въ ярко-освѣщенную концертную залу—дѣйствительность исчезла. Мой спутникъ давно уже пересталъ, а я все еще былъ погруженъ въ свои мечты, только хриплое карканье пролетѣвшей мимо стаи воронъ вернуло меня къ настоящему. «Чудесно, Тротъ», сказалъ я и прибавилъ послѣ нѣкотораго молчанія: «а что, не сдѣлали-ли намъ здѣсь привала?»

«Пожалуй», равнодушно кинулъ Тротъ, но его зоркіе глаза

искали въ темнотѣ подходящаго мѣста для ночлега. Мы слѣзали съ усталыхъ лошадей и набрали сухой травы и вѣтвей, чтобы развести костеръ и заварить чаю. Дѣло было скоро слагено; огонь запылалъ, и Тротъ принесъ воды изъ маленькаго скрытаго ручейка, котораго бы мнѣ не найти во всю жизнь. Пока закипала вода, мы разнуздали лошадей, и изъ сѣделъ и одѣялъ приготовили себѣ ночной бивуакъ. Все это дѣлалось не говоря ни слова; скоро мы лежали растянувшись у огня; мысли наши носились далеко, далеко. Мы напились чаю, закусили съ аппетитомъ проголодавшихся охотниковъ, и потомъ набили свои коротенькія трубочки, чтобы съ полнымъ наслажденіемъ влущать счастье отдыха. Даже и теперь, за первой трубкой, мы не обмѣнялись ни однимъ словомъ; но когда были наполнены вторыя трубки, мнѣ показалось, что теперь, кажется, будетъ впопадъ высказать одно давнишнее мое желаніе—именно попросить Лилли Трота рассказать что нибудь изъ его дикой жизни.

«Лилли», сказалъ я какъ можно равнодушнѣе, «вѣдь вы, должно быть, вели совсемъ особенную жизнь!»

«О да,» отвѣчалъ онъ, и спокойно затыкнулся изъ трубки. «Вижу я, куда вы мѣтите, хочется вамъ, небось, повыхать изъ меня кое-что. Пожалуй! Чего же вы только хотите? Я вѣдь имѣлъ дѣло со всякой сволочью, начиная отъ карманнаго ворюшки, до отчаяннѣйшаго преступника. Что-жъ бы мнѣ вамъ рассказать? Ба! вотъ исторія, которая вамъ понравится!»

Онъ комфортабельно растянулся на спинѣ, пустилъ въ воздухъ нѣсколько колецъ дыма и началъ:

«Въ самое первое время, какъ стали сюда прѣзжать искать золота, и люди до того обезумѣли отъ неожиданнаго счастья, что не знали на ногахъ они стоятъ или на головахъ, и всѣхъ бы ихъ можно было запереть въ сумасшедшій домъ, здѣсь бывали-таки исторіи. Другой пойдетъ искать золота, да и пропадетъ самъ на вѣчныя времена; поди ищи куда онъ дѣвался. Другой не было, семьи также, да и большинство имѣло основательныя причины не называться своимъ настоящимъ именемъ. Такъ и жили всѣ чужими среди чужихъ; никто не заботился другъ о другѣ, всякій зналъ только самъ себя и свое золото. Если начнутъ два человѣка вмѣстѣ рыть въ одномъ мѣстѣ, такъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ непремѣнно услышишь, что одного изъ нихъ видѣли въ рудникахъ въ Вендго или Валларатъ, другого охмыкливо никогда больше не видѣли. Вопросы вообще не дѣлали. Мнѣ какое дѣло, что такой-то бросилъ свою жену, обрилъ себѣ бороду, отстрилъ волосы, переимѣнилъ имя и потомъ опять женился три раза въ одинъ годъ? Я зналъ одного человѣка, такъ тотъ былъ женатъ пять разъ, и былъ всегда веселехонекъ; въ концѣ концовъ онъ убѣжалъ опять къ первой женѣ, убилъ ея втораго мужа и остался жить съ ней; объ остальныхъ четырехъ женахъ онъ никогда и не помышлялъ больше; онъ всѣ также повышли замужъ; которая два, которая три раза; съ однимъ изъ своихъ преемниковъ онъ былъ даже очень друженъ до самой своей блаженной кончины. Ну, признаться сказать—я самъ въ этомъ отношеніи не былъ ангеломъ.»

«Тогда, я вамъ скажу, было очень легко скрыться съ глазъ, безъ всякой опасности для себя. Этакому ловкому молодчику съ завитыми волосами и въ моднѣйшемъ фракѣ, стоило только ѣхать на золотые пріиски: черезъ восемь недѣль у него выросла борода, кожа дѣлалась мѣдно-красной, модный костюмъ обмѣнялся на шерстяную рубашку и панталоны изъ английской кожи; онъ долженъ былъ рыть на двадцать футовъ подъ землей, или стоять на верху на вѣтру, съ руками засученными до плечъ, и перемывать песокъ, такъ что потъ капалъ у него со лба, а солнце насковозъ пропекало его мускулы, — пусть бы узналъ его кто нибудь въ этомъ видѣ; собственная его жена, даже бы родная мать, и та бы не узнала. Это часто случалось; случалось и иначе; найдутъ его въ одно прекрасное утро въ рудникѣ съ раздробленнымъ черепомъ, оттащатъ въ сторону, выколютъ яму, пихнутъ его туда, яму опять засыплютъ землей, и никто ни на одну минуту не задумается, какъ и когда былъ улокошенъ этотъ человѣкъ, и кому могъ принадлежать лежавшій подлѣ него окровавленный заступъ.»

«Въ Европѣ при подобномъ происшествіи всѣхъ поднимаютъ на ноги, чтобы открытъ убійцу. Доктора и химики составили бы длиннѣйшіе акты, цитировали бы знаменитѣйшихъ ученыхъ, по поводу того, принадлежатъ ли найденные волосы человѣку или козѣ; всѣ газеты были-бы въ восторгѣ, что могутъ угостить своихъ читателей интересной судебной хроникой. Здѣсь другое дѣло. Смерть есть смерть, говоримъ мы, а того, кто сталъ бы слишкомъ много толковать объ этомъ, прозвали-бы старой бабой.»

«Мнѣ теперь какъ разъ пришло на память время», продолжалъ Лилли Тротъ, просунувъ руки между колѣнями, «какъ я въ первый разъ пошелъ рыть золото. Насъ было трое, Санди Джимъ, Билли Адльсъ и я. Ужасъ что было за мѣсто, гдѣ мы основали свой лагерь. Табаку и чаю не достать было на вѣсь золота, чтобы добыть себѣ что нибудь, мы должны были ѣхать на ближайшую станцію, гдѣ только разродились овцы. Мы связали пастуха и его старую жену, закололи сколько намъ нуж-

но было овецъ, забрали сколько нашли муки, сахару и чаю, отыскали даже спрятанный табакъ, навьючили все это на трехъ или четырехъ хорошихъ лошадей, которыхъ нашли въ конюшнѣ, не забывъ, само собою разумеется, захватить по дорогѣ сѣделъ и уздечекъ, и ужъ собрались было весело во своен. Билли Альфъ, жестокая скотина, хотѣлъ убить старуху. Санди Джимъ и я поглядились пустить ему пулю въ лобъ, если онъ это сдѣлаетъ. Онъ побоялся насъ; такого отчаяннаго мерзавца, какъ Билли Альфъ, никогда еще и не бывало на бѣломъ свѣтѣ!

«Я ужъ переступилъ за порогъ, вдругъ слышу, старуха зоветъ меня. Оба мои товарищи ушли впередъ; я вернулся. Старуха лежитъ на землѣ и не можетъ пошевелиться; веревки такъ были затянуты, что и у мужчинъ бы зашлись все члены, не то что у шестидесятилѣтней старухи. «Ты негодай!» закричала она мнѣ, «но все-таки лучше тѣхъ двухъ разбойниковъ, въ тебѣ еще есть искра страха Божія! *Есть у тебя мать?*»

«Какъ спросила она меня это?», продолжалъ какъ бы про себя Лилли Тротъ, задумчиво глядя въ огонь, «меня точно всего перерезало, словно пулей прошибло меня въ самое сердце. Горло у меня сжалось, проклятіе не сошло съ языка, молча обрѣзалъ я ея веревки, и, какъ негодный трусъ, выбѣжалъ изъ дому. Санди Джимъ и Альфъ, когда я догналъ ихъ, говорили, что я былъ бѣлѣе мѣла.

«Отъѣхавъ на нѣсколько верстъ, мы сошли съ лошадей и устроили банкетъ изъ набранной провизіи. Мы уже почти кончили наше угощеніе, какъ изъ за лѣсу выѣхалъ прямо на насъ всадникъ. Мы въ ту же минуту были на ногахъ, а въ слѣдующую минуту молодецъ лежалъ на землѣ и просилъ милости. Само собою разумеется, мы приняли съ нимъ такія мѣры ради собственной безопасности; по этой же причинѣ, мы должны были обескятить его, чтобы отнять у него оружіе. Въ его карманахъ нашлись хорошенькій маленькій револьверъ, англійскій ножъ и маленькій кожаный мѣшочекъ, наполненный желтыми, какъ намъ показалося, мѣдными кусочками.

«На кой это чертъ?» воскликнулъ Санди Джимъ, «на что тебѣ эту мѣду, дружище?»

«Мѣду?» отвѣчалъ дурачина, «если это мѣду, такъ самъ ты мѣду! Это золото! да, да, это золото-съ!»

«Дуракъ или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ это былъ сумасшедшій человѣкъ—такому страшному триумвирату, какъ мы, говорить о золотѣ. Если-бы не я, молодчику не жить бы больше и пяти минутъ на бѣломъ свѣтѣ, потомучто Билли Альфъ тотчасъ же схватилъ его за горло и хотѣлъ задушить. Настоящій дьяволъ, этотъ Билли! Лучшій его другъ не былъ въ безопасности отъ него; онъ способенъ былъ задушить когонибудь изъ за спины, и сейчасъ же преспокойно продолжать курить свою трубку.

«Мнѣ стоило большаго труда освободить бѣднягу изъ Биллиныхъ когтей, наконецъ мнѣ это удалось, но лицо его ужъ совсемъ посинѣло. Я не хвастаю, чтобы я былъ ангеломъ, но какъ я могъ дать на своихъ глазахъ задушить этого человѣка? Онъ намъ не сдѣлалъ никакого зла, не могъ намъ ни въ чемъ повредить, напротивъ, я надѣялся узнать отъ него мѣсто, гдѣ онъ нашелъ золото; мы много слышали объ исканіи золота, но сами никогда не нападали на слѣдъ. И такъ, мы обѣщали ничего съ нимъ не дѣлать, если онъ дастъ намъ нужныя указанія. Онъ рассказалъ, что нашелъ золото въ Вендиге, что тамъ роютъ больше ста человѣкъ и все находятъ столько золота, сколько имъ нужно, и что еще и на нашу долю тамъ хватить.

«Натурально, извѣстие это очень взволновало насъ. Мы немедленно-же пустились въ путь, взявъ нашего новаго товарища съ собой. Съ начала онъ артачился, но съ нами были плохія шутки; онъ на себѣ испыталъ, много-ли для насъ значитъ задушить человѣка; и такъ, онъ покорился необходимости и указалъ намъ дорогу. Мы дали немного крюку, чтобы въ ближайшемъ мѣстечкѣ купить необходимыя орудія, и намъ повезло: вышло добыть двѣ лопаты и одну пещню.

«Мы скоро пріѣхали въ Вендиге и живо принялись за работу. Въ Гольденъ-Голли, самое богатѣйшее мѣсто, намъ ужъ не удалось попасть—а жаль, тамъ золотоискатели добывали среднимъ числомъ по двадцати унцѣвъ въ день. Мы рыли на три фута въ глубину, и находили то чего искали; наше мѣсто мы прозвали мертвой Собачьей Ямой, потомучто первое что мы тамъ нашли, были двѣ дохлыя собаки. Потомъ мы рыли въ Ослинной ямѣ, и нашли тамъ кусокъ золота въ семьдесятъ унцѣвъ вѣсу.

Вообще дѣла наши шли на славу; куда бы мы не пошли, вездѣ находили золото; къ тому же тамъ еще не было много народа, такъ что намъ не приходилось биться на жизнь и на смерть изъ за своихъ участковъ. Намъ зачастую случалось изъ чана песку вымывать по ста двадцати унцѣвъ золота; мы все могли бы сдѣлаться богачами, если-бы только хотѣли этого. Но мы, какъ и все прочіе, только и знали что пить да биться объ закладъ. Золото давалось намъ такъ легко, мы такъ мало давали ему цѣны, что сойдясь въ шиняѣ, не задумывались платить за два или за три стакана грога большими щепотками золота. Въ лавкахъ мы брали что намъ вздумается, и платили сколько съ насъ спросятъ. Особенно любили мы щеголять франтовскими непромокаемыми сапогами, и платили за нихъ такіе сумасшедшіе деньги, что, если сказать вамъ, вы просто не повѣрите.

Что бы ни попалося намъ на глаза—мы все покупали, при раскладѣ изъ кармана вынималась деревянная шкатулочка съ зернышками золота, и купецъ бралъ оттуда сколько ему заблагоразсудится. Разумеется, каждый изъ нихъ дѣлалъ при этомъ такой видъ, будто честнѣе его нѣтъ человѣка на свѣтѣ. Онъ бралъ самую малость, въ десятеро больше кралъ потихоньку, пока мы болтали, и потомъ отдавалъ шкатулочку назадъ, говоря: «со мной вамъ нечего бояться обмана, но съ другими я совѣтовалъ-бы вамъ быть осторожнѣе и самимъ взвѣшивать золотыя крупинки!»

Мы смѣялись, называли его въ глаза мошенникомъ, и выходили изъ лавки; намъ и горюшка не было, опорожнилъ-ли онъ все наши шкатулочки или оставилъ тамъ еще чтонибудь. Если тамъ оставалась какаянибудь бездѣлица, то въ слѣдующемъ кабакѣ это промѣнивалось на водку. Никто не доставалъ столько золота, какъ одни братья Кремеры, тѣ что ткнуть лопатой, то и выгребутъ цѣлую кучу.

Каждый вечеръ все мы сходились въ одномъ жалчайшемъ кабацѣ, который назывался «Питейный домъ открытыя двери». Само собою разумеется, трезвымъ не выходилъ оттуда ни одинъ человѣкъ. Дракъ тамъ не бывало, только ножами пырились такъ, что иной послѣ такого угощенія и не проспался на слѣдующее утро.

Главнымъ занятіемъ была игра; щепотки золота, унцы золота, даже куски золота, величиною съ орѣхъ, ставились на карту; въ часъ проигрывались и выигрывались тысячи унцѣвъ золота. Былъ тамъ между игроками одинъ большаго чудака, его такъ и называли: «Вдвойнѣ или Квитъ», потомучто онъ всегда, когда проигрывалъ, кричалъ: «вдвойнѣ или квитъ». Этотъ возгласъ онъ повторялъ цѣлый вечеръ, пока не проигрывалъ всего своего золота до послѣдняго зернышка. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ золотоискателей: куда-бы онъ не сунулъ свой заступъ, вездѣ такъ и заблеститъ золото, точно хочеть сказать: бери меня, сдѣлай милость. Цѣлый день онъ работалъ, какъ лошадь; какъ наберется у него унцѣвъ пятьдесятъ или шестедесятъ, такъ онъ скорѣе и бѣжитъ проиграть ихъ въ «Открытыхъ дверяхъ». Разъ онъ былъ порядкомъ выпивши, что, впрочемъ, случалось съ нимъ очень рѣдко, и въ пьяномъ видѣ поцѣловалъ молодую скотницу. Та такъ съвздила его по физиономіи, что онъ чуть не свалился съ ногъ. Это ему понравилось, онъ закричалъ: вдвойнѣ или квитъ, и еще разъ обнялъ ее такъ, что у нея затрещали бока. Забавнымъ образомъ кончилъ свою жизнь бѣдняга. Завязалась у него разъ вечеромъ адская ругань съ другимъ золотоискателемъ. Рѣшили утромъ драться. Сказано, сдѣлано. «Вдвойнѣ или квитъ» побѣдилъ и повалилъ своего противника, но этимъ онъ не удовольствовался и закричалъ: вдвойнѣ или квитъ! Противникъ принялъ вызовъ; на другой день они сильно дрались. «Вдвойнѣ или квиту» достался сильный толчекъ. Вдвойнѣ! закричалъ онъ, и опять бросился впередъ. Квитъ! закричалъ другой — и повалилъ его. Уложили его въ постель, а черезъ недѣлю онъ отдалъ душу Богу. Во время болѣзни онъ бредилъ, страшно шумѣлъ и постоянно какъ будто игралъ въ карты. Передъ самой смертью онъ вскопчилъ, пристально осмотрѣлся кругомъ и проговорилъ такимъ мягкимъ голосомъ, какого я никогда у него не слышалъ: «Мама! если-бы ты не измѣнила мнѣ, я-бы не былъ здѣсь! Проклятіе мое легло не на тебя, а на меня! И все-таки я люблю, люблю, люблю тебя!» Послѣ этого онъ упалъ на подушку, но всего на одну минуту, потомъ опять вскопчилъ, изо рта у него полилась кровь, онъ, дико озираясь, закричалъ: «Каналья смерть! Вдвойнѣ или квитъ!» Затѣмъ высоко поднялъ руки, и, какъ дерево, повалился навзничь; такъ онъ и умеръ.

Разъ вечеромъ мы сидѣли, какъ обыкновенно, въ «Открытыхъ дверяхъ», и одинъ изъ нашихъ рассказывалъ преудивительныя исторіи про одного туземца, который на двадцатимильномъ странствіи находилъ огромные куски золота и такъ просто, поверъ земли, и будто-бы онъ показывалъ по направленію рѣки Муррей и говорилъ: «Бѣлыя лица найдутъ тамъ много желтыхъ камней!» Весь вечеръ не было другаго разговора, какъ объ этомъ; все думали, какое-бы это было мѣсто. Когда мы шли домой, Санди Джимъ и Билли Альфъ были ужасно взволнованы и упрашивали меня идти вмѣстѣ съ ними къ Муррею. Я не хотѣлъ. Мнѣ ужъ надоѣло искать золото, и я хотѣлъ ухватить въ Мельборнѣ. Прежде и они также собирались туда, но теперь и слышать не хотѣли объ этомъ. Билли Альфъ не хотѣлъ ни одного дня больше оставаться въ Вендиге. Санди Джимъ присоединился къ нему; я же остался при своемъ, и такъ, въ эту же ночь мы разстались.

На слѣдующее утро я уѣхалъ въ Мельборнъ. Золото я зашилъ въ кожаный поясъ, который надѣлъ на себя; мой зашитникъ висѣлъ у меня на рукѣ. Альфъ и Джимъ ночью же пустились въ новое Эльдорадо, чтобы поспѣть туда прежде, чѣмъ другіе нападутъ на такую же мысль.

Я очень былъ радъ отдѣлаться отъ Билли Альфа; это былъ негодяй первой руки, коварный, низкій. Но расставаться съ Санди Джимомъ мнѣ было тяжело; мы столько опасностей дѣлили другъ съ другомъ, и онъ всегда былъ со мной друженъ и помогалъ мнѣ въ бѣдѣ. Разъ мы оба вмѣстѣ чуть не умерли съ голода, а такія вещи очень сближаютъ людей. Разумеется, мы много не распространялись на прощаньи;

я подарилъ ему мою маленькую металлическую спичечницу, къ которой я очень привыкъ, потомучто она у меня была десять лѣтъ, и которую я ни за что бы не отдалъ никому другому; онъ далъ мнѣ свой ножъ съ настоящимъ англійскимъ лезвиемъ. Затѣмъ мы простились другъ съ другомъ такъ, какъ будто утромъ увидимся по всегдашнему, и разошлись. Больше я ужъ его никогда не видѣлъ.

Желалъ бы я знать, есть-ли на всемъ бѣломъ свѣтѣ еще дру-

были или сумасшедшіе или пьяные. Я, разумеется, не отставалъ отъ другихъ; вѣдь у меня, слава Богу, денегъ было столько, сколько я могъ на себѣ таскать. Нечего и говорить, что я остановился въ лучшемъ отелѣ, за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ пилъ шампанское по десяти рублей серебромъ за бутылку. Для разнообразія я спрашивалъ иногда хересъ и рейнвейнъ.

Разъ я сижу за своей бутылкой, какъ вдругъ ко мнѣ подходитъ одинъ знакомый, съ которымъ мы долго рыли вѣстѣ и

У бесѣдки. Рис. и грав. Пене.

гой такой городъ, какимъ былъ Мэльборнъ въ первые два три года послѣ открытія въ этихъ краяхъ золота. Наврядъ-ли; мнѣ кажется ничего подобнаго не можетъ нигдѣ быть. Сюда стеклись народы со всего міра: испанцы, французы, греки, русскіе, малайцы, индѣйцы—однимъ словомъ всѣ, кромѣ китайцевъ.

Такого пьянства, такого соренья деньгами, какъ было тамъ въ то время, свѣтъ еще не видѣлъ да никогда и не увидитъ больше. Тамъ не было ни одного благоразумнаго человѣка; всѣ

треплетъ меня по плечу. «Здорово, Тротъ!» сказалъ онъ. «Здорово братъ», отвѣчалъ я. Ну, конечно, я велѣлъ подать шампанскаго,—мы пили его изъ пивныхъ кружекъ. Онъ также прѣхалъ для своего удовольствія въ Мэльборнъ. Мы болтали и пили, и неизвѣстно сколько-бы еще мы осушили бутылочекъ, если-бы вдругъ позади насъ, съ улицы не раздался голосъ—такъ, на три четверти мужской и на одну четверть женскій: «Ну, Томъ скоро-ли? Ты вѣрно опять намѣренъ засѣсть тутъ?»

(Окончаніе будетъ).

Цетинье, главный городъ въ Черногоріи. Рис. Кирхнеръ, грав. Паръ.

У
БЕСЪДКИ.

— „Тише, сердце... Не стучи-же!

Стукну я сейчас кольцомъ...

А, и ты со мною, Розка!

Вижу, манешь ты хвостомъ?

* * *

Тамъ онъ — да?.. Ты видишь: шляпу,

Книжку тутъ онъ положилъ...

Что-жь я медлю? Часъ свиданья,

Часъ желанный наступилъ!

* * *

Ждетъ онъ, ждетъ! Но почему-же

Оробѣла я... дрожу?..

Вотъ онъ каплянулъ... Ахъ, Розка,
Смѣй залаять — накажу!

* * *

Погоди еще немножко,
Дай умѣрить сердца пылъ...

Нѣтъ, пора! Давно свиданья
Часъ желанный наступилъ.

* * *

Но войти мѣшаетъ сердце —
Все стучить... Горитъ лицо“...

Надобло, видно, Розкѣ —

Гамъ! — и звякнуло кольцо!

В.

ЦЕТИНЬЕ, ГЛАВНЫЙ ГОРОДЪ ЧЕРНОГОРИИ.

Замкнутая въ своихъ горахъ, не совсемъ безопасная для путешественниковъ, Черногорія облекалась до сихъ поръ въ какую-то романтическую таинственность, и только въ новѣйшее всеразоблачающее время мы начали знакомиться съ нею нѣсколько ближе.

Число путешественниковъ, желающихъ собственными своими глазами видѣть этотъ спрятавшійся въ горы уголокъ славянскаго міра, не рискуя жизнью, съ каждымъ годомъ, хотя и въ скромныхъ размѣрахъ, возрастаетъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ и число тѣхъ, которые собственнымъ опытомъ убѣждаются, что во всѣхъ поэтическихъ описаніяхъ Черногоріи, весьма немногое соответствуетъ дѣйствительности.

Главный городъ Черногоріи, Цетинье, по сіе время не болѣе какъ очень скромная деревушка со 130 хижинами и домиками. Если считать на каждый изъ нихъ даже по 5 человѣкъ, то получится цифра населенія, далеко еще не доходящая до тысячи.

Дома крыты частью соломой, частью черепицей, а случается и жезью, но крайне плохо. Дѣйствительную защиту противъ дождя можно найти только въ избушкахъ крытыхъ соломой. Большинство строеній въ Цетиньи состоитъ изъ низенькихъ избушекъ. Всѣ онѣ выстроены изъ камня, сырого известняка, повсюду находямаго въ окрестности, но такъ же мало годнаго для строительнаго матерьяла, какъ негоденъ тамашній песокъ для цемента. Всѣ дома безъ исключенія, настоящіе питомники для ревматизма; по стѣнамъ свѣтлыми ручейками струится вода, сквозь крышу проникаетъ въ комнату дождь и растаявшій снѣгъ. Обои, правда, могутъ нѣсколько замаскировать сырость, но не могутъ препятствовать ей. Причина такой губительной для здоровья сырости въ домахъ заключается отчасти въ дурномъ качестве строительнаго матерьяла и негодности цемента, а отчасти также въ свойствахъ самой песчаной почвы, уже на небольшой глубинѣ скрывающей въ себѣ воду, которая въ силу капиллярнаго дѣйствія подымается вверхъ и проникаетъ въ стѣны.

Жизля помѣщенія тѣсны, безъ малѣйшаго комфорта и грязны до послѣдней степени. Исключая нѣсколькихъ домовъ, принадлежащихъ высшимъ сановникамъ княжества, почти во всѣхъ остальныхъ люди и животныя жмутся въ одной темной, наполненной дымомъ комнатѣ. Стѣны не оштукатурены, въ нижнемъ этажѣ на полу нѣтъ никакой настилки. Грязная лѣстница ведетъ во второй этажъ. Отхожими мѣстами служатъ просто вырытыя въ землѣ ямы, содержимое которыхъ, смотря по накопленію его, болѣе или менѣе скоро просачивается до той глубины, откуда жители Цетиньи достаютъ, благодаря колодцамъ, уже испорченную воду. Въ жилищахъ бѣднѣйшей части населенія, боковыя стѣны состоятъ просто на просто изъ ничѣмъ не покрытаго плетня, черезъ который, правда, лучше выходитъ дымъ, но за то зимой легче проникаетъ ледяной вѣтеръ.

Мостовой въ Цетиньи не существуетъ; только отъ одного домика къ другому, на томъ мѣстѣ гдѣ бываетъ обыкновенно тротуаръ, набросано кое-какъ нѣсколько камней.

Площадями столица Черногоріи не особенно богата; ихъ всего одна — Главная площадь находится между старымъ и новымъ дворцами и главной улицей, образуя не совсемъ правильный четырехугольникъ, ничѣмъ не замкнутый съ юговосточной стороны. Съ этой стороны стоитъ одно только тѣнистое дерево, подъ которымъ, въ теплое время года, князь черногорскій творитъ судъ и рѣшаетъ государственныя дѣла; — на сѣверовосточной сторонѣ находится колодезь и еще одно дерево, а затѣмъ по этой площади хоть шаромъ покати: мелкіе камешки и песокъ покрываютъ ея пространство, кое гдѣ пробивается жалкая трава, и все вмѣстѣ вѣрно изображаетъ собой картину степи въ маленькомъ масштабѣ.

Съ сѣверо-восточной стороны площадь выходитъ къ проведенной въ новѣйшее время главной улицѣ. Послѣдняя довольно широ-

ка и перерѣзываетъ Цетинью отъ сѣвера къ югу; отъ нея идутъ подѣ прямыми углами немногія боковыя улицы, а именно по четыре съ каждой стороны. Самыя длинныя изъ нихъ состоятъ изъ восьми низенькихъ хижинокъ, другія изъ четырехъ, двухъ, а есть и такія, гдѣ не насчитается больше одного на половину уединнаго въ землю домика.

Улицы не имѣютъ названій, дома не нумерованы, мостовая считается излишней роскошью.

Освѣщеніе города лежитъ на обязанности десяти или двѣнадцати петролейныхъ лампъ, и то, само собою разумѣется, только въ безлунныя ночи.

Изъ обществѣнныхъ зданій, заведеній и институтовъ назовемъ: 1. Достопадный древній монастырь, мѣстопробываніе духовнаго главы Черногоріи, Владыки. 2. Старый княжескій дворецъ, называемый Бильярдомъ (Bigliardo), бывшая резиденція перваго свѣтскаго правителя Данилы, а также теперешняго князя, до переселенія его въ новый замокъ. 3. Новый дворецъ, резиденція царствующаго нынѣ князя Николая I Петровича Пѣгоша. 4. Такъ-называемый «русскій женскій институтъ», образовательное заведеніе для дѣвушекъ 5. Такъ-называемыя казармы, гдѣ живутъ воспитанники проектированнаго корпуса военныхъ музыкантовъ. 6. Почтовое и телеграфное вѣдомства. 7. Госпиталь, находящійся за городомъ. 8. Государственная тюрьма. 9. Пороховой магазинъ и артиллерійская лабораторія, также за городомъ.

Памятники Цетиньи и ея ближайшихъ окрестностей, это памятники глубокой древности, тѣ таинственные холмы, что сдѣлались въ новѣйшее время излюбленнымъ предметомъ антропологическихъ изслѣдованій. На одномъ изъ этихъ холмовъ, нынѣшній князь, въ память геройскихъ подвиговъ отряда черногорцевъ вдали отъ отечества, воздвигнулъ памятникъ, могущій менѣе всего имѣть претензію на красоту. Можно назвать также своего рода памятникомъ Турецкую башню или башню череповъ, поднимавшуюся на скалѣ надъ самымъ монастыремъ, и служившую въ прежнія времена складочнымъ мѣстомъ для всѣхъ отрубленныхъ турецкихъ головъ. Теперь она служитъ колокольной и въ ней виситъ подаренный Россіей большой колоколъ, доставка котораго изъ Катарро сюда стоила громаднѣйшей траты времени, денегъ и силъ.

Церквей въ столицѣ Черногоріи, несмотря на ея несомнѣнное благочестіе, кромѣ монастырской, всего еще одна; отъ другой, находившейся рядомъ съ этой, между обоими дворцами, остались одни развалины. Еще въ давнія времена она была разрушена турками.

Кромѣ вышеупомянутаго института для дѣвпцъ, въ Цетиньи есть еще школа для мальчиковъ, помѣщаемаяся въ монастырскомъ зданіи; учителемъ въ ней состоитъ архидіаконъ. Должностю инспектора исполняетъ бывший дамагскій учитель. Очень хорошо ведется частное учебное заведеніе для дѣвочекъ, основанное по инициативѣ одной дамагки.

Правительствующій Сенатъ, или, какъ любятъ его здѣсь называть «черногорское министерство», недавно еще помѣщался въ жалкой грязной пристройкѣ стараго дворца, но теперь переведенъ въ болѣе соответствующее помѣщеніе въ самомъ «Бильярдѣ».

Что касается мѣстоположенія Цетиньи, то трудно найти что либо характеристичнѣе его, хотя можетъ быть не много найдется натуръ, на которыя способно произвести пріятное впечатлѣніе это пустынное, прилѣпленное къ скалѣ гнѣздо. Всякая жизнь, всякая радость кажется бѣжали отсюда. Ни людей, ни шума экипажей, ни весело-скачущаго всадника, ни заманчивыхъ криковъ торговцевъ, ни веселаго смѣха, ни пѣсенъ, ни шумныхъ, рѣзвящихся дѣтей, — ничего, что обыкновенно бросается въ глаза вездѣ, гдѣ живутъ люди. Мертвая тишина царитъ надъ городкомъ, на главной площади котораго, часто по пѣлымъ часамъ не показывается ни одной человѣческой фигуры. Придвинувшіяся къ самой Цетиньи сѣрые и черныя утесы держатъ ея и

ей жителей какъ бы въ оковахъ, тяжесть которыхъ вскорѣ чувствуется на себѣ и путешественникъ. Когда по случаю какого нибудь праздника, бываетъ большое стеченіе народа, жизнь все таки нисколько не становится веселѣе; эти мрачныя, недовѣрчивыя фигуры, сидящія передъ своими домами или ровнымъ шагомъ, съ полнѣйшимъ безучастіемъ ко всему на свѣтѣ, сто разъ прохаживающіяся по одному и тому же кусочку дороги, не созданы для того, чтобы развеселить кого-либо. Два мелочныхъ торговца, скудные лавченки которыхъ большую часть дня стоятъ запертыми, два-три питейныхъ дома и винныхъ погребка—вотъ всѣ представители мѣстной торговли и промышленности.

Главный заработокъ бѣднаго класса это доставка дровъ, такъ какъ въ этой безлѣсной каменной пустынѣ чувствуется въ нихъ большой недостатокъ, и часто ихъ привозятъ издалека на осляхъ, или женщины пригаскиваютъ вязанки дровъ на своихъ спинахъ.

Цетинье лежитъ на днѣ высохшаго нѣкогда горнаго озера; это даетъ жителямъ возможность заниматься земледѣіемъ, но они не оказываютъ особенной охоты къ такому труду.

Климатъ Цетиньи, соотвѣтственно высокому положенію страны надъ поверхностью моря, суровъ и непривѣтливъ, какъ и характеръ ея жителей. Лѣтомъ же, отъ голыхъ известковыхъ скалъ и сомкнутости ихъ, царитъ палящая жара.

Какъ обь особенныхъ естественныхъ достопримѣчательностяхъ, нельзя не упомянуть о здѣшнихъ пещерахъ, имѣющихъ весьма вѣроятно сообщеніе съ подобными же пещерами внутри горъ или съ моремъ, и отводящихъ съ немовѣрной быстротой массу воды, которая собирается вокругъ Цетиньи послѣ большихъ дождей или весной при таянн снѣга. Такихъ пещеръ двѣ; одна изъ нихъ находится въ самомъ монастырѣ, другая неподалеку отъ него. По временамъ, изъ первой вырываются огромныя массы воды и затопляютъ ступеньки и дворъ монастыря; наводненію предшествуетъ глухой подземный шумъ, предупреждающій жителей обь опасности.

Цетинье, лежащая почти на одной широтѣ съ Римомъ, нерѣдко подвергается землетрясеніямъ. Последнее сильное землетрясеніе было четыре года тому назадъ.

С М Ъ С Ъ .

Потребленіе мяса и цѣны на него въ старыя времена. Сравненіе между потребленіемъ главнѣйшаго изъ жизненныхъ припасовъ, мяса, въ прошлыя времена и теперь, даетъ самыя ненормальныя параллели. Мы имѣемъ по этому предмету интересныя цифры, относящіяся къ Берлину.

Въ 1397 г. въ Берлинѣ было 49 мясниковъ и 3 колбасника. Всѣ они вмѣстѣ платили на нынѣшніе деньги 1,677 талеровъ 13 зильбергрошей цѣховой пошлины. Чистая прибыль ихъ простиралась до 167,770 талеровъ ежегодно; слѣдовательно, если предполагать, что они получали только по десяти процентовъ на капиталъ, то оборотный капиталъ надо считать въ 1,677,600 талеровъ.

Въ это время все населеніе Берлина не превышало 8,000 душъ, такъ что среднимъ числомъ на каждого человѣка приходилось по три фунта мяса. По среднему выводу послѣднихъ восьми лѣтъ (1867—1874 гг.), ежедневно приходилось только по 1/4 фунта мяса на человѣка! Какъ ни невротично покажется первая цифра, но она подтверждается еще однимъ постановленіемъ 1515 года, по которому всякій булочникъ, посылающій своего работника на мельницу для молотья муки, обязанъ былъ отпустить ему ежедневно 4 фунта мяса, 8 кварта пива и на 4 пенинга хлѣба.

При такомъ громадномъ потребленіи мяса, разумеется, надо взять въ расчетъ и низкую цѣну, кака была на него въ то время, именно около половины 14-го столѣтія. Берлинскихъ цѣнъ за это время мы не знаемъ, но можемъ руководствоваться въ этомъ отношеніи известными намъ цѣнами въ другихъ нѣмецкихъ городахъ. Въ Нюрнбергѣ напримаръ фунтъ говядины, баранины и телятины стоилъ 2 1/2 гроша.

Въ Бременѣ, въ началѣ 15-го столѣтія, цѣлый ягненокъ стоилъ 3 и цѣлый окорокъ 2 гроша. Чтобы судить обь этихъ цѣнахъ относительно съ заработкомъ, скажемъ только, что каменщикъ получалъ 2 гроша поденной платы, слѣдовательно дневной заработокъ его равнялся цѣнности одного окорока.

Въ 1656 году мы уже видимъ изъ берлинскаго «устава для мясниковъ», что фунтъ говядины, смотря по качеству, стоилъ отъ 7 до 10 пениговъ, фунтъ печенки 5 пениговъ; баранина и свинина стоили по 1 грошу, а телятина по 9 пениговъ

за фунтъ. Кто покупалъ 6 фунтовъ говядины, получалъ въ прибавокъ полъ-голяшки.

Въ 1772 г. фунтъ говядины стоилъ уже 23 пенига, баранины 2 и свинины 2 1/2 зильбергроша. Эта цѣна держалась до начала настоящаго столѣтія, и еще въ 1835 г. фунтъ лучшаго сорта говядины стоилъ 2 1/2 зильбергроша.

Торговля мясомъ находилась подъ строгимъ контролемъ торговаго совѣта. Мясо не могло иначе продаваться какъ въ лавкахъ; исключеніе допускалось лишь на святой недѣлѣ; тогда всякій могъ продавать его на рынкахъ. Мясники обязаны были выставлять мясо на продажу въ лавкахъ, лѣтомъ съ 5 часовъ утра, зимой съ 6 часовъ, для того, какъ говорится въ уставѣ: «дабы всякій могъ купить мясо и въ время состряпать обѣдъ». Мясо отъ шеудивой свиньи, могло быть выставлено на продажу только послѣ того, какъ его осмотрятъ рыночныя надзиратели и старшины и объявятъ его «годнымъ къ употребленію». Но такое мясо должно было лежать на отдѣльномъ столѣ, который отличался отъ другихъ доской, съ нарисованной на ней свиньей.

Въ средніе вѣка питали большое отвращеніе къ мясу отъ скота, имѣющаго какой-либо изъянъ; поэтому такое мясо покупалось однимъ бѣднѣйшимъ классомъ народа, или разсылалось по госпиталямъ. За продажу подобнаго мяса, вмѣсто хорошаго налагался значительный штрафъ.

Древнѣйшій берлинскій уставъ о продажѣ мяса, отъ 7-го апрѣля 1343 г., начинается бывшей въ то время въ ходу вступительной фразой: «Аристотель пишетъ въ первой книгѣ о городскомъ управленіи: человекъ есть лучшее изъ всѣхъ тварей, поэтому онъ управляется законами; слѣдовательно, самый дурной человекъ тотъ, который лишень покровительства оныхъ, и т. д. По этому уставу *жиды* не смѣли покупать мясо у мясниковъ, а должны были покупать его на бойняхъ. Точно также имъ запрещалась продажа слишкомъ стараго, слишкомъ молодаго, или слишкомъ тощаго мяса, кромѣ того, заднюю четверть—которая у истыхъ израильтянъ не употребляется въ пищу—они могли продавать только цѣликомъ, между тѣмъ какъ покупщикъ также не смѣлъ дѣлать этой части.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Придворныя извѣстія.

— 16-го сентября Государь Императоръ изволилъ въ 5 часовъ утра благополучно прибыть въ Севастополь. Въ 10 1/2 часовъ утра Его Величество осматривалъ поповку «Новгородъ» и, посѣтивъ затѣмъ соборъ, изволилъ произвести смотръ и ученье войскамъ; въ 7 часовъ у Его Величества, на Императорской яхтѣ «Ливадія», былъ обѣдъ, къ коему были приглашены военныя и морскія начальствующія лица.

— 17-го сентября, Государь Императоръ въ 8 часовъ утра изволилъ присутствовать въ Севастополѣ при стрѣльбѣ въ цѣль войскъ, а въ 11 часовъ отправиться на Императорской яхтѣ «Ливадія» въ Ялту, куда благополучно прибылъ въ 3 1/2 часа пополудни.

— 15-го (27-го) сентября Герцогъ и Герцогиня Эдинбургскіе, на Императорской яхтѣ «Держава», выдержавшей во время морскаго перехода сильную бурю, благополучно приби-

ли въ Грэнзэндъ, откуда отпавились по желѣзной дорогѣ, и въ воскресенье вечеромъ пріѣхали въ Лондонъ.

— Госудиръ Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: по случаю кончины дяди Короля Баварскаго, Принца Альберта-Вильгельма-Георга-Людвига Баварскаго, наложить при Высочайшемъ Дворѣ трауръ на шесть дней съ обыкновенными раздѣленіями, начиная съ 18-го сентября.

Дѣйствія правительства.

Высочайшія повелѣнія:

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, основанію на представленіи попечителя оренбургскаго учебнаго округа, обь усиленіи состава попечительскаго совѣта управления этого округа, 27-го августа сего года, Высочайше соизволилъ разрѣшить: приглашать къ участію въ означенномъ совѣтѣ на правахъ членовъ, когда ока-

жется то нужнымъ, еще слѣдующихъ лицъ: а) инспектора народныхъ училищъ Оренбургской губерніи, имѣющаго пребываніе въ Оренбургѣ, б) инспектора оренбургской гимназіи и в) по дѣламъ, касающимся собственно учебной части, двухъ или трехъ учителей гимназій: мужской и женской.

— Въ собраніи минералогическаго общества (первомъ послѣ лѣтняго перерыва) было заявлено, какъ сообщается въ «Русск. Инвалидѣ», что вслѣдствіе обращенія дирекціи общества къ его Августѣйшему Президенту обь исходатайствованіи продолженія выдачи обществу ежегодной субсидіи для производства геологическихъ изслѣдованій Россіи. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Управляющаго Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, отъ 30-го іюля, Высочайше повелѣть соизволилъ продолжить производство субсидій въ размѣрѣ 3.000 рублей.

Дѣла церкви.

— Г. Н. Давыдовъ, въ августовской книжкѣ «Христіанскаго Чтенія», сообщилъ данныя объ учрежденіи епархій всероссійской церкви въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ учрежденія. Оказывается, что въ русской церкви 60 епархій, изъ коихъ 55 въ Россіи, 4 въ грузинскомъ экзархатѣ и 1 въ Америкѣ. Ими въ настоящее время управляютъ 3 митрополита (Кіевская митрополия учреждена въ 988 году, Новгородская въ 992 году, Московская въ 1461 г. и С.-Петербургская въ 1742 г.), 17 архіепископовъ и 37 епископовъ Черниговская епархія съ 4 марта сего года состоитъ праздною, а абхазскую временно управляетъ имеретинскій архіерей.

Всего въ русской церкви 35 викариатствъ, изъ нихъ 3 въ Грузіи. 8 епископовъ-викариевъ имѣютъ пребываніе при своихъ кафедрахъ и управляютъ особымъ отдѣломъ епархій—это епископы: брестскій, екатеринбургскій, люблинскій, острожскій, селенгинскій, новомиргородскій, минеральскій и владикавказскій. Викариатства: козловское, ревельское, старинское, аккерманское, березовское и владикавказское состоятъ праздыми.

— «Церковно-Общественный Вѣстникъ» сообщаетъ, что по распоряженію преосвященнаго Леонтія, архіепископа херсонскаго и одесскаго, въ его епархій введены церковно-приходскія лѣтописи. Лѣтописи хранятся при церквяхъ, священники которыхъ должны вести ихъ по слѣдующей программѣ: 1) Время образованія прихода и построенія церкви, съ указаніемъ, если возможно, лицъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ построеніи. 2) Какіе и когда были въ приходѣ священники. Замѣчательныя черты ихъ жизни и дѣятельности, по рассказамъ ихъ прихожанъ, если нѣтъ историческихъ документовъ. 3) Постепенное возрастаніе прихода по количеству душъ; приписныя деревни, если есть. Число прихожанъ вообще, и ежегодное показаніе родившихся и умершихъ. 4. Характеръ прихода умственный и нравственный въ прошедшемъ и настоящемъ. Замѣчательныя изъ прихожанъ по чему-либо, особенно изъ церковныхъ старостъ. Пожертвованія на храмъ и жертвователи. 5. Сельская школа и процентъ учащихся мужскаго и женскаго пола ежегодный. 6) Разныя замѣчательныя случаи въ приходѣ, имѣвшіе вліяніе на приходъ, а также замѣчательныя случаи изъ наставнической практики, съ обозначеніемъ года, мѣсяца и числа. 7) Время посѣщенія церкви архіереемъ и его наставленія.

Народное просвѣщеніе.

— 31-го минувшаго августа открыта въ Устюжскій, Новгородской губерніи, женская прогимназія, въ которую поступило уже 49 воспитанницъ. Въ видахъ устройства удобнаго помѣщенія для прогимназіи—предположено созвать въ этомъ мѣсяцѣ экстренное собраніе дворянства, которое и обсудитъ вопросъ объ изысканіи средствъ на покупку дома для означеннаго учебнаго заведенія.

— Въ городѣ Вытегрѣ, Олонецкой губерніи, 30-го минувшаго августа открыта учительская семинарія.

— 1-го сентября открыто въ Рязани ремесленное училище, въ которое поступило уже 43 воспитанника.

— Содержаніе за текущій годъ учебныхъ округовъ обойдется въ слѣдующей суммѣ по каждому; С.-Петербургскаго—26,720 р. 55 к., Московскаго—25,412 р. 63 к., Виленскаго—31,366 р. 95 к., Кіевскаго 31,051 р. 74 к., Харьковскаго—16,487 р. 7 к., Казанскаго—23,857 р. 4 к., Оренбургскаго—28,902 р., Одесскаго—20,250 р. 95 к., Дерптскаго—21,885 р. 60 к.; управленія учебными заведеніями Западной Сибири—6,253 р., то же Восточной Сибири—8,282 р., Варшавскаго—60,470 р. 36 к.; учебныхъ дирекцій: Варшавской—8,335 р., Калишской—7,455 р., Лодзинской—7,242 р. 50 к., Радомской—7,455 р., Кѣлецкой—7,455 р., Холмской—7,455 р., Сѣлецкой—7,167 р. 50 к., Сувалкской—6,705 р., Ломжинской—7,455 р., Пляцкой—7,455 р., и инспекціи училищъ города Варшавы—4,475 рублей

— Въ Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, народное образованіе находится, по словамъ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостей, въ весьма хорошемъ, благодаря дѣятельности земства, положеніи. Почти во всѣхъ селеніяхъ уѣзда, открыты земскія сельскія училища; учительскія мѣста заняты людьми болѣе или менѣе компетентными въ дѣлѣ народнаго образованія. Въ 1875 году уѣзднымъ земскимъ собраніемъ пятой очередной сессіи ассигновано вообще на дѣло народнаго образованія въ уѣздѣ на 1875 годъ 26,442 р. 30 коп., болѣе противъ предшествовавшаго года на 6,219 р. 30 к. Кромѣ того земскимъ собраніемъ поручено управлѣнью ходатайствовать предъ Правительствомъ о введеніи въ уѣздѣ обязательнаго обученія грамотѣ.

Военное и морское дѣло.

— Изъ дѣйствующаго отряда «Турк. Вѣд.» получили извѣстіе, что 18-го августа отрядъ прибылъ въ Ходжентъ, гдѣ 19-го числа имѣлъ дневку, послѣ которой, на другой день, выступилъ по направленію къ Махраму на легкѣ, такъ какъ обозъ очень затрудняетъ движеніе; каждому дозволено имѣть только по одной вьючной лошади.

Ханъ-заде, по слухамъ, убитъ и коканцы рѣшились не выбирать другого хана, пока не выяснятся результаты коканскаго похода. Въ Ходжентѣ недавно получено отъ Автобачи письмо, въ которомъ онъ предлагаетъ всѣмъ русскимъ принять мусульманство или же добровольно оставить Ходжентъ, Уратобе и Ташкентъ. Въ такомъ случаѣ онъ обѣщаетъ даже прислать изъ Кокана армію, для нашего проѣзда въ Россію. На это письмо посланъ отвѣтъ, что русскіе всегда сами предписываютъ условія, а не принимаютъ предложенія.

Въ туркестанскій край изъ Россіи ждуть 5 батальоновъ, 10 сотенъ и 2 батареи.

— Изъ отряда нашихъ войскъ отъ 25-го августа сообщаютъ въ «Турк. Вѣд.», что получено извѣстіе изъ отряда, что коканцы разбиты на голову у Махрама. Крѣпость и полковое укрѣпленіе, построенное впереди, взяти штурмомъ. Послѣ взятія укрѣпленія, штурмовали крѣпость, выломавъ ворота. Это было дѣломъ 1-го стрѣльцоваго батальона, передовое же укрѣпленіе брали 3 первыя роты втораго батальона. Послѣ взятія крѣпости казаки преслѣдовали бѣгущихъ на 15 верстъ и при этомъ убитъ подполковникъ Хоронхинъ. Тѣло его еще не найдено, но много видѣли, какъ онъ съ 3—4 казаками врывается въ толпу. Казаки его убиты и одинъ сильно раненъ. Потери наши въ этотъ день состоятъ: убитыми одинъ штабъ-офицеръ, пять рядовыхъ и 1 джигитъ и ранеными одинъ штабъ-офицеръ и семь нижнихъ чиновъ.

При штурмѣ крѣпости Махрамъ взято у коканцевъ 39 орудій.

— Лифляндское окружное правленіе общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ извѣщаетъ, что учрежденная, 19-го августа нынѣшняго года, спасительная станція на островѣ Кюно, спасла, 16-го августа, весь экипажъ съ русскаго судна «Розалія», разбишагося о подводный рифъ Манна, у острова Ассолойда. Спасеннымъ пяти человѣкамъ оказанъ пріютъ у смотрителя кюнскаго маяка.

Железныя дороги и телеграфы.

— Управленіе варшавско-тереспольской линіи вступило въ переговоры съ управленіемъ одесской желѣзной дороги, чтобъ устроить между Одессою и Варшавою непосредственное прямое сообщеніе. Для скорѣйшаго разрѣшенія этого дѣла, надлежитъ командировать въ Одессу одинъ изъ директоровъ варшавско-тереспольской желѣзной дороги.

— Работы по сооруженію фастовской желѣзной дороги подвигаются весьма быстро. Земляное полотно дороги на всемъ пути, отъ Фастова, станціи кіево-брестской желѣзной дороги, до станціи Знаменка, на харьковско-николаевской дорогѣ, почти совершенно готова, и въ настоящее время укладываются шпалы и рельсы; укладка началась у Фастова, 20-го августа.

— Отъ Усть-Лабинской станціи устроена телеграфная линія до города Майкопа (Кубанской обл.), гдѣ открыта станція съ пріемомъ дешевыхъ внутренней корреспонденціи.

СОДЕРЖАНІЕ А. В. Кольцова. Народныя лѣсныя и пѣсни Кольцова (съ портретомъ). — Кто выигралъ?.. (Изъ современной уголовной хроникъ). Романъ Ф. Фридриха (продолженіе). — Гусатинъ (съ рисункомъ). — Милосердіе Картина В. Бугера (съ рисункомъ). — Спичечница (Изъ лутевыхъ воспоминаній въ Австраліи (окончаніе будетъ)). — У бесѣды (съ рисункомъ). — Цетинь, главный городъ въ Черногоріи (съ рисункомъ). — Савьсь. — Разныя извѣстія. — Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за Октябрь съ 16 рисунками, и листъ выроекъ.

За Редактора

Издатель А. Ф. Марксъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и рассказы В. В. Крестовскаго (автора «Петербургскихъ Трущобъ»), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ «НИВЪ» 1875 года 90 к. съ пересылкою.

Семья вольнодумцевъ. Историческая повесть времени Екатерины II. П. Петрова и В. Ключникова. Повесть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелями Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ «НИВЪ» 1875 года 75 к. съ перес.

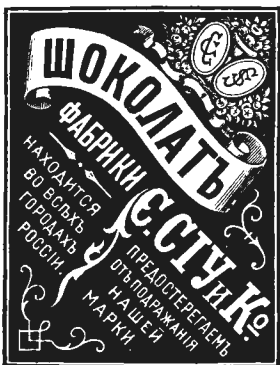
Про что цѣбетала ласточка. Сочиненіе Шиллингера. Съ портретомъ и биографіею автора. С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ «НИВЪ» 1875 г. 1 р. съ пересылкою.

Учебное заведеніе 1-го разряда съ полнымъ курсомъ Классической гимназіи содержимое Э. РЕПМАНОМЪ въ Москвѣ.

Помѣщается, на Гончарной ул., близъ Музскаго моста въ д. Стенановой.

Пріемъ воспитанниковъ будетъ происходить отъ 15-го Іюля по 15-е Сентября. Классныя занятія начнутся 7 Августа. 10—10

ГГ. ПРИѢЗЖАЮЩИМЪ въ С.-Петербургъ, желающимъ жить дешево, тихо и спокойно, рекомендуются комнаты съ двумя швейцарами, прислугою и бѣльею отъ 60 к., до 2 р. въ сутки, по подъѣзду съ Горюховой, на углу Большой Морской, въ д. Штрауха, кв. № 26. 4—3

45—11

НИВА

№ 41

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕЖЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Выданъ 13 Октября 1875 г.

Цена этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.

Николай Ивановичъ Пироговъ.

Въ русскомъ народѣ сложилась такая поговорка: «Жизнь прожить — не поле перейти». Жизнь человѣческая уподобляется нѣкоему тяжелому шару, висящему на волоскѣ, и дѣйствительно, рѣдко кому удается цѣло и невредимо добраться до тихаго пристанища. Не говоря уже о неблагоприятныхъ экономическихъ условіяхъ большинства людей, спросимъ: многимъ ли приходится благополучно проплыть въ своей ладѣ по волнамъ житейскаго моря? О массѣ несчастныхъ случаевъ газеты докладываютъ намъ ежедневно. Какъ человѣкъ ни хитеръ, ни предусмотрителенъ, а все таки ему не уберечься отъ «несчастій», угнетающихъ душу и вредящихъ тѣлу, а слѣдовательно вліяющихъ опять таки на жизнь духовную. Нѣтъ спасенія отъ нравственныхъ ударовъ, да и нельзя быть увѣреннымъ, что и самый скудельный сосудъ — тѣло — будетъ цѣло. Сорвется, напримеръ, золотой крендель, что покачивается надъ дверь-

Николай Ивановичъ Пироговъ. Рис. Пилати, грав. Пуць.

ми булочной, и ударить по головѣ прохожаго... Вотъ и «несчастный случай»! Человѣкъ находится въ постоянной опасности. Если бѣда нагрянетъ — является, понятно, сильное желаніе освободиться отъ нея, и вотъ, тѣхъ, которые могутъ помочь горю, могутъ освободить несчастнаго отъ физическихъ страданій, спасти жизнь ему — называютъ спасителями человечества. Если такой «спаситель» обладаетъ знаніемъ, рѣдимъ искуствомъ, однимъ словомъ — помощью его въ трудныхъ случаяхъ является дѣйствительною — тогда его превозносятъ, объявляютъ «знаменитымъ», и тутъ чувство благодарности, самой задушевной, искренней, наполняетъ все сердце спасеннаго. Искусный врачъ, ловкій хирургъ — вотъ онъ, любимецъ общества! Это такой человѣкъ, на котораго толпа всегда смотритъ съ любовью, уваженіемъ, надеждой... «Ну, вдругъ (какъ знать?) понадобится! Въдъ спасетъ!» Таки смотри и теперь еще

тремя на нашего русского знаменитого хирурга—Николая Ивановича Пирогова. Выставляя в настоящем № «Нивы» портрет его, пользуемся случаемъ сообщить читателю краткую біографію Н. И. Пирогова.

Н. И. Пироговъ родился въ 1810 году. Окончивъ съ успѣхомъ спеціальное медицинское образованіе въ дерптскомъ университетѣ, въ 1832 году онъ получилъ степень доктора медицины. Въ слѣдующемъ же году, именно 4-го мая 1833 года, онъ былъ отправленъ, съ высочайшаго соизволенія за границу, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ своей спеціальности, а по возвращеніи оттуда, назначенъ былъ, 6-го марта 1837 года, ординарнымъ профессоромъ дерптскаго университета, съ производствомъ въ чинъ надворнаго совѣтника. Въ 1839 году онъ предпринялъ новое ученое путешествіе въ Парижъ, на суммы университета, а въ 1841 году былъ переведенъ изъ дерптскаго университета въ петербургскую медико-хирургическую академію. Здѣсь занялъ онъ кафедру госпитальной хирургіи и патологической анатоміи и, въ то же время, былъ назначенъ главнымъ врачомъ хирургическаго отдѣленія при 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ. Кромѣ того онъ сдѣланъ былъ еще вице-директоромъ петербургскаго инструментальнаго заведенія и членомъ комитета, учрежденнаго при медицинскомъ департаментѣ, для пересмотра и улучшенія хирургическихъ инструментовъ. Въ 1843 году онъ началъ издавать «Полный курсъ анатоміи человѣческаго тѣла» и за поднесеніе этого труда Государю получилъ брилліантовый перстень въ 500 р. с. Въ этомъ же году появилось и другое его сочиненіе: «Анатомическія изображенія наружнаго вида и положенія органовъ, заключающихся въ трехъ главныхъ полостяхъ человѣческаго тѣла», которое было издано вторично въ 1850 году. Въ 1847 году Н. И. Пироговъ получилъ званіе академика, и по высочайшему повелѣнію былъ отправленъ на Кавказъ, для указанія тамошнимъ врачамъ способовъ употребленія эфира при хирургическихъ операціяхъ. За чрезвычайно успѣшное исполненіе этого, возложеннаго на него порученія, Н. И. Пироговъ получилъ чинъ дѣйствительнаго стат-

скаго совѣтника и орденъ Анны 2-й степени. Во время Крымской компаніи онъ былъ назначенъ главнымъ докторомъ войскъ, расположенныхъ въ Крыму, а по окончаніи войны пожалованъ чиномъ тайнаго совѣтника и сдѣланъ почетелемъ одесскаго учебнаго округа. Въ короткое пребываніе свое тамъ, а потомъ въ томъ же званіи въ Кіевскомъ учебномъ округѣ, Н. И. Пироговъ приобрѣлъ полное уваженіе всѣхъ лицъ, интересующихся народнымъ образованіемъ, за тѣмъ гуманна и рациональна мѣры, которыя онъ принималъ для улучшенія и поднятія ввѣреннаго ему дѣла. Въ 1861 году Н. И. Пироговъ сдѣланъ былъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія и снова командированъ за границу, для руководства въ ученыхъ занятіяхъ докторовъ, отправляемыхъ на казенный счетъ за границу съ научною цѣлью. Хирургическія знанія и множество блистательныхъ операцій сдѣлала имя Пирогова извѣстнымъ цѣлому свѣту. Его приглашали на консультаціи въ самыхъ трудныхъ случаяхъ и совѣты его принимали съ уваженіемъ знаменитости медицинской науки. Онъ былъ и при одрѣ болѣзни покойнаго Цесаревича и у постели Гарibaldi, раненаго при Аспромонте. Слава его, какъ врача, огромна и мнѣнія въ оперативной хирургіи служатъ авторитетомъ. Не меньшей извѣстностью пользуется Н. И. Пироговъ и какъ превосходный, опытный педагогъ. На этомъ поприщѣ дебютировалъ онъ, въ 1852 г. своею статью «Вопросы жизни», помѣщенной въ «Морскомъ Сборникѣ». Статья эта произвела огромное впечатлѣніе на публику и возбудила сильную полемику въ нашей ученой литературѣ, но вѣрность и жизненная правда взглядовъ и педагогическихъ пріемовъ Н. И. Пирогова были признаны всѣми. Съ этихъ поръ онъ постоянно, среди своихъ непрерывныхъ и утомительныхъ учено-медицинскихъ занятій, находилъ время для разработки педагогическихъ вопросовъ и всѣ его статьи по этому предмету были собраны въ «Сборникъ педагогическихъ статей Н. И. Пирогова», имѣвшемъ уже не одно изданіе. На нѣмецкомъ языкѣ Николай Ивановичъ издалъ огромный трудъ о военной хирургіи, возбудившій удивленіе европейскихъ ученыхъ.

Кто выигралъ?...

(Изъ современной уголовной хроники).

РОМАНЪ

Ф. Фридриха.

(Продолженіе).

Онъ продолжалъ расширивать сосѣда, но тотъ молча ходилъ по комнатамъ и тогда только заговорилъ, когда поуспокоился.

— Сегодня утромъ отправился я верхомъ въ поле, началъ Мальтэнъ,—тамъ у меня работаетъ нѣсколько новыхъ рабочихъ, по найму, такъ какъ мои не успѣваютъ справляться. Этимъ поденщикамъ я назначилъ хорошую плату и, понятно, сталъ требовать, чтобы они хорошо работали. Ну, вотъ, пріѣхалъ я туда и сейчасъ же замѣтилъ, что они почти ничего не наработали... Когда я началъ дѣлать имъ выговоръ за это, нѣкоторые изъ нихъ подошли ко мнѣ и объявили, что совсѣмъ прекратятъ работу, если не будетъ назначена имъ болѣе высокая плата. Требования свои выражали они дерзко... Тутъ подошли и остальные, заговорили то-же самое и окружили меня... Я не изъ трусливыхъ, ну, и не привыкъ, чтобы мнѣ что либо предписывали, да еще такимъ образомъ, а потому и отвѣтилъ имъ коротко, что увеличивать платы—не намѣренъ, и что съ моей стороны помѣхи не будетъ, если они захотятъ прекратить работу. Они тотчасъ-же все и бросили, причѣмъ угрожать стали, но я преспокойно вернулся домой и ни слова не сказалъ женѣ и дочери о случившемся, чтобы не пугать ихъ изъ за пустяковъ, тѣмъ болѣе, что обѣ опѣ намѣревались сегодня въ полдень уѣхать дня на два. Сегодня онѣ и уѣхали. Я даже проводилъ ихъ немного...

— И хорошо сдѣлали, замѣтилъ фрейгерръ:—насколько я знаю жену вашу—она совсѣмъ отказалась-бы отъ поѣздки, если-бы узнала объ этой исторіи!...

Мальтэнъ, какъ кажется, не слышалъ замѣчанія Манштейна, и продолжалъ:

— Я думалъ пріѣхать къ вамъ сегодня послѣ обѣда, чтобы сообщить о случившемся, и вотъ почему: они угрожали мнѣ, и изъ словъ ихъ я понялъ, что между мо-

ими рабочими и вашими существуетъ стачка, и что ваши—заявятъ вамъ такія-же требованія...

„Маленькій фрейгерръ“ улынулся.

— Пусть попробуютъ, сказалъ онъ:—отъ меня они съ тѣмъ-же отъѣдутъ, съ чѣмъ отъѣхали и отъ васъ!

— Постойте, Манштейнъ! Дайте докончить. Я хотѣлъ выѣхать послѣ обѣда, но тутъ мнѣ какъ-то помѣшали, вслѣдствіе чего я и запоздалъ. Доѣхавъ до дѣса, я пустилъ лошадь шагомъ... Вдругъ подсакиваютъ ко мнѣ нѣсколько рабочихъ и останавливаютъ меня: они были съ дубинами, а у одного изъ нихъ, самого отчаяннаго, по имени—Бартэльсъ, былъ даже пистолетъ!... Я ничуть не струсилъ, но когда одинъ нахалъ схватилъ мою лошадь подъ уздцы—я одрѣлъ его хлыстомъ, далъ коню шпоры, двухъ сбилъ съ ногъ и поскакалъ, Они за мной... Раздались крики: „Стрѣль!“ „Нѣтъ, оставь его! Ужъ, какъ назадъ поѣдетъ—схватимъ!“... Вотъ ужъ какой оборотъ приняло дѣло!.. Манштейнъ, дайте-ка мнѣ револьверъ или пару пистолетовъ—я сейчасъ-же поѣду обратно и посмотрю, у кого изъ нихъ хватить храбрости напасть на меня... Первому смѣльчаку—пулю въ лобъ!

Глаза „маленькаго фрейгерра“ во время этого разсказа разгорѣлись. Такъ и видно было, что въ немъ вспыхнуло желаніе сопутствовать другу и вмѣстѣ съ нимъ наказывать озорниковъ... Но Манштейнъ одумался.

— Мальтэнъ, вы этого не сдѣлаете, сказалъ онъ, положивъ руку на плечо друга.

— Нѣтъ, я именно такъ и поступлю! воскликнулъ Мальтэнъ, все еще не совсѣмъ уходявшись. Вотъ я имъ покажу, какъ я ихъ испугался!...

— Послушайте, я вѣдь тоже не трусь, что вамъ извѣстно, и однакоже я-бы не совѣтовалъ вамъ поступить такъ въ данномъ случаѣ... Неужели вы хотите вступить въ неравную борьбу? Сила—на ихъ сторонѣ. Нѣтъ, вамъ

не слѣдуетъ подвергать себя опасности, вы не должны забывать жены и дочери!..

— Но вѣдь они, все равно, станутъ ждать меня на дорогѣ!..

— Пусть! А мы попытаемъ ихъ — много-ли у нихъ терпѣнія? Эту ночь вы проведете у меня.

— Нельзя.

— Почему-же нельзя? Развѣ вы опасаетесь, что работники осмѣлятся проникнуть въ ваше жилище?..

— Нѣтъ, этого-то не можеть быть, потомучто они собственно злы только на меня одного!..

— И прекрасно! Васъ-то я и оставляю здѣсь! воскликнулъ „маленькій фрейгерръ“. — Нѣтъ, Мальтэнъ, въ самомъ дѣлѣ, прошу васъ, прошу какъ другъ, послѣдуйте моему совѣту! Въ настоящемъ дѣлѣ я хладнокровнѣе васъ, разсудительнѣе!..

— Люди мои тоже будутъ меня ждать!..

— Я пошлю туда человѣка съ вашей запиской: вы напишите вашему управляющему, чтобы онъ смотрѣлъ въ оба, ну-съ, а завтра я самъ провожу васъ домой!.. Если-же рабочіе и завтра осмѣлятся напасть на насъ — узнають тогда они, что Мальтэнъ и Маннштейнъ — крѣпкіе союзники, узнають, что Маннштейнъ вовсе еще не такъ старъ, какъ имъ, можетъ быть, это кажется!.. Ну-же, по рукамъ!..

И фрейгерръ протянулъ руку своему другу.

— Ну, хорошо, произнесъ послѣ небольшого колебанія Мальтэнъ, — я согласенъ. Дѣ, намъ нужно дѣйствовать за одно, да и дѣлу-то этому не слѣдуетъ заходить далѣе!..

— И такъ, чтобы ни случилось — я союзникъ вашъ, объявилъ Маннштейнъ и прибавилъ: а теперь пойдете-ка на веранду! Тамъ, знаете, и вино кажется какъ-то вкуснѣе!.. Очень я радъ, что есть у меня сегодня собесѣдникъ! Днемъ-то мнѣ, слава Богу, есть чѣмъ развлечься, а вотъ вечера частенько кажутся мнѣ предлинными; не всегда бываетъ охота заняться чтеніемъ.

— Ну, а племянникъ-то вашъ — развѣ ужъ уѣхалъ? Его нѣтъ здѣсь? спросилъ Мальтэнъ.

— Онъ вернулся въ столицу.

— Уѣхалъ — и даже со мной не простился?!..

— Да онъ, вѣроятно, завтра-же сюда пріѣдетъ, сказалъ Маннштейнъ и поспѣшилъ на веранду, чтобы замѣть какъ нибудь этотъ весьма непріятный для него разговоръ.

Лакою отдано было приказаніе подать туда вино, что и было исполнено, а затѣмъ фрейгерръ распорядился, чтобы въ его собственной спальнѣ приготовили гостю постель.

И вотъ, старицше друзья помѣстились на верандѣ у столика, другъ противъ друга „маленькій фрейгерръ“, какъ не старался, однако-же не могъ скрыть мрачнаго настроенія духа!..

— Да что съ вами, Маннштейнъ? спросилъ наконецъ Мальтэнъ, котораго поразилъ необыкновенно-серіезный видъ хозяина.

Но старикъ медлилъ отвѣтомъ!.. Однако, поступокъ Зельдитца не могъ быть тайной для его друга и — фрейгерръ рассказалъ ему все!..

— И такъ, благодаря всему этому, любимая мечта моя разбита, прибавилъ онъ. Дѣ, я думалъ, надѣялся, что племяннику моему удастся овладѣть сердцемъ вашей дочери!.. И, если-бы напи имѣнья попали, такимъ образомъ, въ однѣ руки, то вѣдь по богатству обладатель ихъ могъ-бы поспорить съ любымъ владѣтельнымъ лицомъ въ странѣ!.. Я желалъ этого, но племянникъ мой сдѣлалъ то, что желаніе это уже не можетъ теперь осуществиться!.. Мнѣ оставалось только одно: принять все зависящія отъ меня мѣры для возстановленія чести несчастной дѣвушки!.. Надѣюсь, Мальтэнъ, насчетъ этого вы согласны со мной?..

Мальтэнъ былъ чрезвычайно удивленъ такою по-

востью. Вѣдь и ему тоже хотѣлось, чтобы Зельдитцъ былъ его зятемъ!.. Это такъ его поразило, что онъ ни съ разу могъ отвѣтить своему другу.

— Дѣ, вы правы!.. правы! наконецъ произнесъ Мальтэнъ въ сильномъ волненіи. — Но что-же вы предпримете, если баронъ не подчинится вашимъ требованіямъ, не согласится на ваши условія? Вы и въ самомъ дѣлѣ тогда лишите его наслѣдства?..

— Лишу, отвѣтилъ фрейгерръ рѣшительнымъ тономъ. — Поступокъ его я считаю безчестнымъ. Если онъ не захочетъ его загладить, искупить свой грѣхъ — рѣшеніе мое непоколебимо. Я не могу допустить, чтобы имѣніе мое, все мое добро попало въ руки человѣка, который до такой степени забылъ о своей чести!.. Я горжусь тѣмъ, что имя мое ничѣмъ не запятнано, а вѣдь онъ — сынъ сестры моей!..

— Сурово, но справедливо, проговорилъ Мальтэнъ послѣ небольшого молчанія. — Что-жъ, дали вы ему время подумать объ этомъ?..

— Да. Завтра вечеромъ онъ долженъ дать мнѣ рѣшительный отвѣтъ.

— Надѣетесь-ли вы, что онъ послушается васъ?..

— Надѣюсь. Вѣдь если я отрекусь отъ него, то чѣмъ-же ему тогда жить? Вѣдь онъ рѣшительно ничего не имѣеть!..

— Такъ. Но, Маннштейнъ, вы, можетъ быть, упустили изъ виду одно обстоятельство: рѣшится-ли дѣвушка, которую племянникъ вашъ такъ жестоко оскорбилъ, отдать ему свою руку?..

— Нѣтъ, я и объ этомъ подумалъ, отвѣтилъ фрейгерръ. — Если онъ вполнѣ подчинится моей волѣ, то я тогда принимаю на себя посредничество въ этомъ дѣлѣ!.. Вѣдь я былъ въ тѣсной дружбѣ съ отцомъ этой дѣвушки!.. Конечно, гдѣ ужъ ей любить его, но я все-таки не теряю надежды уговорить ее обвиняться съ нимъ только для того, чтобы называться баронессою ф. Зельдитцъ и затѣмъ — жить съ мужемъ врозь. Разумѣется, ей нужны будутъ средства, чтобы жить сообразно своему званію, но ужъ объ этомъ позабочусь я; послѣ смерти моей она также должна быть независимой отъ мужа. Все мое имущество я раздѣлю между ними!..

Долго еще сидѣли они, бесѣдуя объ этомъ, потомъ поговорили и о томъ, какъ-бы лучше покончить дѣло съ рабочими, но такъ какъ стало уже довольно поздно, то хозяинъ повелъ гостя, друга своего, въ спальню, пригласивъ его лечь тамъ и успокоиться.

— Да вѣдь это ваша постель, Маннштейнъ! Нѣтъ, я тутъ не лягу, я не хочу стѣснять васъ! воскликнулъ Мальтэнъ.

— Вы останетесь здѣсь, возразилъ фрейгерръ. Видите-ли, у меня остальные комнаты не совсѣмъ въ порядкѣ, ну, а мнѣ хочется доказать вамъ, какъ радъ я тому, что вы нынче заночуете подъ моей кровлей!.. И такъ, доброй ночи!

Онъ поспѣшно вышелъ изъ своей спальни и отправился въ ту комнату, которую обыкновенно занималъ Зельдитцъ. Долго еще ходилъ тамъ старикъ, наконецъ усталъ и легъ. — Комната эта находилась совсѣмъ въ противоположной сторонѣ отъ спальни фрейгерра!.. Заснулъ онъ; прошло можетъ быть два три часа, какъ вдругъ гдѣ-то глухо раздался выстрѣлъ!.. Маннштейнъ проснулся, вскопчилъ и сталъ прислушиваться, но!.. все было тихо. Однако, трескъ выстрѣла разбудилъ его, и ему показалось, что стрѣляли не *внѣ* дома, а *внутри*!.. Но онъ и вѣрить этому не хотѣлъ: вѣдь онъ спалъ!.. проснулся!.. развѣ такъ трудно ошибиться?.. Впрочемъ, чтобы успокоиться, убѣдиться въ ошибкѣ, онъ позволилъ. Слуга не замедлилъ явиться — лицо его выражало испугъ.

— Ты слышалъ выстрѣлъ? спросилъ фрейгерръ.

— Слышалъ-съ.

— Гдѣ-жъ онъ раздавался?

— Тутъ... въ домѣ-съ... и какъ будто выстрѣлили въ вашей комнатѣ...

— Пустяки какіе! Это невозможно!

Однако, Манштейнъ вскочилъ съ постели.

— Да ты не ошибся-ли?... Тебя выстрѣлъ разбудилъ—ты спалъ?

— Да-съ, ну, а какъ вскочилъ, такъ и побѣжалъ къ вашей комнатѣ... Только тамъ все было тихо.

— Ну, конечно! Господинъ Мальтэнъ спитъ себѣ тамъ, преспокойно, сказалъ фрейгерръ:—видно, оба мы ошиблись, ослышались...

— Нѣтъ-съ, вонъ и ключница тоже слышала, что выпалили въ самомъ дѣлѣ, замѣтилъ лакей.

Въ это время на дворѣ, передъ домомъ, раздались голоса. Манштейнъ отворилъ окно и поглядѣлъ, что тамъ такое. Двое управляющихъ и конюхъ стояли у двери: оказалось, что ихъ разбудилъ выстрѣлъ, вслѣдствіе чего они и поспѣшили сюда. Эти люди тоже утверждали, что выстрѣлъ былъ сдѣланъ не внѣ дома, а внутри его...

Страхъ обуялъ „маленькаго фрейгерра“. Живо одѣвшись, онъ отправился въ сопровожденіи слуги въ свою комнату. Дойдя до двери, онъ остановился... Тамъ, за дверями, все было тихо.... Взавшись за ручку замка, онъ увидѣлъ, что дверь была заперта изнутри.

— Мальтэнъ! кликнулъ Манштейнъ.

Отвѣта не последовало. Тогда онъ постучался... Также тишина... Онъ застучалъ сильнѣе, но Мальтэнъ и тутъ не откликнулся... Фрейгерръ поблѣднѣлъ; какъ ошеломленный простоялъ онъ нѣсколько секундъ, казалось—силы оставили его. Оправившись, старикъ побѣжалъ въ садъ, чтобы оттуда, черезъ веранду, пробраться въ свою комнату... Дверь на веранду была полуотворена, что сразу поразило его.

— Это что такое? произнесъ онъ въ испугѣ.

Взявъ у лакея свечку, фрейгерръ бросился въ спальню, прямо къ постелѣ, на которой спалъ его другъ, и—въ ужасѣ отскочилъ, едва не выронивъ подсвѣчника.

— О, Господи! воскликнулъ онъ, хватаясь лѣвой рукой за край стола, чтобы удержаться на ногахъ...

Дѣйствительно, картина, которую увидѣлъ онъ теперь, была потрясающаго свойства: почти вся постель залита была кровью, а на постелѣ неподвижно лежалъ Мальтэнъ... Выстрѣлъ поразилъ его въ голову.

Манштейнъ скоро оправился, страхнулъ съ себя слабость и, снова подойдя къ постелѣ, приподнял руку друга... Рука повисла и затѣмъ тяжело упала... Онъ сталъ звать Мальтэна по имени, но Мальтэнъ ничего не ствѣтилъ ему, даже не шевельнулся; лицо его было спокойно, оно какъ будто застыло... ни искорки жизни...

— Застрѣленъ.. убить! воскликнулъ фрейгерръ и закрылъ глаза рукой... Казалось, онъ не могъ долше выносить такого зрѣлища; ему какъ будто нужно было еще свыкнуться съ такою ужасною мыслью...

Прошло нѣсколько секундъ... Онъ открылъ глаза и сталъ глядѣть на покойника, на бывшаго стариннаго, вѣрнаго своего друга... Потомъ взглядъ его скользнулъ по комнатѣ... Онъ думалъ—не брошено-ли гдѣ нибудь оружіе, которымъ совершено преступленіе, но никакого огнестрѣльнаго оружія въ спальнѣ не оказалось... И такъ, Мальтэнъ не самъ лишилъ себя жизни, а былъ убитъ кѣмъ-то... Мысль найти убійцу оживила „маленькаго фрейгерра“, снова возбудивъ въ немъ жажду къ дѣятельности.

— Обыскать весь садъ! Осмотрѣть всю окрестность! крикнулъ онъ управляющимъ. Соберите всѣхъ работниковъ... Ни одного уголка, ни одного куста безъ обыска!... Маршъ!..

Манштейнъ и самъ хотѣлъ идти вмѣстѣ съ ними, но силы измѣнили ему: ноги какъ-то ослабѣли, колѣни дрожали, и онъ принужденъ былъ опуститься на стулъ, иначе-бы, пожалуй, упалъ. Конюху отдано было прика-

заніе сейчасъ-же ѣхать верхомъ въ городъ за докторомъ и объявить тамъ кому слѣдуетъ о случившемся.

— Ты бери мою лошадь! крикнулъ онъ ему вслѣдъ:— гони и въ хвостъ и въ голову, если издохнетъ— не бѣда! Живѣй!..

По приказанію фрейгерра, въ комнатѣ, гдѣ лежалъ покойникъ, было зажжено нѣсколько свѣчей, и онъ одинъ остался въ ней, какъ-бы на стражѣ. Согнувшись, смотря куда-то вдаль, неподвижно сидѣлъ старикъ, и только изрѣдка, съ выраженіемъ глубокой печали, взгляды его останавливались на усопшемъ другѣ... Мальтэнъ въ *первый* разъ въ жизни остался у него ночевать—и вотъ, какъ пагубна была для него эта ночь!... Но кто-же могъ совершить такое страшное дѣло?... И Манштейнъ снова тщательно осмотрѣлъ всю комнату... Нѣтъ, все на мѣстѣ, все цѣло... Значить, убійца дѣйствовалъ не изъ корысти, а скорѣе изъ ненависти, онъ мстилъ за что-то... Не тѣ-ли рабочіе привели въ исполненіе свою угрозу?... Но неужели они слѣдовали за нимъ по пятамъ, явились даже сюда и такъ тщательно слѣдили за Мальтэнномъ, что могли узнать, что онъ будетъ спать въ этой комнатѣ?... Правда, Мальтэнъ говорилъ ему, что одинъ изъ озорниковъ, напавшихъ на него въ лѣсу, имѣлъ при себѣ пистолеть... Такъ не этотъ-ли работникъ и убилъ его?..

У „маленькаго фрейгерра“ голова вообще была свѣтлая, но теперь онъ самъ чувствовалъ, что мозгъ его какъ-то отяжелѣлъ и мысли что-то плохо вяжутся... Вѣдь это онъ... онъ самъ убѣдилъ, уговорилъ друга переночевать здѣсь!.. Мальтэнъ остался и—погибъ въ этомъ домѣ, въ домѣ Манштейна!... А семейство Мальтэна?.. Жена и дочь его даже и не подозрѣвали еще, какая бѣда случилась... Ну, если услышать онѣ какъ нибудь объ этомъ, то вѣдь такой неожиданный ударъ можетъ убить ихъ!... Фрейгерръ сознавалъ, что онъ обязанъ былъ какъ можно осторожнѣе подготовитъ вдову Мальтэна и дочь его къ принятію такого извѣстія, но онъ не зналъ, какъ именно устроить это. Взять на себя такую трудную задачу—старикъ не могъ: у него не хватило-бы на это силы... Подумавъ, онъ послалъ въ усадьбу Мальтэна за его управляющимъ. Управляющій этотъ, какъ человѣкъ образованный, могъ хорошо выполнить его порученіе... Пусть онъ и отправится къ госпожѣ Мальтэнъ...

Люди обыскали дворъ, весь садъ, но никого не нашли. Объ этомъ доложилъ фрейгерру одинъ изъ управляющихъ. Фрейгерръ молча махнулъ рукой, чтобы онъ удался... Ему хотѣлось остаться совершенно наединѣ съ самимъ съ собою. И вотъ, опять сталъ онъ ломать голову надъ вопросомъ: кто-бы могъ совершить такое злодѣйство?... Вдругъ какая-то мысль, подобно молнии, мелькнула въ его головѣ, и онъ почти оцѣпенѣлъ... потомъ вскочилъ... его трясло какъ въ лихорадкѣ...

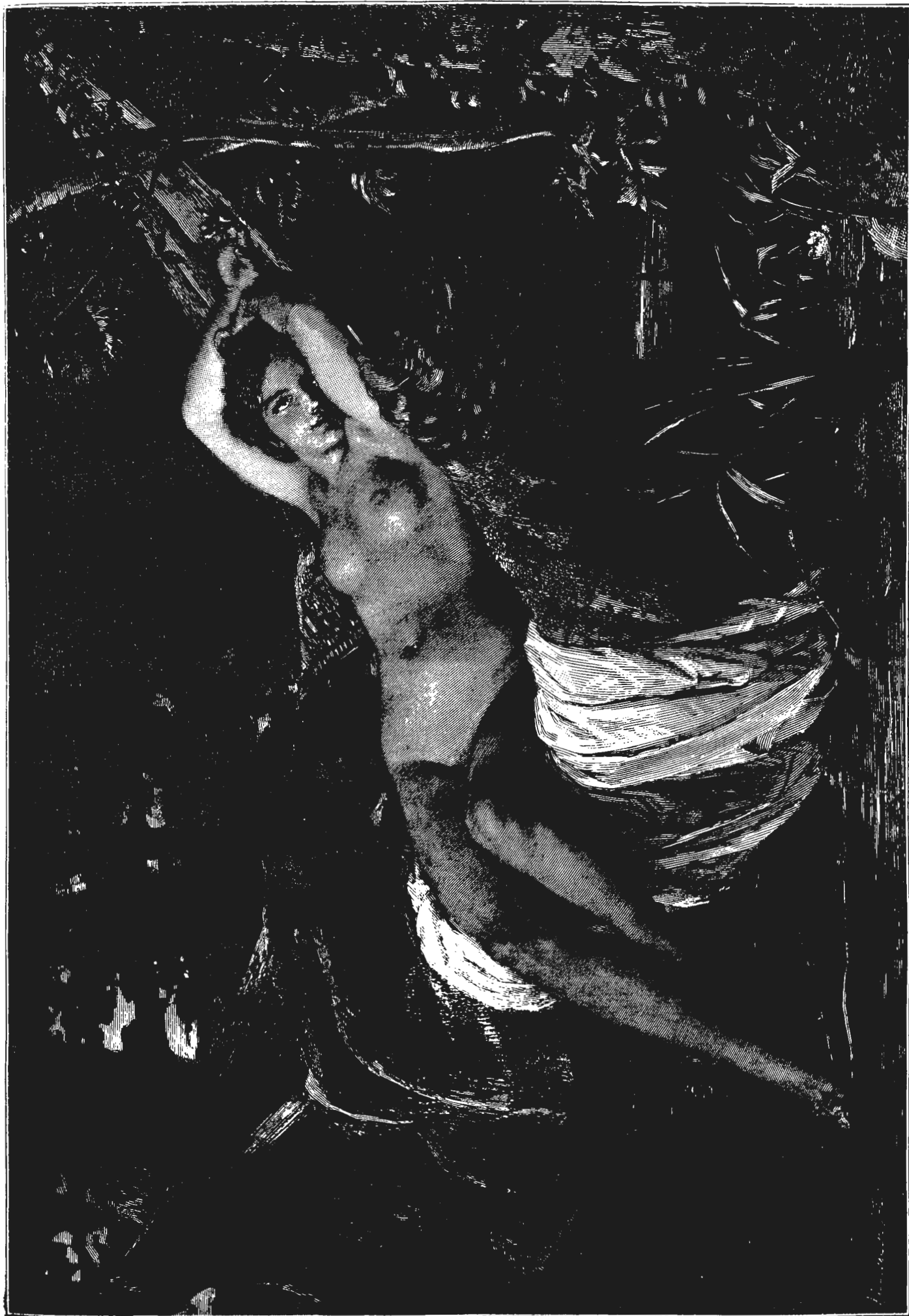
— Нѣтъ... нѣтъ! Этого не можетъ... не можетъ быть! громко произнесъ онъ и снова опустился на стулъ.

Заря уже занялась; небо на востокѣ заалѣло и стало ярче и румянѣе; вотъ, и первые лучи солнца ударили въ окно и золотистыми пятнами легли на стѣнѣ комнаты... Но фрейгерръ ничего этого не видѣлъ: онъ сидѣлъ неподвижно, устремивъ куда-то впередъ пристальный взлядъ. Прошло всего нѣсколько часовъ, а казалось что гдѣ-то пролетѣли надъ его головой, такъ онъ вдругъ постарѣлъ, одряхлѣлъ... Прежняя живость его какъ будто разомъ исчезла куда-то...

Къ крыльцу дома быстро подѣхала карета и остановилась. Изъ нея вышли: коронный прокуроръ Ригель, судебный врачъ—докторъ Биндэль и слѣдователь Питтъ. Манштейнъ зналъ ихъ всѣхъ лично.

Прокуроръ пригласилъ фрейгерра рассказать все, что было ему извѣстно по „сему дѣлу“.

— Въ комнатѣ ничего не трогали? Все осталось какъ

Передъ купаньемъ. Картина Церро, грав. Даннемакертъ-сынъ. Гравюра эта приобрьдена нами по соглашенію съ единственными собственниками этого художественнаго произведенія, Гунигелъ и Ко.

было? Трупъ лежитъ въ томъ-же положеніи, въ какомъ вы его нашли? спросилъ Ригель.

— Да. Я самъ все время пробылъ въ комнатѣ, дабы никто изъ постороннихъ не могъ войти. Я только взялъ, приподнявъ руку убитаго... Мнѣ не вѣрилось, что онъ уже мертвъ...

— Оружія не нашли вы?

— Нѣтъ.

— Слѣдовательно, о самоубійствѣ не можетъ быть и рѣчи, замѣтилъ прокуроръ.

— Да тутъ самоубійства и быть не могло, прибавилъ фрейгерръ:—мой другъ, Мальтэнъ, не посягнулъ-бы на свою жизнь... Жилъ онъ, можно сказать, въ самой счастливой обстановкѣ; у него не могло быть ни малѣйшаго повода поступить такъ съ собою.. Онъ также не могъ сдѣлать этого въ припадкѣ меланхоліи, потому что никакихъ признаковъ болѣзни этой я никогда не замѣчалъ въ немъ. Много лѣтъ были мы съ нимъ въ дружбѣ, и я могу сказать, что онъ всегда пользовался наилучшимъ здоровьемъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Прибавлю еще, что онъ питалъ ко мнѣ полное довѣріе, а потому, если-бы что нибудь омрачало его существованіе, онъ навѣрно сообщилъ-бы мнѣ объ этомъ.

— Не пропало-ли что нибудь изъ комнаты? Всѣ-ли вѣщи тутъ цѣлы?..

— Все цѣло. Эта комната, собственно говоря, спальня моя, мой жилой покой, поэтому каждая вещь въ ней хорошо мнѣ знакома и, если-бы что нибудь исчезло—я-бы сейчасъ-же это замѣтилъ.

Прокуроръ взглянулъ на столикъ, стоящій около кровати. На столикѣ лежали золотые часы Мальтэна.

— Гм., что-то загадочно, произнесъ онъ: — грабежа тутъ не было, значитъ—убійство совершено вслѣдствіе какихъ-то иныхъ побужденій... Не можете-ли вы указать мнѣ на какія либо данныя въ пользу такого соображенія?.. Нѣтъ-ли хоть какихъ нибудь слѣдовъ убійцы? Не имѣете-ли вы на кого нибудь подозрѣнія?

Фрейгерръ не сейчасъ отвѣтилъ. Помолчавъ немного, онъ разсказалъ о томъ, что сообщилъ ему Мальтэнъ о своей ссорѣ съ рабочими, о столкновеніи съ ними въ лѣсу и о томъ, какъ рабочіе угрожали ему, причемъ прибавилъ, что у одного изъ работниковъ былъ пистолеть.

— А—а, вотъ мы, кажется, и попали на прямую дорожку! воскликнулъ Ригель. Извѣстны-ли вамъ имена этихъ рабочихъ?

— Нѣтъ, неизвѣстны, отвѣтилъ Маннштейнъ.

— Ничего! Вы, господинъ слѣдователь, конечно, легко розыщете ихъ, обратился прокуроръ къ Питту. Пожалуйста, заарестуйте всѣхъ, имѣвшихъ дерзость напасть въ лѣсу на г. фонъ Мальтэна. Вотъ, право, прекрасный случай! Надо этимъ воспользоваться, чтобы наконецъ какъ слѣдуетъ приструнить рабочихъ! Народецъ этотъ становится все нахальнѣе и смѣлѣе, а законъ, къ сожалѣнію, мало даетъ намъ простора въ дѣлахъ по рабочему вопросу.

Слѣдователь общался заарестовать всѣхъ.

Врачъ приступилъ къ осмотру трупа. Оказалось, что пуля попала въ високъ, а потому смерть, по мнѣнію врача, должна была послѣдовать почти мгновенно.

— Выстрѣлъ былъ сдѣланъ на весьма близкомъ разстояніи, чуть-ли не въ упоръ, замѣтилъ докторъ Биндэль:—волосы вотъ тутъ отчасти опалены и високъ почернѣлъ.

— Онъ уже, вѣроятно, спалъ и былъ убитъ во снѣ, сказалъ прокуроръ.

— Дѣ, это весьма возможно; даже, вѣроятно, такъ оно и было, хотя доказать этого нельзя, отвѣтилъ докторъ:—положеніе тѣла такое покойное... обыкновенно, человекъ спящій принимаетъ такое положеніе.

— Пуля еще въ головѣ? спросилъ Питтъ.

— Да, она тамъ.

Биндэль уже изслѣдовалъ рану зондомъ.

— Мнѣ было-бы весьма желательно, заговорилъ слѣдователь, если-бы вы постарались достать ее. Пуля можетъ оказать существенную услугу при розыскѣ убійцы.

— Но убійцу, полагаю я, нечего искать, такъ какъ онъ уже открытъ: убійство совершено рабочимъ, замѣтилъ прокуроръ.

— Хорошо; но тогда пуля будетъ уликой противъ него, сказалъ Питтъ: — вѣдь вы знаете, что подобные люди любятъ запираяться; они рѣдко сознаются въ своей винѣ.

Доктору удалось, хотя и не безъ труда, вынуть пулю. Она была довольно маленькая. Слѣдователь завернулъ ее тщательно въ бумажку и спряталъ въ карманъ, а затѣмъ обратился къ фрейгерру съ вопросомъ:

— Вы упомянули, что эта дверь—дверь на веранду, была полуотворена, когда вы ночью, тотчасъ-же послѣ выстрѣла, явились сюда?

— Да, это совершенно вѣрно, отвѣтилъ фрейгерръ.

— Дверь эта не запиралась на ночь?

— Я задвигалъ ее изнутри маленькой задвижкой—вотъ этой самой.

Слѣдователь подошелъ къ двери и тщательно осмотрѣлъ задвижку.

— Она слабо задвигается, замѣтилъ онъ.

— Мнѣ и въ голову никогда не приходило, чтобы тутъ нужна была болѣе крѣпкая задвижка, сказалъ Маннштейнъ.

— Не извѣстно-ли вамъ—была задвинута эта задвижка въ прошлую ночь?

— Ну, насчетъ этого ничего положительнаго сказать вамъ не могу. Это для меня загадка... Я уже думалъ объ этомъ, но разгадать не могъ... Вчера вечеромъ сидѣли мы оба на верандѣ и потомъ отправились спать. Я проводилъ Мальтэна въ эту комнату и, по привычкѣ, мимоходомъ, задвинулъ задвижку у двери на веранду.

— Это вы хорошо помните?

— Хорошо помню.

— Но въ такомъ случаѣ, какимъ-же образомъ дверь эту отворили съ веранды, не повредивъ задвижки? возразилъ прокуроръ.

— Можетъ быть самъ Мальтэнъ отворялъ послѣ дверь, можетъ быть онъ выходилъ, но забылъ потомъ запереть, замѣтилъ фрейгерръ.

— Да, едва-ли и возможно тутъ другое предположеніе, прибавилъ Ригель.

Слѣдователь въ это время нѣсколько разъ запиралъ дверь, задвигая и отодвигая задвижку.

— А можетъ быть, и возможно, проговорилъ онъ...

Прокуроръ посмотрѣлъ на него и спросилъ:

— Какое-же? Не забудьте, г. слѣдователь, что другая дверь, изъ гостиной, была тоже заперта на задвижку, окна были затворены, ну, а другого входа—нѣтъ. Если только убійца не сидѣлъ спрятавшись въ этой самой комнатѣ, то ему, чтобы попасть сюда, необходимо было войти черезъ эту дверь.

— Почему-же необходимо? Я этого не вижу еще, возразилъ Питтъ. Сообразите слѣдующее обстоятельство: убійца вошелъ не черезъ эту дверь, а другую, изъ гостиной; та дверь не была заперта ни на ключъ, ни на задвижку; но, войдя, онъ самъ задвинулъ задвижку; чтобы никто не могъ изъ внутреннихъ комнатъ попасть сюда и для того еще, чтобы выиграть время, убѣжать безрепятственно... Затѣмъ, выстрѣливъ въ г. Мальтэна, онъ убѣжалъ уже черезъ эту дверь, которая ведетъ прямо на веранду, а слѣдовательно—въ садъ; разумѣется, онъ долженъ былъ отодвинуть задвижку... Оттого-то дверь и оказалась полуотворенною...

— Хорошо, но въ такомъ случаѣ убійца запрятался гдѣ нибудь здѣсь, въ самомъ домѣ!? воскликнулъ фрейгерръ. Я ни за что, никогда этому не повѣрю! За мо-

ихъ людей—ручаюсь: никто изъ нихъ не способенъ на такое дѣло, да кромѣ того всѣ они любили Мальтэна!...

— Соглашаюсь съ вами. Я никого и не обвиняю. Я хотѣлъ только указать на такую *возможность*, заговорилъ слѣдователь,—но по моему убѣжденію убійца вошелъ именно черезъ *эту* дверь—ведущую на веранду, хотя она и *была* заперта на задвижку... Я выйду на веранду. Потрудитесь, пожалуйста, запереть за мною дверь.

Онъ вышелъ. Дверь за нимъ затворили и заперли на задвижку. Однако, плотно нельзя было затворить ее: отъ солнца она сохлалась настолько, что черезъ широкую щель хорошо можно было видѣть задвижку. Питтъ, остріемъ ножа, осторожно и безъ особеннаго труда отодвинулъ ее и—дверь отворилась.

Присутствующихъ это чрезвычайно удивило.

— Я думаю, что дверь была отперта именно такимъ образомъ, замѣтилъ улыбаясь судебный слѣдователь. Конечно, тутъ надо предположить, что кто либо изъ рабочихъ хорошо зналъ ее, зналъ, что она запирается на задвижку, потому что ночью не могли-же они все это разглядѣть... Позвольте мнѣ, господинъ фрейгерръ, предложить еще одинъ вопросъ: вы, кажется, сказали, что обыкновенно сами спите въ этой комнатѣ?...

„Маленькій фрейгерръ“ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ сторону... Казалось—вопросъ слѣдователя смутилъ его.

— Да, это моя жилая комната; я и сплю въ ней, отвѣтилъ онъ.

— Но почему гость вашъ спалъ въ вашей спальнѣ?

— Прочія комнаты у меня не совсѣмъ въ порядкѣ...

— Зналъ-ли кто нибудь, что вы уступили гостю свою комнату?

— Лакей мой только и зналъ.

Питтъ призадумался и замолчалъ...

— Но я готовъ чѣмъ угодно поручиться за моего слугу, что дѣло это не имъ совершено, прибавилъ фрейгерръ, котораго какъ-то неприятно поразило молчаніе слѣдователя.

— Вѣрю вамъ. Меня удивляетъ только одно обстоятельство: какимъ образомъ рабочіе могли узнать, что г. фонъ Мальтэнъ спитъ именно въ этой комнатѣ?...

— Господинъ слѣдователь! Вы, кажется, уже убѣждены въ невинности рабочихъ? воскликнулъ прокуроръ съ нѣкоторой досадой.—Но развѣ такъ трудно предположить, на примѣръ, что они, спрятавшись въ саду, наблюдали за гг. Маннштейномъ и Мальтэномъ, сидѣвшими на верандѣ? И потомъ, развѣ рабочіе не могли подглядѣть, что г. Мальтэнъ остался въ этой комнатѣ?.. Полагаю, что такое предположеніе правдоподобно.

Питтъ выслушалъ это совершенно спокойно, только на губахъ его играла легкая улыбка.

— Предположить это возможно, но.. это не совсѣмъ правдоподобно, замѣтилъ онъ и сейчасъ-же прибавилъ:— Я вѣдь только стараюсь разъяснить себѣ суть дѣла, разъясить нѣкоторыя свои сомнѣнія... На примѣръ, мнѣ кажется что-то невѣроятнымъ, чтобы рабочіе пробрались сюда съ цѣлью *застрѣлить* г. Мальтэна: къ огнестрѣльному оружію они непривычны... Они скорѣе палками или просто кулаками убили-бы его. Убивать изъ ружья или пистолета—тутъ нужно довольно таки смѣлости: вѣдь убійца долженъ-же былъ знать, что выстрѣлъ его подыметъ на ноги весь домъ?...

Прокуроръ пожалъ плечами.

— Да, но вѣдь возможно также, что убійца, будучи взволнованъ, вовсе и не соображалъ этого. Идя на такое дѣло, никто не можетъ быть вполне хладнокровнымъ, разсудительнымъ...

(Продолженіе будетъ).

ПЕРЕДЪ КУПАНЬЕМЪ.

(Картина Перро).

Человѣку случается испытывать иногда такіа ощущенія, выразить которыхъ словомъ почти невозможно, но не потому, чтобы это было непріятно, а потому только, что языкъ бѣденъ, нѣтъ словъ подходящихъ, и, однакоже, ему хочется такъ или иначе проявить, на примѣръ, свой восторгъ, удивленіе, и вотъ онъ неволью обнаруживаетъ свои чувства восклицаніями и даже прибѣгаетъ къ какому-нибудь задушевному мотиву, или просто—припоминаетъ удачный стихъ поэта—дирика, сумѣвшаго образно выразить тѣ-же самыя ощущенія. Помѣщенный въ настоящемъ № нашего журнала снимокъ съ картины Перро «Передъ купаньемъ» *) кажется, не нуждается ни въ какомъ описаніи. Передъ вами—великолѣпное, молодое женское тѣло; вы видите «генія чистой красоты», покоящагося въ сладкой вѣгѣ, въ тѣни древесной, надъ водой.. Навѣрно вамъ вспоминается тутъ стихъ Пушкина:

«Въ ней все гармонія и диво»,

и вы, можетъ быть, прибавляете: «да, но только не все въ ней «выше міра и страстей», хотя

«Она покоится стыдливо,
Въ красѣ божественной своей».

Мы увѣрены, что слѣдующая элегія А. Фета покажется вамъ особенно-понятною при молчаливомъ созерцаніи этой прелестной нимфы:

О, долго буду я, въ молчаньи ночи тайной,

Коварный лепетъ твой, улыбку, взглядъ случайный,
Перстамъ послушную волосъ густую прядь,
Изъ мысли изгонять и снова призывать!
Дыша порывисто, одинъ, никѣмъ незримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
Въ словахъ, которыя произносила ты,
Шептать и поправлять былыя выраженья
Рѣчей моихъ съ тобой, исполненныхъ смущенья,
И въ опьянѣніи, на переворъ уму,
Завѣтнымъ именовъ будить ночную тьму.

Вѣроятно, и къ нижеслѣдующимъ энергическимъ строкамъ г. Озобишина, въ стихотвореніи его «Вазантазена», вы, въ данную минуту, отнесетесь съ должнымъ сочувствіемъ:

Привѣтно пальмы Бенареса
Главою зеленою шумятъ.
Ужели въ мракъ священный дѣса
Укрыться дамъ ей въ снѣгъ прохладъ?..
Нѣтъ, вслѣдъ за ней быстрѣе птицы!
Пью ароматъ ея кудрей..
И робкій крикъ стыдливой жрицы
Покрылъ въ дубравѣ соловей.

Продекламировавъ эти стихи, остается теперь, вмѣстѣ съ другимъ поэтомъ, Д. Давыдовымъ, проговорить страстнымъ шопотомъ, глядя на эту «Вазантазэну»:

Языкъ безмолствуетъ. . . Однѣ мечты и грезы,
И мука сладкая, и восхищенья слезы,
И взоръ впился въ твои красы,
Какъ жадная пчела въ листокъ весенней розы!

*) Гравюра эта исполнена для нашего журнала въ Парижѣ Панимакеромъ—сыномъ, Слѣло можно сказать, что такую удивительную, изящную гравировку на деревѣ рѣдко можно встрѣтить: эта гравюра лучше любой гравюры на стали. Тѣ художники и граверы, которые видѣли въ редакціи пробный оттискъ «Передъ купаньемъ», выразились единодушно, что такое художественное исполненіе выходитъ изъ ряда вонъ и можетъ служить великолѣпнымъ образцомъ.

СПИЧЕЧНИЦА.

Изъ путевыхъ воспоминаній въ Австрали.

(Окончаніе).

Томъ поставилъ кружку на столъ и закричалъ: «Чертъ меня возьми; я вѣдь чуть было не позабылъ. Это моя жена!»

«Я не зналъ что ты женатъ, сказалъ я.

«Да я и не былъ», отвѣчалъ онъ, почесывая голову, «я всего часъ какъ женатъ. Пойдемъ-ка, я тебѣ ее покажу!»

Я вышелъ съ нимъ на улицу, и тамъ въ каретѣ сидѣла его жена въ розовомъ шелковомъ платьѣ—толстая ирландка съ мѣднымъ лицомъ, годами десятью старше его. Рядомъ съ ней сидѣла дама помоложе, также очень толстая.

«Вчера только познакомился съ ней!» шепнулъ мнѣ Томъ «Сегодня мы обвѣчались; видишь-ли старина, какъ надо дѣлать, въ этомъ небось есть кое-что».

«Очень многое!» отвѣчалъ я.

«Не правда-ли?» обрадованно возразилъ онъ. «Да, такой жены не встрѣтишь на каждомъ шагѣ!»

«Скорая женитьба!» сказалъ я.

«Не скорѣе того, какъ это здѣсь въ модѣ», возразилъ онъ. «Барней, мисникъ, котораго ты знаешь, вчера пріѣхалъ сюда—сегодня мы женаты. Драный Филиппъ также женился третьяго дня!»

«Неужели? спросилъ я; вѣдь мы хорошо знали другъ друга. Такъ вотъ, какъ здѣсь дѣлается?»

«Пріѣхать сюда и не жениться, вовсе не идетъ!» отвѣчалъ онъ.

«Кто-же эта жирная дѣвица въ твоей каретѣ?» спросилъ я его еще.

«Это Клапперовская Бэтти. Сядемъ-ка къ нимъ, да поухаживай за ней; покажи ей твое золото, она пойдетъ за тебя!»

Я очень охотно согласился. Мы сѣли въ экипажъ, и къ вечеру я ужъ уговоривался съ Бэтти насчетъ свадьбы.

Продувная бестія была эта Бэтти; она ни за что не хотѣла вѣнчаться иначе, какъ въ бѣломъ шелковомъ платьѣ; а послѣ вѣнчанья я долженъ былъ обвѣчать съ ней по всему городу и приглашать каждаго золотоискателя, котораго знала она или я. Въ день свадьбы она была пьяна до безчувствія; я не могъ съ ней браниться, потомучто и самъ былъ не лучше.

Въ то время я, конечно, не зналъ то, что теперь знаю очень хорошо, именно, что она ужъ разъ двадцать выходила такъ замужъ. Я зналъ только одно, что эта чертовская дѣвка; глаза черные, какъ вишни, косы до пятъ. Право, она была не дурна. Она увѣряла, что ужасно любитъ меня ужъ за то, что я умѣю такъ мило свистать; я вѣрилъ ей, какъ дуракъ. Когда она говорила: «Посвисти, милый Тротъ!» я становился передъ ней, болванъ болваномъ, и свисталъ. А она смѣялась; я думалъ что это она отъ удовольствія, а она просто надо мной насмѣхалась. Не свистанье мое, а мое золото было магнитомъ, который притягивалъ ее. Ей хотѣлось добыть золота, и чертъ возьми, она и добыла. Это-то мнѣ и нравится въ Клапперовской Бэтти, даже теперь, когда я объ ней думаю, потомучто жеманство я ненавижу, какъ смертный грѣхъ.

Мы были женаты три дня—я-бы и не зналъ этого точно, если-бы не записалъ раньше, потомучто все это время, днемъ и ночью, я былъ пьянъ безъ просыпу—какъ одичъ пріятель говорить мнѣ, хлопая меня по плечу: «Вотъ тебѣ и Лилли Тротъ, Клапперовская-то Бэтти съ твоимъ золотомъ дала тягу съ другимъ золотоискателемъ!»

Къ счастью я передъ этимъ положилъ пару другую унцовъ золота въ Мельборнскій банкъ. Я ихъ вынулъ и истратилъ на поиски Бэтти. Найти ее я, конечно, не нашелъ; она вѣрно удрала въ Сидней, куда я не могъ ѣхать по личнымъ соображеніямъ. Да, да, это была ловкая бабѣнка! Сказать мимоходомъ, съ тѣхъ поръ я такъ и не видѣлъ ее больше и не слышалъ объ ней ничего.

Я вернулся назадъ въ Ослинную яму, но тамъ было-таки ужъ порядочно повыбрано. Я переходилъ отъ одного пріиска къ другому, рылъ то тамъ, то тутъ, но никогда не находилъ столько, какъ вмѣстѣ съ Санди Джимомъ и Билли Альфомъ. Никто ничего не зналъ объ нихъ; я часто подумывалъ, нашли-ли они то мѣсто, которое искали, гдѣ золотые самородки свободно валяются на землѣ.

Года черезъ полтора, я, такъ сказать, лицомъ къ лицу наткнулся на Билли Альфа. Это было въ новомъ кустарникѣ, миляхъ въ тридцати отъ Венидо.

«Альфъ!» весело закричалъ я, потомучто очень былъ радъ увидѣться съ старымъ товарищемъ. «Какъ поживаешь, старина?»

«Да вѣдь это и вправду Лилли?» громко закричалъ онъ, дѣлая видъ, будто изъ себя выходитъ отъ радости, между тѣмъ какъ по его лицу я видѣлъ, что ему больно не по нутру эта встрѣча.

Понятно, что мы сдѣлали то, что обыкновенно дѣлаютъ два товарища, когда встрѣтятся долго не видавшіе другъ съ другомъ: мы пошли въ портерную. Я сталъ его тотчасъ-же спрашивать про Санди Джима. Альфъ съ нѣкоторымъ замѣша-

тельствомъ рассказалъ мнѣ, что они по дорогѣ разсорились. Это меня нисколько не удивило, но мнѣ показалось страннымъ, что Санди Джимъ уѣхалъ будто-бы въ Европу. Тысячу разъ онъ говорилъ мнѣ, что живи онъ хоть сто лѣтъ, такъ никогда не оставитъ Австралію; онъ и не могъ этого сдѣлать, также какъ я, но у него былъ, также какъ у меня, паспортъ на свободное пребываніе во всей Австраліи.

Билли Альфъ рассказывалъ мнѣ, что ему теперь очень хорошо, что онъ купилъ въ новомъ кустарникѣ кусокъ земли и хочеть совсѣмъ бросить исканіе золота. Разговоръ какъ-то не вялся; Альфъ чувствовалъ это также хорошо, какъ и я, поэтому вынулъ изъ кармана трубку, чтобы въ клубахъ табачнаго дыма незамѣтнѣе протянуть время.

Просто чудеса, какъ иногда изъ пустяковъ выходятъ наружу большія вещи! Не вынулъ Альфъ своей трубки, и я бы не вынулъ своей, и вы никогда-бы не услышали той исторіи, что я вамъ рассказываю теперь.

А дѣло-то вышло вотъ какъ: чтобы закурить трубку, вѣдь вамъ надо ее зажечь; для этого нужна спичка, а спички всякій держитъ въ спичечницѣ. Такъ вотъ спичечница-то, которую вынулъ изъ своего кармана Билли Альфъ, была точъ въ точъ такая, какую я подарилъ Санди Джиму при нашемъ прощаньи.

Меня точно какъ стрѣлой пронзило всего, когда я увидѣлъ эту вещицу въ рукахъ у Альфа. Я не знаю, что такое значить нервы, вообще не знаю, какъ это такое чувство страхъ, но въ эту минуту я испугался. Я зналъ очень хорошо, какой былъ человекъ Санди Джимъ: онъ ни за какія блага не подарилъ-бы никому вещи, которую я далъ ему на память. Я зналъ его какъ самого себя, а я скорѣе-бы пожертвовалъ жизнью, чѣмъ отдалъ-бы кому нибудь ножикъ, подаренный мнѣ Санди Джимомъ. Значить, говорилъ я себѣ дальше, если Санди Джимъ не отдалъ спичечницы добровольно, она была отнята у него силой, а если онъ изъ за этого поссорился съ Альфомъ, такъ что-жъ дальше?

Вѣсь эти мысли проходили у меня въ головѣ, пока я закуривалъ трубку. Я далъ себѣ слово во что-бы то ни стало разузнать, уѣхалъ-ли Джимъ въ Европу и что съ нимъ сталось. Я, какъ можно равнодушнѣе, спросилъ Билли Альфа, что же у нихъ вышла за исторія, и отчего они такъ скоро разошлись?

«Ахъ», съ замѣшательствомъ отвѣчалъ онъ, «мы два дня ѣхали вмѣстѣ, потомъ заспорили въ какую сторону ѣхать дальше, и тогда Санди Джимъ взялъ направо, а я налево».

Я сталъ его спрашивать дальше, почему же онъ знаетъ, что Санди уѣхалъ въ Европу?

«Мнѣ сказалъ одинъ товарищъ, который пріѣхалъ изъ Мельборна, и разговаривалъ съ Джимомъ на кораблѣ; вотъ все, любезный Тротъ, что я объ немъ знаю!»

Я добродушно кивнулъ головой, будто-бы вполне вѣря его рассказу. Объ спичечницѣ я не проронилъ ни словечка.

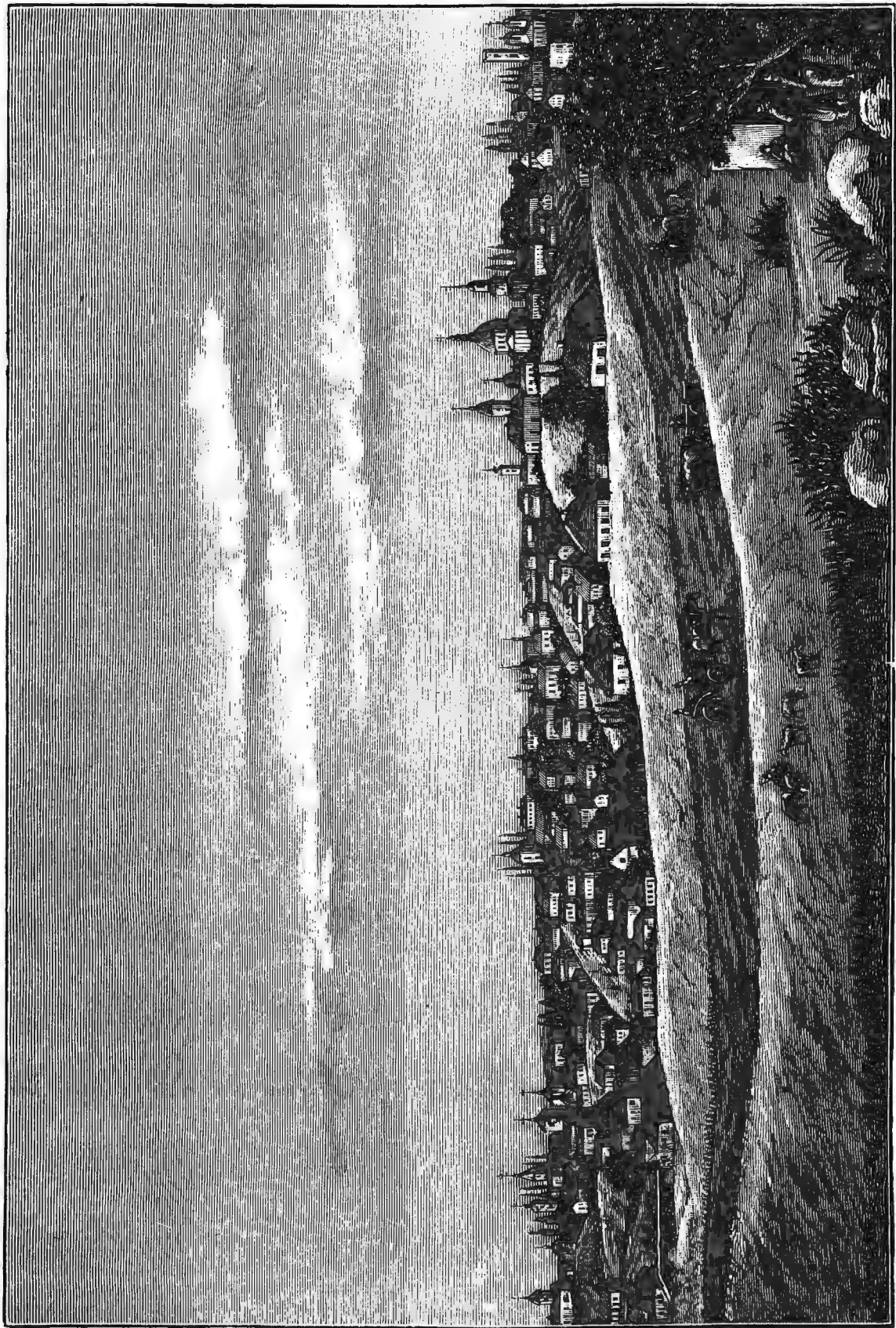
«Скажи-ка мнѣ, Альфъ», продолжалъ я помолчавъ немного, «можно мнѣ переночевать эту ночь у тебя?»

«Какая, право, досада!» отвѣчалъ онъ, ворочая глазами, какъ будто это въ самомъ дѣлѣ огорчало его, «палатка моя восьми футовъ въ ширину и десяти въ длину, а со мной еще двое людей, они также снятъ въ моей палаткѣ!»

Ага! подумалъ я—у него въ палаткѣ есть что-то чего я не долженъ видѣть. Я пожелалъ ему спокойной ночи и мы расстались. Разумеетсяъ, я слѣдилъ за нимъ, и не выпускалъ его изъ вида. Онъ пошелъ къ своей палаткѣ; она была вдвое больше противъ того какъ онъ рассказывалъ. И какъ-бы вы думали, кто былъ привязанъ подлѣ самой ея двери? Собака Санди Джима! Собака моего стараго друга Санди, Лео, которая не оставила-бы своего господина, хоть-бы ее заколотили до смерти! Я сейчасть-же подумалъ: «Ну, другъ Санди! они съ тобой ссальшивили; но погоди, я ужъ узнаю, какъ все это было!»

Лилли Тротъ замолчалъ теперь послѣ длиннаго рассказа. Уже была глухая ночь, далекіе раскаты грома предвѣщали грозу. Я могъ различать черты своего собесѣдника, только по временамъ, когда особенно ярко вспыхивала какая нибудь вѣтка нашего костра, и мнѣ казалось, что онъ принимаетъ какое-то таинственное, чуть не зловѣщее выраженіе. Онъ тогдалъ ногой горящій костѣрь, и пѣзъ него сыпались тысячи искръ. Огонь охватывалъ одну вѣтвь за другой, пламя ярко вспыхивало, потомъ опять дѣлалось темно, и огонь сробивался въ другомъ мѣстѣ. Наконецъ, Лилли Тротъ снова началъ свой рассказъ:

«Видъ собаки моего бывшаго друга не могъ способствовать къ спокойному настроенію моихъ мыслей; я чувствовалъ, какъ кровь прилила къ голсвѣ. Воображеніе рисовало мнѣ всевозможныя ужасныя картины; я представлялъ себѣ, какъ Санди Джимъ лежитъ на землѣ, и какъ Альфъ склонилъ надъ нимъ свое дьявольское лицо. Лео была вѣрнѣйшая, прекраснѣйшая собака, какую я когда либо видѣлъ; Джимъ часто говорилъ: «Я лучше соглашусь быть бѣднякомъ и имѣть Лео, чѣмъ быть богатымъ безъ Лео». Не легко было вырваться изъ его челюстей

Городъ Кишиневъ. Съ фотографіи, рѣзалъ Барановскій.

тому, кто раз попалъ въ нихъ. Отъ него со страхомъ отходили всѣ другія собаки. Онъ весь былъ искусасть—такъ часто приходилось ему выдерживать борьбу на жизнь и на смерть. Для меня было непостижимой загадкой, какъ могъ Альфъ укротить его и привязать къ себѣ?

Я направился въ ближайшую портерную и за стаканомъ гроги сталъ обдумывать, что мнѣ дѣлать. Отретироваться безъ шума и безъ того чтобы не быть замѣченнымъ Лео, было не совсемъ легко. Я у того и у другаго разспрашивалъ объ Альфѣ. Никто его терпѣть не могъ, да и онъ ни съ кѣмъ не знался, жилъ себѣ въ одиночку и старался избѣгать всякихъ лишнихъ разговоровъ. Всѣ считали его за капитальнаго, отвѣденнаго негодая. Когда я выпилъ свой грогъ, у меня въ головѣ твердо зашла мысль—въ эту же ночь приобрести Лео, чего-бы это не стоило.

Позже ночью, я осторожно подкрался къ палаткѣ Альфа; онъ спалъ въ ней одинъ, никакихъ товарищей, какъ онъ говорилъ, съ нимъ не было. Отсюда я еще осторожнѣе приблизился къ канурѣ Лео, но всякомъ случаѣ остерегаюсь подходить ближе разстоянія его цѣпи. Онъ увидѣлъ меня и минутъ пять заливался лаемъ, не переводя духу.

У Санди Джима была одна любимая пѣсня, которую онъ часто пѣлъ. Я началъ потихоньку навистывать еѣ, точно такъ какъ это бывало дѣлалъ Джимъ. Лео сталъ понемножку униматься и наконецъ совсемъ замолчалъ. Я подползъ ближе и назвалъ его по имени. Онъ узналъ меня, началъ лизать руки и такъ принялся прыгать и скакать на своей цѣпи, что я думалъ, разорветъ онъ ее. Я съ трудомъ успокоилъ его и перерѣзалъ цѣпь.

Сдѣлавъ это, я, что было духу, бросился бѣжать прямо въ кустарникъ; по бряцанью цѣпи сзади меня я зналъ, что Лео слѣдуетъ за мной. Когда я почувствовалъ себя въ безопасности—подпустилъ собаку къ себѣ и освободилъ ее отъ цѣпи и ошейника. Ну, Лео, воскликнулъ я, между тѣмъ какъ онъ облапывалъ меня, теперь начнемъ розыскивать чтó случилось съ твоимъ господиномъ!

Я готовъ побожиться, что собака поняла меня; она тихонько помакивала хвостомъ и смотрѣла на меня своими блестящими глазами, словно обѣщала помочь мнѣ.

Восемь дней спустя я былъ опять въ Ослиной ямѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ полтора года тому назадъ разстался съ своими двумя товарищами. Наша старая палатка еще стояла на своемъ мѣстѣ; конечно, она была сильно повреждена, но все таки въ ней жилъ еще какой-то старикъ; но къ сожалѣнію онъ не могъ дать мнѣ никакихъ указаній. Средства мои въ конецъ истощились; я пошелъ принужденъ былъ искать золото. Я пошелъ на старое наше мѣсто, но теперь, работая въ десять разъ больше прежняго, находилъ всего нѣсколько унцій золота. Да мнѣ и не надо было больше, и я отправился по тому направлению, куда поѣхали тогда тѣ двое. Въ полдень я ужъ не зналъ куда идти дальше, потому что дорога раздѣлялась. Я рѣшился идти по той, которая казалась болѣе провѣженной. Не прошелъ я по ней и двадцати шаговъ, какъ Лео подбѣжалъ ко мнѣ и схватилъ меня за пальто. Сначала я не обратилъ на него вниманія, но онъ началъ визжать и всталъ у меня въ ногахъ, такъ что я не могъ сдѣлать шагу впередъ. Когда я приостановился, онъ побѣжалъ назадъ къ другой дорогѣ и остановился тамъ, словно поджидая меня. Теперь, чортъ возьми, я понялъ въ чемъ дѣло: собака знала по какой дорогѣ пошли они тогда! Если мнѣ теперь кто скажетъ, что у собаки нѣтъ разума, такъ я скажу тому, что онъ самъ глупѣе всякой собаки.

Однако для меня оставалось загадкой, какими судьбами Лео, не забывшій до сихъ поръ своего господина, могъ оставаться у Билли Альфа? Я рѣшился слѣдно слѣдовать за собакой. Животное, не задумываясь надъ дорогой, хотя бы она дѣлилась на три или на четыре пути, бѣжала впередъ.

На второй день мы пришли къ обширному бараку, передъ которымъ стояло на скамьѣ нѣсколько бутылокъ инбирнаго пива. Здѣсь Лео остановился. Я вошелъ въ баракъ и спросилъ хозяина, нѣтъ ли у него чего-нибудь «покрѣпче» инбирнаго пива.

Онъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на меня, думая, не изъ тайной ли я полиціи, потому что онъ потихоньку продавалъ грогъ, что особенно преслѣдовалось полиціей, налагавшей за это большой штрафъ. Впрочемъ, убѣдясь, что я не шпіонъ, онъ далъ мнѣ желаемое.

Когда я съ нимъ расплатился, онъ проводилъ меня до дверей и увидѣлъ Лео: «Эту собаку я ужъ видѣлъ разъ!» сказалъ онъ. «Давно?» спросилъ я, какъ будто мимоходомъ, хотя сердце у меня такъ и стучало въ груди.

«Да такъ, можетъ быть съ годъ тому назадъ!»

«Съ ней было двое людей?» спросилъ я, дѣлая видъ будто занимаюсь ошейникомъ Лео.

«Да. Только не вы были!»

«Не я,» и продолжая разговоръ я спросилъ: «А вы также видѣли обоихъ, когда они вжили и назадъ?»

«Только одного», отвѣтилъ онъ.

У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ. «Котораго же?» спросилъ я. Онъ громко захохоталъ и посмотрѣлъ на меня бокомъ; онъ не привыкъ къ такимъ настойчивымъ вопросамъ.

«Почемъ же я знаю!» проговорилъ онъ наконецъ.

«Да собака-то была съ нимъ!» воскликнулъ я.

«Это вѣрно, собака была съ нимъ, но въ какомъ видѣ? Несчастное животное было все въ крови, должно быть, его ужасъ какъ колотили!»

Для меня было этого довольно. Я простился съ хозяиномъ и пошелъ дальше.

Скрывшись у него изъ виду, я бросился на землю; Лео легъ у меня въ ногахъ и наблюдалъ за мной своими налитыми кровью глазами.

«Такъ вернулся только одинъ!» воскликнулъ я. «Лео, который же это изъ нихъ былъ? Джимъ или Альфъ?» Животное помакивало хвостомъ, и глаза его словно говорили: «если бы я только могъ говорить, я бы все разсказалъ». Потомъ онъ вскопчилъ и залааялъ: пойдѣмъ!

Я двинулся впередъ точно лунатикъ, не думая, не разсуждая, я дѣлалъ только то, что хотѣлъ Лео. Онъ назначалъ мѣсто ночлега, онъ приводилъ меня къ пивнымъ лавкамъ, какія были на пути, онъ показывалъ мнѣ скрытыя въ уединенныхъ мѣстахъ источники, которыхъ бы мнѣ никогда не отыскать безъ него. Разъ онъ отвелъ меня совсемъ въ сторону отъ дороги; или двѣ шли мы не разбирая куда, какъ вдругъ очутились передъ маленькимъ блокгаузомъ. Было двѣнадцать часовъ дня; Лео былъ въ этотъ день особенно беспокоенъ; онъ визжалъ и каждую минуту прибѣгалъ ко мнѣ, будто горячаго меня идти поскорѣе. Это былъ пятый день нашего странствія; мы прошли навѣрно миль тридцать. Въ послѣдній день я видѣлъ по пути много долгузаспанныхъ ямъ; очень можетъ быть, что Джимъ и Альфъ рыли здѣсь землю отыскивая золото. Когда мы подошли къ хижины, Лео пришелъ въ такую ярость, точно вдругъ взбѣсился. Онъ страшно вылъ, а двѣ собаки изъ блокгауза храбро отвѣчали ему. На этотъ шумъ изъ хижины вышелъ человѣкъ и съ жесточайшей руганью спросилъ, что я хочу у него украсть?

«Съ какой стати считаешь ты меня за мазурика, осель?» со злостью закричалъ я на него, ибо былъ въ свѣрхнѣйшемъ расположеніи духа.

«А то за кого же тебя считать!» хватилъ онъ, «гдѣ же твои прекрасные товарищи?»

«Какіе такіе товарищи?» спросилъ я.

«Ты еще спрашиваешь какіе, мазурики?» закричалъ онъ вѣтъ себя отъ злости. «Что ты меня считаешь за новичка? Ты думаешь, я не знаю собаки? Провались тѣ океанне мерзавцы, что обокрали меня тогда всего, утащили чай, сахаръ, даже мой заступъ! Пусть-ка придутъ еще; теперь мое ружье въ порядкѣ, и будь я проклятъ, если не положу одного изъ нихъ на мѣствѣ!» Теперь и совсемъ успокоился.

«А когда это случилось, почтеннѣйшій? Эдакъ больше году тому назадъ?» спросилъ я очень вѣжливо.

«Ну—да, дьяволь!»

Я насилу могъ удержаться, чтобы не поколотить его.

«Эй ты, молодецъ! послушай-ка что я тебѣ скажу!» закричалъ онъ и прицѣпился въ меня. «Если ты не уберешься отсюда, покуда я сосчитаю десять, такъ будешь мнѣ стоить моего старца!»

Что мнѣ было дѣлать съ этимъ дуракомъ? Я пошелъ своей дорогой. Задумчиво слѣдовалъ за мною Лео. Онъ бѣжалъ поджавъ хвостъ, низко нагнувъ морду къ землѣ и безпрестанно оборачиваясь чтобы посмотреть, иду ли я за нимъ.

Такъ шли мы съ доброй частью, и углубились въ лѣсную чащу, какъ вдругъ Лео остановился. Когда я подошелъ къ нему, онъ громко залаялъ и началъ неистово рыть передними лапами землю. Я сталъ обыскивать кустарники и нашелъ заржавѣвшій заступъ, должно быть тотъ самый, о которомъ поминалъ давнишній грубиянъ. Я взялъ его. Лео все рылъ землю; яма была уже порядочно глубока; я сталъ ему помогать и — показалось нѣсколько обугленныхъ костей! Горе бѣднаго Лео надрывало сердце; онъ лалялъ, визжалъ, жалобно вылъ; я въ первый разъ въ жизни видѣлъ, что собака можетъ плакать. Теперь я зналъ, какъ произошло убійство, будто я самъ былъ свидѣтелемъ его. Вотъ тутъ спалъ мой несчастный товарищъ; тамъ вотъ стоялъ алчный Альфъ, раздумывая, какъ бы одному заграбастать все золото, и раздробилъ товарищу черепъ. Прощай, Санди Джимъ, спокойной ночи! Пожилъ, будетъ съ тебя. Потомъ Билли Альфъ зажегъ костеръ, сжегъ трупъ, а зоду сгрѣбъ въ эту яму.

Весь этотъ день я еще ничего не вѣлъ, а не чувствовалъ голода. Отъ сильнаго волненія я не помнилъ что дѣлалъ; я разсказывалъ собакѣ всѣ свои дальнѣйшіе планы, совершенно какъ бы говорилъ съ человѣкомъ. Однако, я скоро опоминился и поспѣшилъ назадъ къ упомянутой выше хижинѣ. Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ укротить грубаго хозяина и разсказать ему про свое открытіе. Онъ пошолъ со мной и далъ мнѣ мѣшокъ. Въ него уложили мы все что могли найти, кости, нѣсколько металлическихкихъ пуговицъ и обгорѣлыхъ лохмотьевъ.

Собравъ это, я какъ можно скорѣе поспѣшилъ въ Новые Кусты, гдѣ жилъ Билли Альфъ. Я пріѣхалъ туда ночью. Не знаю какъ это случилось, но я не подумалъ взять кого-нибудь съ собой, это потому, что былъ въ слишкомъ возбужденномъ состояніи. Я прямо пошелъ къ Альфиной палаткѣ, гдѣ видѣлъ еще былъ свѣтъ. Альфъ, который въ эту минуту раздѣвался, съ руганью подошелъ къ двери и спросилъ: кто тамъ?

«Лилли Тротъ!» воскликнулъ онъ и отворилъ дверь. Я вошелъ въ палатку, Лео слѣдовалъ за мной по пятнамъ.

«Чортъ возьми, Дилли!» закричалъ Альфъ, «откуда это тебя пригледо? Да и моя собака съ тобой!»

Но взглянувъ на меня, онъ вздрогнулъ: вѣрно лицо мое было не больно то успокоительно.

«Знаешь ты, что у меня въ этомъ мѣшкѣ?» проговорилъ я хриплымъ голосомъ.

«Почему же я могу знать?» отвѣчалъ онъ, дѣлая гримасу что-бы засмѣяться.

«Такъ я тебѣ скажу! Въ немъ кости Санди Джима, твоего пріятеля Санди Джима, котораго ты убилъ! Твое мѣсто на висѣлицѣ, скотина, и ты не уйдешь отъ нея!»

Не успѣвъ я выговорить этихъ словъ, какъ уже онъ навелъ на меня свой револьверъ. Я выбилъ его у него изъ рукъ. Онъ схватилъ лопату, размахнулся ею и навѣрное размогилъ бы

мнѣ черепъ, если бы Лео стремительно не бросился на него и не повалилъ его на землю. Зубы собаки въ мигъ впилась въ его горло. Я вышелъ за дверь и выстрѣдилъ изъ револьвера. Сейчасъ же сбѣжалось множество народа, и я рассказалъ всю исторію, Молодца связали по рукамъ и по ногамъ, и мнѣ нечего прибавлять, что онъ былъ повѣшенъ по всѣмъ правиламъ искусства.

«Видите-ли», заключилъ свой рассказъ Лилли Тротъ, «вотъ эта спичечница, черезъ которую Санди Джимъ нашелъ своего мстителя».

Маленькая мѣдная коробочка какъ-то особенно блестяла въ пламени вспыхивавшаго костра; потомъ Лилли Тротъ опять бережно положилъ ее къ себѣ въ карманъ, какъ будто въ ней хранилось какое-нибудь сокровище.

К И Ш И Н Е В Ъ *).

Кишиневъ, губернской городъ бывшей Бессарабской области, нынѣ Бессарабской губерніи, лежитъ подлѣ 47° 12' с. ш. и 46° 30' вост. долготы по парижскому меридіану. Разстояніе Кишинева отъ С.-Петербурга 1701 верста, отъ а отъ Молдавской границы по прямой линіи 50 верстъ. Кишиневъ расположенъ въ 18 верстахъ отъ рѣки Днѣстра, на правомъ берегу рѣчки Быка, впадающей въ Бендерскомъ уѣздѣ, близъ села Гура-Быкулай въ Днѣстръ. Мѣстоположеніе Кишинева довольно живописно. Представьте себѣ большую площадь, окруженную почти со всѣхъ сторонъ горами, по нѣкоторымъ изъ нихъ тянутся полоски дѣса, у подошвы и на склонахъ другихъ видны небольшія деревушки и села, третья покрыты зелеными лугами и золотистыми нивами... На серединѣ этой большой площади возвышается гора, на склонѣ которой, обращенномъ къ сѣверу, расположенъ Кишиневъ, окаймленный многими садами (фруктовыми и виноградными). Для цѣлности картины недостаетъ только большой рѣчки, такъ какъ рѣка Быкъ не въ состояніи исполнять ея роль, не будучи снабжена водою въ достаточномъ количествѣ. Не хуже картину представляетъ Кишиневъ своими окрестностями и зимою. Все пространство, насколько можетъ охватить глазъ, покрывается снѣгомъ; окрестныя деревни какъ будто исчезаютъ подлѣ нимъ. Только Кишиневъ, подобно богатую, окутанному въ бѣлый плащъ, стоитъ величаво на горѣ, а его плащъ далеко тянется за нимъ—и конца его не видать.

Какъ и всякій городъ, Кишиневъ имѣетъ свою исторію, которую и постараемся вкратцѣ передать нашимъ снисходительнымъ читателямъ. Въ 1812 году, во время присоединенія Бессарабіи къ Россіи, на мѣстѣ нынѣшняго Кишинева находилось небольшое мѣстечко Кишинау, состоявшее изъ нѣсколькихъ сотъ молдавскихъ и армянскихъ жилищъ. Но названіе Кишинау мы встрѣчаемъ гораздо раньше: оно упоминается въ грамотѣ молдавскаго господаря Александра (1420 г.), данной боярину Венѣ на одно имѣніе. Въ это время въ Кишинау стоялъ монастырь Варзарева, называвшійся Кишиневскимъ—Кишино—Варзарева и построенный на мѣстѣ деревяннаго замка. Монастырь этотъ былъ разрушенъ татарами, и на его мѣстѣ, на горѣ, молдавскій господарь Мазараки построилъ церковь, которая и до настоящаго времени существуетъ и носитъ названіе Мазаракиевой. Здѣсь подлѣ горою въ настоящее время устроенъ бассейнъ, который снабжаетъ водою почти весь городъ. Мѣсто это видно съ лѣвой стороны общаго вида города Кишинева на прилагаемомъ рисункѣ. Въ концѣ XVII столѣтія Кишинау было разрушено татарами, жители его перешли за р. Быкъ и поселились на лѣвомъ берегу его. Затѣмъ, въ началѣ XVIII стол., они снова возвратились на правый берегъ р. Быка и возобновили Кишинау, которое вскорѣ сдѣлалось торговымъ мѣстечкомъ; поселившіеся здѣсь армяне вели торговлю съ бендерскими турками и татарами. Съ присоединеніемъ Кишинева къ Россіи для него начинается новая жизнь. Кишиневъ становится областнымъ городомъ. Кромѣ армянъ, татаръ и молдаванъ здѣсь появляется и русскій элементъ, а благодаря близости съ другими русскими городами, Кишиневъ является доступнымъ для цивилизаціи. Новые жители Кишинева, поселившіеся здѣсь, строятъ свои дома болѣе за домами прежнихъ жителей (уже по плану), и такимъ

образомъ кладутъ основаніе новому городу, воплотивъ противуположному старому, т. е. жилищамъ прежнихъ жителей, о которыхъ напоминаютъ намъ еще и теперь узенькія грязныя улицы и въ безпорядкѣ разбросанныя избы. Съ 1818 года въ Кишиневѣ уже учреждаются учебныя заведенія: семинарія, приходскій и уѣздныя училища, классическая гимназія (1833) а въ послѣднее десятилѣтіе открыты прогимназія, реальное училище, женская гимназія. Большіе торговые обороты способствовали учредить телеграфное сообщеніе, желѣзную дорогу съ Одессою и Яссами. Появилось много фабрикъ, заводовъ, паровыхъ мельницъ, появились красивыя зданія, и Кишиневъ по числу жителей занимаетъ не послѣднее мѣсто между русскими городами, въ немъ 102,000 жителей.

Лучшимъ украшеніемъ Кишинева служатъ городской садъ и бульваръ, находящіеся въ самомъ центрѣ города. Въ первомъ устроены лѣтній театръ, благородное собраніе, буфетъ и заведеніе минеральныхъ водъ. На самой серединѣ и того величественно возвышается кафедральный соборъ съ отдѣльною колокольней и воротами, какъ это видно на прилагаемомъ рисункѣ; на воротахъ городскіе часы. Здѣсь виситъ большой колоколь, вылитый изъ подаренныхъ правительствомъ пушекъ, взятыхъ у турокъ. Бульваръ и городской садъ находятся другъ отъ друга весьма близко: они отдѣлены только улицей, называемою Московской, которая считается лучшею въ Кишиневѣ; части послѣдней можно видѣть на слѣдующихъ двухъ рисункахъ; на одномъ изъ нихъ изображена сторона сада, обращенная къ сѣверу, дома частныхъ лицъ и лютеранская церковь съ высокимъ колокольнею; на другомъ зданіе фотографіи, магазины, поляція и за нею въ глубинѣ площади городской зимній театръ. Наконецъ, на послѣднемъ рисункѣ изображена прежде называемая Митрополиа, а нынѣ архіерейскій домъ и церковь, которыя находятся какъ разъ противъ соборныхъ воротъ. Кромѣ собора и архіерейской церкви, въ Кишиневѣ православныхъ церквей 14, католическая 1, лютеранская, греческая, армянская, старообрядческая; еврейскіхъ синагогъ и школъ еврейскихъ до 30; послѣдняя цифра прямо указываетъ, что въ Кишиневѣ преобладаетъ еврейскій элементъ. Въ Кишиневѣ кромѣ лѣтняго театра еще два театра, зимній городской и частный. Въ первомъ представляютъ артисты Кишиневской театральной дирекціи. Но кишиневская публика, какъ видно, не любитъ театровъ и вообще всякихъ развлеченій, предпочитая имъ сидѣть дома и скучать. Вообще въ городѣ мало движенія. Въ Кишиневѣ есть городская и частная больница, есть нѣсколько хорошихъ гостиницъ. Одинъ недостатокъ города это—немогущія улицы, вслѣдствіе чего въ Кишиневѣ лѣтомъ страшная пыль, а осенью ужасная грязь. Кишиневская дума уже болѣе года собирается отклонить это неудобство и также провести водопроводъ изъ рѣчки Днѣстра... Быть можетъ, дума съ новыми членами, избранными въ маѣ этого года, серьезно отнесется къ потребностямъ города и приметъ за дѣло съ болѣшимъ стараніемъ.

Въ Кишиневѣ, въ теченіи двухъ лѣтъ, жилъ нашъ поэтъ Пушкинъ. Отъ дома Инзова, въ которомъ онъ жилъ, сохранились только развалины, которыя видны на нашемъ рисункѣ съ правой стороны.

А Л Б А Н Ц Ы И К О С Т Ю М Ъ И Х Ъ

Народъ, національный костюмъ котораго представленъ на нашей картинкѣ, представляетъ интересное явленіе въ нашей части свѣта. Албанцы—это отдѣльная группа семьи индо-германскихъ народовъ; она стоитъ отдѣльной группой и въ турецкой имперіи. Особенная чистота типа сохранилась въ сѣверной Алба-

ніи, а также и костюмы—во многомъ уклоняющіеся отъ турецкаго—менѣе всего тронуты здѣсь посторонними влияніями.

Изъ костюма албанки упомянемъ прежде всего о *рубашкѣ*, которая уже тѣмъ отличается отъ своихъ западныхъ сестеръ, что дѣлается болѣею частію изъ шелковой сѣрповой матеріи, и роскошно вышита спереди; открытый на груди фасонъ низенькаго корсажа позволяетъ видѣть вышивку. Этотъ *корсажъ* дѣлается изъ шелковой матеріи, безъ рукавовъ, и богато украшенъ золотомъ. Спереди онъ имѣетъ глубокой вырѣзъ и застегивается перетяжками; такимъ образомъ грудь сильно подтяну-

* Нѣсколько поминутъ, общій видъ Кишинева до сихъ поръ еще не встрѣчался ни въ одномъ иллюстрированномъ журналѣ (хотя много было заготовлено для худ. Лист. Тма, но уже его не существовало) а потому для того, чтобы читатели «Нивы» могли составить лучшее понятіе о Кишиневѣ, я, кромѣ общаго вида его, прилагаю нѣсколько рисунковъ, изображающихъ лучшія улицы и аданія этого города.

та корсажемъ. Сверхъ нижняго корсажа надѣвается довольно длинный, широко открытый спереди кафтанъ, также роскошно отделанный кругомъ вышивкой и позументами. Это костюмъ

изъ тонкаго сукна; и эта часть одежды украшается затѣливыми пестрыми арабесками изъ шелковыхъ вставокъ. Менѣе всего красивую, хотя можетъ быть и весьма практи-

Албанцы и костюмъ ихъ. Рис. П. В. Фрей, грав. Ф. В. Бадена.

дѣвушки, женщины же носятъ длинную одежду въ родѣ тунники, доходящей до щиколки; она всегда бываетъ темныхъ цвѣтовъ, черная, темно-зеленая, синяя или коричневая и дѣлается

ческую часть костюма албанки, составляють необъятной ширины шаровары, въ которыхъ, подъ безчисленнымъ множествомъ складокъ, тоуютъ ея стройныя ноги. Шаровары эти съ лиро-

образной вставкой на животѣ, дѣлаются изъ яркаго ситца самыхъ пестрыхъ узоровъ; они обшиваются внизу шелковымъ бордюромъ или позументомъ, а наверху стигиваются на шнур-

Женская національная обувь, желтыя кожанныя остроконечныя туфли на красной подкладкѣ, начинають понемногу вытѣсняться западной обувью обыкновеннаго фасона, выписываемой

Албанцы и костюмъ ихъ. Рис. И. В. Фрей, грав. Ф. В. Бадена.

кѣ. Существенную часть костюма составляетъ повязанный вокругъ живота *шарфъ*, который у женщинъ бываетъ изъ тяжелой пестрой шелковой материи.

большую частью изъ Вѣны. Чулки носятъ изъ толстой, преимущественно пестрой шерсти. Красивѣйшую часть женскаго албанскаго костюма безспорно составляетъ головной уборъ. Шля-

пы, чепчики и тому подобныя куафюры къ счастью еще не проникли туда, но за то сшитая изъ коралловъ и золотыхъ шнурковъ диадема албанки, составляетъ такой головной уборъ, какому наши дамы были бы въ полномъ правѣ очень и очень позавидовать. Длинный и широкій вуаль изъ тонкой бѣлой кисеи дополняетъ въ высшей степени граціозный головной уборъ.

Въ сѣверной Албаніи замужнія женщины носятъ еще пунцовый плащъ съ капюшономъ. Онъ надѣвается при выходѣ на улицу; въ первый годъ замужества женщины обязаны закрывать капюшономъ лицо, дабы его не могли видѣть ни чьи любопытные глаза.

Какъ у всѣхъ нецивилизованныхъ или полудицилизованныхъ народовъ, большую роль въ украшеніяхъ играютъ золотыя монеты; изъ нихъ дѣлаютъ ожерелья, серьги и тому подобныя предметы. Кромѣ того, рѣдко у кого не увидишь пальцевъ украшенныхъ кольцами. Молодыя дѣвушки вмѣсто упомянутого открытаго корсажика, носятъ жилетъ изъ краснаго сукна, наглухо застегнутый на груди.

Мужской костюмъ соответствуетъ женскому; такіе же широ-

чайшіе шаровары, пестрые шерстяные чулки, остроконечныя туфли, вышитая куртка. Шарфъ вокругъ живота не шелковый, какъ у женщинъ, а красный шерстяной. Головной уборъ албанца составляетъ красная феска съ огромнѣйшей синей кистью.

Само собою разумѣется, костюмъ разнообразится смотря по личному вкусу каждаго. Магометанская часть населенія предпочитаетъ шароварамъ холщевую бѣлую юбку, сложенную глубокими безчисленными складками. Одни носятъ открытыя на груди короткіе жилеты, другіе длинный плащъ съ разбѣжными длинными рукавами, третьи коротенькую меховую куртку. Такая же разница и въ панталонахъ; одни ходятъ въ шерстяныхъ панталонахъ, другой въ перешнурованныхъ суконныхъ штанишкахъ, третій разгуливаетъ въ бѣлыхъ холщевыхъ штанахъ. Тѣмъ не менѣе костюмъ остается строго характернымъ, какъ по особенной манерѣ его носить, такъ и потому, что вышеупомянутые варианты остаются всегда въ однихъ и тѣхъ же тѣсныхъ границахъ. Судить объ этомъ всего лучше можно по нашимъ картинкамъ.

С М Ъ С Ъ .

По американски. Американскія газеты получили изъ Брайтона, Массачузетса и другихъ штатовъ извѣстія о попыткѣ нѣкоего Гуда Донага (Hudh Donahue) совершить путешествіе въ 1100 английскихъ миль въ продолженіи 1,100 часовъ, т. е. мило въ часъ. После 827-ой мили этотъ скороходъ сталъ обнаруживать несомнѣнные признаки усталости и пригласилъ къ себѣ трехъ врачей, которые должны сопровождать его до конца путешествія, давая ему возбуждательныя средства и вообще оказывать ему всякую необходимую медицинскую помощь. Изъ Бостона, Ловелла и другихъ сосѣднихъ городовъ собралась громадная толпа народа, чтобы быть свидѣтелями неимовѣрной пытки, добровольно принятой на себя этимъ человекомъ. Всѣ ожидали, что его попытка окончится неудачей. Мнѣніе это основывается на томъ, что его лицо страшно исхудало, глаза впали, волосы посѣдѣли. «Часто» пишетъ одинъ очевидецъ: «онъ падаетъ замертво на землю». Пройдя одну милю, на что онъ обыкновенно употребляетъ только 15 минутъ, онъ ложится спать съ тѣмъ, чтобы его разбудили черезъ 40 минутъ. Но разбудить его иногда чрезвычайно трудно. Тутъ приходится пускаться въ ходъ нашатырный спиртъ, крѣпко колотить уснушаго его, колотъ иглами, или стрѣлять изъ пистолета надъ самымъ его ухомъ. Корреспондентъ одной Нью-Йоркской газеты, который былъ очевидцемъ этой пытки, выражаетъ убѣжденіе, что эта попытка окончится весьма печально.

Усовершенствованный аэростатъ. Въ Америкѣ производится въ настоящее время весьма серьезныя опыты надъ воздушною лодкою, устроенною такъ, чтобы ей можно было давать въ воздухѣ желаемое направленіе, и на которой путешествіе изъ Европы въ Америку можно будетъ совершать напримѣръ въ двое сутокъ. Имя изобрѣтателя этой новой воздушной лодки Фридрихъ Вильгельмъ Шредеръ. Родился онъ въ Вестъ-Фриландѣ и нѣсколько лѣтъ уже какъ живетъ въ Балтиморѣ, занятый устройствомъ модели для своей воздушной лодки. Наконецъ, въ Юнѣ сего года модель была уже настолько усовершенствована согласно идеѣ изобрѣтателя, что при исполненіи ея въ большомъ размѣрѣ успѣхъ кажется несомнѣннымъ. Получивъ патентъ, онъ предложилъ свои планы генеральному почтмейстеру Соединенныхъ Штатовъ. Послѣдній высказалъ въ своемъ письмѣ къ изобрѣтателю весьма лестно объ его идеѣ. Само собою разумѣется что отъ этого лестнаго отзыва изобрѣтателю нисколько ни стало теплѣе и онъ, вѣроятно, никогда бы не перешолъ отъ теоретическихъ соображеній къ практическимъ опытамъ, если-бы счастливый случай не свелъ его съ однимъ очень богатымъ человекомъ, котораго ему удалось убѣдить въ возможности извлекать громадную пользу изъ его изобрѣтенія. Клепидатель тотъ также нѣмецъ, нѣкто Георгъ Гемъ, одинъ изъ представителей большой табачной фирмы въ Балтиморѣ. Онъ согласился дать деньги на это предпріятіе, и въ половинѣ прошлаго іюля былъ заключенъ контрактъ по сооруженію воздушной лодки требуемой величины. Она должна имѣть форму спасительной лодки, длиною въ 60 футовъ, высотой же и шириною въ 10 футовъ. Остевъ ея будетъ построенъ изъ стальныхъ дугъ скрѣпленныхъ желѣзной проволокой; вся она покроется непроницаемымъ полотномъ. Лодка будетъ привѣшена къ изобразному шару также изъ непроницаемаго полотна и вмѣщающему въ себѣ 70,000 кубическихъ футовъ газа. Въ лодкѣ находится паровая машина въ двѣнадцать лошадиныхъ силъ, которая приводитъ въ движеніе находящіяся спереди, сзади и съ боковъ колеса съ крыльями. Переднее и заднее колеса построены на манеръ колесъ въ винтовыхъ пароходахъ (архимедовъ винтъ), каждое съ двумя крыльями, боковыя же снабжены перьями. Кромѣ этого лодка имѣетъ спереди и сзади

по рудю, которая приводится въ движеніе одновременно и въ одинаковомъ направленіи. Относительно возможности посредствомъ одинаковыхъ ли, расличныхъ, или наконецъ, совершенно противоположныхъ движеній отдѣльныхъ колесъ привести лодку въ движеніе по желаемому направленію, если-бы только колеса дѣйствовали въ воздухѣ совершенно такъ, какъ дѣйствуютъ пароходныя—не могло-бы быть никакого сомнѣнія; вопросъ только въ томъ будутъ-ли они и тутъ такъ дѣйствовать? Кромѣ паровой машины въ лодкѣ находится еще аппаратъ для добычи парового газа, это необходимо для послѣдующихъ наполненій шара газомъ дабы сохранять его силы, и нѣсколько маленькихъ резервныхъ шаровъ на случай, если большой шаръ дастъ трещину. Что касается услугъ, ожидаемыхъ отъ этого аэростата, то, по увереніямъ его изобрѣтателя, онъ въ состояніи будетъ совершить на немъ путь изъ Балотиморы въ Нью-Йоркъ въ полтора часа; изъ Нью-Йорка въ Лондонъ въ продолженіи 50 часовъ, а кругосвѣтное плаваніе изъ Нью-Йорка черезъ Лондонъ, Гамбургъ, Парижъ, Лиссабонъ и обратно въ Вашингтонъ,—въ продолженіи шести дней, считая уже и время необходимое для отдачи почты въ названныхъ мѣстахъ. Воздушная лодка такъ устроена, что, всѣя сама 28 центнеровъ, она въ состояніи будетъ поднимать 14 человѣкъ, кромѣ всего почтового груза. Будетъ-ли это новое изобрѣтеніе въ состояніи оправдать все то, что обѣщаетъ теперь его изобрѣтатель, относительно этого ругаться конечно нельзя. Достоверно только то, что отдѣльныя части этого аппарата давно уже заказаны и согласно контракту всѣ должны были быть изготовлены еще до 5 августа. Что будетъ дальше—увидимъ.

Происхожденіе имени «Герцеговина» не всѣмъ вѣроятно извѣстно. Первоначально этимъ именемъ называлась маленькая область, составлявшая часть Боснии и находившаяся во владѣніи Князя Стефана Вукаловича. Когда императоръ Фердинандъ III пожаловалъ послѣднему титулъ герцога, это независимое княжество получило названіе «Герцеговина» т. е. стороны герцога. 50 лѣтъ послѣ этого Герцеговина утратила свою независимость, подпавъ въ 1843 году подъ владычество турокъ.

Средства противъ отравленія. Еще въ древности отравленнымъ давали обыкновенно пить теплую воду съ деревяннымъ, или растопленнымъ коровьимъ масломъ до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ рвота. Иногда вызывали также рвоту, раздражая горло перомъ, намоченнымъ въ тепломъ прованскомъ маслѣ. Жирныя клистиры также, конечно, полезны въ такихъ случаяхъ.

Полная чайная ложка горчичнаго порошка разведеннаго въ стаканѣ воды дѣйствуетъ также скоро и энергично.

Особенно рекомендуется слѣдующій способъ леченія: отравленному даютъ по возможности скорѣе бѣлковинную жидкость, приготовленную изъ 12—15 яичныхъ бѣлковъ, въ которую вливаютъ одну бутылку воды, причемъ слѣдуетъ сильно взбалтывать эту смѣсь. Къ этому напитку прибавляютъ, послѣ предварительнаго просачиванія его черезъ кусокъ фланели, или тонкаго сукна; немного сахара для вкуса. Кромѣ этого отравленный долженъ выпить сначала черезъ четверть, а потомъ черезъ полчаса маленькую чашку какого-бы то ни было масла для появленія обильной рвоты.

Знаменитый гомеопатъ д-ръ Ганеманъ предлагаетъ противъ отравленія мышьякомъ густую мыльную воду. Слѣдуетъ ваврѣзывать на мелкіе куски фунтъ хорошаго обыкновеннаго мыла и растворить его въ четырехъ фунтахъ горячей воды. Тепловатый растворъ пьютъ чашками черезъ каждыя 3 минуты до наступленія обильной рвоты.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Дѣйствія правительства.

Высочайшія новелѣнія:

— Военный Совѣтъ, согласно представленію главнаго штаба, положилъ:

1. Отмѣнить существующую нынѣ денежную награду за поимку собственно военныхъ дезертировъ—и

2. При предстоящемъ пересмотрѣ I кн. III ч. св. воен. постанов., изд. 1859 года, исключить статьи, опредѣляющія денежную награду за поимку дезертировъ.

Положеніе это, 16-го минувшаго августа, Высочайше утверждено.

Высочайшая грамота.

Нашему генералъ-адъютанту, туркестанскому генералъ-губернатору и командующему войсками туркестанскаго военного округа, инженеръ-генералу Константину Фомъ-Кауфману.

Во вниманіе къ отличной храбрости и распорядительности вашей при разбитіи нашими войсками кокандцевъ, подъ личнымъ предводительствомъ вашимъ, 22-го августа сего года, Всемилостивѣйше пожаловали Мы вамъ *золотую шапку, украшенную алмазами, съ надписью на эфесѣ: «За пораженіе кокандцевъ 22-го августа 1875 года»*. Означенное оружіе, при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ носить по установленію.

На подлинной Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано;

«АЛЕКСАНДРЪ».

30-го августа 1875 года.
Царское Село.

— Въ Военномъ Министерствѣ составлено новое положеніе о довольствіи инженерныхъ войскъ предметами инженернаго вѣдомства, которое рассмотрѣно Военнымъ Совѣтомъ. Государь Императоръ, утвердивъ, 1-го сего сентября, это положеніе, Высочайше повелѣть соизволилъ: ввести оное въ дѣйствіе и затѣмъ ст. 1.002—1.038 кн. I ч. IV с. в. п. изд. 1859 года считать отмѣненными.

Народное просвѣщеніе.

— 16-го сентября открыты при морскомъ училищѣ вновь учрежденные до волеѣ Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала приготовительные классы. Въ старшій классъ принято 40 человекъ, средній возрастъ ихъ 15 лѣтъ 3 мѣсяца; въ младшій 46, средній возрастъ 13 лѣтъ 7 мѣсяцевъ.

— Въ будущемъ году предполагается произвести, какъ сообщается въ газетѣ «Кіевлянинъ», пособіе изъ суммъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ учрежденнымъ въ послѣднее время въ Кіевѣ, Каменцѣ-Подольскѣ и Житомирѣ русскимъ публичнымъ бібліотекамъ, по 800 рублей на каждую.

Военное и морское дѣло.

— Въ „Русск. Инвалидѣ“ напечатано: Во вниманіе къ отличному мужеству, хладнокровію, примѣрному исполненію своего долга и выдержанности, выказанными командою казаковъ, прикрывавшею отступленіе нашего посольства изъ Кокана командующій войсками туркестанскаго военного округа, по предоставленному ему праву, возложилъ на всѣхъ 22 казаковъ этой команды знаки отличія военнаго ордена.

— Въ дѣлѣ под Махрамомъ, 22-го августа, убитъ подполковникъ уральскаго казачьяго войска Хорошихинъ (Александръ) и раненъ (легко) флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества, генеральнаго штаба полковникъ Скобелевъ.

— Комитетъ нарвскаго портоваго купечества сообщаетъ, что 13-го сентября спасительной лодкою были сняты и доставлены въ

городъ Нарву девять человекъ рабочихъ съ перевознаго норвежскаго судна «Скиельдмень». Судно это съ грузомъ соли шесть дней стояло на рейдѣ, и по причинѣ бурной погоды и противнаго вѣтра не могло попасть въ гавань, а рабочіе оставались совершенно безъ провіанта.

— 6-го сего сентября открыта спасательная станція на о-вѣ Куйвасть (Лифляндской губ.) съ десяти-весельною лодкою системы Уайта.

Железные дороги и телеграфы.

— Главное Общество российскихъ желѣзныхъ дорогъ, въ виду часто повторяющихся случаевъ несчастій на дорогахъ этого Общества, происходящихъ отъ небрежнаго отношенія къ дѣлу служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, занято рассмотрѣніемъ вопроса, касающагося улучшенія контроля надъ дѣйствіями служащихъ.

— На телеграфной станціи, въ Нижнедѣвицкѣ (Воронежской губерніи) открытъ приѣмъ дешешъ внутренней корреспонденціи.

— На существующей телеграфной линіи отъ Калиша къ Коло въ городѣ Турекѣ (Калишской губерніи) открыта станція съ приѣмомъ дешешъ внутренней и международной корреспонденціи.

— На телеграфныхъ станціяхъ въ Аренбургѣ и Лемзалѣ (Лифляндской губ.) и Баусѣ (Курляндской губ.) открытъ приѣмъ дешешъ международной корреспонденціи.

— Телеграфный департаментъ сообщаетъ, что поврежденіе подводнаго кабеля между Владивостокомъ и Нагасаки устранимо, и телеграфное сообщеніе съ Японіею и Китаемъ возобновлено.

— 12-го сего сентября, въ городѣ Повьянцѣ, Олоонецкой губерніи, открыта, какъ сообщается въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, метеорологическая станція главной физической обсерваторіи. Наблюденія на этой станціи производятся три раза въ день: въ 7 ч. утра, 1 ч. пополудни и 9 ч. вечера. Измѣреніе атмосфернаго давленія производится барометромъ Турретини; абсолютная и относительная влажность воздуха опредѣляется психрометромъ Августа и гигрометромъ Соссюра; температура воздуха—столбуннымъ термометромъ Цельсія; наименьшая температура дня—спиртнымъ термометромъ Рутефорда; направление и сила вѣтра—флюгеромъ и при дѣланныхъ къ нему особымъ аппаратомъ, показывающимъ скорость вѣтра въ метрахъ въ одну секунду. Также наблюдаются: направленіе облаковъ, явленія атмосфернаго электричества и метеорные осадки. При метеорологической станціи, кромѣ барометра Турретини, находится прекрасный анероидъ Naudet, вѣтренный въ главной физической обсерваторіи, и солнечныя экваторіальныя часы, для опредѣленія истиннаго мѣстнаго времени.

Устройству метеорологической станціи, въ матеріальномъ отношеніи, много способствовала повѣнецкая земская управа.

Сельское хозяйство и промышленность.

— Одесская выставка сельскохозяйственныхъ произведеній открыта 15-го сентября въ присутствіи мѣстныхъ властей и представителей одесскаго уѣзднаго земства, по инициативѣ котораго она и устроена. Въ ней, по словамъ «Одесскаго Вѣстника», приняли участіе болѣе семидесяти экспонентовъ и сочувственно отнеслись къ ней многія экономическія учрежденія, правительственныя и частныя; одѣхъ медалей, для награжденія отличившихся экспонентовъ, имѣется въ распоряженіи комитета выставки болѣе тридцати и, кромѣ того, существуетъ земская награда — почетные кубки. Изъ отдѣловъ выставки особое вниманіе обращаетъ на себя машинный, какъ по числу экспонентовъ, такъ

и по числу и значенію выставленныхъ предметовъ. Интересенъ отдѣлъ скотоводства. Кромѣ предметовъ сельско-хозяйственныхъ и встрѣчающихся въ крестьянскомъ быту, особый отдѣлъ на выставкѣ посвященъ кустарной промышленности.

— Довѣренный тюменскаго 2-й гилдіи купца Бусыгина, великобританскій подданный В. Норманъ, отправившійся для поиска и развѣдки золотыхъ россыпей по системѣ рѣки, выдающихся по правую сторону рѣки Или, въ Кульджинскомъ районѣ, нашелъ въ 35 верстахъ отъ селенія Мазаръ, по склону горъ, съ правой стороны рѣки Хоргосъ, золотосодержащіе пески.

— Лѣсоразведеніе на югѣ Россіи начинается, по словамъ «Одесск. Вѣстника», мало по малу прилагаться на практикѣ. Такъ нѣкоторыя крестьянскія общества Херсонской губерніи уже заявили готовность садить деревья близъ усадебъ; въ Тираспольскомъ уѣздѣ заведенъ уже древесный питомникъ; въ собравшемся недавно херсонскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи состоялось постановленіе о разведеніи лѣса.

— 28-го сентября открыта была въ городѣ Грязовцѣ, Вологодской губерніи, по почину уѣзднаго земства и при его содѣйствіи, выставка сельско-хозяйственныхъ произведеній и издѣлій кустарной промышленности.

Выставка по качеству предметовъ раздѣлялась на шесть разрядовъ, изъ которыхъ самое главное и первое мѣсто занимало скотоводство. Всѣхъ экспонентовъ было 112.

Скотоводство замѣтно улучшается, и въ особенноты развивается молочное хозяйство. Экспонентамъ выставки было роздано, согласно заключенію особой экспертной комисіи, нѣсколько наградъ, состоящихъ изъ медалей, денежныхъ премій отъ земства и похвальныхъ листовъ.

— Совѣтъ котельническаго, Вятской губерніи, экономическаго общества, обсуждая мѣры къ улучшенію въ уѣздѣ сельскаго хозяйства, остановился, между прочимъ, на вопросѣ о необходимости введенія искусственнаго лѣсоразведенія въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ уѣзда.

Несчастія.

— Изъ Таганрога пишутъ, что 13-го сентября подъ Таганрогомъ пронеслась буря. Вода въ Азовскомъ морѣ поднялась и снесла кушальни. Судамъ, стоящимъ въ гавани и на рейдѣ, пришлось выдержать сильный штормъ, нѣкоторые изъ нихъ получили поврежденія. У одного изъ пароходовъ было испорчено колесо. Жертвою бури было 32 человекъ, труны которыхъ привнесло теченіемъ въ гирла.

— Въ «Орловскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» пишутъ, что 24-го августа, въ волостяхъ Гнилушенской, Архаровской, Губкинской, Протасовскій и Гнилоплотской (Малоярославскаго уѣзда), вслѣдствіе бывшаго сильнаго дождя, смыты посѣянные поля и уничтожены мосты на рѣкахъ и ручьяхъ и, кромѣ того, утонула находившаяся въ полѣ мѣщанка Михайлова съ двумя дѣтьми.

СОДЕРЖАНІЕ. Николай Ивановичъ Пяровъ (съ портретомъ). — Кто выигралъ?.. (Изъ современной уголовной хроники). Романъ Ф. Фридриха (продолженіе). — Передъ купаньемъ (съ рисункомъ). — Спичечница. Изъ путевыхъ воспоминаній въ Австраліи. (Окончаніе). — Кишиневъ (съ рисункомъ). — Албанцы и костюмы ихъ (съ двумя рисунками). — Смѣсь. — Разныя извѣстія.

За Редактора

Издатель А. Ф. Маркъ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЬ ГАРМОНИУМОВЪ

товарищества АЛЕКСАНДРЪ въ Парижѣ

ALEXANDRE PÈRE & FILS

единственный агентъ П. ЮРГЕНСОНЪ въ Москвѣ.

(ЦЕГРОВКА, № 6).

Модель №	1 гармоніумъ въ 3 окт. переносимый, стар, дубоваго дерева.	Руб.
2	» 3 1/2 »	60
6	» 4 » орѣховаго дерева	80
7	» 4 » для аккомпанимент. 1 педаль дубов. дер.	120
8	» 4 » 2 педали » »	90
9	» 4 » для малыя. хор. 1 педаль » »	60
10	» 4 » 1 педаль » »	80
13	» 4 » 2 педали » »	90
16	» 4 » 2 пед. съ транспоз. дуб. дер.	125
18	» 5 » 1 пед. перкюссіон. ст. дуб. д.	100
19	» 5 » 2 пед. М. А., дубов. дер.	100
21	» 5 » 2 пед. 1 игра, 1 рег., дуб. д.	125
23	» 5 » тоже полисандроваго дерева	140
26	» 5 » 1 игра, 3 регист. дубоваго дерева	150
27	» 5 » 1 » 3 » орѣховаго дерева	150
28	» 5 » 1 » 3 » полисандроваго дерева	150
29	» 5 » 1 » 3 » съ транспоз. полисандр. дер.	150
37	» 5 » 1 » 1 » кларинетъ, дубоваго дерева	125
44	» 5 » 1 1/2 игры 3 регист.	165
45	» 5 » » орѣховаго дерева	175
46	» 5 » » полисандроваго дерева	175
48	» 5 » » 6 » съ транспозиторомъ	200
50	» 5 » » 7 » С. М.	200
53	» 5 » » 9 » форма пионитра стар. дуб. д.	185
54	» 5 » » » орѣховаго д.	2 0
55	» 5 » » » полисандр. д.	200
59	» 5 » въ 2 игры съ клавиатурой полисандров. дер.	200
60	» 5 » » 2 » 10 регист. стар. дубоваго дерева.	215
65	» 5 » » 2 » 11 » орѣховаго дерева	250
66	» 5 » » 2 » 11 » полисандроваго дерева	250
71	» 5 » » 2 » 11 » С. М.	250
77	» 5 » » 2 » 11 » перкюссіонъ.	300
85	» 5 » » 4 » 14 » 2 клавиатуры	435
99	» 5 » » 4 » 15 » М. А.	325
102	» 5 » » 4 » 15 » Exhibition	350
104	» 5 » » 4 » 15 » съ транспозиторомъ	375
119	» 5 » » 5 игры 16 » съ транспозиторомъ	425
127	» 5 » » 5 » 23 » съ перкюссіонъ.	500
137	» 5 » » 6 » 18 » полисандроваго дерева	550
143	» 5 » » 4 » 2 клавиатуры	600

Пяноно (7 октавъ) для упражненій (Piano d'étude) 275
 Всѣхъ видовъ, величинъ и фасоновъ гармоніумы фабрики Alexandre père et fils
 ценою 157, изъ нихъ избраны мною 40 самыхъ общепотребительныхъ, которые имѣются
 въ моей торговлѣ постоянно на складѣ и продаются по самымъ дешевымъ цѣнамъ съ
 ручательствомъ за прочность.

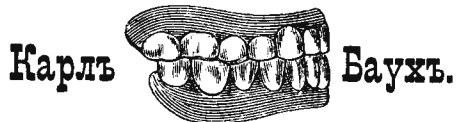
Инструменты «Александръ отецъ и сынъ» славятся какъ самыя сильныя тономъ,
 какъ самыя солидныя и выносливыя по работѣ и какъ самыя дешевыя по цѣнѣ.
 Принимаются заказы по рисункамъ и желанію гг. любителей по условнымъ сѣтамъ.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

ГГ. ПРѢЗЖАЮЩИМЪ въ С.-Петербургѣ, желающимъ жить дешево,
 тихо и спокойно, рекомендуются комнаты съ двумя швейцарами, при-
 слугою и бѣльемъ отъ 60 к., до 2 р. въ сутки, по подъѣзду съ Го-
 роховой, на углу Большой Морской, въ д. Штрауха, кв. № 26.

4-4

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

Карль Баухъ.

Принимаетъ больныхъ ежедневно, отъ 10 час. до 3 часовъ.
 Шломбированіе, вставленіе зубовъ и цѣлыхъ челюстей по самой
 новѣйшей американской методѣ.

С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 9.

6-1

Édition de Goupil & Co. à Paris.

Les Salons de 1872, 1873, et 1874.

Édition grand in-folio Un Album par Salon, conte-
 nant chacun 70 Photographies Prix de chaque Salon,
 demi-reliure, maroquin rouge, 400 fr.

Édition petit in-folio. Deux Albums par Salon, conte-
 nant ensemble 100 Photographies. Prix de chaque
 Salon, demi-reliure, maroquin rouge, 150 fr.

2-1

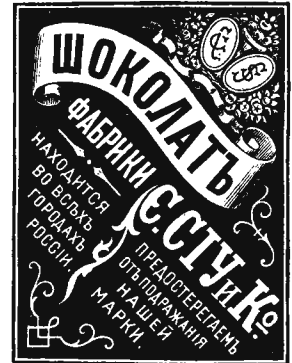
При этомъ № для гг. иногородныхъ подписчиковъ приложено объявленіе отъ книжнаго магазина Федорова въ СПбургѣ.

Édition de Goupil & Co. à Paris.

Oeuvres choisies de Fortuny: Reproduites en Photographies. Un Al-
 bum grand in folio: comprenant 50 Planches.*

Prix de l'album en portefeuille 300 fr.
 Prix de chaque planche séparée 6 fr.
 Reliure marocain du levant, tranches dorées. 140 fr.
 Reliure parchemin, tranches rouges 50 »
 Demi-reliure, dos et coins marocain 50 »
 2-1

**НОВОЕ
ВРЕМЯ**
 ежедневная политическая и литератур-
 ная газета. Изданіе К. В. Трубинова.
 Подписная цѣна на 3 мѣсяца, съ 1-го
 Октября по 31 Декабря: въ С.-Петер-
 бургѣ 4 р. 50 к. для иногородныхъ
 5 руб. Подписка принимается въ главной
 конторѣ газеты „Новое Время“ на Ли-
 тейной № 46.

45 12

ЕДИНСТВЕННОЕ ДЕПО ДЛЯ ВСЕЙ РОССИИ

ЖИДКО КОНЦЕНТРИРОВАННЫХЪ ПРЯНОСТЕЙ И ФРУКТОВЪ

Употребляемыхъ въ домашнемъ хозяйствѣ, въ ресторанахъ гостини-
 цахъ, кухмистерскихъ въ кондитерскихъ, и булочныхъ, для при-
 готовленія ликеровъ и пастоекъ, лимонадовъ и пр.

Фабрики Д-ра Л. НАУМАНА Въ Дрезденѣ

поставщика Его Величества Короля Саксонскаго.

Главнѣйшія преимущества этихъ товаровъ состоятъ въ слѣдующемъ:

- 1) Въ значительной дешевизнѣ сравнительно съ соответствующими имъ сырыми товарами.
- 2) Въ сбереженіе матеріала вслѣдствіе растворимаго ихъ состоянія,
- 3) Въ удобствѣ выигрышъ времени и равномерности въ употребленіи.
- 4) Въ равномерномъ и тончайшемъ распредѣленіи пряностей въ блюдахъ.
- 5) Въ постоянной свѣжести и чистотѣ вкуса.

Кромѣ выше означенныхъ жидко концентрированныхъ пряностей и
 фруктовъ продаются у насъ сиропы для лимонада. Ананасъ 75 к.
 Лимонный 70 к. Флёръ д'Оранжъ 75 к. Малиновая 75 к. Смѣсь раз-
 ныхъ фруктовъ 90 к.

К. НЕВЕ и ЮНГЪ.

С.-Петербургъ, Казанская площадь, уголъ Казанской улицы,
 домъ Кохендерфера № 2/3.

Прейсъ-Куранты, съ объясненіемъ объ употребленіи
 по требованію высылаются.

Отправка товаровъ за счетъ заказчика чрезъ почту, транспортныя
 конторы или подрядчиковъ, по предписанію.

5-1

2 руб., 12 каб. портретовъ — уголъ Малой
 Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50-20

Изданія А. Ф. МАРКСА.

для гг. подписчиковъ „НИВЪ“ продаются съ слѣдующею скидкою:

- Москва и Тверь, истор. пов., Кельсиева Ц. съ пер. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 40 к.
 При Петрѣ, истор. пов., Кельсиева и Ключникова. Ц. съ пер. 1 р. 50 к., для подпис. 1 р.
 Въ намышахъ. Повѣсть Карзинь. Ц. съ перес. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 40 к.
 Богъ въ помощь, романъ Вернера. Ц. съ перес. 1 р. 30 к., для подписчиковъ 75 к.
 Вторая жена, романъ Маритта. Ц. съ пер. 2 р., для подписч. 1 р. 30 к.

№ 42

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
 Выданъ 20 Октября 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

При слѣдующемъ № 43 „НИВЫ“ будутъ разсланы Гг. городскимъ и многороднымъ подписчикамъ ПЕРВАЯ и ВТОРАЯ (т. е. ВСѢ преміи въ текущемъ году), 1) Смерть Юлія Цезаря, 2) Мадона Севильская, обѣ въ одномъ картонномъ футлярѣ. Въ случаѣ неполученія къмъ либо при № 43 такого футляра, просимъ не принимать самаго номера и увѣдомить о томъ Редакцію немедленно, не позже какъ съ получениемъ № 44 нашего журнала.

БЕССАРАБСКІЕ ЦЫГАНЕ.

Цыгане—народъ безпечный, удамый; другаго такого не найдешъ. Кочуетъ себѣ съ мѣста на мѣсто и, какъ истый дикарь, въ которой живетъ. Онъ всегда самобытенъ, оригиналенъ, типъ его остается совершенно чистымъ, не смотря на то что цыга-

знать ничего не хотятъ: ни законовъ, ни обычаевъ той страны

Бессарабскіе цыгане. Рис. А. де-Баръ.

намъ приходится жить среди чуждыхъ имъ народовъ. Рѣдко

когда между ними, въ Россіи напр., встрѣтишь бѣлокурую цыганку, а цыгановъ такихъ и вовсе какъ-то не видно, да и то оказываются, что большая часть изъ бѣлокурыхъ просто русскія дѣти, попавшія по какому либо случаю въ таборъ. А случаи бываютъ разные, такъ напр., пишущему эти строки извѣстенъ слѣдующаго рода случай: въ одной деревнѣ, около которой стоялъ таборъ, умерла крестьянка, оставивъ маленькаго ребенка. Отецъ не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія и пить съ утра до вечера. Не знали чтѣ и дѣлать съ ребенкомъ; взяли къ себѣ никто не рѣшался, понятно наши крестьяне не отличаются богатствомъ, а въ каждой семьѣ и своихъ ребятъ дѣвать некуда. Пришли изъ табора цыганки ворожить. Бабы обрадовались случаю, обступили ихъ, стали гадать и объ ребенкѣ не забыли. Одна цыганка, услышавъ эту исторію, стала просить его себѣ, говоря, что у нея дѣтей нѣтъ и что она будетъ очень рада, а что имъ онъ лишняя обуза. Подумали, потолковали да и отдали, конечно съ согласія отца. Такъ онъ и выросъ въ таборѣ, только сѣрые глазенки да бѣлокурые волосы отличали его отъ другихъ цыганитъ. Онъ такъ свыкъся съ цыганами, съ ихъ жизнью и языкомъ, что послѣ, когда подростъ и слышать не хотѣлъ, что онъ русскій. «Нѣтъ, я не русскій, я цыганъ, вонъ моя мать, она цыганка», говорилъ онъ, указывая на свою приемную мать. И дѣйствительно, его нельзя было принять за русскаго: говорилъ онъ на своемъ родномъ языкѣ ничуть не лучше товарищей; акцентъ его былъ чисто цыганскій, да и наружностью онъ мало походилъ на русскаго крестьянина. Выраженіе цыганской улыбки и безпашанности оживляло его лицо и положительно отличало отъ земляковъ. Только и осталось въ немъ русскаго что православная вѣра, и то благодаря тому, что цыгане въ Россіи всѣ православные. У цыганъ своей собственной религіи нѣтъ, всегда относились они и относятся къ ней совершенно равнодушно и принимаютъ религію той страны, въ которой живутъ, а живутъ они во всей Европѣ, въ Азій, даже въ Египтѣ, такъ что цыгана можно встрѣтить и католика, и лютеранина, и православнаго, и магометанина, однимъ словомъ разныхъ вѣроисповѣданій. Определеннаго мѣстожительства у нихъ точно также нѣтъ. Пришли они изъ Индіи. Появились сначала въ Египтѣ, потомъ въ Европейской Турціи, затѣмъ уже распространились по всей Европѣ. А теперь въ какой странѣ ихъ нѣтъ? Особенно много ихъ въ Бессарабіи (11,590 человекъ). Въ Бессарабіи они раздѣляются на три класса: первый—*Ватросы*, отъ слова *Ватра*, что значитъ очагъ. Эти цыгане живутъ въ услуженіи или промышляютъ музыкой, къ которой они очень способны; второй—*Линюры*—отъ молдаванскаго слова *линюръ*—ложка. Эти частью живутъ осѣдло, а больше перековываютъ по лѣснымъ мѣстностямъ, занимаясь выдѣлкой деревянной посуды, и третій классъ—*Урсары*—отъ слова *урса*—медвѣдь. Цыгане этого класса ведутъ жизнь кочевую, занимаются кузнечнымъ ремесломъ, коновальствомъ и лошадиной торговлей. Изъ этихъ одиннадцати тысячъ, осѣдлыхъ цыганъ самое незначительное меньшинство. Только въ Кишиневскомъ, Оргѣвскомъ и Исскомъ уѣздахъ есть нѣсколько деревень, и въ самой населенной изъ нихъ, стоящей на рѣкѣ Прутѣ, недалеко отъ Кишинева, всего 83 жителя. Образъ жизни ихъ въ этихъ селеньяхъ рѣдко разнится отъ жизни остальныхъ бессарабскихъ туземцевъ. Отъ работы они бѣгутъ какъ отъ чумы и промышляютъ кое-чѣмъ; главнымъ ихъ ремесломъ, какъ и всѣхъ цыганъ, всегда остается обманъ; за чтобы не взяли, чтобы не дѣлали, безъ обмана не обойдется. Лѣннывы они до послѣдней степени, образкомъ ихъ лѣнны могутъ служить тѣ жилища, изъ которыхъ состоятъ упомянутыя цыганскія деревни въ Бессарабіи. Подходя къ такой деревнѣ, никакъ не подумаешь, что видишь передъ собой человѣческое селенье, видишь только нѣсколько навозныхъ кучъ и больше ничего. Только подойдя совсѣмъ близко, дѣйствительно убѣждаешься, что тутъ живутъ люди, и то благодаря тому, что вась обступаютъ толпа чумазыкъ, чуть не голыхъ цыганятъ и множество собакъ, съ страшнымъ врикомъ, визгомъ и лаемъ. Идешь дальше, и въ самомъ селеньи бросаются другія собаки, готовые растерзать вась въ клочки. На этотъ ужасный шумъ изъ навозныхъ кучъ выдѣтаютъ грязныя, оборванные, чуть не чернокожіе цыгане. Вы поражены, вы удивлены. Вы съ любопытствомъ начинаете разсматривать эти жилища и ихъ жителей. Оказывается—что же? То, что вы съ перваго раза приняли за навозныя кучи, это ни что иное какъ шалаши, мѣстное названіе которымъ *бурдей*. Постройка этихъ бурдей самая простая: вырывается квадратная яма, глубиной въ аршинъ, величиной въ полторы или двѣ сажени, смотря по количеству и по богатству семьи. По краямъ ямы вколачиваются бревна длиной въ 2 аршина, возлѣ нихъ владутся другія бревна, такъ чтобы концы ихъ ложились на противоположныхъ углахъ каждой стороны ямы, и сбиваютъ ихъ деревянными гвоздями съ сточными бревнами. По окончаніи такой стѣны возводится крыша, постройка которой ни мало не хитрѣе стѣны; кладутся просто бревна и заваливаются валежникомъ. Въ концѣ концовъ продѣлывается дверь на лицевой сторонѣ стѣны, узкая, такая узкая, что съ трудомъ можно пролѣзть въ нее бокомъ; сдѣлана она изъ двухъ сплоченныхъ досокъ, привязанныхъ бичевкой къ стоячему бревну, или же просто отверстіе завѣшивается кускомъ шерстянаго одѣла. Стѣны забрасываютъ

сля грязью, крыша—землей и—жилище готово. Окно нѣтъ. Свѣтъ проходитъ только черезъ щели, а зимой, когда холодно, ихъ кое какъ задѣлываютъ и тогда уже свѣтъ бываетъ только отъ очага. Внутренность такого шалаша вымазывается сѣрой глиной. Съ лѣвой стороны отъ входа дѣлается очагъ, дымъ котораго выходитъ черезъ выдолбленное, на подобіе улья дерево, или круглую плетенку изъ древесныхъ прутьевъ. Грязь въ этихъ жилищахъ поражающая, тѣснота страшная, потому что въ каждомъ такомъ шалашѣ народу всегда живетъ множество. Цыганъ лѣннывъ, но за то онъ и не требователенъ. На вопросъ, отчего онъ не строитъ болѣе удобнаго жилища, онъ отвѣчаетъ: «Зачѣмъ? лишь былъ бы хлѣбъ, да до хлѣба что нибудь, а жилище пустое дѣло».

На одежду они тоже не обращаютъ особеннаго вниманія, дѣти, напр., лѣтъ до десяти до двѣнадцати ходятъ въ какихъ то лохмотьяхъ, а то такъ и вовсе голыи. Костюмъ взрослыхъ тоже не слишкомъ замысловатъ. Онъ состоитъ изъ различныхъ лохмотьевъ набранныхъ кое гдѣ. Въ Бессарабіи цыгане, мужчины среднихъ лѣтъ и старики, волосы носятъ по малороссійски—чурупами, т. е. подбрываютъ ихъ вокругъ головы вершка на два, а остальные на маковкѣ ровно обрѣзываютъ въ кружокъ, щеки и подбородокъ брѣютъ и оставляютъ длинные усы. Молодые цыгане не стригутъ волосы, они падаютъ имъ на плечи длинными спутанными косами. Костюмъ женщинъ обыкновенно состоитъ изъ простой гладкой молдаванской рубанки съ высокимъ воротомъ, съ разрѣзомъ на груди, изъ полосатаго шерстянаго передника, плотно обхватывающаго нижнюю часть тѣла; у пояса онъ поддерживается широкимъ яркимъ шерстянымъ кушакомъ, обыкновенно краснымъ или зеленымъ. Молодые замужнія женщины на головѣ носятъ пестрый платокъ, повязанный чалмой, одинъ конецъ котораго спускается по спинѣ вмѣстѣ съ незаплетенной косой, въ видѣ хвоста; спереди же волосы спускаются на лобъ, закрывая виски и уши, а за ушами причудятся лодъ платокъ. Дѣвушки носятъ просто двѣ косы, старухи какъ то безобразно обвязываютъ платкомъ всю голову и шею. Несмотря на то, что эти цыгане осѣдлые, у нихъ нѣтъ опредѣленнаго занятія. Отъ земледѣлія они бѣгутъ съ какимъ то боязливымъ отвращеніемъ. Они какъ будто бояться всего мало—мальски опредѣленнаго: цыгану въ прокъ не идетъ осѣдлый образъ жизни. Онъ чувствуетъ себя не въ своей сферѣ. Его натура требуетъ другаго. Онъ поэтъ, ему нужна природа и свобода, гдѣ бы ему можно было разгуляться на просторѣ, а главное ему нужно разнообразіе.

Зачастую можно услышать отъ цыганъ, простоявшихъ нѣсколько дней на одномъ мѣстѣ: «Скучно здѣсь, ужъ надоѣло, надо ѣхать на другое мѣсто». Да и сравнить нельзя кочующую жизнь цыгана съ его осѣдлой жизнью. Первая во всякомъ случаѣ привлекательнѣе, здоровѣе, обстановка безъ сравненія поэтичнѣе да и удобнѣе, нѣтъ хоть этой ужасной тѣсноты и темноты. То ли дѣло—солнечный свѣтъ и чистый воздухъ полей, а просторъ-то какой! Лѣтніе жары и дождь имъ ничемъ, только холодъ одинъ можетъ загнать ихъ въ какое-нибудь жилище. Дѣйствительно, тамъ гдѣ зимы холодныя, они снимаютъ избы и проводятъ въ нихъ нѣсколько мѣсяцевъ. Живутъ они въ этихъ избахъ чловѣкъ по тридцати, но какъ только стала свѣтъ—ихъ ничѣмъ не удержишь. Забравъ свой домашній скарбъ, они пускаются въ путь, и воть:

Цыгане шумною толпой,
По Бессарабіи кочуютъ,
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность веселье ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами тѣлетъ
Полузавѣшанныхъ коврами,
Горитъ огонь: семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони, за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недалній,
И пѣсни женъ и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ, да копей ржанье.
Огни вездѣ поташены,
Спокойно все, луна сияетъ
Одна съ небесной вышныи,
И тихій таборъ озаряетъ.

Въ такой жизни есть что-то чарующее даже цивилизованнаго чловѣка, а ужъ тѣмъ болѣе дикаря цыгана. Вспомните Пушкинскаго Алеко. Что цыганамъ такая жизнь дѣйствительно нравится, это видно изъ ихъ веселыхъ, удалыхъ пѣсень. Такія пѣсни не могли бы сложиться у народа, недовольнаго своей судьбой.

КТО ВЫИГРАЛЪ?...

(Изъ современной уголовной хроники).

РОМАНЪ
Ф. Фридриха.

(Продолженіе).

Слѣдователь ничего на это не сказалъ, а обратившись къ фрейгерру—спросилъ:

— Напали-ли вы на какой нибудь слѣдъ убійцы?

— Слѣдовъ—никакихъ. Я тотчасъ отдалъ приказаніе моимъ управляющимъ и всей прислугѣ обыскать не только дворъ, садъ весь, но и окрестности... Однако, они вернулись ни съ чѣмъ...

— Конечно, вы поступили такъ вполне естественно, но мнѣ жаль все-таки, что распорядились вы именно такимъ образомъ: по всемъ вѣроятіямъ, настоящіе слѣды преступника теперь уничтожены, сглажены цѣлой толпой вашихъ людей... Тѣмъ не менѣе, я еще хорошенько осмотрю весь садъ.

Лакей слышалъ весь этотъ разговоръ, а потому извѣстие, что фонъ Мальтэна *застрѣлими рабочіе*—быстро разнеслось по всему имѣнію Маннштейна. Одинъ изъ батраковъ явился къ фрейгерру и объявилъ, что желаетъ поговорить съ судебнымъ слѣдователемъ. Питтъ сейчасъ-же позвалъ его. Работникъ разсказалъ, какъ вечеромъ, послѣ трудовъ, побѣжалъ онъ въ сосѣднюю деревню, чтобы повидаться тамъ съ своей „душенькой“. Пробѣгая лѣсомъ, онъ замѣтилъ кучку рабочихъ, которые были наняты г. Мальтэномъ. Возвращаясь домой уже ночью и боясь снова повстрѣчаться съ тѣми рабочими въ лѣсу, онъ пошелъ по другой дорогѣ, но около усадьбы, почти за садомъ, опять столкнулся съ ними. Прокуроръ также выслушалъ этотъ разсказъ.

— А—а! вырвалось у него невольно.

— Чтѣ-жъ, удивились вы тому, что встрѣтили этихъ людей около сада? спросилъ слѣдователь.

— Удивился.

— Ну, и чтѣ-жъ вы подумали?

— Да подумалъ, чтѣ это они, вѣрно, фрукты пришли воровать... Это за ними водится.

— Отчего-же вы не сказали объ этомъ вашему господину или управляющему?

— Да дѣло-то было ночью... Будить ихъ не хотѣлось, ну, и вотъ тоже самъ, значитъ, поздно оттуда пришелъ... Нашъ управляющій этого не любитъ; то есть чтобы—поздно...

— Не смотрѣли вы за этими рабочими?

— Не смотрѣлъ, потому какъ я проходилъ мимо нихъ—они сейчасъ и укрылись за ивнякомъ, а я пошелъ въ конюшню и легъ спать.

— Сколько было ихъ?

— Да такъ—человѣкъ пять-шесть.

— Не признали-ли кого нибудь изъ нихъ?

— Только двухъ призналъ.

— Назовите по именамъ.

— Одинъ-то—Бартэльсъ, а другой—Лангофъ.

— Вотъ, теперь и я припоминаю, заговорилъ фрейгерръ:—Мальтэнъ говорилъ, что именно Бартэльсъ имѣлъ при себѣ пистолеть.

— Видѣли вы у Бартэльса пистолеть? спросилъ слѣдователь работника.

— Не видѣлъ. Темно было... Да я и не останавливался.

— А въ какомъ часу возвращались вы домой?

— Ужъ, право, не знаю... Полагать надо—эдакъ около двѣнадцати.

— Въ какое именно время раздался выстрѣлъ? обратился Питтъ къ фрейгерру.

— Въ половинѣ втораго, отвѣтилъ Маннштейнъ. Слѣдователь еще разъ осмотрѣлъ самымъ тщательнымъ образомъ всю комнату, но ничего подозрительнаго не нашелъ.

— Странно, неужели рабочіе (если они совершили убійство) не унесли-бы отсюда ни одной вещи? спросилъ онъ прокурора. Вотъ тутъ, на столикѣ, золотые часы; тамъ, надъ письменнымъ столомъ, другіе золотые часы... Какъ хотите, имъ трудно было-бы не соблазниться!...

Ригель уклончиво пожалъ плечами и проговорилъ:

— Тутъ дѣйствовали изъ ненависти, можетъ быть хотѣли отмстить... Неужели при этомъ необходимо воровство?.. Наконецъ, вы забываете, что вѣдъ дѣло было ночью, слѣдовательно, было темно... Не полагаете-ли вы, что они зажигали свѣчку, чтобы удобнѣе совершить преступленіе?...

— Однако, какъ кажется, имъ было довольно свѣтло: пуля мѣтко попала въ голову г. Мальтэна, возразилъ Питтъ.

— Но послѣ выстрѣла имъ уже никакъ нельзя было мѣшкать, высматривать чтѣбы похитить изъ вещей, отвѣтилъ Ригель.

— Хорошо, но чтобы засунуть въ карманъ золотые часы—они лежали тутъ-же на столѣ—довольно одной секунды, даже менѣе...

— Такъ-съ! Во всякомъ случаѣ слѣдствіе обнаружить всѣ обстоятельства дѣла, проговорилъ прокуроръ нѣсколько обиженнымъ тономъ.

— Разумѣется, обнаружить, подтвердилъ Питтъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Да у меня и намѣренія нѣтъ забѣгать впередъ... Слѣдствіе пойдетъ своимъ порядкомъ. Я хочу только теперь собственно *для себя* разъяснить дѣло, чтобы имѣть, такъ сказать, твердую почву подъ ногами. Взвѣшивать, принимать въ соображеніе и тѣ, и другое никогда не мѣшаетъ, тѣмъ болѣе что это не можетъ повредить дѣлу.—

Судебный слѣдователь отправился осматривать садъ. Напасть на настоящіе слѣды онъ уже не могъ: и тамъ, и сямъ, по всемъ направленіямъ, отпечатки подошвъ пестрили обозрѣваемую имъ мѣстность, такъ что ночной обыскъ только и оставилъ свои слѣды.

— Ваши поиски ограничились однимъ садомъ или шли дальше? спросилъ Питтъ, обратившись къ одному изъ управляющихъ.

— Нѣтъ, мы только садъ и осмотрѣли, такъ какъ было темно; забираться дальше было-бы бесполезно, отвѣтилъ спрошенный.

Слѣдователь вышелъ изъ сада, чтобы осмотрѣть тѣ мѣста, гдѣ обыска не было. Медленно подвигался онъ вдоль наружной садовой стѣны; зоркіе глаза его чрезвычайно внимательно глядѣли и на дорогу, и на самый заборъ. Этотъ послѣдній былъ не высокъ, такъ что перелѣзть черезъ него можно было легко. Питтъ по опыту зналъ, что какой нибудь повидимому ничтожный знакъ—садина, царапина—часто можетъ оказать огромную услугу сыщику; пустяжная вещьца можетъ быть драгоцѣнна: она можетъ указать на преступника... Вѣдъ помогла-же ему однажды половинка роговой пуговицы напасть на слѣдъ настоящаго виновника преступленія! На мѣстѣ катастрофы онъ нашелъ сломанную пуговицу и спряталъ ее... Если-бы онъ не обратилъ вниманія на эту ничтожную вещьцу, то врядъ-ли-бы можно было уличить преступника инымъ путемъ, такъ какъ подозрѣнія не падало на него.

Слѣдователь обошелъ уже почти весь садъ, ничего особеннаго не замѣтивъ, какъ вдругъ нѣсколько молодыхъ ивовыхъ деревьевъ, стоявшихъ въ сторонкѣ, привлекли его вниманіе: у одной изъ ивъ вѣтка оказалась

недавно сложенной. Онъ подошелъ ближе къ деревьямъ. Трава около нихъ была не высокая, но довольно густая, и на ней замѣтны были слѣды лошадиныхъ подковъ: лошадь стояла тутъ ночью и, какъ видно, передними ногами рыла землю и теребила ивовыя вѣтки; одну вѣтку даже обломала... Часть коры на стволѣ одной ивки была содрана; вѣроятно, къ этому мѣсту уздечкой привязали лошадь.

Слѣдователь, можетъ быть, не придавалъ-бы особеннаго значенія всему этому, если-бы усмотрѣнное имъ прямо не указывало на то, что лошадь дѣйствительно стояла тутъ недавно, какихънибудь пять-шесть часовъ тому назадъ: притоптанная трава не успѣла даже еще подняться, а она вообще довольно скоро выпрямляется.— Онъ аккуратно вымѣрилъ полоской бумаги ясно отпечатавшійся рисунокъ подковы задней ноги лошади, и мѣрку эту положилъ въ бумажникъ. Небольшіе размѣры подковы указывали, что стоявшая здѣсь лошадь была не изъ простыхъ, рабочихъ лошадей.

Зоркимъ ъкомъ оглядѣвъ Питтъ и наружную стѣну сада около этого мѣста, но на стѣнкѣ не было ни малѣйшаго слѣда, не видно было, чтобы ктонибудь перелѣзалъ тутъ черезъ заборъ... Впрочемъ, ловкому человеку ничего не стоило-бы просто перепрыгнуть черезъ него.

Слѣдователь покончилъ съ осмотромъ и вернулся въ домъ.

— Ну, обрѣли вы чтонибудь? крикнулъ прокуроръ, еще издали завидя Питта.

Ригель и докторъ Биндаль сидѣли у столика, подкрѣпляя себя стаканомъ вина. Вино было подано по распоряженію фрейгерра.

— Особенно важнаго ничего не обрѣлъ, отвѣтилъ Питтъ. Онъ не торопился, ему не хотѣлось сообщить о томъ, что увидѣлъ онъ около ивовыхъ деревьевъ, потому что нужно было еще удостовѣриться, имѣютъ-ли какое либо отношеніе эти слѣды къ самому преступленію.

— Я такъ и думалъ, а потому и не пошелъ съ вами, замѣтилъ Ригель.—Ну-съ, г. слѣдователь, не угодно-ли вамъ теперь освѣжиться, подкрѣпить себя стаканчикомъ винца? Пожалуйста-ка! Вамъ еще нужно сегодня заарестовать рабочихъ, а вѣдь неизвѣстно—можетъ быть прѣ этомъ придется употребить и силу?...

— Ну, едва-ли, произнесъ Питтъ съ улыбкой.

— Однако, все-таки, не вызвать-ли изъ города для этой цѣли нѣкоторое подкрѣпленіе? Въ средѣ рабочихъ есть вѣдь предерзкіе парни... Кто совершаетъ подобное преступленіе, тотъ не остановится и передъ новымъ насилиемъ.

— Я уже распорядился. Сюда явится нѣсколько полицейскихъ. Вызвалъ я ихъ не потому, чтобы боялся рабочихъ,—напротивъ, они мнѣ нужны, какъ сторожъ, чтобы арестанты не вздумали убѣжать.

Живо выпивъ стаканъ вина, Питтъ всталъ и отправился въ садъ, къ фрейгерру, который ходилъ тамъ взадъ и впередъ по аллеякѣ.

— Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ нѣсколько вопросовъ, обратился слѣдователь къ Маннштейну:—вотъ, вы, между прочимъ, упомянули, что пользовались полнымъ довѣріемъ г. Мальтэна... Поэтому вамъ навѣрно хорошо были извѣстны вообще его обстоятельства?

— Не думаю, чтобы онъ чтонибудь утаивалъ отъ меня, отвѣтилъ фрейгерръ.

— Скажите, не было-ли у него личнаго врага?

— Насколько мнѣ извѣстно—нѣтъ, да по моему мнѣнію—и быть не могло-бы: онъ былъ человекъ честный, прямой; никому зла не дѣлалъ, былъ всегда справедливъ... Всѣ знавшіе Мальтэна—любили его.

— Можетъ быть, комунибудь, ради выгодъ, нужна была его смерть?

— Не знаю. Ни на кого не могу указать, чтобы желалъ его смерти... Имѣнье Мальтэна и все имущество

его переходить по наслѣдству къ его-же семейству—женѣ и дочери... А онъ былъ очень счастливъ въ своей семейной жизни. Позвольте и мнѣ въ свою очередь спросить: почему вы спрашиваете объ этомъ?

— Потому что многое говорить противъ того, что убійство совершено рабочими.

— Но вѣдь мой работникъ видѣлъ-же ихъ ночью около моей усадьбы, почти у сада, возразилъ фрейгерръ.

— Положимъ—видѣлъ, но это еще не доказываетъ, что именно они убили г. Мальтэна.

— Вы, значитъ, имѣете подозрѣніе на когонибудь другого... на кого-же? спросилъ старикъ, какъ-то боязливо поглядывая на слѣдователя.

— Я никого еще не подозреваю, отвѣтилъ Питтъ, но надѣюсь, что скоро все то что мнѣ кажется сомнительнымъ—выяснится...

— Увѣдомите-ли вы меня тогда объ этомъ?

— Отчего-же, съ удовольствіемъ, если долгъ мой не воспрепятствуетъ этому. Во всякомъ случаѣ даю вамъ обѣщаніе, что не пожалѣю трудовъ, употреблю всѣ усилія, чтобы открыть убійцу.

Фрейгерръ замолчалъ... Казалось—тяжелый вздохъ готовъ былъ вырваться изъ его груди, но онъ старался подавить его.

Спустя немного времени, въ усадьбу Маннштейна прискакали верхами четыре полицейскихъ служителя. Слѣдователь и прокуроръ отправились съ ними на розыски, чтобы заарестовать тѣхъ, которые были подозрѣны въ столь тяжкомъ преступленіи.

Рабочіе, отказавшіеся работать у Мальтэна, спозаранку забрались въ трактиръ ближайшей деревни для обсужденія плана дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій.

Толпа рабочихъ, собравшаяся въ трактирѣ, состояла изъ пятнадцати человекъ. Первымъ ораторомъ былъ Бартэльсъ, мущина лѣтъ тридцати, рослый, силачъ, съ чрезвычайно живыми глазами и прехитрой физиономіей.

— Должны они намъ платить столько, сколько мы требуемъ! восклицалъ Бартэльсъ пріосанившись и обращаясь къ своимъ слушателямъ, людямъ менѣе осанистымъ и не столь мужественнымъ, какъ онъ. Эти рабочіе, собственно говоря, принуждены были слѣдовать за своимъ коноводомъ.

— Ну, а если они не согласятся на это, заговорилъ одинъ изъ рабочихъ, то придется намъ зубы на полку положить, да вѣрстъ съ полсотни пробѣгать и ужъ тогда только найти работу! Если всѣ здѣшніе землевладельцы тоже стѣкнутся между собою и не дадутъ намъ работы, то вѣдь въ накладѣ-то останется кто? Мы!.. Ты, вотъ, бобыль, семьи у тебя нѣтъ, такъ тебѣ что! Не найдешь тутъ работы—валяй хоть за тридевять земель, и кормиться-то легко: одна утроба-то!

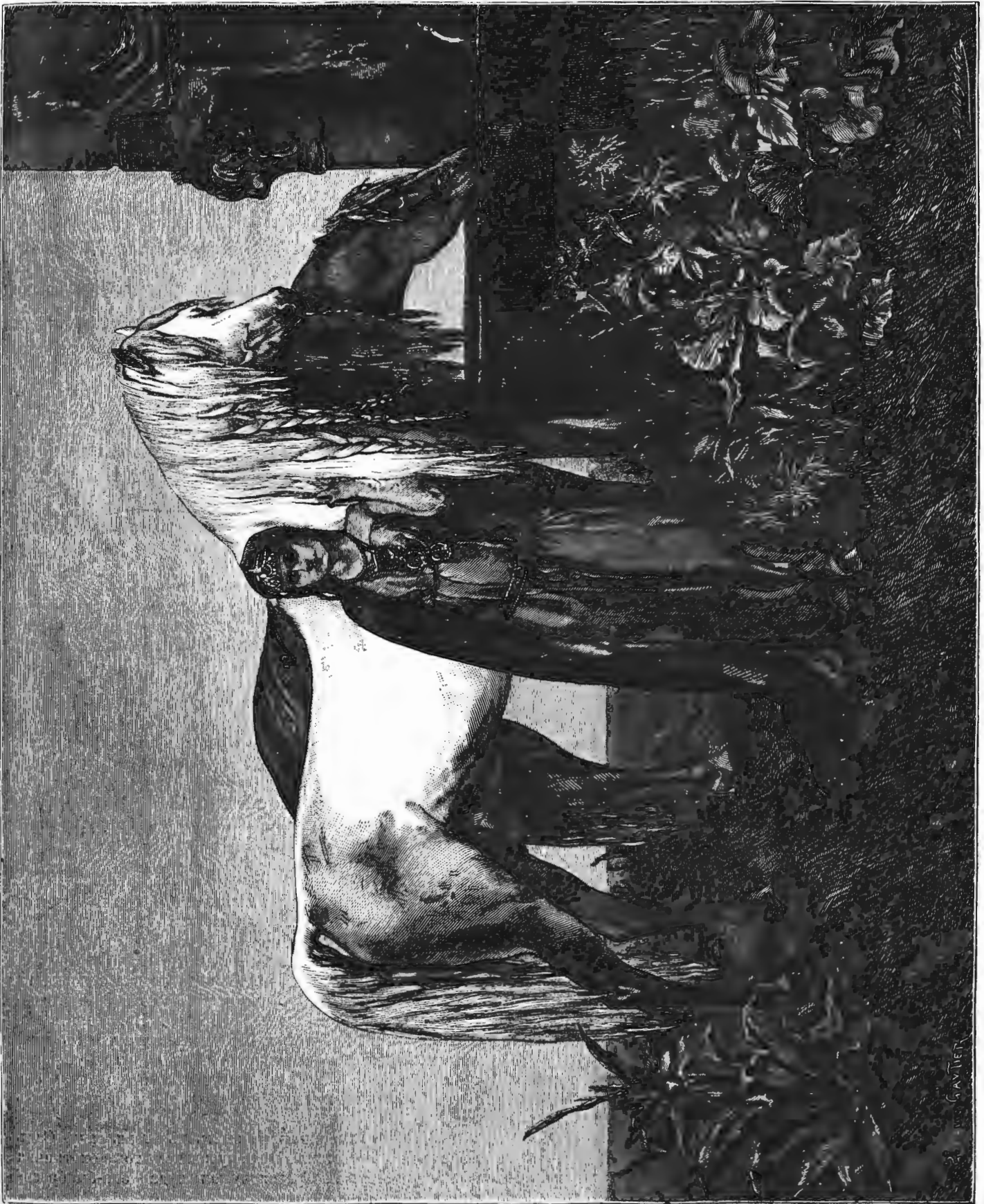
— Это вѣрно! Одна утроба у него, а что твои четыре! подхватилъ другой рабочій.

— Молчите вы! крикнулъ Бартэльсъ, сдѣлавъ повелительный жестъ, какъ будто-бы онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ начальникомъ. Онъ съ годъ проработалъ въ городѣ; бывалъ тамъ въ народныхъ собраніяхъ и навострился, какъ нужно дѣйствовать, чтобы слушатели внимали и съ уваженіемъ относились къ оратору. Усвоивъ себѣ нѣкоторыя выраженія, Бартэльсъ умѣлъ кста-ти и употребить ихъ въ рѣчи.

— Молчите! повторилъ онъ.—Повторяю, намъ нужно. Онъ не договорилъ: топотъ лошадиный прервалъ его рѣчь... Четыре полицейскихъ солдата подсакали верхами къ трактиру и остановились, а за ними, на большемъ разстояніи, слѣдовали прокуроръ Ригель, комиссаръ Питтъ и староста деревни.

— Чего имъ нужно? произнесъ Бартэльсъ, причемъ на лицѣ его выразилось смущеніе.

— Да вотъ вѣрно, какъ и намъ, выпить захотѣлось, замѣтилъ одинъ работникъ.

Молодая Герцеговинская девушка у водопада. Картина И. Чермака, грав. Дюмонг.

— Нѣтъ... не то! Я такъ думаю—не до насъ-ли они добираются?...

Не прошло и минуты, какъ всѣ рабочіе убѣдились, что слова Бартэльса были справедливы: Ланггофъ, товарищъ ихъ, участвовавшій наканунѣ вечеромъ въ стычкѣ съ Мальтэномъ въ лѣсу, проходилъ въ это время по двору трактира... Они видѣли, какъ староста указалъ на Ланггофа, и затѣмъ двое полицейскихъ подскочили къ нему и схватили его... Всѣ, видѣвшіе въ окно эту сцену, отпрянули, какъ-бы пораженные громомъ...

— За нами пришли! За нами! воскликнулъ Бартэльсъ.

Произошла сумятица... Рабочіе, въ сильной тревогѣ, забѣгали, толкая другъ друга и не зная что дѣлать.

— Дверь на запорѣ! крикнулъ одинъ. Столомъ ее припереть, завалить стульями! Ну, а коли силою кто войдетъ—не сдобровать тому! Ужъ я такъ не сдамся! Эй, братцы, помогайте!...

Онъ схватился за столъ, двинулъ его, но принужденъ былъ остановиться: дверь отворилась и слѣдователь, въ сопровожденіи старосты вошелъ въ комнату. Въ дверяхъ стояли полицейскіе.

— Именемъ закона! произнесъ Питтъ.

Рабочіе отступили въ испугѣ... Смѣлое, быстрое появленіе слѣдователя дѣйствительно запугало ихъ.

— Гдѣ Бартэльсъ? спросилъ староста, знавшій поименно всѣхъ этихъ рабочихъ.

Оторопѣвшіе оглянулись и крайне удивились тому, что Бартэльса уже не было между ними... Коноводъ ихъ, человѣкъ, подстрекавшій ихъ еще вчера къ забастовкѣ—улизнулъ, воспользовавшись общимъ смятеніемъ, испугомъ: онъ убѣжалъ въ смежную комнату, а оттуда черезъ окно—въ садъ трактира, и скрылся.

Слѣдователь съ досады топнулъ ногой. Староста отрекомендовалъ ему Бартэльса, какъ человѣка вообще безпокойнаго, склоннаго къ насилию и кромѣ этого, какъ главнаго коновода рабочихъ, прибавивъ, что именно онъ, Бартэльсъ, и былъ вчера вооруженъ пистолетомъ. Питтъ приказалъ двумъ полицейскимъ преслѣдовать бѣжавшаго.

— Постарайтесь во чтобы-то нистало схватить его! крикнулъ онъ имъ вслѣдъ. Онъ еще гдѣ нибудь тутъ, въ деревнѣ, по близости!

Староста вызвался сопровождать сыщиковъ и указать имъ мѣсто, гдѣ живеть Бартэльсъ, полагая, что бѣглецъ убѣжалъ домой.

Отдавъ приказаніе оставшимся полицейскимъ караулить рабочихъ, слѣдователь позвалъ Ланггофа въ отдѣльную комнату, чтобы тамъ сейчасъ-же допросить его, не давъ ему времени сговориться съ товарищами.

— Вчера вы, вмѣстѣ съ прочими рабочими г. Мальтэна, забастовали? началъ Питтъ.

— Забастовали, отвѣтилъ откровенно Ланггофъ. (Онъ, какъ видно струсилъ). На такой заработокъ жить было нельзя... Все вѣдь нынче вздорожало... Вотъ, и землевладельцы сами берутъ теперь дороже за свое зерно!

— Все это такъ; никто у васъ не отнимаетъ права требовать бѣльшей платы, но, вотъ, вы позволили себѣ дѣлать угрозы г. Мальтэну, когда онъ не согласился на ваше требованіе?..

— Я ему не угрожалъ.

— Вы не угрожали, такъ угрожали ваши товарищи, желая такимъ путемъ принудить его къ уступкѣ. Такъ?

— Ежели насчетъ словъ такихъ, такъ ужъ тутъ обѣ стороны виноваты... Господинъ Мальтэнъ тоже вѣдь горячился...

— Гдѣ вчера вечеромъ были вы съ вашими товарищами?

— Въ сосѣднемъ лѣсу.

— Что-жъ вы тамъ дѣлали?

— Ничего не дѣлали. Мы нынче безъ работы...

— Извѣстно вамъ было, что г. Мальтэнъ проѣдетъ лѣсомъ?

— Я этого не зналъ.

— Вы напали на него тамъ?

— Нѣтъ. Ъхалъ онъ лѣсомъ, а мы подошли къ нему, чтобы повторить еще разъ свое требованіе.

— Подошли и, угрожая, схватили его лошадей подъ уздцы?

— Я не хваталъ.

— Не вы, такъ другой, но лошадей все-таки схватили?

— Этого не видѣлъ, а замѣтилъ только, что господинъ ударилъ одного хлыстомъ по головѣ, пришпорилъ лошадь, она бросилась впередъ и свалила двухъ...

— Этого онъ, навѣрно, не сдѣлалъ-бы нарочно; онъ былъ принужденъ такъ поступить. А зачѣмъ у васъ у всѣхъ были дубины?

— Я всегда, коли иду куда изъ дому, беру съ собой палку.

— Одинъ изъ васъ, а именно — Бартэльсъ, имѣлъ при себѣ пистолеть. Зачѣмъ онъ былъ у него?

— Этого не знаю. Не спрашивалъ, да и самъ онъ ничего не говорилъ объ этомъ.

— Въ которомъ часу вернулись вы вчера вечеромъ домой?

— Ну, какой это былъ часъ—не знаю.

— Однако, можете-же сказать: рано или поздно это было?

— Нѣтъ, время было еще не позднее.

— А ночью вы все-таки были-же въ усадьбѣ фрейгерра фонъ Маннштейна?

Ланггофъ, немного удивленный, молча посмотрѣлъ на слѣдователя и потомъ отвѣтилъ:

— Я не былъ.

— Вы, Бартэльсъ и еще двое или трое изъ васъ были тамъ, возразилъ Питтъ. Не отпирайтесь: васъ видѣли тамъ и узнали.

— Я не былъ, повторилъ Ланггофъ.

— Не забывайте, что отпирательство такое дѣлаетъ васъ вдвое подозрительнѣе, замѣтилъ слѣдователь.

— Да я былъ только по близости... у усадьбы, сказали работникъ послѣ нѣкотораго раздумья.

— Гдѣ-же—въ саду?

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ-же вы пришли туда?

— Видѣли мы, что господинъ Мальтэнъ поѣхалъ къ фрейгерру Маннштейну, ну, вотъ, мы и хотѣли дожидаться, когда онъ обратнo поѣдетъ, потому что очень ужъ мы были сердиты на него за то, что онъ одного хлыстомъ ударилъ, а двухъ съ ногъ сбиль...

— Ну, хорошо; если-бы г. Мальтэнъ попался вамъ, что-жъ-бы вы стали дѣлать?

— А, право, не знаю...

— Вы убить его хотѣли?

— Убить?! Нѣтъ! воскликнулъ Ланггофъ почти съ испугомъ. У насъ и въ мысляхъ этого не было!

— Знали-ли вы, что онъ не вернулся домой?

— Нѣтъ. Вотъ, какъ мы дошли до сада, да прождали тамъ понапрасну, Бартэльсъ и вызвался пойти въ садъ, чтобы, значить, всмотрѣть: все-ли еще господинъ Мальтэнъ сидитъ у фрейгерра. Ну, черезъ нѣсколько времени вернулся онъ и сказалъ, что въ домѣ ужъ темно, что, молъ, видно гость-то другой дорѣгой домой поѣхалъ... Тутъ мы и отправились по домамъ.

— Почему-же именно Бартэльсъ вызвался идти въ садъ?

— Прежде онъ много работалъ въ этомъ саду. Садъ ему хорошо извѣстенъ. Ну, ему знакома тоже охотничья собака фрейгерра... Сунься чужой туда—она-бы бросилась на чужого-то.

— А было-ли извѣстно Бартэльсу и расположеніе комнатъ въ домѣ?

— Ну, этого не знаю; можетъ быть и было извѣстно.

— Взялъ онъ съ собой пистолеть?

— Не видалъ. Должно быть при немъ онъ былъ.

— А долго пробылъ онъ въ саду?

— Пожалуй, съ четверть часа будетъ, а навѣрно сказать не могу.

— Ну, а когда онъ вернулся къ вамъ — былъ взволнованъ?

— Не замѣтилъ. Только онъ крикнулъ намъ, чтобы мы домой шли, потому какъ въ домѣ все тихо, значитъ, спать ужъ полегли.

— И вы пошли домой?

— Пошли.

— Знали вы, что г. Мальтэнъ остался у фрейгерра?

— Нѣтъ, не знали.

— А Бартэльсъ зналъ?

— Онъ тоже не могъ знать, а коли-бы зналъ, такъ намъ-бы сказалъ, отвѣтилъ Ланггофъ.

— Знаете-ли вы, что г. Мальтэнъ убитъ?

Рабочій какъ-бы оцѣпенѣлъ, умолокъ и только глядѣлъ во все глаза на слѣдователя.

— Не можетъ быть! воскликнулъ онъ наконецъ.

— Да, и убитъ въ домѣ фрейгерра: его застрѣлили, прибавилъ Питтъ, зорко слѣдя за выраженіемъ лица Ланггофа.— Неужели вы еще не знали объ этомъ?

— Не знали... Это точно! снова воскликнулъ рабочий, причемъ по лицу его ясно было видно, что онъ говорилъ чистѣйшую правду. — Да здѣсь никто и не знаетъ объ этомъ!

Въ то время, когда Бартэльсъ былъ въ саду, вы не слышали выстрѣла?

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ вы собрались здѣсь сегодня такъ рано?

— Поговорить хотѣли сообща касательно того, что дѣлать намъ, чтобы поставить на своемъ.

— Относительно кого-же поставить на своемъ?

— Ну-да вотъ касательно господина Мальтэна...

— Ну, и Бартэльсъ бесѣдовалъ съ вами насчетъ этого?

— Да.

— Не проговорился-ли онъ какъ нибудь, что ужъ раздѣлался съ нимъ?

— Не слыхалъ... Да—нѣтъ, не стрѣлялъ онъ въ господина Мальтэна! Ежели-бы онъ сдѣлалъ это, такъ вѣдь намъ-бы сказалъ... Вчера вечеромъ, правда, хлебнулъ лишнее, ну, а все-таки былъ, значитъ, въ своемъ умѣ!

— Если онъ знаетъ, что вины на немъ нѣтъ, зачѣмъ-же онъ бѣжитъ, скрывается? замѣтилъ Питтъ. Это только заставляетъ сильнѣе заподозрить его... Кро-

мѣ Бартэльса, кто былъ еще съ вами тамъ въ прошлую ночь?

Ланггофъ назвалъ поименно четырехъ рабочихъ. Слѣдователь приказалъ арестовать ихъ, а остальныхъ всехъ отпустить. Показанія Ланггофа онъ сообщилъ прокурору.

— Ну-съ, сомнѣваетесь-ли вы еще въ томъ, что преступленіе совершено рабочимъ—Бартэльсомъ? спросилъ Ригель.

Питтъ пожалъ плечами.

— Правда, уликъ теперь стало больше противъ него, отвѣтилъ онъ,—но тѣмъ не менѣ сомнѣнія мои не разсѣялись... даже нисколько.

— Позвольте! Такъ потрудитесь указать мнѣ на нѣчто другое возможное, хоть сколько нибудь правдоподобное, сказалъ прокуроръ.— Каждое преступное дѣяніе должно имѣть свою причину, ну-съ, а вѣдь вамъ извѣстно, по показаніямъ фрейгерра, что у Мальтэна не было никакого врага.

— Врага, извѣстнаго фрейгерру Маннштейну, подхватилъ слѣдователь. Впрочемъ, я надѣюсь, что скоро все это дѣло разъяснится... Если я и сомнѣваюсь, то вѣдь это не помѣшаетъ мнѣ арестовать всякаго, на кого только падетъ малѣйшее подозрѣніе.

Староста съ двумя полицейскими вернулся и доложилъ, что имъ не удалось поймать Бартэльса.

— Убѣжалъ онъ не домой, а прямо въ лѣсъ, прибавилъ онъ. Пришли мы къ его жилищу, а ужъ молодца и слѣдъ простылъ.

— И вы не погнались за нимъ? спросилъ Питтъ.

— Гдѣ тутъ гнаться! Только время потратишь: лѣсъ-то ему хорошо знакомъ, а мѣсто тамъ гористое... скалы да пещеры... есть гдѣ запрятаться... Ищи его тамъ хоть мѣсяць—и на слѣдъ не попадешь!

— Славно помогли вы ему улизнуть! обратился раздосадованный слѣдователь къ полицейскимъ. Ну, вы останетесь здѣсь. Я увѣренъ, что Бартэльсъ вернется въ деревню, а тогда вы его сейчас-же арестуйте. Жилище его обыскано?

— Какъ есть весь домикъ обыскали, да не нашли, отвѣтилъ староста. Живетъ онъ у одного поденщика, ну, тотъ сейчасъ сказалъ, что Бартэльсъ домой и не являлся.

— Но мѣсто, гдѣ онъ обыкновенно спитъ, осмотрѣли?

— Нѣтъ, этого не осматривали.

— Такъ проведите меня, пожалуйста, туда.

(Продолженіе будетъ.)

ЧУДЕСНОЕ ЛѢКАРСТВО.

(съ франц. зскаго.)

Въ одинъ холодный зимній вечеръ докторъ О., въ Брюсселѣ, возвращаясь домой съ визитовъ, нашелъ на столѣ въ своемъ кабинетѣ письмо слѣдующаго содержанія:

«Г-жа Ф. проситъ доктора О. пожаловать какъ можно скорѣе «въ гостиницу Викторія, гдѣ пріѣзжая дама крайне нуждается въ его помощи».

Такое довѣріе со стороны пріѣзжихъ, незнакомыхъ лицъ, было слишкомъ лестно, чтобы докторъ, хотя онъ сильно иззябъ, не поспѣшилъ послѣдовать приглашенію. Онъ тотчасъ же отправился и, пройдя довольно большое разстояніе по покрытымъ снѣгомъ улицамъ, явился въ Hôtel Victoria.

Когда онъ сказалъ свое имя швейцару, его провели въ комнату № 47, гдѣ его приняла изящно одѣтая дама среднихъ лѣтъ, которая, объяснивъ, что письмо написано ею, сообщила ему, что дочь ея внезапно заболѣла, и что она боится, не придется ли имъ пробить въ городѣ долѣе, нежели онъ намѣревались.

— Дочери моей грозить, какъ мнѣ кажется, нервная горячка, продолжала она. Она очень раздражительна вслѣдствіе печальныхъ семейныхъ обстоятельствъ; однажды она уже чуть не

сдѣлалась жертвою подобнаго припадка, поэтому я сочла за лучшее заручиться вашими совѣтами, вашей помощью. Однако, прошу васъ, войдите и судите сами.

Съ этими словами она ввела доктора въ комнату больной. Тамъ было такъ темно, что докторъ сначала ничего не могъ разглядѣть, кромѣ фигуры сидѣлки, которая почтительно встала съ кресла при его появленіи. Только когда г-жа Ф. нѣсколько отдернула занавѣски, онъ увидѣлъ красивую молодую женщину, лежавшую въ постели съ распущенными волосами, лихорадочно разгорѣвшимися щеками, въ тревожномъ забытіи.

— Берта, дитя мое, окликнула ее старшая дама, тихонько прикоснувшись къ ней,—докторъ пришелъ.

Съ глубокимъ, болѣзненнымъ вздохомъ, больная порывисто приподнялась и уставила на врача дикій, боязливый взоръ.

— Опомнись, Берта, успокоивала ее мать.—Помнишь, я тебѣ обѣщала послать за докторомъ О.? Онъ пріѣхалъ.

— Можете вы мнѣ помочь? прошептала больная, отводя руку пряди волосъ со лба.

— Сильно болитъ у васъ голова? тихо спросилъ докторъ.

— Ужасно, отвѣтила она.

Докторъ приложилъ свѣжую ладонь къ горячему лбу больной, а другою рукою пощупалъ у нея пульсъ. Это на мгновение какъ будто успокоило ее, но вдругъ она вскопчила и воскликнула:

— Докторъ, докторъ, не можете ли дать мнѣ чего-нибудь такого, что бы поставило меня на ноги? У меня есть неотложныя дѣла, мнѣ надо выйти, а меня не пускаютъ. Я должна идти на выставку, я хочу.

Мать старалась успокоить ее, но больная только больше расхохоталась.

— Ты меня уже цѣлую недѣлю удержишь разными обещаніями, сказала она съ горечью, — между тѣмъ ты знаешь, что мнѣ нужно идти, что отъ этого зависитъ больше чѣмъ моя жизнь.

Тутъ докторъ вмѣшался и общалъ ей скоро возвратитъ ей здоровье, если только она съ своей стороны будетъ держать себя смирно и постарается уснуть. Больная, съ взоромъ исполненнымъ невыразимой благодарности, общала его слушаться. Тогда докторъ прописалъ ей прохладительное питье, приказалъ смачивать ей лицо свѣжей водой и удалился, обѣщая побывать опять на слѣдующій день и объявивъ, что надѣется найти ее поправившеюся. Матери, проводившей его въ гостиную, онъ тоже сказалъ, чтобы она не тревожилась, что случай не опасный.

— Лихорадка, сказалъ онъ, — кажется мнѣ скорѣ послѣдствіемъ, нежели причиной возбужденія. Держите больную въ совершенномъ спокойствіи и въ особенности не раздражайте ее противурѣчіемъ. Я ей прописалъ довольно сильное усыпительное средство и если оно подѣйствуетъ, то я надѣюсь найти ее завтра въ гораздо лучшемъ состояніи.

Съ этими словами онъ раскланялся и оставилъ встревоженную мать немного успокоенною.

Погода тѣмъ временемъ сдѣлалась еще ненастнѣе и докторъ вздохнулъ полной грудью отъ удовольствія, когда онъ наконецъ дошелъ до своего дома и, отряхая снѣгъ отъ ногъ, поднялся на ступеньки, собравшись отомкнуть свою дверь. Вдругъ нога его толкнулась о какую-то неясную кучу чего-то, лежавшую на верхней ступени, и—Боже праведный!—куча шевельнулась—она была живая!

— Вотъ тебѣ на! воскликнулъ докторъ.—А вѣдь я давно побаивался, что мнѣ, какъ холостяку, живущему своимъ хозяйствомъ, когда-нибудь преподнесутъ подобный подарокъ. Что мнѣ дѣлать съ этою дрянью? Однако, посмотримъ сначала, на что онъ похожъ—да *она* ли, или *она*?

Докторъ наклонился, протянулъ руку и схватилъ что-то длинное, мохнатое.

— Господи помилуй! Это не ребенокъ, а собака! воскликнулъ докторъ и засмѣялся, однако слегка и отшатнулся, потому что онъ былъ заклятый врагъ собакъ.—Куда мнѣ съ нею дѣваться! Не могу же я въ такую ночь выгнать ее на улицу. Еще пожалуй укуситъ. Эй, Дьянка, Трезоръ, Филаксъ—какъ тебѣ?..

И онъ осторожно толкнулъ мнимое животное кончикомъ своего зонта.

Но вмѣсто ожидаемаго лая или ворчанья раздался человѣческій голосъ, сътовавшій на причиненное безпокойство не въ особенно дружескихъ выраженіяхъ.

Докторъ съ испугу отскочилъ на два шага, но потомъ опомнился, схватилъ незнакомаго одною рукою, другою отперъ дверь и потащилъ своего измокшаго гостя въ переднюю, къ лампѣ.

Онъ увидѣлъ спутанную массу лохмотьевъ, а въ нихъ ежившуюся фигуру мальчика лѣтъ восьми, необыкновенно худенькаго, жалкаго. Чрезвычайно комическимъ жестомъ ребенокъ отбросилъ назадъ свои мокрые волосы и взглянулъ на доктора полупытливимъ, полувывывающимъ взглядомъ, въ молчаливомъ ожиданіи того, что дальше будетъ.

— Ну? первый вымолвилъ докторъ.

— Ну-съ? отозвался мальчикъ съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ.

— Что ты тутъ дѣлалъ передъ моею дверью? спросилъ его докторъ.

— То, что я дѣлалъ, положительно не представляется достаточнымъ основаніемъ для обвиненія въ какомъ либо преступленіи, отвѣчалъ ребенокъ съ изумительной быстротою и рѣзкостью;—можно обвинить меня развѣ-что за нарушение полицейскихъ постановленій—больше ничего.

Такия рѣчи показались доктору черезъ чуръ уже смѣшными. Онъ расхохотался и спросилъ!

— Скажи на милость, кто ты такой, чортъ тебя побери?

— Я бы на вашемъ мѣстѣ не ругался, возразилъ ему мальчикъ съ неподражаемою комическою важностью:—это вамъ не прилично.

— Ты совершенно правъ, дружокъ; но все таки я тебя прошу, скажи мнѣ кто ты, и какъ тебя зовутъ?

— Не скажете ли вы мнѣ сначала того же о себѣ?

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ докторъ, котораго эта сцена все болѣе забавляла:—я—практикующій врачъ, докторъ О. Слыхалъ ты когда обо мнѣ?

— Не припомню, сказалъ мальчикъ, подумавъ.

— Ну, такъ какъ же тебя зовутъ?

— У меня нѣтъ такого громкаго титула, какъ у васъ. Меня зовутъ просто Франко.

— Франко, а потомъ?

— Потомъ что, я хорошенько не знаю.

Подъ конецъ разговора, докторъ отперъ дверь въ гостиную. Заглянувъ туда, измокшій, иззябшій маленькій припелецъ испустилъ при видѣ пылающаго камина пронзительный крикъ радости, бросился къ огню и утѣлся передъ нимъ на полу, какъ собаченка.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Докторъ и найденный отглядывали одинъ другаго. Наконецъ мальчикъ началъ:

— Что же вы думаете со мною дѣлать, г. докторъ?

— Прежде всего я тебя высушу, согрѣю и накормлю ужинкомъ.

— Это съ вашей стороны очень мило; только извѣстно ли вамъ, что у меня нѣтъ гроша денегъ?

— Когда я приглашаю къ себѣ гостя, я не жду отъ него никакой платы. Хочешь ѣсть?

— Ужасно. Только послушайте-ка, г. докторъ, неужели вы это все сдѣлаете такъ, Христа ради? Ужъ не вскрывать ли вы меня хотите для вашей анатоміи?

— Боже меня упаси! засмѣялся докторъ;—во всякомъ случаѣ я подыскалъ бы себѣ болѣе подходящій субъектъ.

Онъ позвонилъ и приказалъ вошедшему слугѣ сказать экономкѣ, чтобы она какъ можно скорѣе приготовила ужинъ для двоихъ и прислала побольше масла, хлѣба и холодной говядины.

— Выпить чего-нибудь тоже не худо бы, замѣтилъ Франко.

— Выпить? подозрительно переспросилъ докторъ:—чего же, напримѣръ?

— Кофе, что ли, или чаю, или чего хотите, только бы погорячѣе, отвѣтилъ мальчикъ,—я совсѣмъ замерзъ.

Успокоенный этимъ отвѣтомъ, докторъ велѣлъ заварить побольше чаю и ушелъ въ свою спальню, чтобы самому переодѣнуть свое мокрое платье, а также достать какую-нибудь сухую одежду для мальчика.

— Ну, Франко, переодѣнься, сказалъ онъ ему.

Мальчикъ повиновался и докторъ при этомъ замѣтилъ съ удивленіемъ, что тѣло его болѣе походитъ на скелетъ, нежели на тѣло живаго человѣка.

Нѣсколько минутъ спустя подали ужинъ. Докторъ подчивалъ своего маленькаго гостя и съ изумленіемъ замѣтилъ, что онъ ѣлъ, хотя и съ жадностью, однако съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ приличія.

— Когда ты обѣдалъ, дитя мое? спросилъ его докторъ, когда онъ отодвинулъ тарелку и поблагодарилъ, отказываясь отъ дальнѣйшаго угощенія.

— Я сегодня обѣдалъ горстью орѣховъ, спокойно отвѣтилъ ребенокъ.

— А еще чѣмъ?

— Больше ничѣмъ.

— Господи помилуй! горсть орѣховъ въ такой день, какъ сегодняшній?

Мальчикъ усмѣхнулся и съ весьма многозначительнымъ жестомъ пожалъ плечами.

«Гдѣ только я уже видѣлъ его?» спрашивалъ самъ себя докторъ и, не находя отвѣта, всталъ изъ-за стола, усадилъ своего маленькаго гостя у каминна и дружескими словами пригласилъ его рассказать ему свою жизнь открыто и правдиво. Прежде всего онъ пожелалъ знать, что привело его на ступени передъ его дверью.

— Я хотѣлъ тамъ проспать ночь, объяснилъ мальчикъ, точно это самое простое дѣло.

— Спать? На каменныхъ ступенькахъ? Вѣдь ты бы замерзъ.

— Не думаю, мнѣ совсѣмъ не такъ ужъ холодно показалось.

— Отчего же ты не пошелъ домой?

Мальчикъ на мгновение глядѣлъ на доктора съ большимъ удивленіемъ, какъ будто не понималъ вопроса, потомъ состроилъ одну изъ уморительнѣйшихъ своихъ гримасокъ, и отвѣтилъ:

— Дороги не зналъ.

— Ты бы спросилъ у полицейскаго.

— Полицейскіе обыкновенно не очень-то уважаютъ мальчиковъ моего сорта, да и карточки то у меня не было съ собою.

— Ужъ не хочешь ли ты сказать, что у тебя совсѣмъ нѣтъ дома?

— Съ нашего позволенія, г. докторъ, я это самое и хочу сказать.

— Отца у тебя нѣтъ?

— Нѣтъ, по крайней мѣрѣ мнѣ неизвѣстно.

— И матери нѣтъ?

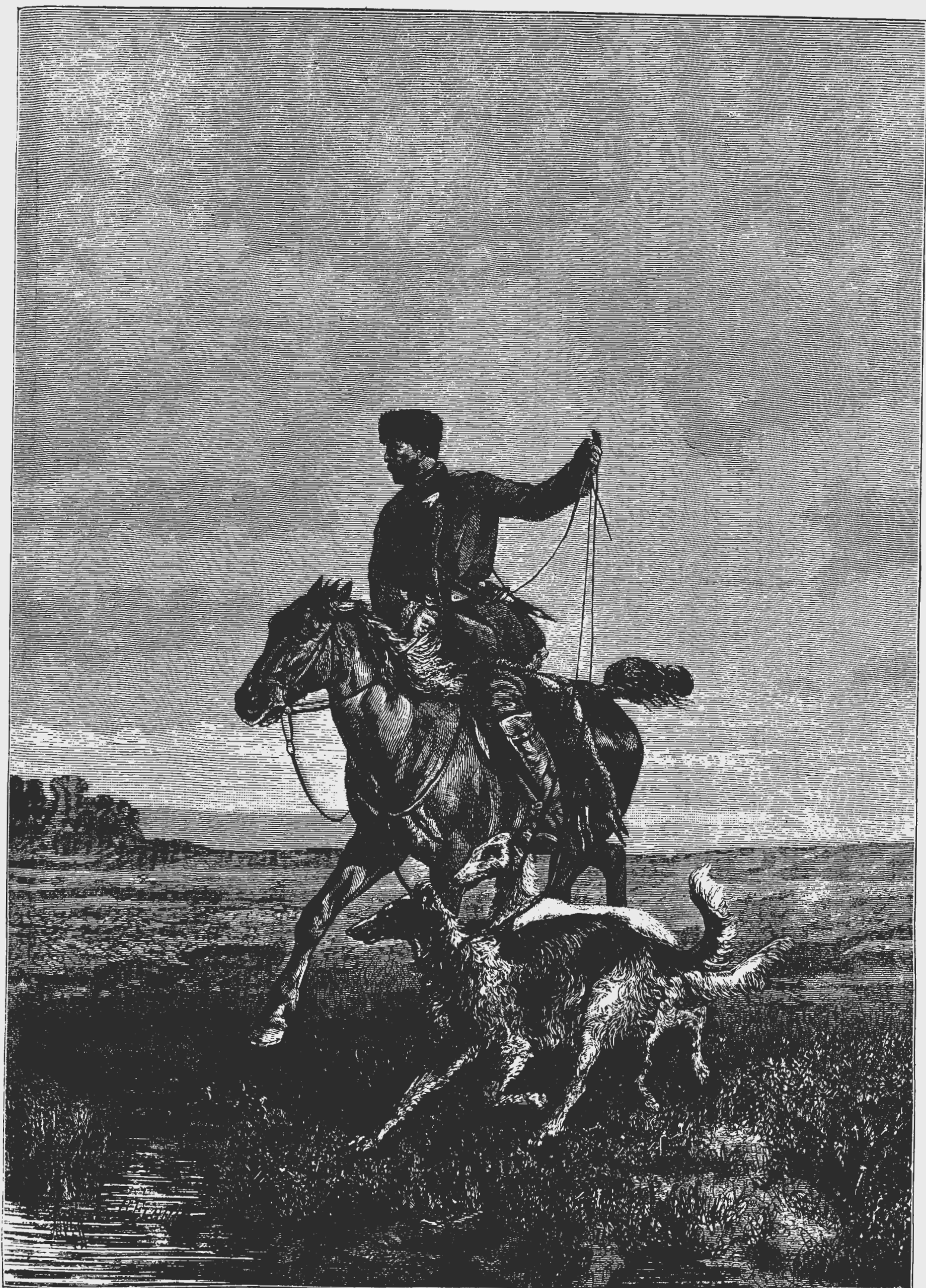
При этомъ вопросѣ лицо мальчика внезапно утратило юмористическое выраженіе, до тѣхъ поръ не сходявшее съ него, глаза его наполнились слезами и онъ отвѣтилъ нетвердымъ голосомъ.

— Были у меня и мать и домъ, да я потерялъ ихъ.

— Потерялъ? Какимъ образомъ, расскажи...

— Я самъ хорошенько не знаю. Знаю только, что были, а теперь нѣтъ.

— Это очень однако странно, молвилъ докторъ.—Кто же была твоя мать.

Заячья охота. Картина Р. Френза. Собственность Е. И. В. Великого Кн. Владимира Александровича. Рис. на деревѣ самъ авторъ, грав. Боярскій.
Библиотека "Руниверс"

— О, мама была дама, отвѣтил Франко гордо выпрямляясь, — тогда я этого не зналъ, а теперь знаю.

— Какъ такъ?

— Я каждый день вижу, какъ изъ экипажей выходятъ такія женщины; но какъ я не смотрю, а моей матери никогда не вижу между ними.

— Бѣдный мальчикъ! сказалъ тронутый докторъ: — Расскажи мнѣ все что ты помнишь о томъ, какъ ты жилъ у себя дома.

— Съ удовольствіемъ. Тамъ была мама, бабушка, старикъ Пьерръ, деревянная лошадка, да я, да еще нѣсколько служа-
нокъ.

— Какъ же ты оттуда ушелъ?

— Не знаю; я не уходилъ. Я сидѣлъ въ дѣтской и пилъ вечернее молоко изъ серебрянной чашки, которую бабушка подарила мнѣ къ рожденію; вдругъ вошла мама, въ шляпѣ и мантильѣ: она сказала, что куда то ѣдетъ, позвала меня и заплакала — мама, бѣдная, всегда много плакала — и приказала нянѣ не оставлять меня одного. Та обѣщала, но когда мама уѣхала съ бабушкой, она уложила меня въ постель, велѣла мнѣ смиренно лежать и сказала, что только сходить внизъ поужинать. Она долго не приходила, и я заснулъ. Когда я проснулся, я почувствовалъ, что мнѣ очень холодно, и что меня держатъ на рукахъ чужой человѣкъ, который со мною бѣжитъ; я закричалъ, но онъ меня прибилъ. Наконецъ, мы пришли на желѣзную дорогу, и онъ меня бросилъ въ уголъ вагона и погрозился убить меня, если я пошевелинусь. Поездъ тронулся, но вдругъ я услышалъ большой шумъ и крики, что кого-то переѣхали. Поездъ остановился, но злой человѣкъ не возвращался; я этому былъ очень радъ и забился подъ сидѣнье, такъ что никто меня не видѣлъ. Мы долго ѣхали и я спалъ. Когда я проснулся, было уже утро; меня вытащили изъ-подъ сидѣнья и прогнали. Я очутился въ здѣшнемъ городѣ, мнѣ ѣсть захотѣлось и я заплакалъ. Тогда ко мнѣ подошелъ большой паренъ и сказалъ мнѣ, что если я стану продавать за него спички, то онъ будетъ меня кормить. Я согласился, и прохоже много покупали у меня за то, что я былъ такой маленькій. Послѣ того я былъ разсыльнымъ у адвоката... А не нужно ли вамъ разсыльного? вдругъ спохватился онъ, выпрямляясь съ полнымъ сознаниемъ своего достоинства.

— Объ этомъ мы завтра поговоримъ, отвѣтилъ ему докторъ, — а теперь не хочешь ли ты спать?

— Да, хотѣлъ бы, сказалъ мальчикъ: — можно мнѣ лечь въ передней?

— Нѣтъ, этого я не могу позволить, возразилъ докторъ: — я тебѣ постелю здѣсь на диванѣ.

— Ахъ, не трудитесь; я могу спать гдѣ придется.

Съ этими словами маленькій неприютный скиталецъ свернулся въ углу какъ котенокъ, и черезъ нѣсколько мгновений уже спалъ глубокимъ сномъ.

Докторъ тоже легъ. На слѣдующее утро, когда онъ проснулся, Франко уже стоялъ передъ его кроватью.

— Съ добрымъ утромъ, г. докторъ, привѣтствовалъ его мальчикъ; — надѣюсь, что вы спали такъ же хорошо, какъ и я. Какъ у васъ тутъ хорошо! Я уже взялъ теплую ванну и прибралъ всѣ ваши вещи.

— Уморительный ты право человѣчекъ! улынулся докторъ, и не безъ удовольствія замѣтилъ, что его маленькій питомецъ крайне опрятно прибрался, что ванная, несмотря на то, что онъ ею пользовался, въ величайшемъ порядкѣ, и что Франко даже безукоризненно вычистилъ его платье и все убралъ.

Позавтракавъ со своимъ маленькимъ гостемъ, докторъ сдѣлалъ ему краткій допросъ, послѣдствіемъ котораго было то, что онъ его на первый разъ взялъ себѣ въ разсыльные. Затѣмъ онъ самъ повелъ его въ магазинъ готоваго платья и одѣлъ его съ ногъ до головы. Франко въ восторгѣ вернулся домой, пока его новый господинъ поѣхалъ по визитамъ.

Когда онъ явился въ гостиницу Викторія, г-жа Ф. приняла его съ сияющими глазами и объявила ему, что дочери ея гораздо лучше, только жаловалась, что она настаивала на своемъ намѣреніи непременно сегодня же поѣхать по дѣлу.

— Куда же ей такъ надо? спросилъ докторъ.

— Ахъ, это печальная исторія, но врачу должно оказывать полное довѣріе, и я въ общихъ чертахъ расскажу исторію моей несчастной дочери.

Докторъ слегка поклонился и г-жа Ф. продолжала.

— Лѣтъ десять тому назадъ, когда ей было шестнадцать лѣтъ, она встрѣтилась на водахъ съ знаменитымъ комическимъ актеромъ Г.

— Я его нѣсколько разъ видѣлъ на сценѣ, прервалъ ее докторъ, невольно улыбаясь при воспоминаніи о неподражаемой игрѣ нѣкогда столь любимаго имъ комика.

— Если вы его видѣли, то вы знаете, что этотъ человѣкъ умѣлъ принять всякую маску, между прочимъ и маску благороднаго, высокообразованнаго человѣка. Подъ этою маскою ему

удалось завладѣть любовью моей молодой, красивой, но совершенно неопытной, притомъ очень богатой, дочери. Онъ сумѣлъ выдержать обманъ до тѣхъ поръ, пока она не вышла за него замужъ, тогда же явился въ своемъ настоящемъ видѣ: кутилы, мота и развратника, словомъ человѣка, одержимаго самыми низкими пороками. Жизнь наша сдѣлалась адомъ, потому что у моей бѣдной дочери не было ни отца, ни брата, который заступился бы за нее. Изъ двухъ прелестныхъ дѣтей, младшее сдѣлалось жертвою легкомысленности отца, который, не смотря на то, что ребенокъ сильно кашлялъ и вопреки слезнымъ просьбамъ жены, взялъ его кататься въ холодную погоду: на другой день ребенокъ лежалъ на столѣ. Наконецъ, они развелись судебнымъ порядкомъ. Но почти въ то же время мы получили извѣстіе о смерти Г. вслѣдствіе несчастнаго случая на желѣзной дорогѣ, и это происшествіе, вмѣстѣ съ потерей и другого ребенка, такъ разстроили мою дочь, что съ нею сдѣлалась нервная горячка, возвращенія которой я постоянно боюсь.

— Грустная исторія! съ участіемъ проговорилъ докторъ. — Но мнѣ кажется, что для дочери вашей всего опаснѣе, если противорѣчить ей и мѣшать дѣлать то, что она хочетъ. Только куда же она такъ рвется, и нельзя ли ей дать волю?

— Нѣтъ, печально отвѣтила мать; — она хочетъ обѣхать всѣ города и въ каждомъ городѣ осмотрѣть всѣ дѣтскіе приюты и школы для бѣдныхъ, въ надеждѣ найти своего сына.

— Такъ она не вѣритъ въ его смерть?

— Да мы и не знаемъ, умеръ ли онъ... Ахъ да, я вѣдь вамъ сказала только, что она лишилась и другого ребенка. Дѣло въ томъ, что при разводѣ — сына присудили матери, но Г. грозилъ силою отнять его у нея. Мы сочли это за пустую угрозу, потому что онъ нисколько не занимался ребенкомъ и вѣлъ безпорядочную, странническую жизнь. Однажды онъ написалъ моей дочери, что онъ охотно уѣхалъ бы совсѣмъ, но не имѣетъ къ тому средствъ, и что если она въ извѣстное мѣсто привезетъ ему такую-то сумму денегъ, то больше никогда безноконтъ ее не будетъ. Мы рѣшились на эту жертву, поѣхали въ сопровожденіи одного стараго родственника въ назначенное мѣсто, прождали тамъ два часа, но не дождался Г. Когда мы въ недоумѣніи возвратились домой, мы нашли, что ребенокъ украденъ по небрежности ли няньки, или съ ея согласія — неизвѣстно, такъ это и осталось. Первое наше подозрѣніе естественно пало на отца, но на другой день мы узнали, что онъ въ этотъ самый день вечеромъ сдѣлался жертвою несчастнаго случая на желѣзной дорогѣ. Это объясняло его не появленіе на назначенное свиданіе и въ этомъ отношеніи мы вѣроятно напрасно обвиняли его. Съ тѣхъ поръ какъ моя дочь выздоровѣла отъ своей тяжелой болѣзни, мы постоянно разбѣждаемъ съ мѣста на мѣсто, но нигдѣ не находимъ слѣдовъ бѣднаго нашего Франко.

— Франко? невольно повторилъ докторъ.

— Да; его по отцу окрестили Францискомъ.

Въ эту минуту вошла сидѣлка и просила доктора войти къ больной. Она сидѣла и была гораздо спокойнѣе.

— О, да вы молодцомъ! воскликнулъ докторъ ободряющимъ тономъ; — продолжайте такъ, да не унывайте, и я скоро объявлю васъ совсемъ здоровою.

— А когда мнѣ можно будетъ выйти? спросила она съ безпокойствомъ.

— Вѣроятно завтра, если погода будетъ хороша. Ваша матушка сказала мнѣ, чего вы ищите, и я, можетъ быть, буду имѣть возможность помочь вамъ. Мы, врачи, многое узнаемъ.

— И вы полагаете, я могу еще надѣяться?

— Безъ сомнѣнія. Надѣйтесь и не давайте воли вашимъ болѣзненнымъ фантазіямъ и раздражительности — тогда все пойдетъ хорошо. Я привезу вамъ новое лѣкарство, которое принесетъ вамъ пользу, и когда вы будете сильнѣе, я самъ съ вами отправлюсь путешествовать по городу.

— Ахъ, докторъ! вы даете мнѣ новую жизнь! воскликнула больная.

— Погодите только, вотъ, когда попробуете мое новое лѣкарство, повторилъ докторъ, дружески пожавъ ей руку, и удалился.

Онъ поскакалъ домой, велѣлъ Франко надѣть шапку и идти за нимъ. Онъ зналъ теперь, кого напоминалъ ему этотъ ребенокъ: мальчикъ поразительно походилъ на комика Г.

Скоро пріѣхали они въ гостиницу. Докторъ постучался въ дверь больной, сидѣлка отворила ее и, сказавъ только: «Эта докторъ О.» пропустила его.

— Я привезъ вамъ лѣкарство, сказалъ онъ, подходя къ постели вмѣстѣ съ мальчикомъ.

— Мой Франко! вскрикнула она, но не лишилась чувствъ, какъ докторъ и предвидѣлъ. Онъ послѣшилъ въ гостиную, чтобы по звать г-жу Ф.

Еще никогда докторъ О. не прописывалъ лѣкарства, которое надѣлало бы такія чудеса: бѣдная больная миготъ превратилась въ здоровую, счастливую женщину, а бездомный мальчикъ — въ ребенка, боготворимаго матерью и бабушкой.

ЗАЯЧЬЯ ОХОТА.

О заячьей охотѣ написаны цѣлые трактаты. Тѣ роды охоты, которые ведутся записными охотниками на зайцевъ, считаются, по справедливости, достойнымъ удовольствіемъ мужчины, а подчасъ и женщины, конечно, молодой, тоже пожелавшей «по чистому полю, тѣшить степную и буйную волю». Трудно сказать, который родъ заячьей охоты привлекательнѣй, но многіе полагаютъ, что слѣдуетъ отдать предпочтеніе охотѣ съ загонщиками и на стоянкѣ. Первый родъ охоты съ успѣхомъ производится на сухихъ, ровныхъ пространствахъ и даетъ хорошую добычу, но для него нужно много людей и потому не каждый землевладѣлецъ-охотникъ можетъ отдаваться этой «рагной забавѣ». Каждый изъ участвующихъ пользуется при этомъ двойнымъ удовольствіемъ, потому что можетъ преслѣдовать вмѣстѣ съ другими любого зайца. Осень—самое лучшее время для охоты, и вотъ, когда, по выраженію поэта,

Мелькаетъ желтый листь на зелени деревъ,
Работу кончилъ сериѣ на нивахъ золотистыхъ,
И покраснѣлъ уже вдали коверъ луговъ,
И зрѣлые плоды висятъ въ садахъ тѣнистыхъ—

охотники отправляются на одну изъ полевыхъ дорогъ, стараясь какъ можно меньше шумѣть. Распорядитель охоты вдругъ приказываетъ остановиться, и охотники, а между ними и загонщики, расходятся на равныя разстоянія, сперва по двумъ направлениямъ, пока обѣ цѣны нѣтъ не начнутъ закружаться, чтобы сомкнуться. Загнѣвъ все участники забавы въ чистомъ полѣ начинаютъ равномерно сближаться, причѣмъ загонщики шумятъ, собаки устремляются впередъ и въ облавъ начинается движеніе. Тамъ поднимается заяцъ, здѣсь—другой, третій старается дать тугу, четвертый хитритъ и прижимается къ землѣ, пятый мечется въ кругѣ, какъ помѣшанный, а кругъ становится все тѣснѣе и тѣснѣе, шумъ громче, несутъ зайцевъ усн-

ливается. Наконецъ раздается первый выстрѣлъ—хорошо если онъ удаченъ, но еще веселѣе, лучше, если стрѣлокъ промахнулся. Иногда цѣлый рядъ охотниковъ стрѣляетъ въ перепуганнаго зайца и все промахнутся кромѣ одного, который и положить его мѣткимъ выстрѣломъ. Больше и больше заячьихъ труповъ покрываютъ поле; собаки таскаютъ со всѣхъ сторонъ подстрѣленную дичь, палки загонщиковъ становятся все тяжелѣе и тяжелѣе отъ пріятной ноши, и такъ продолжается дѣло пока кругъ не станетъ настолько тѣснѣе, что благоразуміе заставитъ направлять выстрѣлы въ сторону отъ него. Тутъ уже зайцевъ, оставшихся еще въ кругѣ, гонять прямо между людьми, но и при этомъ длинноухіе бѣдняки еще часто спасаютъ свою горемычную жизнь, которой бѣда грозитъ со всѣхъ сторонъ. Что касается «охоты на стоянкѣ», то она не менѣе привлекательна. Охотники выбираютъ себѣ по возможности лучшее мѣсто стоянки и напряженно ждутъ появленія четвероногой дичи. Въ тихіе вечерніе часы такая охота доставляетъ много удовольствія, особенно новичкамъ-стрѣлкамъ: лучшаго случая для стрѣльбы имъ и не найти.—Охотятся на зайцевъ и верхомъ на лошади, съ собаками, что собственно и составляетъ травлю. На картинѣ талантливаго художника Р. Френтца (снимокъ съ нея помѣщенъ въ настоящемъ № нашего журнала) на вѣрно изображенъ страстный Некрасовскій охотникъ, которому въ «чистомъ полѣ» не жаль головы. Завидя русака, онъ бѣшено помчится черезъ ручьи, буераки и рвы, и въ мощной груди его духъ займется! Зальются собачки по слѣду, заоретъ крикунъ-добѣзжайчій: «го-го-го! ту-ту-ту!» и

Дивной гармоніей нѣжится слухъ!
Огномѣтниковъ лай музыкальный
Душу уноситъ въ тотъ міръ идеальный,
Гдѣ ни уплатъ въ Олекунскій совѣтъ,
Ни безпокойныхъ исправниковъ нѣтъ!

Пороховая башня въ Прагѣ.

Прага одинъ изъ красивѣйшихъ и древнѣйшихъ европейскихъ городовъ. Еще въ V столѣтіи по Р. X. на мѣстѣ, занимаемомъ теперешнимъ еврейскимъ кварталомъ, поселились маркоманны и назвали это мѣсто по имени предводителя своего Марбоха, Марбудома. Позднѣе сюда втѣснились чехи и положили основаніе Праги, какъ надо предполагать, въ 611 г. Первая чешская княгиня Любуша, пораженная красотой мѣстоположенія города въ долинѣ рѣки Молдавы, у подножія теперешней Замковой горы, въ 723 г. значительно расширила его и дала ему настоящаго его имя, Прага, то есть порогъ. Сынъ Любуши, Незамысль, для огражденія города отъ вражескихъ нападѣній, обнесъ его стѣной, которая стояла до 1242 года. Собиславъ въ 1135 году перестроилъ почти весь городъ, призвавъ для этого лучшихъ архитекторовъ изъ Италіи. Въ XV столѣтіи, Прага была центромъ не только всей чешской, но даже и германской образованности. Въ пражскій университетъ, основанный еще 1448 г., стекалось до 20,000 слушателей. Отсюда раздалась на всю Европу живая, разумная проповѣдь Гуса, оглашавшаяся въ Германіи появленіемъ Лютера и реформации. Но гуситскія войны навлекли на страну неисчислимыя бѣдствія, и сама Прага пережила много кровавыхъ дней.

Въ древности Прага раздѣлялась на четыре, такъ сказать, отдѣльныхъ города, составляющихъ теперешніе главные кварталы. Первый изъ нихъ—*Старый городъ*, съ еврейскимъ кварталомъ (который съ 1850 г. называется Йозефштадтомъ), въ сѣверо-

западной части Праги, на правомъ берегу Молдавы; второй—*Новый городъ*, прилегающій къ восточной, юго-восточной и южной сторонамъ стараго города; третій—*Малая сторона*, на лѣвомъ берегу Молдавы, древнѣйшая часть города, и наконецъ *Градинь*, также на лѣвомъ берегу Молдавы, самая малая, но самая лучшая часть города. Это рядъ великолѣпныхъ дворцовъ, древнихъ церквей готической архитектуры и многочисленныхъ изящныхъ построекъ новѣйшей архитектуры. Особенную физиономію древности придаютъ Прагѣ множество башенъ, возвышающихся надъ массой домовъ по обѣ стороны рѣки Молдавы. На нашей картинкѣ представлена одна изъ красивѣйшихъ башенъ съ украшеніями позднѣйшаго готическаго стиля. Постройка ея относится къ XV-му столѣтію, когда *Старый городъ* отдѣлялся стѣной отъ *Новаго города*. Теперь она называется «Пороховой башней», а прежде служила городскими воротами для проѣзда изъ Стараго города въ Новый. Во время революціи 1848 г. эта часть города была свидѣтельницей многихъ кровавыхъ сценъ; новый и старый городъ въ продолженіи двухъ дней обстрѣливался королевскими войсками подъ начальствомъ князя Виндишгреца. Недалеко отъ Пороховой башни, по Целтнергассе, ведущей отъ башни къ большому рингу, въ бывшей Главной командѣ, теперешнемъ зданіи гражданскаго суда, въ началѣ возстанія, 12-го іюня 1848 года, во второмъ окнѣхъ пераго этажа, была убита инсургентской пулей княгиня Виндишгрецъ, сестра сдѣлавшагося впоследствии министромъ-президентомъ Феликса Шварценберга.

Любимый романсъ.

Смерть, похищая у насъ любимое существо, не можетъ совсѣмъ отнять его, оторвать отъ нашего сердца. Оно остается жить въ воспоминаніяхъ. Тамъ, гдѣ сидитъ теперь ребенокъ, сидѣла она, извлекая изъ инструмента чудные звуки любви и радости. Душа ея уносилась на крыльяхъ музыки въ міръ полный грезъ и чудныхъ образовъ, а когда она пѣла свой любимый романсъ, все мелочи жизни для нея исчезали. Любимымъ ея романсомъ была одна изъ тѣхъ пѣсень Шуберта, которыя навѣваютъ на васъ ароматъ цвѣтовъ, и вы слышите тогда плачущаго горячими слезами. Въ тихіе часы счастья, когда губы ея были слишкомъ слабы, чтобы выразить любимому мужу все, что сердце чувствуетъ къ нему, она ударяла по клавишамъ и заставляла говорить за себя любимаго ея композитора.

И мужъ внималъ этимъ звукамъ, какъ внимаетъ имъ и теперь. Но теперь, за фортепьяно, сидитъ не жена, а дочь, живою портретъ умершей. Вѣрная подруга спитъ въ могилѣ, оста-

вивъ ему частичку себя въ лицѣ ихъ ребенка. Авторъ выставленной нами картины задумалъ изобразить, какія именно чувства волнуютъ овдовѣшаго отца въ то время, когда онъ слушаетъ лгу ребенка. Дочь хочетъ быть для отца всѣмъ, она заботится о немъ, старается угадать малѣйшее его желаніе; когда же она видитъ, что имъ начинается овладѣвать отчаяніе, то, какъ лучшее средство утѣшенія, беретъ ноты и начинаетъ играть любимую пѣсню покойной.

Нѣжная мелодія дѣйствуетъ на большую душу, и вотъ тяжелое, невыносимое горе мало по малу переходитъ въ тихую грусть. Ему кажется, что онъ видитъ передъ собой дорогую жену, былые дни счастья начинаютъ проходить передъ нимъ тихой вереницей, и онъ успокоивается. Жизнь опять пріобрѣтаетъ для него значеніе и интересъ; вѣдь у него есть дочь, онъ долженъ жить для нея, чтобы исполнить завѣщаніе той, которую онъ такъ нѣжно любилъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ прошломъ нашемъ обзорѣніи мы остановились на томъ, что, послѣ неудачныхъ попытокъ вступить съ вождями инсургентовъ въ переговоры, консулы иностранныхъ державъ должны были разочароваться въ своихъ надеждахъ и отправились

новый путь для новыхъ своихъ подкрѣпленій или для подвозимаго провіанта войскамъ, расположеннымъ внутри страны. Теперь обозначилось уже съ достаточною ясностью, что на театръ военныхъ дѣйствій, собственно въ Герцеговинѣ) дѣйствуютъ

Пороховая башня въ Прагѣ. Съ фотографіи рѣзалъ Левицкій.

во-свояси. Съ тѣхъ поръ обстоятельства борьбы мало измѣнились: инсургенты, скрываясь въ неприступныхъ горныхъ мѣстностяхъ, производятъ внезапные набѣги на турецкіе отряды, расположенные въ долинахъ, захватываютъ плѣнныхъ, провіантъ, обозъ и оружіе и скрываются въ горы, гдѣ ждутъ новой стычки и новыхъ трофеевъ. Турки, вслѣдствіе этого, принуждены изъ наступательной войны перейти въ оборонительную и если нападаютъ, то только для того, чтобы проложить безопас-

три группы инсургентовъ: первую группу образуетъ возставшая мѣстность къ сѣверу отъ Столаца и Невесинья; здѣсь турки безчинствуютъ, не встрѣчая сколько-нибудь значительнаго сопротивленія со стороны инсургентовъ, стѣсненныхъ своими семействами и имуществомъ. Вторая группа, довольно значительная и вліятельная, занимаетъ южную часть Герцеговины, въ окрестностяхъ Требинья, поближе къ Черногоріи. Вождемъ этой группы считается знаменитый Любратичъ, самая популярная

Любимый романс. Рис. Греглерь, грав. на деревь, А. Руффь.

въ настоящее время между инсургентами личность. Подъ начальствомъ его состоитъ болѣе 1.000 человекъ отборнаго войска, преимущественно герцеговинцевъ и черногорцевъ; въ отрядѣ этомъ дѣйствуетъ и гроза мусульманъ, именемъ котораго они даже пугаютъ своихъ дѣтей, «юнакъ» (герой) Шейко Павловичъ, родомъ черногорецъ. Наконецъ, третью группу, самую многочисленную и сильную, составляетъ мѣстность у самой Черногоріи, протягивающаяся узкою полосой почти до границъ Сербіи. Здѣсь фигурируютъ Лазарь Сочина, Вуле Ходжичъ и попъ Жарко. Благоприятными возстанію условіями служатъ: близость Черногоріи и Сербіи, многочисленность инсургентовъ (до 16 тыс. человекъ), свобода дѣйствія, не стѣсненная семействами и имуществомъ, которыхъ успѣли перевести въ Черногорію и Сербію, и, наконецъ, выгодное положеніе мѣстности въ соединеніи съ способомъ войны. О предводителяхъ инсургентовъ мы можемъ, на основаніи газетныхъ извѣстій и отзывовъ очевидцевъ, сообщить слѣдующее: *Мичо Любичевичъ*, начальникъ отряда, дѣйствующаго вокругъ Требинья и имѣющаго, какъ видно по всему, цѣлью—препятствовать подвозу провіанта и доставкѣ подкрѣпленій туркамъ, получающимъ ихъ черезъ Клякъ (см. № 38 «Нивы»),—личность весьма замѣчательная: это человекъ высокаго роста, статный, красивый и не безъ образованія; онъ свободно изъясняется на языкахъ сербскомъ, французскомъ и итальянскомъ; обращается съ своими подчиненными по братски, охотно раздѣляя съ ними всю горечь ихъ положенія; человекъ гуманный и замѣчательнаго ума. Совершенно противоположность ему въ отношеніи образованія и гуманности представляетъ *Шейко Человичъ*. Ему около 50 лѣтъ. Длинное лицо его, съ орлинымъ носомъ и необыкновенно пронизательными черными глазами, чрезвычайно типично. Онъ когда-то служилъ тѣлохранителемъ у черногорскаго князя Николая и участвовалъ почти во всѣхъ стычкахъ съ турками во время возстанія въ 1860, 1861 и 1862 годахъ. Ненависть его къ туркамъ и любовь къ родинѣ не имѣютъ предѣловъ. Это волюнѣ закаленная, боевая натура. Вождемъ всего движенія считается *Богданъ Зимоничъ*, изъ весьма уважаемой популярной въ Герцеговинѣ фамиліи. Зимоничъ предводительствовалъ отрядомъ въ 1862 году. Ему около 56 лѣтъ, «онъ крѣпокъ и силенъ, высокъ ростомъ и хорошо сложенъ; носитъ черные и длинные волосы: сѣдина тронула только его длинную густую бороду. Держитъ себя очень скромно, но охотно говоритъ, только, къ сожалѣнію, слишкомъ тихо, такъ что надо внимательно слушать, чтобы его понять. Эта привычка, вѣроятно, осталась отъ чтенія молитвъ». Попъ Богданъ—замѣчательный пѣвецъ, и игра его «узъ гусле» (родъ скрипки изъ явороваго дерева) пользуется между сербами заслуженною извѣстностью. Народъ его горячо любитъ; онъ зна-

еть, что за него попъ Богданъ много вытерпѣлъ, за него онъ шелъ въ дѣлѣхъ въ турецкія темницы. Таковы геройскія, истинно народныя личности, вставшія во главѣ несчастной райи для защиты ея жизни, собственности, вѣры и чести! И народъ сербскій идетъ за ними, переноса невѣроятныя лишения: холодъ, голодъ, безпріютное скитаніе по горамъ, вдали отъ близкихъ сердцу, идетъ иногда на вѣрную смерть за дѣло своей несчастной родины!.. Идетъ съ оружіемъ съ рукахъ, чтобы «заявить цивилизованному міру, что вся Еврoпа покрываетъ себя позоромъ, дозволяя турецкому варварству поработать себѣ несчастный герцеговинскій народъ и насильно держать его въ невѣжествѣ». «Мы не хотимъ жить подъ турецкимъ кнутомъ, — заявляютъ инсургенты въ докладной запискѣ, поданной ими консульской международной комиссіи, — мы люди, а не скотъ. Если вы не хотите помочь намъ, то не можете и принуждать насъ сдѣлаться опять рабами. Турецкимъ обѣщаніямъ мы болѣе не вѣримъ; что-же касается посредничества, которое вы намъ предлагаете, то мы уже убѣдились, что турки имѣютъ къ нему не болѣе уваженія, какъ къ бобовому стручку. Мы желаемъ свободы, настоящей, полной свободы. Живыми мы не отдадимся въ руки турокъ». Но, должно-быть, несомнѣнно легко приходится и туркамъ, если правительству ихъ рѣшилось, наконецъ, уступить совѣтамъ великихъ европейскихъ державъ и приступило къ новымъ радикальнымъ преобразованіямъ въ возставшихъ провинціяхъ. 3-го октября по нов. стилю, обнародованъ въ Константинополѣ султанскій манифестъ, вводящій значительныя реформы во внутреннюю жизнь Оттоманской имперіи. Провинціямъ ея, въ томъ числѣ, значить, и Босніи съ Герцеговиной, даруются представительныя учрежденія, въ которыхъ выборные люди будутъ обезпечать мѣстныя пользы и нужды. Совѣты эти, въ свою очередь, избираютъ депутатовъ въ центральное представительное собраніе, турецкій парламентъ. Предприняты нѣкоторыя реформы и въ системѣ взиманія налоговъ, какъ напр. отмена добавочныхъ сборовъ къ десятинѣ, сложенные недоимки по 1-е марта 1873 года. Турецкому генералу Серверу-пашѣ предписано немедленно приступить къ введенію этихъ реформъ въ Босніи и Герцеговинѣ. И такъ, инсургенты добились одного—*желанія* Порты облегчить участь несчастныхъ райевъ; теперь имъ остается желать *осуществленія* этой завѣтной и совершенно законной мечты своей!.. Но для достиженія ея — необходимыми не только обещанія Порты, но и гарантіи, *ручательства* со стороны иностранныхъ державъ, желающихъ сохраненія европейскаго мира и временной поддержки «большаго человека». А это-то пока мы и не видимъ. Впрочемъ, слѣдя французскою пословицѣ, отчаиваться никакъ не слѣдуетъ: nous vivrons—verrons!

С М Ъ С Ъ.

Молодая герцеговинка у водопоя. Помѣщенный въ настоящемъ № «Нивы» снимокъ съ картины г. М. I. Чернака, подъ вышеприведеннымъ названіемъ, не требуетъ особеннаго описанія. Вы видите молодую стройную дѣвушку, которая привела къ водопою пару славныхъ коней. Ея прекрасное задумчивое лицо, большіе черные глаза, устремленные вдаль, выражаютъ далеко не веселое настроеніе души. Правда, есть о чемъ призадуматься ей!.. «Гдѣ-то теперь отецъ?.. Живъ ли братъ?.. А милый женихъ?..» Можетъ быть, съ любимымъ человекомъ она навсегда простилась... Пошелъ онъ туда, гдѣ пули посвистываютъ, гдѣ тяжелыя ядра прыгаютъ, гдѣ свѣжей кровью пахнетъ... Вернется-ли онъ?.. Можетъ быть, онъ уже раненъ... Жажда мучитъ его а помочь нѣкому... Товарищи не выдержали натиска турокъ, убѣжали въ горы, не успѣвъ взять съ собою раненыхъ. Что-же будетъ съ нимъ?.. Молодая дѣвушка вздрагиваетъ и судорожно сжимаетъ въ рукѣ прядь бѣлой гривы статнаго коня.

Новая пушка-великанъ. Англія, такъ заботящаяся о сохраненіи мира, не прочь однако заводить у себя такія штуки, которыя вовсе не отличаются мирнымъ характеромъ. Въ настоящее время Джонъ Буль обладаетъ громаднѣйшимъ артиллерійскимъ орудіемъ во всемъ свѣтѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вульвичская пушка, вѣсомъ въ 35 тоннъ, считалась въ Европѣ *царь-пушкой*, но теперь изъ мастерскихъ вульвичскаго арсенала вышло орудіе, вѣсящее 81 тон., т. е. 1620 центнеровъ. Чудовище это стоитъ 8,000 ф. ст., а стоимость каждая выстрѣ-

ла равняется 20—25 ф. ст. Дуло этой пушки имѣетъ 24 фут. длины, вся же длина ея почти 27 ф. Общій вѣсъ заряда 1650 ф., изъ этого числа на порохъ идетъ 300 ф. Первые выстрѣлы обходились безъ несчастныхъ случаевъ, хотя думали, что безъ бѣды тутъ не обойдется. Выстрѣлъ изъ этого чудовищаго орудія можетъ пробить броню въ 20 дюймовъ, на разстояніи одной англійской мили. Для того, чтобы зарядить эту новую «царь-пушку» требуются усилія дюжины артиллеристовъ.

Интересное открытіе. На одномъ изъ островковъ р. Миссисипи сдѣлано недавно открытіе, указывающее на то обстоятельство, что туземнымъ американскимъ племенамъ была известна механическая хирургія, и они употребляли костыли и носили деревянные ноги, когда лишались настоящихъ. Въ одной изъ тамошнихъ подземныхъ пещеръ, существующихъ по крайней мѣрѣ уже *тысячу лѣтъ*, въ числѣ многихъ любопытныхъ предметовъ былъ найденъ громадныхъ размѣровъ чело-вѣческой черепъ, почерпнувшій отъ времени, но такой гладкій и блестящій, какъ полированный. Тутъ же лежалъ скелетъ какого-то великана, почти гиганта, съ деревянною ногою, прикрѣпленною къ колѣнному сочлененію посредствомъ бронзовыхъ прижекъ. Открытіе это представляетъ весьма важный интересъ въ томъ отношеніи, что оно показываетъ, что въ самыя древнія времена люди умѣли уже замѣнять природные члены, въ случаѣ потери ихъ, искусственными, а также, что древними обитателями Америки была известна бронза.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Дѣйствія правительства.

— По всеподданнѣйшему докладу Управ-
ляшаго Министерствомъ Финансовъ о при-

нати Россіею участія въ предложенной
на 1876 годъ международной выставкѣ въ
Филадельфіи, Высочайше повелѣно, 22-го сен-
тября сего года, для необходимыхъ по сему

предмету распоряженій, учредить особую,
при Министерствѣ Финансовъ, по департа-
менту торговли и мануфактуръ, комиссію.
Предсѣдателемъ комиссіи назначенъ ди-

ректор сего департамента, тайный совѣтник Бутковский, а членами: управляющий канцелярією Министра Финансовъ, тайный совѣтник Кобеко; вице-директоръ департамента торговли и мануфактуръ, дѣйствительный статскій совѣтник Ермаковъ; директоръ технологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтник Вышнеградскій; чиновникъ особыхъ порученій департамента торговли и мануфактуръ, дѣйствительный статскій совѣтник Бѣльскій; начальникъ отдѣленія того же департамента, дѣйствительный статскій совѣтник Подобѣдовъ; профессоръ технологическаго института, статскій совѣтник Ильинъ; чиновникъ особыхъ порученій Министерства Финансовъ, статскій совѣтник Беръ и начальникъ отдѣленія департамента торговли и мануфактуръ, коллежскій совѣтник Тимирязевъ; управление же дѣлами возложено на члена ея, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бѣльскаго, который назначенъ также генеральнымъ комиссаромъ русскаго отдѣла международной выставки въ Филладельфіи.

Приступивъ къ исполненію возложенныхъ на нее обязанностей, комиссия имѣетъ честь пригласить тѣхъ изъ нашихъ промышленниковъ и торговцевъ, а равно и вѣдомствъ, которые пожелали бы принять участіе въ филладельфійской выставкѣ, обращаться нынѣ же съ своими заявленіями, а также для полученія нужныхъ свѣдѣній по адресу коммисіи: въ департаментъ торговли и мануфактуръ. О дальнѣйшихъ распоряженіяхъ, какия послѣдуютъ по сему предмету, доведено будетъ до всеобщаго свѣдѣнія чрезъ публикацію въ вѣдомостяхъ.

— По поводу возникшей въ минувшемъ году перепишки объ установленіи съ нашей стороны порядка сообщенія германскимъ властямъ свѣдѣній о случаяхъ появленія и о ходѣ чумной эпидеміи въ пограничныхъ мѣстностяхъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какия уже приняты Россією относительно Австро-Венгрии (основанія эти изложены въ завлеченіи медицинскаго департамента, напечатанномъ въ № 272 „Правительственнаго Вѣстника“ за 1874 годъ), Министерство Иностранныхъ Дѣлъ отозвалось, что со стороны германскаго правительства къ установленію сказаннаго порядка не встрѣчено препятствія. Вслѣдствіе сего Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ сдѣланы надлежащія распоряженія о непремѣнномъ выполненіи означеннаго порядка подлежащими мѣстами и лицами въ губерніяхъ нашихъ, пограничныхъ съ Германією.

Дѣла церкви.

— Въ „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ пишутъ, что въ настоящемъ году тульскій архіепископъ Никандръ издавъ по вѣдомству своего управленія довольно характеристическое распоряженіе. Распоряженіемъ этимъ вѣняется мѣстнымъ благочиннымъ въ обязанность отобразить отъ всѣхъ тульскихъ священно-церковно-служителей подписки въ невзыманіи имъ вѣредъ отъ прихожанъ срамныхъ и унижительныхъ для духовенства приносовъ водки и вина при совершеніи таинствъ крещенія и брака, а также и при другихъ церковныхъ требосправленіяхъ, при которыхъ введено невѣжественнымъ образомъ приносить въ даръ священно-церковно-служителямъ хмельные напитки. Преосвященный затѣмъ предаряетъ священно-церковно-служителей, что замѣченные изъ нихъ въ принятіи этихъ позорящихъ духовенство приносовъ будутъ подвергаемы строгимъ наказаніямъ, благочиннымъ же ввѣщаетъ внимательно слѣдить за прекращеніемъ нечистаго обычая.

Народное просвѣщеніе.

— Московская городская дума, въ ознаменованіе радостнаго событія — рожденія его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Владиміровича, положила учредить въ московскихъ мужскихъ гимназіяхъ

двадцать пять стипендій, съ исходатайствованіемъ присвоенія имъ Имени Его Высочества.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу, Высочайше соизволивъ на удовлетвореніе означеннаго ходатайства и повелѣвъ благодарить московскую городскую думу.

— 30-го минувшаго августа, въ высокоржевственный день тезоименитства Государя Императора, въ городѣ Вытегрѣ открыта учительская семинарія, учрежденная по ходатайству и на средства земства Олонецкаго губернія, съ пособіемъ отъ правительства.

Военное дѣло.

— Изъ отряда, дѣйствующаго въ Коканскомъ ханствѣ, получены «Русск. Инвалидомъ» слѣдующія извѣстія: «Главный предводитель коканскихъ скопищъ, Абдурахманъ-Автобачи, пытался снова дать русскимъ отпоръ, собравъ скопище въ десять тысячъ человекъ у Маргилана. По полученіи объ этомъ свѣдѣнія, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ 1-й выступилъ съ отрядомъ изъ Кокана къ Маргилану. Но Автобачи не принявъ боя и началъ уходить. Тогда преслѣдованіе неприятеля поручено было начальнику кавалеріи отряда, флигель-адъютанту Его Величества, полковнику генеральнаго штаба Скобелеву.

9-го сентября казаки настигли партію Автобачи, уменьшившуюся до пяти тысячъ, разбили ее и разогнали, такъ что скопище уменьшилось до четырехсотъ человекъ, которыхъ полковникъ Скобелевъ и продолжалъ гнать по пути. При преслѣдованіи, казаками подобраны три брошенныя орудія. Затѣмъ отступленіе партіи Автобачи превратилось въ бѣгство, и чрезъ Карасу Автобачи проскакалъ всего со ста джигитами. Казаки наши, дойдя до г. Уша, остановили погоню. Автобачи успѣлъ скрыться съ оставшимися при немъ пятью человекъ. 13-го сентября, кавалерія возвратилась въ Маргиланъ. Главный нашъ отрядъ оставался у этого города. Со всѣхъ сторонъ въ лагерь нашъ у Маргилана стекаются денуаціи отъ мѣстныхъ жителей съ просьбою о помилованіи и съ заявленіями о покорности.

Желѣзные дороги.

— По словамъ «Вѣстника желѣзныхъ дорогъ и пароходства», директоръ николаевской желѣзной дороги входилъ съ слѣдующимъ представленіемъ въ совѣтъ управленія главнаго общества: большой трудъ, выпадающій на долю машинистовъ николаевской желѣзной дороги, требуетъ непремѣнно, чтобъ эти люди всегда были съ свѣжими силами, а потому слѣдовало бы машинистовъ преклонныхъ лѣтъ и вообще дряхлыхъ увольнять отъ службы. Но такъ какъ пенсіонной кассы нѣтъ, а единовременное пособіе не можетъ обезпечить существованіе уволенныхъ, то И. Е. Кенингъ считаетъ справедливымъ назначать заслуженныхъ престарѣлыхъ паровозныхъ машинистовъ машинистами водоподъемныхъ машинъ съ сохраненіемъ имъ прежняго жалованья по классу. Въ настоящее время, на николаевской дорогѣ находится 18 престарѣлыхъ машинистовъ, которымъ, по мнѣнію директора дороги, доврять веденіе поѣздовъ небезопасно. Совѣтъ вполне согласился съ этимъ представленіемъ, постановивъ, чтобъ мѣра эта была примѣняема къ лицамъ старѣе 60-ти лѣтъ и прослужившимъ не менѣе 15-ти лѣтъ машинистами.

Сельское хозяйство и промышленность.

— Въ кустарномъ отдѣлѣ сельско-хозяйственной выставки въ Одессѣ особеннаго вниманія заслуживаютъ ковры и различныя ткани, по преимуществу льняныя, приготовляемыя въ Бѣлѣвѣ, Граденицахъ, Яссахъ, Трицкомъ, въ Большомъ и Маломъ Буялькѣ и въ нѣкоторыхъ болгарскихъ колоніяхъ. Судя по большому числу разнообразныхъ экзем-

пляровъ коврового производства, его должно считать значительно развитымъ въ Одесскомъ уѣздѣ. Что касается льняныхъ тканей, то онѣ легки, прочны и снабжены весьма изысканнымъ рисункомъ; производятся эти ткани въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ и ковры, и кромѣ того въ селѣ Кубанкѣ. Изъ этихъ тканей приготавливаются пояса, фартухи, и т. д. Но особеннаго вниманія, по сложности и изяществу рисунка и по достоинству ткани, заслуживаетъ родъ полотна съ бахромой, употребляемый въ болгарскихъ колоніяхъ какъ головной уборъ и называемый „нафрама“. Изъ другихъ предметовъ, выставленныхъ въ кустарномъ отдѣлѣ, обращаютъ на себя вниманіе деревянныя пилы (карполю), приготавлиемыя въ колоніи Зельцъ, Одесскаго уѣзда. По отзывамъ людей, употребившихъ эти карполю въ дѣло, онѣ удовлетворительны по прочности и дешевизнѣ. Ихъ приготавливается ежегодно до 30,000 штукъ, изъ которыхъ 5,000 штукъ идетъ въ Крымъ. Предметы кустарнаго производства окружены на выставкѣ цвѣтами и деревьями, между которыми обращаетъ на себя вниманіе Eucalyptus globula, который, какъ извѣстно, даетъ суррогатъ хинина и можетъ быть разводимъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на югѣ Россіи.

— 19-го сентября эксперты сельско-хозяйственной выставки въ Одессѣ присудили, какъ сообщается въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», награды экспонентамъ разныхъ отдѣловъ, за исключеніемъ кустарнаго, экспонентамъ котораго награды будутъ присуждаться позже. При опредѣленіи наградъ коммисія экспертовъ руководствовалась тѣмъ, чтобъ выдавать награды преимущественно за предметы, имѣющіе наибольшее близкое отношеніе къ мѣстному сельскому хозяйству.

— Изъ Ананьевского уѣзда сообщаютъ въ «Одесск. Вѣстн.» о необыкновенномъ урожаѣ проса: на клѣткѣ (10 десятинъ) становится отъ 150 до 200 копѣекъ и каждая копка даетъ болѣе четверти проса. Урожай кукурузы тоже изобильный.

— Пишутъ также, что въ весьма многихъ мѣстностяхъ на югѣ Россіи, въ особенности по р. Бугу, косили въ другой разъ траву. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ косари отказывались работать, такъ какъ отъ необыкновенной густоты и тучности травы ломались слишкомъ часто косы, отчего работа являлась убыточною, не говоря уже о ея медленности.

Земская хроника.

— Въ засѣданіи одесскаго уѣзднаго земскаго собранія, 19-го сентября, собраніе, большинствомъ голосовъ ассигновало 60,000 рублей на продовольствіе и обмѣненіе полей жителямъ Одесскаго уѣзда, пострадавшимъ отъ неурожаа нынѣшняго года.

— XI-е очередное Васильское уѣздное, Нижегородской губернія, земское собраніе, въ засѣданіи 4-го минувшаго сентября постановило: существующую въ с. Спасскомъ лѣчебницу, открытую въ видѣ опыта по постановленію IX очереднаго васильскаго земскаго собранія, какъ несоотвѣтствующую своему назначенію, упразднить. Изъ доклада уѣзднаго управы, послужившаго основаніемъ этому постановленію земскаго собранія, видно, что въ названной лѣчебницѣ въ теченіе года, съ 1-го сентября 1874 по 1-е сентября 1875 года, находилось всего 56 больныхъ, бывшихъ на излѣченіи въ сложности 305 дней. Содержаніе лѣчебницы стоило въ годъ: на квартиру, отопленіе, освѣщеніе, продовольствіе больныхъ и проч. — 254 р. 29 к.; такимъ образомъ содержаніе каждаго больного обходилось земству въ сутки 83½ коп.

Археологія.

— Въ юлѣ сего года поступило въ церковно-археологическій музей при кіевской академіи замѣчательное собраніе иконъ, принадлежавшее московскому гражданину А. Е. Сорокину: всего 192 иконы, въ томъ чи-

слѣ девять иковъ XV вѣка; наибольшая жѣ часть принадлежитъ XVII вѣку.
— Профессоръ Павинскій, занимающійся археологическими изысканіями, открылъ въ послѣднее время въ деревнѣ Камоцинокъ, Петроковскаго уѣзда, любопытное въ археологическомъ отношеніи языческое кладбище. По мнѣнію профессора, найденные имъ на кладбищѣ человѣчскіе скелеты и при нихъ хорошо кованныя желѣзныя вещи, относятся къ тому времени, когда въ здѣшнемъ краѣ желѣзо вошло во всеобщее употребленіе, слѣдовательно въ VIII, IX, а быть можетъ и X вѣку.

Новыя книги.

Изданія Легучей библіотеки:
Чѣмъ бы заняться? Изъ жизни американскихъ женщинъ. Повѣсть І. Олькотъ, известной американской писательницы. Цѣна 25 коп.
Ледовитое море. Повѣсть Уильяма Коллинза. Ц. 25 к.

Духъ Джона Джайо или живой мертвецъ. Рассказъ того же автора. Ц. 20 к.
Спиритизмъ. Миръ духовъ или жизнь послѣ смерти, соч. Одуаръ (съ французскаго), Изданіе Эммы А. Ц. 1 р. 50 к.
Записки по методикѣ русскаго языка, составленныя для учительскихъ семинарій, учительскихъ институтовъ и для учителей народныхъ школъ преподавателемъ Черниговской земской учительской семинаріи П. Н. Солонию. *Отдѣль Г-й. Методика обученія грамотѣ.* Ц. 50 к.—1875 г.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Въ отдѣлѣ на разныя письма, гдѣ требуется иногородными подписчиками упаковка №№ «Нивы» въ глухихъ конвертахъ, мы еще разъ отвѣтимъ, что по почтовымъ правиламъ, Почтамтъ нумеровъ въ такихъ конвертахъ не принимаетъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Во избѣжаніе недоразумѣнія симъ объявляемъ г. подписчикамъ, которые подписывались только на *послѣднее* полугодіе или третью года, что имъ объ преміи не будутъ разосланы. Право на полученіе этихъ двухъ эстамповъ имѣютъ только тѣ подписчики, которые получали и получаютъ „Ниву“ за все 1875 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Бессарабскіе цыгане (съ рисункомъ). — Кто выиграетъ?.. (Изъ современной уголовной хроники). Романъ Ф. Фридриха (продолженіе). — Чудное дѣлство. — Заячья охота (съ рисункомъ). — Пороховая баня въ Прагѣ (съ рисункомъ). — Любимый романсъ (съ рисункомъ). — Смѣсь съ рисункомъ. — Равныя новѣстіа. — Почтовый ящикъ. — Отъ редакціи.

За Редактора
Издатель **А. Ф. Марксъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ,

№ 12. Невскій проспектъ, напротивъ Малой Морской. № 12.

Покупаетъ и продаетъ по биржевой цѣнѣ всякаго рода процентныя бумаги, акціи, золото, серебро и иностранныя монеты.

Принимаетъ порученія на покупку и продажу таковыхъ на здѣшней и иностранныхъ биржахъ, взимая за то 1/8% комиссіи.

Выдаетъ ссуды въ возможно-высокомъ размѣрѣ, подъ залогъ процентныхъ бумагъ и билетовъ 5% съ выигрышами займовъ на срокъ отъ 1-го до 12 мѣсяцевъ.

Уплата ссудъ можетъ производиться или разомъ или ежемѣсячными взносами.

Заложеныя въ другіе банковыя учрежденія бумаги могутъ быть выкупаемы конторою и перезакладываемы у нея съ увеличеніемъ ссуды.

Заемщики изъ провинцій могутъ высылать бумаги по почтѣ на имя конторы, и контора немедленно высылаетъ деньги и залоговое обязательство по указанному адресу.

Контора принимаетъ денежные вклады и платитъ за деньги внесенныя:
на текущій счетъ 6%
на срокъ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ 7%
на срокъ не менѣе 6-ти и до 12-ти мѣсяцевъ. 8%

Расчетъ процентовъ по текущему счету производится 4 раза въ годъ, а именно: 1-го Января, 1-го Апрѣля, 1-го Іюля, и 1-го Октября, за вклады же на срокъ проценты уплачиваются впередъ.

Капиталъ, отданный конторѣ на извѣстный срокъ, можетъ быть, по желанію вкладчика возвращенъ и до истеченія срока черезъ 8 дней по заявленіи и за вычетомъ процентовъ въ размѣрѣ 3-хъ годовыхъ выше платимыхъ конторою процентовъ при вкладѣ.

Для членовъ, имѣющихъ деньги въ конторѣ на текущемъ счету послѣдняя исполняетъ всѣ биржевыя операціи, не взимая за то комиссіи.

Вкладчики изъ провинцій, желающіе внести деньги на текущій счетъ могутъ прицѣлать по почтѣ и имъ высылается тотчасъ надлежащее свидѣтельство.

Контора страхуетъ отъ тиражей погашенія билеты обоихъ внутреннихъ 5% съ выигрышами займовъ по 40 копѣекъ за билетъ, для иногородныхъ по 50 коп.

Продаетъ билеты 5% съ выигрышами займовъ съ разсрочкою платежа по 10 рублей и болѣе въ мѣсяцъ,

примечъ, могущій упасть, со времени волученъ конторою задатка, на купленный билетъ, выигрышъ принадлежитъ покупателю.

Издавна уже контора высказывала мнѣніе, что билетамъ выигрышныхъ займовъ предстоить постепенное повышеніе цѣны по той простой причинѣ, что этихъ билетовъ становится въ обращеніе менѣе и менѣе и, дѣйствительно, хотя биржевой спекуляціи и удавалось, отъ времени до времени, понижать курсъ билетовъ, цѣна ихъ всякій разъ, все скорю опять поднималась, вслѣдствіе все болѣе и болѣе усиливающагося спроса на нихъ. На этомъ основаніи должно заключить, что этой, единственной въ Россіи выигрышной бумагѣ предстоить блестящая будущность, и что, не смотря на мгновенныя колебанія цѣны ея на биржѣ, каждому желающему записать выигрышными билетами, выгодно и удобно воспользоваться предлагаемымъ конторою, легко доступнымъ способомъ приобрѣтенія.

Порученія изъ провинцій исполняются безотлагательно.
Лица, желающія состоять агентами конторы въ провинціи, могутъ заявить о томъ конторѣ съ указаніемъ, гдѣ можно справиться объ ихъ благонадѣжности.

10—1

2 руб., 12 каб. портретовъ — уголь Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—21

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

Карль Бауэръ.
Принимаетъ больныхъ ежедневно, отъ 10 час. до 3 часовъ.
Пломбированіе, вставленіе зубовъ и дѣльныхъ челюстей по самой новѣйшей американской методѣ.
С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 9. 6—2

Édition de Goupil & Co. à Paris.

Les Salons de 1872, 1873, et 1874.

Édition grand in-folio Un Album par Salon, contenant chacun 70 Photographies. Prix de chaque Salon, demi-reliure, maroquin rouge, 400 fr.

Édition petit in-folio. Deux Albums par Salon, contenant ensemble 100 Photographies. Prix de chaque Salon, demi-reliure, maroquin rouge, 150 fr. 2—2

Édition de Goupil & Co. à Paris.

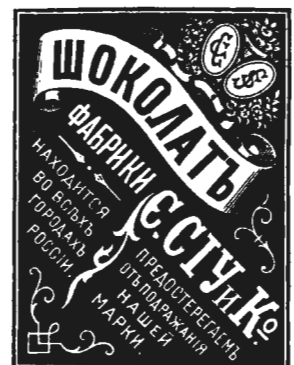
Oeuvres choisies de Fortuny: Reproduites en Photographies. Un Album grand in folio: comprenant 50 Planches;

Prix de l'album en portefeuille 300 fr.
Prix de chaque planche séparée 6 fr.
Reliure marocain du levant, tranches dorées. 140 fr.
Reliure parchemin, tranches rouges . . . 50 »
Demi-reliure, dos et coins marocain . . . 50 »
2—2

Изъ бумаги.

Воротники отъ 15 коп дѣжина
Манжеты . . 40 . . дѣжина паръ
Манишки . . 25 . . дѣжина

Въ Дѣпо Американскаго бумажнаго бѣлья въ магазинѣ „Городъ Нюрбергъ“ въ Старомъ Газетномъ переулкѣ, въ Москвѣ. Высылаютъ поданной мѣркѣ по почтѣ.

45—13

НИВА

№ 43

1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
Выданъ 27 Октября 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ.

Продолжается подписка на журналъ „НИВА“ на 1875 годъ.

При этомъ № особо высылаются въ картонныхъ футлярахъ нашимъ подписчикамъ

ОБЪ ПРЕМІИ ЗА 1875 ГОДЪ:

1) СМЕРТЬ ЮЛІЯ ЦЕЗАРЯ, КАРТИНА ПРОФ. ПИЛОТИ. Гравюра отпечатана на лучшей бристольской альбомной бумагѣ. Величина ея: въ длину $21\frac{1}{4}$ вершковъ, въ ширину $15\frac{1}{4}$ верш.

2) МАДОНА СЕВИЛЬСКАЯ, КАРТИНА СЕБАСТІАНА МУРИЛЬО. Гравюра эта также отпечатана на великолѣпной бумагѣ. Она имѣетъ въ длину $17\frac{3}{4}$ верш., въ ширину $14\frac{1}{2}$ верш.

Смѣло можемъ заявить, что такихъ премій ни одинъ журналъ въ Россіи не выдавалъ еще своимъ подписчикамъ. Если мы нашли возможнымъ изготovitъ и разослать эти двѣ гравюры, то единственно благодаря тому обстоятельству, что цифра подписчиковъ на „Ниву“ возросла въ текущемъ году до 17,500. Желая доставить имъ объ преміи неиспорченными перегибомъ вчетверо, мы употребили всѣ усилія для достиженія этой цѣли и исполнили теперь наше обѣщаніе, данное въ № 37. Преодолевъ множество трудностей, пожертвовавъ суммою свыше 8,000 рублей на пересылку этихъ премій посредствомъ новаго способа, а именно — въ крѣпкихъ цилиндрическихъ картонныхъ футлярахъ, мы надѣемся, что усилія наши увѣнчаются успѣхомъ при возобновленіи подписчиками „Нивы“ абонементна на 1876 годъ и приобрѣтеніемъ новыхъ друзей нашему журналу. Для лицъ, не состоящихъ подписчиками нашего журнала, отдѣльная цѣна 2-хъ премій будетъ 4 рубля (т. е. столько же что стоитъ самый журналъ). Желающіе же приобрѣсти полный экземпляръ „Нивы“ за 1875 годъ получаютъ объ эти преміи даромъ, выславъ только пять руб. 50 коп.

Позволяемъ себѣ дать слѣдующій практическій совѣтъ тѣмъ, которые, быть можетъ, встрѣтятъ затрудненіе при извлеченіи гравюръ изъ футляра и захотятъ разрѣзать его, причѣмъ ножъ можетъ испортить верхнюю гравюру: для того, чтобы вынуть осторожно, не помявъ объ гравюры, находящіяся внутри футляра, свернутыя въ одну трубку и переложенныя листомъ шелковой бумаги, слѣдуетъ вложить указательный палецъ правой руки въ отверстие футляра и затѣмъ наверхъ свертокъ на палецъ, и тогда онъ легко и невредимо можетъ быть вынутъ.

СМЕРТЬ ЮЛІЯ ЦЕЗАРЯ.

(Картина профессора Пилоти).

1-я премія подписчикамъ „Нивы“ на 1875 г.

Въ исторіи народовъ и государствъ являются блестящія личности, стоящія какъ бы на рубежѣ двухъ историческихъ эпохъ своей страны, т. е. какъ бы завершающія собою весь предшествовавшій періодъ развитія гражданской и общественной жизни и кладущія первый камень въ основаніе новаго порядка на вѣкъ грядущій. Таковъ именно былъ Цезарь, который впервые поколебалъ столпы всесвѣтной римской республики и заложилъ фундаментъ новой владычицы міра, римской имперіи.

Кай Юлій Цезарь, происходившій изъ древней патриціанской фамиліи, родился ровно за одно столѣтіе до Р. Х., въ 100 году; но великій историкъ Плутархъ начинаетъ жизнеописаніе его лишь съ перваго выдающагося событія, происшедшаго, впрочемъ, еще въ ранней молодости Цезаря и необыкновенно характеристичнаго.

Въ то время полновластнымъ владыкою Рима былъ диктаторъ Сулла, прославившійся неистовыми преслѣдованіями и проскрипціями лучшихъ гражданъ. Самъ великій Помпей не осмѣлился противиться развестись съ своею женою и вступить въ бракъ съ падчерицей диктатора; въ угоду ему и Пизонъ развелся съ Анніей, вдовою Цинны, врага Суллы. Диктаторъ потребовалъ того же и отъ Цезаря, который былъ женатъ на Корнеліи, дочери Цинны. Но ни просьбы, ни угрозы не дѣйствовали на Цезаря; Сулла грозилъ даже смертію, конфисковалъ приданое Корнеліи,—Цезарь не послушался. Тогда Сулла сталъ серьезно замышлять его гибель и въ отвѣтъ на ходатайство нѣсколькихъ друзей за такого *малого ребенка*, сказалъ, что *они очень глупы, если не видятъ въ этомъ ребенкѣ нѣсколькихъ Маріевъ*.

Узнавъ объ этомъ, Цезарь бѣжалъ изъ Рима, скитался въ Сабинской области, а оттуда удалился въ Виоинію къ царю Никомеду. Недолго пробывъ при дворѣ послѣдняго, онъ снова сѣлъ на корабль и близъ острова Фармакузы попался въ плѣнъ морскимъ разбойникамъ, которые потребовали отъ него 20 талантовъ выкупа. Цезарь, смѣясь надъ тѣмъ, что они не знаютъ что за *человѣка* взяли въ плѣнъ, обѣщалъ имъ 50 талантовъ и послалъ своихъ людей по разнымъ городамъ за сборомъ этихъ денегъ, а самъ съ однимъ другомъ и двумя рабами жилъ посреди киликійскихъ пиратовъ, обращаясь съ этими кровожадными убійцами такъ надменно и презрительно, что всякій разъ ложась спать посылалъ имъ приказаніе не шумѣть. Онъ дѣлилъ ихъ тѣлесныя упражненія, шутилъ съ ними, смѣялся надъ ихъ невѣжествомъ и грубостью и часто грозилъ ихъ повѣсить, когда будетъ свободенъ. Очарованные его обходительностью, они принимали это въ шутку. Но какъ только выкупъ Цезаря прибылъ изъ Милета и онъ получилъ свободу,—тотчасъ же вооружилъ нѣсколько кораблей въ гавани острова Мелоса, ринулся на разбойниковъ, которыхъ нашелъ еще на якорной стоянкѣ у береговъ, полонилъ большую часть ихъ, вернулъ свой выкупъ и завладѣлъ всею ихъ добычей, а самихъ грабителей распялъ на крестѣ въ городѣ Пергамѣ, сдержавъ такимъ образомъ свое обѣщаніе.

Не смотря на то, что Сулла, по просьбамъ друзей, простилъ наконецъ Цезаря, тотъ все еще не хотѣлъ возвращаться въ Римъ и отправился на островъ Родосъ, гдѣ изучалъ краснорѣчіе подъ руководствомъ знаменитаго ритора Аполлонія Молона. Вернулся онъ въ столицу лишь по смерти диктатора и началъ политическое поприще защитою своихъ кліентовъ въ судѣ, представъ къ демократической и оппозиціонной партіи. Его краснорѣчіе обратило всеобщее вниманіе именитыхъ гражданъ, а ласковый пріемъ всѣхъ и каждаго, необычайная вѣжливость и чарующее обращеніе сдѣлали его любимцемъ народа. Патрицій по рожденію, образованію и образу жизни, Цезарь въ совершенствѣ понималъ, что демагогія и начальство надъ войскомъ въ это время стали въ Римѣ единственнымъ средствомъ къ достиженію власти. Поэтому онъ не щадилъ никакихъ расходовъ и входилъ въ громадныя долги, ведя открытую и расточительную жизнь ради пріобрѣтенія себѣ друзей, которыхъ у него было и безъ того множество. Одинъ Цицеронъ—и то про себя—подозрѣвалъ подъ этой личной добродушія и распушенности громадныя замыслы ненасытнаго честолюбія.

Первымъ знакомъ народнаго благоволенія къ Цезарю—была должность военнаго трибунала, которую онъ оспорилъ у Кая Попилія. Затѣмъ, потерявъ Корнелію, на погребеніи которой онъ позволилъ себѣ произнести великолѣпную рѣчь, не взирая на крайне молодые годы умершей,—Цезарь въ 68 году до Р. Х. былъ назначенъ квесторомъ въ Лузитанію (Португалію); а три года спустя, вернувшись въ Римъ и женившись на Помпей, онъ повелъ еще болѣе роскошную жизнь и за-

должалъ 1300 талантовъ, но за то былъ сдѣланъ эдилемъ. Въ этой должности, онъ старался расположить къ себѣ народъ великолѣпными зрѣлищами съ 320 парами гладиаторовъ, давалъ пиры, исправилъ Аппіанскій путь и затмилъ блескомъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Между прочимъ онъ тайно внесъ въ капитолій изображеніе и трофеи Марія, вслѣдствіе чего вся партія приверженцевъ этого полководца открыто подняла голову, такъ какъ народъ поддержалъ Цезаря. Вскорѣ послѣ того умеръ Метелль, верховный жрецъ, и Цезарь сталъ добиваться этого сана противъ Изаврака и Катуга, двухъ знаменитѣйшихъ гражданъ Рима. Первый изъ нихъ предлагалъ Цезарю громадную сумму отступнаго, но честолюбивый соискатель отвѣчалъ ему, что *займетъ еще больше и употребитъ эти деньги на одержаніе верха надъ нимъ*. Отправляясь на выборы, онъ обнялъ провожавшую его мать и сказалъ ей, что *она сегодня же увидитъ своего сына или верховнымъ жрецомъ, или изгнанникомъ изъ Рима*. Не смотря на сильное противодействие, онъ былъ избранъ въ должность верховнаго жреца, а скорѣ затѣмъ сдѣланъ преторомъ.

Во время претрства Цезаря, молодой патрицій Публій Клодій, влюбясь въ жену его Помпею, преслѣдовалъ ее своею страстью и однажды въ женскомъ платьѣ пробрался въ ея домъ на церемонію какого-то тайнаго женскаго культа Доброй Богини (*Вонае Деае*), на которомъ могли присутствовать однѣ женщины. Въ числѣ ихъ была и Помпея, председательница торжества, какъ жена претора, въ домѣ котораго постоянно совершалась эта церемонія. Клодій, введенный туда рабыней, повѣренной его и Помпей, былъ открытъ и узнанъ женщинами. На другой день все огласилось. Клодій былъ обвиненъ въ страшномъ кощунствѣ. Цезарь тотчасъ развелся съ женою, но въ Сенатѣ отозвался, что *ему ничего не извѣстно о поступкѣ Клодія*, и когда его спросили, почему-же онъ развелся—отвѣчалъ, что *на женѣ Цезаря не должно быть даже тѣни подозрѣнія*.

Нуждаясь въ великомъ полководцѣ Помпей для своего успѣха, Цезарь принялъ участіе въ беспорядкахъ, возбужденныхъ въ интересахъ Помпея трибуномъ Метелломъ Непотомъ, и за это лишенъ былъ званія Претора. Народъ хотѣлъ силою возвратитъ утраченный санъ своему любимцу, но Цезарь былъ настолько благоразуменъ, что отказался отъ этой помощи, не желая навсегда вооружить противъ себя аристократію. За такое самоотверженіе Сенатъ принесъ ему публичную благодарность и возвратилъ преторство. Затѣмъ въ качествѣ пропретора, Цезарь назначенъ былъ въ Испанію; когда онъ съ войскомъ проходилъ какимъ-то гальскимъ городкомъ и кто-то изъ спутниковъ спросилъ его, неужели и въ этомъ городишкѣ, какъ въ Римѣ, идутъ споры за первенство, гордый честолюбецъ отвѣчалъ, что *онъ скорѣ согласился-бы стать первымъ въ этомъ городишкѣ, нежели вторымъ въ Римѣ*. Въ Испаніи онъ, подобно всей римской знати, воспользовался своимъ намѣстничествомъ для личнаго обогащенія, такъ что возвратясь въ слѣдующемъ году въ Римъ, заплатилъ всѣ свои долги. Ко времени пребыванія его въ Испаніи относится и приводимое Плутархомъ, знаменитое восклицаніе Цезаря: *не грустно-ли, что Александръ (Македонскій) въ мои года покорилъ уже столько царствъ, а я еще не совершилъ ни одного громкаго подвига?* И вотъ, собравъ десять новыхъ когортъ въ придачу къ двадцати бывшимъ отрядамъ, онъ пошелъ на Каледійцевъ и Лузитанъ, разбилъ ихъ и достигъ океана. покоряя народы доселѣ неподвластные римлянамъ. Во внутреннихъ дѣлахъ Испаніи онъ возстановилъ миръ и доброе согласіе между городами, установилъ кредитъ и обогатилъ войско, которое почтило его титуломъ *императора* (повелителя).

Возвратясь въ Римъ, Цезарь сталъ искать консульства, какъ первой ступени къ единовластію, и для этого

отказался отъ триумфа, такъ какъ по римскому закону просившій триумфа долженъ былъ оставаться внѣ города, а искавшій консульства — непременно въ стѣнахъ его. Пользуясь любовью народа, Цезарь тѣмъ не менѣе видѣлъ, что не будучи въ союзѣ съ тогдашнимъ главою государства, онъ не достигнетъ цѣли, а потому старался привлечь Помпея на свою сторону. Помпей согласился на союзъ съ нимъ въ надеждѣ выхлопотать при его помощи утверждение своихъ распоряженій въ Азии и удовлетворить солдатъ. Но сверхъ того обоимъ нужны были деньги, чтобы поставить въ зависимость отъ себя руководителей народа и безгласныхъ членовъ Сената,—поэтому цезарь обратился къ богачу Крассу и представилъ ему выгоды совместнаго господства. Помпировъ Красса съ Помпеемъ, Цезарь составилъ такъ-называемый *триумvirатъ* т. е. союзъ или правление трехъ лицъ. Такимъ образомъ, деньги, приверженцы и народная любовь трехъ значительнѣйшихъ мужей Рима соединились. Триумvirатъ, заключенный въ 60 году до Р. X. по мысли Цезаря, потрясъ древнія учрежденія республики римской и установилъ что-то въ родѣ тріединой монархіи. Но ни Помпей, ни Крассъ не предвидѣли, что этотъ союзъ былъ выгоденъ для одного Цезаря, и что оба они служили только орудіемъ его возвышенія. При помощи золота Красса и вліянія Помпея, Цезарь получилъ консульство, хотя Лукуллъ Катонъ, Цицеронъ и другіе поборники древнихъ учреждений употребляли всѣ средства противодѣйствія. Цезарь отдалъ Помпею въ супружество дочь свою отъ Корнелии, Юлію, а самъ женился на Кальпурніи, дочери Пизона, котораго и назначилъ Консуломъ на предстоящій годъ. Катонъ протестовалъ въ полномъ собраніи Сената, призывая боговъ въ свидѣтели нестерпимаго барышничества этихъ людей, которые, торгуя женщинами, раздавали другъ другу высшія должности въ государствѣ. Но всѣ эти противодѣйствія сенаторской партіи не имѣли никакого успѣха, такъ какъ Цезарю удалось окончательно парализовать сотоварища своего, втораго Консула Бибула, принадлежавшаго къ партіи аристократовъ. Первымъ дѣломъ Цезаря въ качествѣ триумвира было предложеніе новаго аграрнаго закона, т. е. надѣленія землею бѣднѣйшихъ гражданъ, при помощи котораго онъ выполнилъ свои обязательства къ Помпею и надѣлилъ 2000 бѣдныхъ гражданъ землею. Пользуясь народною любовью, Цезарь совершенно устранилъ Бибула отъ вѣдѣнаго въ государственныя дѣла и отнялъ у аристократовъ всякую возможность вредить себѣ. Цицерона онъ даже изгналъ изъ Рима, а Катона прогналъ изъ народного собранія. На слѣдующій же годъ, когда враги Цезаря избрали въ консулы преданныхъ себѣ людей, думая обезсилить его лишеніемъ власти надъ войскомъ или намѣстничества, — Цезарь при помощи народного собранія получилъ должность намѣстника Верхней Италіи и Иллирій и вытребовалъ у испуганнаго Сената еще третью провинцію Галлію Трансальпийскую.

И вотъ, пока въ Римѣ шли неурядицы двоевластія, начался рядъ славныхъ походовъ, въ которыхъ Цезарь является однимъ изъ величайшихъ полководцевъ всемирной исторіи. Объемъ этой статьи не позволяетъ намъ слѣдить въ подробностяхъ за этими безчисленными побѣдами, описанными самимъ Цезаремъ въ книгѣ его „*de bello Gallico*“. Достаточно сказать, что, явившись въ Галлію съ 40,000 войска, онъ увеличилъ свою армію втрое, приучилъ ее къ строжайшей дисциплинѣ, лишеніямъ и полному, слѣпому повиновенію. Поразивъ 350000-ную толпу Гельветовъ, вторгнувшихся въ Галлію, Цезарь въ 58 г. до Р. X. неподалеку отъ Безансона разбилъ на голову Ариовиста, перешедшаго Рейнъ со 120,000 своихъ германцевъ, подчинилъ римскому владычеству нервійцевъ, белловаковъ, Аквитанцевъ и другихъ народовъ западной Франціи, поразилъ 400,000 тектеровъ и узипетовъ, которые вторглись въ бельгійскую Галлію, по-

строилъ между Кобленцомъ и Бонномъ мостъ черезъ Рейнъ и привелъ въ ужасъ сикамбровъ; два года сряду (55 и 54) высаживался въ Британію и покорилъ племена, обитавшія въ южной части острова, наконецъ въ 52 г. усмирилъ страшное возстаніе всѣхъ гальскихъ племенъ подъ предводительствомъ Верцингеторикса, сокрушивъ такимъ образомъ въ теченіи десяти лѣтъ энергію Галловъ и подчинивъ Риму всю страну до Британіи и границъ Нидерландовъ. Будучи слабого сложения, хилый тѣломъ, часто страдавшій головною болью и падучею болѣзнью, онъ проявлялъ такую мощь и силу духа въ трудахъ и лишеніяхъ походной и боевой жизни, что одного этого примѣра было довольно для возбужденія героизма въ каждомъ солдатѣ. Спалъ онъ только на походѣ—въ колесницѣ или носилкахъ—предображая такимъ образомъ самый отдыхъ въ дѣятельность. Онъ превосходно ѣздилъ верхомъ и часто пускалъ коня во всю прыть, бросивъ поводья и сложивъ руки за спиною. Съ лошади же диктовалъ онъ секретарю и письма свои, которыя онъ первый ввелъ въ употребленіе. Однажды застигнутый на походѣ бурей, онъ попалъ въ крошечную хижинку, едва достаточную для одного человѣка; *Наипочетнѣйшій мѣста*, сказалъ онъ при этомъ своей свитѣ,—*уступаются величайшимъ людямъ, а необходимѣйшій—наиболѣе хворымъ*, и уступилъ хижину больному Опшію, оставшись самъ со свитою подъ навѣсомъ крыши. Разъ, во время внезапнаго нападенія Гельветовъ, Цезарю подвели его боеваго коня; онъ еще *приходится мнѣ послѣ побѣды на преследованіи*, сказалъ онъ,—*а теперь впередъ на врага!*—и ринулся пѣшій въ страшную битву.

Передъ боемъ съ Ариовистомъ, Цезарь, видя смятеніе молодыхъ патрициевъ начальниковъ отрядовъ своей арміи, собралъ ихъ и сказалъ болѣе робкимъ, что *имъ стоитъ только удалиться и не подвергать себя опасности противъ воли, если о и такие трусы и нѣженки*, заявляя, что онъ съ однимъ десяткомъ легионовъ двинется на варваровъ, такъ какъ ни они не страшнѣе кимбровъ, ни онъ какъ полководецъ не хуже Марія.

Таковъ-то былъ человѣкъ, стремившійся къ единовластію надъ Римомъ. Сама судьба, казалось, помогала ему. Красса уже не существовало; получивъ въ свое управленіе Сирію, онъ еще въ 53 году потерпѣлъ пораженіе отъ Парѣянъ, былъ взятъ въ плѣнъ и умерщвленъ,—преданіе говорить, что ему залили ротъ растопленнымъ золотомъ. Оставался одинъ Помпей—и его-то гибель давно уже замышлялъ Цезарь. Находясь въ Галліи, Цезарь былъ постоянно занятъ обученіемъ войска и стараніями привлечь къ себѣ солдатъ, но среди самой напряженной дѣятельности, взоръ его постоянно былъ обращенъ къ Риму. Между тѣмъ въ вѣчномъ городѣ беспорядки достигли крайней степени. Честолюбцы Клодій и Милонъ искали высшихъ государственныхъ должностей, производили битвы на улицахъ и возбуждали общее смятеніе; самая судебная администрація прониклась духомъ партій; все было шатко, нетвердо и безпокойства возбуждались самимъ правительствомъ. Помпей утратилъ прежнее обаятельное вліяніе, и, за смертію Красса ставъ единственнымъ консуломъ, отдѣлился отъ Цезаря и снова примкнулъ къ аристократической партіи, которой былъ отчасти обязанъ своимъ избраніемъ. Аристократія сознавала необходимость сосредоточить власть въ однихъ твердыхъ рукахъ для защиты себя отъ черни; съ своей стороны Помпей понималъ, что только въ союзѣ съ аристократіею можетъ противиться Цезарю, который обладалъ фактическою силою войска и любовью народа. Сенатъ издалъ нѣсколько распоряженій, тайно направленныхъ противъ Цезаря, при содѣйствіи цензора, исключилъ изъ списка сенаторовъ множество лицъ, принадлежавшихъ къ его партіи, и утвердилъ предложеніе отобрать у Цезаря провинціи за годъ до окончанія срока. Цезарь смотрѣлъ

на все это спокойно и ждалъ, когда неосмотрительность противниковъ дастъ ему поводъ къ началу военныхъ дѣйствій, а самъ между тѣмъ потребовалъ себѣ консульства. На это аристократы отвѣчали отказомъ, пока онъ не распуститъ войска. Помпей былъ такъ увѣренъ въ себѣ, что на вопросъ, какія войска противопоставитъ Цезарю, если тотъ вздумаетъ идти на Римъ, отвѣчалъ, что ему стоитъ только топнуть ногою о землю—и явятся легионы. Наконецъ, въ январѣ 49 г. до Р. X. Сенатъ утвердилъ рѣшеніе, объявлявшее Цезаря врагомъ отечества, если онъ къ 1 марта не оставитъ войска, объявилъ отечество въ опасности и поручилъ консуламъ вмѣстѣ съ другими сановниками позаботиться о его сненіи, дозволивъ употреблять для этого чрезвычайныя средства—а Помпей былъ провозглашенъ главнокомандующимъ съ неограниченною властью.

Цезарь получилъ извѣстіе объ этомъ отъ трибуновъ Кассія, Куріона и Марка Антонія, которые явись къ нему въ Равенну, просили отъ имени народа взять въ свои руки управление государствомъ. У Цезаря былъ подъ руками только одинъ легионъ, но рассчитывая на то, что большая часть его войскъ уже спѣшила къ нему форсированнымъ маршемъ, онъ рѣшился предупредить противниковъ смѣлымъ ударомъ. Однако, подойдя съ своимъ легиономъ къ Рубикону—пограничной рѣкѣ его намѣстничества—Цезарь впалъ въ глубокое раздумье и сказалъ своимъ спутникамъ: „Намъ еще есть время возвратиться; но одинъ шагъ далѣе—и междоусобная война объявлена!“ Спустя нѣсколько минутъ онъ пришелъ въ себя и съ словами: „*jacta aleam esta* (жребій брошенъ)!“ переправился черезъ рѣку.

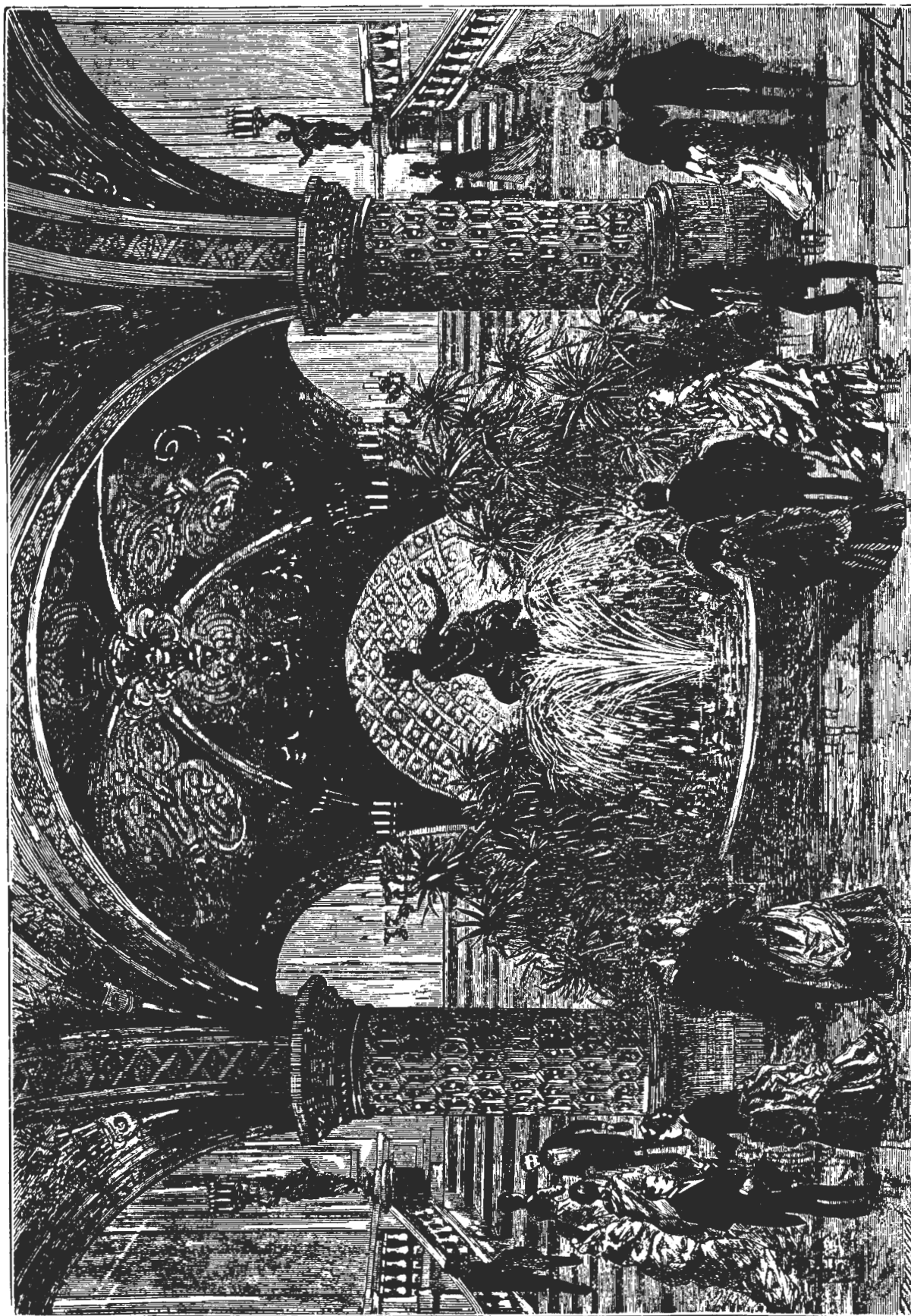
Началась борьба исполнская, въ которой Помпей явился достойнымъ противникомъ своего врага. Онъ далъ Цезарю семь генеральныхъ сраженій, кончившихся большею частью въ его пользу, и заставилъ Цезаря отступить въ Фессалію. Но Цезарь не даромъ говорилъ передъ одной изъ битвъ рыбаку, который переправлялъ его на лодкѣ въ бурную ночь: „не бойся, ты везешь Цезаря и его счастье“. Въ Фессаліи, на поляхъ Фарсальскихъ, лѣтомъ 48 года произошла рѣшительная битва, въ которой Цезарь нанесъ Помпею полное поражение, потерявъ только 230 человекъ, тогда какъ у непріятеля было убито нѣсколько тысячъ, а весь лагерь и 24,000 плѣнныхъ достались въ руки побѣдителя.

Результатомъ этой битвы было то, что Помпей, тщетно попытавшись еще сопротивляться Цезарю на морѣ, вынужденъ былъ бѣжать въ Малую Азію, а потомъ въ Египетъ, гдѣ и былъ измѣнически убитъ египетскими царедворцами, которые желали подольститься къ побѣдителю. Но Цезарь съ негодованіемъ отвернулся отъ убійцы, поднесшаго ему отрѣзанную голову Помпея, и, вѣроятно, вспомнилъ прежнюю дружбу и непостоянство земнаго величія, со слезами далъ обѣтъ отпустить его убійцамъ. Цезарь явился въ Египетъ, покоривъ своей власти всю Малую Азію, и здѣсь разбилъ на голову египетское войско, причѣмъ погибъ и тринадцатилѣтній царь Птоломей Діонисъ и убійцы Помпея, объявилъ правительницею сестру Птолемея Клеопатру, не смотря на цвѣтъ молодости, уже знаменитую красотой, обаятельной прелестью и всѣми чарами восточнаго кокетства. Благосклонность первой въ свѣтѣ красавицы была, быть можетъ, одной изъ лучшихъ наградъ страстному герою, будущему владыкѣ міра,—но и та не могла удержать его ненасытнаго честолюбія, и въ декабрѣ 47 года, Цезарь уже возвратился въ Римъ, гдѣ тотчасъ послѣ фарсальской битвы былъ заочно назначенъ на всю жизнь въ народные трибуны, на 5 лѣтъ въ консулы и на 1 годъ въ диктаторы. Страшныя кровопролитныя смуты потрясали вѣчный городъ до самаго прибытія Цезаря, который, отклонивъ всѣ почести, предложенныя ему Сенатомъ, прежде всего позаботился наградить своихъ приверженцевъ и уничтожить враговъ.

Раздавъ деньги и почетнѣйшія мѣста своимъ любимцамъ, Цезарь съ частью своихъ войскъ отплылъ въ Африку, гдѣ собралось войско двухъ сыновей Помпея, Кнея и Секста, подъ начальствомъ Метелла Сципіона, Катона младшаго и другихъ въ союзѣ съ нумидійскимъ царемъ Юбою. При городѣ Тапсѣ Цезарь нанесъ имъ такое же поражение, какъ при Фарсалѣ. Метеллъ, Юба и Катонъ сами лишили себя жизни. Затѣмъ въ мартѣ 45 года въ Испаніи, при городѣ Мундѣ Цезарь далъ рѣшительное сраженіе Кнею Помпею. Битва была упорна, и первый натискъ Цезаря былъ отбитъ. Соскочивъ съ лошади, Цезарь, съ открытой головой, чтобы всѣ узнали его, бросился въ ряды отступавшихъ своихъ воиновъ и съ мечомъ въ рукѣ снова повелъ ихъ въ бой, крикнувъ: „Неужели вы хотите выдать вашего полководца безбородому мальчишкѣ?“ Приверженцы Помпея потерпѣли страшное поражение и самъ Кней палъ во время бѣгства.

Цезарь достигъ полного единовластія въ Римѣ. Еще до возвращенія его изъ Африки Сенатъ назначилъ его цензоромъ на три года и диктаторомъ на десять лѣтъ. Ему воздвигли статую съ надписью „Полубогу“. Побѣда надъ Юбою праздновалась сорокадневнымъ торжествомъ. По рѣшенію Сената, Цезарь во время триумфа ѣхалъ въ колесницѣ на бѣлыхъ коняхъ въ сопровожденіи 70-ти ликторовъ. Онъ получилъ 4 триумфа, въ память побѣдъ надъ народами Галліи и царями: египетскимъ, понтійскимъ и нумидійскимъ. Сокровища, добытыя въ этихъ войнахъ, выставленныя имъ на показъ и затѣмъ пожертвованныя въ государственную казну, простирались однимъ деньгами до 88,000,000 руб. сер. Сверхъ того онъ привезъ 2822 золотыхъ вѣнца вѣсомъ въ 20,014 фунтовъ. Между плѣнниками, шедшими въ оковахъ за колесницей триумфатора, особенно выдѣлялись: предводитель гальскаго возмущенія Верцингеториксъ, сестра Клеопатры и сынъ царя Юбы. Послѣ триумфа Цезарь угостилъ народъ на 22,000 столахъ, далъ каждому изъ 150,000 гражданъ по 10 фунтовъ масла, по 2 четверика хлѣба и раздѣлилъ 3,500,000 руб. сер. Каждый рядовой его войска получилъ болѣе 1,200 руб. Всѣ ветераны были надѣлены землями. При освященіи же новаго храма Венеры (мнимой родоначальницы Цезаря, происхожденіемъ отъ которой онъ открыто гордился), Цезарь устроилъ блестящую игру, на которыхъ, между прочимъ, выпущено было 400 львовъ и даны примѣрное морское сраженіе и сухопутная битва съ участіемъ 800 человекъ и 20 слоновъ. Сенатъ обязалъ гражданъ почитать статуи Цезаря наравнѣ со статуями боговъ; назначивъ Цезаря на всю жизнь диктаторомъ, цензоромъ и великимъ первосвященникомъ, онъ далъ ему почетный титулъ *императора* (полководца), право носить всегда пурпуровую одежду и лавровый вѣнокъ, а также сидѣть на золотомъ стулѣ въ сенатѣ, объявилъ личность Цезаря священною и неприкосновенною, велѣлъ чеканить его изображение на монетахъ, назвалъ мѣсяць его рожденія іюлемъ и оказалъ ему множество другихъ почестей.

Цезарь пользовался своимъ исключительнымъ положеніемъ въ государствѣ для осуществленія многихъ благодѣтельныхъ дѣлъ. Онъ увеличилъ наказаніе за подлогъ и другія преступленія, назначилъ конфискацію имѣній у эмигрантовъ, улучшилъ администрацію провинцій и законодательство о долговыхъ обязательствахъ, обуздывая роскошь, онъ запретилъ употребленіе пурпура, жемчуга и носилокъ и ограничилъ 150,000 число гражданъ, которымъ раздавался хлѣбъ на счетъ казны. Стараюсь улучшить въ самыхъ основаніяхъ испорченный римскій міръ и дѣть государству монархическіе характеръ и форму правленія, Цезарь не выпускалъ изъ виду и другихъ интересовъ науки и общественной жизни. При помощи александрійскаго ученаго Созигена онъ улучшилъ календарь, самый стиль котораго въ честь Цезаря называется юліанскимъ и донныи употребляется еще

Бассейнъ Пиоги въ здании Новой Парижской оперы, подъ большимъ подъездомъ. Съ фотографіи рѣзалъ Лери.

въ Россіи; умъ его постоянно занятъ былъ громадными проектами, какъ напр. осушеніе понтинскихъ болотъ, прорытіе коринѣскаго перешейка, увеличенія Рима и похода на паренъ чрезъ неизвѣстныя страны сѣвера съ цѣлью открытія новыхъ земель. Онъ старался придать внѣшній блескъ приобрѣтенной имъ царской власти, умножилъ число чиновниковъ, увеличилъ составъ Сената до 900 членовъ, принимая въ него людей всякаго званія и состоянія. Но въ то же время, презирая всѣ древнія формы государственнаго управленія, онъ выказывалъ явное пренебреженіе къ Сенату и трибунамъ, тогда какъ прежде показывалъ видъ, что желаетъ власти лишь для искорененія вкрапившихся злоупотребленій. Эта перемѣна во взглядахъ Цезаря и нерасположеніе къ древней свободѣ римской жизни рѣзче всего выразились во время триумфа по случаю испанской войны, который глубоко оскорбилъ всѣхъ лучшихъ людей Рима, такъ какъ здѣсь впервые еще отъ его основанія римскій гражданинъ рѣшился праздновать побѣду надъ согражданами.

Понятно, что при такихъ условіяхъ Цезарь не могъ удержаться на вершинѣ своего счастья. Какъ ни благодѣтельны были его распоряженія и законы, но всѣ эти улушенія не могли примирить современниковъ съ намѣреніемъ Цезаря ввести неограниченную монархію, стремленіе къ которой поставило его въ противорѣчіе съ духомъ государственныхъ учрежденій, жизни, литературы и поэзіи римлянъ. Мысль о грозившемъ деспотизмѣ пробудила въ самыхъ друзьяхъ Цезаря и другихъ передовыхъ людяхъ угасавшій патриотизмъ и древнюю любовь къ свободѣ. Лучшіе представители римской аристократіи составили заговоръ для умерщвленія диктатора и возстановленія республики. Болѣе 60 человекъ соединились на погибель Цезаря; знаменитѣйшими изъ нихъ были: тогдашній преторъ, приверженецъ Помпея, *Маркъ Юній Брутъ*, съ матерью котораго диктаторъ жилъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и нерѣдко самого Брута называлъ своимъ „сыномъ“; *Кай Кассій Лонгинъ*, также преторъ, послѣ Фарсалы передавшій свой флотъ Цезарю; преторъ Верхней Италіи, *Децій Юній Брутъ*, другъ и приверженецъ Цезаря; наконецъ *Публій Сервилій Каска*, тоже всегда принадлежавшій къ партіи диктатора. Ораторъ *Кшиеронъ*, послѣ фарсальской битвы, подольстившійся къ побѣдителя и заслужившій его милости, также сочувствовалъ заговору, но не принималъ въ немъ никакого участія. Руководители заговорщиковъ, Кассій и Маркъ Брутъ отличались отъ всѣхъ своихъ современниковъ величіемъ духа и чистотой намѣреній. Говорятъ, что Кассій и другіе заговорщики только съ большими предосторожностями посвятили въ свою тайну Марка Брута, любимца Цезаря, предварительно будто бы положивъ на преторское кресло его записку со словами: „Брутъ, ты спишь!“, а въ другой разъ написавъ на статуѣ осно-

вателя республики и мнимаго родоначальника Брута: „о, если бы ты былъ живъ теперь!“.

15-го марта 44 года до Р. Х. Цезарь, намѣревавшійся черезъ нѣсколько дней отправиться въ паренскій походъ, назначилъ засѣданіе Сената въ священномъ залѣ театра, построеннаго Помпеемъ и украшенной статуею основателя. Рассказываютъ, что Цезарь имѣлъ многія предчувствія и предзнаменованія ожидавшей его участи. Такъ, однажды, когда передъ нимъ обвиняли Антонія и Доллабелу, какъ людей злоумышляющихъ противъ него, онъ сказалъ, что *не очень боится этихъ жирныхъ расчесанныхъ щеголей, а скорее опасается ихъ худальныхъ и блѣдныхъ*, разумѣя Кассія и Брута. Говорятъ, будто бы одинъ гадатель предупредилъ Цезаря о страшной опасности, грозившей ему въ день *мартовскихъ идъ*, т. е. 15 марта; наканунѣ, въ ночь, будто бы всѣ двери и окна его спальни растворились настежь, а жена его Кальпурнія бредила, будто бы держитъ мужа въ объятіяхъ зарѣзаннымъ, и на утро со слезами умоляла его не ходить въ Сенатъ. Но Цезарь пошелъ по обыкновенію въ засѣданіе и, будто бы встрѣтивъ на пути гадателя, сказалъ ему смѣясь: „ну, вотъ и мартовскія иды пришли!“ а тотъ отвѣтилъ ему шепотомъ: „да, пришли, но еще не прошли!“ Затѣмъ навстрѣчу попался искавшій его риторъ Артемидоръ Гнидскій, знавшій о заговорѣ, и подалъ ему писанный доносъ, прося его тотчасъ же прочесть бумагу. Цезарь нѣсколько разъ принимался за чтеніе, но ему мѣшала толпа, безпрестанно отвлекавшая его. Такъ, съ бумагой въ рукѣ онъ и вошелъ въ Сенатъ. При входѣ его, сенаторы встали съ мѣстъ, отдавая обычную почесть диктатору. Заговорщики окружили его кресло; у каждаго изъ нихъ подъ тою былъ спрятанъ кинжалъ. Когда засѣданіе открылось, одинъ изъ нихъ, Метелль, сталъ передъ Цезаремъ и просилъ его о помилованіи своего изгнаннаго брата. Другіе заговорщики также приблизились, какъ будто затѣмъ, чтобы поддержать просьбу своимъ ходатайствомъ. Цезарь съль и съ гнѣвомъ отклонялъ ихъ настойчивыя просьбы. Тогда Метелль, взявъ его за тогу обѣими руками, открылъ ему грудь, а Каска первый нанесъ ему рану кинжаломъ въ шею; но ударъ былъ невѣренъ и не смертеленъ. Цезарь, обернувшись, схватилъ его за руку и оба разомъ вскричали—Цезарь по латыни: „Безбожникъ! на чтѣ ты рѣшился!“ а Каска брату на греческомъ языкѣ: „братъ, помоги!“ Въ эту минуту на Цезаря бросились и прочіе заговорщики. Цезарь думалъ защищаться, но видя отовсюду направленныя на него острія кинжаловъ и пораженный двадцатью тремя ударами—закрывъ голову тогой и палъ къ подножію статуи великаго Помпея. Изумленный и перепуганный Сенатъ разсѣялся, не выслушавъ даже объясненія убійцъ.

Такъ погибъ геніальный римлянинъ, великій даже въ порокахъ и недостаткахъ своихъ.

Мадона Севильская.

2-я и послѣдняя премія подписчикамъ нашего журнала въ текущемъ году.

Бартоломео Себастьянъ Мурильо—глава Севильской школы живописи, которую онъ и основалъ въ 1660 г. въ родномъ своемъ городѣ, Севильѣ, извѣстенъ какъ первоклассный художникъ. Много прекрасныхъ картинъ оставилъ онъ; часть ихъ осталась въ Испаніи, другая—находится въ музеяхъ и картинныхъ галереяхъ Парижа, Лондона, Берлина, Петербурга (въ Эрмитажѣ) и др. европейскихъ городовъ.

Мурильо отличался въ своихъ произведеніяхъ теплою, искренностью, силой, возвышенностью и страстностью, какъ и подобаетъ истому испанцу, въ жилахъ котораго течетъ горячая кровь. Множество написан-

ныхъ имъ картинъ распадаются главнымъ образомъ на слѣдующіе отдѣлы: религиозно-историческая живопись, юмористическій жанръ и портреты.—Въ № 33 „Нивы“ за 1874 г. помѣщена біографія Мурильо. Онъ умеръ 64 лѣтъ, и, можно сказать, умеръ скоропостижно, потому что несчастный случай свелъ его въ могилу: работая надъ большою картиной (обрученіе св. Екатерины) для главнаго алтаря капуцинской церкви въ Кадиксѣ, Мурильо упалъ съ подмостковъ и сильно ушибся. Ушибъ этотъ не прошелъ ему даромъ, онъ захворалъ и уѣхалъ изъ Кадикса въ Севилью, гдѣ и умеръ (род. въ 1618 г., ум. въ 1682 г.).

Разосланная при этомъ № „Нивы“ нашимъ подписчикамъ, вмѣстѣ съ картиной „Смерть Юлія Цезаря“ большая гравюра (вторая премія) представляетъ прекрасный снимокъ съ известной „Мадоны Севильской“ этого знаменитаго испанскаго художника.

Относительно композиціи (постановки фигуръ) и вообще художественнаго исполненія этой картины можно сказать, что талантъ Мурильо проявился тутъ въ полномъ своемъ блескѣ. Конечно, никакая гравюра не въ состояніи оставить того впечатлѣнія, которое зритель могъ бы получить при взглядѣ на самый оригиналь—Мадону Севильскую, картину, писанную масляными красками,

но и безъ гармоніи цвѣтовъ, безъ теплаго колорита, свойственнаго Мурильо, гравюра эта можетъ произвести довольно сильное впечатлѣніе. Вглядитесь во всѣ лица группы: какая выразительность, божественность въ ихъ чертахъ! А верхняя часть картины? Тамъ, наверху, въ отверзтомъ небѣ самъ Богъ—Отецъ; въ волнахъ чуднаго, неземнаго свѣта рѣютъ херувимы; вы слышите нѣжные, тихіе звуки райской мелодіи... То, что можно только созерцать—передать бѣднымъ нашимъ словомъ невозможно, а потому предоставляемъ самимъ читателямъ проникнуться надлежащими чувствами при созерцаніи этой картины.

Бассейнъ Ливии

Въ зданіи новой Парижской оперы.

Шарль Гарнье, нѣсколько лѣтъ тому назадъ неизвѣстная личность, знаменитый архитекторъ въ настоящее время, украсилъ Парижъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ зданій, какое когда либо въ новѣйшіе вѣка было посвящено искусству. Мы говоримъ о «Новой» парижской оперѣ, за которой, вѣроятно, еще на долгое время удержится это названіе. Художественная красота внѣшней архитектуры и болѣе или менѣе изящная отдѣлка внутреннихъ деталей, еще не составляютъ всего достоинства Новой оперы—это своего рода совершенство въ отношеніи приспособленія къ известной цѣли и высшей степени практическаго распредѣленія различныхъ помѣщеній, какія требуются сложнымъ театральнымъ механизмомъ, а также въ видахъ удобства публики, артистовъ, всевозможнаго рода рабочихъ, которымъ приходится почти жить и двигаться всюду, въ глубинахъ подземныхъ сводовъ, на воздушныхъ мостикахъ подъ самымъ потолкомъ, въ мастерскихъ обоянщиковъ, портныхъ, швей, ламповщиковъ, фонтанщиковъ, лаборатористовъ, и проч. Если бы перечислить все то, что крайне необходимо, и чего недостаетъ почти во всѣхъ театрахъ, то пришлось бы написать цѣлый томъ. Шарль Гарнье сумѣлъ побѣдить всѣ эти трудности и вполнѣ удовлетворилъ всѣмъ требованіямъ относящимся къ подобнаго рода зданіямъ. Новая опера послужитъ образцомъ для всѣхъ театровъ, какія будутъ строиться послѣ нея, такъ какъ она соединяетъ въ себѣ всѣ условия для удобства зрителей, администраціи, артистовъ и вообще лицъ закулиснаго міра. Можно критиковать подробности орнаментаціи, находить тутъ слишкомъ много золота, тамъ излишество арабесковъ, далѣе излишнее обиліе колоннъ, а главное слишкомъ много мисологіи; но это ничего не значить,—критика за-

молкнетъ, а памятникъ искусства останется; время освятитъ его окончательно.

Величина площади, занимаемой самыми большими театрами Италіи, Германіи, Россіи и Америки не доходитъ до 5.000 квадратныхъ метровъ; площадь же Новой парижской оперы вмѣщаетъ въ себѣ 11,237 квадратныхъ метровъ, хотя зала этого театра, говоря относительно, не велика. Еслибы архитекторъ хотѣлъ дать сколько нибудь удобства зрителямъ, онъ, конечно, устроилъ бы въ этой залѣ 3,000 мѣстъ какъ въ миланскихъ театрахъ Scalla и Санъ-Карло, или по меньшей мѣрѣ 2,400 мѣстъ, какъ въ Вѣнской оперѣ; но онъ счелъ достаточно ограничиться 2,100 мѣстами, а все остальное пространство употребилъ на созданіе чудесъ искусства и того, что практически полезно, напримѣръ разныхъ сѣней, залъ, лѣстницъ, фойѣ, достойныхъ самаго роскошнаго дворца.

Чтобы хорошо понять въ общемъ это твореніе г. Гарнье, надо разсматривать отдѣльно каждую его часть; каждая изъ нихъ есть художественное произведеніе въ полномъ смыслѣ слова, и можетъ служить предметомъ отдѣльнаго описанія. О роскоши внутренней отдѣлки можно судить по нашей картинкѣ, представляющей нижній сводъ большой лѣстницы. Потолокъ свода богато украшенъ арабесками; въ глубинѣ его бьетъ фонтанъ прозрачной воды. Изъ бассейна подымается колонна, на верху которой видна бронзовая статуя женщины, названная въ программѣ *Ливіей*. Это произведеніе герцогини Колонна де Кастильонъ, известной въ художественномъ мірѣ подъ псевдонимомъ Марселло. Фонтанъ, въ честь статуи, названъ «Бассейномъ Ливіи».

Тайна чиселъ

I.

Есть наука, которую называютъ теоріею чиселъ. Ею заняты умнѣйше люди нашего времени. Но эта наука такъ трудна и запутана для насъ, простыхъ смертныхъ, что мы почти ничего не знаемъ о ней. А такъ какъ весьма печально сознавать, что мы не имѣемъ и тѣни понятія о томъ, чѣмъ заняты современные намъ первостепенные умы, то не мѣшало бы намъ озариться хотя слабымъ лучемъ научнаго познанія, выясняющаго кое-что для всякаго удобопонятнымъ образомъ. Съ этою цѣлью мы и сдѣлаемъ здѣсь попытку, само собою разумѣется, не въ теоріи, но путемъ удобопонятной практики, для чего нужно намъ будетъ только сложеніе и вычитаніе, доступныя для всякаго ребенка.

Начнемъ съ примѣра.

Одинъ расчетливый купецъ желаетъ возможно меньшимъ числомъ гирь, которыя владеть онъ на одну чашку вѣсовъ, вѣсить какъ можно больше товару, полагаемаго на другую.

Какія гири долженъ онъ взять для этого?

Онъ долженъ взять гири вѣсомъ въ 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128 и т. д. напр. фунтовъ, всякій разъ послѣднее число удвоивая.

Что онъ этими восемью гирями можетъ удовлетворяться при взвѣсѣ товаровъ вѣсомъ отъ 1 до 255 ф.,—это легко вычислить. Чтобъ далеко не заходить, разсмотримъ эти первыя четыре числа.

1 и 2 ф. купецъ можетъ вѣсить, потому что гири такого вѣса у него есть.

3 онъ вѣситъ посредствомъ гирь въ 1 и 2.

4 у него есть,

5 вѣситъ онъ—1 и 4.

6 вѣситъ—2 и 4.

7 вѣситъ—1, 2 и 4.

8 у него есть.

9 вѣситъ онъ—1 и 8.

10 вѣситъ—2 и 8.

12 вѣситъ—4 и 8.

13 вѣситъ—1, 4 и 8.

14 вѣситъ—2, 4 и 8.

15 вѣситъ—1, 2, 4 и 8.

Если же онъ захочетъ вѣсить 16, то долженъ имѣть новую гирю такого вѣса, такъ какъ это выше и показано. Но не зачѣмъ считать далѣе, такъ какъ мы и не много думавши можемъ удостовѣриться, что этою пятою гирею сдѣлаемъ большой скачекъ впередъ, получивъ возможность при помощи ея вѣсить до 31; потому что если намъ известнѣе, что купецъ четырьмя первыми можетъ вѣсить отъ 1 до 15, то ему нужно къ каждому числу свыше 16 добавлять только гири, которыми онъ обходился до 15, чтобъ наконецъ дойти до 15 и 16, которыя вмѣстѣ взятыя, составятъ сумму всѣхъ пяти гирь, т. е. 31.

Тутъ онъ опять далѣе идти не можетъ. Если захочетъ вѣсить больше, то долженъ имѣть гирю въ 32. Но далеко ли онъ уйдетъ съ нею? Конечно, далеко. Если онъ съ пятью первыми гирями можетъ вѣсить отъ 1 до 31, то съ помощью шестой въ 32, онъ можетъ дойти до 63.

Затѣмъ, если захочетъ вѣсить еще большія тяжести, то долженъ имѣть еще гирю въ 64,—этимъ сдѣлаемъ онъ уже большой шагъ впередъ; такъ какъ онъ имѣетъ возможность вѣсить отъ 1 до 63 и имѣетъ еще гирю въ 64, то съ помощію всѣхъ ихъ можетъ вѣсить и отъ 1 до 127. Если онъ возьметъ восьмую гирю въ 128, то не трудно смекнуть, что онъ въ состояніи дѣтѣть вѣсить отъ 1 до 255, потому что $127+128=255$.

Все это кажется просто игрою, но она заключаетъ въ себѣ математическія правила очень серьезныя, ведущія къ значительнымъ выводамъ, надъ которыми приходится много призадумываться лучшимъ изъ ученыхъ.

Числа, съ которыхъ мы начали нашу игру: 1, 2, 4, 8, 16, 32 и т. д., суть послѣдовательныя степени числа 2 и играютъ важ-

ную роль въ математикѣ. Для разъясненія себѣ свойства этого ряда чиселъ, достаточно убѣдиться въ томъ, что каждое число этого ряда единицею больше суммы предыдущихъ чиселъ, вмѣстѣ взятыхъ. Дальнѣйшее продолженіе этого ряда по тому же правилу удвоенія доказываетъ, что съ помощью шестнадцати такихъ гирь можно уже вѣсить отъ 1 до 65.535!

А нельзя ли при помощи маленькаго вычитанья шагнуть гораздо дальше?

Отчего же!

Для этого возьмемъ другой примѣръ.

Еще болѣе расчетливый купецъ тоже желаетъ вѣсить какъ можно больше тяжестей при помощи возможно меньшаго числа гирь и разсуждаетъ такъ: «зачѣмъ же мнѣ всякій разъ непременно класть гири на одну чашку вѣсовъ, а товаръ на другую, вѣдь можно же класть побольше гири на одну чашку, а поменьше на другую и товаромъ уравнивать вѣсъ». Онъ надѣется этимъ сдѣлать сбереженіе при затратахъ на изготовленіе новыхъ гирь.

Резонъ ли это?

Конечно, и мы въ этомъ сейчасъ удостовѣрима.

Онъ беретъ вмѣсто прежнихъ восьми гирь слѣдующія шесть и находитъ, что при помощи ихъ можетъ вѣсить больше, если нѣкоторыя изъ нихъ будутъ употреблены въ противовѣсъ.

Эти гири вѣсомъ въ 1, 3, 9, 27, 81 и 243.

Посмотримъ, какъ чудесно онъ ими пользуется.

1 вѣситъ онъ посредствомъ первой гири.

2 вѣситъ, кладя на одну чашку гири въ 1, а на другую — гири въ 3.

3 — у него есть гиря такого вѣса.

4 вѣситъ онъ посредствомъ 1 и 3.

5 вѣситъ—9, въ противовѣсъ которымъ на другую чашку кладетъ гири 1 и 3.

6 вѣситъ онъ 9 въ одной чашкѣ и 3 въ другой.

7 вѣситъ 9 и 1 въ одной чашкѣ и 3 въ другой

8 вѣситъ онъ 9 » » » и 1.

9 у него есть.

10 вѣситъ онъ 9 и 1.

11 вѣситъ 9 и 3 на одной и 1 на другой чашкѣ.

12 вѣситъ онъ 9 и 3.

13 вѣситъ 9, 3 и 1.

14 вѣситъ онъ 27 на одной чашкѣ и 9, 3 и 1 на другой.

Продолжать эти вычисления намъ нѣтъ нужды, потому что каждому изъ нашихъ читателей не мудрено продолжать самому и усмотрѣть, что посредствомъ 6 гирь можно вѣсить отъ 1 до 364, тогда какъ сначала уломанутый купецъ, при помощи 8 гирь могъ дойти только до 255.

Выведено ли же какое-либо правило на этотъ рядъ чиселъ?

Да, выводъ есть, и онъ очень простъ.

Тогда какъ въ вышеприведенномъ рядѣ чиселъ 1, 2, 4, 8, 16 и т. д. всякое новое число происходитъ отъ удвоенія предыдущаго, въ послѣднемъ рядѣ всякое новое число происходитъ отъ утроенія предыдущаго. Числа 1, 3, 9 и 27 получаютъ отъ самаго простаго умноженія каждаго предыдущаго числа на 3. Если же къ ряду изъ шести чиселъ прибавить еще два, то получаютъ числа 729 и 2187, а слѣдовательно и двѣ новыхъ гири будутъ: одна въ 729, другая въ 2187. И простымъ сложениемъ и вычитаніемъ, или что тоже, вѣсомъ и противовѣсомъ, можно этими восьмью гирями вѣсить отъ 1 до 3280.

Теперь мы видимъ, что въ восьми по весьма простому правилу вычисленныхъ числахъ заключаются всѣ числа отъ 1 до 3280! Стоитъ только добавить еще два числа по тому же простому правилу утроенія и дѣтскому даже разумѣнію представится очевиднымъ, что въ этихъ числахъ будутъ заключаться всѣ числа отъ 1 до 29,524.

По не смѣдите тому изумленію, въ которое приводитъ насъ эта тайна чиселъ; потому что да будетъ вамъ извѣстно, что цѣлый міръ мыслителей и изслѣдователей не зналъ ничего объ этомъ до тѣхъ поръ, пока, двѣсти лѣтъ тому назадъ, не явился великій человекъ по имени Эйлеръ, который открылъ это. Въ этомъ на первый взглядъ простомъ открытіи заключается многое; потому что оно открыло дорогу для изслѣдованій свойствъ нашихъ чиселъ, которыя до сихъ поръ занимаютъ умнѣйшихъ и даровитѣйшихъ мыслителей по части новыхъ и новыхъ открытій въ области тайнъ чиселъ.

II.

Къ серьезнымъ изобрѣтеніямъ новѣйшаго времени, болѣе всего изумляющимъ публику, принадлежатъ счетныя машинки, которыя исполняютъ умноженіе, дѣленіе, возвышеніе чиселъ въ квадратъ и кубъ, равно какъ и такъ называемое извлеченіе квадратныхъ и кубическихъ корней.

Способъ, посредствомъ котораго это приводится въ исполненіе, чисто научный и основанъ на изученіи свойства нашихъ чиселъ, которыя въ комбинаціяхъ своихъ могутъ быть низведены до простыхъ формулъ. Чтобы объяснить это свойство примѣромъ, разберемъ здѣсь суть законовъ квадратныхъ и кубическихъ чиселъ отъ 1 до 10.

Квадратъ какаго-либо числа получается тогда, когда оно умножается на само себя. Такъ напр. квадратъ 2 равняется 4, потому что дважды два 4. Квадратъ 3 будетъ 9, потому что

трижды три 9, квадратъ 4 составляетъ 16, потому что четырежды 4=16, квадратъ 5 есть 25 и т. д.

Теперь выставимъ здѣсь подъ рядъ квадраты чиселъ отъ 1 до 10 и рассмотримъ особенности этого ряда:

1, 4, 9, 16, 25, 36, 49, 64, 81, 100.

Всматриваясь насколько каждое изъ этихъ чиселъ возрастаетъ, мы найдемъ, что второе число 4 больше перваго на 3; третье 9 больше втораго на пять; четвертое число 16 на 7 больше предыдущаго.

Если мы пойдемъ съ этимъ счетомъ дальше, то получимъ новый рядъ чиселъ, которыя будутъ представлять разности между каждыми двумя изъ вышеприведенныхъ квадратныхъ чиселъ. Этотъ рядъ будетъ слѣдующій:

3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 19.

Если всмотрѣмся въ этотъ третій рядъ чиселъ, то съ перваго взгляда можно замѣтить, что всякое новое число больше своего предыдущаго на 2. Разности этихъ чиселъ вездѣ 2, 2, 2, 2 и т. д.

Теперь видно, что квадратныя числа отъ 1 до 10 могутъ быть выводимы самымъ простымъ и соразмѣрнымъ возвышеніемъ чиселъ, коль скоро изъ разности квадратныхъ чиселъ сдѣлать новый рядъ чиселъ и въ свою очередь узнать разности чиселъ этого новаго ряда.

Этотъ самый простой законъ возрастанія квадратныхъ чиселъ служитъ не только для чиселъ отъ 1 до 10, но и отъ 100 до 1,000 и т. д. до безконечности. Эта простота и соразмѣрность примѣнены къ счетнымъ машинкамъ, которыя посредствомъ своего механизма доставляютъ результаты, изумляющіе публику, если она не вдумается въ простоту этого дѣла.

При вычисленіи кубическихъ чиселъ, дѣло идетъ точно также просто; только нужно для того число рядовъ чиселъ будетъ нѣсколько побольше.

Кубъ числа получается тогда, когда число умножается на само себя и результатъ еще разъ умножается на то же число, напр. кубическое число 2 есть 8, потому что дважды 2=4, а дважды 4=8; т. е. кубъ 2 есть 8, потому что $2 \times 2 \times 2 = 8$. По тому же самому кубическое число 3=27 (потому что $3 \times 3 \times 3 = 27$); кубическое число 4 есть 64 ($4 \times 4 \times 4 = 64$).

Выставимъ здѣсь кубическія числа отъ 1 до 10. Вотъ они:

1, 8, 27, 64, 125, 216, 343, 512, 729, 1000.

Въ этомъ рядѣ чиселъ возрастаніе каждаго числа въ отношеніи къ предыдущему уже очень сильно и повидимому неравномѣрно. Но если мы и здѣсь присмотримся ближе къ этому возрастанію, то увидимъ тотъ же весьма простой законъ.

Для этого рассмотримъ и этотъ рядъ увеличивающихся чиселъ и выведемъ новый рядъ ихъ. Второе число—8—больше—1 на 7. Третье—27—больше втораго на 19; четвертое число больше третьяго на 37, и т. д. Поставивъ подъ—рядъ найденныя такимъ образомъ числа, мы получимъ слѣдующій рядъ чиселъ:

7, 19, 37, 61, 91, 127, 169, 217, 271.

Если рассмотримъ послѣдовательно увеличеніе чиселъ этого новаго ряда, то найдемъ, что 19 больше 7 на 12; 37 больше 19—18, и т. д. Изъ этихъ вновь найденныхъ чиселъ получится слѣдующій рядъ.

12, 18, 24, 30, 36, 42, 48, 54.

Разсмотрѣвъ и этотъ рядъ чиселъ, мы найдемъ, что разность каждыхъ двухъ послѣдующихъ чиселъ равна 6. И такъ, въ этомъ ряду числа послѣдовательно увеличиваются на 6.

Такимъ образомъ мы видимъ, что увеличеніе кубическихъ чиселъ отъ 1 до 10 представляется съ перваго раза очень разнообразнымъ, но что оно очень просто, если прибѣгнуть къ уловкѣ некая разности чиселъ послѣдовательно составляемыхъ рядовъ.

То, что мы здѣсь доказываемъ относительно кубическихъ чиселъ отъ 1 до 10, примѣнимо и къ ряду чиселъ до безконечности. Въ четвертомъ ряду разностей эти кубическія числа всегда возрастаютъ на 6.

Этотъ простой законъ чиселъ примѣняется въ счетныхъ машинкахъ для того, чтобы съ виду очень сложные примѣры превращать въ простые, и дѣлать вычисления тонко-придуманымъ механизмомъ.

Для большей наглядности, выставимъ здѣсь еще разъ приведенные ряды чиселъ.

Вотъ возрастаніе квадратныхъ чиселъ:

Во первыхъ, простые числа: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10.

Во вторыхъ, ихъ квадраты: 1, 4, 9, 16, 25, 36, 49, 64, 81, 100.

Въ третьихъ, разности втораго ряда: 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 19.

Въ четвертыхъ, разности третьяго ряда: 2, 2, 2, 2, 2, 2, 2.

Возрастаніе кубическихъ чиселъ:

Во первыхъ, простые числа: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10

Во вторыхъ, ихъ кубы: 1, 8, 27, 64, 125, 216, 343, 512, 729, 1000.

Въ третьихъ, ихъ разности: 7, 19, 37, 61, 91, 127, 169, 217, 271,

Въ четвертыхъ, разности третьяго ряда: 12, 18, 24, 30, 36, 42, 48, 54.

Въ пятыхъ, разности четвертаго ряда: 6, 6, 6, 6, 6, 6, 6.

Если кто нибудь пожелаетъ заняться упрощеніемъ еще болѣе

Видные часы! Картина М. Миллера, грав. на дерев. Белманже.

сложных примѣровъ, пусть тотъ продѣлаетъ съ четвертою степенью простыхъ чиселъ то же, что мы продѣлывали съ кубами и квадратами простыхъ чиселъ. Четвертая степень получается отъ умноженія числа трижды на само себя, напр. $2 \times 2 \times 2 \times 2 = 16$, $3 \times 3 \times 3 \times 3 = 81$, $4 \times 4 \times 4 \times 4 = 256$. Составивъ нѣсколько послѣдовательныхъ рядовъ чиселъ, мы найдемъ наконецъ, что

число 24 есть коренное увеличеніе известной степени. Если продолжать эти легкія вычисленія надъ числами пятой и шестой степеней далѣе, то не трудно будетъ открыть въ коренныхъ числахъ, которыя тутъ получаются, удивительный законъ, относящійся къ интереснѣйшимъ тайнамъ чиселъ, которыя занимаютъ самыхъ отважныхъ мыслителей.

БѣДНЫЕ ЧАСЫ!

(Изъ галереи маленькихъ картинокъ).

Маленькой барышнѣ—Анютѣ—захотѣлось очень покушать, такъ какъ встала она рано и успѣла уже проголодаться. Сначала она разъ двадцать, все усиливая голосъ, повторяла: «Хочу кашки, кашки хочу!», но потомъ, видя что кашка не является—прибѣгла къ обычному, испытанному средству въ такихъ случаяхъ: заплакала, закричала такъ, какъ будто бы ее щипали или вололи булавкой. Нянька, дѣвушка еще молодая, усидила брыкавшуюся Анюту на коверъ, дала ей куклу и начала даже напѣвать что-то изъ «Belle Hélène», словомъ—обратилась къ старому, политическому, заѣзженному, рѣдко достигающему цѣли, приему: отвлекъ вниманіе голоднаго отъ «каски». Но желудокъ, хотя бы и такой маленькій, какъ у Анюты, тоже имѣетъ свою политику... Это тоже известно и давно занесено въ толстѣйшій дневникъ человѣчества—въ исторію, которая все еще дѣлится на древнюю, среднюю и новую.

Анюта, усмотрѣвъ, что нянька возымѣла намѣреніе обратиться къ такому политическому приему—пуще заорала. Молодая дѣвушка, этотъ педагогъ по-неволѣ, подняла уже руку, чтобы шлепнуть возмутившуюся барышню, но опустила ее, вспомнивъ о подаркахъ къ Рождеству... Барышня могла вѣдь пожаловаться мамашѣ, показавъ, какъ няня ее ударила...

— Ну, не плачьте же, барышня! Не плачьте! Фи, какъ это стыдно! заговорила нѣжнымъ голосомъ дѣвушка.—Каша варится, сейчасъ готова будетъ... Степанида сейчасъ принесетъ кашку!

Анюта знала эти утѣшительныя слова, знала, что такое значить «сейчасъ» и пришла въ такой азартъ, что, выырнувшись на спину, завизжала и начала барабанить пятками по коврику... Пыль даже заклудилась, попала нянькѣ въ носъ, и она два раза чихнула. Что оставалось дѣлать ей? Во-первыхъ, носъ вытереть, а во вторыхъ—бѣжать въ кухню, торопить кухарку Степаниду... Но какъ въ такомъ ужасномъ видѣ оставить барышню?

— Ну, я сейчасъ побѣгу за кашкой! Перестань, Анюточка! Кашку принесу—такую сладкую кашку! Не плачь же, ну, будь панишкой! говорила взволнованная нянька, стараясь привести барышню изъ горизонтальнаго положенія въ вертикальное, но барышня видя, что эффектъ, можно сказать, превзошелъ ожиданія (она дѣйствительно пустила нянькѣ *пыль въ глаза*), стала звонко покрикивать, сохраняя *statu quo*.

Тутъ няня вспомнила, что ея воспитанница-буянка давно уже добиралась до папашиныхъ карманныхъ часовъ. Самъ папаша

показывалъ Анютѣ часы, открывалъ обѣ крышечки, ну, и раздражилъ ее этой дорогой игрушкой. Не долго думая, дѣвушка схватила коробочку, вынула изъ нея часы и преподнесла ихъ барышнѣ.

Такое чрезвычайное политическое мѣропріятіе со стороны няньки возымѣло надлежащее дѣйствіе: забывъ о кашкѣ, Анюточка живо поднялась, даже улыбнулась и завладѣла часами. Нянька могла теперь оставить барышню и упорхнуть въ кухню. Не прошло и пяти минутъ, какъ она явилась съ костью-лечкой, заключающей въ себѣ манную кашку на молокѣ.

— Ну-съ, извольте кушать на здоровье, капризная сударыня-барыня! сказала она и поставила костью-лечку на коверъ около Анюты.—Вотъ вамъ и ложечка—берите-съ!

«Сударыня-барыня», положивъ часы на коверъ, принялась насыщаться кашницей, а нянюшка, желая воспользоваться свободной минутой, снова устремилась въ кухню, ибо тамъ ее уже ожидала чашка горячаго кофе (по приглашенію кухарки).

Анюта, почувствовавъ наконецъ пріятную тяжесть въ желудкѣ, вздохнула и, такъ какъ сердечко у нея было чувствительное, сострадательное, сейчасъ вспомнила о куклѣ своей—Машѣ.

— Ходесь, Маша, кашки? спросила она, притянувъ къ себѣ Машу за ногу, но въ эту минуту услышала возлѣ себя чиканье карманныхъ часовъ.

— Ай, бѣдные часы! Вамъ тозе дать покушать? Хотите кашки? Ну, подите ко мнѣ на лудки!..

Анютѣ показалось, что часы торопливо отвѣчали ей:

— «Хо-цу, хо-цу, хо-цу!»

— Ну, Маша, ты узъ сама кусай кашку! Ты—большая, а я буду часы колमितъ.

Пихнувъ, безъ церемоніи, Машу головой въ костью-лечку, Анюта открыла крышечку часовъ (ей показывали, какъ она открывается) и захватила полную ложечку манной кашки.

При видѣ блестящихъ маленькихъ, съ зубчиками, колесъ, движущейся спиральной пружинки, Анютѣ ужасно стало жаль «проголодавшихся» часовъ, и она, воскликнувъ: «Бѣдные часы! Они такъ кусать хотѣли!» занялась серьезно кормленіемъ ихъ... Часы сейчасъ же перестали чикать...

Великолѣпный сюрпризъ ожидалъ молодую нянюшку, пощипавшую въ это время «кофеекъ» въ кухнѣ!..

В.

Михаилъ Любibrатичъ.

Помѣщая въ настоящемъ № нашего журнала портретъ Михаила Любibrатича, позволяемъ себѣ привести нѣкоторыя подробности изъ письма корреспондента газеты «Русскій Миръ», П. Петрова (Бивуакъ герцеговинцевъ подъ Сливницей), въ которомъ онъ, между прочимъ, рассказываетъ о первой встрѣчѣ своей съ Любibrатичемъ и Пейко Павловичемъ, знаменитымъ партизаномъ:

«Мы вошли въ небольшой дворикъ, обгороженный такою-же каменною стѣнкою. Посреди стоялъ полуразвалившійся домикъ безъ оконъ, сложенный изъ камня, кое-какъ сложенного глиною. Домикъ имѣлъ два этажа. Нижній—нѣчто въ родѣ пустой избы, безъ окошекъ, съ деревянною скамьей вокругъ стѣны. На глиняномъ полу разбросана солома. Влѣво отъ двери представлена лѣстница, опирающаяся въ четырехугольное отверстіе, прорѣзанное въ потолкѣ. Въ комнатѣ, если это стоило можно назвать комнатою, такъ темно, что въ первую минуту едва можно различить предметы. — Мы поднялись во второй этажъ. Этотъ второй этажъ — чердакъ. Солома на полу набросана гуще, чѣмъ внизу. Черезъ два маленькія окошечка, продѣланные подъ самою крышею, проникаетъ слабый свѣтъ. Человѣкъ пять въ скурткахъ, въ пальто, въ сѣрыхъ жакетахъ и герцеговинскихъ опанкахъ, вмѣсто нашей обуви, лежатъ на солонѣ и курятъ. Ружья, европейскаго образца, покоятся возлѣ нихъ—это представители иностраннаго элемента отряда. Двое изъ нихъ оказались чехи, два итальянца, два далматца... Немного погодя, въ четырехугольномъ отверстіи, служащемъ сообщеніемъ съ низомъ, показалась фигура въ черногорскомъ одѣяннѣ, и на чердакъ вошелъ замѣчательно—красивый, статный мужчина, лѣтъ тридцати пяти.—Это былъ Любibrатичъ.— За нимъ показалась какаля-то оригинальная личность въ *токе* (нѣчто въ родѣ гусарской куртки безъ рукавовъ), съ коротенькою трубою въ рукахъ. Занятый Любibrатичемъ, я, въ первую минуту, не обратилъ вниманія на эту фигуру. Послѣ первыхъ привѣт-

ствій, мы сѣли на солому. Личность въ *токе* усѣлась, или скорѣе, развалилась тутъ-же. Любibrатичъ говоритъ по-сербски, по-итальянски и по-французски. Пока мы разговаривали, третій нашъ собесѣдникъ сосалъ молча трубку, поглядывая изподлобья то на того, то на другаго изъ насъ.—Любibrатичъ произвелъ на меня несравненно лучшее впечатлѣніе, чѣмъ я ожидалъ. Энергія и умъ видны въ этой мощной фигурѣ!..

Не взирая на то, что онъ раздѣляетъ съ своими людьми совершенно по-братски труды и лишенія, не взирая на то, что онъ самъ заправляетъ всѣмъ, раздаетъ даже хлѣбъ и патроны, олодаетъ когда отрядъ сидитъ безъ пищи, обходитъ посты днемъ и ночью, смотритъ за больными и ранеными и пр., не взирая на все это, Любibrатичъ не «составляетъ тѣла» съ своими людьми. Для этой ужасной, стоящей совершенно внѣ закона, внѣ нашихъ понятій войны,—войны чисто партизанской, звѣрской, беспощадной, вождями партій должны быть старые волки, внушающіе ужасъ и противнику, и своимъ, старые волки, почетный формуляръ которыхъ заключается въ несчетномъ количествѣ «снятыхъ» турецкихъ головъ. Таковъ, на примѣръ, Пейко Павловичъ, не умѣющій ни читать, ни писать, совершавшій необычайныя вещи, смѣлый и ужасный!..

Я подаль Любibrатичу письмо, которымъ снабдилъ меня одинъ изъ членовъ рагузскаго комитета. Пока воевода читалъ рекомендательное письмо, личность въ *токе* вышла изъ своего молчанія и спросила меня хриплымъ басомъ, по-сербски, не усталъ ли я?

Я что-то ему отвѣтилъ п, вспомнивъ, что имѣю тоже письмо къ Пейко, спросилъ у Любibrатича, гдѣ можно будетъ найти знаменитаго партизана.

— Да вотъ онъ самъ, отвѣтилъ Любibrатичъ, указывая на личность въ *токе*.

— Я—Пейко, пробурчалъ послѣдній, продолжая сосать трубу-

ку. Мы пожали друг другу руку. Письмо, которое я ему подал, онъ передалъ Любятричу и пригнулъ голову, чтобы слушать, не выпуская трубки изо рта.

Замѣтивъ, что Пейко Павловичъ не умѣетъ ни читать, ни писать, г. Петровъ такъ описываетъ его наружность:

«Пейко средняго роста, лѣтъ сорока, сорока пяти. Держится слегка сторбившись и гнетъ колѣни, какъ разбитая на ноги лошадь. Огромное продолговатое лицо съ длиннымъ прямымъ нависшимъ носомъ и сильно выдающеюся челюстью; черные падающіе усы; густыя мохнатые брови. Подъ этими бровями, медленно, но постоянно, движется пара огромныхъ, необычайно яркихъ, черныхъ зрачковъ, на половину закрытыхъ нависшими вздутыми вѣками и длинными рѣсницами. Взглядъ этого человѣка тяжелый, упорный и поразительно — проицагательный, не смотря на кажущуюся сонливость и лѣность; это то что французы называютъ «un mauvais regard». Ротъ странной формы: оконечности круто загнуты вверху, на самой срединѣ онъ какъ-бы оттянутъ книзу. Это, вмѣстѣ съ глазами, придаетъ лицу его особенное трудно-опредѣлимое выраженіе. Среди массы характерныхъ лицъ отрада, достойныхъ мрачнаго рѣзда Калло, фигура Пейко выдѣляется несравненно ярче, чѣмъ изящная, статная, красивая фигура Любятрича.

У Г Л И Ч Ъ,

(Ярославской губерніи).

Городъ Угличъ расположенъ по обѣимъ берегамъ р. Волги; но главная часть его находится на правомъ берегу. Когда именно основанъ г. Угличъ, это достоверно неизвѣстно. Извѣстно только то, что въ древніе годы Угличъ былъ главнымъ городомъ Угличскаго удѣльнаго княжества, которое тогда было богатымъ и сильнымъ.

Княжествомъ владѣли князья, которыхъ преемственно было около двадцати. Изъ нихъ особенно двое отличились святостью своей жизни, такъ что послѣ своей смерти причислены были церковью къ лику святыхъ. Князья эти были Романъ Владимировичъ и Дмитрій Іоанновичъ. Мощи перваго и понынѣ почиваютъ подъ спудомъ въ Угличскомъ Преображенскомъ соборѣ, а мощи Дмитрія Іоанновича находятся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

До начала XVII столѣтія г. Угличъ былъ многолюденъ такъ, что въ немъ тогда было болѣе 60,000 жителей обоаго пола. Онъ также занималъ обширное пространство земли, а именно: около тридцати верстъ въ окружности. Было въ немъ тогда три собора, 30 монастырей и свыше 150 приходскихъ церквей. Въ началѣ же XVII столѣтія (1607 года) Угличъ былъ разоренъ нашествіемъ Литвы и Поляковъ.

Въ настоящее время въ городѣ находится одинъ соборъ (Преображенскій), два монастыря (Богоявленскій женскій и Алексѣевскій мужской) и 24 приходскихъ церквей. Есть духовное

Слѣдующій случай однимъ штрихомъ обрисовываетъ обоихъ вождей. На дворикѣ дома Пейко подходитъ ко мнѣ и, не выпуская вѣчной трубки изо рта, указываетъ на возвышенность, лежащую въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ бивуака.

— Подите туда, пробормоталъ онъ.—А что тамъ?—

— Турскія головы.—Я отправился взглянуть на эти ужасные трофеи. На пути встрѣчаю Любятрича и говорю ему, куда идю.—Не ходите, обращается онъ ко мнѣ,—это ужасное, отвратительное зрѣлище!..»

Другому корреспонденту (англичанину) Любятричъ говорилъ: «Мы не примемъ отъ турокъ ничего, кромѣ полной автономіи нашей страны. Но если державы предложатъ радикальныя реформы, то мы примемъ ихъ подъ условіемъ, что приведеніе въ дѣйствіе этихъ реформъ будетъ поручено Черногоріи». Инсургенты ни мало не уныли и надѣются (по словамъ Любятрича) провести всю зиму съ оружіемъ въ рукахъ; если-же окажется невозможнымъ держаться вмѣстѣ, они разсѣются малыми шайками и станутъ истреблять все, что можно истребить у турокъ.—«Боятся неудачи—ничего», замѣтилъ Любятричъ:—«если только не истощатся запасы оружія и припасовъ... Мы скорѣе обратимъ Герцеговину въ пустыню, чѣмъ покоримся туркамъ!»

училище, уѣздное училище, два приходскихъ училища, Николаевскій дѣтскій пріютъ и вновь открытое Маринское женское училище. Всѣхъ учащихся въ городѣ Угличѣ около 1,300 человекъ обоаго пола.

Изъ богоугодныхъ заведеній: богадѣльня для престарѣлыхъ гражданъ и городская больница. Въ Угличѣ много разныхъ заводовъ; но въ особенности замѣчательна бумажная фабрика, изъ которой бумага идетъ по всей Россіи.

Всѣхъ жителей въ Угличѣ въ настоящее время насчитывается до 15,000 человекъ.

Изъ древностей, сохранившихся до нашего времени, особенно замѣчательны дворецъ царевича Дмитрія, съ подземнымъ ходомъ подъ Волгу (нынѣ уже обрушившимся) и тюрьмою времени Іоанна Васильевича Грознаго. Есть древняя церковь въ Алексѣевскомъ монастырѣ, построенная въ началѣ XV вѣка, великолѣпная церковь новой архитектуры въ женскомъ Богоявленскомъ монастырѣ и остатки маленькой крѣпости съ сохранившимися древними чугунными пушками и пищальями. Въ промышленномъ отношеніи угличане славятся производствомъ колбасы и окороковъ; первая развивается по всей Россіи и извѣстна подъ названіемъ «Угличской».

Угличанки изъ бѣднаго класса славятся шитьемъ мѣшковъ для всей волжской хлѣбной торговли.

В. М.

КТО ВЫИГРАЛЪ?...

(Изъ современной уголовной хроники).

РОМАНЪ
Ф. Фридриха.

(Продолженіе).

Староста пошелъ впередъ.

Войдя въ домикъ, гдѣ проживалъ Бартельсъ, Питтъ попросилъ указать ему постель работника. Попрывшись въ ней, слѣдователь нашелъ старый пистолетъ.

— Чей онъ? спросилъ Питтъ поденщика.

— Бартельса. Откуда досталъ онъ его—не знаю.

— Давно у него этотъ пистолетъ?

— Да ужъ нѣсколько недѣль будетъ. Принесъ онъ какъ-то его сюда, да это мнѣ, признаться, не понравилось... Боялся я—ну, надѣлаетъ онъ съ нимъ бѣды еще!

— Развѣ вы считаете Бартельса способнымъ на такое дѣло?

— Э, нѣтъ, не тѣ! Я говорю только, что онъ по неосторожности можетъ какъ нибудь набѣдокурить, отвѣтилъ поденщикъ:—хоть онъ и былъ въ солдатахъ, знаетъ, какъ съ оружіемъ обходиться, ну, а все-же парень онъ бойкій... Да тутъ и дѣтишки мои откопали-бы эту штуку—долго-ли до грѣха!...

Слѣдователь особенно тщательно сталъ осматривать пистолетъ, который оказался заряженнымъ. Мѣдный пистонъ отчасти уже позеленѣлъ, что доказывало,

что онъ давно былъ насаженъ, а на внутренней стѣнкѣ ствола была ржавчинка... Значить, изъ этого пистолета нѣсколько дней уже не стрѣляли. Опустивъ въ дуло пульку, которою былъ убитъ Мальтэнтъ, Питтъ увидѣлъ, что она по величинѣ своей вовсе не подходитъ къ этому пистолету—свободно катается въ немъ, и убѣдился, что сосѣдъ фрейгерра былъ застрѣленъ не изъ этого пистолета.

Обыскавъ сундучекъ, стоявшій около вѣроха соломы, слѣдователь не нашелъ въ немъ ничего подозрительнаго, затѣмъ, взявъ съ собою пистолетъ Бартельса, оставилъ домикъ и отправился въ резиденцію, куда уже раньше уѣхалъ прокуроръ. Арестованныхъ приказано было препроводить въ городъ.

На другой день, утромъ, когда Питтъ еще былъ дома, къ нему явился фрейгерръ Маннштейнъ. „Маленькій фрейгерръ“ былъ блѣденъ, однако лицо его обнаруживало тѣ твердое спокойствіе, которое бываетъ у челоука, рѣшившагося на что нибудь послѣ тяжелой внутренней борьбы, причѣмъ тѣ, что уже рѣшено имъ—будетъ неуклонно приведено въ исполненіе.

Слѣдователь быстро всталъ и поспѣшилъ къ нему навстрѣчу.

— Я пришелъ къ вамъ съ тѣмъ, чтобы предложить одинъ вопросъ, заговорилъ старикъ, — и, если долгъ службы не воспрепятствуетъ вамъ, прошу васъ: отвѣтите мнѣ съ полною откровенностью.

— Извольте, общаю вамъ это, отвѣтилъ Питтъ.

— Благодарю. Вы арестовали вчера нѣсколько чело-
вѣкъ рабочихъ... Имѣете-ли вы доказательства въ томъ,
что именно они убили моего друга—фонъ Мальтэна?

Слѣдователь какъ-то замедлилъ отвѣтомъ.

— Позвольте, прибавилъ фрейгерръ:—я забылъ вамъ

— Нѣтъ, отвѣтилъ спокойно слѣдователь и приба-
вилъ: я даже твердо убѣжденъ, что они неповинны въ
этомъ дѣлѣ.

„Маленькій фрейгерръ“ по прежнему былъ спокоенъ,
однако руки его какъ будто дрожали, а плотно-сжатые
губы показывали, что тамъ, въ душѣ его, было далеко
не такъ спокойно, какъ снаружи...

— Благодарю васъ, проговорилъ послѣ небольшой
паузы Манштейнъ.—Что-жь, подозрѣваете-ли вы кого
нибудь?

— Пока еще—нѣтъ. Мнѣ вообще слишкомъ мало
извѣстны обстоятельства, жизнь покойнаго, и вотъ по-
тому я и хотѣлъ сегодня отправиться въ имѣнье его, въ

Михаилъ Любичичъ. Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

сказать еще одно: чтобы вы мнѣ ни сообщили -- даю
честное слово, что буду молчать, никому ни слова не
скажу!

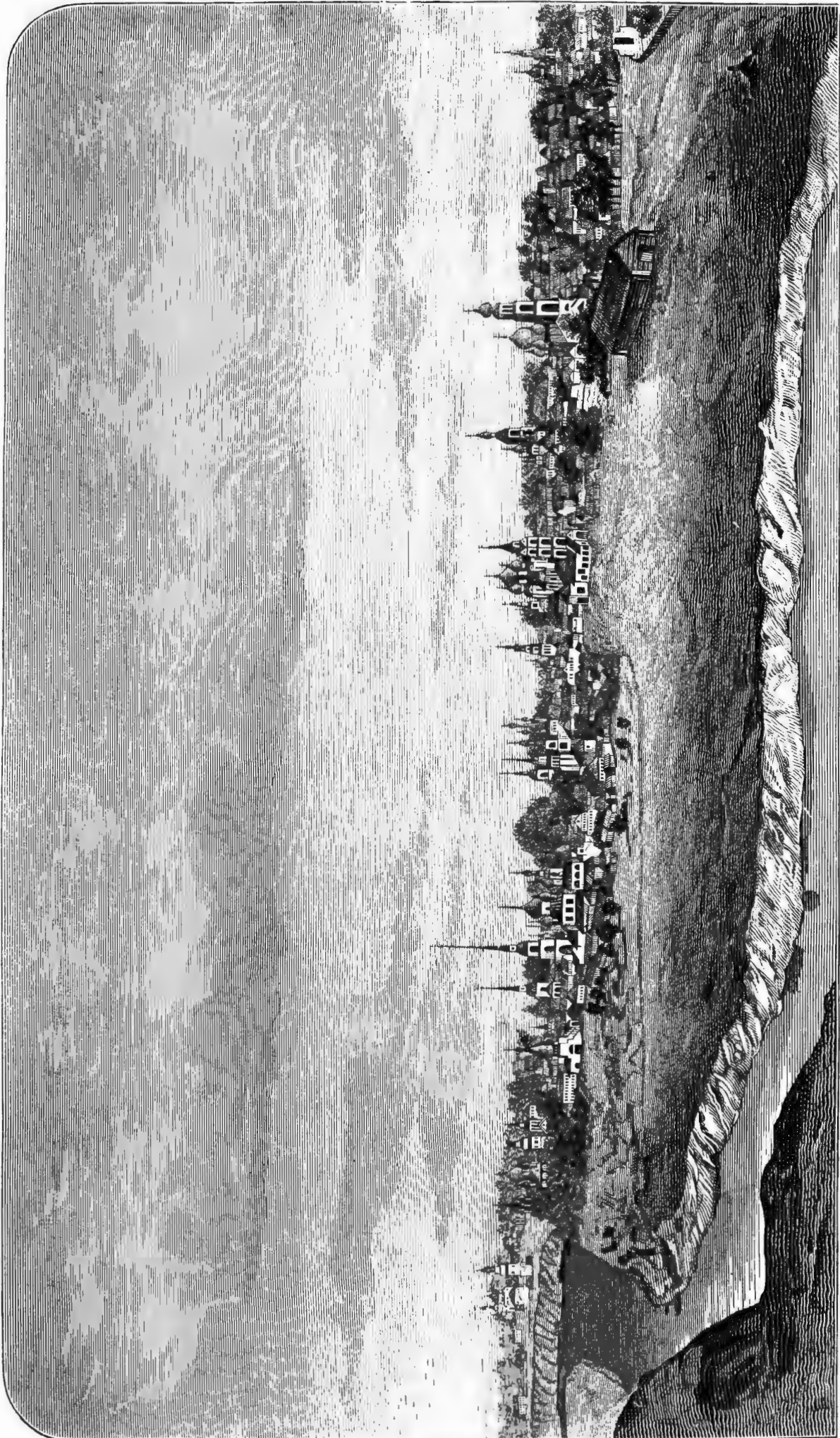
— Да, подозрѣние пало на нихъ, сказалъ Питтъ, но
доказательства, какія имѣются у насъ до сихъ поръ—
слишкомъ еще слабы...

Такой отвѣтъ, повидимому, не удовлетворилъ фрей-
герра... Съ секунду онъ помолчалъ, какъ-бы соображая
что-то, и потомъ произнесъ:

— Нѣтъ, прошу васъ говорить со мной вполне откро-
венно! Право, вы смѣло это можете... Считаете-ли вы
рабочихъ убійцами?...

надеждѣ хоть чтонибудь узнать отъ госпожи Маль-
тэнъ.

— Ахъ, нѣтъ, не дѣлайте этого! живо заговорилъ
фрейгерръ. Пожалѣйте несчастную женщину!... О, какъ
тяжолъ былъ для меня вчерашній день!... Случись еще
такой-же—и я-бы, кажется, протянулъ ноги... Жена и
дочь Мальтэна пріѣхали ко мнѣ... пріѣхали, чтобы ви-
дѣть... покойника... Я не хотѣлъ допустить ихъ туда,
но это мнѣ не удалось: я самъ повелъ ихъ къ нему и
былъ свидѣтелемъ такой потрясающей сцены, какой и
вообразить себѣ не могъ!.. Вообще человекъ я не сла-
бый, совладѣть съ собой могу, но какъ только вспомню
вчерашнее... дрожь пробираетъ!... Нѣтъ, пощадите этихъ

Общій видъ города Углича, Ярослав. губ. Рис. съ натуры Василій Молчановъ, грав. Малиновскій.

несчастных... Вѣдь онѣ до сихъ поръ еще не могутъ свыкнуться съ ужасною мыслью о потерѣ такого человека!...

— Говорили-ли вы съ ними что нибудь по поводу этого случая? спросилъ Питтъ.

— Дѣ, мы говорили...

— Не подозрѣваютъ-ли онѣ кого нибудь?

— Нѣтъ, никого не подозрѣваютъ.

— Послушайте, господинъ фрейгерръ! обратился слѣдователь къ Маннштейну, устремивъ на него пристальный взглядъ:—а вы тоже никого не подозрѣваете?...

„Маленькій фрейгерръ“ слегка вздрогнулъ.. Онъ старался глядѣть куда нибудь, только не на слѣдователя; грудь его тяжело вздымалась, казалось — трудно было ему подавить то, что бушевало тамъ и рвалось наружу...

— Также никого не подозрѣваю, отвѣтилъ онъ, помолчавъ немного.

— Но вы можете быть увѣрены, что я буду также скромнѣе и осторожнѣе, чтобы вы мнѣ ни сообщили, проговорилъ Питтъ (ему казалось, что фрейгерръ скрываетъ истину):—а потому прошу и васъ оказать мнѣ довѣріе.

— Не сомнѣваюсь нисколько, господинъ слѣдователь! Вы—честный человекъ, я это знаю, но мнѣ нечего сообщить вамъ... Смерть друга моего глубоко меня печалитъ, и я никогда не примирюсь съ тѣмъ, что она постигла его въ моемъ домѣ!.. Мальтэнъ пріѣхалъ ко мнѣ, онъ былъ моимъ гостемъ, я-же свято чту гостеприимство, и вотъ, что случилось съ нимъ подъ моей кровлей... Господинъ Питтъ! Я охотно отдалъ-бы все, все, что имѣю, если-бы могъ этимъ вернуть жизнь Мальтэна... Это я говорю вамъ прямо отъ сердца!

— Совершенно увѣренъ въ этомъ, сказалъ Питтъ. Фрейгерръ поклонился и вышелъ.

Слѣдователь принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Странно, загадочно держалъ себя „маленькій фрейгерръ“... Что именно тутъ такое—трудно было разгадать. Одна мысль какъ-то засѣла въ голову Питта, и онъ готовъ былъ вѣрить, что Маннштейну извѣстно, кто убилъ его друга, только фрейгерръ почему-то не рѣшался объявить этого... Неужели Мальтэнъ былъ застрѣленъ по ошибкѣ?... Думалъ, раздумывалъ слѣдователь, строилъ различныя гипотезы, но — увы, ни одна изъ нихъ не выдерживала критики!... Да не самъ-ли Мальтэнъ лишилъ себя жизни? Если это такъ, то, вѣроятно, фрейгерръ счелъ долгомъ не открывать этой тайны, чтобы избавить семейство несчастнаго отъ новаго огорченія и обычнаго, такъ сказать, чувства стыда при мысли о самоубійствѣ близкаго человека?... Вѣдь онъ первый, послѣ выстрѣла, вошелъ въ спальню и, очень можетъ быть, увидѣвъ пистолетъ—спряталъ его... Такое предположеніе имѣло, кажется, основаніе, если припомнить смущеніе фрейгерра и то чувство боязни, которое онъ обнаружилъ. Наконецъ, этимъ-же можно было объяснить, почему онъ нарочно пріѣхалъ къ слѣдователю съ цѣлью узнать, въ какой степени заподозрѣны рабочіе, ибо его не могла не беспокоить мысль, что арестованы невинные, и ихъ, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ, обвинять въ убійствѣ?...

Питтъ рѣшился употребить всѣ усилія съ своей стороны, чтобы добиться истины, ктому-же это была и прямая его обязанность: нужно-же снять подозрѣніе, упавшее на людей, невинныхъ въ убійствѣ. Разузнать кое-что у вдовы Мальтэна и ея дочери о жизни покойнаго и вообще объ обстоятельствахъ его до катастрофы—можно было легко, даже если-бы ему и пришлось быть сдержаннѣе, осторожнѣе въ разспросахъ своихъ.

Выйдя на улицу, Маннштейнъ пошелъ медленнымъ шагомъ. Знакомые встрѣчались съ нимъ, раскланивались, но онъ ничего не замѣчалъ. Что-то страдальческое, печальное было въ его лицѣ. Всегда держалъ онъ

голову прямо, а теперь она была опущена... Не годъ были этому причиной... Все ближе и ближе подвигался фрейгерръ къ дому своего повѣреннаго—нотариуса Геллера, который съ давнихъ уже временъ завѣдывалъ дѣлами его, требующими „юридической закваски“, и въ случаѣ нужды—помогалъ совѣтами. Вотъ, и дошелъ онъ до дверей конторы Геллера, прошелъ первую комнату, взялся уже за ручку замка кабинетной двери и — вдругъ, въ нерѣшимости, приостановился... Какъ видно, трудно было ему выполнить свое намѣреніе, онъ обдумывалъ что-то, наконецъ — вошелъ въ кабинетъ. Нотариусъ поспѣшилъ къ нему навстрѣчу.

— Я слышалъ о преступленіи, которое совершенно было въ нашемъ домѣ, заговорилъ онъ, и хотѣлъ—

Фрейгерръ остановилъ его движеніемъ руки.

— Оставимъ это, произнесъ онъ: — я пришелъ къ вамъ по другому дѣлу. Вы уже разъ помогли мнѣ въ составленіи моего духовнаго завѣщанія... Я опять пришелъ за тѣмъ же и долженъ просить снова вашей помощи...

— Вы знаете, что я всегда къ вашимъ услугамъ, отвѣтилъ нотариусъ. Вамъ, вѣроятно, хочется что нибудь прибавить къ духовной?

Фрейгерръ покачалъ головой.

— Нѣтъ, я беру обратно завѣщаніе мое, которое находится въ судѣ, уничтожаю его, чтобы инымъ образомъ распорядиться относительно моего имущества.

— Значитъ, вы не хотите назначить племянника главнымъ вашимъ наслѣдникомъ? спросилъ удивленный Геллеръ.

— Да, не хочу. Прошу васъ изложить на бумагѣ распоряженіе мое: племянника моего, сына сестры моей, барона Александра ф. Зельдитца, я *вовсе* лишаю права на наслѣдство; онъ не долженъ даже быть сонаслѣдникомъ наравнѣ съ другими моими дальними родственниками; все-же имущество мое (если не послѣдуетъ съ моей стороны новаго распоряженія) должно быть распредѣлено равномѣрно между этими послѣдними, какъ законными наслѣдниками. Суду я представляю разобратъ заявленія претендентовъ на наслѣдство, рассмотреть доказательства ихъ родства со мною, а равно — и самый раздѣлъ всего имущества.

Нотариусъ даже испугался; онъ уже присѣлъ къ столу, чтобы писать, но едва не выронилъ пера...

— Невозможно! воскликнулъ онъ. Нѣтъ, это вы вѣрно—шутите! Сами-же вѣдь вы говорили мнѣ, что у племянника вашего положительно нѣтъ никакихъ средствъ?!...

— Нисколько не шучу. Говорю совершенно серьезно.

— Развѣ вы совсѣмъ разошлись съ нимъ?...

Геллеръ позволилъ себѣ сдѣлать подобный вопросъ фрейгерру, такъ какъ былъ посвященъ во всѣ его дѣла.

— Прошу васъ написать все то, что сказано мною. Дѣло это я хорошо обдумалъ, и вы можете быть увѣрены, что если я поступаю такъ, то на это есть свои причины. Дѣ, вотъ еще что: мнѣ хочется, чтобы вы обратили вниманіе на слѣдующее, а именно—на самое точное соблюденіе юридической формы, чтобы были указаны соответствующія статьи закона, дабы какая нибудь ошибка не подала потомъ повода уничтожить завѣщаніе, т. е., объявить его недѣйствительнымъ. Воля моя непоколебима, и вы, я думаю, конечно, убѣдились, что этотъ актъ совершаю я въ твердой памяти и въ полномъ разсудкѣ.

Нотариусъ исполнилъ желаніе Маннштейна, и пока онъ писалъ, фрейгерръ медленнымъ шагомъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ онъ прочелъ съ величайшимъ вниманіемъ вновь написанное завѣщаніе и твердою рукою подписалъ подъ нимъ свое имя.

— А теперь я попрошу васъ, сказалъ онъ, проводить меня въ судъ, чтобы сдать тамъ на храненіе эту духовную и вытребовать прежнюю, которую я и уничтожу.

Они отправились. Все это для Геллера было загадкой, но онъ не хотѣлъ вторично спрашивать фрейгерра, потомучто „маленькій фрейгерръ“ и въ первый разъ отвѣтилъ ему, противъ своего обыкновенія, какъ-то коротко, отрывисто...

Получивъ въ судѣ первое свое завѣщаніе, Манштейнъ даже не вскрылъ его, а прямо разорвалъ бумагу на нѣсколько частей и лоскутки засунулъ въ карманъ.

— Ну-съ, пойдите теперь, обратился онъ къ Геллеру, выпьемъ въ погребкѣ стаканъ вина для подкрѣпленія! Чтѣ-жъ, это вѣдь не нанесетъ особеннаго ущерба будущимъ моимъ наслѣдникамъ... А хотѣлось-бы мнѣ быть при вскрытіи завѣщанія, чтобы видѣть, какъ это вдругъ въ сердцахъ моихъ родственниковъ вспыхнетъ любовь къ умершему фрейгерру Манштейну! Вѣдь они никогда относительно меня не обнаруживали такого

чувства, такъ какъ не ожидали (и теперь не ожидаютъ), чтобы я вспомнилъ ихъ въ своей духовной...

Когда фрейгерръ, вмѣстѣ съ нотариусомъ, спустившись по лѣстницѣ судебной палаты, вышелъ на улицу—мимо нихъ проѣзжалъ баронъ Зельдитцъ. Баронъ замѣтилъ ихъ обоихъ... Щеки его мгновенно поблѣднѣли, потомучто онъ сразу понялъ, что именно привело его дядю, вмѣстѣ съ Геллеромъ, въ судъ.

Зельдитцъ задергалъ уздечкой, какъ-бы желая остановить лошадь, но потомъ сильно прищипорилъ ее и ускскалъ.

— Ну, вотъ, видѣли? обратился фрейгерръ къ своему спутнику... Кажется, между мной и племянникомъ отношенія не особенно дружжелюбныя...

И, не дожидаясь отвѣта, онъ быстро зашагалъ по тротуару. Геллеръ послѣдовалъ за нимъ.

(Продолженіе будетъ).

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Императорская паровая яхта „Держава“ съ Ихъ Императорскими Высочествами Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великой Княгиней Цесаревной, вышла изъ Копенгагена во вторникъ, 7-го (19-го) октября, въ 2 часа по полудни, въ сопровожденіи паровой яхты «Царевна».

Колесный пароходо-фрегатъ „Олафъ“ вышелъ изъ Копенгагена, для слѣдованія въ Кронштадтъ, въ понедѣльникъ 6-го (18-го) октября.

— Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Государыня Великая Княгиня Цесаревна, съ Августѣйшими Дѣтьми, возвратясь на яхтѣ „Держава“ изъ заграничнаго путешествія въ Данію, изволили прибыть въ Петербургъ на яхтѣ „Александрія“ 10-го сего октября, въ 3 часа 10 мин. пополудни, и въ 4 часа, съ экстреннымъ поѣздомъ, отправились на жительство въ городъ Царское-Село.

Дѣйствія правительства.

Высочайшія повелѣнія:

Государь Императоръ, 12-го августа сего года, Высочайше соизволивъ утвердить опредѣленіе Святейшаго Синода объ учрежденіи въ городѣ Перми женской общины.

— *Объ изытіи зданій вѣдомства Императорскаго Двора отъ платежа ежегоднаго сбора въ пользу города.* Въ именномъ Его Императорскаго Воличества Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату въ Ливадіи, 12-го сентября 1875 года, за Собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, изображено: «Всѣ зданія вѣдомства Императорскаго Двора повелѣваемъ изыять отъ платежа денежнаго ежегоднаго сбора въ пользу города. Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего надлежащее распоряженіе».

— Святейшій Синодъ, входя въ бѣдственное положеніе духовенства города Моршанска, пострадавшаго во время пожара 25-го мая сего года, препроводилъ двѣ тысячи рублей въ распоряженіе преосвященнаго тамбовскаго, который и самъ пожертвовалъ изъ собственныхъ средствъ 300 рублей, для выдачи пособій пострадавшимъ.

Государь Императоръ на всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ, 19-го іюля сего года, Высочайше соизволивъ Собственноручно написать противъ пункта объ упомянутомъ распоряженіи Святейшаго Синода:—«очень хорошо», а противъ пункта о пожертвованіи преосвященнаго тамбовскаго:—«благодарить».

Дѣла церкви.

— Церковно-общественный Вѣстникъ слышалъ, что коммисія, составленная по по-

воду уменьшенія числа праздничныхъ дней и разгула въ народѣ, окончивъ свои занятія, пришла, между прочимъ, къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) Возложить на приходскихъ священниковъ, преподающихъ въ сельскихъ школахъ законъ Божій, обязанность обращать особенное вниманіе на четвертую заповѣдь и излагать подробно и обстоятельно ученіе православной церкви означенія праздниковъ и воскресныхъ дней. 2) При устройствѣ новыхъ храмовъ располагать мѣстныхъ прихожанъ къ тому, чтобы храмъ посвященъ былъ во имя угодниковъ и святыхъ, чтимыхъ не въ извѣстномъ только краѣ, а повсемѣстно. 3) Земства могутъ, по своему усмотрѣнію, награждать крестьянъ, отличающихся благонадежностью и правильнымъ веденіемъ хозяйства, деньгами, хлѣбомъ и другими сельско-хозяйственными принадлежностями. Полный проектъ правилъ, выработанный коммиссией, въ скоромъ времени поступитъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

Морское дѣло.

Въ „Кронштадтскомъ Вѣстникѣ“ сообщаются слѣдующія подробности о плаваніи 12-ти пушечнаго винтоваго фрегата «Свѣтлана», находящагося подъ командою Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича:

«Фрегатъ провелъ конецъ сентября въ Венеціи, стоя на внутреннемъ рейдѣ, противъ таможи и знаменитой набережной дворца дожей. 25-го сентября съ фрегата ухажалъ въ Россію Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ, служившій на фрегатѣ въ качествѣ гардемарина и возвратившійся въ Петербургъ для продолженія своихъ классныхъ занятій. Его Высочество возвратился въ Петербургъ 1-го октября со стоящимъ при немъ капитанъ-лейтенантомъ И. А. Зеленымъ, черезъ Вѣну и Варшаву. Передъ отъѣздомъ Великаго Князя, гардемаринъ-товарищи Его Высочества по службѣ на фрегатѣ просили позволенія дать обѣдъ въ честь своего Августѣйшаго сослуживца. Августѣйшій командиръ фрегата присутствовалъ на этомъ обѣдѣ, за которымъ ясно обрисовался тотъ прекрасный духъ любви къ своему дѣлу и добраго товарищества, который всегда характеризовалъ общество офицеровъ нашихъ судовъ, плавающихъ продолжительное время, и служить лучшимъ украшеніемъ нашихъ каютъ-компаній, члены которыхъ всегда готовы помочь другъ другу и честно и вѣрно исполнить свой долгъ. Духъ товарищества на судахъ лучшимъ подспорьемъ продолженія тѣхъ историческихъ преданій, которыми вправѣ гордиться наши моряки, преемники героевъ: Гангуда, Гренгама, Чесмы, Красной-Горки, На-

варина, Синова и славной защиты Севастополя. Духъ преданности Престолу и отечеству, духъ честнаго отношенія къ своему дѣлу и добраго согласнаго товарищества постоянно царствовалъ на нашихъ судахъ—и, въ этомъ отношеніи фрегатъ «Свѣтлана», безспорно представляетъ собою самый прекрасный образчикъ, вполне выразившійся въ томъ небольшомъ гардемаринскомъ праздникѣ, который ознаменовалъ собою отъѣздъ изъ Венеціи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича. Изъ Венеціи фрегатъ «Свѣтлана» снова возвратится на станцію въ Пирей, гдѣ вѣроятно и будетъ находиться во время посѣщенія его королевскаго высочества принца Уэльскаго».

— Винтовѣй 12-ти пушечный фрегатъ «Свѣтлана», подъ командою Его Императорскаго Высочества Великаго князя Алексѣя Александровича, во вторникъ, 7-го (19-го) октября, вышелъ изъ Венеціи для слѣдованія въ Пирей.

— Командующій отрядомъ судовъ въ Тихомъ океанѣ, контръ-адмиралъ Брюкмеръ, доноситъ изъ Нагасаки отъ 22-го іюня, что 18-го (30-го) іюня онъ имѣлъ прощальную аудіенцію у Императора Японіи; причемъ его величество пожелалъ ему благополучнаго пути въ отечество и поручилъ передать Его Величеству Государю Императору чувства самой искренней дружбы и глубокаго расположенія, какъ къ старшему своему брату. Затѣмъ его величество Микадо прислалъ контръ-адмиралу Брюкмеру портретъ ея величества Императрицы Японіи.

— 13-го сентября происходила на Бакинскомъ рейдѣ проба военнаго парохода «Насръ-Эдинъ шахъ», только-что передѣланнаго на нефтяное отопленіе; а чрезъ мѣсяцъ будутъ производить тѣ-же опыты надъ другимъ военнымъ судномъ «Персіянинъ». Первые опыты показали, согласно съ результатами, добытыми трехлѣтнею практикою судовъ Общества «Кавказъ и Меркурій», что нефтяныхъ остатковъ сгораетъ при полной ходѣ въ одинъ часъ до 20 пуд.; значить, считая продуть по 7 или 8 коп. за пудъ, расхода въ часъ около 1 р. 50 коп., тогда какъ военнаго суда сжигали угля въ то-же время рублей на 20, если не больше. Притомъ-же каменный уголь доставляется сюда съ большими трудностями и можетъ случаться въ немъ недостатокъ; нефть-же тутъ положительно дѣлать некуда и она можетъ только дешеветъ при развитіи этого дѣла. Надобно надѣяться, что всѣ эти соображенія вынудятъ морское министерство передѣлать и прочія свои суда на нефть и покончить съ каменнымъ углемъ, тѣмъ болѣе, что сама передѣлка обходится сравнительно не дорого—отъ 40 до 50 тысячъ рублей за машину—

Некрологъ.

Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой, писатель—поэтъ, возвратившись недавно изъ Италіи (гдѣ онъ лѣчилъ) въ Россію, отправился прямо въ свое имѣніе, село Красный Рогъ (Черниговской губерніи). Онъ надѣялся окончательно поправиться на родинѣ. Къ глубокому сожалѣнію, надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться: 29-го сентября онъ умеръ. Извѣстіе о кончинѣ поэта тяжело отзовется на всѣхъ, кому дорога русская литература. Покойный провелъ дѣтство на родинѣ, въ деревнѣ, получилъ домашнее воспитаніе, и только выдержалъ выпускной экзаменъ въ московскомъ университетѣ. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ стали появляться въ московскихъ и петербургскихъ журналахъ его первыя стихотворенія, обратившія на себя вниманіе глубокимъ знаніемъ народнаго быта и горячею любовью къ нему. Особенный успѣхъ имѣли пьесы, помѣщенные въ „Современникѣ“. Изъ большихъ произведе-

ній его появились въ „Русской Бесѣдѣ“ и „Русскомъ Вѣстникѣ“ поэма „Іоаннъ Дамаскинъ“ и драма „Дон-Жуанъ“. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, въ 1861 году, напечатанъ романъ его „Князь Серебряный“, встрѣченный публикой съ полнымъ сочувствіемъ. Эпоху Грознаго графъ Толстой изучилъ во всѣхъ подробностяхъ ея общественнаго быта и очертилъ ее, еще прежде, во многихъ историческихъ баладахъ, какъ, напримѣръ, „Василій Шибановъ“, „Старицкій Воевода“, „Князь Михайло Ренинъ“, и вывелъ, наконецъ, на сцену въ драмѣ „Смерть Іоанна Грознаго“. Появленіе этой пьесы, напечатанной предварительно въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1866 года, на сценѣ Маріинскаго театра, составило эпоху въ исторіи нашей сцены. Колоссальная, мрачная фигура „вѣнчанаго тигра“, какъ его называетъ Пушкинъ, очерченная въ высшей степени художественно и рельефно, превосходный русский языкъ драмы, шекспировскій пошибъ въ ходѣ

дѣйствія, особенно, въ послѣднихъ сценахъ—все это, даже при весьма слабомъ исполненіи, не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія на публику. Въ 1867 году вышло полное собраніе стихотвореній покойнаго. Послѣднія стихотворенія его появились въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, а самое послѣднее „Драконъ“, рассказъ XII вѣка, было напечатано въ „Вѣстникѣ Европы“ за октябрь нынѣшняго года.

Портретъ графа А. К. Толстаго былъ помѣщенъ въ „Нивѣ“ за 1872 г., на стр. 629-й, а потому въ настоящемъ № мы и не выставили его портрета.

СОДЕРЖАНІЕ. Смерть Юлія Цезаря (картина профессора Пилоти, 1-я премія).—Мадона Севильская (картина Мурьяло, 2-я премія).—Бассейнъ Пюи въ аданіи новой Парижской оперы (съ рисункомъ).—Тайна чистель.—Бѣдные часы! (съ рисункомъ).—Любиматчи (съ портретомъ).—Угличъ (съ рисункомъ).—Кто въ вралъ? (Романъ изъ современной уголовной хроникъ). (Соч. Ф. Фридриха (продолженіе)).—Разныя извѣстія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.

Въ виду приближенія времени подписки на 1876 г., мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ номеровъ

При возобновленіи подписки просимъ покорно **высылать печатные редакціонные адреса отъ бандеролей**, въ которыхъ подписчики получаютъ „Ниву“ въ нынѣшнемъ 1875 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

<p>I. Безъ доставки въ С.-Петербургъ 4 р.</p> <p>II. Съ доставкою въ С.-Петербургъ 5 р.</p>	<p>III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.</p> <p>IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к.</p>
---	---

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9.
Издатель «НИВЫ» **А. Ф. МАРКСЪ.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

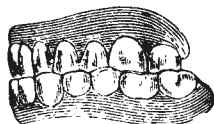
Для удобства гг. иногородныхъ подписчиковъ прилагаются при этомъ № „Нивы“ подписной бланкъ и конвертъ, съ адресомъ редакціи для возобновленія подписки на нашъ журналъ въ 1876 году, которые мы и просимъ употреблять при подпискѣ.

За Редактора
Издатель **А. Ф. Марксъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

Карлъ Баухъ.

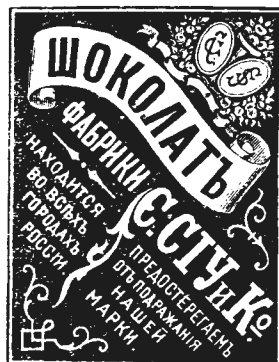

Принимаетъ больныхъ ежедневно, отъ 0 час. до 3 часовъ. Пломбированіе, вставленіе зубовъ и дѣлъхъ челюстей по самой новѣйшей американской методѣ.

С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 9.

6—3

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголь Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—22

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и рассказы В. В. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1875 года 90 к., съ пересылкою.

Семья вольноудѣльцевъ. Историческая повѣсть времени Екатерины II. П. Петрова и В. Ключникова. Повѣсть эта въ безлестрической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелими Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „Нивы“ 1875 года 75 к., съ перес.

Про что щелетала ласточка. Сочиненіе Шинельмана. Съ портретомъ и биографіею автора. С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „НИВЫ“ 1875 г. 1 р. съ пересылкою.

45—14

НИВА

№ 44

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
Выданъ 3 Ноября 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.

Сэръ Чарльзь Лайэль.

Геологія, т. е. наука о происхожденіи и преобразованіи земной коры (до настоящаго ея вида) получила настоящее свое начало, какъ вообще всякое естествознание, очень поздно. Первый основатель этой науки, вмѣстѣ съ тѣмъ и знаменитый портретистъ, итальянецъ Леонардо-да-Винчи († 1519), найдя при взрытіи какой-то канавы окаменѣлыя растенія и животныя въ землѣ, сталъ доказывать, что окаменѣлости эти не могли образоваться подъ вліяніемъ звѣздъ или какихъ либо подобнымъ таинственныхъ силъ, какъ въ то время думали. Съ тѣхъ поръ ученые стали заниматься подобными вопросами, и началось прилежное изученіе образованія земной коры. Но въ началѣ, конечно, всѣ выведенные ими результаты были весьма незначительны и неточны. Болѣе всего спорили о томъ, что должны ли сдѣланныя открытія согласоваться съ разсказомъ Моисея о сотворе-

Сэръ Чарльзь Лайэль.

ніи міра? Большую путаницу произвело также и то обстоятельство, что камни, минералы, слои земли и окаменѣлости—все это вмѣстѣ причислялось къ минераламъ. Начало ихъ подраздѣленію сдѣлалъ Кронстедтъ, который въ предисловіи къ своему учебнику о минералахъ, изданному въ 1757 году, говоритъ, что слои земли—это смѣсь разнородныхъ минераловъ, а не отдѣльные минералы, и что окаменѣлыя растенія и животныя вовсе не должны быть причисляемы къ минераламъ. Въ то же время начали также изслѣдовать устройство земли въ разныхъ странахъ и старались опредѣлить, какое отношеніе имѣютъ различныя наслоенія другъ къ другу. Первая заслуга въ этомъ дѣлѣ выпала на долю германца Вернера. Въ концѣ прошлаго вѣка представилъ онъ теорію, которая впоследствии принята была чуть ли не всеми геологами. Вернеръ объявлялъ, что вода наиболѣе

содѣйствовала образованію земной коры. Англичанинъ Гуттонъ выступилъ съ новой теоріей, послѣдователи которой предприсываютъ *ей* главную роль въ исторіи развитія земли. Первая теорія называется обыкновенно Нептуническою, вторая—Плутоническою.

Между защитниками той и другой теоріи возгорѣлся поэтому научный споръ, благодаря которому наука много выиграла, такъ какъ обѣ стороны — нептунисты и плутонисты—прилежно изслѣдовали устройство землі въ разныхъ мѣстахъ, причемъ каждая сторона старалась выдвинуть свою теорію, подкрѣпляя ее сдѣланными открытіями. Чтобы картина устройства земли могла сдѣлаться болѣе понятною, начали употреблять геологическіе атласы. Составитель ихъ—Вильямъ Смитъ (+1839) первый указалъ на то обстоятельство, что одинаковые слои землі всегда правильно ложились, и сдѣлался такимъ образомъ основателемъ науки о наслоеніи пластовъ въ земной горѣ.

Французъ Кювье, съ своей стороны, диннулъ впередъ эту науку. Онъ собиралъ и соединялъ добытыя имъ въ слояхъ земли кости и утверждалъ, что эти остатки принадлежали когда-то чудовищнымъ, теперь вполнѣ исчезнувшимъ животнымъ, доказывая тѣмъ, что роды и виды животныхъ имѣли свою исторію развитія на земномъ шарѣ. Позднѣе, другіе естествоиспытатели нашли, что животныя и растенія въ разныхъ пластахъ различны, вслѣдствіе чего и начали дѣлать геологію на отдѣльные періоды по этимъ наслоеніямъ.

Великія, вѣду въ глаза бросающіяся перемѣны на земной поверхности сначала естественно привели къ тому заключенію, что онѣ не могли явиться иначе, какъ подъ вліяніемъ страшныхъ, быстрыхъ переворотовъ. Когда, напримѣръ, увидѣли широкое, длинное и глубокое ущелье, перерѣзывающее горный хребетъ, то не могли ничѣмъ инымъ объяснить происхожденіе этого ущелья, какъ страшнымъ мгновеннымъ разломомъ хребта въ этомъ мѣстѣ. Когда на высотахъ Альповъ увидѣли слои известняка, наполненные раковинами, то пришли къ тому заключенію, что эти раковины во время страшнаго землетрясенія попали туда. Замѣтивъ трещины въ горахъ и увидѣвъ въ сѣверныхъ странахъ такъ называемые валуны—большіе камни, лежащіе на поверхности земли, рѣшили, что такіа находки слѣдуетъ объяснить когда-то бывшимъ ужаснымъ наводненіемъ: волны хлынувшей воды должны были имѣть громадную силу, чтобы катить камни величينوю въ трехъ-этажныхъ дома. При видѣ различія въ строеніи животныхъ и растеній древнѣйшихъ слоевъ сравнительно съ нынѣ существующимъ органическимъ міромъ, не могли ничѣмъ инымъ объяснить это различіе, какъ только тѣмъ, что когда все сотворенное разрушилось, погибло во время тѣхъ большихъ переворотовъ, то Творцу пришлось опять все снова сотворить по новымъ формамъ.

Противъ подобныхъ гипотезъ возсталъ Чарльзъ Лайэль, недавно умершій знаменитый англійскій геологъ и естествоиспытатель, портретъ котораго мы помѣстили въ настоящемъ № нашего журнала. Онъ энергически напалъ на приверженцевъ старой теоріи, доказавъ несостоятельность ихъ объясненій, разбилъ ихъ доводы и имѣлъ такой успѣхъ, что сравнительно въ короткое время теорія его заняла первенствующее мѣсто въ ученомъ мірѣ. Лайэль, на основаніи собственныхъ наблюденій и изслѣдованій, доказалъ, что если на земномъ шарѣ и происходили страшные перевороты, если поверхность его измѣнялась, то все это совершалось постепенно, медленно, подъ вліяніемъ безпрерывно дѣйствующихъ силъ природы, какъ совершается оно и въ настоящее время. Ужасныя катастрофы подготавлились въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, и теперь еще идетъ работа тамъ и сямъ, почти ежедневно обнаруживаются результаты ея, но такъ какъ они рѣдко сопровождаются громомъ и трескомъ, то и остаются незамѣченными. Если же вдругъ что-либо обрушивается, проваливается, грохочетъ—словомъ разражается

катастрофа—тогда публика приходитъ въ волненіе, даже безконечно, воображая, что катастрофа случилась *внезапно*, что такое явленіе принадлежитъ къ разряду чрезвычайныхъ, неожиданныхъ. А вѣдь извѣстно, что вода, падая на камень, можетъ наконецъ просверлить его. Тамъ, гдѣ за десятки тысячъ лѣтъ тому назадъ земля поднялась на два фута — теперь высятся горы, вершины которыхъ исчезаютъ въ облакахъ. Лайэль неугомонно, прилежно трудился, собирая данныя, подтверждающія его теорію. Въ сочиненіяхъ его вы найдете массу указаний, крупныхъ и мелкихъ фактовъ, говорящихъ въ пользу *новой* геологіи. Конечно, въ первое время, какъ и всякая новизна, теорія Лайэля не встрѣтила въ средѣ консерваторовъ-ученыхъ надлежащаго сочувствія, явились противники новаго ученія, но, къ концу концовъ, лагерь ихъ сильно порѣдѣлъ и соръ Чарльзъ Лайэль вышелъ побѣдителемъ. Ему можно позавидовать, потому что рѣдко выпадаетъ на долю новатора-ученаго такое счастье: еще при жизни быть оцѣненнымъ по достоинству. Вспомните слова Беранже:

.... Чуть изъ ряда выходятъ умы —
Смерть безумцамъ! мы яростно воемъ,
Поднимаемъ бессмысленный ревъ,
Мы преслѣдуемъ ихъ, убиваемъ
И... статуи *потомъ* воздвигаемъ,
Словѣчества славу прозвѣвляемъ..

Чарльзъ Лайэль родился въ 1797 г. въ Шотландіи. Отецъ его занимался естественными науками и въ свое время былъ извѣстенъ какъ хорошій ботаникъ. Сынъ, поступивъ въ Оксфордскій университетъ, готовился быть юристомъ, но его тянуло въ другую сторону, и вотъ, разставшись съ кодексомъ Юстиніана и всѣми правами, онъ занялся исключительно геологіей. Понимая очень хорошо, что желающему изучить этотъ предметъ прежде всего необходимо ознакомиться на дѣлѣ съ характеристическими данными, указывающими на образование земной коры, Чарльзъ Лайэль провелъ большую часть своей жизни въ путешествіяхъ по Старому и Новому свѣту. Въ 1824 г. онъ предпринялъ первую ученую экскурсію и объѣхалъ всю Германію, Францію и Италию. Пріѣхавъ въ Лондонъ, онъ сейчасъ же получилъ каедру геологіи въ Королевской Коллегіи (Kings College), но скоро сложилъ съ себя званіе профессора, хотя въ короткое время успѣлъ обнаружить такіа блестящія лекторскія способности, что прославился своими лекціями, а главное — захотѣлъ англичанъ заниматься геологіею, и дѣйствительно съ тѣхъ поръ эта наука сдѣлалась любимою наукою снова Альбиона. Въ 1834 г. Лайэль отправился въ Швецію, съ цѣлью раззнать, почему сѣверная часть этой страны, а также и Финляндія, постоянно возвышаются; затѣмъ, съ 1841 г. по 1847 г. онъ путешествовалъ по Канадѣ и Сѣверо-американскимъ штатамъ. Изъ путевыхъ замѣтокъ его за это время видно, что почтенный ученый, занимаясь научными наблюденіями, въ то же время слѣдилъ и за политикою, интересуясь «вопросами жизни».

Изъ сочиненій Лайэля особеннаго вниманія заслуживаютъ «Основанія геологіи» (Principles of geology, 1830) и «Начала геологіи» (Elements of geology, 1838). Обѣ эти книги отличаются замѣчательною обработкою, богатствомъ содержанія и литературною отдѣлкою. Нельзя также не упомянуть и о другомъ его трудѣ, а именно: «Geological evidence of the antiquity of man», 1863). Въ этой книгѣ Ч. Лайэль старается, на основаніи новѣйшихъ геологическихъ изслѣдованій, опредѣлить древность рода человѣческаго.

Въ 1836 и 1850 гг. Лайэль предсѣдательствовалъ въ собраніи членовъ Лондонскаго геологическаго общества. Прахъ знаменитаго геолога поконится въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, тамъ, гдѣ похоронены знаменитѣйшіе мужи Англій. А такой чести Англія удостоиваетъ только немногихъ избранныхъ.

КТО ВЫИГРАЛЪ?...

(Изъ современной уголовной хроники).

РОМАНЪ
Ф. ФРЕЙДРИХА.
(Продолженіе).

Въ усадьбѣ ф. Мальтена царилъ глубокая печаль. Вдова и дочь покойнаго не могли еще свыкнуться съ мыслью о невозвратимой потерѣ... Ничто не въ состояніи было утѣшить ихъ: онѣ такъ горячо любили его... Имъ казалось—въ домѣ стало какъ-то страшно—пусто, а въ будущемъ онѣ уже не видѣли ничего отраднаго, свѣтлаго...

Послѣ Мальтена осталось завѣщаніе, въ которомъ было выражено желаніе, чтобы Маннштейнъ, въ случаѣ смерти завѣщателя, принялъ на себя обязанности опекуна его дочери. Разумѣется, фрейгерръ и сдѣ-

лался опекуномъ Эмми, и сталъ на дѣлѣ доказывать свое сердечное расположеніе къ семейству покойнаго друга. Ежедневно бывалъ онъ у нихъ и старался всѣми силами хоть какъ нибудь успокоить осиротѣвшихъ женщинъ. До сихъ поръ никто не замѣчалъ въ „маленькомъ фрейгеррѣ“, чтобы онъ къ кому-бы то ни было относился особенно *нѣжно*, а *теперь*, увидѣвъ гдѣ нибудь въ уединенномъ уголкѣ грустное личико Эмми, старикъ сейчасъ-же подходилъ къ дѣвушкѣ, начиналъ гладить ея кудрявую головку, или подносилъ ей цвѣточекъ... А ужъ какъ сердце его надрывалось, если онъ

видѣлъ, что Эмми плачетъ! Тутъ „маленькій фрейгерръ“, чтобы успокоить ее, употреблялъ такія мягкія выраженія, сыпалъ такими нѣжными словами, что, право, было удивительно—откуда это у него бралось!...

Позаботился онъ и о похоронахъ своего друга, а затѣмъ занялся управленіемъ хозяйства въ помѣстьи Мальтэна, и занялся съ чрезвычайною заботливостью, такъ что почти забылъ даже о своихъ поляхъ. Когда госпожа Мальтэнъ какъ-то напомнила ему, что онъ совсѣмъ бросилъ свои дѣла, фрейгерръ отвѣтилъ ей такъ:

— Оставьте это въ сторонѣ. Я лучше знаю, какъ вѣлъ свое хозяйство Мальтэнъ, а потому и слѣдуетъ управлять имѣніемъ такъ, какъ онъ считалъ за лучшее, въ его духѣ... Ну, а мое хозяйство можетъ теперь и похуже идти: человѣкъ я одинокій, наслѣдники-же мои все равно получаютъ болѣе, чѣмъ заслуживаютъ!...

Словомъ сказать, Маннштейнъ дѣйствовалъ такъ, какъ будто-бы хотѣлъ во что бы-то ни стало загладить какую-то вину, тяготившую его, какъ будто-бы онъ лично провинился передъ несчастной женщиной... И онъ дѣйствительно старался ослабить силу удара, поразившаго госпожу Мальтэнъ и ея дочь.

Баронъ Зельдитцъ, на другой-же день послѣ смерти Мальтэна, пріѣхалъ въ его имѣніе, чтобы „засвидѣтельствовать съ должнымъ прискорбіемъ свое искреннѣйшее сочувствіе“ и выразить готовность съ своей стороны оказать посильную помощь. Онъ заговорилъ такимъ душевнымъ тономъ, такъ тепло соболѣзновалъ, что дѣйствительно утѣшилъ немножко вдову, глубоко удрученную горемъ...

Госпожа Мальтэнъ знала, что покойный мужъ ея желалъ имѣть Зельдитца своимъ зятемъ, а потому на желаніе это она стала смотрѣть теперь какъ на нѣчто священное для нея, причемъ дала себѣ слово употребить всѣ усилія, чтобы оно осуществилось. Конечно, въ сердцѣ Эмми теперь не было мѣста никакому *другому* чувству; она слишкомъ отдалась своей скорби; однако-же г-жа Мальтэнъ дала понять барону, что и впредь визиты его будутъ ей пріятны.

И Зельдитцъ пріѣзжалъ къ нимъ довольно часто, причемъ—случайно-ли это было или умышленно—никогда какъ-то не приходилось ему встрѣчаться у нихъ съ фрейгерромъ. Нѣчего и говорить, какъ онъ былъ нѣжно-внимателенъ къ Эмми, сколько обнаружилъ теплаго сочувствія къ ея печали! Это ее трогало, и баронъ все болѣе и болѣе овладѣвалъ сердцемъ дѣвушки.

Г-жа Мальтэнъ не утерпѣла и рассказала ему о томъ, какъ добръ, внимателенъ фрейгерръ, и сколько самоотверженія въ дружбѣ его къ нимъ... Баронъ при этомъ слегка улынулся и проговорилъ:

— У дядюшки — странный, загадочный характеръ. Много у него свѣтлыхъ, хорошихъ сторонъ; если нужно, по дружбѣ, оказать помощь—онъ готовъ жертвовать собой... Но старикъ, вмѣстѣ съ этимъ, капризенъ, иногда даже до безумія, а упрямъ такъ, что ничто не въ состояніи сломить его упрямства! И тутъ онъ способенъ быть жестокимъ, несправедливымъ... Вотъ, сердится онъ теперь на меня изъ-за пустяковъ! Ну-да вѣдь я его знаю, а потому и счелъ за лучшее нѣкоторое время избѣгать съ нимъ встрѣчи... Попытокъ къ примиренію не дѣлаю, такъ какъ это самое вѣрное средство выльчить дядюшку отъ его капризовъ. Если вы расскажете ему, что я бываю у васъ часто, то навѣрно, впередъ могу вамъ сказать, что онъ не явится больше сюда!... Поэтому-то я-бы попросилъ васъ оказать мнѣ услугу, а именно: при немъ совсѣмъ не заговаривать обо мнѣ, какъ будто-бы меня и не было... Чтѣ дѣлать! Изъ уваженія къ несомнѣннымъ достоинствамъ дяди слѣдуетъ молча сносить его капризы... Онъ слишкомъ привыкъ къ нимъ, а потому трудно ужъ отвыкать ему отъ этого, да и не зачѣмъ!...

Г-жа Мальтэнъ обѣщала исполнить желаніе барона.

Теперь для Зельдитца было вдвойнѣ важно заполнить сердце Эмми: если удастся ему это, то вѣдь онъ (Мальтэна уже нѣтъ) вскорѣ вступитъ во владѣніе всѣмъ имуществомъ покойнаго, а это, быть можетъ, и представляется единственнымъ средствомъ, чтобы заключить мировую съ дядей, безъ денежной помощи котораго оставаться долго онъ не могъ... Одного только опасался онъ: не рассказаль-бы дядя о пари его... Это тревожило его, и вотъ баронъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы уговорить г-жу Мальтэнъ предпринять путешествіе, такъ какъ поѣздка за границу можетъ развлечь и ее, и Эмми, грусть-же постоянная вредитъ здоровью...

Зельдитцъ доказывалъ это, убѣждалъ, изливалъ все свое краснорѣчіе, пѣлъ о томъ, что „потеряннаго во вротиншъ“, что „мертвый въ гробѣ тихо спи, жизнью пользуйся живущій“, и что вотъ онъ самъ когда-то, лишившись отца, облегчилъ душу только подъ голубымъ небомъ Италіи, куда однако сначала вовсе не хотѣлъ ѣхать, но потомъ послушался одного друга — и вѣчно теперь ему благодаренъ за такой добрый совѣтъ! Онъ предлагалъ г-жѣ Мальтэнъ отправиться именно въ Италію, гдѣ плѣнительныя небеса исцѣляютъ раны сердца...

Разумѣется, баронъ имѣлъ тутъ въ виду, въ случаѣ согласія г-жи Мальтэнъ на поѣздку, поѣхать вмѣстѣ съ ними и гдѣ нибудь на пути открыться Эмми въ любви своей...

Однако, вдова не соглашалась.

— Нѣтъ, я не могу ѣхать до тѣхъ поръ, пока не откроется убійца бѣднаго моего мужа, говорила она... Я тогда лишь успокоюсь, когда буду знать, что тотъ, кто совершилъ такое ужасное дѣло—получилъ за него должное возмездіе! Если-бы у меня былъ сынъ, я-бы сказала ему: Ищи убійцу, чтобы предать его въ руки правосудія! Это твоя священная обязанность!...

— Позвольте мнѣ заявить теперь, что я самъ принимаю на себя эту обязанность, заговорилъ Зельдитцъ (они вдвоемъ сидѣли въ саду), но не счелъ нужнымъ говорить вамъ объ этомъ... Я уже дѣлалъ розыски, вошелъ даже въ переговоры съ однимъ полицейскимъ чиновникомъ въ столицѣ, ну, и онъ, между прочимъ, высказалъ такую мысль, даже—убѣжденіе, что легче было-бы открыть убійцу, если-бы г-жа Мальтэнъ куда нибудь уѣхала...

— Это какимъ-же образомъ? спросила она.

— Чиновникъ этотъ полагаетъ, что преступникъ, можетъ быть, сталь-бы тогда менѣе остороженъ, ну, и попался-бы...

Г-жа Мальтэнъ, кажется, не совсѣмъ довѣрчиво отнеслась къ этому, однако-же барону удалось по крайней мѣрѣ пріучить ее къ мысли, что дѣйствительно путешествіе можетъ благотворно повліять на нее...

— Но я не знаю, какъ насчетъ этого Эмми, замѣтила она:—Эмми, напротивъ, отстраняетъ всякое развлеченіе, вся отдается грусти...

— Позвольте мнѣ поговорить съ ней объ этомъ, звался баронъ. Будьте увѣрены, я никогда-бы не дерзнулъ явиться къ вамъ съ такимъ предложеніемъ, если-бы самъ не испыталъ на себѣ такое чудотворное средство!... Безпокойтесь вамъ не о чемъ будетъ: дяди мой будетъ управлять вашимъ хозяйствомъ, и хоть онъ и сердитъ на меня, а я все-таки скажу, что ужъ лучшаго управителя вамъ не найти!

Зельдитцъ быстро всталъ и поспѣшилъ навстрѣчу Эмми, которая шла къ матери.

Какъ сильно измѣнилась дѣвушка за это время! Она поблѣднѣла, похудѣла и, если улыбка нечаянно скользила по ея личику, то въ улыбкѣ этой было что-то болѣзненное, горькое... Куда дѣвалась прежняя задорная веселость!.. И все-таки, не смотря на это, Эмми была еще прелестнѣе... Въ груди барона шевельнулось чувство состраданія, можетъ быть потому, что онъ впервые ощущалъ настоящую любовь, которая жгла ему

кровь, и безъ того горячую... Да, онъ хотѣлъ теперь овладѣть этой дѣвушкой уже не ради одной выгоды: сердце просило этого, его влекло къ ней...

Зельдитцъ довольно ловко не допустилъ Эмми къ матери и сталъ ходить съ нею по дорожкѣ около лужайки передъ домомъ. Дѣвушка охотно пошла, тѣмъ болѣе, что г-жа Мальтэнъ сидѣла тутъ-же, хотя и не могла слышать разговора ихъ.

Баронъ былъ уменъ, а потому легко сообразилъ, что теперь вовсе не у мѣста обнаруживать свою любовь обыкновеннымъ манеромъ, ибо сердце Эмми слишкомъ печально и она, пожалуй, оскорбится намеками о любви... Тутъ нужно было иначе держать себя: быть нѣжно-внимательнымъ, выражать искреннѣйшее участие и даже кстати помалчивать... Это было вѣрнѣе.

Заговоривъ о путешествіи, Зельдитцъ старался соблазнить дѣвушку на поѣздку въ Италію, причемъ повернулъ дѣло такъ, какъ будто-бы сама мамѣ желаетъ этого, но только не рѣшается ей сказать, не хочетъ просить у ней такой жертвы...

Эмми даже испугалась... Какъ! покинуть мѣсто, гдѣ покоится прахъ ея отца?... Но баронъ не далъ ей времени останавливаться на подобныхъ мысляхъ и—рѣчь его полилась. Въ голосѣ звучала мольба, а слова, нѣжныя, мягкія, ласкали слухъ... Онъ просилъ Эмми принести такую жертву ради матери... Вѣдь тутъ чтó ни предметъ — то воспоминаніе!... Грусть, печаль могутъ убійственно повліять на нее... „Поѣзжайте, поѣзжайте! Туда... на югъ!“..

Призадумалась и Эмми, и тоже стала помышлять о путешествіи, а баронъ, каждый разъ, какъ бывалъ у нихъ, запѣвалъ свою пѣсню...

Однако, г-жа Мальтэнъ, прежде чѣмъ окончательно рѣшиться на поѣздку, сочла нужнымъ при первомъ-же случаѣ переговорить объ этомъ съ фрейгерромъ, посоветоваться съ нимъ, такъ какъ въ истинной дружбѣ его она все болѣе и болѣе убѣждалась.

За этимъ дѣло не стало. Сидѣли они втроемъ въ саду (на томъ мѣстѣ, гдѣ особенно любилъ сидѣть покойный), и вотъ г-жа Мальтэнъ сообщила между прочимъ почтенному гостю своему о томъ, что желала-бы предпринять путешествіе (она дѣйствительно желала уже этого)...

„Маленькій фрейгерръ“, повидимому, чрезвычайно удивился, услышавъ такую новость; зоркіе глазки его пытливо посматривали то на мать, то на дочь...

— Это ваша собственная мысль? спросилъ онъ, помолчавъ немного.

— Нѣтъ; вашъ племянникъ думаетъ, что вообще поѣздка за границу благотворно подѣйствуетъ на насъ, отвѣтила Эмми.

— Племянникъ?!

Манштейнъ еще больше удивился...

— А гдѣ-же вы говорили съ нимъ?...

— Да здѣсь... у насъ-же.

— Такъ онъ, значитъ, бываетъ у васъ? обратился фрейгерръ къ г-жѣ Мальтэнъ.

Г-жа Мальтэнъ не могла солгать.

— Конечно, бываетъ, проговорила она... Онъ на второй-же день былъ у насъ; и сколько участія обнаруживаетъ вашъ племянникъ! Визиты его довольно часты... Откровенно говоря, я всегда рада ему.

Старикъ всталъ и, заложивъ руки за спину, принялся ходить взадъ и впередъ въ тѣни дерева, подъ которыми они сидѣли. Онъ нахмурился и глядѣлъ въ землю... Да, его завѣтной мечтой было женить племянника на Эмми, и это такъ еще было недавно!... Но теперь — нѣтъ, этому не бывать! Вѣдь онъ, фрейгерръ, опекунъ этой дѣвушки, а Зельдитцъ запятналъ себя... Эмми не слѣдуетъ отдавать ему своей руки!.. Гм, такъ онъ тутъ часто бываетъ и... и старается не встрѣчаться съ дядей?...

Свѣтлая голова была у старика, онъ все понималъ, сообразилъ сейчасъ-же, какую игру затѣялъ его племянникъ, лишенный наслѣдства... Да, ему очень важно было получить руку Эмми... Ну, тутъ и путешествіе встаетъ... „благотворно подѣйствуетъ“... Такъ, такъ! Онъ поѣдутъ, а онъ съ ними... Гдѣ нибудь въ любви объяснитъ и—дѣло въ шляпѣ... Очень возможно!...

— Нѣтъ, ѣхать вамъ не слѣдуетъ, проговорилъ фрейгерръ, будучи уже не въ силахъ скрывать волненія,— подождите еще... пока нельзя.

— Почему-же нельзя? спросила г-жа Мальтэнъ.

Манштейнъ молчалъ... Онъ затруднялся отвѣтить на этотъ вопросъ. Кромѣ нотариуса, никто еще не зналъ о причинѣ разрыва его съ Зельдитцемъ... Неужели-же самому фрейгерру рассказывать еще о поступкѣ племянника въ г. М*, о томъ, какъ сынъ родной его сестры низко упалъ?... У него языкъ не поворачивался...

— Вы, кажется, сердитесь за что-то на вашего племянника, заговорила вдова,—но вѣдь я знаю—сердце у васъ предоброе! Вы помиритеcь съ нимъ, не правда-ли?... Какъ-бы я искренно была рада, если-бы мнѣ удалось примирить васъ!...

— Но какимъ образомъ узнали вы, что я на него сержусь? спросилъ старикъ.

— Онъ самъ рассказалъ намъ объ этомъ.

— Ну, а сказалъ-ли онъ вамъ, за чтó именно?

— Нѣтъ, онъ сказалъ только, что изъ-за бездѣлицы...

Манштейнъ высоко поднялъ голову и такъ вспыхнулъ, что даже лобъ его покраснѣлъ, а губы задрожали... Какъ! Зельдитцъ и теперь еще смѣетъ называть „бездѣлицей“ тó, чтó дядя его считаетъ безчестнымъ дѣломъ?...

— Изъ-за бездѣлицы?...

Голосъ „маленькаго фрейгерра“ рѣзко зазвучалъ, и въ голосѣ этомъ слышалось сильное ожесточеніе, такъ что о примиреніи нечего было и думать...

— Такъ онъ дерзнулъ называть пустяками тó, что понудило меня лишить его наслѣдства? Да вѣдь поступокъ его такого сорта, что я никогда не примирюсь съ нимъ! Сойтись снова намъ уже невозможно!...

И мать, и дочь—обѣ поблѣднѣли...

— Да чтó такое случилось? воскликнула г-жа Мальтэнъ въ испугѣ.

Манштейнъ спохватился, раскаялся въ своей горячности, но уже было поздно: сорвалось, вылетѣло слово—не воротись! Онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы охладиться, поуспокоиться...

— Хорошо, я вамъ все расскажу, но только не сегодня, проговорилъ старикъ.—Могу васъ увѣрить, что не бездѣлица принудила меня поступить такъ съ нимъ... Вѣдь онъ—сынъ сестры моей; болѣе близкаго родственника у меня и не было! Давнишнимъ желаніемъ моимъ, единственною, можно сказать, мыслью — было сдѣлать его наслѣдникомъ всего моего имущества... А теперь—теперь не только дверь дома навсегда закрыта для него, но и къ сердцу моему нѣтъ для него доступа... Я заперъ и тó, и другое! Онъ и сюда не долженъ больше являться, не долженъ, потому что положительно не стѣдить теперь этого, не заслуживаетъ вашей дружбы!...

— Ахъ, любезный Манштейнъ, воскликнула г-жа Мальтэнъ, но я не могу-же указать ему на дверь!.. Конечно, вы знаете, что я не сомнѣваюсь... вѣрю вамъ, но... не понимаю, не знаю, чтó вышло между вами?...

— Хорошо-съ, я ужъ самъ позабочусь о томъ, чтобы онъ сюда больше ни ногой... А, да вотъ и самъ онъ!

Зельдитцъ, обойдя сосѣдній кустарникъ, шелъ прямо къ нимъ, но, замѣтивъ дядю, въ удивленіи приостановился... Встрѣча эта, повидимому, была ему весьма неприятна... Фрейгерръ быстро пошелъ къ племяннику.

— Я долженъ попросить тебя уѣхать отсюда сейчасъ-же и никогда больше не являться сюда, произнесъ онъ твердымъ, покойнымъ тономъ.

Черногорка. Рис. Ярославъ Чермакъ, грав. Столяръ.

Баронъ плотно сжалъ губы и спокойно глядѣлъ на дядю—на „человѣка“, стоящаго передъ нимъ; однако, видно было по глазамъ его, что отъ сильнаго гнѣва, злости, кровь въ немъ кипѣла.

— Ты, кажется, забываешь, что тутъ *не твои* владѣнія, забываешь, что *не ты*, а г-жа Мальтэнъ можетъ здѣсь приказывать! возразилъ онъ съ насмѣшливой улыбкой, и прибавилъ:—Да кромѣ того, замѣчу: я не привыкъ, чтобы мнѣ приказывали, а слова твои что-то смахиваютъ на приказаніе!...

Маннштейнъ выпрямился; глазки его засверкали... Зельдитцъ противорѣчилъ ему—это еще сильнѣе раздражило старика, однако онъ, все-таки, сдержалъ себя.

— Ну, я едва-ли думаю, чтобы ты осмѣлился не повиноваться мнѣ, послушаться моего *приказанія*... Ты самъ знаешь очень хорошо, что имѣешь довольно-таки причину не ожесточать меня сильнѣе, чтобы не доводить до крайности...

Баронъ полупрезрительно пожалъ плечами.

— Я стану дѣлать то, что мнѣ угодно, отвѣтилъ онъ,—ну, а будетъ-ли это соответствовать твоимъ желаніямъ—для меня это все равно!... Вѣдь ты отрелся отъ меня—слѣдовательно, глупо было-бы съ моей стороны, если-бы я сталъ теперь стѣсняться?...

— Вотъ какъ! воскликнулъ фрейгерръ и прищурилъ глаза... Такъ ты смѣешь еще сопротивляться мнѣ?...

Онъ близко придвинулся къ Зельдитцу и сказалъ ему что-то тихимъ, глухимъ голосомъ...

Баронъ въ ужасѣ отскочилъ; лицо его поблѣднѣло; онъ не спускалъ глазъ съ дяди... Губы его подергивались, какъ будто онъ хотѣлъ возразить, но языкъ ему не повиновался...

— Это—неправда... требую доказательствъ! воскликнулъ онъ наконецъ.

— Подлый человѣкъ! Говорю — не доводи меня до крайности! произнесъ фрейгерръ въ волненіи.

Зельдитцъ поспѣшно удалился, даже не поклонившись г-жѣ Мальтэнъ и Эмми, а Маннштейнъ вернулся къ нимъ. Онѣ какъ-то боязливо смотрѣли на него... У нихъ духу не хватало обратиться къ нему съ разспросами.

— Я обязанъ объяснить вамъ все это — и сейчасъ объясню, заговорилъ онъ самъ. Голосъ его слегка дрожалъ, что показывало, какъ сильно онъ былъ разстроены... Затѣмъ старикъ рассказалъ имъ о пари Зельдитца, о томъ, что было послѣ этого пари, и какое именно условіе предложилъ онъ, фрейгерръ, барону, который отвѣтилъ ему упрямствомъ...

— Поступокъ его я считаю безчестнымъ, прибавилъ въ заключеніе Маннштейнъ, — наслѣдства-же лишилъ его потому, что онъ не могъ рѣшиться искупить своего грѣха, заглядитъ вину... Теперь, судите сами: слишкомъ-ли жестоко наказалъ я его?...

Г-жа Мальтэнъ отрицательно покачала головой и сказала:

— Мой мужъ поступилъ-бы точно также...

— Еще-бы, вѣдь онъ зналъ что такое честь!.. А тотъ, кто способенъ такъ преступно играть сердцемъ... любовью молодой дѣвушки—тотъ и на другое что способенъ!...

Эмми молча встала и удалилась. Блѣдность ея поразила фрейгерра; онъ глядѣлъ вслѣдъ дѣвушки, и какое-то мучительное чувство щемило ему сердце... Неужели и она равнодушна къ Зельдитцу?... Онъ не рѣшился спросить объ этомъ вдову, но когда глаза ихъ встрѣтились — они сразу поняли другъ друга, и г-жа Мальтэнъ, протянувъ ему руку, проговорила:

— Благодарю васъ! Вы во время сказали мнѣ объ этомъ...

— Это было моею обязанностью, отвѣтилъ фрейгерръ. Пока я буду опекуномъ Эмми, я стану заботиться о ней такъ, какъ если-бы она была родною моею дочерью.

Вѣдь и вы, и я—оба стремимся къ тому, чтобы сдѣлать ее счастливою, и я надѣюсь, что относительно этого мы никогда не разойдемся въ мысляхъ!...

Маннштейнъ пѣшкомъ пришелъ въ усадьбу Мальтэна, но вернуться пѣшкомъ домой онъ не пожелалъ, а потому приказалъ осѣдлать себѣ лошадь покойнаго своего друга и сказалъ конюху, чтобы тотъ былъ готовъ сопутствовать ему.

— Я беру тебя затѣмъ, чтобы ты сейчасъ-же, какъ я приѣду, взялъ эту лошадь обратно, пояснилъ онъ конюху.

У фрейгерра, конечно, была тутъ другая причина. Когда Зельдитцъ долженъ былъ удалиться изъ сада, то, прежде чѣмъ повернуться къ дядѣ спиной, онъ бросилъ на него свирѣпый, угрожающій взглядъ, полный ненависти... Старикъ хотя и былъ не изъ трусливыхъ, однако вовсе не имѣлъ желанія встрѣтиться съ племянникомъ гдѣ нибудь одинъ на одинъ, потому что онъ зналъ, какая горячая, буйная кровь текла въ жилахъ барона

Доѣхавъ съ конюхомъ до опушки лѣса, „маленькій фрейгерръ“ пришпорилъ коня и помчался впередъ. Дорога шла теперь лѣсомъ. Онъ скакалъ такимъ молодцомъ, что никто-бы и не подумалъ при взглядѣ на старичка Маннштейна, что онъ такой лихой наѣздникъ...

Фрейгерръ почти не глядѣлъ впередъ; его зоркіе глаза всматривались только въ придорожный кустарникъ... Вдругъ онъ слегка вздрогнулъ: ему показалось, что изъ-за дерева выглянула голова... Онъ видѣлъ, какъ сверкнули *знакомые* ему глаза, горящіе злобою, ожесточенные... Сильно ударивъ шпорами лошадь, Маннштейнъ пролетѣлъ мимо этого мѣста и—глубокой вздохъ облегчилъ его грудь... Почудилось-ли это ему, такъ какъ онъ ѣхалъ лѣсомъ и были уже сумерки, или и въ самомъ дѣлѣ тамъ, за деревомъ, онъ видѣлъ лицо племянника?... Фрейгерръ и самъ этого не зналъ... Конюхъ едва поспѣвалъ за нимъ.

Не доѣзжая вплотъ до своей усадьбы, Маннштейнъ остановился, слѣзъ съ лошади и передалъ ее конюху.

— Ну, поѣзжай теперь, сказалъ онъ ему отрывисто:—мнѣ хотѣлось видѣть, какъ обѣ лошади эти бѣгутъ... Ничего, кони добрые! Смотри-же, не гони ихъ очень-то: они и такъ разгорячились...

Онъ далъ конюху на чай и пошелъ быстрымъ шагомъ къ своему дому... Неужели тамъ, въ лѣсу, за деревомъ стоялъ баронъ?... Эта мысль не покидала его, и фрейгерръ, сидя на верандѣ, поглядывалъ на потемнѣвшій садъ... Что-жъ, развѣ и тутъ не могутъ изъ-за какого нибудь куста сверкнуть *ты* глаза?... Онъ вообще никогда не давалъ разгуляться своей фантазіи, но теперь не могъ какъ-то сдержатъ ее... Мрачныя картины вставали передъ нимъ одна за другой, и „маленькій фрейгерръ“ невольнo всматривался въ нихъ, будучи не въ силахъ остановить игру воображенія... Наконецъ, чтобы избавиться отъ такой пытки, онъ ранѣе обыкновеннаго отправился спать, убѣдившись предварительно, что двери и окна хорошо заперты.

На другой день (было еще довольно рано) въ усадьбу Маннштейна явился слѣдователь Питтъ. Фрейгерръ слегка вздрогнулъ, увидѣвъ его, однако-же встрѣтилъ чиновника какъ слѣдуетъ любезно.

— Я обѣщался уведомить васъ о ходѣ дѣла, насколько обязанности службы дозволяютъ мнѣ это, заговорилъ Питтъ.

— Открыли вы убійцу Мальтэна? спросилъ старикъ, придвигая стулъ и приглашая слѣдователя садиться.

„Маленькій фрейгерръ“ выполнилъ эту любезность какъ-то торопливо, какъ будто хотѣлъ скрыть отъ гостя свое безпокойство.

— Нѣтъ еще. Преступленіе, содѣянное въ этомъ домѣ, надѣлало мнѣ много хлопотъ, но до сихъ поръ всѣ усилія мои тщетны, труды—напрасны... Что не рабочіе

совершили это убийство—это почти уже доказано. Бартэльсъ арестованъ... Но показанія его совершенно тождественны съ показаніями Ланггофа. Дѣйствительно, въ ту ночь онъ былъ здѣсь въ саду, желая удостовѣриться, сидить-ли еще у васъ г. Мальтэнъ, но, увидѣвъ, что во всемъ домѣ было темно — сейчасъ-же вернулся къ товарищамъ. По согласному показанію всѣхъ остальныхъ арестантовъ—это было почти за два часа до выстрѣла, слѣдовательно—около полуночи. Бартэльсъ не отрицается, что при немъ былъ пистолетъ, но онъ взялъ его съ цѣлью только пострадать Мальтэна... Объ убійствѣ онъ и не думалъ. Этотъ самый пистолетъ я нашелъ въ соломѣ, на которой спитъ Бартэльсъ... Но пуля, поразившая Мальтэна, вылетѣла не изъ этого пистолета, что я сейчасъ-же и увидѣлъ.

Манштейнъ все это выслушалъ молча, только глаза его какъ-то безпокойно, нетерпѣливо блуждали по комнатѣ.

— Я дѣлалъ розыски повсюду, однако мнѣ, все-таки, не удалось напасть на вѣрный слѣдъ, снова заговорилъ слѣдователь... Можетъ быть, вы теперь кого нибудь дозрѣваете?

— Нѣтъ, отвѣтилъ фрейгерръ.

— Значитъ, и вы не открыли никакихъ слѣдовъ?... А вѣдь я знаю—глазъ у васъ зоркій...

— Никакихъ.

— Но, позвольте, г. фрейгерръ, я вѣдь разсмотрѣлъ всевозможные случаи!... Коль скоро мнѣ задаютъ такую задачу, то я до тѣхъ поръ не могу успокоиться, пока не разрѣшу ее... И вотъ, я пришелъ къ тому убѣжденію, что тутъ возможны только два случая...

Питтъ пріостановился.

— Какіе-же? Говорите, пожалуйста...

— Или г. Мальтэнъ самъ лишилъ себя жизни—

— Нѣтъ, нѣтъ! Это невысказано! подхватилъ Манштейнъ! А если-бы было такъ, то вѣдь нашлось-бы здѣсь то оружіе, которымъ онъ лишилъ себя жизни!...

— Положимъ, но... рука друга развѣ не могла прибрать пистолета, съ цѣлью избавить семейство покойнаго отъ огорченія... стыда?...

— Я первый, послѣ выстрѣла, вошелъ въ спальню! воскликнулъ „маленькій фрейгерръ“.

— Нисколько не сомнѣваюсь! Мальтэнъ былъ вашимъ другомъ, а вы, послѣ смерти его, достаточно хорошо доказали, какую дружбу питаете къ женѣ и дочери покойнаго... Чтѣ-жъ, спрятавъ оружіе, вы, конечно, поступили такъ по причинамъ вполне похвальнымъ, по благородному побужденію...

Манштейнъ прямо взглянулъ въ глаза Питта и произнесъ:

— Нѣтъ, ничего я не пряталъ. Подумайте сами: Мальтэнъ былъ богатъ, любимъ всѣми, счастливъ въ своей

семьѣ, нравъ у него былъ веселый, никакихъ причинъ жаловаться на судьбу у него не было—и вдругъ лишать себя жизни?!.. Да зачѣмъ-же?... Нѣтъ, этого онъ не могъ сдѣлать!...

— Все это и я узналъ, сказалъ Питтъ... Да, дѣйствительно, у г. Мальтэна не было ни малѣйшей причины разставаться съ жизнью; и едва-ли можно предположить, чтобы онъ сдѣлалъ это въ припадкѣ умопомѣшательства... внезапно, такъ какъ ни съ однимъ изъ его предковъ ничего подобнаго не случалось. И такъ, остается остановиться на послѣднемъ *возможномъ* случаѣ...

— На какомъ-же именно?

— Пуля была предназначена не г-ну Мальтэну, а вамъ! Фрейгерръ вздрогнулъ, поблѣднѣлъ и устремилъ неподвижный взглядъ на слѣдователя.

— Нѣтъ... нѣтъ! проговорилъ онъ потомъ.

— Позвольте, чтѣ-жъ тутъ неправдоподобнаго? Отчего-же не предположить этого? Другъ вашъ, какъ вы мнѣ сами сообщили, пріѣхалъ къ вамъ уже подъ вечеръ; намѣренія у него не было заночевать у васъ, но вы его уговорили остаться и даже отдали ему свою комнату, въ которой была ваша постель... Убійца ничего не зналъ объ этомъ... Ну-съ, пробрался онъ въ вашу спальню... Ночь, темно... Онъ былъ увѣренъ, что стрѣляетъ въ васъ, а на самомъ дѣлѣ убилъ г. Мальтэна!...

— Быть этого не можетъ! почти крикнулъ фрейгерръ и, вскочивъ, принялся ходить по комнатѣ. Онъ былъ встревоженъ...

— Я очень хорошо понимаю, что такая мысль не можетъ не быть для васъ мучительно - неприятной, успокоительнымъ тономъ произнесъ Питтъ:—Мальтэнъ погибъ, такъ сказать, *за васъ*, невольно пожертвовалъ вамъ собой, но вѣдь вы не можете-же упрекнуть тутъ себя, потому что—само собой разумѣется—вы и подозрѣвать не могли этого!... Взгляните лучше на все это, какъ на проявленіе высшей воли: Провидѣнію угодно было сохранить вашу жизнь!...

Манштейнъ продолжалъ молча ходить.

— Чтѣ-жъ, и теперь ни на кого—ни малѣйшаго дозрѣнія? спросилъ слѣдователь.

— Нѣтъ... Да быть этого не можетъ! опять крикнулъ старикъ, остановившись передъ Питтомъ.—Послушайте, вы... прошу васъ, не говорите никому о подобномъ предположеніи! Если г-жа Мальтэнъ узнаетъ это, то какъ она будетъ смотрѣть на меня?... Она поневолѣ, хотя-бы втайнѣ, въ душѣ — упрекнетъ меня... „Вѣдь черезъ тебя, по твоей милости, погубь мой мужъ!“ Эта мысль не оставитъ ее во вѣки вѣковъ!... „Ты самъ привелъ его въ эту комнату, ты уложилъ его въ свою постель“—скажетъ она... Нѣтъ, пожалѣйте несчастную женщину! Зачѣмъ увеличивать ея страданія?...

(Продолженіе будетъ).

ЧЕРНОГОРКА.

(Картина Ярослава Чермака).

Помѣщая въ настоящемъ номерѣ нашего журнала снимокъ съ картины Чермака «Черногорка», считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ вообще о женщинахъ Черногорки. Черногорки роста небольшого, не отличаются особенною стройностью и на видъ старообразны, т. е. кажутся старѣ своихъ лѣтъ. Впрочемъ, доля-то ихъ не изъ завидныхъ: еще у отца, дѣвочкой—черногорка работаетъ съ утра чуть-ли не до ночи—и въ полѣ, и дома, какъ батрачка. По выходѣ замужъ — тотъ же трудъ, тѣ же заботы, да еще съ прибавкою материнскихъ обязанностей, исполнять которыя не такъ-то легко, если относиться къ нимъ добросовѣстно. Замужняя черногорка и стряпаетъ, и шьетъ, и чинитъ, словомъ—хозяйничаетъ направо и налево; мало этого — единственно на ея отвѣтственности лежитъ прокормленіе всей семьи въ продолженіи цѣлаго года. Черногорцы, т. е. *непрекрасный* полкъ, находятъ для себя позорнымъ дѣломъ заниматься вообще хозяйствомъ, даже считаютъ за постыдное выучиться какому-нибудь ремеслу. «Ну, этимъ пусть

занимаются цыгане! Это имъ подѣ-стать!» говоритъ черногорецъ и, не желая быть похожимъ на ремесленника-цыгана, обращаетъ жену свою въ невольницу, батрачку, почти въ рабочее животное. А если у него есть взрослая дочь—онъ и ее превращаетъ въ *цыгана*... Какая темная, безотрадная жизнь черногорки! подумаете вы и прибавите: и терпѣливы же онѣ, должно быть; скромны, невозмутимы! Да, правда, жизнь ихъ не красива, однако и у нихъ есть свѣтлые дни, и на ихъ «улицѣ» бываетъ праздникъ—это именно тогда, когда мужъ или сынъ отличился на войнѣ и возвратился домой съ побѣдными лаврами. Какъ хорошо тогда на душѣ черногорки! Вся она сіяетъ тогда, выпрямляется, молодѣетъ, начинаетъ даже горделиво поглядывать—откуда что берется! И странное дѣло: тутъ ей оказываютъ любезности, знаки уваженія, окружаютъ почетомъ, словомъ—относятся къ женщинѣ «по-европейски». Еще вчера она была унижена, должна была *целовать край одежды и руку* у перваго встрѣчнаго знакомаго мужчины; а теперь, сегодня—о, она

жена героя, храброго воина! «Прочь съ дороги! Кланяйтесь мнѣ!»... И ей даютъ дорогу не только женщины, но и мужчины, которые даже *проче* кланяются, обнаруживая глубочайшее свое уваженіе.

Такую чудесную переѣму въ обращеніи съ женщиной нѣкоторые думаютъ объяснить инстинктомъ черногорца, признающаго громадное влияніе (?) женщины даже въ дѣлѣ военной доблести. Такое объясненіе никуда не годно, ибо, если бы черногорецъ признавалъ, даже инстинктомъ (?), громадность влияния женщины вообще, то развѣ сталъ бы онъ такъ по-скотски поступать съ нею? И развѣ могъ бы онъ ожидать «громаднаго

влиянія» даже въ дѣлѣ военной доблести отъ существа униженнаго, жалкаго, палующаго руку у перваго встрѣчнаго знакома? Тутъ дѣло проще: черногорецъ, кланяясь женѣ или матери храбреца, тонкимъ манеромъ кланяется *своей персонѣ*... А въдъ это—всобщая слабость, также точно поклоняются себѣ и янки, и франгузы, и берлинскій нѣмецъ.

Не смотря на приверженность черногорки—она храбра и энергична. Такъ, если вражья пуля свалитъ ея мужа, а у нея нѣтъ ни брата, ни другаго родственника, который могъ бы явиться мстителемъ—она беретъ саблю, заряжаетъ ружье и устремляется туда, гдѣ земляки ея бьются съ турками...

НА ВѢЧНУЮ РАЗЛУКУ.

Бѣдность, нужда, несчастье, обманутая любовь, стыдъ, страхъ (въ рѣдкихъ случаяхъ безсердечіе) вынуждаютъ матерей отдавать своихъ младенцевъ въ воспитательный домъ. Дѣвушка, совершившая извѣстный проступокъ, разставаясь съ «вещественнымъ доказательствомъ» вины своей, какъ-бы освобождаетъ себя отъ грѣха, думая предать его забвенію въ стѣнахъ дома, принявшаго ея младенца. Конечно, такого рода разлука лучше другой—дѣтубійства, однакоже и она не заслуживаетъ поощренія, а тѣмъ болѣе—похвалы матери, потому что неповинный ни въ чемъ ребенокъ лишается родной кормилицы, а нѣрѣдко и жизни.

Картинка, помѣщенная въ настоящемъ № нашего журнала, кажется, не требуетъ поясненія... Мать (можетъ быть, она дѣвушка, можетъ быть—замужняя, это все равно) оставляетъ своего ребенка на произволъ судьбы... Сердце ея обливается кровью, она испытываетъ страшную муку и, однако-же, *должна* торопиться уходить!... Зачѣмъ-же она покидаетъ младенца, если эта разлука такъ тяжела ей? Отчего она предпочла воспитательному дому—ступеньку дѣтницы? Въмѣсто отвѣта—просимъ обратить вниманіе на костюмъ этой женщины: не эффектенъ ея нарядъ...

КАРЛЬ ЭРНЕСТЪ БОКЪ.

Имя покойнаго профессора-врача слишкомъ хорошо извѣстно русской публикѣ по сочиненіямъ: «О здоровомъ и больномъ человѣкѣ» и «Будьте здоровы!», выдержавшимъ нѣсколько изданій, чтобы оно нуждалось въ зарекомендованіи.

Карль Эрнестъ Бокъ одинъ изъ рѣдкихъ ученыхъ, счумѣвшій въ самой простой и популярной формѣ ознакомить публику съ одною изъ самыхъ полезныхъ, но считавшихся недоступною для нея наукъ—*медициной*. Умаливъ въ глазахъ публики авторитетъ такъ-называемой *лечебной* медицины (остроумными и ѣдкими пападками на врачей рецепто-писателей), Бокъ въ тоже время внушаетъ своимъ читателямъ полное уваженіе къ *медицинѣ охраняющей*—къ гигиенѣ. Принципы, на которомъ основывалась вся ученая пропаганда покойнаго проф. Бока, выражень имъ въ первой строкѣ его книги «О здоровомъ и больномъ человѣкѣ» слѣдующими словами: «*чораздо легче сохранить чистоту организма, нежели возстановить его, когда онъ разстроился*».

Мы думаемъ, что свѣдѣнія о жизни этого замѣчательнаго человека, очерпнутыя нами изъ его краткой автобіографіи и біографической замѣтки, напечатанныхъ въ «Gartenlaube» за настоящій годъ, будутъ не безинтересны для нашихъ читателей.

«Я родился въ Лейпцигѣ 21-го февраля (по новому стилю) 1809 года. Такъ какъ отецъ мой былъ прозекторомъ въ Лейпцигскомъ анатомическомъ театрѣ, то я еще въ ранней молодости былъ имъ посвященъ въ тайны практической анатоміи человека. Будучи свидѣтелемъ многочисленныхъ ампутацій, сдѣланныхъ въ госпиталѣ послѣ лейпцигскаго сраженія, я съ тѣхъ поръ получилъ охоту къ оперативной хирургіи. Отъ 1827 до 1830 года я изучалъ медицину и хирургію въ Лейпцигскомъ университетѣ, по окончаніи котораго принялъ мѣсто ассистента у одного очень искуснаго и имѣвшаго большую практику оператора, а также мѣсто хирурга въ одной изъ городскихъ больницъ.

Когда въ 1830 году поляки потребовали врачей для своей арміи, я, выдержавъ предварительно докторскій экзаменъ въ Лейпцигѣ, отправился въ началѣ 1831 года въ Варшаву, гдѣ получилъ, въ качествѣ такъ-называемаго штабнаго врача, отдѣленіе для внутреннихъ и паружныхъ болѣзней въ одномъ изъ обширѣйшихъ госпиталей. Такимъ образомъ я имѣлъ случай достаточно изучить холеру, тифъ, разнаго рода воспаленія и пораненія, равно какъ и продолжать многочисленныя операціи. Послѣ взятія Варшавы русскими, я служилъ у послѣднихъ нѣкоторое время, тоже въ чинѣ штабнаго врача, а въ концѣ 1831 года возвратился въ Лейпцигъ. Здѣсь я счумѣлъ доказать свою способность какъ приватъ-доцентъ и практическій врачъ; но очень скоро меня поразило несчастье: умеръ мой отецъ, оставивъ кромѣ матери и меня еще четверо дѣтей, изъ которыхъ большая часть была еще не воспитана и совершенно безъ средствъ. Это обстоятельство, возложившее на меня обязанности опекуна и воспитателя малолѣтнихъ сиротъ, главнымъ образомъ, и толкнуло меня на академическое и, къ сожалѣнію, также и на литературное поприще. То, что я уже на двадцать четвертомъ году своей жизни долженъ былъ принять на себя тяжелыя обязанности попечителя большаго семейства и быть въ состояніи исполнить эти обязанности, благодаря многочисленнымъ репетиціямъ и литературнымъ работамъ—говорить въ пользу доста-

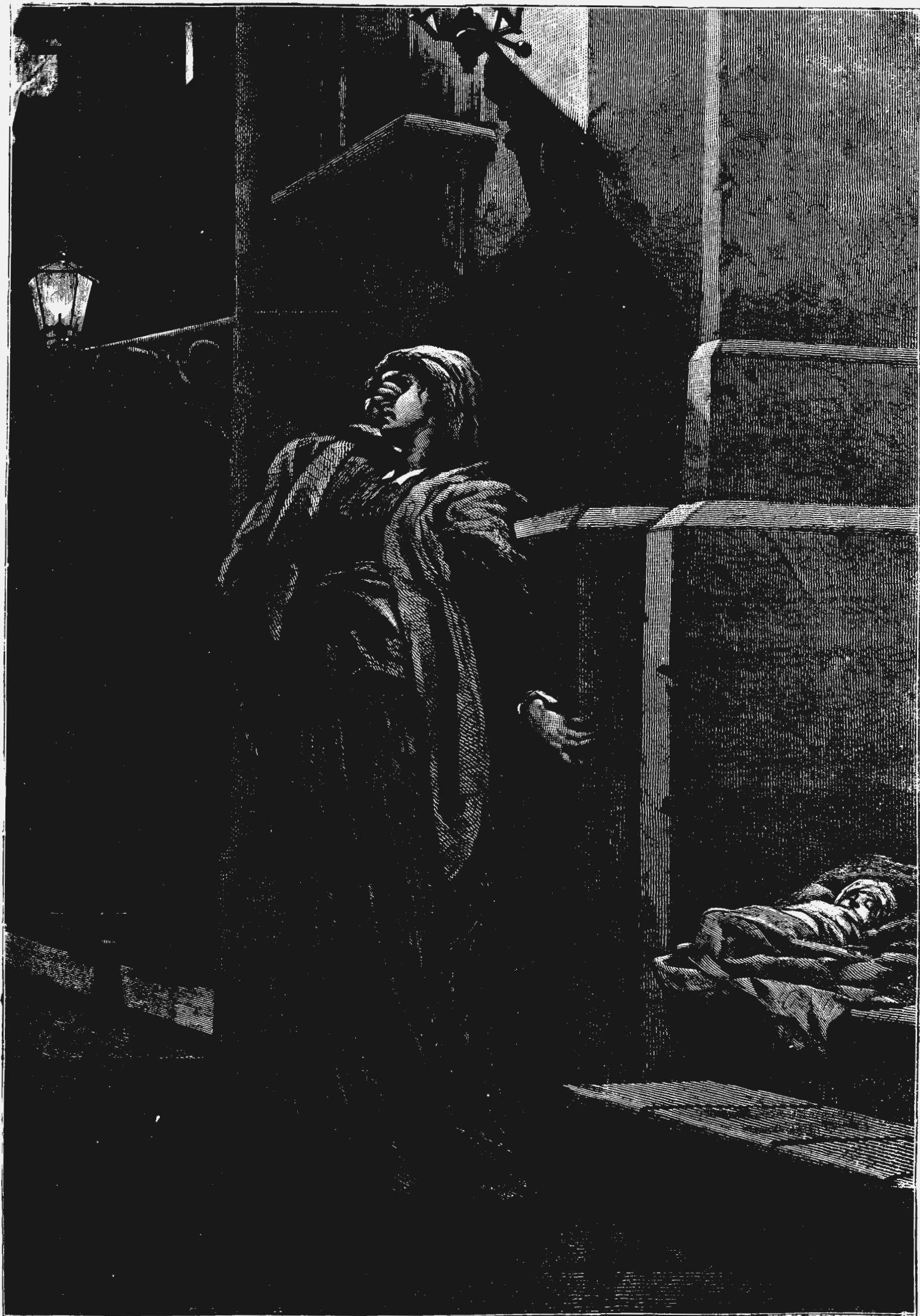
точно развитаго уже тогда во мнѣ сознанія своихъ силъ. Но само собою разумѣется, что у меня не хватало ни времени, ни денежныхъ средствъ на то, чтобы я могъ дѣлать какія-либо научныя изысканія и такимъ путемъ завоевать себѣ мѣсто въ наукѣ. Ибо я не былъ о себѣ настолько высокаго мнѣнія, чтобы воображать, что составленные мною, изъ заботы о насущномъ хлѣбѣ, руководства по анатоміи (полный и карманный учебникъ анатоміи, анатомическій атласъ),—хотя они въ короткое время выдержали четыре изданія, оказались весьма пригодными для изученія анатоміи и переведены на многіе языки,—дали мнѣ нѣмъ въ ряду извѣстныхъ ученыхъ. Не владая въ хвастовство, я могу сказать о себѣ то лишь, что, вслѣдствіе многолѣтнихъ репетированій съ учащимися, я приобрѣлъ способность хорошаго преподавателя.

Даже когда мнѣ въ 1839 году дали кафедру экстраординарнаго профессора медицины (на первыхъ порахъ безъ жалованья, а потомъ съ незначительнымъ окладомъ), это давало мнѣ лишь возможность продолжать свое собственное научное развитіе и содержать увеличившееся, вслѣдствіе вступленія моего въ бракъ, семейство.

Такимъ образомъ я работалъ, репетиторствуя и литературствуя, въ постоянной заботѣ и нуждѣ, тихо и терпѣливо до 1845 года, какъ вдругъ моему спокойствію и терпѣнью нанесенъ былъ жестокій ударъ: мнѣ хотѣли отказать въ мѣстѣ, которое давно было мнѣ предложено и обѣщано, и къ которому я подготовился весьма усердно; хотѣли отказать безо всякихъ поясненій причинъ—ради какого-то юнаго фаворита.

Я, правда, добился мѣста, но лишь послѣ преодоленія различныхъ препятствій, причемъ, конечно, бывалъ вынужденъ не разъ согрѣшить противъ правилъ приличія и вѣжливости. Въ Вѣнѣ и Прагѣ я старался настолько усовершенствоваться какъ въ патологической анатоміи, такъ и въ діагностикѣ, что мнѣ нечего было совѣститься выступить въ Лейпцигѣ преподавателемъ упомянутыхъ двухъ отраслей медицины, чему, во всякомъ случаѣ, могутъ служить доказательствомъ мои сочиненія по этимъ отраслямъ.

При посѣщеніи названныхъ австрійскихъ университетовъ и госпиталей я увидѣлъ только, насколько мы тогда отстали въ Лейпцигѣ въ отношеніи практической медицины и, разъ выведенный изъ моего скромнаго покоя, я дерзнулъ, вопреки всякимъ враждебнымъ преслѣдованіямъ и подозрѣніямъ, вопреки угрозамъ удалить меня изъ университета и вопреки значительнымъ денежнымъ жертвамъ по части печатанія брошюръ, еще до наступленія весны выступить если не реформаторомъ медицины, то по крайней мѣрѣ передовымъ бойцомъ за ея новѣйшее направленіе; при этомъ я однако нисколько не думалъ приобрести себѣ чрезъ это лучшее положеніе. И мнѣ удалось не только завоевать мѣсто физиологической медицинѣ, но и содѣйствовать вызову въ Лейпцигъ Оппольцера на должность профессора и главнаго врача городской больницы. Послѣ всего этого я хотя и успокоился, но матеріальное положеніе мое нисколько не улучшилось и я теперь такъ же мало, какъ и прежде, могъ жить и работать для одной науки и долженъ былъ отъ друга и недруга постоянно слышать одно и то же, что я, «при всей полезности моихъ реформаторскихъ стремленій, не долженъ былъ бы быть столь грубымъ и не долженъ былъ бы выбросить, вмѣ-

На вѣчную разлуку. Рис. Андриолли, грав. Шюблеръ. Библиотека "Руниверс"

стѣ съ купелью, ребенка». Какъ будто ракъ можно вылечить розовой водой!

Живя съ Опольцеромъ въ весьма дружескихъ отношеніяхъ, я не разъ занималъ его мѣсто въ его отсутствіе, руководилъ во время обихъ холерныхъ эпидемій леченіемъ больныхъ въ госпиталѣ, и, послѣ отозванія Опольцера въ Вѣну, былъ назначенъ городскою думою исправляющимъ должность старшаго врача при городской больницѣ. Тогда-то я взялся читать клиническія лекціи, держась строго-физиологической почвы, причемъ сообщалъ студентамъ свои наблюденія, сдѣланныя въ Варшавскомъ госпиталѣ, надъ цѣлительными процессами природы при болѣзняхъ, и показывалъ, какъ наибольшая часть болѣзней излечивается и безъ рекомендуемыхъ противъ нихъ лекарствъ, а при одномъ только надлежащемъ дѣтетическомъ содержаніи больного.

Съ передачею клинической кафедры Вундерлиху я, само собою разумѣется, снова удаленъ былъ отъ практики въ госпиталѣ и обреченъ на преподаваніе патологической анатоміи (со вскрытіями и физическою діагностикою), тѣмъ не менѣе однако частная и консультаціонная практика отнюдь не давали мнѣ сдѣлаться чистымъ теоретикомъ, что дало поводъ нѣкоторымъ изъ моихъ со товарищей говорить обо мнѣ: «Онъ хорошей діагностъ, но плохой терапевтъ». О научныхъ открытіяхъ, требующихъ много времени, при моихъ денежныхъ обстоятельствахъ, все еще не могло быть и рѣчи, такъ какъ при гигантскихъ успѣхахъ медицинныя и естественныя науки, а равно при дороговизнѣ жизни въ Лейпцигѣ, много нужно было, чтобы удержатъ за собою приличное мѣсто въ наукѣ и гражданской жизни. Наблюденія же, сдѣланныя мною въ продолженіи многихъ лѣтъ при секціонномъ столѣ и при постели больныхъ и изложенныя мною въ моемъ учебникѣ діагностики, въ виду моихъ прежнихъ компиляторскихъ работъ, совершенно игнорируются или презираются даже такими господами, которые, право, не имѣютъ къ тому осяванія, хотя бы они даже считали себя героями въ наукѣ. Ибо въ наше время смсгрять какъ на нѣчто порядочное на всякаго, кто съ помощью микроскопа открылъ новую клѣтку и т. п. или умѣетъ импонировать дуракамъ фразами: «да, это такъ» или «да, я это часто наблюдаю». Принести пользу человѣчеству научными открытіями, какъ я уже сказалъ, мѣшали мнѣ и теперь еще мѣшаютъ мои матеріальныя обстоятельства. Я поэтому направилъ все свои стремленія къ тому, чтобы, въ качествѣ учителя не однихъ только студентовъ, но и профановъ, по мѣрѣ силъ и возможности принести пользу устнымъ и печатнымъ словомъ; ибо я глубоко увѣренъ въ томъ, что и въ будущемъ болѣзни не будутъ излечиваться успѣшнѣе, чѣмъ теперь, и всего менѣе посредствомъ лекарствъ. За то онѣ могутъ быть предотвращены посредствомъ соответственнаго природѣ образа жизни. Я былъ и теперь убѣжденъ въ томъ, что ознакомленіемъ народа (преимущественно молодежи, чрезъ посредство матерей и наставниковъ) съ природою и устройствомъ человѣческаго тѣла, можно создать человѣческое поколѣніе, болѣе разумное и болѣе энергичное, менѣе суевѣрное и болѣе нравственное, болѣе крѣпкое,—словомъ, поколѣніе болѣе счастливое, нежели теперешнее.

Такимъ-то образомъ, при моемъ сангвинико-холерическомъ темпераментѣ, благодаря обстоятельствамъ жизни, я сдѣлался человѣкомъ довольно энергичнымъ (по словамъ иныхъ «упорнымъ»), самостоятельнымъ, враждебнымъ всякой лести (по отзывамъ нѣкоторыхъ «грубымъ и невнимательнымъ»), умѣреннно-честолюбивымъ и безкорыстнымъ,—человѣкомъ, который не такъ легко давалъ себѣ импонировать и напугать себя и котораго все стремленіе было направлено къ тому, чтобы путемъ просвѣщенія и обученія нѣсколько содѣйствовать улучшенію и увеличенію благосостоянія человѣческаго рода, а самого себя, насколько это еще возможно, воспитать къ истинной гуманности.

Конечно, я понимаю подъ истинною гуманностью отнюдь не терпѣливость и самоотверженіе во всякомъ дѣлѣ, но разумное и дѣйствительно полезное человѣколюбіе безъ болѣзненной сантиментальности.—Что я не имѣю мѣста между научными изслѣдователями, это я знаю; все-таки нѣсколько извѣстенъ я и полезенъ и медицинскимъ студентамъ—моими учебниками, публнкѣ—своими популярно-медицинскими чтеніями и статьями, равно какъ и любителямъ гимнастики—основаніемъ Лейпцигскаго гимнастическаго общества.

Если я въ 1848 г. держалъ себя вдали отъ всякихъ политическихъ дѣйствій, не смотря на то, что я прежде занималъ высшую должность при городской гвардіи и былъ также членомъ городского правленія, то причина этому заключается въ томъ, что я долженъ былъ поставить теченію и исходу тогдашняго политическаго недуга весьма дурной прогнозъ. Враговъ у меня было порядочное количество, но за то есть и много хорошихъ друзей. Впрочемъ, я всегда бывалъ совершенно доволенъ, когда имѣлъ друзей самого себя, и былъ увѣренъ, что заслужилъ эту дружбу».

Автобиографическій очеркъ Бока оканчивается на началѣ пятидесятихъ годовъ его жизни и написанъ былъ еще до появленія книги «О здоровомъ и больномъ человѣкѣ». Въ этой книгѣ уже опредѣленно обозначилась цѣль, къ которой съ этихъ

поръ были направлены все интересы и горячія стремленія Бока. Посредствомъ возникшей въ 1853 году и очень скоро распространившейся въ отдаленнѣйшіе края міра «Gartenlaube», ему представилось плодотворное поле, гдѣ онъ могъ, при помощи своего великолѣпнаго слога, любѣздать предрассудки и суевѣрія, сдѣлать доступными народу выводы науки и, какъ онъ самъ выражался, содѣйствовать усовершенствованію и благосостоянію человѣчества. Что онъ исполнилъ свое призваніе самымъ добросовѣстнымъ образомъ, объ этомъ свидѣлствуютъ его многочисленныя популярныя статьи по медицинѣ, гигиенѣ и общему естествознанію; статьи эти впоследствии сдѣлались образцами для множества подражаній.

Обладая желѣзнымъ характеромъ, необыкновенною силою убѣжденія и мужествомъ, онъ отважно выступалъ не только противъ захаарей, мошеннической спекуляціи тайными средствами, гомеопатіи, но прежде всего противъ всего устарѣлаго и отжившаго въ самой медицинѣ. Бокъ при этомъ обнаружилъ рѣдкую способность заинтересовать, или, какъ онъ самъ выражался, «ловить на удочку» («hascken») людей изъ самыхъ низкихъ слоевъ общества, мало привыкшихъ къ чтенію и мало подготовленныхъ къ пониманію научныхъ вещей. Онъ умѣлъ постоянно находить новые пути, бросать новый свѣтъ въ мракъ отжившаго, изобрѣтать новое оружіе противъ завороненныхъ предрассудковъ и наносить имъ мощные удары.

Усилахъ популярныхъ чтеній предъ женщинами и наставниками и желаніе дать руководство къ рациональному (тѣлесному и умственному) воспитанію человѣка, матерямъ и наставникамъ, въ рукахъ которыхъ заключается будущность нарождающихся поколѣній и отъ которыхъ преимущественно слѣдуетъ ожидать тѣлеснаго, умственного и моральнаго усовершенствованія человѣческаго рода,—породили въ свѣтъ книгу: «о здоровомъ и больномъ человѣкѣ», вышедшую девятью изданіями въ количествѣ ста двадцати тысячъ экземпляровъ и переведенную на многие языки. Въ этой книгѣ онъ, со всею силою своего замѣчательнаго преподавательскаго таланта, излагаетъ элементы науки о строеніи и жизни человѣческаго организма, въ высшей степени ясно и общедоступно, и доказываетъ, какъ разумный гигиеническій уходъ не только охраняетъ здоровье, но можетъ даже совершенно устранить, или, по крайней мѣрѣ, уменьшить страданіе организма и предотвратить серьезныя болѣзни.

Съ большою энергіею и на основаніи систематическихъ наблюденій, Бокъ проповѣдывалъ о безконечной важности воспитанія, преимущественно въ раннемъ возрастѣ жизни; своимъ обычнымъ, простымъ и убѣдительнымъ языкомъ далъ, рядомъ съ указаніями о физическомъ уходѣ за ребенкомъ, также весьма драгоцѣнные намеки о его нравственномъ воспитаніи.

Наконецъ, открывъ результаты изслѣдованій, сдѣланныхъ имъ въ качествѣ непредубѣжденнаго наблюдателя при постели больныхъ и секціонномъ столѣ, онъ, правда, значительно умалилъ ореолъ, которымъ окружали медицинское искусство, доказавъ публикѣ, что врачи вовсе не всемогущи; но въ то же время онъ тѣмъ энергичнѣе настаивалъ на необходимости, рядомъ съ фармацевтическимъ леченіемъ, соответственнаго гигиеническаго ухода за больнымъ и дѣятельность врача сосредоточилъ главнымъ образомъ на мѣрахъ, предотвращающихъ болѣзни, на такъ-называемой профилактикѣ.

Не одно только желаніе быть проповѣдникомъ гигиены, охраняющей тѣлесное здоровье человѣка, побуждало Бока сѣять анатомическія, физиологическія и медицинскія познанія въ массы народа. Бокъ не былъ одностороннимъ специалистомъ и указывалъ упорно на чрезвычайную важность естествознанія не только для медицинныя,—онъ видѣлъ въ немъ такъ же одно изъ могущественнѣйшихъ общеобразовательныхъ средствъ. Для Бока служило критеріемъ размышляющаго человѣка, если допытывались о причинной связи въ окружающей насъ природѣ. Все стремленія Бока были направлены къ тому, чтобы пробудить въ самыхъ отдаленныхъ слояхъ общества потребность познать великое цѣлое природы и управляющіе имъ законы, такъ какъ онъ былъ того убѣжденія, что въ удовлетвореніи этой потребности заключается не только нестоимая прелесть и наслажденіе, но и высокое облагораживающее нравственное дѣйствіе. Доказывая, что человѣкъ тѣсно связанъ съ природою и подчиненъ ея законамъ, Бокъ имѣлъ въ виду пробудить интересъ къ этой общей матеріи и этимъ содѣйствовать облагороженію общества.

Не покидая еще окончательно профессуры (до весны 1873 года) и занимаясь обработкою новыхъ изданій своихъ сочиненій, Бокъ однако удался все болѣе и болѣе отъ роли патолого-анатома, такъ какъ онъ считалъ нравственнымъ долгомъ со стороны старшихъ ученыхъ по временамъ уступать мѣсто болѣе молодымъ силамъ. Народу и школѣ хотѣлъ онъ посвятить свою дѣятельность на закатѣ жизни.

Такимъ образомъ появилась въ 1855 году «Гигиена для народа» (вышедшая уже 6-мъ изданіемъ, и въ количествѣ 25000 экземпляровъ), въ 1868 году элементарный учебникъ для школы подъ заглавіемъ: «Устройство, жизнь и воспитаніе человѣческаго тѣла» (уже вышедшей 9-мъ изданіемъ, въ количествѣ 10,000 экземпляровъ). Помѣщенную въ «Gartenlaube» статью «объ умственномъ и тѣлесномъ воспитаніи дѣтей въ школахъ»

онъ, расширивъ ея объемъ, отпечатать въ видѣ брошюры и распространить въ количествѣ восьмидесяти тысячъ экземпляровъ между учителями Германіи, Австріи и Швейцаріи. Благодарственные адреса изъ разныхъ частей Германіи и изъ заграничи прибивали къ Боку во множествѣ. Въ Австріи и Венгрии министерство просвѣщенія распространяло брошюру между учителями. Переведена эта брошюра на русскій, польскій, голландскій, итальянскій и кроатскій языки.

Къ столь энергично отетаиваемому Бокомъ преподаванію антропологии, ради котораго онъ и составилъ названный выше учебникъ, недоставало еще наглядныхъ средствъ. Подъ его руководствомъ и при его личномъ содѣйствіи, въ послѣднее время братья Штегеръ въ Лейпцигѣ изготовили коллекцію *пластико-анатомическихъ моделей*, отличающихся какъ вѣрностью природѣ, такъ и дешевизною. Для того, чтобы сдѣлать дешевизну этихъ предметовъ еще большею и такимъ образомъ сдѣлать ихъ доступными и для народныхъ школъ, Бокъ отказался отъ всякаго денежнаго вознагражденія за свои труды. Одною изъ послѣднихъ и сердечныхъ радостей Бока было, когда онъ за нѣсколько недѣль до смерти получилъ въ Висбаденѣ извѣстіе о томъ, что командированный прусскимъ министерствомъ на всемірную вѣискую выставку референтъ намѣренъ хлопотать о введеніи моделей въ прусскихъ школахъ.

Такимъ образомъ Бокъ жилъ въ послѣднее время жизнью тихой, уединенной, находя удовлетвореніе въ самомъ себѣ и своихъ трудахъ. Много онъ занимался обработкой быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ новыхъ изданій его «Книги о здоровомъ и больномъ человѣкѣ». Не переставалъ онъ также до самаго конца жизни интересоваться успѣхами медицины и естествознанія вообще. Посвящалъ также много вниманія педагогикѣ, въ особенности дѣтскому саду. Много наслажденій и высокое удовлетвореніе доставляло ему въ послѣдніе годы изученіе «исторіи развитія и происхожденія». Въ противоположность столь многимъ ученымъ, уходящимъ дѣлкомъ въ свою специальность и теряющимъ изъ виду высокое цѣлое природы, Бокъ чувствовалъ живѣйшую потребность познать связь міровыхъ явленій.

Отдавая всѣ свои помыслы высшимъ вопросамъ науки и благороднѣйшимъ человѣческимъ стремленіямъ, Боку легко было переносить терпѣливо страданія послѣднихъ годовъ. Пронесшая вслѣдствіе сильныхъ напряженій болѣзнь глазъ лишила его на продолжительное время возможности постоянно читать и писать. Онъ долженъ былъ просить, чтобы ему читали и писали

подъ его диктовку. Легкія, разрушенныя давнишнимъ воспалительнымъ процессомъ до того, что онъ вынужденъ былъ дышать только двумя третями ихъ, постепенно видоизмѣнялись все болѣе и болѣе, причѣмъ поражалось и сердце. Ему очень хорошо было извѣстно его состояніе, и онъ зналъ, что нѣтъ болѣе надежды на исцѣленіе. Въ маѣ 1873 года оставилъ онъ Лейпцигъ (предварительно обработавши 8-е изданіе своего учебника для школъ), ища облегченія и душевнаго ободренія въ гѣсахъ Тюрингена. Съ достойною изумленія силой воли онъ переносилъ мучительнѣйшіе припадки удушья, не дававшіе ему спать по ночамъ. Днемъ онъ еще бывалъ въ состояніи заниматься умственной работою и быть въ обществѣ людей веселымъ и остроумнымъ. Долгое время онъ держался на ногахъ, благодаря своей желѣзной энергіи, пока все болѣе и болѣе усиливавшіеся припадки одушья сдѣлались слишкомъ частыми. Цѣлыя недѣли жизнь его бывала въ опасности, затѣмъ наступало улучшение.

Въ октябрѣ онъ отправился въ Висбаденъ, въ полномъ сознаніи, что прогрессивно развивающіяся органическія пзмѣненія принесутъ ему еще болѣе сильныя страданія, если только какиа-нибудь случайности не положатъ имъ болѣе скорый конецъ. Съ полнѣйшимъ спокойствіемъ онъ смотрѣлъ въ глаза неизбежной смерти. Онъ обработалъ новое (десятое) изданіе своей «Книги о больномъ и здоровомъ человѣкѣ», еще много занимался изученіемъ исторіи развитія и писалъ различныя статьи для «Gartenlaube», къ которой онъ до конца жизни сохранилъ свою привязанность.

16-го февраля появился легкій параличъ конечностей, была затруднена также и рѣчь. 18-го прогрессивно развивавшіяся параличъ началъ сообщаться дыхательнымъ мускуламъ и пищеводу. Съ величайшимъ спокойствіемъ онъ обращалъ вниманіе окружающихъ на столь характеристическіе симптомы и далъ понять, что считаетъ предстоящее освобожденіе отъ страданій за счастье для себя. Съ большою осторожностью дѣлалъ онъ различныя распоряженія, свидѣтельствовавшія о вполнѣ ясномъ и здоровомъ состояніи ума. Онъ велѣлъ себя похоронить въ Висбаденѣ просто и тихо, пожелалъ, чтобы его проводили до могилы дѣти его и старій другъ, съ которымъ онъ тамъ снова встрѣтился. Затѣмъ онъ поручилъ «кланяться всѣмъ друзьямъ и знакомымъ» и спросилъ о днѣ, числѣ и часѣ. Это было 19-го февраля предъ вечеромъ. Дѣтямъ онъ старался облегчить разлуку и съ каждымъ въ отдѣльности простился.

Измученный отъ тяжкихъ страданій, онъ попросилъ положить ему голову пониже и, со словомъ «прощайте», закрылъ глаза на вѣки...

Л Е В Ъ.

Ни объ одномъ, кажется, животномъ не сочиняется столько сказокъ, какъ о лвѣ; одни приписываютъ ему необыкновенное великодушіе, другіе рассказываютъ, что онъ смываетъ просьбами, падить тѣхъ, которые падаютъ передъ нимъ ницъ, никогда не бросается на женщинъ и дѣтей и т. п. Разумѣется, все это не болѣе какъ сказки, но что левъ—царь звѣрей, что это самое могущественное изъ всѣхъ хищныхъ животныхъ, то достаточно одного взгляда на выраженіе морды льва, чтобы безпрекословно признать за нимъ его царское достоинство. Во взглядѣ его видна неодолима сила, всѣ черты дышатъ серьезнымъ спокойствіемъ и благородствомъ; царственная грива, осыпанная его какъ-бы золотой короной, придаетъ всей его наружности истинно царское величіе.

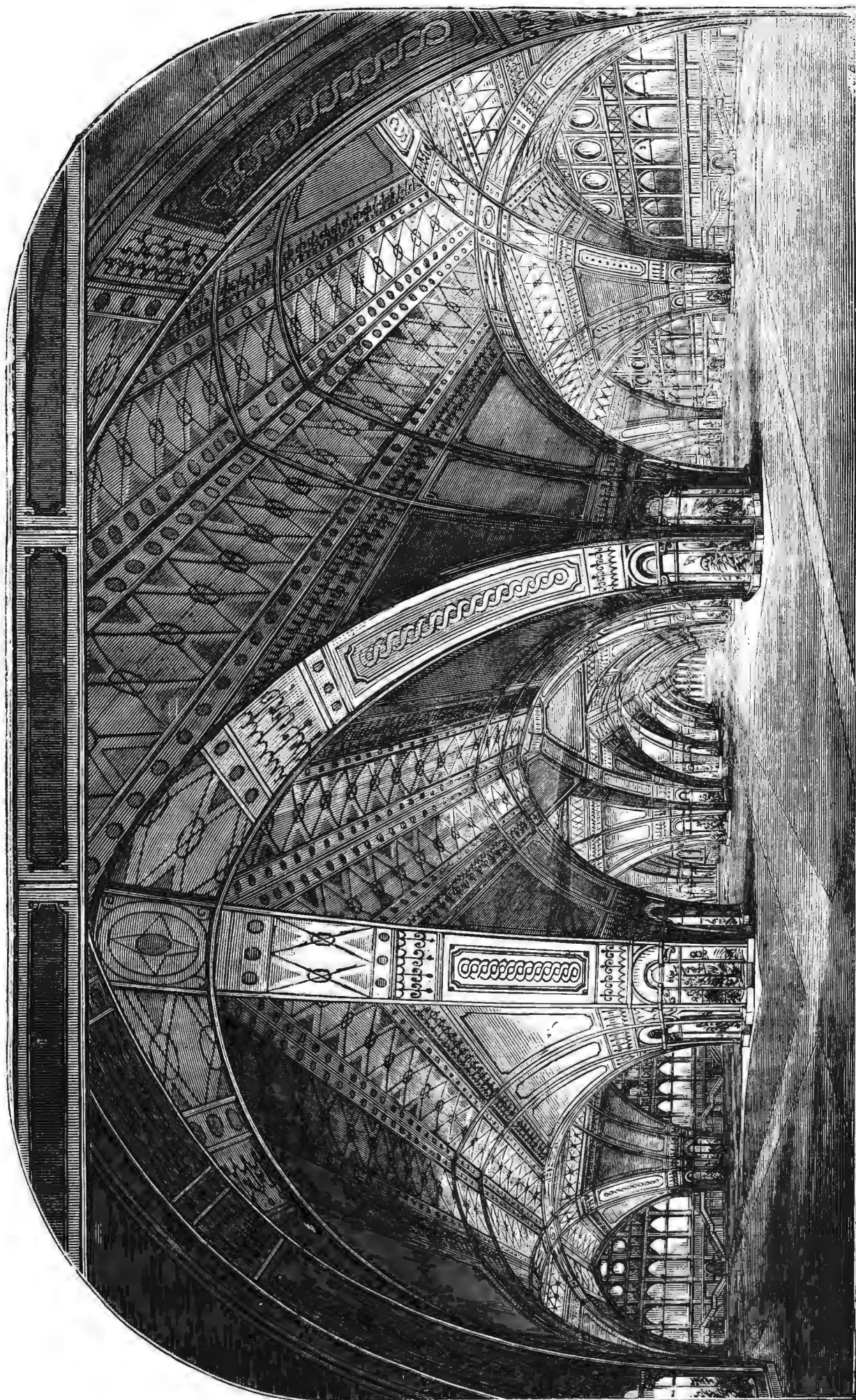
Настоящая родина льва—Африка. Въ Индіи и Америкѣ также водятся свои львы, но это не болѣе какъ пигмеи въ сравненіи съ ихъ могучимъ африканскимъ собратомъ. Самый сильный изъ всѣхъ львовъ—это именно тотъ, который съ древнихъ временъ приобрѣлъ себѣ названіе царя звѣрей, африканскій или *варварійскій* левъ. Это властелинъ не только звѣрей, но и людей той мѣстности, которую онъ избираетъ для своего жительства. Было исчислено, что подати, платимыя африканскими племенами правительству, ничтожны передъ громадною податью, платимой ими льву. Убытокъ, причиняемый населенію львами, легко опредѣлить, вычисливъ сколько онъ похищаетъ въ теченіе года лошадей, муловъ, верблюдовъ и другихъ домашнихъ животныхъ въ одной мѣстности. Изъ такого расчета оказывается, что каждый левъ обходится населенію по 6,000 франковъ въ годъ. Левъ доживаетъ среднимъ числомъ до 35-ти-лѣтняго возраста; слѣдовательно во всю свою жизнь онъ потребуетъ громадной дани въ 210,000 франковъ. По численію знаменитаго французскаго охотника на львовъ, Жюля Жерара, 30 львовъ, жившихъ въ Константинолѣ, нанесли убытокъ истребленіемъ домашнихъ животныхъ въ одномъ только году на 45,000 рублей серебромъ. По словамъ того же Жерара, съ 1856 по 1857 г., въ Бонѣ жило 60 львовъ, которые пожрали 10,000 штукъ крупнаго и мелкаго скота. Во внутренней Африкѣ левъ приноситъ сравнительно меньшій вредъ; однако и тамъ нѣрѣдко дѣлаетъ большія опустошенія и приводитъ въ совершенное отчаяніе бѣдныхъ туземцевъ.

Варварійскій левъ жилъ прежде во всей сѣверо-восточной Африкѣ, и въ Египтѣ былъ такъ же обыкновененъ, какъ въ Тунисѣ, Фецѣ и Марокко. Но съ размноженіемъ народонаселенія область его владычества постепенно уменьшалась, такъ что въ настоящее время онъ живетъ въ долинахъ Нижняго Нила, а на всемъ южномъ берегу Средиземнаго моря уже не встрѣчается болѣе. Въ Алжирѣ и Марокко онъ и теперь не рѣдкость, хотя попадается значительно рѣже прежняго, а въ Тунисѣ и оазисѣ Фессанѣ представляетъ весьма обыкновенное явленіе. Но нѣтъ ни одной мѣстности, гдѣ бы львы попадались часто, и это очень понятно, такъ какъ каждому изъ нихъ нужно столько нищи, что ни одна мѣстность не была бы въ состояніи прокормить нѣсколькихъ львовъ въ большой промежутокъ времени.

Любимое мѣстопребываніе грознаго звѣря—широкія, гѣпстыя долины, лежація около рѣкъ. Въ защищенномъ мѣстѣ вырываетъ онъ плоское углубленіе для своего логовища и отсюда дѣлаетъ свои опустошительные набѣги до тѣхъ поръ, пока не оберетъ всей дани, какую можетъ дать эта окрестность, а потомъ переходитъ въ другое мѣсто. Диемъ льва трудно встрѣтить въ лѣсу, такъ какъ жизнь его вполнѣ ночная, какъ всѣхъ кошекъ. Лишь послѣ заката солнца выходитъ онъ на добычу, потрясая окрестность своимъ громовымъ ревомъ. «Невозможно дать понятіе», говоритъ Брэмъ, «о дѣйствіи, которое гонимъ этого царя звѣрей производитъ на его подданныхъ. Вой гены на минуту замолкаетъ; леопардъ перестаетъ вращаться; обезьяны принимаются жалобно кричать и въ страхѣ взбираются на самыя высокія вѣтви; антилопы въ бѣшенномъ бѣгствѣ ломаютъ сѣвозъ чащу; навьюченный верблюдъ дрожитъ, перестаетъ повиноваться голосу вожака, сбрасываетъ вьюкъ и сѣдока и ищетъ спасенія въ послѣднемъ бѣгствѣ; лошадь раздуваетъ ноздри, встаетъ надыбы и бѣсится съ нѣмой у рта; собаки, непріученныя къ охотѣ, съ визгомъ просятъ защиты хозяина, и даже человѣкъ, услышавъ въ первый разъ этотъ голосъ ночью, среди дремучаго лѣса, даже онъ призадумается, можно ли ему тягаться съ тѣмъ, кто гремитъ въ этой пустыни? Тотъ же страхъ, который овладѣваетъ животными при рычаніи льва, находитъ на нихъ и тогда, когда они слышатъ только его запахъ: всѣ они знаютъ, что близость льва для нихъ смерть».

Левъ. Картина Мейергайма, рис. самъ авторъ, гравир. Рогъ.

Зала въ здании всемирной выставки въ Филадельфи (Америка).

Такая картина может показаться преувеличенной, если судить о львином реве по тому, что мы слышим в зоологических садах, где он вовсе не кажется особенно страшным. Но совсем другое дело слышать его на месте—в африканских пустынях—вблизи, в непроходимой тьме леса. Там они нередко поют дѣльным хоромъ, при чемъ одинъ является заглавной, а двое, трое и даже четверо другихъ очень правильно вторятъ ему. Громче всего они ревутъ в холодныя ночи, но никогда голосъ ихъ не достигаетъ такой силы и выразительности, какъ въ то время, когда два или три незнакомыхъ между собою львиныхъ семейства встрѣтятся у водооя. Въ подобномъ случаѣ у нихъ является какое-то соревнованіе, такъ что они стараются, во что бы то ни стало, перекричать другъ друга. Только такіе отважные люди, какъ охотники на львовъ, которымъ это не въ рѣдкость, могутъ спокойно сидѣть среди леса въ полночь въ ямѣ и прислушиваться къ такому концерту не только безъ дрожи, но даже съ какимъ-то радостнымъ волненіемъ. Часто между двумя самцами главами семьи завязывается бой, оканчивающійся смертью одного изъ борцовъ.

Левъ начинаетъ кричать какъ только стемнѣетъ, и это продолжается съ нѣкоторыми перерывами всю ночь; въ отдаленныхъ пустыняхъ онъ реветъ до девяти или десяти часовъ утра, а въ сѣверную, пасмурную погоду его ревъ, нѣсколько впрочемъ сдержанный, слышится дѣлѣй день. Кабилы, живущіе въ Атласскихъ горахъ, очень искусно подражаютъ постепенно усиливающемуся и ослабвшаему рычанію льва, произнося при этомъ слова, которыя, сказанныя извѣстнымъ образомъ, съ извѣстнымъ удареніемъ, дѣйствительно представляютъ сходство съ его ревомъ. По ихъ увѣренію, левъ рычитъ слѣдующее:

«А левъ, я сынъ женщины; мы имѣемъ маленькія уши; мы царя. Онъ, сильнѣйшій (т. е. человекъ), преодолеваетъ меня и сжигаетъ мнѣ сердце, сердце, сердце!» Всего дѣлательнѣе и отважнѣе левъ бываетъ въ темныя бурныя ночи, и путешественнику приходится въ это время быть насторожѣ.

По увѣреніямъ опытныхъ наблюдателей, если левъ сытъ и отдыхаетъ, то можно смѣло пройти мимо него и даже прогнать его съ дороги, бросивъ въ него камень; опасно въ этихъ случаяхъ только—бѣжать. Извѣстны также случаи, когда грозный хищникъ спокойно подходилъ къ домамъ, не причиняя никому вреда. Брэмъ приводитъ рассказъ одного путешественника о томъ, какъ разъ, среди бѣлаго дня, къ дому, у дверей котораго сидѣла женщина и рѣзались дѣти, вдругъ подошелъ левъ и улегся въ тѣни на порогѣ. Мать, оцѣнивъ отъ ужаса и зная, какъ опасно бѣжать, не смѣла тронуться съ мѣста, дѣти бросились къ ней на колѣни. Крикъ дѣтей привлекъ вниманіе отца; онъ послѣдшилъ къ дому, и можно представить, каковъ былъ его ужасъ при видѣ этой сцены. Къ счастью, было отворено окно въ комнату, гдѣ стояло ружье, и онъ могъ достать его рукой. Въ эту самую минуту левъ завелся; можетъ быть, онъ собирался уйти такъ же спокойно, какъ пришелъ, а можетъ быть готовился прыгнуть на легкую добычу. Отецъ долженъ былъ рѣшиться на рискованный выстрѣлъ... пуля просвистала мимо локоновъ его сына, и левъ упалъ мертвымъ.

Изъ этого, однако, не слѣдуетъ заключать, что встрѣча со львомъ всегда можетъ обойтись человеку безнаказанно. Хотя царь звѣрей и чувствуетъ должное уваженіе и страхъ передъ царемъ звѣрей, но когда голоденъ или сильно раздраженъ, то яростно бросается на цѣлыя толпы хорошо вооруженныхъ людей. Видя себя въ опасности, онъ выказываетъ все свое мужество и отступаетъ только передъ значительными силами, совершенно спокойно, шагъ за шагомъ. Нередко бываетъ, что левъ, будучи раненъ нѣсколькими пулями, продолжаетъ храбро бороться. Если его сильно преслѣдуютъ, то онъ обращается иногда въ бѣгство; но такіе случаи рѣдки.

Охота на льва считается самой благородной; находятся люди, которые въ опасностяхъ этой охоты находятъ лучшее наслажденіе въ жизни. Изъ европейцевъ прославились своими львиными охотами французъ Жюль Жераръ и шотландецъ Гордонъ Куммингъ. Последній путешествовалъ пять лѣтъ по южной Африкѣ единственно для охоты. Жерара негры и арабы считаютъ полубогомъ: такое огромное количество львовъ истребилъ этотъ неустрашимый охотникъ.

Охотятся на львовъ различными способами; бываютъ смѣльчаки, которые ходятъ на него въ одиночку; атласскіе арабы ловятъ льва въ ямы, или цѣлой деревней дѣлаютъ на него облаву. Куммингъ, много охотившійся на львовъ, говоритъ, что для того, чтобы справиться съ могучимъ звѣремъ, мало быть только хорошимъ стрѣльцомъ, но надо, во первыхъ, быть постоянно готовымъ на смерть, обладать совершеннымъ спокойствіемъ, никогда не терять присутствія духа и очень хорошо знать привычки льва и ловки его во время травли. Впрочемъ, и его нападенія не всегда угрожаютъ неминуемой гибелью, иногда оттого, что скачки его бываютъ дурно рассчитаны. Такъ, извѣстный путешественникъ Андерсонъ, въ самомъ началѣ своего пребыванія въ Африкѣ, когда, выражаясь его собственными словами, но неопытности, слишкомъ легко относился ко льву, одинъ разъ прокинулъ въ чащу, гдѣ сиротался левъ. Проксавъ его нѣсколько времени понапрасну, онъ вдругъ увидѣлъ льва, выскочившаго на поляну, какъ разъ около него. При этомъ

движенія его были такъ быстры, осторожны и ловки, что когда охотникъ выстрѣлилъ, звѣрь успѣлъ уже наполовину спрячься въ кусты, но, получивъ пулю, обернулся, съ страшнымъ ревомъ бросился на своего врага и, какъ кошка, улегся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, протянувъ голову между передними лапами. Андерсонъ, со своимъ большимъ охотничьимъ ножомъ, опустился на колѣни, ожидая нападенія; стрѣлять онъ не хотѣлъ, потому что въ травѣ и пыли, поднимаемой хвостомъ животного, не могъ ясно разглядѣть его голову. Послѣ короткой, но очень мучительной паузы, левъ вдругъ сдѣлалъ прыжокъ, но промахнулся, перескочилъ черезъ Андерсона и упалъ въ трехъ или четырехъ шагахъ позади его. Не теряя присутствія духа, отважный охотникъ быстро повернулся на колѣняхъ и пустилъ въ него пулю, совершенно раздробившую ему лопатку. Не смотря на это, левъ опять яростно бросился на охотника, но тотъ ловко увернулся, а ослабѣвшій звѣрь уползъ въ чащу, гдѣ и испустилъ духъ.

Какъ велика сила льва, можно судить по тому, что ему непочемъ перескочить черезъ широкій ровъ или черезъ заборъ, въ 6, 8, иногда въ 10 футовъ вышины, песя въ пасти быка. Не по силамъ ему только буйволы, слоны и верблюды. На этихъ крупныхъ животныхъ левъ никогда не охотится одинъ, а всевъ сообществѣ съ себѣ подобными. Вообще же левъ ведетъ жизнь одинокою. Левъ и стень представляютъ ему достаточно пищи. Онъ не пренебрегаетъ ни однимъ млекопитающимъ, какъ бы оно ни было мало; ничтожность и слабость, такъ же какъ громадность и сила, не обезпечиваютъ отъ него ни одно животное. На своихъ охотахъ онъ обнаруживаетъ удивительный умъ, хитрость и смѣлость. Нападая на дикихъ животныхъ, левъ дѣйствуетъ совершенно иначе, чѣмъ при нападеніи на домашній скотъ. Онъ знаетъ, что дикія животныя чуютъ его издалека и бѣгаютъ такъ скоро, что могутъ скрыться отъ него. Поэтому онъ чрезвычайно осторожно подкрадывается къ нимъ противъ вѣтра. Если чуткія и умныя животныя, спѣша утолтъ жажду, забудутъ на минуту свою обычную осторожность, не миновать имъ тогда страшныхъ когтей своего властелина. Онъ обыкновенно однимъ ударомъ сваливаетъ схваченное животное, раздробляетъ ему шейные позвонки, ложится на свою добычу, неподвижно устремивъ на нее глаза, наблюдая за каждымъ движеніемъ и ускоряя послѣднія содроганія новыми ударами зубовъ. Сопротивленіе передъ такой силой немислимо; только хорошо дрессированныя собаки смѣло нападаютъ на льва, но за то большая часть ихъ и дѣлается жертвой своей храбрости. Куммингъ потерялъ во время своихъ охотъ до двадцати великолѣпныхъ собакъ, вѣрно раздѣлявшихъ съ нимъ всѣ опасности охотничьей жизни.

Самые уважаемые естествоиспытатели признаютъ въ характерѣ льва много благородства. Онъ хищникъ по необходимости, но не кровожаденъ, какъ другія кошки. Ужъ одно то, что левъ живетъ съ львицей до извѣстной степени, какъ бы въ бракѣ, ставитъ его высоко, этого мы не встрѣчаемъ ни у одного изъ прочихъ хищныхъ млекопитающихъ. Левъ очень преданъ своей семьѣ и любитъ ее; когда львица кормитъ дѣтеншей, онъ долго не покидаетъ ее, заботится о пропитаніи ея, присматриваетъ за дѣтьми, когда львица уходитъ изъ логовища. Черезъ полгода мать перестаетъ кормитъ дѣтеншей, но она еще до этого начинаютъ сопровождать родителей въ ихъ набѣгахъ, не удаляясь, впрочемъ, далеко отъ логовища. Новорожденные львята довольно беспомощныя твари; они научаются ходить только на второмъ мѣсяцѣ своей жизни, а играть начинаютъ еще позднѣе. Сначала они мячутъ совсѣмъ какъ кошки, но потомъ голосъ ихъ становится сильнѣе и полнѣе. Къ концу перваго года они достигаютъ величины большой собаки. Сначала оба пола совершенно схожи, но вскорѣ болѣе крѣпкія и мощныя формы тѣла начинаютъ отличать самца отъ самки. Около третьяго года у самца начинается пробиваться грива; полного же роста и развитія оба пола достигаютъ на шестомъ или седьмомъ году.

Нѣтъ ничего плачевнѣе судьбы престарѣлаго льва. Испортившися зубы его подъ старость уже перестаютъ служить; слѣдовательно, съ охотою на дикихъ животныхъ онъ долженъ проститься, и вотъ, тотъ самый звѣрь, который такъ еще недавно внушалъ страхъ, обращается въ нуль и погибаетъ самымъ жалкимъ образомъ. Въ заселенныхъ же мѣстахъ такой болной левъ часто преодолеваетъ свою боязнь, пробирается ночью въ деревню и начинаетъ таскать козъ. Иногда, мучимый голодомъ, вмѣсто козы онъ утащитъ ребенка или дѣвushку, которыхъ также съѣдаетъ; а такъ какъ выбора ему нѣтъ, то людоедство становится его ремесломъ, и онъ дѣлается страшилищемъ всего округа. Этимъ объясняется мнѣніе, что левъ, отвѣдавшій человеческого мяса, не употребляетъ больше никакой другой пищи. Людоедами бываютъ только старые звѣри, и какъ только туземцы замѣчаютъ, что левъ начинаетъ таскать козъ, то говорятъ: зубы его ужъ не годятся, онъ скоро будетъ ѣсть людей. Въ необитаемыхъ странахъ, или тамъ, гдѣ живутъ смѣлые охотники, въ родѣ бакалахари или бушменовъ, левъ кончаетъ тѣмъ, что начинаетъ ловить мышей и другихъ маленькихъ грызуновъ, и даже рѣшается есть траву. Навая на перепереванные растительные остатки, туземцы разыскиваютъ льва, въ полной увѣренности что онъ лежитъ гдѣ нибудь по близости и такой обез-

силенный, что они без труда справятся съ нимъ. Такъ дѣйствительно всегда и бываетъ.

Какую грустную картину представляет такое безпомощное состояніе столь могучаго нѣкогда звѣря! Впрочемъ, эта жалкая участь постигаетъ не многихъ, такъ какъ большая часть благородныхъ животныхъ избѣгаетъ этого униженія, погибая въ цвѣтѣ лѣтъ отъ пули, стрѣлы или коварной западни челоуѣка.

Трудно представить себѣ, до чего этотъ звѣрь, столь грозный на свободѣ, дѣлается ручнымъ въ неволѣ, разумѣется въ такомъ случаѣ, если онъ теряетъ свою свободу въ очень нѣжномъ возрастѣ. Онъ признаетъ въ челоуѣкѣ своего покровителя и привязывается къ нему тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе онъ съ нимъ знакомится. Известно, что львы размножаются и въ зоологическихъ садахъ, однако рѣдко удается вырастить львятъ, рожденных въ неволѣ, обыкновенно они умираютъ отъ проросанія зубовъ. Небольшое же количество остающихся въ живыхъ: становятся ручными какъ собаки. Въ Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ въ Лондонѣ, при представленіи оперы «Александръ и Дарій», пускали на сцену льва. Этотъ левъ былъ рожденъ въ неволѣ.

Интересны подробности, передаваемые Брэмомъ о ручной львицѣ, которая жила у него два года. Она свободно бѣгала по двору, всюду слѣдовала за своимъ хозяиномъ, какъ собака, ласкалась къ нему и, какъ говоритъ Брэмъ, была неприятна только въ томъ отношеніи, что иногда ей приходило на мысль по-

сѣщать меня ночью на моей постелѣ и будить меня своими ласками».

Бахида, такъ звали эту львицу, играла на дворѣ со всѣми животными, немилосердно дразня ихъ и умышленно пугая, но не дѣлая имъ никакого зла. Однако она умертвила и съѣла двухъ животныхъ: первый разъ обезьяну, а потомъ барапа, съ которымъ передъ тѣмъ играла. Вообще ко всѣмъ животнымъ она относилась очень гордо и деспотически господствовала надъ ними, но относительно людей была всегда кротка и честна. Въ ней не было никакого лукавства, гнѣвъ ея проходилъ мгновенно — ее тотчасъ же можно было укротить лаской. Въ Кануѣ Брэмъ гулялъ съ ней, ведя ее на веревкѣ, а при переѣздѣ изъ Александріи въ Триестъ ежедневно выпускалъ ее на палубу, къ общему удовольствію путешественниковъ.

Можно было бы привести много подобныхъ рассказовъ о кротости плѣнныхъ львицъ, величавости львовъ, и нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ достовѣрности ихъ послѣ приведеннаго выше свидѣтельства такого почтеннаго наблюдателя животныхъ, какъ Брэмъ.

Почтенный ученый нисколько, кажется, не увлекается, — съ этимъ, надѣмся, согласится всякій, взглянувъ на величественную фигуру царственнаго звѣря, изображеннаго на нашей картинѣ. На сколько удовлетворительно художникъ справился съ своей, дѣйствительно не совсемъ легкой задачей, пусть судятъ сами читатели.

ЗАЛА ВЪ ЗДАНИИ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКИ ВЪ ФИЛАДЕЛЬФИИ.

Въ № 11 нашего журнала за прошлый годъ былъ помѣщенъ рисунокъ (съ описаніемъ), представляющій «новое вавилонское столпотвореніе» т. е. памятникъ, въ видѣ башни вышиною въ 1000 фут., которымъ американцы хотятъ, по случаю столѣтняго юбилея своей независимости и всемірной выставки въ Филадельфіи въ будущемъ году, увѣковѣчить воспоминаніе о началѣ нынѣ-могущественнѣйшей республики въ Новомъ Свѣтѣ. Памятникъ этотъ хотятъ поставить поближе къ зданію выставки, чтобы послѣдняя могла быть ярко освѣщена электрическимъ свѣтомъ, падающимъ съ вершины башни. Самый храмъ индустріи еще не оконченъ, но работа тамъ кипитъ: янки на этотъ счетъ народъ энергичный, и ужъ если за что возьмутся — блистательно доведутъ дѣло до конца. — Выставляя въ настоящемъ номерѣ нашего журнала рисунокъ, изображающій (въ прозѣтѣ) внутренній видъ залы всемірной выставки въ Филадельфіи, замѣтимъ, что эта оригинальная громадная зала должна быть построена *только изъ одного жельза*. И теперь, когда она еще пуста, не заставлена чудесами искусства и промышленности всего міра, можно просто залюбоваться, глядя на эти смѣлыя, гигантскихъ размѣровъ арки, на эту прелестную перспективу и на изысканную отдѣлку частей. Громада эта вась подавляетъ, а между тѣмъ постройка кажется вамъ легкою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крѣпкою, прочною. А какой просторъ! Главная задача — дать побольше мѣста экспонентамъ, и, дѣйствительно, мѣста дано много. Наши «заатлантические друзья», еще задолго до открытія выставки, успѣли уже блестящимъ образомъ заявить себя, *выставка* такое грандіозное зданіе. Новый свѣтъ, во многихъ отношеніяхъ затмѣивающій за-поляръ Европу и, конечно, другія части Старого Свѣта, въ постройкѣ зданій, мостовъ и сооруженій памятниковъ далеко шагнулъ впередъ, и американцамъ есть чѣмъ похвастаться передъ Европой. Янки вообще любятъ все въ боль-

шихъ размѣрахъ, и все-то дѣлается у нихъ своеобразно, «по-американски», подражать они не любятъ: кражи — такъ ужъ кражи, дуэли — такъ ужъ дуэли, рекламы — на удивленіе, банкротства — блистательнѣе московскихъ, пожары — рѣдки да мѣтки (вспомните пожаръ Чикаго), подкуны, мошенничества — первый сортъ, затраты на народное образованіе — такъ ужъ затраты, и, наконецъ — всемірная выставка — такъ ужъ всемірная выставка!..

Высочайше учрежденная 22-го сентября коммисія по участію Россіи въ международной выставкѣ 1876 года въ Филадельфіи уже извѣстила публику, что предѣвателемъ ея назначенъ директоръ департамента торговли и мануфактуръ, тайный совѣтникъ Бугоскій, а членами: управляющій канцеляріею министра финансовъ, тайный совѣтникъ Кобеко; вице-директоръ департамента торговли и мануфактуръ, дѣйств. ст. сов. Ермоловъ; директоръ технологическаго института, дѣйств. ст. сов. Вышнеградскій; чиновникъ особыхъ порученій того-же департамента дѣйств. ст. сов. Бѣльскій; начальникъ отдѣленія, дѣйств. ст. сов. Подобѣдовъ; профессоръ технол. института, ст. сов. Ильинъ; чиновникъ особыхъ порученій министерства финансовъ, ст. сов. Беръ, и кол. сов. Тимирязевъ; управленіе-же дѣлами коммисіи возложено на члена ея, г. Бѣльскаго, который назначенъ также генеральнымъ комиссаромъ русскаго отдѣла международной выставки въ Филадельфіи. Затѣмъ, коммисія, приступивъ къ исполненію возложенныхъ на нее обязанностей, имѣетъ честь пригласить тѣхъ изъ нашихъ промышленниковъ и торговцевъ, а равно и вѣдомства, которыя пожелали-бы принять участіе въ филадельфійской выставкѣ, обращаться отъи-нѣ-же съ своими заявленіями, а также для полученія нужныхъ свидѣній, по адресу коммисіи: въ департаментъ торговли и мануфактуръ.

С М Ъ С Ъ.

Гарибальди — довецъ черепахъ. Лѣтъ около сорока тому назадъ, извѣстный французскій композиторъ Фелисьенъ Давидъ предпринялъ путешествіе на востокъ. Онъ вѣхалъ на одномъ маленькомъ торговомъ суднѣ «Клоринда» въ Константинополь. Вдали видѣлись африканскіе берега. Давидъ стоялъ на палубѣ и бесѣдовалъ со вторымъ рулевымъ, крѣпкимъ итальянцемъ, и какъ видно челоуѣкомъ отважнымъ. «Что это тамъ такое?» вдругъ спросилъ музыкантъ, показывая молодому моряку на что-то черное, плившее въ нѣкоторомъ разстояніи позади корабля. «Это черепаха и самая породистая, морская черепаха, которую если сварить, то, по увѣренію англичанъ, получится великолѣпный супъ. «Можно ли безопасно приблизиться къ этому плавающему панцирю?» «О нѣтъ, подойти близко къ такой черепахѣ, это — то же что положить руку или ногу между двумя отточенными англійскими бритвами». «Но, въ такомъ случаѣ, какъ же ихъ ловятъ?» — «А вотъ я вамъ покажу какъ». Съ этими словами молодой челоуѣкъ совсѣмъ одѣтый бросился въ море, подплылъ къ страшилищу, такъ легко и сильно разсѣкая волны, какъ будто вода была для него такой же привычной стихіей, какъ земля, и черезъ короткое время былъ съ своей добычей опять на борту, правда порядочно промокшій и немного окровавленный, но очень веселый. Онъ сказалъ, смѣясь, Да-

виду: «Вотъ вамъ и черепаший супъ, я отдаю чудовище повара». Музыкантъ съ благодарностью протянулъ руку промокшему моряку и спросилъ, какъ его зовутъ? «Меня зовутъ *Джозефте Гарибальди*», отвѣтилъ морякъ и отправился съ черепахою къ корабельному повару.

Пари. Англійскій король Георгъ IV былъ большой любитель держать пари и, въ этомъ отношеніи счастье ему улыбалось; однако иногда случалось и ему терпѣть чувствительныя поразженія. Одинъ изъ лордовъ, часто бывавшій при дворѣ, проириывалъ королю значительныя суммы и горѣлъ желаніемъ отыграться. Разъ вечеромъ лордъ этотъ пріѣхалъ во дворецъ, и послѣ того какъ король поговорилъ съ нимъ о томъ, о семъ, разсказалъ, что онъ встрѣтилъ на дорогѣ стадо индюковъ, и началъ вообще говорить объ ихъ тихой походкѣ, утверждая, что гусей можно скорѣе прогнать съ одного мѣста на другое, чѣмъ индюковъ.

«Вздоръ!» возразилъ на это король.

«Извольте», отвѣчалъ лордъ, «предлагаю какое-угодно пари, что я со стадомъ гусей пройду путь въ 1 милю скорѣе, чѣмъ челоуѣкъ, который погонитъ стадо индюковъ».

«Идетъ! На тысячу фунтовъ».

Гонка была назначена на слѣдующій день, за четверть часа до заката солнца, какъ выговорилъ лордъ. Король аккуратно прѣхалъ къ назначенному часу, и вотъ гуси и индюки отправились въ путь. Индюки скоро и на значительное разстояніе обогнали гусей, и король уже торжествовалъ, но тутъ солнце скрылось и въ ту же минуту индюки ринулись въ кусты по краямъ дороги и сѣли на покой. Ничѣмъ нельзя было заставить ихъ идти дальше, между тѣмъ какъ гуси шли да шли потихоньку къ назначенному мѣсту.

Итакъ, Георгъ IV былъ обязанъ заплатить за этотъ гусиній походъ 1.000 фунтовъ стерлинговъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Сэръ Чарльзъ Либель (съ портретомъ). — Кто выигралъ?.. (Изъ современной уголовной хроники). Романъ Ф. Фридриха (продолженіе). — Черногорка (съ рисункомъ). — На вѣчную разлуку (съ рисункомъ). — Карлъ Эрнестъ Вокъ. — Девъ (съ рисункомъ). — Зала въ зданіи всемірной выставки въ Филадельфіи (съ рисункомъ). — Сибирь. — Отдѣльное приложеніе: ПАРИЖСІЯ МОДЫ за Ноябрь съ 16 рисунками и листъ выкроекъ.

Редакторъ Ф. Бергъ (Боевъ).

О В Ъ Я В Л Е Н І Я

„ЦЕНТРАЛЬНАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ“

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

Въ прошломъ 1874 году открыто мною въ Москвѣ, въ компаніи съ М. Бернардомъ, филиальное отдѣленіе петербургскаго музыкальнаго магазина

М. БЕРНАРДЪ,

причемъ М. Бернардъ завѣдывалъ дѣлами фирмы въ Петербургѣ, а я въ Москвѣ.

Въ настоящее время мы, компаньоны, рѣшили вести дѣла вполнѣ самостоятельно и притомъ тамъ, гдѣ мы вели ихъ прежде; вслѣдствіе сего музыкальный и инструментальный магазины фирмы М. Бернардъ въ Москвѣ перешли въ полную мою собственность подъ фирмою

„ЦЕНТРАЛЬНАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ“.

Такъ какъ до сихъ поръ магазинъ этотъ, находясь въ исключительномъ моемъ завѣдываніи, всегда пользовался полнымъ довѣріемъ почтеннѣйшей публики, то я позволяю себѣ надѣяться, что гг. покупатели и на будущее время не перестанутъ обращаться со своими требованіями въ мой магазинъ, въ которомъ все остается по прежнему, кромѣ вывѣски.

К. Нарановичъ.

Письма и посылки прошу адресовать: Москва, „Центральная музыкальная торговля“.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

АНТОНЪ ЗИНГЕРЪ,

№ 12.

Невскій проспектъ, напротивъ Малой Морской.

№ 12.

Покупаетъ и продаетъ по биржевой цѣнѣ всякаго рода процентныя бумаги, акціи, золото, серебро и иностранныя монеты.

Принимаетъ порученія на покупку и продажу таковыхъ на здѣшней и иностранныхъ биржахъ, взимая за то 1/8% комиссіи.

Выдаетъ ссуды въ возможно-высокомъ размѣрѣ, подъ залогъ процентныхъ бумагъ и билетовъ 5% съ выигрышами займовъ на срокъ отъ 1-го до 12 мѣсяцевъ.

Уплата ссудъ можетъ производиться или разомъ, или ежемѣсячными взносами.

Заложенныя въ другихъ банковыхъ учрежденіяхъ бумаги могутъ быть выкупаемы конторою и порезакладываемы у нея съ увеличеніемъ ссуды.

Заемщики изъ провинцій могутъ высылать бумаги по почтѣ на имя конторы, и контора немедленно высылаетъ деньги и залоговое обязательство по указанному адресу.

Контора принимаетъ денежные вклады и платитъ за деньги, внесенныя:

на текущій счетъ 6%
на срокъ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ 7%
на срокъ не менѣе 6-ти и до 12-ти мѣсяцевъ 8%

Расчетъ процентовъ по текущему счету производится 4 раза въ годъ, а именно: 1-го Января, 1-го Апрѣля, 1-го Юля и 1-го Октября; за вклады же на срокъ проценты уплачиваются впередъ.

Капиталъ, отданный конторѣ на извѣстный срокъ, можетъ быть, по желанію вкладчика, возвращенъ и до истеченія срока черезъ 8 дней по заявленіи и за вычетомъ процентовъ въ размѣрѣ 3-хъ годовыхъ выше платимыхъ конторою процентовъ при вкладѣ.

Для членовъ, имѣющихъ деньги въ конторѣ на текущемъ счету, послѣдняя исполняетъ всѣ биржевыя операціи, не взимая за то комиссіи.

Владельцы изъ провинцій, желающіе внести деньги на текущій счетъ, могутъ присылать по почтѣ и имъ высылается тотчасъ надлежащее свидѣтельство.

Контора страхуетъ отъ тиражей погашенія билетовъ внутреннихъ 5% съ выигрышами займовъ по 40 копѣекъ за билетъ, для иногородныхъ по 50 коп.

Продаетъ билеты 5% съ выигрышами займовъ съ разсрочкою платежа по 10 рублей и болѣе въ мѣсяцъ,

причемъ могущій упасть, со времени полученія конторою задатка, на купленный билетъ выигрышъ принадлежитъ покупателю.

Порученія изъ провинцій исполняются безотлагательно.

Лица, желающія состоять агентами конторы въ провинціи, могутъ заявить о томъ конторѣ съ указаніемъ, гдѣ можно справиться объ ихъ благонадежности.

10—2

ДЕШЕВЫЯ НОТЫ,

въ музыкальномъ магазинѣ М. ВАСИЛЬЕВА по Михайловской улицѣ, домъ № 4, противъ Европейской гостиницы.

Для форт. въ 2 руки: полная опера отъ 50 коп. Полурри и фантази изъ оперъ отъ 25 коп.

Всѣ сонаты Бетгоvena 1 р. 50 коп.
Полное собраніе сочиненій Вебера 1 р. 25 к.
тоже » » Мендельсона 5 том. 8 »
» » » » Шумана 6 томомъ 12 »
» « » » Шопена 6 том. 20 »
Альбомъ салонныхъ пьесъ » 75

(10 тетрад. отъ 5 до 20-ти пьесъ въ каждой)

Изъ сочиненій Шопена отдѣльно: всѣ вальсы 1 р. 20 к., ноктюрны 1 р. 35 к. Мазурки 2 руб. Полонезы 1 р. 80. Этюды 1 руб. 50. Баллады 1 р. 20 к. и много другихъ сочиненій для форт. въ 2 и 4 руки для гитты и для скрипки, по такимъ-же дешевымъ цѣнамъ. На пересылку прилагается особо.

Абонементъ на чтеніе нотъ отъ 1 руб. за мѣсяцъ и отъ 5 руб. за годъ.

Изданія А. Ф. МАРКСА.

для гг. подписчиковъ „НИВЪ“ продаются со слѣдующею скидкою:

Москва и Тверь, истор. пов., Кельсиева Ц. съ пер. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 40 к.
При Петрѣ, истор. пов., Кельсиева и Ключниковъ. Ц. съ пер. 1 р. 50 к., для подпис. 1 р.
Въ камышахъ. Повесть Караяна. Ц. съ перес. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 40 к.
Богъ въ помощь, романъ Вернера. Ц. съ перес. 1 р. 30 к., для подписчиковъ 75 к.
Вторая жена, романъ Марингта. Ц. съ пер. 2 р., для подпис. 1 р. 30 к.
Семья вольнодумцевъ, ист. пов. врем. Екатер. вел. Ц. съ пер. 1 р. 25 к. для под. 75 к.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ,

№ 45 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
Выданъ 10 Ноября 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересланиемъ 20 коп.

Открыта подписка на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.

Федоръ Антоновичъ Бруни.

30 Августа русская школа исторической живописи потеряла одного из первых и талантливых представителей своих — маститого художника, современника Брюлова: Федора Антоновича Бруни. Отец покойного, декоративный живописец, приехал в Россию из Швейцарии (в царствование императора Павла) и поселился в Москвѣ, гдѣ и работалъ у князя Куракина. Въ 1801 году у Антова Бруни родился сын — будущій профессоръ, творецъ «Мѣднаго змія». Мальчикъ чуть-ли не съ четырех лѣтъ уже обнаружилъ проблески таланта, а когда ему исполнилось девять лѣтъ — отецъ отдалъ его въ Академію художествъ. Еще будучи воспитанникомъ, молодой Бруни обратилъ на себя вниманіе всѣхъ преподавателей, благодаря конечно такому руководителю, какъ профессоръ В. П. Шебуевъ. Окончивъ курсъ въ 1818 г., Федоръ Антоновичъ отправился въ Ита-

Федоръ Антоновичъ Бруни. Проф. Акад. Худож. Съ фотогр. рѣзалъ Вейерманъ.

лію для окончательнаго художественнаго образованія. Поселившись въ Римѣ, онъ усидчиво занялся изученіемъ классическихъ произведеній живописи, много работалъ — и трудъ его, конечно, не пропалъ даромъ. Изъ массы картинъ, написанныхъ имъ въ «вѣчномъ городѣ» картина «Смерть Камиллы» доставила ему громкую извѣстность, и онъ получилъ за нее званіе академика (1834 г.). Вернувшись изъ Италіи, Ф. А. пробылъ въ Петербургѣ три года и опять уѣхалъ въ Римъ, оканчивать тамъ знаменитую свою картину «Мѣдный змій». Въ этотъ промежутокъ времени онъ, одновременно съ Брюловымъ, получилъ профессорскій дипломъ за копию съ фресокъ Рафаэля, «Изгнаніе Геліодора» и «Торжество Галатен». — Въ 1841 г. въ Академію была выставлена громадная картина Бруни «Воздвиженіе Моисеемъ мѣднаго змія», которая также, какъ и «Послѣдній день Помпеи», привела публику въ вос-

торгъ. Послѣ смерти профессора Шебуева, О. Я. занялъ мѣсто ректора живописи и ваянн въ Академіи Художествъ и исполнилъ эту должность шестнадцать лѣтъ, т. е. до 1871 г. Въ послѣдніе годы своей жизни старецъ-художникъ трудился надъ исполненіемъ картоновъ для строящагося въ Москвѣ храма Спасителя, будучи въ тоже время директоромъ мозаическаго заведенія въ Академіи.

Если бы покойный Бруни оставилъ только двѣ картины «Мѣднѣй змій» и «Моленіе о чашѣ», то эти два произведенія его кисти, какъ образцовые памятники русской живописи, увѣковѣчили бы его имя. О. Я. работалъ много и для Исаакіевскаго собора («Омовеніе ногъ», Іегова, несомый ангелами» и др.).

Какъ профессоръ-наставникъ онъ всецѣло отдавался искусству, работалъ до конца дней своихъ, если нужно было оказать помощь собрату своему, молодому художнику—оказывалъ ее, дѣлалъ все что могъ, словомъ—былъ не только учителемъ, художникомъ, но и *человѣкомъ*.

Картины Бруни «Мѣднѣй змій» к «Моленіе о чашѣ» находятся въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Что касается второй—то копии съ нея на полотнѣ, гранюры и литографіи разошлись по всей Россіи. Одна изъ копій «Моленія о чашѣ», сдѣланная самимъ художникомъ, красуется въ Академической церкви, какъ запрестольный образъ.

КТО ВЫИГРАЛЪ?...

(Изъ современной уголовной хроники)

РОМАНЪ

Ф. Фридриха.

(Продолженіе).

„Маленькій фрейгерръ“ былъ въ высшей степени взволнованъ.

— Хорошо, никому не буду говорить объ этомъ, пока это будетъ можно, сказалъ Питтъ,—но я все-таки обязанъ (это долгъ мой) самымъ тщательнымъ образомъ со всѣмъ усердіемъ, начать розыски въ этомъ направленіи... Смѣю надѣяться, что вы, конечно, поможете мнѣ тутъ?... Нѣтъ-ли у васъ врага?..

Маннштейнъ глядѣлъ на слѣдователя съ какимъ-то недоумѣніемъ, почти вопросительно, какъ будто совсѣмъ не понималъ его.

— Врага?.. Не знаю, наконецъ отвѣтилъ онъ... Да, вѣдь чужая душа — потемки! Очень можетъ быть, что чловѣкъ, называющій васъ своимъ другомъ, на самомъ дѣлѣ относится къ вамъ враждебно? Чтѣ-жъ, развѣ большинство людей не въ войнѣ между собою, когда интересы ихъ сталкиваются?... Я всегда, сколько помню себя, старался быть справедливымъ къ каждому, чтобы онъ ни былъ, и никогда не освѣдомлялся о томъ, есть ли у меня враги, а потому и не знаю ихъ.

Питтъ понялъ теперь, что фрейгерру почему-то не хотѣлось высказать всей правды.

— Но, господинъ Маннштейнъ, вѣдь и вамъ желательно также, чтобы убійца Мальтэна былъ найденъ и наказанъ? спросилъ онъ.

„Маленькій фрейгерръ“ опять слегка вздрогнулъ, но сейчасъ-же овладѣлъ собой.

— О, конечно! Вѣдь Мальтэнъ былъ моимъ другомъ... Будь мы родные братья—я-бы, кажется, крѣпче и любить его не могъ!... Нѣтъ, тотъ, кто совершилъ такое дѣло, долженъ понести кару!...

— И такъ, вы рѣшительно ничего больше не можете мнѣ сказать?

— Рѣшительно ничего.

Старикъ проговорилъ эти слова какъ-то торопливо и даже отвернулся, какъ-бы желая совсѣмъ прекратить этотъ разговоръ.

Слѣдователь вышелъ изъ комнаты

На него опять напало раздумье... Въ самомъ дѣлѣ, фрейгерръ велъ себя презагадочно! Но онъ былъ крѣпко взволнованъ, блѣденъ... Это наконецъ, убѣдило Питта, что послѣднее его предположеніе—вѣрно: пуля, поразившая Мальтэна, была предназначена Маннштейну и, какъ кажется, онъ даже зналъ, кто ее влѣпилъ въ голову перваго, только... языкъ у старика не поворачивался назвать убійцу по имени...

Возвращаясь домой, Питтъ не особенно торопился, потому что, углубившись въ размышленія, забылъ о времени и мѣстѣ. Онъ рассмотрѣлъ обстоятельства жизни фрейгерра, обдумывалъ и то, и другое, но ничего не выходило изъ этого... Тутъ или мщеніе, или просто кому нибудь нужно было, ради выгоды, вычеркнуть фрейгерра Маннштейна изъ списка живыхъ... Но кому-же?..

Слѣдователь вдругъ вспомнилъ о баронѣ ф. Зельдитцѣ.

Онъ зналъ, что баронъ былъ ближайшимъ родственникомъ Маннштейна и зналъ также, что старикъ именно этого родственника сдѣлалъ своимъ единственнымъ слѣдникомъ... Но неужели барону показалась слишкомъ долгою жизнь „маленькаго фрейгерра“, этому барону, который самъ жилъ чортъ знаетъ какъ безалаберно, что было извѣстно Питту. Неужели Зельдитцъ совершилъ это дѣло, и ради того только, чтобы поскорѣе завладѣть имуществомъ дяди?..

Мысль эта не оставляла слѣдователя, хотя онъ и считалъ ее почти нелѣпою, невозможною... Положимъ, баронъ чловѣкъ весьма легкомысленный, но... неужели онъ способенъ на убійство? Онъ, послѣдній представитель такого древняго, знатнаго рода, горделивый дворянинъ—и такъ низко могъ упасть, сдѣлаться—разбойникомъ?... Нѣтъ, это немыслимо!.. Да и зачѣмъ было идти ему на такое ужасное дѣло: вѣдь дядя щедро снабжаетъ его деньгами и всегда уплачиваетъ его долги?..

И все-таки *та* мысль гвоздемъ засѣла въ головѣ Питта... Онъ думалъ: убійство могло быть совершено только такимъ лицомъ, которому хорошо было извѣстно расположеніе комнатъ въ домѣ, особенно—мѣстонахожденіе спальни, и кто зналъ также обстановку этой комнаты и подмѣтилъ, какъ легко отодвинуть снаружи задвижку за дверью. Кромѣ этого, убійца долженъ былъ знать, что фрейгерръ никогда не запираетъ дверей на ключъ, а обыкновенно задвигалъ только задвижку... Не можетъ быть, чтобы баронъ не зналъ этого?..

Вспомнилъ слѣдователь и то, что около одной изъ ивоекъ, стоящихъ за садомъ Маннштейна, на травѣ ясно были видны слѣды копытъ, — онъ видѣлъ ихъ именно утромъ, когда осматривалъ мѣстность за садомъ, а это было какъ разъ послѣ убійства... Чтѣ-жъ, вѣдь подобное открытіе согласуется съ его „страннымъ“ предположеніемъ? Баронъ верхомъ подѣлхалъ къ саду; была уже ночь... Онъ слѣзъ съ лошади, привязалъ ее къ ивкѣ, пробрался въ садъ и, совершивъ преступленіе, ускакалъ домой, въ городъ...

Тутъ Питтъ остановился, встрѣтившись съ лакеемъ фрейгерра, возвращавшимся изъ города, и нарочно завязалъ съ нимъ разговоръ.

Лакей сейчасъ-же сообщилъ, что ему было поручено отвезти письмо въ резиденцію.

— Письмо къ племяннику вашего барина? спросилъ слѣдователь самымъ равнодушнымъ тономъ. Слуга ухмыльнулся.

— Нѣтъ-съ, письмо не къ господину барону, отвѣтилъ онъ и прибавилъ: да врядъ-ли придется къ нему письма-то возить...

— Это почему-же?

— Да они нынче не въ ладахъ между собой...

— Изъ за чего-же не поладили?

— Не могу знать... Только я ненарокомъ, значить,

слышалъ, что мой-то баринъ грозился лишить его наслѣдства, ну, и господинъ баронъ сию-же минуту собрался и уѣхалъ въ столицу, и очень былъ не въ духѣ.

— Когда-же это было?

Лакей призадумался.

— Да какъ сказать—недѣли три, либо четыре это было, отвѣтилъ онъ потомъ.

— Прежде или послѣ того, какъ былъ убитъ г. Мальтэнъ?

— Прежде-съ, прежде! Баронъ уѣхалъ наканунѣ...

— Навѣрно вы это знаете?

— Навѣрно-съ: наканунѣ уѣхалъ онъ.

— Однако, изъ за чего-же они поссорились? Подумайте-ка, можетъ быть, и смекнете?

— Какъ тутъ смекнуть? Нѣтъ, а только я полагаю, что у нашего фрейгерра была все-таки не пустяшная причина такъ грозиться: такимъ разстроеннымъ, сердитымъ я никогда и не видывалъ барина! „Лишу, говорить, тебя наслѣдства“, а ужъ я знаю его: коли онъ что разъ порѣшилъ—безпремѣнно такъ и сдѣлаетъ.

— Давно вы на службѣ у фрейгерра?

— Ужъ девятый годъ.

— Скажите, случались и прежде ссоры между ними?

— Нѣтъ... Ничего такого я не замѣчалъ промежъ нихъ; баринъ мой всегда ласковъ бывалъ съ барономъ.

— Ну, а баронъ, когда уѣзжалъ, крѣпко былъ сердитъ?

— Крѣпко! Хотя онъ и не желалъ, значить, виду этого показать, да не смогъ скрыть сердца: уѣхалъ, не попрощавшись даже съ фрейгерромъ!

Питтъ дальше не спрашивалъ: его уже сильно тянуло въ городъ, ему хотѣлось прежде всего узнать, гдѣ въ ту ночь былъ баронъ?... Приѣхавъ въ резиденцію, онъ сейчасъ-же отправился на квартиру Зельдитца, такъ какъ зналъ, гдѣ жилъ баронъ и зналъ также самого домовладѣльца, зажиточнаго человѣка, по фамилии — Освальдъ. Однако, не легко ему было заставить домохозяина показать комнату, занимаемую барономъ: г. Освальдъ обнаружилъ ужъ черезчуръ много любопытства... Питтъ, наконецъ, увѣрилъ его, что ищетъ квартиру для одного весьма богатого, пожилаго барина, и вотъ, выбралъ именно *эту*, такъ какъ она находится въ первомъ этажѣ, да кому-же изъ комнаты можно прямо выйти въ садикъ. Такимъ образомъ, ему удалось уломать домовладѣльца, и Освальдъ повелъ слѣдователя въ комнату Зельдитца.

— Ну, вотъ, это именно какъ разъ тѣ, что я ишу! сказалъ Питтъ, зоркимъ окомъ осматривая просторную и во всѣхъ отношеніяхъ удобную комнату.—Тутъ и свѣтло, и мѣста довольно, и прямо изъ комнаты—въ садъ, да это—прелестно! Пожилому господину, домосѣду, который все-таки любитъ подышать свѣжимъ воздухомъ—лучшаго помѣщенія и не надо!...

— Да, но вѣдь баронъ тоже очень доволенъ комнатой и врядъ-ли охотно уступить ее другому, замѣтилъ хозяинъ.

Слѣдователь пожалъ плечами.

— Ну, что-жъ, не можетъ-же онъ быть на васъ въ претензіи за то, если вы объявите ему, что желаете отдавать эту квартиру за болѣе высокую цѣну? Если онъ согласится платить вамъ дороже — за нимъ она и останется... Это мебель—барона?

— Нѣтъ, мебель моя, отвѣтилъ Освальдъ.

— Все очень мило!... Прекрасно убрано, право!

Слѣдователь любовался, хвалилъ обстановку, а между тѣмъ глаза его рыскали по всей комнатѣ... Не мебель его интересовала — онъ искалъ чего-то другаго, болѣе интереснаго...

— Вонъ тамъ, надъ диваномъ, пара славныхъ, кажется, пистолетовъ! Баронъ ужъ навѣрно хорошей стрѣлокъ?..

И Питтъ, подойдя къ дивану, протянулъ руку за пистолетомъ.

— Позвольте-съ! Тутъ ничего нельзя трогать! громко произнесъ Освальдъ.—Баронъ ужасно этого не любить и насчетъ этого очень строгъ.—

Слѣдователь какъ будто и не слышалъ словъ домохозяина: онъ уже держалъ въ рукѣ одинъ изъ пистолетовъ и тщательно осматривалъ его. Пулька, вынутая изъ головы Мальтэна, какъ разъ подходила къ стволу осматриваемаго пистолета, не нужно было и примѣрять...

— Какая изящная работа! Право, славная вещица! похваливалъ Питтъ.—Я, знаете, вообще люблю всякаго рода оружіе. Взгляните-ка, какъ прелестно изукрашена рукоятка!... А что—заряженъ онъ?—

Онъ медленно взвелъ курокъ.

Освальдъ испугался и отскочилъ.

— Ахъ, пожалуйста, повѣсьте его на мѣсто!

Слѣдователь, улыбувшись, исполнилъ его желаніе.

— Я и не думалъ, что вы такой боязливый человекъ! замѣтилъ онъ, выходя изъ комнаты. Вѣдь палка, сама по себѣ, опаснаго ничего не представляетъ?... Также точно ружье, пистолетъ сами по себѣ вещи вовсе не страшныя... Нужно умѣть только съ ними обращаться.—Ну-съ, а баронъ, конечно, человекъ солидный?.. спросилъ Питтъ съ нѣсколькимъ лукавымъ улыбкой.

У Освальда вырвался невольный вздохъ.

— Скажу вамъ, что мнѣ приходится радоваться, что онъ не мой сынъ, отвѣтилъ домовладѣлецъ... Вѣдь онъ по ночамъ почти что и дома не бываетъ; является тогда, когда ужъ разсвѣтать начинаетъ, ну, и спитъ потомъ до самого полдня! Впрочемъ, и то сказать, всѣ эти высокоблагородные ведутъ такую жизнь... Чтѣ-жъ, дѣлать имъ нечего, работы нѣтъ у нихъ, а деньги всегда водятся въ ихнемъ карманѣ; ну, а если вдругъ станетъ тамъ пусто—ничего, не бѣда: мало развѣ людей, готовыхъ съ удовольствіемъ дать имъ займы и потомъ содрать чортъ знаетъ какіе проценты?..

— Ну, не совсѣмъ *ничего*... Случается и имъ зачѣмъ-то и вдругъ остаться ни съ чѣмъ! Все-таки они рискуютъ... Ахъ—да, вотъ вспомнилъ кстати! живо заговорилъ Питтъ... Да вы, пожалуй, и не знаете, былъ-ли баронъ дома въ ночь на 21-е іюля?

— А вамъ это зачѣмъ-же?

Освальда опять стало мучить любопытство.

— Да это насчетъ одного нелѣпаго пари, отвѣтилъ смѣясь слѣдователь.—Видите-ли, въ ту именно ночь нѣсколько офицеровъ, сидя въ погребкѣ, побились объ закладъ съ однимъ господиномъ... Дѣло это меня интересуетъ собственно потому, что пари въ самомъ дѣлѣ—просто безумное! Ну, вотъ, я и жду съ нетерпѣніемъ, какъ оно разрѣшится... Хозяинъ погребка сообщилъ мнѣ объ этомъ курьезѣ, причѣмъ сказалъ, что самого-то господина онъ не знаетъ, а слышалъ, что офицеры называли его „барономъ“, и даже описалъ мнѣ его: это, говоритъ, былъ баринъ высокаго роста, такой стройный... Очень можетъ быть, что это и былъ баронъ Зельдитцъ?... Онъ держалъ пари, что въ 40 часовъ пройдетъ 25 миль и ни разу не присядетъ, чтобы отдохнуть!..

— Да это невозможно! воскликнулъ хозяинъ.

— И я тоже думаю, а потому-то вотъ мнѣ и хотѣлось-бы очень узнать: кто именно держитъ, или держалъ, такое пари?

— И это было, вы говорите, въ ночь на 21-е іюля?

— Да, подтвердилъ Питтъ.

— Ну, такъ это былъ, значить, не баронъ Зельдитцъ.

— Почему-жъ вы такъ думаете?

— Потому что ту ночь баронъ провелъ дома, онъ никуда не выходилъ.

— Однако, какъ вы это хорошо помните, не смотря на то, что съ тѣхъ поръ ужъ много времени прошло!..

— А вотъ это почему: 20-го числа былъ день моего рожденія. Пригласилъ я къ себѣ пріятелей; ну, сидимъ мы, только эдакъ подъ вечеръ пришелъ баронъ домой

и сталъ жаловаться, что ему не здоровится... Легъ онъ въ постель и попросилъ жену мою заварить ему чаю, а потомъ—

— За докторомъ не посылали?

— Нѣтъ, баронъ не пожелалъ этого... Ну, а потомъ, попозже, ему, кажется, стало лучше, и онъ сказалъ, что хочетъ спать и чтобы его никто не тревожилъ... Хорошо; ну, вотъ, пріятельи мои и разошлись часамъ къ десяти, чтобы въ домѣ все было тихо... Господинъ баронъ всталъ съ постели ужъ на другой день, такъ около двѣнадцати часовъ.—

— Да—а, ну, въ такомъ случаѣ, конечно, тамъ, въ погребѣ, былъ не баронъ Зельдитцъ, а какойнибудь другой баронъ! Да я и не думаю, чтобы Зельдитцъ могъ быть такимъ отличнымъ ходокомъ...

Слѣдователь проговорилъ это равнодушнымъ тономъ, слегка улыбаясь, а между тѣмъ разсказъ Освальда чрезвычайно заинтересовалъ его.

Во избѣжаніе дальнѣйшихъ разспросовъ со стороны любопытнаго домохозяина, Питтъ раскланялся съ нимъ.

Дѣйствительно-ли баронъ былъ болѣнъ тогда или только притворился больнымъ, чтобы въ случаѣ чего можно было довазать, что ту ночь онъ провелъ дома, нигде не выходилъ?.. Какже узнать это?... Тутъ и было только одно средство, одинъ путь: если Зельдитцъ застрѣлилъ Мальтэна, если это правда, то вѣдь до усадьбы дяди онъ могъ добраться только на лошади, а такъ какъ собственной лошади у него нѣтъ, то, конечно, онъ долженъ былъ взять чьюнибудь, такъ сказать, на прокатъ... У кого именно онъ взялъ ее—вотъ это-то и слѣдовало прежде всего разузнать. Питтъ не понадѣялся на себя одного и, чтобы лучше справиться съ такой задачей, поручилъ этотъ розыскъ двумъ ловкимъ полицейскимъ, причемъ и самъ продолжалъ работать по этому дѣлу. Тутъ нужно было дѣйствовать съ величайшею осторожностью, потому что, если въ самомъ дѣлѣ Зельдитцъ совершилъ убійство и если онъ теперь провѣдаетъ, что подозрѣніе пало на него—то слѣдуетъ серьезно опасаться, какъ-бы онъ не убѣжалъ...

Прошло нѣсколько дней, но всѣ пѣиски ни къ чему не привели: ни одинъ изъ содержателей лошадей никому не отдавалъ лошади въ ночь на 21-е іюля, когда Мальтэнъ былъ убитъ... Неужели-же баронъ *неповиненъ* въ убійствѣ?... Но подозрѣніе слишкомъ глубоко запало въ душу слѣдователя, онъ не могъ отбросить его, легко разстаться съ нимъ... Питтъ даже былъ убѣжденъ, что Зельдитцъ только *притворился* больнымъ... Да! Зельдитцъ ночью, или поздно вечеромъ, незамѣтно вышелъ изъ дому (выйти было легко—изъ комнаты дверь вела прямо въ садикъ), затѣмъ, перепрыгнувъ низкій заборъ, онъ очутился на улицѣ и пробрался садами до самыхъ городскихъ воротъ... А не дошелъ-ли онъ пѣшкомъ до помѣстья Маннштейна?... Что-жъ, въ какіенибудь два часа пространство это можно было пройти, но... откуда же тогда тѣ слѣды подковъ лошадиныхъ на травѣ, около ивоваго деревца? Стояла-же тамъ лошадь въ ту ночь?... Слѣдователь порѣшилъ продолжать, все-таки, пѣиски... Можетъ быть и удастся столкнуться съ человѣкомъ, снабдившимъ барона своею лошадейю?... Настойчивость эта оказалась небезполезной: труды его увѣнчались успѣхомъ.

Въ одно прекрасное утро полицейскій сыщикъ, командированный Питтомъ на рѣзски, донесъ ему, что нѣкій бюргеръ, по фамиліи Шмоллеръ, живущій у городскихъ воротъ, держитъ лошадь, которую и отдаетъ за деньги на прокатъ, и вотъ этотъ самый Шмоллеръ отдавалъ свою лошадейю какому-то господину въ ночь на 21-е іюля.

— Фамиліи господина не говорилъ? спросилъ Питтъ.

— Говорилъ, что г. фонъ Шпехтъ нанималъ у него тогда лошадь, отвѣтилъ полицейскій.

Слѣдователь немедленно отправился къ Шмоллеру и попросилъ его разсказать, какъ было дѣло.

— Да еще утромъ въ тотъ день пришелъ ко мнѣ господинъ, началъ Шмоллеръ, и сказалъ, что хочетъ взять у меня лошадь, только ночью, на нѣсколько часовъ... Мнѣ, говорить, нужно ѣхать на свиданье, а потому, говорить, отправиться я могу не иначе, какъ только поздно вечеромъ... Господинъ—такой высокій, ну, одѣтъ прекрасно... Называлъ онъ себя—фонъ Шпехтъ.

— Что-жъ, вы сейчасъ и согласились дать ему лошадь? спросилъ Питтъ.

— Нѣтъ. Этого господина я прежде никогда не видалъ, ну, а вы знаете, что быть осторожнымъ никогда не мѣшаетъ... Можетъ быть, это и не баринъ, а просто какойнибудь мазурикъ—почемъ я знаю? Вотъ, я и того... замаялся эдакъ, а онъ какъ это замѣтилъ—сейчасъ предложилъ залогъ, сколько, значить, лошадь стѣитъ.

— И вы приняли?

— Да. Онъ осмотрѣлъ лошадь и далъ мнѣ полтора талеровъ. Вечеромъ, ужъ послѣ одиннадцати часовъ, опять онъ пришелъ, сейчасъ сѣлъ и уѣхалъ.

— Когда онъ вернулся?

— Да такъ—около трехъ часовъ ночи.

— И вы сами тогда его видѣли?

— Какже, самъ видѣлъ! Нужно-же было мнѣ лошадейку посмотрѣть: можетъ онъ ее какънибудь испортилъ? Ну, и полтора талеровъ надо было ему назадъ отдать.

— А что, вы не замѣтили: былъ г. фонъ Шпехтъ эдакъ взволнованъ... разстроены, когда вернулся?

— Ёхалъ онъ шибко, это точно... Лошадка вся была въ мылѣ.

— Ну, а почему вы такъ увѣрены, что это было именно въ ночь на 21-е іюля? Времени-то много утекло съ тѣхъ поръ... Или у васъ такая отличная память?

— Ну, на память-то свою я-бы не понадѣялся, отвѣтилъ бюргеръ,—а вотъ, на другой-же день утромъ, какъ всталъ, такъ сейчасъ-же взялъ да и записалъ въ книжку: „получено 2 талера за наемъ лошадей“, и число поставилъ, а это было 21-го іюля.

— Значить, вы каждый получаемый талеръ аккуратно записываете въ книжку, на приходъ? замѣтилъ слѣдователь съ легкой улыбкой.

— Ну, гдѣ-жъ!.. Вотъ касательно лошадейки—дѣйствительно—записываю. Извольте видѣть, она у меня недавно, такъ я и самъ еще хорошенько не знаю: стѣить-ли того, чтобы ее держать? Ну, и пишу все—что издерживаю на нее, и какой она мнѣ доходъ приноситъ, чтобы черезъ нѣсколько времени подвести счетъ.

— Послѣ того вы видѣли этого господина?

— Не случилось.

— Не можете-ли вы описать мнѣ его наружность?

— Лѣтъ ему, примѣрно, около тридцати; росту онъ высокаго, видно что мужчина крѣпкій... Я такъ полагаю, что это былъ офицеръ въ партикулярномъ платьѣ...

— Ну, а узнали-бы вы его, если-бы снова увидѣли?

— О, конечно!

— Посмотрите, похожъ онъ на этотъ портретъ? Питтъ вынулъ изъ кармана фотографическую карточку Зельдитца и показалъ ее Шмоллеру. Шмоллеръ какъ только взглянулъ—воскликнулъ:

— Онъ самый! Этотъ и былъ у меня!

— Нѣтъ, вы потрудитесь хорошенько рассмотреть!

— Да говорю вамъ: онъ и есть, какъ вылитый!

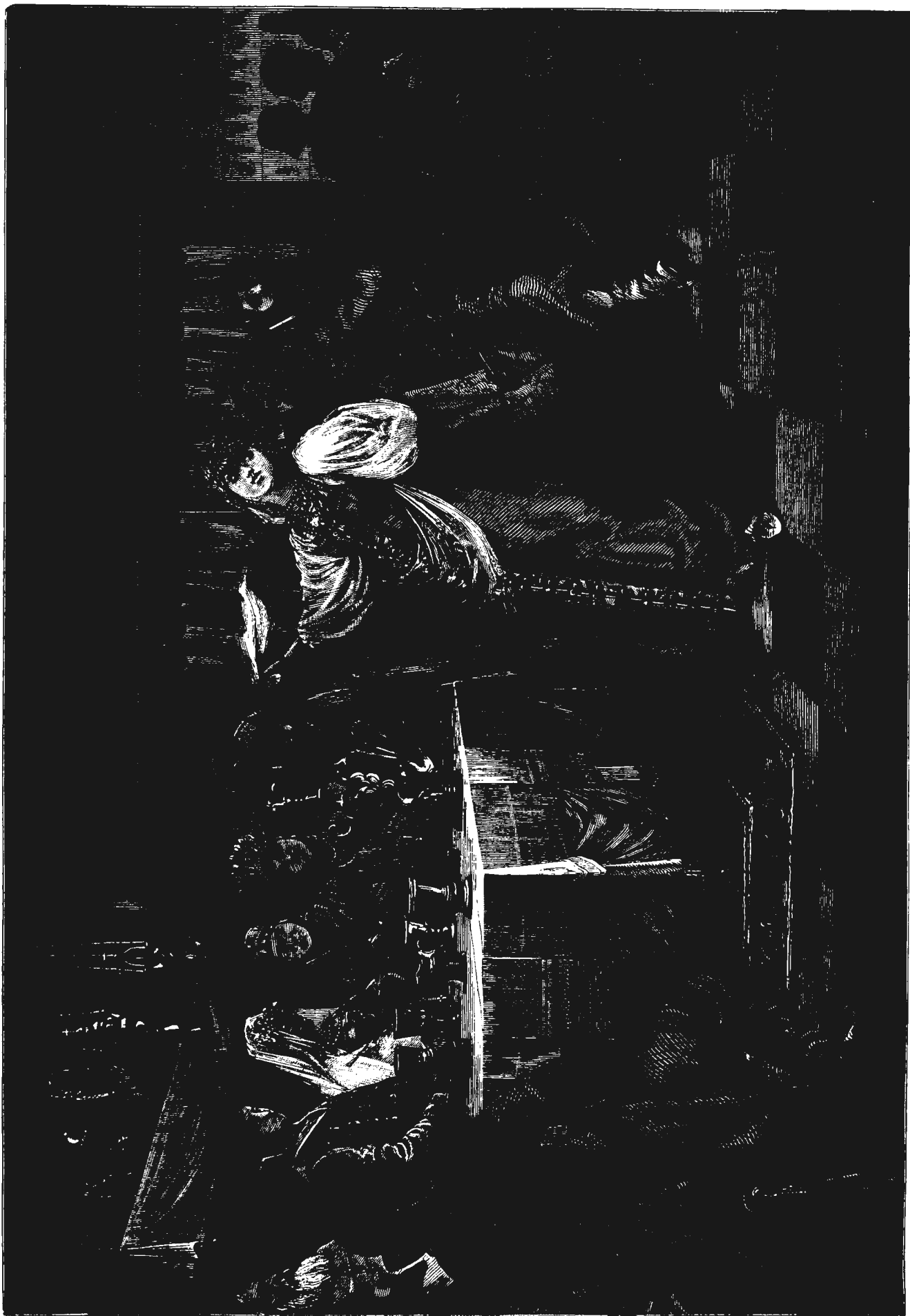
Слѣдователь торжествовалъ, лицо его сіяло...

— Говорилъ вамъ г. фонъ Шпехтъ, куда ѣздилъ онъ въ ту ночь?

— Нѣтъ, да и я не спросилъ касательно этого.

— Покажите мнѣ, пожалуйста, вашу лошадь.

Шмоллеръ повелъ слѣдователя въ конюшню. Дордой

Свадьба въ царской Москвѣ въ среднѣмъ вѣкѣ. Оригинальный рисунокъ, Медвѣдева, гравиръ К. Вейерманнъ.

онъ пытался развѣдать, зачѣмъ это слѣдователь дѣлаетъ такіе подробные разспросы?

— Сегодня я еще не могу вамъ сообщить этого, сказалъ Питтъ. Но не беспокойтесь; никакой неприятности вамъ тутъ не будетъ... Когда на судѣ потребуютъ вашихъ показаній—вы только расскажите, какъ все было, ничего не утаивая и ничего не прибавляя—одну правду.

Слѣдователь осмотрѣлъ лошадь, взглянулъ на одно изъ заднихъ копытъ ея и вымѣрилъ подкову. Размѣры подковы были тѣ-же, что и на рисункѣ, сдѣланномъ имъ со слѣда подкованнаго копыта на травѣ, около ивоваго деревца, у сада Маннштейна... Питтъ теперь уже не сомнѣвался, что преступленіе совершено Зельдитцемъ, который имѣлъ намѣреніе убить фрейгерра... Улики почти всѣ были на лицо, и представлялись настолько важными, что дѣйствительно не оставалось уже сомнѣнія, что баронъ, а не кто другой, застрѣлилъ Мальтена,—но слѣдователь, однако, не рѣшился тотчасъ-же арестовать Зельдита. У барона въ столицѣ былъ довольно большой кругъ знакомства въ средѣ высокопоставленныхъ особъ... Зельдитцъ былъ даже какъ-то въ родствѣ съ однимъ изъ министровъ... Знакомые, услышавъ объ арестѣ его, употребятъ всѣ усилія, чтобы освободить его отъ такого тяжелаго обвиненія: вѣдь онъ послѣдній представитель древняго, славнаго рода!... Если-же имъ это не удастся, то они вѣрны мѣрами станутъ препятствовать возникновенію процесса, постараются однимъ словомъ устроить такъ, чтобы баронъ остался внѣ всякаго подозрѣнія... Не благоразумнѣе ли будетъ отправиться къ фрейгерру Маннштейну и прямо предъявить ему тѣ улики, которыя имѣются противъ его племянника?... Фрейгерръ и самъ, кажется, уже заподозрилъ Зельдита; быть можетъ даже и знаетъ все, а потому нѣтъ-ли у него болѣе вѣскихъ доказательствъ въ томъ, что убійство совершено именно барономъ?... Неужели старикъ опять будетъ молчать, молчать даже тогда, когда увидитъ, что племяннику его не сдобровать, что онъ и такъ ужъ попался... погибъ?...

Питтъ порѣшилъ съѣздить къ Маннштейну.

Такъ какъ Зельдитцъ, конечно, не могъ еще знать, что подозрѣніе пало на него, то относительно бѣгства его нечего было опасаться, но тѣмъ не менѣе слѣдователь поручилъ двумъ полицейскимъ тайно слѣдить за барономъ, наблюдать за каждымъ его шагомъ и, въ случаѣ попятки Зельдита убіжать—сейчасъ-же заарестовать его.

Отправившись въ усадьбу фрейгерра, Питтъ имѣлъ довольно времени аккуратно обдумать дордогой планъ своихъ дѣйствій.

Маннштейнъ встрѣтилъ слѣдователя на верандѣ, у дверей своей спальни, какъ-то сдержанно-холодно... Видно было, что визитъ Питта былъ ему неприятенъ.

— Сожалѣю, что вотъ мнѣ опять приходится обезпокоить васъ, заговорилъ слѣдователь своимъ обычно-покойнымъ, любезнымъ тономъ.

„Маленькій фрейгерръ“, молча, движеніемъ руки пригласилъ гостя сѣсть.

— Намъ здѣсь никто не помѣшаетъ? спросилъ Питтъ. Старикъ посмотрѣлъ на него какъ-то пытливо, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ...

— Милости просимъ въ мою комнату, пожалуйста, проговорилъ онъ послѣ короткой паузы и пошелъ самъ впередъ.—Усѣвшись противъ слѣдователя, Маннштейнъ устремилъ на него вопросительный взглядъ.

— Мнѣ удалось, наконецъ, открыть убійцу г. ф. Мальтена, произнесъ слѣдователь.

Старикъ вздрогнулъ отъ испуга... Онъ почти задыхался... Нельзя было не замѣтить, сколько труда стоило ему принять спокойный, равнодушный видъ.

— Кто-же онъ... кто?...

Онъ насилу выговорилъ эти слова... Все тѣло его

дрожало... Въ эти минуты Питту жаль стало „маленькаго фрейгерра“, по тутъ онъ не могъ пощадить его, и отвѣтилъ:

— Вашъ племянникъ—баронъ ф. Зельдитцъ.

Маннштейнъ вскочилъ, но сейчасъ-же ухватился за спинку кресла.

— Доказательствъ! Дока...ка...жите! воскликнулъ онъ съ трудомъ выговаривая слова... Есть они?!...

— Да, доказательства есть...

И Питтъ рассказалъ ему все.

Старикъ молча выслушалъ слѣдователя, устремивъ на него неподвижный взглядъ...

— Все это ничего еще не доказываетъ, ровно ничего... рѣшительно ничего! воскликнулъ онъ снова... Ошибаетесь! Мой племянникъ не можетъ быть убійцей!...

— Но, г. фрейгерръ, вы сами знаете, что онъ—убійца, сказалъ спокойно Питтъ, — и знаете также, что этихъ уликъ достаточно противъ него... У васъ, можетъ быть, есть болѣе сильныя доказательства?..

— Нѣтъ ихъ у меня! Нѣтъ!..

Маннштейнъ очевидно былъ взволнованъ.

— Чтѣ-жъ, вы и не подозрѣвали его?...

Онъ молчалъ... Видно было, что „маленькій фрейгерръ“ боролся съ собой.

— Да... было у меня подозрѣніе, заговорилъ онъ наконецъ... О, оно такъ страшно давило меня, что я не въ состояніи былъ совершенно скрыть этого!... Ну, конечно, я самъ себя выдалъ!.. И какъ вамъ было не замѣтить?... Вы не повѣрите, что я вынесъ за это время... И днемъ, и ночью я только и видѣлъ передъ собой блѣдное лицо покойника... друга моего... Мертвецъ, казалось, не отходилъ отъ меня, какъ-бы прося, настаивая привлечь убійцу къ отвѣтственности, а я... не могъ сдѣлать этого! Не могъ, потому что вѣдь убійца... племянникъ мнѣ, единственный сынъ сестры моей! Онъ—послѣдній потомокъ древней, славной фамиліи никогда и ничѣмъ еще не запятнавшей себя!... Неужели-же я долженъ былъ разомъ погубить... запятнать то, что лелѣялось вѣками, изъ за чего шла борьба?... Объявить, что честь наша... потеряна?... Нѣтъ, я этого не могъ!.. Я ужъ лучше положилъ-бы руки на себя!... Боже мой, зачѣмъ эта бѣдная, сѣдая голова дожила до такихъ дней!...

Старикъ опустился въ кресло и закрылъ лицо руками... Питтъ видѣлъ и понималъ страданія „маленькаго фрейгерра“, который такъ высоко ставилъ честное имя...

Но Маннштейнъ скоро оправился, овладѣлъ собой.

— Чтѣ-жъ, арестованъ несчастный? спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще.

— Нельзя-ли какъ нибудь... спасти... его?

— Нельзя.

— Послушайте, г. слѣдователь... пока все находится еще въ вашихъ рукахъ... вы... дайте ему возможность избѣгнуть, спастись... Меня пожалѣйте! Не объявляйте его убійцей... умоляю объ этомъ, и я отдаю вамъ половину моего состоянія! Я уговорю его навсегда покинуть Европу... Не ради *его* прошу я... Пощадите память отца его и бѣдной моей сестры!...

— Господинъ фрейгерръ, вы знаете, что мой долгъ не позволяетъ мнѣ такъ поступить, отвѣтилъ Питтъ спокойнымъ тономъ...

Старикъ прижалъ руку ко лбу... Мысль, что племянникъ его опозоренъ—была невыносима для него!...

— Не думайте, пожалуйста, что я такъ жестокъ, заговорилъ слѣдователь:—вы, конечно, хорошо понимаете, что я не могу этого сдѣлать... Обязанности, принятія мною, священны для меня. Предоставьте все закону... Правосудіе сдѣлаетъ свое дѣло, и вы покажете этимъ, что чувство справедливости ставите выше всего: преступникъ долженъ быть наказанъ, хотя это и наноситъ вашему сердцу глубокую рану... Будьте-же увѣре-

ны, что не ослабнетъ къ вамъ то уваженіе, которымъ вы пользуетесь по неотъемлемому праву!...

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди „маленькаго фрейгерра“ и онъ глухо произнесъ:

— Да будетъ такъ!...

Казалось—словами этими старикъ самъ изрекалъ себѣ смертный приговоръ.

— Позвольте мнѣ теперь предложить вамъ еще вопросъ, заговорилъ снова Питтъ:—скажите, у васъ дѣйствительно нѣтъ никакого доказательства въ томъ, что убійство совершено вашимъ племянникомъ?

— Никакого нѣтъ... Подозрѣніе было — только, и я боялся даже думать объ этомъ... Я ему объявилъ, что лишу его наслѣдства, уничтожу завѣщаніе, сдѣланное мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ; по этой духовной онъ былъ единственнымъ моимъ наслѣдникомъ... И онъ зналъ, что угрозу эту я приведу въ исполненіе... Несчастный хотѣлъ помѣшать мнѣ въ этомъ!...

— Вслѣдствіе чего-же хотѣли вы лишить его наслѣдства?

— Позвольте мнѣ, г. слѣдователь, умолчать насчетъ этого обстоятельства... Да оно вовсе и не касается самага дѣла.

— Когда Мальтэнъ былъ убитъ здѣсь—ваша угроза не была еще исполнена?

— Нѣтъ, но я все-таки исполнилъ-бы ее... Когда вы арестуете его?

— Сейчас-же, по приѣздѣ въ городъ.

— Подозрѣваетъ-ли онъ, что вы открыли виновника преступленія?

— О нѣтъ! Этого не можетъ быть: до сихъ поръ я держалъ все это въ тайнѣ... Послушайте, г. фрейгерръ не имѣете-ли вы какого нибудь желанія, которое я-бы могъ исполнить... именно сдѣлать что нибудь для васъ?

Старикъ призадумался на секунду и отвѣтилъ потомъ твердымъ голосомъ:

— Нѣтъ, не имѣю. Благодарю васъ.

Питтъ поклонился и вышелъ.

„Маленькій фрейгерръ“ уналь на стуль... Казалось—силы совершенно его оставили, страданія въ конецъ доконали... Молча, неподвижно, съ тупымъ отчаяніемъ, глядѣлъ онъ куда-то и—вдругъ, вскочивъ, подбѣжалъ къ письменному столу, быстро написалъ нѣсколько строкъ, сложилъ бумагу, запечаталъ и, выйдя изъ кабинета, кликнулъ конюха.

— Осѣдай лошадь, отвези это письмо моему племяннику, заговорилъ старикъ: — скачи во весь духъ, какъ только можешь! Загонишь лошадь — не бѣда... Время дорого! Да смотри: не останавливаться ни на секунду! Ломи впередъ, никого не слушай... чтобы никто тебя не задержалъ... Слышишь? Коли все исполнишь живо—даю половину годового твоего жалованья... Поворачивайся!

Общанная награда дѣйствительно заставила конюха какъ слѣдуетъ *повернуться*: прошло всего нѣсколько минутъ, а ужъ онъ скакалъ по дорогѣ въ городъ.

(Продолженіе будетъ).

СВАДЬБА ВЪ ЦАРСКОЙ МОСКВѢ.

«Сваты съ правдою не вѣдаютъ.
Сватанье — хвастанье».

Пословица.

Мы уже рассказывали обряженіе свадебнаго дѣла съ выбора невесты до заключенія условія о выдачѣ ея въ срокъ жениху. Свадебные сборы, въ сущности должны начинаться, когда дѣло порѣшено: а порѣшается дѣло *рукобитьемъ* — просватаньемъ невесты.

Обряды свадебные въ старину — какъ велось съ незапамятныхъ временъ и какъ ведется теперь въ уголкахъ глуши, недостижимой для сильнаго прилива или напора современной цивилизаціи—были дѣломъ важнымъ, своего рода мистическо-индустриальнымъ представленіемъ почину, свято соблюдаемому, не терпѣвшему измѣненій. Эпизоды этой условно-бытовой драмы въ лицахъ, выполнялись причитаньями и плачами невесты, пѣснями подружекъ и обрядами поѣзжанъ, при руководствѣ свахи и дружекъ. Мотивомъ плача является представленіе невольнаго покиданія дѣвушкой родительскаго крова. Невѣста плакальщица выясняетъ свое положеніе тяжелое, незаслуженное: быть проданною «родителемъ батюшкою, государынею матушкою, любимымъ родомъ-племенемъ въ чужедальную сторонушку».

Перенесемся за дѣвсти лѣтъ въ первопрестольную Москву и очутимся, положимъ, у Микиты мученика на Вшивой горѣ, передъ новымъ тесовымъ заборомъ, за которымъ скрываются, въ переулкѣ, обширныя бревенчатыя помѣщенія зажиточнаго семьянина, выборнаго головы пятой суконной сотни Клима Андреевича Свѣтлыникова. Богъ его благословилъ пяткомъ дочерей, покуда не перестарковъ, хоть старшей Лушенькѣ, передъ Петровымъ постомъ перешло за восемнадцать лѣтъ и усердныя усилія трехъ свахъ (Митревны, Архиповны и Федоры Игнатьевны) наконецъ подготовили возможность брачнаго сочетанія *зрѣлой* (по понятіямъ того времени) дѣвы съ единокровнымъ сыномъ купецкой вдовы Козлятниковой, Артамономъ Лукичемъ, обладателемъ трехъ лавокъ, парнемъ 2 аршинъ 10 вершковъ. Дѣло улажено, условіе готово заключаться и обычною формою порѣшенія: зажгли свѣчу передъ иконой, сваты молятся и братъ вдовы Козлятниковой—главный сватъ своего племянника,—захватилъ полу своего кафтана и подходитъ къ отцу невесты—*бить по рукамъ*. Въ это время невесту вывели покрытую и она заголосила съ плачемъ:

«Подержите-т-ко, желанные родители,
«Меня бѣдную въ дѣвцахъ до двадцати годковъ.
«Хоша до разливной, до красной веснушки
«До лѣта будетъ до теплаго.
«Аль я вамъ, бѣдная, опостыѣла
«Не была въ дому трудницей, работницей

«Матушкѣ по дому перемиѣнницей.
«Оставьте меня родные въ дворникахъ
«Аль хоша, на милость, въ огородникахъ.
«Я уже слуга вамъ буду вѣрная
«Раба, труженица, неизмѣнная.
«Вы за что, родные, распрощивались
«Выдать меня горькую собираетесь
«За того ли чужь вамъ, за чужавина
«За приѣзжаго ли, съ вѣтру, горожанина.
«Коли долгъ у тебя, батюшка, онъ требуетъ,
«И меня за выкупъ вы отдать должны
«Не класть бы вамъ тяжекъ грѣхъ на душеньку
«Продать есть, что дороже, меня выручить.
«Жалѣть вамъ коней добрыхъ было бѣ нечего
«Добраль у насъ, въ достаткѣ не окажется».

Невесту никто не прерываетъ, а когда она оканчиваетъ—рукобитие совершилось и начались цѣлованья вступающихъ въ родню, а невеста подъ своимъ покрываломъ заводитъ другую пѣсню:

«Не чаяла меня матушка вѣкъ избыть,
«Вѣкъ избыть, со двора изжить,
«Изжила меня матушка въ единый часъ,
«Во единый часъ, за словечушко.
«Жарко въ теремѣ свѣчи горять,
«Горять свѣчи воску ярова,
«Жалостно мнѣ горькой красной дѣвницѣ,
«Жалко мнѣ дѣвицѣ русой косы,
«Русой косы, моей одной красы.
«Не унимаи меня, родной батюшка,
«Не уговорить тебѣ, родная матушка,
«Провожатыхъ мнѣ замужъ сулить нечего,
«Провожатые свезутъ—по домамъ пойдутъ
«Оставить меня молодешеньку
«Съ мужемъ чужимъ жить одинешеньку».

— «Это и распрекрасное дѣло будетъ!» вставляетъ ловко громкимъ голосомъ сватъ, перерывая условныя сѣтованія—«не будешь, дѣвка, каяться, хозяйка въ дому, что павушка; ходи знай, охорашивайся. Къ нашимъ порядкамъ приглядывайся. Наши порядки не дурные, родня-знакомцы люди слюбные. Самъ господинъ Артамонъ всѣхъ добрѣе, съ имъ поживется вамъ влестя, веселѣе. Красоты-дородства гдѣ же искать, коль не у нашего князя ихъ взять».

Женихъ встаетъ, кланяется и охорашивается. Невѣсту уводятъ за подносомъ съ наливками и, не поднимая покрывовъ,

она вновь является и становится на серединѣ свѣтлицы держа поднось, съ котораго мать невѣсты беретъ чарочки и подносятъ сватамъ и жениху со свахами. Невѣсту затѣмъ уводятъ и всѣ гости разъѣзжаются.

Прошли три дня послѣ рукобитья Луши Свѣтельниковой и въ домѣ ея родителей набралось до десятка знакомыхъ дѣвицъ изъ семей, съ которыми водили хлѣбъ-соль, да съ подложными родственницъ въ разныхъ степеняхъ родства и свойства—шить приданое. Вечеромъ, всѣхъ дѣвушекъ въ заемныхъ и своихъ саняхъ съ невѣстою повезли по роднѣ. Въ первый домъ—къ матери крестной, купчихѣ Бѣсомыкиной, успѣвшей сбыть ужъ четырехъ дочерей.

Одѣтая дѣвица, въ душегрейкахъ и епанечкахъ передъ выходомъ на дворъ, успѣлась въ свѣтлицѣ и отъ имени невѣсты, опытная, нарочно для урядя свадебнаго приглашенная, пожилая дѣвственница Соломонида Вахрамѣевна начала на распѣвъ, но борзяся, — напоминала, впрочемъ, исправно заученный урокъ.

- «Принести видно покорь будетъ родителямъ,
- «Попроситься къ роденькѣ въ гостинище
- «Не на долгую пору, не на денекъ другой,
- «На часокъ, вечерочкомъ, проѣхаться,
- «Показать свое дѣвичье рукодѣльице,
- «Захватить будетъ пальчики точеные
- «Не забыть и иголки тамбурныя
- «Съ трубушкою столокатною
- «Разшивныя цвѣтныя бумажечки
- «Кружевныя свои коклюшечки!»
- «Снарядиться не долго, въ гостиюшкѣ
- «Поплакать объ своей волушкѣ».
- «Пойдемте дѣвушки подруженьки
- «Возьмите-ка меня за бѣлы ручки,
- «Во пути дорожкѣ обороните
- «Отъ лихаго глаза ухороните».

Всѣ встаютъ, крестятся и выходятъ, чтобы попарно сѣсть въ сани; пропустивъ впереди невѣсту съ запѣвалой.

Вотъ, подѣхали къ воротамъ матери крестной, гдѣ уже все приготовлено къ приему, заранѣе условленному—какъ и вездѣ, куда по маршруту назначено ѣхать въ этотъ вечеръ. На стукъ въ кольцо, ворота отперлись для въѣзда во дворъ саней, а изъ саней принимала у входа на крыльцо хозяйка, цѣлуя въ губы каждую дѣвушку, начиная съ невѣсты и повторяя обычно «какъ здорова!» Выйдя изъ саней гости входили въ свѣтлицу, сядились, не снимая верхняго платья, и *запѣвала* отъ имени невѣсты приглашала:

- «Ну-те ка дѣвицы красавицы,
- «Милыя подруженьки забавницы,
- «Позабавьте меня жалостной пѣсенкой,
- «Помогите развѣять кручинушку,
- «Не знаю я что дѣлать, сиротинушка,
- «Челомъ побить здѣсь бѣдная прѣхала
- «Поневоля, за безвременьемъ, заѣхала».

Дѣвушки запѣвали:

- «Добры кони устоялися,
- «Колокольцы замѣшались,
- «Ко двору боярскому пристать велеть
- «На дворѣ еще звончѣ гремятъ, звонятъ,
- «Знать на радость гости мы жалуемъ»
- «Добрыхъ хозяевъ не прогнѣваемъ».

Запѣвала заволела извиненье хозяйкѣ:

- «Гнѣвъ отложите на дѣвушку,
- «Что безпокоить не одна пришла,
- «Дѣвушекъ-подружекъ за собой привела,
- «Молодыхъ молодухекъ въ послѣдъ собрала.
- «Сердце мое горькое разрывается,
- «Умъ разумъ безъ ихъ помѣшается.
- «Всѣ онѣ лебедушки желанныя
- «Мои подружки не жеманныя,
- «Ущерба хозяйевамъ не сдѣлаютъ,
- «Добра угощенья не требуютъ».

Хозяйка начинаетъ увѣрять, что угощенья нельзя не принять, не обидѣвъ хозяевъ и начинаетъ разносить сласти и варенья, одѣлая сухими лакомствами дѣвушекъ. Затѣмъ вносятъ подарки всѣмъ гостямъ, а невѣстѣ особо. Принимая подарки, невѣста выпѣваетъ въ голосъ.

- «За что изволишь жаловать родимая,
- «Всего у насъ въ домѣ достаточно,
- «Даръ твой прибавитъ въ ту коробью
- «Что увезутъ на чужу сторону.
- «Не обезсудьте насъ посѣтить
- «Меня горюшу въ бѣдѣ навѣстити.
- «Готовятъ къ свадьбѣ пированьице
- «Мнѣ дѣвицѣ бѣдной гореваньице
- «Слезъ моихъ будете свидѣтели,
- «Кручины горюхи облегчатели».

Затѣмъ, вставая, цѣлуются, и то же повторяютъ въ каждомъ домѣ, куда являются по наказу.

Въ разъѣзды эти, по три дня, всѣ родные посѣщены и начались приемы посѣщенія родныхъ, и невѣста при встрѣчахъ проплакивала въ голосъ привѣтствія жаобы:

- «Здрава будь—голубушка тетушка,
- «На дому вамъ живется ладно весело
- «Какое-то мнѣ будетъ свой вѣкъ избыть
- «Въ чужемъ домѣ съ мужемъ, въ подчиненнѣ жить
- «У данныхъ Богомъ родителей,
- Моихъ будущихъ повелителей.
- «Какъ мнѣ ихъ ласку—любовь искать
- «Аль грозы обиды въ семьѣ избывать;
- «Буду я свекрови покоряться,
- «Около батюшки-свекра увиватися
- «Сожителя словомъ не прогнѣвливать
- «Его норову поноравливать».

Наконецъ, наступилъ канунъ условленнаго дня свадьбы—*дѣвичникъ*. Женныхъ, явившейся въ послѣдніе три дня (послѣ *порученья*) къ невѣстѣ и сядилась съ нею за столъ, слушая пѣсни дѣвушекъ,—но все еще не видя въ лицѣ подруги жизни, хотя убѣждался, что она на стать не уродъ какой, какъ говорили злые люди (а онъ предварительно въ церкви не успѣлъ разглядѣть мелькомъ издали показанную свахами суженую)—пришелъ раньше обыкновеннаго, по обычаю. Сидя подлѣ завѣшенной, наряженной особы, Артамонъ не разъ порывался приподнять или отмахнуть, будто случайно, въ бокъ фату, тщательно втрое спущенную съ головы на колѣна, но его удерживала робость. Сознаніе, что за его дѣйствіями слѣдятъ зорко, также убавляло увѣренность въ успѣхъ предположеннаго маневра, могшаго привести и къ неприятности, если умыселъ окажется очевиднымъ. Поэтому, бросивъ всякую попытку удовлетворить любопытство, ловкій женихъ невольно покорился невозможности, подчиняясь условіямъ приличій и только проявлялъ нетерпѣніе при начатіи новой пѣсни дѣвушками, замѣчая съ окончаніемъ предшествовавшей признаки движения въ неподвижной фигурѣ невѣсты и думая: «Вотъ, кажется, встаетъ, чтобы поднести мнѣ чару. Особаго удовольствія не вызвала на лицѣ жениха даже пѣсня, возбуждавшая въ немъ, въ бытность на другихъ свадьбахъ, ухарское подмигиванье молодцамъ и смѣхъ, дѣлавшійся общимъ во всей компаніи. Теперь, когда запѣли живыми напѣвомъ:

- «Какъ ѣздилъ младъ отечкой сынъ
- «По селамъ, по слободушкамъ
- «По волостямъ гульливимъ»
- «Ѣздилъ онъ, самъ посвистывалъ
- «Правой рученькою помахивалъ,
- «Себѣ въ полслуха приговаривалъ:
- «Ужъ возьму ли я да младу жену,
- «А взявъ за себя ее я выучу
- «Къ воротамъ подходить околицей,
- «Отъ воротъ отходить по тропиночкѣ
- «Въ избу вступать на цыпочкахъ
- «Себя вести, смотрѣть умничей,
- «Чтобъ засовочка въ двери не щелкоула,
- «Перекладника, чтобъ не скригнула».

Артамонъ глядѣлъ на невѣсту чуть не въ упоръ и подмѣтилъ невольное трепетанье, волновавшее складки фаты. Вотъ она сильнѣе заколыхалась при послѣднихъ словахъ пѣсни, и невѣста поднялась съ мѣста. Подмѣтивъ ея движеніе, сваха всунула въ руки встававшей подносики съ двумя чарками и принявъ его, невѣста, съ неспривторнымъ плачемъ, глотая слова, запѣла въ нервномъ волненіи, достигшемъ значительной силы:

- «Охъ-ти мнѣ, да охти мнѣ-шенюко,
- «Какое-то будетъ привыкать къ семьѣ,
- «Гдѣ мужъ строгій будетъ надѣватися
- «Моей робости насмѣхатися,
- «Лучше во время покоритися
- «Передъ суженымъ извинитися
- «Поднести ему чару не малую,
- «Отмахнуть въ сторонку фату алую,
- «Глянешь, князь-господинъ, залобуешься,
- «Надо мной молодою взмилуешься,
- «Мы чарой съ тобой теперь чокнемся
- «Коли хочешь—и въ губки чмокнемся,
- «Не считай меня не покорливой,
- «Неподатливой на просьбы, назойливой:
- «Я совсѣмъ младая смиренная,
- «Жизнь намъ будетъ съ тобою отгѣнная,
- «Назовешь меня своей люблюшкой,
- «Ненаглядной, бѣлой голубушкой.
- «Коротать со мной вѣкъ тебѣ не каяться
- «И тебѣ на меня неча лаяться.
- «Не раздучницей, не перемѣшницей,
- «Я твоей хочу быть другомъ совѣтчицей,
- «Ни грозы ожидаю, ни бѣдствія,
- «На любовь свою, на ласку отвѣтствія.

Жница. Рисунокъ Медѣева, грав. Бароновскій.

«Добрый молодец, ты, чай, не звѣрь лютый,
«Не погубишь бездѣльно, мой вѣкъ за собой».

Луша едва не выронила чарки, обезсиливъ при послѣднихъ словахъ, но вина не пролила и поднимая фату, постаралась вызвать на блѣдныя уста улыбку. Аргамонъ остался доволенъ наружностью невѣсты и лицо его, сдѣлавшись добрѣе, нѣсколько успокоило невѣсту, къ которой недетунили дѣвушки и стали снимать ленту—волю. Итъ она не могла обычной заплачки и *урядчица* сама за нее заголосила:

«Моя вольная волюшка
«Пусть у родныхъ въ волю угощается
«Дѣвичьею жизнью похваляется
«Кладу я волюшку вольную
«На хлѣбъ на соль, на настольную,
«На питье воду—святую благодать,
«Чтобы было мнѣ горя не видать
«Я мѣсто волѣ ладно сдумала
«Вѣрно стадала, не раздумала
«Вдовушкамъ не дать своей волюшки—
«Вдовушки побѣдныя головушки,
«Мужу привыкли приносивать,
«Своей охоты не выставлятъ,
«Дѣвушки въ обиду отдаваются
«Мужчины надъ ними насмѣхаются,
«Покорны дѣвицъ ихъ хваленіе,
«Притѣсненіе ихъ превозношеніе;
«Моей волей я не дамъ ругатися,
«Лучше ей въ темныхъ лѣсахъ скитатися,
«Рыскавъ по трупобамъ лисицею,
«Во чистомъ полѣ вольной быть купницею,
«Пусть ее ловятъ частой сѣточкой,
«Изъ лѣсу гонятъ свѣжей вѣточкой,
«Ловець богатъ, ловкій добрый молодецъ,
«Подъ нимъ чудный конь, иноходецъ,
«Застрѣлитъ онъ волю мѣткой стрѣлочкой,
«Не бѣжать ей будетъ скорой бѣлочкой,
«Не нырять въ водѣ да сѣрой утушкой,
«Не плескаться въ струйкахъ рѣвной рыбушкой,
«Неводомъ изловить ее тотъ ловець
«Что погоню началъ, добрый молодецъ.
«Ему ли оставить гнать погонюшку
«На мою дѣвическую волюшку;
«Слетѣть же самой моей волюшки
«Со кручинной бѣдной головушки».

Снявъ ленту—волю, дѣвушки повели невѣсту въ баню, а женихъ, посидѣвъ съ дружкою не много, послѣ нихъ къ себѣ ухалъ совсѣмъ. Ведя въ баню невѣсту, дѣвушки заплѣли:

«Разогрѣйся нова баенка
«Разгорись сырая каменка,
«По баенкѣ жемчугъ разсыпается,
«Плачетъ дѣвушка, по водѣ убивается.
«Отецъ съ матерью баню нагнали
«Меня съ дѣвушками отпустили
«Скатить волю дѣвичью безсѣнную,
«Смѣнить на жизнь во чужбинѣ перемѣнную,
«Передъ чужимъ родомъ покорятися
«Горючими слезами обливатися,
«Какъ льется водича съ головушки,
«Скатитесь съ меня бѣды невзгодушки».

И затѣмъ начались шалости подругъ и невѣсты, при обильныхъ поднесенныхъ крѣпкого меда и наливки, нарочно отпущенныхъ въ баню.

Пляски разгулявшейся молодежи длились во всю ночь и только передъ свѣтомъ угомонились спутницы, упавъ въ безсилья на пуховики, разостланные въ повалку по всему полу дѣвичьяго терема.

Ужь высоко было зимнее солнце, когда мать баюница сама разбудила невѣсту—голосить *побудку* дѣвушкамъ:

«Пора встать мой подруженьки,
«Пора встать мой голубишки
«Съ пуховой со постелюшки
«Съ круто складнова головошца!
«Можетъ вамъ, голушки дѣвицы,
«Много спалось, мало видѣлось,
«А ужъ мнѣ, мои красавицы,
«Мало спалось, много видѣлось.
«Внжу, въ теремѣ, подъ оконечкомъ
«Я сажу будто принаряжена
«А по улицѣ, за стеколешкомъ
«Путь дороженька углажена,
«Надъ дорогой небо въ полдень ясное
«По небу птицъ стадо преужасное,
«Раздѣлилось стадо на три станчки:
«Въ первую стаю собралися галочки,
«Во вторую гуся словно чалые,
«А въ третьей лебедушки отсталыя

«Позади лебедка едва тянется
«Крикнетъ жалобно, да взадъ оглянется,
«Свои сестры лебедь ужъ оставили,
«Въ путь дорожку сами бѣгъ направили.
«Лебедь я отстала—вы отлетныя
«Дѣвушки, что сумы пореметныя
«За свою сестру не заступалися
«Косы какъ и мнѣ вдвое расплеталися
«Остаюсь одна я, порученая
«Подъ вѣнецъ птти благословенная».

Пронѣвъ дѣвушкамъ, обратилась невѣста къ матеря съ заплачкою:

«Я увидѣла, примѣтила,
«Что грустна ты матушка, невесела
«Низко голову въ слезахъ повѣсила,
«Отчего же съ утра раняго,
«Грусть тоска тебя крушить, томить
«Мнѣ тяжелъ твой непроглядный видъ».

Мать отвѣтъ держала общезаканной:

«Не будила я тебя, дитя милое,
«Съ утра раняго къ доенцу
«Пожалѣла вредитъ тѣло бѣлое,
«Слатъ во поле чистое, на мельницу,
«Безъ меня томить будетъ чужбинушка
«Тебя, дочь мою, сиротинушку,
«Когда выдадимъ замужъ совсѣмъ отъ насъ,
«Не тебѣ не намъ не осушивать глазъ
«Не моя воля въ твоемъ безвременницѣ
«На то есть отцово хотѣнце—
«Велѣлъ мнѣ тебя къ вѣнцу сваряжать
«Придано къ жениху посылать, отправлять».

И начался дѣйствительный плачь, при сборѣ къ вѣнцу невѣсты.

Вставшія дѣвушки стали залетать Лушѣ косу, какъ можно крѣпче, завязывая волосы узлами. Вымыли шею невѣсты—не смотря на то, что мылись въ банѣ наканунѣ; одѣли и посадили на *квалию* ожидать присыльныхъ отъ жениха, дружку съ поѣзжанами.

Прошло съ часъ или два ожиданія, тѣмъ временемъ длинный рядъ носильниковъ приданаго, выравниваясь попарно съ вещами, успѣлъ медленно выйдти изъ воротъ, направившись ко двору жениха, жившаго близко, за угломъ, къ Москвѣ рѣкѣ. Явился дружко подпоясанный шелковой ширинкою, въ смазныхъ сапогахъ и отворивъ дверь въ свѣтлицу, гдѣ сидѣла наряженная невѣста подъ фатою, громко крикнулъ—«Очистите порогъ, чтобы княжнѣ выйтти къ намъ, былъ не порокъ!» И самъ высунувъ на порогъ пригоршню мелкаго серебра. Сваха быстро подскочила съ вѣникомъ, смела себѣ въ лукошко деньги и пискливо выкрикнула: «Подождешь, вишь мало дашь!». Дружко повторяла операцію сынки денегъ разъ десять, уменьшая все количество, пока на дворъ вѣхалъ женихъ, *оставленныи* и *выводильницы* толпою окружили невѣсту, очистивъ проходъ жениху, къ накрытому столу. Сѣвъ за столъ, женихъ поспалъ спроситъ о здоровьѣ невѣсту, но посланнаго къ ней не пустили, заявляя—«княжнѣ не досугъ: она въ зеленомъ саду ходить-гуляеть, спѣлыя яблоки собираеть, князя Аргамона принять-угоститъ, нужно *доложить*».—«Извольте же ей оновѣститъ, чтобы неизволила хлопотать да груститъ!»—отвѣчалъ тысяцкой и на спросъ «которая мать, которая тетка, чтобы у всѣхъ была залита глотка», началъ раздавать ставленицамъ крупное серебро, «въ пясть, чтобы, грѣхомъ, недели кому невѣсты пократь». Удовлетворивъ стаю родственныхъ аргусовъ, «сберегательницъ», послѣдняя получившая, *вопленица*, крикнула: у «взяла продала!» И поѣзжане жениха ей отвѣтили: «такъ нашу подавай невѣсту, теперь не ваша она; мы ее серебромъ, золотомъ приобрѣли, затѣмъ, чтобы ее къ намъ свели!» И начался родъ торгова. Вопленица причитала | совершенства невѣсты: дородна, умна, красива, всѣмъ послушна, роблива, не брыклива, не гнѣвлива, на лесть не падка, на все у ей оглядка, передъ старшими сторонится, на молодыхъ не косится. Однимъ словомъ, завидный кусокъ, былъ бы только вашъ князь, какъ слѣдуетъ хватокъ!»—«Мы свое дѣло знаемъ, князя ни за что не похаемъ!» отвѣчалъ тысяцкой вопленицѣ, которая, къ нему лично обратясь, произнесла въ родѣ инструкція докторально предписывающимъ тономъ.

— «Смотри же, небольшой дѣвкопродавецъ, наша купница не щипана, не ворочена, исправно сколочена. Коли вамъ досталось теребить, не какъ не слѣдуетъ грубить. Принимай, знай, да береги, а мы вамъ не вороги: стали теперь свои родные, и вы у насъ гости честные, княжнѣ честь воздавайте, да за столъ сажайте!» и вытолкнула невѣсту въ руки тысяцкому, который привелъ невѣсту и усадилъ ее подлѣ жениха.

Посидѣли съ четвергъ часа при пѣніи дѣвушекъ:

«Нанесло тучу черную
«Въ полдень красной претемную,

«Съ громами съ трескучими
 «Съ молоньями сверкучими,
 «На высокъ теремъ батюшкинъ,
 «По надъ свѣтлу нову горенку
 «Души Душиньки хороминку
 «Прѣбжалъ чужой чужбинининъ
 «Съ великимъ славнымъ поѣздомъ
 «Требовалъ онъ души дѣвицы
 «Себѣ въ милая полюбовницы,
 «Надъ добромъ своимъ въ урядничи
 «Надъ домомъ - хозяйшки.
 «Отпускать было Душеньку
 «Съ добрымъ молодцомъ къ вѣнцу, отцу
 «Благословлять было матушкѣ
 «Иконой святой съ перенечю
 «Съ чиновной, паридною встрѣчею,
 «Икону нести братцу родному
 «Васѣ Климычу благородному».

Подвели свѣчника къ столу. Отецъ съ матерью стали съ иконою и хлѣбомъ-солью: благословили вступающихъ въ бракъ и, принявъ благословеніе, женихъ уѣхалъ къ вѣнцу, а невѣсту придержали на нѣсколько минутъ родные и знакомые, цѣдуя и желая счастья.

Наконецъ, давъ поцѣловать невѣстѣ икону, передали ее *свѣчнику* и пустили его впереди невѣсты, къ санямъ. Отецъ посаженый невѣсты провелъ лошадей подъ уздцы изъ воротъ на улицу.

Вѣнчанье отправляли какъ и теперь, безъ отмины. Повторять его мы не будемъ.

Вотъ, вывели изъ церкви молодыхъ и дружную четую сѣли они во вторыхъ сани, съ лучшей упряжью и шелковою попоною, на лошадакъ.

Путь былъ не долготъ до дому жениха, гдѣ мать его съ братомъ своимъ встрѣтили благословеніемъ въ сѣняхъ «князя и княгиню» — какъ величали жениха и невѣсту во все время свадебныхъ церемоній. А въ дверяхъ свѣтлицы обсыпали (изъ лукошка) ихъ хмѣлемъ и серебромъ мелкимъ дружка и сваха. Обсыпаемыхъ — съ благопожеланіемъ богатства въ дому и спорыни — посадили за столъ, гдѣ долженъ длиться веселый шуръ за полночь.

Картина представляетъ разгаръ шира, ничѣмъ не отличающегося отъ обычныхъ въ старину угощеній родныхъ и знакомыхъ. Развѣ одна особенность можетъ быть замѣчена на свадебномъ пиру: въ разгарѣ его, больше чѣмъ обыкновенно бываетъ, заставляли цѣловаться молодыхъ расходившіеся гости возгласами: «Не сладко! Нужно подсластить!» при смакованіи романен, вдоволь подливаемой въ кубки и чарки въ домѣ купчихи Козлятниковой, на радостяхъ.

Артамонъ, метавшій искры изъ огненныхъ глазъ, пожиралъ ими Душу, нисколько не думая въ жизнь свою приводить въ исполненіе угрозу, заставившую трепетать накануне повѣстливую теперь невѣсту.

И, поздно расходясь, угощенные вдоволь поѣзжане, пошатываясь, не разъ повторяли коснѣющимъ языкомъ слова послышавши, буквально примѣняемой къ новому сочетанію красивой парочки: «Свадьбѣ быть можно, когда женихъ съ невѣстою любятся не ложно».

ЖНИЦА.

(Рисунокъ г. Медвѣдова).

Не правда-ли, читатель, при взглядѣ на эту «Жницу» вамъ вспоминается прелестная пѣсенка покойнаго композитора Моношки «Вечеръ», которую такъ хорошо пѣла г-жа Лавровская? Тутъ, какъ видите, и поле росится, и солнце садится, жница, пожалуй, пѣсенки распѣваетъ, и —

Стала работа,
 Жать не охота —
 Мать закурить меня — знаю!

Однако — такъ-ли это? Правдиво-ли относятся наши художники къ дѣйствительности, не прикрашиваютъ ли они ее? «Жница» г. Медвѣдова скорѣе похожа на барышню-крестьянку изъ повѣсти Пушкина. Посмотрите, какъ у этой дѣвушки все въ порядкѣ: волосы причесаны, въ косу вплетены бантики, на шеѣ бусы, въ ушахъ сережки, рукава рубашки и юбки живописно драпированы — хоть сейчасъ на сцену Александринскаго театра! Но такую ли должна быть простая жница, послѣ цѣлаго дня работы — и какой работы! Чтобы сжать въ день одну тридцатую десятины хорошей ржи, надо отъ шести до десяти серповъ, и нерѣдко случается, что жнуть не только одиѣ бабы, но и мужики. Если вся деся-

тина полегла и повита травой, тогда двадцать и болѣе жницъ едва въ состояніи справиться, и *къ концу рабочего дня бываютъ страшно утомлены*. Тутъ уже не до пѣсенокъ. А во время самой жатвы никакія ни бабы, ни «дѣвичьи грезы» не помѣшаютъ работать, потому что, опять таки, жницамъ некогда заниматься грезами, да и невозможно предаваться мечтаніямъ, когда, по словамъ Некрасова, —

Оводъ жужжитъ и кусаетъ,
 Смертная жажда томитъ,
 Солнышко серпъ нагрѣваетъ,
 Солнышко очи слѣпнитъ,
 Жжетъ оно голову, плечи,
 Ноженьки, рученки жжетъ,
 Изоржи словно изъ печи
 Тоже тепломъ обдаетъ.
 Спинунка ноетъ съ науги,
 Руки и ноги болятъ,
 Красные, желтые круги
 Передъ очами стоятъ...
 Жни — дожинай поскорѣ,
 Видишь — зерно потекло!...

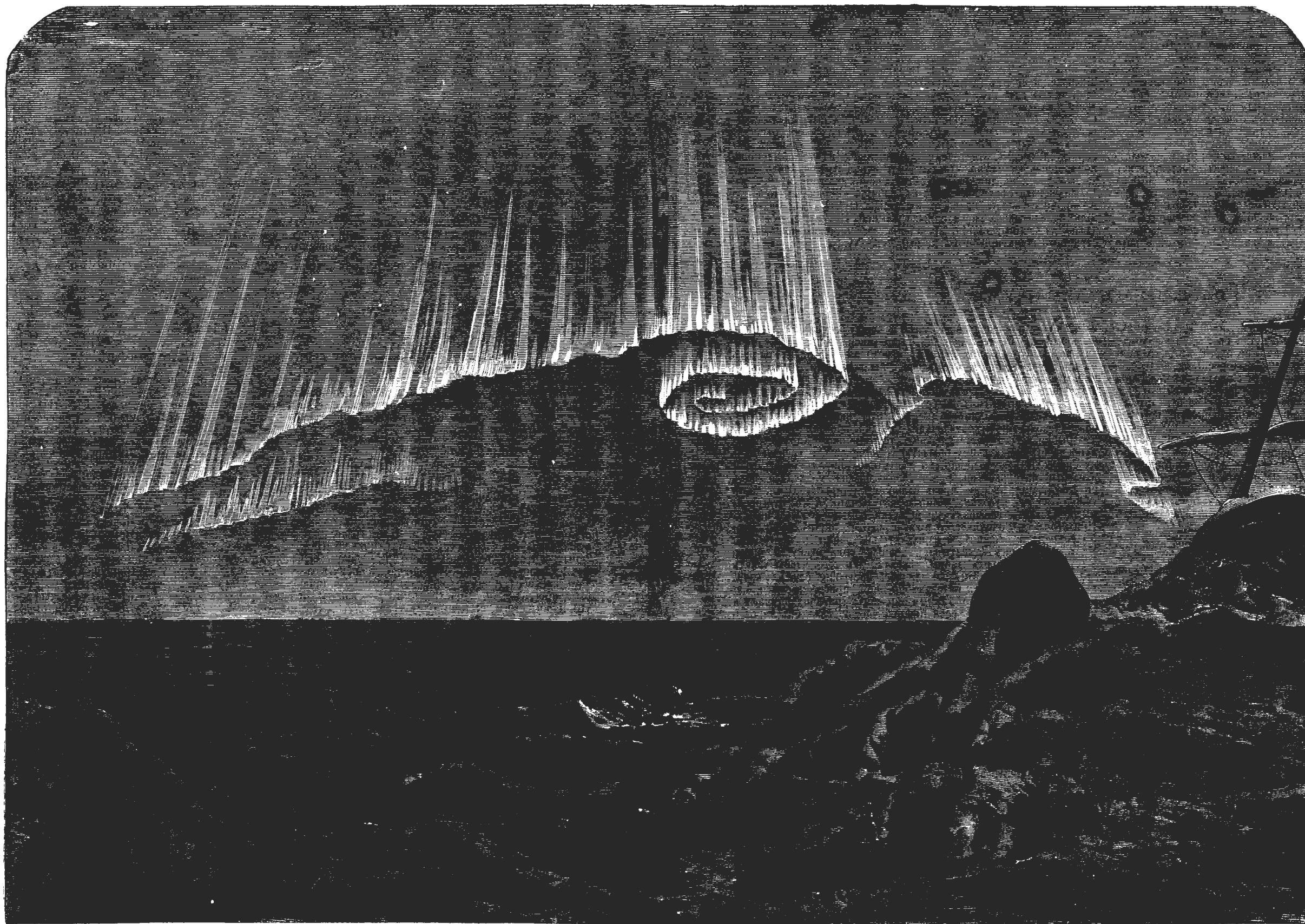
КАРТИНА СЪВЕРНАГО СІЯНІЯ.

Сѣверное сіяніе — это одно изъ самыхъ удивительныхъ, религиозныхъ явленій природы на далекомъ сѣверѣ. Чтобы насладиться имъ вполнѣ, увидѣть этотъ роскошный *небесный фейерверкъ* во всемъ его блескѣ — нужно отправиться — ну, хоть, напр., въ Колу, или на Шиппбергень. Въ этихъ печальныхъ, угрюмыхъ странахъ зимою почти ежедневно бываютъ сѣверныя сіянія, иногда блѣдныя, иногда чрезвычайно яркія. Тамъ цѣлыя недѣли сряду продолжается непроглядная, темная ночь; солнце совсѣмъ не показывается въ продолженіи двухъ, даже трехъ мѣсяцевъ... Неужели же природа такъ и оставляетъ безъ освѣщенія далекій сѣверный край? Нѣтъ, она, какъ хорошая хозяйка, не могла потерпѣть такого безпорядка: ну, что хорошего въ такихъ длинныхъ нощахъ? и — устроила тамъ совершенно особенное, оригинальное освѣщеніе, а какъ устроила — неизвестно, это ея секретъ. Дѣйствительно, до сихъ поръ наука ничего положительнаго сказать не можетъ о причинѣ возникновенія сѣвернаго сіянія, хотя много производилось наблюдений надъ этимъ феноменомъ. Полагаютъ, что сѣверное сіяніе принадлежитъ къ разряду электрическихъ явленій; замѣтили, что во время особенно яркихъ сѣверныхъ сіяній телеграфы перестаютъ дѣйствовать, какъ и во время грозъ. Были даже попытки произвести въ комнатѣ (на глобусѣ) сѣверное сіяніе; кое-что и удалось, однако же «ларчикъ все таки не открылся».

Во время австрійско-сѣверо-полярной экспедиціи (1872—1873

годахъ) нѣкоторые изъ членовъ ея тщательно наблюдали сѣверныя сіянія. Наблюденія эти были довольно продолжительны, но, къ сожалѣнію, желаннаго результата не получились. Картина сѣвернаго сіянія, выставленная въ настоящемъ № нашего журнала, сдѣлана по рисунку г. Ореля (члена экспедиціи). Вотъ что говорилъ г. Вейпрехтъ, другой участникъ въ австрійской сѣверо-полярной экспедиціи, въ публичной лекціи своей о сѣверномъ сіяніи: «Никакое перо, никакая кисть не въ состояніи изобразить великолѣпія, всей красоты этого явленія природы когда оно достигаетъ полнаго своего блеска. Человѣка поражаетъ эта величественная картина. Онъ видитъ какое-то волшебное представление, продолжающееся иногда далеко за полночь, и такія представленія бываютъ нѣсколько разъ въ мѣсяцъ, особенно съ сентября по апрѣль. А какъ земля въ это время освѣщена! Всѣ предметы на ней будто трепещутъ въ волнахъ чуднаго свѣта, падающаго сверху... Кругомъ невозмутимая тишина, какъ будто природа погружена въ мертвый сонъ, и ей грезится эта прелестная картина, это радужное видѣніе...»

Въ февралѣ 1874 г. мы видѣли удивительное полярное сіяніе. И дѣйствительно, это было нѣчто чрезвычайное: широкій, могучій огненный потокъ низвергался съ середины неба (зенита) по направленію отъ запада къ востоку; пылающія разноцвѣтныя волны его съ быстротою молніи перебрасывались съ одного конца горизонта на другой, гдѣ все небо вспыхивало до самаго магнитнаго полюса. При взглядѣ на высоко подвесаки-

Картина сѣвернаго сіянiя, видѣнная членами Австрiйской Сѣверной Экспедицiи. Рис. Эдмундъ Орель, грав. И. Кирхнеръ.

важюче, какъ бы пляшущіе, столбы яркаго трепещущаго свѣта, казалось, мы присутствуемъ на какомъ-то волшебномъ фейерверкѣ, устроенномъ самою природою. Во время второй нашей зимовки, говорилъ г. Вейпрехтъ, я поручилъ офицерамъ, которые занимались метеорологическими наблюдениями, вести особый «журналъ сѣвернаго сіянія», но это ни къ чему не повело, такъ какъ не смотря на записыванье, положительныхъ данныхъ собиралось весьма мало, и веденіе журнала прекратилось. По наблюдениямъ, это чудесное явленіе одно изъ самыхъ капризныхъ, ежеминутно измѣняющее свою форму — поэтому дать точное, правильное описаніе его — невозможно. Не смотря на всѣ мои старанія, мнѣ ни разу не удалось уловить моментъ возникновенія полярнаго сіянія. Однако, въ общихъ чертахъ, можно отличить три фазиса этого явленія, или лучше сказать — три формы его: первая — это неподвижныя, правильныя свѣтловыя дуги, поднимающіяся со стороны южнаго горизонта. Проходя черезъ зенитъ, по направленію къ сѣверному полюсу, онѣ замѣтно блѣднѣютъ; вторая — яркія, лучистыя полосы свѣтловой матеріи, свернутыя спирально, на подобіе свертковъ громадной бахромы; полосы эти безпрестанно мѣняють форму и находятся въ постоянномъ движеніи *) третья — вѣнецъ — состоящій изъ лучей, отбрасываемыхъ вѣрообразно отъ магнитнаго полюса или къ магнитному полюсу, т. е. сверху внизъ. Лучи эти обыкновенно бѣлаго цвѣта съ зеленоватымъ отливомъ, но когда они начинаютъ подскакивать, плясать, вообще — быстро двигаться — въ нихъ являюся краски радуги различной степени яркости. Много времени и труда потратилъ я на наблюдения сѣвернаго

сіянія путемъ спектральнаго анализа. Спектроскопъ, употребленный мною для этой цѣли, оказался настолько слабымъ, что мнѣ не удалось ни разу наблюдать тѣ части спектра, которыя слѣдуютъ за извѣстной зеленой линіей. Въ сравненіи съ спектральными наблюдениями шведской полярной экспедиціи, пользовавшейся болѣе совершенными инструментами, наши наблюдения не имѣютъ никакого значенія. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей высказали мнѣ, что сѣверное сіяніе, вѣроятно, имѣетъ какую-то связь съ погодой; такъ, по окончаніи этихъ рокошныхъ, безъ треска, фейерверковъ на небѣ, всегда почти разражалась бури. Существованіе такой связи подтвердить могутъ только метеорологическія числовыя данныя, приведенныя въ порядкѣ. Что касается г. Вейпрехта, то онъ, на основаніи наблюдений своихъ (а наблюдалъ онъ до сотни сѣверныхъ сіяній), заключилъ, что сѣверное сіяніе есть атмосферическое явленіе, находящееся въ связи съ метеорологическими условіями. Съ этимъ блестящимъ феноменомъ тѣсно связаны, такъ называемыя, *магнитныя теченія*; въ нашихъ странахъ они относятся къ разряду исключительныхъ явленій, но на дальнемъ сѣверѣ, у полюсовъ, эти теченія составляютъ нѣчто обиходное, нормальное. Извѣстно, что тамъ магнитная стрѣлка почти всегда находится въ движеніи. Въ заключеніе скажемъ, что тѣ, которые видѣли сѣверное сіяніе въ Сибири, увѣряють, что въ то же время слышали какой-то странный шумъ, какъ будто въ море падала масса раскаленныхъ камней. Но другіе, тоже видѣвшіе сѣверныя сіянія, заявляютъ, что никакого шипѣнья и страннаго шума при этомъ не бываетъ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ АКВАРИУМѢ.

Помните, благосклонный читатель, тотъ живой интересъ, который возбуждала въ васъ *колюшка*, когда вы были ребенкомъ? Но эта маленькая рыбка заслуживаетъ не одного дѣтскаго вниманія; это безспорно одна изъ самыхъ интересныхъ обитательницъ аквариума, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и одна изъ самыхъ опасныхъ. Опасна она вслѣдствіе ея прожорливости и варварской кровожадности: интересна по живости, и такъ сказать страстности характера, по необыкновенной вопиющей, но главное по замѣчательному строенію гнѣзда, которое въ первый разъ было изслѣдовано уважаемымъ нѣмецкимъ ученымъ Зибольдомъ, и потомъ въ многочисленныхъ описаніяхъ въ журналахъ и книгахъ по части естественной исторіи, стало извѣстно всѣмъ и каждому. Однако мы полагаемъ, что нѣкоторыя особенныя наблюдения наль жизнью колюшки, не будутъ лишены интереса для нашихъ читателей. Приводимъ разсказъ одного естественнаго испытателя, о наблюденияхъ произведенныхъ имъ въ его комнатномъ аквариумѣ.

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ», такъ начинаетъ онъ свой разсказъ, «приступилъ я къ устройству аквариума, сначала въ ваннѣ. Но, такъ какъ по прошествіи нѣкотораго времени, бѣлая свинцовая краска, которой была выкрашена внутренность ванны начала слезать, то я сталъ опасаться за здоровье ея обитателей: это заставило меня приобрести шестиугольный стеклянный аквариумъ на желѣзномъ постаментѣ, и я намѣревался переселить въ него растенія и животныхъ. Между тѣмъ этимъ временемъ колюшка-самецъ построилъ въ ваннѣ свое гнѣздо. Какъ извѣстно, у этихъ рыбъ постройкой гнѣзда, выводитъ яичъ и воспитаніемъ молодыхъ рыбокъ занимаются не самки, а самцы, которые все это время щеголяютъ въ великолѣпномъ пурпуровомъ свадебномъ нарядѣ и съ страстнымъ увлеченіемъ, предлагаютъ своимъ отеческимъ обязанностямъ. Последнія особенно отягчаются для нихъ еще тѣмъ, что тысячи враговъ подстерегаютъ молодой выводокъ еще въ яйцахъ; бѣдный самецъ долженъ постоянно караулить гнѣздо и успѣвать со всѣхъ сторонъ защищать его отъ нападеній.

На волѣ, также и въ большихъ аквариумахъ, колюшечьи гнѣзда состоятъ обыкновенно изъ стебельковъ, волосистыхъ растительныхъ веществъ и такъ называемаго «щербня», матерьяловъ, въ изобиліи находящихся на днѣ всѣхъ водъ. Гнѣздо тогда имѣетъ шарообразную форму и виситъ между водяными ситниками, нѣсколько отступя отъ дна. Сначала, какъ утверждаютъ, самецъ дѣлаетъ въ гнѣздѣ только одно отверстіе, противъ теченія; затѣмъ онъ заманиваетъ къ себѣ самочку и эта послѣдняя, положивъ яйца, пробиваетъ на противоположной сторонѣ отверстіе и удаляется. Яйца, оплодотворенныя самцемъ, остаются лежать внутри гнѣзда, будучи омываемы теченіемъ, которое столь же необходимо для ихъ развитія, какъ тепло для развитія куриныхъ яичъ. Въ стоячей водѣ, самецъ усиливаетъ это теченіе, становясь передъ отверстіемъ гнѣзда и боковыми плавниками безпрестанно колотитъ воду и прогона я ее туда. Все это я уже прежде наблюдалъ не разъ въ прозрачныхъ ручьяхъ и разъ въ одномъ большомъ аквариумѣ. Теперь точно такое же зрѣлище представилось мнѣ въ ваннѣ, но съ слѣдующими измѣненіями.

Рыбка не повѣсила своего гнѣзда между растеніями, но какъ бы врыла его въ песчаное дно около узкой стѣнки ванны. Когда оно было готово, то походило просто на песчаный холмикъ съ примѣсю щербня и мусора; если бы я изо дня въ день не наблюдалъ за работой маленькаго архитектора, то эта насыпь легко бы ускользнула отъ моего вниманія. Но уже самый способъ этой работы, самъ по себѣ въ высшей степени интересенъ. И потомъ, въ стеклянномъ аквариумѣ, я внимательно наблюдалъ за постройкой колюшечьяго гнѣзда и постоянно замѣчалъ, что рыбка всегда дѣлаетъ свое сооруженіе около стѣны, вѣроятно чтобы придать ему большую устойчивость и твердую точку опоры. Изъ всего аквариума дѣятельно собиралъ сѣмечъ строительный матерьялъ, выбиралъ то что больше подходило подъ его требованія, бросалъ прочь слишкомъ легкіе стебельки, часто тащилъ во рту кусочки, длиннѣе его самого, и въ отстроенныхъ частяхъ, засыпалъ промежутки цѣлыми слоями песку. При этомъ онъ очень часто просовывалъ голову въ массу, чтобы сохранить отверстіе и взрыхлять внутренность постройки. Часто также онъ захватывалъ полный ротъ песку и опять выпускалъ его черезъ жабры, вѣроятно для того, чтобы узнать его качество. Цементомъ же для всей постройки служилъ клейкій сокъ, который онъ изливалъ на вновь присоединенный матерьялъ; дѣлалъ онъ это такимъ образомъ: трясъ плавниками и поднимая голову кверху, всей нижней частью тѣла онъ терся о холмикъ, и ясно можно было видѣть, какъ послѣ этого вещества склеивались между собой.

Уже одна эта старательная постройка даетъ понятіе о прилежаніи и терпѣннн самца-колюшки. Я очень рѣдко видѣлъ, чтобы онъ прерывалъ свою работу для ѣды, но за то бѣдному труженнику безпрестанно приходилось отгонять враговъ или просто мѣшающихъ непрошенныхъ гостей. Такъ на примѣръ, одинъ водяной скорпионъ, постоянно плавая вокругъ аквариума, въ крайній мѣрѣ разъ тридцать въ день садился на постройку, и всякій разъ колюшка брала его въ ротъ и отбрасывала въ сторону.

Итакъ, гнѣздо было уже почти готово, когда я вынужденъ былъ предпринять вышеупомянутое переселеніе. Со всѣми другими обитателями это легко было сдѣлать, но хорошенькій колюшечій домикъ представлялъ большія затрудненія, и я просто ломалъ надъ нимъ голову. Прежде всего важно было знать: есть ли въ немъ яйца, потому что въ такомъ случаѣ едва ли возможно было тревожить рыбу, безъ того чтобы не отказаться отъ надежды на всякое потомство. Вообще мнѣ очень жаль было трогать постройку; я такъ радовался ей вначалѣ, и мнѣ досадно было думать, что какой нибудь перемѣной я могу все испортить. Будетъ ли новый аквариумъ такъ же благопріятенъ для гнѣзда, могло показать только будущее. Между тѣмъ необходимо было рѣшиться, и я рискнулъ, разумѣется какъ можно осторожно, изслѣдовать гнѣздо палочкой, на которую испуганная и разсерженная рыбка накинута съ страшной яростью. Такъ и есть! тамъ лежалъ цѣлый комъ желтыхъ яичекъ. Положеніе мое было вдвойнѣ затруднительно. Сначала выловилъ я всѣхъ еще оставшихся въ аквариумѣ самокъ, потомъ, не безъ опасенія, вынулъ моего самца и посадилъ его въ отдѣльную банку. Бѣдняга бился отчаянно, вскорѣ потерялъ свой пурпуровый цвѣтъ, и я ужъ отказался отъ всѣхъ своихъ надеждъ. Однако я все такъ со всевозможной осторожностью припод-

*) Вторая форма сѣвернаго сіянія особенно хорошо видна на рисункѣ г. Орела.

нялъ гнѣздо посредствомъ маленькой лопаточки, и тихонько неся его по стѣнѣ, вытаскилъ такъ благополучно, что самая постройка осталась цѣла, и только песокъ съ нее обсыпался болѣе или менѣе. Съ такими же предосторожностями опустилъ я гнѣздо въ мой новый акварій, по стеклянной стѣнѣ, на дно. Удалось это какъ нельзя лучше; кромѣ того я приобрѣталъ еще то удобство, что черезъ стекло могъ видѣть часть яичекъ и наблюдать ихъ развитіе—если только вообще можно было ожидать такового, въ чемъ я сильно сомнѣвался.

Только я покончилъ съ своей трудной операціей, въ которой всѣ колюшки принимали живѣйшее участіе, какъ всѣ онѣ, и именно самки, бросились на новую кучку и принялись рвать нѣкоторые торчащіе наружу стебельки такъ сильно, что всему строенію угрожала опасность, и я поскорѣе прикрылъ его слоемъ песка, чтобы спасти его отъ разъяренныхъ маленькихъ фурій. Затѣмъ я выпустилъ въ новый акварій хозяина дома, и увидѣлъ весьма печальное зрѣлище; всегда такъ храбро изгонявшій въ ваннѣ своихъ враговъ, и всегда остававшійся побѣдителемъ, здѣсь самецъ мой сейчасъ же попалъ въ самое жалкое положеніе. Всѣ набросились на новаго пришельца и такъ неистово теребили его во всѣ стороны, что я часто принужденъ былъ очень энергично защищать бѣднягу палкой и стѣкой, даже нѣкоторыхъ черезъ чуръ неистовыхъ самокъ—именно самки-то и нападали всего яростнѣе—совсѣмъ долженъ былъ удалити изъ акварія. Но все таки о спокойствіи безпріютному самцу нечего было и думать; въ отчаяніи отъ горькой потери, метался онъ вверхъ и внизъ по отражавшимъ его стекляннымъ стѣнкамъ, ничто ни могло его ни утѣшить, ни успокоить. Онъ вопилъ доказалъ тутъ, какъ несправедливо называютъ «рыбой» флегматическихъ и равнодушныхъ людей, потому что, право, ни одно изъ высшихъ теплокровныхъ животныхъ не могло бы выказывать большой страсти, чѣмъ эта крошечная колюшка съ своей холодной кровью!

Къ сожалѣнію дѣла оторвали меня отъ моихъ наблюденій, и я могъ возобновить ихъ только по прошествіи двухъ часовъ: отчаянное метанье около стѣнъ стало немного тише, наступили отъ времени до времени паузы, во время которыхъ рыбка спокойно плавала кругомъ, защищаясь противъ нападений, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто искала чего-то. Неужели она въ самомъ дѣлѣ искала свое гнѣздо? Мои друзья, бывшіе тутъ и съ интересомъ слѣдившіе за этимъ спектаклемъ, недоумчиво качали головой. Если ужъ птицы почти никогда или очень рѣдко берутъ назадъ въ свое владѣніе гнѣздо, которое было такимъ образомъ перенесено на другое мѣсто,—мало того, если только часто трогать ихъ яйца, то онѣ бросаютъ ихъ и слетаютъ съ гнѣзда,—то можно ли ожидать отъ рыбы такой памяти и впечатлительности, чтобы она здѣсь, въ совсѣмъ новомъ мѣстѣ, надѣялась отыскать свое старое гнѣздо? Однако нашъ самецъ очевидно искалъ чего то, и такъ какъ онъ опять начиналъ онемножку краснѣть, то ужъ это служило признакомъ, что онъ подумывалъ о гнѣздѣ. Можетъ быть не искалъ ли онъ мѣста для новой постройки? Въ такомъ случаѣ, разумеется, можно бы было только сказать, что онъ очень легко смотритъ на жизнь. Но нѣтъ, принадлежкіи прежняго отчаянія ясно говорили, что онъ совсѣмъ не такъ легко смотритъ на это а напротивъ сильно принимаетъ къ сердцу свое горе. Чѣмъ больше я наблюдалъ за нимъ, тѣмъ несомнѣннѣе становилось для меня, что онъ не перестаетъ думать о старомъ гнѣздѣ; когда онъ какъ-то подплылъ близко къ нему, я постарался поскорѣе возбудить его вниманіе, немного отстранивъ отъ гнѣзда песокъ и обнаживъ его волокна. Однако онъ отплылъ прочь, но зоркія самки тотчасъ же набросились на открытое мною гнѣздо, и кромѣ собственной досады, мнѣ досталось еще и отъ моихъ друзей за то, что я надѣялся. Я впрочемъ не закрылъ сейчасъ же гнѣз-

да а только отогналъ палочкой алчныхъ враговъ. И посмотрѣ-ка, вотъ и настоящій владыка опять подилываетъ сюда, и положительно внимательно смотритъ на стебельки строения, которое я еще болѣе обнажилъ. Но, увы! Вдругъ на него нападаетъ одинъ изъ собратьевъ и прогоняетъ его прочь—опять разрушились мои планы. Все таки я рѣшился еще на одинъ опытъ; я отстранилъ самокъ, и когда самецъ приблизился къ гнѣзду въ третій разъ, я поскорѣе вытаскилъ палочкой наружу часть яицъ, и съ напряженнымъ вниманіемъ ждалъ что будетъ. Мы никогда не видѣли этого собственными глазами. Только вытаскивая я назадъ свою палочку, какъ двѣ или три самки жадно бросились на яйца, безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти намѣреваясь проглотить свое собственное отродье. Но прежде чѣмъ онѣ успѣли достигнуть своей цѣли, не дремавшей въ свою очередь отецъ мгновенно налетѣлъ на нихъ, снова преобразясь въ того героя, какимъ онъ былъ въ ваннѣ, и грозно подвявъ иглы и широко разинувъ ротъ, ловкими злгзагами прогналъ псунуемыхъ мегеръ. И вотъ дошла битва за битвой, гонка за гонкой; чудесны были эти быстрые какъ молнія повороты, особенно когда два бойца бойко гнались другъ за другомъ, и точно два опытныхъ фехтовальщика старались всалить свои опасныя иглы въ слабо защищенное мѣсто противника. Наконецъ герой такъ отдѣлалъ всѣхъ, что всѣ онѣ сгрупировались на другой сторонѣ акваріума, держась въ почтительномъ отдаленіи отъ гнѣзда. Всѣ самцы быстро потеряли свой пурпуровый цвѣтъ, за то побѣдитель сіялъ во всемъ блескѣ своего прежняго яркаго пурпура. Онъ немедленно принялся за восстановленіе своего дома. Прежде всего онъ опять глубоко зарылъ яйца, потомъ привелъ въ порядокъ расторможенные волокна, надулъ на нихъ песку, хорошенько склеивъ все и продѣлалъ необходимыя отверстія. Все это интересное зрѣлище было намъ отлично видно черезъ стѣнку акварія. Дальнѣйшія наблюденія все больше и больше возбуждали наше удивленіе; особенно интересно было наблюдать собственно выводку яицъ, посредствомъ постоянного притока воды, потому что тутъ маленький нашъ герой становился почти вертикально надъ гнѣздомъ и съ такой силой двигалъ своими нѣжными плавниками, что легкіи щебенъ слеталъ съ гнѣзда и несочная его крышечка дѣлалась ровною и гладкою. Въ самомъ дѣлѣ нельзя было не уважать его за то, терпѣніе, съ какимъ онъ исполнялъ свой отеческій долгъ. Дѣйствительно ли онъ узналъ свое старое гнѣздо, или, побуждаемый отеческой потребностью, просто воспользовался этимъ замѣнъ потеряннаго, трудно рѣшить.

До сихъ поръ все шло хорошо, и заголовокъ этого разказа не имѣлъ бы смысла, если бы мнѣ не нужно было прибавить здѣсь печальнаго конца этой маленькой рыбьей драмы. Нѣсколько дней герой нашъ держался бодро, я вѣрно помогая ему отгонять опять было поднявшихъ голову враговъ. Но тутъ мнѣ надо было на нѣсколько дней уѣхать, и когда я возвратился домой, семейство мое встрѣтило меня съ страшной вѣстью: всѣ попали на самца, разрушили гнѣздо и самки пожрали яйца. Все это оказалось справедливымъ, и я нашелъ однѣ развалины, а герой мой, весь израненный, попржему отчаянно бился о стеклянную стѣну; черезъ два дня онъ окопѣлъ. Пусть смѣется кто хочетъ, но, сознаюсь откровенно, эта «трагедія въ акваріумѣ» произвела на меня тяжелое впечатлѣніе и я долго не могъ забыть моего маленькаго храбрца.

Замѣчу еще, что впоследствии у меня бывало много колюшечныхъ гнѣздъ; при этомъ я часто совсѣмъ перемѣнялъ воду и вынутая передъ этимъ рыбка преспокойно шла назадъ въ старое гнѣздо и выводила яйца. Крошечныя новорожденные рыбки, разумеется, скоро погибали отъ недостатка соотвѣтствующей имъ пищи».

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Дѣйствія правительства.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра юстиціи объ установленіи однообразнаго для всѣхъ мѣстностей размѣра вычетовъ, по казеннымъ взысканіямъ изъ пенсій, производимыхъ вдовамъ чиновниковъ, и соглашаясь въ существѣ съ заключеніемъ министра, мнѣніемъ положилъ:

1. Для пополненія казенныхъ взысканій изъ пенсій, производимыхъ вдовамъ чиновниковъ, удерживать и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не введены судебныя уставы 20-го ноября 1864 года, одну треть.

2. Измѣненіе, соотвѣтственно тому, подлежащихъ статей свода законовъ и свода во-

енныхъ постановленій предоставить второму отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и военному министерству, по принадлежности.

Такое мнѣніе государственнаго совѣта 11-го сего октября Высочайше утверждено.

Дала церкви.

Распоряженіе свѣтѣйшаго синода о повсемѣстномъ въ Россіи сборѣ пожертвованій на нужды православной духовной миссіи въ Японіи.

По заявленію въ 1869 году настоятелемъ церкви при консултѣвѣ нашемъ въ Японіи объ обнаруживаемомъ тамошнимъ населеніемъ желаніи ознакомиться съ истинами христіанской вѣры, свѣтѣйшій синодъ, въ ви-

дакъ удовлетворенія этимъ стремленіямъ, положилъ образовать въ Японіи особую духовную миссію изъ начальника миссіи, трехъ миссіонеровъ-сотрудниковъ и одного псаломщика,

Не смотря на недавнее учрежденіе этой миссіи, при ней находится въ настоящее время 15 катехизаторовъ, 30 катехизаторскихъ учениковъ и заведено училище для христіанскихъ дѣтей, въ которомъ обучается 60 учениковъ; въ Иедо, столицѣ Японіи, приобрѣтено настоящее помѣщеніе для миссіи, а въ прошедшемъ году приступлено къ построенію каменнаго дома для помѣщенія двухъ миссіонеровъ и 50 учениковъ съ японскими учителями и домовою церковью; въ Хакодатѣ, мѣстопробываніи нашего консула, приобрѣтены два дома: въ одномъ помѣщены нѣкоторые катехизаторы, другой служить моли-

твеннымъ домомъ; а сверхъ сего построено отдѣльное зданіе для школы, и въ Сендаѣ предполагается построить церковный домъ.

Святѣйшій синодъ постановилъ: открыть повсемѣстный въ Россіи сборъ пожертвованій на восполненіе означенной миссіи:

Денежныя пожертвованія принимаются:

1) Въ Москвѣ, въ православномъ миссіонерскомъ обществѣ и у священника Гавриіла Срѣтенскаго, при вознесенской, на Большой Никитской, церкви.

2. Въ С.-Петербургѣ, у сотрудниковъ миссіи: священника христорождественской, на Пескахъ, церкви Василія Маслова; священника благовѣщенской церкви Иоанна Демкина, на Васильевскомъ островѣ, и священника Теодора Быстрова, въ инженерномъ замкѣ.

3. Во всѣхъ комитетахъ православнаго миссіонерскаго общества, гдѣ таковыя существуютъ.

Петербургъ и Москва.

— 22-го октября разосланы подписные листы для сбора пожертвованій въ пользу пострадавшихъ славянъ по церквамъ слѣдующихъ епархій: тульской, астраханской, казанской, псковской, рязанской, тверской, вологодской, владимірской и ярославской. Всѣхъ листовъ разослано около 7,000. Всякій подписной листъ снабженъ печатью славянскаго комитета и подписями председателя И. П. Корнилова и секретаря И. К. Янкуло.

— По словамъ „Journal de St. Petersburg“, 22-го октября вице-адмираломъ Еномото-Такеаки, чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ Японіи данъ былъ большой обѣдъ, по случаю дня рожденія императора японскаго. За этимъ обѣдомъ г. временноуправляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ провозгласилъ тостъ за японскаго императора; г Еномото-

Такеаки отвѣчалъ на этотъ тостъ за за Его Императорское Величество Государя Императора.

— «Русск. Миръ» слышалъ, что отставка московскаго городского головы г. Шумахера не принята министромъ внутреннихъ дѣлъ впредь до полученія обстоятельнаго разрѣшенія причинъ временнаго арестованія г. Шумахера. Въ случаѣ же, если отставка г. Шумахера состоится, то, по всему вѣроятію, на его мѣсто будетъ избранъ князь Черкасскій.

Служб.

— По слухамъ, польскимъ банкомъ предполагается разыграть въ будущемъ году двѣ пятиклассныя лоттереи, изъ коихъ каждая въ 23,500 номеровъ, съ платою за билетъ во всѣхъ классахъ 60 р.; согласно утвержденнымъ для каждой лоттереи основаніямъ, на выигрышъ въ каждой лоттерее полагается 1,263,000 рублей.

— «Русскій Миръ» сообщаетъ, что въ средѣ фабрикантовъ, заводчиковъ и оптовыхъ торговцевъ возбужденъ вопросъ о ходатайствѣ относительно пониженія пошлины съ товаровъ, вывозимыхъ въ Финляндію и обратно—привозимыхъ изъ Финляндіи.

— «Русскія Вѣдомости» сообщаютъ, что докторъ Струсбергъ, въ моментъ своего ареста въ Петербургѣ, послалъ, при посредствѣ секретаря своего, депешу заграницу, извѣщающую о прекращеніи имъ платежей на 20 милліоновъ рублей.

ПОЧТОВЫИ ЯЩИКЪ.

1) Нѣкоторые изъ нашихъ подписчиковъ, ссылаясь на выноски къ статьѣ «Кишиневъ», помѣщенной въ № 41 «Нивы», заявляютъ, что не находятъ въ этомъ № другихъ рисунковъ, изображающихъ лучшія улицы и

зданія Кишинева. Выноска эта принадлежитъ автору статьи «Кишиневъ». Дѣйствительно, онъ приложилъ къ своей статьѣ нѣсколько рисунковъ, но Редакція нашла возможнымъ помѣстить только одинъ, именно общій видъ Кишинева.

2) Г. „доброжелателю“ изъ Харькова. Прибавленіе „Парижскихъ модъ“ мы завели по желанію многихъ изъ нашихъ гг. подписчиковъ, которыхъ эти прибавленія удовлетворяютъ. Что же касается до страннаго совѣта: ихъ „уничтожить“, то (такъ какъ они прилагаются къ журналу бесплатно) безъ ущерба себѣ, каждый, кому эти прибавленія не нравятся, можетъ ихъ уничтожить. Давать гг. подписчикамъ за 4 р. 52 № съ таковой массой рисунковъ и съ такими двумя приложеніями, какіе вы получили, если вы подписчикъ «Нивы»—неужели требуются еще какія нибудь особенныя улучшенія? Мы впрочемъ постоянно объ нихъ заботимся. Очень вамъ благодарны за заботу объ нашихъ выгодахъ, но читатели конечно оцѣнятъ пятилѣтнія, постоянныя труды наши. Повидимому г. доброжелатель не имѣетъ представленія объ расходахъ, съ какими сопряжено изданіе иллюстрированнаго журнала. Чтобы покрывать только расходы намъ надо не менѣе 15 тысячъ подписчиковъ. Конечно «Нива» имѣетъ ихъ больше; но при такихъ расходахъ легко ли заводить новыя улучшенія, какъ думаете, г. доброжелатель?

СОДЕРЖАНІЕ. Федоръ Антоновичъ Бруни (съ портретомъ). — Кто выиграетъ?.. (Изъ современной уголовной хроники). Романъ Ф. Фридриха (продолженіе). — Свадьба въ царской Москвѣ (съ рисункомъ). — Жланда (съ рисункомъ). — Картина сѣвернаго сіанія (съ рисункомъ). — Трагедія въ акваріумѣ. — Разныя извѣстія.

Редакторъ Ф. Бергъ (Боевъ).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.

Въ виду приближенія времени подписки на 1876 г., мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ воспользоваться возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ номеровъ.

При возобновленіи подписки просимъ покорно высылать печатные редакціонные адреса отъ бандеролей, въ которыхъ подписчики получаютъ „НИВУ“ въ нынѣшнемъ 1875 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

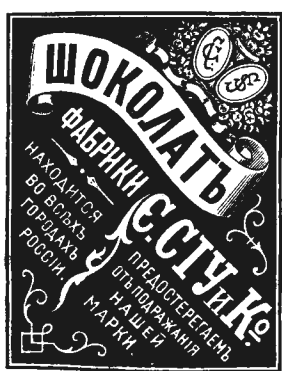
- I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ 4 р.
- II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ 5 р.
- III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжный магазинъ И. Гр. Соловьева, А. Ланга и А. Живарова 4 р. 50 к.
- IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к. *)

*) Почтовыхъ марокъ не принимается, а просимъ высылать этотъ полтинникъ серебромъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи «НИВЫ» въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9.

Издатель „НИВЫ“ А. Ф. МАРКСЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

45 15

26 — 1

„ПЕРЧАТКИ“.

Французскія лайковыя перчатки, шведскія сѣрпы замшевыя и бѣлыя военныя перчатки, большой выборъ теплыхъ перчатокъ на мѣху, фланели и байкѣ. Прочныя ежедневныя перчатки изъ первыхъ россійскихъ фабрикъ по 90 коп. за пару. **Магазинъ А. Штейнберга.** Невскій проспектъ, домъ Казанскаго собора, № 25.

2—1

МУЖСКІЯ ПЛАТЬЯ.

Мѣховыя шубы, шубки и пальто, шинели и пальто на ватѣ съ мѣховыми воротниками, готовые и по заказу. Принимаются въ передѣлкѣ разныя мѣховыя вещи. Заказы на военныя платья для гг. морскихъ офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ; передѣлываются прежней формы военно-гражданскіе сюртуки по новому Высочайше утвержденному рисунку. Большой выборъ военныхъ перчатокъ лучшаго достоинства. Большой выборъ всевозможныхъ матерій. Заказы исполняются аккуратно и по цѣнамъ умереннымъ. Гимназическіе мундиръ. Дѣтскіе красивые костюмы и пальто. Гг. нигороднымъ заказчикамъ по требованію немедленно высылаются прейсъ-курантъ магазина, съ правилами снятія мѣрки въ рисункахъ.

А. Ф. Штейнбергъ.

№ 25. Невскій проспектъ, д. Казанск. Собора. № 25.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ.

Орѣховый экстрактъ, цѣна 2 руб. 50 к., съ пересылкой 3 р., окрашиваетъ въ нѣсколько минутъ, волосы, бороду, баки и усы въ отличный черный и коричневый (Pion) цвѣтъ; Оде-капиль, цѣна 1 руб. 50 к. съ пересылкою 2 руб. извѣстна своимъ удивительнымъ дѣйствіемъ, возвращаетъ сѣдинѣ первобытный цвѣтъ. **Магазинъ А. Ф. Штейнберга,** Невскій проспектъ, домъ Казанскаго собора № 25.

2—1

При этомъ № прилож. объявл. для иногор. подп. отъ нижняго магаз. А. И. Манухина въ Москвѣ и отъ чайнаго маг. Ольги Корещенно въ г. Москвѣ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,

№ 46

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1875

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
Парижскія моды и листъ чертежей выкроекъ. Цена этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Выдап. 17 Ноября 1875 г.

Цена этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.

Въ виду приближенія времени подписки 1876 г., мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ номеровъ.

Приготовление около 14.000 печатныхъ адресовъ для гг. иногородныхъ подписчиковъ требуетъ весьма большой работы и времени такъ что намъ гораздо легче если подписчики теперь уже благоволятъ выслать свои требованія ибо въ концѣ Декабря когда всѣ требованія поступать вдругъ, большое количество адресовъ трудно съ разу приготовить.

При возобновленіи подписки просимъ покорно высылать печатные редакціонные адреса отъ бандеролей, въ которыхъ подписчики получаютъ „НИВУ“ въ нынѣшнемъ въ 1875 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р.	III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ княж. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	5 р.	IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.

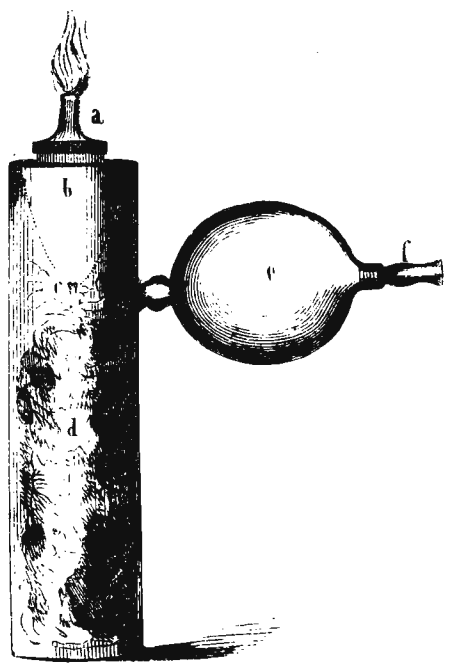
*) ПОЧТОВЫХЪ МАРОКЪ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ, а просимъ высылать этотъ полтинникъ серебромъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи «НИВЫ» въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9.

Издатель «НИВЫ» А. Ф. МАРКСЪ.

НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.

Патентованная карманная газовая лампочка, изображенная на нашемъ рисункѣ—это новое американское изобрѣтеніе, которое, по всей вѣроятности, и у насъ будетъ имѣть успѣхъ. Лампочку эту, въ футлярѣ или безъ футляра, смѣло можно носить съ собою—въ карманѣ. Состоитъ она, какъ это видно на рисункѣ, изъ простаго цилиндрика (все равно—стекляннаго или металлическаго), къ которому привинчивается горѣлка *a*. Отвинтивъ эту горѣлку, въ резервуаръ вливаютъ не болѣе двухъ наперстковъ бензина, который почти мгновенно и всасывается губкой, находящейся въ нижней части цилиндрика *d*. Выше, снаружи, находится не-

Патентованная карманная газовая лампочка.

большое отверстіе, къ краямъ котораго приделанъ резиновый мѣшочекъ *c*, снабженный мундштукомъ. — Для того чтобы зажечь лампочку, слѣдуетъ сперва, посредствомъ мундштука, наполнить воздухомъ резиновый мѣшочекъ; тогда струя воздуха, понавъ въ цилиндрикъ, станетъ выталкивать бензинный газъ черезъ отверстіе *c* въ верхнюю часть резервуара *b*, т. е. къ горѣлкѣ, а затѣмъ уже стоитъ только поднести къ ней зажженую спичку—и вспыхнетъ яркій огонекъ. Пока въ резиновомъ мѣшечкѣ довольно воздуха (а его можно вдвухъ и во время горѣнія), лампочка не погаснетъ, конечно, если не истощится запасъ бензина въ губкѣ.

Кто выиграл?...

(Из современной уголовной хроники).

РОМАНЪ
Ф. Фридриха.

(Продолжение).

Маннштейнъ вернулся въ свою комнату и снова тяжело опустился на стуль... То, чего онъ такъ страшился—увы, уже не было только мыслью: оно осуществилось, оно—*есть!*... Племянникъ... сынъ сестры—его ли онъ не баловалъ?... Не онъ-ли исключительно содержалъ его въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ?—хотѣлъ... хотѣлъ убить его—дядю!... „маленькій фрейгерръ“ уже не думалъ о томъ, что совершенно случайно избѣжалъ смерти... Да онъ теперь очень мало дорожилъ жизнью, потому что ничего не ощущалъ, ничего не сознавалъ, кромѣ одного, что *сынъ родной его сестры—убійца!*..

Задумался старикъ... Въ немъ ожили воспоминанія, которыя и унесли его въ далекое прошлое... Чтѣ за радостный былъ день, когда въ домѣ барона Зельдитца, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ супружеской жизни, явилось на свѣтъ новое существо—мальчикъ!... И фрейгерръ былъ тамъ и видѣлъ, какъ сестра его съ сіяющимъ, радостнымъ лицомъ прижимала къ груди этого мальчика, и какъ потомъ отецъ взялъ у нея ребенка и, въ восторгѣ, высоко его приподнялъ... Какъ гордился баронъ Зельдитцъ своимъ сыномъ, видя какъ тотъ растетъ, крѣпнетъ! Часто восклицалъ онъ: „Вотъ вѣдь сейчасъ видно—поглядите—кровь Зельдитцовъ бѣжитъ въ его жилахъ! Да, Зельдитцы всегда были такими молодцами!“... Если-бы въ то время онъ вдругъ какъ нибудь узналъ-бы, что сынъ его сдѣлается преступникомъ... убійцей—да онъ убилъ-бы его тогда, не смотря на его дѣтскій возрастъ, чтобы предотвратитъ позоръ, занявшій теперь баронскій гербъ Зельдитцовъ... И благо, что нѣтъ уже въ живыхъ ни отца, ни матери этого „несчастнаго“, погубившаго свое честное имя!.. Они не перенесли-бы такого позора!..

Слѣдователь ѣхалъ по дорогѣ въ резиденцію. Онъ уже твердо порѣшилъ, что какъ только пріѣдетъ въ городъ—сейчасъ-же арестуетъ барона. Печальныя мысли бродили его въ головѣ... Онъ думалъ о томъ, какое горе посѣтило „маленькаго фрейгерра“, какъ тяжело старику и—вдругъ услышалъ позади себя конскій топотъ. Обернувшись, Питтъ сейчасъ-же узналъ конюха Маннштейна... Не послалъ-ли его фрейгерръ въ догонку ему, чтобы еще кое-что сообщить по настоящему дѣлу?..

Вотъ, конюхъ уже близко, вотъ, онъ и у кареты, но чтѣ-жъ онъ не останавливаетъ лошади?..

— Эй, стой! Стой! прикрикнулъ Питтъ.

Но тотъ пролетѣлъ мимо, не обративъ на крики никакого вниманія.

Слѣдователь догадался въ чемъ дѣло: конюху поручено отвезти записку барону... Дядя увѣдомлялъ племянника о томъ, чтѣ ему грозило, предупреждалъ его... Питтъ не ожидалъ этого!

— Гоните лошадей! Скорѣй, скорѣй! Непремѣнно догоните его! закричалъ онъ кучеру.

— Кучеръ началъ хлестать немилосердно своихъ коней... Пошла бѣшеная скачка; карета, подпрыгивая, летѣла, но конюхъ все-таки былъ далеко впереди кареты...

— Гдѣ догнать! Шабашъ! проговорилъ наконецъ возница и бросилъ погонять лошадей.

— Живѣй! Воните! Шибче! кричалъ слѣдователь, высунувшись изъ окна экипажа и тревожно слѣдя за мчавшимся конюхомъ, который все болѣе и болѣе удалялся отъ кареты...

Опять раздались удары кнута, и, немного времени спустя, Питтъ уже былъ въ городѣ, у самага дома, гдѣ

жилъ баронъ Зельдитцъ. Замѣтивъ на улицѣ одного изъ караульныхъ — полицейскихъ, онъ однимъ кивкомъ поздравилъ его къ себѣ.

— Чтѣ, баронъ еще у себя—дѣма? спросилъ онъ.

— Дѣма. Будьте спокойны.

— Не пріѣзжалъ-ли сюда, не задолго до меня—конюхъ?

— Былъ, это точно. Какъ пріѣхалъ—сейчасъ слѣзъ съ лошади и пошелъ въ домъ.

— Не выходилъ еще оттуда?

— Вышелъ. Недолго онъ тамъ побылъ... А лошадь повелъ вонъ туда, въ прогулокъ. Товарищъ мой слѣдомъ за нимъ, чтобы изъ виду не выпустить... Слышали мы, какъ онъ тутъ спрашивалъ: дома-ли баронъ?

Питтъ вздохнулъ свободнѣе... Зельдитцъ—тутъ, онъ не бѣжалъ... Теперь уже нельзя было медлить, но слѣдователь не рѣшался войти къ барону, въ сопровожденіи одного полицейскаго, и арестовать его: онъ ожидалъ со стороны Зельдитца сильнаго сопротивленія, даже борьбы.

— Сбѣгайте за вашимъ товарищемъ, и сейчасъ-же оба сюда, какъ можно скорѣе! сказалъ онъ полицейскому.

Тотъ побѣжалъ, а Питтъ остался караулить около дома, ибо баронъ могъ сейчасъ выйти на улицу.

Полицейскіе живо явились.

— Ступайте за мной. Сабли держите наготовѣ... Можеть быть, придется брать силой...

Слѣдователь быстро вошелъ въ домъ и, подойдя къ двери, ведущей въ комнату барона, попробовалъ отворить ее, но дверь была заперта.

— Кто тамъ? раздался голосъ Зельдитца.

— Отъ фрейгерра! Отпирайте скорѣй! крикнулъ Питтъ.

Замокъ щелкнулъ, дверь отворилась... Баронъ, увидѣвъ полицейскихъ, отскочилъ въ испугѣ, но потомъ прыгнулъ къ дверямъ, чтобы снова запереть ихъ—поздно! слѣдователь уже былъ въ комнатѣ...

— Именемъ закона! произнесъ онъ, быстро подойдя къ Зельдитцу.

Баронъ снова отпрянулъ и, схвативъ со стола одинъ изъ пистолетовъ (какъ видно, онъ собирался въ дорогу и хотѣлъ вооружиться имъ), поднялъ его и направилъ въ непрошеннаго гостя.

— Прочь! крикнулъ Зельдитцъ громкимъ голосомъ.

Питтъ въ свою очередь тоже отскочилъ — въ сторону... Онъ не спускалъ глазъ съ барона, и вдругъ однимъ прыжкомъ очутился около него... Мелькнула огненная струйка—трррахъ! и пуля, не задѣвъ никого, врѣзалась въ стѣну. Зельдитцъ кинулся къ другой двери, ведущей въ садикъ, но слѣдователь успѣлъ его отбросить, а полицейскіе схватили барона... Завязалась жаркая борьба. Въ ярости, доходящей до безумія, онъ билъ пистолетомъ направо и налево... Неизвѣстно, чѣмъ-бы кончилась эта свалка, т. е. кто-бы вышелъ побѣдителемъ, такъ какъ Зельдитцъ въ самомъ дѣлѣ обладалъ необыкновенной силой, если-бы Питту не удалось натолкнуть противника на стулъ: баронъ новалился, поднимаясь ему уже не дали и живо скрутили руки веревкой... Онъ всталъ обезоруженнымъ. Глаза его горѣли какимъ-то мрачнымъ огнемъ и глядѣли свирѣпо.. Злоба душила его; онъ до крови кусалъ себѣ губы, стараясь высвободить руки, но всѣ усилія его были тщетны...

— Это чтѣ за кандалы?! Развязать! крикнулъ онъ запальчиво. Подъ судъ васъ! Вы отвѣтите за все это...

Какъ вы смѣли напасть на меня въ собственной моей квартирѣ!?

— Подобныя угрозы, г. баронъ, на меня не дѣйствуютъ, отвѣтили Питтъ—и *вамъ прежде* меня придется отвѣтить передъ судомъ.

— Отвѣтить—за что?

— Полагаю, что вы сами хорошо знаете *за что*...

— Я васъ не понимаю!

— Извольте, скажу яснѣе: вы отвѣтите за то, что, имѣя намѣреніе убить своего дядю, вмѣсто него застрѣлили г. ф. Мальтэна.

Обвиненіе это, выраженное такъ коротко и ясно, какъ-бы прихлопнуло Зельдитца: онъ такъ былъ озадаченъ этимъ, что съ секунду простоялъ въ столбнякъ, но потомъ, овладѣвъ собой выпрямился и закинулъ голову.

— Я?!.. Ну, въ такомъ случаѣ я небывалый, чудесный стрѣлокъ! Значить, я, стрѣляя изъ этой комнаты, умѣю попадать въ усадьбу дяди, такъ какъ въ ту ночь я былъ дома, болѣе былъ, лежалъ въ своей постелѣ?... Что все это было такъ—мой хозяинъ и жена его могутъ это засвидѣтельствовать.

— Но и я могу выставить свидѣтеля. Показанія его будутъ *поважнее*, замѣтили слѣдователь, такъ что они совершенно отстранятъ ваши... Вы тогда притворились больнымъ, но принятая вами мѣра предосторожности оказалась бесполезной: бюргеръ Шмоллеръ, у котораго вы тогда, ночью, брали лошадей на нѣсколько часовъ, призналъ васъ, не смотря на то, что вы явились къ нему подъ чужимъ именемъ.

— Никакой лошади я не бралъ и никакого Шмоллера не знаю.

— Ну, это вы, конечно, вспомните!... Вы, пожалуй, тоже *не знаете* что дядя вашъ грозилъ лишить васъ наслѣдства?...

— Да, и объ этомъ ничего не знаю.

Питтъ оглядѣлъ всю комнату и замѣтилъ, что всѣ вещи въ ней были въ безпорядкѣ: бюро было открыто, тамъ и сямъ ящики выдвинуты; бумаги разбросаны, а на столѣ, какъ попало, лежали разныя драгоценныя вещицы; на диванѣ валялось платье... Очевидно, баронъ, второпяхъ, собралъ все, что было поцѣннѣе, чтобы взять съ собою...

— Зачѣмъ-же вы хотѣли бѣжать? спросилъ Питтъ.

— Бѣжать? Я и не думалъ бѣжать.

— А этотъ безпорядокъ въ комнатѣ? Онъ именно доказываетъ противное... Сейчасъ видно, что вы торопились, собирали болѣе цѣнныя вещи...

— Да, я искалъ одну вещь, рылся, но не могъ ее найти... Если тутъ нѣкоторый безпорядокъ, то это вѣдь моя комната, и я, ужъ конечно, ни передъ кѣмъ не обязанъ отвѣчать въ такомъ случаѣ!

— Ну, а я нѣсколько иначе думаю; возразилъ слѣдователь спокойнымъ тономъ:—я вижу—вещи въ безпорядкѣ, бумаги, платье разбросаны... Все это прямо указываетъ на то, что вы *имѣли намѣреніе бѣжать*. Человѣкъ, не знающій за собой никакой вины, никогда и не подумаетъ бѣжать... скрыться. Скажите, зачѣмъ вотъ тутъ, на столѣ, лежатъ ваши драгоценныя вещи?

— Зачѣмъ лежать! Положилъ—такъ и лежатъ! крикнулъ Зельдитцъ, выходя изъ терпѣнія и раздражаясь. Да вы эдакъ, пожалуй, спросите—зачѣмъ я одѣтъ?!.. Всѣ эти вопросы мнѣ, наконецъ, надоѣли!...

Питтъ пожалъ плечами.

— Что-жъ дѣлать... Но вамъ придется выслушать еще много другихъ вопросовъ!... Служебныя мои обязанности таковы, что я долженъ дѣлать многое такое, что, конечно, не очень-то пріятно дѣйствуетъ вообще на людей... въ вашемъ положеніи... Скажите, не получали-ли вы—вотъ только что передъ этимъ—письма отъ вашего дяди?

— Не получалъ.

— Но конюхъ его вѣдь былъ у васъ—здѣсь?

— Былъ.

— А зачѣмъ онъ былъ?

Баронъ молчалъ.

— Скажите, по какому дѣлу пріѣзжалъ къ вамъ конюхъ? настаивалъ слѣдователь.

— А вотъ по какому: спросить, хорошо-ли я почивалъ прошлую ночь!

Зельдитцъ почти выкрикнулъ эти слова, такъ его разозлила настойчивость Питта.

— Ну, въ такомъ случаѣ я самъ постараюсь узнать, зачѣмъ онъ пріѣзжалъ, проговорилъ Питтъ и подошелъ къ письменному столу.

— Не трогать моихъ вещей! Я вамъ не позволяю! крикнулъ запальчиво баронъ и приблизился къ нему, хотя руки его и были связаны.

— Попрдержите его! приказалъ слѣдователь полицейскимъ и прибавилъ, обращаясь къ Зельдитцу: вы, кажется, забываете, что вы—арестантъ? Не сопротивляйтесь, не упорствуйте, въ противномъ случаѣ я буду вынужденъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, т. е. сейчасъ велю отправить васъ въ тюрьму... пѣшкомъ, со связанными руками!

Глаза барона сверкнули—и сколько было въ нихъ угрозы, гнѣва, невыразимой злобы...

— Посмѣйте только! произнесъ онъ глухимъ голосомъ.

На столѣ лежало полуоткрытое письмо, которое Питтъ взялъ и сейчасъ-же узналъ то, что хотѣлось ему узнать. Оно было написано фрейгерромъ въ торопяхъ...

Вотъ эти немногія строки:

„Несчастный! Преступленіе твое открыто, ты будешь арестованъ скоро! Надѣюсь, что чувство чести, мужество не совѣмъ покинули тебя, и остатка ихъ хватитъ на то, чтобы не задуматься совершить послѣдній единственный шагъ... Больше ничего не остается! Зельдитцы всегда предпочитали смерть—позору...“

Твой несчастный дядя“.

Питтъ былъ взволнованъ... Да, въ этихъ немногихъ словахъ онъ какъ-бы живьемъ увидѣлъ самаго „маленькаго фрейгерра“; слова эти какъ нельзя лучше обрисовывали рѣшительный характеръ Маннштейна, рѣзко обнаруживъ образъ его мыслей, показавъ, какъ онъ понимаетъ честь... Если-бы пришлось ему выбирать—смерть или позоръ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ поступилъ-бы такъ, какъ самъ совѣтовалъ своему племяннику, но... старикъ тутъ ошибся: у сына родной сестры его не хватило духу пустить себѣ пулю въ лобъ—онъ челъ за лучшее—бѣжать!...

— Вѣдь это должно быть то самое письмо, которое вручилъ вамъ конюхъ вашего дяди? спросилъ Питтъ.

Баронъ промолчалъ... Какъ видно, ему весьма было непріятно, что подобная записка попала въ чужія руки...

Слѣдователь спряталъ письмо въ карманъ, такъ какъ оно было новой уликой въ преступленіи, содѣянномъ Зельдитцемъ. Осмотрѣвъ мелькомъ прочія вещи въ комнатѣ и взявъ оба пистолета, Питтъ послалъ одного изъ полицейскихъ за каретой.

Не прошло и десяти минутъ, какъ требуемый экипажъ подкатилъ къ подъѣзду.

— Проведите г. барона до кареты, приказалъ слѣдователь своимъ подчиненнымъ.

Но баронъ не допустилъ вести себя—быстрыми шагами вышелъ онъ изъ комнаты и самъ сѣлъ въ карету. Вмѣстѣ съ нимъ сѣли Питтъ и оба полицейскіе. Экипажъ быстро покатился по дорогѣ къ тюремному замку.

Фрейгерръ, конечно, узналъ, что племянникъ его арестованъ, и извѣстіе это потрясло его до боли сердца... Злосчастный! Такъ у него, значить, не хватило настолько мужества, чтобы умереть... Онъ выбралъ—позоръ!.. Да полно—Зельдитцъ-ли онъ?..

Старикъ усумнился въ этомъ и готовъ даже былъ вѣрить, что баронъ *этомъ* — совсѣмъ не сынъ сестры его... А если онъ дѣйствительно Зельдитцъ, то... неужели онъ такой выродокъ? Возможно-ли такое быстрое вырожденіе!... Ну, такъ пускай-же эта пропащая голова и пропадетъ въ тюрьмѣ, такъ какъ сама-же она выбрала себѣ тюрьму... Фрейгерръ совершенно отрекся отъ Зельдитца; сердце его стало обнаруживать полнѣйшее безучастіе къ барону, но не могъ-же онъ уничтожить совершившійся фактъ: то, что случилось—не можетъ быть вычеркнуто, а потому старикъ поневолѣ думалъ о томъ, о чемъ и думать не хотѣлъ... Полное забвеніе — невозможно, неестественно

Съ того самаго дня, когда слѣдователь объявилъ Маннштейну имя преступника, фрейгерръ не былъ еще у вдовы покойнаго своего друга, да и не могъ какъ-то рѣшиться навѣстить ее и Эмми... При одной мысли, что онѣ могутъ узнать, чья рука уложила Мальтэна—дрожь его охватывала... И, однако-же, едва-ли это можетъ остаться для нихъ тайной...

Старикъ сидѣлъ задумавшись въ своей комнатѣ (онъ именно размышлялъ объ этомъ), и только тогда очнулся, когда вошелъ слуга и доложилъ о пріѣздѣ г-жи ф. Мальтэнъ.

Онъ живо поднялся съ кресла, онъ былъ испуганъ... Неужели опасенія его сбылись? Неужели *онъ* узнали?..

— Пригласи госпожу Мальтэнъ въ гостиную, сказала фрейгерръ слугѣ.

Лакей удалился. Маннштейнъ чувствовалъ, что ему надо побыть одному хоть три-четыре минуты, чтобы оправиться, успокоиться... Но, если она *все* уже узнала, то... чѣмъ-же утѣшить ее, что говорить ей, какъ отвѣчать?... Онъ медленно провелъ рукой по лбу, закрылъ глаза... Въ головѣ была какая-то страшная пустота, отсутствіе мысли... мракъ...

Но надо было выйти въ гостиную — и онъ вышелъ. Г-жа Мальтэнъ быстро подошла къ нему... Уже по выраженію лица ея сейчасъ было видно, что она сильно взволнована.

— Правда-ли... правдали это!? воскликнула она и, будучи не въ силахъ говорить, замолчала, устремивъ глаза на Маннштейна, какъ будто желая прочесть отвѣтъ на его лицѣ.

— То есть... что-же именно?... спросилъ фрейгерръ.

— Правда-ли... что вашъ племянникъ... моего мужа... тогда... неужели что онъ... его...

Она не могла выговорить *страшнаго* слова...

Изъ груди старика вырвался глубокой вздохъ, и онъ черезъ силу произнесъ:

— Да, это правда!...

— Великій Боже!...

Несчастная женщина закрыла лицо руками.

„Маленькій фрейгерръ“ приблизился къ ней и тихо опустилъ руку на ея плечо... Онъ ничего не могъ сказать ей, да и слово тутъ было бесполезно: имъ не успокоить сердца, не уменьшишь ужаса, не ослабишь впечатлѣнія...

— Знали вы это? спросила вдова,

— Нѣтъ... Я только подозрѣвалъ, но узналъ объ этомъ лишь нѣсколько дней тому назадъ. Вотъ потому-то я и не былъ такъ долго у васъ... не рѣшался явиться къ вамъ! Мнѣ казалось... я чувствовалъ, какъ будто и на моей душѣ грѣхъ, какъ будто и я виноватъ тутъ... Но—о, какъ охотно отдалъ-бы я жизнь, если-бы этимъ только могъ воскресить Мальтэна!...

— Значитъ, правда и то, что племянникъ вашъ хотѣлъ... васъ убить?..

— Да, у него было такое намѣреніе... Прошу васъ, не называйте его „моимъ“ племянникомъ: между нами—пропасть, все порвано... Я отрекся отъ него навсегда! Онъ—подлецъ, трусъ и... преступникъ! Если-бы родители его были живы—они прокляли-бы его... Я не

проклинаю его потому, что онъ для меня болѣе *не существуетъ*... то есть, между нами все кончено!...

— И этотъ человѣкъ имѣлъ дерзость бывать у насъ, добиваясь любви Эмми?... Онъ, убившій отца ея, искалъ ея руки!...

— А ей все извѣстно?..

— Да... Она знаетъ...

— Бѣдное дитя! произнесъ фрейгерръ... Теперь вы понимаете, почему я тогда настаивалъ на томъ, что *онъ* не долженъ бывать у васъ... Я не могъ допустить этого! Правда, въ то время я не былъ еще увѣренъ, что преступникъ—*онъ*, но ужъ одно подозрѣніе повергало меня въ ужасъ... Теперь онъ понесетъ заслуженную кару! Была минута—последняя—убійца былъ уже открытъ... и я доставилъ ему возможность умереть, чтобы избѣгнуть позора, но онъ—испугался смерти, не хватило мужества на это!.. У него нѣтъ уже не искорки чести!... Если-бы я могъ—просто вотъ однимъ движеніемъ руки—спасти его,—я-бы теперь и этого не сдѣлалъ... Пусть лучше пропадаетъ!...

Фрейгерръ самъ проводилъ г-жу Мальтэнъ домой. Разумѣется, онъ постарался, какъ только могъ, утѣшить, успокоить бѣдную дѣвушку... Много теплыхъ словъ было сказано имъ Эмми!.. Что-жъ, у нея впереди все-таки свѣтлая будущность, а у него, старика, уже ничего въ жизни не осталось... Завѣтная, любимая мечта—такъ и осталась мечтой... Но все-таки онъ не совсѣмъ поникъ головой, а потому и Эмми не слѣдуетъ ужъ такъ предаваться отчаянію, нужно воспрянуть духомъ... Вѣдь она почти вчетверо моложе „маленькаго фрейгерра“!

Недолго онъ пробылъ у нихъ и вернулся въ свою усадьбу, Дорбгой старикъ мелькомъ взглянулъ на свои поля, на эти богатя, желтѣющія нивы... Да, великолѣпную жатву обѣщали онъ, но „маленькаго фрейгерра“ это уже не радовало... Онъ отвернулся, и смотрѣть не хотѣлъ на свое богатство... Порѣшивъ твердо переносить горе, совершенно отказавшись отъ племянника, онъ все-таки не былъ покоенъ душой: дрожь пробѣгала по его тѣлу, когда воображеніе невольно разыгрывалось и онъ видѣлъ залу суда, и тамъ—на скамьѣ подсудимыхъ *его*—сына родной сестры—преступника!.. Да, онъ *долженъ* будетъ еще разъ встрѣтиться съ нимъ... Но такая встрѣча была слишкомъ тяжела даже и для такого твердаго, мужественнаго человѣка, какимъ былъ фрейгерръ Маннштейнъ!...

Рано утромъ, на другой день, (онъ только что проснулся и всталъ), лакей явился къ нему въ спальню и доложилъ, что какой-то неизвѣстный человѣкъ желаетъ поговорить съ нимъ.

— Чего-же онъ хочетъ? спросилъ фрейгерръ.

— Не знаю-съ... Не говорить.

— Ну, пусть войдетъ.

Неизвѣстный показался въ дверяхъ., На немъ была обыкновенная синяя рубашка рабочаго; глядѣлъ онъ какъ-то боязливо, робко, и въ комнату не входилъ... Посмотрѣвъ пытливо на старика, какъ-бы желая угождать заранѣе его отвѣтъ, незнакомецъ рѣшился, наконецъ, переступить порогъ—и быстро вошелъ.

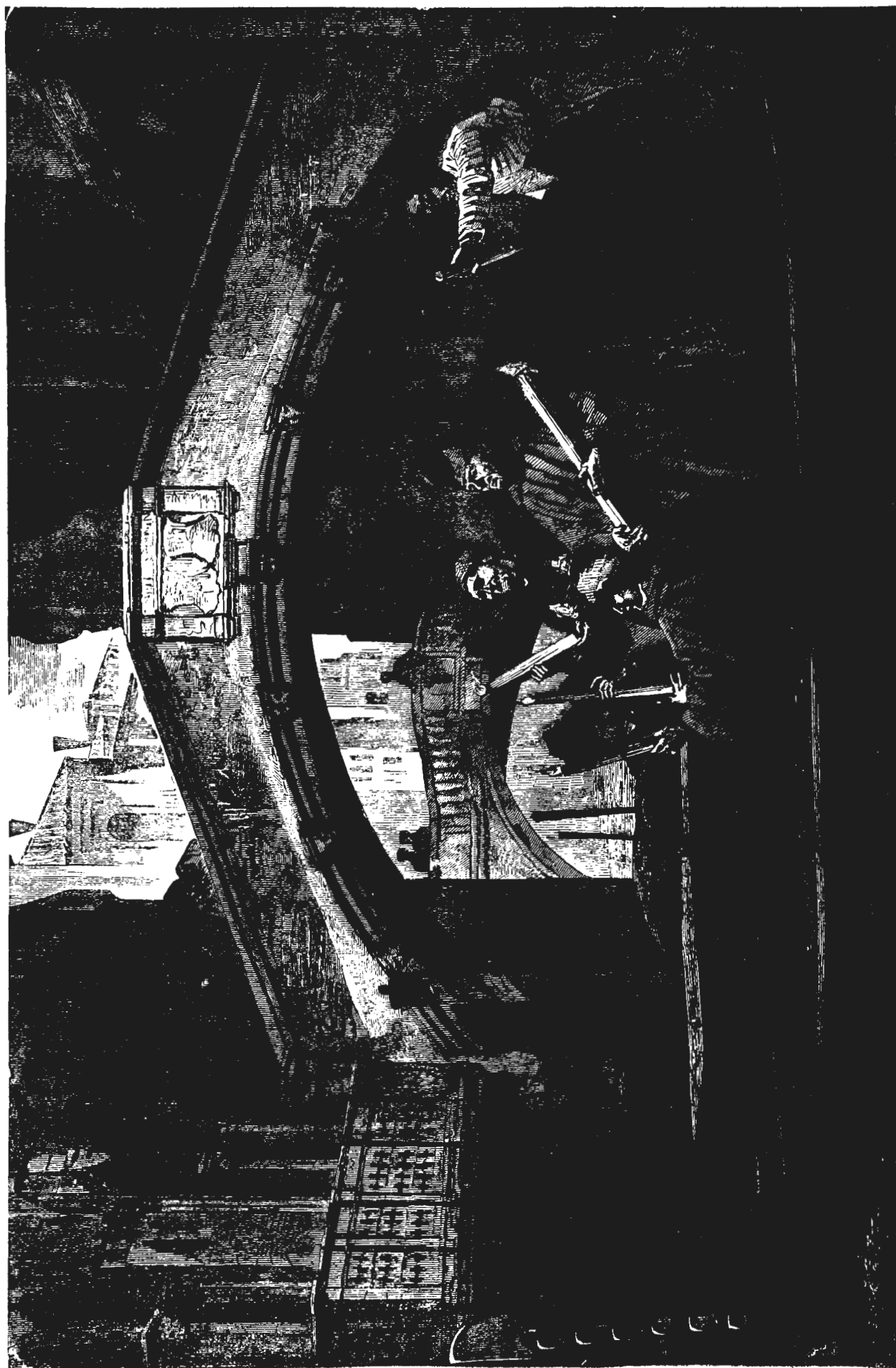
— Вамъ что угодно? спросилъ Маннштейнъ, котораго удивила боязливость этого человѣка.

Вотъ, прочтите, пожалуйста, эту бумажку, сказалъ незнакомецъ, подавая записку: — это пишетъ вашъ племянникъ...

— Отъ моего племянника?..

Фрейгерръ не бралъ записки... Онъ медлилъ... Читаетъ-ли? Вѣдь ужъ все кончено!... Былъ у него племянникъ, но *теперь* ужъ его *нѣтъ*... Человѣкъ, посланный ему письмо—лицо постороннее, чужое... Однако, онъ протянулъ руку... Да, *его* почеркъ!...

Старику нужно было собрать всѣ свои силы, чтобы прочесть нѣсколько строкъ... Буквы какъ-то сливались, въ глазахъ рябило...

Похоронная процессія въ Венеціи. Рисов. Чермакъ граф. Рогъ.

Вотъ что писалъ Зельдитцъ:

„Я бѣжалъ. Дай подателю этой записки, спасителю моему, пятьсотъ талеровъ... Это послѣдняя моя просьба къ тебѣ! Если откажешь—я и человѣкъ этотъ—мы оба погибли, потому что ни у него, ни у меня нѣтъ средствъ скрыться... бѣжать... Мы снова попадемъ въ тюрьму!

Твой злополучный племянникъ“.

Рука „маленькаго фрейгерра“ сильно дрожала...

— Такъ онъ—бѣжалъ! воскликнулъ старикъ.

— Да, благодаря мнѣ... Я помогъ бѣжать, отвѣтилъ незнакомецъ. Сторожемъ я былъ при тюрьмѣ, ну, а онъ уговорилъ меня, чтобы бѣжать... Обѣщаль двадцать тысячъ талеровъ, коли все удастся...

— А вы и повѣрили ему?

— Да какже—вѣдь онъ письменно обѣщаль мнѣ это! Потомъ-то, правда, я пожалѣлъ, что далъ уговорить себя, да ужъ поздно... Плохо дѣло! Оба мы, значитъ, бѣжавшіе... Коли поймаютъ меня, такъ вѣдь и мнѣ отъ тюрьмы не уйти...

— Онъ далъ вамъ письменное обѣщаніе! произнесъ фрейгерръ съ горькой усмѣшкой:—Но у него *ничего нѣтъ*—знаете вы это? Вѣдь онъ—бѣднѣе васъ.

— Ну, это точно, что онъ признался мнѣ, что у него въ настоящее время нѣтъ никакихъ средствъ, но... онъ мнѣ сказалъ, что, какъ только доберется до безопаснаго мѣстечка—сейчасъ напишетъ своему стряпчему, чтобы тотъ все его движимое и недвижимое имущество обратилъ въ наличныя деньги и выслалъ-бы ихъ ему.

— Имущество!.. Какое?.. У него нѣтъ состоянія.

— Да богатъ-же онъ!..

— Неправда... Онъ васъ—обманулъ! У него—ровно ничего, даже имени-то честнаго нѣтъ!

Бывшій тюремщикъ даже отскочилъ и поблѣднѣлъ, такъ поразили его эти слова...

— Ахъ, онъ негодяй! Теперь и я влопался въ бѣду изъ за него!..

— Гдѣ-жъ этотъ... злополучный?

— Да тутъ вотъ... въ лѣсу ждетъ меня...

— Тутъ—въ лѣсу?! Такъ близко!..

„Маленькій фрейгерръ“ не выдержалъ и вскочилъ съ кресла. Это его крѣпко взволновало, и онъ принялся быстро ходить по комнатѣ... Видно было, что онъ боролся съ чѣмъ-то...

— Человѣкъ, пославшій васъ ко мнѣ—для меня теперь—чужой... Я не знаю его, заговорилъ спокойнѣе старикъ. Удастся-ли ему скрыться или нѣтъ—мнѣ это все равно. Я вырвалъ его изъ моего сердца и... не протяну ему руку помощи!

— Если вы не поможете—пропали мы совсѣмъ! воскликнулъ бывшій тюремщикъ.—О, зачѣмъ я повѣрилъ ему!.. Втянулъ—ахъ, втянулъ онъ меня въ бѣду!..

— Нѣтъ, я не допущу, чтобы вы изъ за него пострадали... Сейчасъ, погодите...

Фрейгерръ подошелъ къ бюро и вынулъ оттуда деньги.

— Вотъ вамъ—берите! Тутъ вдвое больше той суммы, какую онъ просилъ... Спасайтесь-же скорѣй! Зла я вамъ не желаю... Но ему денегъ не давайте, даже и не говорите, что получили деньги! Бѣгите одни, заботьтесь *только о себѣ!*

— Какъ?.. Не давать ему денегъ... бросить его?!

— Да, да! Или вы не понимаете, что человѣкъ безчестный, убійца, уже обманувшій васъ—способенъ вторично васъ обмануть? Какже вы не боитесь, что онъ убѣжитъ съ этими деньгами одинъ, бросить васъ?.. Ну, идите-же, идите скорѣй! Побѣгъ вашъ навѣрно открытъ, васъ уже навѣрно ищутъ, и сыщики каждую минуту могутъ явиться сюда...

— Но... что-же съ племянникомъ-то вашимъ будетъ? Вѣдь у него—ни гроша... Онъ, вотъ, въ такой-же ру-

башкѣ, какъ и на мнѣ! Досталъ я ему рубашку-то, а больше у него—

— Говорю я вамъ: думайте только о себѣ! Какой онъ мнѣ племянникъ? Нѣтъ у меня племянника... Ну, уходите!

Синяя рубашка все еще медлила, но потомъ вдругъ повернулась и бросилась вонъ изъ комнаты.

Манштейнъ глядѣлъ въ окно и видѣлъ, какъ бывший тюремный сторожъ побѣжалъ садомъ и скрылся...

Да, такъ вонъ тамъ, въ сосѣдномъ лѣсу, притаился теперь его злополучный племянникъ! А вѣдь нѣсколько недѣлъ тому назадъ какъ онъ былъ гордъ... Онъ не могъ уронить себя—жениться на мѣщанкѣ! А теперь... бѣглецъ... безпомощный скиталецъ... онъ вздрагиваетъ каждую минуту... вотъ-вотъ—схватитъ его полиція! Куда и гордость дѣвалась...

— Однако, ужъ не слишкомъ-ли жестоко поступилъ я съ этимъ несчастнымъ? мелькнуло въ головѣ старика...

Съ минуту мысль эта мучила его, но... онъ махнулъ рукой... Что-жъ, вѣдь ужъ разъ на всегда онъ отрекся отъ него!..

Не прошло и часа, какъ въ усадьбу фрейгерра явился Питтъ.

Манштейнъ пригласилъ его въ свою комнату.

— Г. фрейгерръ, племянникъ вашъ бѣжалъ изъ тюрьмы въ прошлую ночь, объявилъ слѣдователь.

Старикъ и виду не показавъ, что это для него уже не новость... Напротивъ, удивившись, онъ спросилъ:

— Но какже могло это случиться? Какимъ образомъ?

Питтъ бросилъ на него пристальный, пытливый взглядъ.

— Неужели вы не знаете этого?

— Увѣрю васъ, что не знаю.

— Прутья желѣзной рѣшетки въ окнѣ казматы оказались подпиленными... И онъ спустился по веревкѣ. Разумѣется, бѣжать помогли ему тѣ, которые доставили ему веревку и пилу... Тюремный сторожъ, какъ видно, участвовалъ въ заговорѣ этомъ, потому что и онъ сегодня исчезъ...

— Что-жъ, очень можетъ быть, что сторожъ этотъ и помогъ арестанту бѣжать, замѣтилъ фрейгерръ.

— Хорошо, но кто-же сторожа-то подговорилъ на такое дѣло? Тутъ не могло обойтись безъ подкупа, а у арестанта денегъ не было...

— Позвольте! Я тутъ ни при чемъ, г. слѣдователь, я не участвовалъ въ подобномъ заговорѣ... Пусть убѣжавшаго схватятъ, осудятъ, какъ слѣдуетъ, по закону—туда ему и дорога! Я совершенно и навсегда отрекся отъ него.

— Его не схватятъ и не арестуютъ, проговорилъ слѣдователь.

— Какъ, неужели вы и теперь ужъ увѣрены, что это невозможно?

Питтъ утвердительно кивнулъ головой.

— Этого *не желаютъ*... И не желаютъ такія лица, желанія которыхъ для насъ равносильны приказанію...

Фрейгерръ въ свою очередь бросилъ пытливый взглядъ на слѣдователя... Полно, правду-ли ты говоришь? Впрочемъ, у бѣгльца были друзья въ столицѣ—друзья „высокопоставленные“... Даже министръ одинъ былъ какъ-то сродни ему...

— Для меня это все равно, произнесъ старикъ, потому что для меня *онъ* уже не существуетъ... Я похоронилъ племянника.

— А если онъ обратится къ вамъ за помощью?

— Кто—*онъ*? Я вамъ сейчасъ сказалъ, что у меня *нѣтъ* его!..

Слова эти Манштейнъ проговорилъ твердымъ, рѣшительнымъ тономъ.

— Я знаю—вы желали, чтобы онъ лишилъ себя жизни...

Фрейгерръ удивленно посмотрѣлъ на Питта.

— Да, я желалъ этого... Я думалъ, надѣялся, что у него осталась еще искра чести... Лучше смерть, чѣмъ—

позоръ, но... онъ и подлець, и трусь въ тоже время! Это—*первый* Зельдитцъ, о которомъ можно такъ отозваться!... Послушайте, не будемъ больше говорить о подобномъ выродкѣ! Онъ отравилъ послѣдніе дни мои... Мнѣ надо постараться *совсѣмъ* позабыть его... Пойдемъте побродить по саду!

И они медленно сошли съ веранды.

Фрейгерръ уже давно желалъ увидѣть ту, съ которой его негодный племянникъ поступилъ такъ безчестно... И сколько бѣдствій повлекъ за собою тотъ поступокъ!... Всѣмъ-ли бѣдамъ теперь конецъ, или туча еще не прошла?.. Какъ знать!... Будущее впереди, и сердце старика билось неспокойно...

Не могъ-ли онъ какъ нибудь заглядить вину племянника передъ дочерью Штейна, друга своего?.. О, Маннштейнъ давно-бы ужъ постарался сдѣлать что нибудь относительно этого, если-бы одна мысль не останавливала его, мысль о томъ, что онъ когда-то любилъ мать Эльзы... Онъ былъ влюбленъ, хотѣлъ открыться ей въ любви, но у него не хватало рѣшимости: сорокалѣтній фрейгерръ робѣлъ передъ двадцатилѣтней дѣвушкой и никакъ не могъ принудить себя вымолвить роковое слово... Другъ его, молодой Штейнъ, оказался смѣлѣе—и дѣвушка отдала ему руку... Розовыя мечты Маннштейна разлетѣлись; счастье, которое было такъ близко, безвозвратно погибло... Конечно, онъ и не думалъ сердиться на Штейна (да тотъ и не зналъ о его любви), но тѣмъ не менѣе прежніе друзья стали рѣже встрѣчаться, а съ предметомъ *первой* любви своей фрейгерръ и не видѣлся съ тѣхъ поръ... Уже не надѣясь на счастье, съ сердцемъ разочарованнымъ, онъ женился вскорѣ послѣ этого и, однако-же, счастье ему улыбнулось... Счастливо прожилъ онъ съ женой нѣсколько лѣтъ и, когда ему пришлось проводить ее до могилы, горькія слезы текли по его щекамъ...

Онъ не забылъ покойницы жены своей, но помнилъ и первую любовь... Она была для него дорогимъ воспоминаніемъ. Не смотря на такой огромный промежутокъ времени, фрейгерръ все еще чувствовалъ *милотную* робость при мысли, что вотъ придется ему опять съ *ней* встрѣтиться... Однако, онъ порѣшилъ отправиться въ М*, чтобы увидѣть Эльзу, и дѣйствительно поѣхалъ туда.

Мрачные, тяжелые дни провела Эльза въ домѣ профессора. Она медленно поправлялась послѣ болѣзни и уже могла выходить въ садъ... А горячка была у нея сильная, такъ что докторъ терялъ надежду на благополучный исходъ... Но — странное дѣло: дѣвушка еще больше похорошѣла! Ея блѣдное, серьезное лицо было удивительно-прелестно... Однако, *душевно* она все еще была больна... Она не могла забыть о томъ, кого лю-

била и какъ была низко, гнусно обманута имъ... Г-жа Штейнъ, пріѣхавшая въ М*, чтобы ухаживать за больной дочерью, ничего не могла сдѣлать, чтобы успокоить Эльзу, заставить ее забыть прошлое... Дѣвушка пуще только раздрожалась, давала запальчивые отвѣты, жалѣла, что она не мужчина (а то-бы сама отомстила!) и сѣтовала на то, что рекому заступиться за нее... „Что-жъ, вѣдь тутъ оскорбили *мѣшчанку* — только!“ говорила она...

— А развѣ поручикъ ф. Платэнъ не дрался, за тебя на дуэли съ барономъ? возражала мать.

— А ты почему же думаешь, что онъ изъ за меня именно стрѣлялся? спрашивала Эльза... Почему? Развѣ этотъ поручикъ не такой-же *фонъ*? Развѣ онъ не воображаетъ, что въ жилахъ у него течетъ *особенная* кровь, высшаго достоинства?.. Ну, баронская пуля ранила его... Что-жъ изъ этого? Мнѣ вѣдь не легче... Впрочемъ... нѣтъ! въ головѣ у меня путаница какая-то... Ни въ кого я теперь не вѣрю! Я мечтала прежде, что величайшее счастье для женщины на землѣ — это семейная жизнь, быть постоянно съ мужемъ, заботиться о своемъ очагѣ — и я вѣрила въ такое счастье, а теперь—нѣтъ: оно ужъ невозможно, потому что *нико да* и *никого* больше я не люблю!..

Потомъ она старалась убѣдить мать въ томъ, что если дѣвушекъ оскорбляютъ, то это потому, что онѣ вообще безпомощны, однако это не *совсѣмъ* такъ: женщины вовсе не слабы по природѣ и, если начнутъ побольше обращать на себя вниманія, то крѣпко стануть на свои ноги...

— Я не хочу быть зависимой отъ мужчины! воскликнула Эльза. Я не хочу имѣть *господи а* и добьюсь самостоятельности: буду стоять съ *нимъ* на одной доскѣ!.. Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не клиномъ-же свѣтъ сошелся?!.. Будто и для насъ не найдется уголка?..

— Ты чтѣ-жъ это задумала? спросила г-жа Штейнъ встревоженнымъ голосомъ.

— Я... и сама еще не знаю, отвѣтила Эльза,—но я хочу жить... жить, чтобы закалиться! Отказалась я отъ счастья семейной жизни—ну, такъ стану-же искать себѣ другаго...

Фрейгерръ, какъ только пріѣхалъ въ М*, сейчасъ-же отправился къ профессору Вертеру:—очень ужъ хотѣлось ему поскорѣй увидѣть Эльзу... Но онъ и не зналъ, что мать ея была уже тутъ, иначе онъ не обнаружилъ-бы такой приткосты.

Пройдя садомъ, Маннштейнъ столкнулся у бесѣдки съ Эльзой и—обомлѣлъ... Передъ нимъ призракъ!.. Привидѣніе... стройная, прелестная дѣвушка... знакомая ему! Неужели-же прошло съ *тѣхъ поръ двадцать пять лѣтъ*? Не можетъ быть! Онъ опять видитъ *ее*... Или это — сонъ?..

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ГОРОДА.

(Изъ галлерей маленькихъ картинокъ).

Рябятишки вбѣжали въ избу и взвизгнули:

— Тятка ѣдетъ! Сичасъ съ горки спустится! Тятка!..

Бабушка, крихтя, стала слѣзать съ печки, а Дуняша, старшая дочь хозяина, выскочила на дворикъ вслѣдъ за рябятишками, которыхъ ужъ и слѣдъ простылъ: всѣ они устремились на встрѣчу тяткѣ.

— Ну, слава тѣ, Господи—цѣлъ значитъ! прошамкала старушка и вышла на крыльцо. Все-ли только привезъ-то? обратилась она къ Дуняшѣ.

— Поглядимъ—увидимъ, отвѣтила Дуняша, а сама подумала: «Бѣда ежели горшки побили! Совсѣмъ мы безъ горшковъ иначе сидимъ!.. Вона—ѣдетъ!»

Еще издали увидѣла она, что батка, Степанъ Кузьмичъ, что то не твердо сидитъ въ телѣгѣ, покачивается, а пѣгашку поноваетъ, какъ будто и ни вѣсть сколько ѣхать до двора осталось!..

— Ну, баушка, кажись, онъ съ «праздничкомъ!» замѣтила Дуня. Такой развеселый... Качается! Вишь ты какъ!..

— Охъ, не вижу!.. Глаза-то мои старые... Шапка-то на емъ.

— Въ, шапкѣ, баушка, въ шапкѣ!

— Ну, коли шапку не потерялъ — начаво еще, не великъ, значитъ, праздничекъ-то!

— Здравствуйте, ба-а-бы! Вотъ и мы!

И вслѣдъ за этимъ привѣтствіемъ телѣга съ шумомъ подкатилась къ крылечку. Рябятишки бѣжали за ней. Пѣгашка самъ остановился.

— Тпррр! Вотъ и я дома. Здравствуйте! воскликнулъ Степанъ Кузьмичъ и съ нѣкоторыми усиліями сталъ слѣзать съ телѣги. Э-эхъ, какъ закачалось!..

— То-то! Чудо, что шапку-то на дорогѣ не забылъ, проворчала бабушка:—и не грѣхъ это тебѣ, Степанъ?

Дуня уже взобралась на телѣгу. Рябятишки загалдѣли, обступивъ тятку.

— Давай гостинчика! Приничковъ дай! Тя-я-тя!

— Дамъ, дамъ! Цыцъ—вы! Ахъ, оглашенные!.. Грѣхъ? Какой

грѣхъ? заговорилъ Степанъ Кузьмичъ. Ахъ, ты, старая!.. Нѣтъ, я—все, какъ слѣдуетъ... въ порядкѣ, а точно что на паромѣ... угощеніе... Д—да! Такъ опять же я тутъ не причиненъ, потому, ежели самъ баринъ...

— Бабушка! крикнула Дуня: — глянь-ка — вотъ такъ распрекрасный горшокъ! Ай-ай! И самый-что ни на есть большой!.. По-чи-нилъ!.. Еще два!..

— Тятя, пряничковъ! Да-а-ай! запищали дѣти.

— Пряничковъ? Хе-хе... Нѣтъ у меня пряничковъ! Дороги — охъ, дороги нонче прянички... А яблочковъ привезъ, дѣтки, привезъ... Сичасъ всѣхъ обдѣлю! И Гришуткѣ, и Мушуткѣ, и Сидоркѣ, и Сысойкѣ—всѣмъ! Кушайте! Не простыя яблочки—городскія! Гришутка, держи рубаху-то!

Бабушка доделалась до телѣги.

— Что-жъ ты это, Степанъ Кузьмичъ—а?

— Ну? Говори, говори—не бось... Я—ничего!

И Степанъ Кузьмичъ даже подбоченился.

— Какъ ничего? возразила Дуня: изъ шести горшковъ—три побиты!..

— Н-ну?.. Побиты?.. Поди-жъ ты вотъ!

— Али денегъ у насъ много? спросила старуха.

— Сказано — скудельный сосудъ, ну, и выходитъ—правда истинная. Кажисъ, хорошо уложили, а побились!..

— Разскажи! Вотъ и пошлай такого покупателя! Погоди ужо—придетъ жена она те задасть!

— Мнѣ-то-то? Хе!.. А кто я теперича? Ну-ко?..

— Винищемъ несеть, а спрашиваетъ! Ты вотъ ужо у Настасьи своей спроси—она скажетъ.

— Ну, и пушай!.. А я кто теперича? Сказать? Испугать тебя?

Бабушка рукой махнула.

— Говорить-то съ тобой—грѣхъ одинъ! Лучше иду.

— Стой!.. Степанъ Кузьмичъ—судья, настоящій судья! Поняла ты это слово?.. Вотъ кто я нонче. Н—да!..

— Рехнулся онъ у насъ никакъ, обратилась старуха къ дѣвушкѣ, продолжавшей рытаться въ телѣгѣ.

— И стану я, значить, въ городѣ, судить всѣхъ... сообща, не одинъ, а въ компаніи, заговорилъ Степанъ Кузьмичъ,—потому такой законъ нонѣ вышелъ! Захочу—прошу, захочу—въ Сибирь сошлю... любяго—барина-ли, мужика-ли—все единственно! А? Матрена Поликарповна? Вонъ мы куда залетѣли! Въ самый судъ!.. Страраст!

— Очумѣлъ ты, Степанъ, али шутки шутишь?

— Выпей кваску, предложила Дуня.—Принести?

— Пошла ты—съ квасомъ своимъ!.. Что-жъ ты меня, старуха, не проздравляешь—а?..

— Да гдѣ это тебя угораздило въ судьи-то попасть? спросила Матрена Поликарповна жалостливымъ голосомъ.

— На паромѣ, матушка, на паромѣ! Такъ и быть—разскажу. Я переѣзжалъ и баринъ съ коляской переѣзжалъ. Такой славный баринъ, обходительный, усы-то у него почище исправничьихъ... Ну, сичасъ это онъ со мной въ разговоръ вступилъ, а перво на перво угостилъ господской водкой—ну ужъ и водка! Сладкая, крѣпкая такая, что—унеси ты мое горе!.. При емъ эта самая флага-то находится, бутылъ, значить, у няво на ремешкѣ... Пей, говоритъ, пей на здоровье, потому ты теперича нашъ судья! Коли я, говоритъ, въ чемъ промахнулся, примѣрно то ись супротивъ закона, ну, сичасъ дюжину васъ и посадятъ въ судъ чтобы судить меня!.. А самъ-то такъ и смѣется, и все это нарываетъ меня по шапкѣ... легонько эдакъ... «Охъ, ты, судья! Пей на здоровье! Коли ежели придется, говорить, осуждать меня—смотри: не очень-то чтобы строго!..» А я и спрашиваю: когда же насъ сажать-то будутъ въ судъ?.. Ну, и сталъ онъ тутъ мнѣ насчетъ порядковъ новыхъ разсказывать... Примѣрно, говоритъ, законъ—закономъ, а совѣсть—совѣстью... Такъ! Ну, безпремѣнно нужно, чтобы двѣнадцать мужиковъ было въ судѣ... Ежели не хватаетъ—сичасъ посылають, примѣрно, ко мнѣ: «Степанъ Кузьмичъ, маршь въ городъ—судью надоть! Поживѣй, братецъ!..» Насчетъ уваженія тамъ... Да что вы, бабы, понимаете? вдругъ оборвалъ Степанъ Кузьмичъ и велѣлъ дочери распрягать пѣганку а самъ отправился въ избу.

МОЛОДАЯ АМЕРИКАНКА.

Въ нѣкоторыхъ кружкахъ нашего общества до сихъ поръ еще существуютъ самыя превратныя понятія объ американской жизни. Инымъ нашимъ соотечественникамъ, основывающимся на весьма одностороннихъ и нѣскольکو не компетентныхъ отзывахъ, Америка представляется обѣтованной страной свободы, равенства, образованности и баснословныхъ капиталовъ. Между тѣмъ отзывы новѣйшихъ путешественниковъ и изслѣдователей показываютъ оборотную сторону медали, и такимъ образомъ оказывается, что къ Америкѣ можно очень удачно приписать русскую пословицу: славны бубны за горами. Эта великая и чрезвычайно богатая страна представляетъ ловкому человеку всевозможныя средства для наживы; но именно эта погоня за наживой, привлекающая массу переселенцевъ изъ Европы, не можетъ не имѣть вреднаго вліянія на общественную нравственность. Свобода и равенство, составляющія знамя республики, превращаются часто въ слова безъ значенія при огромномъ вліяніи долларовъ на первомъ мѣстѣ фигурирующихъ въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ общественной жизни. Образованность или, вѣрнѣе, грамотность дѣйствительно очень развита въ народѣ, школы процвѣтаютъ; но рядомъ съ этимъ отпаднымъ явленіемъ представляется необыкновенное распространение самыхъ разнообразныхъ и нелѣпныхъ сектъ, совершенно извѣжающихъ религіозныя и нравственныя понятія человѣка.

Передъ нами портретъ молодой американки — энергичное, осмысленное лицо, съ выраженіемъ смѣлости и самостоятельности.

Эта смѣлость и самостоятельность являются результатомъ воспитанія, которое дается американскимъ женщинамъ. Дѣвушка въ Америкѣ не живетъ замкнутою, домашнею жизнью; она учится въ школахъ, гдѣ рядомъ съ нею сидятъ товарищи мальчики. Рано пріучается она обходиться безъ присмотра нянекъ и гувернантокъ, не боится одна ходить по улицамъ и считаетъ совершенно удобнымъ пуститься безъ провожатого даже въ дальнее путешествіе. Когда ея образованіе окончено, для нея представляется возможность довольно широкой общественной дѣятельности, наравнѣ съ мужчиной. Она, если только удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ, можетъ быть докторомъ, учителемъ, профессоромъ, адвокатомъ. Ее даже выбираютъ въ составъ жюри. Все это прекрасно и дѣлаетъ честь тѣмъ, не особенно впрочемъ многочисленнымъ, женщинамъ, которыя дѣйствительно обращаютъ на себя вниманіе своею разумной и серьезной дѣятельностью. Но полная свобода, предоставленная американскимъ дѣвушкамъ, имѣетъ и другія стороны. Находясь внѣ вліянія родителей и не обладая достаточной опытностью, онѣ часто впадаютъ въ ошибки и позволяютъ себѣ поступки, которыя весьма основательно похируютъ нравственныя понятія европейцевъ. Впрочемъ въ Америкѣ до сихъ поръ ощущается недостатокъ въ женщинахъ, а потому рѣдкая дѣвушка не выходитъ въ концѣ концовъ замужъ. Найдя же мужа, большинство изъ нихъ проникается сознаниемъ своихъ обязанностей и превращается въ честныхъ и хорошихъ семьянинокъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

При этомъ № нашего журнала мы прилагаемъ большое объявленіе о подпискѣ на „Ниву“ въ 1876 году, съ подробнымъ извѣщеніемъ о томъ, что мы предполагаемъ дать въ будущемъ году. Это объявленіе заключаетъ въ себѣ образцы гравюръ помѣщаемыхъ въ нашемъ журналѣ и перечень главныхъ статей, которыя готовятся нами къ печати. Но такъ какъ наши постоянные читатели конечно знакомы достаточно съ направленіемъ и статьями „Нивы“, то мы покорнѣйше просимъ всѣхъ гг. нашихъ подписчиковъ распространять прилагаемыя объявленія о подпискѣ на „Ниву“ въ 1876 году между своимъ обществомъ для ознакомленія публики съ цѣлью и способомъ веденія нашего журнала, предназначеннаго для семейнаго чтенія и въ теченіи шести лѣтъ прилагающаго значительныя усилія для выполненія этой задачи.

Кромѣ того предлагаемъ обратить вниманіе на наши изданія, перечисленныя въ томъ же объявленіи, которыя мы для нашихъ подписчиковъ отдаемъ съ значительною уступкою.

Молодая американка. Рисов. Томсонъ, гравир. Блезфильдъ.

СЛЪПОЙ СВИДѢТЕЛЬ

съ англійскаго.

I.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Сэттонъ сдѣлался красивымъ зажиточнымъ городкомъ, и вмѣщаетъ въ своихъ предѣлахъ нѣсколько тысячъ трудолюбиваго населенія; но въ то время, когда случилось описываемое нами происшествіе, онъ еще носилъ скромное названіе селенія, и обращалъ на себя вниманіе прѣзлаго развѣ только своимъ необыкновенно живописнымъ мѣстоположеніемъ. Въ одной изъ узкихъ по чистенькихъ улицъ селенія жилъ Лука Чепмэнъ.

Трудно вамъ сказать, что это былъ за человекъ. Общее мнѣніе жителей Сэттона единодушно называло его страннымъ, но я думаю потому, что иначе не сумѣло опредѣлить личность, такъ мало на нихъ самихъ похожую. Лука Чепмэнъ былъ поразительно высокаго роста, съ черными жгучими глазами; тяжелый подбородокъ придавалъ его смуглому и суровому лицу если не упрямое, то необыкновенно твердое выраженіе; а смотря на его высокую, широкоплечую фигуру, такъ и казалось, будто могучая мать природа, однимъ взмахомъ тяжелаго рѣзца, выточила изъ глыбы гранита мрачнаго титана.

Гдѣ онъ прежде жилъ? кто онъ былъ? никто ничего достоверно не зналъ; но тамъ гдѣ не доставить положительныхъ фактовъ всегда поможетъ вымыселъ, пополнить всякій пробѣлъ. Жилъ Лука одинъ въ небольшомъ домикѣ, ни съ кѣмъ не заводя короткаго знакомства; жилъ не трудясь, и сейчасъ же нашлись люди знающіе, что онъ гдѣ-то былъ кузнецомъ, накопивъ много-много денегъ и живетъ теперь на свой капиталъ. Заглядывали любопытные въ его окна, не разъ видѣли его за книгой—и онъ прослылъ ученымъ. У него была привычка гулять по вечерамъ; выйдетъ онъ мрачный, углубленный въ свои мысли, чуждый всего что дѣлалось вокругъ,—а простодушные жители Сэттона съ разинутымъ ртомъ глядятъ ему вслѣдъ, и недоумѣваютъ: о чемъ можетъ такъ думать человекъ. Не долго мучили они свои незамысловатыя головы надъ этимъ вопросомъ и скоро рѣшили, что Лука Чепмэнъ не таковъ какъ они грѣшныя, что живетъ онъ не мирскими интересами, рѣшили—что онъ крайне религіозный человекъ. Мнѣніе это еще болѣе подтверждалось тѣмъ, что два или три раза, въ ясный лѣтній вечеръ Лука собиралъ у крыльца своего дома толпу поселянъ и поучалъ ихъ слову Божію.

Напротивъ его дома жила единственная портниха Сэттона. Оставшись вдовой, безъ всякихъ средствъ къ существованію, она была вынуждена собственнымъ, и далеко не легкимъ трудомъ зарабатывать себѣ хлѣбъ. Но вскорѣ число заказовъ начало быстро увеличиваться, и наконецъ ихъ оказалось такъ много, что ей пришлось взять въ подмогу двухъ молодыхъ дѣвушекъ. Объ имени одной изъ нихъ мы умалчиваемъ: до нее мы не имѣемъ никакого дѣла; другую же звали Китти.

Китти не даромъ называлась красавицей Сэттона: большіе каріе глаза выразительно глядѣли изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ; русыя кудри золотистыми волнами спускались по бѣлымъ, стройнымъ плечамъ, а чудный голосъ часто заставлялъ проходящихъ останавливаться подъ окномъ, гдѣ она шла. Но увъ, насколько она была извѣстна своею красотой, настолько же и самымъ отъявленнымъ кокетствомъ, не знавшимъ границъ. Къ несчастію для разборчивой красотки, Сэттонъ въ тѣ дни не могъ похвалиться ни количествомъ, ни качествомъ своихъ жениховъ, а тѣ немногіе которыхъ онъ насчитывалъ, не приходились ей по вкусу, и всѣ безъ исключенія подвергались самымъ немилосерднымъ насмѣшкамъ. Какъ часто бывають въ нашей жизни обстоятельства, сами по себѣ ничтожныя, и проходятъ они незамѣченныя нами, а между тѣмъ въ послѣдствіи они оказываются минутами для насъ роковыми, минутами погубившими многія и многія годы счастья, если не самой жизни.

Такова была для Китти та минута, когда она въ первый разъ обратила вниманіе на Луку Чепмэна.

Это случилось вечеромъ: онъ сидѣлъ у открытаго окна и читалъ. Последніе лучи заходящаго солнца теплымъ яркимъ блескомъ освѣщали и смягчали суровое лицо, наклоненное надъ книгой. Некрасивый но видный мужчина, онъ былъ богатъ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ, а это заманчиво подстрекало самолюбіе кокетки, и она рѣшилась покорить во что бы то ни стало желѣзное сердце сосѣда. Какая слава, какая побѣда, когда всѣ узнають о слабости этого святоши! Какъ онъ покажется на глаза своимъ слушателямъ?

Не впервые приходилось Китти умысленно сводить съ ума избранную жертву, однако на этотъ разъ побѣда далась съ трудомъ и первая попытка походила скорѣе на неудачу. Встрѣтивъ упорный взглядъ темныхъ глазъ сосѣдки, Лука тотчасъ затворилъ окно и ушелъ въ глубину комнаты.

Китти усмѣхнулась.—«Воротится!» съ увѣренностью сказала она, и не ошиблась.

Когда на другое утро Лука по обыкновенію сѣлъ къ окну и подыалъ глаза, его встрѣтилъ робкій взглядъ молодой дѣвушки и хорошенькая головка раскрасѣвшись застѣнчиво склонилась

надъ работой. Онъ крайне удивился, но принялся за чтеніе, а Китти продолжала работать. Однако любопытство не давало ему покоя, и онъ какъ-то невольно взглянулъ на противоположное окно: глаза ихъ встрѣтились. На этотъ разъ Лука долго разсматривалъ свою сосѣдку, и когда снова нагнулся надъ раскрытой страницей, то Китти съ торжествомъ замѣтила, что его глаза не пробѣгали по строкамъ, но задумчиво глядѣли въ одну точку.

Такъ продолжалось нѣсколько дней. Сказать, что онъ въ нее влюбился,—она не могла; но могла смѣло заключить изъ его долгаго пребыванія у окна, что сосѣдъ находилъ нѣкоторую прелесть въ нѣмомъ созерцаніи ея красоты.

Однажды они встрѣтились на прогулкѣ и степенный Лука покраснѣлъ какъ школьникъ. Въ смущеніи онъ не зналъ: продолжать путь или остановиться; наконецъ рѣшился на послѣднее и съ неловкимъ поклономъ подошелъ къ Китти. Заговорить, безъ всякой причины къ знакомству было трудно; но по года, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, вѣрно сослужила ему свою службу; отъ нее онъ перешелъ къ другимъ столь же пестрыми предметамъ разговора. Китти на все отвѣчала, скромно потупивъ глаза; еслибъ она подняла ихъ на своего собесѣдника, то увидѣла бы, какъ онъ жадно въ нее всматривался, и поняла бы, можетъ быть, какъ опасно шутить съ такимъ человекомъ, какъ Лука Чепмэнъ.

На его просьбу сопроводить Китти на прогулку, она отвѣчала утвердительно, но съ замѣшательствомъ и какъ бы не охотно. Всѣ женщины никогда не даютъ, чего у нихъ просятъ, безъ оговорокъ, хорошо сознавая, что эта оговорка въ дѣлѣ разъ подниметъ цѣну ихъ отвѣта. Прогулка въ чудный лѣтній вечеръ съ прелестнымъ созданіемъ, ея застѣнчивыя взоры, робкій но звучный голосъ, и краснорѣчивый румянецъ, всныхивающей по временамъ—рѣшили судьбу Луки. Онъ возвратился одинъ, безъ ума влюбленный въ Китти.

Любовь, какъ тщательно ее ни скрывай, всегда выйдетъ въ паружу, всегда отразится не только на духовной, но и на вѣншей сторонѣ человека. Такъ и перемѣна, происшедшая съ Лукой не прошла незамѣченною. Лицо его приняло болѣе мягкое и пріятное выраженіе; голова, мало до тѣхъ поръ знакомая съ помадой, распространила ароматъ духовъ; сапоги прилежно вычищенные блестѣли на солнцѣ, а бѣлизна воротника могла бы удовлетворить самую взыскательную нѣмку.

Скрытый отъ природы, Лука не выдавалъ своихъ чувствъ ни малѣйшими намеками. Правда, что лицо его смягчалось, когда онъ встрѣчалъ любимую дѣвушку; голосъ, обращаясь къ ней, звучалъ нѣжнѣе обыкновеннаго! Но не этого надо было Китти: она ждала страстныхъ клятвъ, а встрѣчала только сдержанность; хотѣла сдѣлать его посмѣшникомъ всего селенія—и не могла.

Посвященная во всѣ таинства кокетства, она не знала одной великой тайны—сердца мужчинъ. Она не знала сколько страсти и пылкихъ надеждъ пробудила подъ холодной паружностью своей жертвы.

Около того времени въ деревнѣ Сэттонъ появилась новая личность, молодой и красивый Мартынъ Шерардъ, посланный отцомъ къ одному изъ сэттонскихъ фермеровъ, учиться сельскому хозяйству. Онъ познакомился съ Китти, и вскорѣ ихъ знакомство и сближеніе стали предметомъ разговоровъ всего селенія, тѣмъ болѣе что Мартынъ не разъ высказывалъ свое намѣреніе жениться на красавицѣ.

Мало есть друзей на свѣтѣ, въ особенности въ минуты горя и несчастія, но у кого не найдутся такіе, которые поспѣшатъ принести вамъ неприятную вѣсть. Не безъ такихъ друзей остался и Лука. Ему рассказали, конечно съ разными прибавленіями объ отношеніяхъ между Китти и Мартыномъ, но онъ холодно отвѣчалъ, что у него у самаго есть глаза, чтобъ видѣть. Непрошенные доброжелатели ушли увѣренные, что онъ никогда не любилъ Китти. Слѣдые! они не видѣли и не поняли, какая жгучая ревность, какаре отчаяніе, какая безпошадная жажда мести бушевала подъ невозмутимо наружностью этого холоднаго лица. Но никогда его бѣшенство не доходило до тѣхъ предѣловъ, какъ тогда, когда онъ видѣлъ Китти у окна. Съ какого права посылала она ему теперь эти блестящіе взгляды? Съ какого права эти розовыя губки, на которыхъ еще горѣли поцѣлуи Мартына Шерарда, такъ сладко улыбались ему?

II.

Однажды вечеромъ, это было уже осенью. Лука вышелъ на свою ежедневную прогулку. Вечеръ былъ чудный; пылающее солнце закатывалось за синими холмиками; лѣсные пѣвцы доканчивали свою прощальную пѣсню, а впереди раскинулось селеніе—мирная картина. Но не мирно было на душѣ у гуляющаго. Его темное лице и блѣдныя губы выражали глубокое страданіе; черные глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ; страсть, не дававшая ему ни сна, ни покоя бурно кипѣла въ груди.

Пройдя съ версту отъ деревни, Лука очутился у небольшого,

но глубокого пруда, носящего название «Черного», а для большей безопасности отдаленного от дороги крѣпкой рѣшеткой. Лука машинально остановился, и облокотясь на перила заглянул въ темную глубину пруда. Мысль о самоубійствѣ неотвязно преслѣдовала его. Ему казалось будто какой-то голосъ манилъ его изъ пучины, сулилъ ему и забвение терзаващаго его горя, и покой его страдающей души.

Между тѣмъ стемнѣло: звѣзда унала съ неба, исчезая въ темной дали: одинокая птица гдѣ-то допѣвала запоздалую пѣсню, а Лука все стоялъ и заглядывалъ въ черныя воды.

Звукъ голосовъ заставили его вздрогнуть. Не желая быть замѣченнымъ, онъ обошелъ перила и скрылся подъ густою тѣнью деревьевъ.

«Я вамъ уже говорила», воскликнулъ женскій знакомый ему голосъ, «что я буду танцевать съ Вальтеромъ сколько хочу, и буду!»

— «А если я этого не желаю?» спросилъ ее спутникъ.

— «Вы еще не имѣете права мнѣ приказывать!»

— «Китти, подумайте что вы говорите, вѣдь это жестоко и несправедливо!»

— «Нисколько! Вы просили меня идти съ вами на ярмарку, и я пошла; но вовсе не для васъ, а для того чтобы самой повеселиться. А такъ какъ мнѣ было весело танцевать съ Вальтеромъ—онъ такой ловкій и любезный—и я танцевала!»

— «Но вы моя невѣста, а не Вальтера. Китти! вы ни во что не ставите желаніе вашего будущаго мужа?»

— «Если я не могу дѣлать, что хочу, даже танцевать съ кѣмъ мнѣ нравится, такъ я очень сожалею, что согласилась выйти за васъ».

— «Можете прекратить ваши сожалѣнія», обиженнымъ тономъ отвѣчала Мартыня.

— «А! значить вы отдаете мнѣ назадъ мое слово? я вамъ очень благодарна, только жалъ, что вы такъ долго дурчили меня передъ другими. Вальтеръ этого бы не сдѣлалъ!»

— «Если вы предпочитаете Вальтера мнѣ, берите его: я вамъ не помѣха».

— «Очень хорошо! И теперь г. Шерардъ, я попрошу васъ уйти».

— «Но я долженъ васъ проводить до дому».

— «Нѣтъ, я этого не хочу и не позволю. Я васъ теперь ненавижу! идите! Я скорѣе всю ночь просижу здѣсь, чѣмъ идти съ вами».

И говоря это она въ самомъ дѣлѣ подошла къ берегу и сѣла на лежащій у пруда камень. Мартыня смотрѣлъ на нее и колебался.

— «Убирайтесь же прочь!» съ гнѣвомъ закричала она.

Не говоря ни слова, Мартыня повернулся и ушелъ; и въ вечерней тишинѣ только звучали его удалявшіеся шаги.

— «Позвольте мнѣ васъ проводить?»

Китти вскрикнула отъ испуга. Появленіе Луки испугало ее, а густой голосъ такъ странно звучалъ среди этой мрачной обстановки. Онъ повторилъ свое предложеніе.

Китти встала, но невольно отступила на нѣсколько шаговъ.

— «Я отказала одному любимому», отвѣчала она съ напускною веселостью; «и не должна идти съ другимъ».

Онъ приблизился и нагнулся надъ нею:

— «Влюбленный!» повторялъ онъ хриплымъ, но дрожащимъ отъ ярости голосомъ: «такъ вы сдѣлали это только съ тѣмъ, чтобы разбить мое сердце! чтобы потѣшиться и бросить потомъ какъ ненужную игрушку! чтобы погубить всю, всю мою жизнь!»

Китти дрожала, но не хотѣла выказать своего страха.

— «Никто васъ не просилъ меня любить!»

— «Но вы сами поощряли меня».

— «А если я это и дѣлала, то все таки отъ васъ же зависѣло любить меня или нѣтъ. Никто не заставлялъ. Ах! что... это...»

Она хотѣла продолжать, но сильная, тяжелая рука съ яростью сжала ей горло, давила его все сивнѣе и сильнѣе.

Страшно было лицо глядѣвшее на несчастную: глаза налились кровью, жилы билась; лицо побагровѣло и онъ весь походилъ на злаго демона, настигнувшаго свою жертву. А между тѣмъ жертва напрасно билась въ его желѣзныхъ рукахъ. Онъ наслаждался ея страшною агоніей, наслаждался при видѣ, какъ судороги искажали красивое личико, какъ поспѣвшая губы напрасно силились пропустить въ стиснутое горло потокъ воздуха. Но вдругъ борьба прекратилась. Голова свисла на сторону въ рукахъ убійцы. Онъ поднялъ безжизненное тѣло въ свои могучія руки и бросилъ въ Черный прудъ.

Шумъ паденія тѣла глухо раздался въ ночной тишинѣ. Преступникъ стоялъ какъ вкопанный и смотрѣлъ на расходящіеся круги и пузыри прыгавшіе въ черной, мутной водѣ.

— «Что это за плескъ?» спросилъ кс-то позади. Лука вздрогнулъ и повернулся.

Передъ нимъ стоялъ сторбленный старикъ опираясь на палку.

— «Я слѣпъ», сказалъ старикъ, «но чувствую, что здѣсь есть что-то».

— «Я здѣсь!» отвѣчалъ Лука.

— «А, такъ это вы сейчасъ упали въ воду?»

— «Нѣтъ, но я неосторожно налегъ на перила, они сломались и упали въ воду».

Слѣпой недовѣрчиво покачалъ головой.

— «Нѣтъ, это было тяжелѣе доски».

— «Я же вамъ говорю», нетерпѣливо возразилъ Лука, «что перила стары и гнилы, а я тяжель; налегъ—они и сломались». Старикъ оцупалъ перила палкою.

— «Да вѣдь они всѣ дѣлы!» воскликнулъ онъ съ удивленіемъ. Убійцу охватила ужасъ и онъ бросился бѣжать.

III.

Отсутствіе Китти было скоро замѣчено. Вѣдь знали что Мартыня Шерардъ провожалъ ее на ярмарку и разумеется къ нему первому обратились съ распросами. Онъ рассказалъ, что на возвратномъ пути они поссорились, она отказала ему и не хотѣла идти съ нимъ далѣе; онъ возвратился одинъ, разставшись съ нею у Чернаго пруда.

Безпокойное выраженіе его лица, горечь съ какою онъ отзывался о своей бывшей невѣстѣ и самый отвѣтъ возбудили подозрѣнія.

Прошелъ день, другой, Китти не возвращалась. Наконецъ портниха, у которой она работала, дала знать властямъ. Начались розыски. Намекъ Мартыня на Черный прудъ заставилъ обратить особенное вниманіе на эту мѣстность, и послѣ долгихъ поисковъ, тѣло несчастной дѣвушки было найдено на днѣ пруда. Ее понесли въ селеніе. Страшно было смотрѣть на это обезображенное тѣло, со скрюченными руками, синее, опухшее, покрытое тилою; а на тонкой шеѣ видѣлась темная полоса.

Мартыня заарестовали одновременно съ нахожденіемъ тѣла, и обвинили въ убійствѣ. Насталъ и самый день суда, и собраніе единодушно выбрало въ предсѣдатели богобоязненнаго и уважаемаго всѣми Луку Чепмэна.

Комната, гдѣ лежало тѣло, быстро наполнилась народомъ; около стола собрались присяжные, а напротивъ ихъ стоялъ обвиняемый.

Судъ шель обыкновеннымъ порядкомъ. Показанія подсудимаго были ясны и не сбывчивы. Онъ повторилъ все то же, что говорилъ прежде, объяснивъ также причину ихъ ссоры.

Эти показанія встрѣтилъ вообще недовѣрчиво.

Онъ же поссорился съ нею! Онъ послѣдній видѣлъ ее въ этотъ вечеръ! Онъ, а никто другой, находился съ нею у Чернаго пруда! Кто же послѣ этого могъ убить ее (о самоубійствѣ не было и рѣчи), какъ не онъ?

Лука Чепмэнь все это время не смѣлъ взглянуть на свою жертву. Блѣдный, взволнованный онъ смотрѣлъ то на собраніе то на подсудимаго; однако блѣдность его никого не поразила: развѣ онъ не любилъ несчастную, лежащую теперь передъ нимъ?

Но вдругъ въ залѣ сдѣлалось движеніе и всѣ глаза невольно устремились на толпу, стоявшую у двери. Она разступилась и передъ судьями предсталъ слѣпой стайркъ. Сердце Луки замерло.

Свидѣтель желалъ дать показанія. Проходя въ тотъ вечеръ мимо Чернаго пруда, онъ услышалъ шумъ какъ бы отъ паденія тѣла въ воду. Подойдя ближе, его тонкій слухъ сейчасъ почувствовалъ присутствіе человѣка. На его вопросы, этотъ человѣкъ отвѣчалъ, что онъ сломалъ своею тяжестью перила и они упали въ прудъ. Когда же онъ, свидѣтель, удостовѣрился въ лживости показанія, обманщикъ убѣждалъ, что заставляетъ его думать, что это былъ самъ убійца. Кто можетъ положить на удостовѣреніе слѣпаго? но въ одномъ онъ твердо увѣренъ, а именно въ томъ, что подсудимый, голосъ котораго онъ теперь слышалъ, не есть убійца. Голосъ, который онъ слышалъ въ тотъ вечеръ, былъ совсѣмъ другой. Того, разъ услышавши, въ вѣкъ не забудешь.

Когда же слѣпаго попросили описать необыкновенный голосъ преступника, онъ выразился такъ неясно, такъ неопредѣленно, что описаніе подходило ко всякому, равно и къ Мартыню Шерарду.

Присяжные по долгому совѣщаніи вынесли обвинительный приговоръ.

Чтеніе приговора, пало на долю Луки какъ предсѣдателя. Онъ заранѣе трепеталъ при мысли о послѣдствіяхъ этого чтенія передъ слѣпымъ слушателемъ. Собравшись съ силами и стараясь придать болѣе твердости своему дрожащему голосу, онъ тихо и ясно прочелъ приговоръ! Но едва успѣлъ окончить послѣднія слова, какъ старикъ поспѣшно выступилъ впередъ.

— «Вотъ онъ, вотъ убійца, это его голосъ!» воскликнулъ онъ, показывая костлявой рукой по направленію къ читающему.

Лицо преступника покрылось смертельною блѣдностью; онъ закрылъ глаза руками, и съ тихимъ стономъ опустился въ кресло.

Все пришло въ смятеніе, его схватили и онъ не сопротивлялся.

— «Я убійца, я!» вскричалъ онъ въ ужасѣ: «да простить мнѣ Господь мое злодѣяніе!»

Его отвели въ тюрьму, и здѣсь онъ во всемъ чистосердечно признался. Судъ приговорилъ его къ смертной казни. Но когда въ день, назначенный для исполненія приговора, за нимъ пришли, чтобы вести его къ казни,—на полу темницы нашли одно безжизненное тѣло, а произведенное слѣдствіе показало, что онъ умеръ отъ разрыва сердца.

Яковъ Петровичъ Полонскій, современный русскій поэтъ.

Въ семьѣ русскихъ современныхъ поэтовъ, далеко не богатой числомъ, имя Полонскаго занимаетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ, вполнѣ по праву свѣжаго, самостоятельнаго дарованія, ярко заблестѣвшаго съ первыхъ же, явившихся въ печати произведеній его оригинальной музы.

Родился Яковъ Петровичъ Полонскій 6-го декабря 1820 года

классахъ уже проявлялъ присутствіе поэтическаго таланта. Когда былъ онъ въ VI классѣ, черезъ Рязань проѣзжалъ Государь Наслѣдникъ и на этотъ случай Я. П. П.—ій написалъ стихи, за которые удостоилъ Августѣйшій путешественникъ поэта подаркомъ (присланы ему золотые часы). За окончаніемъ гимназическаго курса послѣдовало вступленіе въ Московскій Уни-

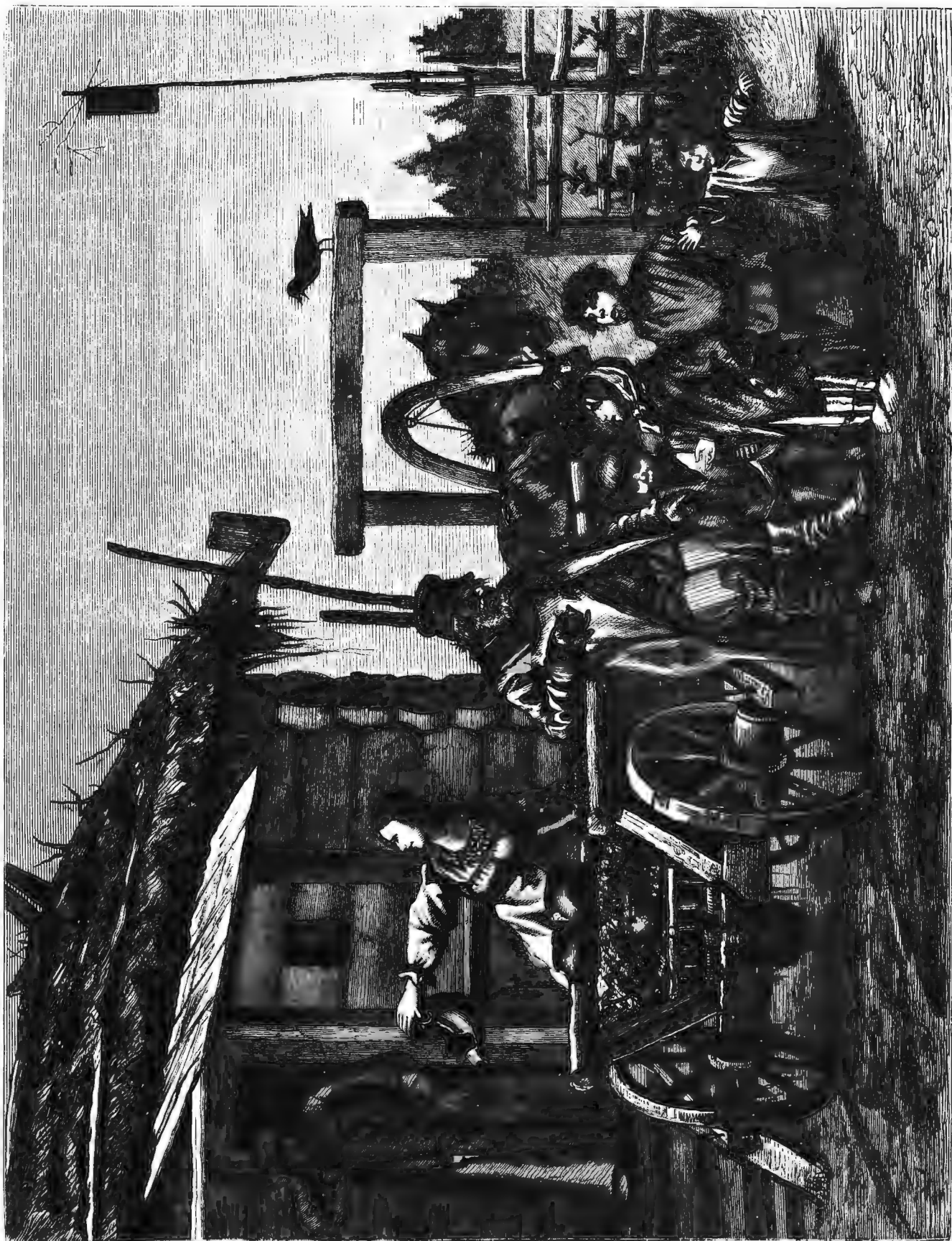

Яковъ Петровичъ Полонскій. Рисов. Бокуръ, грав. Шанонъ.

въ гор. Рязани, гдѣ отецъ его, Петръ Григорьевичъ Полонскій, служилъ въ канцеляріи рязанскаго генераль-губернатора Балашева. Мать поэта, Наталья Яковлевна, изъ рода Кофтыревыхъ, принесла въ приданое очень значительное состояніе, и оставивъ мужу шестерыхъ дѣтей, умерла въ 1830 году. Старшій сынъ, нашъ поэтъ, при смерти матери помѣщенъ былъ въ рязанскую гимназію и затѣмъ оставленъ со своими братьями и сестрами въ домъ родныхъ по матери, тетокъ Кофтыревыхъ, потому что отецъ, перемѣнивъ службу, переѣхалъ въ городъ Эривань, занявъ тамъ мѣсто совѣтника по отд. казенныхъ сборовъ въ Палатѣ. Живя тѣ Рязани, Я. П. Полонскій въ гимназическихъ

верситетъ, съ слушаніемъ курса юридическихъ наукъ, къ которымъ поэтъ не имѣлъ никакого призванія. Нужды и всякаго рода затрудненія съ переживаемыми легко въ юности неприятностями, незамедлили окружить поэта своею безвыходною, казалась, сѣтью, а средства къ существованію давали одни частные уроки. Въ эту тяжелую пору сказалось въ поэтѣ его призваніе и окончивъ курсъ (1844 г.) университетскій, Полонскій издалъ первую книжечку своихъ стиховъ (32 пьесы) подъ заглавіемъ «Гаммы», а самъ уѣхалъ въ Одессу.

«Гаммы» новаго поэта замѣтилъ покойный Вѣлинскій и отозвался о нихъ съ похвалою въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Изъ города. Рисунокъ Коверзневъ, грав. С. Шмидтъ.

Между тѣмъ въ торговой столицѣ южной Россіи поэтъ попалъ опять въ очарованный кругъ всевозможныхъ затрудненій, изъ которыхъ вывелъ его участіе школьнаго товарища (А. Бакунина), тогда занимавшаго въ Риншельевскомъ лицѣ кафедрю. Поэтъ обставился какъ слѣдуетъ и новымъ собраніемъ (22) стихотвореній 1845 г. заявилъ о себѣ публикѣ. Вскорѣ состоялось опредѣленіе въ канцелярію намѣстника кавказскаго (князя М. С. Воронцова) и отъѣздъ въ Тифлисъ, гдѣ на долю поэта выпало на первый случай мѣсто помощника редактора газеты «Кавказскій Вѣстникъ». Занимаясь и не бросая поэзіи, Я. П. Полонскій издалъ въ 1849 г. третье собраніе образцовъ своего поэтическаго творчества, назвавъ его грузинскимъ словомъ «Сазандаръ» (пѣвецъ). Сюда вошли 12 стихотвореній, отличающихся силою и оригинальностью стиха и описаній. Загѣмъ (1851 годъ) г. Полонскій издалъ новыя произведенія подъ титуломъ «Нѣсколько стихотвореній»; а въ слѣдующемъ году (1852) написана имъ драма «Дареджана», помѣщенная при переселеніи съ Кавказа въ Москву въ «Москвитининъ» (№ 7 1852 года) Погодина. Служба на Кавказѣ дала возможность поэту посѣтить Крымъ и проѣхать по Гуріи и Мингрелин, въ видахъ поправленія здоровья, при чемъ разумѣется воспринимчивая душа поэта обогатилась новыми ощущеніями мѣстныхъ картинъ природы, возбудивъ въ Полонскомъ даже любовь къ пейзажу, доведенную имъ до возможности лично набрасывать характерныя виды. Съ Кавказа поэтъ выпросился было въ Рязань временно, въ отпускъ, чтобы увидѣться съ больнымъ отцомъ, но пребываніе въ Москвѣ и потомъ переѣздъ въ Петербургъ сдѣлали его постояннымъ обитателемъ невской сто-

лицы. Затрудненія по устройству въ новомъ городѣ не замедлили на первыхъ порахъ опять осадить поэта и довести его до болѣзни и необходимости дѣлаться въ Гансаль и Гельсингфорсъ. Издавъ въ 1855 году собраніе своихъ стихотвореній здѣсь—съ исключеніемъ только 18 пѣсней вошедшихъ въ прежнія книжки—Я. П. Полонскій отправился въ Варшаву, и заграничу. провель по три мѣсяца въ Баденъ-Баденъ и Женевѣ, а зиму—въ Римѣ, гдѣ познакомился съ графомъ Куселевымъ-Безбородко. Съ нимъ ѣздили въ Неаполь и оттуда въ Парижъ. Въ столицѣ Франціи совершился бракъ поэта съ первой его женою (дочерью пѣвчаго Устюжскаго). Возвращеніе поэта женатымъ уже въ Петербургъ (1859) было порою окончательнаго избранія Полонскимъ рода службы. Изданіе стихотвореній новою книгою и поэма «Кузнечикъ - музыкантъ» — едва ли не самое лучшее, самое игривое и граціозное его произведеніе, да «Разказы» — принадлежатъ первому же времени окончательнаго переселенія въ Петербургъ поэта. Въ 1864 году въ «Эпохѣ» напечатана его поэма «Разладъ» — сцены польскаго возстанія — изданная отдѣльною книжкою (1865 г.) Одновременно съ появленіемъ «Разлада» поставлена на сцену его драма «Свѣтъ», принятая публикою обѣихъ столицъ съ горячимъ сочувствіемъ. Въ 1866 г. напечаталъ поэтъ продолженіе своихъ поэтическихъ бездѣлокъ, назвавъ эту коллекцію «Оттиски».

Признаки блестящаго дарованія видны во всемъ, что написалъ поэтъ. Особенности таланта Полонскаго давно опредѣлились, давая право намъ считать его безъ всякаго лицепріятія однимъ изъ немногихъ замѣчательныхъ литературныхъ нашихъ дѣятелей.

Похоронная процессія въ Венеціи.

Трудно составить себѣ понятіе о Венеціи, не видѣвъ ее собственными глазами. Все въ этомъ чудномъ, водяномъ городѣ такъ своеобразно, такъ непривычно для глаза, что, когда съ дебаркадера желѣзной дороги въ первый разъ, вмѣсто экипажа прямо саднись въ гондолу и безшумно скользя по «Большому каналу», все представляется какимъ-то фантастическимъ сновидѣніемъ. И сама Венеція точно уснула, грезя своимъ блестящимъ проилымъ. Мраморныя палаццо, выросающіе прямо изъ воды, безмолвные, величественные, какъ будто погружены въ воспоминанія; многіе изъ этихъ городовъ дворцовъ, потускнѣли, обветшали, но это придаетъ имъ еще какое-то особенное грустное величіе. Темная вода канала неумолкаемо плещется о мраморныя стѣны, отражая въ себѣ ихъ тяжелыя массы съ безчисленными рѣзными балконами, галереями, террасами. Вездѣ вода кругомъ, со всѣхъ сторонъ; водяныя улицы переплетаются между собой, представили безчисленный лабиринтъ; нѣкоторыя изъ нихъ такъ узки, что кажется можно протянуть черезъ нихъ руку. Темныя боковыя *canalotto* безмолвны и безшумны, но Большому же каналу сплываютъ туда и сюда гондолы, раздаются шутки и брава гондольеровъ. Нечего и говорить, какую оригинальную физиогномію придаютъ Венеціи эти необыкновенныя экипажи. Какъ ни извѣстна гондола по картинкамъ и описаніямъ, но впечатлѣніе производимое ею совершенно неожиданно; это не лодка, а какое-то сказочное черное существо, легко и граціозно несущееся по водѣ, едва прикасаясь къ ея поверхности. Классической гондольеръ гребетъ сидя, и стоя на приподнятой корыѣ, ловко управляетъ однимъ весломъ, которое вложено въ подвижной рычагъ. Не смотря на наружное однообразіе, какаго требовала отъ гондолы древняя республика, для чего она окрасила ихъ всѣ въ черный цвѣтъ—ими щеголяютъ не меньше чѣмъ любыми экипажами; попадаются очень парадныя лодолы, съ богатой рѣзбой, съ гербами, съ золочеными украшеніями. Въ закрытой гондолѣ, гондолѣ-каретѣ, какъ ихъ назы-

ваютъ, посерединѣ устроено закрытое со всѣхъ сторонъ помѣщеніе въ родѣ маленькой каюты; она снаружи также покрыта суконнымъ чернымъ покрываломъ, болѣе или менѣе наряднымъ, а внутри обита чернымъ бархатомъ или сукномъ. Это придаетъ ей совершенно видъ чернаго гроба. Въ наемныхъ гондолахъ эта карета можетъ быть по желанію снята, что гораздо пріятнѣе, особенно въ ясную погоду.

Венеціанецъ живетъ на своихъ каналахъ и *canalotto*, и даже первы его успокоиваются только какъ совершить онъ поѣздку въ гондолѣ. На нашей картинѣ изображенъ одинъ изъ мрачныхъ эпизодовъ венеціанской жизни. Похоронная процессія. Тихо скользя по каналу черная гондола; гондольеръ въ красномъ беретѣ молча правитъ беззвучно разсѣвающимъ воду весломъ. Этотъ записной весельчакъ, несмѣетъ ни пѣть, ни болтать, какъ онъ всегда дѣлаетъ это въ обыкновенное время. Въ гондолѣ стоитъ гробъ; его сопровождаютъ четыре челоуѣка съ факелами. Это не факельщики по профессіи, но братья милосердія, которые возложили на себя обязанность провожать умершихъ къ послѣднему ихъ жилищу. Они не принадлежатъ ни къ какому ордену; занимаются каждый своимъ мірскимъ дѣломъ и только когда ихъ призываетъ долгъ, они надѣваютъ сверхъ своего платья, синій или черный плащъ, а тѣ изъ нихъ, которые не хотятъ быть узанными, спускаютъ на лицо капшювъ съ маленькими отверстіями для глазъ. Четыре сострадательныя самаритянина, изображенныя на нашей картинѣ, не имѣли желанія скрывать свое лицо.

На иностранца такая погребальная процессія на подѣ производитъ тяжело, странное впечатлѣніе. Природный житель Венеціи проходитъ мимо, не обращая вниманія на это. Не отворитъ ни одно окно, никто не посмотритъ вслѣдъ погребальной гондолѣ. Гробъ отвозится за городъ, на кладбищенскій островъ, гдѣ и опускаютъ его въ землю; въ самомъ-же городѣ нѣтъ клочка земли, который могъ-бы быть отданъ умершему.

Политическое обозрѣніе.

Въ настоящую минуту уже ясно можно видѣть ту рѣзкую перемену, которая произошла въ положеніи, принятомъ европейскими державами относительно событій на Балканскомъ полуостровѣ. Кабинеты, болѣе чѣмъ сдержанные, болѣе чѣмъ осторожны вначалѣ, едва рѣшившіеся на то участіе въ означенномъ вопросѣ, которое на языкѣ дипломатическомъ носить деликатное названіе «предложенія добрыхъ услугъ» и которое выразилось въ назначеніи мостарской консульской комисіи, съ теченіемъ времени и развитіемъ возстанія, силою обстоятельствъ, были вынуждены на болѣе дѣйствительный, энергическій шагъ. Не говоря уже объ опасеніяхъ за сохраненіе европейскаго мира, въ достаточной степени объясняющихъ эти долги колебанія и нерѣшительность державъ, едва ли не приходится другую причину снисходительности къ Турціи видѣть въ томъ, что на западѣ до послѣдняго времени—какъ это ни странно—существовало много иллюзій относительно оттоманской имперіи.

«...Мы не могли разомъ потерять всякую вѣру въ того, говорятъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ номеровъ «Times», кто заставилъ три великія націи пожертвовать сотнею тысячъ жизней и громадною массою денегъ, въ того, кого конгрессъ окружилъ гарантіями, въ того, наконецъ, кого англійскіе и французскіе банки снабжали золотомъ по первому требованію и безъ всякихъ обезпеченій. То былъ прекрасный сонъ, но за то теперя, при пробужденіи, мы находимъ, что Турція осталась такою, какою была и какою всегда будетъ».

Прибавимъ къ тому, что если на западѣ не хотѣли терять вѣры въ Турцію, то, наоборотъ, мало вѣрили христіанамъ и ихъ жалобамъ и стонамъ...

Безъ сомнѣнія, это не могло продолжаться долго и истинное положеніе дѣлъ должно было, наконецъ, сдѣлаться извѣстнымъ и вызвать державы на мѣры, болѣе рѣшительнаго и «практическаго» свойства, чѣмъ тѣ, которыя принимались до сего. Какъ и слѣдовало ожидать, Россія первая подала голосъ, первая вы-

сказалась за необходимость «содѣйствія» со стороны европей-ских кабинетовъ Портъ въ дѣлѣ осуществленія реформъ. Обнародованное въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» сообщеніе, въ которомъ изложенъ такой взглядъ императорскаго кабинета, надѣлалъ, какъ извѣстно, много шума и возбудилъ много толковъ и опасеній, причину которыхъ слѣдуетъ видѣть въ томъ, такъ сказать «паническомъ страхѣ», съ которымъ западъ привыкъ взирать на одно уже сопоставленіе имени нашего отечества съ восточнымъ вопросомъ. Въ Австріи общественное мнѣніе прямо заключило изъ «сообщенія», что Россія желаетъ дѣйствовать вновь самостоятельно и помимо ея, во Франціи оно породило однородныя опасенія. «Times», съ своей стороны, напомнивъ о вѣчномъ стремленіи русскаго народа къ обладанію Константинополемъ, поспѣшилъ заявить, что хотя до тѣхъ поръ, пока Англія будетъ принадлежать господство надъ Суэзскимъ каналомъ и Персія сохранитъ независимость, ей нечего бояться за свои ость-индскія владѣнія, она все же не можетъ допустить, чтобы «первый въ мірѣ морской портъ» достался Россіи. Впрочемъ, все это произошло на первыхъ порахъ, теперь уже воинственные порывы утихаютъ и пресса разъяснила обществу истинное значеніе «сообщенія» русскаго правительства, стремящагося прежде всего къ мирному разрѣшенію вопроса, совмѣстно съ остальными державами. Но если Россія открыто, формально указала на необходимость рѣшительнаго шага, то и другія государства сознали уже неуредомую настоятельность въ немъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, уже рѣшено въ принципѣ то, отъ чего уклонялись во что бы то ни стало, а именно — формальное вмѣшательство, и дѣло пока остановилось только на томъ, въ какой формѣ это вмѣшательство должно произойти. Такимъ образомъ мы видимъ, что восточный вопросъ вступилъ въ новый и серьезный фазисъ, благоприятныя послѣдствія котораго, будемъ, но крайней мѣрѣ надѣяться, не замедлятъ оказаться.

А пока—положеніе несчастныхъ семействъ, герцеговинскихъ и боснійскихъ, бѣжавшихъ изъ опустошенной отъ варваровъ турокъ—ужасно. Каково оно въ дѣйствительности, можно видѣть изъ живаго описанія, сообщеннаго постояннымъ корреспондентомъ «Русскаго Мира», г. Петромъ Петровымъ, передающимъ по обыкновенію все видѣнное имъ въ такихъ яркихъ краскахъ, которые прямо сообщаютъ читателю непосред-

ственное впечатлѣніе, полученное самимъ авторомъ (эти корреспондентіи постоянно переводятся въ заграничныхъ органахъ, въ «Times'ѣ», нѣмецкихъ и французскихъ газетахъ). Сочувствіе къ этимъ несчастнымъ, давно уже выраженное на западѣ во всѣхъ слояхъ общества, пробудилось и у насъ — отдѣльныя пожертвованія, сборы по церквамъ, «базары», концерты и спектакли даютъ возможность и отъ имени родной, по крови и религіи Россіи, хотя нѣсколько облегчить ихъ невозможное положеніе. Многого можно ожидать и отъ организованія провинціальныя комитетовъ.

Германскіе католики въ послѣднее время сильно нануганы слухомъ о намѣреніи имперскаго правительства внести въ рейхстагъ предложеніе относительно упраздненія всѣхъ католическихъ обществъ и братствъ въ Германіи. Дѣло въ томъ, что общества эти составляютъ единственную значительную мѣстную поддержку священниковъ, не желающихъ признать майскіе законы, и находящихся, слѣдовательно въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ правительствомъ и облагаемыхъ штрафами. Впрочемъ, по слухамъ, эти опасенія по крайней мѣрѣ преждевременны, такъ какъ въ рѣчи при открытіи парламента ничего не было сказано о какихъ либо новыхъ духовныхъ законахъ, имѣющихся въ виду.

Сессія французскаго законодательнаго собранія открылась обсужденіемъ избирательнаго закона. Трудно еще предвидѣть, какой исходъ парламентская борьба по этому предмету будетъ имѣть для теперешняго кабинета. Хотя правый центръ единогласно рѣшилъ поддерживать министерство въ этотъ трудный фазисъ его существованія, но—большинство можетъ легко оказаться не на сторонѣ того способа голосованія, которое поддерживается правительствомъ.

Что же касается Испаніи, то, насколько можно судить по тому обстоятельству, что всѣ лучшіе генералы донъ-Карлоса или эмигрировали, или арестованы по его прикананію, то дѣло претендента можно считать почти окончательно проиграннымъ, въ пользу чего говорить еще совершенное пораженіе карлистскихъ бандъ въ Каталоніи, дезертирство солдатъ и офицеровъ, а болѣе всего недостатокъ въ деньгахъ. Впрочемъ и самая продолжительность этой неровной борьбы не даетъ возможности, и при настоящемъ положеніи дѣла, безошибочно опредѣлить самое близкое будущее въ этомъ отношеніи.

БИБЛИОГРАФІА

Ручной словарь русско-нѣмецкій и нѣмецко-русскій. Hand-Wörterbuch der russischen und deutschen Sprache. Zum Hand- und Schulgebrauch nach den neuesten und besten Quellen bearbeitet von Friedrich Booch und Adam Frey. — I. Deutsch-russisches Wörterbuch (Нѣмецко-русскій). Цѣна 2 руб. 50 к.

Этотъ ручной (для школьнаго употребленія) нѣмецко русскій словарь заслуживаетъ всякой похвалы, благодаря солиднымъ своимъ достоинствамъ. Составители его, г. ф. Боохъ и А. Фрей, пользовались не только лучшими нѣмецкими лексиконами, но и слѣдующими словарями: Церковно-Славянскаго и Русскаго языка (состав. П-мъ отдѣл. Император. Академіи Наукъ) И. Павловскаго, Н. Ульянова и Х. Рейфа. Тѣ, которые занимаются переводами съ нѣмецкаго языка на русскій, приобрѣтутъ драгоценную себѣ помощь въ этомъ словарѣ, ибо найдутъ въ немъ массу словъ, относящихся къ различнымъ специальностямъ (напр. къ горной промышленности) и притомъ такихъ словъ, которые недавно введены въ употребленіе, какъ техническія. Большое удобство, при употребленіи этого словаря, представляетъ слѣдующее: при всѣхъ именахъ существительныхъ указано, къ какому именно склоненію они относятся, причемъ, конечно, обозначенъ и родъ ихъ; при глаголахъ, спрягающихся по *ст-рому* спряженію, въ всегда встрѣтите форму прошедшаго времени (*perfectum*) и 2-те *participium*, что весьма важно. Переводчики, плохо знающіе нѣм. языкъ, и учащіеся часто затрудняющіеся, встрѣтивъ незнакомый глаголъ, въ формѣ прошед. времени, и не зная гдѣ найти (напр. у Рейфа) неопредѣленное наклоненіе этого глагола, *потому что* въ корнѣ его характеристическія буквы уже другія. Напримѣръ: въ этомъ лексиконѣ, послѣ глагола *brechen*, поставлено прошед. время *brach* и *тутъ-же* 2-те *participium* — *gebrochen*, чего у Рейфа нѣтъ. Мало этого: въ словарѣ Ф. Бооха и Фрея помѣщено и *brach*, какъ отдѣльное слово, съ указаніемъ, что это прошед. время отъ гл. *brechen*. Вообще, г. составители постарались не упустить изъ виду исключительныя формы и указать на нихъ гдѣ нужно. — Такъ какъ нѣкоторые слова употребляются и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ (фигуральное выраженіе), то и на это обращено вниманіе, т. е. слово, имѣющее *два* значенія—отмѣчено Извѣстно, что нѣмецкій языкъ богатъ *составными* словами, и въ этомъ отношеніи разбираемый нами словарь является однимъ изъ лучшихъ. Напр., вы знаете, что значатъ *Brod* и *Sonntag*, взятыя отдѣльно, но какъ перевести на рус. языкъ *Brodsonntag*? „Кресто-поклонное воскресенье“. Еще примѣръ: *Broddeib* (хлѣбъ — воргъ — въ буквальной переводѣ) значатъ: *отнимающій у кого нибудь средство пропитанія*. Для переводчиковъ съ нѣм. языка на русскій словарь этотъ — кладъ.

II. *Ручной словарь русско-нѣмецкій (Russisch-deutsches Wörter-*

buch). Zum Hand- und Schulgebrauch nach den neuesten und besten Quellen bearbeitet von F. Booch, A. Frey und F. Messer. Цѣна 4 руб. сер.

Этотъ словарь, какъ и предъидущій, также заслуживаетъ полнѣйшаго одобренія. Въ объемистѣ нѣмецко-русскаго. Составители его обратили особенное вниманіе на грамматическія правильныя и неправильныя формы именъ существ., прилагат. и глаголовъ. Слова, какъ русскія, такъ и нѣмецкія, приведены въ ихъ различныхъ значеніяхъ—прямыхъ и переносныхъ. Составители имѣли подъ рукой богатый матеріалъ, они пользовались извѣстными русскими и нѣмецкими словарями, такъ, напр., Толковый словарь живаго Великорусскаго языка В. И. Даля служилъ имъ драгоценнымъ пособіемъ. Считаемъ не лишнимъ выписать слѣдующія строки изъ предисловія къ этому словарю: «Въ русско-нѣмецкомъ отдѣлѣ словаря помѣщены многія слова, употребляемыя только въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Русскаго государства, равно и многія слова уже устарѣвшія. Сдѣлано это съ тою цѣлью, чтобы облегчить чтеніе произведеній русской беллетристики, въ которыхъ подобныя слова встрѣчаются очень часто». — Для нѣмцевъ, умѣющихъ читать по русски и желающихъ переводить на родной языкъ наши книги или познакомиться по оригиналамъ съ произведеніями русской литературы, а также для русскіихъ, желающихъ переводить на нѣм. языкъ—такой словарь счастливая находка. Онъ въ состояніи оказать серьезную услугу.

Учебный словарь нѣмецко-русскій и русско-нѣмецкій. Schul-Wörterbuch der deutschen und russischen Sprache. Auf Grundlage des Handwörterbuches der deutschen und russischen Sprache von F. Booch, A. Frey und F. Messer, bearbeitet von A. Frey. Цѣна 2 руб. 50 к. с.

Этотъ лексиконъ смыло можетъ быть рекомендованъ Правда, онъ сохранилъ предъидущихъ, но за то богатъ въ грамматическомъ отношеніи, что гораздо важнѣе при занятіяхъ въ школѣ. Впрочемъ, выкинуты только тѣ слова, которыя вовсе не нужны въ „Учебномъ словарѣ“. Составныхъ словъ менѣе чѣмъ въ Ручномъ словарѣ. По нашему мнѣнію, этотъ лексиконъ полнѣе и вообще лучше другихъ учебныхъ словарей рус. нѣмецкихъ и нѣмец. русскіихъ.

Нѣмецко-русскій и русско-нѣмецкій карманный словарь. Deutsch-russisches und russisch-deutsches Taschen-Wörterbuch. Auf Grundlage des Handwörterbuches der rus. und deut. Sprache von F. Booch, A. Frey.

I. Ч. Нѣмецкій-русскій. Ц. безъ переплета 80 к., въ перес. 1 р. 40 к.

II. Ч. Русскій-нѣмецкій. Ц. безъ перепл. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

Эти два томика представляютъ то удобство, что форматъ ихъ на половину менѣе Ручнаго словаря, а между тѣмъ по внутреннему до-

стойнству они мало уступают ему, хотя и являются въ сокращенномъ видѣ. Такъ, напр., послѣ слова *Abdisputiren* вы не найдете словъ *Abdomen*, *Abdonnern* и *Abdoppeln*, но къ «Карманному лексикону» можно отнести сънисходительнѣе.

Что касается печати и вообще вѣршнаго вида всѣхъ этихъ сло-

варей, то лучшаго изданія, кажется, и требовать нельзя. Изданы они въ Лейпцигѣ Г. Геселемъ и печатались въ тамошней типографіи Брейткюффа и Гертеля. Въ С.-Петербургѣ они продаются у: Гесселя (Невскій пр., 13), А. Риккера и въ книж. магазинѣ Колесова и Михина въ гостинномъ дворѣ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Дѣйствія правительства.

О недействительности гербовыхъ марокъ, наклеенныхъ на прошенія и перекрещенныхъ самими просителями. Особая комиссия для разсмотрѣнія вопросовъ, возникающихъ при примѣненіи устава о гербовомъ сборѣ 17-го апрѣля 1874 г., по обсужденію вопроса о недействительности гербовыхъ марокъ, наклеенныхъ на прошенія и перекрещенныхъ уже самими просителями, приняла въ соображеніе, что ст. 85 и 87 устава о гербовомъ сборѣ 17 апрѣля 1874 года установлено двукратное погашеніе гербовыхъ марокъ: первоначальное, дѣлаемое лицомъ, подписавшимъ бумагу или документъ, и дополнительное или окончательное, дѣлаемое присутственнымъ мѣстомъ или должностнымъ лицомъ. Первое изъ сихъ погашеній должно состоять въ томъ, что одинъ изъ подписавшихъ бумагу или документъ, или рукоприкладчиковъ, или же переписчиковъ, означаетъ на нижней части каждой изъ приклеенныхъ марокъ время написанія документа, т. е. годъ, мѣсяцъ и число. Коммисія, журналомъ, утвержденнымъ 25 минувшаго октября министромъ финансовъ, постановила, что тѣ прошенія, которыя поданы или присланы будутъ съ такими наклеенными на нихъ марками, которыя перекрещены уже самимъ просителемъ, должны быть признаваемы все неоплаченными гербовымъ сборомъ, и что, вслѣдствіе сего, по такимъ прошеніямъ, на основаніи 73 ст. гербоваго устава, должно быть приостанавливаемо всякое производство впредь до взноса причитающагося по онымъ сбора.

Дѣла церкви.

Храмъ Гроба Господня. Г. А. Ушинскій сообщаетъ изъ Кіева въ «Церкви. Общ. Вѣсти», что возвратившіяся недавно изъ Иерусалима кіевскіе богомолцы принесли отсюда отрадную вѣсть, что, наконецъ, въ великомъ святилищѣ христіанскаго міра, храмѣ Гроба Господня, сдѣланы капитальныя перестройки въ нѣкоторыхъ частяхъ храмоваго зданія и проведены водосточные каналы. Перестройки эти произведены, къ чести русскаго имени, насчетъ однихъ русскихъ благотворителей и обошлись, какъ говорятъ, около 60,000 р. Однимъ изъ главныхъ жертвователей на это благое дѣло называютъ купца Кошкина, съ Дона.

Имена другихъ жертвователей пока неизвѣстны; но кто бы ни были они, великое благодареніе воздадутъ имъ многочисленные поклонники іерусалимскіе, всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, бывшіе свидѣтелями этого возмутительнаго явленія въ храмѣ, заключающемъ величайшую святыню христіанства.

Военное дѣло.

«Русскимъ Инвалидомъ» получены слѣдующія извѣстія о положеніи дѣлъ въ Коканѣ: «Главный начальникъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ коканскомъ ханствѣ, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ 1-й, со штабомъ своимъ, возвратился въ городъ Ходжентъ 22-го октября. Для наблюденія за кипчаками и населеніемъ ханства, въ городѣ Наманганѣ оставленъ сильный и самостоятельный отрядъ подъ начальствомъ святаго Его Величества генералъ-майора Скобелева; изъ отряда этого часть войскъ расположена въ городѣ Тусѣ. Сообщенія между Ходжентомъ и Наманганомъ установлены помощью окрѣпленныхъ транзитныхъ, подъ военнымъ конвоемъ, впредь до полного успокоенія

страны. Для лучшаго же обезпеченія въ безопасности на границѣ Ходжентскаго уѣзда, особый передовой отрядъ, изъ состава Ходжентскаго гарнизона, занявъ крѣпость Махрамъ. Что же касается бѣжавшаго изъ Кокана новаго хана, Насръ-эддина, то онъ, со свитою, проживаетъ до сихъ поръ въ Ходжентѣ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій въ ханствѣ».

Трофеи русскихъ. По словамъ «Туркест. Вѣдом.», 28-го сентября привезли въ Ташкентъ орудія, бунчуки и фальконеты, отбитые нашими войсками у коканцевъ. Съ музыкою и въ сопровожденіи конвоировавшаго ихъ отряда, трофеи провозили по главнымъ улицамъ Ташкента, послѣ чего они были поставлены на площади вновь строившагося собора. Изъ числа привезенныхъ въ Ташкентъ орудій три чугунныя, остальные же мѣдныя, въ числѣ которыхъ одно рарѣзное. Какъ тѣ, такъ и другія покрыты узорчатыми поясами, гранью и чеканными украшениями; каждое орудіе имѣетъ надпись, когда и въ честь кого отлито. Изъ привезенныхъ орудій только у двухъ есть подъемные винты, для приданія орудію требуемаго угла возвышенія, остальные же упираются на простые деревянные клинья, подставляемые по мѣрѣ надобности подъ казенную часть.

Морское дѣло.

— 19-го (31-го) октября на Тулонскомъ рейдѣ загорѣлся и затѣлъ влетѣлъ на воздухъ броненосный корабль «Маджента». Взрывъ былъ такъ ужасенъ, что огненный дождь и обломки покрыли весь малый рейдъ и часть города Тулона. Площадь полигона была покрыта почти сплошною массой обломковъ обгорѣвшаго дерева и всякаго рода мелочей, влетѣвшихъ вмѣстѣ съ кораблемъ. Въ числѣ этихъ обломковъ находились болты брони, раскаленные до красна. Стекла и даже оконныя рамы у двери вылетѣли повсюду на набережныхъ, въ Купеческой гавани, въ Мурильонѣ и многихъ другихъ прибрежныхъ кварталахъ, не только въ городѣ, но и за городомъ. Въ самомъ городѣ нѣтъ ни одного дома, который не пострадалъ болѣе или менѣе отъ взрыва. Изъ разбитыхъ оконъ занавѣсы были выброшены на улицу и пришлось поставить часовыхъ, по всѣмъ улицамъ, дабы спасти отъ расхищенія магазины, кофейни и частныя квартиры, расположенныя въ нижнихъ этажахъ и оставшіяся безъ стеколъ, безъ рамъ и дверей.

Передавая эти свѣдѣнія, «Кронштадтскій Вѣстникъ» напоминаетъ о недавнемъ происшествіи, случившемся съ нашимъ пароходо-фрегатомъ «Олафомъ» на Маломъ рейдѣ въ Копенгагенѣ. Тамъ также могло бы повториться и быть можетъ еще въ большихъ размѣрахъ все то, что случилось въ Тулонѣ. Но къ счастью нашъ пароходо-фрегатъ удалось затопить и Копенгагенъ былъ спасенъ отъ серьезной опасности; наши моряки отступили, такъ сказать, съ боя вѣрное имъ судно и не оплатили бѣдой за дружеское гостепримство.

— По словамъ «Daily News», русскій пароходъ «Аксай», шедшій изъ Кардифа въ Одессу съ грузомъ угля. 21-го октября (2 ноября) сталъ на мель близъ Сицилійскихъ острововъ. Капитанъ Болтинъ и 50 человекъ экипажа благополучно высадилось въ Сентъ-Анненъ. Пароходъ «Sady of the Isles» былъ посланъ на помощь, но вслѣдствіе тумана принужденъ былъ отложить свою попытку до слѣдующаго дня.

Петербургскія извѣстія.

Замѣчательное открытіе. «Русскій Миръ» сообщаетъ объ интересномъ открытіи, сдѣланномъ на дняхъ, при раскопкахъ для водопровода, во дворѣ зданія с.-петербургской таможни. Открыты три подземныхъ комнаты, вполне сохранившіяся, и въ нихъ до 8 скелетовъ съ желѣзными ошейниками, кободками и цѣпями—очевидно останки узниковъ, забытыхъ тою рукою, которая ихъ заключила, или умышленно погубленныхъ ужасною смертью. Одна цѣпь, которою несчастный былъ прикованъ къ стѣнѣ, имѣетъ длину аршинъ пять. Впрочемъ, подробный осмотръ этой тюрьмы-могины еще не могъ быть произведенъ, вслѣдствіе испорченнаго воздуха и сырости.

— Въ непродолжительномъ времени будетъ установленъ, какъ передаетъ «Петербург. Листъ», новый путь зимняго сообщенія между Кронштадтомъ, С.-Петербургомъ и Ораниенбаумомъ. По почину кронштадтскаго жителя г. Кайриса, составляется товарищество для устройства новаго пути сообщенія съ помощью особой паровой машины. Паровая машина эта будетъ двигаться по зимнему пути посредствомъ проволочнаго каната, который будетъ уложенъ по льду.

Разныя извѣстія и слухи.

По словамъ газеты «Русскій Миръ» министерство финансовъ, съ цѣлью озабоченія существеннаго содѣйствія угле-промышленникамъ для сбыта каменнаго угля, возбудило вопросъ о поставленіи въ обязанность казеннымъ зданіямъ (на первый разъ хотя бы только въ южной полосѣ Россіи, отапливать ихъ не иначе какъ каменнымъ углемъ.

— Та же газета слышала, что для руководства лицъ, завѣдующихъ средне-учебными заведеніями министерства народнаго просвѣщенія, будетъ составлена инструкция, въ которой будутъ изложены подробно тѣ принципы и правила, которыми они должны руководиться какъ по отношенію къ учащимся, такъ и служащимъ въ завѣдываемыхъ ими заведеніяхъ.

— Въ «Helsingf. Dagbl.» сообщаютъ, что по примѣру американокъ, финляндскія женщины не на шутку готовятся къ борьбѣ съ спиртными напитками и съ этою цѣлью намѣрены обратиться къ будущему финляндскому сейму съ ходатайствомъ, чтобы онъ остановилъ «водочную рѣку» содѣйствіемъ къ измѣненію существующихъ законовъ о винокурении. Собираются подписи.

— Г-жа Нильсонъ подвергалась на дняхъ страшной опасности. Побѣды, на которомъ она ѣхала въ Плимутъ, соскочилъ съ рельсовъ при скорости 60 миль въ часъ. Къ счастью, полотно дороги окружала затопленная наводненіемъ мѣстность и огонь подъ паровымъ котломъ мгновенно потухъ. Пассажиры отдѣлались испугомъ, но весь багажъ былъ подмоченъ, и поэтому г-жа Нильсонъ плѣла на другой день въ концертѣ въ дорожномъ платьѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: Новое изобрѣтеніе (съ рисункомъ).— Кто выигралъ?.. (Изъ современной уголовной хроникѣ).— Романъ Ф. Фридриха (продолженіе).— Изъ города. (Изъ галереи малыхъ картинъ) (съ рисункомъ).— Молодая американка (съ рисункомъ).— Завлеченіе.— Слѣпой свидѣтель.— Яковъ Петровичъ Полонскій (съ портретомъ).— Похоронная процессія въ Венеціи (съ рисункомъ).— Политическое обобщеніе.— Библиографія.— Разныя извѣстія.— Отдѣльный листъ объявленій.

Редакторъ Ф. Бергъ (Боевъ).

„При этомъ № прилагается для всѣхъ гг. подписчиковъ городскихъ и иногород. объявленіе о подиски на журналъ „НИВА“ на 1876 г.“, и для гг. иногородныхъ подписч. объявленіе отъ чайнаго магазина Б. Е. Биселева въ Москвѣ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

МАГАЗИНЪ НОВОСТЕЙ ВЕДЕРНИКОВА И МИХАЙЛОВА

(Гостинный дворъ №№ 122 и 123 въ С.-Петербургѣ).

Получилъ изъ первыхъ домовъ Парижа для осенняго сезона

Новости Дамскихъ и Дѣтскихъ нарядовъ.

Кофты и Жакеты
лучшаго драпа, дра-де-велюра, Букле и
другихъ модныхъ тканей съ различными
отдѣлками.

Пальто "Дипломатъ",
и другихъ фасоновъ, драпъ, касторъ,
Букле, Монтаньякъ и Матлассе.

Ротонды драповыя,
кльбчатныя, Букле, Монтаньякъ и Астра-
ганъ.

Пальто и Ротонды
крытыя бархатомъ, фаемъ, армюръ, на
гагачьемъ пуху и съ различными отдѣл-
ками.

Бѣлыя свадебныя
вещи со страусовымъ плюмажемъ огра-
ментомъ и другими модными отдѣлками.

Модели платьевъ
и костюмовъ бархатныхъ, фэй и шер-
стяныхъ модныхъ тканей.

Дѣтскіе наряды
для мальчиковъ и дѣвочекъ на всѣ воз-
расты, послѣднихъ фасоновъ.

Бархатъ
черный, гладкій и клѣтчатый, отъ 2 до
40 руб.

Матлассе
отъ 1 руб. 75 коп. до 6 р.

Торговый домъ Ведерникова и Михайлова, покорнѣйше просить желающихъ выписывать обозначать при заказахъ:
мѣрку длины и полноты вокругъ плечъ.

БОЛЬШАЯ МОРСКАЯ УГОЛЬ ГОРОХОВОЙ № 30.

Большой генеральный складъ огнестрѣльнаго оружія

Единственное агентство для Россіи оружія ДЕВИМЪ изъ Парижа.

Огромный выборъ оружія всякихъ сортовъ: Англійскихъ, Штудеровъ, Револьверовъ и т. д.

Чрезвычайно сходныя цѣны, качество гарантированное.

Ружья одностольныя отъ	7 р. с.	Револьверы отъ	4 р. 80 к.
„ двухствольныя „	15 „	„ Буль-догъ отъ	18 „ — „
„ Лефосѣ двухст. „	36 „	„ Галанъ, Дриссенъ, Смитъ и Вессонъ и. т. д. по	чрезвычайно пониженнымъ цѣнамъ.
„ Центральныя, сист. Ланкастра и другія отъ	40 „	Пистолеты (муха) для брелокъ съ слоновой ручкою.	

Охотничьи Штудера улучшенные.

Карабины, Монте-Кристо всѣхъ системъ отъ 13 р. 50 к. с.

Превосходные охотничьи ружья новой системы РЕМИНГТОНА.

Гильзы, патроны, охотничьи принадлежности и т. п.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОЧИНКА.

Просьба адресовать заказы по означенному адресу: Гг. Л. Полисъ и Ш. Дриссенъ, Большая Морская № 30,
С.-Петербургъ, прилагая къ вышепоказаннымъ цѣнамъ за пересылку.

Перваго ноября вышла и раздается гг. подписчикамъ ноябрьская (11) книжка
ежемесячнаго, историческаго, иллюстрированнаго сборника

„ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ“.

Содержаніе ея слѣдующее:

I. Царь Алексѣй Михайловичъ и его время 1629—1675. Нраво-
описательный очеркъ. Гл. V и VI. *М. Д. Хмирова*.—II. Сямеонъ
Полоцкій. Историко-литературный очеркъ. Гл. V и VII. *А. Н.
Майкова*.—III. Очерки Восточной Сибири. IV. Тунка. *П. А. Ровин-
скаго*.—IV. О подложности известнаго письма Петра Великаго съ бе-
реговъ Прута въ Сенатъ, отъ 10 іюля 1711 года. *Ө. А. Вишбер-
га*.—V. Замѣтка о Фаеродтѣ. Проф. *А. Г. Брикнера*.—VI. Нѣ-
сколько словъ о положеніи нашихъ археологическихъ памятниковъ.
VII. Замѣтка француза о Москвѣ въ 1774 году. *Д. Н. Дмитриева*.
VIII. Критика и библиографія. «Николай Ивановичъ Новиковъ, изда-
тель журналовъ 1769—1785 гг.». Исслѣдованіе *А. Незеленова*. СІБ.
1875 г. *В. Гне*.—IX. Сказка о женскомъ ханствѣ. Отрывокъ изъ
записной книжки. *Н И Каразина*. X. Свѣдѣнія о пребываніи графа
П. А. Толстаго въ ссылкѣ. *Рисунки*. 1. Патріархъ Никонъ.—2.

Стольникъ П. И. Потемкинъ.—3. Приемъ посольства царемъ Алек-
сѣемъ Михайловичемъ.—4. Бурятскія юрты въ долинѣ р. Иркутка.

Въ будущемъ 1876 году сборникъ «Древняя и Новая Россія» бу-
детъ издаваться по той же программѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какъ
и въ текущемъ году, но БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Сборникъ «Древняя и Новая Россія» выходитъ ежемесячно книж-
ками въ размѣрѣ отъ десяти до двадцати печатныхъ листовъ боль-
шого формата, и 4, въ два столбца печати на страницѣ, съ портре-
тами и рисунками въ приложеніи, такъ что по окончаніи года состав-
ится три большихъ тома въ 140—150 печатныхъ листовъ, съ 40—
50 гравюрами на деревѣ, литографіями и хромофотографіями. Подпи-
сная цѣна на годовую экземпляръ сборника, 12 книгъ, безъ доставки
12 р., съ доставкою 12 р. 50 к., съ пересылкою 13—50.

Подписка на 1876 г. открыта.

Подписывающіеся на нынѣшній годъ получаютъ немедленно вы-
шедшіе 11 номеровъ сборника.

Контора сборника помѣщается на Невскомъ, рядомъ съ Пассажемъ,
д. № 46, при типографіи и хромофотографіи издателя В. М. Граціанскаго.

ПОДПИСКА

на семейный журнал „МОДНЫЯ ВЫКРОЙКИ“.

Вышелъ и разосланъ гг. подписчикамъ 1-го ноября сего года № 5-й журнала.

Въ составъ его вошло слѣдующее; цѣльныя вырѣзныя выкройки (въ натуральную величину): выкройка № 57) дамского бальнаго платья (раскрашенная картинка), изъ шелкового фая, съ кружевнымъ тюникомъ, гарнированнымъ цвѣтами; 58) пижамнаго платья для дѣвочки до 2-хъ лѣтъ; 59) шерстянаго платья для дѣвочки до 3-хъ лѣтъ, гарнированнаго шнурками; 60) дѣтскаго зимняго костюма для гулянья, изъ вигонне-драпше, гарнированнаго галуномъ и опушкой изъ японскаго медвѣдя; 61) визитнаго костюма съ юбкой и рукавами изъ шелкового фая и пардессо изъ шелковой матеріи фасоне; 62) костюма для мальчиковъ до 4-хъ лѣтъ; 63) выходнаго костюма для дѣвочки до 6-ти лѣтъ, гарнированнаго тесемками; 64) комнатнаго платья для дѣвочки до 12-ти лѣтъ, изъ легкой шерстяной ткани въ два цвѣта; 65) костюма для дѣвочки до 9-ти лѣтъ, для гулянья, изъ коричневаго манчестера; 66) дамской кофты изъ тибетскаго драпа, для гулянья, гарнированнаго бобровой опушкой; 67) кружевной кофты для театровъ и концертовъ; 68) шерстянаго платья; 69) бѣлаго полубатистоваго платья для дѣвочки до 3-хъ лѣтъ; 70) шерстянаго платья для дѣвочки до 4-хъ лѣтъ, гарнированнаго бархатомъ; 71) драповаго пальто для мальчика до 7-ми лѣтъ; 72) дамской бархатной шубки на лужу, гарнированной собольимъ мѣхомъ, и 73) шерстянаго платья для дѣвочки до 12-ти лѣтъ. РИСУНКИ: лит. А) мѣтокъ для столоваго бѣлья; лит. Б) мѣтокъ для разнаго бѣлья; лит. В и Г) вензелей для мѣтокъ. Въ слѣдующій № 5-й войдутъ выкройки и рисунки болѣе для домашнихъ туалетовъ.

Нынѣ журналъ нашъ вступилъ въ четвертый годъ своего изданія. Такимъ образомъ, прочность его существованія вполне обезпечена и лучше всякихъ пышныхъ объявленій говорить въ нашу пользу. Тѣмъ не менѣе, и въ наступившемъ году, т. е.

Журнальный годъ „МОДНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ“ начинается съ 1-го сентября 1875 года и оканчивается 1-го сентября 1876 года.

Цѣна изданія съ пересылкой и доставкой на домъ за годъ семь рублей.

По полученіи изъ Парижа, всѣ дамскіе осенніе и зимніе туалеты помѣщены въ первыхъ №№ журнала и н. подписчики получаютъ его съ 1-го номера.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи, находящейся при при торговомъ домѣ модныхъ вещей и бѣлья А. Тарочешникова (С.-Петербургъ, Караванная, уголъ Итальянской, д. № 18-й, въ бель-этажѣ). Въ Москвѣ у книгопродавца И. Г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ.

Редакторъ-издатель А. Тарочешниковъ.

ДОНСКОЙ КАЛЕНДАРЬ

на 1876 годъ.

печатается и въ началѣ будущаго Девября мѣсяца поступитъ въ продажу. Кромѣ общаго календарнаго свѣдѣній, на него войдутъ свѣдѣнія мѣстныя о разныхъ учрежденіяхъ и послѣднихъ области войска Донскаго, воинскій уставъ о казачьей службѣ, о введеніи земства въ области В. Д., четыре очерка изъ донской исторіи и проч.

ЦѢНА 30 КОПѢЕКЪ.

На пересылку до 10 экз. прилаг. 30 к.; свыше 11 экз. пересылка на счетъ издателя; а при высылкѣ 30 и болѣе экз. оплачена, кромѣ того, уступка 10%.

Адресъ: Въ Пороцкѣ. Издателью Донскаго Календаря Ф. К. Тралинку.

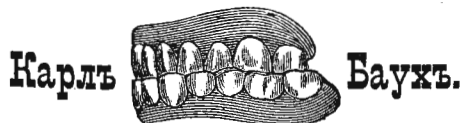
ПОВѢСТИ РАЗСКАЗЫ И СТИХОТВОРЕНІЯ Н. ЮГОВА

ЦѢНА 1 Р. 25 К., ПЕРЕС. ЗА 1 ФУН.

(Повѣсти и рассказы: 1) «Безъ руля и безъ вѣтриль», 2) Приемникъ, 3) «Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ», 4) Переломъ, 5) Демоническая женщина, 6) «Это моя дочь», 7) Антипатичный человѣкъ, 8) На два часа, 9) «Самое изловили», 10) Нерони, 11) Хищникъ, 12) Политичная партія, 13) Сузена, 14) Въ чужомъ иру похмѣлье.)

Гг. иногородныхъ просятъ обращаться въ книж. магаз. А. Ф. Базунова или Я. А. Исачова, Въ Спб. Выписывающіе не менѣе 4 экз.—за пересылку ничего не прилагаютъ.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

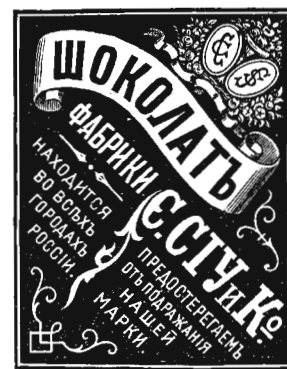

Принимаетъ больныхъ ежедневно, отъ 10 час. до 3 часовъ. Пломбированіе, вставленіе зубовъ и цѣльныхъ челюстей по самой новѣйшей американской методѣ.

С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 9.

6—4

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголъ Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—23

45 16

26—1

„ПЕРЧАТКИ“.

Французскія лайковыя перчатки, шведскія сѣрыя замшевыя и бѣлыя военныя перчатки, большой выборъ теплыхъ перчатокъ на мѣху, фланель и байкѣ. Прочныя ежедневныя перчатки изъ первыхъ русскіихъ фабрикъ по 90 коп. за пару. Магазинъ А. Штейнберга. Невскій проспектъ, домъ Казанскаго собора, № 25. 2—2

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ.

Орѣховый экстрактъ, цѣна 2 руб. 50 к., съ пересылкой 3 р., окрашиваетъ въ нѣсколько минутъ, волосы, бороду, баки и усы въ отличный черный и коричневый (Рлон) цвѣта; Оде-капиль, цѣна 1 руб. 50 к. съ пересылкой 2 руб. извѣстная своимъ удивительнымъ дѣйствіемъ, возвращаетъ сѣдинѣ первобытный цвѣтъ. Магазинъ А. Ф. Штейнберга, Невскій проспектъ, домъ Казанскаго собора № 25. 2—2

НИВА

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
 Выданъ 24 Ноября 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.

Въ виду приближенія времени подписки на 1876 г., мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ номеровъ.

Приготовленіе около 14.000 печатныхъ адресовъ для гг. иногородныхъ подписчиковъ требуетъ весьма большой работы и времени такъ что намъ гораздо легче если подписчи теперь уже благоволятъ выслать свои требованія ибо въ концѣ Декабря когда всѣ требованія поступятъ вдругъ, большое количество адресовъ трудно съ разу приготовить.

При возобновленіи подписки просимъ покорно высылать печатные редакціонные адреса отъ бандеролей, въ которыхъ подписчики получаютъ „НИВУ“ въ нѣпѣшнемъ 1875 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	4 р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: черезъ книжный магазинъ
И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	5 р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и
мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.)

*) ПОЧТОВЫХЪ МАРОКЪ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ, а просимъ высылать этотъ полтинникъ серебромъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9.

Издатель „НИВЫ“ А. Ф. МАРКСЪ.

Жюль Вернь.

Жюль Вернь принадлежитъ къ числу оригиналовъ и его творенія вполнѣ своеобразны. Въ жизни этого автора какъ и въ его романахъ дѣйствуютъ, повидному, невѣдомыя силы. Вслѣдствіе ли скромности, или любви къ таинственности, или наконецъ особенной прелести, окружающей все неизвѣстное, но только Жюль Вернь, живущій въ Парижѣ, не смотря на свое полное право и на всѣ требованія, еще ни разу не старался выдвинуться впередъ; мало того, онъ даже остался почти совершенно неизвѣстенъ тѣмъ лицамъ въ Россіи, которыя были связаны съ его въ высшей степени своеобразными твореніями дѣловымъ или литературно-критическимъ образомъ. Этими онъ рѣзко отличается отъ своихъ соотечественниковъ, любящихъ блеснуть во что бы то ни стало. Оригинальное изданіе его сочиненій, принадлежащее парижской фирмѣ Гетцель и Комп., состоитъ изъ 21 тома, но ни въ одномъ изъ нихъ нельзя найти даже малѣйшаго намека на личное положеніе автора.

Опредѣлимъ сначала родъ таланта Жюля Верня, быстро достигшаго славы. Отличительная

Жюль Вернь. Рис. Вокуръ, грав. Вейермакъ.

черта его—реальность, въ полномъ смыслѣ этого слова; она такъ ясно выражена, такъ научно точна и Жюль Вернь такъ проникнуть ею, что въ этомъ отношеніи нельзя никого ставить наравнѣ съ нимъ, самъ-же онъ остается всегда неизмѣнновѣрнымъ самому себѣ. Всѣ 21 томъ, начиная отъ перваго и до послѣдняго, написаны одною мастерской рукой, съ одинаковой ясностью и вѣрностью, будемъ ли мы судить по одному изъ большихъ, трехъ-томныхъ твореній («Дѣти капитана Гранта», «Таинственные острова»), или по самому короткому, небольшому произведенію его пера («Нарушители блокады» въ 19 томѣ или «Мысль доктора Онсъ» въ 20 томѣ). По нашему мнѣнію, своеобразность Верна высказывается въ полной силѣ и блескѣ въ 2-хъ его разсказахъ: «Двадцать тысячъ миль подъ водою» и «Приключенія капитана Гаттераса».

Перейдемъ теперь къ научной точности его изложенія. Мы уже сказали, что она выражается новыми, единственными въ своемъ родѣ образами, созданными его воображеніемъ; сущность ихъ созданія состоитъ въ тѣсномъ соединеніи двухъ, совершенно различныхъ, даже по природѣ своей противоположныхъ, элементовъ въ одинъ и тотъ же

образъ, исполненный жизненной силы. Для описанія его исполненныхъ приключеній путешествій въ извѣстныя и неизвѣстныя страны, нужно имѣть огромный запасъ естественныхъ знаній; надо для нихъ собрать почти необозримое количество материала изъ всѣхъ отраслей естественныхъ наукъ въ ихъ современномъ развитіи, а между тѣмъ самая неразработанная изъ всѣхъ естественныхъ наукъ можетъ теперь быть предметомъ изученія въ продолженіи всей жизни Вернѣ помѣщается въ свѣдѣніяхъ произведеній математически-точныхъ и вполне подходящихъ къ дѣлу свѣдѣній изъ астрономіи и математики, механики, химіи, физики, древней и новой географіи и изъ всѣхъ другихъ отраслей естественныхъ наукъ. Такимъ образомъ авторъ съ одной стороны остается всегда на почвѣ нашего реально-материальнаго міра, онъ беретъ явленія природы и силы управляющія ими, группируетъ, распределяетъ ихъ, назначаетъ имъ мѣсто, время и мѣру со всей точностью математика, показываетъ намъ ясныя факты физики, механики, также непреложныя астрономическія законы міроваго движенія со всѣми подробностями, и все-таки остается въ предѣлахъ изслѣдованныхъ и признанныхъ силъ природы.

И мы опредѣлили одну сторону его произведеній, непреложный, съ математической точностью проведенный реализмъ. Перейдемъ теперь къ другой сторонѣ; тотъ же авторъ, развернувшій передъ нашими глазами весь неизмѣримый запасъ научныхъ свѣдѣній въ тысячи сочетаній и такъ твердо стоявшій на почвѣ дѣйствительности, дѣлаетъ вдругъ рѣзкій переходъ, аросается въ безконечное пространство, начинаетъ кружиться съ метеорами и туманными пятнами и почерпаетъ свои комбинаціи и изображенія изъ области невозможнаго и недоступнаго. Онъ поступаетъ отважнѣе чѣмъ Гейне, обманувшій свое исполненное перо въ жерло Этны, чтобы начертать имя на небесахъ имя своей возлюбленной; Вернѣ бросается въ сказочный міръ, исполненный приключеній; онъ дѣйствуетъ на основаніи исполненной, чудовищной природной фантазіи, предъ которой умолкаютъ всѣ законы. Мы видимъ передъ собой новый родъ литературы и творца ея. На основаніи всего вышесказаннаго видно, что безусловная оригинальность автора состоитъ въ сліянніи реальнаго математически-точного фантастически-романтичнаго идеальнаго или скорѣе сказочнаго міровъ. Такимъ образомъ въ романахъ Верна одинаково дорога какъ одна сторона его произведеній, служащая для поученія, такъ и другая, служащая для поэтически-эстетическаго наслажденія, и мы должны имѣть въ виду не ту или другую цѣль автора отдѣльно, а обѣ ихъ вмѣстѣ. Мы цѣнимъ отважныя картинныя фантазіи какъ свободную игру поэзіи, насъ сильно увлекаетъ извѣстность этого новаго сказочнаго міра матеріи. Но мы уважаемъ также распространеніе популярныхъ знаній изъ всѣхъ отраслей естественныхъ наукъ; факты, изложенные Верномъ, вносятъ со всѣхъ сторонъ естественныя познанія въ сферы, которыя безъ этого не такъ скоро и не такъ жадно бросались бы на нихъ. Вернѣ не математикъ и не астрономъ, не сочинитель физическихъ и механическихъ руководствъ, а просто писатель. Тѣмъ не менѣе онъ повсюду разбрасываетъ, самымъ ловкимъ и искуснымъ образомъ, удивительную массу

познаній и читатель тѣмъ скорѣе обратитъ на нихъ свое вниманіе, что не зная ихъ будутъ совершенно непонятны для него фантастическія сочетанія, выводимыя Верне изъ небывалаго соединенія реальныхъ силъ. Впрочемъ, для чудныхъ путешествій на луну и вокругъ луны, къ центру земли, на 20,000 миль подъ водою, для поѣздокъ къ сѣверному полюсу и къ никогда не достигнутымъ лѣдамъ крайняго юга, для удивительно-быстраго путешествія вокругъ земли, для изслѣдованія земныхъ поясовъ, для исполненія плаваній на воздушныхъ шарахъ и драмъ, разыгрывающихся высоко надъ землею—для выполненія всѣхъ этихъ баснословныхъ и счастливо оконченныхъ предпріятій, Верну нужны лица, которыхъ онъ дѣлаетъ героями; чтобы они соотвѣтствовали отчаяннымъ предпріятіямъ, Вернѣ придаетъ ихъ физическимъ и нравственнымъ силамъ титаническіе размѣры, приписываетъ имъ мужество и энергію, которыя въ состояніи все перенести и все преодолѣть. Черезъ это созданные имъ образы облачаются въ некотораго рода таинственностью, придающей имъ особенное обаяніе, переходящее впрочемъ часто въ мрачную и меланхолическую грандіозность, въ нѣчто демоническое. Всегда вообще паритъ невѣдомая исполнская сила надъ его промышленно-гигантскими предпріятіями, способствующая ихъ успѣху.

Специально-научныя вспомогательныя средства Верну необходимы; они состоятъ изъ массы историческихъ данныхъ объ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ, механическихъ постройкахъ, объ успѣхахъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ познаній; изъ построенія и принятія всѣхъ возможныхъ философски-научныхъ системъ; изъ вычисленій пространства, матеріи и среды; изъ изложенія весьма сложныхъ физическихъ законовъ и механическихъ приборовъ; изъ состава, сущности и дѣйствій разнообразныхъ матерій, изъ измѣренія земли и неба, изъ дѣйствій свѣта, измѣреній температуры и высотъ, законовъ тяготѣнія, опредѣленія начальной и конечной скорости летящихъ тѣлъ при дѣйствіи на нихъ разнообразно перекрещивающихся силъ; изъ первѣнныхъ мировыхъ вопросовъ, какъ-то: жители луны; строеніе земной коры, составъ нашей планеты, органическія созданія встрѣчающіяся на землѣ и въ морѣ, и наконецъ, изъ самыхъ разнообразныхъ и остроумныхъ аппаратовъ и т. д. и т. д.

Замѣтимъ, въ заключеніе, что въ романахъ Верна наибольшей прелестью дышутъ описанія континентовъ, морей и неба; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить видъ неба, изображаемый имъ съ невѣроятной высоты или описаніе части луны, обращенной къ землѣ, или странствовать съ нимъ по царствамъ крайняго юга и сѣвера, надѣленныхъ какой-то особенной, мрачной прелестью и таинственной органической жизнью, или заглянуть въ неизмѣримую пещеру съ огромнымъ моремъ, помѣщенную въ нѣдрахъ земли и населенную причудливыми, первобытными созданіями, или на Атлантиду, погребенную часть свѣта съ ея остатками животной и растительной жизни; или сопутствовать ему въ баснословной прогулкѣ и охотѣ на днѣ моря; или нестись въ воздушномъ шарѣ надъ недоступными пустынями и зловредными болотами Африки. Произведенія Верне изобилуютъ множествомъ подобныхъ картинъ, исполненныхъ самыми яркими и живыми красками

КТО ВЫИГРАЛЪ?...

(Изъ современной уголовой хроники)

РОМАНЪ
Ф. Фридриха.

(Продолженіе).

„Маленькій фрейгерръ“ провель рукою по лбу и не выдержавъ, воскликнулъ:

— Зельма!...

Эльза остановилась и удивленно смотрѣла на старика...

Въ эту минуту изъ бесѣдки вышла высокая женщина, еще довольно молодая даже стройная.

— Г. фрейгерръ, вы, кажется, совсѣмъ забыли, что оба мы порядкомъ таки постарѣли, произнесла съ улыбкой Зельма Штейнъ и протянула ему руку... Да, дочь моя похожа на прежнюю Зельму!.. Вы ошиблись... Но меня это радуетъ: значить, вы помните меня!... Очень рада васъ видѣть!...

Маннштейнъ какъ-то неловко подалъ ей свою руку, потому что растерялся на первыхъ порахъ, но потомъ, оправившись, заговорилъ съ ней свободно, даже съ отбѣнкомъ чувствительности. Она рассказала ему, что заставило ее пріѣхать въ М*, и фрейгерръ, встрѣтившись разомъ съ матерью и дочерью, порѣшилъ тутъ-же объявить имъ цѣль своего пріѣзда, хотя онъ и рассчитывалъ переговорить прежде съ профессоромъ.

— Я виновата, что такъ долго не являлся сюда, проговорилъ Маннштейнъ, а мнѣ-бы давно слѣдовало быть здѣсь, чтобы искупить грѣхъ моего злосчастнаго племянника, по возможности уничтожить то зло, которое онъ вамъ причинилъ... Но вы не знаете, даже не подозреваете сколько бѣдствій повлекъ за собою его поступокъ!...

Эльза выпрямилась... Глаза ея загорѣлись... Г-жа Штейнъ знаками думала остановить „маленькаго фрейгерра“, но онъ ничего не видѣлъ.

— Ис-ку-пить... уни-что-жить? повторила дѣвушка... Да вы, вѣроятно, забываете, что есть такія вещи, которыя ни уничтожить, ни искупить ничѣмъ нельзя?!... Есть, впрочемъ, средство—единственное это: *забвеніе*... Но это не въ вашей власти! Да если-бы вы и могли какъ нибудь достигнуть этого, то—я не хочу, я не хочу *забыть!*

— Не тревожь такъ себя, милочка моя, просила г-жа Штейнъ.

— Судьба жестоко отмстила моему племяннику за содѣянное имъ! воскликнулъ старикъ... Знаете вы, вѣдѣ

онъ теперь?... Бѣглець... скиталець... его преслѣдуетъ тѣнь убитаго имъ человѣка!.. Онъ—отщепенецъ, отверженникъ... Онъ—нищій... И у него не хватаетъ даже духа покончить съ собою, прекратить эту жалкую жизнь!..

Они, всѣ трое, вошли въ бесѣдку, и тутъ Маннштейнъ разсказалъ имъ все...

— Между имъ и мной—бездна, заключилъ онъ свой разсказъ:—я совершенно отрекся отъ него, ни малѣйшаго состраданія не чувствую къ нему, ибо оно тутъ невозможно!..

Эльза не проронила ни одного слова, она вся обратилась въ слухъ... Глаза ея сверкали, а по выраженію лица было видно, что она радовалась чувствуя нѣкоторое удовлетвореніе... Горделивый баронъ, отказавшійся отъ большаго состоянія, чтобы только не быть мужемъ *мъщанки*—кто онъ теперь?... Убийца... скиталець... бродяга!... Тутъ сама судьба явилась мстителемъ... Человѣческая месть не могла-бы нанести такого страшнаго удара...

Дѣвушка встала и вышла изъ бесѣдки, потому что чувствовала потребность остаться совершенно одной. Она показалась фрейгерру какой-то странной... Старикъ сталъ спрашивать, и г-жа Штейнъ сказала ему, что Эльза дѣйствительно, серьезно любила Зельдитца... До сихъ поръ она не можетъ забыть, что обижена, оскорблена имъ; болѣзнь не ослабила этого впечатлѣнія, напротивъ—Эльза стала раздражительна, сурова, а веселость прежняя безвозвратно исчезла...

— Да, она больна душевно, и только время можетъ излѣчить ее отъ этой болѣзни, прибавила г-жа Штейнъ:—покрайней мѣрѣ докторъ такъ говорилъ мнѣ... Со временемъ она успокоится, примирится и станетъ прежней Эльзой.

„Маленькій фрейгерръ“, узнавъ, что онъ скоро уѣзжаютъ изъ М*, рѣшился наконецъ откровенно объяснитьсь.

— Послушайте, я могу, кажется, прямо говорить съ вами, обратился онъ къ г-жѣ Штейнъ:—и вотъ что я скажу вамъ: лишивъ племянника наслѣдства, убѣдившись, что онъ хотѣлъ меня убить, я тогда-же напалъ на мысль—отдать *все* вашей дочери, сдѣлать ее единственной моей наслѣдницей... Но я не зналъ ее и, чтобы познакомиться съ ней, нарочно пріѣхалъ сюда... Мнѣ хотѣлось, чтобы она жила у меня, въ моемъ домѣ... Тамъ такъ тихо, хорошо!.. Я хотѣлъ просить ее объ этомъ... Что-жь, быть можетъ, она привяжется ко мнѣ, я замѣню ей отца... и у меня будетъ дочь... О, вѣдь я совсѣмъ одинокъ теперь!.. Старъ и—одинокъ!.. Встрѣтивъ васъ здѣсь, я обрадовался... и радъ, что могу переговорить съ вами! Послушайте, переѣзжайте вы обѣ ко мнѣ и живите, какъ у себя дома: мнѣ ужъ не долго жить осталось, ну, а пока тѣсно намъ не будетъ... Домъ у меня большой, и я вамъ предоставляю полнѣйшую свободу; ну, да однимъ словомъ—будьте тамъ какъ дома! Днемъ-то я еще занимаюсь дѣлами, а вотъ по вечерамъ—тоска, скука!.. Никого около меня... Одинъ, какъ персть, а тутъ думы-то и налетятъ... мрачныя, печальныя... Разогнать—такъ ужъ нѣтъ силы на это!..

— Но, г. фрейгерръ... столько добра хотите вы сдѣлать... могу-ли я...

Маннштейнъ не далъ ей договорить:

— Отвѣтъ вы мнѣ дадите послѣ!.. Обдумайте, прежде обдумайте хорошенько это дѣло... Что касается меня, то я ужъ все обдумалъ... Да, васъ, можетъ быть смутить одна мысль, и вы откажетесь... „Онъ когда-то любилъ меня“... Что-жь это правда! Но, Боже мой, вѣдь все это миновало... *Тогда* я не могъ сказать вамъ этого,—*теперь* говорю спокойно! Прибавлю: я былъ женатъ и счастливо жилъ съ женой...

Тутъ профессоръ и профессорша вошли въ бесѣдку. Разговоръ сдѣлался общимъ.

— Куда-же ушла ваша дочь спросилъ „маленькій фрейгерръ“, обратившись къ г-жѣ Штейнъ.

— Она, вѣроятно, ушла въ сосѣдній лѣсъ, отвѣтила мать Эльзы:—я ей не мѣшаю... Она все ищетъ уединенія. Сначала я думала, что это—капризь, но потомъ увидѣла, что уединеніе ей въ самомъ дѣлѣ необходимо...

Вечеромъ Маннштейнъ отправился въ гостиницу, въ которой остановился. Онъ твердо былъ убѣжденъ, что предложеніе его будетъ принято тайною совѣтницей Штейнъ—и онъ ужъ мечталъ о *новой* жизни тамъ... въ своей усадбѣ... Вотъ Эльза и Эмми подружатся... станутъ гулять вмѣстѣ въ саду... Молодые лица, свѣтлыя глазки... смѣхъ... Старикъ почувствовалъ даже, что на него снова пахнуло весной! Онъ началъ строить планы насчетъ новаго убранства въ домѣ, желая какъ слѣдуетъ принять гостей, и чтобы имъ хорошо жилось у него. Спать онъ и не думалъ ложиться.

Г-жа Штейнъ сидѣла въ это время въ комнатѣ Эльзы и что-то говорила дочери, но та молча смотрѣла куда-то... Лицо ея было блѣдно, задумчиво-серьезно.

— Ты и не отвѣчаешь мнѣ, замѣтила мать...

Дѣвушка какъ-бы очнулась и спокойно, прямо поглядѣла на нее.

— Я не поѣду къ фрейгерру, проговорила Эльза.

— Почему-же не поѣдешь?

Опять молчаніе.

— Послушай, я вѣдь давно, давно знаю фрейгерра... Это—честнѣйшій человѣкъ! Иначе сталъ-бы развѣ онъ принуждать племянника жениться на тебѣ, послѣ того, какъ тотъ обручился съ тобой?..

— Легко было ему принуждать, такъ какъ онъ навѣрно предполагалъ, что я скорѣе лишу себя жизни, чѣмъ отдамъ руку такому... мерзавцу!

— Нѣтъ, онъ вовсе не думалъ такъ... Намѣренія у него были самыя чистыя, искреннія...

— Ну-да... конечно, не думалъ! Не могъ-же онъ знать, что и у мѣщанки есть честь!.. воскликнула Эльза съ особеннымъ ожесточеніемъ.

— Ахъ, милочка, ты волнуешься!.. Но постой: развѣ лишилъ-бы онъ его наслѣдства, если-бы серьезно не думалъ объ этомъ бракѣ?... И онъ сказалъ еще, что хочетъ оставить тебѣ все свое состояніе, что-бы хоть этимъ уничтожить то зло... Не отталкивай-же сама счастья своего!..

— Счастья... моего!.. Ну, нѣтъ—отъ такого счастья я отказываюсь.

— Эльза, ты это такъ говоришь... не серьезно!

— Совершенно серьезно. Баронъ Зельдитцъ поигралъ моимъ сердцемъ; жениться-же на мнѣ не могъ... потому что я—мѣщанка... Но и у мѣщанки есть гордость! Я никогда и ничего не возьму отъ *благороднаго*... отъ дворянина... Эти господа воображаютъ, что за *все* можно заплатить деньгами, что *все* можно купить!... Если-бы я была богата—скажи: смѣлъ-бы баронъ поступить со мной такъ недостойно?.. Или дворяне лучше насъ—не потому-ли, что ставятъ передъ своей фамиліей „фонъ“?.. Развѣ въ жилахъ у нихъ дѣйствительно какая-то *особенная* кровь?..

— Милочка моя, гдѣ ты набралась такихъ мыслей?... Нѣтъ, это ты вѣрно не сама—

— Сама, сама додумалась я до этого! подхватила Эльза. Да, я много думала... И скажу тебѣ: человѣка, гордящагося *только* именемъ своимъ—я презираю, а потому, повторяю, никогда и ничего не приму отъ этого человѣка, а ужъ тѣмъ болѣе—подачку, милостиню!..

Г-жа Штейнъ широко открыла глаза... Она была чрезвычайно удивлена... Ничего подобнаго и не слыжала она прежде отъ дочери!..

— Хорошо, милочка, но... не забывай, однако, что вѣдь отецъ твой никакого состоянія не оставилъ, заговорила она... Если и были кое-какія средства, то они нужны были на образованіе твоего брата... Конечно,

прожить мы можем, имѣя лишь необходимое — но и только! Зачѣмъ-же такъ... грубо отвергать предложеніе фрейгерра?... И это вовсе не милостиня... Нѣтъ! онъ просто хочетъ, чтобы ты была богата, и просить только одного: не покидать его на старости лѣтъ...

Эльза молчала... Взглядъ ея блуждалъ по комнатѣ.

— Да ты, милочка, и не торопись рѣшать этотъ вопросъ, прибавила мать, вставая: — фрейгерръ самъ просилъ, чтобы мы все это обдумали прежде... Не забудь, что *это* и мое также желаніе, желаніе твоей матери! Она поцѣловала Эльзу въ лобъ и вышла изъ комнаты.

Дѣвушка осталась одна... Неподвижно сидѣла она, ощутивъ голову на руки, но потомъ, повидимому рѣшившись на что-то, быстро встала, подошла къ столу, достала изъ портфѣли бумагу и взяла перо... Но тутъ рѣшимость оставила ее... Грудь ея тяжело вздымалась... Прошло два-три мгновенія и—нѣсколько строкъ было написано торопливой рукой.

Эльза сложила записку, положила ее въ конвертъ и запечатала. Написавъ адресъ, она на секунду приостановилась, пристально разсматривая конвертъ съ сдѣланною на немъ подписью, но потомъ, катъ-бы стряхнувъ съ плечъ своихъ остальную тяжесть, спокойно положила письмо на столъ...

Рано утромъ на другой день поднялся фрейгерръ и, такъ какъ дѣлать было ему нечего, отправился гулять, чтобы не сидѣть только въ четырехъ стѣнахъ номера. Старикъ хотѣлъ посѣтить поручика ф. Платѣна, но и визиты дѣлать было еще рано, а потому, погулявъ, онъ вернулся въ гостиницу.

— Къ вамъ приходилъ г. профессоръ и желалъ переговорить съ вами, объявилъ хозяинъ гостиницы.

— О чемъ-же? спросилъ фрейгерръ.

Это его удивило... Уже вѣрно случилось что нибудь необыкновенное—иначе зачѣмъ было-бы приходиться въ гостиницу самому профессору? Манштейнъ общался самъ быть утромъ у него... Странно...

— Не знаю, отвѣтилъ хозяинъ, — только г. профессоръ былъ очень разстроены... и все спрашивалъ: когда вы вернетесь, и чтобы я сейчасъ—

— Не нужно! Я самъ къ нему пойду сію минуту...

Но тутъ вторично явился Вертеръ и, какъ видно, дѣйствительно крѣпко разстроенычъ... фрейгерръ увелъ его въ свою комнату.

— Племянница моя... Эльза бѣжала! воскликнулъ профессоръ, оставшись наединѣ съ фрейгерромъ.

Новость эта сильно поразила Манштейна.

— Бѣжала!.. Когда?...

— Ночью... сегодня утромъ... Не знаю! Ночью, ночью!.. Мать ея вошла сегодня въ ее комнату—смотреть: нѣтъ Эльзы... Ну, подумали мы не ушла-ли она гулять... по обыкновенію, а тутъ вдругъ и нашли письмо ея на столѣ, подъ портфѣлемъ... Вотъ это самое!..

— Позвольте мнѣ прочесть ..

„Не сердись на меня, дорогой, милая мама! Я рѣшилась сама себѣ проложить дорогу, попытать свои силы, узнать себя лучше... Я боялась, чтобы просьбы твои не поколебали меня—и бѣжала... Уже нѣсколько дней я думала объ этомъ, а желаніе фрейгерра только заставило меня поспѣшить осуществить то, что я задумала. Пожалуста, не ищи меня! Это было-бы и напрасно, и, пожалуй, принудило-бы меня прибѣгнуть къ крайности... Но какъ только я добьюсь успѣха—ты услышишь обо мнѣ. Передай дядѣ и тетускѣ, что я благодарю ихъ тысячу разъ за всю ихъ любовь ко мнѣ, за все!

Твоя Эльза“.

Призадумавшись „маленькій фрейгерръ“ глядя на эти строки... Въ головѣ его былъ какой-то туманъ, онъ

едва понималъ смыслъ прочитаннаго... „Желаніе фрейгерра только заставило поспѣшить“... Онъ хотѣлъ отдать ей все, сдѣлать ее единственной наслѣдницей своей, а она... чтобы отклонить это—бѣжала!.. Небыло-ли тутъ другой причины?.. Манштейнъ сталъ спрашивать Вертера, но Вертеръ сообщилъ ему то-же, что говорила ему въ бесѣдкѣ г-жа Штейнъ, причемъ подтвердилъ, что Эльза и прежде обнаруживала подобныя мысли...

— Она потому отвергла ваше предложеніе, что слишкомъ оскорблена *дворяниномъ*, и вслѣдствіе этого не хочетъ быть обязанной *ничѣмъ* дворянину, сказалъ профессоръ. Ее мучитъ одна мысль; какъ-бы отмстить за причиненное ей зло?.. Я, знаете, думаю, что у нея вотъ *тутъ* (Вертеръ указалъ на лобъ) не совсѣмъ въ порядкѣ... Должно быть, повреждено... Только я не говорилъ объ этомъ ея превосходительству—умолчалъ!..

Слова профессора потрясли „маленькаго фрейгерра“, но онъ и вѣрить не хотѣлъ, чтобы такая прелестная дѣвушка *помѣшалась*... Старый Вертеръ слишкомъ ужъ мрачно взглянулъ на дѣло!.. Вотъ онъ—результатъ легкомысленнаго поступка Зельдитца!.. Нечего сказать — славный!..

— Что-же, извѣстно вамъ, что именно намѣрена дѣлать ваша племянница? спросилъ фрейгерръ.

— Ничего не знаю! И понятія даже не имѣю... Да что она станетъ дѣлать? У ней душа больна... Я и смотрѣлъ на нее, какъ на больную!.. Очень ужъ она несчастна, и я боюсь, чтобы она какъ нибудь не покончила съ собой... Но—нѣтъ! Этому не бывать. Мать ея совершенно растерялась—ну, такъ я за то напрягу всѣ силы, чтобы отыскать ее и привезти обратно!..

— Что-же вы станете дѣлать?

— Я? Отправляюсь за ней — сегодня-же поѣду! воскликнулъ профессоръ.—Денегъ съ собой она мало захватила,—не уйдетъ далеко!..

— Значитъ, вы знаете, куда она убѣжала?

— Нѣтъ!..

— Такъ куда-же вы за ней отправитесь? Гдѣ-же именно искать будете ее?..

Фрейгерръ глядѣлъ на профессора, а профессоръ глядѣлъ на фрейгерра...

— Гдѣ?.. Не знаю... Правда, я еще не подумалъ объ этомъ... Ну, да это все равно! выпалилъ вдругъ Вертеръ. Я только *одно* знаю, что долженъ ее нагнать! Вѣдь она — понимаете—пропадетъ одна, погибнетъ!.. Вѣдь она совсѣмъ не знаетъ жизни... Нужда подступитъ, а гордость станетъ тутъ шептать: „Вотъ, охота терпѣть, переносить!“... ну, и того — аминь!.. Ну-ужъ надѣлалъ дѣлъ вашъ племянникъ!.. Посмотрѣли-бы вы на мою Эльзу прежде... Совершенная была птичка! Такъ и на міръ Божій она смотрѣла... А теперь... теперь!..

Горько, горько было „маленькому фрейгерру“, но не время было предаваться печали, думать о томъ, чѣмъ отплатилъ ему племянникъ за все добро... Эльза бѣжала—слѣдовательно, необходимо дѣйствовать рѣшительно и быстро, а на профессора не полагаются, потому что если *она* совсѣмъ не знаетъ жизни, то вѣдь и *онъ*, ученый мужъ, знаетъ жизнь не лучше Эльзы...

— Нѣтъ, послушайте: г. профессоръ, заговорилъ Манштейнъ,—ну, гдѣ вамъ искать ее? У васъ и силъ на это не хватить.. Одно только средство есть скоро отыскать вашу племянницу—обратиться за помощью къ полиціи. Увѣдомили вы полицію о побѣгѣ ея?

— Нѣтъ! Что вы! воскликнулъ Вертеръ. Я, знаете, сначала подумывалъ объ этомъ, но г-жа Штейнъ и слышать не хочетъ о такой мѣрѣ, да и я теперь не могу этого допустить... Помилуйте: Эльза будетъ розыскана полиціей и полиціей-же возвращена домой?!.. И самъ вижу, что мысль дикая!..

— Позвольте... Полиція только узнаетъ, куда убѣжала племянница ваша и гдѣ находится въ настоящее

Удачно лопнувшая граната. Сцена изъ войны въ Боканѣ. Рис. Н. Карзиня, гравир. К. Вейерманъ.

время, и вотъ вы, получивъ нужныя свѣдѣнія, поѣдете за ней и привезете ее домой.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я самъ розыщу... Я далъ слово ея превосходительству и долженъ сдержатъ его!

Профессоръ выбѣжалъ изъ комнаты.

Вертеръ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые если что заберутъ себѣ въ голову, то ихъ ничѣмъ не разубѣдишь.

Фрейгерръ махнулъ рукой и отправился къ г-жѣ Штейнъ, чтобы уговорить ее обратиться къ полиціи, но и тутъ ему не удалось... Бѣдная женщина была сильно огорчена, опечалена, такъ что Маннштейнъ даже и успокоить ее не могъ...

— Вѣдь я думала, что это все не серьезно, а такъ говорится!.. въ раздраженіи, стонала г-жа Штейнъ... Вѣдь она еще больна!.. Ей надо беречься, а она — ушла... одна!..

„Маленькій фрейгерръ“ и самъ не зналъ, что предпринять теперь... Поиски профессора, разумѣется, ни къ чему не приведутъ: онъ вернется, такъ сказать, съ пустыми руками, а вѣдь время между тѣмъ, идетъ, а это и на руку бѣглянкѣ... Труднѣе будетъ найти ее...

— Господи! Да что-жъ это такое? вырвалось у старика... Ужъ не сонъ-ли это все, сонъ мрачный, долгій?.. Неужели-же все это правда... дѣйствительность?.. Ложь! Я вѣрно сплю...

Но, увь, „маленькій фрейгерръ“ не спалъ!.. Онъ слишкомъ внезапно былъ выброшенъ изъ своего тихаго уголка... Старикъ думалъ, что уже давно причалилъ къ мирной гавани и навсегда простился съ бушующими волнами, и вотъ опять челнокъ его очутился въ открытомъ морѣ жизни... Взяться за руль, но куда-же плыть? Компаса нѣтъ... Того и гляди налетишь на скалу, или сядешь на мель!.. Однако, у „маленькаго фрейгерра“ характеръ былъ рѣшительный, онъ не могъ упасть духомъ, опустить руки и плыть по теченію: онъ схватился за руль и сталъ зорко смотрѣть въ непроглядную даль, но—увь, все было напрасно! Небо да волны, волны да небо... Ни пятнышка на горизонтѣ!..

И вотъ, въ такомъ грустномъ настроеніи отправился онъ къ поручику ф. Платэну. Фрейгерръ узналъ отъ Вертера, что поручикъ, вслѣдствіе раны на дуэли съ Зельдитцемъ, лишился лѣвой руки и долженъ былъ выйти въ отставку. И тутъ несчастье!.. Плачевныя послѣдствія все того-же легкомысленнаго поступка его племянника...

Маннштейнъ засталъ дома Платэна. Молодой человекъ крѣпко исхудалъ, даже щеки у него ввалились... Видно было, что не мало перенесъ онъ страданій, да и теперь, кажется, страдалъ еще. Старикъ не сразу объявилъ ему свою фамилію, но когда Платэнъ узналъ, кто посѣтилъ его—сейчасъ-же протянулъ руку фрейгерру.

Они разговорились. Отставной поручикъ уже зналъ о томъ, какая судьба постигла барона Зельдитца, но онъ не зналъ, что дядя совершенно отрекся отъ племянника...

— Да, я лишился руки, говорилъ Платэнъ, но такая была воля судьбы, и я не сержусь на барона... Дрались мы по всѣмъ правиламъ... Конечно, я принужденъ былъ выйти въ отставку, но, очень можетъ быть, что я и такъ не продолжалъ-бы службы. Военнымъ сдѣлался я по желанію моего отца, а самъ-бы пошелъ по другой дорогѣ: меня не туда тянуло...

— Куда-же? спросилъ фрейгерръ.

— Я, можетъ быть, сталъ-бы живописцемъ, отвѣтилъ молодой человекъ послѣ небольшого молчанія: ну, а теперь, конечно, нечего и думать объ этомъ!.. Одна рука... Впрочемъ, и съ обѣими руками — еще вѣдь неизвѣстно—сотворилъ-ли-бы я чтонибудь особенно—замѣчательное!.. Случается, что человекъ чувствуетъ, положимъ, склонность къ живописи и ужъ готовъ, увлекшись вобразить, что у него рѣдкій талант!..

— А что-жъ, вы-бы попытали себя...

— Пожалуй, но... когданибудь послѣ. У меня теперь другая работа: отецъ оставилъ мнѣ небольшое имѣнье, которое отдано въ аренду, но мнѣ хочется самому заняться хозяйствомъ... Вотъ, я и хочу поучиться, потому что мало смыслю еще въ этомъ дѣлѣ. У меня есть знакомые, хорошо знающіе сельское хозяйство, да и путешествовать мнѣ необходимо для здоровья; нужно силы свои подкрѣпить.

Маннштейнъ рѣшился, наконецъ, спросить Платэна, видѣлъ-ли онъ Эльзу Штейнъ послѣ дуэли? Молодой человекъ слегка покраснѣлъ и отвѣтилъ, что не видѣлъ, такъ какъ она была опасно больна...

— Я черезъ нѣсколько дней уѣду отсюда, прибавилъ онъ, и надѣюсь передъ отъѣздомъ увидѣться съ ней, такъ какъ профессоръ Вертеръ знакомъ мнѣ.

— Она въ прошлую убѣжала, объявилъ Фрейгерръ. Платэнъ вскочилъ... Такъ его поразила, даже испугала эта новость!

— Убѣжала?!.. Зачѣмъ... почему?..

Старикъ сообщилъ ему все, что самъ зналъ и спросилъ:

— Вы хорошо были знакомы съ ней?

— Нѣтъ, я мало зналъ ее, но я ее хорошо понимаю, заговорилъ молодой человекъ... Эта прекрасная, гордая дѣвушка была слишкомъ глубоко оскорблена, чтобы легко перенести такой ударъ! Да, ей тутъ тѣсно, она здѣсь не можетъ остаться... Душѣ ея нуженъ просторъ, она хочетъ броситься въ вѣчношумящее море жизни, чтобы забыться, успокоиться!.. Я зналъ вѣдь, что гнусная продѣлка барона понесетъ ея сердцу глубокую рану, потому что фрейлейнъ Эльза не тѣ что другія дѣвушки, а потому и старался остановить Зельдитца... Товарищи не соглашались со мной, но я полагаю и полагаю, что долгъ всякаго честнаго человека защитить, вступить за честь невинной дѣвушки... Такъ по крайней мѣрѣ было въ старину и считалось это дѣломъ хорошимъ, а истинно-хорошее, прекрасное живетъ вѣчно, не увядая!..

Платэнъ былъ видимо взволнованъ, да и „маленькій фрейгерръ“ разчувствовался и, протянувъ руку, воскликнулъ:

— Дайте вашу! Мы сходимся въ убѣжденіяхъ!.. А теперь я позволю себѣ предложить вамъ одинъ вопросъ: любилъ вы Эльзу Штейнъ?..

Молодой человекъ ловко отвернулся, чтобы скрыть внезапно-вспыхнувшій румянецъ...

— Э, будьте со мной откровенны, заговорилъ старикъ, — вѣдь я не ради любопытства спросилъ объ этомъ! Нѣтъ!.. Мнѣ чрезвычано жаль эту бѣдную дѣвушку... Убѣжала она, чтобы зажить самостоятельною жизнью, сдѣлаться независимой, а главное—найти успокоеніе, забыть тѣ, чего теперь она не въ силахъ забыть, но... какъ мнѣ кажется, тутъ и есть только одно вѣрное средство...

— Какое-же? спросилъ Платэнъ.

— Любовь... Только любовь можетъ совершенно изцѣлить ее и сдѣлать снова счастливой!

— Я люблю ее... да! проговорилъ наконецъ отставной поручикъ взволнованнымъ голосомъ и прибавилъ: когда я вышелъ на поѣдинокъ съ барономъ, я не сознавалъ еще, что люблю ее, но потомъ... потомъ я почувствовалъ къ ней безумную любовь!.. О, какъ я боролся, чтобы подавить это чувство... Но сердце побѣдило меня, и само теперь объято пламенемъ!.. Я старался забыть ее и—не могъ, я не хочу думать о ней и—думаю *именно* о ней!..

— Но зачѣмъ-же... зачѣмъ хотите вы забыть Эльзу, не думать о ней?..

— Зачѣмъ?... Мнѣ-ли теперь, безрукому... колѣкѣ... искать ея любви!.. Развѣ имѣю я право?..

— Позвольте! Руку-то вы потеряли, защищая ее, вы пожертвовали рукой ей-же... Неужели это не даетъ вамъ право на благодарность... любовь Эльзы?..

— Ну, она, можетъ быть, *иначе* взглянуть на это...

— Совсѣмъ *не иначе!* Нѣтъ, нѣтъ! заторопился „маленькій фрейгерръ“. Вы вступились за не, руку потеряли—извольте-же теперь отыскать ее, спасти!.. Ну, гдѣ ей одной бороться съ жизнью?.. Я боюсь за не!.. Мать ея не хочетъ прибѣгнуть къ помощи полиціи, а мнѣ, старику, не подь силу взяться за это дѣло...

Маннштейну удалось разжечь Платѣна..

— Я найду ее и возвращу въ объятія матери! воскликнулъ молодой человѣкъ. Я ни на что не посмотрю, употреблю всѣ силы, и до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока не выполню этой задачи!..

И у фрейгерра клавки засверкали, и онъ снова протянулъ руку поручику.

— Надѣюсь, вы позволите и мнѣ принять участіе въ этомъ? Если вы не откажетесь отъ моей помощи, то я приму согласіе ваше какъ доказательство того, что вы довѣряете мнѣ... Я предоставлю вамъ какую угодно сумму денегъ — распорядитесь ими, какъ знаете! Берите ихъ, потому что чѣмъ больше средствъ—тѣмъ лучше... Можетъ быть, отъ этого будетъ зависѣть и самый успѣхъ дѣла!..

— Хорошо.. Вашу руку, г. фрейгерръ! Если мнѣ онадобится ваша помощь—я обращусь къ вамъ непременно.

— И такъ, когда-же въ путь?

— Сегодня-же!

— Съ Богомъ?.. Ну, теперь, вотъ, какъ будто и легче стало на душѣ, замѣтилъ старикъ. Теперь мнѣ и домой-то, право, веселѣе возвращаться!.. Эхъ, вѣдь и я былъ молодъ... Знаю, что самое зоркое око — это *око любви!* Не устаешь оно глядѣть, ничего не боится, потому что сама „Любовь“ не обращаетъ вниманія ни на какія преграды и готова пожертвовать всѣмъ... Не падайте только духомъ! Знаете, кто-то какъ будто шепчетъ мнѣ, что вы обрѣтете свое счастье...

Профессоръ Вертеръ остался при своемъ и отправился таки отыскивать бѣглянку. Онъ почему-то былъ твердо увѣренъ, что Эльза убѣжала въ резиденцію... Ученый мужъ очутился въ столицѣ и, пробродивъ дня два по городу, тутъ только понялъ, что взялся совсѣмъ не за свое дѣло: онъ рѣшительно не зналъ, чтб-же, наконецъ, ему дѣлать? Всматриваясь въ лицо каждой мимоидущей женщины не совсѣмъ-то ловко, да и толку изъ этого что-то не выходитъ... Вернулся профессоръ во-свояси и присмирѣлъ, такъ какъ неудача сконфузила его: вѣдь онъ, чортъ возьми, обѣщанія не исполнилъ—не привезъ Эльзы съ собой!..

Г-жа Штейнъ оставалась въ тревожномъ состояніи духа, и съ каждымъ днемъ безпокойство ея усиливалось... Она думала, вотъ завтра утромъ вернется дочь, но проходило утро... догоралъ день, наступало другое—а Эльза не являлась... Обратиться за помощью къ полиціи бѣдная мать все-таки не хотѣла.

Фрейгерръ умолчалъ о томъ, что Платѣнъ взялся во чтобы-то ни стало отыскать Эльзу, но онъ былъ убѣжденъ, что труды молодаго человѣка не пропадутъ даромъ, и ждалъ благоприятнаго извѣстія. Прошла недѣля, другая, третья, а дѣвушка не отыскивалась... Старикъ опечалился... Неужели надежды его не сбудутся... Платѣнъ писалъ ему уже нѣсколько разъ, переѣзжая изъ одного города въ другой, но, какъ видно, поиски его ни къ чему не привели, всѣ старанія найти бѣглянку были тщетны... Письма молодаго человѣка имѣли мрачный оттѣнокъ: онъ отчаявался въ успѣхѣ, рѣшительно не зналъ, гдѣ искать Эльзу и предполагалъ, что ея уже нѣтъ въ живыхъ... Эта мысль не оставляла его, хотя онъ и гналъ ее отъ себя... „Маленькій фрейгерръ“ и самъ невольно подумалъ объ этомъ и сталъ упрекать себя, что послушался г-жи Штейнъ и во-время не донесъ полиціи о пропавшей дѣвушкѣ...

— А, впрочемъ, можетъ быть, и теперь еще не поздно прибѣгнуть къ такой мѣрѣ? мелькнуло у него въ головѣ—и старикъ, живо собравшись, покотился въ резиденцію, чтобы повидаться съ Питтомъ, поговорить съ нимъ насчетъ этого дѣла...

— Помочь тутъ вы только одни и можете, говорилъ Фрейгерръ слѣдователю:—вы сумѣете открыть, гдѣ она бѣдняжка скрывается!

— Ахъ, зачѣмъ-же вы тогда-же не увѣдомили меня объ этомъ? замѣтилъ Питтъ.

— Тогда... Я не могъ!.. Мать этой дѣвушки никакъ не хотѣла, чтобы полиція принялась за рѣзыски... Эта мысль была ей просто противна! Да она и теперь не должна знать, что я обратился къ вамъ...

Слѣдователь молчалъ, повидимому обдумывая что-то

Гм. слишкомъ много времени прошло, такъ что теперь гораздо труднѣе что нибудь сдѣлать, проговорилъ онъ наконецъ.. Извѣстно вамъ, куда именно она отправилась изъ М*?

— Нѣтъ. Никто этого не знаетъ.

— Вы упомянули, что она мало взяла съ собою денегъ?

— Дѣ. У ней было всего-то нѣсколько талеровъ... Такъ, по крайней мѣрѣ, сообщила мнѣ ея мать.

— Ну-съ, а не говорила-ли прежде сама фрейлейнъ о томъ, какое поприще думаетъ избрать, чтобѣ завоевать себѣ самостоятельность?..

— Не знаю. Я самъ съ такимъ вопросомъ обратился къ г-жѣ Штейнъ, но и она не могла дать удовлетворительнаго отвѣта. Братъ этой дѣвушки живописецъ, ну, и Эльза тоже, ради удовольствія, иногда кое-что рисовала... Талантъ-то, кажется, есть и у ней... Можетъ быть, не задумала-ли она сдѣлаться живописцемъ?..

Питтъ отрицательно покачалъ головой.

— Хорошо. Я употреблю всѣ усилія, чтобы найти эту дѣвушку... Но, конечно, за это дѣло я могу взяться не иначе, какъ по предписанію моего начальника. Не угодно-ли будетъ вамъ заявить ему о своемъ желаніи?

— А не можете-ли вы взять на нѣкоторое время отпускъ и... начать рѣзыскъ? спросилъ фрейгерръ. Видите-ли въ чемъ дѣло: г-жа Штейнъ объявила своимъ знакомымъ, что дочь ея уѣхала куда-то гостить... Поэтому я и не имѣю права обнаруживать тайны, заявлять официально о побѣгѣ... Прибхалъ я къ вамъ, откровенно все рассказалъ, полагая, что вы найдете возможнымъ начать дѣло, не замѣшивая тутъ *третьяго* лица. Если...

Слѣдователь призадумался:

— Пожалуй, можно и такъ, проговорилъ онъ наконецъ, но это будетъ стдить нѣкоторыхъ издержекъ.. Мнѣ, по всей вѣроятности, придется поѣздить, и ужъ во всякомъ случаѣ побывать въ М*, чтобы узнать тамъ, по какой дорогѣ отправилась фрейлейнъ Эльза.

— Всѣ издержки я беру на себя, объявилъ Маннштейнъ. Не жалѣйте никакихъ денегъ! Потребуется большая сумма сразу—дайте мнѣ знать сейчасъ-же. Будьте увѣрены также, что труды ваши будутъ щедро вознаграждены.

— Не можете-ли вы достать мнѣ фотографическую карточку этой дѣвушки?

— Завтра-же она у васъ будетъ.

— Хорошо.

Слѣдователь снова задумался.

— Скажите, гдѣ теперь вашъ племянникъ? вдругъ спросилъ онъ.

— Итого не знаю, отвѣтилъ фрейгерръ... Вѣдь я вамъ говорилъ, что я совершенно отрекся отъ него!.. Гдѣ онъ, что съ нимъ—это для меня рѣшительно все равно... Я нимало не забочусь объ его судьбѣ.

— Развѣ онъ не обращался еще къ вамъ за помощью?

— Нѣтъ... Да если-бы и обратился, я-бы ничего ему не даль... Но зачѣмъ это вопросъ?...

Питтъ не сразу отвѣтилъ.

— Зачѣмъ? Вѣдь она любила его... Не къ нему-ли она ушла...

— О, нѣтъ! Быть этого не можетъ! воскликнулъ старикъ... Она—ненавидитъ его!

(Продолженіе будетъ).

УДАЧНО ЛОПНУВШАЯ ГРАНАТА

(Рисунокъ изъ походнаго альбома художника - солдата).

Медленно, стройно подвигается маленькій отрядъ «бѣлыхъ рубахъ». Отрядъ этотъ идетъ въ строгомъ боевомъ порядкѣ; артиллеристы съ зажженными фитилями идутъ у своихъ орудій. Врагъ многочисленный, несравненно превышающій числомъ русскихъ, близокъ, онъ окружаетъ горсть бѣлыхъ рубахъ со всѣхъ сторонъ, онъ пока невидимъ, только столбы пыли, поднятыя тысячами конскихъ ногъ носятся по степи... Но вотъ пыль эта мало по малу разсѣвается, вдали обрисовываются зубчатая прихотливая очертанія холмовъ и кургановъ, за ними туманная синеватая стѣна высокаго горнаго хребта.

Солнце свѣтитъ ярко, ослѣпительно, на горизонтѣ дрожитъ туманная мгла, рисуя жажущему, утомленному долгимъ переходомъ солдату, заманчивыя линіи фантастическихъ, не существующихъ озеръ-миражей.

Вотъ что-то блеснуло на вершинѣ одного холма, вонъ на вершинѣ другого повторился подобный же блескъ. Опытный глазъ знаетъ, что это такое... это солнечный лучъ, отразившійся на чемъ-то металлическомъ.

Десятки биноклей устремились туда... «Вонъ они! вонъ они!» слышится по рядамъ оживленный говоръ.

Дѣйствительно это они... На гребняхъ кургановъ волнуются кучки едва замѣтныхъ всадниковъ... Они сгруппировываются

около высокихъ значковъ... Они далеко, ружейная пуля не пролетитъ такое пространство... Нарѣзное орудіе врядъ ли хватитъ.., а не попробовать-ли... не грянуть-ли?! Съ передковъ долой!..

А врагъ издали смотритъ на бѣлыя линіи русскихъ солдатъ, онъ грозитъ имъ своимъ оружіемъ, посылаетъ всевозможныя ругательства и оскорбленія, сыплетъ проклятія на головы «невѣрныхъ собакъ» и боится подойти ближе, зная по опыту свойства шугеровъ-бердановъ и стальныхъ пушекъ.

Врагъ видитъ какъ около одной изъ нихъ взвился клубъ бѣлаго дыма. Онъ не знаетъ куда направленъ этотъ выстрѣлъ и ждетъ... Но вотъ въ воздухѣ дребезжитъ какой-то рѣзкій, свистящій звукъ... Мгновеніе—и адскій оглушительный трескъ раздается надъ самыми головами...

Все разскпалось врозь, все несется внизъ съ кургана, испуганное этимъ трескомъ: а на мѣстѣ являются раненыя и убитыя кони съ своими всадниками—и вмѣстѣ съ живыми, удѣлѣвшими, дико несутся лошади безъ сѣдковъ, съ окровавленными, сбитыми на бокъ, истерзанными сѣдлами.

Эту катастрофу произвела удачно пущенная граната, вдругъ лопнувшая надъ головами неприятельской кучки.

Этотъ моментъ и изображенъ на нашемъ рисункѣ.

НА НОВОЙ КВАРТИРѢ.

(Картина Л. Е. Ламбера).

Въ небольшой корзинкѣ, стоявшей подъ столомъ и устланной кускомъ стараго мягкаго ковра, лежала великолѣпная ангорская кошка, мать трехъ прехорошенькихъ сотунковъ-котятъ, которые, прижавшись къ матери, сладко дремали. Дремаа и сама маменька. Неизвѣстно, какъ долго продолжалась бы это семейное far niente, если бы къ корзинкѣ не подскочила комнатная собачка — линчеръ. Такъ какъ этотъ мохнатый звѣрекъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ ангорской красавицей и даже подъ часъ игралъ съ ея маленькими, то дѣло обошлось безъ шума, т. е. безъ визгливаго лая, фырканья и оплеухъ. Обезопасенная мать семейства встала, потянулась и, легко, граціозно выскочивъ изъ корзинки, отправилась къ любимому своему мѣстечку — бархатной скамейкѣ, стоявшей у коммоды. Котята также не пожелали остаться въ гнѣздѣ, выкарабкались изъ него и очутились на полу. Между ними и хохлатымъ линчеромъ сейчасъ же началась игра. Котенокъ съ бѣленькой мордочкой, преслѣдуемый рѣзвымъ врагомъ, замѣтилъ, что нижній ящикъ коммоды открытъ — прыгнулъ въ него и началъ подраивать неприятеля. Другіе два послѣдовали его примѣру и, понавъ такимъ образомъ на «новую квартиру», стали бойко хозяйничать въ ней. Съ коммоды слетѣлъ вѣеръ прямо на голову линчера, который и принялся его трепать.

Стоитъ теперь вернуться въ комнату хозяйки коммоды и — безповойные жильцы немедленно будутъ выгнаны изъ новой квартиры. «Брысь! Ахъ, вы дряннъ эдакая! Посмотрите, что они надѣлали!» Но кто же виноватъ? Не слѣдовало оставлять ящика открытымъ, когда въ комнатѣ водятся такіе хорошенькіе шалуны. Если шалуны эти будутъ наказаны, то мамаша (она такая нѣжная, любящая мать!) въ

другой разъ ужъ не допуститъ ихъ до такого бловства—сама выгонитъ ихъ изъ ящика! Ей весьма неприятно, когда дѣтей ея наказываютъ, и она приметъ надлежащія мѣры къ предотвращенію подобныахъ неприятностей. А. Брэмъ рассказываетъ, что у одного изъ его знакомыхъ была удивительная кошечка. «Многими побоями и угрозами ее довели до того, что она оставила въ покоѣ комнатныхъптицъ, которыя сидѣли въ клеткахъ на окнахъ. Одинъ изъ ея котятъ возмѣтилъ намѣреніе поживиться этими птичками. Онъ вскочилъ на стулъ, съ него прыгнулъ на окно и только что хотѣлъ изъ клетки вытащить птичку, какъ его взяли за голову, образумили нѣсколькими ударами и посадили на полъ. Кошка видѣла попытку котенка и видѣла, какъ онъ былъ наказанъ. Она послѣшила на его крикъ о помощи и съ состраданіемъ зализывала удары, нанесенныя ей дѣтищу. Эта исторія повторилась еще два раза. Но котенокъ не хотѣлъ отказатся отъжеланія полакомиться и не прекращалъ своихъ попытокъ. Кошка не спускала съ него глазъ и каждый разъ, когда онъ пробирался къ окну, вскакивала на стулъ подкидала его и затѣмъ «собственноручно» отсчитывала ему нѣсколько крѣпкихъ оплеухъ. Котенокъ высмотрѣлъ себѣ другую дорогу: онъ забрался на бюро, стоявшее возлѣ окна и бросился оттуда на птиць. Но кошка замѣтила это дерзкое предпріятіе—однимъ прыжкомъочутилась наверху и наградила тамъ непослушнаго питомца такими пощечинами, что съ тѣхъ поръ продѣлки его прекратились».

«Кошка—высоко-одаренное животное, говоритъ Шейтлингъ, степень развитія ея чувствъ вполне соотвѣтствуетъ развитію ея тѣла. Мы обыкновенно слишкомъ низко цѣнимъ кошекъ, потому что ненавидимъ ихъ воровство, боимся ихъ когтей и очень высоко цѣнимъ врага ихъ—собаку».

СТАТУЯ СВОБОДЫ ДЛЯ НЬЮ-ІОРКСКАГО РЕЙДА.

(Проектъ памятника, воздвигаемаго въ память провозглашенія независимости сѣверо-американскихъ штатовъ въ 1776 году).

Достаточно произнести имя Лафайета, чтобы вспомнить, какое рѣшительное участіе приняла Франція въ борьбѣ сѣвероамериканцевъ за свободу. Французское братство по оружію не забыто въ союзѣ и все тѣснѣе становились взаимныя отношенія двухъ націй при тѣхъ государственныхъ переворотахъ, которые выпали на долю Франціи. Сочувствіе еще болѣе усилилось съ тѣхъ поръ, какъ во Франціи была провозглашена республика и оба народа получили одинаковую форму правленія.

Въ слѣдующее лѣто будетъ ровно сто лѣтъ, какъ англійскія колоніи въ Сѣверной америкѣ провозгласили свою независимость и послѣ многолѣтней борьбы дѣйствительно приобрѣли

ее, съ помощью французскихъ вспомогательныхъ войскъ. Какъ уже извѣстно, союзъ съ нѣкоторыхъ поръ дѣлаетъ обширныя пригрозенія, чтобы достойнымъ образомъ отпраздновать торжественный день. Многочисленные друзья союза во Франціи и французы, живущіе въ соединенныхъ штатахъ, рѣшились воспользоваться случаемъ, чтобы высказать свое сочувствіе родственной трансатлантической республикѣ и съ этою цѣлю поручили скульптору Бартольди сдѣлать проектъ колоссальнаго монумента, который долженъ быть отлитъ изъ мѣди и воздвигнутъ на небольшомъ островкѣ, противъ Лонгъ-Исланда, гдѣ была пролита первая кровь за независимость. Такъ какъ амери-

Въ новой квартирѣ. Л. Э. Ламберъ, гравир. Ансо, съ авторизаціи Гуппи и К^о.

канцы и французы вмѣстѣ сражались за независимость, то памятникъ долженъ быть воздвигнутъ сообща обѣими націями. Франція возьметъ на себя постановку статуи, Америка—постаменты.

Вышина статуи предполагается въ 25 метровъ, вышина постаменты тоже въ 25 метровъ или, по другимъ извѣстіямъ, въ 32 ме-

тра. Въ одной рукѣ статуя будетъ высоко держать факель свободы, въ другой таблицы законовъ; ногами она будетъ поирать разбитыя оковы. Вѣнецъ изъ лучей, окружающій ее голову, будетъ освѣщать ночью гавань и части города Нью-Йорка—Джерсей и Бруклинъ.

Мостъ Евангелистовъ черезъ рѣку Дрину, въ Герцеговинѣ.

Представленный на нашей картинѣ первобытный мостъ черезъ быструю горную рѣчку, находится на сѣверъ отъ Черногоріи, въ южной части Герцеговины, принадлежащей Босніи, которая играетъ въ настоящую минуту такую важную роль въ современныхъ событіяхъ. Въ здѣшнихъ дикихъ горахъ беретъ свое начало Дрина, которая расширяется далѣе въ судоходную рѣчку и образуя границу между Сербіей и Босніей, у форта Ракса вливается въ Саву.

«Наслушавшись разказовъ о всевозможныхъ звѣрскихъ жестокостяхъ турокъ», разказываетъ одинъ путешественникъ, «не безъ страха перешелъ я у Ровно, черногорскую границу, слѣдя неударжимому желанію взглянуть на эти неприступныя горы, гдѣ цѣлыя столѣтія не перестаютъ литься христіанская кровь.

Недалеко отъ границы, около Малой Подгорицы, встрѣтилъ я себя путеватаго товарища, молодую, хорошенькую дѣвушку, которая весело привѣтствовала меня. Надо замѣтить, что въ нравахъ герцеговинцевъ есть много прекрасныхъ, рыцарскихъ степеней, къ чему слѣдуетъ отнести и то, что никто въ Герцеговинѣ не можетъ путешествовать такъ безопасно, какъ женщины и дѣвушки. Даже мужчины въ ихъ обществѣ пользуются извѣстными правами неприкосновенности. Когда, по обычаю страны, отвѣтивъ на привѣтствіе дѣвушки, я спросилъ ее объ ея родныхъ, она отвѣчала мнѣ съ глубокимъ вздохомъ.

«Ни отца, ни матери я не знаю; брата не видѣла вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, а сестру наврядъ ли и увижу когда нибудь».

Прежде чѣмъ я могъ понять смыслъ этихъ словъ, проговоренныхъ какою-то мистическимъ тономъ, она продолжала свой разказъ.

«Вскорѣ послѣ того какъ я родилась, на нашу деревню налетѣла турецкая шайка. Наши всѣ убѣжали въ горы. Мать моя умерла на дорогѣ. Отецъ раньше того еще, съ отрядами Буке Голубя, а потомъ Луки Вукаловича, вдоль и поперекъ искрешивалъ горы, гоняя насъ на разбойниками. Не подозрѣвая онъ, что я родилась на свѣтъ горькой сиротинкой и питало меня не материнское молоко. Потомъ отецъ мой убѣжалъ за границу въ чужія земли. Такъ и не возвращался. Была у меня еще сестра да братъ; горька была наша сиротская жизнь, а подъ конецъ и совсѣмъ разсыпала насъ судьба. У брата и у сестры она и родину отняла. Я самая счастливая. Я невѣста; въ будущемъ воскресенье послѣдній разъ буду танцевать коло *) дѣвушкой. Братъ мой живетъ въ людяхъ; онъ нанялся въ Черногорію. Тамъшніе купцы привезли мнѣ поклонъ отъ него; онъ собирается ко мнѣ на свадьбу; обѣщаетъ прострѣлять цѣлую оку (около двухъ фунтовъ) пороха, на радости что я буду женой чернаго Јово, его товарища. А все-таки мнѣ думается, рано или поздно отомстить онъ за мою сестру, Господь поможетъ ему. Проклятый турка сорвалъ съ ея груди крестъ; она умерла для насъ, потому что съ прошлаго Рождества томится въ гаремѣ, въ Мостарѣ».

Какой свѣтъ бросаетъ одна подобная этой семейной исторіи на положеніе страны и причинъ настоящаго возстанія: Я шель по землѣ пропитанной кровью турецкихъ жертвъ. Но это были еще только цвѣточки; у моста Евангелистовъ услышала я гораздо больше.

Невѣстѣ было идти по дорогѣ со мной. Съ корзиной на головѣ, шла она впереди такъ скоро, что я едва могъ постигать за ней. Изъ состраданія къ моей усталости, она еще взяла себя на плечи половину моей ноши. Когда я потомъ хотѣлъ заплатить ей за это, она отклонила мое намѣреніе, наивно замѣтивъ, что это было бы не похристіански не помочь бѣдному богомольцу, за какого оно меня принимала. Но, когда я предложилъ ей образокъ, она съ благодарностью взяла его и сказала, что будетъ молиться за мою грѣшную душу. Ради спасенія своей души, я подарилъ ей два образочка и нѣсколько металлическихъ пуговицъ и пряжекъ для струки (куртки) ея Јово.

Чѣмъ выше подымались мы, тѣмъ круче и труднѣе становилась дорога, которая мѣстами служилась до чрезвычайности. По кратчайшей тропинкѣ пришли мы къ такъ называемой «кромкѣ», имѣвшей мѣстами не больше двухъ, трехъ футовъ ширины; внизу зіяла бездонная пропасть. На одномъ изъ такихъ мѣстъ, шедшій позади насъ человѣкъ съ тремя навьюченными ослими, опередилъ насъ, чтобы поскорѣе утолить у цистерны жажду своихъ животныхъ. Мы также напилась у цистерны и освѣживъ свои силы, всѣ вмѣстѣ продолжали путь въ оживленныхъ разговорахъ о красотахъ и бѣдствіяхъ этой «Иллірійской Швейцаріи».

Шесть часовъ уже шли мы по скалистымъ возвышенностямъ,

а передъ нами было еще четыре часа пути, прежде чѣмъ намъ можно будетъ отдохнуть подъ крышей, если мы, по здѣшнему обычаю, дождемъ до первой деревни раньше солнечнаго заката. Если же кто придетъ въ деревню позже, то долго придется ему стучать у дверей, и все таки онъ простучитъ напрасно.

На склонѣ дороги глазамъ нашимъ представилась чудесная панорама горъ и ущелий, среди которыхъ безчисленными извилинами, шумно прокладывала себѣ путь Дрина. Съ вышины видѣлся уже и нашъ мостъ. Завидѣвъ его, мой спутникъ, еще раньше этого разказывавшій мнѣ не мало печальныхъ исторій, прибавилъ къ нимъ еще нѣсколько. Въ заключеніе привожу здѣсь одну изъ нихъ.

Мой загорѣлый, суровый горенецъ началъ такъ.

«Въ пятидесятихъ годахъ—Богъ мой—что творилось у насъ въ горахъ! Въ каждомъ уголку отчаянная борьба! Наши храбрые вожаки, Буко Голуба да Анто Букосовъ на смерть бились съ турками, вѣзвывались въ ихъ шайки и крошили нехристей на право и на лѣво. А когда слувалось, что тѣхъ было много, такъ наши всегда умѣли поскорѣе скрыться въ горы, а тамъ, поди, ницы ихъ!»

Разъ турки поймали Петровича, славнаго малаго, и стали требовать, чтобы онъ выдалъ гдѣ находятся наши. Волочили они волочили его по всей деревнѣ, разныя дѣлали надъ нимъ тиранства, наконецъ потащили съ собой. А онъ и впрямь не зналъ ничего, потому что былъ не коренной здѣшній уроженецъ, а изъ пришлыхъ. Вотъ какъ пришли они на этотъ самый мостъ, Петровичъ, въ свѣдѣтели того, что ничего не можетъ имъ сказать, показалъ на крестъ. Они привязали его къ кресту, да и выкололи ему глаза. Потомъ крестъ повалили съ нимъ вмѣстѣ на землю — такъ его и наши подъ нимъ въ страшныхъ мукахъ. Онъ жилъ еще послѣ этого семь лѣтъ, а всежь-таки померъ не своей смертью.

Какъ турки опять напали разъ на деревню, и всѣ убѣжали въ горы, ему, слѣпому, куда-жъ было идти по узкимъ горнымъ тропинкамъ. Поэтому онъ остался и спрятался на чердакѣ своей хижины. Но злодѣи сожгли всю деревню, такъ Петровичъ и сгорѣлъ, бѣдный.

Ну, однакожь, спустя немного времени, нашъ Лука Вукаловичъ страшно отомстилъ туркамъ—сторичей заплатилъ имъ кровавый долгъ. Съ своими храбрцами напалъ онъ на отрядъ турокъ. Самаго агу съ однимъ еще рыжеволосымъ туркомъ, притащили они на мѣсто, гдѣ они совершили свое звѣрское преступленіе, на мостъ, привязали ихъ по обѣ стороны креста, около свай. Такъ и оставили ихъ тутъ распятыхъ. Вонъ еще и по сію пору болтаются веревки. Изъ серебряныхъ подковъ лошади аги сдѣланы скобки, чтобы скрѣпить крестъ. Ихъ также выдать еще.

Вдовѣ Петровича, само собою отъ этого легче не стало; ужъ она теперь старуха; мыкаетъ свое горе здѣсь въ горахъ, да пасетъ своихъ козъ. Молодая Стаца, дочь ея, сдѣлалась вдовой, едва узнавъ своего мужа. Онъ свалился въ пропасть, преслѣдуемый турками; и оставилъ ей одно дорогое наслѣдство, сына и ея груди, чтобы было кому отомстить за него».

Во время этого разказа мы подошли къ мосту. По серединѣ его стоялъ крестъ. Тутъ я увидѣлъ какъ молятся люди въ горѣ, когда жизненный крестъ тяжель, не подъ силу. Молодая мать—сама почти еще ребенокъ—положила своего груднаго младенца къ подножію креста, какъ бы поручая его покровительству распятаго на немъ. А ребеночекъ-то и поднялъ къ небу крошечныя рученки. Другая изсохшая фигура съ длиннымъ ружьемъ, высунула изъ-подъ плаща дрожащія, сморщенные руки и также набожно протянула ихъ къ распятію. А отъ него вѣяло ароматомъ цвѣтовъ, которыми постоянно украшали его усердныя руки. Внизу, у ручья, царил тишина. Даже насущія животныя какъ будто боялись нарушать ее. Эта минута самаго меня невольно расположила къ молитвѣ. Подойдя ближе къ другимъ молящимся, я увидѣлъ, что фигура съ ружьемъ была согбенная годами и горемъ старуха; въ мутныхъ глазахъ ея бѣгали слезы, губы все еще шептали молитву.

Въ здѣшнихъ горахъ есть пословица: «тяжело женщинѣ носить мужнину ружье», и глядя на эту несчастную я сказалъ своему спутнику:

«Вотъ женщина, которой пожалуй не меньше пришлось перенести горя, чѣмъ вдовѣ Петровича».

«Правда», отвѣчалъ онъ, «потому что это она сама и есть».

Вся обстановка какъ нельзя болѣе соответствовала мрачной извѣстности древняго знаменитаго моста. Онъ дѣйствительно очень старъ, вѣроятно постройка его относится къ раннимъ сербскимъ битвамъ за свободу, слѣдовательно къ тѣмъ време-

*) Национальный герцеговинскій танецъ.

намъ, когда горсть храбрыхъ воиновъ основала нынѣшнюю Черногорію.

Ложе Дрины здѣсь довольно широко, слѣдовательно въ половодѣ вода не поднимается такъ быстро, чтобы это могло угрожать мосту. Громадныя каменныя глыбы, оторвавшіяся нѣкогда съ крутыхъ утесовъ, лежатъ на днѣ рѣчки. Объ верхнюю ихъ часть, весной, съ шумомъ бьютъ пѣнистыя волны Дрины—но онѣ не въ силахъ сдвинуть эти колоссы и откатить ихъ дальше въ низкую долину, какъ онѣ это дѣлають съ небольшими осколками скаль.

Прикованные собственной своей тяжестью, глубоко вѣзавшіеся въ дно рѣки, эти массивныя камни лежали здѣсь можетъ быть цѣлыя тысячелѣтія, прежде чѣмъ была положена черезъ нихъ первая доска. На видъ, эти тяжелыя бревна какъ будто случайно наброшены другъ на друга, между тѣмъ какъ на дѣлѣ, мостъ построенъ по всѣмъ законамъ техники; но такъ какъ онъ перебрасывается черезъ разсыпанны тамъ и сямъ глыбы, идетъ зигзагами. Вслѣдствіе этого на нѣкоторыхъ уступахъ приходится таки порядочно балансировать, чтобы удержатъ равновѣсіе, и надо быть природнымъ герцеговинцемъ, чтобы отважиться идти по этому мосту ночью.

Вѣроятно полагаясь на покровительство евангелистовъ, здѣшніе прохожіе сочили достаточнымъ только кое-гдѣ оградить мостъ импровизированными перилами изъ ивовыхъ прутьевъ. Кто не захочетъ добровольно взять холодной ванны въ Дринѣ, тотъ, дойдя до середины каждаго поворота, долженъ съумѣть во время ухватиться за перила слѣдующаго колѣна; такая штука, признаться сказать, требуетъ значительной ловкости.

Преданіе гласитъ, что мостъ былъ выстроенъ мораканами, которые перешли потомъ черезъ горныя цѣпи въ Черногорію. Это былъ въ тѣ времена единственный безопасный проходъ для жителей Никсикъ-Дробнякера и груболицкихъ горныхъ

возвышенностей. Для нынѣшнихъ горныхъ жителей онъ также имѣетъ большое значеніе, такъ какъ они, съ понятнымъ страхомъ, избѣгаютъ большихъ турецкихъ дорогъ и мостовъ. Слѣшкомъ хорошо знаютъ бѣдныя горцы, что по этимъ дорогамъ турки везутъ только изъ крѣпости въ крѣпость пушки, что съ тѣхъ поръ какъ вышли изъ арсенала, направлялись противъ никого иного, какъ противъ тѣхъ подданныхъ, у которыхъ до сихъ поръ еще не сошли съ рукъ мозоли, натертыя при постройкѣ тѣхъ крѣпостныхъ башенъ.

Часто бывалъ этотъ мостъ свидѣтелемъ кровавыхъ битвъ. При измѣнчивомъ военномъ счастьи, турки проникали и сюда, въ глубину горъ, предаваясь всюду своимъ неистовствамъ. Они нѣсколько разъ ломали крестъ и коверкали фигуры евангелистовъ на столбахъ, но христіане, послѣ первой побѣды, окровавленными руками, еще выше подымали низверженный крестъ, и еще богаче украшали самыми лучшими цвѣтами и вѣнками. Послѣдніе часто были связаны лентами, омоченными горькими слезами несчастныхъ матерей и невѣсть, потерявшихъ здѣсь все, что для нихъ было самаго дорогаго на свѣтѣ.

Почернѣвшій отъ времени и дыма мостъ представляетъ мрачную картинну, но она гармонируетъ съ исторіею этой страны. Пламя, часто охватывавшее мостъ, никогда не могло уничтожить его основаній; онъ и теперь еще можетъ служить мѣстомъ сраженія молодому, быть можетъ болѣе счастливому поколѣнію. Не одинъ изъ загорѣлыхъ воиновъ, будучи ребенкомъ, собиралъ у этого моста непопавшія въ цѣль турецкія пули, для того чтобы едва сдѣлавшись юношей, возвратитъ ихъ своему закланному врагу, вѣрнѣе попадая въ цѣль. У подножія креста закаляется и теперь мужество этихъ горныхъ сыновъ, дѣлающее изъ нихъ героевъ, и то изображеніе, которое глядитъ на нихъ съ креста, не даетъ угаснуть въ ихъ груди пламени вѣры и любви къ свободамъ.

Крушеніе Московскаго комерческаго ссуднаго банка и докторъ Струсбергъ.

Первые слухи о несчастіи, постигшемъ Московскій комерческій ссудный банкъ, появились въ Москвѣ еще 4-го числа, но это держалось въ самомъ глубокомъ секретѣ и всякій знавшій старался продавать свои бумаги на петербургской и другихъ биржахъ. Такъ шло до 11 октября, когда въ мѣстныхъ полицейскихъ вѣдомостяхъ появилось приложеніе, въ которомъ объявлено, что въ субботу 14-го октября банкъ будетъ закрытъ по всѣмъ операціямъ. Это извѣстіе какъ громомъ поразило московскій коммерческій и биржевой міръ и волненіе еще болѣе усилилось, когда 12-го октября по распоряженію прокурорскаго надзора, банкъ былъ закрытъ и слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ были опечатаны кассы, кладовыя и всѣ бумаги банка. Тотчасъ послѣ этого извѣстія, акціи банка, ходившія по 210 р., стали падать на биржѣ и упали до 20 р. и даже ниже, Поводомъ къ вполнѣ гласному крушенію банка послужило то обстоятельство, что утромъ въ этотъ злосчастный для банка день въ присутствіе явился почетный гражданинъ А. В. Алексѣевъ, требуя по чеку выдачи 101,000 р. бывшихъ у него на текущемъ счету. Ему было отказано. Вслѣдствіе его ходатайства явилась судебная власть. Прокурорскій надзоръ весьма дѣятельно взялся за дѣло, а судебный слѣдователь г. Глѣбо-Михайловскій посадилъ подъ стражу директора Полянскаго и заведывающаго иностраннымъ отдѣленіемъ банка г. Ландау...

Въ это время наступалъ срокъ обязательствамъ г. Струсберга, который пріѣхалъ въ Москву взять еще денегъ, такъ какъ рабочіе на его фабрикѣ въ Берлинѣ забастовали, и только утѣшеніе администраціи фабрики, что *Москва выручитъ*, что хозяинъ поѣхалъ въ Москву за деньгами, остановило рабочихъ, и то не на долго.

14-го числа судебный слѣдователь снялъ допросъ съ г. Струсберга въ гостинницѣ Дюссо, гдѣ тотъ остановился, при чемъ было поручено секретнымъ образомъ наблюдать за нимъ, такъ какъ протестованные векселя его были уже предъявлены въ Московскую Управу благочинія, но вексельнаго приказа изъ управы получено еще не было.

Несмотря на отданное приказаніе, въ 8 часовъ 15-го октября г. Струсбергъ скрылся. Тотчасъ же за нимъ бросились въ погоню, при чемъ въ числѣ отыскивающихъ былъ швейцаръ гостинницы, который въ лицѣ г. Струсберга видѣлъ своего заклятаго врага: въ банкѣ пропало у него 5,000 р., которые онъ скопилъ по копѣйкамъ въ теченіи тринадцатилѣтней службы...

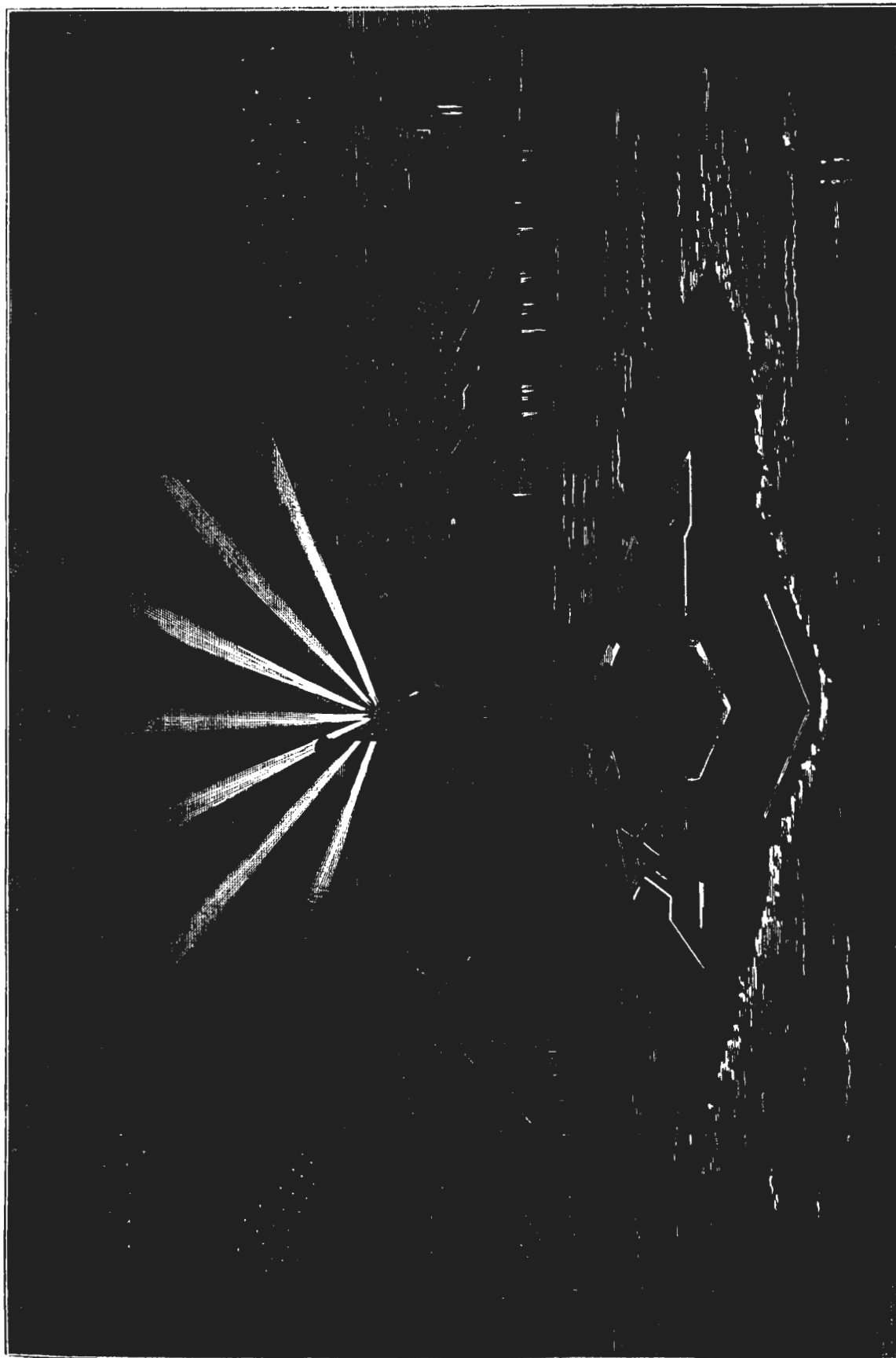
Полиція между тѣмъ задержала комиссионера или маклера г. Струсберга и его прислугу. Отъ нихъ дознались о мѣстѣ, гдѣ скрывался ихъ хозяинъ, который и былъ заарестованъ на Николаевской желѣзной дорогѣ въ Клину и привезенъ снова въ Москву, гдѣ посаженъ въ Тверской частный домъ. Прислуга Струсберга была освобождена, а агентъ былъ обязанъ являться въ банкъ, гдѣ судебный слѣдователь продолжалъ производить изслѣдованія о неправильныхъ дѣйствіяхъ лицъ, которымъ ввѣрены были интересы банка.

Собственно путаница, существующая въ дѣлахъ коммерческаго ссуднаго банка была замѣчена ранѣе катастрофы. Полянскій былъ директоромъ-распорядителемъ а г. Ландау завѣ-

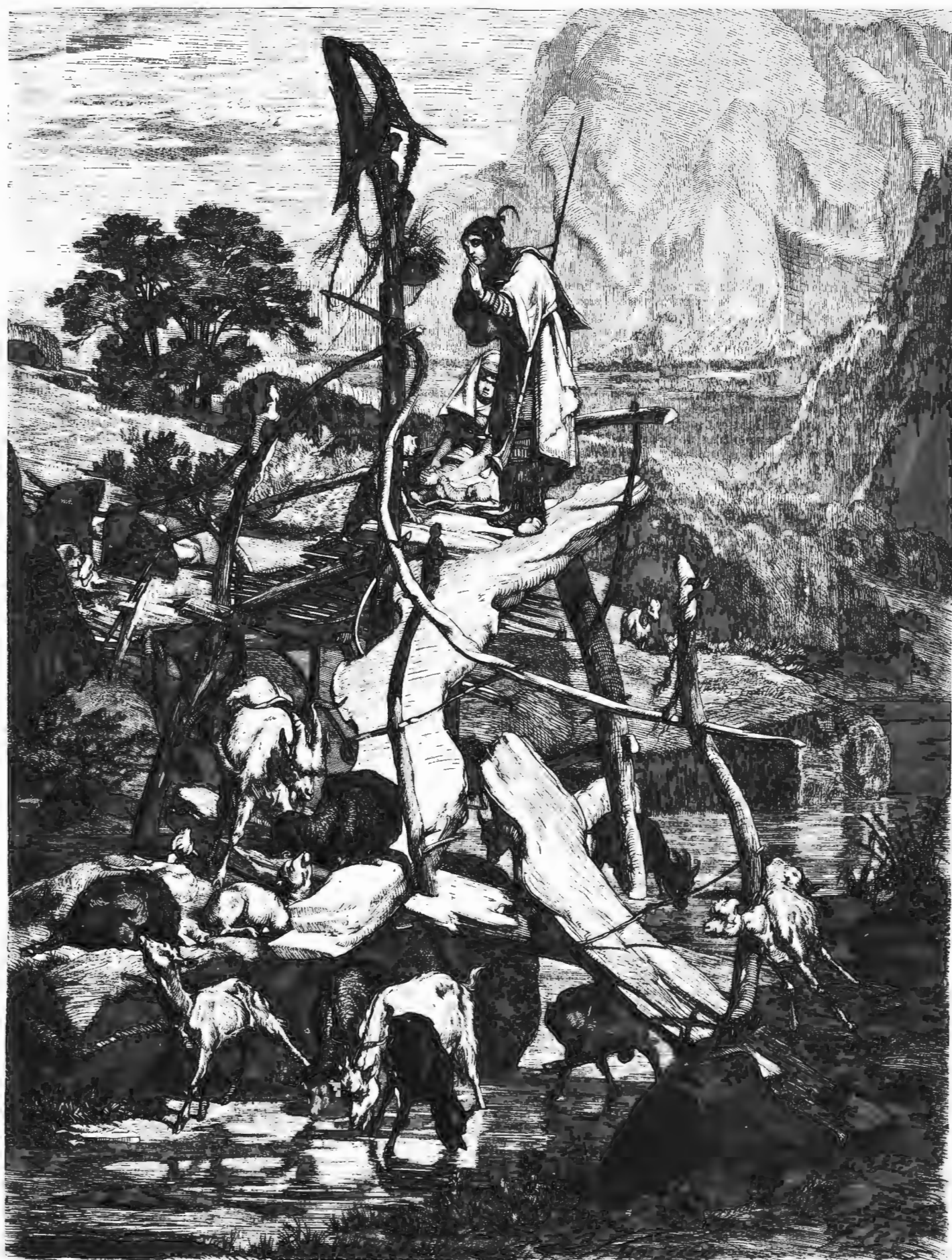
дывалъ иностраннымъ отдѣленіемъ; они то и управляли дѣлами банка. Уѣзжаетъ куда-то г. Полянскій и въ управленіе вступаетъ третій директоръ г. Милліоти. Подаетъ ему какъ-то для учета вексель на сумму 67,000 р. Подозрѣвая ли что либо или просто желая удостовериться, г. Милліоти велѣлъ подать себѣ книгу акцептовъ. Оказалось, что этотъ вексель даже не былъ записанъ въ книгу. Назначены были нѣсколько членовъ совѣта для ревизіи дѣлъ и счетовъ, но по этой ревизіи оказались такія несправности, что назначенные члены отказались отъ ревизіи, заявляя, что совѣтъ въ полномъ составѣ долженъ провѣрять самую строгую ревизію. Около этого же времени пріѣхалъ въ Москву Струсбергъ, явился онъ въ совѣтъ банка и требовалъ еще ссуды, а когда одинъ изъ членовъ, въ виду этой путаницы и долговъ Струсберга спросилъ его, отчего онъ не платитъ банку по своимъ прежнимъ обязательствамъ, то почтенный докторъ разразился благороднымъ гнѣвомъ и сказалъ, что онъ не намѣренъ слушать такія глупости, и что если ему не дадутъ пополнительной ссуды въ 2,000,000 р., то банкъ ничего не получитъ, потому что онъ объявитъ себя банкротомъ.

Изъ нѣмецкихъ газетъ оказывается, что струсберговскій кризисъ еще задолго до катастрофы, разыгравшейся въ Московскомъ банкѣ, предусматривался иностраннымъ пресою. Такъ еще въ началѣ октября, въ специальномъ органѣ германскаго желѣзнодорожнаго союза «Zeit: des Vereinsch.» было напечатано извѣстіе относительно доктора Струсберга, что на биржѣ ходятъ слуха о необходимости собранія кредиторовъ Струсберга, дѣла котораго приходятъ въ полное разстройство. Постоянныя задержки въ платежахъ со стороны Струсберга и стоящаго съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ банкирскаго дома, задержки, возрастающія съ каждымъ годомъ, достигли теперь такыхъ размѣровъ, то изобрѣтательная голова главнаго участника не въ силахъ найдти исходъ изъ критическаго положенія. И такъ банкротство Струсберга не застало въ располхъ берлинскій коммерческій міръ, такъ что кромѣ банкирскаго дома Жака, тѣсно связаннаго съ судьбою пресловутаго доктора, весьма немногіе банки испытали на себѣ влияние его банкротства. Но не такъ счастливъ былъ московскій банкъ! Въ свое какъ бы оправданіе г. Ландау, на вопросъ какъ можно довѣрить въ однѣ руки такую громадную сумму денегъ, отвѣчалъ, что Струсбергъ неуплачивая первыхъ занятыхъ денегъ завлекъ Банкъ въ дальнѣйшую сдѣлку изъ желанія вернуть прежде взятая суммы, наконецъ такимъ завлеченіемъ дѣло дошло до семи милліоновъ... Но кромѣ этихъ семи милліоновъ почти въ тоже время была получена въ банкѣ телеграмма, въ которой значится, что Струсбергъ, объявленный несостоятельнымъ должникомъ на 20,000,000 талеровъ, требуется въ Пруссію. Но наврядъ ли придется ему урваться изъ Россіи, такъ какъ онъ долженъ прежде раздѣлаться съ коммерческимъ банкомъ и тѣми бѣдняками, деньги которыхъ онъ забралъ для берлинскихъ фабрикъ. Притомъ же онъ значится петербургскимъ купцомъ, и несостоятельность его въ Россіи—по нашимъ законамъ, потребуетъ его присутствія въ Москвѣ.

Тотчасъ послѣ того, какъ катастрофа московскаго банка сдѣ-

Статуя Свободы для Ньюйорского рейда. Грав. К. Вейрмань.

Мостъ Евангелистовъ чрезъ рѣку Дрину въ Герцеговинѣ. Рисов. съ натуры, профессоръ Францъ Зверинъ, грав. Арландъ.

далась гласною, въ Москву прибыло довѣренное лицо отъ государственнаго банка съ значительными средствами и съ полномочіемъ, въ видахъ предупрежденія кризиса, оказать мѣстнымъ кредитнымъ учреждениямъ помощь. А между тѣмъ аресты шли да шли своимъ чередомъ, послѣ Полянского и Ландау той же участи подвергнулись и другіе директора: Борисовскій, Редеръ, Гивартовскій и Краббе. 20-го октября, наконецъ послѣ долгихъ колебаній, изъ московскаго коммерческаго суда были получены повѣстки гг. Полянскому, Ландау, Милліоти и Веденисову для явленія въ резиденцію суда и банкъ былъ признанъ несостоятельнымъ должникомъ, а вскорѣ затѣмъ вышелъ и Высочайшій указъ о ликвидациі дѣла банка (смотри «Ниву» № 47). Слѣдствіе же шло своимъ чередомъ и къ дѣлу привлекались все новыя лица. Домашнему аресту были подвергнуты въ качествѣ обвиняемыхъ по дѣлу о злоупотребленіяхъ, бывшихъ въ банкѣ,

московскій голова Д. Д. Шумахеръ, прежній директоръ банка Милліоти, и члены совѣта С. И. Вишняковъ и А. Н. Лѣниновъ, а самъ Струсбергеръ, по поводу протестованнаго векселя въ 163,000 р. былъ посаженъ въ Московскую «яму».

Но не смотря на то достопочтенный докторъ не унываетъ, а напротивъ на допросѣ заявилъ, что оплатитъ всѣ свои обязательства ссудному банку полнымъ рублемъ, если ликвидациа его дѣла будетъ производиться не конкурсомъ, а онъ самъ. И дѣйствительно достойно удивленія то хладнокровіе и спокойствіе доктора, съ которымъ онъ относится къ постигшимъ его несчастіямъ: онъ веселъ, бодръ и не теряетъ надежды выдти побѣдителемъ изъ этого погрома.

Интересную біографію этого замѣчательнаго въ своемъ родѣ чловѣка мы помѣстимъ въ слѣдующемъ номерѣ нашего журнала.

В. Л.

С М Ъ С Ъ .

Успѣхи микрофотографіи. Въ засѣданіи общества кievскихъ врачей, въ сентябрѣ текущаго года, дѣйствительный членъ профессоръ Бецъ, сообщилъ свѣдѣнія относительно современнаго состоянія микрофотографіи. Учеными давно уже признана необходимостью дѣлать снимки съ микроскопическихъ препаратовъ, пользуясь солнечнымъ свѣтомъ. Много было сдѣлано попытокъ (съ 1857 года) но, къ сожалѣнію, долго не могли устранить неблагоприятныхъ вліяній на точность снимка пористаго и сравнительно толстаго слоя коллодіума и серебряной соли, которые употребляются для снятія портретовъ и видовъ обыкновенными фотоаппаратами. Въ послѣднее время всѣ эти неудобства мало по малу устраняются. Въ микрофотографіи особенно нуждаются аица, занимающіяся анатоміею мозга; при такихъ работахъ строгая точность положительно необходима. Профессоръ Бецъ показывалъ микроскопическіе снимки нѣкоторыхъ предметовъ: нашу 25 рублевую бумажку стараго образца, которая снята величиною въ двѣ-три линіи, а подъ микроскопомъ представляется со всѣми отѣнками; депешу о взятіи Парижа и прозрачную, величиною въ 1/2 квадратнаго вершка, пластинку, на которой снято 16 печатныхъ газетныхъ листовъ. Безъ микроскопа на ней, конечно, не видно и признаковъ строкъ и буквъ. Насколько микроскопическіе снимки удобны были при осадѣ Парижа и галуэиной почтѣ, можно видѣть изъ того, что 100,000 снятыхъ этимъ способомъ печатныхъ листовъ вѣсили всего 2 грамма, а обыкновенное письмо оплачивалось 5 сантимами. Изобрѣтатель такихъ снимковъ, Дегро, въ Парижѣ, держитъ въ секретѣ свое изобрѣтеніе.—Во время франко-прусской войны депеши печатались на большомъ листѣ и затѣмъ фотографически снимались, но такъ, чтобы самыя буквы были въ 500 разъ менѣе буквъ оригинала. Полученный такимъ образомъ снимокъ посредствомъ коллодіума переводился на бумагу, которую голубь и уносилъ. По прибытіи на мѣсто назначенія такой микроскопической депеши, ее вставляли въ волшебный фонарь (съ электрическимъ свѣтомъ), увеличивающій въ 500 разъ и—на стѣнѣ получалась депеша, которую можно было безъ труда прочесть, списать, отпечатать и разослать куда слѣдуетъ. Извѣстно, что многіе государственныя послѣ осады Парижа уже занялись устройствомъ голубиной почты, и вотъ явилась потребность въ такомъ фотографическомъ аппаратѣ, который могъ бы оказать хорошую услугу подѣ открытымъ небомъ, гдѣ нибудь въ полѣ, когда именно невозможно достать по близости надлежащихъ инструментовъ и матеріаловъ для воспроизведенія микроскопическихъ депешъ. Задача эта блестящимъ образомъ разрѣшена теперь нашимъ соотечественникомъ, полковникомъ Ковако. Аппаратъ его, по величинѣ и формѣ, похожъ на обыкновенный ранецъ, въ которомъ и хранится, кромѣ фотографическихъ принадлежностей, запасъ химическихъ составовъ, могущій хватить на 6 мѣсяцевъ. Благодаря этому аппарату, микрофотографическія депеши могутъ быть увеличены въ 2300 разъ—днемъ ли, ночью—все равно, и при какомъ угодно освѣщеніи. Простота устройства аппарата, незамысловатость обращенія съ нимъ еще болѣе увеличиваютъ важность изобрѣтенія г. Ковако относительно нуждъ въ военное время. Опыты, которые производились въ Географическомъ обществѣ (въ іюнѣ), дали благоприятные результаты во всѣхъ отношеніяхъ, да и издержки на устройство этого аппарата довольно умѣренны. Г. Ковако находится въ настоящее время въ Мюнхенѣ. Онъ намѣренъ показать свой аппаратъ также и въ Берлинѣ, гдѣ, безъ сомнѣнія, изобрѣтеніе его будетъ оценено по достоинству.

Пять дней подѣ землей. Недавно одинъ рабочій былъ запертъ въ одной изъ саксонскихъ каменноугольныхъ копей, но, послѣ пяти дней, былъ спасенъ. О своемъ пребываніи подѣ землей онъ сообщилъ «Дрезденской Газетѣ» слѣдующія свѣдѣнія: «Такъ какъ, въ моментъ катастрофы, мой фонарь потухъ, то я охоту рѣшилъ изслѣдовать, сколько мнѣ осталось мѣста для жизни или для гроба, и убѣдился, что надо мною образовался родъ свода въ 2 метра длины и 3/4 метра ширины; но этотъ

сводъ былъ такъ низокъ, что я цѣлую часть долженъ былъ оставаться въ согнутомъ положеніи. Сводъ образовался вследствие того, что падавшія массы угля скопились около перекладки, и я былъ убѣжденъ, что послѣднія не уступятъ давленію массы. Прежде всего я отодвинулъ нѣсколько глыбъ, висѣвшихъ надъ моею головою, и свозъ образовавшіся такимъ образомъ щели началъ кричать изо всѣхъ силъ, и въ то же время постукивать своимъ топоромъ о перекладку. Убѣдившись, что мои усилія ни къ чему не ведутъ, такъ какъ извнѣ не слышно было никакого отвѣта на мой крикъ,—я помирился съ судьбою, сѣлъ и мысленно поручилъ себя Богу. Вскорѣ я услышалъ, что съ одной стороны работаютъ; во мнѣ снова оживилась надежда, и я иногда ясно слышалъ, какъ накладывали уголь на возы. Первый страхъ прошелъ и только отъ времени до времени, когда на мой сводъ съ страшнымъ грохотомъ падали новыя массы, я съ грустью сознавалъ, что мое освобожденіе не близко. Въ моей пещерѣ было жарко и въ первый моментъ меня покрывъ потъ, который впрочемъ скоро прошелъ. Я не былъ голодеиъ, но меня мучила жажда. Губы, покрытыя толстымъ слоемъ угольной массы, потрескались; я выпилъ масло изъ моей лампы и обсосалъ фитиль, что меня нѣсколько успокоило, потомъ я заснулъ, но проснувшись почувствовалъ такую тяжесть головы, что не могъ подняться. Все время я думалъ только о томъ, какъ бы поскорѣе выбраться изъ этой гробницы. Наконецъ я замѣтилъ, что свозъ щели виднѣется свѣтъ, стукъ рабочихъ слышенъ былъ все яснѣе и яснѣе и, наконецъ, я даже могъ разговаривать со своими извѣстелями. На мой вопросъ о времени, мнѣ сказали, что—понедѣльникъ, 10 часовъ вечера. Оказалось, что я пробылъ подѣ землею 5 дней, чему я не повѣрилъ: мнѣ казалось, что я пробылъ въ моей гробницѣ не больше двухъ сутокъ. На слѣдующій день былъ пробитъ узкій проходъ, но я не дождался его расширенія и поспѣшилъ на свѣтъ Божій».

Древнѣйшій христіанскій памятникъ въ Крыму. Южный берегъ Крыма, по своему благодатному климату, есть лучшій уголокъ Россіи, куда стремятся многіе искать цѣлебной силы для поддержанія здоровья, и въ то же время весь этотъ край полонъ историческихъ воспоминаній. Для насъ же на первомъ мѣстѣ стоятъ воспоминанія эпохи христіанства, ибо христіанство здѣсь было возвышено въ первомъ вѣкѣ по рождествѣ Христовомъ самими апостолами Андреемъ и, вѣроятно, на бывшемъ пути святаго провозвѣстника евангелія до сего дня нѣкоторыя мѣста сохраняютъ названія св. Андрея, такъ напримѣръ между Алушты и Дмитриджи водопадъ «Аи Андре», близъ которыхъ находящіяся остатки храма, по сказанію окрестныхъ жителей, обладаютъ цѣлебною силою, и въ Херсонесѣ одинъ изъ мысовъ, вдающихся въ море, именуется мысомъ св. Андрея. По сказанію историковъ, проповѣдь апостола не была бесплодна; многіе на пути и по окрестностямъ приняли христіанство, а въ 94 г. по Р. Х. ученикъ апостола Петра, епископъ римскій св. Климентъ, нашелъ христіанъ въ одной мѣстности «Инкерманъ» до 2,000 и ревностно проповѣдью въ теченіе десяти лѣтъ успѣлъ многихъ обратить ко Христу, для которыхъ, по сказанію историковъ, образовалъ 75 церквей. Вѣроятно въ числѣ храмовъ, сохранившихся до нашихъ дней, есть нѣкоторые устроенные самими св. Климентомъ, ибо по мѣстнымъ условіямъ того времени жилища людей въ горахъ были долбленныя въ каменныхъ скалахъ, а также и храмы, сохранившіеся безъ реставраціи. Къ числу такихъ храмовъ можно отнести въ скалѣ горы Инкермана одинъ храмъ, который, по преданію, устроенъ самими епископомъ Климентомъ, слѣдовательно въ концѣ I или въ началѣ II вѣка. Устройство храма для совершенія въ немъ богослуженія хотя своеобразно, но очень удобно и указываетъ на дѣйствительно древнее его устройство: простоятъ стѣны, жертвенникъ въ сѣверо-западномъ углу и въ юго-западномъ углу сѣдлачье для священно-служащаго подѣ отверстіемъ алтарной преграды, въ которое вѣрующіе исповѣдывали покаяніе; въ срединѣ алтарной преграды одинъ входъ, и все это выдолблено изъ цѣльной ска-

ли. Если действительно предание заслуживает внимания о времени устройства этого храма, то по древности своей это есть единственный памятник всего христианского мира, заслуживающий особенного внимания как гг. ученых, так и поклонников древней святости.

В Англии находится в продаже один манускрипт, который может заинтересовать наших восточных историков и богословов, особенно принадлежащих к русской церкви. Это доселъ неизданный официальный документ в рукописи: О расколѣ въ Олонекской губерніи. Отвѣты пустынножителей на вопросы іеромонаха Неофита. Манускрипт, — на славянскомъ языкѣ, — написанъ большими и отчетливыми буквами и переплетенъ въ кожу, съ мѣдными застежками. Святѣйшій синодъ, указомъ отъ 4-го марта 1723 г., повелѣлъ іеромонаху Неофиту отправиться въ Олонекскую губернію, для изслѣдованія раскола олончанъ. Отвѣты раскольниковъ на вопросы, предложенныя Неофитомъ, и содержатся въ означенномъ очень замѣчательномъ манускриптѣ.

Вліяніе температуры на желѣзо. Известно, что подъ вліяніемъ тепла металлы, какъ и всѣ тѣла, расширяются. Но если высокая температура дѣйствовала только на одну сторону толстой, на примѣръ, желѣзной полосы, въ то время, когда противоположная сторона не подверглась дѣйствию тепла, тогда естественно удлиняется только нагрѣтая сторона, а другая сторона остается при своей нормальной длинѣ, вслѣдствіе этого происходитъ дугообразное искривленіе полосы съ выпуклостію, обращенною въ сторону болѣе высокой температуры. Въ доказательство этого закона сообщаютъ теперь, что статуя богини свободы на Капитоліи въ Вашингтонѣ до полудни наклоняется на 4½ дюйма къ западу, а послѣ полудня 4½ же дюйма къ востоку. Фактъ этотъ былъ доказанъ отвѣсомъ, прирѣпленнымъ къ вершинѣ статуи и опущеннымъ въ ротонду. Когда утреннее солнце нагрѣваетъ восточную сторону купола, производа здѣсь разширеніе, статуя разумѣется должна наклониться къ западу, но когда солнце переходитъ на противоположную сторону горизонта, освѣщая западную сторону купола, дѣйствіе должно быть обратное.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Дѣйствія правительства.

(1) ликвидация дѣлъ Московскаго коммерческаго ссуднаго банка. По Высочайшему повѣленію въ видахъ наиболѣе правильнаго и согласнаго съ интересами кредиторовъ окончанія дѣлъ коммерческаго ссуднаго банка въ Москвѣ, объявленнаго несостоятельнымъ по просьбѣ московскаго биржеваго общества, признана нужнымъ ликвидация дѣлъ коммерческаго ссуднаго банка въ Москвѣ и возложена на особую ликвидационную комиссію.

Ликвидационная комиссія составляется изъ шести членовъ и предсѣдателя. Предсѣдатель и четыре члена назначаются министромъ финансовъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи, а два члена избираются московскимъ биржевымъ комитетомъ изъ почетнѣйшихъ торгующихъ при биржѣ купцовъ. Всѣ права и обязанности по розысканію имущества и управленію онымъ, предоставленны конкурснымъ управленіямъ по уставу о торговой несостоятельности, переходятъ на ликвидационную комиссію. Всѣ претензіи къ коммерческому ссудному банку предъявляются въ ликвидационную комиссію, но послѣдняя, не ожидая заявленія сихъ претензій, дѣлаетъ, на основаніи банковыхъ книгъ и документовъ, примѣрный расчетъ удовлетворенія кредиторовъ. Распределеніе долговъ на роды и разряды производится ликвидационною комиссіею, согласно уставу о несостоятельности, причѣмъ долги, основанные на законныхъ операціяхъ ссуднаго банка ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть причислены къ 4-му разряду.

Дала церква.

— Мо извѣстіямъ сообщаемымъ газеткою «Русск. Миръ» въ скоромъ времени, въ Москвѣ состоится старообрядческій соборъ, на который съѣдутся всѣ болѣе замѣчательныя старообрядческіе дѣятели.

— Въ воскресенье, 19 октября, въ астраханскомъ кафедральномъ соборѣ *простѣненъ св. крещеніемъ* одинъ изъ камышскихъ владѣльцевъ. Нойонъ Хошоутовскаго улуса, Царень-Надмитъ Тюмень, 22-хъ лѣтъ, въ присутствіи служащихъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ и при многочисленномъ народѣ, собравшемся въ св. храмѣ. Государь Императоръ Высочайше соблагволилъ быть духовнымъ отцомъ, воспримникомъ новопросвѣщаемого, а при св. крещеніи заступалъ мѣсто Его Императорскаго Величества губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Н. И. Бишевъ. Крещеніе совершалъ пресвященный, епископъ астраханскій Хрисанъ, въ нижнемъ соборѣ.

— Въ Москвѣ въ послѣднихъ числахъ октября, происходилъ въ зданіи семинаріи общепархіальный *създъ духовенства* Московской губерніи. На създѣ присутствовало сто шестнадцать депутатовъ; Изъ болѣе вы-

дающихся докладовъ было сообщеніе отца Кастальскаго, заявившаго, что „епархіальное филаретовское женское училище“ открывается 1-го декабря текущаго года и что высокопресвященный митрополитъ Иннокентій пожертвовалъ на разширеніе помѣщенія упомянутаго училища 18,000 руб. Въ засѣданіи же създа доложено было, что комиссія по устройству училищнаго фонда нашла возможнымъ принять на счетъ фонда существующіе окружные сборы.

Военное дѣло.

— Въ печатаемыхъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» подробныхъ извѣстіяхъ о военныхъ дѣйствіяхъ противъ Кокана мы находимъ нѣкоторыя подробности о трагической смерти военнаго врача Петрова и прапорщика Васильева. Изъ показаній плѣнныхъ, взятыхъ подъ Махрамомъ, выяснилась участь доктора Петрова и прапорщика 2-го линейнаго батальона Васильева. Они, были окружены шайкою коканцевъ въ Нау, на почтовой станціи, долго отстрѣливались, наконецъ схвачены разбойниками и зарѣзаны. Малолѣтняя, шести лѣтъ, дочь доктора Петрова, вѣшавшая вмѣстѣ съ отцомъ, была свидѣтельницею, какъ отрѣзали ему голову; несчастную двучеху вытащили изъ тарантаса и верхомъ на лошади перевезли въ Коканъ. Она была также представлена въ отрядъ, и невозможно было смотрѣть безъ содраганія на несчастную малютку, которая еще долго не могла опомниться отъ страшнаго впечатлѣнія видѣнной ею гибели отца: она все еще находилась въ страхѣ, что и ее зарѣжутъ.

— По слухамъ, главнымъ военно-кодификационнымъ комитетомъ внесены на разсмотрѣніе военнаго совѣта представленія: а) объ измѣненіи нѣкоторыхъ законоположеній, относящихся до военно-учебныхъ заведеній, вызываемомъ примѣненіемъ къ этимъ заведеніямъ устава о воинской повинности, и б) объ увеличеніи штата главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній.

Морское дѣло.

— По послѣднимъ свѣдѣніямъ, нашихъ военныхъ судовъ, плавающихъ въ заграничныхъ водахъ, восемь. Изъ нихъ въ Тихомъ 12-ти пушечный корветъ «Аскольдъ» находится въ Нагасаки; 6 пушечный клиперъ «Всадникъ», обойдя островъ Сахалинъ отъ залива Терпигнѣ до Дуэ и побѣдивъ съ комиссіею японскія поселенія, возвратился въ Хокодате; 5 пушечный клиперъ «Гайдамакъ» крейсируетъ на северѣ отъ Владивостока и 10 пушечный корветъ «Баянъ» находится въ Нагасаки. Въ Средиземномъ морѣ: 18 пушечный фрегатъ «Свѣтлана» подъ командою Великаго Князя Алексѣя Александровича въ настоящее время находится на рейдѣ въ Пирей. Въ распоряженіи нашего посольства въ Константинополѣ находятся слѣдующіе стан-

ціонеры: пароходъ «Тамань», въ Букретъ-дерѣ; шхуна «Пезеуапѣ» въ Пирей и шхуна «Келасури» — въ Галацѣ. Всѣ суда, находящіяся за границею, винтовья, исключая одного парохода «Тамань», который колесный; на всѣхъ ихъ плаваютъ кромѣ командировъ, 156 человекъ офицеровъ и 1567 человекъ нижнихъ чиновъ. Въ недродолжительномъ времени наша заграничная эскадра увеличится еще на одно судно, именно на клиперъ «Крейсера», сиущенный только вышшимъ лѣтомъ на воду.

— Газета «L'oud-Lit» сообщаетъ, что пароходъ «Корниловъ» принужденъ былъ возвратиться въ Gravesend для важнаго исправленія. Та же газета отъ 5-го ноября передаетъ слѣдующую телеграмму Капитану парохода «Vindamoga» побѣхалъ въ Лондонъ арестовать пароходъ «Корниловъ», который потопилъ перваго. «Корниловъ» возвратился поправиться. Передаютъ, что «Vindamoga» перерѣзанъ пополамъ и потонулъ въ глубокомъ морѣ. «Корниловъ» арестованъ.

— Въ настоящее время въ Германіи для береговой обороны, строятся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ броневыя батареи. Батареи эти будутъ состоять изъ броневаго брествера, вооруженнаго восемью-двумя пушками; наибольшая толщина брони этихъ батарей будетъ въ 33 дюйма. Позади брествера располагается нѣсколько врашающихся башенъ, въ которыхъ помѣщены 11-ти дюймовыя пушки; наибольшая толщина брони этихъ башенъ будетъ 3½ дюймовъ. Каждая башня состоитъ изъ блиндажа, прикрывающаго нижнюю часть башни, броневаго обода и броневаго купола. Для врашенія башенъ будутъ примѣнены гидравлическія приспособленія. Башни эти будутъ отличатся своею особою конструкціею, и главное достоинство ихъ, по мнѣнію германскихъ инженеровъ, заключается въ томъ, что онѣ не будутъ имѣть ни скрѣпительныхъ винтовъ, ни болтовъ.

Петербургъ.

— Появленіе фальшивыхъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ вызвало различныя мѣры со стороны министерства финансовъ, направленные къ уничтоженію этого зла. Въ виду этого, министерство предполагаетъ выпустить государственные кредитные билеты новаго образца. Главнѣйшій недостатокъ нынѣшнихъ билетовъ состоитъ въ томъ, что водяные знаки, поддѣлка которыхъ представляетъ, какъ кажется, наибольшую трудность, до того закрашены, что ихъ почти совсѣмъ не замѣтно. Этотъ недостатокъ въ приготовленномъ новомъ образцѣ кредитнаго билета 25-ти рублеваго достоинства достаточно устраненъ. Бумага для билета взята тоньше употребляющейся до настоящаго времени; цвѣтъ заготовленнаго билета — блѣднѣй, и портретъ уже не печатаютъ, а сдѣланъ помощью водяныхъ знаковъ. На задней сторонѣ образца на небольшомъ черномъ дѣтѣ

прямоугольничѣ, мелкимъ бѣлымъ шрифтомъ напечатано извлечение изъ манифеста о кредитныхъ билетахъ. Образецъ этотъ уже представленъ на рассмотрениеъ министра финансовъ.

— Циркуляромъ министра юстиціи, было разъяснено, что женщинамъ не могутъ быть выдаваемы свидѣтельства на право хожденія по чужимъ дѣламъ. Циркуляръ этотъ основывался на высочайшемъ повелѣніи отъ 14-го января 1871 года о порядкѣ допущенія женщинъ къ занятіямъ при правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Печатаемая этотъ циркуляръ, «Судебный Вѣстникъ» указывалъ, что данное имъ разъясненіе не вытекаетъ изъ Высочайшаго повелѣнія, на которое онъ ссылается, и противорѣчитъ общему узаконенію о повѣреннхъ. На дняхъ вопросъ о правѣ женщинъ получать свидѣтельства на хожденіе по чужимъ дѣламъ, по

частной жалобѣ дошелъ до разсмотрѣнія правительствующаго сената по общему собранію кассационныхъ департаментовъ, которое также признало, что женщины не могутъ быть лишены права на получение такихъ свидѣтельствъ.

Слухи и извѣстія.

— Изъ Гребина (Рижской губерніи) пишутъ въ газету «Латвешъ-Авизу»: «Въ казенномъ имѣніи Тодайкенъ, которое считалось до сихъ поръ главнымъ мѣстопробываніемъ анабаптистовъ, проявились въ послѣднее время проповѣдники мормонизма, успѣшіе приобрести нѣсколькихъ приверженцевъ. Такъ какъ мормоны едва ли могутъ считаться такою же сектой, какъ другія, и цѣль ихъ, очевидно, заключается въ томъ, чтобы склонить ихъ прозелитовъ къ переселенію въ

Америку, то, въ интересахъ увлеченныхъ весьма было бы желательнѣе официально установить, пустой ли это только слухъ или положительный фактъ. Такъ какъ миссіонерская дѣятельность мормонизма въ скандинавскихъ земляхъ весьма усилѣна, то легко быть можетъ, что проповѣдники его вздумали перенести ее и въ Россію».

СОДЕРЖАНІЕ: Жюль Веръ (съ портретомъ). — Кто выигралъ?.. (Изъ современной угольной хроники). Романъ Ф. Фридриха (продолженіе). — Удачно лопнувшая граната, (Рисунокъ изъ походнаго альбома художника-солдата). (съ рисункомъ). — На новой квартирѣ (съ рисункомъ). — Статуя свободы для Нью-Йорка рейда (съ рисункомъ). — Мостъ Евангелистовъ черезъ рѣку Дрну, въ Герцеговинѣ (съ рисункомъ). — Крупненіе Московскаго коммерческаго банка и докторъ Струбербергъ. — Смѣсь. Разныя извѣстія.

Редакторъ Ф. Бергъ (Боевъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ДЕШЕВЫЕ САХАРНЫЕ ЗАВОДЫ.

Нижеподписавшійся можетъ предложить полные, почти новаго устройства нѣсколько сахарныхъ заводовъ въ Австраліи, которые по причинѣ финансоваго кризиса продаются—или оптомъ, или отдѣльно — на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Онъ же принимаетъ на себя устройство новыхъ сахарныхъ заводовъ. Имѣетъ долготѣнную, частью тоже въ Россіи, практикѣ.

Особенно рекомендуется за 40,000 рублей почти новое заводское устройство, по системѣ джужинъ, производившее ежедневно 3500 пудовъ свежловичнаго сахара.

Тожѣ предлагается машины и аппараты всякаго рода и системъ. Самыя лучшія рекомендаціи имѣются

Г. Кригеръ.

Инженеръ для сахарныхъ заводовъ въ Вѣнѣ IX округѣ, Порцелангассе № 40. 2—1

НЕ НАДО ПОРОШКА и СОСТАВА.

Паровой ручной аппаратъ.

Этотъ аппаратъ готовится подъ моимъ руководствомъ. Для каждаго за дешевую цѣну легкимъ и простымъ способомъ моментально уничтожаетъ влоповъ, таракановъ и прочихъ насѣкомыхъ въ шеляхъ, кроватяхъ, матрацахъ, подъ обоими и прочихъ мѣстахъ. При аппаратѣ прилагается наставленіе А. ШТЕЙНБЕРГЪ. Магазины на Невскомъ проспектѣ домъ Казанскаго Собора № 23-й.

О подпискѣ на 1876 годъ НА ЕЖЕДНЕВНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ „БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Подписка въ Россіи.

МѢСЯЦЫ.	Городскіе.			Иногородные.	Городскіе.			Иногородные.
	Безъ до-статковъ.	Съ до-статковъ.	Р. К.		Безъ до-статковъ.	Съ до-статковъ.	Р. К.	
12	14 50	16 —	17 —	6	8 50	9 50	10 —	
11	13 75	15 —	16 —	5	7 —	8 —	9 —	
10	13 —	14 —	15 —	4	5 50	6 40	7 20	
9	12 —	12 70	14 —	3	4 10	4 70	5 70	
8	10 75	11 50	13 —	2	2 80	3 20	3 80	
7	9 50	10 50	12 —	1	1 50	1 70	2 —	

Подписка за границею съ пересылкою

М Ѣ С Я Ц Ы.	Всѣ европейскія государства и Сѣверная Америка.		Южная Америка.		Австралія, Китай и Японія.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
12	23	—	32	—	40	—
6	12	—	17	—	22	—
3	6	20	9	—	11	50
1	2	40	3	—	4	—

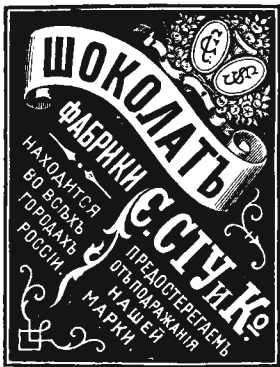
Подписка открыта въ главной конторѣ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, въ С.-Петербургѣ, по Литейному проспекту, въ домѣ № 42, въ нижнихъ магазинахъ Базунова, Вольфа, Исакова; Колесова и Михина, Мелье и Чересова и Ко; въ Москвѣ у Н. А. Мейера, на Солянскѣ, д. Бабурна.

Подписка принимается не иначе какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Разсрочка платежа подписныхъ денегъ допускается: для служащихъ—по третямъ чрезъ ихъ казначеевъ; для не служащихъ—по личному или письменному соглашенію съ редакціею, для чего необходимо обращаться въ главную контору „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ, за годовой экземпляръ съ пересылкою въ губерніи, доставляютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подпискѣ 7 руб., въ концѣ марта 6 руб., и въ началѣ августа 4 руб.; а съ доставкою въ Петербургъ—уплачиваютъ въ конторѣ при самой подпискѣ 5 руб., въ концѣ марта 5 и въ концѣ іюня 6 руб

2—1

45 17

28—2

Складъ самыхъ дешевыхъ машинъ всякаго рода:

пожарнымъ трубъ и номбъ, жестяниковъ, машинъ для слесарей колбасниковъ, карстниковъ, булочниковъ (для тѣста). Перешлетные машины, для литографій, типографій и проч. Керосинныя печи, денжные шкапы, фильтры, огнетушители (экстинкторы) аппараты для пивоваренныхъ заводовъ, особенно рекомендуются перегонныя мѣдныя трубы, кровельный толь лучшаго качества.

Прейсъ-курранты и рисунки высылаются заказчикамъ бесплатно. Ищеть агентовъ. Телеграммы адресовать: Гуго Германъ Мейеръ въ Ригѣ, контора Швимстрассе № 24, собств. домъ.

Изданія А. Ф. МАРКСА.

Для гг. подписчиковъ „НИВА“ продаются со слѣдующею свѣдкомъ:

- Москва и Тверь, истор. пов., Кельсева Ц. съ пер. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 40 к.
- При Петрѣ, истор. пов., Кельсева и Ключникова. Ц. съ пер. 1 р. 50 к., для подпис. 1 р.
- Въ намывшахъ. Повѣсть Каразина. Ц. съ перес. 2 р., для подписчиковъ 1 р. 40 к.
- Богъ въ помощь, романъ Вернера. Ц. съ перес. 1 р. 30 к., для подписчиковъ 75 к.
- Вторая жена, романъ Маритта. Ц. съ пер. 2 р., для подпис. 1 р. 30 к.
- Семья вольнодумцевъ, ист. пов. врем. Екатер. вел. Ц. съ пер. 1 р. 25 к. для под. 75 к.

2—1

При этомъ № для гг. многог. подписч. прилагается натал. отъ книжн. магаз. М. О. Вольфа въ СПбургѣ и отъ книгопродавца Леукина въ Москвѣ.

НИВА

№ 48

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выдать 30 Ноября 1875 г.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫБРОЕКЪ.

Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.

Въ виду приближенія времени подписки на 1876 г., мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ воспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ номеровъ.

Приготовленіе около 14.000 печатныхъ адресовъ для гг. иногородныхъ подписчиковъ требуетъ весьма большой работы и времени такъ что намъ гораздо легче если подписчи теперь уже благоволятъ выслать свои требованія ибо въ концѣ Декабря когда всѣ требованія поступаютъ вдругъ, большое количество адресовъ трудно съ разу приготовить.

При возобновленіи подписки просимъ поворно высылать печатные редакціонные адреса отъ бандеролей, въ которыхъ подписчики получаютъ „НИВУ“ въ нынѣшнемъ 1875 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ 4 р.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ 5 р.

III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ нижний магазинъ
И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарова 4 р. 50 к.
IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и
мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к.)

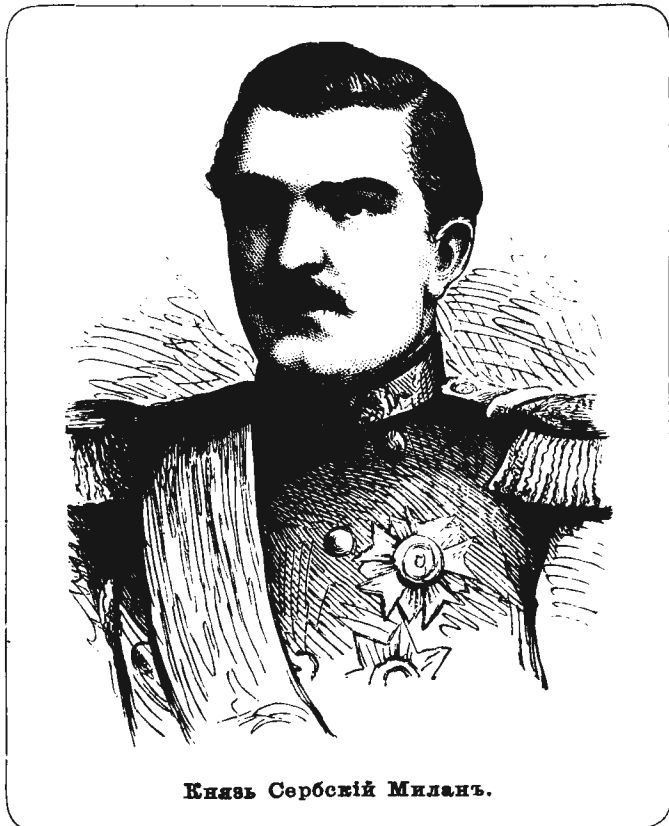
*) ПОЧТОВЫХЪ МАРОКЪ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ, а просимъ высылать этотъ полтинникъ серебромъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9.

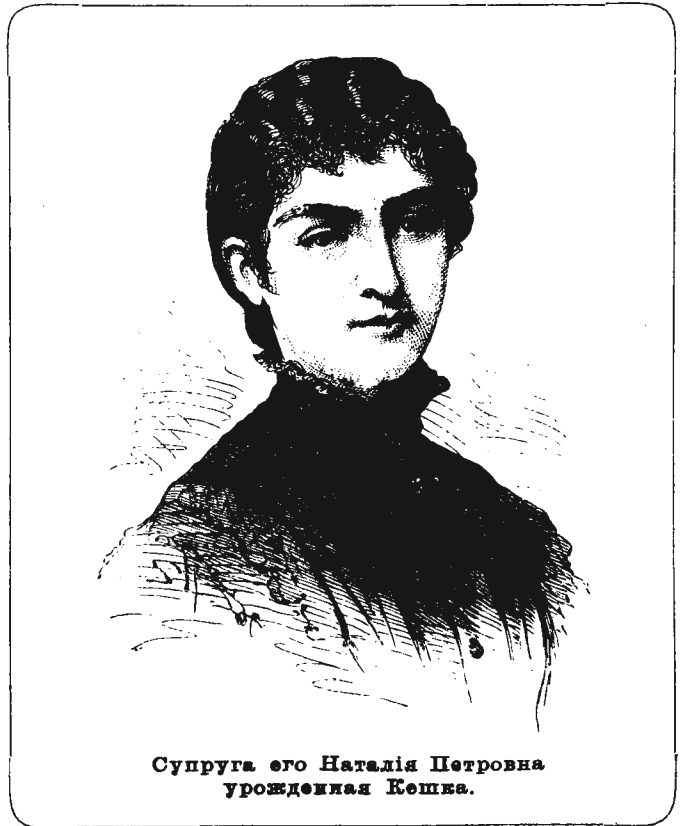
ПОДПИСКА принимается на 1876 годъ.

Издатель „НИВЫ“ А. Ф. МАРКСЪ.

Сербскій Князь Миланъ Обреновичъ VI, Сербская Княгиня Наталія Петровна.

Князь Сербскій Миланъ.

Супруга его Наталія Петровна
урожденная Кешка.

Сербскій Князь Миланъ Обреновичъ IV. Сербская Княгиня Наталиа Петровна.

Князь Миланъ родился въ Яссахъ, въ Молдавіи, 1854 года 10 августа). Отецъ его—Милошъ Ефремовъ, младшій братъ князя Михаила, основателя династіи Обреновичей, и мать—Марія, уроженка Катарджи (молдаванская фамилія). Послѣ смерти князя Михайла Обреновича III (1869) избранъ былъ сербскою скупщиною Миланъ Милошевъ княземъ сербскимъ, подъ именемъ Миланъ Обреновича IV. Онъ жилъ въ Парижѣ у воспитателя своего французскаго ученаго Нует, когда сербская депутация явилась къ нему съ предложеніемъ занять сербскій престолъ. Во время его несовершеннолѣтія (1869—1873) дѣлами княжества управляли три регента, Блазнавацъ, Ристичъ и Гавриловичъ и при его совершеннолѣтіи въ 1873 г. свою власть, полученную изъ рукъ скупщины, передали князю Милану. Князю потомъ пришлось испытать разныя непріятности и затрудненія. Теперешнее министерство князя Милана чуть ли уже не восьмое со времени вступленія его на престолъ. Причина неустойчивъ—несоотвѣтственные нуждамъ страны основныя законы княжества, наскоро составленныя регентами. Сербія страна какъ бы конституціонная, но регенты управляли ею деспотически. Второе и главное затрудненіе: ни одинъ изъ этихъ «кабинетовъ» не можетъ долго удержаться, если онъ не въ состояніи выполнить «завѣтъ князя Михаила», т. е. *освобожденіе всѣхъ сербовъ* изъ-подъ ига турокъ. Пока эта завѣтная мысль незабвеннаго князя Михаила не будетъ исполнена—сербскіе министры напрасно думаютъ удовлетворить желаніямъ сербскаго народа!

Со времени устраненія отъ дѣлъ Ристича, князь принимаетъ личное участіе въ дѣлахъ княжества, и благодаря его личнымъ усиліямъ, Сербія теперь въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми европейскими государствами. Большинство сербскаго народа стоитъ за династію Обреновичей, которой Сербія обязана своею внутреннею самостоятельностью. Именно теперь, когда князь вступилъ въ бракъ съ русскою православною Наталиею Петровою, дочерью русскаго полковника Кечко (женатаго на молдаванской княгинѣ Мурузи) можно надѣяться, что это обстоятельство также отчасти будетъ содѣйствовать утверженію династіи Обреновичей въ Сербіи. Князь Миланъ высокаго роста, крѣпкаго сложенія, съ блестящими глазами и черными коротко-стриженными волосами. Фигура его красива и воинственна. Онъ можетъ называться человѣкомъ многосторонне образованнымъ. Онъ имѣетъ твердую волю и многіе надѣются, что энергическимъ характеромъ онъ напомнитъ дѣда своего князя Милоша. Для Сербіи это было бы очень желательно.

Княгиня Наталиа Петровна—ей теперь всего 16 лѣтъ—принадлежитъ по происхожденію (по матери княгинѣ Мурузи) къ аристократіи молдаванской; ея семья въ родственныхъ связяхъ почти со всѣми важнѣйшими домами теперешней Румыніи. Воспитаніе и образованіе ея имѣетъ чисто православное и славянское направленіе, что даетъ надежду, что она будетъ истинною княгинею Сербскаго народа. Юная княгиня брюнетка, съ нѣжными чертами лица, блестящими черными глазами—замѣчательно красива.

Бракосочетаніе князя Милана произошло въ воскресенье 17 октября. Бѣлградскій соборъ былъ полонъ уже въ часъ пополудни. На первомъ планѣ подлѣ алтаря по обѣимъ сторонамъ стояло духовенство, за нимъ делегаты иностранныхъ державъ, дипломатическій корпусъ, румынская депутация и министры. При первомъ пушечномъ выстрѣлѣ возвѣстившемъ, что невѣста оставила дворецъ, митрополитъ вышелъ къ соборнымъ дверямъ со всѣмъ духовенствомъ. Невѣста явилась въ закрытомъ бѣломъ платьѣ со шлейфомъ, который несъ слуга. На головѣ ея былъ митровый вѣнокъ и маленькая жемчужная корона. Невѣста была очень серьезна и казалось недавно плакала. Князь Миланъ былъ въ генеральской формѣ съ лентой русскаго Бѣлаго Орла на груди и съ богато украшенной брилліантами саблей своего цокойнаго дяди Михаила. Князь передалъ саблю министру внутреннихъ дѣлъ. За княземъ слѣдовали Мурузи (дядя и опекунъ невѣсты), дамы семейства Катарджи, Чермаки и Мурузи. Церемонія длилась очень долго. Когда брачная чета обходила трижды аналой, слуга несшій шлейфъ невѣсты шелъ такъ неловко, что хорошенькая десятилѣтняя сестра княгини сама взялась за шлейфъ и обошла гордо аналой. Послѣ церемоніи, новобрачные въ сопровожденіи сановниковъ удалились въ боковыя двери. Парадная коляска запряжена была четверней красивыхъ коней; кучера въ парикахъ. Головы лошадей были украшены страусовыми перьями трехъ цвѣтовъ. Во второмъ и слѣдующихъ экипажахъ размѣстились сановники и родственники княгини. Впереди и сзади слѣдовалъ конвой лейб-гвардіи.

Около 4 часовъ гости собрались во дворецъ принести свои поздравленія. Дамы были представляемы старой княгиней Таманіей. Она съ нѣкоторою неловкостью брала дамъ за руку и называла по имени тѣхъ кого знала или чье имя могла произнести. 85-лѣтняя старушка Таманія говоритъ только по сербски и плохо помнитъ.

Принесеніемъ поздравленій праздника закончились.

Кто выигралъ?...

(Изъ современной уголовной хроники).

РОМАНЪ

Ф. Фридриха.

(Продолженіе).

Слѣдователь покачалъ головой.

— А знаете вы, что между любовью и ненавистью есть... существуетъ какая-то неуловимая связь?... Психологія и до сихъ поръ не могла еще разрѣшить этой задачи... Да!... Позвольте: фрейлейнъ Эльза любила барона! когда онъ былъ ея женихомъ; затѣмъ, когда она узнала, что все это не болѣе какъ шутка... игра, что онъ—слишкомъ гордъ, чтобы жениться на мѣщанинѣ—любовь эта превратилась въ ненависть... Что-жъ, можетъ быть, ненависть эта и была такой страшной, могучей потому, что сама любовь не совсѣмъ еще угасла въ сердцѣ дѣвушки?... И она чувствовала это, только не смѣла сама себѣ признаться въ этомъ... Ну-съ, а когда фрейлейнъ потомъ узнала, что бывшій женихъ ея бѣжалъ, что вы лишили его наслѣдства, что, наконецъ, всѣ покинули его—не шевельнулось-ли въ ней чувство состраданія къ нему, которое, въ свою очередь, пробудило задремавшую любовь, снова зажгло пламя въ ея сердцѣ?... И развѣ могъ онъ по прежнему возгордиться собой? Арестантъ... преступникъ... Тутъ ужъ гордиться и быть не можетъ! Отчего-же не предположить теперь, что дѣвушка убѣжала, возымѣвъ желаніе найти несчастнаго бѣглеца?...

— Нѣтъ, это невозможно! Такое предположеніе совершенно ошибочно! снова воскликнулъ фрейтерръ. Если-бы вы знали Эльзу, если-бы вы сами видѣли, какъ глубоко оскорблена она,—вы отбросили-бы такую мысль!

Питтъ, какъ кажется, остался при своемъ, ибо дѣвочки Маннштейна не разубѣдили его...

— Можетъ быть, вы и правы, но я знаю также, что любовь, повидимому совсѣмъ угасшая, вдругъ вспыхиваетъ... Этому бывали примѣры!.. И я смотрю на это чувство—на любовь—какъ на особенную, странную болѣзнь организма... Да вотъ какой былъ случай...

И слѣдователь разсказалъ, какъ одна дама принуждена была бросить своего мужа: онъ былъ пьяница, мотъ, невѣжа—словомъ сказать—предрянная личность. Она разлюбила его, не хотѣла и слышать о немъ, но впоследствии, когда узнала, что онъ лежитъ въ больницѣ, всѣми брошенный и серьезно болѣнъ—поѣхала къ нему и съ рѣдкой любовью ухаживала за нимъ... Я думаю, что она просто изъ состраданія рѣшилась, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, вернуться къ своему мужу, заключилъ Питтъ, но—нѣтъ! женщина эта сама сказала мнѣ, что любовь къ нему снова вспыхнула въ ея сердцѣ, потому что онъ былъ „слишкомъ несчастенъ“...

— Да, но фрейлейнъ Эльза не изъ такихъ, замѣтилъ Маннштейнъ... И вы ужъ лучше отбросьте-ка тѣ мысли, право!... Ну-съ, когда-же вы примѣтаете за рбыски?

— На дняхъ примусь за это дѣло. Отпускъ-то я уже имѣю... Я взялъ его съ цѣлью отдохнуть отъ служебныхъ занятій, погулять, попутешествовать, но теперь съ удовольствіемъ отдаю себя въ ваше распоряженіе:

т. е. жертвую своимъ отпускомъ. Скажите, г-жа Штейнъ навидела уже справки: не у родныхъ-ли ея находится бѣглянка?

— Да, но родные ей отвѣтили, что Эльзы у нихъ нѣтъ... Послушайте, г. Питтъ, я сегодня-же поручу моему банкиру доставить вамъ необходимую сумму, а если полученныхъ вами денегъ не хватитъ, то, повторяю, пишете мнѣ сейчасъ-же и—деньги будутъ высланы. Не обращайтесь вниманія ни на какія издержки: не забывайте бѣдной матери, которая до сихъ поръ не можетъ примириться съ мыслью о потерѣ дочери!...

Слѣдователь обѣщаль сдѣлать все, что только будетъ отъ него зависеть.

Фрейгерръ вернулся въ свою усадьбу. Онъ принялся за обычные занятія, а дѣла было много: свое имѣнье и имѣнье покойнаго Мальтэна лежали у него на плечахъ; работа кипѣла, старикъ хлопоталъ, распорядился, но уже чувствовалъ, что силы его не тѣ... Глаза утратили прежнюю зоркость, проницательность, и самъ „маленькій фрейгерръ“ сталъ какъ-то уставать... А тутъ еще ему нужно было утѣшать г-жу Штейнъ, отвѣчать на отчаянныя письма профессора, успокаивать Эмми Мальтэнъ... И все-таки его хватало на это!

Время шло своимъ чередомъ. Старикъ со дня на день ждалъ счастливой вѣсточки отъ слѣдователя, но тотъ какъ будто совсѣмъ пропалъ... Неужели онъ ничего еще не открылъ? А, можетъ быть, онъ уже попалъ на слѣдъ Эльзы, только молчитъ—хочетъ прежде найти, увидѣть ее и тогда ужъ сообщить о своей находкѣ?... Что-жъ, вѣдь Питтъ любитъ дѣлать сюрпризы...

Прошло двѣ недѣли и — вдругъ слѣдователь неожиданно явился къ фрейгерру. Маннштейнъ даже привскочилъ отъ удивленія! Онъ старался прочесть на лицѣ Питта что нибудь радостное, но увь, лицо это было серьезно...

— Нашли... отыскали вы Эльзу?! воскликнулъ, не вытерпѣвъ фрейгерръ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ слѣдователь.

— И на слѣдъ даже не попали?

— И на слѣдъ не попалъ... Я ничего не узналъ.

— Непостижимо! снова воскликнулъ старикъ, и уже съ отгѣнкомъ неудовольствія... Отвѣтъ Питти отнималъ у него послѣднюю надежду!—Не могла-же она, однако, пропасть *безслѣдно*! Наконецъ, ужъ одна красота ея всякому-бы въ глаза бросилась!...

Слова эти нечаянно слетѣли съ языка „маленькаго фрейгерра“, но они задѣли за живое слѣдователя...

— Позвольте, г. фрейгерръ, заговорилъ Питтъ, я могу васъ увѣрить, что этотъ розыскъ я дѣлалъ съ такимъ усердіемъ, какъ никогда... Я рѣдко такъ старался достигнуть цѣли! Въ эти двѣ недѣли я просто отдыху не зналъ... Мнѣ самому было неприятно—даже обидно, что толку не выходитъ, и я поэтому лѣзь изъ кожи... Однако, все было напрасно!

— Непонятно... непостижимо! твердилъ Маннштейнъ. А рѣдъ какъ я на васъ крѣпко надѣялся! Ну-съ, что-же намъ теперь дѣлать?...

— Не знаю... Но, можетъ быть, г-жа Штейнъ согласится опубликовать въ газетахъ? Тогда, конечно, вниманіе многихъ—

— Нѣтъ, она не рѣшится на это! перебилъ фрейгерръ... Да и я-бы не сталъ уговаривать ее прибѣгнуть къ таковой мѣрѣ... Ну, а скажите, вы все еще думаете, что дѣвушка убѣжала къ моему племяннику?...

— Я дѣлалъ розыски и въ этомъ направленіи, но и тутъ ничего не открылъ такого, чтобы подтвердило мое предположеніе.

— Ну, такъ значитъ она—умерла... Ея уже нѣтъ! Правъ, правъ профессоръ Вертеры! О, я не хотѣлъ прежде вѣрить, что она, въ отчаяніи, лишитъ себя жизни... Теперь — теперь и задумываться нечего: дѣло ясно! Все кончено...

Питтъ покачалъ головой и произнесъ:

— Ну, а я не такъ думаю. Правда, эта мысль и у меня была (особенно, когда я былъ не въ духѣ отъ неудачъ), но я ее долженъ былъ отбросить...

— Почему-же?

— Потому, что если-бы фрейлейнъ Эльза лишила себя жизни, то вѣдь трупъ ея уже давно-бы отыскался... Но и трупа нигдѣ не нашли, не смотря на самые тщательные поиски. Я скорѣе готовъ думать, что она просто скрывается подъ чужимъ именемъ... Вотъ, оттого-то и трудно найти ее!

— Однако, что-же мнѣ-то дѣлать, чтобы отыскать Эльзу? проговорилъ старикъ.

— Не знаю... Но я надѣюсь, что, рано или поздно, она сама вернется къ матери или увѣдомитъ о себѣ.

— Отлично! Вернется тогда, когда ужъ мать ея будетъ лежать въ землѣ! Она непременно умретъ отъ тоски и печали... Нѣтъ, я положительно не понимаю: что-же это, наконецъ, такое? Загадка! Если она жива, то неужели могла она такъ быстро измѣниться, изъ нѣжно-любящей дочери превратиться въ безсердечное, безчувственное существо?... Эльза горячо, нѣжно любила свою мать и—вдругъ ей теперь и дѣла нѣтъ до нея, ей все равно!... Потомъ, я хотѣлъ сдѣлать ее наследницей всего моего имущества—она отринула это... Ну, можетъ быть, сгорячѣ... Такъ думалъ я... Не хочу молъ ничего отъ его руки! А послѣ-то, поуспокоившись, неужели она не поняла, что оттолкнула свое-же собственное счастье?...

— Надѣюсь, что фрейлейнъ пойметъ это и.. и благополучно вернется, замѣтилъ Питтъ успокоительнымъ тономъ.—Знаете, г. фрейгерръ, иногда намъ кажется, что мрачныя тучи, покрывшія все небо, такъ и не разойдутся, и вдругъ—золотой лучъ солнца сверкнетъ... клочекъ голубыхъ небесъ покажется... и снова станетъ свѣтло на душѣ!.. Такъ вѣдь и въ жизни человѣка: то ненастье, бури, то—ясные, тихіе дни...

Тутъ слѣдователь откланялся и удалился.

Фрейгерра вовсе не утѣшили утѣшительныя рѣчи Питта... Прошло еще нѣсколько недѣль, а объ Эльзѣ все ни слуху, ни духу... Вотъ, и зима наступила. „Маленькій фрейгерръ“ почувствовалъ себя еще болѣе одинокимъ... Сѣренькіе, коротенькіе дни... Тишина—и онъ одинъ, совершенно одинъ въ своемъ большомъ домѣ... Да, не сбылись его розовыя надежды!...

А Платэнъ неумоимо разыскивалъ бѣглянку, переѣзжая изъ города въ городъ. Препятствія, неудачи только пуще разжигали его любовь къ Эльзѣ... Бывали минуты, что онъ опускалъ руки и терялъ всякую надежду на успѣхъ, но энергія снова возвращалась къ нему и онъ опять пускался въ путь... Вѣдь если ему удастся найти Эльзу и приобрести ея любовь — тогда... О, тогда какъ щедро будетъ онъ вознагражденъ за всѣ труды! Сначала, сгорячѣ, Платэнъ не обращалъ вниманія на то, что силы его недостаточно окрѣпли, но потомъ, отъ постоянныхъ неудачъ, возбужденное состояніе стало проходить и онъ почувствовалъ себя крайне утомленнымъ отъ чрезмѣрной напряженности силъ... Попавъ въ какой-то незначительный городокъ, онъ, совсѣмъ почти изнуренный, принужденъ былъ остаться тутъ на нѣсколько дней, чтобы отдохнуть... Искать ее въ такомъ городишкѣ онъ и не думалъ: въ самомъ дѣлѣ, что могло-бы привлечь сюда Эльзу?

Платэнъ, однако, плохо поправлялся, такъ что не могъ покинуть городка такъ скоро, какъ думалъ, а между тѣмъ его сильно подмывало впередъ... Онъ злился, но дѣлать было нечего. Выходя только по вечерамъ въ общую столовую гостиницы, въ которой ему пришлось остановиться, молодой человѣкъ садился за отдѣльный столикъ и, чтобы хоть сколько нибудь разсѣяться, отогнать на время однѣ и тѣже мысли, слушалъ болтовню

обычных посетителей отеля, возсѣдавших за общимъ столомъ.

Первымъ ораторомъ былъ тутъ маленькій, толстенькій, но юркій, вертлявый человекъ, обладавшій хитрыми, лукавыми глазками. По лицу его было видно, что онъ, разводя „турусы на колесахъ“, просто потѣшался надъ простоватыми своими слушателями. Фамилія его была—Вуллэнъ, а самъ онъ былъ—директоромъ небольшой странствующей драматической труппы, которая и разыгрывала въ этомъ городѣ два раза въ недѣлю различные пьесы. Въ тѣ дни, когда „представленія“ не было, г. директоръ обыкновенно просиживалъ вечера въ гостинницѣ и тутъ-то, забавляя себя и слушателей, гордилъ всякую чепуху, причѣмъ то и дѣло поправлялъ свой парикъ, который почему-то никакъ не хотѣлъ сидѣть на лысой его головѣ. Физиономія Вуллена не представляла ничего привлекательнаго; жизнь, какъ видно, порядкомъ таки помяла его, что доказывало сильно—морщинистое изношенное лицо старика словомъ, герръ директоръ *видалъ виды* на своемъ вѣку. И что за удивительныя приключенія бывали съ нимъ! Невѣроятныя, чудовищныя исторіи рассказывалъ онъ, и его слушали довѣрчиво, только иногда мѣстный аптекаръ, хотя и робкій человекъ, рѣшался сдѣлать замѣчаніе, выразить сомнѣніе... Герръ Вуллэнъ въ такомъ случаѣ всегда умѣлъ осадить аптекаря, который и смолкалъ.—Охотнѣе всего директоръ говорилъ о дѣлахъ давно минувшихъ дней, о своей блестящей дѣятельности на театральномъ поприщѣ... Ахъ, какіе были у него талантливые актеры! Какія громадныя суммы платилъ онъ имъ—страхъ! И гдѣ, гдѣ только не игралъ онъ съ своей труппой... Публика просто ломилась въ его театр!... Самъ Австрійскій Императоръ пожималъ ему руку, а султанъ пригласилъ его давать представленія въ Константинополь, куда онъ, разумеется, и отправился... „Пробылъ я тамъ годъ, рассказывалъ Вуллэнъ, остался-бы и дальше, но труппа моя одичала... Надо было уѣзжать! Султанъ и слышать не хотѣлъ: онъ всѣхъ посултански одарилъ, а я былъ буквально осыпанъ золотомъ, брилліантами... Ну, и былъ-же я тогда богатъ! Экипажъ имѣлъ такой, какого не было ни у кого, да и не будетъ!.. И что-же?.. Когда я проѣзжалъ черезъ Венгрію—шайка разбойниковъ напала на меня и дочиста ограбила... Вотъ, только эту булавку съ драгоценнымъ камнемъ мнѣ и удалось спасти! Камню этому и цѣны нѣтъ... Да что! За булавку эту я куплю весь вашъ городъ! (Слушателямъ это было обидно...) Но я ее ни за что не продамъ, ибо это память чудныхъ, славныхъ дней!... Аптекарь хотѣлъ было сказать: „Да развѣ за простое стеклышко въ булавкѣ-то этой можно купить цѣлый городъ?“ но ничего не сказалъ, потому что г. директоръ опять затрещалъ... Да! въ то время онъ самъ игралъ на сценѣ—и какъ игралъ!.. „Султанъ до того былъ пораженъ моею игрою, что сказалъ: „Допускать его ко мнѣ во всякое время дня и ночи!“... Ну, и я съ нимъ обращался за панибрата... Если-бы я остался въ Константинополь, то навѣрно былъ-бы великимъ визиремъ, правой рукой его султанскаго величества!..

— Отчего-же у васъ теперь труппа такъ плоха? замѣтилъ кто-то.

— Отчего? Да оттого, что вообще нынче искусство падаетъ, а я развѣ могу создавать талантливыхъ актеровъ?... Вонъ, я даю представленія два раза въ недѣлю, и каждый разъ сколько пустыхъ мѣстъ?... Въ публикѣ нѣтъ интереса... Падаетъ искусство!.. Позвольте-съ! Двѣ недѣли тому назадъ ангажировалъ я новенькую актрису — Габріэль Бальманъ, ну, и возлагалъ на нее большія надежды, потому что она и красива, и высока, и стройна... И что-же? Развѣ она нравится публикѣ?... Она уже два раза выходила передъ вами и—не имѣла успѣха... Что-жъ мнѣ прикажите дѣлать?..

— Ну, Эта Габріэль Бальманъ изъ начинающихъ...

Она еще къ сценѣ не привыкла, не умѣетъ играть, замѣтилъ аптекаръ.

— Да никогда и не выучится! объявилъ Вуллэнъ. Ужъ я бился-бился, чтобы заставить ее разучивать роли—и нѣтъ! Дѣвица она — ничего, образована, имѣетъ познанія въ наукахъ, но ужъ для сцены положительно не годна: таланта ни капельки! Вотъ, завтра вечеромъ, она выйдетъ въ третій разъ, и, если опять не будетъ имѣть успѣха — ну, я ужъ тогда немедленно откажу ей... Впрочемъ, я ей уже это объявилъ... Что-жъ, не разоряться-же мнѣ въ самомъ дѣлѣ! Я и такъ довольно просядилъ денегъ на подобныя попытки...

— Ну, вы откажете ей... Что-же ей, бѣдняжкѣ, дѣлать тогда? спросилъ аптекаръ.

— А ужъ это не мое дѣло-съ. Не зачѣмъ, значитъ, соваться на сцену, когда таланта нѣтъ! Сцена вѣдь не заведеніе, не прибіжище для неспособныхъ... Такъ-то! Нѣтъ, я ужъ и такъ много пожертвовалъ ради чистаго искусства... Если-бы я не приносилъ жертвъ, то жилъ-бы теперь себѣ бариномъ гдѣ мнѣ угодно, не сидѣлъ-бы тутъ... Я бросалъ сотни тысячъ талеровъ, но поддерживать искусство меня было не въ моихъ силахъ, а потому къ отдѣльнымъ личностямъ и не чувствую состраданія: пусть онѣ пропадаютъ, если нѣтъ у нихъ таланта!

Молча слушалъ Платэнъ эти рѣчи бывшаго друга его величества султана... Жаль ему стало этой бѣдной Бальманъ! Онъ хорошо зналъ плачевное состояніе провинціальныхъ театриковъ... Въ самомъ дѣлѣ, завтра дѣвушка эта выйдетъ въ третій разъ... Вся судьба ея, можетъ быть, зависить отъ завтрашняго вечера!.. Но можно-ли полагаться на слова такого критика, какъ г. директоръ Вуллэнъ? Могъ-ли онъ еще оцѣнить способности Габріэль Бальманъ?.. Да, наконецъ, въ состояни-ли будетъ бѣдняжка играть свободно, спокойно, когда ей ужъ извѣстно, что ее ожидаетъ, если она не понравится?... Нѣтъ, и какіе-же могутъ быть тутъ цѣнители!.. А вдругъ у нея большой талантъ, но ее здѣсь просто не понимаютъ?..

Такъ раздумывалъ молодой человекъ и къ концу концовъ порѣшилъ отправиться завтра вечеромъ въ театрикъ, хотя и не долюбливалъ провинціальныхъ „представленій“, потому что извѣстнѣйшія пьесы являются на этихъ сценкахъ въ такомъ извращенномъ видѣ, что просто оскорбляютъ эстетическое чувство.

Погода на другой день была прескверная, а къ вечеру стала еще хуже: дождь въ перемѣнку съ хлопьями снѣга такъ и хлесталъ въ окна, вѣтеръ завивалъ—словомъ—погода какъ-бы приглашала лучше не совать носа на улицу, и Платэнъ уже думалъ остаться въ своей теплой комнатѣ, но тутъ явился къ нему хозяинъ гостинницы и сообщилъ, что одна актриса просто лѣзетъ изъ кожи, чтобы помѣшпуть ангажементу Габріэль Бальманъ... „Она, изволите видѣть, боится, какъ-бы эта Бальманъ не вытѣснила ее изъ труппы, ну, и раздала даромъ нѣсколько билетовъ съ условіемъ: ошибатъ, освистать молодую дѣвушку, и безъ того-то робкую, при первомъ ея появленіи... Это я узналъ отъ одного актера, который бываетъ у меня“...

— Ну-ужъ и интриганы-же эти актеры! прибавилъ хозяинъ. Нигдѣ, кажется, такъ не враждуютъ, какъ за вулисами... Актриса-то та такимъ манеромъ уже много спровадила молодыхъ дѣвушекъ, особенно — хорошенькихъ, потому что сама хочетъ выполнять роли героинь, ну, а не молодѣ ужъ, да и не хороша... Директоръ-то самъ у нея въ рукахъ—вотъ въ чемъ сила!..

Платэнъ завернулся въ плащъ и отправился въ театръ, съ афишкой, которую предложилъ ему хозяинъ гостинницы. На афишкѣ вверху стояло: „Коварство и любовь“, а ниже было объявлено (красными буквами), что „роль Луизы исполнитъ фрейлейнъ Габріэль Бальманъ, актриса—гость“.

Болѣзненно сжалось сердце молодого человека, ког-

Герцеговинское восстание во время боя. Рисов. Ж. Хутгари, грав. И Жаси.

да онъ вошелъ въ партеръ театрика, на сценѣ котораго должна была разыгрываться драма Шиллера!... Какъ тѣсно, какъ все бѣдно и жалко!... Всѣхъ зрителей едва-ли было пятьдесятъ человѣкъ... Лампы чадили, воняло масломъ... Гдѣ-же тутъ развернуться таланту?... Въдѣ такая обстановка (со включеніемъ публики) скорѣе можетъ подѣйствовать подавляющимъ образомъ, она не вдохновитъ, а обезкуражитъ...

Платэнъ заплатилъ за мѣсто въ первомъ ряду, однако не сѣлъ тамъ, оставшись стоять позади. Передъ нимъ сидѣло нѣсколько молодыхъ людей — вѣрнѣе — мальчишекъ, которые вели такого рода бесѣду:

— Какъ только *она* выйдетъ—я сейчасъ шикну, говорилъ одинъ.

— Ну, и сейчасъ! возразилъ другой. Нѣтъ, я вотъ прежде пьесу посмотрю, а какъ кончится — и засвищу.

— Нѣтъ, господа, мы должны опикать *ее*, какъ только *она* покажется, объявилъ третій юноша.—*Она* *вовсе* не должна играть—понимаете? Другая выйдетъ, чтобы исполнить *ея* роль...

Къ концу концовъ, юноши согласились опикать и освистать актрису при первомъ-же появленіи ея на сценѣ.

— Хозяинъ правъ, подумалъ Платэнъ, и ему стало такъ досадно, что онъ уже хотѣлъ приказать вытолкать этихъ шелобаевъ, но, во первыхъ, онъ не имѣлъ на это никакого права, а, во-вторыхъ, они не называли актрису по фамилии. Приходилось выждать, посмотрѣть, что будетъ дальше и, если юнцы дѣйствительно начнутъ шикать, то тогда ужъ и принять надлежащія мѣры, чтобы помѣшать имъ.

Прозвенѣлъ колокольчикъ; жалкая тряпка—занавѣсъ поднялась и—началось представленіе. Платэнъ не вытерпѣлъ и отвернулся... Боже мой, какъ коверкали Шиллера! Миллеръ такимъ бѣшенымъ звѣремъ прыгнулъ на сцену, что, казалось, хотѣлъ загрызть свою жену... Молодой человѣкъ ничего не слышалъ и не видѣлъ, что такое творилось на сценѣ; онъ даже не замѣтилъ появленія Вурма, мысли его были тамъ... за кулисами... Въ самомъ дѣлѣ, какія чувства волновали теперь молодую дебютантку?... Съ какимъ страхомъ ждетъ она тамъ минуты выхода... Какъ должно быть сильно бьется ея сердце!... Пожалуй, бѣдная женщина и не подозреваетъ, какую скверную штуку сочинили для нея?... Хватить-ли у ней мужества устоять, когда начнутся свистки?... Да тутъ и бывалый актеръ опѣшится... И кромѣ того, она вѣдѣ знаетъ, что этотъ дебютъ — *постыдней*... Если-бы можно было предупредить *ее* — Платэнъ дорого заплатилъ-бы за это!

Рѣшившись, въ случаѣ чего, самымъ энергическимъ образомъ заставить замолчать юношей, онъ какъ-то невольно очутился около нихъ. Молодой человѣкъ ничего не слышалъ и не видѣлъ, потому что все еще думалъ о бѣдной Бальманъ... тамъ, за этими жалкими декорациями, и—вдругъ — вздрогнулъ отъ громкаго шиканья... Устремивъ взглядъ на сцену, онъ широко открылъ глаза—еще мгновеніе и и — Платэнъ, пораженный, изумленный, отскочилъ шага на два отъ шикальщиковъ...

Что это... игра-ли воображенія?... Обманъ зрѣнія!... По сценѣ, медленнымъ шагомъ, съ книгою въ рукѣ, шла Луиза—Эльза! Да, это была она! Та, которую онъ такъ долго и тщетно искалъ—передъ нимъ!...

Платэнъ чуть не вскрикнулъ...

А юноши шикали все громче и громче. Нѣкоторые изъ зрителей пробовали было унять ихъ, но это ни къ чему не поведло. Бѣдный поручикъ ничего не слышалъ: онъ не могъ еще придти въ себя, не могъ оторвать глазъ отъ Эльзы... Онъ видѣлъ стройную ея фигуру, блѣдное лицо... печальное, испуганное; онъ замѣтилъ, какъ при первыхъ свисткахъ она вздрогнула, потомъ подпяла голову и устремила темные свои глаза на тѣхъ,

кто дерзнулъ оказать ей такой приемъ... Затѣмъ, какъ видно, оскорбленная гордость заговорила въ ней, она оправилась, подошла къ Миллеру и протянула ему руку... Губы ея зашевелились, но ни одного звука не произнесла она, за то голосъ суфлера былъ ясно слышенъ. Миллеръ заговорилъ... Луиза молчала и стояла неподвижно. Суфлеръ изъ всѣхъ силъ старался „подавать“, но все было напрасно: кавалось, память измѣнила Эльзѣ и она ничего не слышала... Скверная, мучительная минута!... Юноши снова зашикали... Грудь дѣвушки высоко подымалась... Вдругъ она пошатнулась и, закрывъ лицо руками, бросилась за кулисы.

Шикальщики возликовали: они достигли желанной цѣли, но публика отнеслась къ нимъ съ явнымъ негодованіемъ, до котораго, однако, этимъ горластымъ юношамъ не было никакого дѣла.

Платэнъ до того растерялся, что совершенно забылъ о намѣреніи своемъ проучить мальчишекъ и, долго не думая, выбѣжалъ изъ залы.

Ему хотѣлось проникнуть за кулисы, чтобы непрѣмжно переговорить съ Эльзой, успокоить *ее*, утѣшить, сообщить, что противъ нея воли прескверную интригу, однимъ словомъ—Платэнъ возымѣлъ намѣреніе защитить дѣвушку во чтобы то ни стало.

Очутившись въ корридорѣ, или лучше сказать — въ сѣняхъ, онъ обратился къ первому встрѣчному съ вопросомъ: гдѣ директоръ? Чтобы пройти за кулисы, добраться до Эльзы, ему нужно было прежде всего повидать г. Вуллена. Публика въ залѣ все еще шумѣла, такъ какъ представленіе было прервано; шумъ и гамъ долетали оттуда... Вдругъ Платэнъ услышалъ громкій голосъ директора: онъ кричалъ что-то, угрожалъ кому-то, но гдѣ именно гремѣлъ г. Вулленъ, за какою дверью—неизвѣстно, къ тому-же въ сѣняхъ царилъ какой-то полумракъ, ибо освѣщены онѣ были плохо.

— Да гдѣ-жъ директоръ? Какъ пройти тутъ? Куда? Укажите, пожалуйста!

Платэнъ останавливалъ пробѣгавшихъ, но они, въ общемъ смятеніи, не обращали на него вниманія, бѣжали дальше, не давая никакого отвѣта. Молодой человѣкъ рѣшился наконецъ толкнуться въ ближайшую дверь и уже подошелъ къ ней, но тутъ вдругъ мимо него промелькнула высокая женская фигура, вся закутанная въ большой платокъ, и онъ увидѣлъ какъ быстро она выбѣжала на улицу... Въ головѣ его блеснула мысль: ужъ не сама-ли это Эльза? Платэнъ выскочилъ изъ сѣней и погнался за незнакомкой. Онъ видѣлъ, какъ она повернула въ темный переулокъ, а переулокъ этотъ велъ за городъ... Куда-жъ это *она* побѣжала?... Вѣтеръ, хлопая снѣга пополамъ съ дождемъ такъ и били ему въ лицо, но онъ летѣлъ слѣдомъ за ней, не потерявъ *ее* изъ виду и порѣшилъ нагнать *Эльзу* во чтобы то ни стало: онъ былъ увѣренъ, что это—она!... Порывъ вѣтра донесъ до него глухой шумъ работавшей гдѣ-то вблизи водной мельницы—или ему это такъ—почудилось только?... Но вотъ опять зашумѣла вода... Платэнъ вспомнилъ, что дѣйствительно переулокъ этотъ велъ къ рѣкѣ... Но—неужели бѣглянка спѣшила *туда*?!... Онъ дробнулъ, мурашки забѣгали у него на спинѣ, но въ слѣдующее мгновеніе его кинуло въ жаръ и онъ понесся еще быстрѣе, собралъ всѣ силы, чтобы догнать летящую впереди темную фигуру... Онъ теперь уже явственно слышалъ шумъ работавшей мельницы—вонъ и полоса съ свинцовымъ отблескомъ... Вода!.. До обрыва оставалось еще нѣсколько шаговъ...

Платэнъ крѣпко схватилъ незнакомку за руку. Отъ неожиданнаго толчка въ противоположную сторону—несчастная, уже изнеможенная, упала, но, и падая, старалась освободить руку.

— Пустите! Пустите меня!... кричала она: сжальтесь надо мною... Я не хочу... не хочу больше жить... Не держите! Онъ по голосу узналъ Эльзу.

— Эльза!!.. фрейлейн Штейн! воскликнул Платэнъ и быстро нагнулся, чтобы поднять дѣвушку, которая была уже близка къ обмороку.

Эльза вздрогнула, услышавъ свое имя, и въ испугѣ подняла голову... Съ секунду она пристально глядѣла на Платэна... Она узнала его...

— Великій Боже!

И съ этимъ крикомъ, вырвавшимся изъ молодой груди, голова дѣвушки снова опустилась на землю. Платэнъ всталъ на колѣни, склонился надъ ней, старался успокоить ее, но Эльза, казалось, и не слушала его...

— Дайте мнѣ умереть, наконецъ произнесла она просыпающимся тономъ... Одна смерть—только смерть можетъ меня успокоить!..

Но молодой человекъ не переставалъ утѣшать ее, уговаривать, просилъ, умолялъ ободриться и — Эльза заплакала... Плачь этотъ скоро перешелъ въ громкія рыданія; слезы облегчили ее, и дѣвушка стала какъ-то мягче, послушнѣе.

Погода не на шутку разбушевалась, вѣтеръ сталъ неистовѣе, да и дождь зачастилъ. Платэнъ не зналъ что дѣлать... Онъ просилъ дѣвушку встать, пойти съ нимъ, но она лежала и плакала...

— Нѣтъ, нѣтъ, стонала Эльза, я не смѣю показаться въ городъ... Не пойду туда! Знаете-ли, что было со мной сегодня вечеромъ?... Я дебютировала; я выходила на сцену и—и была встрѣчена свистками и шиканьемъ, какъ будто на мнѣ было позорное клеймо... А! и здѣсь видно воображаютъ тоже, что со мной можно *играть*?.. Нѣтъ, довольно!.. Послушайте, вѣдь я серьезно хотѣла жить самостоятельною жизнью, я думала—

— Пойдите, пойдите! перебилъ Платэнъ. Выслушайте меня прежде... Противъ васъ *играла* одна только особа—именно—актриса. Она интриговала, она хотѣла, чтобы ангажементъ вашъ не состоялся, и вотъ, кучка шелопаевъ, подкупленныхъ молодцовъ—шикали вамъ... Все это я знаю и самъ все слышалъ.

— Какъ—вы были въ театрѣ? воскликнула Эльза.

— Да, и, какъ видите, бросился за вами... Но, послушайте-же меня—идемте! Здѣсь невозможно оставаться... Вы такъ легко одѣты, а погода такая ужасная.. Ну, я обещаю вамъ, что васъ никто не увидитъ, никто!..

И онъ попробовалъ поднять ее, но усилія его были тщетны...

— Фрейлейн Штейн, развѣ вы и мнѣ тоже не доврѣяете?..

— Я... вѣрю вамъ, проговорила Эльза и оперлась на руку, чтобы приподняться, но силы ей измѣнили; она такъ была слаба, что безъ всякаго сопротивленія позволила Платэну обхватить себя и поднять.

— Дайте вашу руку, сюда... Вотъ такъ! Держитесь... Молодой человекъ повелъ ее. Пройдя нѣскольکو шаговъ, дѣвушка вдругъ остановилась въ нерѣшимости...

— Но куда-жъ вы меня ведете?..

— Въ ту гостиницу, гдѣ я остановился, отвѣтилъ Платэнъ.

— Ахъ, нѣтъ-же... нѣтъ! Не могу я идти туда... Эти слова она произнесла быстро, торопливо.

— Почему-же не можете?..

Отвѣта не послѣдовало.

— Почему-же? повторилъ Платэнъ и прибавилъ: доврѣйтесь мнѣ вполне; доврѣйтесь мнѣ вы *можете*...

— Но... у меня рѣшительно нѣтъ никакихъ средствъ, я ничего, ничего не имѣю, заговорила Эльза... Я думала—вотъ поступлю на сцену... Я-бы довольна была, если-бы мнѣ хватало на хлѣбъ... Это была послѣдняя моя надежда—и тѣ рухнула?... Зачѣмъ вы помѣшали мнѣ *тамъ*?.. Теперь уже все было-бы кончено...

— Позвольте, а несчастная ваша мать?.. Развѣ вы не подумали о ней... Она въ страшномъ горѣ, она тоскуетъ о васъ, почти умираетъ...

Она почувствовала, какъ рука дѣвушки дрогнула...

— Подумали!.. Я давно уже ни о чемъ не думала... Да, кажется, я и думать не могу!.. Тутъ вотъ (она указала на лобъ) такъ невыразимо тяжело... Что-то гнететъ меня, давитъ грудь... Я хотѣла плакать и—не могла; летѣли дни, недѣли... ни одной слезы!.. Вотъ, сегодня только—въ первый разъ—я поплакала... Голосъ ея оборвался.

— Идемте-же, идемте! серьезно произнесъ Платэнъ. Вы положительно больны... Да, да! Скорѣе-же!

— Но согласится-ли хозяинъ гостиницы впустить меня?.. Здѣсь уже не одну дверь запирали передо мной, хотя просьбы мои были самыя искреннія...

— Ахъ, оставьте все это! Идите со мной, прощу васъ!.. Говорю вамъ: доврѣйтесь-же мнѣ! Я беру васъ подъ свое покровительство. Положитесь на мою честь и отбросьте всѣ заботы... Отдаю вамъ въ полное распоряженіе все, что имѣю. И такъ, больше—ни слова!

Эльза повиновалась, да у нея уже и не было силы противиться...

По распоряженію Платэна, Эльзѣ была отведена отдѣльная комната. Отозвавъ хозяина гостиницы въ сторону, онъ объявилъ ему, что *та дама* больна, и просилъ, чтобы за ней ухаживали какъ можно лучше. „Труды будутъ щедро вознаграждены“, прибавилъ Платэнъ:—„пусть-же жена ваша постарается исполнить все, какъ слѣдуетъ. Но прошу—никому не говорить объ этомъ, а главное—никого, ни души, не допускайте къ ней. Слышите? Въ случаѣ, если-бы о ней сталъ спрашивать директоръ театра, или кто либо другой—отсылайте всѣхъ ко мнѣ. Да, вотъ что еще: я *требую*, чтобы съ этой дамой обращались какъ можно уважительнѣе, осторожнѣе... Вы, конечно, многого теперь не понимаете изъ всего этого, но на дняхъ я вамъ объясню что нужно... Надѣюсь, вы не пожалѣете о томъ, что исполнили мое желаніе.

Хозяинъ обѣщался строго выполнить данную ему инструкцію.

(Продолженіе будетъ).

ГЕРЦЕГОВИНСКОЕ ВОЗСТАНИЕ.

(Во время боя).

Газеты наши ежедневно сообщаютъ о новыхъ ужасахъ и варварствахъ турецкихъ полчищъ на Балканскомъ полуостровѣ. Положеніе возставшихъ представляется дѣйствительно весьма печальнымъ. Несчастные принуждены, въ самое суровое время года, скитаться по горамъ, терпѣть нужду, переносить всяческія лишения и мало того—быть постоянно готовыми къ схваткѣ съ турецкими отрядами. Но какъ ни плохо имъ, они все-таки покориться не хотятъ... Борьба—такъ ужъ борьба до

конца! Да и сами усмирители—турки—охотно укрѣпляютъ инсургентовъ въ необходимости продолжать борьбу: своими безчинствами, поджогами, гнусными убійствами женщинъ и дѣтей даже вамъ, гдѣ христіане еще не примкнули въ возстанію—эти полчища «правовѣрныхъ» раздражили герцеговинцевъ до того, что о примиреніи между враждующими сторонами нечего и думать. Турецкіе христіане въ мирное время были въ огнѣ, а теперь попали въ полымя... Стоитъ-ли возвращаться въ огонь?

Не все-ли равно: изъ огня да въ полымя или—обратно?.. Тѣ, которые принуждены были искать спасенія въ бѣгствѣ и перелѣзали австрійскую границу, рассказывали, что они и не думали принимать участія въ возстаніи,—и вдругъ, среди мирныхъ занятій, на нихъ обрушивается гроза: въ селенѣ ворвались башни-бузукы, засвистали въ воздухѣ ятаганы и началась бойня, да какая! Имъ мало убить гура (невѣрнаго), они живо разрубаютъ его на куски! Конечно, не многимъ удалось спастись и пробраться черезъ горы. Одному изъ корреспондентовъ католическій священникъ въ пограничномъ австрійскомъ мѣстечкѣ говорилъ: «Здѣсь всего-то около сотни домиковъ, а бѣглецовъ явилось двѣ тысячи слишкомъ... Ну, какъ всѣхъ раздѣлить? Какъ не укрыть женщинъ съ малыши, грудными ребятами?.. Сердце разрывается, глядя на этихъ несчастныхъ, озлобленныхъ, голодныхъ, лишенныхъ всего... Конечно, дѣлаешь все, что можешь».

Обратимся теперь къ картинкѣ I. Гуттара, помѣщенной въ настоящемъ № нашего журнала. Она не нуждается въ пространномъ описаніи. Довольно взглянуть на эту группу женщинъ и дѣтей, да на лѣвый уголокъ картины, чтобы понять, что заставило ихъ взобраться на горныя вершины. Тамъ, внизу—турки, тамъ совершается нѣчто ужасное... Посмотрите на край-

нюю женскую фигуру, съ лѣвой стороны, всмотритесь въ выраженіе лица молодой женщины, прижавшейся къ старухѣ (можетъ быть матери своей)—не олицетвореніе ли это ужаса, испуга, изступленія и безсильной угрозы?.. А та, что кормитъ младенца грудью? Она сидитъ въ нѣмомъ отчаяніи, она какъ бы замерла, и только по временамъ страшная жгучая боль судорожно искривляетъ ея лицо... Онѣ—раззорены, лишены пристанища, куска хлѣба; все потеряно, все погибло. Имъ хорошо извѣстно, что турки *съ племъ не берутъ*, плѣнныхъ у нихъ не *бываетъ*, потому что они уносятъ съ собой только одни головы «невѣрныхъ», дерзнувшихъ обнажить оружіе... Сколько вдовъ, сколько сиротъ!.. Подъ влияніемъ этой высоко-драматической сцены, представьте себя на этой горной площадкѣ... до слуха долетаютъ дикіе крики, вопли проклятій, стоны и трескотня ружейныхъ выстрѣловъ... Тутъ слышны рыданія матери и тихій плачъ младенца, и тяжело, больно станеть у васъ на душѣ!.. Въ заключеніе, просимъ обратить вниманіе еще на одну характеристичную фигуру—на единственнаго «защитника» этихъ измученныхъ, испуганныхъ женщинъ, юнаго храбреца съ пистолетомъ въ сжатомъ кулачкѣ. Пистолеть у него навѣрно заряженъ, и вы можете быть увѣрены, что маленький славянинъ (если бы его только пустили внизъ) не струситъ передъ звѣроподобнымъ башни-бузукомъ!..

Г Р Ё З Ы.

Блѣдное зимнее утро, лѣниво борясь съ ночнымъ туманомъ, глядитъ въ окно. По угламъ комнаты еще лежатъ глубокія тѣни. Уже замеръ слабый шорохъ, неопредѣленные звуки ночи, и невозмутимая тишина царитъ кругомъ. Молоденькая дѣвушка поднялась съ постели — ей не спится; но обрывки сновъ еще носятся надъ нею, переходя къ дѣйствительной жизни изъ міра фантазіи совершается медленно и не хочется торопить его. Она плотно запахнулась въ мягкую ткань длиннаго утренняго платья, прислонилась къ высокой спинкѣ стариннаго кресла, опустила голову и сидитъ не шевелясь, чуть прислушиваясь къ чему-то странному, къ какому-то сну наяву, который на нее наплываетъ и все вокругъ нея окутываетъ волшебнымъ туманомъ. Ея густые волосы въ беспорядкѣ и спускаются на лобъ темной прядью, рѣзко отгѣняющей нѣжную бѣлизну кожи. Большіе глаза смотрятъ не мигая далеко за предѣлы комнаты, въ широкую фантастическую безпредѣльность.

Эта дѣвушка еще такъ недавно была совѣтъ ребенкомъ. Она и теперь не знаетъ жизни, она еще не испытала настоящаго горя и настоящаго счастья. Ея горе, ея счастье неопредѣленны, приходятъ внезапно, по причинамъ, неупоминимымъ для посторонняго глаза, быстро чередуются, вызываютъ горькія слезы, разрѣшающіяся беззавѣтнымъ смѣхомъ и исчезаютъ безслѣдно, какъ будто ихъ никогда и не бывало. Всгдѣ за ними появляется какая-то лѣнивая скука, трепетное желаніе чего-то, а чего?—она и сама сказать себѣ не можетъ. Потомъ начинается мерещиться, вотъ какъ и здѣсь, совѣтъ другая, волшебная жизнь, неимѣющая ничего общаго съ окружающимъ.

Ее смущали странныя мечты. *)
Порой, она, среди пустаго зала,
Сіянье, роскошь, музыку, цвѣты,
Толпу гостей и шумъ воображала;
Кипѣла кровь отъ душевной тѣсноты.
На платьицѣ чудесные узоры
Видѣлись ей—и вотъ гремѣли шпоры:
Къ ней кавалеръ незримый подходилъ
И въ мнимый вальсъ съ собою уносилъ;

*) «Сказка для дѣтей», Лермонтова.

И вотъ она кружилась въ вихрѣ бала,
И, утомясь, на кресла упала...

Да, она видитъ, она чувствуетъ какъ кругомъ все измѣняется, какъ все становится непохожимъ на тихую, съ дѣтства знакомую комнату, слабо освѣщенную зимнимъ разсвѣтомъ. Ярко горятъ безчисленныя свѣчи, озаряя бронзу, бархатъ, золото и драгоценныя камни, отражаясь въ огромныхъ зеркалахъ, уходящихъ къ высокому, причудливо украшенному лѣдной работой куподу. Старое бабушкино кресло, къ спинкѣ котораго она прислонилась, сияетъ новизною. Откуда то несутся звуки чудной музыки, то нѣжные и тихіе, будто о чемъ-то молящіе, къ чему то зовущіе, то будто страстные, словно созданные изъ огня, свѣта и вѣчнаго, могучаго порыва. На встрѣчу этимъ звукамъ вся душа просится, отъ нихъ то замираетъ, то сильно бьется сердце, по жиламъ пробѣгаетъ мучительно сладкій трепетъ... А подъ самымъ ухомъ, сливаясь съ волшебной музыкой, звучитъ другой шопотъ, такой же странный, такой же сладкій, шопотъ «незримаго» собесѣдника.

И тутъ она, склонивъ лукавый взоръ
И выставивъ едва примѣтно ножку,
Двусмысленный и темный разговоръ
Съ нимъ завести старалась понемножку.
Сначала былъ онъ веселъ и остеръ,
А иногда и черезчуръ небреженъ;
Но подъ конецъ за то какъ милъ и нѣженъ!
Что дѣлать ей? Притворно-строгий взглядъ
Его, какъ грѣмъ, отталевалъ назадъ,
И сердце билось въ ней такъ шибко, шибко...
И по устамъ змѣлилася улыбка...

А между тѣмъ зимнее солнце пронизало морозный туманъ и подымается выше. Вотъ его лучъ ударился въ покрытое причудливымъ ледянымъ узоромъ стекло, скользнулъ по стѣнѣ и упалъ на лицо дѣвушки. Она очнулась. Кругомъ шумъ, голоса, дѣятельные признаки жизни... Сердце еще бьется и замираетъ... на губахъ улыбка... грѣзы улетѣли...

W—d.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По желанію многихъ изъ нашихъ подписчиковъ, которые затрудняются работать по уменьшеннымъ выкройкамъ, даннымъ нами до сихъ поръ мы прибавляемъ къ Декабрьскому № „Модъ“ (который вскорѣ выйдетъ) выкройки въ полную величину на большомъ листѣ, такъ что, по нимъ можно кроить прямо.

Въ будущемъ 1876 году мы будемъ точно такимъ-же образомъ прилагать къ каждому № еженѣсячно такія выкройки въ полную величину. Это новое приложеніе въ теченіе года будетъ стоить намъ нѣсколько тысячъ руб. но вѣрные своей цѣли—постоянно улучшать журналъ—мы не жалѣемъ ни трудовъ ни издержекъ для достиженія этой цѣли. Къ этому прибавимъ, что Декабрьскій № „Модъ“ будетъ уже вдвое болѣе преніяго, чтобы дать нашимъ подписчикамъ болѣе значительный выборъ зимнихъ костюмовъ. Такимъ образомъ мы надѣемся удовлетворить самымъ взыскательнымъ требованіямъ нашихъ читательницъ.

Jules T. WEE

J. ROBERTSON

Грѣхъ. Картина И. Г. Жаке, рисов. Жюль Лаве, гравир. Роберъ. Съ разрѣшенія Гундла и Ко.
Библиотека "Руниверс"

ЭКСПЕДИЦИЯ ПРОФЕССОРА ФОРДЕНШЕЛЬДА ВЪ НОВОЙ ЗЕМЛѢ.

I. Шпицбергенъ.

Передъ нами мѣръ льда и вѣчныхъ снѣговъ. Смертью вѣсть этой страшной ледяной пустыни, погруженной большую часть года въ непроглядный мракъ арктической ночи. Шпицбергенъ, лежащій между 76° 30' и 70° 40' сѣверной широты, считая до послѣднихъ открытій австрійской сѣверо-полярной экспедиціи, самой сѣверной известной землей (Новооткрытая земля, по опредѣленію г-а Пайера, начальника вышеупомянутой экспедиціи, простирается отъ 69° 54' слишкомъ до 83° сѣв. широты). Группа острововъ Шпицбергена представляется глазамъ мореплавателя огромной массой остроконечныхъ горъ, хребтовъ и скалъ, поднимающихся какъ волшебные призраки изъ холодныхъ волнъ Ледовитаго океана. Со льдами Шпицбергенъ не растаеетъ никогда; въ мимолетное полярное лѣто, онъ окруженъ пловучими глыбами льда, зимой запертъ твердыми его массами, образующими вокругъ него сплошную стѣну, иногда въ нѣсколько сотъ футовъ вышины. Главные острова этого пустынного архипелага высоки и круты; нѣкоторые отдѣльные остроконечные пики поднимаются до 4,000 футовъ вышины. Главная горная порода гранитъ; вулкановъ или вулканическихъ остатковъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ. Не смотря на всю уасающую суровость климата, онъ можетъ еще назваться легкимъ, въ сравненіи съ арктическими странами сѣверной Америки, что слѣдуетъ приписать вліянію гольштрема. Въ пользу сравнительно меньшей суровости климата говоритъ то, что на Шпицбергенѣ можетъ перезимовать олень. Растительность на Шпицбергенѣ крайне ничтожна, такъ какъ земля всего на нѣсколько недѣль освобождается отъ скользящей ее ледяной коры. За то быстраго развитія растительности изумительна. Подъ лучами не заходящаго солнца большая часть растеній вырастаютъ и отцвѣтаютъ въ продолженіе четырехъ, шести недѣль. Изъ деревьевъ здѣсь встрѣчается только малорослая береза да ива, и тѣ не достигаютъ больше нѣсколькихъ вершковъ вышины; кромѣ этого видныются тамъ и сямъ тощій лютикъ съ золотистымъ цвѣткомъ, да пятна исландскаго мха и разноцвѣтныхъ лишайевъ или степей лужечной травы. Изъ млекопитающихъ здѣсь изобилуютъ сѣверные олени, бѣлые медвѣди; попадаются также арктическая лисица и леммингъ. Единственное найденное здѣсь насѣкомое была небольшая зеленая муха, а вдоль берега кишатъ безчисленные слизняки (*Clio baliaris*), маленькія веселыя гренади и массами лѣзятся водоросли. Но что больше всего оживляетъ пустынные берега, это безчисленные стаи морскихъ птицъ; онѣ сидятъ сплошной линіей на протяженіи нѣсколькихъ миль по берегу, и ввѣтая затемняютъ свѣтъ. Богатство береговыхъ водъ Шпицбергена составляютъ моржи, тюлени, а въ особенности киты, которыми изобилуютъ западные берега этихъ острововъ.

Нѣкоторые приписываютъ открытіе Шпицбергена англійскому полярному мореплавателю сэру Гюго Индлоуби, въ 1553 г., но мнѣніе это не имѣетъ за себя положительныхъ фактовъ. Достоверно известно то, что голландцы Баренцъ и Гемскеркъ и Ринъ, отправившіеся на двухъ корабляхъ съ цѣлію открыть черезъ сѣверъ ближайшій путь въ Восточную Индію, 16-го іюня 1506 г., нечаянно напали на неизвестную горную страну, и дали ей имя Шпицбергенъ, которое сохранилось за ней и по сіе время.

Обильная добыча стала привлекать на эту крайнюю точку земнаго шара китолововъ и авантюристовъ со всѣхъ концовъ Европы. Тамъ гдѣ прежде раздавался только крикъ морскихъ птицъ, засуетились люди, отважная энергія которыхъ пренебрегала всѣми опасностями суровой природы и труднаго промысла. Когда въ 1813 г., англійская компанія по торговлѣ съ Москвою снарядила 7 кораблей для отправки на Шпицбергенъ исключительно для ловли китовъ, то они наши тамъ уже 8 испанскихъ и 6 голландскихъ судовъ. Нерѣдко въ одной и той же бухтѣ стояло до 40 кораблей. Вскорѣ между разными націями стали возникать ожесточенные споры за пользованіе Шпицбергеномъ. Онъ переходилъ то къ англичанамъ, то къ голландцамъ, наконецъ всѣ партіи рѣшили мирно раздѣлить его между собой. Англичане завладѣли Велль-Зундомъ и другими превосходными бухтами, голландцы выбрали себѣ островъ Амстердамъ. Между обоими помѣстились датчане и норвежцы, которые, считая Шпицбергенъ за продолженіе Гренландіи, предъявляли свои претензіи на всю землю. Въ XVII столѣтіи, англійская компанія, заключившая при Іоаннѣ Грозномъ торговый договоръ съ Москвою, дѣлала попытки основать промысловыя колоніи на необитаемомъ Шпицбергенѣ. Охотникамъ перезимовать здѣсь предлагалась высокая плата; не смотря на это таковыхъ не находилось, и англійское правительство обѣщало помилованіе преступникамъ, которые согласятся на эти условія. Нѣкоторые приняли предложеніе, но когда увидѣли здѣшнюю пустыню, мысль быть заживо погребенными въ этой ледяной гробницѣ навела на нихъ такой ужасъ, что они предпочли свои цѣпи

свободѣ необозримыхъ ледяныхъ полей и умоляли о возвращеніи въ ихъ смрадныя тюрьмы.

Къ какому времени слѣдуетъ отнести первое знакомство русскихъ съ Шпицбергеномъ и вообще начало мореходства нашего по Сѣверному Ледовитому океану, неизвѣстно. Мореплаватели XVI и XVII столѣтій, находили въ отдаленнѣйшихъ краяхъ, куда только заѣзжали, кресты съ славянскими надписями, развалины жилищъ и прочее. Русскіе мореходцы, имъ встрѣчавшіеся, указывали имъ путь, давали наставленія. Все это доказываетъ, что русскимъ въ половинѣ XVI вѣка, всѣ берега Сѣвернаго Ледовитаго океана были подробно известны, и что, слѣдовательно, мореходствовать по оному начали нѣсколькими вѣками раньше. Къ сожалѣнію за отсутствіемъ письменныхъ документовъ, до насъ не дошло никакихъ положительныхъ свѣдѣній о первыхъ нашихъ мореходахъ въ этихъ высокихъ широтахъ. Известно, что уже съ XVII столѣтія, русскіе на своихъ нехитрыхъ ладьяхъ, отъ 60 до 160 тоннъ выстемости, объѣзжали берега Шпицбергена и охотились за тюленями, бѣлухами и въ особенности за моржами. Между тѣмъ какъ англичане и голландцы оставили всякую мысль о перезимовкѣ на Шпицбергенѣ, не проходящей почти года, что бы въ какой нибудь изъ шпицбергенскихъ бухтъ не зимовало нѣскольکو русскихъ промышленниковъ. Въ іюль мѣсяцъ выѣзжаютъ они изъ гаваней Архангельска, Мезени, Онеги, Колы и другихъ, и направляются въ далекія полярныя воды. Съ наступленіемъ осени, они оставляютъ свои суда въ льду, а сами вѣдутъ на землю, гдѣ строятъ изъ привезенныхъ бревенъ маленькія хижины на разстояніи нѣсколькихъ верствъ другъ отъ друга. Въ большой хижинѣ, которая строится близъ судна, хранятся припасы, заготовляемые мѣсяцевъ на восемнадцать. Бывали примѣры, что инныя по нѣскольку лѣтъ сряду переживали страшную шпицбергенскую зиму. Но первое мѣсто среди этихъ героевъ занимаетъ Шаростинъ, который по свидѣтельству Петермана провѣлъ въ этихъ широтахъ 39 зимъ, и въ томъ числѣ 15 лѣтъ сряду на Шпицбергенѣ.

Нигдѣ человекъ такъ вполнѣ не проявляетъ своей силы въ борьбѣ съ природой, какъ на этомъ дальнемъ сѣверѣ. Воображеніе отказывается представить себѣ всѣ ужасы полярной зимы съ ея вѣчной ночью. Холодъ доходитъ до 40° Р. Испаренія отъ поверхности тѣла, покрываютъ слоемъ толщася же замерзающаго пара всѣ обнаженныя части тѣла; при продолжительномъ вдыханіи ощущается сухость въ дыхательныхъ путяхъ, дыханіе медленнѣе и болѣзненно. Металъ прилипаеетъ въ пальцамъ какъ клей; отъ рѣзкаго воздуха обнаженныя мѣста покрываются пузырями. Много осталось грустныхъ повѣстей страданій этихъ отважныхъ людей, и мы съ благоговѣніемъ преклоняемся передъ тѣми мучениками, которые рѣшаются переносить всѣ эти неимоверные ужасы не изъ какихъ-либо корыстныхъ цѣлей, но изъ одной чистой любви къ наукѣ.

Кромѣ ледянаго дыханія арктической зимы, губительнаго вліянія долгой темноты, опасности отъ мятежъ и ледяныхъ вьюгъ, самымъ страшнымъ врагомъ заключенныхъ на зиму въ этихъ высокихъ широтахъ, является убійственная болѣзнь, цынга. Хотя этой болѣзнію поражаются мореплаватели во всѣхъ моряхъ, но нигдѣ такъ скоро не заболѣваетъ ею и не свирѣпствуетъ она такъ сильно, какъ во время перезимовки въ арктическомъ поясѣ, гдѣ въ высочайшей степени соединены всѣ условія, благопріятствующія этой болѣзни: исключительно мясная пища, дурной воздухъ, грязь, отсутствіе движенія и дѣятельности, нерѣдко лишеныя голода, упадокъ духа—однимъ словомъ все, что портитъ кровь и нарушаетъ правильную отправление нервной системы. Если даже сильный человекъ заболѣетъ цынгой, то чувствуетъ страшную слабость, ноги подъ нимъ подламываются, дыханіе затрудняется. Его клонитъ ко сну, но сонъ не подвѣрливаетъ его. Синевато-багровыя пятна отъ выступающаго крови появляются на кожѣ. Десна размягчаются, дѣлаются губчатыми, покрываются легко точащими кровь язвами, издавая невыносимый запахъ. Ноги пухнутъ, скорчиваются; въ конечностяхъ, внутренностяхъ и спинѣ ощущаются страшныя боли. Если не наступитъ благопріятной перемены во внешнихъ условіяхъ, признаки увеличиваются все болѣе и болѣе; слабость съ каждымъ днемъ увеличивается, язва раздѣдаетъ дальше вокругъ себя, начинается кровотеченіе деснами и кишечнымъ каналомъ, что еще увеличиваетъ слабость; боли увеличиваются и наконецъ несчастный умираетъ отъ упадка силъ, удушья и чрезвычайной потери крови. Берега Шпицбергена покрыты тысячами могилъ, почти все это жертвы цынги. Лучшимъ противодѣйствіемъ ей служитъ движеніе; употребляютъ также какъ противоцинготное средство здѣсь же растущую лужечную траву, которой собираютъ большіе запасы и вѣдятъ сырую или пьютъ какъ чай. Однакоже не всегда удается избѣжать страшной болѣзни. Такъ въ 1837 г. на южномъ мысѣ погибло 22 русскихъ. Въ слѣдующемъ году, у Тысячи острововъ стала на якорѣ ладья съ 18 людьми, а шесть мѣсяцевъ спустя на ладѣ и въ хижинахъ царяла смерть. Въ 1771 г. присталъ къ плоскому мысу въ Царской бухтѣ Стewardъ изъ Уитбы, чтобы набрать здѣсь плавучаго лѣ-

са, и нашелъ здѣсь русскую хижину. Войдя въ нее онъ увидѣлъ на полу трупъ, лицо котораго было покрыто зеленой плѣсенью. Вѣроятно этотъ несчастный, похоронивъ своихъ товарищей, умеръ послѣдній; такъ что некому было отдать ему послѣдняго долга.

Мы останавливались до сихъ поръ на мрачныхъ картинахъ далекаго сѣвера, но взглянемъ теперь на тамошнюю природу, когда она пробуждается отъ тягостнаго зимняго сна. Лишь только блеснули первые лучи солнца, все эти ледяныя и гранитныя массы, остроконечныя бойницы, зубчатыя стѣны, причудливыя, фантастическія—засверкаютъ такимъ великолѣпнѣмъ, какого не передатъ никакая кисть, никакое перо. Блескъ и игра брилліантовъ при самомъ яркомъ огнѣ, ничто въ сравненіи съ безчисленными переливами цвѣтовъ тающихъ ледяныхъ громадъ. На обширной поверхности ихъ образуются голубыя озера чистѣйшей воды, перемежающіяся ледяными и сѣвными полями, то ослѣпительно бѣлыми, то изумрудно-зелеными, иногда голубыми или розовато-фіолетовыми, иногда совершенно прозрачными какъ хрусталь. Картины, которые представляются мореплавателю въ это благоприятное время года, полны величія и дивной красоты.

Въ настоящее время, промысловыя экспедиціи на Шпицбергенъ, далеко не имѣютъ тѣхъ размѣровъ какъ прежде. Но можетъ быть въ будущемъ, минеральныя богатства архипелага привлекутъ къ его берегамъ еще много кораблей. Въ Царской бухтѣ найдены превосходный мраморъ и огромные залежи каменнаго угля, который легко можетъ быть разработанъ.

II.

Полуночное солнце.

Наши сѣверныя, такъ называемыя «бѣлыя ночи», даютъ намъ нѣкоторое, хотя слабое понятіе о лѣтней полярной ночи. У насъ только не наступаетъ темноты, и все освѣчено ровнымъ, какимъ-то холоднымъ свѣтомъ, который дѣйствуетъ раздражительно на нервы болѣе южнаго жителя, не привычнаго къ такому явленію. Но на далекомъ сѣверѣ, солнце свѣтитъ ночью такъ же ярко, съ такимъ же блескомъ какъ днемъ. Уже въ Петербургѣ, во время лѣтняго солнцестоянія, солнце, въ самую полночь, опускается только на 6°35' ниже горизонта. Въ холодныхъ странахъ, по мѣрѣ приближенія къ полюсамъ, непрерывный день длится по нѣскольку недѣль, даже по нѣскольку мѣсяцевъ, смѣняя собою такую же непрерывную полярную ночь. На сѣверномъ полюсѣ солнце не сходитъ съ горизонта съ 9-го марта по 11-е сентября. Въ широтѣ 70° солнце не заходитъ 65 дней; въ широтѣ 80° солнце свѣтитъ ночью, точно также ослѣпительно ярко какъ днемъ, въ теченіе 134 сутокъ.

Такое полуночное солнце освѣщаетъ пустынные берега Новой земли, представленныя на нашей картинѣ. Гладкая поверхность воды между обоими берегами — Маточкинъ Шаръ. Это проливъ, отдѣляющій сѣверный островъ Новой Земли отъ Южнаго и соединяющій Сѣверное съ Карскимъ моремъ. По описанію Пактусова, начальствовавшего одной изъ экспедицій для изслѣдованія Карскаго моря, проливъ отъ мыса Столбоваго до мыса Выходнаго, имѣетъ 95 верстъ; ширина западнаго устья 7 верстъ и восточнаго 4 версты; самое же узкое мѣсто, около середины, имѣетъ всего 300 сажень. Западное устье Маточкина Шара очищается отъ льда скорѣе всѣхъ мѣстъ на Новой Землѣ. Происхожденіе названія Маточкина шара неизвѣстно. Подъ словомъ *шаръ* разумѣется во всѣхъ мѣстахъ посѣщаемыхъ новоземельскими мореходами, или текущій поперекъ какого-нибудь острова или земли, или соединяющій между собою два моря. Маточкою по всей Архангельской губерніи называютъ маленькіе деревянные компаски, употребляемые тамошними рыбаками.

Маточкинъ Шаръ въ прежнія времена былъ посѣщаемъ промышленниками; зимовать здѣсь они оставались весьма неохотно, развѣ по какому нибудь особенному случаю, потому что въ проливѣ нѣтъ удобныхъ для зимовки гаваней, и въ зимнее время жестоко свирѣпствуютъ вѣтры.

Едва ли есть на землѣ мѣста болѣе пустынные, унылыя, чѣмъ скудные берега Новой Земли, омываемые Маточкинымъ Шаромъ. Нигдѣ на безжизненной землѣ нѣтъ сплошнаго, покрытаго травой пространства, какое можно было бы назвать лугомъ, даже нѣтъ мѣста, сплошь покрытаго мхомъ, такъ мало теплоты развиваетъ земля, не смотря на то, что солнце нѣсколько мѣсяцевъ непрерывно свѣтитъ надъ ней днемъ и ночью. Даже листовидныя лишайи, столь роскошныя въ Лапландіи, прозябаютъ здѣсь скудно. Сухіе горные склоны, покрытыя только жедѣ желтоватымъ дерномъ, на которомъ растетъ мѣстами снѣжный лютикъ, непривѣтливое растеніе, цвѣтущее когда почва не согрѣлась еще до 1°.

За то богатства моря уже нѣсколько столѣтій привлекаютъ къ пустыннымъ берегамъ Новой земли предприимчивыхъ промышленниковъ. Самый важный звѣрь для промысла есть моржъ, потомъ бѣлуха. Другой важный продуктъ Новой земли есть горный лосось, который осенью поднимается въ горные озера, и въ иные года ловится въ огромномъ количествѣ.

Но уѣздить баркасы и ладьи промышленниковъ, и опять все погружается въ мертвую тишину, изрѣдка нарушаемую шоро-

хомъ какого-нибудь звѣря или крикомъ кружащейся въ воздухѣ чайки. Развѣ забытая гдѣ одинокая лодка говорить о томъ, что здѣсь была нога человѣка. Все кругомъ мертво, неподвижно, безмолвно какъ въ могилѣ, и невольно вспоминаются слова поэта:

И мнится, жизни въ той странѣ
Отъ вѣка не бывало...

Русское правительство снаряжало нѣсколько ученыхъ экспедицій для изслѣдованія Новой земли. Знаменитый кругосвѣтный путешественникъ Литке четыре раза пытался пробраться вдоль восточнаго берега, но напрасно; все усилія обращались въ ничто передъ бурями и холодомъ льда, и казалось, что эти страны вѣчной зимы навсегда должны оставаться въ неизвѣстности для человѣка. Но неудача предшествовавшихъ опытовъ не удержала отъ новыхъ попытокъ энергическихъ изслѣдователей, какъ Пактусовъ, Циволка, академикъ Беръ, который уже въ старости, пользуясь вполнѣ заслуженнымъ почетомъ, рѣшился подвергнуть себя всѣмъ опасностямъ арктическаго плаванія, чтобы въ этой пустынѣ собрать плоды для науки.

Еще графъ Румянцевъ въ 1806 г. снарядилъ на свой счетъ судно для изслѣдованія Новой Земли, вследствие распространенныхъ слуховъ о существованіи на ней драгоценныхъ металловъ. Но горный чиновникъ Лудловъ, завѣдывавшій экспедиціей, ничего не нашелъ кромѣ слюды и сланца. Драгоценныхъ металловъ не было и признаковъ. Такимъ образомъ совершенно опроверглись показанія разныхъ промышленниковъ, утверждавшихъ о существованіи тамъ въ изобиліи золота и серебра. Слухи эти, по словамъ Лудлова, обязаны своимъ происхожденіемъ обманчивой наружности берега, состоящаго изъ тальковаго сланца и слюды. На сѣверномъ берегу Маточкина Шара онъ нашелъ сѣру и мѣдный колчеданъ въ такомъ количествѣ, что со временемъ, по его мнѣнію, могла бы развиваться обработка этихъ рудъ. Думаютъ также, основываясь на нѣкоторыхъ поазаніяхъ, что на берегахъ Маточкина Шара есть ма-лахитъ.

Но ни одна изъ этихъ экспедицій не увѣнчалась такимъ успѣхомъ, какъ настоящая поѣздка Норденшельда—ученаго профессора, совершившаго множество геологическихъ и метеорологическихъ поѣздокъ по Финляндіи, Швеціи, Норвегіи, Германіи, Франціи и Англіи, издававшего много ученыхъ сочиненій, переведенныхъ на разные европейскіе языки и удостоенныхъ лучшихъ наградъ Шведской Академіи, членомъ которой и самъ Норденшельдъ избранъ въ 1861 г. за удачно совершенную имъ въ этомъ году Шведскую экспедицію на Шпицбергенъ, предпринимающуюся сверхъ того еще два раза, именно, раньше—въ 1858—1859 и позже—въ 1865. Подъ непосредственнымъ начальствомъ почтеннаго профессора. Прямѣромъ того, что онъ не ищетъ вышнихъ отличій, рассказываютъ какъ Норденшельдъ отказался принять отъ Карла XV орденъ, предназначенный ему за услуги дѣлу науки въ полярныхъ экспедиціяхъ 1853, 1872—1871 года, такъ что Карлъ XV, принимая впоследствии отъ Норденшельда какую-то рѣдкость, сказалъ ему: «*lad är icke så högfärdig som du*» (я вѣдь не такъ гордъ какъ вы и отъ подарковъ не отказываюсь).

Что же касается научнаго и промышленно-торговаго значенія послѣдней экспедиціи Норденшельда въ Карское море, начавшейся у береговъ Нрвежскаго королевства и окончившейся въ устьѣ Енисея, то для оцѣнки ея обильныхъ послѣдствій могутъ служить письма г. Норденшельда къ снаряжителю и патрону экспедиціи г. Оскару Диксону, напечатанныя въ «Готтерборгской Торговой Газетѣ», посланные г. Норденшельдомъ 16-го августа съ яхты «Проба», стоявшей въ то время въ устьяхъ Енисея.

Приводимъ здѣсь въ переводѣ одно изъ важнѣйшихъ писемъ профессора Норденшельда къ купцу Оскару Диксону.

«Послѣ того какъ судно наше 8-го іюня было отъ гавани Тромсе бесплатно буксировано маленькимъ пароходомъ того же имени, противный вѣтеръ принудилъ насъ 5 дней простоять на мѣстѣ между Карсе и Рено. Наконецъ 14-го числа мы опять могли поднять якорь и черезъ Фугло-Зундъ выдти въ открытое море. Мы направили нашъ курсъ мимо Нордана, который прошли 17-го, на южную часть Новой Земли.

Весной и въ началѣ лѣта западный берегъ этого двойнаго острова окруженъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ земли, сплошнымъ, почти нигдѣ непродоходимымъ ледянымъ поясомъ, который потомъ исчезаетъ и въ которомъ, какъ извѣстно по опыту, часто еще раньше образуется два прохода. Эти послѣдніе бывають покрыты лишь слабымъ льдомъ и соединяють свободное отъ льда пространство воды вдоль берега съ океаномъ. Одинъ изъ этихъ проходовъ идетъ обыкновенно вдоль Маточкина Шара, и обуславливается сильными теченіями, господствующими въ этомъ проливѣ. Другой проходъ приходится приближаться на высотѣ сѣверо-гусинаго мыса. Я избралъ послѣдній, и 22-го іюня мы прошли его безъ особенныхъ затрудненій. Такимъ образомъ черезъ недѣлю послѣ отплытія изъ Карсе, экспедиція въ первый разъ бросила у Новой Земли якорь, въ маленькой, мало защищенной бухтѣ къ сѣверу отъ Гусинаго мыса.

Во время этого переезда, насколько позволяла погода, были

Страна острова Шницбергега. Рис. И. Кирхнеръ, грав. Паръ.

Новая земля Маточкинъ шаръ во время полуночнаго сонца. Рисов. И. Кархнеръ, гравер. Б. Царъ..

производимы усердныя измѣренія дна и изслѣдованія животной жизни, температуры воды на различныхъ глубинахъ и т. п. Часто мы были вознаграждаемы богатой добычей, доказывавшей, что здѣсь можно разсчитывать на большія жатвы въ области естественно-историческихъ открытій.

Проведя два дня на нашей первой якорной стоянкѣ, мы пустились дальше къ сѣверу, и гдѣ обстоятельства благоприятствовали тому, бросали то тамъ, то сямъ, около береговъ, якорь: отъ 25—28 июня въ маленькомъ Кармакульскомъ заливѣ, отъ 2—6 июля въ Безъименномъ заливѣ, отъ 7—13 въ различныхъ мѣстахъ Маточкина Шара. До сихъ поръ море вдоль береговъ было почти свободно отъ льда, но къ сѣверу отъ этого пролива, соединяющаго Карское море съ моремъ между Новой Землей и Шпицбергеномъ, ледяныя массы простарались почти до самой земли, такъ что, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, нельзя было слѣдовать вдоль берега дальше на сѣверъ, какъ было первоначально предложено въ планѣ экспедиціи. Въ западной же части Маточкина Шара, льда, напротивъ, не было, и сначала казалось, что этимъ путемъ мы очень скоро попадемъ на восточную его часть. Проѣхавъ для этой цѣли до Чиракина, я предпринялъ отсюда поѣздку на шлюпкѣ внутрь пролива, чтобы изслѣдовать свойство льда. Въ это же время доцентъ Лундстремъ поднялся на близъ лежащую гору, имѣвшую больше 3,000 футовъ вышины, откуда открывался обширный видъ. Оказалось, что восточная часть пролива покрыта непрерывной ледяной массой, которая казалась настолько прочной, чтобы еще долго не уступать вліянію полярнаго лѣта. Поэтому я не считалъ благоразумнымъ оставаться здѣсь въ ожиданіи возможности прохода, а такъ какъ зимній путь къ сѣверу также былъ запертъ, то я рѣшилъ попытаться счастья на одномъ изъ двухъ проливовъ Карскомъ или Югорскомъ, которые ведутъ въ Карское море по обѣимъ сторонамъ большаго острова Вайгачъ.

Мы оставили Маточкинъ Шаръ 13-го июля, и, пройдя 14-го числа мимо залива Скоудне, 16-го мимо сѣвернаго Гусинаго мыса, 18-го мимо южнаго Гусинаго мыса, и бросивъ 21-го якорь у Костина Шара, 25-го июля, въ бурную погоду, прибыли къ Карскому проливу. Этотъ послѣдній былъ сплошь затертъ льдомъ, кромѣ того вѣтеръ былъ слишкомъ силенъ, чтобы можно было стать на якорь. Вслѣдствіе этого я поѣхалъ дальше и имѣлъ счастье у юго-западнаго берега острова Вайгача защитить судно отъ свирѣпствовавшаго здѣсь отъ 26—30-го іюля необыкновенно сильнаго сѣвернаго штурма. 26-го іюля мы бросили якорь у мыса Гребеньяго. Буря все еще продолжалась съ такой силой, что хотя мы стояли на якорѣ совсѣмъ вблизи берега и были хорошо защищены, но не раньше 30-го іюля могли спустить лодку, чтобы на островѣ Вайгачъ высадиться на берегъ. Здѣсь мы сдѣлали богатія находки окаменѣлостей верхняго силурійскаго слоя, особенно интересныя для шведскихъ геологовъ, такъ какъ онѣ очень походятъ на окаменѣлости Готланда. Здѣсь же мы въ первый разъ встрѣтились съ самоѣдами, которые увидѣвъ наши лодки, подѣхали къ намъ на берегъ въ странныхъ, высокихъ, приспособленныхъ столько же для лѣта какъ и для зимы саняхъ, запряженныхъ 3-мя или 4-мя оленями. Когда они объяснили знаками, что хотятъ ѣхать къ нашему кораблю, мы тотчасъ же взяли ихъ съ собой, и угостили тамъ на славу.

Во время нашего пребыванія у западнаго берега Новой Земли, мы, разумеется, прилежнѣйшимъ образомъ занимались изслѣдованіями повсѣащаемыхъ нами мѣстъ въ отношеніи геологическаго ихъ строенія, животной, растительной жизни, и т. д. Въ многихъ мѣстахъ, куда мы заходили, ученому отряду экспедиціи представлялась возможность собрать такой матерьялъ для изслѣдованія природы этихъ странъ, который по своей полнотѣ превосходитъ все, что до сихъ поръ дѣлали въ этомъ отношеніи наши предшественники. Но, вслѣдствіе сильныхъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, которые дули здѣсь послѣдніе дни и какъ надо было предполагать, погнавши ледъ внизъ къ южной части Карскаго моря, плоха была надежда, еще въ этомъ году, проникнуть дальше на востокъ. Тѣмъ не менѣе я рѣшился по возможности скорѣе сдѣлать эту попытку; поэтому 31-го іюля мы опять снялись съ якоря, чтобы идти на Югорскій проливъ. Едва достигнувъ устья, вслѣдствіе затишья, я принужденъ былъ стать на якорь, недалеко отъ мѣстечка, куда на лѣтніе мѣсяцы привзажаетъ изъ Пустозерска много русскихъ и самоѣдовъ для рыбной ловли и для охоты, и которое поэтому норвежцы называютъ самоѣдскимъ городомъ. На слѣдующій день я поѣхалъ на лодкѣ дальше, отдавъ приказаніе чтобы корабль какъ можно скорѣе слѣдовалъ за мной. Уже 2-го августа можно было сняться съ якоря, и при помощи слабаго вѣтра и сильнаго теченія переѣхать на другую сторону, къ тому мѣсту, гдѣ была поставлена моя палатка. Я тотчасъ же съѣлъ на корабль, и мы продолжали наше плаваніе къ Карскому морю, при помощи одного сильнаго сѣверо-западнаго теченія. Проливъ былъ пройденъ благополучно, и прибывъ въ Карское море, мы нашли его совершенно свободнымъ отъ льда. Мы направили нашъ курсъ къ средней части полуострова, отдѣляющаго Карское море отъ Обскаго залива и называемаго самоѣдами «Іальмалъ». Вѣтеръ былъ крайне слабъ, мы подвигались впередъ очень медленно, подвергая наше терпѣніе сильному испытанію, но это имѣло ту хорошую сторону, что плавая по этимъ водамъ, которыхъ не посѣщала

еще ни одна научная экспедиція, мы каждый день закидывали неводъ и занимались гидрографическими изслѣдованіями. Неводъ доставилъ намъ неожиданно богатую добычу разнообразнѣйшихъ морскихъ животныхъ, изъ которыхъ я здѣсь назвалъ нѣкоторые роды колоссальныхъ раковъ, причудливые гумаци, массу амѣиподовъ, необыкновенно большія красиво разрисованныя морскія звѣзды, моллюсковъ и прое. Замѣчательно особенное свойство здѣшней воды: на поверхности моря, вслѣдствіе издѣлія въ него большихъ рѣвѣкъ, она почти не имѣетъ соленнаго вкуса, и обращается въ смертельный ядъ для животныхъ, которая живутъ въ соленой водѣ на глубинѣ моря. Поэтому большія часть животныхъ, доставаемыхъ нами изъ моря, умирали въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, если были положены въ воду, взятую съ поверхности моря.

Здѣсь, точно также какъ на западномъ берегу Новой Земли, при помощи термометра системы Негретти, Забры и Казелла, были дѣланы измѣренія температуры моря, не только на поверхности, но и на различныхъ глубинахъ. Изслѣдованія эти дали весьма интересный результатъ и рѣшили много спорныхъ вопросовъ на счетъ морскихъ теченій, направление которыхъ, за неимѣніемъ другихъ данныхъ, преимущественно опредѣляли по температурѣ воды на поверхности. Изъ многочисленныхъ наблюденій, сдѣланныхъ вдоль западнаго берега Новой земли отъ Маточкина Шара до Югорскаго пролива, отсюда, мимо Гребеньяго мыса до 75½° сѣверной широты и 82° восточной долготы и дальше до устья Енисея, я получилъ несомнѣнныя доказательства того, что въ этомъ морѣ температура воды на поверхности подвержена весьма частымъ измѣненіямъ, что обуславливается температурой воздуха, соседствомъ льда и притокомъ теплой рѣсной воды изъ Оби и Енисея. Напротивъ того, температура воды на глубинѣ 10 саженой держится почти постоянно на одной точкѣ—между 1 и 2° Цельсія *). Теплыхъ морскихъ теченій, которые проникали въ глубину, здѣсь вовсе не существуетъ. Профессоръ Эрманъ, посредствомъ изобрѣтеннаго имъ для этой цѣли превосходнаго аппарата, произвелъ множество пробъ воды на глубинѣ, и я убѣжденъ, что на днѣ и содержаніе соли постоянно.

На сѣверо-западной сторонѣ Іальмала, 8-го августа ты вышли на нѣсколько часовъ на берегъ, гдѣ было предпринято астрономическое опредѣленіе мѣстности **). На берегу мы увидѣли слѣды самоѣдскихъ саней и босыхъ человѣческихъ ногъ. На самомъ краю берега стоялъ жертвенникъ, состоящій штукъ изъ 50 сложенныхъ въ кучу бѣлыхъ медвѣдей, китовыхъ, оленьихъ костей и проч. Посрединѣ этой груды костей стояло два идола, грубо вырѣзанныхъ изъ дерева; глаза и ротъ просто были намазаны кровью. Возлѣ жертвенника были воткнуты палки съ крючками, на которыхъ висѣли кости оленей и медвѣдей. Тутъ же видны были слѣды костра и еще кучка оленьихъ костей; послѣднія очевидно были остатками происходившаго здѣсь жертвеннаго пира. Пробывъ на этомъ берегу нѣсколько часовъ, я опять поплылъ на сѣверъ, пока у 75° 30' сѣверной широты и 70° 30' восточной долготы, сплошныя массы большихъ ледяныхъ полей сдѣлали невозможнымъ дальнѣйшее плаваніе въ этомъ направленіи. Итакъ, я слѣдовалъ по окраинѣ льда къ востоку и наконецъ взялъ курсъ на сѣверную сторону устья Енисея, куда мы и прибыли 15-го августа, и выкинувъ шведскій флагъ, стали на якорь. Такимъ образомъ мы достигли цѣли, къ которой цѣлымъ столтіемъ тщетно стремились въ большія мореходныя навіи.

Приближаясь къ гавани, мы увидѣли медвѣдя, пасущагося съ нѣсколькими оленями вблизи отъ берега ***). Однако, онъ скоро мѣрнымъ шагомъ удалился отъ оленей и легъ спать на берегу, недалеко отъ того мѣста, гдѣ мы стояли. Прежде чѣмъ мы опустили якорь, др. Твель поѣхалъ въ лодкѣ на берегъ, чтобы убить звѣря. Выйдя на землю, Твель полкомъ сталъ приближаться къ медвѣдю. Но черезъ нѣсколько минутъ звѣрь замѣтилъ охотника и тотчасъ же бросился на него, но былъ встрѣченъ на разстояніи 20 шаговъ пулей, понавшей въ середину лба; впрочемъ она не прошла сквозь черепъ, а только сдѣлала въ немъ долевую трещину между глазъ. Медвѣдь обратился въ бѣгство; вторая пуля, разорвавшая ему легкія и верхнюю часть сердца, положила его на мѣстѣ. Для меня этотъ случай послужилъ предзнаменованіемъ того, что скоро должно въ этихъ странахъ кончиться тысячелѣтнее господство медвѣдей, и что мѣста эти оживятся многочисленными судами, посредствомъ которыхъ Европа будетъ сообщаться съ громадной рѣчной областью Иртыша, Оби и Енисея.

Отсюда экспедиція раздѣлится сообразно предначертанному плану. Я, въ сопровожденіи Лундстрема, Штукеберга и трехъ матросовъ, намѣревался идти на парусахъ или на веслахъ въ нарочно привезенной для этой цѣли норвежскій лодкѣ, вверхъ по Енисею, чтобы черезъ Туруханскъ и Енисейскъ вернуться

*) Если въ сѣверной части Карскаго моря, гдѣ вода на поверхности почти не имѣетъ соленнаго вкуса и довольно тепла въ это время года, бутылку наполненную водой опустить на глубину 10 саженой, то вода въ бутылкѣ замерзаетъ до степени льда.

**) Таковыя же опредѣленія мѣстности дѣлались еще раньше на западномъ берегу Новой Земли и на Югорскомъ проливѣ.

***) Желудокъ и кишечный каналъ убитаго медвѣдя содержали одну траву. Нашъ охотникъ объяснилъ намъ, что это былъ старый «король», слишкомъ лѣтний, чтобы ходить на охоту.

въ Европу, между тѣмъ какъ «Проба» должна была отсюда пуститься въ обратный путь въ Норвегію, и, если окажется возможнымъ, взять курсъ на сѣверный берегъ Новой Земли. Распоряженія на этотъ счетъ я передалъ при прощаніи др. Къельману, который уже участвовалъ въ экспедиціи 1872—1873 гг и знакомъ съ плаваніемъ въ арктическихъ водахъ».

Въ другомъ письмѣ къ г. Диксону, болѣе частнаго характера, профессоръ Норденшельдъ выражаетъ, между прочимъ, что по его мнѣнію экспедиція увѣнчалась необычайнымъ успѣхомъ,

такъ какъ ей удалось проникнуть до устья Енисея, что служило цѣлью большихъ русскихъ, голландскихъ и англійскихъ экспедицій, но тщетно, потому что онъ неудачно выбирали время года для плаванія въ этомъ морѣ. «Что касается до меня, то я питаю живѣйшее убѣжденіе», говоритъ дальше г. Норденшельдъ, «что теперь откроется новый торговый путь, о значеніи котораго легко можно составить себѣ понятіе, если обозначить на картѣ отдѣльной краской область, занимаемую Иртышемъ, Обью, Енисеемъ и ихъ притоками».

Докторъ Струсбергъ.

Въ одномъ изъ мелкихъ предмѣстій Нейнбурга у бѣднаго еврея переплетчика Иохима Струсберга въ 1823 году родился сынъ, котораго назвали Борухъ Гиршъ. Каково было воспитаніе маленькаго Боруха, проведшаго первые годы своей жизни на улицѣ въ тавернахъ, между темными личностями, карманными ворами и мошенниками, представить себѣ не трудно, тѣмъ болѣе, что мать и сестры его пользовались очень незавидной репутацией, а отецъ шилъ постоянно запоємъ. Оставшись круглымъ сиротой на двѣнадцатомъ году, безо всякой поддержки и матеріальныхъ средствъ, Гиршъ Струсбергъ поступилъ юнгой на коммерческой бригъ, шедшей въ Лондонъ и черезъ нѣсколько дней прибылъ въ столицу Англій. Оставивъ свою морскую службу и прошатавшись нѣсколько мѣсяцевъ между пресловутыми лондонскими ворами, отыскалъ онъ наконецъ какого-то дальняго родственника, къ которому и поступилъ въ услуженіе, гдѣ жилъ, работая на хозяина; ночью онъ учился всему чему могъ, и черезъ годъ крестившись превратился въ Бартеля Гейнриха. Претендуя на энциклопедическое образованіе, на 18 году онъ отказался отъ мѣста у своего родственника и поступилъ хроникеромъ въ одну изъ мелкихъ газетъ. Присутствуя въ качествѣ репортера на засѣданіяхъ парламента, молодой Бартель Гейнрихъ по восприимчивости своей натуры, весь предался вопросамъ парламента и возмечталъ во что бы то ни стало пробить себѣ дорогу и потому недовольствуясь своимъ отчасти обезпеченнымъ положеніемъ, а напротивъ желая нажитьяся, оставилъ редакцію газеты и 20 лѣтъ уже ѣхалъ въ Америку. Фатумъ повидному покровительствовалъ предпримчивому юношѣ. Корабль, на которомъ онъ ѣхалъ, потерпѣлъ крушеніе и затонулъ. Въ числѣ немногихъ спасшихся, совершенно случайно находился и Струсбергъ, Судьба хотѣла, чтобы, спасшись лично, онъ волей-неволей спасъ и другаго. Когда морскія волны уже затопляли палубу корабля, и всѣ люди были уже спущены, Струсбергъ, умѣвшій хорошо плавать, бросился въ воду къ одной изъ ближайшихъ лодокъ. Но въ этотъ моментъ онъ почувствовалъ, что кто-то крѣпко вѣпился ему въ спину, причѣмъ этотъ человекъ оказался, когда они были вытасканы на лодку, дряхлымъ, слабымъ старикомъ по фамиліи Свэнъ, американцемъ и директоромъ народныхъ училищъ въ штатѣ Колорадо. Понятно, что въ Свэнѣ Струсбергъ приобрѣлъ себѣ преданнѣйшаго друга и опытнаго наставника въ новой жизни, которая открылась ему въ Америкѣ.

Задаваясь грандіозными планами, Струсбергъ, поднавъ подъ вліяніе Свэна по пріѣздѣ въ Новый Свѣтъ, вмѣсто предполагаемой экспедиціи на берега Миссури за поисками золота, удовольствовался скромнымъ званіемъ клерка и вскорѣ затѣмъ женился на дочери своего друга, хорошенькой 18-лѣтней Мери Эвъ, которая благодаря своей энергіи, своему уму и чисто американской дѣловой практичности, впоследствии играла весьма важную роль въ жизни нашего героя. Открывши школу и получивъ черезъ два года усидчивой работы степень доктора философіи въ Филадельфіи (какъ неизвѣстно) Струсбергъ бросилъ свои менторскія занятія и обратился къ компаніи лѣсопромышленниковъ, затѣмъ сталъ заниматься торговлею хлопкомъ, но обанкротившись на обѣихъ предпріятіяхъ, по смерти Свэна въ концѣ 1848 года отправился съ женою снова въ Европу. Несмотря на первые два неудачные опыта, спекулятивный духъ не упалъ въ докторѣ философіи и по пріѣздѣ своемъ въ Лондонъ, онъ сперва пустился снова въ репортерскую часть а затѣмъ, благодаря своей энергіи и ловкости, сталъ и самъ издателемъ-редакторомъ довольно распространеннаго биржеваго листка «London Magazine» и вдался въ биржевую игру, и въ концѣ концовъ дѣло снова лопнуло и онъ, спасши самаго малая крохи оставилъ Англію, и переѣхалъ въ Берлинъ, сопутствуемый своею супругою, неуступавшею ему въ твердости характера. Но и Берлинъ былъ въ началѣ не болѣе благосклоненъ къ Струсбергу, чѣмъ Лондонъ и Америка и открытый имъ журналъ «Der Mustirte bennibus» не выдержалъ и полугода, вооруживъ противъ него всю берлинскую прессу за нахальный и динчешкій тонъ журнала и свойственный доктору шантажный тонъ, проявлявшійся еще въ «London Magazine». Повидному счастье вполнѣ отвернулось отъ своего столь ревностнаго преслѣдователя, но онъ не падалъ духомъ и наконецъ переименовавшись изъ Бартеля Генриха Струсберга въ Мца, въ Бель Генри—англичанка, онъ получилъ агентуру одного большаго англійскаго страхового общества «Ватерлоо». Держась постоянно англійскаго

кружка а слѣдовательно и англійскаго посольства, Струсбергъ черезъ него взомель въ кругъ крупныхъ капиталистовъ и финансовыхъ дѣятелей, а затѣмъ разными негласными провсками и своими открытыми связями получилъ концессию на тильзитъ-инстербургскую желѣзную линію, наживъ съ этого предпріятія около милліона талеровъ, и въ то же время заслуживъ репутацию честнаго и хорошаго строителя. Удвоивъ кушъ заработка выгоднымъ помѣщеніемъ его въ товарищество строящейся тогда юго-восточной прусской дороги, Струсбергъ входитъ въ славу, его ищутъ, ему вѣрятъ и въ самое непродолжительное время онъ, кромѣ упомянутыхъ двухъ дорогъ, уже самостоятельно сооружаетъ берлинъ-гарлицкую, праваго берега Одера, познанскую, галле-губенскую, гановерь-альтенбургскую, сѣверную венгерскую, сѣтъ румынскихъ и нашу граево-бѣлостокскую линіи желѣзныхъ дорогъ, получивъ въ общественномъ мнѣніи значеніе желѣзно-дорожного короля. Къ концу шестидесятихъ годовъ въ его распоряженія состояло около 600,000,000 талер. и около 200,000 рабочихъ. Имя его гремитъ по всей Европѣ, кредитъ открытъ повсюду неограниченный, барыши считаются милліонами, онъ доволенъ, счастье обернулось къ нему, мечты его осуществились.

Но самолюбіе разбогатѣвшаго доктора не унималось и вспомянувъ свое репортерство въ англійскомъ парламентѣ ему кромѣ богатства хотѣлось приобрести извѣстность и политическаго дѣятеля. Случай представился.

Въ одинъ изъ июльскихъ дней памятнаго 1870 года король прусскій Вильгельмъ, собравъ сѣверо-германскій рейхстагъ въ «Бѣломъ Залѣ» сообщилъ, что наполеоновская Франція объявила войну сѣверо-германскому союзу. Уже задолго до начала торжественнаго акта собрались депутаты, и важность грядущаго тяжелаго событія была напечатлѣна на ихъ лицахъ. Въ отдѣльной группѣ особенно вліятельныхъ и почетныхъ депутатовъ, къ которымъ князь Бисмаркъ и его многочисленные сателлиты относились съ исключительнымъ довѣріемъ и уваженіемъ, болѣе другихъ интересовалъ собою стороннюю публику рейхстага одинъ—это былъ «высокоуважаемый докторъ Бель Генри Струсбергъ». Имя его звучало повсюду и было не менѣе знакомо, любимо и популярно чѣмъ имя Бисмарка. Онъ фамильярно болталъ съ грандами Германіи: графами и князьями, Плессами и Ратиборнами. По всему было видно, что они ему—свои равные люди. Онъ говорилъ тихо, плавно, но съ достоинствомъ и какою-то желѣзною твердостью. Это былъ необыкновенно крѣпкаго сложенія, широкоплечій и немного сутуловатый блондинъ съ большими мохнатыми усами и эспаньолоку. Съ перваго взгляда видѣлся въ немъ человекъ обширнаго ума и рѣдкой энергіи. Онъ являлся героемъ дня и былъ извѣстенъ всей Германіи подъ именемъ «желѣзнодорожнаго короля», о несмѣтныхъ богатствахъ котораго ходили сказочныя легенды. Въ голодный, памятный для восточной Пруссіи 1869 годъ, онъ посылалъ нуждающимся городамъ цѣлые поѣзда съ хлѣбомъ, въ Берлинѣ закупилъ для бѣдныхъ—дровъ на 12,000 талеровъ, и ежедневно выдавалъ изъ своей кухни до 10,000 даровыхъ порцій. Дворецъ Струсберга на Wilhelmstrasse извѣстенъ былъ берлинцамъ подъ именемъ «маленькаго рая». Самъ «король» говорилъ о немъ: «это скромное жилище гения труженника». Въ этихъ покояхъ перебивали у него всѣ германскіе государственные люди и полководцы, имена которыхъ принадлежатъ исторіи. Постройкой дворца завѣдывалъ королевскій архитекторъ Ортъ. Дѣйствительно царскій вестибюль, освѣщенный сверху изящнымъ хрустальнымъ куполомъ, замѣнившимъ плафонъ, раскинулся на два этажа. Широкая лѣстница изъ бѣлаго мрамора съ золоченою орнаментовкою вела въ залы. Струсберговскій рабочій кабинетъ, вмѣщавшій въ себѣ драгоцѣнности живописи и скульптуры стоилъ до 500,000 талеровъ. Зала поражала художественными gobelenaми прошлаго столѣтія. Зимній садъ былъ дѣйствительно садомъ съ волшебною обстановкою: съ фонтанами, водопадами, ручьями, мостиками, глухими бесѣдками и мраморными статуями работы Бегоса. Музыкальный залъ обладалъ рѣдкою акустикой: одна стѣна была въ немъ подвижная и открывала сцену для домашнихъ спектаклей и музыкальныхъ вечеровъ, въ которыхъ охотно (за громадные платы) принимали участіе всѣ знаменитости, гоститіе въ Берлинѣ. Наконецъ слѣдовала библиотека въ 12,000 томовъ и картинная галерея съ 2,000 экземпляровъ, въ числѣ которыхъ были лучшія работы современныхъ художниковъ.

Здѣсь жилъ желѣзнодорожный король—бывшій нейбургскій еврейскій мальчишка, безъ дома, безъ крова, безъ семьи и безъ куска хлѣба, теперь же меценатъ, почти захлебывающійся волнами счастья. Но «ничто не вѣчно подъ дуюно». Докторъ философіи, обладатель «маленькаго рая», «крѣзь миллионеръ» дошелъ до апогея своей славы и—рухнулъ. Крушеніе его было ужасно какъ для него, такъ и для тѣхъ, кто былъ заинтересованъ въ его дѣлахъ. Онъ объявленъ несостоятельнымъ въ Германіи и у насъ почти на 30,000,000 и самъ изъ своего волшебнаго замка попалъ въ душную камеру московской ямы. Выбраться ли ему оттуда, преодолѣть ли и это банкротство, какъ онъ преодолевалъ многія трудности въ своей жизни, сказать весьма трудно. По поводу его можно только примѣнить латинскую поговорку «Sic transit gloria mundi».

Для того чтобы болѣе ясно очертить то участіе г. Струсберга въ дѣлахъ Московскаго коммерческаго ссуднаго банка, которое въ значительной мѣрѣ повліяло на всю банковую катастрофу, считаемъ не лишнимъ привести показаніе самаго виновника о его сношеніяхъ съ этимъ учрежденіемъ. Струсбергъ рассказываетъ, что отношенія его къ банку, сначала только косвенныя, возникли съ весны 1874 года. Въ это время

отъ имени его поѣхалъ въ Петербургъ г. Минчикъ, чтобы получить за счетъ Струсберга известную сумму въ правленіи Бресто-Граевской желѣзной дороги. Какъ послѣ узналъ Струсбергъ, г. Минчикъ возобновилъ при этомъ знакомство съ г. Ландау, въ то время уже директоромъ коммерческаго ссуднаго банка и вступилъ съ нимъ въ значительныя дѣла за собственный счетъ и впослѣдствіи имѣя въ рукахъ значительныя суммы и бумаги банка помогъ Струсбергу, ссудивъ его значительной суммой для антверпенскаго дѣла. За это г. Струсбергъ заплатилъ этимъ господамъ, кромѣ процентовъ, большую комиссію и былъ вынужденъ принять въ счетъ ссуды бумаги, принадлежавшія будто бы банку, по слишкомъ высокой цѣнѣ. Антверпенское дѣло было окончено раньше чѣмъ ожидалось и такъ какъ проценты, уплаченные имъ за эту ссуду оказались совершенно несообразными со временемъ, въ теченіе котораго онъ ею пользовался, то г. Минчикъ предложилъ ему дальнѣйшую ссуду въ миллионъ двадцать тысячъ талеровъ подъ начинающееся тогда збировское дѣло. По случаю этого дѣла г. Минчикъ доставилъ Струсбергу случай вступить въ прямыя письменныя и официальныя сношенія съ коммерческимъ ссуднымъ банкомъ. Ссудный банкъ разрѣшилъ банкиру Струсберга, Иосифу Жаку въ Берлинѣ кредитъ, и разрѣшилъ самому Струсбергу трассировать на банкъ черезъ контору Жака и непосредственно. Между тѣмъ осенью прошедшаго года, г. Струсбергъ отправился, по приглашенію одного изъ высшихъ вѣдомствъ—въ Петербургъ, чтобы принять тамъ участіе въ различныхъ предпріятіяхъ, касающихся этого города. Во время его пребыванія въ Петербургѣ, онъ познакомился съ директоромъ ссуднаго банка г. Ландау и имѣя переговоры съ г. Поляковымъ относительно поставки 2,000 товарныхъ вагоновъ для курско-харьково-азовской дороги, воспользовался знакомствомъ съ г. Ландау и привлекъ его къ участію въ этомъ дѣлѣ. Вслѣдствіе этого сношенія г. Струсберга съ банкомъ достигли мало по малу такихъ размѣровъ, что банкъ въ собственныхъ интересахъ долженъ былъ помогать ему и далѣе. Передъ выдачей послѣдней ссуды, Ландау былъ лично въ Збировѣ. Струсбергъ въ то время нуждался въ большой суммѣ, но ему была доставлена помощь только въ половину, такъ что полученныхъ денегъ не достало и г. Струсбергъ очутился тотчасъ же въ безденежьи. Послѣ этого онъ послалъ въ Москву одного своего друга, что-

бы выяснить правленію положеніе дѣла и убѣдить, что интересы банка слишкомъ связаны съ собственными его Струсберга ин-

тересами, что банку нельзя теперь покинуть его въ нуждѣ, и что напротивъ гораздо выгоднѣе помогать ему. Если бы банкъ отказалъ ему во время—показывалъ Струсбергъ—то онъ попробовалъ бы другія средства и, можетъ быть, ему удалось бы выждать время. Въмѣсто того банкъ официально подалъ ему надежду на помощь, вызвалъ въ Москву и самымъ хитрымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ для Струсберга такъ и для себя вреднымъ образомъ довелъ его до раззоренія». Струсбергъ послѣ узналъ, что г. Ландау до знакомства съ нимъ велъ операціи съ иностранными бумагами отъ имени банка. Потери на этихъ бумагахъ были бы чрезвычайно значительны, если бы Струсбергъ не принялъ ихъ отъ банка. Такъ что для г. Ландау все заключалось въ томъ, что бы свалить эту потерю съ своихъ плечъ, къ чему дѣла съ Струсбергомъ и представили удобный случай. Итакъ въ концѣ концовъ, по показаніямъ Струсберга, оказывается, что не онъ ввелъ банкъ въ раззореніе а напротивъ, самъ былъ жертвой и козлицемъ очищенія. Въ заключеніе г. Струсбергъ высказалъ мнѣніе, что въ настоящую минуту нѣтъ

другаго средства успокоить русскую публику относительно банковскаго дѣла, какъ правительству заплатить текущіе долги коммерческаго ссуднаго банка!

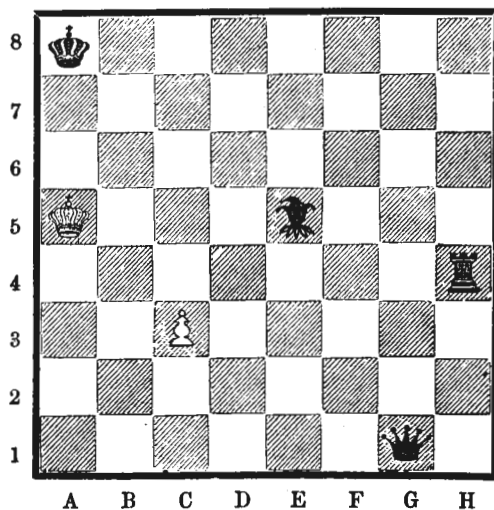
Портретъ Ветеля Струсберга.

ЗАДАЧА

Н. ЕРМИЛОВА

Посвящается М. Я. Протопопову

Бѣлые.

Черные начинаютъ и заставляютъ бѣлыхъ сдѣлать матъ въ 5 ходовъ.

Рѣшеніе задачи въ слѣдующемъ № «Нивы».

Разныя извѣстія и объявленія въ отдѣльно прилагаемомъ листѣ.

„При этомъ № прилагается для гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ прейсъ-курантъ отъ Торговаго дома Германа Корнуса въ С.-Петербургѣ и листъ объявленій“.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Придворныя извѣстія.

Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Марія, Александровна, Герцогиня Единбургская, разрѣшилась отъ бремени принцессою, въ Иствель-Паркѣ, въ 10 съ половиною часовъ утра 17-го (29-го) октября сего 1875 года.

Дѣйствія правительства.

Отъ Высочайше утвержденной организационной комиссии, состоящей подъ почетнымъ председательствомъ Ея Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника цесаревича, по участию Россіи на международной выставкѣ и конгрессѣ въ Брюссель 1876 г.

Комиссія имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, утвержденное Ею Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, положеніе о русскомъ отдѣлѣ международной выставки 1876 года въ Брюсселѣ, по предметамъ гигиены и спасенія погибающихъ.

Общая программа брюссельской международной выставки, система классификаціи предметовъ, на нее допускаемыхъ, а также общій регламентъ относительно участія въ означенной выставкѣ иностранныхъ государствъ, изданные совѣтомъ администраціи анонимнаго общества, уже обнародованы въ №№ 219 и 220 „Правительствннаго Вѣстника“ и въ №№ 259 и 260 «Journal St. Pétersbourg».

Настоящее положеніе о русскомъ отдѣлѣ брюссельской международной выставки, совокупно съ вышеупомянутыми публикаціями, отпечатано отдѣльными оттисками, и желающіе могутъ получать ихъ безвозмездно въ отдѣленіи комиссіи, имѣющагося въ зданіи музея прикладныхъ зданій (въ Солянномъ Городкѣ, входъ съ Пантелеймоновской) откуда выдаются также бланки предварительныхъ объявленій о желаніи участвовать въ русскомъ отдѣлѣ брюссельской международной выставки (см. § 18 положен.: о русск. отдѣлѣ) и фактуръ, при коихъ назначаемые на выставку предметы должны быть доставляемы въ означенное отдѣленіе комиссіи (см. § 21 того же положен.).

Дѣла церкви.

Святѣйшій синодъ, согласно заключенію учебнаго при немъ комитета, усмотрѣвшаго, что на нѣкоторыхъ общепархіальныхъ и окружныхъ училищныхъ сѣздахъ духовенства нерѣдко избирались и нынѣ избираются какъ въ депутаты, такъ и въ предсѣдатели сѣздовъ лица, состоящія, въ то же время, членами консисторій, которые, своимъ положеніемъ и влияніемъ, не могутъ иногда не стѣснять подчиненное имъ духовенство въ свободномъ обсужденіи мнѣній по училищнымъ дѣламъ, сдѣлавъ распоряженіе, чтобы впредь члены консисторій не избирались ни въ предсѣдатели, ни въ депутаты сѣздовъ духовенства.

Военное дѣло.

Въ «Турк. Вѣд.» пишутъ: Въ то время, когда, въ Андиджанѣ, Автобачи со своими соумышленниками снова готовились объявить газавать (войну за вѣру), изъ Маргелана отправился въ Шариханъ, Ассакъ и Андиджанъ находившійся при русскомъ отрядѣ ориенталистъ А. Л. Кунъ. Цѣлью поѣздки г. Куна было собраніе статистическихъ свѣдѣній о восточной части коканскаго ханства. А. Л. Куна сопровождалъ топографъ, штаб-капитанъ Петровъ и нѣсколько вольнонаемныхъ джигитовъ. На третій день послѣ прѣзда въ Андиджанъ г. Куна, въ городѣ вспыхнуло возстаніе. Какъ кажется, причиною, ускорившею взрывъ возстанія, было объявленіе ханскаго приказа о сборѣ въ Коканъ нукеровъ. Всѣ, кому приходилась очередь идти въ ханское войско, бѣжали въ горы, присоединяясь къ скопищамъ Автобачи, еще въ то время сержывавшагося вѣд Андиджана, то на хуторѣ (раббатъ) своего тестя, то въ своемъ родномъ кипчакскомъ кишлакѣ, въ 24-хъ верстахъ отъ Андиджана, за Кара-Дарьею. По всему городу раздавался крикъ: «газы-газы», и толпы народа, вооруженнаго чѣмъ попало, бросились на джигитовъ, находившихся при бегахъ шариханскомъ и андиджанскомъ. Другая толпа кинулась на домъ, гдѣ остановились гг. Кунъ и Петровъ. Ворота успѣли, однако, во время затворить;

джигиты г. Куна и серкера (хозяйна дома, гдѣ остановился г. Кунъ) заслонили собою толпѣ входъ въ узкую улицу, угрожая ружьями и револьверами, и заставили отхлынуть толпу, всегда готовую на грабежъ, но очень неохотно встрѣчающуюся лицомъ къ лицу съ дѣйствительною опасностью. Джигиты бековъ также успѣшно отбили первое нападеніе. Когда толпа и здѣсь отхлынула, беки прискакали со своими джигитами въ домъ, гдѣ были гг. Кунъ и Петровъ, и усиленно просили ихъ немедленно же уѣхать изъ города, увѣряя, что чрезъ нѣсколько минутъ уже поздно. Дѣйствительно, крики по городу не умолкали, а по временамъ слышались уже выстрѣлы. Собравшись наскоро, гг. Кунъ и Петровъ выѣхали изъ города съ револьверами наготовѣ, съ трудомъ пробравшись сквозь волнующую толпу и выбирая менѣе населенныя улицы. Все время пока гг. Кунъ и Петровъ собирались въ путь, беки шариханскій и андиджанскій стояли у воротъ дома, затѣмъ поѣхали—одинъ по правую, другой—по лѣвую русскихъ гостей, окруживъ ихъ густою толпою своихъ джигитовъ. «Вы наши гости», говорили беки, «мы отвѣчаемъ и передъ Богомъ, и передъ ханомъ за вашу безопасность», Медленно проѣхали беки городъ, спустились въ Андиджанъ-сай, и, только отѣхавъ верстъ 20 отъ города, объявили, что теперь можно ѣхать скорѣе, не опасаясь преслѣдованія горожанъ андиджанцевъ. Въ 2 ч. ночи, гг. Кунъ, Петровъ и сопровождавшіе ихъ беки благополучно прибыли въ русскій лагерь, расположенный у Намангана, сдѣлавъ въ одинъ день болѣе 30 верстъ трудной дороги, отъ Андиджана до Намангана.

СОДЕРЖАНІЕ: Сербскій Князь Миланъ VI, Сербская Княгиня Наталія Петровна (съ портретами). — Кто выигралъ? (Изъ современной уголовной хроники). Романъ Ф. Фридриха (продолженіе). — Герцогининское возстаніе (съ рисункомъ). — Грѣзы (съ рисункомъ). — Захватленіе. — Экспедиція профессора Норденшельда въ Новую Землю (съ 2-мя рисунками). — Докторъ Струбергеръ (съ портретомъ). — Шахматы. — Разныя извѣстія.

Редакторъ Ф. Бергъ (Боевъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ИЗЪ БУМАГИ.

Воротники дамскіе: въ 15, 25, 30, 35 и 40 за дюж.
Воротники мужскіе: въ 25, 30 и 35 коп. за дюж.
Манжеты мужскія и дамскія: въ 40, 45, и 60 коп. за 12 паръ.
Манишки мужскія, смотря по величинѣ отъ 25 до 80 коп. за дюж.
Депо бумажнаго бѣлья, въ Москвѣ, Газетный переул., магазинъ „Городъ Нюрнбергъ“.
Отправка по мѣркѣ во всѣ города, но не менѣе, чѣмъ на 5 руб.

ДЕШЕВЫЕ САХАРНЫЯ ЗАВОДЫ.

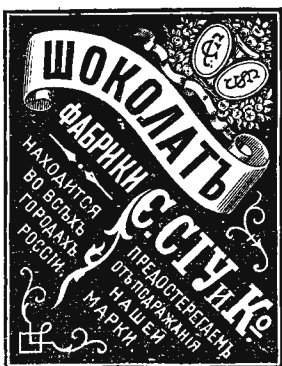
Нижеподписавшійся можетъ предложить полные, почти новаго устройства нѣсколько сахарныхъ заводовъ въ Австраліи, которые по причинѣ финансоваго кризиса продаются—или оцмѣт, или отдѣльно — на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Онъ же принимаетъ на себя устройство новыхъ сахарныхъ заводовъ. Имѣетъ долготѣльную, частью тоже въ Россіи, практику.
Особенно рекомендуется за 40,000 рублей почти новое заводское устройство, по системѣ джизуи, производившее ежедневно 3500 пудовъ свежловичнаго сахара.

Тожѣ предлагается машины и аппараты всякаго рода и системъ. Самыя лучшія рекомендаціи имѣются

Г. Кригеръ.

Инженеръ для сахарныхъ заводовъ въ Вѣнѣ IX округѣ, Порцеллангассе № 40.

2—2

45—18

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ
ЕДВАРДСЪ КОЛЬДКРЕМЪ.
По Екатеринскому каналу у Казанскаго моста, домъ Устинова № 12. 4—1

26—2

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.
въ С.-Петербургѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы В. В. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ „НИВЪ“ 1875 года 90 к. съ пересылкою.
Семья вольнодумцевъ, Историческая повѣсть времени Екатерины II. Л. Петрова и В. Каюшикова. Повѣсть эта въ безлестрической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и важнѣйшими дѣятелими Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ „НИВЪ“ 1875 года 75 к. съ пересылкою.
Про что чебетала ласточка. Сочиненіе Шинельгагена. Съ портретомъ и биографіею автора. С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р., для подписчиковъ „НИВЪ“ 1875 г. 1 р. съ пересылкою.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1876 ГОДУ

ЕЖЕМЯСЯЧНАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО СБОРНИКА

„ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССИЯ“

ВТОРОЙ ГОДЪ.

Въ 1876 году сборникъ «Древняя и Новая Россія» будетъ издаваться по той же программѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ текущемъ году, но безъ предварительной цензуры. Такое облегченіе, полученное сборникомъ, послужитъ, разумѣется, въ существенному расширенію и улучшенію его историко-литературнаго отдѣла; что же касается вышности изданія, то въ ней произойдетъ лишь одна перемѣна: рисунки будутъ помѣщаться не въ текстѣ, а на отдѣльныхъ листахъ. Редакція не можетъ опредѣлять количества художественныхъ приложений къ каждой книжкѣ, такъ какъ это зависитъ отъ содержания статей, но въ теченіи года будетъ дано не менѣе 40—50 гравюръ на деревѣ, литографій и хромо-литографій.

Въ историко-литературномъ отдѣлѣ сборника «Древняя и Новая Россія», въ 1876 году, будутъ принимать участіе слѣдующія лица, болѣею частью, уже доставившія въ редакцію общанныя имъ статьи:

- Проф. Н. Я. Аристовъ.—А. П. Барсуновъ.—Проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.—Н. Г. Богословскій.—Проф. А. Г. Бриннеръ.—Баронъ Ф. А. Бюлеръ.—Е. А. Бѣловъ.—Проф. В. Г. Васильевскій.—Ф. А. Витбергъ.—В. П. Гаевскій.—Проф. В. И. Герье.—П. А. Гильтебрандтъ.—Акад. Я. К. Гротъ.—Проф. М. П. Драгомановъ.—П. Я. Дашковъ.—М. Ф. Де-Пуле.—Г. В. Есиповъ.—И. Е. Забѣлинъ.—Проф. Е. Е. Замысловскій.—Проф. В. С. Иконниковъ.—Проф. Д. И. Иловайскій.—Е. П. Карновичъ.—Проф. Г. Ф. Карповъ.—Проф. В. О. Ключевскій.—Проф. Д. А. Корсановъ.—Проф. Н. И. Костомаровъ.—А. М. Лазаревскій.—Проф. В. И. Ламанскій.—Л. Н. Майновъ.—В. Н. Майновъ.—П. К. Мартыновъ.—Проф. О. Ф. Миллеръ.—Д. Л. Мордочевъ.—Проф. И. С. Некрасовъ.—В. И. Немировичъ-Данченко.—П. Н. Петровъ.—П. Н. Полевой.—Проф. Н. А. Поповъ.—А. Н. Поповъ.—В. П. Поповъ.—П. А. Ровинскій.—Проф. А. В. Романовичъ-Славатинскій.—А. И. Савельевъ.—Проф. Д. Я. Самонасовъ.—В. М. Свирѣлинъ.—Акад. С. М. Соловьевъ.—В. В. Стасовъ.—Н. П. Степановъ.—А. А. Сонцовъ.—Акад. М. И. Сухолинковъ.—И. А. Тихомировъ.—Н. Н. Тихонравовъ.—Л. Н. Трефолевъ.—Ф. М. Уманецъ.—И. П. Хрущовъ.—Н. А. Чаевъ.—Проф. С. М. Шпилевскій.

Кромѣ того, въ сборникѣ 1876 года будутъ напечатаны посмертныя сочиненія академика Н. Г. Устрялова (Неизданная глава изъ 5 тома «Исторія царствованія Петра Великаго» и «Воспоминанія») и М. Д. Хмырова.

Въ художественномъ отдѣлѣ сборника будутъ принимать участіе художники и гравюры: П. Ф. Борель, И. И. Ваулинъ, Н. А. Гоголинскій, Г. В. Глушновъ, И. А. Космановъ, И. И. Матушинъ, А. А. Шилперъ.

Къ первой книжкѣ сборника 1876 года будетъ приложена, между прочимъ, большая литографія на тону съ картины проф. В. И. Якоби «Вольскій въ засѣданіи кабинетъ-министровъ».

Сборникъ «Древняя и Новая Россія» выходитъ ежемѣсячно книжками, въ размѣрѣ отъ десяти до двѣнадцати печатныхъ листовъ большаго формата, in 4, въ два столбца печати на страницѣ, съ нѣсколькими портретами и рисунками въ приложеніи, такъ что, по окончаніи года, составятся три большихъ тома, отъ 120 до 150 печатныхъ листовъ, съ 40—50 гравюрами на деревѣ, литографіями и хромо-литографіями.

Подписная цѣна на годовой экземпляръ сборника, состоящій изъ двѣнадцати книгъ: для гг. городскихъ подписчиковъ, въ С.-Петербургѣ: съ доставкою на домъ 12 р. 50 к., безъ доставки 12 р. Для иногородныхъ: 1) въ Москвѣ, съ доставкою на домъ 13 р. 50 к., безъ доставки 12 р. 50 к. 2) въ губерніи: съ пересылкою 13 р. 50 к. Для заграничныхъ: вся Европа (кромѣ Франціи) 14 р. Франція 16 р.

Подписка на 1876 годъ принимается въ Петербургѣ, въ конторѣ редакціи сборника, при хромо-литографіи и типографіи издателя В. И. Граціанскаго, Невскій пр. д. № 46, рядомъ съ Пассажемъ; въ Москвѣ, въ кн. маг. И. Г. Соловьева, Страстной бульваръ, д. Алексѣева.

Иногородные исключительно обращаются въ контору редакціи.

Разсрочка платежа подписной суммы для частныхъ лицъ допускается по соглашенію съ конторою редакціи, для служащихъ — черезъ посредство ихъ казначеевъ.

Подписка на 1875 годъ продолжается.

Сборникъ „Древняя и Новая Россія“ за 1875 годъ, состоящій изъ трехъ томовъ, по четыре книжки въ каждомъ, и заключающій около 150 печатныхъ листовъ большаго формата, in 4, въ два столбца печати на страницѣ, съ 65 гравюрами на деревѣ, литографіями и хромо-литографіями, можно получать въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ: въ колѣнкоромѣ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ, 15 р., въ папѣ 13, въ бумажной обложкѣ 12 р.

О подпискѣ на 1876 годъ НА ЕЖЕДНЕВНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ „БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Подписка въ Россіи.

Table with 6 columns: МѢСЯЦЫ, Городскіе (Безъ до-ставк. Р. К.), Сь до-ставкою Р. К., Иногородные (Сь пере-сылкою Р. К.), Городскіе (Безъ до-ставк. Р. К.), Сь до-ставкою Р. К., Иногородные (Сь пере-сылкою Р. К.). Rows for months 12, 11, 10, 9, 8, 7.

Подписка за границею съ пересылкою.

Table with 6 columns: МѢСЯЦЫ, Въ европейскія го-сударства и Сѣверная Америка (Руб. Кол.), Южная америка (Руб. Кол.), Австралія, Китай и Японія (Руб. Кол.). Rows for months 12, 6, 3, 1.

Подписка открыта въ главной конторѣ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, въ С.-Петербургѣ, по Литейному проспекту, въ домѣ № 42, въ книжныхъ магазинахъ Бабунова, Вольфа, Исакова; Колесова и Михина, Мелье и Черкесова и К^о; въ Москвѣ у Н. А. Мейера, на Солян-кѣ, д. Бабурина.

Подписка принимается не иначе какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Разсрочка платежа подписныхъ денегъ допускается: для служащихъ—по третямъ чрезъ ихъ казначеевъ; для не служащихъ—по личному или письменному соглашенію съ редакціею, для чего необходимо обращаться въ главную контору „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ, за годовой экземпляръ съ пересылкою въ губерніи, доставляютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подпискѣ 7 руб., въ концѣ марта 6 руб. и въ началѣ августа 4 руб.; а съ доставкою въ Петербургъ—уплачиваютъ въ конторѣ при самой подпискѣ 5 руб., въ концѣ марта 5 и въ концѣ іюня 6 руб.

О подпискѣ на 1876 годъ НА „ВЕЧЕРНЮЮ ГАЗЕТУ“

ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Table with 3 columns: На 12 мѣсц. 8 р. — к., На 8 мѣсц. 6 р. — к., На 4 мѣсц. 3 р. 50 к. Rows for months 11, 10, 9.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи „Вечерней Газеты“, въ С.-Петербургѣ, по Литейному проспекту, домъ № 42, не иначе какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Разсрочка платежа подписныхъ денегъ допускается: для служащихъ—по третямъ чрезъ ихъ казначеевъ; для не служащихъ—по личному или письменному соглашенію съ редакціею, для чего необходимо обращаться въ главную контору „Вечерней Газеты“.

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ, за годовой экземпляръ съ пересылкою въ губерніи и доставкою въ Петербургъ, высылаютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подпискѣ 3 руб., въ концѣ марта 3 руб. и въ началѣ августа 2 руб.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1876 ГОДУ

„БУДИЛЬНИКА“

сатирическаго журнала съ хромо-литографическими рисунками и карриатурами.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Table with 2 columns: на годъ, на полгода. Rows for Безъ доставк., Сь доставкою, Сь пересылкою въ города.

За перемѣну адреса редакція взимаетъ 20 коп. сер.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Москвѣ—въ редакціи (на большой Никитской) и во всѣхъ внешнихъ магазинахъ.

Кромѣ Москвы подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: въ С.-Петербургѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Полтавѣ, Курскѣ, Орлѣ, Мценскѣ и Воронежѣ.

Объявляя о продолженіи изданія «Будильника» въ 1876 году, редакція честь имѣетъ честь заявить, что съ 1-го января 1876 года она намѣрена увеличить число красокъ въ хромо-литографическихъ рисункахъ и вообще число карриатуръ число юмористическаго, а въ особенности бытоваго и политическаго содержанія. Въ текстѣ журнала будутъ значительно умнены отдѣлы: 1) иногородныхъ корреспонденцій, 2) юмористическихъ телеграммъ, передающихъ событія дня и 3) политическаго, провинціальнаго и стиличнаго фельетоновъ.—Вообще задачъ редакціи—постоянно не щадя никакихъ усилій, заботиться объ улучшеніи литературной и художественной стороны журнала.

Редакція покорнѣе проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ присылать свои требованія заблаговременно, дабы предотвратить могущую быть несвоевременною высылку номеровъ журнала.

ЖИВЪ

№ 49

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ

Выданъ 8 Декабря 1875 г.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕЕКЪ.

Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ „НИВЪ“ на 1876 годъ.

Въ виду приближенія времени подписки на 1876 г., мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія останова въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ номеровъ.

Приготовленіе около 14.000 печатныхъ адресовъ для гг. иногородныхъ подписчиковъ требуетъ весьма большой работы и времени такъ что намъ гораздо легче если подписчи теперь уже благоволятъ выслать свои требванія ибо въ концѣ Декабря когда всѣ требванія поступятъ вдругъ, большое количество адресовъ трудно съ разу приготовить.

При возобновленіи подписки просимъ покорно высылать печатные редакціонные адреса отъ бандеролей, въ которыхъ подписчики получаютъ „НИВУ“ въ нынѣшнемъ 1875 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

- I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ 4 р.
- II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ 5 р.

- III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжный магазинъ Д. Гр. Соловьева, А. Данъ и А. Живарева 4 р. 50 к.
- IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи 5 р. 50 к.)

*) ПОЧТОВЫХЪ МАРОКЪ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ, а просимъ высылать этотъ полтинникъ серебромъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи «НИВЫ» въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9.

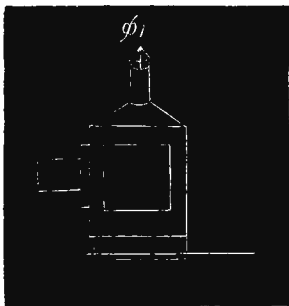
ПОДПИСКА на 1876 г. продолжается на тѣхъ же самыхъ условіяхъ. Издатель „НИВЫ“ А. Ф. МАРКСЪ.

Устройство волшебныхъ фонарей и аппаратовъ для туманныхъ картинъ, при различныхъ источникахъ свѣта, а также способъ приготовленія прозрачныхъ картинъ на стеклѣ.

Хотя волшебный фонарь и былъ изобрѣтенъ въ исходѣ XVI столѣтія (иезуитомъ Кирхеромъ), но очень долгое время онъ употреблялся только вызывателями тѣней, странствующими фокусниками и проч. и затѣмъ уже появился въ продажѣ какъ игрушка.

Въ настоящее время, въ особенности за границею, волшебный фонарь вошелъ въ большое употребленіе. Для высшихъ учебныхъ заведеній и школъ онъ служитъ отличнѣмъ образовательнымъ средствомъ, а въ семьяхъ, какъ полезное и пріятное препровожденіе времени, въ особенности въ длинные зимніе вечера.

Усовершенствованія въ фотографическихъ процессахъ, дали возможность получать на стеклѣ увеличенные микроскопическіе препараты, которые посредствомъ волшебнаго фонаря могутъ быть увеличены до громаднѣхъ размѣровъ, смотря по качеству фонаря и силѣ свѣта. Изображенія эти гораздо яснѣе и отчетливѣе, чѣмъ получаемыя даже посредствомъ другихъ микроскоповъ. При нѣкоторыхъ приспособленіяхъ можно посредствомъ волшебнаго фонаря наблюдать интереснѣйшія явленія поляризаціи свѣта, хроматизмъ, слѣдить за жизнью инфузорій въ каплѣ воды, корки сыра и проч., а также производить опыты надъ кристаллизаціею солей.

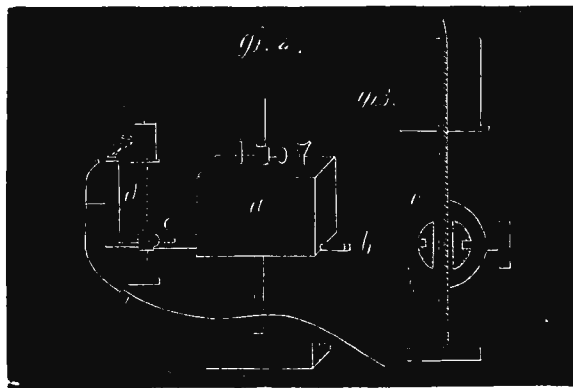
Жестяной волшебный фонарь.

Обыкновенные волшебные фонари, продаваемые въ игрушечныхъ магазинахъ и у нѣкоторыхъ оптиковъ (дешевые) имѣютъ много недостатковъ:

Во 1-хъ. Оптическія стекла въ нихъ не всегда бываютъ даже настолько хороши, чтобы можно было получить хотя ясное изображеніе.

2. Источникъ свѣта, — простая масляная лампа, съ дурнымъ жестянымъ рефлекторомъ, даетъ весьма слабо освѣщенныя, и мѣстами покрытыя пятнами, темныя изображенія.

Керосиновая же лампа со стекломъ, и лучшимъ рефлекторомъ, хотя и даетъ возможность получать довольно сильно освѣщенныя изображенія, но употребленіе этихъ лампъ не безопасно, потому что сильный жаръ, въ особенности въ фонаряхъ небольшихъ размѣровъ, можетъ довести керосинъ до кипѣнія, причѣмъ очень легко можетъ произойти взрывъ.

Спирто-кислородная лампа.

3. Металлическій фонарь (по большей части окрашенный масляною или лаковою краскою) за недостаткомъ надлежащей тяги воздуха, производитъ невыносимый чадъ въ комнатѣ.

Простой волшебный фонарь (фиг. 1) состоитъ обыкновенно изъ жестянаго ящика съ дверцами и трубою для тяги воздуха; въ передней части ящика находится плоско-выпуклое собира-

тельное стекло, на которое падают отраженные рефлектором лампы лучи, и производить усиленное освещение прозрачной картины, вставленной в паз, впереди которой находится другое собирательное двойное выпуклое стекло, посредством которого и получается на экранѣ или стѣнѣ увеличенное, но обратное изображение; а потому чтобы картина отражалась въ настоящемъ видѣ, должно ее вставлять въ пазъ на оборотъ. Трубка заключающая въ себѣ двойковыпуклое стекло вставляется въ другую трубку, такъ чтобы это стекло можно было удалять и приближать къ картинѣ, что необходимо для получения отчетливаго изображения.

Фонарь ставится въ совершенно темной комнатѣ на столѣ, противъ натянутой на стѣну простыни; лампа зажигается и устанавливается противъ задняго стекла такимъ образомъ, чтобы на холстѣ образовался правильный и возможно сильно и равномерно освѣщенный кругъ. Затѣмъ закрываютъ дверцы фонаря, вставляютъ въ пазъ нарисованную на стеклѣ картину и движениемъ трубки съ переднимъ стекломъ доводятъ отраженное изображение до возможной отчетливости.

Величина изображения зависитъ отъ разстоянія фонаря отъ стѣны. Чѣмъ болѣе удаляютъ фонарь отъ стѣны, тѣмъ больше дѣлается изображение, но за то оно будетъ темпѣе и менѣе отчетливо. Изъ этого слѣдуетъ, что чѣмъ болѣе желаютъ получить изображение, тѣмъ сильнѣе долженъ быть свѣтъ въ фонарѣ.

Источниками свѣта для волшебныхъ фонарей служатъ: масляныя и керосиновыя лампы, свѣтильный газъ, спиртово-кислородная лампа и друмондовъ свѣтъ. Самое слабое освѣщеніе получается отъ свѣтильнаго газа, а самое сильное отъ друмондова свѣта.

Сила свѣта напримѣръ: свѣтильнаго газа, въ сравненіи со свѣтомъ парафиновыхъ свѣчей (8 на фунтъ) равняется 16 свѣчамъ; масляной лампы которую мы опишемъ далѣе—30 свѣчамъ; спиртово-кислородной лампы—150, а друмондова свѣта—427 свѣчамъ. Для масляныхъ и керосиновыхъ лампъ, а также и свѣтильнаго газа, необходимы рефлекторы, но не простыя а обложенныя чистымъ серебромъ, потому что такой рефлекторъ отражаетъ 90% лучей, между тѣмъ какъ композиція отражаетъ ихъ только около 56%.

Самая лучшая масляная лампа съ значительною силою свѣта, есть обыкновенная солнечная лампа, съ обложеннымъ чистымъ серебромъ рефлекторомъ, на стивѣ, для пониженія и повышенія лампы.

Въ деревянное масло, употребляемое для этой лампы, кладутъ нѣсколько кусковъ растолченной камфоры, такъ чтобы на 10 частей масла приходилось 2 части камфоры. Для растворенія ее въ маслѣ, ставятъ бутылку въ теплое мѣсто, и каждый разъ передъ употребленіемъ разогрѣваютъ, потому что теплое масло жиде и горитъ.

Передъ употребленіемъ зажигаютъ лампу, ненадѣвая на нее стекла, а оставляютъ горѣть нѣсколько минутъ; затѣмъ обрѣзаютъ свѣтильникъ ровно, острыми ножницами, зажигаютъ лампу, надѣваютъ стекло, ставятъ въ фонарь и увеличиваютъ насколько возможитъ пламя. Иногда лампа начинаетъ коптить вслѣдствіе недостатка тяги воздуха (чего никогда не случается при фонарѣ, устройство котораго описано ниже) въ такомъ случаѣ притворяютъ немного дверцы фонаря, и затѣмъ устанавливаютъ ее въ центрѣ собирательнаго стекла (конденсатора). Эта лампа даетъ возможность получать на холстѣ ясное изображение до 2½ аршинъ.

Спиртово - кислородная лампа даетъ ослѣпительный бѣлый свѣтъ и допускаетъ обрасывать на стѣну изображения большихъ размѣровъ, но приготовленіе кислорода и обращеніе съ лампою требуютъ большаго навыка. Для желающей употребить этотъ прекрасный свѣтъ, мы опишемъ весьма практичное устройство лампы, которая употребляется въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Обращеніе съ нею просто и спиртъ въ резервуарѣ никогда не нагревается.

Четырехугольный, сдѣланный изъ латуни резервуаръ *a* *ф.* 2. вмѣщающій въ себѣ бутылку спирта, двигается по стержню статива и укрѣпляется на мѣстѣ боковымъ винтомъ. На верхней части резервуара придѣлана съ одной стороны стержня не большая мѣдная воронка, служащая для вливанія спирта, а по другую сторону помѣщается тоненькая трубочка въ 1½ дюйма вышиною, для выпуска воздуха во время наполненія резервуара. У задней стѣнки на равнѣ съ дномъ находится небольшая трубка *b* снабженная пробкою, для выпуска остатковъ спирта послѣ представленія. Къ передней стѣнкѣ придѣлана мѣдная трубка *c* въ ½ дюйма діаметромъ и около 4 дюймовъ длины. Къ ней припаяна подъ прямымъ угломъ трубка *d*, высотой на ½ дюйма болѣе противъ высоты резервуара, въ ¾ дюйма діаметромъ. Трубка эта раздѣлена пополамъ мѣдною пластинкою, входящею въ трубку на 1 дюймъ. Въ каждую половину вставляется плоскій фитиль и слегка разводится въ стороны. Образовавшійся такимъ образомъ промежутокъ необходимъ для свободнаго пропуска кислорода. Къ трубкѣ *d* припаяется обыкновенная паяльная трубка, изогнутая такъ, какъ показано въ рисункѣ. Верхній конецъ ея находится на одномъ уровнѣ съ пробкою, и противъ пластинки раздѣляющей трубку. Длинная трубка *e* имѣетъ прорѣзъ около 2-хъ дюймовъ длиною, въ которомъ ходитъ стержень съ нарѣзкою, для подыманія и опу-

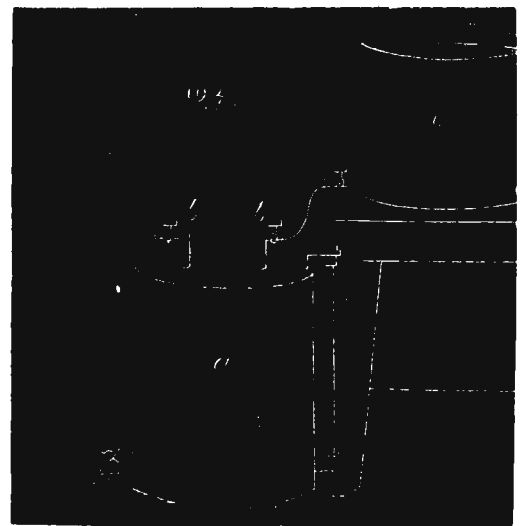
сканія надѣваемого на него известковаго цилиндра, а для того чтобы стержень не уклонялся въ стороны, онъ имѣетъ кольцо съ внутренними цапфами, что ясно видно изъ разрѣза (*фиг. 3*). Наполнивъ резервуаръ спиртомъ, ставятъ лампу въ фонарь, расправляютъ на обѣ стороны фитиль и зажигаютъ лампу. На стержень надѣваютъ сдѣланный изъ негашеной извести цилиндръ и приближаютъ его къ пламени, поворачивая кругомъ, дабы дать ему возможность равномерно прогрѣться. Затѣмъ нижній конецъ паяльной трубки сообщаютъ посредствомъ каучуковой трубки съ мѣшочкомъ или газометромъ, заключающимъ кислородный газъ. На мѣшокъ кладутъ тяжесть, а въ резервуарѣ газометра вливаютъ воды, и затѣмъ постепенно открываютъ газовый кранъ. Струя кислорода, проходя черезъ пламя горящаго спирта, образуетъ гремучій газъ, который постепенно раскаляетъ известковый цилиндръ до такой степени, что онъ отдѣляетъ ослѣпительно-бѣлый свѣтъ. Сила его зависитъ отъ разстоянія между цилиндромъ и струею газа, отъ количества притекающаго кислорода, и отъ доброкачественности цилиндра, а потому цилиндръ приближается настолько къ горѣлкѣ, чтобы получился возможно сильный свѣтъ. Если кислорода отдѣляется слишкомъ много и сильно, то свѣтъ слабѣетъ и слышится шипѣніе; закрывая слегка кранъ получаютъ яркій и совершенно спокойный свѣтъ. Цилиндры приготавливаются изъ негашеной извести и такъ какъ они очень гигроскопичны, т. е. способны притягивать въ себя влагу изъ воздуха, то ихъ чуждо сохранять въ плотно закупоренныхъ сосудахъ, между опилками той же извести. При покупкѣ нужно выбирать цилиндры самые легкіе и сухіе. Они продаются у оптиковъ, имѣющихъ аппараты для туманныхъ картинъ. Въ провинціи, гдѣ ихъ нельзя достать готовыми, можно приготовить ихъ самому. Выбравъ самую легкія и сухія куски негашеной извести, на любомъ токарномъ станкѣ вытачиваютъ цилиндры въ 1¼ дюйма высоты и около ¾ дюймовъ въ діаметрѣ; въ серединѣ просверливаютъ каналъ для надѣванія его на стержень, кладутъ ихъ въ жестянку, пересыпаютъ каждый рядъ тѣмъ же опилками и плотно закупориваютъ. Послѣ представленія, еще горячій цилиндръ кладутъ въ жестянку и тотчасъ же закрываютъ крышку. При такихъ предосторожностяхъ известковый цилиндръ можетъ быть нѣсколько разъ употребленъ въ дѣло.

При представленіи цилиндръ черезъ нѣсколько времени слегка поворачиваютъ, чтобы струя газа дала новую поверхность для раскаленія, иначе въ выгорѣвшей части образуется углубленіе и свѣтъ будетъ слабѣе. Съ этою же цѣлью сдѣлана нарѣзка на стержнѣ для повышенія и пониженія цилиндра. Ручку у винта стержня, и у винта кольца съ цапфами, нужно сдѣлать изъ дерева или кости, потому что металлическія очень сильно нагреваются. Резервуаромъ для кислорода, какъ мы сказали выше, служатъ или каучуковый мѣшокъ или цинковый газометръ. Газъ въ каучуковомъ мѣшкѣ долго нельзя сохранять. Его приготавливаютъ обыкновенно за нѣсколько часовъ до представленія; между тѣмъ какъ въ газометрѣ намъ приходилось его сохранять болѣе мѣсяца. Каучуковый мѣшокъ можно заказать во всякомъ магазинѣ резиновыхъ издѣлій, только нужно приказать сдѣлать его изъ тройной матеріи съ плотно снаянными швами.

Газометры бываютъ различныхъ устройствъ. Находящіеся въ продажѣ, съ резервуаромъ для воды надъ вмѣстительнымъ газа, или съ воронкою, очень непрактичны. Первые нехороши потому, что тяжесть наполненнаго водою резервуара дѣлаетъ сильный напоръ на верхнюю крышку газометра и со временемъ до того сдавливаетъ ее, что образуются трещины, черезъ которые газъ легко можетъ выходить. Въ воронку же нужно постоянно поднимать воду ковномъ, у нижней трубки съ винтомъ, всегда діаметръ несоразмѣрно малъ, и нѣтъ лотка для стока воды, вслѣдствіе чего, во время добыванія газа сильно вытѣсняемая вода будетъ литься черезъ ведро на полъ.

Газометръ же предлагаемый нами имѣетъ совершенно другое устройство и стоить гораздо дешевле.

Онъ состоитъ изъ 2-хъ совершенно отдѣльныхъ частей: цинковаго газометра (*фиг. 4*) и желѣзнаго резервуара для воды с.

Газометръ.

Цинковый газометр состоит из окрашенного внутри и снаружи глухого цилиндра, 18 дюймов в диаметре и 23 дюйма высотой. Через верхнюю его крышку, пропущены 2 мѣдные трубы *bb* съ короткими колѣнами. Одна изъ нихъ служащая для выпуска газа входитъ въ газометръ не болѣе какъ на $\frac{1}{4}$ дюйма. Другая же служащая для пропуска воды, съ цѣлью сдвинуть газъ, должна проходить черезъ весь цилиндръ, и не доходить до дна только на одинъ палецъ. Внизу почти у самаго дна вставляется короткая, выходящая въ наружу не болѣе какъ на $1\frac{1}{2}$ дюйма мѣдная трубка. Диаметръ не менѣе 2 дюймовъ. Въ ней сдѣлана винтовая нарезка; къ трубкѣ этой привинчивается крышка съ каучуковымъ кольцомъ. На одной изъ сторонъ придѣлывается *прямая* стеклянная водомѣрная трубка *d*, служащая для опредѣленія количества газа въ газометрѣ. На обоихъ мѣдныхъ трубкахъ *dd* придѣлываютъ краны, для впуска воды и выпуска газа! Резервуаръ с изъ листового желѣза тоже имѣетъ кранъ; во время дѣйствія его ставятъ на $\frac{1}{4}$ аршина выше газометра и наполняютъ водою.

Добываніе кислорода. Изъ всѣхъ разнообразныхъ способовъ добыванія кислорода, нужно предпочесть добываніе его изъ хлорноватисто-кислаго кали (Бертолетовой соли) съ примѣсью марганца, который самъ отъ себя не отдѣляетъ кислорода, но только помогаетъ скорѣйшему и болѣе регулярному выдѣленію его изъ бертолетовой соли.

Приготовление кислорода дѣйствительно, какъ многіе находятъ, представляеть опасность взрыва. Намъ приходится читать объ подобныхъ случаяхъ, но всегда они происходили отъ неосмотрительности оперирующаго: металлическая реторта, предназначенная для добыванія кислорода, была употреблена для другаго дѣла, и затѣмъ въ наскоро и дурно отмытой отъ постороннихъ органическихъ веществъ ретортѣ добывали кислородъ. Понятно что бертолетова соль въ смѣси съ органическими веществами произведетъ взрывъ (подобный случай былъ не очень давно въ Германіи). Частицы пробовъ, соломы, бумаги и прочихъ органическихъ веществъ въ бертолетовой соли, примѣсь къ порошкообразному марганцу каменнаго угля бываетъ причиною взрыва, и наконецъ металлическая реторта съ плотно привинченною верхнею частію, при быстромъ отдѣленіи газа, вслѣдствіе сильнаго жара всегда можетъ взорваться. При избѣжаніи всего вышесказаннаго, добываніе кислорода есть одна изъ самыхъ простыхъ операций. При принятыхъ нами предосторожностяхъ, мы добываемъ газъ почти ежедневно, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, безъ всякаго опасенія относительно взрыва. Способъ этотъ мы сообщимъ читателямъ.

Отвѣсивъ 4 унца бертолетовой соли, высыпаютъ ее на совершенно чистый листъ бумаги, и устраняютъ всѣ видимыя органическія частицы. Затѣмъ отвѣсивъ 2 унца марганца, смѣшиваютъ его на листѣ бумаги съ бертолетовою солью руками. Мы никогда не употребляемъ продажнаго толченаго чернаго марганца, въ которомъ, какъ сказано выше, могутъ быть примѣси, но покупаемъ у гг. Штоля и Шмита марганецъ въ кристаллическихъ кускахъ, разбиваемъ его на куски величиною съ грѣцкій орѣхъ и прокаливаемъ въ печкѣ до тѣхъ поръ, пока вынутый на пробу кусокъ, въ изломѣ приметъ темно-коричневый цвѣтъ. Очитивъ тщательно куски отъ приставшихъ къ нимъ золы и угольной пыли, толкутъ въ ступкѣ до мелкаго порошка и просѣиваютъ черезъ тонкое сито. Такимъ образомъ обработанный марганецъ всегда безопасенъ, и притомъ при до-

бываніи кислорода не требуется такого сильнаго жара, какъ при обыкновенномъ марганцѣ.

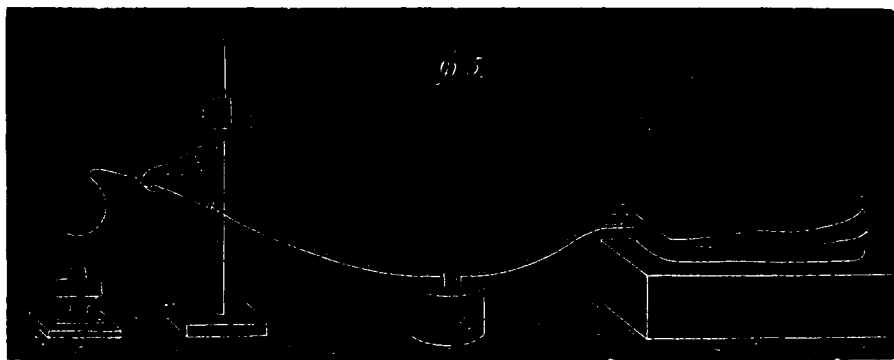
Металлическихъ ретортъ мы никогда не употребляемъ, но беремъ обыкновенную стеклянную фунтовую реторту безъ тубулуса (въ С.-Петербургѣ у Гардера по 20 к.), всыпаемъ черезъ горло всѣ 6 унцовъ смѣси и укрѣпляемъ ее въ шемилкѣ деревяннаго ретортодержателя, какъ видно изъ рисунка (*Фиг. 5 и 6*). Реторта передъ употребленіемъ тщательно промывается водою и высушивается.

Въ горло реторты вставляютъ *не очень плотно* пробку, съ пропущеннымъ въ серединѣ кусочкомъ стеклянной трубки, на одинъ конецъ которой натянута каучуковая трубка. Пробку нужно вставлять неплотно для того, чтобы при случайно быстромъ выдѣленіи кислорода, не могла лопнуть реторта а только бы выскочила пробка, что тоже можетъ случиться только тогда, когда сразу уцареленъ очень сильный жаръ.

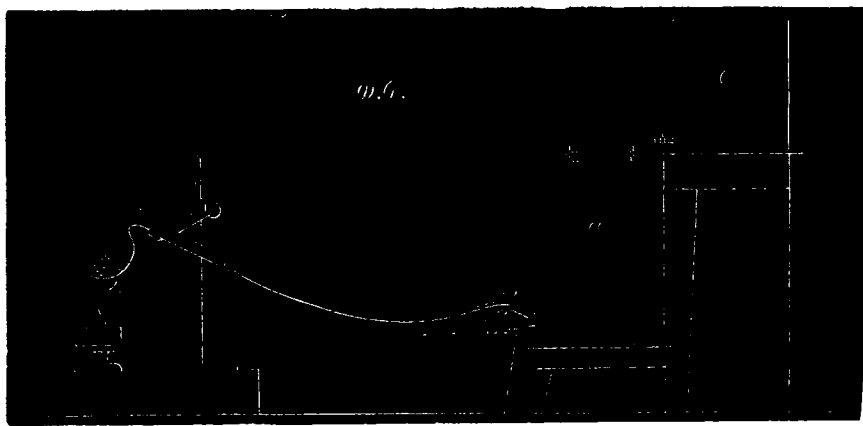
Если кислородъ собираютъ въ мѣшокъ (*Фиг. 5*), то сначала открываютъ у него кранъ, свертываютъ его и сдвигаютъ, для удаленія воздуха, послѣ чего закрываютъ кранъ.

Зажигаютъ спиртовую лампу, обводятъ пламенемъ вокругъ дна реторты, пока перестанетъ на стѣнкахъ образовываться паръ и потомъ уже ставятъ подъ дно. Горло реторты сообщаютъ съ

промывальнымъ аппаратомъ, который служитъ для охлажденія газа, иначе бы рязкій кислородъ дѣйствовалъ разрушительно на составныя части мѣшка. Аппаратъ этотъ, какъ видно изъ рисунка очень простъ. Онъ состоитъ изъ цинковаго маленькаго цилиндра въ 8 дюймовъ высотой и такого же диаметра, съ 2-мя колѣнчатыми трубками. Изъ которыхъ одна, сообщающаяся съ мѣшкомъ, доходитъ только до внутренней поверхности крышки. Передъ употребленіемъ, промывальный аппаратъ наполняютъ холодною водою. При выдѣленіи кислорода слышится легкій шумъ отъ образующихся пузырьковъ въ водѣ, и когда этотъ шумъ начнетъ усиливаться, то положивъ мѣшокъ немного выше промывалки, сообщаютъ его съ другою трубкою и открываютъ кранъ. Мѣшокъ начнетъ быстро наполняться кислородомъ. Если отдѣленіе пузырьковъ уменьшится, лампу поднимаютъ ближе къ дну реторты, и если затѣмъ масса въ ретортѣ

Добываніе кислорода въ мѣшокъ.

Добываніе кислорода въ газометръ.

будетъ кипѣть и вздуться безъ отдѣленія кислорода, закрываютъ кранъ у мѣшка, лампу тушатъ, и разъединивъ мѣшокъ и реторту, даютъ ретортѣ совершенно охладиться, и если мѣшокъ еще не полонъ, берутъ другую реторту со смѣсью и повторяютъ ту же операцію до совершеннаго наполненія мѣшка. Хотя этотъ способъ и немного медленъ, но за то, въ особенности для начинающаго оператора, не представляетъ никакой опасности. Остывшія реторты промываютъ теплою водою, выливая остатки прочъ, или сливая ихъ на большую воронку, въ конецъ которой вставленъ кусокъ губки. Оставшіяся въ воронкѣ марганецъ еще нѣсколько разъ промываютъ теплою водою, давъ стечь которой, высушиваютъ марганецъ; онъ можетъ служить безчисленное количество разъ для приготовления кислорода и даже онъ еще лучше чѣмъ свѣжій. Только при сушкѣ нужно наблюдать, чтобы въ него не выпало золы, сажи и проч.

При собираніи кислорода въ газометръ, (*Фиг. 6*), его ставятъ на скамейку и нѣсколько выше ставятъ резервуаръ, наполненный водою; черезъ кранъ с впускаютъ воду и когда она въ водомѣрной трубкѣ дойдетъ до верха, закрываютъ всѣ краны совершенно... Конецъ трубки реторты опускаютъ въ стаканъ съ водою, и когда начнутъ часто отдѣляться пузырьки, подставляютъ подъ лотокъ трубки *b* пустое ведро и осторожно

отвинчивают крышку. Сначала вода хлынет сильно струей но сейчас перестанет вытекать из трубки. В нее вкладывают находящийся в стакане конец трубки. Газ, входя в газометр, будет вытеснять воду, которую можно собирать в резервуар. Когда воды в стеклянной трубке будет не больше как палец на два от дна, каучуковую трубку удаляют и плотно завинчивают крышку. Таким образом собранный газ сохраняют весьма долго, конечно при условии, чтобы краны и крышка с винтом плотно закрывались.

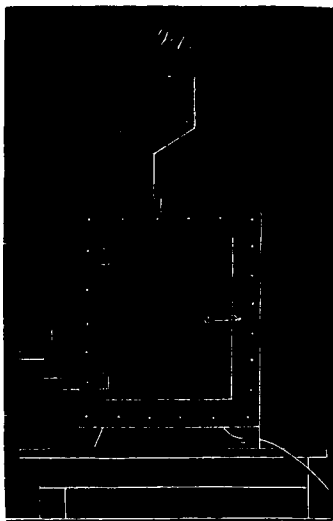
Для друммондова света, кроме кислорода нужен еще и водород, добытие которого не представляет ни малейшего затруднения. В оловянную реторту кладут около 4-х фунтов разрубленного кусками цинка, наливают в него воды и около 6 фунтов простой серной кислоты (купоросного масла) и сообщают с освобожденным от воздуха мышком, на котором делают надпись, чтобы не перемешать его с кислородом. Подобная ошибка может быть причиной взрыва. На небольшом штативе укрепляют две медные трубки с кранами, одна для кислорода, а другая для водорода; на одном конце есть колпачек, через который проходит трубка от кислорода, водородная же трубка пропускает газ прямо в колпачек, так что газы смешиваются при самом выходе, и образуют гремучий газ, раскаляющий известковый цилиндр. Сначала зажигают водород, прогревают им цилиндр и затем уже открывают кран с кислородом. Хотя этот свет значительно сильнее предыдущих, но требует большой осторожности и опытности от оперирующего, а потому, в особенности начинающему, советуем довольствоваться спирто-кислородною лампой, как безопасною и с достаточною силою света для изображений более сажен в диаметре.

В заключение статьи о приготовлении кислорода, мы должны заметить, что если и после принятых предосторожностей при составлении смеси будут сомневаться в ее безопасности, то для большей уверенности посоветуем взять щепотку этой смеси и подожить в чистый и сухой пробирный цилиндр, который держат над спиртовой лампой до красного каления стекла. Если при этом газ будет отделяться спокойно, не разорвав цилиндра, то уже с стеклянной реторты навряд ли случится никакого несчастья. Познакомившись с источниками света перейдем к фонарю.

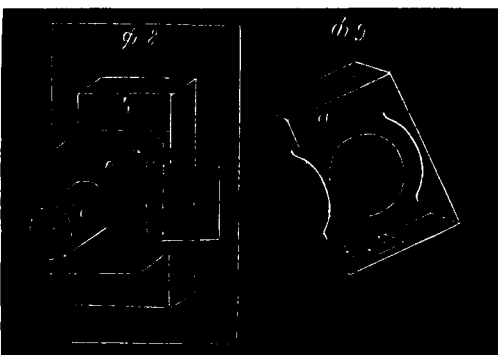
Нам было уже сказано выше, что большая часть продажных волшебных фонарей имеет весьма много недостатков, и так как фонарь весьма нетрудно устроить самим, то и объясним как это нужно сделать.

Во 1-х заказав ящик из какого угодно сучьего дерева 15 дюймов длины, 18 дюймов высоты и 12 дюймов ширины, с двумя дверцами по сторонам, прибавляют вместо верхней доски кусок тонкого железного листа, на который в расстоянии около 5 дюймов от передней створки приделывают большего диаметра железную кольчатую трубку (фиг. 7); в дне ящика про сверливают дырки в шахматном порядке. Вблизи задней створки с обеих боков про сверливают 2 овальные отверстия, в которых, в случае употребления спирто-кислородной лампы, пропускают в одно из них каучуковую трубку от газометра или мышки.

По 4-м углам приделываются ножки в 1 1/2 высоты, для свободного пропускания воздуха через дно в трубку. Такого рода фонарь никогда не нагревается и не падает. Внутри он окрашивается черною клевою краскою. Створки для большей прочности стягиваются винтами. В расстоянии 5 дюймов от дна против середины передней створки делается круглый прорез в 4 1/2 дюйма в диаметре. Против этого отверстия привинчивается вся наружная часть а. Она делается из белой жести (фиг. 8). На лист жести немного меньше передней части фонаря припаивается коробка

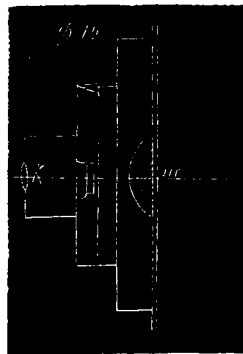

Деревянный фонарь.

Металлическая часть фонаря.

е, шириною в 6 дюймов, длиною в 8 дюймов, высотой 2 дюйма. Как видно из разреза (фиг. 10), к ней, с внутренней стороны припаяно кольцо диаметром на толщину жести, больше против другого кольца, в которое вставлено плоско выпуклое стекло *m*. Кольцо со стеклом вдвигают в первое на стельку, чтобы осталась края для вынимания стекла для чистки. На коробку *b* припаивается часть *c*, в которой вставлена часть *d*. Между *d* и *b* вкладывают картину. Часть *c* имеет следующие размеры: длина и ширина 5 дюймов, высота 1 3/4 дюймов. Часть *d* имеет по бокам 2 пружины, как видно из фиг. 9; Пружины дают возможность вставлять картины в рамках различной толщины и всегда будут их твердо удерживать на месте. На коробку *c* напаяется трубка *e*, диаметром в 4 дюйма, а длиной 3 1/2 дюйма *). В эту трубку вставляется другая с собирательным двояковыпуклым стеклом *k* (фиг. 10). Пе-

Разрез металлической части фонаря.

реднюю часть нужно сдвигать настолько аккуратно, чтобы центры обоих собирательных стекол и картины находились на одной линии. Впереди на трубку надевают колпачек, плотно прилегающий к стеклу *k*; в нем сдвигано круглое отверстие, диаметром не много меньше двояковыпуклого стекла (диафрагма). Этот кружок служит для придания рисунку большей отчетливости. Стекло *m* должно быть не меньше 4 дюймов в диаметре, а стекло *k* около 1 1/2 дюймов. Их можно приобретать у всех оптиков, только стекло *k* нужно спрашивать с коротким фокусом. Считаем долгом заметить, что так как оба оптических стекла не ахроматические, то края линий изображения всегда будут окрашены, а следовательно абсолютной отчетливости от изображений нельзя и требовать. Если вместо переднего стекла к трубке *d* приспособить фотографический объектив с коротким фокусом, употребляемый для снятия визитных карточек, то проектирующиеся изображения на створке будут очень отчетливы. Вообще если желают иметь такую систему оптических стекол, которая бы дала возможность получать совершенно отчетливые, без окраски краев изображения, необходимо нужно, чтобы оба оптических стекла были ахроматическими, т. е. состояли: 1-е из 2-х или 4-х стекол, а второе из 2-х оптических стекол. Тогда изображения получаются до такой степени отчетливы, что посредством описанного нами фонаря можно получать увеличенные фотографические изображения как на стеклах, так и на бумаге **).

Аппараты для туманных картин состоят из двух фонарей, с одинаковою системою стекол, и с подвижною переднею частью, ибо тут требуется, чтобы круг от первого фонаря совершенно совпадал с кругом 2-го, что только и достигается сближением или удалением фонарей и подвижностью передней части в вертикальном направлении.

Перед объективами помещается особого рода лапчатая заслонка, посредством которой закрывается тот или другой фонарь; вследствие чего, если в обоих фонарях вставлены различные картины, то прикрывая медленно один фонарь и открывая другой, на полотне зрителям будет казаться, что одна картина выходит из другой. Этим же двойным фонарем можно делать переходы дневного ландшафта в ночной, закрывая фонарь с дневным ландшафтом и открывая ночной.

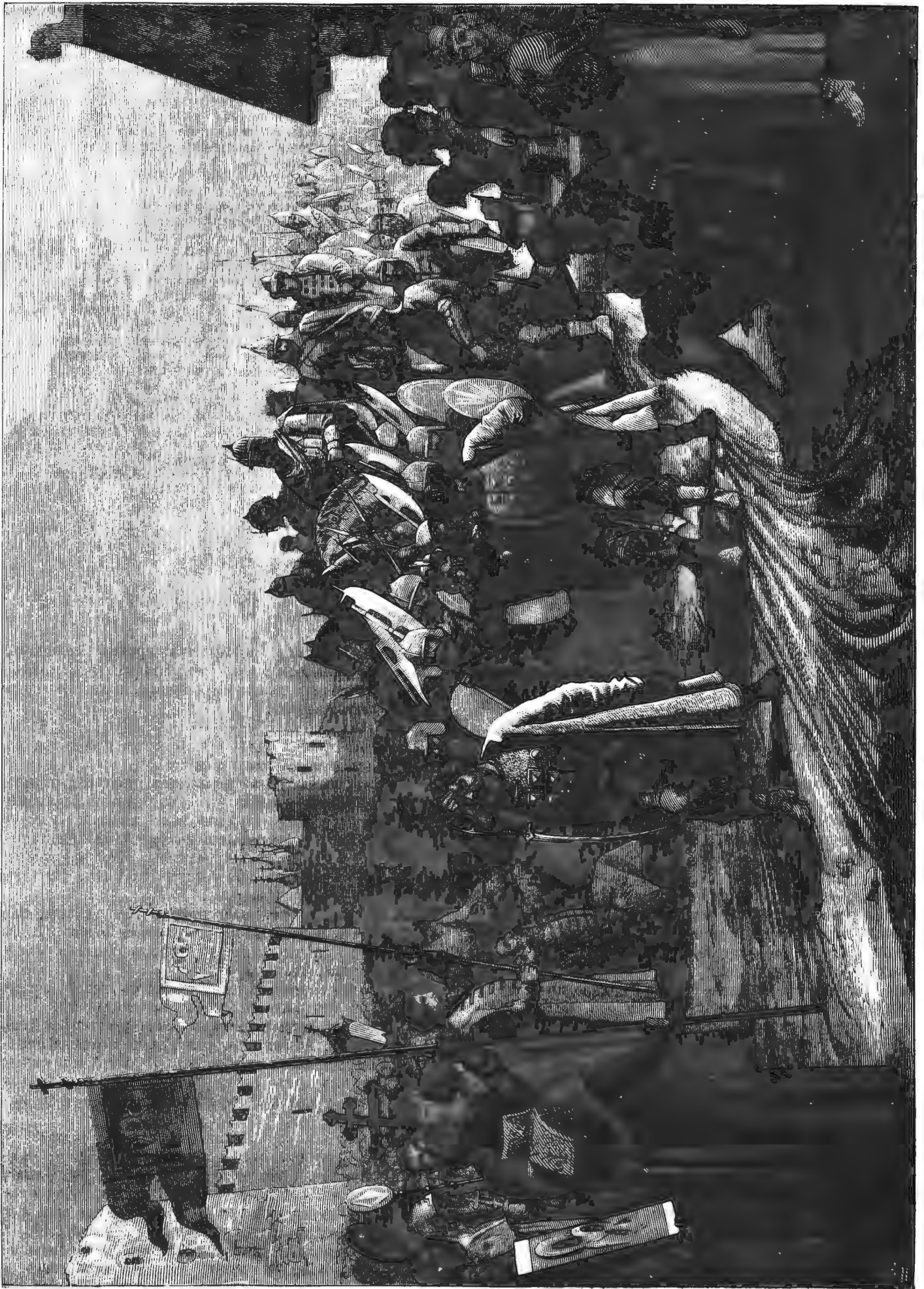
Для изображения же радуги, молнии и проч. появляющихся на пейзаже, открывают постепенно оба фонаря. Радуга должна быть сдвинута на совершенно черном фоне, так что весь свет того фонаря где она находится, сосредоточивается только на ней, а потому она и делается видна на отраженном пейзаже. Для более сложных картин употребляют несколько фонарей, которые устанавливаются иногда на столике с колесами, обтянутыми сукном, для того чтобы не было слышно шума от их движения, как напр. при фантазмагорических аппаратах, где на полотне сначала видна свѣтящаяся точка, переходящая постепенно в какую нибудь фигуру огромных раз-

Лапчатый заслон для туманных картин.

*) Впрочем размер трубки зависит от фокуса стекла. Фокусом называется точка, в которой сходятся преломляющиеся лучи.

**) Такие фонари пригодны как для туманных картин, так и для увеличения фотографий можно получать у автора этой статьи. Подробный адрес можно узнать в редакции «Нивы». Они сравнительно не дороги, а для чтения лекций с туманными картинками приняты Постоянной Комиссией по техническому образованию при Русском Техническом обществе вполне удовлетворительными.

Въездъ Юанна Грознаго во Псковъ, въ 1570 году. Рис. Медвѣдевъ, грав. О. Шмидтъ.

мѣровъ. Для достиженія этого ставить фонарь очень близко отъ полотна и затѣмъ его постепенно отодвигаютъ, постоянно дѣйствуя передними трубками, для того чтобы изображеніе съ увеличеніемъ не потеряло бы отчетливости.

Картины на стеклахъ дѣлаютъ или посредствомъ фотографіи, или просто рисуютъ. Первымъ, конечно, по ихъ тонкости рисунокъ нужно отдать преимущество, въ особенности если фотографіи сняты съ натуры. Стекла для этихъ картинъ нужно выбирать бѣлыя, чистыя и тонкія. Лучше всего употреблять для этой цѣли такъ называемыя жидовскія стекла. Если для раскраски имѣется фотографическій отпечатокъ, то его нужно облить предварительно теплымъ растворомъ желатины въ водѣ, давъ стечь которой, ставить стекло на кусокъ протечной бумаги на ребро, въ мѣстѣ защищенномъ отъ пыли. При облитіи стекла желатиномъ, оно тоже должно быть слегка согрѣто. Высушенное стекло утврѣждаютъ кусочками воска, на рамкѣ со стекломъ, которая укрѣпляется на столѣ въ наклонномъ положеніи; на столѣ противъ этой рамки кладутъ листъ бѣлой бумаги и столъ ставятъ противъ окна, такъ что рефлективный свѣтъ отъ бумаги падаетъ на стекло. Если же рисунокъ приходится дѣлать отъ руки, то сначала, въ размѣрѣ стекла, дѣлаютъ рисунокъ на бумагѣ, накладываютъ на него стекло и рисуютъ контуры перомъ, обмокнутымъ въ разведенную на лакъ краску, и по просушкѣ контуры приступаютъ къ иллюминировкѣ рисунковъ. Краски для этой цѣли употребляютъ прозрачныя. напр. для голубаго цвѣта—Берлинская лазурь (Bleu de Prusse) и ультра-маринъ темный (Outremer foncé), для краснаго—лаки гарансъ и кошениль. Для желтаго—желтые лаки и гумми-гутъ. Эти краски разводятся въ спиртѣ. Соединенные по 2 они даютъ еще 3 краски: оранжевую, фіолетовую и зеленую, но зелена Шеле (vertde-Schéele), еще лучше, составленная изъ берлинской лазури съ гумми-гуттомъ. Для черныхъ и коричневыхъ цвѣтовъ употребляютъ копоть или битюмъ. Краски эти разводятся по мѣрѣ надобности спиртовымъ или ко-

нальнымъ лакомъ. Въ послѣднемъ случаѣ краски нужно сначала растереть на маслѣ, или купить готовыя, тертыя, въ свинцовыхъ флаконахъ. Разрисовка картинъ на спиртовомъ лакѣ дѣлается скорѣй; онъ очень скоро сохнетъ, но за то часто случается, что со временемъ слой краски отскакиваетъ отъ стекла, а потому лучше употреблять для этой цѣли бѣлый копаловый лакъ и сушить рисунки, не на солнцѣ, или въ печкѣ, а медленно въ тѣни, и мѣстѣ совершенно защищенномъ отъ пыли. По высушенному рисунку можно еще разъ проходить красками для усиленія нѣкоторыхъ частей. Кисти нужно употреблять самыя тонкія, англійскія, и краски сразу не брать много на кисть, иначе при наклоненномъ положеніи стекла, она легко можетъ потечь и испортитъ рисунокъ.

Широкія плоскости, какъ напр. спокойную воду, небо, довольно трудно покрыть ровно, а потому когда слой начнетъ слегка смущаться, разбиваютъ краску равномерно по стеклу.

Разрисовка лица, въ особенности маленькаго размѣра, весьма затруднительна, а потому лучше всего покрыть его общимъ тономъ и не давъ еще засохнуть краскѣ, другою кистью съ красною краскою дотрогиваться противъ середины щеки. Краска слегка расплывается и образуетъ румянецъ. Вообще же по невысохшему стеклу нельзя трогать кистью, иначе образуются мазки, которыя иногда впрочемъ можно задѣлать, разбивая слой, какъ сказано выше мизинцемъ.

Луну и блики осторожно процарапываютъ уже на сухомъ стеклѣ. По совершенной просушкѣ рисунка, накладываютъ на него кусокъ черной бумаги съ соответствующимъ вырѣзомъ для картины, сверху кладутъ чистое тонкое стекло и сжавъ все вмѣстѣ плотно, оклеиваютъ края черною бумагою и вставляютъ въ деревянную рамку, соответствующую окладу въ фонарь. Недавно заграницею вошли въ употребленіе американскія краски для иллюминировки на стеклѣ, которыми, какъ говорятъ, очень просто и удобно работать.

В. Ва—скій.

КТО ВЫИГРАЛЪ?...

(Изъ современной уголовной хроники).

РОМАНЪ

Ф. Фридриха.

(Продолженіе).

Платэнъ, не медля ни минуты, послалъ двѣ телеграммы — одну къ г-жѣ Штейнъ, другую — фрейгерру, увѣдомляя ихъ о томъ, что Эльза найдена. Отправивъ депеши, молодой человѣкъ поспѣшилъ въ свой номеръ, чтобы успокоиться, отдохнуть; онъ сильно былъ взволнованъ, возбужденъ... Да, она найдена! Послѣ столькихъ тщетныхъ поисковъ—найдена, но при какой обстановкѣ, въ какомъ положеніи!... Платэнъ хотѣлось ликовать, на него пахнуло чѣмъ-то праздничнымъ, свѣтымъ, веселымъ, но онъ боялся отдаться радости... А что если онъ ошибается?.. Вѣдь Эльза кажется, серьезно больна... Болѣзнь души—страшный недугъ... Какъ знать, что ей пришлось пережить, перенести за все это. Въ самомъ дѣлѣ, рядъ неудачъ, мысль, что она—почти нищая—могли глубоко потрясти ея душу... И эта гордая дѣвушка сама созналась ему въ этомъ, пошла за нимъ, какъ за покровителемъ — ужъ одно это показываетъ, что она вынесла... Чтобы дойти до такой покорности, униженія, безсилія—нужно не мало претерпѣть, перенести яи одну пытку... Какой она была свѣжей, цвѣтущей дѣвушкой — и куда все это дѣвалось? Эльза постарѣла лѣтъ на десять... Неужели прежняя ея прелесть не вернется?..

Было уже поздно. Платэнъ узналъ отъ хозяйки, что Эльза, какъ легла, такъ и уснула сейчасъ-же. Она слишкомъ изнемогла. Но молодой человѣкъ и не думалъ ложиться—онъ ходилъ по комнатѣ и никакъ не могъ совладать съ своимъ сердцемъ. Да и какъ тутъ справиться съ собой?... Онъ теперь подъ одной крышей съ той, которую такъ искренно любилъ и любить!.. Онъ спасъ ее, она шла съ нимъ, была такъ близко къ нему, и что же — Боже мой, и вѣдь это не сонъ, все это было!.. Сердце его переполнено было надеждами розовыми и хотя Платэнъ сознавалъ, что пока вовсе не слѣдуетъ питать подобныхъ надеждъ, однако ничего не могъ сдѣлать съ сердцемъ... Чудесныя картины вставали передъ нимъ,

исчезали и снова, освѣщенные яркимъ солнцемъ, являлись и уплывали... Онъ смотрѣлъ на нихъ, любовался, давъ полную волю воображенію, и только подъ утро кое-какъ заснулъ.

На другой день, когда уже Платэнъ проснулся, къ нему явился хозяинъ гостиницы.

— Онъ проситъ васъ пожаловать къ себѣ, сказалъ онъ и прибавилъ: — очень ужъ онѣ, кажется, несчастны... Вотъ и сегодня — весьма даже плакали. А жена мнѣ говорила, что бѣдняжка вчера цѣлый день ничего не ѣла... Какъ тутъ не отоцать! Что мудренаго, ежели онѣ чувствуютъ себя совсѣмъ слабою?.. Не ѣсть цѣлый день—прошу покорно!..

— Ну, похлопочите, постарайтесь все сдѣлать, что можете! Пусть и жена ваша позаботится о ней... Вѣдь надо-же силы ея подкрѣпить, говорилъ Платэнъ, оканчивая свой туалетъ.

— Ужъ это первое дѣло! Ужъ мы съ женой постараемся. Хозяинъ былъ человѣкъ словоохотливый.

— Какже въ такомъ-то дѣлѣ не постараться? Всѣ силы употребимъ. А вчера-то, ужъ поздно это было, явился сюда театральнй директоръ... Н-да-съ! Ну ужъ и сердить-же онъ былъ на несчастную актрису! Искаль онъ ее, былъ у нея на квартирѣ, наконецъ—сюда пожаловалъ...

— Надѣюсь, вы не сказали ему, что она здѣсь?

— Боже сохрани! воскликнулъ хозяинъ почти обиженнымъ тономъ. Какъ можно! Да вѣдь я ужъ давно разглядѣлъ, что это за человѣкъ—Вуллэнъ... Ему и телера и не даль-бы въ долгъ! Да!... Говорилъ онъ, что несчастная, должно быть, покончила съ собой... Ну, и эта мысль очень его злила, потому что люди, непонимающіе дѣла, пожалуй стануть упрекать его этимъ, а онъ ужъ какъ старался сдѣлать изъ этой дѣвушки хорошую актрису!... Еще говорилъ онъ, что она явилась

къ нему совѣмъ нищей и онъ сейчасъ-же далъ ей большущую сумму денегъ... „Я, говорить, не могу допустить, чтобы мои жили какъ нибудь, а чтобы все у нихъ было прилично... Лучше я самъ поголодаю, а ужъ не допущу, чтобы кто нибудь изъ моихъ артистовъ нуждался!“...

Платѣну надоѣла эта болтовня. Онъ ловко выпроводилъ хозяина, наказавъ ему все по прежнему хранить тайнѣ.

Сердце молодого человѣка сильно билось... Онъ идетъ къ ней, онъ опять увидитъ ту, которую любитъ такъ страстно, горячо!.. Вчера онъ былъ въ возбужденномъ состояннн, почти не помнилъ себя... Но сегодня — оба они навѣрно поуспокоились, очнулись, яснѣе смотрятъ на вещи... Ну, какъ тутъ скрыть то, что волнуетъ сердце?.. Да она просто въ глазахъ его прочтетъ все, все...

И, однако-же, Платѣнъ не смѣлъ и думать о томъ, чтобы признаться ей въ любви, онъ даже боялся выдать себя, обнаружить какъ какъ нибудь нечаянно свои чувства.. Эльза была въ такомъ положеннн, что подобнаго рода признаннн съ его стороны было-бы дѣломъ крайне неумѣстнымъ, даже грубымъ... Не то время теперь, не тѣ обстоятельства!

Онъ отправился къ ней, твердо рѣшившись оставить совершенно спокойнымъ, ничѣмъ не обнаруживать душевнаго волненнн, держать сердце *на замкѣ*.

Эльза сидѣла у окна, блѣдная, усталая... При входѣ Платѣна, она поднялась, хотѣла пойти къ нему навстрѣчу, но ноги ея задрожали, и она принуждена была опереться на стулъ, чтобы не упасть. Молодой человѣкъ быстро подошелъ къ ней, взялъ ее за руку и довелъ до дивана... Онъ чувствовалъ, какъ рука дѣвушки дрожала въ его рукѣ.

— Сядьте... тутъ, проговорила Эльза, указавъ ему на кресло противъ дивана.

Платѣнъ сѣлъ. Воцарилось молчаннн. Она, казалось, собиралась съ силами; глаза ея глядѣли куда-то впередъ; взглядъ этотъ былъ неподвиженъ.

— Ну, какъ вы сегодня себя чувствуете—лучше? спросилъ Платѣнъ, желая прервать наконецъ тяжелое молчаннн и думая завязать непринужденный разговоръ.

Эльза вѣроятно не слышала вопроса. Она задумалась, ушла въ себя и сидѣла не шевелясь.

— Какой контрастъ! мелькнуло въ головѣ его. Неужели эта жалкая, безпомощная, приниженная женщина—та самая, которая когда-то смотрѣла такъ горделиво спокойно, свѣтло-самоувѣренно?... О, не такой я видѣлъ ее въ послѣднн разъ...

— Г. ф. Платѣнъ, заговорила вдругъ Эльза слегка дрожащимъ голосомъ и не поднимая глазъ: разъ вы уже явились моимъ защитникомъ, вступившись за честь мою, а теперь... вчера вы спасли мнѣ жизнь... Благодарю васъ! Да, я благодарна вамъ, хотя, быть можетъ, вы могли-бы овать мнѣ большую услугу, если-бы не помѣшали мнѣ вчера... Я не умерла, я живу, дышу теперь, но, право, не знаю, на долго-ли хватитъ силъ переносить... терпѣть такую жизнь!..

— Ахъ, не говорите такъ! произнесъ молодой человѣкъ тономъ успокоеннн. Въ душѣ вашей многое еще не улеглось, вы находитесь подъ свѣжимъ впечатлѣннмъ недавнихъ непрннностей... Но вѣдь это все пройдетъ, вы успокоитесь и, право, будете тогда думать иначе... Знаете, бываетъ, что небо заволокивается тяжелыми, грозными тучами, и кажется тогда, что наступаетъ вѣчная тьма, непроглядная... Но—вдругъ свѣтлая голубая полоска является на горизонтѣ; проходитъ полчаса—и золотой, радостный лучъ вырывается изъ разорванныхъ тучъ... Такъ и въ жизни нашей! Иной разъ мы и не ждемъ такъ скоро животворящаго луча, а онъ вдругъ и сверкнетъ!...

Эльза тихо покачала головой, кькъ-бы говоря: „Нѣтъ, я не вѣрю этому“ и потомъ сказала:

— Окажите мнѣ еще одну услугу: напишите моей матери, что я здѣсь... Сама я не хочу этого сдѣлать потому... потому что я убѣжала отъ нея! Я думала тогда, что сбумбю пробиться, зажить самостоятельной жизнью, но я совѣмъ не знала, что такое жизнь... Я теперь упала духомъ, такъ страшно унижена... Я не въ состояннн ничего написать матери!.. Но... я рвусь къ ней... Мнѣ такъ хочется прижаться къ ея груди!.. Вѣдь я теперь такая безпомощная, жалкая, какъ ребенокъ, у котораго отняли отца, мать и вытолкнули на шумную улицу... А куда онъ пойдетъ?..

— Я еще вчера вечеромъ увѣдомилъ вашу матушку, что *наконецъ* нашелъ васъ, отвѣтилъ Платѣнъ.

Дѣвушка бросила на него пристальный испытывающн взглядъ... Можетъ быть, ее удивило, что онъ искалъ ее?..

— Что-жъ, писали вы ей, чтобы она прнѣхала сюда? Писали вы это?

— Да. И она прнѣдетъ... Вѣдь я знаю, какъ она мучится, дрожить за васъ...

Эльза сидѣла неподвижно. Опять умолкла... Но вотъ, глубоко вздохнувъ и медленно проведя рукой по лбу, дѣвушка снова заговорила:

— Я вижу—вы меня не понимаете, но я постараюсь объяснить вамъ, почему поступила такъ, а не иначе... Впрочемъ, я, кажется, сама ужъ перестала понимать себя... Да я все утратила: смыслъ жизни для меня потерянь! Все какъ-то пусто, мертво... На чемъ остановиться, за что ухватиться—и сама не знаю!...

Тутъ она рассказала Платѣну все, что лежало у нея на душѣ. Она говорила о первой любви своей—любви къ Зельдигу, о томъ, какъ она была счастлива и какъ счастье это разлетѣлось въ дребезги... Первая любовь—затѣмъ внезапное разочарованнн и вмѣсто любви чувство ненависти, презрѣннн... Гнусная игра барона глубоко оскорбила молодое, любящее сердце... Любовь можно было вырвать, но нельзя забыть тяжкаго оскорбленнн!...

— Я не могла этого перенести и заболѣла, продолжала Эльза... Я не знаю, что было тогда со мною, но одна мысль преслѣдова меня: *будь я мужчиной—меня не оскорбили-бы такъ!* И вотъ, я возненавидѣла всѣхъ мужчинъ и рѣшила во чтобы то ни стало вырваться на свободу, стать такой-же независимой, какъ и вы... Но этого мало: мнѣ захотѣлось прославиться, сдѣлаться знаменитой—и тогда-то, въ снннн славы, осыпанная почестями, какъ гордо, съ какимъ холоднымъ презрѣннмъ оттолкнула-бы я каждого, кто-бы осмѣлился приблизиться ко мнѣ!... Но... я не знала—жизни. Я думала, что довольно одного страстнаго желаннн и силы воли, чтобы достигнуть желанной цѣли. Я убѣжала... Одна изъ моихъ пансионскихъ подругъ поступила на сцену и—это мнѣ было извѣстно—довольно хорошо устроилась. Я—къ ней. Отыскала ее... Она приняла меня радушно, дала даже нѣсколько уроковъ, чтобы познакомиться со сценой, но не сказала мнѣ, что у меня *ннтъ* таланта... Я угадала это по ея лицу, однако-же не отказалась отъ своего намѣреннн. Разумѣется, я жила подъ чужимъ именемъ, потому что такъ удобнѣе было скрыться, но, въ случаѣ удачи, успѣха—передъ публикой явилась-бы Эльза Штейнъ... Благодаря моей подругѣ, мнѣ, для перваго дебюта, дали маленькую роль. Я вышла и—провалилась... Надо было искать другой сцены, гдѣ нибудь подальше. Вернуться домой—я не могла: это значило-бы слишкомъ скоро доказать свою неспособность, неумѣнне составить себѣ карьеру... Но и второй мой дебютъ былъ также неудаченъ... Я очутилась здѣсь. Тутъ уже пришлось ухватиться за соломенку: это была моя послѣдняя надежда!... Я почти все продала, что у меня было... Не стану и говорить, что мнѣ пришлось вынести за послѣднее время. Цѣлыми днями я голодала, но это-бы еще ничего: во сто разъ хуже для меня бы-

ло то, что надежды мои рушились... Каких унижений не перенесла я!.. Наконец, силы мои изменили, я потеряла все мужество и рѣшилась разом все покончить... Но и тут—неудача!.. А умереть—право, было бы лучше всего: самое вѣрное, полное успокоеніе...

Эльза умолкла и въ изнеможеніи прислонилась къ спинкѣ дивана.

Платѣна глубоко потрясло такое откровенное признаніе.

— Нѣтъ, вы положительно больны, и вамъ необходимо покой, совершенный покой, проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Да, я больна... Я это чувствую... Хочу думать и не могу... Не могу поймать мысли; это меня еще больше мучит, и при этомъ голова болит, болитъ сердце...

Она смотрѣла куда-то вдаль и, казалось, была въ ползабытѣи.

— Мысль, что я была только игрушкой—преслѣдуетъ меня, и кромѣ того мнѣ кажется, что всѣ, все знаютъ про это!... Я была вещичкой для пари — и вотъ, потому-то меня и встрѣчали вездѣ свистками и пиканьемъ!.. Въ самомъ дѣлѣ, вчера я даже не играла, я только вышла... За что-же это?.. Вѣдь я никому не сдѣлала зла...

Платѣнь снова принялся успокаивать, утѣшать ее, что стоило ему не малаго труда, такъ какъ больная почти не слушала его.

— Вернуться къ матери?! воскликнула Эльза. И вы думаете—я тамъ успокоюсь?.. Нѣтъ, я не могу къ ней вернуться...

— Но, послушайте, почему-же...

— Почему?.. А люди?.. Я не вынесу любопытствующихъ взглядовъ... Куда дѣваться отъ знакомыхъ?.. Они знаютъ-же, что я убѣжала... Что-жъ, мнѣ все и рассказывать имъ? Рассказывать о томъ, какъ баронъ, чтобы только не жениться на мѣщанкѣ, отказался отъ богатаго наслѣдства?.. Говорить всѣмъ и каждому, что я такъ легко дала выиграть ему пари, что была ослѣплена, глупа, безумна?.. Развѣ я не должна была знать, что онъ не могъ унизиться до того, чтобы назвать меня своей женой?!...

— Фрейлейнъ, остановитесь!..

— И о томъ имъ говорить, что я хотѣла утопиться и что вы помѣшали мнѣ исполнить это?.. Да вѣдь если я и стану молчать, то что-же изъ этого? И такъ все узнаютъ... Все! Насмѣшкамъ конца не будетъ... На улицу не выйдешь—пальцами стануть указывать!...

— Позвольте, фрейлейнъ, замѣтилъ Платѣнь, вѣдь о томъ, что случилось вчера вечеромъ... тамъ у рѣки, знаемъ только вы да я... И никогда, ни единого слова не пророню я объ этомъ!...

Дѣвушка взглянула на молодого человѣка и секунды двѣ-три не спускала глазъ съ него.

— Вы—благородный чловѣкъ, наконецъ проговориле она... Я это знаю!.. Единственное мое желаніе теперь—жить въ полнѣйшемъ единеніи... Я хочу, чтобы меня никто не видѣлъ.

— Такой тихій уголокъ найдется для васъ, сказалъ Платѣнь и всталъ, желая прекратить разговоръ, чтобы не утомлять ее.—Успокойтесь, прогоните всѣ мрачныя мысли... Прошу васъ объ этомъ! Не тревожьте себя понапрасну!...

(Продолженіе будетъ).

Въездъ царя Іоанна IV Васильевича Грознаго въ Псковъ.

Время царя Ивана IV и самая личность этого царя у большей части читателей рисуются въ воображеніи въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ начертала рука Карамзина въ VIII и IX томахъ его безсмертнаго произведенія.

Новыя изслѣдованія, какъ и вообще новая мысль, медленно проникаютъ въ общество и обыкновенно становятся его достояніемъ въ то время, когда наука поднялась еще на нѣсколько ступеней выше. Нынѣ личность Грознаго и его время все болѣе и болѣе выясняются. Казни его и остаются ужасными казнями, хотя и преувеличенными въ числѣ и въ личности жертвъ; но уже указаны причины этихъ казней, онѣ получили нѣкоторое объясненіе, которое многие признали за оправданіе. Уже при Иванѣ III началась у великихъ князей московскихъ борьба съ боярами, которая при Иванѣ IV достигла грозныхъ размѣровъ и породила тѣ эпохи казней, о которыхъ писалъ Карамзинъ. Боярство боролось за старое дружинное право отъѣзда и такъ какъ оно свои притязанія опирало на отжившемъ началѣ, немѣло, по выраженію нашего историка С. М. Соловьева, принаронить свои требованія къ требованіямъ времени, оно было побѣждено. Къ этому надобно присоединить и другую причину пораженія боярства, именно разладъ въ средѣ его, вражда между потомками удѣльныхъ князей, юрковичей и гедиминовичей съ потомками старшихъ бояръ московскихъ. Король Польскій и В. князь Литовскій Сигизмундъ II Августъ, пользуясь такими отношеніями Ивана IV къ боярамъ, всѣми средствами зазывалъ къ себѣ послѣднихъ на службу и между прочимъ осыпалъ милостями князя А. Курбскаго, переписка котораго съ царемъ выясняетъ смыслъ исторіи того времени.

Но не только бояръ, Иванъ заподозрилъ въ сношеніяхъ съ Литвою и дѣлай городъ, именно Великій Новгородъ.—Новгородъ уже сто лѣтъ до этого потерялъ самостоятельность; но, по выраженію Карамзина, сохранялъ еще какую то величавость, основанную на воспоминаніяхъ старины, именовался все еще Великимъ и заключалъ договоры съ шведскимъ королемъ.— Имѣло ли подозрѣніе Ивана IV какое нибудь основаніе сказать трудно; но отрицать справедливость онаго тоже не возможно. Надъ Новгородомъ разразилась гроза, ужасныя казни обогрили кровью берега Волхова. Изъ Новгорода, въ 1570 г., Иванъ IV пошелъ ко Пскову. Но городъ Ольги никогда не выказывалъ противъ московскихъ князей такого сопротивленія, какъ Новгородъ и поэтому гроза его миновала и на этотъ разъ.

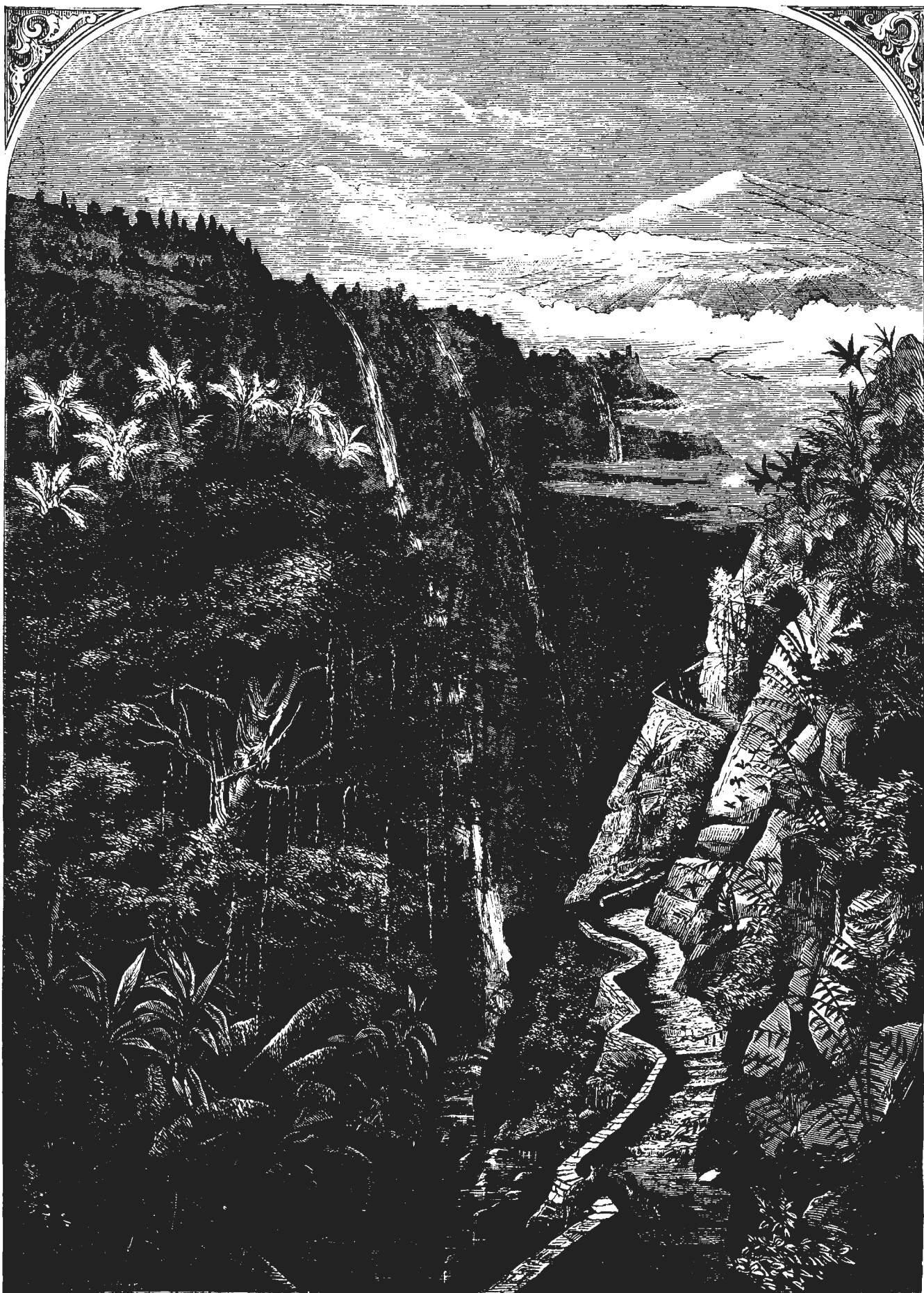
Карамзинъ спасеніе Пскова приписываетъ совѣту князя Токмакова, по которому псковичи встрѣтили Грознаго царя съ колѣнопреклоненіемъ и хлѣбомъ съ солью и смѣлостію юрдиваго

Николы, пзвѣстнаго подъ именемъ Николы Салоса. Псковская Лѣтопись говоритъ, что блаженный же поучи его (т. е. царя Ивана IV) ужасными словесы, еже престати отъ велія кровопролитія...

Отъ этого поученія Иванъ IV бѣжалъ въ ужасѣ. Проще же и естественнѣе пощада Пскова объясняется, какъ мы замѣтили сами, его прежними отношеніями къ великимъ князьямъ московскимъ и въ особенности къ отцу Грознаго къ Василию III, передъ которымъ Псковъ сложилъ свою вѣчную волю безъ всякаго сопротивленія.—По этому Иванъ IV и смиреніе Псковичей въ день его вступленія во Псковъ, незаподозрилъ въ лицемеріи и бѣда миновала этотъ городъ.

Время покоренія Пскова было грознымъ временемъ въ царствованіи Ивана IV.

Раздражался неудачами своихъ войскъ въ Литвѣ и Ливоніи, по мѣрѣ того какъ получались худыя вѣсти, раздраженіе Ивана Васильевича, противъ бояръ все усиливалось, розыски и ссылки увеличивались, а съ ними вмѣстѣ ропотъ и неудовольствіе бояръ на самого Іоанна. Мѣстомъ куда бѣжали недовольные была Литва и неудачи нашихъ войскъ именно въ этотъ походъ раздражали царя дѣлая его все болѣе и болѣе жестокимъ. Побѣгъ князя Курбскаго—героя Казани и письмо его къ Грозному, и затѣмъ и извѣстіе о потерѣ Полоцка довели раздраженіе царя противъ бояръ до крайнихъ предѣловъ, и онъ рѣшилъ вести съ ними борьбу систематически. Къ ужасу народа въ 1564 году 3-го декабря отслушавъ общию въ Успенскомъ соборѣ и протѣвшись съ народомъ, царь Иванъ выѣхалъ изъ Москвы съ своими любимцами. За нимъ отправился огромный поѣздъ, въ которомъ увезено было и все имущество дворцовое, даже сосуды и угваръ изъ придворныхъ храмовъ. Онъ ѣхалъ черезъ село Тайнинское и Троицкій посадъ въ Александровскую слободу. Оттуда прислалъ, 3-го января 1565 года грамоту, которую митрополитъ долженъ былъ прочесть передъ боярами. Въ ней онъ объяснялъ, что его заставляеть покинуть царство своеволие бояръ, при которомъ онъ не можетъ ни устроить внутренняго управленія государствомъ, но вести дѣла въишнія.— «Не хотя терпѣть вашихъ измѣнъ заключалъ онъ, мы отъ великой жалости сердца оставили государство и поѣхали куда Богъ укажетъ намъ путь. Другая грамота прислана была къ сельскимъ людямъ. Въ ней Царь увѣрялъ ихъ въ своей милости, говоря, что гнѣвъ и опала его на нихъ не простирается. Царскіе дьячки прочли ее народу. Всюду были ужасъ и горе. Одни говорили: пусть Царь укажетъ своихъ лиходѣевъ—другіе прибавляли «мы сами истребимъ ихъ». Наконецъ рѣшено было

Эль-Чако. Страна Воливо, изъ путешествія въ Воливи. Рис. Э. Мосса, грав. Штрасбургеръ.

отъ всѣхъ чиновъ и классовъ общества отправить съ митрополитомъ посланныхъ и просить царя снова принять царство. 5-го января 1565 года посланные были приняты царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ Александровской слободѣ. Онъ согласился возвратиться въ Москву и принять снова царство. Москва съ нетерпѣніемъ ждала царя и наконецъ 2-го февраля Иоаннъ торжественно въѣхалъ въ столицу и на другой же день созвалъ духовенство, бояръ и знатнѣйшихъ чиновниковъ. Снова исчисливъ вины бояръ и подтвердивъ согласіе свое остаться царемъ, Иоаннъ много разсуждалъ о должности вѣднцосцевъ, о избѣнахъ кругомъ него происходящихъ и въ виду этого предложилъ всѣмъ уставъ опричнины—тѣлохранителей для безопасности своей и государственной. Такая мысль никого не удивила: всѣ знали его недовѣрчивость, боязливость и потому предложеніе было принято, между тѣмъ какъ потомъ всѣ дрожали передъ этими тѣлохранителями, всѣ боялись этой опричнины и память о ней еще долгое время будетъ жить въ нашемъ народѣ въ легендахъ, сказкахъ, съ ея героями Малюты Скуратовымъ и др.

Учрежденіемъ опричнины царь Иванъ Васильевичъ ставилъ себя въ тѣ отношенія, въ какихъ находились прежде князья русскіе къ землѣ, напр. Рюрикъ въ Новгородѣ. Этимъ учрежденіемъ онъ показывалъ боярамъ, что если они мечтаютъ о возобновленіи правъ древней земщины, къ которой себя причисляютъ, то непоправится имъ возобновленіе правъ древней дружины.

Дни представительства ихъ земщинъ, какъ думали между ними всякіе выходы, прошли, когда народъ имѣлъ выборное представительство въ его учрежденіяхъ. Если же они хотятъ быть дружиною—совѣтчиками князя, то они позабываютъ, что генеръ вмѣсто великаго князя, только что призваннаго въ чужую землю, какъ Рюрикъ, они имѣютъ князя владѣльца удѣльнаго, окруженнаго равноправными ему государями и чужими земщинками, передъ ними находится царь всей земли русской, который самъ прямо можетъ обращаться къ народу. Словомъ учрежденіемъ опричнины царь Иванъ Васильевичъ хотѣлъ на опытъ доказать боярамъ несвоевременность и невозможность того положенія, въ которое они хотѣли поставить себя среди народа и тѣхъ отношеній, въ какихъ хотѣли быть къ нему, опираясь на прежнія отношенія дружины къ князю и земскихъ бояръ къ народу. Бояре должны были отыскать свое настоящее положеніе, какъ слуги царю.

Учредивши опричнину, царь Иванъ Васильевичъ повелѣлъ вѣчто въ родѣ войны съ земщиною, или собственно съ боярами. Живя самъ большею частію въ Александровской слободѣ, онъ дѣлалъ наѣзды на вотчины подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ бояръ, или пріѣзжая въ Москву казнилъ ихъ. Особенно жестоки стали казни съ 1567 г., когда къ князьямъ Бѣльскому, Мстиславскому и Воротынскому, Сигизмунду король Польскій и Литовскій, и гегманъ Ходкевичъ прислали письма, приглашавшія ихъ перейти на службу къ польскому королю. Хотя они показали письма Царю, но какъ говоритъ Карамзинъ «гражданинъ, дающій врагамъ надежду склонить его къ измѣнѣ, уже отдѣляется какою-то подозрительностью». Неудивительно, если при характерѣ и положеніи Царя Ивана Васильевича подозрительность его въ то время особенно усилилась и начались казни.

Въ это время вступился въ отношенія Царя къ боярамъ святиль Филиппъ. Филиппъ, происходившій отъ знаменитаго рода бояръ Колычевыхъ, былъ вызванъ изъ Соловецкой обители, гдѣ онъ былъ игуменомъ, въ Москву. При первомъ же свиданіи съ Царемъ онъ объяснилъ, что не приметъ сана митрополитскаго, если не будетъ уничтожена опричнина; Царь отклонилъ тогда это требованіе и святиль Филиппъ далъ грамоту за своею писью, которою онъ объявлялъ, что не будетъ вступать въ государственныя дѣла и въ опричнину. Но съ своей стороны и Царь Иванъ Васильевичъ, уважая новаго архипастыря, запретилъ опричникамъ своевольствовать. Москва и все государство успокоилось на время. Этого архипастыря вступился въ государственныя дѣла теперь, когда перехвачены были письма Сигизмунда. Однажды въ воскресный день, когда Царь, послѣ казни поэтому дѣлу, вошелъ въ Успенскій соборъ съ толпою опричниковъ, одѣтый, какъ онъ имѣлъ обыкновеніе одѣваться въ минуты тоски, въ платье подобное монашескому и подошелъ къ митрополиту Филиппу, чтобы принять благословеніе, святиль не благословилъ его и обратился къ нему сильное обличительное слово. Слѣдствіемъ сего было то, что опричники забрали всѣхъ митрополитскихъ сановниковъ, потомъ ворвались въ дома знатныхъ вельможъ и побрали имущество и женъ, выѣхали изъ Москвы, а за ними уѣхалъ и самъ царь. Митрополитъ же былъ сосланъ сперва въ обитель св. Николая и затѣмъ въ Тверской монастырь.

Послѣ казни бояръ, получившихъ письма отъ Сигизмунда и удаленія Филиппа, онъ перенесъ свою вражду на потомковъ удѣльныхъ князей. Казни начались съ главы—удѣльнаго Московскаго князя Владимира Андреевича. Въ сентябрѣ 1569 года, когда скончалась вторая супруга Ивана Васильевича, князь Владимиръ, тотъ самый, который хотѣлъ быть Царемъ во время болѣзни Ивана Васильевича и который потомъ въ продолженіи 16 лѣтъ пользовался ласкою и милостью его, былъ назначенъ вое-

водою войска, собравшагося въ Нижнемъ—для защиты Астрахани, которую вмѣстѣ съ другими татарами волновали и хотѣли взять Турки. Во время проѣзда изъ Москвы къ Нижнему, князя Владимира встрѣчали съ большими почестями духовенство и народъ. Узнавши объ этомъ, Государь велѣлъ вызывать въ Москву городскихъ начальниковъ, дозволявшихъ такіа встрѣчи, гдѣ ихъ и казнили, брата же ласково вызвалъ къ себѣ въ Александровскую слободу. Но еще на дорогѣ онъ встрѣтилъ его съ своими опричниками въ деревнѣ Слотинѣ и объявилъ черезъ Малюту Скуратова, что онъ узналъ, что князь Владимиръ давалъ деньги его повару, чтобы онъ отравилъ царя. Вслѣдствіе сего онъ приказалъ Владимиру со всѣмъ семействомъ принять ядъ.

Вслѣдъ за князьями подверглись государственной опалѣ города тверскіе и новгородскіе. Царю донесли, что новгородцы и ихъ архіепископомъ сносятся съ королемъ Сионзмундомъ, подобно тому какъ при дѣдѣ его Иванѣ III сносились они съ королемъ Казиміромъ. Донощикъ даже указалъ, гдѣ сыскать грамоту, въ которой новгородцы общаются присоединить Новгородскую область къ Литвѣ. Грамоту, можетъ быть подложную, дѣйствительно отыскали за образами въ новгородскомъ софійскомъ соборѣ. Государь съ полками опричниковъ выступилъ изъ Александровской слободы карать обвиняемыхъ. На дорогѣ, начиная отъ Клина, перваго тверскаго города, онъ велѣлъ опустошать всѣ города и селенія. Въ самой Твери, по его приказу, Малюта Скуратовъ задушилъ святиль Филиппа. Песѣтъ сего, вступивъ въ Новгородъ, Царь назвалъ измѣнникомъ тамошняго архіепископа Пимена, велѣлъ взять его подъ стражу, опечатать всѣ приходскія церкви и монастыри а затѣмъ и дома знатнѣйшихъ гражданъ. Потомъ началъ судъ надъ обвиненными, который продолжался дѣлые пять недѣль. Въ это время къ Государю и его сыну каждый день приводили отъ 500 до 1000 новгородцевъ, мучили, пытали и топили въ Волховѣ. Въ заключеніе начался общій грабежъ, въ которомъ были опустошены всѣ дома, истребленъ весь хлѣбъ и скотъ, причѣмъ Царь самъ ѣздилъ изъ улицы въ улицу и смотрѣлъ какъ хищные вонны лопались въ палаты, убивали, грабили. Насытившись зрѣлищемъ казней и ужасовъ, 12-го февраля Царь Иванъ Васильевичъ созвалъ всѣхъ оставшихся именитыхъ новгородцевъ и сказалъ имъ, что прощаетъ ихъ, считая городъ достаточно наказаннымъ и ихъ отпускаетъ съ миромъ.

Покончивъ такимъ образомъ съ Тверью и Новгородомъ, Иоаннъ двинулся на Псковъ.

Иоаннъ немедленно удалился отъ Новгорода по дорогѣ къ Пскову, отправивъ несмѣтную добычу святотатства и грабежа въ Москву. Немому было жалѣть о похищенномъ богатствѣ; кто остался живъ, благодарилъ Бога или не помнилъ себя отъ страха и ужаса. По свидѣтельству современниковъ, гражданъ и сельскихъ жителей погибло около 60,000 и быстрый Волховъ, запущенный мертвыми, обезображенными тѣлами, долго не могъ пронести ихъ въ Ладожское озеро, а голодъ и болѣзни довершили козни Иоанновы. Покончивъ такимъ образомъ съ Тверью и Новгородомъ, Царь двинулся къ Пскову, которому онъ готовилъ такую же участь. Тамъ начальствовалъ добрый князь Юрій Токмаковъ и жилъ блаженный отшельникъ Салосъ Никола. Въ субботу вторыя недѣли Великаго поста Царь ночевалъ въ монастырѣ св. Николая на Любугѣ, видя Псковъ, гдѣ въ ожиданіи приближающейся грозы никто не смыкалъ глазъ, всѣ люди были въ движеніи, ободрали другъ друга и прощались съ жизнью, отцы съ дѣтьми, жены съ мужьями. Въ полночь царь услышалъ благовѣсть и звонъ церковей Псковскихъ, «сердце его, какъ пишутъ современники—чудесно умилилось, онъ вообразилъ живо, съ какими чувствами идутъ граждане къ заутренѣ, въ послѣдній разъ молить всевышняго о спасеніи ихъ отъ гнѣва царскаго, съ какими усердіемъ, съ какими слезами припадаютъ къ святымъ иконамъ—и мысля, что господь внемлетъ гласу сердецъ сокрушенныхъ, тронула душу столь ожесточеннаго! Въ какомъ то неизъяснимомъ порывѣ жалости Иоаннъ сказалъ воеводамъ своимъ—иступите мечи о каменіа! да престанутъ убійства!»

На другой день, вступивъ въ городъ, онъ съ изумленіемъ увидѣлъ на всѣхъ улицахъ передъ домами столы съ приготовленными яствами—и граждане, ихъ жены и дѣти, держа хлѣбъ соль въ рукахъ, преклоняли колѣна, благословляли, привѣтствовали царя и говорили ему; «Государь Князь Великій! мы, вѣрные твои подданные, съ усердіемъ предлагаемъ тебѣ хлѣбъ соль, а съ нами и животами нашими твори волю свою, ибо все что имѣемъ, и мы сами твои, самодержецъ великій». Эта неожиданная покорность и встрѣча устроенная княземъ Токмаковымъ была пріятна Иоанну и вполне смягчила его. Игуменъ Печерскій, Корнилій, съ духовенствомъ встрѣтилъ его на площади у церкви св. Владимира и Спаса. Царь слушалъ молебень въ храмѣ Троицы, поклонился гробу св. Всеволода-Гавриила, съ удивленіемъ разсматривалъ тяжелый мечъ сего древняго князя и зашелъ въ келью къ старцу Салосу Николѣ, который подъ защитою юрдыства не убоился обличить его въ кровопійствѣ и святотатствѣ. По свидѣтельству Псковскаго лѣтописца, Салосъ предложилъ Иоанну въ даръ кусокъ сыраго мяса и когда Царь замѣтилъ, «я христіанинъ, и не ѣмъ мяса въ Великій постъ», то

пустынный отвѣтил «ты дѣлаешь хуже, питаешься человѣческой плотью и кровью, забывая не только постъ но и Бога», грозилъ ему, предсказывалъ несчастія и такъ настраивалъ Иоан-

на, что онъ немедленно выѣхалъ изъ города, затѣмъ отправилъ въ Москву, помпловавъ такимъ образомъ Пековъ и псковитянъ отъ угованной имъ участи.

Эль - Чаке. Изъ путешествія въ Боливію.

Провинція Ингасъ въ Боливіи, это вѣчно-зеленый фруктовый и цвѣточный садъ, поражающій путешественника еще сильнѣе своими рѣзкими контрастами съ горными степями Пунаса и Пампаса. Тамъ вѣчная осень и зима, здѣсь вѣчная весна съ вѣчнымъ солнцемъ. Однако проникнуть въ этотъ садъ не совсемъ легко, такъ какъ природа оградила его второй гигантской стѣной, которую долженъ прежде перейти путешественникъ.

Здѣсь подымается близъ границъ провинцій Масафуей и Ингасъ, высочайшій гребень Восточныхъ Кордильероу, съ горой Иллумани, имѣющей 21,000 футовъ вышины и Илампу, или Черро-де-Сорото, имѣющей 22,000 футовъ. Это двѣ высочайшія горы Америки. Между этими двумя боковыми верстами, остается свободный узкій проходъ, точно пробитая брешь въ стѣнѣ. Проходъ этотъ лежитъ на 14,000 футовъ надъ поверхностью моря. Послѣ береговыхъ Кордильероу, высота эта кажется еще довольно сносною; притомъ же нужно всего нѣсколько часовъ, чтобы изъ ея рѣдкаго воздуха перейти въ атмосферу, болѣе благоприятную для дыханія.

Дорога настолько искусственно усовершенствована частію прорубленными въ скалахъ, частію возведенными изъ камня лѣстницами, что мы могли довѣрять себя вѣрному шагу муловъ; но само собою разумѣется, при этомъ необходимо одно условіе, чтобъ не кружилась голова отъ бездонной пропасти, зияющей съ одной стороны дороги.

Видъ, открывающійся съ восточнаго склона этихъ Кордильеръ, неописанно хорошъ. Вдѣло и вправо снѣговыхъ горы, надъ которыми ходятъ клубы облаковъ, закутыяюціе пасъ по временамъ, и опять разрывающіеся, чтобы показать намъ всю бездонную глубину подъ нашими ногами; внизу съ обѣихъ сторонъ кругли, нависшія скалы растреснутого гранита и гнейса, а впереди—вервыя зеленыя волны лѣсистыхъ долинъ Ундуави.

По мѣрѣ того какъ дорога спускается внизъ, видъ становится менѣе грандіознымъ, и принимаетъ болѣе идиллическій характеръ; долина съ ея шумнымъ ручьемъ постепенно суживается, пряча въ своей свѣжій зелени три маленькія мѣстечка, Сорго, Повго и Ундуави, населенныхъ всего нѣсколькими семьями индѣйцевъ.

До Ундуави, которое угонувъ въ фуксіяхъ и розахъ, лежитъ на кругомъ горномъ склонѣ, Ла Пана, мы сдѣлали отъ прохода спускъ на 6,000 футовъ.

Здѣсь отъ дороги въ Кулумани, главнаго города провинціи Ингасъ, спускается вѣтъ въ долину Сандиллани. Послѣдняя раздѣляетъ Куеста де Нибласъ, горный хребетъ покрытый вѣчнымъ снѣгомъ, отъ долины Ундуави; въ концѣ ея высоко на горѣ, лежитъ Коронко, второй по значенію городъ Унгаса.

Въ тѣни густаго лѣса, лишь отъ времени до времени открывающаго свободный видъ на группы горныхъ великановъ, дорога вьется футовъ на 1000 вверхъ. Мы вступаемъ въ море тумана, который нерѣдко сгущается въ мелкій дождь, и ложится прозрачными слоями надъ долиной и надъ лѣсами, оживляя ихъ своимъ влажнымъ дыханіемъ, дающимъ вѣчную свѣжесть вѣчно-зеленому ихъ покрову.

Затѣмъ дорога, пробитая смѣлыми зигзагами на три леги по склону горы и обвитая лианами, пальмовыми папоротниками, опять ведетъ насъ внизъ въ дѣйствительно райскія мѣста.

Изъ за зелени выглядываютъ вездѣ хорошенкія домики изъ пальмовыхъ вѣтвей и тростника; это здѣшнія гасиенды. Въ окружающихъ ихъ садахъ, мелькнули намъ первые апельсинны и лимоны и блѣднѣющіе цвѣты кофейныхъ деревьевъ. Едва, повидавшему шевеля крыльщиками, порхаютъ вокругъ цвѣтовъ нѣблизнншія созданія тропическихъ странъ, колибри, переливающіяся на солнцѣ всѣми цвѣтами драгоцѣнныхъ камней; стаи желтыхъ просянокъ, зеленыхъ доросовъ и пестрыхъ чопугаевъ, испуганныя приближеніемъ муловъ, вспархиваютъ съ маисовыхъ полей и заглушаютъ своими криками тысячеголосный концертъ органистовъ этихъ, неутомимыхъ музыкантовъ съ ранняго утра до поздней ночи оглашающихъ воздухъ своей своеобразной музыкой.

Отъ начинающейся здѣсь собственно тропической долины Цедро-Майо, главный хребетъ подымается еще футовъ на 300, и буквально покрытъ хлѣбными и масляными деревьями, такъ что въ полномъ смыслѣ слова хлѣбъ съ масломъ растетъ на деревьяхъ; недостаетъ только жареныхъ голубей, чтобы вполне превратить эту землю въ сказочное царство. Да и этому легко пособить, если дать себѣ трудъ настрѣлять лѣсныхъ голубей, которые прилетаютъ на плантаціи огромными стадами. Вообще въ этой благословенной странѣ, гдѣ еще неизвѣстны охотничьи законы, можно имѣть богатую добычу; козули и разныхъ вкусныхъ птичекъ не оборачиваются здѣсь. Если у кого явится желаніе поохотиться за болѣе дикими обитателями этихъ лѣсовъ,

тому стоитъ только довѣряться опытному проводнику — индѣйцу; тогда онъ подстрѣлитъ не одну дикую кошку или ягуара, не подвергаясь опасной руконашной схваткѣ съ ними, которыми обыкновенно такъ любятъ хватать охотники.

Въ болѣе дикихъ, непроходимыхъ дѣвственныхъ лѣсахъ, слышатся крики ревуновъ и мартышекъ, и жалобныя ноты маленькой обезьянки. Индѣйцы очень любятъ этихъ обезьянокъ и умѣютъ выманывать ихъ изъ чащи въ разставленные западни. Въ болѣе низменныхъ болотистыхъ мѣстностяхъ по берегамъ рѣкъ живетъ анта, этотъ болзливый талирр Южной Америки; его также индѣйцы мастерски умѣютъ перехитрить и убиваютъ стрѣлами.

Какъ ни многочисленны хищныя звѣри тропическихъ странъ, и какіе ужасы ни рассказываются объ нихъ въ большинствѣ путешествій, по собственно для людей они совсемъ не такъ страшны. Случается что ягуаръ дѣлаетъ ночные визиты на скотный дворъ, душитъ куръ, овецъ и даже коровъ и муловъ, но на человѣка онъ не нападаетъ такъ легко, а скорѣе самъ убѣжитъ отъ него. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что можно цѣлыя мѣсяцы прожить въ гасиендѣ, не выдавъ ни одного изъ этихъ хищниковъ; ихъ надо самому отыскать, чтобы увидѣть.

Другое дѣло нѣкоторыя амфибіи и насѣкомыя; особенно много водится здѣсь гремучихъ змѣй, скорпионовъ и стоножекъ. Эти гады какъ будто сами отыскиваютъ человѣка, Въ хорошихъ домахъ отъ нихъ еще можно защититься, но въ воздушныхъ индѣйскихъ постройкахъ, или подъ открытымъ небомъ, это не всегда возможно. Много погибаетъ жертвъ отъ укушенія этихъ гадинъ, если не подана быстрая помощь. Водится здѣсь еще два маленькія насѣкомыхъ, укушеніе которыхъ не будучи смертельно, составляетъ тѣмъ не менѣе величайшее мученіе для людей и скота. Первое изъ нихъ—песчаная блоха; она забирается между пальцами, и кладетъ тамъ свои яйца, что вызываетъ болѣзненные опухоли. Второе, самая маленькая изъ мухъ, москитъ, отъ укушенія котораго вскакиваютъ на рукахъ и лица мучительныя волдыри. Отъ этихъ злодѣевъ нѣтъ никакаго спасенія, развѣ что день и ночь не снимать вуаля и перчатокъ, что при здѣшней жарѣ было-бы такъ-же несосно, какъ сами москиты.

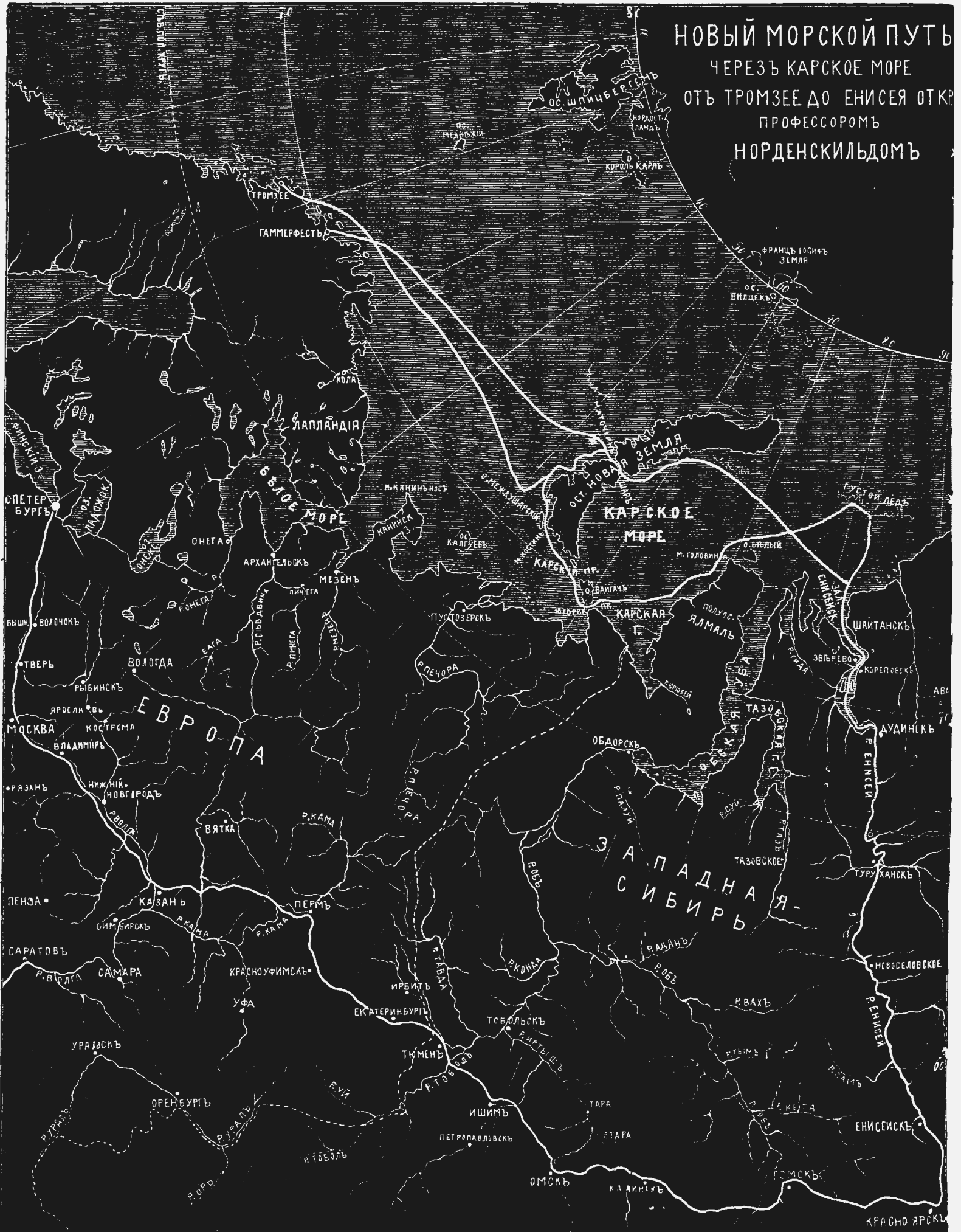
Съ наступленіемъ сумерекъ, тысячи большихъ летучихъ мышей, извѣстныхъ подъ названіемъ «вампировъ», оставляютъ уголки, гдѣ онѣ спали днемъ. Всю ночь онѣ летаютъ около домовъ, въ которыхъ иногда влетаютъ и неслабно опускаются своими холодными крыльями на спящаго. Укушеніе ихъ не опасно, но отъ него выходитъ очень много крови. Хотя отъ этого обыкновенно сейчасъ-же просыпаются, но ужъ одного страха и отвращенія чувствовать у себя на шею такую гадину, достаточно чтобъ не уснуть больше. У муловъ и лошадей онѣ нерѣдко высасываютъ такое количество крови, что послѣ этого бѣдные животныя, совсемъ обезленные, для два не могутъ быть употреблены на работу.

Все это, а равно и невидимый врагъ, перемежающаяся лихорадка, которая, рѣже встрѣчается въ горахъ, но за то тѣмъ сильнѣе свирѣствуетъ во время дождей въ долинахъ, составляетъ темную сторону иррасной тропической страны. Но несмотря на эти неприятели, всякій кто разсъ пожелъ въ ней, вспоминая ея великолѣпный климатъ, роскошную, величественную растительность, чудныя ночи, будетъ чувствовать страстное желаніе снова вернуться туда.

Для какой-же собственно цѣли служатъ гасиенды съ ихъ висячими садами? Для однихъ апельсинновъ и лимоновъ не развели-бы этихъ дорогихъ садовъ, потому что названныя деревья растутъ здѣсь безъ всякаго ухода за ними; ихъ сажаютъ даже только въ такихъ мѣстахъ гдѣ хотятъ получить тѣнь или гдѣ на растетъ ничего другаго. Даже кофейныя деревья, юки, маисъ и различнѣйшіе овощи, скрывающіе въ своей роскошной зелени гасиенду, обремененныя цвѣтами и плодами, были здѣсь посажены или посеяны, и потомъ предоставлены одной волѣ Божіей; затѣмъ остается лишь трудъ два три, иногда четыре раза въ годъ снять съ нихъ плоды. Кокосовое дерево и сахарный тростникъ требуютъ нѣкоторыхъ работъ, которыя впрочемъ также состоятъ единственно въ правильномъ выборѣ мѣста и удаленіи сорныхъ травъ и вредныхъ животныхъ.

Растеніе, исключительно для котораго разводятъ эти дороги висачія плантаціи, и которое есть главный двигатель торговыхъ оборотовъ провинціи Ингасъ,—это незамѣтное кустарнообразное деревцо и еще менѣе замѣтными цвѣтами и плодами, въ добавокъ неупотребляемыми здѣсь вовсе. Растеніе это кока. Листья его два или три раза въ году собираютъ, сушатъ на солнцѣ на мощеныхъ дворахъ, упакуютъ въ мѣшки отъ 25 до 50 фунтовъ; въ такомъ видѣ они поступаютъ въ торговлю

НОВЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ
 ЧЕРЕЗ КАРСКОЕ МОРЕ
 ОТ ТРОМЗЕЕ ДО ЕНИСЕЯ ОТКР.
 ПРОФЕССОРОМ
 НОРДЕНСКИЛЬДОМЪ

Путевая карта северной экспедиции профессора Норденшильда, съ указаніемъ исследованнаго имъ морскаго пути изъ устья рѣки Енисея и обратнаго пути въ Европу внизъ по Енисею чрезъ Сибирь. Составл. по свидѣніямъ г. Норденшильда, грав. К. Веберманъ.
 Библиотека "Руниверс"

О Шведской экспедиции въ новую землю къ устьямъ Енисея «Ночь на берегу Енисея у Мыса Шайтайнск.
по наброску членъ экспедиции г. Лундстромъ, Рис. Бролингъ, грав. К. Вейрманъ».

внутри страны къ индѣйцамъ и смѣшаннымъ цвѣтнымъ ра-самъ, для которыхъ сдѣлались необходимымъ предметомъ удо-вольствія, и даже пищи.

Процвѣтаніе этого капризнаго балованнаго растенія зави-ситъ отъ извѣстныхъ мѣръ предосторожности въ уходѣ; именно, оно требуетъ постояннаго тепла и сырости. Хотя эти главныя условія даются уже самимъ климатомъ страны и частыми дож-дями, но въ большихъ гасиендахъ все-таки устраивается иску-ственное орошеніе террасообразныхъ аллей кока, для чего вы-долбленные стволы пальмъ служатъ имъ превосходными трубами.

Изъ сортовъ кока, разводимаго въ Перу и Боливіи, самымъ лучшимъ считается кока Ингаса. Будутъ-ли посылать его так-же къ Европу для изслѣдованія его чудотворныхъ свойствъ? Начало кажется уже сдѣлано пилюлями изъ кока.

Путь мой шелъ черезъ Коронко и Кулумани обратно въ Ла Пацъ. Въ Кулумани мы познакомились въ домѣ префек-та съ многими чиновными особами города, поразившими насъ особенно своей точностью, качество не часто встрѣчаемое въ этихъ жаркихъ странахъ. Каждый день получали мы пригла-шенія то къ одному, то къ другому изъ нихъ, и я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ смѣха и вмѣстѣ съ тѣмъ ужаса о томъ количествѣ резинадо, двойной дистиллированной, очень похожей на аракъ водки, какое выпивалось во время и послѣ стола. Толстяки вливали ее въ себя стакагъ за стаканомъ, какъ буд-то это была вода, и удивлялись, что мы пировали уже послѣ втораго стакана.

Къ этому надо прибавить еще превосходнѣйшій кофе, какой я когда либо пилъ въ своей жизни, но онъ здѣсь такъ крѣпокъ, что въ вискахъ у насъ заколотило точно молотками; мы часто должны были выходить на открытыя веранды, чтобы освѣжить наши пылавшія лица. Хорошо еще что это охъяненіе скоро проходило при постоянной испаринѣ въ сырой атмосферѣ.

У стараго Жура, достойнаго члена нашей новой компаніи, задавнаго намъ великолѣпный обѣдъ, былъ поданъ кофе, считающійся лучшимъ во всей Боливіи. Послѣ обѣда, нашъ лю-безный хозяинъ повелъ насъ къ источнику знаменитаго напит-ка—кладбищу. На давно развалившихся могилахъ, росли кофей-ныя деревья обремененныя цвѣтами и плодами, безъ устали пе-

рерабатывающія человѣческіе останки въ кофейныя бобы. Вѣ-теръ снесъ съ нихъ половину цвѣтовъ, которые, словно бѣлымъ саваномъ покрывали могильныя насыпи, но ихъ довольно еще оставалось еще на деревьяхъ для употребленія пастора и его друзей.

Жаль что въ Унгасѣ, цвѣты кофейныхъ и апельсиновыхъ де-ревьевъ, которые огромнѣйшими массами сносятся вѣтромъ, да-ромъ теряютъ свой ароматъ, сгнивая на землѣ. Никому и въ голову не приходитъ собирать ихъ и продавать, или самимъ извлекать изъ нихъ эфирныя масла; между тѣмъ это могло-бы дать значительный доходъ. Сколько богатствъ теряется здѣсь такимъ образомъ!

Въ день нашего отъѣзда, префектъ съ большинствомъ на-шихъ новыхъ знакомыхъ, проводилъ насъ до подошвы горы, Вега де Кулумани, гдѣ мы простились, выпивъ за здорье другъ друга по стакану резинадо.

Послѣ полудня мы достигли нижней части долины Ундуави; по ея постепенному повышенію, ясно было что мы опять при-ближаемся къ подошвѣ Кордильероу. Переночевали мы въ хо-рошенькой гасиендѣ. Это былъ единственный домъ, встрѣчен-ный нами на всемъ длинномъ пути отъ Уанакахе. Гасиенда ле-жала въ расширенномъ мѣстѣ долины, называемомъ здѣсь Эль-Чаке. Кромѣ апельсиновъ, насъ угощали здѣсь сочными чпри-моями, которые росли вокругъ гасиенды. Вверхъ отъ Чако, го-ры снова сводятся ближе и образуютъ узкое ущелье; подъ нимъ по крутымъ утесамъ и высокимъ уступамъ, смѣло извивается дорога, вмѣющаяся видъ гигантской лѣстницы.

Когда на слѣдующее утро мы проходили это ущелье, съ Кор-дильероу спускались въ долину нѣжныя, прозрачныя слои ту-мана. Изъ долины неслись къ намъ ароматы тропическихъ цвѣ-товъ; органисты перекрикивали и поугаевъ и всѣхъ осталь-ныхъ птицъ, а горный ручей внизу, казалось хотѣлъ заглу-шить шумъ водопадовъ, длинными хребтными полосами вели-чественно спускавшихся съ громадной высоты по крутымъ утесамъ.

Къ вечеру мы были опять въ Ундуави

Кто любитъ горы и лѣса, найдетъ что лучше этого уголка нѣтъ во всей Боливіи—можетъ быть даже на всемъ земномъ шарѣ.

Путевая карта сѣверной экспедиціи профессора Норденшильда, съ указаніемъ, изслѣдованнаго имъ морскаго пути къ устью рѣки Енисея и обратно въ Европу вверхъ по Енисею черезъ Сибирь.

Карта эта составленная нами на основаніи данныхъ самаго профессора Норденшильда, начальника экспе-диціи, можетъ служить нашимъ читателямъ для разъяс-ненія и болѣе яснымъ представленія слѣдованія экспе-диціи.

Побудительною причиною составленія этой карты бы-ло то серьезное значеніе экспедиціи для нашего оте-чества и для науки и тѣ результаты къ которымъ при-шла экспедиція открывъ морской путь къ Сибири.

И дѣйствительно труды экспедиціи 18 мая ихъ важ-ность были вполне оцѣнены Россією и учеными об-ществами, члены которыхъ, во всѣхъ мѣстахъ гдѣ про-ходила экспедиція, встрѣчали съ триумфомъ какъ сама-го Норденшильда, такъ и его сотоварищей.

Для болѣе яснаго представленія пути экспедиціи, мы помѣщаемъ полную карту съ обозначеніемъ какъ пути плаванія, такъ и путешествія по сушѣ.

На сѣверѣ Норвегіи, отъ города Тромзе экспедиція отпра-вилась ^в 1875 года по направленію къ Новой землѣ, и прибывъ къ ней пробовала пройти черезъ про-ливъ, раздѣляющій Новую землю на два острова, что однако не удалось по случаю сильнаго скопленія льдовъ. Пройдя немного южнѣе черезъ Югорскій проливъ въ Карское море. Послѣ изслѣдованія, по разнымъ направ-

леніямъ послѣдняго—экспедиція подошла къ истокамъ Енисея и между тѣмъ какъ большая часть ея, черезъ свободный отъ льда проходъ между Новою землею, от-правилась обратно въ Норвегію, самъ Норденшильдъ съ лейтенантомъ А. Стукбергомъ и 3-мя матросами въ ма-ленькой лодочкѣ пустились вверхъ по Енисею. Съ большими усиліями гдѣ на парусахъ, гдѣ на веслахъ удалось Норденшильду подняться вверхъ по Енисею. Вто-рая картина помѣщенная нами въ настоящемъ номерѣ представляетъ ночлегъ экспедиціи на мысѣ Шайтанскѣ.

Послѣ нѣсколькихъ недѣль плаванія сопряженныхъ со всѣми неудобствами подобнаго путешествія въ ма-ленькой лодочкѣ, удалось наконецъ Норденшильду и его товарищамъ, около Дудинска, встрѣтить русскій паро-ходъ, который и принялъ измученныхъ, усталыхъ путе-шественниковъ. Съ этого времени путешествіе стало болѣе удобно и представители экспедиціи подымались все выше по Енисею и все углублялись въ Сибирь, причемъ пройдя черезъ городъ Туруханскъ, Енисейскъ, Крас-ноярскъ, Томскъ, Каинскъ, Омскъ, Ишемъ, Тюмень, Екатеринбургъ, Пермь, Казань, Нижній-Новгородъ, Москву и наконецъ Петербургъ, откуда экспедиція, че-резъ Выборгъ и Гельсингфорсъ—отправилась обратно въ Штокгольмъ.

О шведской экспедиціи въ Новую Землю и къ устьямъ Енисея Ночь на берегу Енисея (мысъ Шайтанскъ).

Помѣщая въ настоящемъ номерѣ сцену изъ этой экспедиціи, возбуждавшей всеобщее вниманіе, какъ объ-ясненіе къ рисунку приводимъ замѣтку одного изъ участниковъ экспедиціи доктора Зундстрема, написан-ную имъ собственно для насъ.

„15-го августа (по новому стилю) вечеромъ достигли мы, послѣ долгихъ ожиданій, устья Енисея и выбравъ удобное мѣсто на лѣвомъ берегу, бросили якорь. Мѣсто стоянки въ честь учредителя всей экспедиціи было на-звано Норденшильдомъ „Портъ Диксонъ“.

Уже 19-го августа оставили мы корабль и шестеромъ Норденшильдъ, Стуксбергъ я и три матроса, въ небольшой лодкѣ двинулись вверхъ по Енисею, продолжая путешествіе черезъ Сибирь въ Европейскую Россію.

Это путешествіе въ лодкѣ по водамъ Енисея оставило въ нашей памяти много интересныхъ воспоминаній о своеобразности природы этой сѣверной окраины, интересныхъ намъ, какъ естествоиспытателямъ и такъ путешественникамъ.

Величавый Енисей при своемъ истокиѣ походить скорѣе на большой заливъ чѣмъ на рѣку, такъ что когда туманъ нависнетъ надъ нимъ съ одного берега даже не видно другаго. Своеобразны берега Енисея, громадное количество бревенъ и деревьевъ, наваленныхъ въ продолженіи дѣлныхъ столѣтій, масса древесныхъ стволовъ этихъ покрыта легкимъ и мягкимъ слоемъ наносной земли, что даетъ возможность берегамъ покрываться растительностью.

У устья рѣки намъ попадались горы и скалы, далѣе же вверхъ по теченію берега становились все плоче и плоче и превращались наконецъ въ низкіе песчаные.

Такъ какъ мы не имѣли ни малѣйшаго понятія о фарватерѣ, между тѣмъ какъ берега были очень топки то намъ никакъ не удавалось пристать къ берегу. Къ

тому же дулъ довольно сильный сѣверный вѣтеръ и мы были вынуждены проводить ночи на нашей лодкѣ. Наконецъ таки послѣ долгихъ по напрасныхъ усилій удалось намъ, промоченнымъ до костей и измученнымъ добратся до сухой земли. Картинка представляетъ ночь съ 20 на 21-е августа, проведенную нами на мысѣ Шайтанскѣ. Большая бревна, стволы деревьевъ, служили намъ вмѣсто лежа, а осушенные вѣтромъ сучья дали пищу большому огню, около котораго мы отогрѣвали наши окоченѣлыя члены, ожидая горячаго кофе. Пообогрѣвшись, мы вытянули на берегъ нашу лодку и забрались въ раскинутую тѣмъ временемъ палатку, чтобы немного отдохнуть и возстановить наши истощенныя силы.

Многія мѣста, которыя мы посѣщали въ дальнѣйшемъ путешествіи, были когда-то обитаемы, но въ настоящее время единственнымъ свидѣтельствомъ пребыванія человека остались лишь почти сгнившія, полуразрушенныя хижинны.

12 дней проплыли гдѣ подъ парусами, гдѣ на веслахъ по водамъ Енисея и 31-го августа, невдалекѣ отъ Дудинска встрѣтили пароходъ, который и принялъ насъ.

Членъ экспедиціи докторъ **Аксель Н. Лундстремъ**.

На шведскомъ оригиналѣ написано: «точность вышеизложенныхъ свѣдѣній удостовѣряю». «Профессоръ А. Е. Норденшильдъ».

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА

Разсматривая судебную хронику за послѣднее время, мы встрѣчаемъ нѣсколько выходящихъ изъ ряду процессовъ иногда характеризующихъ мѣстные нравы и обычаи.

Къ числу подобныхъ дѣлъ можно отнести дѣло, разсматривавшееся въ бакинскомъ окружномъ судѣ. На скамьѣ подсудимыхъ появился 19-лѣтній красивый армянинъ, обвинявшійся въ нанесеніи раны кинжаломъ другому армянину, явившемуся вмѣстѣ съ судебнымъ приставомъ описывать за незаплатенный долгъ лавку его отца. Рана, полученная кредиторомъ, хотя и значительна, но не опасна. Судъ приговорилъ обвиняемаго къ заключенію на полтора года въ арестантскихъ ротахъ. Послѣ прочтенія приговора, неожиданно для всѣхъ присутствующихъ, къ обвиняемому приблизился тотъ самый армянинъ, которому нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ нанесъ рану. Не успѣли принять никакихъ мѣръ, какъ подошедшій уже выхватилъ изъ руки кинжалъ и ударивъ имъ обвиняемаго сзади въ шею, опасно ранилъ. Произшло всеобщее смутеніе и паника. Пользуясь этимъ преступникъ скорымъ шагомъ вышелъ изъ залы, очищая себѣ путь размахиваніемъ по сторонамъ бывшимъ въ его рукахъ окровавленнымъ кинжаломъ. Впрочемъ въ первую минуту никто и не подумалъ останавливать преступника, и всѣ съ ужасомъ сторонились отъ него. Преступникъ между тѣмъ пробѣжалъ по всему базару до той лавки, въ которой былъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ самъ раненъ, и воткнулъ остріе кинжала въ землю, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была пролита его собственная кровь. Послѣ того онъ безъ сопротивленія позволилъ себя арестовать и на первые вопросы отвѣчалъ только, что онъ сдѣлалъ свое дѣло и отплатилъ кровью за кровь.

Небезынтересно дѣло о солдатской дочери Аграфенѣ Постновой, 11 лѣтъ, обвиняемой въ 11 кражахъ и о матери ея Костроминѣ, обвиняемой въ подстрекательствѣ. Дѣло это разбиралось въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ и сущность его состоитъ въ слѣдующемъ: жена ремесленника Е. Радзевичъ заявила полиціи, что проживающая у ней въ услуженіи 11-лѣтняя дѣвочка Аграфена Постнова созналась въ совершеніи нѣсколькихъ кражъ денегъ изъ кармановъ платья, изъ портмоне, коммоды и запертаго на замокъ сундука. На предварительномъ слѣдствіи Елизавета Радзевичъ, ея мужъ и дочь показали, что со времени поступленія къ нимъ для присмотра за ребенкомъ дѣвочки Аграфены, они стали замѣчать, что у нихъ пропадаютъ деньги небольшими суммами, и даже изъ запертаго на замокъ сундука, ключъ отъ котораго обыкновенно прятали подъ тюфякъ постели; изъ этого же сундука пропала и брошка, а всѣхъ случаевъ пропажи было замѣчено 11, на сумму всего около 40 рублей. Сначала они не знали кого заподозрить въ этихъ кражахъ, но послѣ пропажи изъ портмоне 1 р. 25 к. Постнова созналась при дворникѣ, что послѣ подтвердила и у слѣдователя, въ совершеніи 11 кражъ, которыя она по ея свидѣтельству совершила по приказанію и вслѣдствіе угрозъ своей матери, которой и передавала накраденное, когда она приходила навѣщать ее. Нѣсколько разъ она крада деньги изъ запертаго сундука, для чего брала ключъ изъ-подъ

постели; до передачи похищенныхъ вещей матери, она обыкновенно прятала ихъ въ наволочку подушки. Солдатка Сигклантия Костромина не признавала себя виновною ни въ подстрекательствѣ своей дочери, ни въ кражѣ, ни въ принятіи отъ нея вѣдомо краденаго и объявила, что дочь оговариваетъ ее, вѣроятно, по наущенію Радзевичей.

На вопросы предсѣдателя при судовореніи, маленькая Постнова объяснила, что красть ее учила мать, которая говорила, что будетъ копить эти деньги ей на приданое, когда она вырастетъ большою. Послѣ каждой покражи она отдавала деньги матери; мать иногда давала ей 2—3 к., а иногда только покупала ей ситникъ съ чаемъ. Что значить приданое, дѣвочка не знаетъ. При обыскѣ у матери ничего найдено не было, когда же Радзевичъ заявила ей о показаніяхъ дочери, то она стала дочь бранить и сказала, я тебя убью. Присяжные обвинили мать и дочь, признавъ вторую заслуживающую снисхожденія. Судъ постановилъ: мать, по лишеніи всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, заключить въ рабочей домъ на полтора года, дочь же признать по суду оправданною.

Въ томъ же судѣ разбиралось дѣло сына надворнаго совѣтника К. Келлера, судившагося за дуэль. Обстоятельства этого дѣла состоятъ въ томъ, что 18-го ноября 1874 г., К. Келлеръ явившись въ камеру судебного слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ при С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ, принесъ повинную, въ которой заявилъ, что проживая въ Карлсруэ, въ октябрѣ 1874 года, онъ имѣлъ съ товарищемъ своимъ по политехнической школѣ г. Валовскимъ поединокъ, послѣдствіемъ котораго была смерть Валовскаго. Поединокъ возникъ по вызову Валовскаго, вслѣдствіе обоюдной ссоры въ гостинницѣ и происходилъ въ присутствіи секунданта и врача. Убѣжавъ тотчасъ послѣ поединка изъ Карлсруэ, онъ, по совѣту своихъ знакомыхъ, по прибытіи въ Петербургъ, счелъ долгомъ явиться съ повинною. Обстоятельства дѣла, выясненныя въ повинной Келлера, вполне подтвердились изслѣдованіемъ баденскаго окружнаго суда въ Карлсруэ.

При производствѣ дѣла въ окружномъ судѣ, Келлеръ, объясняя причины дуэли его съ Валовскимъ рассказалъ, что зналъ послѣдняго какъ студента заведенія, въ которомъ онъ самъ находился и встрѣчался съ нимъ у общихъ знакомыхъ, но особенной дружбы между ними не было. Сидя однажды въ гостинницѣ съ товарищами за кружкою пива, Келлеръ разговаривалъ съ ними, когда находившійся тутъ же Валовскій вмѣшался въ разговоръ и предложилъ тостъ за здравіе «веселья»; тостъ этотъ былъ принятъ Келлеромъ, который въ свою очередь предложилъ другой — чтобы присутствующіе вмѣстѣ съ тѣмъ могли и уважить честь женщины (*que nous soyons en état de respecter l'honneur des femmes*). Слова высказанныя безъ малѣйшаго намѣренія оскорбить Валовскаго были приняты имъ какъ намекъ на скандальную исторію, въ которой онъ былъ замѣшанъ и слухи о которой ходили по городу.

Тогда Валовскій обратился къ нему съ вопросомъ, принима-

еть ли онъ его за труса, послѣ чего заявилъ, что онъ желаетъ съ кѣмъ нибудь сдѣлаться. Находя подобное заявленіе весьма страннымъ, Келлеръ шутя замѣтилъ ему, что если онъ желаетъ дѣлаться съ кѣмъ нибудь, то п еще всего попросить о томъ находящагося тутъ кельпера и удовлетворить такимъ образомъ своему желанію. Вслѣдъ за этими словами Валовскій вызвалъ на дуэль Келлера, которому въ виду всего общества, ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ принять вызовъ. Узнавъ что Валовскому только 19 лѣтъ и что онъ, не смотря на все желаніе Келлера, не хочетъ помпириться, послѣдній желая кончить курсъ въ политехнической школѣ, до чего оставалось всего нѣсколько мѣсяцевъ, предложилъ Валовскому отложить дуэль до его совершеннолѣтія, но тотъ отвергъ это предложеніе. Дуэль про-

исходила въ присутствіи секундантовъ и врача. Стрѣляли на двѣнадцать шаговъ, пистолеты были не нарѣзные и заряжены одною пулею. Исходъ дуэли былъ несчастный: Валовскій палъ, Келлеръ же получилъ небольшую контузію. Валовскій оставилъ завѣщаніе, переданное его матери, которая, въ свою очередь, просила передать Келлеру, что она противъ него ничего не имѣетъ, такъ какъ сынъ ея самъ напросился на дуэль. Замѣчательно, что братъ умершаго также убить на дуэли.

Окружный судъ постановилъ: подсудимаго Келлера подвергнуть заключенію въ крѣпости на два года; но, не приводя означеннаго постановленія въ исполненіе, ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ о замѣнѣ опредѣленнаго ему наказанія заключеніемъ въ крѣпости на одинъ мѣсяць.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

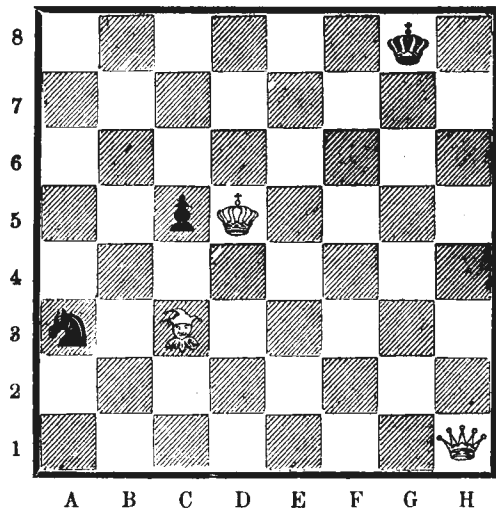

Адвокатъ. Что вамъ угодно? За свою защиту я не желаю вознагражденія. Вы «отъ суда свободны». Чего же вамъ еще нужно?
Воръ. Г. адвокатъ я, знаете, человѣкъ бѣдный... Въ благодарности за вашу защиту я принесъ тѣ самыя часы... потому, между нами сказать я вѣдь тѣмъ укралъ ихъ... Но рѣчь ваша такъ меня тронула, что я хотѣлъ хоть чѣмъ нибудь отблагодарить васъ...
Адвокатъ. Убѣрайся вонъ!..

ЗАДАЧА

Н. ЕРМИЛОВА

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ 2 хода.

РѢШЕНІЕ.

Задача въ «Ниву» № 48.

Черные.

- 1) g1 — c 5 +
- 2) e5 — b 8
- 3) c5 — b 4
- 4) h4 — h 5
- 5) b4 — b 7 +

Бѣлые.

- 1) a5 — a6
- 2) c3 — c4
- 3) c4 — c5
- 4) c5 — c6
- 5) c6 — b7

С М Ъ С Ъ.

Литературныя бесѣды г-на Сюзора начнутся въ этомъ году въ послѣднихъ числахъ настоящаго мѣсяца; мы съ радостью сообщаемъ читателямъ эту новость.

Ораторъ въ своихъ рѣчахъ коснется самыхъ интересныхъ литературныхъ вопросовъ. Билеты достаются у главнѣйшихъ книгопродавцевъ, а также и у швейцара института глухонѣмыхъ въ залѣ, назначенной для бесѣды.

По американски. Одна нью-йоркская газета пишетъ: Въ Невадѣ живетъ фотографъ, который ради эстетической стороны своихъ произведеній, усаживая своихъ клиентовъ передъ фотографическимъ аппаратомъ, обращается къ нимъ съ слѣдующими словами: «Вотъ, милостивый государь, заряженный револьверъ со введеннымъ куркомъ, который я навожу на васъ. Поэтому прошу васъ сидѣть спокойно, не моргать и стараться

продать своему лицу пріятное, спокойное выраженіе, обративъ взоръ на дуло револьвера; въ противномъ случаѣ я выстрѣлю вамъ въ лобъ. Я ставлю на карту мою репутацию, а потому вы понимаете, какъ для меня важно, чтобы портретъ вышелъ чисто, безъ лишнихъ прибавленій, которыя являются вълѣдствіе нетерпѣливости фотографируемаго». Нужно отдать справедливость, говорить поманутая газета, что фотографическія произведенія этого энергическаго мастера отличаются отчетливостью.

Обѣдъ изъ саранчи. Практическіе американцы съумѣли извлечь выгоду даже изъ саранчи. Они употребляютъ это вредное бѣдствіе въ пищу, и говорятъ, что это необыкновенно лакомое блюдо. Въ Миссури данъ былъ банкетъ, на которомъ состояли всѣ блюда изъ саранчи. Тутъ былъ супъ изъ саранчи, пирожное изъ саранчи, жареная саранча, саранча съ соусомъ, съ медомъ и проч. Всѣ остались довольны.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

Придворныя извѣстія.

На происходившемъ 26-го ноября въ Зимнемъ дворцѣ парадномъ обѣдѣ, по случаю торжественнаго праздника ордена св. Георгія Побѣдоносца, были произнесены слѣдующія рѣчи:

I.

Рѣчь Его Императорскаго Величества.

«Шлю за здравіе Моихъ друзей и союзниковъ, императора Вильгельма, какъ кавалера ордена св. Георгія 1-й степени, коего крестъ 4-й степени украшаетъ его грудь съ 1814 года, и императора Франца-Иосифа, котораго

Мы также съ гордостью считаемъ въ числѣ кавалеровъ нашего военнаго ордена болѣе 26 лѣтъ. Я счастливъ, что могу удостовѣрить при этомъ случаѣ, что задуманный союзъ между Нашими тремя государствами и Нашими тремя арміями, основанный Августомъ

Продолженіе на 785 и 786 стр.

стѣйшими предшественниками нашими на зашиту одного и того же дѣла, существуетъ неприкосновеннымъ въ настоящій часъ, не имѣя иной цѣли, какъ сохраненія спокойствія и мира въ Европѣ. Я исполнѣ упую, что, съ помощью Божіею, Наши усилія достигнутъ миролюбивой цѣли, которую Мы имѣемъ въ виду, которой вся Европа желаетъ и въ которой всѣ государства нуждаются. Да сохранитъ Господь Богъ ихъ величества для счастья ихъ народовъ!»

II.

Речь его императорскаго высочества эрцгерцога Альберта.

„Позвольте мнѣ, Государь, поблагодарить Ваше Величество за благосклонныя слова; Вами произнесенныя, поблагодарить отъ имени двухъ государей, Вашихъ Августѣйшихъ союзниковъ, которые исполнѣ и глубоко раздѣляютъ чувства, выраженныя Вамиимъ Величествомъ, а также поздравить Васъ, какъ кавалера ордена Маріи-Терезин, отъ имени австрійской арміи, столь гордой тѣмъ, что она 37 лѣтъ считаетъ Ваше Величество въ своихъ рядахъ.

„Удостоите меня, Ваше Величество, дозволеніемъ выразить Вамъ моиими устами, отъ имени всѣхъ присутствующихъ и отсутствующихъ кавалеровъ Вашего военнаго ордена св. Георгія, ихъ почтительнѣйшія поздравленія, по случаю двадцатипятилѣтней годовщины вступленія Вашего Величества въ число кавалеровъ этого достопамятнаго ордена, заслуженнаго блистательнымъ военнымъ подвигомъ.

„Соединяясь въ пожеланіяхъ и общихъ молитвахъ о сохраненіи драгоцѣнной жизни Вашего Величества, мы всѣ горячо желаемъ, чтобы, по истеченіи другой четверти вѣка, Вы могли торжествовать этотъ прекрасный

праздникъ подъ такими же, какъ и нынѣ, счастливыми предзнаменованиями.
 «За здравіе Его Величества Государя Императора, Ея Величества Государини Императрицы, Августѣйшаго Императорскаго Семейства! Доблестной арміи русской!»

III.

Речь Его Величества Государя Императора.

„За здравіе его императорскаго высочества эрцгерцога Альберта и его королевскаго высочества принца Карла Прусскаго, которыхъ Мы имѣемъ счастье видѣть между Нами, и всѣхъ кавалеровъ ордена св. Георгія Нашихъ трехъ храбрыхъ армій!»

— На томъ-же военномъ торжествѣ, Его Величество Государь Императоръ при приемѣ георгіевскихъ кавалеровъ передъ выходомъ къ молебствію, изволилъ осчастливить ихъ слѣдующими царственными словами:

«Съ особеннымъ чувствомъ радости поздравляю, сегодня, всѣхъ кавалеровъ Нашего славнаго военнаго ордена, вспоминая, что, 25 лѣтъ тому назадъ, Я въ первый разъ въ этотъ день удостоился чести, по милости покойнаго Государя, Моего Родителя, праздновать день этотъ съ бывшими тогда на лицо георгіевскими кавалерами. Многихъ изъ нихъ уже нѣтъ въ живыхъ, но память о ихъ заслугахъ жива въ Моемъ сердцѣ, и Я счастливъ, что могу благодарить васъ, господа, за вашу молодецкую службу. Да сохранитъ васъ Богъ еще на многія лѣта!»

Военное дело.

— Въ «Турк. Вѣд.» пишутъ: Городъ Коканъ, какъ утверждаютъ привѣзжающіе въ Ходжентъ туземцы, занятъ отъ имени Пулатъбека, отрядомъ въ 500 человекъ, подъ пред-

водительствомъ бѣжавшаго изъ Ташкента бывшаго ура-тюбенскаго бека Абдуль-Гарафа. Вообще положеніе дѣлъ въ Коканскомъ ханствѣ весьма тревожное, и чѣмъ окончится эта анархія — покажетъ будущее. Въ виду смуты въ Коканѣ и возможности появленія мелкихъ шаекъ грабителей на нашей границѣ, командующей войсками генералъ Кауфманъ призналъ необходимымъ снова занять русскими войсками 22-го августа и затѣмъ, при передвиженіи отряда въ Наманганъ, переданный призванному генераломъ Кауфманомъ коканскому хану Насырь-Эддину Махрамъ занять безъ боя, 23-го октября, отрядомъ изъ 2 ротъ, 1 сотни и 2 орудій подъ начальствомъ маіора Родзянко. Съ занятіемъ Махрама, пограничныя кишлаки Ходжентскаго уѣзда совершенно обезпечены отъ вторженій коканскихъ шаекъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Устройство волшебныхъ фонарей и аппаратовъ для туманныхъ картинъ, при различныхъ источникахъ свѣта, а также способъ приготовленія прозрачныхъ картинъ на стеклѣ (съ 9-ю рисунками). — Кто выигралъ?. (Изъ современной уголовной хроники). Романъ Ф. Фридриха (продолженіе). — Вѣздъ цари Іоанна IV Васильевича Грознаго во Псковѣ (съ рисункомъ). — Эль-Чано. Изъ путешествія въ Волнію (съ рисункомъ). — Путевая карта сѣверной экспедиціи профессора Норденшильда, съ указаніемъ изслѣдованнаго изъ морскаго пути къ устью рѣки Енисея и обратно въ Ярану вверхъ по Енисею черезъ Сибирь (съ картою). — О шведской экспедиціи въ Новую Землю и къ устьямъ Енисея (съ рисункомъ). — Судебная хроника. — Юмористическіе очерки (съ рисункомъ). — Шахматы. — Смѣсь. — Разныя извѣстія. — Приложение объявленій. — Отдѣльное приложение: ПАРИНСКІЯ МОДЫ за Денарь съ 18 рисунками и большой листъ выкроекъ.

Редакторъ Ф. Бергъ (Боевъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „РУССКОЕ БОГАТСТВО“

ЖУРНАЛЪ ТОРГОВЛИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЗЕМЛѢДѢЛІЯ И ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.

Программа слѣдующая: 1. Источники народнаго богатства: руководящія статьи, какъ и изъ чего извлекать наибольшій доходъ. 2. Торговый отдѣлъ, гдѣ что можно выгодно купити и продать; выносы къ торгамъ, подрядамъ, аукціонамъ и конкурсамъ; адреса лучшихъ фабрикъ и оптовыхъ складовъ съ указаніемъ дѣлъ товара; ярмарки, биржи и проч. и проч. 3. Техническій отдѣлъ. Статьи и цѣлыя руководствы по всѣмъ ремесламъ и фабричнымъ производствомъ. 4. Земледѣліе, сельское хозяйство со всѣми его отраслями, какъ-то: скотоводство, птицеводство, садоводство, огородничество, сельская архитектура, механика и проч. 5. Правительственныя распоряженія и постановленія, относящіяся преимущественно къ промышленности и сельскому хозяйству. 6. Народная медицина и ветеринарія. 7. Научныя обозрѣнія (хроника всѣхъ открытій и усовершенствованій). 8. Библиографія и критическая оцѣнка книгъ и периодическихъ изданій. 9. Статьи по естественной изъ зоологій, ботаники, астрономіи, химіи и физики въ общедоступномъ, популярномъ изложеніи. 10. Путешествія и небольшое разсказы изъ жизни промышленниковъ, охотниковъ и торговыхъ людей.

«Русское Богатство» будетъ выходить 1-го 10 и 20-го числа каждаго мѣсяца, тетрадями большого формата.

Въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ «Русскаго Богатства» будутъ слѣдующіи лица: *Инженеръ-Технологъ*: М. И. Мѣиналинъ, С. И. Плотниковъ, А. Н. Десняковъ и М. И. Ларионовъ; *инженеръ-механикъ*: П. В. Калачевъ, И. И. Ивловъ; *инженеръ-архитекторъ*: А. Ф. Савичъ и Э. Е. Вауеръ; *профессора*: гг. Покитиль, Васильевъ и Раздолскій; *археологи*: Ф. П. Веклелевъ, Л. И. Губовъ, С. И. Остаевъ, магистръ-технологія В. Хлюдиной и приватъ-доцентъ Московскаго университета баронъ фонъ деръ Бронговъ; *доктора-медицины*: А. П. Корочевскій, Н. В. Холмскій и многіе другіе.

Всѣхъ же сочувствующихъ цѣли изданія «Русскаго Богатства», мы покорнѣе просимъ присылать въ редакцію невозможныя торговныя и промышленныя извѣстія, а также и статьи по всѣмъ отдѣламъ журнала, за которыя, равно какъ и за торговныя извѣстія, будетъ уплачиваться по 5 коп. сер. за каждую начатанную строку, а по уговору съ авторами статей, отъ 50 до 150 р. сер. за печатный листъ въ 8 страницъ.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМИИ

1) Четыре приложения «Паринскихъ Модъ», съ модными картинками, выкройками и ковными узорами. Приложения эти разосланы въ январѣ, апрѣлѣ, июнѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ и такимъ образомъ исбавятъ гг. подписчиковъ отъ затратъ на вышнюю модныя журналы.

2) 12 поясныхъ, кабинетныхъ портретовъ современ. русскихъ литераторовъ, праворуваніиныхъ на стали въ Лондонѣ изв. худож. Деаби. № 1 «Русскаго Богатства» разослается 10 Декабря.

Цѣна годовому изданію «Русскаго Богатства» со всѣми приложениями (всего 40 тетрадей въ годъ, болѣе 2,000 столбцовъ текста и 300 рисунковъ машинъ, мельницъ, сельскихъ построекъ, портретовъ русскихъ литераторовъ, художниковъ и снимковъ съ ихъ картинъ), съ пересылкой во всѣ города имперіи пять рублей, безъ доставки четырехъ рублѣ.

Подписывающимся на журналъ «Русское Богатство», предлагаются по уменьшенной цѣлѣ слѣдующія изданія: 1. *Справочная книга* для сельскихъ хозяевъ и ремесленниковъ въ 2-хъ частяхъ съ 30 рисунками (вмѣсто 1 руб.) за 50 копѣекъ. 2. *Винодѣліе*, приготовленіе всевозможныхъ винъ изъ русскихъ агородъ въ 2-хъ частяхъ (вмѣсто 1 р. 50 к.) за 50 копѣекъ. 3. *Ремесленная Газета* за 1874 годъ, полное сброшюрованное изданіе (вмѣсто 3 руб.) за 1 руб. 4. *Листонъ Сельскаго Хозяйства и Естественнаго 1874 года* (вмѣсто 3 руб.) за 1 руб. 5. *Листонъ Сельскаго Хозяйства и Естественнаго 1875 года* (вмѣсто 3 руб.) за 2 руб.

Требованія адресовать: въ Москву Редактору-Издателю «Русскаго Богатства» Н. Ф. Савичу (у Спаскихъ казармъ, Спаская улица, домъ Виноградской).

26-3

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА.

въ С.-Петербурѣ.

Очерки, повѣсти и разсказы П. В. Крестовскаго (автора «Петербургскихъ Грущюкъ»), 3-е Изданіе. Цѣна 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 60 к., для подписчиковъ «НИВЪ» 1875 года 90 к. съ пересылкою.
 Семья вольнодумцевъ, Историческая повесть временъ Екатерина П. П. Петрова и В. Каложникова. Повесть эта въ беллетристической формѣ знакомитъ съ главнѣйшими событіями и замѣчательнѣйшими дѣятелими Екатерининской эпохи. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к., для подписчиковъ «НИВЪ» 1875 года 75 к. съ пересылкою.
 Про что счебала ласточка. Сочиненіе Шмалъгагена. Съ портретомъ и біографіею автора. С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ «НИВЪ» 1875 г. 1 р. съ пересылкою.

!!Подарки къ Рождеству!!

ВЪ ГЛАВНОМЪ ДЕПО ВСѢХЪ АЛЛЕГОРИЧЕСКИХЪ КАРТИНЪ

Э. Г. ДЕЗЛЕРА преемн. ГЕРОЛЬДА.

20 Невскій просп. д. Голладской церкви, по 2-мъ этажѣ.

⚡ Не смѣшивать съ нижнимъ магазиномъ эстамповъ. ⚡

14 3/4 × 20 1/2 верш.	Фирвальдшт. озеро и Вацманъ	по 8 1/2 руб.
12 1/2 × 16 3/4 »	Рейнская и Швейцарскъ виды	» 4 1/2 »
13 × 10 1/2 »	Русск. крестьянскъ дѣвушка .	» 6 1/2 »
12 3/4 × 10 1/2 »	Крестьянскъ дворъ и Пананъ	» 4 »
7 1/2 × 9 1/2 »	2 Швейцар. виды, 4 врем. г.	» 2 1/2 »
6 3/4 × 8 3/8 »	8 различ. сценъ изъ жизни }	» 2 1/2 »
8 1/4 × 6 1/2 »	50 разныхъ » » »	» 2 »

Фабрика рамъ роскошныхъ и новѣйшихъ фасоновъ и багетъ золоченныхъ орѣховыхъ и палисандровыхъ.

Принимаютъ вставленіе въ рамъ картины каждаго рода.

Каталоги съ эскизами высылаются гг. иногороднымъ по полученіи 3 и 8 копѣечн. почт. марокъ.

Вышла и продается во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы

МИСТРИССЪ ФОУСЕТТЪ

Начальныя основанія политической экономіи

Цѣна 1 р.; перес. за одинъ фунтъ.

3—1

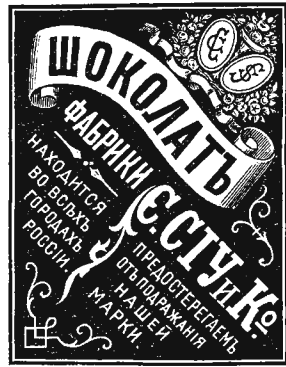
СКЛАДЪ РОЯЛЕЙ

въ 350, 375, 415, 435, 525,
550, 675, 750, 825, 875,
1200, 1300, 1400, 1700, руб-
лей и дороже.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

П. И. Юргенсона.

Москва, Петровка, № 6.

6—5

ВНОВЬ ВЫШЕДШАЯ КНИГА

Руководство къ изученію часоваго мастерства

составленное часов. д. мастеромъ И. М. Гусевымъ.

Съ 70-ю гравированными рисунками.

Нижній-Новгородъ 1870 года.

ЦѢНА 1 Р. 50 К.

Книга эта будетъ полезна не только желающимъ изучать часовое мастерство но и для всякаго любознательнаго человѣка; въ ней объясняются способы: обращаться съ часами при повѣркѣ, прибавленіе и убавленіе хода, повѣрка часовъ по солнцу; устройство солнечныхъ часовъ и электромагнитныхъ, вычисленіе, относительной равности мѣстностей и времени; составленія припоевъ и паяніе, паленіе стали, шлифованіе и полированіе металовъ, окрашиваніе мѣди, золоченіе и серебреніе. По этому книга можетъ быть полезна вообще для начальнаго механическаго обученія, а также для слесарей, пальщиковъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, въ особенности же для проповѣдающихъ мастерство въ небольшихъ городахъ и селеніяхъ, гдѣ для ремесленника вовсе нѣтъ средства для пріобрѣтенія научныхъ познаній. Продается: въ Нижнемъ Новгородѣ, въ часовомъ магазинѣ И. М. Гусева, въ Москвѣ въ редакціи Ремесленной Газеты и у всѣхъ книгопродавцевъ.—Пересылка бесплатно.

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

ГЕНРИХА

НЕСТЛЕ,

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ

ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Лучшее изъ всѣхъ донныхъ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко.

Это средство, вошедшее уже во всеобщее употребленіе, весьма легко переваримо, не подвержено порчѣ; способъ приготовленія его весьма простъ и оно охотно берется ребенкомъ.

Рекомендуется поэтому въ особенности:

- 1) въ помощь кормленія слабой матери или кормилицѣ,
- 2) при отниманіи ребенка отъ груди и
- 3) въ путешествіяхъ съ дѣтьми.

Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. муки.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:

у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, единственнаго агента для всей Россіи, у Вознесенскаго моста, д. № 25, у Штоля и Шмидта, въ Спб.— химической лабораторіи, русскаго общества торговцевъ аптекарскими товарами, у Рулковиуса и Гольма, Шредера и Шульце, — у Я. А. Фохтса, — у Каушмана, Вас. остр.— у В. Валадина, Ляглейная, д. № 57-й, у Ушакова — Гост. Дворъ, д. № 33, и во всѣхъ аптекахъ и москательныхъ торговляхъ Россійской имперіи.

26—14

„ЖУРНАЛЪ ОХОТЫ“

издаваемый Императорскимъ Обществомъ правильной охоты подъ редакціей Л. П. Сабаньева, выходитъ ежемѣсячно, книжками около 5 печатныхъ листовъ убористой печати, на веленовой бумагѣ, съ хромолитографированнымъ или фотолитографированнымъ (на стеклѣ) рисункомъ въ каждой книгѣ и политипажами въ текстѣ. Втеченіе года будутъ выданы гг. подписчикамъ, въ видѣ преміи, нѣсколько хромолитограф. рисунковъ лучшихъ собакъ первой очередной выставки Общества. Подписная цѣна: на годъ 8 р. съ перес. 9 р; на полгода 4 р 50 к. съ перес. 5 р.

Съ 6 книгами, вышедшими въ 1874 году (съ 1-го Іюля) 12 р. съ перес. 13 р. 50 к. Въ трехъ книгахъ, вышедшихъ по настоящее время, между прочимъ помѣщены слѣдующія статьи.

Замѣтки стараго провинціального псового охотника П. М. Мачеварианова. Травля волка. А С. В—ева. Воспитательное значеніе охоты. С. Л—аго. Охота на тигровъ на р. Сырь-Дарьѣ. Г. Иванова. Липинскій лѣсъ (изъ записокъ кавказскаго охотника). Н. Г. Вучетича. Записки объ охотѣ въ Сѣверозападномъ краѣ. И Алмазова. Токъ чернышей. А. Ходнева. Стрѣла Куропатка. Н. Г. Вучетича. Приморская и степная охота въ Астраханской губ. И. Явленскаго. Первая очередная выставка охотничьихъ собакъ и лошадей. А. Е. Корша. Удочка и уженье рыбы. А. Н—ева. (съ 32 полит.) Соловей, его ловъ и содержаніе. Е. Кавелина. и мн. др.

Подписчики журнала охоты за пересылку сборника „Природа“ не прилагаютъ.

Подписка принимается: въ Москвѣ—въ редакціи Сборника „Природа“ и „Журнала охоты“ (Петровка, д. Самариной), въ книжныхъ магазинахъ Соловьева, Васильева и въ Центральномъ книжномъ магазинѣ въ Петербургѣ — у Базунова и Черкесова; въ Кіевѣ — въ Южнорусскомъ книжномъ магазинѣ. Иногородные благоволятъ обращаться въ редакцію. Подписка въ разсрочку по соглашенію съ редакціей.

„ПРИРОДА“

(годъ третій).

Популярный естественно-историческій сборникъ, издаваемый подъ редакціей проф. С. А Усова и Л. П. Сабаньева. Роскошное изданіе на веленовой бумагѣ, съ хромолитографіями, фотолитографіями (на стеклѣ) и политипаж. въ текстѣ. Съ 1874 г. выходитъ 4 раза въ годъ книгами большаго формата, около 25 печатныхъ листовъ. 1 и 2 книги 1873 года и 2 книга 1874 одобрены Министерствомъ Нар. Просв. для библиотекъ учебныхъ заведеній и наградъ ученикамъ

Подписная цѣна 12 р. съ перес. 13 р. 50 к.

Подписчики, подписавшіеся въ редакціи (Москва, Петровка, д. Самариной) одновременно на 1874 и 1875 г. платятъ по 12 р. за годъ, съ 2 книгами 1873 г. (10 книгъ) 30 р. съ пересылкою.

Вышла и продается 1-я книга Сборника „Природа“ на 1875 г.

Содержаніе: Законы движенія. Проф. Карстена. Автоматы-ли животныя? проф. Генсли. съ полит. Жизнь въ мірѣ животнахъ и растений. Л. Н. Попова. Съ 36 полит. Вулканы. проф. К. Фохта. съ 26 полит. Уродство. проф. Бертильона. въ 13 полит. Окраска лепестковъ. Ф. Маевского. съ 2 хромолитографіями. Сазанъ В. Е. Яковлева. Падающіе камни. Менье. съ 8 полит. Скорость ощущенія, мысли и воли человѣка. Д-ра Б. С. Розенберга съ 5 полит. Монголы. Н. М. Пржевальскаго. Страна Монбутту. Г. Швейнфурта. съ ксилогр. табл. и 18 полит. Отдаленность звѣздъ. Н. Фламмаріона. съ 6 полит. Дятлы и ихъ значеніе въ лѣсоводствѣ. Б. Альтума. съ хромолитографіей. Кабаны. съ фотолитографіей. Чайки. съ фотолитографіей. Вальдшнепъ. съ фотолитографіей.

Цѣна 4 р. (выписывающіе изъ редакціи, за пересылку не прилагаютъ). Вышли и продаются новыя книги, изданныя редакціей Сборника „Природа“.

РЫБЫ РОССИИ

Жизнь, ловля и уженье нашихъ прѣсноводныхъ рыбъ Л. П. Сабаньева. (650 стр.) съ 6 рисунками и 433 политипажами рыбъ и снарядовъ для ловли и уженья рыбы. Цѣна за всѣ три выпуска 4 р. каждый выпускъ отдѣльно 1 р. 50 к.

ФЛАММАРИОНЪ. „НЕБЕСНЫЯ СВѢТИЛА“

Популярное изложеніе Астрономіи. съ 75 полит. цѣна 1 р. 50 к. Выписывающіе изъ редакціи, за пересылку не прилагаютъ. Подписчики Журнала охоты и Сборника „Природа“, пользуются уступкой 20%.

3—1

У ВСѢХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ ПРОДАЕТСЯ КНИГА

НАСЛѢДНИКИ.

Повѣсть въ двухъ частяхъ Д. И. Стахѣва.

2 тома, болѣе 700 стран. Цѣна 3 руб. 50 коп.

4—4

Опытъ русско-украинскаго словаря, сост. М. ЛЕВЧЕНКО.

Цѣна съ перес. 1 руб. 30 коп.

КІЕВЪ. Книготорговля ЛЕВЧЕНКИ и ИЛЬНИЦКАГО.

3—2

НИВА

Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни.

№ 50

1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ И ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.

Въ виду приближенія времени подписки на 1876 г., мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ воспользоваться возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ номеровъ.

Приготовление около 14.000 печатныхъ адресовъ для гг. иногородныхъ подписчиковъ требуетъ весьма большой работы и времени такъ что намъ гораздо легче если подписчи теперь уже благоволятъ выслать свои требованія ибо въ концѣ Декабря когда всѣ требованія поступятъ вдругу, большое количество адресовъ трудно съ разу приготовить.

При возобновленіи подписки просимъ покорно высылать печатные редакціонные адреса отъ бандеролей, въ которыхъ подписчики получаютъ „НИВУ“ въ нынѣшнемъ 1875 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ	4 р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: черезъ книжный магазинъ И. Гр. Соловьева, А. Данъ и А. Живарева	4 р. 50 к.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ	5 р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ГДЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к.)

*) ПОЧТОВЫХЪ МАРОКЪ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ, а просимъ высылать этотъ полтинникъ серебромъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9.

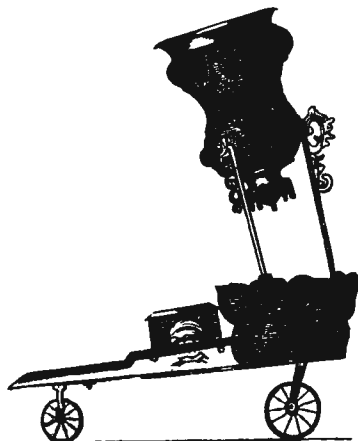
ПОДПИСКА на 1875 г. продолжается на тѣхъ же самыхъ условіяхъ. Издатель „НИВЫ“ А. Ф. МАРКСЪ.

Подарки, подносимые Русскимъ царямъ иностранными послами.

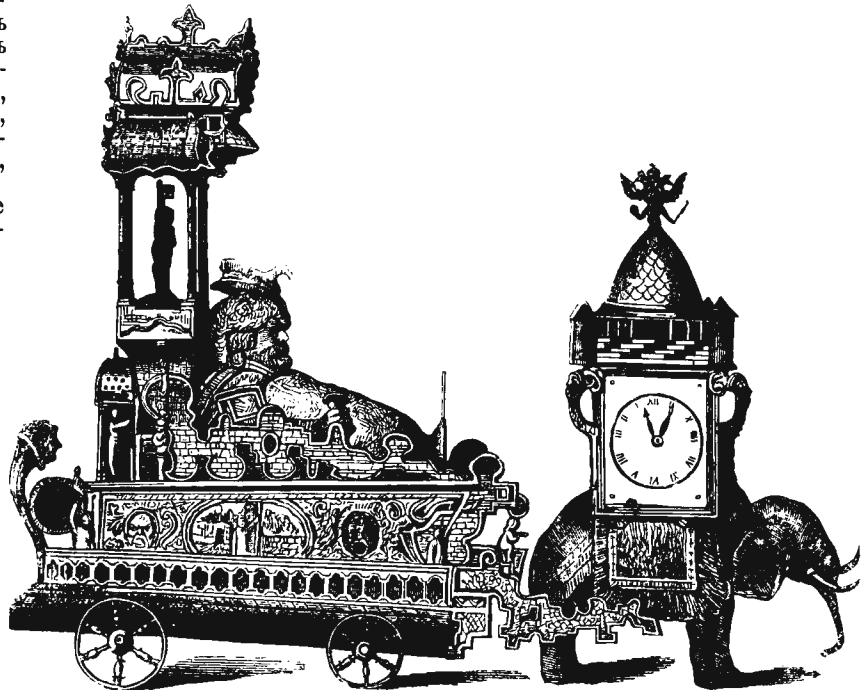
Общій дипломатическій обычай, издавна существовавшій между владѣтельными особами: посылать другъ другу съ послами подарки,—за время Царей въ Москвѣ, оставилъ много блистательныхъ доказательствъ дружественнаго расположенія къ владыкамъ русскаго народа. Дары иностранцевъ, сохраняемыя въ Московской Оружейной Палатѣ, самую изысканностью своей даютъ понять, что за Царями Московскими усердно ухаживали—особенно торговые города и народы, въ томъ числѣ и англичане.

По искусству выдѣлки превосходятъ другіе —поминки коронованныхъ главъ золотыя че-

канныя вещи, привезенныя изъ Англіи и Даніи въ XVII вѣкѣ, отъ Королей Англіискихъ Якова I Карла I и Дат-

Кубокъ потѣши. Царя Алексѣя Михайловича. Рис. Коверзневъ гр. Бергъ.

Часы съ боемъ, «походные» на слонѣ, Царя Федора Иоанновича 1590 г. Рис. Коверзневъ грав. Езерскій.

ских — Христиана IV и Вольдемара — Царю Михаилу Феодоровичу.

Отъ Якова I въ 1621 году посолье Джонъ Мерикъ поднесъ двѣ сулеи 15-го декабря, какъ значится въ приходной книгѣ этого года за № 730. Сынъ этого короля спустя 15 лѣтъ прислалъ *стоны*, отличающіяся особенно изысканностью формы и по роду изображеній одна изъ нихъ известна подъ именемъ «Коня». Испанскимъ дворомъ или Нидерландами испанскими поднесены «Корабль». Корабль — трехмачтовое судно, съ парусами, вымпелами и людьми на реяхъ, держитъ на головѣ атлантъ, стоящій по образцу Колосса Родосскаго на двухъ концахъ гавани, въ которую входитъ одномачтовая галера. Атлантъ опирается на якорь, а другіе два якоря меньшей величины на проволокахъ, замѣняющихъ здѣсь канаты, опущены съ судна въ пространство. Всѣ эти фигуры помѣщены на плоской кровлѣ, выступающей надъ столпою съ четырехстороннимъ въ формѣ креста орнаментированнымъ поддономъ. Вся группа высотой 37½ англійскихъ дюймовъ вѣсомъ, чистаго серебра, безъ позолоты, 21½ англійскихъ фунтовъ. На большомъ парусѣ гербъ съ орденомъ золотого руна. Конь — это на стоиѣ, служащей подножіемъ Конная статуя Короля Карла I англійскаго съ железомъ въ правой рукѣ, въ супервестѣ, латахъ, шарфѣ и круглой шляпѣ безъ пера. Тоже серебряная вызолоченная группа. Въмѣстѣ съ нею присланныя двѣ стоны; внесены въ опись 1640 года въ слѣдующихъ терминахъ: «двѣ стоны серебряны золочены, чеканныя съ кровлями на одно дѣло (т. е. одного рисунка, нарныя). На стопахъ и на кровлѣхъ чеканены *личины* съ крыльями, (т. е. крылатыя головки или полуфигуры) да люди на рыбахъ (т. е. Тритоны классическаго богословія съ рыбьимъ плесомъ); у рукоятей по головѣку съ крылы (т. е. полныя фигуры окриленныхъ гениевъ), Вѣсу одной 6 фунтовъ 22 золотника, въ другой 6 фунтовъ 5 золотниковъ. Цѣна по 11 рублевъ фунтъ. Присланъ Государю въ дарѣхъ, англійской Карусъ Король въ (7) 144 (1636) году». Поднесилъ посолье Симонъ Дайгбей и пріемъ его въ царскихъ выходахъ 14-го декабря 1636 года записать». Былъ Государь въ Золотой (Палатѣ) и у него Государя былъ ерусалимскаго патріарха игуменъ, да англійской земли посолье. И на Государѣ былъ нарядъ большіе казны (т. е. полный парадный): крестъ, діадема, скипетръ, платно пятаго наряда, кафтанъ четвертаго наряда, шалка Ефимова дѣла, башмаки низаны жемчугомъ по червчатому (сиреневому) бархату, сорочка вторая».

Нарядъ *большія казны*, т. е. полный нарядъ надѣвалъ Царь Михаилъ въ торжественные дни, являясь народу въ процессіяхъ духовныхъ. Вслѣдъ за пріемомъ Дайгбей, Государь возлагалъ корону и крестъ — въ день 1-го января 1633 года на поставленіи крутицкаго митрополита, 6-го января идя *на ердань* (на Иорданъ), 30-го января при пріемѣ Литовскаго посла, 3-го февраля по другой аудіенціи того же лица, 2-го апрѣля (въ тотъ годъ въ этотъ день пришлось вербное воскресенье) въ шествіи патріарха на ослѣтя, 9-го апрѣля — въ день пасхи за позднюю обѣдню; 23-го апрѣля — принимая верендскихъ пословъ, іюня 27-го по 2-е іюля, 20-го августа и 3-го сентября — давая аудіенціи литовскимъ посламъ. Для ганзейскихъ пословъ и крымскихъ гонцовъ этого парада не дѣлалось.

Такъ соблюдался этикетъ дипломатическій нашими Государями.

Не одни впрочемъ стоны да кубки составляли предметы присылки въ поминки Царямъ Московскимъ отъ братьевъ по трону, владѣтелей востока и запада, и опахала, и курильницы (въ видѣ горъ съ готическими замками) и барсы, и чарки, и братины, и тарелки, и блюда, и щипцы, и подсвѣчники, и лохани, и лебеди, и орлы, и кувшины, и стошцы, и вазы для цвѣтовъ, и ставцы, и мушкетеры, и воронки, и столовое бѣлье, и корабли,

и лвы, и верблюды; и олени, и страусы, и пѣтухи, и часы карманные и столовые, — сохраняются въ оружейной палатѣ, присланные съ послами въ Москву.

Часы боевые на слонѣ — рисунокъ въ этомъ № «Нивы» — сохранились отъ XVI столѣтія. Они были въ употребленіи при послѣднемъ Царѣ изъ дома Рюрикова, такъ богомольномъ, «скорбномъ главою», Царѣ Федорѣ, на поминъ души котораго жена Царица соорудила пышное кадило въ Архангельскій соборъ (рисунокъ мы уже помѣстили въ «Нивѣ»). Въ 1590 году, при пріемѣ пословъ Персидскаго шаха, стояли часы въ Грановитой Палатѣ, по правую сторону царскаго стола, во время пышнаго обѣда, слонъ, на которомъ уставлены часы въ видѣ бесѣдки увѣчанной орломъ съ тремя коронами надъ двумя головами, — везетъ тяжелую колесницу. Колесница эта служитъ ложемъ великана, подкорчившаго ноги. На головѣ великана сидитъ павлинъ, а изголовьемъ и задкомъ колесницы служитъ основаніе пышнаго балдахина, подъ которымъ стоитъ стражникъ со знаменемъ. Возница-пигмей помѣщенъ подъ ногами великана и тяжелая колесница установлена на большіе четыре колеса, которые давали возможность передвигать слона и колесницу. Отъ этого часы на слонѣ и назывались *походными*, т. е., будто бы по объясненію покойнаго А. Ф. Вельмана *катающимися*, хотя такого значенія слову «походный» никто не даетъ изъ русскихъ людей нашего времени.

У царя Алексѣя Михайловича была вещь потѣшная съ большимъ смысломъ. Это *потѣшный кубокъ*, устроенный на другой годъ по рожденіи его (въ 1630 году). Онъ по описи 1663 года описывался такъ: «кубокъ серебрянъ, золоченъ, съ мельницею, ложчатъ (т. е. обдѣлавъ въ видѣ ложекъ архитектурныхъ, низъ поддона на колесахъ), на трехъ колесахъ безъ кровли. Середъ поддона выводу лебедь серебрянъ, бѣлы; у кубка ва столбѣ чаша бѣлая, литые; вѣсу 2 фунта 39 золотниковъ».

Собственно цѣнность и потѣшность кубка этого — помѣщеннаго въ этомъ № «Нивы» — составлялъ механизмъ, заставлявшій его перекувыркнуться, какъ только брались за поддонъ, также поставленный на колески. Отъ поддона выдвигались вверхъ тонкія полосы, поддерживавшія самый сосудъ, но отходившія въ сторону на бокъ съ прикосновеніемъ къ нимъ, отчего вино проливалось на неловкаго, неумѣвшаго братья какъ слѣдуетъ за верхній сосудъ прямо.

Кромѣ этого потѣшнаго кубка, для юнаго Царевича Алексѣя Михайловича сдѣлана была серебряная чарка, мянная, по всей вѣроятности для собственнаго его употребленія.

Невѣстѣ его, за два дня до вѣнчанія, послѣ уже объявленія о предстоящемъ бракѣ, — поднесъ кубокъ чеканный (14-го января 1648 г.) дядя ея будущаго супруга-государя, бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ, слышвшій у современниковъ за большаго любителя иностранныхъ издѣлій, тонкой работы. Кубокъ имъ поднесенный и извѣстный подъ его именемъ, сохраненнымъ въ обстоятельной надписи времени и случая приноса, также нѣмецкаго дѣла. Орнаменты чеканные представляютъ въ клеймахъ фигуры Минервы, Марса и Дианы. Кровля украшена грифомъ, держащимъ щитъ съ изображеніемъ всадника и буквами К. Х. К. Вѣсомъ этотъ кубокъ 11 фунтовъ 58 золотниковъ. Есть еще три кубка, поднесенные первой супругѣ Царя Алексѣя послѣ свадьбы ихъ, при поздравленіяхъ, а отъ приносовъ второй супруги этого Государя, въ Оружейной Палатѣ 14 ковшей и ставецъ. Отъ голландскихъ штатовъ поднесено Царю Алексѣю въ 1645, 1648 и 1665 годахъ нѣсколько блюдъ, кувшиновъ, лаханей и подсвѣчниковъ. Впрочемъ, пересчитать всѣ подарки иностранные, сохраняемые въ Оружейной Палатѣ, нѣтъ никакой возможности.

П. Петровъ.

КТО ВЫИГРАЛЪ?..

(Изъ современной уголовной хроники).

РОМАНЪ
Ф. Фридриха.
(Продолженіе).

Онъ оставилъ Эльзу. Радостное чувство охватило его при мысли, что она вполне довѣрилась ему, но, пораздумавъ о судьбѣ несчастной дѣвушки, Платонъ невольно загрустил... Въ самомъ дѣлѣ, какъ было не опасаться, что душа ея останется, можетъ быть, навсегда омраченною?..

Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, все думая объ Эльзѣ, какъ вдругъ кто-то стукнулъ въ дверь и, секунду спустя, передъ Платономъ стоялъ директоръ театра — г. Вулэнъ. Хитрые глазки его такъ и бѣгали, онъ рыскалъ ими по всей комнатѣ...

Молодой человѣкъ поморщился и, взглянувъ на непростеннаго гостя, довольно рѣзко спросилъ:

— Вамъ что угодно?

— Вчера вечеромъ вы были въ моемъ театрѣ, заговорилъ директоръ, слѣдовательно вамъ извѣстно, что нѣкая молодая особа, по имени и фамилии Габріэль Бальманъ, потеряла рѣшительное фиаско... Затѣмъ, когда она вышла изъ театра — вы послѣдовали за ней... Вотъ-съ, мнѣ и желательно было-бы задать вамъ вопросъ: не знаете-ли, куда дѣвалась эта особа? Въ квартиру свою она не возвращалась...

— А вамъ зачѣмъ именно нужно это знать?

— Зачѣмъ? Довольно дерзко повторилъ Вулэнъ. Да вотъ такъ захотѣлъ. Вотъ и все! Я не намѣренъ объяснять вамъ причины.

— А, ну, въ такомъ случаѣ и я не намѣренъ вамъ отвѣчать, отрѣзалъ Платэнъ.

Вуллэнъ почти зажмурилъ глаза, причѣмъ жилы на лбу его рѣзко обозначились...

— Вы эту особу знаете? продолжалъ онъ свои разспросы.

— Знаю, отвѣтилъ молодой человекъ, немного помолчавъ.

— Откуда она? Кто ея отецъ?

— Оставьте, пожалуйста, всѣ эти вопросы! Я, знаете, къ подобнымъ выспрашиваніямъ не привыкъ, особенно если это дѣлаютъ такіе господа, права которыхъ на вопросы такого рода мнѣ неизвѣстны.

— Хорошо-съ, значить вы не желаете мнѣ отвѣчать?

— Я, кажется, ясно выразился насчетъ этого,...

— Прекрасно! Ну, въ такомъ случаѣ, я заявлю полиціи... Можеть быть права полиціи вы и нейдете нужнымъ признать, когда она обратится къ вамъ съ вопросами такого рода?...

Платэнъ вспыхнулъ, кровь бросилась ему въ лицо... Слова Вуллена взбѣсили его, но онъ себя сдержалъ. Въ данномъ случаѣ вмѣшательство полиціи слѣдовало отстранить, не доводить дѣла до скандала, такъ какъ Эльза могла подвергнуться тутъ новымъ непріятностямъ. Онъ быстро овладѣлъ собой и отвѣтилъ спокойнымъ тономъ:

— Ошибаетесь. Я, можеть быть, не найду нужнымъ признать тутъ и полицейскихъ правъ... Позвольте, у васъ есть какія нибудь претензіи относительно этой дамы?

— Разумѣется — есть, заговорилъ директоръ самоувѣренно: вчера вечеромъ она самовластно, во время самаго спектакля, оставила сцену, убѣжала изъ театра—слѣдовательно разстроила все представление!

— А я былъ случайнымъ свидѣтелемъ вотъ чего: она, какъ только вышла — сейчасъ-же была встрѣчена громкими свистками.

— Это ужъ не моя вина! Не виновать-же я, что публика не долюбливаетъ ее въ такой степени...

— Тутъ не въ публикѣ дѣло, замѣтилъ Платэнъ, тутъ всему причиной—интрига, которая была заранѣе состряпана, чтобы повредить этой молодой особѣ... Шикальщики, свистуны были подкуплены.

— Да?.. Ну, я полагаю, что это вамъ трудненько будетъ доказать...

— Если придется доказывать—докажу. Я самъ слышалъ, какъ сзади меня какіе-то молодцы сговаривались свистать... Представленіе, вы говорите, разстроилось,—что-жъ, потерпѣли вы вслѣдствіе этого убытковъ?

— Конечно потерпѣлъ. Во-первыхъ, репутація моего театра пострадала: публика станетъ удивляться, недоумѣвать, какъ могло все это случиться подъ управленіемъ такого дѣльного, распорядительнаго директора, какимъ она привыкла меня считать... Ну, а во-вторыхъ, сія молодая особа нарушила правила, существующія на моемъ театрѣ, за что и подлежитъ она штрафу.

— Она знала о существованіи этихъ правилъ?

— Это мнѣ неизвѣстно, да это до меня и не касается. Всякій поступающій въ мою труппу, обязанъ безпрекословно подчиняться дѣйствующимъ правиламъ... Впрочемъ, объ этомъ упоминается въ контрактѣ...

Платэнъ понялъ, что господину директору просто хотѣлось что нибудь содрать—и съ кого-же? съ несчастной дѣвушки!.. Такое нахальство, безсердечіе возмущали его, и ему сильно хотѣлось вытолкать вонъ Вуллена, но ради Эльзы онъ сдержалъ себя и спросилъ:

— Какже великъ убытокъ по вашему расчету?

— Да таки не маловатъ! Репутація театра, наконецъ, моя собственная репутація, какъ директора—говорю вамъ—пострадали... Ну-да ужъ такъ и быть! На все это я рукой махаю... Не такой я человекъ, чтобы пользоваться подобными обстоятельствами. Другіе антре-

пренеры ужъ не дали-бы тутъ маху, ну, а я настолько гордъ, что не хочу... Что-же касается штрафа за нарушеніе правилъ — то ужъ этого я простить не могу, ибо примѣръ такой заразительнъ... Соблазнъ! Только строгостью и могу я поддерживать у себя порядокъ, который—

— Какъ великъ штрафъ? перебилъ Платэнъ.

— У меня назначено за подобные проступки десять талеровъ.

— Хорошо-съ, эту сумму я вамъ заплачу за Габриэль Бальманъ, сейчасъ даже... Потрудитесь дать мнѣ росписку въ полученіи денегъ?

— Съ удовольствіемъ!

Вуллэнъ никакъ не ожидалъ такъ легко получить десять талеровъ.

— Можеть быть, вы имѣете еще какія нибудь претензіи на госпожу Бальманъ?

Директоръ призадумался... Ему, кажется досадно было, что онъ такъ мало запросилъ.

— Н-нѣтъ, не имѣю, проговорилъ онъ потомъ.

— Такъ потрудитесь и объ этомъ упомянуть въ роспискѣ.

— Это зачѣмъ-же?

— Я такъ желаю, иначе не получите денегъ.

Вуллэнъ презрительно дернулъ плечомъ, но—желаніе Платэна исполнилъ. Глазки его какъ-то особенно сверкнули, когда онъ опускалъ въ карманъ „штрафные“ талеры.

— А вы, кажется, любите эту даму, заговорилъ директоръ,—ну, что-жъ, пока она была у меня, могу васъ увѣрить, ничего дурнаго нельзя было сказать о ней... Ничего такого... эдакого, хотя она—прехорошенькая!..

Тутъ же Платэнъ вышелъ изъ терѣбня.

— Довольно! Я зналъ это и безъ васъ, и въ увѣреніяхъ вашихъ не нуждаюсь... Я даже не хочу спрашивать: имѣеть-ли эта дама, съ своей стороны, какія либо претензіи на васъ? Если и имѣеть—то вы свободны отъ удовлетворенія. Ну-съ, полагаю, что теперь между нами все кончено!..

И, отвернувшись отъ директора, онъ подошелъ къ окну. Вуллэнъ достигъ того, чего хотѣлъ, а потому тоже повернулся и вышелъ.

Платэнъ съ нетерпѣніемъ ждалъ приѣзда матери Эльзы, надѣясь, что ей удастся хоть сколько нибудь успокоить несчастную дѣвушку, отогнать отъ нея гневушія мысли,—и онъ дождался: уже было далеко за полночь, когда г-жа Штейнъ и фрейгерръ приѣхали въ гостиницу.

Маленькій фрейгерръ, прямо отправился къ Платэну и какъ только увидѣлъ его, не вытерпѣлъ и воскликнулъ:

— Ну, вотъ — вѣдь зналъ я, что вы ее найдете! А теперь, такъ и быть, ужъ скажу вамъ, что я и къ полиціи обращался, но полицейскому чиновнику удалось напасть на слѣдъ бѣгланки... Что было дѣлать? Я положилъ тогда на васъ всѣ мои надежды, ибо былъ увѣренъ, что вы будете неутомимы... Человекъ, истинно любящій, никогда не потеряетъ мужества, не упадетъ духомъ!..

— И, однако-же, я не разъ падалъ духомъ, замѣтилъ Платэнъ съ улыбкой... Если я нашелъ ее, то это только благодаря простой случайности, счастью, а заслуги—увы, я не вижу тутъ никакой!..

— Хорошо, хорошо! Гдѣ-же Эльза?

— Здѣсь, въ гостинницѣ.

— Здѣсь?! Она тутъ!.. О, я долженъ сейчасъ-же ее видѣть! закипятился Маннштейнъ. Непремѣнно сію-же минуту... Ахъ, надо-же сообщить объ этомъ ея матери!.. Какъ она, бѣдная, обрадовалась, получивъ отъ васъ такую депешу! Идемте-же къ ней!..

Платэнъ удержалъ его.

— Нѣтъ, погодите... Намъ не слѣдуетъ сегодня тре-

вожить ни ту, ни другую. Подождемъ до утра. фрейлейнъ Эльза такъ еще разстроена, что нуждается въ полнѣйшемъ покоѣ... Вы себѣ и представить не можете, въ какомъ она теперь положеніи...

— Что вы говорите!... Но... что-же съ ней?..

Лицо „маленькаго фрейгерра“ омрачилось.

знаете-ли?—сама говорила мнѣ, что оплакивала Эльзу, какъ умершую — и вдругъ — дочь ея жива!.. Поймите это... Ну, какже ей не сообщить сейчасъ-же?!..

— Нѣтъ, отложимъ ужъ это до завтра... Такъ какъ ей сегодня все равно нельзя видѣть дочери, то зачѣмъ-же ее понапрасну тревожить? Пусть лучше г-жа Штейнъ,

Аделина Патти въ роли «Гретхенъ». Рис. Вольдо, грав. Грабе.

— Она не можетъ забыть своего несчастья, своихъ неудачъ... Нервы ея разстроены такъ, что... Я боюсь, не останется-ли она на всю жизнь мрачной, задумчивой...

— Неужели?... Ахъ, Боже мой!.. Но, позвольте, вѣдь надо-же дать знать г-жѣ Штейнъ, что дочь ея тутъ, въ этомъ самомъ домѣ!.. Она жаждетъ ее увидѣть... Она—

спокойно проведетъ остатокъ ночи...

Платѣну удалось наконецъ урезонить фрейгерра.

— Да и вамъ пора-бы отдохнуть, прибавилъ онъ.

— Мнѣ-то? Спать?! возразилъ Маннштейнъ. Ну, нѣтъ — благодарю-сь! Во-первыхъ, я совсѣмъ не знаю усталости, а, во-вторыхъ, люди моихъ лѣтъ вообще ску-

Берега Ілліана. Рис. съ натура Горлицкій, грав. Е. Ничл.

пеньки на сонъ... Я. знаете, теперь считаю потеряннымъ каждый проспанный часъ!.. Расскажите-ка мнѣ лучше, какъ вы обрѣли Эльзу и какія трудности пришлось вамъ преодолѣть?..

Молодой человѣкъ разсказалъ ему все, скрывъ разумеется то, что не нашель нужнымъ передавать, помня обѣщаніе данное имъ любимой дѣвушкѣ.

— Ну-съ, а знаетъ Эльза, что вы ее искали?

— Не знаетъ, да я и не желалъ-бы, чтобы она это знала *теперь*... Когда нибудь послѣ — пожалуй; пусть прежде поправится.

— Гм! Но почему-же послѣ?..

— А потому, что теперь это обнаружило-бы мою... мою любовь! Ужъ слишкомъ-бы ясно вышло...

— Тѣмъ лучше!

— Ну, нѣтъ... Я знаю въ какомъ она теперь состояніи. Сердце ея не способно теперь откликнуться ни на какую любовь... Мнѣ удалось снискать ея довѣріе—довольствуюсь и этимъ. Быть можетъ, современемъ, это чувство превратится въ любовь... Ну, тогда я буду счастливейшимъ въ мірѣ!.. Правда, трудно справиться съ сердцемъ, но, если разсудокъ говорить: „Не торопись!“ я долженъ ему повиноваться... И я твердо рѣшился поступить такъ, а не иначе.

Фрейгерръ покачалъ головой. Онъ не совѣмъ хорошо понималъ Платэна, но не сталъ ему противорѣчить. Тутъ они разстались.

Утромъ, на другой день, Эльза увидѣла свою мать... Описывать-ли эту трогательную встрѣчу? Дѣвушка не могла удержать слезъ и, не смотря на всѣ ласки матери, долго-долго не успокоивалась. Она разсказала ей все, что пережила за это время, что выстрадала... Такая исповѣдь нѣсколько облегчила ее.

Фрейгерръ терялъ терпѣніе, но вотъ, наконецъ, г-жа Штейнъ вошла въ его комнату. Онъ бросился къ ней навстрѣчу.

— Ну, что? Какъ вы ее нашли?..

— Вѣдная моя дѣвочка сильно потрясена, отвѣтила она: я не думала, что увижу ее такую разстроенной.. И мнѣ кажется, что она потеряла всякую энергію; если и оправится, то не скоро... не скоро!.. Я серьезно опасуюсь... По мнѣнію Маннштейна, путешествіе куда нибудь далеко, всевозможныя развлеченія могутъ благотѣльно повліять на больную, и онъ сталъ было настаивать на этомъ, но г-жа Штейнъ прямо объявила, что Эльза боится людей, свѣтъ ей противенъ... Она хочетъ скрыться гдѣ нибудь въ глуши, никого не видѣть...

— Я знаю ее, прибавила г-жа Штейнъ: то, чего она хочетъ теперь — едва-ли не самое лучшее для нея. Покой, уединеніе, — вотъ вѣрнѣйшія цѣлительныя средства, къ которымъ она *сама* желаетъ прибѣгнуть.

Маленькій фрейгерръ совѣмъ просіялъ; глазки его радостно заблестѣли... Надежда улыбнулась ему, надежда, такъ давно лелѣемая имъ!

— А не говорила она о томъ, куда-бы именно хотѣлось ей отправиться... то есть гдѣ-бы она желала скрыться?..

— Нѣтъ. Да это все равно; она готова уйти куда угодно, лишь-бы жить только въ уединеніи.

— Да?.. Ну, можетъ быть, ко мнѣ... въ мое помѣстье?... Вотъ, если-бы вы уговорили...

— И уговаривать не нужно! Эльза безъ малѣйшаго колебанія согласилась ѣхать къ вамъ. Съ моей стороны довольно было одного вопроса...

— Ну, скажите пожалуйста! вослигнулъ Маннштейнъ.—И вы только теперь сказали мнѣ это?!... Да вѣдь это мое единственное желаніе!..

— Но я не знала, что вы по прежнему...

— Ахъ, Боже мой! Да, да! Конечно, по прежнему... Идите-же, скажите ей...

— Подите въ ней сами—она зоветъ и васъ, и Платэна.

Маленькій фрейгерръ убѣжалъ...

— Вы—мнѣ—въ тягость?! говорилъ онъ Эльзѣ. Какъ это можно! Вы только подумайте, какая у меня тамъ тишина, глушь... Чудо!.. Лучшаго уединенія вамъ и не найти!.. Вотъ развѣ, весною, птички, соловьи начнутъ пѣть, шумѣть... Комната ваша будетъ окнами въ садъ... Ну да это пріятный шумъ! Не будемъ-же медлить!..

Г-жа Штейнъ думала удержать Эльзу хоть дня на два, чтобы дать ей окрѣпнуть, поуспокоиться, но это ей не удалось, потому что Эльза и старый фрейгерръ просто рвались туда—въ „чужую глушь“.

Маннштейнъ телеграфировалъ своему дворецкому, чтобы тотъ немедленно приготовилъ комнаты для гостей. Утромъ, на другой день, г-жа Штейнъ съ дочерью, фрейгерръ и Платэнъ летѣли въ экипажѣ по направленію къ ближайшей станціи желѣзной дороги.

Скверная была погода, дождливая, холодная, мрачная, но на душѣ маленькаго фрейгерра было и свѣтло, и тепло... Онъ былъ убѣжденъ, что Эльзѣ понравится у него и она будетъ счастлива, а это счастье освѣтить, можетъ быть, послѣдніе, доживаемые имъ дни.

Платэнъ, отклонивъ предложеніе фрейгерра погостить у него, уѣхалъ въ столицу. Ему хотѣлось, чтобы Эльза осталась одна, такъ какъ онъ все-таки былъ для нея еще *чужимъ*, постороннимъ лицомъ... „Пусть она поуспокоится“, думалъ отставной поручикъ и чувствовалъ, что любовь его къ ней превратилась уже въ страсть, и что безъ Эльзы ему и не видать счастья.

Сама судьба столкнула ихъ... Неужели это только игра случая?.. Изъ за этой дѣвушки онъ руки лишился, въ отставку вышелъ, карьеру испортилъ и—все-таки случилось такъ, что *ему* пришлось спасти Эльзу, удержать ее на краю гибели... „Ты спасъ ее для себя!“ говорилъ ему внутренній голосъ.

Платэнъ вѣрилъ этимъ словамъ, какъ слову пророчества.

Найти Эльзу—это было его завѣтной мечтою, а потому онъ думалъ отправиться въ свое помѣстье, хорошенько заняться хозяйствомъ, словомъ — устроиться, но... исполненіе этого плана было имъ отложено... „Ѣхать туда далеко“, а главное ему не хотѣлось надолго разставаться съ любимой дѣвушкой. Живя въ столицѣ, онъ могъ чаще посѣщать фрейгерра... До усадьбы старичка всего-то какихъ нибудь пять—шесть часовъ ѣзды... Соблазнительно, чортъ возьми!.. И онъ остался, а тутъ еще кстаті изъ Италіи вернулся братъ Эльзы, съ которымъ Платэнъ и познакомился, даже — подружился. Бесѣдуя частенько съ молодымъ художникомъ, онъ чувствовалъ, какъ въ немъ пробуждалась страсть къ рисованью. Штейнъ старался поддерживать въ Платэнѣ эту страсть, увѣряя его, что можно съ успѣхомъ заниматься живописью, обладая и одной рукою. И дѣйствительно, Платэнъ, усердно принявшись за это трудъ, скоро приобрѣлъ навыкъ справляться съ помощью одной руки, конечно, благодаря врожденному таланту къ живописи. Дѣло пошло на ладъ. Отдохновеніе отъ трудовъ своихъ онъ находилъ въ домѣ Маннштейна, куда пріѣзжалъ иногда вмѣстѣ съ молодымъ своимъ другомъ. Фрейгерръ радушно встрѣчалъ молодыхъ людей. Пріѣздъ такихъ гостей развеселялъ его.

А что-же Эльза?... Сначала она жила затворницей, избѣгала людей, но, мало по малу, благодаря тишинѣ, уединенію, стала оживать и сближаться съ матерью и фрейгерромъ. Лицо ея уже не имѣло прежняго болѣзненнаго выраженія, что приводило въ восторгъ старичка-хозяина, зорко слѣдившаго за выздоровленіемъ своей дорогой гостыи. Онъ заботливо ухаживалъ за ней, оказывалъ ей кучу маленькихъ услугъ и постоянно ловко отстранялъ благодарность.

— Пожалуста, будьте здѣсь какъ дома! говорилъ фрейгерръ. Вѣдь я—эгоистъ... За что-же вы будете ме-

ня благодарить? Ну, я просто *для себя* пригласил вас сюда... Если вы меня оставите — правс, не знаю, что тогда будет со мною... Одиночества я не вынесу теперь!..

Эмми ф. Мальтэнъ довольно часто посѣщала своего опекуна. Обѣ дѣвушки скоро подружились и полюбили другъ друга. И у той, и у другой было горе; если Эльза избѣгала людей, то и Эмми искала уединенія... Это ихъ сблизило.

А время шло своимъ обычнымъ порядкомъ. Вотъ наступили и рождественскіе праздники. „Маленькій фрейгерръ“ затѣялъ устроить ёлку и горячо принялся за это дѣло. „Послѣ столькихъ лѣтъ — въ первый разъ у меня теперь будетъ ёлка!“ говорилъ онъ самъ себѣ и радовался, какъ ребенокъ. Приготовленія къ „Ёлкѣ“, дѣлались въ глубочайшей тайнѣ, потому что старичокъ хотѣлъ порадовать всѣхъ такимъ сюрпризомъ: онъ даже скрылъ это отъ г-жи Штейнъ, которую называлъ своимъ „старымъ другомъ“.

Платэнъ и молодой Штейнъ были приглашены фрейгерромъ провести у него всѣ праздники. Старикъ просилъ г-ку Мальтэнъ и Эмми пожаловать къ нему на ёлку (конечно, это сказано было имъ по секрету); сначала онѣ отговаривались, но потомъ согласились... Чтѣ-жь, вѣдь и для нихъ эта ёлка была *первою* послѣ того страшнаго удара.

Въ самый сочельникъ Платэнъ и Штейнъ выѣхали вмѣстѣ изъ города и полетѣли по направленію къ помѣстью Маннштейна.

Платэнъ молчалъ, задумчиво глядя на кружившіяся въ воздухѣ снѣжинки. „Вотъ, думалъ онъ, скоро... скоро увижу я ее!“ Сердце у него чувствительно постукивало и губы сохли... „Вы едва-ли узнаете Эльзу (вспомнилъ онъ слова фрейгерра, когда тотъ былъ у него въ городѣ) — такъ она за послѣднее время перемѣнилась къ лучшему! На щекахъ — розы!.. Понимаете?.. Тиха она еще, молчалива, но ужъ не дичится людей, не прячется... Она рада празднику и... и вашему пріѣзду рада, если не ошибаюсь!.. Конечно, въ сердце дѣвушки трудненько заглянуть, но ужъ если что туда попало — кончено: крѣпко засядетъ тамъ!“..

— Неужели это правда?.. Неужели *она рада* его пріѣзду? спрашивалъ себя молодой человекъ... Если это такъ, то тогда вѣдь... Чтѣ-же тогда?.. Нѣтъ, лучше объ этомъ не думать... Надо отогнать эти дерзкія мысли, потому что смѣетъ-ли онъ надѣяться на такое счастье?..

А молодой другъ его, не обращавшій вниманія на кружившіяся въ воздухѣ снѣжинки, былъ, напротивъ, въ самомъ веселомъ настроеніи духа и не подозрѣвалъ даже того, что творится въ сердцѣ его спутника.

— Платэнъ! Да ты это чтѣ-же? крикнулъ Штейнъ. Платэнъ вздрогнулъ.

— Я? А что?..

— Какъ что! У тебя такой видъ, какъ будто насъ за содѣянное уголовное преступленіе везутъ на казнь!.. Ну, нѣтъ, я такъ думаю превесело провести время... Знаешь, этотъ Маннштейнъ — чудесный старичокъ, скажу я тебѣ! Во первыхъ, онъ радуется, когда другіе радуются, во вторыхъ — въ погребѣ у него вино... А-ахъ, какое вино!.. Жалю я, братецъ, очень даже жалю, что мѣсто дворцаго у фрейгерра уже занято... Согласись, не можетъ-же онъ держать двухъ дворецкихъ!

Тутъ Платэнъ окончателно очнулся и даже спросилъ шутивымъ тономъ:

— А мастерскую тогда цѣликомъ въ погребъ, да?..

— А то куда-же? Самое прохладное мѣсто. И знаешь, я тогда только и изображалъ-бы „питейныя сцены“, картины попоекъ... А?.. Отлично удались-бы, канальство!.. Нѣтъ, кромѣ шутокъ, этотъ фрейгерръ — чудакъ. Вѣдь самъ-то едва-едва пару стакановъ выпьетъ, а погребнице какой содержитъ — страсть!.. Въ послѣдній

разъ, помнишь, когда онъ повелъ насъ въ эту „страсть“ — я... ну, почувствовалъ къ нему особенное уваженіе, просто — благовѣніе!..

— Въ послѣдній разъ... Да?.. Платэнъ прищурилъ глаза. — Тебѣ, кажется, тогда *вообще* было приятно... Намъ пришлось встрѣтить въ домѣ фрейгерра, именно въ тотъ день, Эми ф. Мальтэнъ?..

— Будто?.. Не помню что-то...

Щеки живописца слегка покраснѣли при этомъ.

— Что-то не помнишь? Неужели забылъ?

— Ахъ, да-да! Дѣйствительно... Она вѣдь съ матерью своей тогда была... Вспомнилъ!

— Хотя ты и ловко притворяешься, но меня вѣдь не проведешь, проговорилъ Платэнъ съ улыбкой... Отвѣчай: дѣвушка эта не произвела на тебя ни-ка-ко-го впечатлѣнія?.. Не пожиралъ ты ее глазами-а?..

— Н-да, то есть... видишь-ли, я, какъ художникъ, собственно съ... художественной точки зрѣнія пожиралъ! Хорошенькое личико всегда привлекаетъ вниманіе... Вѣдь ты не скажешь-же, что фрейлейбъ дурна?.. Развѣ вотъ бюстъ ея немножко, не сложился... Ну-да это ничего: подростетъ она еще, сформируется!..

— И сердце твое — молчитъ?

— Ну, другъ любезный, что касается сердца моего, то оно у меня примѣрнаго поведени... Благоразумнѣйшее сердце! воскликнулъ Штейнъ: — Никакой такой штуки оно со мной не сыграетъ... Да и кчему-бы это повело?.. Живопись еле-еле прокармливаетъ собственную мою персону, а женись я — вотъ и двѣ персоны на лицо!

— Да, но ты забылъ: Эмми — богатая невѣста.

— Извини не — забылъ. Вотъ это-то обстоятельство и представляетъ главную помѣху... Я былъ-бы глупъ, если-бы влюбился въ богатую дѣвушку, потому что... Ну, скажи, развѣ Эмми *фонъ* Мальтэнъ пойдетъ за бѣдняка — живописца, да еще за человѣка, не имѣющаго этой частички — „фонъ“?..

— Художникъ — никогда не бѣднякъ! У него бездна сокровищъ, которыя онъ черпаетъ —

— Прекрасныя словечки! перебилъ Штейнъ смѣясь. Эхъ, другъ, вотъ то-то и горе, что векселя, выданные подъ эти сокровища — не имѣютъ почти никакой цѣнности на рынкѣ. Нѣтъ, намъ, художникамъ, никогда не попасть въ разрядъ богатыхъ!.. Что-жь, это, пожалуй, даже и хорошо, ибо, въ противномъ случаѣ, мы перестали-бы тогда быть настоящими художниками... А — а! Вонъ оно — помѣстье-то старичка! Лышу себя приятной надеждой, что тамъ уже ждетъ насъ бутылочка... Я, знаешь, того... маленько какъ будто прозябъ!

Платэнъ пропустилъ все это мимо ушей — онъ устремилъ глаза на темнѣвшую вдали массу строеній... Все ближе, ближе — вотъ и домъ фрейгерра! Въ которомъ-же окнѣ *она*? Гдѣ?.. Ничего не видно... А сердце-то какъ стучитъ! Платэнъ боялся, какъ бы Штейнъ не услышалъ этой сокровенной стукотни... Неужели-же Эльза... въ самомъ дѣлѣ... *рада* его пріѣзду?..

Карета подъѣхала къ крыльцу. Самъ „маленькій фрейгерръ“ вышелъ и воскликнулъ:

— Добро пожаловать!

Еще лошади не остановились, а ужъ Платэнъ выскочилъ и, крѣпко пожимая руку старику, поглядывалъ по сторонамъ, какъ-бы ища кого-то.

Эльза съ матерью въ комнатѣ у г-жи Мальтэнъ, которая пріѣхала съ Эмми четверть часа тому назадъ, проговорилъ съ улыбкой Маннштейнъ: — ну-съ, пожалуйста въ отведенную для васъ комнату! Да вы, господа, никакъ прозябли?

— Брр! Да-съ, маленько прохватило, замѣтилъ молодой художникъ.

Фрейгерръ повелъ ихъ наверхъ.

Штейнъ, очутившись въ теплой комнатѣ, сейчасъ-же увидѣлъ на столѣ пару бутылочекъ. Хозяинъ еще разъ

привѣтствовалъ гостей.

— Прошу освѣжиться, оправиться, господа! Оставьте васъ однихъ, чтобы не мѣшать, прибавилъ фрейгерръ: — а какъ согрѣетесь — милости просимъ внизъ. Мы будемъ тамъ ожидать васъ! и онъ ушелъ.

— О, Платэнъ! Зачѣмъ я не родился поэтомъ?! воскликнулъ Штейнъ. — Я-бы воспѣлъ этого почтеннаго старца!

Подойдя къ столу, онъ наполнилъ виномъ два стакана.

— Удивительно, какъ этотъ „маленькій фрейгерръ“ знаетъ, что именно благотворно дѣйствуетъ на замерзшую душу смертнаго!. Иди-же бери и—чокнемся!.. Да здравствуютъ всѣ благоразумные люди! На мнѣгая лѣта!

Оба выпили. Платэнъ подошелъ къ окну и сталъ обозрѣвать садъ.

— Эхъ, братецъ, куда-жъ ты ушелъ? Нѣтъ, ты къ столу-то сядь... Тутъ—чудесно!

— Неужели тебя не тянетъ повидаться скорѣе съ матерью и сестрой? спросилъ Платэнъ.

— Конечно—тянетъ, но... я не могу-же выйти отсюда, не осушивъ до капли этихъ бутылокъ. Пойми; другъ: одна капля въ состояніи задержать меня здѣсь! Винцо прелестъ! Ты взгляни, какъ оно поблескиваетъ... играетъ... У! какое великолѣпіе!

— Значить, и Эмми ф. Мальтэнъ не—

— Ахъ, Платэнъ! Я практичнѣе тебя, подхватилъ Штейнъ: видишь-ли, я беру то, что даетъ минута. Теперь, вотъ, виномъ наслаждаюсь, потомъ другимъ буду наслаждаться — лицедрѣніемъ *ся*... Здѣсь навѣрно уютнѣе, чѣмъ тамъ! Тутъ мы и сигарочку воскуримъ—а?...

Платэнъ терпѣлъ, кое-какъ крѣпился: онъ зналъ, что товарищъ его до тѣхъ поръ не выйдетъ изъ комнаты, пока обѣ бутылки не будутъ опорожнены, а потому, чтобы скоротать время, подошелъ къ столу, налилъ стаканъ до краевъ и разомъ осушилъ его. Минутъ черезъ десять въ бутылкахъ и капли вина не осталось.

— Ну, теперь иду съ тобой, произнесъ Штейнъ, вставая:—видишь-ли, дружище, я вѣдь собственно для тебя такъ долго тутъ сидѣлъ!—Онъ улыбнулся и прибавилъ:

— Выпилъ ты малость, а вино-то окрасило твои ланиты! Вишь какой здоровякъ на видъ! Право, такимъ цвѣтущимъ я тебя никогда не видалъ... А это... гм!... понравится дамамъ... Ну, мѣршь!

Платэнъ постарался даже отвернуться отъ Штейна, чтобы скрыть волненіе, и пошелъ впередъ. Вотъ они и внизу.

Когда художникъ здоровался съ матерью своей, Платэнъ подошелъ къ Эльзѣ. Еще на порогѣ комнаты онъ замѣтилъ, что глаза дѣвушки радостно блеснули... Теперь-же она ихъ опустила, а рука ея слегка дрожала въ руцѣ молодаго человѣка.

— Вы долго заставили себя ждать, тихо проговорила Эльза.

Въ это время къ нимъ подошелъ фрейгерръ и, избавивъ Платэна отъ отвѣта, сказалъ:

— Ну, что, не правъ я? Посмотрите-ка, какая она теперь цвѣтущая, здоровая!

— Этимъ я вамъ обязана, вамъ, отвѣтила дѣвушка и подала руку Маннштейну—„лучшему своему другу“.

— Мнѣ?.. О, нѣтъ! Скорѣе — себѣ самой да тихой, покойной жизни. Я былъ увѣренъ, что здѣсь ты выздоровѣешь и что счастье снова вернется къ тебѣ!..

Старикъ, желая уклониться отъ благодарности со стороны Эльзы, успѣшилъ оставить ихъ.

— Надѣюсь, что фрейгерръ правъ, замѣтилъ Платэнъ: вы чувствуете себя здѣсь счастливой—да?..

— Я не думала, что мнѣ будетъ тутъ такъ хорошо, отвѣтила Эльза нѣсколько смущеннымъ голосомъ, потому что осталась съ нимъ наединѣ, и, не поднимая

глазъ, прибавила: — да, на душѣ у меня поспокойнѣе, многое уже предано забвенію, но... развѣ этого довольно для счастья?..

— Конечно, нѣтъ... Однако-же, это, такъ сказать, фундаментъ, на которомъ построится ваше счастье... У васъ опять есть уже надежды, вы веселѣе глядите впередъ, и я думаю, что будущее васъ не обманетъ. Вамъ теперь—

Штейнъ помѣшалъ этому разговору. Онъ сталъ здороваться съ сестрой, совсѣмъ и не подозрѣвая, какъ сильно огорчилъ своего друга, не во время подойдя къ нимъ.

„Маленькій фрейгерръ“ не могъ дожидаться вечера и горѣлъ нетерпѣніемъ, такъ ему хотѣлось скорѣе распахнуть дверь въ гостиную—порадовать всѣхъ сюрпризомъ! А въ гостиной стояла уже елка—самимъ имъ разукрашенная; на столикахъ, около елки, лежали подарки... И наступила желанная минута: старикъ растворилъ настежь двери и пригласилъ гостей своихъ войти въ гостиную. Надо было видѣть его лицо! Онъ, можно сказать, весь сіялъ и казался моложе лѣтъ на двадцать. Подводя каждого къ назначенному ему подарку, „маленькій фрейгерръ“ старался увильнуть отъ всякой благодарности и сейчасъ-же отбѣгалъ къ другому столику, но Эльзѣ удалось таки поймать старичка и развернуть передъ нимъ коверъ. Коверъ этотъ она вышила съ помощью матери въ подарокъ фрейгерру.

— Это вамъ къ письменному столу, сказала Эльза, отдавая ему свою работу.

Маннштейнъ съ чувствомъ пожалъ руку дѣвушки. Онъ былъ взволнованъ, растроганъ, хотѣлъ скрыть это, но сердце взяло вверхъ...

— О много, много лѣтъ прошло со дня смерти моей жены, заговорилъ фрейгерръ, и вотъ, только сегодня, въ первый разъ, я опять, наканунѣ праздника, получилъ подарокъ!..

Вспомнилъ онъ тутъ о своемъ дѣтствѣ, о годахъ юности, вспомнилъ и о свѣтлыхъ радостныхъ дняхъ, проведенныхъ съ женою... Все это кануло въ вѣчность! Онъ остался одинокимъ, забытымъ... Длинный сѣренькій день утомилъ его, а между тѣмъ богатство его росло...

— Да, я все могъ купить себѣ—и все таки былъ бѣднякомъ! Какойнибудь маленький, ничтожный подарокъ доставилъ-бы мнѣ великую радость: я-бы зналъ, что вотъ есть существо, которое подумало обо мнѣ съ любовью... Съ сегодняшняго вечера я ужъ больше не бѣднякъ! Я чувствую, вѣрю, что этотъ подарокъ—предвѣстникъ новаго счастья, которое войдетъ въ мой домъ!..

„Маленькій фрейгерръ“ чувствовалъ себя такъ хорошо, что готовъ былъ обнять всѣхъ разомъ и каждого поочередно.

Весело прошелъ вечеръ. Г-жа Мальтэнъ и Эмми поздно вернулись домой. Маленькое общество также разошлось, потому что старичекъ—хозяинъ порядкомъ таки утомился.

Платэнъ былъ что-то не въ духѣ... Сначала ему показалось, что Эльза его дѣйствительно *любитъ*. Онъ вслушивался въ тонъ ея голоса, звѣдывалъ каждое ея слово, находилъ, что она говоритъ какъ-то особенно задушевно, а потомъ... сомнѣнія стали одолевать его... Отчего-же *она* была такой молчаливой почти весь вечеръ?.. Что это значитъ? Почему-же встрѣча имѣла другой характеръ?.. Да, наконецъ, не дерзко-ли съ его стороны искать руки этой прелестной дѣвушки?.. Развѣ она не стала еще лучше съ тѣхъ поръ, какъ румянецъ снова заигралъ на ея щекахъ?.. А онъ-то что?.. По прежнему калѣка, человѣкъ лишенный карьеры... бѣднякъ.. Доходы его слишкомъ малы для того, чтобы содержать жену такъ, какъ-бы ему хотѣлось... Штейнъ замѣтивъ, что другъ его не думаетъ ложиться спать, полюбопытствовалъ узнать о причинѣ бессонницы. Пла-

Аида. Картина Шаплера, грав. Паннемакеръ сынъ.

тѣнь что-то ему отвѣтилъ и попросилъ оставить его въ покоѣ.

— Я вижу—ты разстроенъ, не унимался художникъ... Послушай, ты, можетъ быть, на меня сердился за то, что я... ну, особенно занимался фрейлейнъ Эмми?.. Она была сегодня очаровательна!.. Если ты заинтересованъ ею—ну, скажи мнѣ, откройся, какъ другу... Что-жъ поговоримъ, объяснимся... а?..

— Ты ошибаешься насчетъ этого, заговорилъ Платѣнь;—я отношусь къ фрейлейнъ Эмми также, какъ и ко всякой дѣвушкѣ; открываться мнѣ не въ чемъ, а потому—покойной ночи! Я спать хочу.

Штейнъ покачалъ головой и порѣшилъ, что ужъ если приходится молчать и ничего не дѣлать—такъ самое лучшее—спать, и онъ минутъ черезъ пять уснулъ богатырскимъ сномъ.

Рано утромъ проснулся Платѣнь, хотя и провелъ тревожную ночь. Въ комнатѣ ему было душно; онъ одѣлся, накинулъ плащъ и, тихонько спустившись съ лѣстницы, пробрался въ садъ. Кругомъ все было тихо. Деревья, разукрашенные за ночь инеемъ, какъ-то празднично блестя подъ лучами утренней зари; ни одна вѣтка не шевелилась, ни одинъ звукъ не нарушалъ торжественнаго безмолвія природы... Чудное утро для первого дня Рождества!

Платѣнь невольно взглянулъ на окно комнаты Эльзы и увидѣлъ тамъ только спущенную штору... Медленнымъ шагомъ, опустивъ голову, пошелъ онъ по аллеякъ въ глубь сада.

— Нѣтъ, говорилъ онъ самъ себѣ, это свыше моихъ силъ! Лучше вернуться поскорѣе въ городъ... И зачѣмъ я пріѣхалъ сюда? Зачѣмъ не отправился я тогда-же въ свое имѣнье?... Тамъ, можетъ быть, сердце давно успокоилось-бы и исчезъ-бы навсегда мой великолѣпный замокъ...

Повернувъ въ боковую аллею, онъ вдругъ услышалъ чьи-то шаги, поднялъ голову и — остановился. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стояла Эльза...

Оба были изумлены и не двигались съ мѣста. Изъ подъ большаго платка, который былъ накинута на голову дѣвушки, выбивались ея роскошные волосы, обрамляя свѣженькое, слегка зарумянившееся личико.

Платѣнь приблизился къ ней.

— Ахъ, фрейлейнъ! Вотъ никакъ уже не ожидалъ, что встрѣчу васъ здѣсь! воскликнулъ онъ. Вѣдь теперь еще такъ рано... Я былъ увѣренъ, что вы спокойно спите...

Эльза глубоко вздохнула и, повидимому, старалась овладѣть собой.

— Я люблю гулять въ такое время... Утренняя тишина мнѣ особенно нравится...

— Да, утро прелестное! Оно и меня выманило изъ комнаты... Тамъ мнѣ было тѣсно, душно, но... я не зналъ, не думалъ, что помѣшаю вамъ... здѣсь...

— Чѣмъ-же помѣшаете? Нисколько.

Голосъ ея при этомъ слегка дрогнулъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ — позвольте быть вашимъ спутникомъ?..

Они пошли рядомъ.

— О, Эльза! Милая, повтори эти слова!..

— Да, я давно тебя люблю! проговорила дѣвушка и быстро обвила руками шею Платѣна...

А время летѣло, но они не думали о времени (счастливые часовъ не наблюдаютъ!), они забыли весь міръ, даже не слышали праздничнаго благовѣста... У нихъ въ сердцѣ былъ свой праздникъ! Сколько надо было передать другъ другу мыслей, былыхъ впечатлѣній и просто обмѣняться задушевными словами. Конечно, отсутствіе ихъ было скоро замѣчено, и вотъ самъ фрейгерръ устремился въ садъ, чтобы отыскать тамъ бѣглецовъ. Сердце его билось, предчувствуя что-то радостное... Онъ боялся вѣрить этому предчувствію—и вдругъ, на поворотѣ въ одну изъ аллеекъ, увидѣлъ Платѣна и Эльзу—шедшихъ рука объ руку...

Не прошло и двухъ секундъ, какъ Эльза была уже въ объятіяхъ своего *второго отца*.

— Наконецъ-то, наконецъ! могъ только воскликнуть „маленькій фрейгерръ“ и потомъ, нѣсколько оправившись отъ волненія, весело произнесъ:

— А вѣдь я зналъ давно, что онъ любитъ тебя, но не рѣшался сказать тебѣ объ этомъ... Я даже ужъ отчаявался—думалъ, что никогда вамъ не соединиться!.. Ну, теперь, значить, все пошло на ладъ... Идемте-же, идемте! Надо всѣмъ объявить о такой радости. Сегодня двойной для меня праздникъ!..

И старикъ почти побѣжалъ къ дому, таща за руку Эльзу, которая въ свою очередь не выпускала руки Платѣна.

Дѣйствительно, праздничный выдался денекъ! У всѣхъ были такіа радостныя, веселыя лица, а хозяинъ—сіялъ и чувствовалъ себя въ наирятейшемъ расположеніи духа. Послѣ обѣда, желая переговорить съ Платѣномъ наединѣ, онъ утащилъ его въ садъ. „Маленькій фрейгерръ“ началъ съ того, что сталъ торопить *женуха* поскорѣе сдѣлаться *мужемъ* Эльзы... „Что тутъ отлаживать? Вѣнчайтесь и—баста!“—

— Нѣтъ, придется пообождать, отвѣчалъ Платѣнь: вѣдь мнѣ надо дѣла свои устроить; вотъ, въ имѣнье необходимо съѣздить, кое-что привести въ порядокъ, вообще похлопотать о томъ, о семь...

— Да зачѣмъ-же?

— Какъ зачѣмъ? Имѣнье мое даетъ мнѣ теперь слишкомъ мало... Я хочу, чтобы Эльзѣ жилось у меня хорошо. Домъ, на примѣръ, нужно будетъ почти заново отдѣлать.

— Домъ? Заново?... Неужели вы полагаете, что я когда нибудь отпущу Эльзу, разстанусь съ ней?.. Хе-хе!.. Какъ-бы не такъ!

(Продолженіе будетъ).

АДЕЛИНА ПАТТИ ВЪ РОЛИ „ГРЕТХЕНЪ“, ВЪ ФАУСТѢ.

Трудно сказать что либо новое объ Аделинѣ Патти,—всѣ похвалы ей давно уже истощены. Слава «единственной», «несравненной», «недосягаемой» дивы обошла весь свѣтъ, прибавить что нибудь еще къ ея безчисленнымъ лаврамъ невозможно. Каждое ея появленіе на сцену есть новое торжество для нея. Публика съ одинаковымъ восторгомъ принимаетъ свою любимицу во всякой роли, въ какой только она ни появляется. На нашей картинкѣ мы видимъ Патти въ роли «Гретхенъ», въ третьемъ актѣ Фауста. Въ невинномъ сердцѣ Маргариты, послѣ первой же ея встрѣчи съ прекраснымъ юношей, западаетъ искра какого-то невѣдомаго ей чувства. Мысли о немъ преслѣдуютъ Гретхенъ, чтобы разсѣять ихъ, она садится за прядку и поетъ пѣсню о Оуліискомъ королѣ.

«Жилъ въ Оулѣ царь; онъ до могилы
Былъ вѣренъ пламенной душой,

Предсмертный даръ отъ дѣвы милой,
Хранилъ онъ кубокъ золотой».

«Ни съ чѣмъ тотъ кубокъ не равнялся,
И каждый разъ, какъ на пирахъ
Къ нему устами онъ касался,
Отъ слезъ туманилось въ глазахъ».

Чувствуя приближеніе смерти, царь отдалъ сыну все свое царство, оставивъ себѣ одинъ завѣтный кубокъ. Онъ пировалъ въ этотъ день съ своей дружиной въ прадѣловскомъ замкѣ, уподобляя котораго чернѣлась морская пучина.

«И вотъ онъ, выпивъ кубокъ полный
Съ послѣдней жизненной струей,
Металъ священный бросилъ въ волны
Съ невыразимою тоской.

Когда же мутною волною
Онъ скрылся, бездной поглощенъ,
Глаза царя покрылись тьмою,
Сомкнулъ на вѣкъ ихъ смерти сонъ».

Не вдаваясь въ подробности исполненія роли Маргариты г-жею Патти, скажемъ только, что игра ея создаетъ именно тотъ чистый, благоуханный образъ, какимъ рисуется Гретхенъ въ нашемъ воображеніи. Каждое движеніе артистки тонко оттънено, каждый жестъ обдуманъ, выразителенъ и вполне отвѣчаетъ духу музыкальной драмы.

Аделина Патти, или маркпза Ко, уже пережила свою юность, но къ счастью въ ея голосѣ не замѣчается еще ни малѣйшаго упадка. Также серебристая чистота, также мягкость тембра, также легкость въ исполненіи самыхъ трудныхъ пассажей, удивлявшие въ артисткѣ при первыхъ ея дебютахъ, во всей силѣ сохранились и теперь. Что же мудренаго, что все такъ рвется хоть разъ услышать Патти, что, какъ говорится, яблоку негдѣ упасть въ театрѣ или концертѣ, когда поетъ знаменитая примадонна, а такъ хорошо сохранившаяся свѣжесть голоса артистки общается ей еще много лѣтъ самымъ блестящимъ успѣховъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

Здѣсь тѣнь и прохлада надъ тихой рѣкою,
Подъ сводомъ душистыхъ вѣтвей,
И близко, незримый за частой листвою,
Послѣдній поэтъ соловей.

* * *

Забудь же о зноѣ пройденной дороги,
Не думай о новомъ пути —
Довольно найдешь еще думъ и тревоги,
И много придется идти!

* * *

Спѣши освѣжиться прохладой и тѣнью,
И пѣсней страстно-живой,
И будь благодаренъ душой провидѣнью
За этотъ неожиданный покой.

2.

Все тихо! какъ призракъ туманный
Ночь блѣдная въ окна глядитъ...
Въ груди молотокъ неустанный
Слабѣй и слабѣ стучитъ.

* * *

Куда-то, безслѣдно теряясь,
Обрывками мысли плывутъ,
Куда-то во мглу погружаясь
И страсти и слезы не жгутъ...

* * *

Далеко и страсти и слезы!
Вся жизнь—ужь промчавшійся стонъ!
Лишь мигъ, и душистыя грезы
Посыплетъ спасительный сонъ...

Вс. С—въ.

БЕРЕГА НѢМАНА.

Нѣманъ беретъ свое начало въ Минской губерніи, въ Игуменскомъ уѣздѣ, при деревнѣ Заблоцѣ. Протекала черезъ Минскую, Виленскую и значительную часть Гродненской губерніи, онъ служитъ границей между литовскими и польскими областями, течетъ южной частью Ковенской губерніи; отсюда оставляя Россію позади, несетъ свои быстрыя волны въ прусскія владѣнія, гдѣ извѣстенъ подъ именемъ Мемеля. Близъ Тильзита, раздѣлившись на нѣсколько рукавовъ, изъ которыхъ главные: Руссе и Гилле—онъ вливается въ Курншт-Гофъ.

Въ Россіи Нѣманъ протекаетъ 830 в. а судоходенъ только на протяженіи 730, вся же длина его 912. Ширина подъ Юрбургомъ достигаетъ 135 сажень, а разливъ доходитъ до 8 верстъ.

Теченіе Нѣмана очень быстро, такъ что русло его часто мѣняется. Благодаря песчаному дну и этому быстрому теченію, образуются большіе наносы и мелъ, вслѣдствіе чего онъ приближаетъ себѣ другое русло, а слѣдами стараго остаются заливы и озера по берегамъ.

Отъ этихъ наносовъ рѣка сильно мелѣетъ. Прежде судоходство по Нѣману производилось весьма дѣятельное, теперь же оно только возможно весной и осенью. Кромѣ мелей онъ представляетъ для судоходства и другія неудобства: Нѣманъ изобилуетъ порогами, особенно въ среднемъ теченіи: такъ между Ковной и Гродной насчитываютъ ихъ больше пятидесяти. Она извѣстна въ тѣхъ мѣстахъ подъ именемъ быстринъ, а самыя опасныя—бичей.

Для торговаго пути, каковъ Нѣманъ, подобное русло представляетъ очень много неудобствъ, вслѣдствіе чего не разъ пытались исправлять его. Подобныя попытки были еще при Ягеллонахъ и при Сигизмундѣ Августѣ. Хотя онѣ и заслуживаютъ пѣвотвораго вниманія, но принесли сравнительно очень немного пользы. Въ XVIII в. принялся за эту работу Нарвоинъ и благодаря различнымъ техническимъ приспособленіямъ, значительно улучшилъ русло, чѣмъ оказалъ большую услугу Нѣманскому судоходству. Насколько значительна услуга Нарвоина можно судить потому, что было предположено воздвигнуть ему памятникъ изъ камней, вынутыхъ со дна Нѣмана.

Перейдемъ теперь къ берегамъ этой быстрой и, такъ сказать капризной рѣки. Правый берегъ, какъ у большинства рѣкъ, выше лѣваго; послѣдній болѣе отлогъ, хотя мѣстами также утесистъ какъ и правый.

Составъ нѣманскихъ береговъ песчанъ и каменистъ. Мѣстами встрѣчаются наслоненія красной глины, изъ которой мѣстные жители выдѣлываютъ кирпичъ и домашнюю посуду, что и составляетъ одинъ изъ прибрежныхъ промысловъ. Кромѣ глины на берегахъ Нѣмана добывается много мѣла, предполагаютъ даже, что и ложе его мѣловое. Въ значительномъ количествѣ,

напримѣръ, ломается онъ близъ Гродно и доставляется оттуда въ Ковно. По обѣ стороны Нѣмана тянутся хвойныя лѣса съ роскошнымъ чернолѣсьемъ, тучными лугами и богатой береговой растительностью. Песокъ, которымъ изобилуетъ Нѣманъ, причиняетъ ей однако большой вредъ; терпѣть отъ него и жители. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наносится его такъ много, что заноситъ дома по самымъ окнамъ, заставляя жителей переселяться въ другія мѣста. Такіе случаи не рѣдки въ западной части Гродненской губерніи. Глубина наноснаго песку принудила отмѣнить желѣзную дорогу, проектированную изъ Гродно въ Вильно черезъ Меречь и проложить ее черезъ Лиду.

За то въ той же Гродненской губерніи, гдѣ такіе грустные, безжизненные ландшафты съ кучами наноснаго песку, есть и другіе, составляющіе имъ яркую противоположность.

Въ сѣверо-западномъ углу этой губерніи, при впаденіи Ротничанки въ Нѣманъ, лежитъ мѣстечко Друскеники, получившее свое названіе отъ литовскаго слова drusca—соль. Оно расположено на крутыхъ берегахъ Нѣмана и рѣзвой Ротничанки, покрытыхъ кустарникомъ и тѣнистыми садами изъ тополей, каштановъ, березъ и липъ.

Видъ на эти двѣ рѣки изъ Друскеникъ открывается на нѣсколько верстъ, тогда какъ съ южной и восточной стороны даль заслонена сосновымъ лѣсомъ, то рѣдкимъ на песчаныхъ холмахъ, то густымъ въ долинахъ, орошаемыхъ пропадающимъ въ чащѣ ручьемъ. Лѣсъ, обгѣгающій къ Нѣману, расчищенъ для гулянья.

Природа какъ будто нарочно позаботилась о развлеченіи больныхъ, отвѣда имъ мѣсто въ такомъ живописномъ уголкѣ.

Друскеники—минеральныя воды, пользующіяся большою популярностью. Отъ 15-го мая до 15-го сентября на нихъ съѣзжается до полуторы тысячи больныхъ. Обстроены они очень мило: отъ устья Ротничанки, подъ острымъ угломъ къ Нѣману, протянулась на востокъ главная улица—Нѣманскій проспектъ, вытянутый тополями и каштанами. По направленію къ песчанымъ холмамъ, на ровной мѣстности построены ряды хорошенькихъ домиковъ съ садиками для посѣтителей минеральныхъ водъ. По другую сторону Нѣманскаго проспекта выстроены вокзалъ въ готическомъ вкусѣ съ галлереей и башенными часами, тутъ же и тѣ девять соленыхъ ключей, отъ которыхъ это мѣстечко получило свое названіе. Купальни отдѣлены отъ мѣстечка обширнымъ бульваромъ. На берегахъ Нѣмана много другихъ минеральныхъ водъ; Друскеники изъ нихъ только самыя извѣстныя. Обиліе соли по берегамъ рѣки замѣтно во многихъ другихъ мѣстахъ гдѣ и нѣтъ значительныхъ источниковъ.

Красивое мѣстоположеніе Друскеникъ не составляетъ исклю-

За серьезнымъ дѣломъ. Картина Тульмуа, гравир. Домонъ.

чения на берегах Нѣмана. Крутыя скалы, высокія горы самых затѣйливыхъ формъ, обросшія вершины мѣловыхъ возвышенностей, ущелья покрытыя разнороднымъ лѣсомъ и кустарниками, прорѣзанныя множествомъ водосточковъ, озера и рѣчные заливы, вотъ картины Нѣманскихъ береговъ.

Немало легендъ и историческихъ фактовъ связано съ этими живописными берегами. Такъ напримѣръ въ Ковно существуетъ одно преданіе, которое, всего вѣроятнѣе, обязано своимъ происхожденіемъ красотѣ той мѣстности, въ которой оно сложилось. Недалеко отъ Ковно есть гора и теперь извѣстная подъ именемъ Алексоты. Преданіе говоритъ, что на ней въ древно-

сти находился алтарь съ капищемъ, посвященнымъ богинѣ любви Алексотѣ или Мильдѣ. Какъ видно эта богиня была у литовцевъ въ особенномъ почетѣ. Одно изъ предмѣстій Ковно и теперь носитъ ея имя. До сихъ поръ мѣстные колдуньи зовутся у крестьянъ *mildauņikas*. Остатковъ древности по Нѣману вообще много. Жаль только, что ихъ неберегутъ время и люди. Такъ въ шести верстахъ отъ Друскеникъ, не особенно давно провалился большой замокъ Райгородъ, и теперь на его мѣстѣ лежитъ болотистая долина. Самъ Нѣманъ какъ будто старается объ уничтоженіи своихъ историческихъ памятниковъ, подмывая изъ года въ годъ свой правый берегъ.

А И Д А.

Мы уже имѣли случай знакомить нашихъ читателей съ талантливыми картонами французскаго художника Шаплена.

много счастливыхъ часовъ. Какъ только отецъ уѣзжаетъ на разбой, она ведетъ своего возлюбленнаго въ свой домъ. Вдругъ

Чувствительная потеря. Рис. Зюль, грав. Руффъ.

«Аида», которую мы помѣщаемъ въ нынѣшнемъ номерѣ «Нивы», была обязана своимъ происхожденіемъ одному изъ чудеснѣйшихъ образовъ Байроновской музы. Это одна изъ героинь знаменитой поэмы Байрона «Донъ Жуанъ». Она спасаетъ Жуана, когда тотъ во время кораблекрушенія бросается въ волны и онъ приносятъ его къ незнакомымъ берегамъ. Онъ находится въ Греціи. Спасительница его, дочь морскаго разбойника Ламбро. Молодая гречанка страстно влюбляется въ Донъ-Жуана; она нѣсколько недѣль скрываетъ его въ пещерѣ, гдѣ они проводятъ

приходять извѣстіе, что Ламбро погибъ въ пути, и тутъ Донъ-Жуанъ съ Аидой, въ уносѣн счастья, забываютъ все на свѣтѣ. Теперь имъ не для чего прятаться въ пещерѣ, они свободны... дли летятъ быстро, пиры, одинъ другаго безумнѣе, больше и больше туманятъ голову страстной дочери юга. Вдругъ во время одного изъ такихъ пировъ, возвращается считавшійся погибшимъ Ламбро. Онъ хочетъ убить Жуана; Аида, со всѣмъ жаромъ любви защищаетъ его, но Ламбро, не внемля ея просьбамъ, велитъ слугамъ схватить Донъ-Жуана; послѣдній умерщ-

влететь нѣсколькихъ человекѣ, однако его связываютъ, тащатъ на корабль и отправляютъ въ далекій край, откуда бы онъ не могъ больше нарушать мира въ домѣ Ламбро.

Но тщетно старается Ламбро утѣшить дочь. Съ ней дѣлаетъ

ся горячка; двѣнадцать дней и двѣнадцать ночей борется она со смертью. Ламбро призываетъ арфиста, чтобы онъ развеселилъ Аиду; но веселые звуки еще сильнѣе раздражаютъ ее горе, и она, во всемъ блескѣ молодости и красоты, умираетъ въ тоскѣ по своему возлюбленному.

ЗА СЕРЬЕЗНЫМЪ ДѢЛОМЪ.

(Изъ большаго письма Зины А** къ Вѣрѣ Р**).

...Я не шучу, ma chère Véra, я сдѣлала ужасное открытіе... Представь; я ничего не знаю, ну, совсѣмъ ничего! А вѣдь всего-то годъ, какъ мы оставили пансіонъ. Развѣ мало мы учились? Помнишь, какую громадную кипу тетрадокъ написали? Неужели для того только и трудились писать и переписывать, чтобы всю эту массу исписанной бумаги подарить потомъ дѣвчатамъ, перешедшимъ въ старшій класъ?... Какъ только кончились экзамены я я очутилась дома — изъ головы все вылетѣло, а если что и удержалось — перепуталось, перемѣнилось ужасно! Александръ Македонскій... Маринская система... Какой-то Вестфальскій миръ... Васко де Гама... Дмитрий Самозванецъ... Азотъ... Кислородъ... Давалагри... Съ гобой тоже самое было — да?... Но это меня не беспокоило и я чувствовала себя хорошо, даже полагала, что мнѣ, какъ дѣвчонцѣ взрослой, образованной, остается только читать романы и повѣсти, да бряцать на рояли... Теперь все это — прочь!...

Вообрази: пришлось опять учиться! Да, да! Не смѣйся. Bien riga, qui riga le dernier, ma chérie! Вотъ ужъ никакъ не думала, что въ моихъ рукахъ снова очутится серьезная, скучная книга... Но... Знаешь-ли? Странное дѣло! То, что я теперь читаю (замѣть: не зубрю!) — остается у меня въ головѣ, прерывисто держится. Это, можетъ быть, потому, что въ пансіонѣ мнѣ задавали выучить, а тутъ я сама себя задаю... Не такъ-ли? И цѣль ужъ другая: я хочу то и то *знать*, а не выучить. Это большая разница. Ахъ, какъ мнѣ это нужно!...

Ты, пожалуй, спросишь: «что-же такое случилось съ тобой, бѣдная Зина? Откуда все это?»... Я всегда была съ тобою откровенна, ma chérie, а потому и теперь не стану секретничать... Все, все расскажу! И ты, смотри, ничего отъ меня не скрывай, помни: мы дали другъ другу клятву ничего не утаивать. Ну, читай дальше.

Помнишь, я тебѣ какъ-то писала, что *онъ* сталъ чаще являться въ нашъ домъ, т. е. каждую пятницу (это наши jours fixes). Сначала я думала, что онъ дѣлаетъ это ради Анны Андреевны (племянницы папа) и, признаться, немножко волновалась, завидовала ей... Но въ послѣдній разъ — убѣдилась, что... Ну да однимъ словомъ — поздравь меня съ *новымъ* чувствомъ! Я — счастлива. Чувствую, что живу, и главное — хочу жить! Прежде мнѣ какъ-то и въ голову не приходили вопросы: живу-ли я? Хочу-ли жить? А теперь... Какъ-бы это тебѣ объяснить?... Я сама себя чувствую. Кругомъ какъ-то все измѣнилось... къ лучшему... блеску въ глазахъ стало больше. Мама даже замѣтила и спросила: «Что это, Зина, у тебя глаза искрятся? Не лихорадка ли?»... Не помню, что я ей отвѣтила, но только если это отъ лихорадки... то — о, какая это пріятная лихорадка! Отъ души желаю тебѣ, chère Véra, заболѣть такъ!

Ну, вотъ, какъ только я убѣдилась, что *онъ* только ради меня бываетъ у насъ по пятницамъ — сейчасъ же не влюбилась Анну Андреевну. Она, видишь ли, умѣетъ заставить обратить на себя вниманіе, умѣетъ поддерживать разговоръ, даже спорить съ *нимъ*, а я — нѣтъ. Конечно, я въ десять разъ красивѣе ея, но она всегда меня перецеголяетъ, потому что начитаннѣе, знаетъ больше... Ты, можетъ быть, подумаешь, что Анна Андреевна

кокетка? О, нѣтъ же, нѣтъ! Кокетства у нея столько же, сколько у коровы... Я вижу, что ему съ нею скучно... Конечно, онъ старается отдѣлаться отъ этой особы и подлѣсть ко мнѣ, но... я вѣдь не могу быть такой занимательной!.. На прошлой недѣлѣ, въ пятницу (во время контрэданса) я съ *нимъ* разговаривала и — къ ужасу увидѣла, что не могу поддержать разговора — знаешь, серьезнаго разговора, напр. о политикѣ... Говорилъ онъ, а я слушала, впрочемъ, на вопросы, по неволѣ, давала отвѣты... такіе маленькіе отвѣты! У меня даже стали уши горѣть. Я рѣшилась употребить все старанія, чтобы быть не хуже Анны Андреевны относительно sauserie. Но какой это трудъ!.. Заговоривъ о герцеговинахъ, *онъ* спросилъ меня: сочувствую ли я *нимъ*, слѣжу ли за событіями на Балканскомъ полуостровѣ? Я, разумеется, отвѣтила утвердительно — только. Вообрази: ну, знаю, гдѣ-то тамъ вспыхнуло возстаніе, а кто эти герцеговинцы, чьи они, сколько ихъ — ничего не знаю. Балканскій полуостровъ! Знакомыя слова. «Законы Литурга» — тоже слова знакомыя, а какіе именно законы — хоть убей, не помню! Вотъ Италию знаю, она въ видѣ большаго сапога съ кривымъ каблучкомъ, а Балканскій полуостровъ?.. Въ Азіи или въ Европѣ? Ужасное положеніе!.. Нечего дѣлать, спросила у брата Феди (онъ гимназистъ)... Смѣется противный мальчишка! «Ты, говоритъ, если хочешь заняться современной политикой — читай газеты, а если знаніями запасть — желашь — совѣтую покороче познакомиться съ нашимъ книжнымъ шкафомъ».

Ну, я и завязала знакомство со шкафомъ. Вотъ уже шестой день серьезно занимаюсь чтеніемъ разныхъ полезныхъ книгъ. На свои деньги купила брошюрку «Герцеговина»... Прочла и теперь отлично знаю, въ чемъ дѣло. Герцеговинцы — это жители турецкой провинціи, они — славяне.

Ахъ, Véra, но сколько въ этомъ шкафу книгъ! Есть такіе главы, что, право, только плечами пожмешь... Напримеръ: «Теорія и практика банковаго дѣла», «Языкъ чувствъ». Непремѣнно прочту.

Ну, однако, до свиданья, ma chère! Отправляюсь къ новому своему знакомцу — большущему книжному шкафу. Надо посмотреть, нѣтъ-ли тамъ чего о ссудныхъ коммерческихъ банкахъ? Все говорятъ о какомъ-то Струсбергѣ, сорвавшемъ въ Москвѣ ссудный банкъ... Ничего не понимаю!.. А завтра вѣдь пятница.. Пожалуй, а *онъ* заговоритъ со мною объ этой исторіи... Что-жъ — глазами мнѣ хлопать?.. Я уверена, что прелестная Анна Андреевна знаетъ все, рѣшительно все и о Струсбергѣ, и о всякихъ ссудныхъ банкахъ. Ни за что ей не уступлю!

Позволь поцѣловать тебя 350 разъ!

Твоя Зина А.

PS. Совѣтую тебѣ не терять времени и на *всякій случай* заняться серьезнымъ чтеніемъ. Ахъ — да! У меня новая шляпка. Прелесть что такое! Но если бы ты видѣла мое новое выѣздное платье — ты бы ахнула! Оно — стальнаго цвѣта, съ вышивкой, и предств... Нѣтъ, въ слѣдующій разъ опишу его тебѣ, а теперь, честное слово, некогда... Вѣгу къ книжному шкафу! Съ подлиннымъ вѣрно.

В.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ прошлый разъ, указавъ на перемѣну, происшедшую въ принятыхъ европейскими державами положеніи относительно событий на Балканскомъ полуостровѣ, мы привѣтствовали въ ней новый, болѣе серьезный, фазисъ, въ который повидимому, вступилъ восточный вопросъ. До сихъ норъ, однако, къ социальнѣму, поворотъ этотъ, кромѣ чисто вишняго значенія, не лишенаго, конечно, извѣстной доли важности, ни къ какимъ еще практическимъ результатамъ не привелъ. Результаты эти, по нашему мнѣнію, находятъ въ прямой зависимости отъ степени рѣшимости кабинетовъ приступить къ чему нибудь дѣйствительному, выйти изъ очарованнаго, но бесплоднаго круга, въ которомъ вся дѣятельность ограничивается «заявленіями», «внушеніями», «представленіями» и т. п. Пока-же этого не будетъ, то дипломатія и остается лишь переходить отъ одного бѣднаго послѣдствіемъ «фазиса» къ другому, настолько-же богатому ими. Если первый былъ фазисомъ колебаній, то, настоящій можетъ быть названъ фазисомъ проектовъ реформъ. Дѣйствительно, въ то время, какъ льется кровь, гибнетъ отъ холода и голода почти цѣлое населеніе страны, разыгрывается во-

просъ «быть или не быть» большаго государства, и наступаетъ моментъ, отъ котораго будутъ зависѣть будущія отношенія... Все, что предпринимается, въ виду надвигающейся грозы — сводится къ подумѣрамъ, къ созданію проектовъ, одинъ изъ нихъ — и несообразнѣе другаго. Готовитъ проекты Порты и ея различные саловники, какъ Серверъ-Паша и другіе. Нечего и говорить о томъ, что эти реформы, игнорируя то, что одно составляетъ цѣль возставшаго народа — независимость, не выходятъ изъ предѣловъ такихъ широкихъ благодѣяній, какъ «отмѣна десятины» и замѣна ея денежною податью, справедливое распределеніе поземельнаго налога, ограниченіе произвола мусульманскихъ землевладѣльцевъ надъ христіанскимъ, сельскимъ населеніемъ, участіе христіанъ (въ родѣ Констан-эфенди, вероятно) въ дѣлахъ «управленія» и т. д. Насколько все это заключается въ себѣ залогъ дѣйствительнаго благосостоянія, насколько представляетъ гарантію — можно видѣть изъ уроковъ прошлаго. Не отстаетъ, по извѣстіямъ европейской печати, въ дѣлѣ «приготовленія» проектовъ и Австрія. «Daily telegraph» знакомитъ и съ произведеніемъ графа Андраши, которое, по сво-

ей сущности, не далеко ушло от своего турецкаго собрата: «полное равенство христианъ въ правахъ съ мусульманами; допущение первыхъ къ военной службѣ, взиманіе податей съ христианъ христианами-же, суды, составленные на половину изъ мусульманъ» вотъ главные основанія плана составленнаго Австрійскимъ министромъ. Страшно какимъ образомъ можетъ не бросаться въ глаза вся «теоретичность» подобнаго рода предложеній? Нельзя-же предполагать, чтобы, при этомъ, съ намѣреніемъ отворачивались отъ дѣйствительныхъ потребностей. Мы предпочитаемъ, скорѣе, отнестись съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ къ газетному сообщенію, хотя оно идетъ по словамъ органа, изъ положительнаго и достовѣрнаго источника. Изъ всѣхъ слуховъ о реформистскихъ предложеніяхъ, проектахъ и планахъ, наибольшаго вниманія заслуживаетъ, конечно, сообщенное такимъ серьезнымъ органомъ, какъ берлинская «національная газета» извѣстіе относительно соглашения между державами заявить Порту требованіе, чтобы нынѣшній визирь Махмудъ-Паша сохранилъ свой постъ на 5 лѣтъ, чтобы на Балканскомъ полуостровѣ были образованы новыя полу-самостоятельныя, по образцу Сербіи и Румыніи, государства, платящія дань Турціи, или чтобы нѣкоторые министры назначались изъ христианъ, и, наконецъ, чтобы представители державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ, участвовали въ важныхъ случаяхъ, въ совѣщаніяхъ константинопольскаго кабинета. Воздерживаясь отъ подробнаго разбора всѣхъ этихъ проектовъ, и ограничиваясь только указаніемъ на большую или меньшую удаленность ихъ отъ истинныхъ потребностей христианъ и громко заявленныхъ ими желаній и стремленій, мы не можемъ не обратить вниманія на то обстоятельство, что изъ сопоставленія дѣятельности дипломатіи съ прогрессивнымъ ходомъ событій, только вывели то утѣшительное заключеніе, что события эти, такъ сказать, ведя за собой дипломатію на буксирѣ, заставляютъ ее, самую силу вещей, придти къ тому, къ чему стремятся неуклонно христиане въ Турціи. Нельзя не придти къ этому взгляду при одномъ только сравненіи первыхъ нерѣшительныхъ шаговъ европейскихъ кабинетовъ

съ теперешними заявленіями ихъ... А жизнь, дѣйствительность, между тѣмъ, идутъ своимъ путемъ, не обращая вниманія ни на какія искусственныя комбинаціи. Успѣхъ инсургентовъ въ сраженіяхъ, такая побѣда, какъ дѣло при Муратовичахъ (31-го октября и 1-го ноября) упорно держащійся и все болѣе и болѣе распростаивающійся слухъ о сношеніяхъ Сербіи и Черногоріи, въ видахъ общаго и рѣшительнаго образа дѣйствій, соответствующаго желаніямъ населенія этихъ княжествъ—все это имѣетъ свое важное значеніе... Что касается впрочемъ великихъ державъ и ихъ намѣренія сохранить принятое относительно другъ друга положеніе, то въ этомъ отношеніи достаточно указаніемъ служить послѣднее сообщеніе нашего Правительства, разъясняющее всѣ слухи о мнимыхъ вооруженіяхъ Россіи.

Нельзя не упомянуть о другомъ крупномъ фактѣ послѣдняго времени, не лишенаго связи съ восточнымъ вопросомъ. Мы говоримъ о покункѣ Англіею у хедива принадлежавшихъ ему 177 тысячъ акцій компаніи Суэзскаго канала, на сумму 100 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Сколько бы ни старалось англійское правительство смягчить значеніе этого пріобрѣтенія, придавая ему смыслъ исключительно экономической мѣры, не заключающей въ себѣ никакой угрозы для будущаго, но—неопредѣленности разрѣшенія восточнаго вопроса, худо скрывавшейся прежде и уже открыто вышедшей наружу въ настоящее время страхъ за Константинополь, наводятъ на ту мысль, что Англія, руководясь соображеніями дальновидной политики, считаетъ, быть можетъ, нужнымъ обезпечить себя отъ всякихъ случайностей.

Кабинетъ Бюффе, выйдя побѣдителемъ изъ борьбы по поводу способа голосованія, потерпѣлъ полную неудачу при выборахъ въ Сенатъ. Шесть министровъ, предложенные въ сенаторы, не имѣли успѣха, который въ настоящую минуту исполнѣ на сторонѣ дѣвой партіи, успѣвшей до сихъ поръ добиться избранія 15 своихъ кандидатовъ, тогда какъ правой удалось провести только двухъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Наши чудодѣи. Литписи чудотвѣствъ и эксцентричностей всякаго рода. Составилъ Касьянъ Касьяновъ. I. Графъ Хвостовъ. II. Ганинъ. III. Брызгаловъ. IV. Боярскій пиръ. V. Савва Яковлевъ. VI. Добавленіе къ монографіи «Графъ Хвостовъ».—С.-Петербургъ. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою 1 р. 80 к. Продаётся у книгопродавца И. Л. Тузова (Б. Садовая, д. Пажескаго Корпуса, № торговли 9).

Составитель этой книги заданъ мыслью представить портреты нѣкоторыхъ особъ, заявившихъ себя особенно оригинально. Книга эта вѣроятно представляетъ только первый выпускъ. Сборникъ Касьяна Касьянова—это яркая иллюстрація къ исторіи нашей общественной жизни. У насъ вообще плохо знаютъ исторію и эти отдѣльныя портреты и картинки кое-что объясняютъ желающимъ получить объясненія и отвѣты на нѣкоторые вопросы. Къ сожалѣнію, люди, имѣющіе досугъ и желающіе «что-нибудь почитать» мало интересуются нашимъ прошлымъ. Любой фактъ, любая «злоба дня» имѣютъ непремѣнно связь съ прошедшими фазами развитія общества. Такія личности какъ «драматургъ» Ганинъ, поэтъ графъ Хвостовъ и богачъ-садомуръ Савва Яковлевъ во многихъ отношеніяхъ интересны. Составитель, обнаруживъ умѣнье группировать факты, рассказывать довольно живо и занимательно о русскихъ эксцентрикахъ, къ сожалѣнію, не совсемъ спокойно отнесся къ описываемому: мѣстами, увлекшись, онъ восклицаетъ, напр. «умора!» Какъ бы желая этимъ пособить читателю воскликнуть послѣ прочтенія именно такихъ-то и такихъ строкъ.

Наша библиотечка. I. Среди природы. II. Въ своемъ кругу. А. Острогорскаго. Цѣна обоемъ выпускамъ по 1 р. 50 к. Книга «Среди природы» рекомендована для чтенія воспитанницъ среднихъ и высшихъ классовъ институтовъ и женскихъ гимназій и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній признана полезною для возрастныхъ библиотекъ военныхъ гимназій иprogимназій. Хорошихъ книжекъ для юношества у насъ вообще мало, а между тѣмъ спросъ на нихъ увеличивается съ каждымъ днемъ. За исключеніемъ книгъ Н. Вагнера, сказокъ Андерсена, Гофмана, Жоржъ Занда, да еще двухъ-трехъ—нѣтъ почти ни одной порядочной, стоящей своей цѣны. Въ самомъ дѣлѣ, гг. издатели

дѣтскихъ книжекъ назначаютъ такіа увѣсистыя цѣны, что просто приступить нѣтъ. Что касается этихъ двухъ выпусковъ «нашей библиотечки», г. Острогорскаго, то, не смотря на солидную цѣну ихъ, первый—«Среди природы» заслуживаетъ одобренія. Нѣкоторые изъ статей, помѣщенныхъ въ этой книжкѣ, положительно хорошо написаны (*Куда двалелъ дождь.*—Сингл.—*Электричество.*—*Громъ и молнія*), и, полагаемъ, заинтересуютъ дѣтей. О второй книжкѣ, «Въ своемъ кругу», можно сказать, что и она не безъ достоинствъ. Укажемъ на лучшія статьи въ ней: *Колышки, Моя былка, Няня, Голубиная почта, Старья книжка.*—Рисунки, приложенные къ обоимъ выпускамъ, очень хороши, что, можетъ быть, и обуславливаетъ высокую стоимость этихъ книжекъ. «Наша библиотечка» можетъ служить прекраснымъ подаркомъ на елку.

Кола ди-Рензи, послѣдній римскій трибунъ. Историческій романъ Эдуарда Литтона Бульвера. Переводъ съ англійскаго, цѣны 2 рубля.

Имя Э. Л. Бульвера хорошо извѣстно русской читающей публикѣ. Вышеозначенный романъ относительно достоинствъ и недостатковъ мало отличается отъ другихъ произведеній этого англійскаго романиста «старой школы», до конца своей жизни оставшагося вѣрнымъ своимъ традиціямъ и взглядамъ на искусство. Обладая творческою силою и поэтичностью, Э. Л. Бульверъ былъ блестящимъ представителемъ англійской беллетристики «аристократическаго» оттѣнка. Книга эта можетъ доставить много удовольствія тѣмъ, которымъ особенно нравятся «историческіе романы». Переводъ довольно удаченъ, хотя мѣстами и тяжеловатъ.

Герцеговина въ историческомъ, географическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Сиб 1875 г. стр. 60, Ц. 75 к. съ пересылкою. Брошюрка эта даетъ довольно подробныя свѣдѣнія о той странѣ, которая въ настоящее время обратила на себя вниманіе всей Европы. Составлена она добросовѣстно, и можетъ познакомить читателя съ характеромъ положенія вообще христианъ въ Турціи. Особенно интересна статья о податяхъ и налогахъ, платимыхъ герцеговинцами. Къ книжкѣ этой приложена опрятно-изданная карта Герцеговины.

С М Ъ С Ъ.

Чувствительная потеря.

Обратите вниманіе на двухъ воробьевъ, схваченныхъ, какъ видно, съ натуры талантливымъ художникомъ Зюссъ. Пара сѣренькихъ супруговъ отправилась позавтракать. Скоро они замѣтили небольшую кучку зеренъ, разсыпанныхъ подъ кустомъ,

и тутъ же какое-то странное орудіе... Супругъ, можетъ быть, предостерегалъ супругу, указывая на эту странную штуку, но супруга не обратила вниманія на воробьиныя фразы своего сожителя и... и дорого поплатилась! Въ «странной штукѣ» остался весь ея хвостикъ!.. Чортъ возьми! Потеря чувствительная!.. Скорѣе домой... Она летитъ и жалобно пи-

щитъ, а супругъ (замѣтите, какая у него ехидная физиономія?) стоитъ, растопыривъ ножки, и кричитъ ей вслѣдъ на своемъ воробынномъ языкѣ: «Что взяла? Вѣдь говориль—а? Вотъ тебѣ

и сюрпризъ!.. И вы думаете, что объ этомъ печальномъ событіи не будетъ извѣстно всѣмъ прочимъ воробьямъ этой мѣстности?..

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Дѣйствія правительства.

Высочайшее повелѣніе.

О правахъ состоянія вдовъ священно-служителей и церковныхъ причетниковъ православнаго и армяно-грегоріанскаго исповѣданій Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе обер-прокурора святѣйшаго синода о правахъ состоянія вдовъ священно-служителей и церковныхъ причетниковъ православнаго и армяно-грегоріанскаго исповѣданій, и соглашаясь въ существѣ съ заключеніемъ Высочайше утвержденного присутствія по дѣламъ православнаго духовенства, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Въ измѣненіе подлежащихъ статей свода законовъ постановить: вдовы принадлежащихъ къ потомственному дворянству священно-служителей и церковныхъ причетниковъ православнаго и армяно-грегоріанскаго исповѣданій, если и сами онѣ не имѣютъ, по происхожденію, правъ высшаго состоянія, пользуются: вдовы священно-служителей—правами личного дворянства, а вдовы церковныхъ причетниковъ—правами личного почетнаго гражданства.

II. Права вдовъ священно-служителей и церковныхъ причетниковъ на пособия отъ епархіальныхъ почительствъ о бѣдныхъ духовнаго званія, или на другіе существующіе по духовному вѣдомству способы прирѣднія—оставить безъ измѣненія.

Его Императорское Величество изложено мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, 11-го октября 1875 года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Дѣла церкви.

Бесѣды съ старообрядцами Кинешевской епархіи, открытыя 5-го октября, какъ передаетъ газета „Современность“, непрерывно продолжаются и бывають каждое воскресенье. 12-го октября бесѣдовали о клятвахъ собора 1667 года; 19 октября—о книжномъ исправленіи; 26—о достопоклоняемомъ имени: Исусъ; 2 ноября—о формѣ креста и о печати на просфорахъ; 9 ноября—о седмипросфоріи. Старообрядцы, опасавшіяся вначалѣ, что за высказанія ими мнѣнія они могутъ быть подвергнуты ответственности, робко выступали съ своими возраженіями. Теперь старообрядцы поняли, что къ нимъ относятся искренно и съ сердечнымъ участіемъ, и не боятся не только говорить откровенно, но и приносятъ на бесѣду свои книги и читають изъ нихъ для доказательства справедливости своихъ мнѣній. Съ православной стороны ведутъ пренія священникъ о. Григорій Милкинъ и наставникъ семинаріи I. М. Пархомовичъ; а со стороны старообрядцевъ купецъ Ф. П. Малишиковъ, возбуждающій сочувствіе къ себѣ и разумностию и умѣренностію своихъ разсужденій и взглядовъ и своею скромностію. Преосвященный Павелъ, епископъ кинешевскій и хотинскій, каждый разъ самъ несетъ трудъ разъясненія старообрядцамъ церковныхъ истинъ и опроверженія ихъ неправильныхъ мнѣній. Православные присутствуютъ на бесѣдахъ не только изъ любопытства, но и для религіознаго наученія.

Военное дѣло.

По словамъ „Турк. Вѣд.“, въ Кокандѣ, въ настоящее время, господствуетъ сильное волненіе; народъ раздѣлился на партіи, враж-

дебныя между собою. Одни хотять призвать Пулата-бека и поставить его ханомъ, другіе—стоятъ за Султана-Мурата, бывшаго бека маренланскаго (брата Худояра-хана).

— «Русск. Инв.» пишетъ, что на дняхъ въ крѣпости Брестъ-Литовскій происходила ночная стрѣльба изъ крѣпостныхъ орудій при магнито-электрическомъ освѣщеніи. Стрѣльба производилась на 550 сажень до неокрашенной мишени. Результатъ стрѣльбы превзошелъ всякія ожиданія: изъ 16-ти выпущенныхъ снарядовъ попало 8, т. е. 50%; мишень повреждена весьма сильно. Такой блестящій результатъ произошелъ отъ впаденія яснаго освѣщенія мишени; она была видна положительно лучше, чѣмъ днемъ. Такое, повидимому странное, явленіе объясняется весьма просто: поле, въ настоящее время все покрыто снѣгомъ и потому мишень днемъ не вполне ярко выдѣляется отъ снѣга, тогда какъ въ темную ночь весь свѣтъ, лежащій впереди мишени, способствуетъ увеличенію силы свѣта фонаря, а сзади мишени не видно ничего, и вслѣдствіе этого, мишень выдѣляется еще лучше, какъ бы на темномъ фонѣ.

— О значеніи, которымъ пользовались кипчаки въ Боканастяхъ ханствѣ, въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» пишутъ слѣдующее: кипчаки, со временъ Магедь-Али-хана (около 1840 года), имѣли въ ханствѣ огромное, рѣшающее вліяніе. Это вліяніе началось съ того времени, когда племянникъ Магедь-Али-хана, Ширь-Али-ханъ, спасаясь отъ мести своего дяди, убѣжалъ къ кипчакамъ. Кипчаки радушно приняли изгнанника и, пользуясь своимъ вліяніемъ на выросшихъ въ ихъ средѣ сыновей Ширь-Али-хана: Сарымсакъ-хана, Молля-Хана, Суфи-бека, Худояра и Султана-мурата, начали вмѣшиваться въ дѣла ханства. Они стали поддерживать права на престолъ сыновей Ширь-Али: Молля-хана и Худояр-хана, и пользовался то малолѣтствомъ, то неспособностію ихъ, мало по малу, прибрали къ своимъ рукамъ верховную власть въ ханствѣ. Старшіе, наиболѣе выдающіеся по своему уму и способностямъ люди, были обыкновенно регентами ханства (какъ напр., Мусульманъ-кулъ и Алимъ-кулъ). Чтобы пріобрѣсти себѣ сильныхъ приверженцевъ, составить свою партію, они всегда замѣщали главныя должности въ ханствѣ людьми своего рода, кипчаками. Устанавливалась кипчакская гегемонія въ ханствѣ, пока протестъ и волненіе въ народѣ не свергли на время кипчакскаго господства. Но должно замѣтить, что воинственные кипчаки чаще господствовали надъ мирными и невоинственными таджиками, аборигенами всего здѣшняго края. Такимъ образомъ, кипчаки привыкли, въ теченіе 30-тилѣтнихъ, почти непрерывныхъ, смутъ, считать себя племенемъ господствующимъ въ ханствѣ. Когда, послѣ махрамской побѣды, все ханство заняло свою покорность главному начальнику войскъ, генералу Кауфману, только одни кипчаки, «господствующее» въ Кокандѣ племя, не изъявляя покорности и не прислали въ русской лагерь своихъ старшихъ людей. Волненія въ Кокандѣ (лѣтомъ нынѣшняго года), имѣвшія послѣдствіемъ бѣгство Худояр-хана и провозглашеніе газавата—священной войны во имя ислама, возбудилъ, какъ извѣстно, кипчакъ Абдурахманъ-Автобачи (сынъ Мусульманъ-кула), подстрекаемый другимъ такимъ-же фанатикомъ, муллою Исса-аулие.

Петербургъ и Москва.

— Главное управленіе общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія списокъ тѣхъ пред-

метовъ, которые особенно желательно получить, какъ добровольное приношеніе дѣлу помощи жертвамъ возстанія и раненымъ въ Босніи и Герцеговинѣ.

1) Всякаго рода цѣльное бѣлье, мужское, женское и дѣтское, носильное, постельное, столовое.

2) Сукожныя и фланелевыя издѣлія, какъ-то: халаты, одѣяла, фуфайки, капоты, валежные сапоги, туфли.

3) Мѣховыя издѣлія: шубы, полушубки.

4) Сукна, фланель, бумага, клеенка 2-хъ сторонняя, полотно въ кускахъ.

5) Всякаго рода мѣдная и жестяная посуда, кухонная, столовая, походная.

6) Предметы довольствія и госпитальные материалы: чай черный, кофе, сахаръ, песочекъ сахарный, шоколадъ, виноградное вино, водка, спиртъ, ромъ, коньякъ; консервы и экстракты разныя, швейцарское молоко, мука Нестли, табакъ, сигары, папросы, сухари, свѣчи стеариновыя.

Пріемъ поименованныхъ и всякихъ другихъ пожертвованій, матеріальныхъ и денежныхъ, открытъ въ помѣщеніи главнаго управленія, по Большой Морской, въ домѣ № 46, отъ 12 до 3 часовъ пополудни, ежедневно, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ дней.

Упаковка предметовъ, посылаемыхъ въ Черногорію, начнется 9 сего декабря.

— 29 ноября содержавшійся подъ арестомъ въ городскомъ частномъ домѣ, директоръ коммерческаго ссуднаго банка Ландау, въ виду его болѣзни, какъ передаетъ „Рус. Міръ“, переведенъ изъ одиночнаго заключенія подъ домашній арестъ, съ примѣненіемъ къ нему узаконенныхъ правилъ для содержащихся подъ стражей.

— «Русск. Міръ» передаетъ, что, въ виду открывшейся возможности для женщинъ заниматься адвокатурою, нѣкто г. Таубенъ предполагаетъ ходатайствовать о разрѣшеніи ему открыть въ Москвѣ женскіе юридическіе курсы. Сперехъ того, одно изъ частныхъ московскихъ женскихъ учебныхъ заведеній предполагаетъ съ будущаго года ввести въ общій курсъ преподаваемыхъ предметовъ курсъ права для двухъ старшихъ классовъ и, въ непродолжительномъ времени, намѣрено поручить выработать программу курса одному, принадлежащему къ судебному вѣдомству, лицу, которому будетъ поручено и самое преподаваніе.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Неизвѣстному въ с. Лысково: доставленные въ пользу жертвъ возстанія въ Герцеговинѣ 4 р. 50 коп., сданы 2 сего декабря въ Главное Управленіе Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ подъ квитанцію за № 35. **Г. Бровъ въ Мѣвѣ:** доставленные Вами 50 коп. въ пользу жертвъ возстанія въ Герцеговинѣ, сданы въ то-же Главное Управленіе 2 сего декабря подъ квитанцію за № 35.

СОДЕРЖАНІЕ: Подарки, подносимые Русскимъ парламъ иностранными посланцами (съ 2-мя рисунками). — Кто выигралъ?.. (Изъ современной уголовной хроникки). — Романъ Ф. Фридриха (продолженіе). — Аделина Патти въ роли «Гретхенъ», въ Фаустѣ (съ рисункомъ). — Стихотворенія В. С.—въ—. — Берега Нѣмала (съ рисункомъ). — Анда (съ рисункомъ). — За серьезнымъ дѣломъ (съ рисункомъ). — Политическое обозрѣніе. — Библиографія. — Сибирь. — Разныя извѣстія. — Почтовый ящикъ.

Редакторъ Ф. Бергъ (Боевъ).

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,

№ 51

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Въданъ 17 Декабря 1875 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ	4 р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: чрезъ книжный магазинъ
И. Гр. Соловьева, А. Ланга и А. Живарова	4 р. 50 к.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ	5 р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и
мѣстечки Имперіи	5 р. 50 к. *)

*) ПОЧТОВЫХЪ МАРОКЪ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ, а просимъ высылать этотъ подлинникъ серебромъ.

Попъ Богданъ Зимоничъ.

Фамилія Зимоничей въ Герцеговинѣ весьма извѣстна и уважаема. Она происходитъ изъ Гацко и члены ея всегда были «кнезамп», т. е. начальниками или предводителями племени и пользовались даже у турокъ уваженіемъ. Несмотря на то, при всякомъ взрывѣ мусульманскаго фанатизма, Зимоничамъ первымъ, какъ кнезамъ и приходилось терпѣть и больше другихъ чувствовать тяжесть турецкаго ига, потому что они тотчасъ же являлись на защиту своихъ.

На нихъ обрушивалась фанатическая ярость герцеговинскихъ ренегатовъ и мусульманъ.

Заслуги Зимоничей весьма важны. По смерти кнеза Луки Зимонича (1780) въ концѣ прошлаго столѣтія, когда турки строго запретили христіанамъ въ Герцеговинѣ строить новыя и поправлять старыя церкви и колокольни, сынъ кнеза Лука—Иованъ Зимоничъ отправился самъ изъ Гацка въ

Попъ Богданъ Зимоничъ, одинъ изъ вождей Герцеговинскаго возстанія. Гравир. И. Гутари.

Константинополь и выпросилъ у султана фирманъ. Онъ построилъ въ Гацко 7 православныхъ церквей. И вотъ потомъ въ отмщеніе, турки все больше придирались къ кнезу Иовану и успѣли наконецъ вызвать его изъ Гацка въ Травникъ, тогдашнее мѣсто-пробываніе боснійскихъ визирей. Тамъ его и убили. Послѣ этого туркамъ нетрудно уже было овладѣть цѣлымъ Гацкомъ.

Такъ дѣла продолжались до Измаилъ-Ченгичъ-аги, при которомъ возрасло вліяніе Ачима Зимонича. Ачиму наследовалъ въ 1852 году сынъ его Богданъ, попъ, который еще въ молодости отличался храбростію и благоразуміемъ, такъ что привлекъ къ себѣ не только народъ, избравшій его воеводою но и Али-Пашу - Ризвибеговича, утвердившаго это избраніе. Послѣ войны съ Черногоріею въ 1851—53 годахъ, попъ Богданъ успѣлъ испросить амнистію бѣжавшимъ въ Черно-

горию гачанамъ. Впрочемъ, самъ онъ въ 1859 году попалъ въ турецкую тюрьму за то, что гачане подожгли въ Крестцѣ нѣсколько турецкихъ домовъ. Князь Черногорскій Данилъ выхлопоталъ ему освобожденіе. Пользовался свободой Зимоичъ не долго и въ 1860 году Дервинш паша, тогдашній главнокомандующій оттоманскими войсками въ Герцеговинѣ, во время своихъ неистовствъ въ Босніи, снова заключилъ его въ темницу въ Мостарѣ, гдѣ его даже приковали къ стѣнѣ. Но черногорскій князь Николай I хлопоталъ за него. Богданъ получилъ свободу, благодаря этому покровителю и ходатайству русскаго консула Безобразова въ Мостарѣ. Во время герцеговинскаго движенія (1861—62 года), попъ Богданъ предводительствовалъ своими храбрыми гачанами въ сраженіяхъ при Пивѣ и въ Дужскихъ ущельяхъ при Никшицахъ. Послѣ черногорской войны въ 1862 г., когда Гацко все еще оставалось подъ властью турокъ, попъ Богданъ жилъ въ Черногоріи и пользовался вниманіемъ и благоволеніемъ князя Николая. Когда вспыхнуло нынѣшнее возстаніе въ Невесинскомъ округѣ, попъ Богданъ принялъ въ немъ живое участіе, былъ поставленъ во главѣ гачанъ, которымъ велѣлъ взяться за оружіе, занялъ съ ними Метохію, столицу Гацко, сильный турецкій фортъ Крестецъ и нѣсколько турецкихъ блокгаузовъ, Корыто, Церницу и проч. и былъ въ Косеровскомъ собраніи вождей избранъ верховнымъ вождемъ всего возстанія. Его отрядъ находится въ центрѣ Герцеговины, занимая дороги съ одной стороны—между Крестцомъ и Билечемъ, гдѣ онъ сильно беспокоитъ турокъ, преграждая имъ сообщеніе между

крѣпостями Никшичемъ, Билечемъ и Доброю. Попу Богдану около 56 лѣтъ, онъ крѣпокъ и силенъ, высокъ ростомъ и хорошо сложенъ; носитъ черные длинные волосы; сѣдина тронула только его длинную, густую бороду. Держитъ онъ себя очень скромно, но охотно говоритъ, только къ сожалѣнію слишкомъ тихо, такъ что надо внимательно слушать, чтобы его понять. Эта привычка вѣроятно образовалась отъ чтенія молитвъ. Его игра «узъ гусле» (сербскій національный инструментъ) давно несомнѣнно пользуется заслуженною извѣстностью. Подъ аккомпаниментъ тихихъ звуковъ меланхолическихъ «гусле» поютъ сербы свои народныя думы и своимъ дѣтямъ передаютъ въ героическихъ пѣсняхъ славныя дѣянія отцовъ своихъ. Попъ Богданъ дѣйствительно замѣчательный пѣвецъ. Пока онъ жилъ между «воими въ Гацко, онъ уже былъ извѣстенъ далеко этимъ искусствомъ. Народъ собирался толпами къ нему и со слезами и бурнымъ одушевленіемъ слушалъ прекрасныя пѣсни и рассказы о славныхъ подвигахъ черногорцевъ при владыкѣ Данилѣ I, о подвигахъ и побѣдахъ великаго воеводы Мирко Петровича, о владыкѣ Петрѣ... «Надо было видѣть, (говоритъ корреспондентъ «Русскаго Мира», знакомый лично съ Зимоичемъ), какъ горѣли его черные глаза, когда онъ пѣлъ въ полутемныхъ хатахъ своего народа, котовый жадно слушалъ его. Этотъ народъ его высоко чтитъ и горячо любитъ. Этотъ народъ знаетъ, что за него попъ Богданъ много вытерпѣлъ, что за него онъ шелъ въ цѣпяхъ въ турецкія темницы»..

В—т.

КТО ВЫИГРАЛЪ?...

(Изъ современной уголовной хроники)

РОМАНЪ
Ф. ФРЕЙДРИХА.

(Продолженіе).

Глазки старика засверкали. Заложивъ руки за спину, онъ проговорилъ съ разстановкой:

— Здѣсь будетъ ваша свадьба, здѣсь вы и останетесь. Вѣдь Эльза богата... Вы и не знаете еще, какая она невѣста!... Ни слова! И слушать васъ не хочу!.. А вы вотъ что: пока ничего не говорите ей объ этомъ... Мнѣ хочется сдѣлать ей сюрпризъ!.. Только торопите ее—понимаете—торопите!... Это уже будетъ ваше дѣло. Пирь... свадьба... „молодые“ въ моемъ домѣ... О, я и самъ помолодѣю!..

Платѣну такъ и не удалось сдѣлать ни одного возраженія.

Дня черезъ два „маленькій фрейгерръ“ уѣхалъ въ городъ, не сказавъ никому, зачѣмъ онъ отправляется туда. Приѣхавъ въ резиденцію, онъ пошелъ прямо къ нотаріусу, къ тому самому нотаріусу, который уже два раза составлялъ для него духовное завѣщаніе.

— Ну-съ, вотъ я и опять къ вамъ явился! весело заговорилъ Маннштейнъ. Я хочу уничтожить послѣднюю мою духовную, замѣнивъ ее новой. Эта новая, по счету—третья, будетъ уже окончательной, послѣдней... Понимаете?

— Хорошо-съ. Значитъ, вы примирились съ вашимъ племянникомъ? спросилъ нотаріусъ.

— Съ племянникомъ?... При-ми-рился!..

— Ну-да, я хотѣлъ сказать...

— Какъ могла придти вамъ въ голову подобная мысль?.. Вѣдь вы-же знаете, что я лишилъ его наслѣдства?.. Какъ я рѣшилъ—такъ и должно быть. Между мною и этимъ племянникомъ ничего нѣтъ общаго. Все порвано.

Фрейгерръ проговорилъ эти слова самымъ рѣшительнымъ тономъ.

Нотаріусъ помолчалъ съ секунду, потомъ кашлянулъ и сказалъ:

— Вашъ племянникъ терпитъ въ настоящее время крайнюю нужду. Положеніе его весьма критическое...

Старикъ равнодушно пожалъ плечами.

— Самъ онъ виноватъ. Что посеялъ, то пожнешь.

— Все это такъ, но... мнѣ-бы хотѣлось уговорить васъ не покидать его совсѣмъ...

— Что-же побуждаетъ васъ просить за него?

— Онъ писалъ мнѣ, представлялъ свое бѣдственное положеніе и просилъ меня постараться смягчить васъ, чтобы вы были къ нему по возможности милостивѣе... Онъ—въ страшномъ отчаяніи, что и видно изъ письма. Пишетъ, что у него даже нѣтъ средствъ—утолить голодъ!..

— Просилъ васъ постараться? повторилъ фрейгерръ.

— Да, настоятельно просилъ...

— Онъ вѣдь и ко мнѣ писалъ нѣсколько разъ, но... только ни разу не обращался съ просьбою: напротивъ, въ письмахъ своихъ онъ грозилъ мнѣ!.. А такъ какъ я отношусь равнодушно къ его угрозамъ, то письма эти и остались безъ отвѣта.

— Но, г. фрейгерръ, баронъ Александръ ф. Зельдитцъ — послѣдній представитель одной изъ древнихъ фамилій, замѣтилъ нотаріусъ:—неужели-же вы не протянете руки погибающему?... Неужели имя, бывшее вамъ столь дорогимъ, будетъ затоптано имъ въ грязь, въ конецъ осрамлено, опозорено?..

Фрейгерръ выпрямился, брови его сдвинулись, а лицо приняло выраженіе такой рѣшимости, что можно было впередъ сказать, что всѣ попытки поколебать старика смягчить его будутъ тщетны.

— Вы не совсѣмъ во время напомнили мнѣ объ этомъ, заговорилъ Маннштейнъ. Не потому я наслѣдства его лишилъ, отрекся отъ него, что онъ лично противъ меня провинился, а потому, что онъ запятналъ свое имя, замаралъ свою честь! Да, баронъ Зельдитцъ забылъ, что онъ послѣдній представитель древней фамилии, всегда высоко державшей знамя чести. Знаю я, что нынче многіе считаютъ дворянство явленіемъ отжившимъ; говорятъ, что все это вздоръ... Что-жь, дворянство само виновато тутъ, оно само себя побиваетъ! Что касается меня, то я крѣпко держусь за него и горжусь имъ, однако-же говорю: если представители этого сословія хотятъ имѣть значеніе, то пусть непрестанно заботятся о приобрѣтеніи такого значенія, указываютъ на свои заслуги. Вѣдь дворянское имя само по себѣ не имѣетъ никакихъ преимуществъ передъ мѣщанскимъ?.. И вотъ, я требую отъ того, кто носитъ „благородное“ имя, двойной осторожности, осмотрительности, чтобы ни малѣйшаго пятнышка не было на немъ... Тотъ,

кого я называю своимъ племянникомъ, объ этомъ-то именно и забылъ! Онъ злоупотреблялъ своимъ именемъ, совершилъ безчестные поступки, пользуясь дворянствомъ, знатностью рода... Этого я никогда, никогда ему не прощу! Завѣтной мечтой моей было оставить племяннику все состояніе, передать ему и имя мое... Онъ разрушилъ и эту надежду. Я хочу теперь, по возможности, загладить содѣянное имъ зло, искупить его грѣхъ: все имущество мое должно перейти къ той, которую онъ такъ глубоко оскорбилъ... *Эльза Штейнъ* будетъ моей наслѣдницей. Прошу васъ написать завѣщаніе въ этомъ смыслѣ.

Нотариусъ медлил... Эта новость совершенно поразила его. Наконецъ, собравшись съ духомъ, онъ почти воскликнулъ:

— Г. фрейгерръ! И вы хотите все, рѣшительно все завѣщать — мѣщанкѣ?! Извините, я... я не могу еще опомниться!

— Какъ я порѣшилъ—такъ и будетъ. Никто не въ состояніи измѣнить моего рѣшенія! произнесъ старикъ. Я полагаю, что поступаю вполне благородно, стараясь уничтожить то зло, которое *дворянинъ* причинилъ *мѣщанкѣ*. Очень можетъ быть, что нѣкоторые, узнавъ объ этомъ, станутъ качать головой, но... я привыкъ поступать такъ, какъ нахожу справедливымъ. Порицанія, одобренія, похвалы *другихъ* никогда не имѣли на меня вліянія... Ну-съ, и такъ, потрудитесь приняться за составленіе духовной!

Нотариусъ исполнилъ желаніе Маннштейна. Фрейгерръ прочелъ бумагу съ чрезвычайнымъ вниманіемъ, потомъ твердой рукой подписалъ свое имя и попросилъ нотариуса изготовить сейчасъ-же копію съ завѣщанія.

— Подпись ваша, конечно, должна быть засвидѣтельствована на этой копіи. Скажите вашему помощнику, чтобы онъ не забылъ приложить печать. Когда все будетъ готово—прошу васъ объ бумагахъ эти доставить мнѣ въ гостиницу. Мнѣ хочется сегодня-же представить въ судъ мое новое завѣщаніе. Еще разъ прошу васъ исполнить мою просьбу!

Нотариусъ обѣщаль не задерживать въ городѣ Маннштейна, и дѣйствительно, не прошло и четырехъ часовъ, какъ „маленькій фрейгерръ“ летѣлъ уже въ свою усадьбу. Копія духовной лежала у него въ карманѣ. Онъ то и дѣло что ощупывалъ ее, причемъ представлялъ радость Эльзы, когда она получитъ отъ него эту бумагу...

Г-жа Штейнъ, Эльза, братъ ея и Платэнъ встрѣтили фрейгерра въ гостиницѣ.

— А я вѣдь привезъ тебѣ кое-что!... Ну-съ, пожалуйста-ка сюда, къ окошечку, пригласилъ онъ Эльзу. Она подошла къ нему.

— Вотъ, прочти-ка это! Сначала я имѣлъ намѣреніе поднести тебѣ этотъ листикъ въ день твоей свадьбы, какъ свадебный подарокъ, но... раздумалъ: такъ будетъ лучше!

Эльза принялась читать завѣщаніе и вдругъ, поблѣднѣвъ, а потомъ покраснѣвъ, воскликнула:

— О, нѣтъ... нѣтъ! Ужъ это слишкомъ много! Я не могу... не могу принять отъ васъ этого!

— Э, пустяки, дитя мое! и „маленькій фрейгерръ“ весело улыбнулся.—Я вѣдь обѣщался искупить грѣхъ моего племянника, загладить зло, причиненное имъ тебѣ. Онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы жениться на мѣщанкѣ—ну, такъ вотъ пусть-же наслѣдство его и перейдетъ къ Эльзѣ Штейнъ!

Дѣвушка наконецъ пришла въ себя, бросилась на грудь „маленькаго фрейгерра“ и зарыдала... Мать Эльзы, молодой Штейнъ и Платэнъ подошли къ нимъ... Описывать-ли ихъ изумленіе?... Трогательная вышла сцена.

— Полно-же, полно, дитя мое! Успокойся! упраси-

валъ старикъ. Вѣдь это я для себя сдѣлалъ, право-же для себя! Мнѣ хотѣлось удержать здѣсь тебя и Платэна, чтобы не оставься опять одинокимъ... Вы, я знаю, люди добрые, вы будете терпѣливо переносить капризы старика!.. Ну довольно-же, довольно!.. Ради Бога—не благодарите меня... Мнѣ, право, это тяжело!..

Онъ вырвался изъ крѣпкихъ объятій и убѣжалъ въ свою комнату... На сердцѣ у „маленькаго фрейгерра“ было такъ свѣтло, отрадно, весело, какъ будто самаго его посѣтило великое счастье.

Наступила весна. Зазеленѣла молодая листва. Въ домѣ фрейгерра была таки порядочная суетня, такъ какъ шли приготовленія къ свадьбѣ Платэна и Эльзы. Самъ хозяинъ заправлялъ всѣмъ дѣломъ, и хотя хлопоты эти отнимали у него много времени—онъ, повидимому, находилъ величайшее удовольствіе „безпокоить“ себя такимъ образомъ. За послѣднее время старикъ, можно сказать, помолодѣлъ; строгое выраженіе лица его всецѣмъ исчезло; прогуливаясь по своимъ полямъ, онъ останавливался, чтобы поболтать съ рабочими, спрашивалъ ихъ объ житѣи—бытьи и, отходя, молча совалъ имъ въ руки деньги, если узнавалъ, что у нихъ кто нибудь захворалъ или явилась крайняя нужда въ деньгахъ. Такимъ добрякомъ „маленькій фрейгерръ“ былъ и прежде, когда еще жена его была жива. То были счастливые дни и вотъ они вернулись къ нему!

Эльза полюбила старика такъ, какъ только можетъ полюбить отца нѣжная дочь. Она ухаживала за нимъ, старалась угадать его желанія, словомъ—нянчилась съ нимъ.

— Охъ, балуешь ты меня, милочка, балуешь! говорилъ „маленькій фрейгерръ“ улыбаясь. — Ну, какъ я безъ тебя-то останусь? Вотъ, уѣдете вы послѣ свадьбы путешествовать... Опять тутъ будетъ тихо, пусто!..

— Такъ мы не поѣдемъ — вотъ и все! восклицала Эльза, которой не особенно хотѣлось путешествовать.

Старикъ не соглашался на это: дѣло въ томъ, что ему самому хотѣлось, чтобы „молодые“ уѣхали куда нибудь на нѣсколько недѣль, и онъ настаивалъ на этомъ, потому что желалъ воспользоваться ихъ отсутствіемъ и—обновить свой домъ. Парадные комнаты порядкомъ постарѣли, полиняли — ну, и нужно было все заново отдѣлать. О новой своей затѣѣ онъ сообщилъ только г-жѣ Штейнъ, зная, что она его не выдастъ. Г-жа Штейнъ дала слово молчать и на все время работъ обѣщавшись уѣхать погостить къ профессору. Для Платэна и Эльзы готовился новый, великолѣпный сюрпризъ.

Насталъ наконецъ и день дѣвичника.

Все въ домѣ приняло блестящій, праздничный видъ, да и гостей съѣхалось довольно, потому что фрейгерру хотѣлось, вопреки желанію Эльзы, шумно отпраздновать дѣвичникъ, и онъ настоялъ на своемъ. „Этимъ я хочу показать всѣмъ, какъ я люблю тебя и какъ я счастливъ!“ говорилъ онъ дѣвушкамъ, потирая весело свои руки.

Платэнъ и Штейнъ уже прикатили изъ города. Молодой художникъ втихомолку, нарисовалъ для сестры портретъ фрейлейнъ Эмми, такъ какъ Эльза однажды какъ-то выразила желаніе имѣть портретъ своей подруги. Когда Штейнъ поднесъ свой трудъ сестрѣ—всѣ были поражены красотой, изяществомъ этого художественнаго произведенія. Дѣйствительно, изъ рамки выглядывало живое личико Эмми, это были ея черты, по—просвѣтленные, идеализированные. Въ портретѣ этомъ было что-то такое, что не только доказывало талантъ живописца, но и обнаруживало чувства его къ оригиналу: можно было подмѣтить, что художникъ всю душу свою положилъ въ эту работу, что сама богиня любви водила кистью по полотну...

Платэнъ уллучилъ минутку и отвелъ друга своего

въ сторонку. Штейнъ выслушалъ его и воскликнулъ въ волнении:

— О, замолчи! Не дразни меня счастьемъ, которое—недостижимо! Если-бы она была бѣдной дѣвушкой—я-бы прямо пошелъ къ ней и сказала: „Будь моею! Я буду работать, трудиться — и тебѣ хорошо будетъ со мной!“... Но... она—богатая барышня, да еще—дворянка!... Понимь?.. Если-бы даже ей сердце и принадлежало мнѣ—что-жъ, развѣ мать согласится отдать мнѣ дочь, мнѣ—пролетарію... живонисцу?! Между нами—зіяющая пропасть!..

— А ты попробуй, посоветовалъ Платэнъ и прибавилъ: смѣлымъ Богъ владѣть!

— Уйти съ носомъ?.. Ну, нѣтъ, братъ, я этого не перенесу! сказалъ художникъ, повернулся и отошелъ отъ него.

Эльза, узнавъ отъ Платэна, что братъ ея влюбленъ въ Эмми, сообщила жениху, что и фрейлейнъ Мальтэнъ весьма даже не равнодушна къ „портретисту“...

— Знаешь, сказала она, я думаю, что если судьба захочетъ соединить ихъ, то и соединитъ, не смотря ни на какія преграды... Я даже увѣрена, что Эмми будетъ его женой!

— Ты увѣрена?

— Да! Развѣ мы не встрѣтились? Вѣдь нашли-же мы другъ друга!..

— Теперь и я буду вѣрить! воскликнулъ Платэнъ, крѣпко пожимая руку Эльзы.

Глядя на жениха, невѣсту и „маленькаго фрейгерра“, трудно было рѣшить: кто изъ нихъ счастливѣе?.. Хозяинъ былъ удивительно веселъ, а глазки его просто даже искрились! Онъ ни на минуту не оставался въ покоѣ, перебѣгалъ отъ одного гостя къ другому, любезничалъ, острлил, хихикалъ, словомъ — былъ, что называется, въ ударѣ.

Отойдя отъ г-жи Штейнъ, фрейгерръ столкнулся съ лакеемъ, который сталъ ему что-то шептать...

— Что? Ктѣ желаетъ переговорить?..

— Господинъ Питтъ, полицейскій комиссаръ, повторилъ лакей.

Лицо старика помертвѣло.

— Комиссаръ... Питтъ?.. Что ему... нужно?..

Онъ насилу выговорилъ эти слова.

— Не знаю-съ.

— Гдѣ онъ?

— Я провелъ его въ мою комнату. Онъ самъ пожелалъ такъ, то есть, чтобы никто его не увидѣлъ.. Ему не желательно разстраивать праздника-съ...

— А—а, ну, хорошо, сказалъ Маннштейнъ, успѣвъ уже оправиться. — Ты изволь-ка насчетъ этого помолчать—слышишь? Ни одна душа не должна знать, что онъ здѣсь. Я пойду къ нему. Если меня будутъ спрашивать—говори: „г. фрейгерръ сейчасъ придетъ“. Поймай... Кромѣ тебя, видѣлъ-ли ктонибудь комиссара?

— Никто-съ не видѣлъ его. Я одинъ только...

— Оставайся здѣсь.

Фрейгерръ вышелъ изъ гостиной. Подойдя къ лакейской комнаткѣ, онъ уже взялся за ручку замка, но... приостановился въ нерѣшимости и невольно лѣвой рукой провелъ по лбу... Что привело сюда этого человека... сегодня... именно въ этотъ вечеръ? Какія такия дѣла? О чемъ *нужно* ему переговорить?..

Старикъ чувствовалъ, какъ сердце его сжалось, ему стало почему-то страшно... Наконецъ, овладѣвъ собой, что стоило ему не малыхъ усилій, онъ быстро вошелъ въ комнатку камердинера, захлопнулъ дверь и повернулъ ключъ въ замкѣ.

Питтъ подошелъ къ нему.

— Сожалѣю, мнѣ чрезвычайно непріятно, заговорилъ онъ, что я принужденъ обезпокоить васъ именно сегодня... знаю, что сегодня осуществилось ваше горячее, завѣтное желаніе; по настоящему, мнѣ не слѣдо-

вало-бы являться, но...

— Говорите-же, говорите! перебилъ его нетерпѣливо фрейгерръ.—Что вы имѣете сообщить мнѣ?

— Вашъ племянникъ вернулся.

Старикъ вздрогнулъ... Такого сюрприза онъ никакъ не ожидалъ и воскликнулъ:

— Быть не можетъ!! Развѣ ему неизвѣстно, какому наказанію будетъ онъ подвергнутъ, если его узнаютъ и схватятъ?... Позвольте... Вы навѣрно это знаете?

— Навѣрно. Я самъ видѣлъ его.

— Сами?! Гдѣ-же... гдѣ?

— Въ настоящее время я преслѣдую одного преступника, и вотъ мнѣ пришлось, по дорогѣ, завернуть въ трактирчикъ подъ вывѣской „Лѣсной источникъ“. Заведенье это отстоитъ отсюда на нѣсколько часовъ ѣзды... Да вамъ, конечно, извѣстно о существованіи „Лѣснаго источника“?

Фрейгерръ молча кивнулъ головой.

— Ну, я, разумеется замаскировался, нарядился въ костюмъ чернорабочаго, продолжалъ Питтъ, и вошелъ въ такомъ видѣ въ трактирчикъ, зная очень хорошо, что заведеніице это пользуется дурной славой. Въ комнатѣ сидѣло нѣсколько человекъ. Въ одномъ изъ нихъ я сейчасъ-же узналъ вашего племянника, не смотря на то, что онъ былъ почти въ лахмотьяхъ и отростилъ себѣ большую бороду.

— Хорошо, но увѣрены-ли вы, что не ошиблись? замѣтилъ Маннштейнъ... Что-жъ, вѣдь случайное сходство могло ввести васъ въ заблужденіе...

— Я не ошибаюсь. Голосъ этого человека походилъ совершенно на голосъ барона Зельдитца, да наконецъ, то, что онъ говорилъ — вполне подтвердило мое предположеніе. Когда я вошелъ — онъ пытливо поглядѣлъ на меня, но потомъ пересталъ интересоваться мною, такъ какъ преспокойно усѣлся у другаго стола; я сдѣлалъ видъ, что не обращаю на него ни малѣйшаго вниманія. Вся эта компанія, и баронъ въ томъ числѣ, была уже порядкомъ на-веселѣ, но онъ продолжалъ тянуть водку, требовалъ еще и сейчасъ-же расплачивался. Изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ словъ мнѣ удалось понять, что Зельдитцъ старается подбить этихъ людей на какое-то дѣльце... Упомянулъ онъ тутъ и ваше имя. Противъ барона, на стѣнкѣ, висѣло зеркало, а потому мнѣ было весьма удобно наблюдать за его фізіономіей... Ну, откровенно вамъ скажу: выраженіе его лица не предвѣщало ничего добраго...

— Гм... Что-же онъ замышляетъ?

— Ему извѣстно, что сегодня вечеромъ въ домѣ у васъ празднуется дѣвичникъ. Одинъ изъ сидѣвшихъ съ нимъ за столомъ рассказывалъ объ этомъ, причемъ сообщилъ барону, что фрейгерръ Маннштейнъ все состояніе свое завѣщалъ фрейлейнъ Штейнъ. Я слышалъ, какъ Зельдитцъ захохоталъ (много горечи было въ этомъ смѣхѣ!) и сталъ потомъ угрожать вамъ... Какъ кажется, онъ замышляетъ противъ васъ какое-то насилие...

— Когда-же онъ думаетъ исполнить это? спросилъ фрейгерръ спокойнымъ тономъ.

— Когда именно—не знаю, но полагаю, что въ эту ночь... Я торопился оставить „Лѣсной источникъ“ чтобы какъ можно скорѣе отправиться къ вамъ, отвѣтилъ слѣдователь.

Старикъ молчалъ, обдумывая что-то.

— Очень вамъ благодаренъ, наконецъ проговорилъ онъ.—Ну-съ, что-же вы намѣрепы дѣлать теперь?

— Это отчасти отъ васъ зависитъ... Вамъ извѣстно, какое наказаніе ждетъ барона, если я его арестую.

— Ахъ, нѣтъ... нѣтъ! Этого не должно быть!.. Пощадите имя моей сестры—его несчастной матери!

— Хорошо. Для этого собственно я къ вамъ и явился, т. е. чтобы посоветоваться. Вторичный арестъ барона произвелъ-бы на многихъ весьма непріятное впе-

Въ осадномъ положеніи. Рис. А. Боденмиллеръ, грав. А. Л. Рурфъ.

чотлібіє, а потому... Но вѣдь намъ слѣдуетъ принять мѣры противъ вторженія его въ вашъ домъ: не забудьте — человекъ, находящійся въ возбужденномъ состояніи, да еще въ нетрезвомъ видѣ — способенъ на все... Онъ пойдетъ на проломъ, очертя голову!...

— Да, онъ мнѣ-бы отлично отомстилъ, если-бы ему удалось испортить, омрачить сегодняшній день!.. про-бормоталъ фрейгерръ и, обратившись къ комиссару, спросилъ:

— А вы боитесь встрѣчи съ нимъ?..

Питтъ улыбнулся.

— Профессія моя давно уже отъучила меня бояться подобныхъ столкновений.

— Ну, въ такомъ случаѣ, я попрошу васъ найти его... Я дамъ вамъ денегъ; деньги эти вы передайте ему подъ условіемъ, чтобы онъ тотчасъ-же оставилъ не только эти мѣста, но и самую Германію, даже—уѣхалъ-бы совсѣмъ изъ Европы... навсегда! Пригрозите арестомъ... Вѣдь онъ знаетъ, какой подвергается участи, если вы вторично схватите его и отдадите въ руки правосудія.

— Готовъ исполнить вашу просьбу, только, право, уже не знаю—гдѣ-же мнѣ его искать? Въ трактирчикѣ? тамъ господина барона, конечно, уже нѣтъ... Знаете, я даже опасюсь вотъ чего: прежде чѣмъ я его найду—онъ явится сюда и... въ раздраженіи, пожалуй, натворитъ чортъ знаетъ какихъ штукъ! Нѣтъ нужно какънибудь предотвратить это, наиримѣръ — разставить караульныхъ... Найдется-ли у васъ столько людей, чтобы можно было—

— О, да, найдется, подхватилъ фрейгерръ: у меня и управляющіе есть, и изрядное число батраковъ.

— Вотъ и прекрасно. Я сейчасъ-же пойду въ людскую, сдѣлаю нужные распоряженія, самъ тоже останусь здѣсь... Надѣюсь, что праздникъ вашъ пройдетъ благополучно, спокойствіе не будетъ нарушено!...

— Распоряжайтесь, приказывайте только устроить все это, а ужъ я оцѣню ваши труды, съумѣю отблагодарить васъ!... Да, Эльза сегодня такъ счастлива, такъ беззаботно весела, а вѣдь если она узнаетъ, что этотъ злосчастный человекъ тутъ... близко — все счастье ея разлетится, какъ дымъ... Нѣтъ, она не должна знать этого, да и никому не слѣдуетъ сообщать объ этомъ! Я васъ попрошу не говорить даже управляющимъ моимъ и рабочимъ о появленіи ея... Ну, сочините тамъ какуюнибудь другую фамилію, если ужъ любопытство станетъ ихъ разбирать!...

Слѣдователь обѣщаль все исполнить — очень ужъ ему стало жаль „маленькаго фрейгерра“. Въ самомъ дѣлѣ, старикъ былъ сильно взволнованъ: щеки его были блѣдны, губы дрожали, онъ даже осунулся въ лицѣ.

— Успокойтесь, г. фрейгерръ, сказалъ Питтъ. Какъ видите, я не могъ избавить васъ отъ такой неприятности, я долженъ былъ увѣдомить объ этомъ, потому что, помимо васъ, мнѣ нельзя было-бы сдѣлать надлежащихъ распоряженій. Ну, оставьте-же всѣ заботы, не думайте ни о чемъ! Я употреблю всѣ усилія, чтобы не допустить сюда вашего племянника. Мнѣ и самому было-бы весьма пріятно, избавить васъ отъ всѣхъ этихъ безпокойствъ.

Манштейнъ протянулъ слѣдователю руку.

— Я буду чрезвычайно доволенъ, если никто не узнаетъ объ этой исторіи, проговорилъ онъ и прибавилъ: — мой языкъ хорошо мнѣ повинуется, смолчать я съумѣю, ну, а относительно того, что вотъ и сегодня мнѣ не удалось вполне отдаться радости, то я ужъ столько перенесъ въ своей жизни неприятностей, что мирюсь и съ этой... Вы сколько-же времени пробудете здѣсь?

— Не знаю еще, но во всякомъ случаѣ — останусь до самаго утра. Племянникъ вашъ однажды избралъ дорожку сюда—черезъ садъ, чтобы совершить то преступленіе, вотъ поэтому-то все мое вниманіе и будетъ

обращено на эту именно часть вашей усадьбы. Я заберусь въ садъ и буду тамъ сидѣть всю ночь.

— Слуга мой принесетъ вамъ вина въ садовую бесѣдку, и я прошу васъ — чего-бы вы не пожелали потребовать отъ него. Я сейчасъ-же прикажу ему безпрекословно исполнять всѣ ваши приказанія.

Питтъ поблагодарилъ фрейгерра и отправился на квартиру управляющихъ. Распорядившись какъ слѣдуетъ насчетъ караула, воспретивъ впускать во дворъ и въ садъ постороннихъ, онъ скрылся въ саду.

Манштейнъ прошелъ прямо въ свою комнату ему необходимо было побыть одному, поуспокоиться и уже потомъ вернуться къ гостямъ. Заложивъ руки за спину, устремивъ куда-то взглядъ, онъ принялся ходить взадъ и впередъ. Его маленькая фигура, казалось, стало еще меньше, какъ-то съжилась подъ бременемъ этихъ новыхъ заботъ.

— Какъ могъ племянникъ его — послѣдній представитель столь гордой и знатной фамиліи — пасть такъ низко?...

Старикъ часто задавалъ себѣ этотъ вопросъ, и никогда отвѣтъ на него не представлялся ему такимъ яснымъ, убѣдительнымъ, какъ въ эту минуту.

— Да, его погубило именно то, что онъ (и сотни ему подобныхъ!) считалъ преимуществомъ своимъ передъ другими. Когда Александръ Зельдитцъ былъ еще ребенкомъ, окружающіе старались развивать въ немъ мысль, что онъ, какъ сынъ барона, сотканъ изъ лучшей, болѣе благородной матеріи, чѣмъ та, которая идетъ на производство толпы. Дворянская гордость его постоянно разжигалась; онъ хвастался „породистою кровью“, не понимая, конечно, что это значить... Этотъ несчастный предразсудокъ положительно мѣшалъ ему наблюдать за собой, обуздывать себя, бороться со своими отрастями, и вотъ то, что онъ считалъ своимъ преимуществомъ — стало для него камнемъ преткновенія, проклятіемъ... Оно-то и довело его до настоящаго положенія, въ конецъ погубило!...

Когда Александръ Зельдитцъ, по свойственному ему легкомыслію, лишился главной своей опоры и очутился передъ лицомъ закона, „простымъ“ человекомъ — тогда — какъ страшно-неумолимо сама жизнь показала ему всю эфемерность его заблужденія!.. Къ работѣ, онъ оказался неспособнымъ; захитъ самостоятельно, пробиться своими силами на новую дорогу — онъ рѣшительно уже не могъ... и — погибъ! Онъ — отщепенецъ, общество его отвергло, и нѣтъ ему спасенія...

Старикъ, въ изнеможеніи, опустил въ кресло, совсѣмъ забывъ о томъ, что въ гостиной легко можетъ быть замѣчено его отсутствіе.

Въ эту минуту въ комнату „маленькаго прежерра“ вошла г-жа Штейнъ. Она искала его и, наконецъ, нашла.

Манштейнъ, почти въ испугѣ — вскочилъ съ кресла и, повидимому, растерялся.

— Чтѣ съ вами? спросила она.

— О, ничего... ничего! Это я такъ! отвѣтилъ старикъ торопливо... Видите-ли, я ушелъ на короткое время... захотѣлось побыть одному. Вы и сами знаете, что иногда, среди самаго веселаго общества, вдругъ этакъ взгрустнется; ну, и является желаніе остаться наединѣ съ самимъ собою — хоть двѣ-три минутки!...

— Двѣ-три минутки? Нѣтъ, я васъ долго искала.

— Чтѣ-жъ, здѣсь мнѣ было такъ спокойно... Я и не замѣтилъ, какъ время пролетѣло! Пойдемте-же, пойдемте! Вернемся къ нашимъ гостямъ.

И онъ направился къ дверямъ.

Г-жа Штейнъ удержала его за руку.

— Вамъ было тутъ спокойно, а почему-же лицо у васъ такое блѣдное?

— Да... ну, это... потому, что я чувствую себя не совсѣмъ хорошо... Только, пожалуйста, никому не говори-

те объ этомъ! Мнѣ не хотѣлось-бы смущать гостей ничѣмъ... Праздникъ—такъ ужъ праздникъ!

— Да?... А я думала, что вы имѣете ко мнѣ болѣе довѣрія!... Доброта ваша въ отношеніи Эльзы и меня даетъ мнѣ право быть участницей и въ радостяхъ вашихъ, и въ печаляхъ... Скажите-же, что васъ огорчило, встревожило?

— О довѣрії нечего и говорить: вамъ извѣстно, какъ я отношусь къ вамъ! И вы все, все узнаете, только—не сегодня... Можетъ быть, рѣчь моя омрачить и ваше лицо, а мнѣ, повторяю, не хочется теперь никого смущать... Радость — рѣдкая гостья! Ну-съ, идемте-же въ гостиную! Я вамъ докажу, что духъ веселья не оставилъ еще меня... О, вы вѣдь знаете, какъ я ждалъ сегодняшняго дня!

Манштейнъ подаль руку г-жѣ Штейнъ и почти увлекъ ее за собою.

Гости были въ такомъ веселомъ насероеніи духа, что никто изъ нихъ даже не замѣтилъ блѣдности лица фрейгерра. Что касается Эльзы и Платэна, то они смотрѣли только другъ на друга; впрочемъ, была и еще парочка, которая тоже не обращала вниманія на окружающее... Фрейлейнъ Эмми и Штейнъ стояли въ сторонкѣ, у стола, на которомъ былъ поставленъ портретъ Эмми. Глаза у нихъ блестѣли, щеки раскраснѣлись—оба они, повидимому, были чѣмъ-то взволнованы. Эмми, въ раздумьи, теребила вѣтку съ цвѣткомъ, а молодой художникъ что-то говорилъ ей въ полголоса... Серьезная бесѣда, ихъ была прервана появленіемъ г-жи ф. Мальтэнъ. Штейнъ, отойдя отъ Эмми, по дорогѣ поймалъ Платэна за руку и почти насильно утащилъ его въ смежную комнату.

— Что это съ тобой? воскликнулъ Платэнъ.

Вѣсто отвѣта, художникъ обнялъ его и крѣпко жжалъ въ своихъ объятіяхъ.

— Охъ, отпусти!.. Да что такое?

— Экой ты, братецъ, недогадливый! На лицо-то мое посмотри... Ну, развѣ не видно, что я сейчасъ совершилъ глупость и... и все-таки чувствую себя счастливейшимъ изъ смертныхъ!..

Платэнъ взглянулъ на своего друга и, улыбувшись, спросилъ:

— Ну, стой: какъ же примирить такое противорѣчіе?

— Какое?... Эхъ!.. Понимаешь ты—я люблю Эмми! Я только что отерлся ей въ любви... Да будто этого по моимъ глазамъ не видно?

— Вонъ оно что! Значить, любовь твоя зажглась вдругъ, внезапно? пошутилъ Платэнъ. — Вѣдь ты нѣсколько часовъ тому назадъ самъ-же —

— Ахъ, да пойми-же: ну, я не хотѣлъ тогда, чтобы ты зналъ объ этомъ! А теперь... Знаешь, я вѣдь давно ее люблю — съ перваго раза, съ первой встрѣчи! Она, братъ, сразу засѣла вотъ тутъ—въ сердцѣ, и какъ крѣпко засѣла! На вѣки-вѣчные!

— Эмми сказала тебѣ да?

— Сказала, братецъ, сказала! зашепталъ Штейнъ. Она тоже любитъ меня... Слова эти она проговорила тихо, совсѣмъ тихо, потомъ украдкой пожала мнѣ руку, а потомъ—взглянула... Творецъ, какъ взглянула! Сколько любви, искренности, счастья было въ этомъ взглядѣ!.. Пойми — мнѣ теперь тутъ душно, тѣсно, потому что счастьемъ нѣтъ мѣста въ груди... Я-бы схватилъ и прижалъ къ сердцу Европу вмѣстѣ съ Азіей—пол-міра обхватилъ-бы!..

— Ну, а въ чемъ-же собственно состоитъ глупость?..

— Какъ въ чемъ? Еще спрашиваетъ! Да въ томъ она и состоитъ, что я, свистунъ-пролетарій, дерзнулъ открыться въ любви ей — фрейлейнъ ф. Мальтэнъ! Да, братъ, такая минутка ужъ выдалась—увлекся, чортъ побери! А то-бы я ни гу-гу... никогда!.. Самъ посуди: Эмми богата, ей по наслѣдству перейдетъ громадное состояніе, да кромѣ того—имя... Древняя фамилія... Ну, и неужели ты думаешь, что мать ее согласится назвать меня своимъ зятемъ?!

— А почему-же нѣтъ?

— Чтѣ?... Ни-ког-да она ни за что не согласится!.. отрѣзалъ Штейнъ.—Я прошу тебя обо всемъ этомъ молчать... Господѣ Мальтэнъ не слѣдуетъ знать о нашихъ чувствахъ. Пусть она такъ и останется въ невѣдннй относительно нашей любви!

— И ты даже не хочешь сдѣлать попытки, добиться ея согласія?..

— Не хочу.

— Да ты развѣ не желаешь, чтобы Эмми была твоею?

— Еще какъ-желаю-то!.. Видишь-ли, другъ ты мой, я намѣренъ похитить ее, тайно увести... Мы убѣдимъ въ Италію и совьемъ тамъ себѣ гнѣздо среди миртъ и лавровыхъ вѣтвей. Голубыя небеса будутъ свидѣтелями нашего счастья. Тамъ раскину я шатеръ, устрой мастерскую и буду работать *только для нея*, т. е. понимаешь, буду бить па то, чтобы доставить ей отрадную, беззаботную, счастливую жизнь!.. А она — она будетъ вдохновлять меня, поддерживать во мнѣ священный огонь, воспламенять воображеніе!..

— Ну, и что-жъ, Эмми сочувствуетъ этимъ планамъ? Насчетъ похищенія-то ей ужъ извѣстно?

— Н-нѣтъ, она еще ничего не знаетъ объ этомъ. Но она *должна* идти за мной, если дѣйствительно любить меня!.. А вѣдь Эмми сама-же призналась мнѣ въ своей любви?... Ты и представить себѣ не можешь, что это за восхитительный будетъ побѣгъ! Знаешь, темная ночь, луна въ тучахъ... ну, потомъ она выходитъ переодѣтая, закутанная, чтобы навсегда оставить отчій домъ... Я поджидаю ее въ саду, затѣмъ — восторженно принимаю ее въ объятія. Около сада стоитъ нашъ экипажъ... Мы идемъ, или — лучше сказать — я веду Эмми, которая крѣпко прижимается ко мнѣ. Вотъ, мы и сѣли въ карету—трѣга-ай!.. Летимъ! Лошади мчатъ насъ туда—туда—въ благословенную Италію!.. Эмми—моя!! До самой границы я буду зорко смотрѣть за своимъ сокровищемъ, заботиться о немъ, оберегать и, въ случаѣ нужды — защищать его. Только перевалить-бы черезъ Альпы!

Платэнъ не могъ удержать улыбки и проговорилъ, чуть не фыркнувъ:

— А не лучше-ли будетъ, другъ мой домчаться до Италіи по желѣзной дорогѣ, оставивъ карету у первой станціи?..

Штейнъ прищурилъ глаза.

— Ты ничего не смыслишь въ поэзіи, да и романтикъ ты плохой. Это я давно зналъ! воскликнулъ онъ полусердито и, махнувъ рукой, быстро отошелъ отъ своего друга.

Платэнъ вернулся къ Эльзѣ и сообщилъ ей о счастьѣ ея брата, а также и о задуманномъ имъ похищеніи Эмми...

— Не знаю, какъ Эмми, но я, сказала Эльза, послѣдовала-бы за тобою всюду!..

Счастливымъ женихъ крѣпко пожалъ руку своей невесты.

(Окончаніе будетъ).

ВЪ ОСАДНОМЪ ПОЛОЖЕНІИ.

Собака—вѣрный другъ чловѣка, она—налучшій сторожъ. Правдивость такой аттестаціи подтверждается ежедневно. О

вѣрности псовъ есть много разсказовъ и анекдотовъ. Люди, посягающіе на чужую собственность, не такъ боятся обы-

кноенных караульных, как этих четвероногих сторожей—больших или маленьких—все равно. Комнатныя собаченки обладают поразительным чутьем: малѣйшій порошокъ гдѣ-нибудь—и онѣ заливаются такимъ невыносимо-звонкимъ лаемъ, который непременно заставит проснуться человѣка, если бы онъ спалъ самымъ крѣпкимъ сномъ. Большія собаки, и особенно великаны-псы, ведутъ себя важно. Они серьезны, повидимому даже лѣнны, лаютъ рѣдко, но если заворчатъ—то ужъ не даромъ. Ворчанье какого-нибудь силача-водолаза можетъ заставить понять человѣка и не трусливаго десятка.

Помѣщенная нами картинка «Въ осадномъ положеніи» дѣйствительно представляетъ безвыходность нарушителя правъ собственности, попавшаго черезъ окно въ чужую комнату. Онъ никакъ не думалъ встрѣтить тутъ такого страшнаго, мохнатаго, бессловеснаго сторожа! Коварный песъ немѣшалъ ему про-

лѣзть: пропустилъ онъ его, но съ тѣмъ, чтобы ужъ не выпустить. И не выпустить! Воръ, можно сказать, пригвожденъ къ стѣнѣ, связанъ по рукамъ и по ногамъ невидимыми крѣпкими веревками.

Приласкать, соблазнить чѣмъ нибудь или пугнуть такого пса, заставить его отступить — дѣло несбыточное. Эти «вѣрные друзья» неподкупны и, въ этомъ отношеніи, отличаются высокою нравственностью. Борьба съ такимъ сторожемъ невозможна, даже еслибы попавшій въ такую западню и имѣлъ при себѣ палку или ножъ: побѣда будетъ не на сторонѣ человѣка. И такъ, что лучше: быть заживо растерзаннымъ или сидѣть, не шевелясь, и спокойно ожидать ареста?.. Воръ въ такихъ случаяхъ обыкновенно выбираетъ изъ двухъ зольъ меньшее, старается сидѣть неподвижно.

Щ—въ.

Помпеянка за туалетомъ.

При первомъ взглядѣ на нашу картину, представляющую молодую женщину, граціозно приподнимающую прядь роскошныхъ волосъ передъ зеркаломъ, которое держитъ, опрокинувшись къ ней на колѣни, прелестный ребенокъ, воображеніе наше переносится въ другой міръ. Это помпеянка сидѣла такъ восемнадцать столѣтій тому назадъ, когда еще стѣны ея дома не были затоплены волнами горячей лавы и засыпаны пепломъ. Но именно благодаря этому жизнь древней Помпеи, извѣстна намъ до мельчайшихъ подробностей. Везувій не уничтожилъ Помпеи, онъ сохранилъ ее грядущимъ вѣкамъ. На воздухѣ открытыя зданія портятся въ нѣсколько мѣсяцевъ, больше чѣмъ онѣ испортились, пролежавъ восемнадцать вѣковъ подъ пепломъ. Выходя изъ подъ земли, разрисованныя стѣны, встаютъ передъ нами живыя и яркія, какъ будто живопись эта была сдѣлана вчера. Каждая перегородка становится иллюстрированной страницей археологической, раскрывая какую нибудь черту нравовъ, обычаевъ, домашнихъ привычекъ, вѣрованій, преданій. Картина античной жизни восстанавливается передъ нами во всей своей полнотѣ. Мебель, художественные предметы, принадлежности хозяйства, знакомятъ насъ со всеми подробностями домашней обстановки. Каждая плита, если всмотрѣться въ нее, расскажетъ намъ что нибудь. Вотъ столбъ; на немъ сохранилась надпись, нацарапанная кончикомъ пера праздная помпейка; вотъ часть стѣны, испещренная объявленіями; однѣ изъ нихъ, большими буквами извѣщаютъ о спектаклѣ, другія прокламируютъ такого-то кандидата на ту или другую должность. Для того кто умѣетъ видѣть, каждый шагъ въ развалинахъ древняго римскаго городка, есть находка, бросающая новый свѣтъ на его общественную и частную жизнь. Всѣ эти камни, нѣмые съ перваго взгляда, скоро начинаютъ говорить живымъ языкомъ, и мало по малу рассказываютъ намъ все, что происходило на этой самой мостовой, подъ этимъ самымъ небомъ, когда оно еще ярко сіяло надъ веселымъ городомъ.

Чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о Помпеѣ, надо представить маленькій городъ съ низкими домами, узкими улицами, который сгорѣлъ въ одну ночь, и вы пошли взглянуть на него на другой день послѣ пожара. Верхніе этажи исчезли, потолки провалились; все что было деревяннаго, рамы балки, превратились въ пепель; все открыто—крышъ нѣтъ; во всѣхъ этихъ зданіяхъ, принадлежавшихъ частнымъ людямъ или общественнымъ учрежденіямъ, вы гуляете подъ открытымъ небомъ. Вы отыскиваете среди нихъ древніе форумы, храмы, театры, памятники. Здѣсь кипѣла общественная жизнь, отъ этихъ развалинъ вѣетъ дыханіемъ великаго Рима; античный міръ охватываетъ васъ со всѣхъ сторонъ, и по мѣрѣ того какъ вы, шагъ за шагомъ, ближе знакомитесь съ нимъ, интересъ растетъ съ каждой минутой.

Общій видъ этихъ древнихъ улицъ покажется унылымъ если представлять себѣ, что на нихъ смотрѣли однѣ глухія стѣны домовъ, обращенныхъ окнами на внутренние дворы. Но все говорить противъ этого. Во первыхъ лавки выходили на улицу и двери ихъ были постоянно открыты; широкій прилавокъ изъ мрамора, былъ на виду у прохожихъ. Не нужно большого усилія воображенія, чтобы наполнить улицы живою, пестрою толпой. Вездѣ движеніе, говорятъ шумныя и оживленныя группы. Южный житель не можетъ говорить спокойно, онъ любитъ жестулировать, охотникъ потроговаться, поспорить, говорить громко и скоро, съ звучной бѣгlostью рѣчи: все это вы увидите и теперь въ худшихъ кварталахъ Неаполя, во многихъ отношеніяхъ напоминающихъ узенькіе закоулки Помпеи.

Лавки эти теперь не болѣе какъ развалины, но живопись и скульптура, сохранившіяся на нѣкоторыхъ мѣстахъ служатъ вывѣсками; по которымъ узнаемъ, что тутъ продавалось. Такъ овечка изъ обожженной глины, обозначаетъ молочную лавку; мельница, приводимая въ движеніе осломъ—лавку мельника; два человѣка, несущіе за оба конца палку, съ висящей по серединѣ ее анфорой, близость винаго погреба. Недалеко отъ форума, открыли лавку цирюльника, который мылъ, причесывалъ, брилъ,

стригъ, выщипывалъ волосы, натиралъ душистыми мазями помпейцевъ. Что касается торговца мыломъ, духами, и разными косметиками, то произведенія его служили не только для женскаго туалета, но и для религіозныхъ и похоронныхъ церемоній; надушивъ живыхъ, они бальзамировали мертвыхъ. На одной изъ такихъ лавокъ три, уже стерпшія картины, изображали жреца, ведущаго къ жертвеннику быка, четверыхъ людей несущихъ огромный ящикъ, вокругъ котораго висятъ нѣсколько вазочекъ, и наконецъ мертвое тѣло, вымытое и приготовленное къ бальзамированію: понимаете вы значеніе этой мрачной вывѣски? Косметистъ занимался также трупами, и публично заявлялъ объ этомъ.

Другіе магазины (торговца красками, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, мастерская скульптора) открыли намъ нѣкоторые способы работъ древнихъ; мы узнаемъ напримѣръ, что краски приготовлялись почти исключительно изъ минеральныхъ веществъ, каковы мѣлъ, охра, суримъ, киноварь, и т. п. Растительное царство давало только черную углевую краску, а животное пурпуръ. На врядъ ли кто изъ семейства торговца красками спасса во время несчастія; въ его лавкѣ нашли четырнадцать труповъ.

Скульпторъ былъ по горло занятъ во время катастрофы, въ его мастерской осталось много неоконченныхъ или только что намѣченныхъ мраморныхъ статуй; всѣ онѣ, вмѣстѣ съ принадлежностями его искусства, хранятся, какъ всѣ помпейскія вещи въ Неаполитанскомъ музеѣ.

Представьте себѣ теперь всѣ эти лавки, всѣ эти мастерскія открытыми и убранными, покупателей, толпящихся передъ выставкой товаровъ, торговцевъ прохожихъ, весь гвалтъ городской жизни, — и городъ перестаетъ быть мертвымъ. Прибавьте къ этому что двери домовъ запирались только на ночь, слѣдовательно прохожіе могли видѣть всю перспективу внутреннихъ дворовъ. Мало этого: верхніе этажи домовъ имѣли сообщеніе съ улицей; то тамъ въ открытое окно показывалась красивая головка. Последнія раскопки открыли существованіе закрытыхъ балконовъ, въ родѣ наружныхъ висячихъ корридоровъ. Помпеянки навѣрное часто пользовались этими балконами; хозяйка свѣшивалась изъ него въ окно, чтобы спустить корзину разнощику, расхаживавшему по городу съ своей передвижной лавочкой, и не одна красавица, стоя у окна, прикладывая свои пальцы къ губамъ, какъ-бы для того, чтобы сорвать съ нихъ поцѣлуй, который она послышала (древній обычай), молодому помпейцу, спрятавшемуся тамъ, за угломъ стѣны. Воскресивъ такимъ образомъ передъ собой картину этихъ улицъ, мы увидимъ что онѣ были неселемъ нашихъ; разрисованные дома, стѣны испещренныя афишами и всевозможными надписями изъ стихахъ и прозѣ, монументы, фонтаны—придавали всей картинѣ яркій блескъ, слишкомъ ослѣпительный для нашихъ глазъ.

Чтобы ознакомиться съ внутренностью античнаго дома, пройдемъ черезъ улицу Ванъ въ домъ Пансы, послѣдняго эдила, то есть градоначальника Помпеи.

Чѣмъ-же отличался помпейскій домъ отъ современнаго палачо или простаго современнаго дома? Во всѣхъ отношеніяхъ— что мы увидимъ сейчасъ—а главное въ томъ, что онъ весь былъ обращенъ внутрь. Верхніе этажи, какъ мы это уже видѣли, не были чужды уличной жизни, но нижніе, занимаемые богатыми людьми, обращались къ улицѣ стѣной; въ нихъ жилия комнаты группировались вокругъ двухъ внутреннихъ дворовъ, *атриума* и *перистилля*. Первый былъ такъ сказать, доступной частью дома, второй, предназначался собственно для семейства. Это ;асположеніе соотвѣтствовало раздѣленію греческаго дома на андронитисъ и гинекеумъ—мужскую и женскую половины. Вокругъ атриума расположены были комнаты для гостей и кліентовъ, перистиль сосредоточивалъ вокругъ себя домашнюю жизнь.

Къ атриуму вела длинная аллея, *протирумъ*, дверь которой открывалась на улицу, и стояла весь день открытой. Войдемъ, по римскому обычаю, правой ногой (войти лѣвой считалось

Помпеянка за туалетомъ. Картина Куманъ, гравир. И. Шюблеръ.

дурнымъ предзнаменованіемъ); поклонимся прежде всего порогу гдѣ мы прочитаемъ себѣ привѣтствіе, *salve!* Ложа привратника находилась обыкновенно въ аллеѣ; должность эту исполнялъ рабъ, котораго иногда держали на цѣпи. Въмѣсто привратника, входъ часто караулила собака или даже просто изображеніе собаки: въ Неаполитанскомъ музеѣ можно видѣть отлито сохранившійся экземпляръ съ знаменитой надписью: берегись собаки! (*cave canem*).

Атриумъ не былъ собственно говоря дворомъ, а скорѣе большой залой, покрытой крышей съ большимъ четырехугольнымъ просвѣтомъ посерединѣ. Такимъ образомъ воздухъ и свѣтъ свободно проникали въ эту обширную залу, а дождь съ неба и вода съ четырехъ склоновъ крыши, канала въ большой мраморный бассейнъ посерединѣ, называвшійся *impluvium*, откуда она переходила въ цистерны. Крыши покоились обыкновенно на поперечныхъ балкахъ; это были старинный тосканскій стиль атриума, и такой именно мы находимъ въ домѣ Пансы.

Встаньте у входа въ аллею, спиной къ улицѣ, и окиньте взглядомъ этотъ дворъ съ его отдѣленіями. Нечего и говорить, что крыши исчезли; Везувій сжегъ балки, украшения въ видѣ пальмовыхъ листьевъ или львиныхъ головъ, извергавшихъ воду въ *impluvium*, разбились при паденіи. Остался одинъ бассейнъ да простѣнки, обозначающіе планъ нижняго этажа, который состоялъ изъ одной парадной, двухъ приемныхъ залъ, библиотеки и шести спаленъ для рабовъ и гостей, крошечныхъ комнатокъ, гдѣ помѣщалась только одна кровать: все это было расположено вокругъ освѣщенной сверху залы съ мозаичнымъ поломъ изъ бѣлаго и чернаго мрамора, и мраморнымъ бассейномъ: это атриумъ Пансы.

Перистиль былъ уже настоящимъ дворомъ или садомъ, окруженнымъ колоннами въ видѣ портика. По серединѣ двора находился обширный бассейнъ (*piscina*), — вокругъ портика или, слѣва, три спальни, справа — столовая, *triclinium*, что означаетъ тройное ложе: древне, какъ извѣстно, обѣдали лёжа. Въ глубинѣ, большая зала, между другой такой, поменьше и кухней, — такими представляется намъ перистиль, самая роскошная и веселая часть дома.

Мы начертили только планъ дома. Хотите меблировать его? Въ Неаполитанскомъ музеѣ есть все необходимое для этого: въ коллекціяхъ бронзы мы найдемъ достаточно кроватей для спаленъ, достаточно рѣзныхъ скамеекъ, столовъ, консолей, драгоценныхъ вазъ, артистическихъ статуэтокъ, лампъ и канделябровъ, чтобы украсить залы. Разстелите ковры на эти драгоценныя, мозаичные полы, восстановите потолки и крыши, потомъ двери и драпировки, и наконецъ, главное, воскрейте на всѣхъ стѣнахъ, отъ самыхъ роскошныхъ до самыхъ скромныхъ, яркую живопись, которая теперь стерлась. Сколько свѣта и жизни!

Стѣнная живопись составляла одно изъ любимыхъ украшеній помпейскаго дома; штукатурныя стѣны, по тщательности отдѣлки почти не уступающія мрамору, раздѣлялись на три и на пять площадокъ, занимавшихъ пространство между цоколемъ и фризомъ; цоколь былъ болѣе темнаго цвѣта, фризъ болѣе свѣтлаго, промежутки между ними обыкновенно окрашивались какимъ нибудь яркимъ цвѣтомъ, (напримѣръ краснымъ или желтымъ, при бѣломъ фризѣ и черномъ цоколѣ). Въ небогатыхъ домахъ, гладкія площадки стѣнъ раздѣлялись простыми обоями, но чѣмъ богаче домъ, тѣмъ больше находило себѣ простора воображеніе декоратора; ободки превращались въ роскошныя рамы, гирлянды, шпалеры. Самыя площадки сначала разрисовывались просто: фруктами, цвѣтами, потомъ перешли къ пейзажу, затѣмъ къ фигурамъ, группамъ наконецъ къ большимъ историческимъ или религіознымъ картинамъ.

Картины эти никогда не перестанутъ быть предметомъ изученія; онѣ служатъ драгоценными документами не только относительно искусства, но относительно всего, что касается древнихъ нравовъ, обычаевъ, церемоній, костюмовъ, домашней жизни и проч.

Таковы были помпейскія стѣны; взглянемъ на полы — они удивятъ насъ еще болѣе. Въ домѣ Фавна, на примѣръ, полъ былъ цѣлымъ музеемъ мозаикъ. Одна изъ нихъ считается драгоценнѣйшимъ образцомъ древняго искусства. Она представляла знаменитую Арбельскую битву: отрядъ грековъ нападаетъ на персовъ. Александръ, во главѣ своихъ воиновъ, врывается въ середину враговъ; въ горячей схваткѣ, онъ потерялъ свой шлемъ, волосы его развѣваются по вѣтру, длинное копье пронзило персидскаго полководца; опрокинутые персы обращаются въ бѣгство; окружающіе побѣжденнаго Дарія думаютъ только объ его спасеніи, но Дарій, простеревъ руку къ убитому полководцу, забываетъ о себѣ, и кажется самъ готовъ сейчасъ умереть. Вся сцена: порывъ побѣдителей, смѣненіе побѣжденныхъ, опро-

кинутая конница царя, гнѣвъ, ужасъ, состраданіе, все это глубоко прочувствовано и передано такъ живо, что оставляетъ въ памяти неизгладимое впечатлѣніе. И это чудо не больше какъ кусокъ пола изъ залы помпейскаго дома! «Древніе ходили ногами по тому, на что мы теперь кладемъ руки», сказалъ одинъ англичанинъ, и это естественная истина: самыя прекрасныя столы въ Неаполитанскихъ дворцахъ, вырѣзаны изъ половъ Помпей.

Посмотримъ теперь на образъ жизни помпейцевъ. У богатого и знатнаго помпейца было много друзей, кліентовъ, просителей, каждое утро осаждавшихъ атриумъ. Отдѣлившись отъ этихъ утреннихъ посѣтителей, онъ молился передъ домашнимъ алтаремъ, гдѣ стояли его боги и затѣмъ на цѣлый день уходилъ изъ дому: политическіе и общественные интересы поглощали всю его жизнь; онъ проводилъ все свое время на форумѣ, на биржѣ, въ базиликѣ, въ цирюльняхъ и баняхъ, гдѣ помпейцы справлялись о спектакляхъ, о новостяхъ дня, читали римскую газету.

Женщина была полновластной госпожей дома; въ ея распоряженіи были слуги и рабы, она наблюдала за всѣмъ домашнимъ порядкомъ; кромѣ того римская женщина пользовалась значительной долей свободы въ видѣ дона. Но главнымъ занятіемъ помпейки, какъ вообще древней римлянки, если она была знатна и богата, ея настоящимъ важнымъ дѣломъ, былъ туалетъ, особенно если красавица начинала увядать. Всѣ тайны ея кокетства дошли до насъ. Просыпаясь, она щелкала пальцами, чтобы позвать рабыню; тѣ и немедленно появлялись и начиналась колоссальная работа. Во первыхъ спеціалистка по части косметиковъ должна была снять съ лица малѣйшіе признаки морщинъ, потомъ, приготовить румяны; далѣе, она тонкой кисточкой чернила рѣсницы и брови своей госпожи. Потомъ она чистила ей зубы, и наконецъ покрывала все лицо бѣлыми бѣлилами, бывшими въ большомъ употребленіи древнихъ римлянъ.

Является другая спеціалистка, орнатрикса, парикмахерша. Высокая прическа укрѣпилась булавками отъ семи до восьми вершковъ длины. Наконецъ прическа кончена: пошлите боги вашу милость, чтобы госпожа осталась довольна ею, и въ гнѣвъ не воткнула одну изъ этихъ длинныхъ булавокъ въ обнаженное плечо орнатриксы. Теперь приходитъ другая раба обрѣзывать ногти, такъ какъ ни одинъ римлянинъ или римлянка, уважающіе себя, не рѣшились бы исполнить эту операцію собственными руками. Теперь остается только одѣть госпожу, но это уже ничто въ сравненіи съ предыдущей работой. Послѣ цѣломудренной наготы первыхъ временъ созданія, ничего не могло быть проще древняго костюма: римлянки носили родъ рубашки изъ очень тонкой шерстяной ткани; длинный, широкій рукавъ схватывался на плечѣ аграфомъ, оставляя открытой прекрасныя формы рукъ; поясъ, называвшійся *strophium*, опоясывалъ эту одежду; сверху надѣвалась туника. У женщинъ легкаго поведенія или у простыхъ мѣщанокъ, эта одежда была очень коротка, едва доходя до колѣнъ и открывая богатія браслеты на ногахъ. Но у матронъ туника удлинялась бордюромъ, который былъ иногда вышитъ золотомъ и пурпуромъ; въ такомъ видѣ онъ называлась *stola*, и доходила до ногъ. Выходя на улицу, женщины надѣвали длинную тогу, закрываясь ею съ правой стороны и перебрасывая другой конецъ черезъ лѣвое плечо.

Важную часть женскаго туалета, составляли также сандалинъ, украшавшіяся иногда драгоценными камнями и стоившія огромныхъ денегъ. Но вотъ туалетъ оконченъ, остается выбрать украшенія. Одна изъ залъ Неаполитанскаго музея, наполнена вырѣзными драгоценностями: это змѣи, свернувшіяся въ видѣ перстней и браслетовъ, серьги, въ видѣ вѣсовъ, кистей жемчуга, и т. п. ожерелья, сплетенныя изъ золотыхъ нитей, богатые аграфы для застѣгиванія туника, камни тончайшей работы, достойной Греціи; однимъ словомъ все, что роскошь и искусство могутъ придумать самаго удивительнаго. Помпейки, какъ провинціалки, разумѣется доводили до крайности любовь къ золотымъ украшениямъ, стоявшимъ такъ дорого; онѣ носили ихъ въ волосахъ, на шеѣ, на плечахъ, на рукахъ, на ногахъ, на шпюлкахъ, но особенно на рукахъ: всѣ пальцы, кромѣ средняго, были покрыты кольцами, до третьяго сустава.

Окончивъ свой туалетъ, помпейка выходила въ перистиль гдѣ ее ожидали, между четвертымъ и пятымъ часомъ пополудни, къ ужину, обычные гости дома, не болѣе девяти, но числу музъ, и не менѣе трехъ, но числу грацій, и день заканчивался среди звона чашъ и веселой бесѣды.

Мы восстановили богатый помпейскій домъ, представлявшій миниатюру тѣхъ римскихъ палацовъ, роскошь которыхъ дошла до баснословныхъ размѣровъ во времена пезаризма.

Юкарта Наполеона.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ одномъ изъ лучшихъ домовъ Парижа, у почтеннаго и заслуженнаго генерала временъ Наполеоновскихъ, собралось вечеромъ небольшое общество короткихъ знакомыхъ. Въ то время какъ всѣ сидѣли въ кружкѣ около

камнина и дружески бесѣдовали, челоуѣкъ доложилъ хозяйкѣ о прїѣздѣ г-на Юка, и вслѣдъ за нимъ вошелъ въ комнату молодой офицеръ морской службы. Простая и даже нѣсколько грубая фамилия его странно противорѣчила его ловкости и бла-

городничья приемам и особенно тому вниманию и темъ ласкамъ, съ которыми встрѣтили его старый генералъ и его супруга. Молодой морякъ съ первой минуты своего появленія невольно обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Г-нъ Жако былъ молодой человекъ 22-хъ лѣтъ не болѣе и очень пріятной наружности. Загорѣлый цвѣтъ лица его показывалъ, что онъ свыкъся съ бурною стихіею и не даромъ носилъ названіе моряка; черные, большіе глаза, благородный и проникательный взглядъ придавали физиономіи его особенный характеръ. Костюмъ его не менѣе былъ замѣчательнъ. Мундиръ сидѣлъ на немъ прекрасно и такъ граціозно обрисовывалъ гибкую его талію, что нельзя было не обратить на него вниманія; но скоро по какому то странному случаю взоры всѣхъ остановились на одной вещи изъ его костюма, слѣшкомъ рѣзко отличавшейся отъ всего остального. Къ новой, прекрасной шляпѣ, которую офицеръ держалъ въ рукахъ, была прикрѣплена старая, запыленная и измятая кокарда. Вниманіе всѣхъ гостей, обращенное, по видимому, на такую ничтожную вещь, не укрылось отъ наблюдательности стараго генерала, который шепнулъ что-то на ухо своей женѣ, а та отвѣчала ему кроткою улыбкою. Г-нъ Жако замѣтилъ это движеніе и бѣдняжка покраснѣлъ до ушей; но эта краска, покрывавшая пурпуромъ прекрасное лицо молодого офицера, не была признакомъ стыда или слѣдствіемъ замѣшательства, но доказывала только похвальную черту его характера—скромность. Генералъ замѣтилъ его смущеніе, дружески протянулъ ему руку и сказалъ: «Ты славный малый, Людвигъ». Жена генерала также подала ему руку, которую молодой морякъ почтительно поцѣловалъ.

Появленіе офицера и маленькая сцена, которую мы сейчасъ изобразили, такъ сильно заинтересовавшая всѣхъ присутствующихъ, прервала какой-то занимательный для гостей рассказъ хозяина, и какъ ни живо было неудовлетворенное любопытство слушателей, однакожъ, никто, казалось, не рѣшился попросить докончить начатое. Вдругъ одинъ старый офицеръ, молчавшій въ продолженіи почти цѣлаго вечера, всталъ и голосомъ годнымъ только для команды въ полѣ, сказалъ генералу: «Такъ это-то валитъ Жако, генералъ, и эта та самая кокарда!» И не дождавшись отвѣта, взявъ шляпу изъ рукъ молодого человека, и принялся очень внимательно разсматривать ее: по выраженію его физиономіи и по какимъ-то невольнымъ движеніямъ, можно было подумать, что онъ хочетъ поцѣловать ее, и между тѣмъ изъ глазъ его выкатилась слеза и упала на поспѣвшіе усы стараго воина. Это новое обстоятельство еще болѣе увеличило общее любопытство. Всѣ встали съ своихъ мѣстъ и поочередно разсматривали таинственную кокарду, а нѣкоторые изъ присутствующихъ подошли къ генералу и просили его объяснить имъ, что все это значило.

— «Эта очень простая исторія», сказалъ генералъ.

— «Это чудесная исторія!» прибавилъ старый офицеръ, обращаясь къ гостямъ; «если бы генералъ рассказалъ вамъ ее, то я увѣренъ, что вы бы расплакались».

Тогда просьбы дождемъ посыпались со всѣхъ сторонъ. Генералъ согласился удовлетворить любопытство своихъ посѣтителей, и молодой офицеръ выставленъ былъ такимъ образомъ на сцену. Генералъ началъ:

Въ 181... году Наполеонъ имѣлъ свиданіе съ русскимъ Императоромъ Александромъ. Нечего говорить, что Наполеону хотѣлось пощеголять передъ Русскимъ Царемъ своею исполнительскою гвардіею, и по этому случаю назначенъ былъ смотръ войскамъ нашимъ.

— «Помню, помню этотъ смотръ», перебилъ старый офицеръ, отирая платкомъ слезы, которыхъ подъ старость были неразлучными спутниками всякаго воспоминанія о Наполеонѣ, подъ знаменами котораго протекла молодость его. «Въ то время я еще считался первымъ вѣздомъ въ нашемъ полку, а теперь хожу на деревашкѣ».

— «Которая служить скромнымъ пьедесталомъ вашей славы, капитанъ», прибавила приветливая хозяйка, съ улыбкою смотря на стараго офицера.

— «Да, да, капитанъ, вы и на деревянной ногѣ впередъ всѣхъ насъ уйдете при первомъ зовѣ нашего отечества», сказалъ одинъ изъ гостей.

Капитанъ самодовольно улыбнулся и обнянулъ мундиръ.

— «Браво, браво», закричали всѣ гости и громкими аплодисментами благодарили остряка за находчивость. Но желая скорѣе узнать развязку этой занимательной исторіи, слушатели обратились къ генералу.

Онъ продолжалъ:

— «И такъ Наполеонъ проходилъ съ Императоромъ Александромъ между рядами своей гвардіи. Я былъ въ числѣ офицеровъ, составлявшихъ его свиту, и потому слышалъ всякія его замѣчанія, на которыя онъ не былъ скупъ, когда бывалъ въ счастливомъ расположеніи духа; а въ этотъ день онъ не могъ познакомиться на слѣпую личное знакомство съ первымъ монархомъ Европы воодушевило Государя, и онъ особенно былъ веселъ въ этотъ день. Проходя мимо полка своихъ гренадеръ, онъ остановился передъ однимъ солдатомъ, у котораго на лицѣ начинающая со лба до половины щеки была глубокая шрамъ. Гордо посмотрѣлъ онъ на него съ минуту, и потомъ указывая на него Императору Александру, спросилъ:

— «Что вы скажете, Ваше Величество, о солдатахъ, которые бодро переносятъ подобныя раны?»

— «Тоже, что вы скажете о тѣхъ, которые ихъ наносятъ», отвѣчалъ Александръ съ своею обыкновенною находчивостію. Наполеонъ не ожидалъ такого отвѣта и казалось, немного смутился.

— «Они давно уже умерли», сказалъ старикъ гренадеръ важнымъ голосомъ, выѣшываясь такимъ образомъ въ разговоръ двухъ знаменитѣйшихъ монарховъ въ мірѣ.

Александръ, желая вывести Наполеона изъ такого затруднительнаго положенія, сказалъ:

— «Государь, вы вездѣ остаетесь побѣдителемъ!»

— «За это я обязанъ моею гвардіи», отвѣчалъ Наполеонъ, дѣлая знакъ благодарности своему гренадеру, и пошелъ далѣе.

Прошло нѣсколько дней послѣ этого смотра; Наполеонъ прогуливался однажды мимо казармъ, въ которыхъ расположена была его гвардія, и думалъ, можетъ быть, о завоеваніи Испаніи, а, можетъ быть, и о старомъ гренадерѣ, который такъ удачно вывелъ его изъ замѣшательства, какъ вдругъ увидѣлъ его въ трехъ шагахъ отъ себя. Онъ сидѣлъ на камнѣ, скрестивши ноги, на которыхъ качалъ малютку одного года, не болѣе. Императоръ остановился передъ солдатомъ. Но старый гренадеръ не вставалъ съ своего мѣста, и когда Наполеонъ поравнялся съ нимъ, гренадеръ сказалъ:

— «Извините, Государь, что я сижу, но еслибы я всталъ, то мой Жако завизжалъ бы какъ немазанная колеса, и вѣроятно это было бы непріятно Вашему Величеству».

— «Хорошо, сказалъ Наполеонъ, тебя зовутъ Жакъ?»

— «Да, Государь, Жакъ, потому то и малютку зовутъ Жако».

— «Это твой сынъ?»

— «Гм! Государь, мать его была жена нашего шинкаря. Славная была женщина! Два мѣсяца тому назадъ какой-то сорванецъ уланъ далъ ей по загрѣлку саблею въ то время, какъ она наливала водку старому мужу, доброму моему товарищу, которому незадолго до того оторвало ногу въ дѣлѣ подъ.... Она умерла, а за два дня до ея смерти и старикъ нашъ умеръ въ лазаретѣ; и вотъ малютка осталась сиротою».

— «И ты принялъ этого ребенка къ себѣ» спросилъ Государь

— «Я и другіе товарищи. Мы нашли его возлѣ трупа матери. Онъ былъ голоденъ и желудокъ его былъ также пустъ какъ сундуки Испанскаго Короля. Больная, говорятъ, просила нашихъ солдатъ побережъ ребенка, если она умретъ, за службу мужу Вашему Величеству. Тогда всѣ мы приняли этого малютку, и такъ какъ я первый увидѣлъ его, то на меня и возложилъ обязанность воспитать его».

Наполеонъ, смотря на гренадера, который продолжалъ давать Жако урокъ верховой ѣзды на своей ногѣ, сказалъ:

— «Я у тебя въ долгу, Жакъ».

— «У меня, Государь? Вы мнѣ дали крестъ за эту царяпну, такъ значитъ, что я вамъ долженъ».

— «Я тебѣ долженъ за твой умный отвѣтъ Императору Александру», возразилъ Наполеонъ.

— «Я ничего дурнаго не сказалъ Его Величеству, развѣ онъ на меня жаловался?»

— «Вѣрно нѣтъ», отвѣчалъ Наполеонъ, «потому что я хочу наградить тебя: скажи, чего ты хочешь?»

— «Говоря откровенно», отвѣчалъ Жакъ, «я не имѣю нужды ни въ чемъ, но если Вашему Величеству угодно оказать мнѣ милость, такъ дайте что нибудь этому малюткѣ: это, можетъ быть, составитъ его счастье».

— «Очень охотно», сказалъ Государь.

Тогда Жакъ всталъ, взявъ дитя на руки и поднесъ его къ Наполеону въ то время, какъ тотъ искалъ въ своихъ карманахъ чего-нибудь, чтобы дать ребенку. Онъ только нашелъ нѣсколько золотыхъ монетъ, которыя тотчасъ же и отдалъ ему; но не этою монетою приобрѣталъ онъ расположеніе своихъ солдатъ. Онъ снова перешарилъ свои карманы и не нашелъ однакожъ ничего кромѣ бумагъ, какъ вдругъ попалась ему въ руки табакерка, лежавшая въ жилетномъ карманѣ. Онъ подалъ ее гренадеру. Жакъ посмотрѣлъ на нее, улыбнулся и сказалъ: — «Зачѣмъ ему табакерка, Государь, онъ не куритъ и не нюхаетъ».

Императоръ хотѣлъ что-то сказать, какъ вдругъ почувствовалъ, что его тянутъ за шляпу, и увидѣлъ, что малютка, сидя на рукахъ гренадера, протянулъ свои рученки къ шляпѣ и игралъ его кокардею.

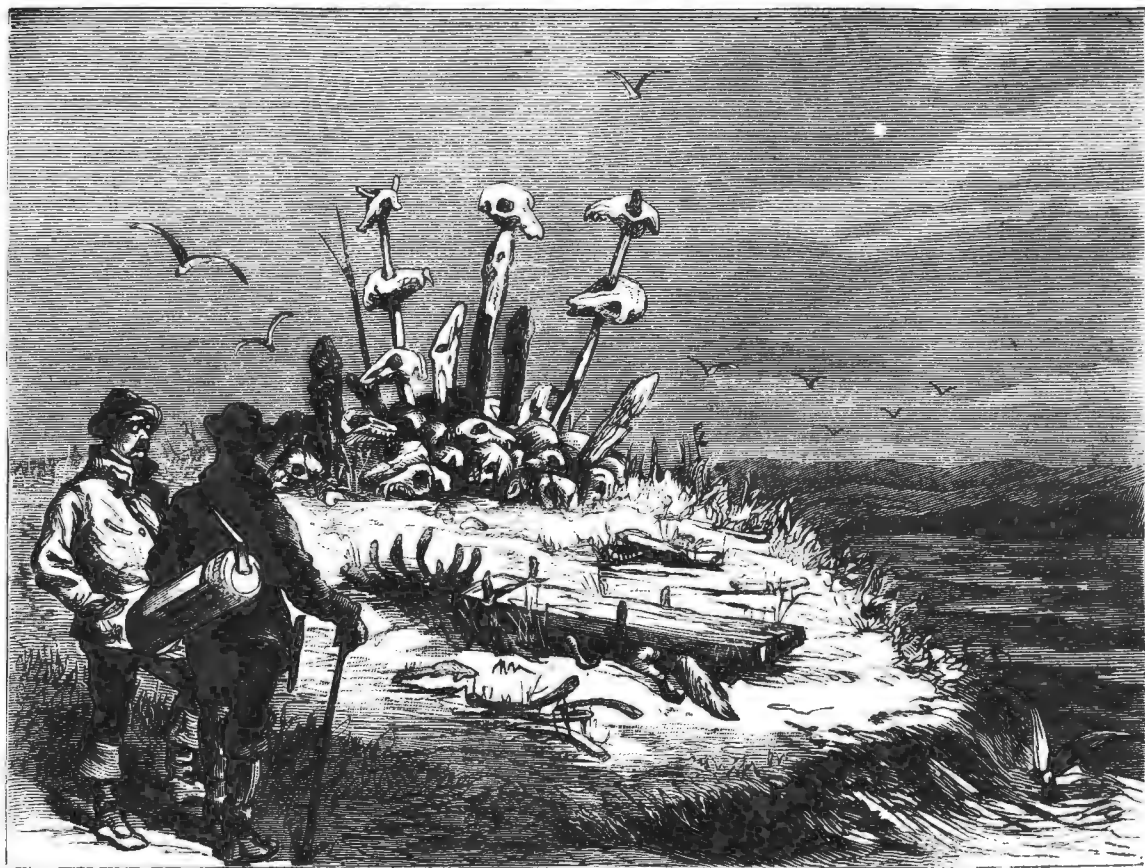
— «Вотъ видите, Государь», сказалъ солдатъ, «малютка-то хитеръ; онъ дѣлаетъ также, какъ Ваше Величество, беретъ то, что ему прилично».

— «Ну, такъ пусть онъ оставитъ ее у себя», сказалъ Императоръ, и сорвалъ кокарду съ шляпы своей, подалъ ее дитяти, которому Жакъ сказалъ, качая его на рукахъ:

— «Ну, покажи-ка Его Величеству, что ты умѣешь говорить».

И дитя смѣясь и хлопая рученками, пробормотало тихонько: Vive l'empereur!

Съ этого дня старый гренадеръ дѣлалъ еще много, много путешествій: онъ былъ въ Мадридѣ, въ Вѣнѣ, въ Москвѣ и наконецъ сопровождалъ Наполеона на островъ Эльбу. Жако ви-

Сѣверная экспедиція Норденшильда. Профессоръ Норденшильдъ и докторъ Лундстремъ передъ самоѣдскимъ, языческимъ алтаремъ, близъ устья рѣки Енисея. По наброску члена экспедиціи доктора Лундстрема, рисов. Бролингъ, грав. Вейерманъ.

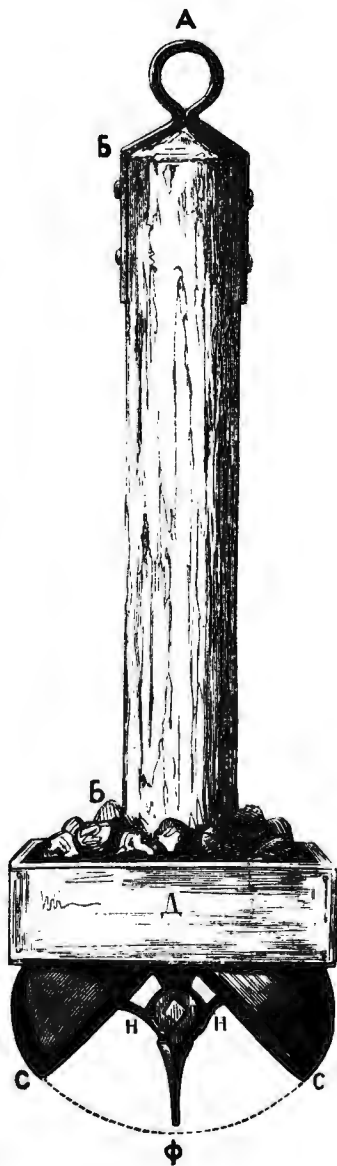
гдѣ не покидалъ своего воспитателя; но путешествуя подлѣ стараго воина, маленькій Жако воображалъ и себя не менѣе военнымъ человѣкомъ, и не рѣдко, прислушиваясь къ разговору солдатъ, грозилъ врагамъ отечества своею маленькою саблею. Да, у него также была сабля, также и онъ носилъ на головѣ тяжелую каску, и у него была флейта, на которой онъ насвистывалъ какъ соловей.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько лѣтъ и Жако было уже лѣтъ шесть. Не нужно говорить, что старшій Жакъ почиталъ и любилъ Наполеона какъ любилъ свою мать и свое отечество; онъ научилъ и Жако любить и почитать его также. Одно только постоянно безпокоило гвенера—это мысль, какимъ образомъ онъ заставитъ малютку носить кокарду. Долго онъ ломалъ надъ этимъ голову, наконецъ придумалъ спрятать ее въ медальонъ.

Однажды послѣ большаго перехода, продолжавшагося почти цѣлые сутки, гренадеры сдѣлали привалъ въ одной деревнѣ. Усталые солдаты, сбросивъ съ себя тяжелые ран; цы и прочую амуницію, скоро заснули богатырскимъ сномъ. Въ избѣ, гдѣ расположился старшій гренадеръ съ нѣсколькими товарищами и малюткою Жако, все спало; не спали только они двое. Гренадеру давно хотѣлось поговорить съ Жако серьезно объ драгоценномъ подаркѣ, сдѣланномъ Императоромъ его воспитатнику, и для этого онъ выбралъ минуту, когда ихъ никто не слышалъ и ничто не мѣшало ему перелить въ сердце ребенка еще нѣсколько капель той безпредѣльной любви и преданности къ монарху, которыми полна была душа посѣдѣвавшего въ бояхъ солдата, и онъ началъ такъ:

— «Послушай, Жако, что я тебѣ буду говорить, да смотри не забудь этого, а то я тебя заставлю ѣсть твою кашницу не подувши на нее. Я старъ и можетъ быть, мнѣ недолго остается жить, но когда я умру, то у тебя останется вещь, съ которою ты не пропадешь; только покажи ее добрымъ людямъ и они тебя не оставятъ».

Тутъ онъ вынулъ изъ своего ранца медальонъ, въ которомъ спрятана была кокарда Наполеона, велѣлъ Жаку стать на колѣна предъ иконою и читать краткую молитву которую Жако повторялъ за нимъ слово въ слово, повѣсивъ ему на шею этотъ медальонъ.

Аппаратъ Ниберга для изслѣдованія морского дна употребленный профессоромъ Норденшильдомъ въ Сѣверной экспедиціи, по наброску члена экспед. Лундстрема, рисов. Бролингъ, грав. Вейерманъ.

— «Носи эту священную вещь всегда съ собою, не снимай ее никогда, и каждый день утромъ и вечеромъ молись надъ нею за своего государя».

Тутъ онъ обнялъ малютку, благословилъ его крестнымъ знаменіемъ и велѣлъ ложиться спать. Сказано и сдѣлано: въ продолженіи 4-хъ лѣтъ утромъ и вечеромъ, Жако становился на колѣна передъ кокардою, молясь за своего отца Жака и за Императора.

Въ это время, въ эти четыре года, Франція много претерпѣла переворотовъ: она была на вершѣ славы и могущества, и потомъ испытала много несчастій. Наконецъ Наполеонъ былъ сосланъ на островъ св. Елены, и гвардія его была распущена. Бѣдный Жакъ вмѣстѣ съ другими былъ отправленъ съ острова обратно съ тремя своими нашивками на рукавѣ, своимъ крестомъ и бѣднымъ своимъ Жако. Людвигу тогда было 10 лѣтъ. Я узналъ его тогда, когда онъ уже началъ понимать свое несчастіе; онъ часто говорилъ мнѣ, что его всего болѣе печалитъ то, что бѣдный отецъ его, который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ дѣлалъ по 15 и 20 верстъ въ день, съ ружьемъ, съ ранцемъ и съ сумкою за спиною, теперь, послѣ нѣсколькихъ часовъ дороги, падаетъ почти замертво отъ усталости. Онъ съ каждымъ днемъ становился слабѣе и слабѣе. Часто они принуждены были почевать въ хлѣбѣ; Жако собиралъ клочки соломы, для того чтобы покрыть ею стараго гренадера. По цѣлымъ ночамъ Жако просиживалъ надъ нимъ и дѣлился съ нимъ кусками хлѣба, собраннаго милостынею отъ содержателей гостиницы. Наконецъ слабость Жака до того увеличилась, что они принуждены были остановиться въ одной ветхой хижинѣ. Несчастный гренадеръ, истомленный болѣзнію и голодомъ, не говорилъ ни слова почти цѣлые сутки. Наконецъ онъ обратилъ умоляющій взоръ къ мальчику и сказалъ:

— «Жако, дай мнѣ немножко водки, или я умру».

Бѣдный Жако, заливаясь слезами, побѣжалъ на дорогу, и съ часъ просилъ у прохожихъ милостыню, но ничего не получилъ. Онъ былъ въ совершенномъ отчаяніи; какъ вдругъ пришла ему мысль, мысль—которую, можетъ быть, внушило ему несчастіе. Онъ сталъ на колѣни, снялъ съ шеи медальонъ и рыдая кричалъ: «Библиотека "Руниверс"»

— «Господи! Господи! дай мнѣ водки для моего несчастнаго отца Жака!» и онъ безпрестанно повторялъ эти слова, задыхаясь отъ слезъ: «Господи! Дай мнѣ водки для отца Жака!»

Въ эту минуту какой-то господинъ подошелъ къ Жако, и началъ спрашивать о причинѣ его слезъ. Малюта рассказалъ ему въ короткихъ словахъ свою исторію и кончилъ такъ:

— «Отецъ Жакъ приказалъ мнѣ никогда не разлучаться съ этою ковардою, онъ мнѣ сказалъ, что она мнѣ будетъ покровлять его благодѣянія со своими товарищами. Сведи меня къ Жаку». И этотъ человѣкъ...

— «Этотъ добродѣтельный человѣкъ», сказалъ молодой морякъ, прерывая рассказъ генерала, «этотъ добродѣтельный человѣкъ взялъ меня къ себѣ, меня, бѣднаго сироту. Онъ велѣлъ перенести Жака въ свой замокъ и возвратилъ его къ жизни. Онъ обезпечилъ его существованіе, и воспиталъ меня, сироту, какъ своего сына, и каждый день осыпалъ меня новыми благодѣяніями!»

Странники (богомольцы). Съ натуры снималъ Мордвиновъ, гравир. Налеръ.

вительствовать, что въ ней заключается все мое благосостояніе и счастье. Я скорѣй позволю отрубить себѣ руку, нежели отдамъ этотъ медальонъ; впрочемъ если вы мнѣ дадите за нее грошъ, такъ возьмите ее; я куплю водки отцу Жаку».

Незнакомецъ былъ тронутъ этими словами и отвѣчалъ ребенку:

— Тотъ, кого ты сейчасъ умолялъ, оставилъ во Франціи еще нѣсколько старыхъ и добрыхъ солдатъ, которые охотно раз-

При послѣднихъ словахъ молодой офицеръ не могъ удержаться отъ слезъ. Генералъ и его супруга держали его за руки; слезы текли по прекрасному лицу его; генералъ въ свою очередь сказалъ:

— «Ты не кончилъ своей исторіи, Людвигъ; ты забылъ сказать, что я обѣщалъ отдать тебѣ коварду въ тотъ день, когда ты надѣнешь эполеты, и вы видите, я сдержалъ слово: коварда на его шляпѣ. Людвигъ былъ при взятіи Алжира, послѣ чего

капитанъ прислалъ ко мнѣ моего мплаго Людвига прапорщи-комъ».

Послѣ этихъ словъ добрый генералъ обнялъ своего приемы-

ша. Всѣ были тронуты, и старый офицеръ, отирая глаза и рас-правляя усы, проговорилъ:

— «Я вамъ сказалъ правду, господа, что вы залыетесь слезами».

СЪВЕРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НОРДЕНШИЛЬДА.

Профессоръ Норденшильдъ и докторъ Лундстремъ передъ самоѣдскимъ языческимъ алтаремъ близъ устья рѣки Енисея.

Во время своихъ странствованій по берегамъ Енисея, Норденшильдъ и его товарищъ по путешествію др. Лундстремъ, наткнувшись на самоѣдскій алтарь, помѣщавшіяся на одной изъ прибрежныхъ возвышенностей. Самоѣдскія божества всѣ грубо вырѣзаны изъ дерева съ насѣчками вмѣсто глазъ и носа и намазаны кровью бѣлыхъ медвѣдей.

На мѣстности вокругъ алтаря лежало около 60 или 80 чере-

повъ сѣверныхъ оленей и бѣлыхъ медвѣдей, что свидѣтельство-вало, что здѣсь были мѣста стоянки самоѣдъ, которые съб-дая животныхъ, приносили въ то же время и жертвы своимъ божествамъ.

Господинъ въ очахъ, изображенный на лѣвой сторонѣ на-шей картинки, самъ профессоръ Норденшильдъ, другой же бо-танникъ др. Лундстремъ. По серединѣ изображенъ лисій капканъ.

АППАРАТЪ НИБЕРГА ДЛЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ МОРСКАГО ДНА.

Аппаратъ Ниберга употреблялся во время путешествій про-фессора Норденшильда и рисункъ его доставленъ намъ од-нимъ изъ членовъ экспедиціи, докторомъ Алекс. Лундстремомъ:

Для большей ясности считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ объ его употребленіи.

Извѣстно какія трудности представляетъ изслѣдованіе мор-ского дна, иногда на глубинѣ нѣсколькихъ тысячъ футовъ и доставаніе оттуда песку, камней, растений, животныхъ и рако-винъ, на основаніи которыхъ можно было бы дѣлать заключе-нія о флорѣ, фаунѣ и геологической формации. Цѣлые де-сятки лѣтъ трудились естественныя испытатели надъ изобрѣтеніемъ какого либо инструмента, удовлетворяющаго всѣмъ этимъ тре-бованіямъ, долгіе годы должны были они довольствоваться шур-фовальными ящиками, могущими дѣйствовать только при дви-женіи корабля и захватывающими землю не на желанномъ мѣстѣ, причѣмъ половина захваченнаго пропадала изъ ящика при вытѣгиваніи его со дна, пока наконецъ былъ изобрѣтенъ велико-лѣпный аппаратъ. При изобрѣтеніи аппарата Ниберга устра-нилась неточность наблюденій, столь вредная при серьезныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ, такъ какъ изысканія могутъ дѣлать-

ся на всякомъ желаемомъ мѣстѣ.

Какъ видятъ читатели на рисункѣ, этотъ простой, но въ то же время очень удобный аппаратъ состоитъ изъ бруса ББ, на верхнемъ концѣ котораго привинчено большое желѣзное кольцо А. Къ кольцу этому привязывается желѣзный канатъ, на ко-торомъ и производится опусканіе. Благодаря тяжести камней, наложенныхъ въ ящикѣ Д, аппаратъ опускается на дно очень скоро, причѣмъ отъ толчка, происходящаго отъ углубленія острия рогагины Ф въ морскую иль—пружины НН спускаются и створ-чатныя полушарія плотно закрываются, захватывая въ себя иль, растенія, животныхъ, камни и раковины. Въ это время ящикъ съ камнями, круглое отверстіе въ серединѣ котораго по діаме-тру больше поперечнаго разрѣза закрытыхъ полушарій упа-даетъ на дно, и аппаратъ совершенно легко подымается на верхъ, божъ всякаго усилія, только благодаря удѣльному вѣсу бруса Б. Во время своихъ изслѣдованій въ Карскомъ морѣ профессоръ Норденшильдъ и его спутники нашли такимъ об-разомъ на морскомъ днѣ новыя виды растеній. До сихъ поръ полагалось, что въ этихъ сѣверныхъ широтахъ на морскомъ днѣ нѣтъ никакой растительности.

СТРАННИКИ-БОГОМОЛЬЦЫ.

Кому не случалось встрѣчать ихъ съ котомкой и посохомъ; идутъ они въ свой далекій и трудный путь. Съ удивленіемъ узнаешь имя его роднаго уѣзда. Онъ не за одну тысячу верстъ отъ цѣли его путешествія. Идутъ они по обѣщанью, по усердію. Идутъ и кормятся тѣмъ, что добрые люди подадутъ. Всѣ охот-но имъ подаютъ: «прими—помолись за меня». Идутъ они къ Соловкамъ, въ Кіевъ, за море въ Іерусалимъ. Другіе такъ всю жизнь странствуютъ...

Вотъ напримѣръ что говорить немощная, сгорбленная стару-ха. Разскажъ ей мы займствуемъ изъ очерковъ *) одного изъ нашихъ талантливыхъ балетристовъ.

— Бродяжка я, голубчикъ, бродяжка съ измальства. По гра-дамъ и всякъ странствую, святое имя Христова прославляю. Отца не помню, а матушка-то далеко отсюда на большой рѣ-кѣ, въ большомъ городѣ—мѣщанкой была. И какой городъ, и какая рѣка—не вѣдаю... Помню избушку, помню она, что калѣба старая, перекосилась сердечная... Еще матушку помню—доб-рая... А потомъ дорога какая-то, старцы убогненькіе. Тамъ опять пути дороженьки. Ну—и перенутала все. Давно это было. Все одна я странствовала. Всю землю крещеную обошла и вездѣ Божіимъ угодицамъ молилась. Въ Ерусалимѣ градъ была, гробу Господню поклонялась. Турку тамъ устрѣла, а турка добрый, головы христіанской не рубить, а самъ еще тебѣ и хлѣбушка подаетъ. Хлѣбъ у нихъ бѣлый и топкій, что лепеш-ка... Еще я тамъ много городовъ видѣла и всѣ на припеѣ, на солнышкѣ... Таково-ли парить—страсть! Море знаю—какъ къ Ерусалимъ-граду ѣхать... Много насъ тамъ было и померло много. Монаховъ-эллинскихъ на горѣ Афонѣ-святой тоже помню. И въ Кіевѣ была... Тамъ въ пещерахъ тысящи праведни-ковъ лежать и всѣ въ вѣнцахъ осіянныхъ, у всѣхъ въ ручень-

кахъ вѣтвь пальмовая... И идешь ты по пещерамъ этимъ и свѣту нѣтъ—а все видно, потому отъ вѣнцовъ сіяніе изливаєт-ся...»

Безвѣстно странствуютъ они, свершая свой подвигъ, безвѣст-но и умираютъ...

«Четыре послушника, говорится тамъ же, выносили изъ клад-бищенской церкви деревянный гробъ, еще не закрытый.

Хоронили богомольца, умершаго на первый день своего при-ѣзда въ монастырь. Онъ лежалъ въ чистомъ бѣлѣ, покрытый саваномъ. Монастырь на свой счетъ одѣлъ его во все новое...

— Кто это?

— Господь его вѣдаетъ... Рабъ Божій Василій.

— И больше о немъ ничего не извѣстно?

— Ничего.

Привезли его на пароходѣ больнаго отъ дурной пищи, холо-да и сырыхъ ночлеговъ во время дороги. Несчастный, прошед-шій цѣлые тысячи верстъ, питаясь подаваніемъ, умеръ у порога тѣхъ святынъ, которымъ думалъ поклониться. Умеръ въ за-бытѣ, не сознавая гдѣ онъ. Говорятъ, бредилъ, звалъ жену, дѣтей, ласкалъ ихъ, говорилъ съ ними...

На монастырскомъ кладбищѣ одной могилы больше; гдѣ ни-будь въ далекой глуши, въ захолустѣ—однимъ кормильцемъ меньше. И долго будетъ ждать осиротѣвшая семья хозяина и часто будетъ выходить на дорогу жена его—не покажется ли милый странникъ въ далекомъ, покрытый ильемъ и грязью.

Изъ могилы поднимутся цвѣтики алые, покосится черный крестъ надъ нею; а родимая семья все не будетъ знать, что сдѣлалось съ ея кормильцемъ. И цѣлыя ночи будутъ плакать дѣти и жена... Какъ горячи ихъ молитвы!-

А надъ нимъ—тяжелая земляная насыпь и эта темная, мозо-листая рука не будетъ ласкать никогда бѣлокурого головенки дѣтей»...

*) Соловн. Нем.-Данч, 1875 г. Сѣб.

СМЪСЪ.

Плащъ пророка. Перваго октября, въ магометанскомъ мѣрѣ начался великій постъ, Рамазанъ, который продолжается обыкновенно цѣлый мѣсяцъ, до 1-го ноября. Во все время этого поста ни одинъ изъ поклонниковъ Магомета не смѣетъ взять въ ротъ ни крошки хлѣба, ни капли какого бы то ни было напитка, въ теченіе цѣлаго дня, съ восхода солнца до заката, а если онъ нарушитъ эту заповѣдь пророка, то теряетъ надежду попасть въ рай послѣ смерти. За то ночью онъ можетъ предаваться всѣмъ наслажденіямъ жизни и не только въ столицахъ магометанскаго міра, Константинополѣ и Каирѣ, но даже въ священныхъ городахъ Меккѣ и Мединѣ; во время этихъ ночей происходятъ самыя дикія, необузданныя оргіи. Въ текущемъ году, 15-го октября, въ день, раздѣляющій постъ Рамазанъ на двѣ половины, въ Константинополѣ праздновалось торжество выставленія на показъ вѣрующимъ настоящаго плаща пророка, плаща, который Магометъ носилъ во время своихъ военныхъ походовъ. Этотъ обычай установился со временъ калифа Сита. Правовѣрнымъ дозволяется подходить къ плащу пророка и цѣловать его край. Въ прежніе годы его выставляли въ одной изъ мечетей, а съ 1849 года онъ показывается въ императорскомъ кіоскѣ Танъ-Кану. Въ текущемъ году самъ султанъ первый прислушался къ цѣлованію реликвіи, вслѣдъ за нимъ подошелъ наследникъ престола Юсуфъ-Иззединъ, потомъ великій визирь. За ними послѣдовали одинъ за другимъ глава магометанской церкви, Шейхъ-Уль-Исламъ, министры, улемы или ученые богословы, коронные богословы и высшіе военные чины. Только послѣ всѣхъ этихъ лицъ вошли въ кіоскъ Танъ-Кану, тоже съ цѣлью поклониться плащу, мать Султана, султанша Валида, съ своимъ дворомъ и рабынями.

Подземный лѣсъ. Подъ русломъ Темзы, недалеко отъ мѣстности, носящей названіе Чиви-Гардоль-Пэйэръ, въ окрестностяхъ Лондона, открытъ недавно подземный лѣсъ. Это интересное открытіе возбуждаетъ всеобщее вниманіе англійскихъ археологовъ. Этотъ историческій лѣсъ состоялъ изъ дуба, ольхи и ивы, которые сохранили до настоящаго времени свои растительныя свойства. По различнымъ признакамъ можно заключить, что этотъ лѣсъ относится ко времени существованія сѣвернаго оленя въ Англии.

Соперница капитана Уэбба. Молодая англичанка, дѣвица Алиса Беккунтъ, поддержала пари, что проплыветъ по Темзѣ пространство въ 6 километровъ. Для мужчины зрѣлыхъ лѣтъ было бы не слишкомъ трудно исполнить, но для нѣжной молодой дѣвушки это казалось задачей не по силамъ. Миссъ Беккунтъ едва минуло 14 лѣтъ и она, съ 4-хъ лѣтняго возраста, училась плавать подъ руководствомъ своего отца, учителя плаванія. Недавно, въ видѣ опыта, она проплыла отъ Беттерси до Уэстминстера и вышла изъ воды, не обнаруживая никакихъ признаковъ утомленія. Отецъ и братъ сопровождали смѣлую плавательницу въ лодкѣ. Лондонскій мостъ, набережныя и многія корабельныя палубы были переполнены зрителями; когда миссъ Беккунтъ бросилась въ воду, раздался громъ рукоплесканій.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, два англичанина держали пари на значительную сумму, кто изъ нихъ приобрететъ ранѣе въ Йокагаму, 25-го сентября, въ 2 часа пополудни. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ отправиться въ Японію черезъ Америку, другой — черезъ Суэзскій каналъ. Тотъ, путь котораго лежалъ черезъ Америку, съѣзъ на пароходѣ, долженствовавшей прибыть, по росписанію, въ Йокагаму къ 25 сентября; но пароходъ опоздалъ въ пути на сутки. Другой англичанинъ совершилъ поѣздку на пароходѣ, потерпѣвшемъ крушеніе 18-го сентября у береговъ Японіи, но пассажиры были спасены и прибыли въ Йокагаму 25-го сентября въ 1½ ч. пополудни. Между ними былъ англичанинъ, выигравшій пари, такъ какъ онъ прибылъ поучасомъ ранѣе опредѣленнаго срока.

Куриный городъ. Въ Колорадо два брата Гоффъ устроили громадный курятникъ, занимающій 4 акра и раздѣленный, какъ городъ, на улицы и переулки. Курамъ съ ихъ семействами отведены особые домики, и замѣчено, что онѣ очень скоро привыкаютъ къ своимъ квартирамъ. Населеніе этого куриного городка достигло почтенной цифры—20,000 обитателей.

Собацій квартетъ. Любители странностей могутъ теперь видѣть въ Парижѣ музыкальный квартетъ изъ собакъ. Одинъ австріецъ, Гансъ Таммеръ, выучилъ четырехъ собакъ пѣть или вѣрнѣе, давать ритурнель одного нѣмецкаго вальса и арію изъ «Риголетто». Каждая собака поетъ по два тона; одна С и G, другая Е и Н, третья D и А, четвертая F и Fis. Четверонгіе пѣвцы даютъ свои концерты въ театрѣ.

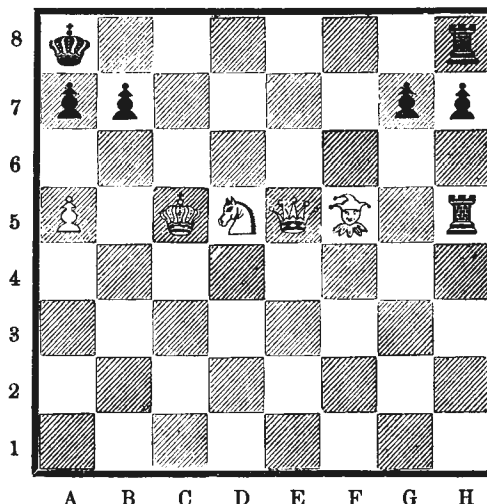
Англійская «Weesky Gazette» сообщаетъ слѣдующій анекдотъ, за достовѣрность котораго ручается: зимой 1818 года вспыхнулъ пожаръ въ одномъ женскомъ монастырѣ, въ Лиможѣ, во Франціи. Огонь распространился такъ быстро, что всѣ боялись за жизнь бывшихъ въ монастырѣ пансіонерокъ. Вдругъ разнесся слухъ, что одна маленькая дѣвочка забыта въ своей комнатѣ. Между тѣмъ какъ трепетавшіе зрители начинали уже молиться за несчастное дитя, сквозь толпу протѣснилась молодая дѣвушка высокаго роста, съ прекрасными волосами, спадавшими въ беспорядкѣ на ея ночное платье, я съ крикомъ: я спасу ее», бросилась къ пылавшему зданію. Крикъ ея былъ услышанъ толпою, не смотря на трескъ горѣвшихъ балокъ, и стѣны рушились въ ту минуту, когда мужественная дѣвушка вбѣгала въ выходную дверь зданія. Черезъ нѣкоторое время молодая дѣвушка появилась снова, перебѣгая черезъ пожарнице и держа на рукахъ испуганное дитя. Нѣсколько дней спустя король Людовикъ-Филиппъ прислалъ героинѣ золотую медаль за ея доблестный подвигъ, а одинъ армейскій капитанъ, бывший свидѣтелемъ мужества молодой дѣвицы, попросилъ позволенія быть ей представленнымъ. Этотъ капитанъ нынѣ президентъ французской республики, а мужественная молодая дѣвица стала герцогиней Макъ-Магонъ.

Внутри вулкана. Въ цѣпи мексиканскихъ Кордильеровъ, одна изъ высшихъ горъ называется Попокатетль и достигаетъ 17,884 англ. фут. У подножія этой горы растутъ сосны; выше идутъ разные кустарники, а на высотѣ 14,000 фут. начинаются вѣчные снѣга. Въ 1827 году англичане Геленни и Тайлоръ первые вззошли на вершину вулкана, а въ текущемъ году полковникъ Грости изъ Вергиніи и Стевенсъ изъ Клевелента спустились въ самый кратеръ. Вотъ что между прочимъ пишетъ Стевенсъ въ одну изъ американскихъ газетъ: «Достигнувъ края кратера, мы могли измѣрять его обширность; въ окрестности онъ имѣетъ англійскую милю а глубина его 4,500 футовъ. Спускаясь по весьма крутой тропинкѣ, мы добрались до небольшой площадки, гдѣ живутъ 40 рабочихъ, добывающихъ сѣру и очень рѣдко выходящихъ изъ кратера. Мы у нихъ переночевали. Тамъ на веревкахъ спускаются къ глубокимъ пластамъ сѣры, видъ этихъ пропастей и красивъ, и страшенъ. Расплавленная сѣра течетъ потоками и клубы дыма поднимаются вверхъ. Мы спустились по веревкѣ, и это путешествіе намъ казалось дантовскимъ сномъ».

ЗАДАЧА

Н. ЕРМИЛОВА

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ 4 хода.

РѢШЕНІЕ.

Задача въ «Нивѣ» № 49.

Бѣлые.

- 1) d5 — e6
- 2) h1 — h8 ×

Черные.

- 1) Ad libitum.
- (какъ угодно).

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Дѣйствія правительства.

Именной высочайшій указъ министру путей сообщеніи.

Разрѣшивъ обществу потя-тифлисской желѣзной дороги сооруженіе кутаисской вѣтви, повелѣваемъ: сдѣлать нужныя распоряженія къ отчужденію изъ частнаго владѣнія земель и другихъ имуществъ, которыя потребуются подъ устройство означенной желѣзнодорожной вѣтви и ея принадлежностей; въ вознагражденіи же владѣльцевъ за отчужденную отъ нихъ собственность поступить на точномъ основаніи существующихъ общихъ для Имперіи узаконеній объ имуществахъ, отходящихъ изъ частнаго владѣнія по распоряженію правительства.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ Ливадіи,
25 октября 1875 г.

— Введеніе судебной реформы въ Привислянскомъ краѣ отсрочено до 1 (13) сентября 1876 года.

Дѣла церкви.

«Русскій Миръ» передаетъ, что въ будущемъ 1876 году, по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, на содержаніе греко-уніатскаго духовенства въ губерніяхъ Привислянскаго края предположено ассигновать къ отпуску всего только 21,393 р. Содержаніе это до настоящаго года, по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія, исчислялось ежегодно по 165,473 руб., но по случаю совершившагося воссоединенія съ православною церковью холмскаго епархіальнаго духовенства и 241 греко-уніатскаго прихода изъ означеннаго кредита, отпускавшагося прежде по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія, перенесено въ нынѣшнемъ году въ смѣту святѣйшаго синода 144,080 руб., а остальные затѣмъ 21,393 р., на основаніи Высочайшаго повелѣнія 19-го іюня 1875 года, съ будущаго года будутъ подлежать исчисленію по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Морское дѣло.

При входѣ въ бременскую гавань, 29-го ноября прошлаго мѣсяца, случилось одно изъ тѣхъ ужасныхъ судовыхъ несчастій, при которыхъ спасеніе людей почти невозможно. Въ то время, какъ пароходъ сѣверо-германскаго общества «Lloyd» — «Мозель» принималъ своихъ пассажировъ, на другомъ пароходѣ «Симсонъ», стоящемъ нѣсколько впереди «Мозеля», разорвало большой паровой котелъ, причѣмъ убито до 50 человекъ пассажировъ обоихъ пароходовъ и множество ранено; причину этого несчастнаго случая приписываютъ несправности предохранительныхъ клапановъ въ котлахъ парохода «Симсонъ».

— Бывшій главный корабельный инженеръ Англіи, извѣстный г. Э. Ридъ, представитель отъ Лемброма, говорилъ недавно своимъ избирателямъ рѣчь, въ которой касался преимущественно флота; такъ, говоря о кораблѣхъ, построенныхъ по образцу броненосца «Inflexible», онъ, между прочимъ, замѣтилъ, что два подобныхъ судна значительной величины, строящихся въ настоящее время за границею (гдѣ именно — не сказано), обладаютъ такими свойствами, что въ первомъ же сраженіи, по всей вѣроятности, опрокинутся. Англійскіе же корабли этого рода не обладаютъ подобными недостатками.

— Устроенная недавно въ Италіи аукціонная продажа военныхъ кораблей въ первый разъ дала весьма неудовлетворительные результаты, такъ какъ изъ большаго числа продаваемыхъ судовъ покупателями были торгованы самыя незначительныя изъ нихъ, а именно: канонерская лодка «Монтебелло» и небольшой пароходъ «Рома». Правительство Италіи, приписывая первую неудачу аукціонной продажи тому, что большая часть капиталистовъ не знала объ этой продажѣ, — назначило въ непродолжительномъ времени вторую аукціонную продажу военныхъ судовъ.

Разныя извѣстія.

Изъ напечатанной въ «Привит. Вѣстникѣ» вѣдомости о пожарахъ въ теченіи ноября мѣсяца этого года видно, что всего пожаровъ было 2,046, причинившихъ убытка на 2,402,630 р. Въ томъ числѣ отъ поджога произошло 329 пожаровъ, отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ 517, отъ молніи 6 и по неизвѣстнымъ причинамъ 1,194. Особенно пострадали губерніи: Московская (убытка 284,807 р.), Саратовская (148,810 р.), Гродненская (139,808 рублей), Ярославская (124,665 р.), Волынская (78,089 р.), Кѣлецкая (70,117 р.), Калужская (66,952 р.), Владимирская (62,103 р.) и Курская (61,175 р.).

— Въ газету «Сибирь» пишутъ изъ Омска: «Наши мечты объ окружномъ судѣ въ Омскѣ, повидимому, близки къ осуществленію. Надняхъ въ комисіи по устройству степей получено извѣщеніе изъ министерства юстиціи, что проектъ устройства окружнаго суда для степей министерствомъ одобренъ и уже переданъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Расходъ на содержаніе суда исчисленъ приблизительно въ 200 тысячъ рублей ежегодно.

— Въ началѣ декабря въ засѣданіи уголовнаго кассационнаго департамента правительства сената, объявлена резолюція по дѣлу г. Ватсона и Суворина съ г. Голубевымъ. Правительствующій сенатъ опредѣлялъ: за неправильнымъ примѣненіемъ 1535 статьи улож. о наказ., приговоръ судебной палаты отменить и дѣло передать въ другой департаментъ той же палаты для новаго разсмотрѣнія.

С.-Петербургская биржа.

— Выигрышные займы подъ вліяніемъ спроса окрѣпли и заключались на 233 р.—1 и 223½ р.—2 заемъ, остальные фонды также пользовались сдѣлками, но оставались въ прежнихъ цѣнахъ. Рента утвердилась на 104¼ рубля.

Изъ ипотечныхъ бумагъ окрѣпли: заемъ г. СПб.—98¾ р., закладн. листы земельн. банковъ: харьковскіе—94, 94¾ и 95 р.; саратовско-самбирскіе—93¼ и 92¼ р. Остальные попржему.

На банковыя акціи явился порядочный спросъ: изъ нихъ были сдѣланы: Спб. учетный по 330 р. Международн. по 128 р.

По желѣзнодорожнымъ акціямъ покупателей много. Въ особенности спрашивались: акціи главнаго общества, сдѣланы по 161½, 172½ и 162 р. Рыбинско-бологовскія — по 83½, 84 и 83¾ р. Кинешма-ивановскія по 48 и 48½ р. Грязе-царицынскія по 59¾ р.

Акціи вѣнскаго пивовареннаго завода покупали по 106 р.

Некрологъ.

Въ понедѣльникъ, 8-го декабря, скончался въ Москвѣ Михаилъ Петровичъ Погодинъ. Пресѣкло съвѣше пятидесятилѣтнее неу-

станное трудолюбіе, посвященное изслѣдованію русской исторіи и русской жизни. Его семь томовъ изслѣдованій останутся навсегда замѣчательнымъ памятникомъ его серьезныхъ трудовъ по научной разработкѣ источниковъ русской исторіи. Его служеніе идеѣ сближенія славянъ дѣлало его самымъ виднымъ въ Россіи представителемъ этого вопроса. Многія изъ его политическихъ статей и брошюръ имѣли большую популярность.

Приговоръ по дѣлу Овсянникова.

Въ засѣданіи (вечернемъ) 6-го декабря, по окончаніи преній, председателемъ въ 9 часовъ 30 минутъ былъ вѣрными присяжнымъ засѣдателямъ вопросный листъ.

Ровно въ 12 часовъ ночи судъ вынесъ резолюцію, сущность которой состоитъ въ слѣдующемъ:

1875 года, декабря 6 дня, по указу Его Императорскаго Величества, с.-петербургскій окружный судъ, по 2 отдѣленію, выслушавъ дѣло о коммерціи совѣтникъ Степанъ Тарасовъ Овсянниковъ, ржевскомъ 2-й гильдіи купецъ Андрѣе Петровъ Левтѣевъ и ржевскомъ мѣщанинъ Дмитрій Артемьевъ Рудометовъ, признанныхъ рѣшеніемъ г. присяжныхъ засѣдателей виновными въ поджогѣ, по предварительному соглашенію, мельницы, принадлежащей коммерціи совѣтнику Кокореву, въ то время, когда въ ней жили служащіе на мельницѣ, и въ магазинномъ отдѣленіи находились жизненные припасы, а въ отношеніи Левтѣева и Рудометова, признанныхъ заслуживающими снисхожденія, на основаніи 1606 и 2 пун. 1607 ст. улож. о наказ., постановилъ: подсудимаго ком. сов. Овсянникова, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, какъ имѣющаго болѣе 70 лѣтъ, на основаніи 74 ст. улож., сослать въ отдаленныя мѣста Сибири; подсудимаго ржевскаго 2-й гильдіи купца Левтѣева, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы въ ерѣвостяхъ на 9 лѣтъ; подсудимаго ржевскаго мѣщанина Рудометова, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы на 8 лѣтъ. Въ отношеніи подсудимаго Овсянникова приговоръ представить чрезъ министра юстиціи, на основаніи 945 ст. уст. угол. судопр., на Высочайшее Государя Императора усмотрѣніе. Признать «Варшавское страховое общество» и страховое общество «Якорь» необязанными уплачивать страховую премію за сгорѣвшую мельницу; признавъ искъ гражданскаго истца Кокорева подлежащимъ удовлетворенію, взыскать съ Овсянникова 700,000 руб. Затѣмъ судъ постановилъ, въ виду состоявшагося приговора по отношенію Овсянникова, измѣнить мѣру пресѣченія уклоняться отъ суда, подвергнувъ его предварительному тюремному заключенію. Приговоръ въ окончательной формѣ будетъ объявленъ 20-го декабря 1875 г. Въ 1 часовъ 20 минутъ засѣданіе было закрыто и Овсянниковъ былъ арестованъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Попъ Богданъ Зимоновичъ (съ портретомъ).— Кто выиграетъ?.. (Изъ современной уголовной хроникѣ). Романъ Ф. Фридриха (продолженіе).— Въ осадномъ положеніи (съ рисункомъ).— Помощница за туалетомъ (съ рисункомъ).— Коварда Наполеона.— Северная экспедиція профессора Норденшильда: профессоръ Норденшильдъ и докторъ Лундстремъ передъ самоѣскими языческими алтаремъ близъ устья рѣки Енисея (съ рисункомъ).— Аппаратъ Наберга (съ рисункомъ).— Странники-богомольцы (съ рисункомъ).— Сибѣсъ.— Шахматы.— Приложение объявленій.

Редакторъ Ф. Бергъ (Боевъ).

При этомъ номерѣ прилагается листъ объявленій на стр. 819 и 820.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Б
У
М
А
Г
А
Т
А

ВЪ МАГАЗИНѢ БУМАГЪ КОНСТАНТИНА ЧЕРНОХВОСТОВА.

Въ Гостин. дворѣ, по Зеркальн. лин. № 35, въ СПБ.
ПОЛУЧЕНЫ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ

ВОНБОНЬЕРКИ.

Въ самомъ разнообразномъ выборѣ и хлопунки съ сюрпризами и полными костюмами отъ 5 к. с.
Блкі отъ 20 к., свѣчи парафиновыя 20 к. пачка, металлъ магніи, бонгалскія огни всѣхъ цвѣтовъ, зажигательныя нитки, блестящія украшенія для елокъ.

Цвѣты фарфоровыя въ натуральномъ видѣ.
Фигуры и каррикатуры изъ гипса и битона.
Абожуръ всѣхъ величинъ и фасоновъ.
Писчая и почтовая бумага какъ французск., такъ и здѣшн. лучш. фабр. а также и всѣ проч. сорта бумаги, канцелярскія, чертежныя и классныя матеріалы, поставна бумага по контрастамъ съ залогомъ принимается съ уступкой.

Вещи для письменнаго стола, бювары, портфели, чернильницы на мраморѣ, бронзѣ и чугунѣ, вѣсныя чернил. отъ 40 к. штука, карандаши копироваельныя и для мѣткі бѣлыя, ручки съ чернилами.

Предметы для учащихъ: глобусъ, готовальни, пинали, тетради графичныя въ сѣтку отъ 4 коп. сѣр., ращцы, стужки и проч. предметы, вещи изъ пльш-манш съ живописью изъ русскаго быта, портлюны и прочіе предметы.

Альбомы отъ 60 к., большой выборъ вещей для подарковъ изъ никола, бронзы, чугуна и хрусталя. Выиска гнутаая мебель братьевъ Тонетъ, всѣ сорта обыкновенной и дѣтской.

3—1

НОВЫЙ СПОСОБЪ РИСОВАНІЯ

Этимъ способомъ каждый можетъ съ чрезвычайною точностію копировать всевозможныя рисунки фотографическія карты и пр. безъ предварительной подготовки съ приложеніемъ „Новый способъ умноженія посредствомъ сложенія“ Цѣна 1 руб. Иногородные благоволять обратится въ контору объявленій Невскій пр. № 4 и прилагать за три фунта вѣса.

ЗОДЧІЙ,

АРХИТЕКТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ,
ИЗДАВАЕМЫЙ

С.-Петербургскимъ Обществомъ Архитекторовъ.

1876 году.

Цѣна за годъ, въ С.-Петербургѣ безъ доставки 13 руб.
Съ доставкою 14 руб. Съ пересылкою во всѣ города Россіи 15 руб.

Журналъ выходитъ въ количествѣ 12 выпусковъ въ годъ; каждый выпускъ, въ форматѣ большой четвертки, заключаетъ въ себѣ 5 листовъ чертежей и не менѣе 1-го печатнаго листа текста, кромѣ того, политиважи и приложенія по мѣрѣ надобности.

ПРОГРАММА.

- 1) *Отдѣлъ сельскохозяйственный* посвященъ сельской архитектурѣ.
- 2) *Историческій отдѣлъ.*—ислѣдованіе отечественныхъ древнихъ памятниковъ.
- 3) *Отдѣлъ русскаго стиля.*—Старинныя и новейшія постройки, а также утварь, мебель и проч.
- 4) *Отдѣлъ современныхъ зданій.*—Постройки отечественныя и другія странъ.
- 5) *Отдѣлъ техническій.*—Разработка вопросовъ по строительной техники и по конструкціи замѣчательныхъ сооружений, расчеты устойчивости.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, при магазинѣ А. Бегрова, Невскій проспектъ, домъ № 4.

Тамъ-же можно получать оставшіеся экземпляры изданій 1872, 1873 и 1874 гг. по 10 руб. за годъ и 1875 г. 15 р за пересылку 1 руб. 50 коп.

Для гг. служащихъ въ подлинной платѣ допускается разсрочка по третямъ, черезъ пхъ казначеевъ; для прочихъ лицъ—по соглашенію съ редакціей.

Съ января 1876 г. предполагается издавать ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ прибавленіе къ журналу подъ названіемъ „Листокъ Журнала Зодчій“, въ которомъ будутъ помѣщаться:

- 1) Извѣстія о подрядахъ и обо всѣхъ предлагаемыхъ и утвержденныхъ постройкахъ и перестройкахъ зданій въ С.-Петербургѣ.
- 2) Вызовы на производство строительныхъ работъ и техническихъ приспособленій.
- 3) Справочныя цѣны на строительныя работы и матеріалъ.
- 4) Объясненія заводчиковъ, фабрикантовъ, подрядчиковъ, мастеровъ снѣжъ и пр.

Вслучаѣ разрѣшенія подиска на Листокъ журнала «Зодчій» будетъ приниматься и отдѣльно подиска на журналъ.

Отвѣтственный редакторъ инженеръ Архитекторъ.

И. Мерцъ.

НЕ НАДО ПОРОШКА и СОСТАВА.

Паровой ручной аппаратъ.

Для истребленія клоповъ, таракановъ и проч. насѣкомыхъ, которыя водятся въ щеляхъ, стѣнахъ подъ обоями, кроватяхъ, матрацахъ, и проч. Аппаратъ этотъ, при своемъ полезномъ назначеніи, имѣетъ ещеиже пріятною, можетъ такъ-же съ успѣхомъ служить для куренія въ вонючатъ, и очищать воздухъ въ различныхъ помѣщеніяхъ. При аппаратѣ прилагается наставленіе; для торговцевъ дѣлается уступка. Магазинъ А. Штейнберга. Невскій просп. д. Казанскаго Собора № 25.

А
Т
А
М
У
В

Изданія Г. ГЕССЕЛЯ въ Лейпцигѣ:

РУЧНОЙ СЛОВАРЬ Русско-Нѣмецкій и Нѣмецко-Русскій. HANDWÖRTERBUCH der russischen u. deutschen Sprache. Zum Hand- u. Schulgebrauch nach den neuesten und besten Quellen bearbeitet von Fr. Boock, Ad. Frei u. Fr. Messer.

I. Deutsch-Russisches Wörterbuch 2 Rub. 50 kop.
въ переплетѣ 3 » 25 »

II. Russisch-Deutsches Wörterbuch 4 » — »
въ переплетѣ 4 » — »

Нѣмецко-Русскій и Русско-Нѣмецкій КАРМАННЫЙ СЛОВАРЬ. Deutsch-Russisches und Russisch-Deutsches Taschenwörterbuch von Ad. Frei.

I. Deutsch-Russ. Taschenwörterb. — Rub. 90 kop.
въ переплетѣ 1 » 40 »

II. Russ.-Deut. Taschenwörterb. 1 » 10 »
въ переплетѣ 1 » 60 »

УЧЕБНЫЙ СЛОВАРЬ Русско-Нѣмецкій и Нѣмецко-Русскій. Schulwörterbuch der russischen und deutschen Sprache von Ad. Frei 3 » 25 »
въ переплетѣ 3 » 25 »

Эти изданія можно выписывать черезъ книжный магазинъ:
Г. Риккера въ С.-Петербургѣ, по Новскому проспекту № 16.
Г. Гессель, въ С.-Петербургѣ, по Невскому проспекту № 13.
Колесова и Михина, въ С.-Петербургѣ, № 13. въ Гостинномъ Дворѣ.
М. О. Вольфа въ С.-Петербургѣ въ Гост. Двор.

4—1

ПОДПИСКА

НА „ДОНСКУЮ ГАЗЕТУ“

въ 1876 году.

„Донская Газета“ въ 1876 году будетъ издаваться по прежней программѣ и выходить 2 раза въ недѣлю, въ размѣрѣ печатнаго листа. Годовая цѣна изданія остается прежняя (8 руб. съ пересылкою и доставкою), а полугодовая—4 руб. 50 коп. Для училищъ и гимназій Области войска Донскаго, выписывающихъ каждое не болѣе одного экземпляра, цѣна изданія: годовая—6 руб. и полугодовая—3 руб. 50 коп. Мѣсячные подписчики платятъ 1 руб.—Въ 1876 году „Донской Газетѣ“ будутъ помѣщаемы телеграммы Русскаго Географическаго Агентства о важнѣйшихъ явленіяхъ нашей и иностранной политики.

Подписка принимается въ г. Новочеркасѣ, по Платовскому проспекту, домъ Карасева (бывшій Ильина).

3—1

СЪ ЯНВАРЯ 1876 ГОДА

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ

безъ предварительной цензуры

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

„МОЛВА“

На ряду съ общественными и политическими вопросами, нашей внутренней жизни, такъ и жизни иностранныхъ государствъ, въ газетѣ предполагается дать мѣсто:

Статьямъ научнаго содержанія, въ общедоступномъ изложеніи, по различнымъ вопросамъ знаній, а также литературнымъ произведеніямъ нашей отечественной и иностранной беллетристики.

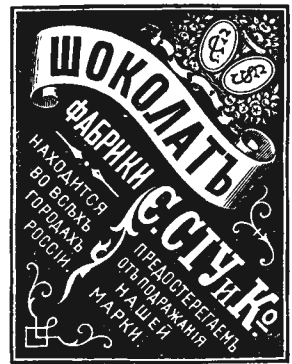
Библиографическимъ и критическимъ замѣткамъ, статьямъ юридическаго содержанія и фельетону.

Подписная цѣна: на годъ безъ пересылки и доставки 6 руб., на полгода 3 руб. 50 коп.; съ пересылкою и доставкою на годъ 7 руб., на полгода 4 руб.

Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургѣ въ редакцію газеты „МОЛВА“, Эртелевъ переулокъ, д. № 5 кв. № 4.

Редакторъ князь В. Оболенскій.
Издатель А. Жемчужниковъ.

3—2

45—20

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ

ЕДВАРДЪ СЪ

КОЛЬДКРЕМЪ.

По Екатеринскому каналу у Казанскаго моста, домъ Устинова № 12. 4—3

VORTHEILHAFT!!

Ein solides Haus (Galanteriebranche) sucht in allen Städten thätige Verkäufer gegen hohe Provision. Franco Offerten in deutscher Sprache mit C. R. an die Redaction dieses Blattes.

2 руб., 12 каб. портретовъ—уголь Малой Садовой и Невскаго, д. Менгдена. 50—24

ПОДПИСКА НА 1876 ГОДЪ
ЖЕНСКІЙ РУКОДѢЛЬНО - МОДНЫЙ, ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
„АВРОРА“.

Съ 1-го января 1876 года, будетъ выходить въ томъ же объемѣ и по той-же программѣ какъ въ настоящемъ году, 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, тетрадами большого формата.

Въ теченіи года подписчики получатъ:

- 40 большихъ печатныхъ листовъ текста,
- до 1500 оттиснутыхъ въ Парижѣ политическаго рисунковъ,
- до 200 литограф. выкроекъ на 12 большихъ листахъ,
- 24 раскрашенныхъ модныя, большія картинки (Парижской работы),
- 24 вырѣзные выкройки, натур. величину,

- 6 раскрашенныхъ узоровъ для вышивокъ въ русскомъ стилѣ,
- 6 раскрашенныхъ канвовыхъ узоровъ,
- до 30 листовъ съ рисунк. для дѣтскихъ работъ и игръ,
- съ объяснительнымъ текстомъ; множество узоровъ для бѣлыхъ работъ самыхъ новыхъ образцовъ.

Согласно желанію, заявленному многими изъ нашихъ подписчиковъ, съ 1-го же номера будетъ помещено **ШКОЛА КРОЙКИ ПО МѢРКѢ дамскихъ нарядовъ, мужского и дѣтскаго бѣлья, съ пояснительными рисунками на отдѣльныхъ листахъ.**

СЮРПРИЗЪ: Къ № 1-му будетъ приложенъ Календарь на 1876 годъ. Къ № 6-му—салонная пьеса для фортепiano.

ПРЕМІЯ 1876 года состоитъ изъ ШЕСТИ РАБОТЪ:

1. Сонетка 2¼ арш. длины, 5 верш. шир. (Матерьялы: цвѣтная канва и 43 тѣни шерсти).
2. Подушка большая. (Матерьялы: канва бѣлая, 24 тѣни шерсти и фонъ).
3. Кашъ-летръ, величина почтового листа. (Матерьялы: цвѣтная канва и 37 тѣней шерсти).
4. Портъ-сигаръ. (Матерьялы: бумажная канва и 29 тѣней шелку).
5. Кружево (миньярдизъ) для бѣлья. (Матерьялы: 5 арш. тесьмы миньярдизъ и 100 арш. бумаги).
6. Шарфъ кисейный на шею, вышиныка гладью. (Матерьялы: кисея и бумага). Къ канвовымъ и шелковымъ работамъ всѣ узоры цвѣтныя большого формата.

Успѣхъ журнала «АВРОРА» въ первый годъ существованія и

опредѣлявшаяся цифра подписчиковъ настоящаго года, дала Редакціи возможность въ этомъ году приступить къ заготовкѣ премій для 1876 года. Вслѣдствіе этого, всѣмъ иногороднымъ подписчикамъ, высланнымъ подписныя деньги до 1-го января—премія будетъ выслана въ январѣ, высланнымъ до 1-го февралѣ—въ февралѣ и т. д. Городецкимъ подписчикамъ внесшимъ деньги до 1-го января, премія будетъ выдана вмѣстѣ съ № 1 журнала; подписавшимся послѣ 1-го января—съ № 4.

Съ 1-го января 1876 года ежемѣсячно подписчики получатъ литературное приложение (переводы романы и повѣсти), въ размѣрѣ печатнаго листа, равняющагося 32 страницамъ обыкновеннаго книжнаго формата.

«АВРОРА» САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ ЖУРНАЛЪ!
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ премій: { На годъ 6 руб. (безъ пересылки и дост. 5 руб.) } Съ преміей— 6 руб. дороже.
 { На ½ года 4 руб. } { 3 руб. }

Цѣна премій отдѣльно отъ журнала съ 4-мя раскрашенными и 2 черными узорами—8 руб.

Желаніемъ удостовѣриться въ полнотѣ, красотѣ и изяществѣ премій, могутъ видѣть ее въ Редакціи готовою.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Конторѣ Редакціи—въ С.-Петербургѣ, Вол. Царскосельскій просп. д. № 26, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Гг. иногородные благоволятъ свои требованія и деньги адресовать **исключительно** въ Контору Редакціи.—Для служащихъ донускается разсрочка за поручительствомъ гг. казначеевъ

Редакторъ **Б. Заика.**—Издательница С. Лепковская.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
„РУССКОЕ БОГАТСТВО“
ЖУРНАЛЪ ТОРГОВЛИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ЗЕМЛЕДѢЛІЯ И ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.

Программа слѣдующая: 1. Источники народнаго богатства: руководство статьи, какъ и изъ чего извлекать наибольшій доходъ. 2. Торговый отдѣлъ, гдѣ что можно выгодно купить и продать; вывозъ къ торговлѣ, подпадаемъ, аукционамъ и конкурсамъ; адреса лучшихъ фабрикъ и оптовыхъ складовъ съ указаніемъ цѣны товара; ярмарки, биржи и проч. и проч. 3. Технической отдѣлъ. Статьи и цѣны руководствъ по всѣмъ ремесламъ и фабричнымъ производствамъ. 4. Земледѣліе, сельское хозяйство со всѣми его отраслями, какъ-то: скотоводство, птицеводство, садоводство, огородничество, сельская архитектура, механика и проч. 5. Практическаго распоряженія и постановленія, относящагося преимущественно къ промышленности и сельскому хозяйству. 6. Народная медицина и ветеринарія. 7. Научныя обозрѣнія (хроника всѣхъ открытій и усовершенствованій). 8. Библиографія и критическая оцѣнка книгъ и периодическихъ изданій. 9. Статьи по естествознанію изъ зоологіи, ботаники, астрономіи, химіи и физики въ общедоступномъ, популярномъ изложеніи. 10. Путешествія и небольшие рассказы изъ жизни промышленниковъ, охотниковъ и торговцевъ Людей.

«Русское Богатство» будетъ выходить 1-го 10 и 20-го числа каждаго мѣсяца, тетрадами большого формата.

Въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ «Русскаго Богатства» будутъ слѣдующія лица: **Инженеръ-Технологъ:** М. Н. Мѣшчанинъ, С. И. Плотниковъ, А. Н. Десатовъ и М. П. Ларионовъ; **инженеръ-механикъ:** Н. В. Калачевъ, И. П. Ивановъ; **инженеръ-архитекторъ:** А. Ф. Сивичъ и Ф. К. Вауеръ; **профессора:** гг. Никитинъ, Васильевъ и Радольскій; **агрономы:** Ф. П. Веклешевъ, Л. П. Глѣбовъ, С. И. Остапавъ, магистръ-технологія В. Хлюдинскій и приватъ-доцентъ Московскаго университета баронъ фонъ деръ Врюнгенъ; **доктора-медицины:** А. Н. Корончевскій, Н. В. Колмскій и многіе другіе.

Всѣмъ же сочувствующимъ дѣлу изданія «Русскаго Богатства», мы покорнѣе просимъ присылать въ редакцію всевозможныя торговныя и промышленныя новѣстія, а также и статьи по всѣмъ отдѣламъ журнала, за которыя, равно какъ и за торговныя новѣстія, будетъ уплачиваться по 5 коп. сер. за каждую напечатанную строку, а по договору съ авторами статей, отъ 50 до 150 р. сер. за печатный листъ въ 8 страницъ.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ

1) Четыре приложения «Парижскихъ Модъ», съ модными картинками, выкройками и канвовыми узорами. Приложенія эти разошлются въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ и такимъ образомъ изымать гг. подписчиковъ отъ затратъ на вышесу модныхъ журналовъ.

2) 12 полныхъ, кабинетныхъ портретовъ современ. русскихъ литераторовъ, гравированныхъ на стѣлахъ въ Лондонѣ нив. худож. Девинъ № 1 «Русскаго Богатства» разошлетъ 10 Декабря.

ЦѢНА годовому изданію «Русскаго Богатства» со всѣми приложениями (всего 40 тетрадей въ годъ, болѣе 2,000 столбцовъ текста и 300 рисунковъ машинъ и ремесленнаго сельскихъ построекъ, портретовъ русскихъ литераторовъ, художниковъ и снимковъ съ ихъ картинъ), съ пересылкой во всѣ города имперіи нить рублей, безъ доставки четыре рубля.

Подписывающимся на журналъ «Русское Богатство», предлагаются по уменьшенной цѣнѣ слѣдующія изданія: 1. Справочная книга для сельскихъ хозяевъ и ремесленниковъ въ 2-хъ частяхъ съ 30 рисунками (вмѣсто 1 руб.) за 50 копѣекъ. 2. Винодѣліе, приготовленіе всевозможныхъ винъ изъ русскихъ виноградъ въ 2-хъ частяхъ (вмѣсто 1 р. 50 к.) за 50 копѣекъ. 3. Ремесленная Газета за 1874 годъ, полное обзорное изданіе (вмѣсто 3 руб.) за 1 руб. 4. Листовъ Сельскаго Хозяйства и Естествознанія 1874 года (вмѣсто 3 руб.) за 1 руб. 5. Листовъ Сельскаго Хозяйства и Естествознанія за 1875 годъ (вмѣсто 3 руб.) за 2 руб.

Требованія адресовать: въ **Москву Редактору-Издателю «Русскаго Богатства» Н. Ф. Сивичу** (у Спаскихъ казармъ, Спаская улица, домъ Виноградскій).

„РУССКІЙ МІРЪ“
 ВЪ 1876 ГОДУ
 съ пересылкой и доставкой
За годъ . 10 р.
> полгода 5 >
 Меньше полугода за каждый мѣсяць 1 р.
 3—1

26—3

БАНКИРСКІЯ КОНТОРЫ
Д. Н. БОГДАНОВИЧА,
 № 46. Невск. просп. напротивъ Гостицн. | В. О., ул. 1-й и Средн. пр. № 144б.
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

ПОКУПАЮТЪ и ПРОДАЮТЪ: фонды, облигаціи, серебро, золото.
 ПРОДАЮТЪ 5% выигрышныя билеты I и II займа съ разсрочкою платежей. Съ иолученіемъ задатка выигрышъ принадлежитъ покупателю.
 ВЫДАЮТЪ подъ нихъ ССУДЫ и такъ же подъ другіе % бумаги.
 ПРИНИМАЮТЪ деньги до востребованія изъ 7% годовыхъ; на сроки отъ 7½ д. 8½% годовыхъ; на долгіе сроки по обоюдному соглашенію.
 СТРАХУЮТЪ билеты по 50 к. с., для гг. иногородныхъ по 60 к. с., и совершаютъ всякаго рода банкирскія операціи, программу которыхъ выдаютъ и высылаютъ безплатно.
 Всякія извѣщенія по операціямъ конторы публикуются въ столичныхъ периодическихъ изданіяхъ.
 На отвѣтъ слѣдуетъ предлагать 16 к. маркам.

НИВА

№ 52

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1875

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 3—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ
Выданъ 28 Декабря 1875 г. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ и ЛИСТЪ ЧЕРТЕЖЕЙ ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на журналъ „НИВА“ на 1876 годъ.

Въ виду приближенія времени подписки на 1876 г., мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ воспользоваться возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ номеровъ.

Приготовленіе около 14.000 печатныхъ адресовъ для гг. иногородныхъ подписчиковъ требуетъ весьма большой работы и времени такъ что намъ гораздо легче если подписки теперь уже благоволятъ выслать свои требованія ибо въ концѣ Декабря когда всѣ требованія поступаютъ вдругъ, большое количество адресовъ трудно съ разу приготовить. При возобновленіи подписки просимъ покорно высылать печатные редакціонные адреса отъ бандеролей, въ которыхъ подписчики получаютъ „НИВУ“ въ нынѣшнемъ 1875 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1876 ГОДЪ.

I. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	4 р.	III. БЕЗЪ ДОСТАВКИ ВЪ МОСКВѢ: черезъ книжный магазинъ
И. Гр. Соловьева, А. Ланя и А. Живарова	4 р. 50 к.
II. СЪ ДОСТАВКОЮ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ	5 р.	IV. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ МОСКВУ и во всѣ другіе города и
мѣстечка Имперіи	5 р. 50 к.)

*) ПОЧТОВЫХЪ МАРОКЪ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ, а просимъ высылать этотъ полтинникъ серебромъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9.

ПОДПИСКА на 1875 г. продолжается на тѣхъ же самыхъ условіяхъ. Издатель „НИВЫ“ А. Ф. МАРКСЪ.

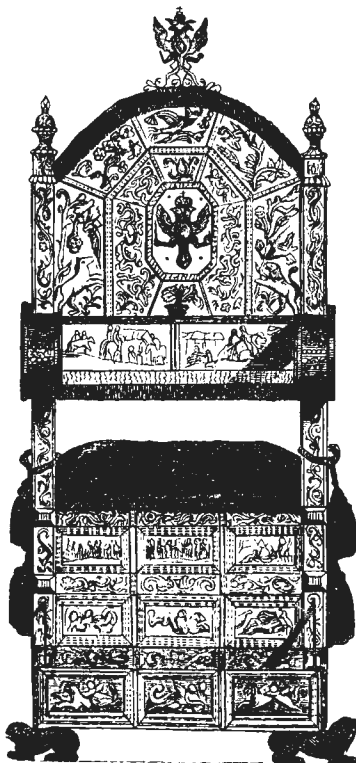
СЕРЕБРЯННЫЙ ТРОНЪ ЦАРЕЙ ПЕТРА I и ИВАНА V.

Двоецарствіе, устроенное царевною Софіей при помощи стрѣльцовъ, создало потребность въ двойственномъ престолѣ для братьевъ Царей, и устройство его заняло мѣсяць времени, чѣмъ и объясняется отложеніе коронаціи двоецарственниковъ до конца іюня 1682 года.

Серебряный тронъ невольно приводитъ на память бурное время, приготовившее невданное въ Россіи зрѣлище — разомъ двухъ головъ единого пераздѣльнаго царства.

Послушаемъ же очевидца — Ивана Афанасьевича Желябужскаго, начинающаго свой разсказъ со смерти Царя Феодора Алексѣевича.

«Въ 7190 году (т. е. по нашему теперешнему счету отъ Рождества Христова, а не отъ сотворенія міра, какъ тогда, — 1682-мъ) учинилась на Москвѣ всемірная печаль: не стало Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Феодора Алексѣевича, всел Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержца. И въ томъ же году, послѣ сего преставленія, мая въ 15 день, въ 9 часу дня (т. е. отъ разсвѣта считая часу во 2-мъ—3-мъ пополудни), учинилось на Москвѣ смятеніе великое всему Московскому Государству и всему народу, бунтъ великой. Собрався всѣ приказы Московскихъ стрѣльцевъ со всякимъ ружьемъ, и пришли съ нелѣпнымъ гласомъ въ царскіе чертоги, и въ томъ вышесказанномъ числѣ побили до смерти бояръ: князь Юрія Алексѣевича Долгорукова съ сыномъ Михаиломъ, князь Григорія Григорьевича Ромодановскаго, Ивана Максимовича Язы-

Серебряный тронъ царей Петра I, и Ивана V.
Рисов. Козераевъ, грав. Пудъ.

кова, Артамона Сергѣевича Матѣева, Ивана Кириловича Нарышкина съ братомъ Афанасіемъ, да напредъ того, вмѣсто Ивана Кириловича убили стольника Петра Михайловича Салтыкова сына, да думныхъ дьяковъ: Ларіона Ивановича съ сыномъ, Аверкія Кирилова, да Фемина сына Нарышкина; полковниковъ: Андрея Дохтурова, другаго Григорія Горюшкина, да дохтура Данила Жидовина съ сыномъ».

Избраніе Царя Петра, несмотря на десятилѣтній возрастъ его, болѣе казалось надежнымъ и обезпечивающимъ цѣлость державы, чѣмъ признаніе 16-ти лѣтняго, но болѣзненнаго Ивана, дѣйствительно и дожившаго до 30 лѣтъ, но оставшагося ребенкомъ въ дѣлахъ, почти недоступныхъ его слабымъ способностямъ, при вѣчной головной боли и слабомъ зрѣніи. Дочери Царя Алексѣя Михайловича не видѣли, между тѣмъ, для себя ничего хорошаго при управленіи своей мачихи, въ случаѣ воцаренія ея сына Петра, и самая предприимчивая изъ царевенъ, двадцатипятилѣтняя Софья, одаренная не женскимъ умомъ, сумѣла подобрать сильную партію честолюбивыхъ служилыхъ людей, при обыкновенномъ правильномъ порядкѣ вещей не могшихъ ожидать себѣ желаемыхъ ими повышеній. Нужно ли прибавлять намъ, что всѣ принимавшія сторону интриги царевенъ, заботились болѣе всего о своихъ личныхъ расчѣтахъ, готовые тотчасъ же бросить ихъ партію для другой, если посулятъ тамъ болѣе. Низшіе чины, придворные, стрѣлцкіе головы — не выше

подьячихъ и подходящій къ нимъ по степени значенія людъ — составляли надежды честолюбивой Софьи.

Законное правительство между тѣмъ дремало, какъ будто не желая вслушиваться въ раздававшіеся по улицамъ возмущительныя подговоры подготавлиелей мятежа, для котораго мѣстное современное положеніе стрѣлецкихъ полковъ (приказовъ) размѣщенныхъ въ столицѣ слободами на постоянномъ жительствѣ — представляло достаточно горючій матерьялъ, ожидавшій искры для взрыва и запыленія. Легко воспламеняемымъ матерьяломъ назвать мы хотимъ накопившуюся въ умахъ, въ памяти, набалованнаго щедростію царскою своевольнаго войска — бездна несправедливостей и корыстныхъ придинокъ къ вымогательству взятокъ со стороны его непосредственнаго начальства, все себѣ позволявшаго, ради безнаказанности. Уже въ послѣднее время царствованія Ѳедора Алексѣевича начали являться потерянными терпѣніе стрѣльцами жалобы на своихъ полковниковъ-лихонмцевъ, но защитники ихъ изъ-за получаемой корысти, сумѣли выставить передъ слабымъ государемъ подобныя заявленія неосновательными клеветами и не дѣлая разслѣдованія, гибельнаго для виновныхъ защищаемыхъ, покончили наказаніемъ жалобщиковъ, будто бы за клевету и нарушеніе подчиненности. Эта несправедливость окончательно раздражила стрѣльцовъ, а избраніе въ царя дитяти, хотя и много обѣщавшаго въ будущемъ, требовавшаго опекунскаго управленія изъ лицъ, обвинившихъ правыхъ, оправдывая виновныхъ, было неутѣшительно для озлобленныхъ.

Состояніемъ легковѣрія и раздраженія обманувшихся въ ожи-

даній царской защиты отъ притѣсненій, воспользовались, правду сказать за едино — очень искусно сторонники царевны Софьи, какъ дѣвушки царевны невидимой и потому могшей дѣйствовать рѣшительно, ничего не теряя при неудачѣ. Ея клеветы обѣщали полное удовлетвореніе обиженныхъ съ наступленіемъ ихъ управленія, душою котораго будетъ Царевна под именемъ брата, обойденнаго при избраніи, ясно съ нарушеніемъ его права старшинства, которое тогда еще имѣло силу непреклонной законности, все заставлявшей умолкнуть; и выгоды государственныя, и негодность къ правленію старшаго сына Царя Алексѣя — еще не исполнѣ въ массахъ народа понимаемую въ добавокъ. Объявленіе состава правителей, когда возьметъ верхъ ихъ партія, является дѣйствительно аксіомой, прямо говорящею за непремѣнность осуществленія, а этого только прежде всего и добивались недовольные. Правда новое правительство Царя-ребенка Петра нарядило слѣдствіе по жалобамъ на стрѣлецкихъ полковниковъ, но обвинило не всѣхъ и сдѣлало только въ половину свое дѣло, вооруживъ и угрожаемыхъ смѣлою и требовавшихъ этой смѣны. Такой порядокъ веденія дѣлъ слѣдовательно представлялъ возможнымъ ожидать отъ него и во всѣмъ другомъ: только посулы да пошевеливанье вмѣсто грозы для зла и милости добру — говорили начинавшіе возмущать людскіе умы злоумышленники. И они казались правыми, не желавшими входить въ обсужденіе, что можно сдѣлать было и что еще не представлялось возможнымъ даже благонамѣреннымъ людямъ, которыхъ было большинство въ партіи Царицы.

КТО ВЫИГРАЛЪ?...

(Изъ современной уголовной хроники).

РОМАНЪ
Ф. Фридриха.
(Окончаніе).

Вечеръ прошелъ благополучно. Хозяинъ былъ несель, улыбался, такъ что никто изъ гостей и подозрѣвать не могъ того, что происходило въ душѣ „маленькаго фрейгерра“, который, можетъ быть, ежеминутно вздрагивалъ... Когда, наконецъ, гости разъѣхались и все въ домѣ стихло, старикъ вышелъ потихоньку изъ своей комнаты, пробрался на веранду и спустился въ садъ. Ему хотѣлось поговорить съ Питтомъ. Не долго онъ искалъ: слѣдователь сидѣлъ на одной изъ садовыхъ скамеекъ и, завидя фрейгерра, всталъ и пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Вы ничего такого не замѣтили... подозрительнаго? спросилъ Маништейнъ.

— Ничего, отвѣтилъ Питтъ: — все, такъ сказать, „обстояло благополучно“, и я даже увѣренъ въ томъ, что сегодня ночью онъ и не явится сюда... Посмотрите вонъ ужъ и заря занимается.

— Да. Но вотъ что: не ошиблись-ли вы, принявъ кого либо другаго за моего племянника — тамъ, въ трактирчикѣ? *Неужели-же* онъ дерзнулъ вернуться сюда?!

— Повторяю: я не ошибся. Позвольте, да чѣмъ-же ему рисковать теперь?... Будущаго у него нѣтъ, настоящее — борьба за существованіе, а между тѣмъ терпѣть нужду, лишенія онъ положительно *не можетъ*, не въ силахъ... Вѣдь я-же видѣлъ его! Глаза, даже самое лицо его выражаютъ полнѣйшее отчаяніе... Фигура мрачная и вмѣстѣ съ тѣмъ — жалкая. Скажите: чего бояться человѣку въ такомъ положеніи? Тюрьмы?... Но вѣдь тюрьма — пріютить его, накормить, избавить отъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ... Свободою дорожить тотъ, кто можетъ пользоваться ею. Не такъ-ли?

Фрейгерръ молчалъ...

— О комъ... о комъ это говорятъ? спрашивалъ онъ самъ себя... *О баронѣ — Александрѣ ф. Зельдитцѣ!!* О сынѣ родной его сестры... Въ какую яму слетѣлъ гордый потомокъ древней фамиліи!..

— Послушайте, г. Питтъ, заговорилъ старикъ, не хотите-ли вы теперь отдохнуть?

— Нѣтъ, не имѣю еще такого желанія. Да вѣдь я привыкъ не спать по ночамъ; это мнѣ не въ диковинку; а вотъ васъ я попросилъ-бы вернуться въ домъ и поуспокоиться.

— И вы полагаете, что я тамъ успокоюсь? возразилъ Маништейнъ. Да, правда, я вамъ какъ-то говорилъ, что между мною и этимъ несчастнымъ ничего, ничего уже нѣтъ общаго, всякая связь порвана... Чужой онъ для меня!.. Дѣйствительно, сердце мое относится къ нему безучастно, но... развѣ могу я уничтожить и самыя воспоминанія?... Какъ забыть, что онъ когда-то такъ былъ близокъ ко мнѣ? Какая блестящая будущность ожидала его, если-бы онъ самъ, собственными руками, не разбилъ ее?... Въ моей-ли власти предать все это забвенію? Станешь стараться позабыть — хуже еще сдѣлаешь: память этого не любить и поставить на своемъ!.. Да и не одни воспоминанія терзаютъ меня... Упреки совѣсти тоже не даютъ мнѣ покою... Въ самомъ дѣлѣ, развѣ и я не виноватъ въ печальной судьбѣ моего племянника? Слишкомъ слабъ я былъ, слишкомъ много дѣлалъ я ему снисхожденія въ то время, когда, быть можетъ, его можно было-бы еще исправить... Не такъ-бы мнѣ слѣдовало тогда отнестись къ его слабостямъ! Ну, и что-же вышло?... Все это и пало на мою голову... Наказанъ я, и ничѣмъ, ничѣмъ не вернуть прошлаго!..

Питтъ старался утѣшить, успокоить „маленькаго фрейгерра“, и ему, наконецъ, удалось уговорить его возвратиться въ домъ.

Проводивъ старика, слѣдователь снова углубился въ садъ, гдѣ и провелъ остатокъ ночи.

Вотъ, и утро наступило, и день опять прошелъ аничего такого особеннаго не случилось въ усадьбѣ Маништейна. „Все обстояло благополучно“, какъ выразился полицейскій комиссаръ.

„Молодые“ — Платънъ и Эльза — тотчасъ-же, послѣ вѣнчанья, уѣхали изъ помѣстья „маленькаго фрейгерра“. Они отправились путешествовать.

Старикъ сначала храбрился, скрывалъ свою грусть, но когда гости одинъ за другимъ разъѣхались, когда даже и г-жа Штейнъ съ профессоромъ укатили въ М⁷ чтобы провести тамъ нѣсколько недѣль — онъ снова и еще сильнѣе, чѣмъ прежде, почувствовалъ свое одиночество... Опять остался онъ одинъ въ этомъ большомъ

домъ! Веселые голоса, шумъ, смѣхъ — все это разомъ исчезло... Пусто, тихо вездѣ!..

Фрейгерръ удалился въ свою комнату и тамъ, въ изнеможеніи, опустился въ кресло. Онъ чувствовалъ себя слабымъ, безпомощнымъ; суета, заботы, тревоженія послѣднихъ дней подѣйствовали на него сильнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ... Но не прошло и четверти часа, какъ старикъ живо поднялся съ кресла, стяхнулъ съ плечъ всю слабость и воскликнулъ:

— Какъ? Развѣ я все кончилъ? Зачѣмъ-же мнѣ было уговаривать Платэна, Эльзу, г-жу Штейнъ отправиться путешествовать, если я стану сидѣть сложа руки?... Надо воспользоваться временемъ и приняться поскорѣе за отдѣлку дома!

Ему хотѣлось устроить для „молодыхъ“ возможно-удобное, хорошенькое гнѣздышко, а такъ какъ онъ привыкъ заправлять всякимъ дѣломъ самъ, то и въ этомъ случаѣ вознамѣрился всѣ хлопоты принять на себя.

И еще одно дѣльце было у него, которое тоже непремѣнно слѣдовало обдѣлать: Штейнъ откровенно признался фрейгерру въ любви своей къ фрейлейнъ Эмми и просилъ его замолвить о немъ „теплое словечко“ г-жѣ Мальтэнъ. Старикъ обѣщала похлопотать, не думая о томъ, увѣнчаются-ли хлопоты его успѣхомъ? Теперь онъ почти сомнѣвался въ удачѣ своего ходатайства: г-жа ф. Мальтэнъ, во-первыхъ, гордилась дворянствомъ, раздѣляла фамилии на благородныя и неблагородныя, а во-вторыхъ, ему было извѣстно, что она готовила для единственной своей дочери блестящую будущность, желая выдать Эмми непремѣнно за аристократа.

Это, конечно, озабочивало фрейгерра, заставляло его задумываться, а тутъ еще другая мысль тревожила его, покою не давала—мысль о несчастномъ племянникѣ. Въ самомъ дѣлѣ — гдѣ-же онъ теперь?... Слѣдователь выѣхалъ изъ усадьбы рано утромъ, имѣя твердое намѣреніе отыскать „падшаго барона“ и вручить ему довольно кругленькую сумму денегъ—подъ условіемъ: немедленно покинуть Германію навсегда.

Удалось-ли ему устроить это?

Ну, а вдругъ Зельдитцъ, въ порывѣ отчаянія, злобы и раздраженія, не согласится на такое условіе? Не слѣдуетъ-ли опасаться этого?..

Старикъ впадалъ въ раздумье, мучился и какъ ни старался—ничѣмъ не могъ разогнать мрачныхъ мыслей.

Въ комнату вошелъ лакей и доложилъ о пріѣздѣ слѣдователя.

— Проси его сюда! Живѣ!

Фрейгерръ ободрился, вздохнулъ свободнѣе... Не избавиться-ли его Питтъ отъ всѣхъ заботъ и тревогъ? Съ какою вѣстью явился онъ?..

— Ну, что нашли вы его? На все онъ согласился? Если-бы Маннштейнъ попристалнѣе взглянулъ на лицо вошедшаго то, вѣроятно не обратился-бы къ нему съ этими вопросами... Питтъ былъ мраченъ.

— Нѣтъ, я не нашелъ его, отвѣтилъ олицейскій комиссаръ.

— И въ трактирѣ были? Нѣтъ тамъ его?

— Нѣтъ.

— Куда отправился—тоже неизвѣстно... не знаете?

— Не могъ этого узнать.

Старика это сильно встревожило... Опять рушились надежды!.. Вѣдь „несчастный можетъ явиться сюда завтра... сегодня—словомъ—когда ему вздумается! Каждую минуту ожидай и—бойся... Въ своемъ собственномъ домѣ—и быть въ такой опасности!... Это, наконецъ, невыносимо!..

— Въ трактирчикѣ томъ все-таки были?

— Былъ. Хозяинъ этого заведенія сказалъ мнѣ, что еще вчера вечеромъ *тотъ* человѣкъ ушелъ изъ трактира. Уходя, онъ пытался уговорить другихъ двухъ послѣдовать за собою, но тѣ отказались.

Питтъ молчалъ и прибавилъ;

— Зельдитцъ оставилъ трактиръ, а куда отправился—неизвѣстно. Говорятъ, онъ былъ очень взволнованъ, ожесточенъ и—порядкомъ таки пьянъ... Хозяинъ передалъ мнѣ, что оборванецъ этотъ, уходя, проговорилъ: „Ну, ладно! Я и одинъ справлюсь... Ничего, какъ разъ во-время явлюсь на свадьбу!“...

— Кто-же были тѣ—другіе, бывшіе съ нимъ въ трактирѣ? спросилъ фрейгерръ.

— Хозяину они неизвѣстны. Черезъ часъ или два и эти бродяги ушли куда-то.

— Что-жь, вы старались разузнать, куда отправился тотъ... несчастный?

— Да, разузнавалъ, но не могъ напасть на его слѣды. Никто его не видѣлъ; и ни въ одной изъ окрестныхъ деревень онъ не просилъ ночлега.

— Гм!.. Значитъ, мнѣ все еще слѣдуетъ опасаться его мести?..

— Я нарочно завернулъ къ вамъ, чтобы сообщить о моей неудачѣ и предложить вамъ быть на сторожѣ. Еще одну ночь я, пожалуй, проведу здѣсь, но не думаю, чтобы онъ явился сюда... Я, знаете, даже убѣжденъ, прибавилъ Питтъ, что съ барономъ вчера вечеромъ, на пути въ ваше помѣстье, приключилось какое нибудь несчастіе... Оно-то и помѣшало ему сюда добратися. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ нарочно приходитъ издалека съ *единственною* цѣлью—отомстить—и вдругъ *отказывается* отъ своего намѣренія? Развѣ это правдоподобно? Обыкновенно, въ послѣднюю минуту желаніе мести сильнѣе разжигаетъ кровь... А можетъ быть и такъ: подумаешь о своемъ отчаянномъ положеніи, онъ не порѣшилъ-ли съ собой?..

— Нѣтъ, произнесъ фрейгерръ, покачавъ головой:— у него не хватило-бы на это мужества! Если-бы онъ не былъ трусомъ — такъ порѣшилъ-бы съ собою раньше... Помните, я предлагалъ ему это тогда, когда преступленіе его было уже открыто?.. Онъ предпочелъ—бѣжать.

— Да, но въ то время онъ еще не зналъ, что значить нужда и каково терпѣть всяческія лишения. У него были кой-какія средства, наконецъ, баронъ надѣялся счастливо скрыться... А что дѣйствительно ему очень плохо пришлось—это было видно по его лицу—страшно похуѣвшему, истомленному.

— Что-жь, я-бы желалъ, чтобы правда была на вашей сторонѣ... Можетъ быть, я кажусь вамъ жестокимъ человѣкомъ, желая смерти бывшаго моего ближайшаго родственника, но если-бы онъ наложилъ на себя руки—это было-бы единственнымъ средствомъ (хотя отчасти) примирить меня съ нимъ... Я увидѣлъ-бы тогда, что чувство чести не совсѣмъ еще оставило его, что есть въ немъ еще хоть капля благородной крови его предковъ!.. Увы, и все-таки я не могу питать такой надежды!..

Слѣдователь старался успокоить старика, и ему удалось, наконецъ, уговорить его отправиться въ спальню и заснуть. Было уже поздно.

— Ужь вы предоставьте мнѣ позаботиться о вашемъ спокойствіи! Сторожить, караулить я умѣю. Идите-же и ложитесь спать.

Но и эта ночь прошла совершенно спокойно. Рано утромъ слѣдователь уѣхалъ въ городъ. Обязанности службы не позволяли ему оставаться болѣе въ усадьбѣ Маннштейна. Здѣсь никто не зналъ, зачѣмъ въ эти двѣ ночи разставляли караульныхъ, кого именно сторожили, а управляющіе не смѣли спросить объ этомъ фрейгерра. Старикъ, повидимому, былъ спокоенъ, какъ ни въ чемъ не бывало расхаживалъ по своимъ полямъ, только брови его были сдвинуты, да морщинки около губъ обнаруживали тихую печаль его.

Наступилъ полдень. Лакей доложилъ фрейгерру, что прибылъ нарочный отъ старосты ближайшаго мѣстечка и желаетъ видѣть самого барина.

— Позови его сюда.

Нарочный пришел и прямо стал просить фрейгерра поехать в местечко (оно отстояло от усадьбы на несколько часов езды), чтобы взглянуть там на мертвое тело, найденное накануне вечером в лесу.

— Староста полагает, что покойник этот, кажется сам барон ф. Зельдитц, закончил свою речь нарочный.

этого ничего такого баронского не иметь—значить, по виду... Одежа на нем плохенькая, почитай—лохмотья одни.

— Хорошо, я поеду, проговорил фрейгерр послѣ короткаго раздумья... Да, вот что, любезный: здѣсь, в домѣ, никому не говори о томъ, зачѣмъ послалъ тебя сюда староста... Тутъ что-то не такъ! Какое нибудь недоразумѣніе... ошибка!..

Герцеговинское возстаніе. Лува Петровичъ, одинъ изъ начальниковъ Герцеговинскихъ. Рис. Муваровскій, грав. Патоцкій.

Старикъ вздрогнулъ и, не смотря на всѣ усилія, не могъ скрыть волненія.

— Мой племянникъ?! пробормоталъ онъ... Но какъ же... кто-же его узналъ?..

— А самъ староста.

— А ты видѣлъ покойника?

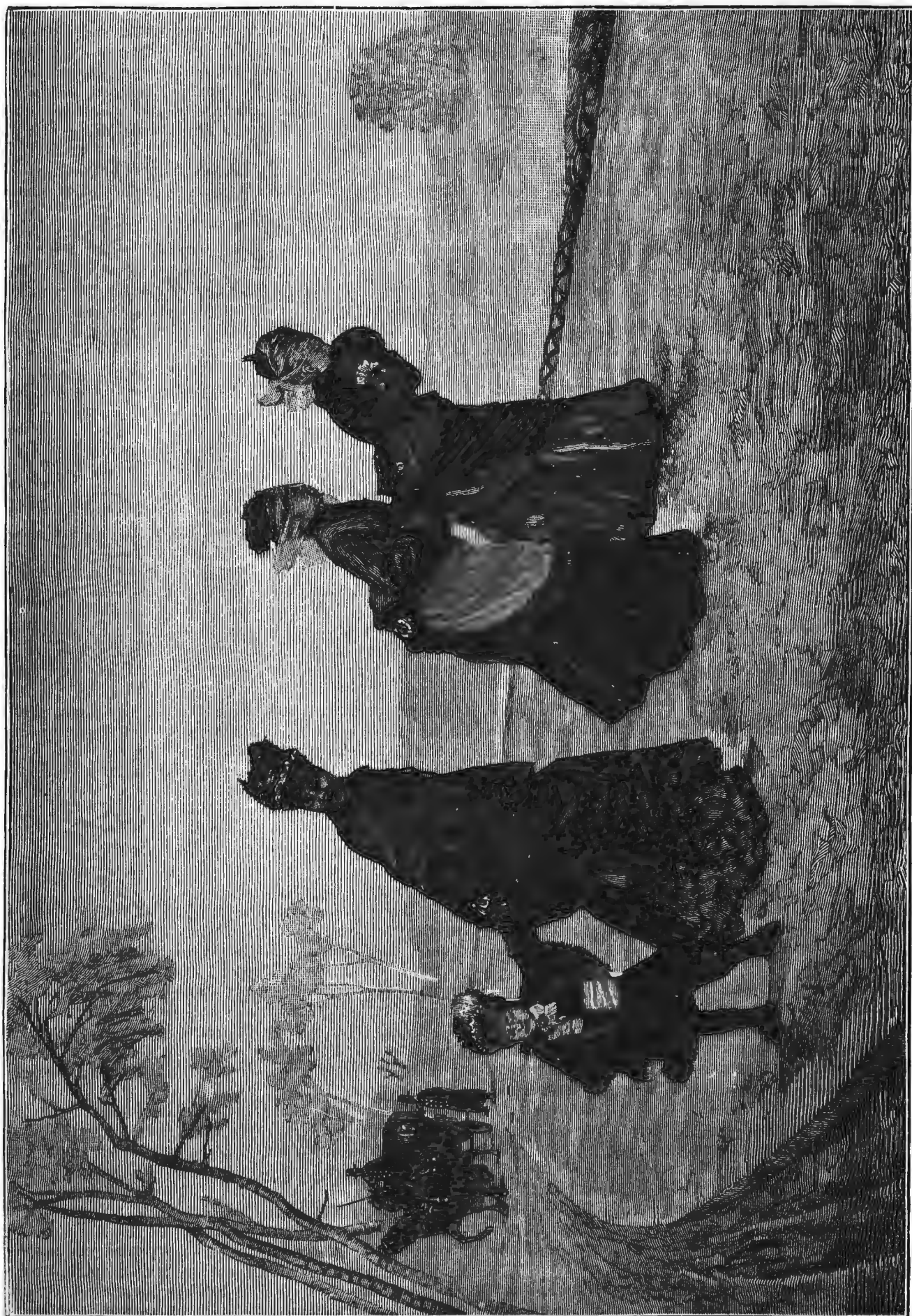
— Видѣлъ, только я-то не знавалъ барона. Сдается мнѣ, что нашъ староста ошибся, потому какъ мертвецъ

онъ отпустилъ нарочнаго, давъ ему на чай, и затѣмъ приказалъ сѣдлать себѣ верховую лошадь.

Старикъ почувствовалъ нѣкоторую слабость въ тѣлѣ и охотнѣе поѣхалъ-бы въ экипажѣ, но ему не хотѣлось брать съ собою кучера, который слишкомъ хорошо зналъ въ лицо Зельдитца.

— Не велѣтъ-ли лучше заложить карету? спросилъ лакей, поглядывая на фрейгерра.

— Зачѣмъ это?

Холодно! Съ оригинальной картини фототр. На деревъ рѣзаль Барановскій

— Да вы такъ уставши, слабы... Верхомъ-то ѣхать затруднительно будетъ.

Маннштейнъ выпрямился.

— Вели сѣдлать лошадь, повторилъ онъ.

Минуть черезъ десять къ крыльцу подвели верхового коня. Старикъ взобрался на сѣдло, однако долженъ былъ собрать всѣ силы, чтобы какъ слѣдуетъ усидѣть на немъ, и все-таки со двора выѣхалъ галопомъ. Потомъ, когда никто изъ прислуги не могъ уже его видѣть, онъ пустилъ лошадь шагомъ.

Губы „маленькаго фрейгерра зашевелились.

— Можно-ли сомнѣваться въ томъ, что найдено мертвое тѣло—тѣло его племянника?.. Что-жь вѣдь и слѣдователь полагалъ, что, вѣроятно, несчастный умеръ на дорогѣ... Гм! его нашли въ лѣсу... Но что было причиною смерти? Не самъ-ли онъ покончилъ съ собой?..

Вопросы эти волновали фрейгерра, когда онъ ѣхалъ лѣсомъ шагкомъ, такъ что наконецъ нетерпѣніе заставило его погнать лошадь.

Прибывъ въ мѣстечко, Маннштейнъ направился къ дому старосты. Староста то-же сообщилъ ему, что и нарочный, причемъ прибавилъ:

— Кто такой покойникъ—никому неизвѣстно; при немъ нѣтъ никакого документа; но какъ только я его увидѣлъ — меня сразу поразило сходство его съ вашимъ племянникомъ—барономъ Зельдитцемъ.

— Барона Зельдитца нѣтъ здѣсь... Онъ — за границей, замѣтилъ фрейгерръ.

— Да вѣдь я знаю, что онъ бѣжалъ куда-то, возразилъ староста:—ну, а развѣ не могъ онъ вернуться?... Правда, по одеждѣ-то не похоже, чтобы это былъ баронъ—ужь больно она не казиста, за то руки покойника—сейчасъ это видно — барскія, не знавшія никогда работы.

— Кто нашель покойника?

— Двое рабочихъ. Возвращались они лѣсомъ домой, съ работы, ну, и увидѣли мертвое тѣло.

— Когда-же это было?

— Вчера вечеромъ.

— Вамъ неизвѣстно, что было причиною смерти этого человѣка? спросилъ фрейгерръ.

— Какъ только тѣ работники сказали мнѣ, что нашли въ лѣсу мертвое тѣло—я тотчасъ-же отправился туда. Придя на указанное мѣсто, а это былъ оврагъ, я увидѣлъ тутъ лежащаго человѣка уже безъ признаковъ жизни. Надо такъ полагать, что онъ свалился съ обрыва: тамъ, наверху, по самому крайчику вѣтятся тропинка. Несчастный, видно, оступился—ну, и полетѣлъ внизъ, да такъ ударился головой объ острый камень, что сейчасъ и духъ вонъ. Какъ это онъ упалъ, растянулся — такъ и остался лежать... Сразу, значить, кончился!

Старикъ не сталъ больше спрашивать.

— Проведите меня къ нему... Гдѣ онъ лежитъ?

— А тутъ вотъ въ хлѣву.

Староста повелъ Маннштейна въ хлѣвъ и указалъ ему на покойника, лежавшаго на соломѣ. Свѣтъ изъ отворенной двери прямо падалъ на искаженное лицо мертвеца...

„Маленькій фрейгерръ“ бодро дошелъ до хлѣва, но у самой двери невольно схватился за косякъ... Онъ чувствовалъ, какъ силы его слабѣютъ...

Да, передъ нимъ лежалъ трупъ его племянника!

Не смотря на страшно измѣнившееся лицо, Зельдитца, старикъ все-таки сразу узналъ его. Какъ ни желалъ онъ смерти этого человѣка, но тутъ сердце его болѣзненно сжалось...

Потомокъ древней, благородной фамиліи—и гдѣ-же?! Въ хлѣву... на грязной соломѣ!.. Вотъ они—плоды выскокомѣрія! Онъ считалъ безчестьемъ жениться на мѣщанкѣ, а теперь — куда попалъ?... Рожденъе барона Александра ф. Зельдитца было многими встрѣчено съ

восторгомъ... Умеръ онъ—и некому даже поплавать объ немъ!... Кончилъ жизнь хуже нищаго!...

— Что-жь, покойникъ-то—вашъ племянникъ! спросилъ староста.

Фрейгерръ не слышалъ этого вопроса. Онъ невыразимо страдалъ, не хотѣлъ вѣрить глазамъ своимъ и... однако-же долженъ былъ убѣдиться въ дѣйствительности факта... Ему хотѣлось громко крикнуть: „Нѣтъ, это не онъ, не онъ!“ но языкъ у него не шевелился...

— Чье-жь это тѣло? Не барона Зельдитца? снова спросилъ староста.

Маннштейнъ очнулся, выпрямился.. Трудно было ему солгать, но, собравшись съ силами, онъ, наконецъ, произнесъ:

— Нѣтъ, это не онъ.

— Н-да, а сходство поразительное!

— И все-таки—не онъ. Черты лица не его... Да и быть этого не можетъ! Васъ просто обмануло сходство.

Дрожь пробѣжала по тѣлу „маленькаго фрейгерра“... „Даже и послѣ смерти—отринуть!“ прозвучалъ въ немъ внутренний голосъ...

Могъ-ли старикъ поступить иначе?

Ему мерещилось печальное, грустное лицо его родной сестры... Запятнать его имя? Какой стыдъ... позоръ!.. Нѣтъ, этого онъ не сдѣлаетъ!..

— Тѣло это не моего племянника, проговорилъ фрейгерръ въ послѣдній разъ и вышелъ изъ хлѣва.

Староста захлопнулъ дверь.

— Такъ-съ; ну, значить, покойника этаго придется похоронить какъ бродягу, какъ лицо *никому неизвѣстное*.

— На комъ-же лежитъ эта обязанность?

— На общинѣ, потому какъ на нашей землѣ найденъ трупъ... Вонъ тамъ—въ уголочкѣ кладбища, мы его и похоронимъ. Двое тамъ ужь зарыты: одинъ-то, Богъ его знаетъ, кто онъ былъ, замерзъ около нашего мѣстечка—пять-шесть лѣтъ тому назадъ; другой—самъ на себя руки наложилъ, не хотѣлъ дожидаться настоящей смерти.

Старикъ опять вздрогнулъ и отвернулся, чтобы скрыть волнение... Баронъ ф. Зельдитць... будетъ зарытъ... въ *уголочкѣ* кладбища! Да какъ же это такъ?!

— Неужели члены здѣшней общины такъ жестоки, что способны отказать „неизвѣстному“ покойнику въ приличномъ погребеніи, т. е. похоронить его такъ, какъ другихъ хоронять?

Староста пожалъ плечами и проговорилъ:

— Что-жь, это мертвое тѣло и безъ того будетъ стоить намъ издержекъ...

— Ну, я принимаю всѣ расходы на себя, торопливо объявилъ фрейгерръ... Въ самомъ дѣлѣ, кто *онъ* былъ—никому неизвѣстно! Зачѣмъ-же предполагать непременно дурное?.. О жизни умершаго мы ничего не знаемъ,.. Прошу васъ распорядиться похоронить это тѣло на общемъ кладбищѣ, наравнѣ съ другими. Не откажите же отдать послѣдній долгъ ближнему, какъ подобаетъ христіанину... Вотъ вамъ—берите!

И Маннштейнъ подалъ старостѣ кошелекъ, наполненный талерами.

— Если этого не хаатить—я еще дамъ, не бойтесь, только исполните все, какъ слѣдуетъ. Какъ видно, судьба этого несчастнаго была довольно плачевна... И такъ вѣдь ни одной слезы не упадетъ на его могилу!

Староста, взявъ кошелекъ, обѣщаль, что все будетъ исполнено „въ лучшемъ видѣ“.

Фрейгерръ сѣлъ на лошадь и пустилъ ее шагомъ. Онъ ощущалъ такую слабость въ своемъ тѣлѣ, что еле-еле держался въ сѣдлѣ и, доѣхавъ до лѣсной опушки, остановился, слѣзъ и опустился на первый попавшійся камень.

Закрывъ лицо руками, старикъ просидѣлъ тутъ нѣсколько часовъ...

Когда онъ, наконецъ, поднялся—лицо его было гораздо спокойнѣе, но за то щеки были поразительно блѣдны.

Манштейнъ направился прямо къ помѣстью г-жи ф. Мальтэнъ.

Г-жа ф. Мальтэнъ сама встрѣтила гостя и, испуганная его видомъ, стала спрашивать: что съ нимъ случилось? Здоровъ-ли онъ?

Не отвѣчая на эти вопросы, фрейгерръ обратился къ ней съ просьбою остаться съ нимъ на-единѣ.

— Мнѣ нужно кое о чемъ переговорить съ вами... безъ свидѣтелей, прибавилъ онъ.

— Такъ пойдемте въ мою комнату, предложила хозяйка и повела его туда.

Опустившись на стулъ, въ изнеможеніи, старикъ вздохнулъ и проговорилъ:

— Пріѣхаль я просить у васъ руки Эмми для человека, который глубоко, искренно любитъ ее, — просить устроить счастье ихъ...

Г-жа Мальтэнъ удивленно взглянула на него.

— Для кого-же это... для кого просите вы руки Эмми?...

— Развѣ вы не подозреваете, не знаете, кто полюбилъ ее?

— Нѣтъ, не знаю, отвѣтила она, помолчавъ немного.

— Ну-такъ я скажу: братъ Эльзы признался мнѣ, что любитъ фрейлейнъ Эмми и что фрейлейнъ Эмми любитъ его. Вотъ, за него-то я и прошу.

Почтенная дама быстро поднялась съ кресла.

— Братъ Эльзы... Штейнъ!? воскликнула она. — О, никогда, никогда!... Это... невозможно! Эмми не можетъ быть его женою!

— А почему-же не можетъ? спросилъ спокойно фрейгерръ.

— И вы еще спрашиваете? Да ужъ не говоря о томъ, что онъ бѣденъ... Я, конечно, не думаю, что онъ хочетъ жениться на моей дочери ради денегъ... изъ за приданого... я уважаю его, но... Эмми не можетъ выйти замужъ за человека не дворянскаго рода!

Горькая улыбка шевельнула губы старика.

— Не дворянскаго рода... Гм!... Такъ вы полагаете, что этотъ Штейнъ хуже дворянина, что онъ не способенъ осчастливить вашу Эмми—только потому, что онъ не дворянинъ?

— Позвольте! До сихъ поръ фамилія наша не имѣла кровной связи съ мѣщанами... Неужели-же я должна такъ унижить мою единственную дочь?... А вы сами?... Развѣ вы не заботились о томъ, чтобы ваше имя ничѣмъ не было запятнано? Вѣдь вы всегда гордились этимъ! не такъ-ли?...

„Маленькій фрейгерръ“ тяжело вздохнулъ, вспомнивъ о своемъ племянникѣ, по сейчасъ-же смѣло поднялъ голову и воскликнулъ:

— Выслушайте-же и вы меня! Вы узнаете, откуда я

теперь пріѣхаль... Я вамъ расскажу о томъ, какъ кончилъ жизнь *одинъ дворянинъ*, гордившійся своимъ дворянствомъ. Да, онъ тоже относился съ презрѣніемъ къ мѣщанской крови!... Онъ не понималъ, что значить *честь*, заблуждался и—погибъ, какъ послѣдній бродяга!

Тутъ старикъ рассказалъ г-жѣ Мальтэнъ о смерти своего племянника, и объяснилъ ей въ краткихъ, сильныхъ словахъ причину его гибели.

„Предразсудокъ столкнулъ въ бездну барона Зельдита!“...

— Если-бы я не зналъ, что Штейнъ—благородный, честный человекъ, заключилъ союзу рѣчь фрейгерръ,—я никогда не просилъ-бы за него.

Г-жа ф. Мальтэнъ молчала, задумчиво глядя куда-то вдаль... Видно было, что слова старика произвели на нее глубокое впечатлѣніе.

Наконецъ, вздохнувъ, она проговорила:

— Согласился-ли бы на это Мальтэнъ?... Можетъ быть, я покажусь вамъ странной, но... я всегда спрашиваю себя, прежде чѣмъ рѣшиться на что нибудь: какъ онъ поступилъ-бы въ такомъ-то случаѣ?... Онъ былъ не только мужемъ моимъ, но и лучшимъ другомъ, добрымъ совѣтникомъ.

— Это заставляетъ меня еще сильнѣе, искреннѣе уважать васъ! воскликнулъ Манштейнъ. О, что касается Мальтэна — онъ навѣрно былъ-бы одного со мною мнѣнія. Въ этомъ я твердо убѣжденъ! Покойный другъ мой отличался такимъ прямотушіемъ, что не могъ называть бѣлое—чернымъ и черное—бѣлымъ. Онъ, какъ и я, навѣрно сказалъ-бы: „освобождаясь отъ предразсудковъ, которые, можетъ быть, милы, дороги нашему сердцу, мы въ тоже время сами становимся выше и лучше, чѣмъ были!“...

— Ну, въ такомъ случаѣ—я согласна, сказала г-жа Мальтэнъ и протянула руку „маленькому фрейгерру“.

— Отъ души благодарю васъ!.. Раскалваться вы не будете... Не только имъ будетъ хорошо, но и вы тихо, безмятежно, счастливо проведете вечеръ вашей жизни!

— Я позову Эмми, чтобы объявить ей—

— Нѣтъ! перебилъ фрейгерръ: — дайте мнѣ уѣхать... Скажите ей это безъ меня!.. Сегодня я въ грустномъ настроеніи—ну, и, пожалуй, ничего веселаго не въ состояніи буду сказать вашей милой дочери... Завтра пріѣду и—поздравлю ее!

Онъ быстро вышелъ изъ комнаты, а черезъ минуты двѣ-три уже скакалъ по направленію къ своей усадьбѣ.

Отогнавъ мрачныя думы, „маленькій фрейгерръ“ чувствовалъ себя особенно хорошо: онъ былъ доволенъ собою, даже счастливъ, потому что и самъ избавился отъ „дворянскаго предразсудка“. Улыбка играла на его губахъ, глазки сверкали, и какимъ молодцомъ сидѣлъ онъ на конѣ!..

Г-жа ф. Мальтэнъ сдержала свое слово: фрейлейнъ Эмми вышла замужъ за Штейна.

Лука Петковичъ

Лука Петковичъ—начальникъ одного изъ главныхъ отрядовъ Мичо Любичевича, одинъ изъ героевъ Герцеговинскаго возстанія на ряду съ Пейко Павловичемъ, попомъ Богданомъ Зимоновичемъ, Лазаремъ Социцею и др. Уже въ Грязовской битвѣ Лука выказалъ отчаянную храбрость и Черногорскій князь Данилъ I отличилъ его, наградивъ медалью. Въ 1860 году онъ участвовалъ во всѣхъ извѣстныхъ дѣлахъ вмѣстѣ съ сердаремъ Щепаномъ Радоевичемъ, капитаномъ Радовичемъ. Въ отрядѣ Зубцовскаго воеводы (1861—62) Луки Вукаловича, Петковичъ отличился въ битвѣ противъ Махмедъ-Паши, который атаковалъ тогда Зубцы и Суторму, гдѣ Лука Петковичъ построилъ батарею и удерживалъ дня три Махмедъ-Паши съ четырьмя ба-

талонами, такъ что въ это время Лука Вукаловичъ успѣлъ устроить и сосредоточить силы славянъ, чтобы отбросить турокъ къ самому Требиניю.

Лука Петковичу теперь около 52 лѣтъ. Молодецкая фигура, высокій ростъ и отважный воинственный видъ. Волоса и усы съ легкою просѣдью. На его груди красуются черногорскіе знаки за храбрость, пожалованные ему князьями Даниломъ и Николаемъ и крестъ независимости Черногоріи.

Въ настоящемъ возстаніи онъ дѣйствуетъ вмѣстѣ съ Пейко Павловичемъ, Мичо Любичевичемъ и особенно отличился при защитѣ Дужскаго монастыря. Въ Черногоріи онъ былъ прежде «перяникомъ», а потомъ офицеромъ гвардіи князя Данила.

Холодно!

Сърое морозное утро—еще весь «high life» по домамъ въ ожиданіи часа, когда можно будетъ укутавшись ѣхать на модное зимнее гулянье въ паркъ, теперь пустой. Но этотъ ранній часъ избирается для утренней прогулки по «приказанію доктора». Передъ нами широкая дорога парка, съ видѣющимися въ разныхъ мѣстахъ группами деревьевъ, покрытыхъ инеемъ. Вдали за поворотомъ, остановилось изящное ландо, у дверецъ котораго чопорно стоитъ «выѣздной»—и, сидящій по всѣмъ правиламъ спорта на высовихъ козлахъ грумъ, едва сдерживаетъ коченѣющими руками пару степеровъ. Дѣвочка лѣтъ шести капризничаетъ, не хочетъ идти дальше, ей холодно—приходится

ее тащить за рученку гувернанткѣ, которая наклонившись къ ребенку увѣщеваетъ его и говоритъ свое обычное «shoking» — которое на этотъ разъ не производитъ дѣйствія. Дѣвочка пѣтится назадъ. Нѣсколько дальше двѣ дѣвушки быстро идутъ на встрѣчу вдругъ рванувшемуся вѣтру. Немного подавшись плечами впередъ и закрывъ лица муфтами, они храбро идутъ на встрѣчу морозному вѣтру. Скоро веселія съ свѣжимъ румянцемъ здоровья на щекахъ, вернутся онѣ домой и часа черезъ два, три опять появятся здѣсь. Но тогда онѣ не будутъ такими одинокими путницами. Экипажи, пѣшеходы заснутъ и задвигаются по всѣмъ дорогамъ моднаго парка...

Переходъ артиллеріи и обозовъ черезъ хребетъ „Аристанъ-бель-тау“.

(Хивинскій походъ, движеніе туркестанской колонны).

Событіе совершилось. Оно занесено уже на страницы исторіи, объ немъ много писали, много толковали, имъ живо интересовались, оно составляло вопросъ дня, живой вопросъ, не сходящій со сцены почти въ продолженіи цѣлаго года; но мало по малу новыя явленія, новыя событія заслонили собою впечатлѣніе прежняго, обратили на себя вниманіе общества.

Эте не значить еще, что первое событіе совершенно забыто,—не лишаетъ насъ права вспомнить когда нибудь еще разъ о немъ, да и не одинъ разъ вспомнить, и почтить добрымъ словомъ его дѣятелей, не однихъ видныхъ, руководящихъ единицъ, но массу, темную толпу честныхъ тружениковъ-героевъ, безъ содѣйствія которыхъ безсильны были бы и сами руководители...

Къ числу вотъ этихъ-то событій, достойныхъ вѣчной памяти, мы относимъ и хивинскій походъ, къ числу этихъ, достойныхъ глубокаго уваженія тружениковъ-героевъ мы относимъ и горсть „бѣлыхъ рубахъ“ нашихъ солдатъ, блистательно свершившихъ свое дѣло, одолѣвшихъ непобѣждаемую до сихъ поръ, грозную, мертвую природу...

Воспоминаніе это навѣяно намъ видомъ военно-походнаго альбома Н. Н. Каразина,—этимъ роскошнѣйшимъ изданіемъ, которыя когда-либо выходили въ свѣтъ, по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи.

Передъ нашими глазами одинъ рисунокъ изъ этого альбома „переваль верблюжьяго обоза черезъ горный хребетъ „Аристанъ-бель-тау“.

Тяжелый путь выпалъ на долю туркестанскаго отряда, ему одному пришлось переваливать съ артиллеріей и обозами скалистыя кряжи Аристанъ-бель-тау; кряжи, рѣдко видѣвшіе даже одинокаго всадника на своихъ тропинкахъ,—ему одному пришлось идти мертвыми, сыпучими песками, лишенными всякой растительности, лишенными капли живительной влаги...

Дѣйствительно, только нашъ русскій солдатъ, безропотный, вѣрный и все переносящій, могъ одолѣть такія препятствія. А этотъ отрядъ состоялъ мало того что изъ русскихъ солдатъ, онъ состоялъ изъ испытанныхъ, боевыхъ, старыхъ туркестанскихъ батальоновъ, изъ этихъ грозныхъ „акъ-кульмакъ“.

Эту горсть храбрецовъ велъ генералъ, съумѣвшій заставить полюбить себя, съумѣвшій вселить въ своихъ солдатъ такую слѣпую вѣру, что мысль о неудачѣ или неуспѣхѣ ни разу не могла прийти имъ въ голову.

Достаточно припомнить страшные минуты стоянки у колодезь „Алта-кудукъ“, достаточно припомнить переходъ отъ Адамъ-крылгана—гдѣ на протяженіи двадцати верствъ, пало отъ изнуренія и погребено подъ горячимъ пескомъ до четырехъ тысячъ верблюдовъ, чтобы судить о томъ, что это были за люди.

Не даромъ Хивинскій ханъ, на парадѣ въ Хивѣ, по-

слѣ празднествъ, сопровождавшихъ блестящіе результаты похода,—съ такимъ живымъ любопытствомъ просилъ ему показать поближе „именно тѣхъ солдатъ, которые прошли песками“. И надо было видѣть, съ какими суевѣрнымъ благоговѣніемъ проходилъ онъ мимо рядовъ этихъ скромныхъ героевъ, не создававшихъ даже всей грандіозности совершеннаго ими подвига, видѣвшихъ въ немъ не болѣе какъ исполненіе своего обыкновеннаго, служебнаго долга.

Да, этотъ походъ не забудется никогда—и оставить въ лѣтописяхъ военной исторіи блестящую, живую страницу.

Альбомъ Н. Н. Каразина представляетъ намъ цѣлый рядъ сценъ этого похода. Здѣсь вы видите и выступленіе отрядовъ, и ихъ походы, то по залитымъ жидкою грязью солонцамъ, эффектно освѣщеннымъ луннымъ свѣтомъ,—то по сыпучимъ пескамъ, нагроможденнымъ отъ дѣйствія вѣтра беспорядочными, высокими барханами... Самыя схватки нашихъ съ хивинскими войсками и наконецъ—заключительные эпизоды: парады и празднества въ побѣжденной, занятой нашими батальонами, когда то недоступной Хивѣ.

Представляя собою живыя и эффектныя картины боевой жизни, альбомъ этотъ знакомитъ насъ и съ картинами дикой, мало изслѣдованной природы. Разсматривая рисунки, исполненные талантливымъ художникомъ-оріенталистомъ, прямо переносишься мыслью въ эти дикія страны, и будто самъ во очію присутствуешь при всѣхъ этихъ подвигахъ борьбы человѣка съ негостепріимною природою.

Рисунокъ, помѣщенный нами, взятъ изъ этого альбома—и, хотя онъ лишенъ красокъ, такъ какъ самъ альбомъ акварельный, но все таки даетъ нѣкоторое понятіе объ изданіи, приобрѣвшемъ уже такую извѣстность не только у насъ, но и за границею, особенно въ Германіи и Англіи.

Скалистый горный кряжъ „Аристанъ-бель-тау“, пролегая по совершенно ненаселенной мѣстности, прорѣзывая собою мертвую пустыню, почти не переходимъ, особенно въ тѣхъ пунктахъ, которые загородили путь туркестанцамъ.

Воспользовавшись водомоинами и рытвинами, расчистивъ кое какъ и расширивъ тропинки, протоптанныя разбойничьими партіями, пробѣгавшими здѣсь время отъ времени—нашъ отрядъ тронулся въ путь!

Тамъ, гдѣ съ трудомъ проходила цѣпкая горная лошадка, гдѣ человѣкъ часто долженъ былъ прибѣгать къ помощи рукъ и ползти чуть не на четверенькахъ, тамъ теперь предстояло провезти тяжелыя орудія съ зарядными ящиками, провести весь вьючный обозъ, состоящій чуть не изъ восьми тысячъ навьюченныхъ верблюдовъ.

Пушки спускались на лямкахъ, съ выпряженными

Переходъ артиллеріи и обозовъ чрезъ хребетъ Арстанъ-бель-тау. Съ акварели Н. Н. Каразина, рисов. Владимиръ Фридрихъ, грав. Ротъ.

лошадьми, грозя ежеминутно оборваться и увлечь за собою въ пропасть удерживающихъ ихъ солдатъ. Верблюды спускались другимъ способомъ: по бокамъ тропинки, крутой и извилистой, были разставлены солдаты и поддерживали вьюки, передавая ихъ другъ другу, по мѣрѣ того какъ верблюды проходили мимо.

Нечего и говорить, сколько риска было въ подоб-

номъ нисхожденіи, нечего и говорить, сколько усилія и энергіи потребовалось, чтобы это нисхожденіе совершилось болѣе или менѣе благополучно.

— „Тысячу верстъ крюкъ дать легче бы было, чѣмъ эти три версты проклятыя“, говорили солдаты... и они говорили не преувеличивая.

Этотъ эпизодъ и представленъ на нашемъ рисункѣ.
Н. Каравичъ.

Б У К А.

Маленькая дѣвочка, съ очень плутовскимъ и хорошенькамъ личикомъ, проснулась раньше своей младшей сестрицы. Она замѣтила на столѣ, между ихъ игрушками, какой-то новенькій и очень красивый деревянный ящичекъ. Навѣрное это новыя игрушки, подумала дѣвочка; но что такое въ немъ можетъ быть?..

— „Спи, Маня, спи! обратилась она къ кровати сестренки;—а вотъ я раньше тебя узнаю, что въ этомъ ящичкѣ“.

И она, какъ была, въ одной рубашенкѣ вскочила съ постели, подбѣжала къ столу и взяла ящикъ.

— Онъ запертъ крючечкомъ! Ну, крючечекъ—что-жъ ты—отпирайся!.. Ай! Ай!

Дѣвочка въ ужасѣ выронила ящикъ и остолбенѣла на мѣстѣ. Она уже хотѣла бѣжать изъ комнаты и косо поглядывала на ящикъ. Что же такъ ее испугало? Дѣло въ томъ, что когда крючечекъ поддался подъ напоромъ ея пальца—крышка вдругъ быстро отхлопнулась сама собою и изъ ящика во весь ростъ вытянулся... *бука!* Да, *бука*—маленькій, но ужасно страшный, съ огромнымъ носомъ, торчащими волосами и козлиной бородою.

Однако *бука* не шевелился и дѣвочка успокоилась. Она поняла, что это игрушка, а не настоящій *бука*,

взяла ящикъ опять въ руки, хорошенько осмотрѣла его. Потомъ пригнула *буку*, который выпрямлялся и сгибался на витой пружинкѣ, и захопнула надъ нимъ крышку, застегнувъ крючекъ.

Въ это время Маня зашевелилась и выглянула изъ за высокой спинки кровати.

— Маня! Скорѣй, скорѣй иди сюда!

— Что тебѣ нужно? Отозвалась курчавая Маня, широко раскрывая послѣ сна свои большіе, голубые глаза.

— А вотъ посмотри... вотъ видишь—у насъ новыя игрушки! И она издали показывала ящикъ, улыбаясь самой плутовской, хитрой улыбкой.

Маня успѣла надѣть только одинъ чулокъ и выпрыгнула изъ кровати.

— Покажи, покажи, что такое?

— Смотри!

Плутовка поднесла ящикъ близко къ лицу Мани и нажала крючечекъ. *Бука* выскочилъ.

Глаза у Мани стали совсѣмъ круглые, руки такъ и остались протянутыми—она какъ будто застыла на мѣстѣ отъ испуга.

А плутовка хохотала.

W—d.

ЖИВЫЯ ИГРУШКИ.

Мими больна. Она едва ходитъ, не играетъ съ своей маленькой хозяйкой и вотъ уже почти цѣлый день лежитъ въ корзинкѣ. Дѣвочка спрашиваетъ всѣхъ, что это значитъ и не собралась ли Мими умирать. Ей отвѣчаютъ, чтобы она не боялась—Мими скоро будетъ здорова, а дѣвочка получить очень хорошенькія и „живыя“, совсѣмъ живыя игрушки.

Откуда же возьмутся эти живыя игрушки? думаетъ ребенокъ. И зачѣмъ это говорятъ объ игрушкахъ, когда она спрашиваетъ только, чтобы ей сказали, что случилось съ Мими. Нѣтъ, тутъ что-то не ладно—и эта мысль не даетъ дѣвочкѣ покою.

Вотъ и вечеръ. Дѣти напились чаю, простились со старшими и няня ведетъ ихъ спать. Но наша маленькая дѣвочка чувствуетъ, что не заснуть ей спокойно, если она не заглянетъ въ уголокъ коридора, гдѣ стоитъ корзинка Мими, и не убѣдится своими глазами, что ея любимая собака жива и здорова.

Воспользовавшись минутой когда няня вышла изъ дѣтской, дѣвочка тихонько пробирается въ коридоръ, довольно блѣдно освѣщенный лампой. Она на цыпочкахъ подбирается къ корзинкѣ Мими и чутко прислу-

шивается. Вдругъ ей начинаетъ казаться, что въ корзинкѣ что-то пищитъ, только вовсе не такъ, какъ обыкновенно пищитъ Мими.

— Что это такое? Дѣвочка осторожно подходитъ къ корзинкѣ и заглядываетъ въ нее. Пищикъ раздается явственно, какіе-то крошечные звѣрьки копошатся кругомъ Мими. Мими виляетъ хвостомъ, не трогаясь съ мѣста и ласково глядитъ на свою хозяйку большими, свѣтящимися въ полутьмѣ глазами.

— Мими! Мими!—дѣвочка наклоняется ниже, всматривается, и даже духъ у нея захватываетъ отъ радости. Передъ нею пять маленькихъ, необыкновенно маленькихъ собачекъ, похожихъ на Мими, съ удивительно смѣшными, милыми мордочками, длинными, мягкими ушами и совершенно бархатной, нѣжной шерстью.

Дѣвочка, не помня себя отъ восторга, забираетъ ихъ въ свой передникъ и, не обращая вниманія на отчаянный лай и визгъ Мими, бѣжитъ въ дѣтскую.

Какъ сумасшедшая врывается она въ комнату и кричитъ, задыхаясь отъ волненія: „Смотрите! смотрите!.. вотъ... живыя игрушки!“.

W—d.

ДВИЖЕНІЕ РАСТЕНІЙ.

Извѣстно, что каждое болѣе или менѣе высоко организованное растеніе состоитъ изъ множества различной величины и формы мѣшковъ, называемыхъ клѣтками. Если нѣсколько такихъ однородныхъ клѣтокъ соединяются вмѣстѣ, то онѣ образуютъ ткань. Следовательно, растенія состоятъ изъ тканей. Въ молодыхъ, прорастающихъ растеніяхъ ткань представляется

однообразною и мягкою, какъ тѣсто; но съ возрастомъ растенія эта первичная однообразная ткань дифференцируется на нѣсколько различныхъ тканей, отличающихся другъ отъ друга величиною, формою, толщиною стѣнокъ своихъ клѣтокъ, ихъ содержаниемъ и жизнедѣятельностью. Однѣ изъ этихъ тканей, какъ напр. сердцевидная паренхима, древесина, занимаютъ централь-

ная часть растения, другая же, напр. паренхима коры, дубь, кожица, располагаются по окружности. Таким образом, каждое растение состоит из наружных и внутренних клеточных слоев, которые характеризуются тем, что хотя и растут по одному и тому же направлению, но с неодинаковою быстротою; именно, внутренняя ткань всегда растет быстрее наружных. Этим обуславливается то весьма важное обстоятельство, что внутренняя клеточная ткань задерживается в своем росте, сжимаются наружные клеточными слоями, а последние, как медленно растущая, растягиваются внутренними. Вследствие такого отношения друг к другу неодинаково растущих и обладающих неодинаковою упругостью наружных и внутренних клеточных слоев, по крайней мере у молодых растений, или в молодых органах растений, так называемая напряженность тканей. Последняя существует до тех пор, пока продолжается рост растения, с прекращением же роста она исчезает. Напряженность ткани имеет очень важное значение, так как она одна в состоянии объяснить нам механизм движения, совершаемого различными органами растений; только те органы способны производить движения, в которых существует напряженность тканей.

Для того чтобы доказать существование напряжения в тканях, стоит только отделить клеточную ткань друг от друга, или же просто расщепить стебель растения крестообразным разрезом на четыре части; тогда каждая часть загнется во внутреннюю сторону к наружи. Это зависит оттого, что внутренняя ткань, не сдерживаемая более наружными, становится длиннее, тогда как наружные ткани, будучи прежде растянутыми, в силу своей упругости сокращаются; понятно, что при таких условиях внутренняя сторона должна сделаться выпуклою, а наружная—вогнutoю. Кроме того, в существовании напряженности тканей можно убедиться также на некоторых шляпных грибах, носки которых представляют скопление нитей; нити, расположенные внутри, так сильно разрастаются, что наружные, рост которых слабее, разрываются в поперечном направлении, отчего носки таких грибов обыкновенно бывають покрыты трещинами.

Подобно клеточным тканям, напряжение существует также и в каждой отдельной клетке. Здесь оно развивается вследствие неравномерного роста наружных и внутренних слоев клетчатой оболочки. Обыкновенно, внутренние слои еще продолжают расти в то время, как наружные уже прекратили свой рост; вследствие этого, наружные слои клетчатой оболочки, на сколько позволяют им упругость, растягиваются внутренними. При этом нужно замечать, что в различных местах клетчатой оболочки сила напряжения бывает различна. Так напр. в тех клетках, которые удлиняются своею верхушкою, в этой последней напряжении между внутренними и наружными слоями клетчатой оболочки не существует; но по мере удаления от верхушки, вследствие того, что здесь наружные слои клетчатой оболочки раньше устаревают, антагонизм между ними и внутренними слоями возрастает, а вместе с тем увеличивается также и напряжение и достигает своей наибольшей силы в том месте нити, где происходит наибольший рост в ширину. Кроме этого напряжения, вызываемого неравномерным ростом наружных и внутренних слоев клетчатой оболочки, должно отличать то напряжение, которое обуславливается давлением клеточного сока на стенки клетки. Внутри каждой клетки заключаются жидкий клеточный сок, который по мере своего накопления, производит внутри давление на клеточную оболочку и таким образом растягивает ее. Этого рода напряжение, вызываемое давлением клеточного сока, называется тургором и существует независимо от тканевого напряжения. Само собою разумеется, что в клетках, обладающих связными порами, не может быть и речи о тургоре.

Таким образом, тургор и тканевое напряжение обуславливают большую или меньшую упругость растущего органа; если напряжение ослабевает, то орган становится вялым, дряблым и те органы, которые прежде направлялись кверху, при ослаблении напряжения свиваются вниз. Полная потеря напряжения обуславливает совершенное увядание растения. Если присоединить ослабление или усиление напряжения на одной какой либо стороне растения, вследствие того, что здесь рост усиливается, то последнее изгибается и притом изгибается в ту сторону, где рост, а следовательно и напряжение, слабее. Таким образом, если усиление роста будет происходить попеременно то на одной, то на другой стороне, то и растущий орган будет изгибаться попеременно то в ту, то в другую сторону. Но если точка сильнейшего роста передвигается вокруг растения по одному и тому же направлению, то свободно висящая часть изогнутого органа, в таком случае, производит вращательное движение. Природа наделяла способностью производить такие движения те растения, стебель которых слишком слаб и не может, поэтому, расти в отвесном направлении. Если вьющееся растение, напр. хмель, одаренное способностью производить вращательные движения, встрячает какую нибудь твердую опору, то оно тотчас же начинает обвиваться вокруг последней. Те растения, которые не обладают ни достаточно сильным напряжением, чтобы самостоятельно под-

ниматься вверх, ни достаточною стесненно раздражительности, которая дала бы им возможность обвиваться вокруг других растений, снабжены особыми раздражительными придатками—усиками. Назначение усиков состоит в том, чтобы, закручиваясь вокруг посторонних предметов, поддерживать растение в отвесном направлении. Полезность такого приспособления, как показал Дарвин, у различных растений имеет различную степень совершенства. У некоторых растений, напр. у *Vitropia*, растущей в тропической Африке, усики имеют второстепенное значение и служат только вспомогательными органами слабо вьющемуся стеблю; у других же растений, как напр. тыквенных, устройство усиков доведено до высшей степени совершенства. Здесь многочисленные усики покрывают собою стебель, который, производя вращательные движения, направляет их в различные стороны и так как самые усы тоже вращаются, то, вследствие этого, принимают самые разнообразныя положения и таким образом получают возможность навстречу какой нибудь твердой опоре, будет ли то лист, ветвь, или стебель какого нибудь растения, таким образом растение как бы ищет вокруг себя опоры. Встретив последнюю, усик плотно обвивается вокруг нее несколькими кольцами и, закручиваясь спирально, притягивает стебель к опоре. Такое закручивание усиков обуславливает их большую прочность; замечено, что в начале ижные усики, закручиваясь вокруг опоры, становятся деревянистыми. Самое совершенное устройство представляют усики дыка винограда (*Ampelopsis heterocarpa*), который живет в лесах Старого и Нового света, но разводится также и у нас для изгородей. Усики этого растения не способны обвиваться вокруг тонких предметов, но приходят в прикосновение со стеною или скалою, по поверхности их, прикасающейся к опоре, образуются вздутия—присоски, которые так плотно врастают во все углубления опоры, и вдобавок еще приклеиваются помощью особенного клейкого сока, что нужны очень большие усилия, чтобы оторвать их. По Дарвину, одревеневший усик, снабженный 5-ю присосками, мог выдержать десять фунтов, не разрываясь и не отклеиваясь. Помощью таких усиков, растение забирается на скалы более ста футов вышины.

Другой датель, влияющий на изменение напряжения тканей—это свет. Каждому известно, что многие растения изгибаются в ту сторону, с которой они наиболее освещены и только небольшая часть растений изгибаются в противоположную сторону. Это явление известно под именем гелиотропизма. В первом случае гелиотропизм называется положительным, а во втором—отрицательным. Французский ботаник де-Кандоль объясняет это явление тем, что сторона слабее освещенная сильнее растет в длину, вследствие чего сторона более освещенная, а потому слабее растущая, становится вогнутою; таким образом все растение изгибается по направлению к свету. Почему свет действует таким образом, еще неизвестно, да и вообще явления гелиотропизма еще мало изучены. Особенно полезен для растений отрицательный гелиотропизм; им обладают преимущественно вьющиеся растения и усики. В начале, вьющиеся стебли и усики наклоняются и принимают к опоре вследствие отрицательного гелиотропизма, так как со стороны опоры на них падает меньше света, и только после прикосновения к опоре начинается завивание вокруг последней.

Особенный интерес представляют те раздражительные растения, у которых движения происходят вследствие ослабления напряженности тканей под влиянием механических сотрясаний. Однакоже должно сознаться, что не все относящиеся сюда явления могут быть объяснены напряжением тканей. Это зависит оттого, что неизвестно еще, каким образом различные влияния влияют на изменение напряжения. Мы рассмотрим сначала движение листьев мимозы, как наиболее изученныя.

Mimosa pudica уже издавна обращала на себя внимание физиологов. Это однолетнее растение живет в Бразилии, где часто покрывает огромныя степныя пространства. Под влиянием солнечного жара его листья приобретают такую сильную степень раздражительности, что вследствие толчка, или какого либо другого механического раздражения мгновенно изменяют свое положение. Путешественники уверяют, что гапола лошади или даже шагов человека достаточно для того, чтобы возбудить раздражительность этого растения и заставить его листья сомкнуться. Лист мимозы сложный и состоит из общего черешка, к которому прикрепляются четыре вторичных; на каждом вторичном черешке помещаются супротивные листочки. У основания главного черешка находится утолщение, называемое подушечкой; такие же подушечки, только меньшей величины находятся и при основании каждого вторичного черешка. Движение листа состоит в том, что под влиянием какого либо механического раздражителя он мгновенно принимает то положение, которое свойственно ему, обыкновенно, ночью: весь лист опускается книзу, вторичные черешки сближаются между собою, а сидящие на них супротивные листочки складываются своими верхними поверхностями, присдвываясь в то же время по направлению к верхушкам тех череш-

Буква. Рис. на дереве Горбюковъ, грав. Триполь.

Живые игрушки. Расов, И. Шлехт, гравир. Паннемагеръ.

ковъ, къ которымъ они прикрѣпляются. Такое состояніе обыкновенно длится не долго и, по устраненіи раздражающей причины, листочки и вторичные черешки выпрямляются, общій черешокъ приподымается кверху и весь листъ принимаетъ свое обычное положеніе.

Опыты показали, что всѣ разнообразныя движенія листочковъ и черешковъ мимозы производятся при помощи вышеупомянутыхъ подушечекъ, которыя дѣйствуютъ на подобіе шарнира. Въ движеніи участвуетъ не только часть листа, но и весь листъ, смотря по силѣ раздраженія. Слабое сотрясеніе приводитъ въ движеніе только тотъ листочекъ, вмѣстѣ съ противоположнымъ ему, на который сотрясеніе подѣйствовало непосредственно. Немного болѣе сильное раздраженіе вызываетъ движеніе нѣсколькихъ паръ листочковъ; еще болѣе сильное раздраженіе дѣйствуетъ на всѣ листочки вторичнаго черешка, распространяется даже на соседніе черешки и на цѣлый листъ. Наконецъ слишкомъ сильное сотрясеніе не ограничивается однамъ только листомъ, но распространяется также и на соседнія листья. Что касается направленія, по которому происходитъ распространеніе раздраженія, то послѣднее можетъ распространяться какъ сверху внизъ, такъ и снизу вверхъ; иногда раздраженіе проходитъ сначала сверху внизъ и потомъ возвращается въ обратномъ направленіи.

Если раздраженія листа повторяются слишкомъ часто, то листъ привыкаетъ (если только это выраженіе можно примѣнить къ растительнымъ организмамъ) къ этимъ раздраженіямъ и становится къ нимъ нечувствительнымъ. Фактъ этотъ случайно былъ открытъ Декееномъ. Онъ взялъ съ собою въ карету горшокъ съ посаженною въ немъ здоровою вѣткою мимозы. Когда карета катилась по мостовой, то вслѣдствіе толчковъ, испытываемыхъ растеніемъ, всѣ листья его сомкнулись и опустились; но при дальнѣйшей вѣдѣ листья, какъ бы привыкнувъ къ сотрясеніямъ, вновь приняли свое нормальное положеніе. Послѣ этого карета остановилась на нѣсколько времени и затѣмъ снова отправилась въ путь. Растеніе, раздражительность котораго возстановилась въ этотъ промежутокъ покоя, снова сомкнуло и опустило свои листья, которые вторично пришли въ нормальное состояніе при дальнѣйшемъ повтореніи толчковъ.

Но листья мимозы чувствительны не только къ механическимъ сотрясеніямъ, но также и къ быстрымъ переменамъ температуры. Если на листочекъ направить лучи солнечнаго свѣта посредствомъ зажигательнаго стекла, то черезъ нѣсколько секундъ движеніе уже начинается, а спустя 1—2 минуты, всѣ листья приходятъ въ движеніе. Послѣ этого листья снова возвращаются къ своему нормальному состоянію только спустя 4, 5 и даже 9 часовъ; такимъ образомъ теплота солнечныхъ лучей оказываетъ гораздо болѣе продолжительное дѣйствіе, нежели всѣ другіе раздражители. Подъ вліяніемъ низкой температуры движеніе листьевъ мимозы прекращается—листья приходятъ въ состояніе оцѣпенія. Такое состояніе наступаетъ уже при 15° С; если только эту температуру поддерживать довольно долгое время; съ повышеніемъ температуры движеніе снова возобновляется. Но и при высокихъ температурахъ листья также впадаютъ въ оцѣпеніе. Если листья мимозы находятся въ воздухѣ, нагрѣтомъ до 40° С., то движеніе ихъ прекращается черезъ часъ, при 45°—черезъ полчаса, при 50°—черезъ нѣсколько минутъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, если дѣйствіе высокой температуры было непродолжительно, движеніе снова возобновляется; но если температуру повысить до 52°, то наступаетъ продолжительное оцѣпеніе и наконецъ смерть. Влажная теплота увеличиваетъ чувствительность мимозы въ раздраженію, поэтому мимозы бываютъ очень чувствительны въ закрытыхъ парникахъ, или въ сырую погоду при температурахъ 16°—20°, тогда какъ въ сухомъ, хотя и нагрѣтомъ, воздухѣ ихъ раздражительность гораздо слабѣе. Если почву, на которой растетъ мимоза, нагрѣть до 20°—25°, то листья совершенно утрачиваютъ свою раздражительность. Что касается электричества, то послѣднее дѣйствуетъ точно также, какъ и механическія сотрясенія.

Замѣчательны также періодическія движенія, производимыя листьями *Nedusarum gyanis*. Это травянистое растеніе, изъ семейства бобовыхъ, растетъ въ Бенгаліи. Каждый листъ его тройной и состоитъ изъ умѣренной длины общаго черешка, оканчивающагося удлинненно-овальнымъ листочкомъ; у основанія послѣдняго, по бокамъ, располагаются другъ противъ друга два меньшихъ листочка. Всѣ три листочка подъ вліяніемъ раздраженія совершаютъ различныя движенія. Первые наблюденія надъ раздражительностью листьевъ *Nedusarum* были сдѣланы одною англичанкою, лэди Монсонъ, путешествовавшей по Индіи для изученія естественныхъ наукъ. Послѣ нея этимъ растеніемъ занимались многіе другіе ученые, между которыми первое мѣсто занимаетъ знаменитый нѣмецкій ботаникъ Гуселандтъ. Казалось, что листья *Nedusarum* производятъ неодинаковыя движенія и при томъ подъ вліяніемъ неодинаковыхъ раздражителей. Большой непарный листочекъ весьма чувствителенъ къ вліянію свѣта и то опускается, смотря по степени освѣщенія; такимъ образомъ онъ измѣняетъ свое положеніе почти въ каждый часъ дня. Подъ вліяніемъ свѣта онъ приподни-

мается и въ полдень становится въ одномъ направленіи съ черешкомъ, ночью-же, или напр. когда небо покрывается тучами, онъ опускается и, при наименьшей степени освѣщенія, принимаетъ такое положеніе, что его нижняя поверхность прилагается къ стеблю.

Иное движеніе совершаютъ два меньшихъ листочка. Ихъ движенія не только происходятъ независимо отъ движеній непарнаго листа, но бываютъ постоянными и днемъ, и ночью; такъ какъ температура остается возвышенной. Такимъ образомъ движеніе парныхъ листочковъ находится въ зависимости не отъ свѣта, а отъ температуры. Гуселандтъ называетъ это движеніе самопроизвольнымъ. Движеніе состоитъ въ томъ, что одинъ листочекъ медленно приподымается, приближаясь своею верхушкою къ стеблю; когда онъ достигнетъ maximum поднятія, то другой листочекъ, противоположный первому, опускается книзу, поворачиваясь своею верхушкою наружу а т. образомъ значительно удаляется отъ стебля. Вслѣдствіе этого, верхушки листочковъ описываетъ эллипсъ, плоскость котораго наклонена къ оси листа. Коль скоро второй листочекъ достигъ maximum своего пониженія, — первый въ свою очередь начинаетъ опускаться. Входящее движеніе происходитъ гораздо медленнѣе нисходящаго и притомъ не непрерывно, а скачками, которыхъ иногда можно бываетъ насчитать до 60 въ минуту. По наблюденіямъ лэди Монсонъ, въ Индіи эти листочки совершаютъ полный циклъ движенія въ двѣ минуты, въ оранжереяхъ, они движутся гораздо медленнѣе. Впрочемъ Майенъ утверждаетъ, что и въ нашихъ оранжереяхъ, если воздухъ сильно нагрѣтъ, листочекъ совершаетъ свое движеніе въ одну минуту и затѣмъ, спустя нѣсколько минутъ, начинаетъ обратное движеніе.

Причины, которыя вліяютъ на измѣненіе напряженія тканей и так. обр. обуславливаютъ періодическія движенія парныхъ листочковъ *Nedusarum gyanis*, совершенно неизвѣстны. Извѣстно только, что теплота и влажность оказываютъ сильное вліяніе на энергію движенія. Приписать какое либо вліяніе свѣту нельзя, потому что движеніе происходитъ и днемъ и ночью. Прежде думали, что движеніе находится въ зависимости отъ воздушнаго электричества; однако-же опыты показали, что электрическіе токи, подобно механическимъ сотрясеніямъ, не вызываютъ движенія. Правда, Кабшъ нашелъ, что боковые листочки *Pedusarum gyanis* приходятъ въ движеніе подъ вліяніемъ слабыхъ индуктивныхъ токовъ, но здѣсь явленіе можетъ быть объяснено тѣмъ, что какъ растительныя ткани представляютъ значительное сопротивленіе прохожденію электрическихъ токовъ, то вслѣдствіе этого развивается большое количество тепла, которыми и обуславливается движеніе.

Изъ другихъ растений, обратившихъ на себя вниманіе ученыхъ, замѣчательны своею раздражительностью нѣкоторыя виды Василіи въ (*Sentausea*), именно ихъ тычинки. Тычинки этого растенія характерны въ томъ отношеніи, что нити ихъ свободны, тогда какъ всѣ пять пыльниковъ сростаются между собою въ трубку, окружающую столбикъ. Движеніе тычинокъ состоитъ въ томъ, что они подъ вліяніемъ механическихъ раздраженій укорачиваются, а послѣ прекращенія раздраженія снова удлиняются. Если околоцвѣтникъ отдѣлить отъ тычинокъ, то послѣднія вытягиваются и ложатся вдоль столбика; чѣмъ теплѣе воздухъ, тѣмъ значительнѣе удлиненіе тычинокъ и тѣмъ болѣе они изгибаются выпуклою стороною наружу. Если къ тычинкамъ прикоснется теперь какимъ нибудь твердымъ тѣломъ, то всѣ нити тычинокъ тотчасъ же укорачиваются. Замѣчательно, что раздраженіе одной только тычинки вызываетъ сокращеніе только этой тычинки, причемъ послѣдняя изъ согнутаго положенія приходитъ въ прямое; но спустя короткое время, тычинка эта снова удлиняется и изгибается выпуклою стороною наружу. По наблюденіямъ Унгера, если сростшіеся въ трубку пыльники отрѣзать отъ нитей, то послѣднія сначала изгибаются вогнутой стороною наружу, а потомъ вогнутой стороною кнутри. Конь раздражалъ отрѣзанныя отъ пыльниковъ нити, при чемъ послѣднія совершали курьезныя движенія: они сначала наклонились наружу, то извивались, ввнутри, обвивались другъ около друга и т. д. Сокращеніе нитей подъ вліяніемъ механическихъ раздраженій бываетъ такъ велико, что, по изслѣдованіямъ Унгера, доходить до 26% длины не раздраженной нити; при этомъ нить становится толще и утолщеніе, какъ показалъ тотъ-же ученый, доходить до 18%. Сокращеніе нитей начинается тотчасъ-же; въ моментъ прикосновенія, даже если послѣднее было мгновенное; но за тѣмъ сокращеніе все болѣе и болѣе увеличивается и происходитъ такъ постепенно, что его не трудно прослѣдить глазами. Достигнувъ maximum своего сокращенія, нить снова начинаетъ удлиняться, сначала быстрѣе а потомъ все медленнѣе, пока не достигнетъ maximum удаленія. Электрическіе токи дѣйствуютъ точно также, какъ и механическія раздраженія. Если чрезъ нити тычинокъ пропустить слабый электрическій токъ, то, по наблюденіямъ Кона, они мгновенно укорачиваются; съ прекращеніемъ дѣйствія тока почти вновь удлиняются; новый токъ вызываетъ новое сокращеніе, которое бываетъ значительнѣе, чѣмъ сильнѣе токъ. Сильные электрическіе токи, какъ и вообще всякое чрезмѣрное механическое раздраженіе обуславливаетъ смерть нитей, послѣднія мгновенно сокращаются и уже болѣе не удлиняются.

СМЪСЪ.

Оригинальности въ английской арміи. Обычай задавать таску въ английской арміи распространялся тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе преслѣдовались и выходили изъ моды дуэли. Какъ извѣстно, нынче англичане совсѣмъ дуэлей не признаютъ, а ихъ законъ признаетъ дуэль убійствомъ. Таска-же и приставанье къ новичкамъ, въ настоящую минуту, такъ-же распространены, какъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Драка между Риксомъ и Венчемъ произошла по поводу того, что Риксъ, человѣкъ вообще суровый, нелюбимый товарищами, прибывъ въ Гитъ, куда офицеры изъ всѣхъ полковъ временно высылаются для обученія стрѣльбѣ, заявилъ, что не позволитъ задать себѣ таску безнаказанно, и, получивъ ее, пожаловался начальству. Виновики были легко наказаны, и одинъ изъ нихъ рѣшился отомстить Риксу, пристава къ нему на гулянь и публично поколотилъ.

Происшествіе это надѣяло много шуму, много сраму даже, но, какъ говорятъ военные, къ сожалѣнію, едва-ли ослабить непристойный обычай «таски» и приставанья.

Въ рѣшеніи главнокомандующаго английской арміею, герцога Кембриджскаго, по этому дѣлу, проскользнула другая черта английскихъ военныхъ нравовъ—отвращеніе къ мундиру. Одинъ

изъ офицеровъ, подвергнутыхъ наказанію, приговоренъ герцогомъ къ строгому, вполне имъ заслуженному въ теченіи года «to wear uniform for one year». По континентальнымъ, а въ особенности русскимъ нравамъ, такое наказаніе просто кажется чудовищнымъ. Англійскіе граждане, никогда не носившіе мундира, находятъ въ этомъ что-то странное, а мѣстные войны ничего страннаго не замѣчаютъ. Для послѣднихъ носить мундиръ вѣдъ службы истинное наказаніе. Какъ только кончился парадъ, смотръ или ученье, на которыхъ военные чины обязаны являться въ своихъ пурпурныхъ мундирахъ, всѣ офицеры быстро прячутся въ извозицки или собственныя кареты и спятъ въ клубъ или казарму, что ближе, чтобы облечься въ клѣтчатыя пиджаки или длиннополые черные сюртуки и общегражданскіе цилиндры. Они видимо стыдятся своего мундира, и на улицахъ только нижніе чины и изъ нихъ только тѣ, кто не имѣетъ средствъ на покупку лишней одежды, являются въ форменныхъ красныхъ курткахъ, сильно напоминая ихъ пурпурнымъ цвѣтомъ, мелькающимъ на темномъ фонѣ лондонскаго уличнаго движенія, кошениль въ парадкахъ.

НЕКРОЛОГЪ.

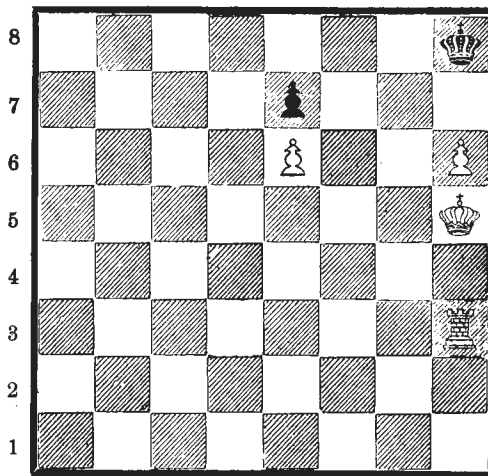
8 декабря въ Москвѣ, на 75 году отъ роду, скончался извѣстный русскій дѣятель, ученый и публицистъ М. П. Погодинъ. Покойникъ принадлежалъ по рожденію къ крестьянскому сословию, но благодаря счастливо сложившимся обстоятельствамъ и благотворительности, получилъ возможность образованія себя и поступить въ университетъ. По окончаніи курса М. П. вскорѣ получилъ кафедру всеобщей и русской исторіи въ Московскомъ университетѣ, съ которой и поучалъ юношество, до 1845 года. Уже съ 25 года отъ роду М. П. Погодинъ заявилъ себя многими серьезными сочиненіями, кромѣ того драмами, повѣстями и разсказами, которые и были въ послѣдствіи имъ изданы отдѣльною книгою; кромѣ того онъ участвовалъ въ нѣкоторыхъ ежедневныхъ и периодическихъ изданіяхъ того времени а въ послѣдствіи и самъ сталъ издавать въ Москвѣ журналы. Укажемъ на извѣстный въ свое время ежемѣсячный «Москвитининъ», отличавшійся, славянофильскимъ направленіемъ; главная цѣль этого журнала была сблизить русскихъ славянъ съ прочей славянской братіей. Преслѣдованіе этой цѣли покойнымъ не прошло безслѣдно. По его инициативѣ въ университетахъ введено было изученіе славянскихъ языковъ и древностей. Образованіе славянскихъ комитетовъ, цѣлесообразность которыхъ уже успѣла выясниться, принадлежатъ также инициативѣ М. П. Погодина. Въ теченіи своей жизни покойникъ много путешествовалъ по Россіи и заграницею, собирая на пути различныя памятники русской древности, которые въ послѣдствіи были приобрѣтены отъ него Императорской публичной бібліотекой за 150,000 рублей серебромъ. Самымъ выдающимся трудомъ покойнаго является 7 томовъ его критическихъ изслѣдованій по части древней русской исторіи; кому неизвѣстенъ диспутъ и полемика съ профессоромъ Костомаровымъ, по вопросу происхожденія варяговъ, занимавшіе въ то время все русское образованное общество? Ученость и труды М. П. Погодина обратили на него просвѣщенное вниманіе покойнаго Императора Николая Павловича, къ которому въ послѣдствіи М. П. нерѣдко удостоивался обращаться непосредственно. Посвятивъ себя изученію русской исторіи, М. П. Погодинъ велъ непрерывные переговоры и переписку съ извѣстными иностранными учеными. Какъ сторонникъ очень замѣтной извѣстности идеи М. П. конечно приобрѣлъ немало противниковъ. Заслуги его какъ русскаго историка и публициста ставятъ имя покойнаго М. П. Погодина наряду съ первыми русскими дѣятелями и учеными. Въ слѣдующемъ № «Нивы» будетъ помѣщенъ портретъ М. П. Погодина и подробная біографія.

Въ пятницу 12 декабря въ С.-Петербургскомъ, Казанской Божіей матери, Соборѣ, въ присутствіи членовъ С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго комитета, была отслужена панихида по покойномъ М. П. Погодинѣ, причемъ протоіерей отецъ Янышевъ ска-

залъ тенную рѣчь, сущность которой заключалась въ томъ, что М. П. незарылъ въ землю таланта даннаго ему отъ Бога, а весь его употребилъ на служеніе родной землѣ.

ЗАДАЧА

Н. ЕРМИЛОВА
Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

РѢШЕНІЕ.

Задачи въ «Нивѣ» № 51.

Бѣлые.

- 1) d5 — e7 +
- 2) e7 — a6 +
- 3) f5 — b3 +
- 4) 6 — c7 X

X

Черные.

- 1) a8 — b8
- 2) b8 — a8
- 3) h8 — b8°

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Дѣйствія правительства.

— По всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ, 26 октября сего года, послѣдовало Высочайшее соизволеніе на созваніе въ С.-Петербургѣ третьяго сѣзда представителей россійскихъ земельныхъ банковъ, для обсужденія вопросовъ по программамъ, утвержденной министромъ финансовъ.

Открытіе сѣзда, подъ предсѣдательствомъ

члена государственнаго совѣта, статсъ секретаря князя Оболенскаго, послѣдуетъ 10 сего декабря, въ 8 часовъ вечера, въ залѣ совѣта министра финансовъ.

— Генералъ-адъютантъ, генералъ лейтенантъ графъ Сумароковъ-Эдльстонъ назначенъ командующимъ Харьковскаго военнаго округа.

— Объявлено о срочной полной оплатѣ акцій с.-петербургскаго акціонернаго общества:

«славянскій пиво-медоваренный заводъ». Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, 30 октября сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ разрѣшить акціонерному обществу «Славянскій пиво-медоваренный заводъ», ограничиться въ семь году, согласно постановленію общаго собранія акціонеровъ, сборомъ капитала въ семьсотъ пятьдесятъ тысячъ рублей, по семидесяти пяти рублей на акцію, остальные же дѣльсти

пятьдесят тысяч рублей, по двадцати пяти рублей на акцию, внести в течение будущего года тысячу восемьсот семидесяти шестаго года, в сроки, какие определены будут правлением общества, по уполномочию общего собрания акционеров, съ соблюдением при этомъ изложеннаго въ § 10 Высочайше утвержденаго 23 октября 1874 г. устава общества правила относительно публикации о предстоящихъ отношениях.

Военное дѣло.

— «Рус. Миръ» передаетъ, слѣдующія новости по военному вѣдомству.

А) Главнымъ артиллерійскимъ управлениемъ предположены слѣдующія работы по ижевскому оружейному заводу: а) капитальное исправленіе каменнаго двух-этажнаго корпуса, въ которомъ помѣщаются: на верху мастерскія для производства ручныхъ работъ, а внизу казенные склады; б) ремонтъ строеній, занимаемыхъ учреждениями оружейнаго завода, съ приспособленіемъ оныхъ подъ помѣщеніе для артиллерійскихъ чиновъ, и в) постройка десяти домиковъ, по дорогамъ въ разныхъ мѣстахъ лѣсной дачи, для зимняго размѣщенія лѣсной свражи.

Б) На основаніи заключенныхъ условий съ ижевскимъ и сестрорѣцкимъ заводами, на поставку малокалиберныхъ винтовокъ, по цѣнѣ 27 рублей за винтовку, предполагается къ поставкѣ въ нынѣшнемъ году, сестрорѣцкимъ заводомъ, 35,000 винтовокъ, 40,000 винтовокъ въ 1877 и 1878 годахъ, и вновь 35,000 винтовокъ въ 1879 году, для окончанія полностью наряда; ижевскимъ заводомъ въ 1876, 1877 и 1878 годахъ будетъ поставлено по 30,000 винтовокъ, а въ 1879 году 35,186 винтовокъ.

В) Въ числѣ работъ, проектируемыхъ по Брестъ-Литовску, въ будущемъ году, включены: устройство на оконечностяхъ ровъ семи каменныхъ выпускныхъ и выпускныхъ шлюзовъ; укрѣпленіе фанинными работами и обдѣлка булыжнымъ камнемъ крутостей плотинъ и береговъ рѣкъ Буга и Мухавца; въ будущемъ же году предполагается окончить сооруженіе 24 казематовъ подъ валгангами 2-хъ куртинъ Кобринскаго укрѣпленія.

Б) *Петербуржскому*: перекрыть новымъ железомъ ветхія крыши надъ зданіемъ парусной и такелажной мастерскихъ въ новомъ адмиралтействѣ; б) устроить новыя обсерваторныя палы въ правомъ рукавѣ рѣки Фонтанки по Галерному острову и передѣлать

деревянную обдѣлку части берега Невы, отъ малыхъ эллинговъ до лѣваго рукава Фонтанки.

В) *Ревельскому*: устроить въ адмиралтействѣ желѣзную дорогу въ механическія мастерскія и кладовыя оныхъ.

Г) *Никольскому*: а) окончить исправленіе угольнаго склада съ перестройкой дома для приѣмной комиссіи и постройкою въ складѣ нолага навѣса для кокса; б) устроить желѣзныя дороги внутри и снаружи мастерской броненоснаго судостроенія и в) приспособить фундаменты для установки въ мастерской станковъ.

Д) *Севастопольскому*: а) возобновить бывший шлюбочный сарай подъ магазинъ; съ устройствомъ пристани и ограды для склада угля, и б) окончить работы по сооруженію верхней церкви храма св. Владимира, съ устройствомъ церкви въ подвальномъ этажѣ.

и Е) *По портамъ Восточнаго океана*: а) построить во Владивостоку вчернѣ зданіе, для управленія портами Восточнаго океана; б) капитально исправить казарму въ Николаевскѣ, и въ оградѣ палатами зинующія во льдахъ суда.

Петербургскія извѣстія.

— Во вторникъ, 9 декабря, Ихъ Императорскимъ Высочествомъ Великому Князю Владимиру Александровичу и Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ имѣли честь быть представленными турецкій посолъ Кабули-наша, первый секретарь посольства Наумъ-эффенди и состоящіе при турецкомъ посольствѣ Махмудъ-Недимъ-бей и Ралимъ-эффенди.

— Въ настоящее время въ Петербургѣ находится Ида Вальфридъ, прибывшая въ нашу столицу съ цѣлю открытія здѣсь женской ксилографической мастерской. Г-жа Вальфридъ обучалась гравированію на деревѣ у лучшихъ германскихъ гравировъ и достигла въ гравировномъ дѣлѣ высокаго искусства: гравюры ея работы, примѣчательны своею художественностію. Г-жа Вальфридъ имѣетъ въ виду открытіе при своей мастерской отдѣленіе для обученія ксилографическому искусству какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ.

Морское дѣло.

— Строящийся казенными средствами на Галерномъ островѣ желѣзныи клиперъ «Джигитъ» (длиною 207½ фут. шир. 32 фут. 11 дюйм.; водоизмѣшенія тоннъ 133,402; механизмъ въ 250 нарицательныхъ силъ) предполагается приготовить къ плаванію въ бу-

дущую навигацію. По технической смѣтѣ на постройку корпуса клипера исчислено 477,527 рублей, изъ числа коихъ предоставлено по настоящее время въ распоряженіе порта 271,370 рублей.

— Морскимъ министерствомъ предполагается къ производству въ 1886 году слѣдующія новыя постройки, перестройки и капитальныя исправленія зданій и сооружений по порту:

А) *Кронштадтскому*: проектировано къ ассигнованію: а) 127,000 р. на углубленіе канала къ новому доку; б) 100,000 р. на перестройку стѣнки, ограджающей гавани, и в) 75,000 руб. въ счетъ 2.297,000 рублей, исчисленныхъ въ составленномъ въ 1861 году соображенію на сооруженіе двухъ новыхъ дозовъ; г) построить невую казарму со службами для чиновъ гвардейскаго экипажа въ Петергофѣ; д) окончить работы по устройству новаго желѣзнаго разводнаго моста, деревяннаго «Синяго».

Службы и извѣстія.

— Въ главномъ управленіи общества печенія о раненыхъ и больныхъ воинахъ получены въ пользу переселившихся въ Черногорію герцеговинцевъ отъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Сергія и Павла Александровичей 1,000 руб. и собранныхъ Ихъ Высочествами для той же цѣли 378 руб.

— Изъ Лукова, Сѣдлецкой губерніи, пишутъ, что работы на строящейся вѣтви привислянкой желѣзной дороги, на протяженіи отъ Лукова (станція варшавско-тереспольской желѣзной дороги) до хрѣпости Ивангорода подвинулась уже настолько успѣшно впередъ, что только что оконченный телеграфъ на всей этой линіи уже началъ дѣйствовать пока по дѣламъ строителей.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Кружку читателей журнала «Нива» въ г. Калезинѣ. Ваше предложеніе, изложенное въ письмѣ отъ 5 сего декабря будемъ имѣть въ виду.

СОДЕРЖАНІЕ: Серебряный троякъ Царей Петра I и Ивана У (съ рисункомъ) П. Петрова.— Кто выигралъ?.. (Изъ современной уголовной хроники). Романъ Ф. Фридриха (окончаніе). — Лука Петковичъ (съ портретомъ). — Переходъ артиллеріи и обозовъ чрезъ хребетъ «Аристанъ-бель-тау» (съ рисункомъ) Н. Каразина. — Бува (съ рисункомъ). — Живая игрушка (съ рисункомъ). — Движеніе растеній. — Смысл. — Некрологъ. — Шахматы. — Разныя извѣстія. — Почтовый ящикъ. — Заявленіе. — Отдѣльный листъ объявленій.

Редакторъ Ф. Бергъ (Боевъ).

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Этимъ номеромъ заканчивается 1875 или шестой годъ существованія нашего журнала. Дорогія преміи, выданныя въ нынѣшнемъ году, увеличеніе размѣра (до натуральной величины) выкроекъ въ приложеніи «Моды» и расширеніе этого отдѣла — все это всякаго, кто только пожелаетъ вникнуть въ дѣло, должно убѣдить въ томъ, что въ Россіи, при извѣстной нормѣ читающей публики, за эту скромную цѣну ни одинъ журналъ больше дать не можетъ. Мы надѣемся видѣть въ числѣ абонентовъ на 1876 годъ—нашихъ прошлогоднихъ подписчиковъ.

Къ 1-му № 1876 г. будетъ приложенъ большой стѣнной календарь, напечатанный черной и синею красками; кромѣ того «Моды» за Январь съ 21 рисункомъ и большой листъ выкроекъ въ натуральную величину. Съ 1-го № 1876 г. начнется печатаніемъ послѣднее произведеніе г. Всеволода Крестовскаго (автора «Петербур. Трущобъ») разсказъ «Кто лучше».

О повѣстяхъ, романахъ, разсказахъ и проч. которые мы будемъ печатать въ теченіе наступающаго 1876 г. было уже нами сказано въ объявленіи напередъ обь изданіи «Нивы» приложенномъ нами при № 46. Кромѣ того намъ обѣщана большая историческая повѣсть однимъ изъ нашихъ извѣстныхъ литераторовъ. Сюжетъ повѣсти взятъ изъ русской исторіи XVII вѣка. Число сотрудниковъ «Нивы» какъ по художественному такъ и по литературному отдѣлу постоянно увеличивается такъ что въ будущемъ 1876 г. мы надѣемся улучшить эти отдѣлы.

Преміи на 1876 годъ уже готовятся и конечно еще болѣе удовлетворять чѣмъ выданныя въ настоящемъ году, за которыя наши подписчики уже удостоили насъ столькими благодарностями.

При этомъ номерѣ прилагается листъ объявленій на стр. 837 и 838.